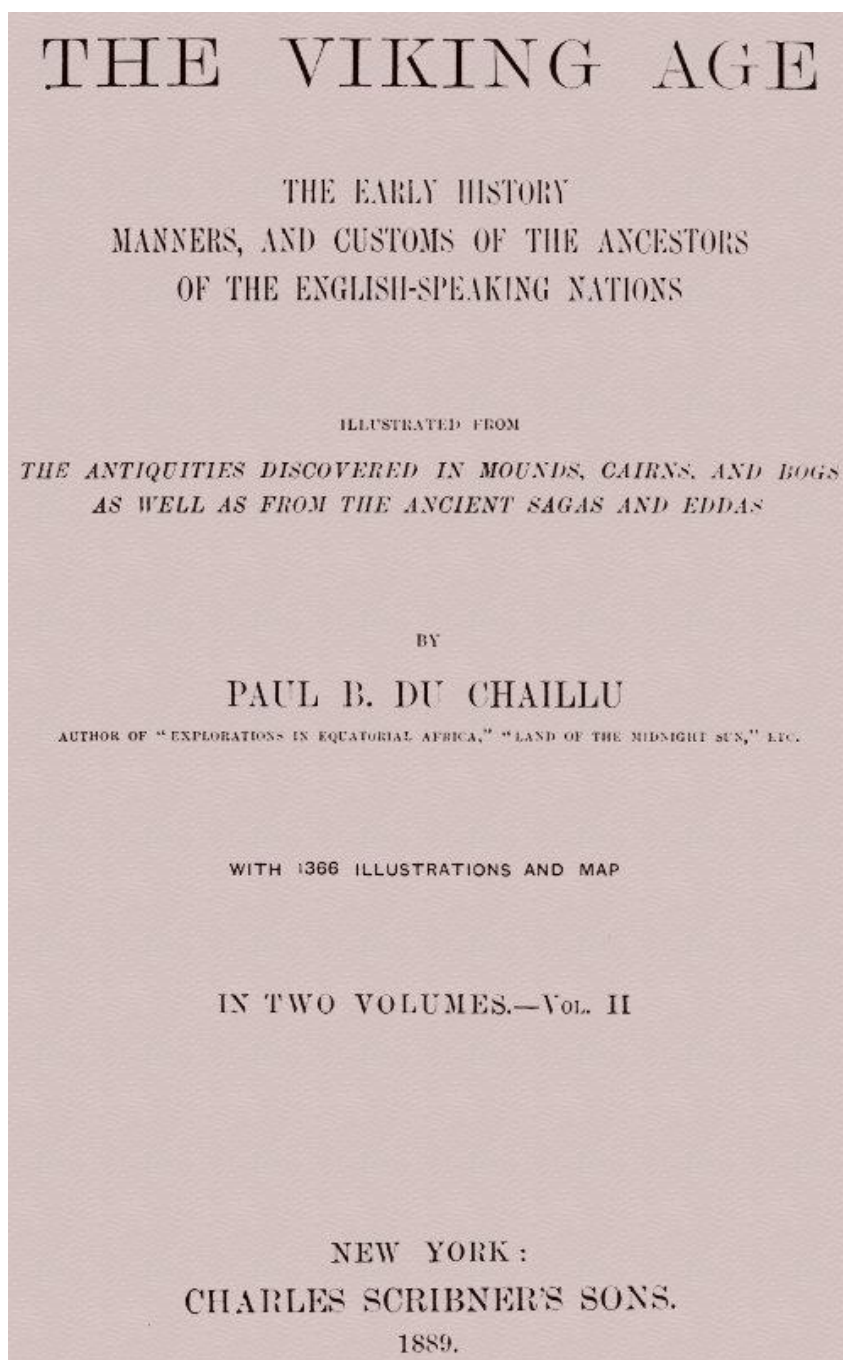

Эпоха викингов. Том 2 (из 2). Ранняя история, манеры и обычаи предков англоязычных народов

Пол Б. Дю Шайю

Электронная книга проекта "Гутенберг" о эпохе викингов. Том 2 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, отдать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Эпоха викингов. Том 2 (из 2)

Автор: Пол Б. Дю Шайю

Дата выхода: 13 декабря 2017 г. [Электронная книга № 56168]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

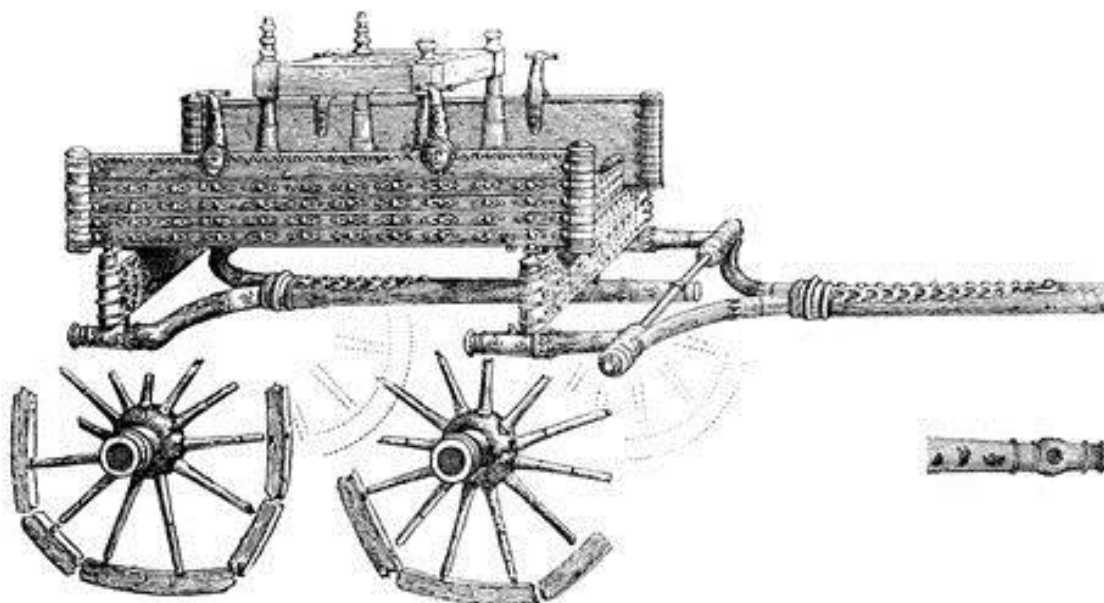
Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Ричардом Тонсингом, Крисом Керноу и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ЭПОХА ВИКИНГОВ". ТОМ 2 (ИЗ 2)

Примечание переписчика:

Изображение на обложке создано автором и находится в общественном достоянии.

ФУРГОН ЭПОХИ ВИКИНГОВ.

Одна из двух повозок, найденных в болоте Дейбьерг, Рингкьобинг, Западная Ютландия, вся украшенная бронзой; по бокам изображены две человеческие головы с густыми усами, трискеле и другие мистические знаки. Длина сторон - 5 футов 4 дюйма; прямой шест - около 6 футов, включая изогнутую деталь; диаметр колес - 3 фута.

ЭПОХА ВИКИНГОВ

РАННЯЯ ИСТОРИЯ, НРАВЫ И ОБЫЧАИ ПРЕДКОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ

*ДРЕВНОСТЯМИ, ОБНАРУЖЕННЫМИ В КУРГАНАХ,
ПИРАМИДАХ ИЗ КАМНЕЙ И НА БОЛОТАХ, А ТАКЖЕ
ДРЕВНИМИ САГАМИ И ЭДДАМИ*

АВТОР : ПОЛ Б. ДЮ ШАЙЮ

АВТОР КНИГ “ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭКВАТОРИАЛЬНОЙ АФРИКЕ”, “СТРАНА ПОЛУНОЧНОГО
СОЛНЦА” И ДР.

С 1366 ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ И КАРТОЙ

В ДВУХ ТОМАХ.—Том II

НЬЮ-ЙОРК:

СЫНОВЬЯ ЧАРЛЬЗА СКРИБНЕРА.

1889.

Авторское право, 1889, автор

ПОЛ Б. ДЮ ШАЙЮ.

Издательство J. J. Little & Co.,

Астор-Плейс, Нью-Йорк.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА II.

ГЛАВА I.

СТРАНИЦА

Брака	1
ГЛАВА II.	
Развод	25
ГЛАВА III.	
Рождение и воспитание детей	30
Глава IV.	
Арвел, или Праздник наследования	47
ГЛАВА V.	
Приемное братство	61
ГЛАВА VI.	
Оружие	65
ГЛАВА VII.	
Военные обычаи	102
ГЛАВА VIII.	
Следы на скалах	116
ГЛАВА IX.	

Военные корабли 136

ГЛАВА X.

Флоты северян 176

ГЛАВА XI.

Способ ведения морской войны норманнов 181

ГЛАВА XII.

Морские сражения 188

ГЛАВА XIII.

Торговцы и торговые суда 209

ГЛАВА XIV.

Долги и грабеж 235

ГЛАВА XV.

Залы и здания 241

ГЛАВА XVI.

Праздники, увеселения 274

ГЛАВА XVII.

Мужская одежда 285

ГЛАВА XVIII.

Женская одежда 301

ГЛАВА XIX.

Брактеаты 332

ГЛАВА XX.

Занятия и спорт мужчин 344

ГЛАВА XXI.

Занятия женщин 362

ГЛАВА XXII.

Упражнения—Идроттир 369

ГЛАВА XXIII.

Идроттир.—Поэзия или Искусство обжига,
музыка и умственные упражнения 389

ГЛАВА XXIV.

Образ жизни.—Гавамаль 401

ГЛАВА XXV.

Скорбь и оплакивание 414

ГЛАВА XXVI.

Чемпионы и берсерки 423

ГЛАВА XXVII.

Некоторые экспедиции и подвиги великих викингов 433

ГЛАВА XXVIII.

Некоторые экспедиции и подвиги великих викингов 450
(Продолжение)

ГЛАВА XXIX.

Некоторые экспедиции и подвиги великих викингов 462
(Продолжение)

ГЛАВА XXX.

Некоторые экспедиции и подвиги великих викингов 479
(Продолжение)

ГЛАВА XXXI.

Некоторые экспедиции и подвиги великих 486

викингов
(Продолжение)

ГЛАВА XXXII.

Некоторые экспедиции и подвиги великих викингов (Продолжение)	499
--	-----

ГЛАВА XXXIII.

Открытие и заселение Исландии, Гренландии и Америки	514
---	-----

Глава XXXIV.

Оркнейские и Гебридские острова	531
---------------------------------	-----

Приложение I.—Франкские хроники	536
---------------------------------	-----

Приложение II.Факсимиле саг	544
-----------------------------	-----

	Приложение III.—Монеты, найденные в Скандинавии
--	---

551

Индекс	557.....
--------	----------

ЭПОХА ВИКИНГОВ.

ГЛАВА I. БРАК.

Высокое положение женщин—Собственность замужних женщин—Брак, гражданский договор—Жених—Качества, которые требуются от жениха—Приданое невесты—Внебрачные браки—Брачный расчет—Те, кто отдает невесту—Помолвка—Расторжение помолвки—Продолжительность помолвки—Свадьба—Приданое—Незаконность браков без помолвки—Опекуны незамужних сестер—Брак против воли родителей—Совершеннолетний возраст—Вдовы—Брак при недостаточных средствах—Законы, касающиеся брака—Свадебный пир—Оценка собственности—Законы о поцелуях—Права женщин.

При чтении Саг и древних законов, которые их подтверждают, особенно поражает, какое высокое положение занимали женщины в ранние и более поздние языческие времена.

Если мы хотим судить о цивилизации народа в его повседневной жизни по положению, которое женщины занимали по отношению к мужчинам, мы должны заключить, что в этом отношении ранние скандинавские племена могли выгодно отличаться от древнейших цивилизованных народов, история которых дошла до нас.

Девушку очень уважали, и, став женой, она пользовалась большим почетом, а ее советы имели большой вес; выйдя замуж, она стала компаньонкой, а не подчиненной своего мужа. Она владела собственностью по своему собственному праву, все, что она получила по наследству и в браке, было ее собственностью; хотя на нее, как и на ее мужа, были наложены ограничения в отношении использования ее собственности.

Одним словом, после исчезновения символа веры Asa произошло ретроградное движение в отношении прав и положения женщин. Высокое положение, которое они занимали раньше, было утрачено, и только в последнее время они попытались, и в некоторых странах успешно, вернуть себе власть, которая когда-то принадлежала им в отношении собственности и других вопросах.

С самых ранних времен мы видим рыцарское отношение мужчин к женщинам и наказание, влекущее за собой любое нарушение их законов. Молодые люди отправлялись в военные походы, чтобы снискать великую славу, чтобы их храбрые поступки были известны или превозносились, и чтобы они могли стать достойными девушки, за которой хотели ухаживать. Впоследствии тот же дух распространился с Севера на другие страны Европы, где, однако, ценилось мнение только женщин более высокого ранга. Среди ранних племен Севера уважались все.

Брак не был религиозным договором или церемонией. Он просто рассматривался как гражданский договор из-за отношений, которые муж и жена поддерживали друг к другу в отношении собственности. Это было средство объединения семей, которое называлось *тенджа саман*,^[1] и поэтому связь называлась *тенгдир*. Следовательно, брак сам по себе был сделкой и по этой причине назывался *brud-kaup* (покупка невесты).

Когда мужчина выбирал для себя или по совету своих родителей женщину или девушку, на которой он хотел жениться, он в сопровождении своего отца, или ближайших родственников, или лучших друзей, и свиты, в соответствии со своим рангом, отправлялся за согласием отца или тех, кто был опекунами женщины. Исключением было то, что сам жених не отправлялся в это путешествие, которое называлось *bonordsför* (путешествие по сватовству).^[2]

“ Однажды Ньяль сказал своему сыну Хельги: ‘Я придумал тебе пару, родич, если ты последуешь моему совету’. ‘Конечно, я сделаю это, - сказал он, - потому что я знаю, что ты имеешь в виду именно это и хорошо знаешь, как действовать; но что это?’ ”Мы попросим руки дочери Асгрима Эллидаgrimссона, потому что она - лучшая партия’. Вскоре после этого они переправились через Тьорсу (реку) и прибыли в Тунгу. Асgrim был дома и хорошо принял их, и они остались там на ночь. На следующий день они продолжили обсуждение этого вопроса. Ньяль затронул эту тему и попросил руки Торхаллы для своего сына Хельги. Асgrim хорошо воспринял это и сказал, что ни с кем так не хотел торговаться, как с ними. Затем они поговорили об этом, и, наконец, Асgrim обручил свою дочь с Хельги, и свадебный пир был согласован” (Нджала, с. 26, 27).

У истца, даже если он присутствовал, был представитель, который говорил от его имени и перечислял его хорошие качества, доблестные поступки и т.д., А также другие качества, которые могли бы хорошо говорить в пользу иска. Если иск был одобрен, завязывался разговор об условиях заключения брака.

Вождь Рут отправился со своим братом Хескульдом в *Альтинг*, и тот сказал ему, что хотел бы, чтобы он женился на Унн, дочери Мерда Гигьи. Они пошли к его палатке на площади Альтинга, и через некоторое время Хескульд сказал: —

“Я хотел бы заключить с тобой сделку; Рут хочет купить твою дочь и стать твоим зятем, и я не пожалею своего имущества’. Мерд ответил: ‘Я знаю, что ты великий вождь, но твой брат мне неизвестен’. Хескульд сказал: ‘Он более великий вождь, чем я”. Мерд добавил: ‘Ты должен хорошо снабдить его, потому что она владелица всего моего наследства’. ‘Тебе не нужно долго ждать того, что я решу, - ответил Хескульд. - он получит Камбснес, Рутстадир и земли до Трандаргила; у него также есть торговый корабль, на котором он путешествует за границу’. Затем Рут сказал Морду: ‘Ты можешь подумать, бонди, что мой брат так высоко отзывался обо мне, потому что любит меня, но если ты примешь это во внимание, я хочу, чтобы ты изложил свои условия’. Мерд ответил: ‘Я обдумал условия. Она получит 60 сотен, и эта сумма будет увеличена на треть от твоей фермы, но если у тебя будет наследник, каждый из вас получит половину’. Рут сказал: ”Эти условия я принимаю; а теперь давайте приведем свидетелей”” (Нджала, с. 2).^[3]

Качества, на которые родители или опекуны обращали наибольшее внимание, были хорошим происхождением, влиятельными и выдающимися родственниками. Семьи с обеих сторон должны были соответствовать друг другу по рангу, богатству и личной храбрости, причем последнее высоко ценилось тем, чьей руки добивались.

“Короли (братья Ингибьерг) отправились на пир во Фрамнес”^[4] с Фритьофом, и, как обычно, он относился ко всем им лучше, чем они привыкли, чтобы с ними обращались. Ингибьерг была там и часто разговаривала с Фритьофом; она сказала ему: ‘У тебя хорошее золотое кольцо’. ‘Это правда”, - сказал Фритьоф. Затем короли разошлись по домам, и их зависть к Фритьофу возросла. Вскоре после этого Фритьоф очень опечалился; Бьерн, его молочный брат, спросил, почему он так поступает; он сказал, что собирался сделать Ингибьерг предложение; “Хотя у меня более низкое положение, чем у ее братьев, я такой же хороший человек, как и они’. Бьерн сказал: ‘Давайте сделаем это’. Короли сели на курган своего отца, и Фритьоф поприветствовал их; после этого он женился на их сестре Ингибьерг, дочери Бели. Короли сказали: ‘Очень неразумно просить нас выдать ее замуж за человека без звания, а мы отказываемся’. Фритьоф сказал: ‘Тогда мое поручение окончено. Отныне я никогда не окажу тебе никакой помощи, хотя она тебе может понадобиться” (Сага о Фритьофе, с. 2).

И Бьерн был королем Фирдафилки. Его ярлом был Хроальд, а Торир был его сыном. Атли Худой был тогда ярлом в Голаре. Его детьми были Халльштейн, Хольмштейн, Херштейн и Сольвейг прекрасная. Однажды осенью многие люди были в Голаре на осеннем жертвоприношении. Тогда Эльвир Хнуфа увидел Сольвейг, и она ему очень понравилась. Он сделал ей предложение, но ярл счел, что существует неравенство в ранге, и не дал согласия на брак. После этого Эльвир сочинил много песен о любви. Он так сильно любил Сольвейг, что отказался от походов викингов" ("Сага об Эгиле", с. 2).

"Гримкель, годи, сказал: "Мне доподлинно известно, Вальбранд, что у тебя есть дочь по имени Сигню, которая очень образованна; я хочу попросить ее руки, если ты выдашь ее за меня". Вальбранд ответил: "Нам известно, что ты из хорошей семьи, богат и великий воин; я дам благоприятный ответ на это"" ("Сага о Херде", с. 3).

"Я (Харальд Прекрасноволосый) думал о парне для тебя; это было у меня в голове, когда ты рисковал своей жизнью ради моей. Вигдис, дочь Торира ярла Безмолвного, очень красивая женщина, и у нее много имущества; я выдам ее за тебя замуж. Ингимунд поблагодарил его и согласился" ("Сага о Ватнсдале", с. 12).

Для того, чтобы брак считался совершенно законным, женщина должна была быть "*mundi keupt*"; то есть куплена с помощью *mund*^[5] приобретена по юридическому соглашению между мужчиной с одной стороны и родителями или опекунами предполагаемой невесты с другой, в отношении приданого или имущества, согласованного обеими сторонами как принадлежащего невесте.

Сыновья Хильдирид отправились к Торольфу и предъявили свои претензии на имущество своего отца Бьоргольфа. Торольф ответил: 'Я знаю о Брюньольфе, а еще лучше о Барде, что они были людьми такой щедрости, что отдали бы тебе из наследства Бьоргольфа столько, на сколько, по их мнению, ты имел право. Я присутствовал, когда вы выдвинули то же самое требование против Барда, и я слышал, что он считал, что для этого нет доказательств, поскольку назвал вас сыновьями наложницы. 'Харек сказал, что они найдут свидетелей того, что их мать была куплена за мунд. 'Но это правда, что мы не сначала предъявили это требование нашему брату Бриньольфу. Кроме того, должно было произойти разделение между родственниками, и от Барда мы ожидали почетного обращения во всех отношениях, но наши отношения с ним были недолгими. Теперь это наследство перешло в руки людей, не связанных родственными узами, и мы не можем совсем молчать о нашей потере. Может статься, что все еще, как и прежде, существует такая разница в силе, что мы не сможем добиться от тебя наших прав, если ты не послушаешь ни одного из свидетелей, которых мы можем привести, что мы люди одального происхождения. 'Торольф резко ответил: "Я считаю тебя менее законной, поскольку мне сказали, что твою мать увезли силой и привезли домой в качестве пленницы"" (Сага об Эгиле, с. 9).

Mund первоначально так назывались все условия, касающиеся собственности обоих, особенно жены. Это соглашение было самым важным на фестивале^[6] (обручение, скрепление). Дети, рожденные без его уплаты, не передавались по наследству- одним словом, считались незаконнорожденными.

Если жена была бедна и совсем не имела имущества, муж должен был пожертвовать *мунд* из двенадцати *авраров*, чтобы брак считался полностью законным.

Далее мы должны знать, как мы будем покупать женщин за *деньги*, чтобы ребенок был рожден по наследству. Мужчина должен отдать этой женщине *мунд* для бедных, в размере 12 *авраров*, и иметь свидетелей (на церемонии). У него будут подружки невесты, а у нее -

подружки невесты, и он преподнесет ей подарок утром, когда они проведут вместе одну ночь, такой же большой, как тот, что был на помолвке. Тогда ребенок, родившийся после этого, *передается по наследству*” (Гулат., 5).

“Не все люди рождены по наследству, хотя они и свободнорожденные. Мужчина, мать которого не куплена за *мундир*, клеймо или еще большую собственность, или не женат, или не помолвлен, не рожден по наследству. Женщину покупают за *мунд*, когда знак, состоящий из *аураров*, стоимостью 12 футов *вадмаля*,^[7] или более объектов недвижимости, оплачивается или оговаривается *рукопожатием*. Свадьба считается законной, если законный мужчина обручает женщину, и при этом присутствуют по крайней мере шесть мужчин” (Грагас, i. 75).^[8]

Если мужчина женился на девушке без согласия ее родителей или опекунов или женился на беглянке, муж объявлялся вне закона.

“Бьерн, сын херсира из Эурланда в Согне, был великим мореплавателем; иногда он участвовал в экспедициях викингов, иногда в торговых путешествиях. Однажды летом он был в Фирдафилки на пиру, где собралось много людей. Там он увидел красивую девушку, которая ему очень понравилась. Он спросил, из какой она семьи. Ему сказали, что она была сестрой Торира херсира, сына Хроальда, и ее звали Тора Хладхонд (кружевница). Бьерн сделал ей предложение, но Торири отказал ему, и они расстались; но той же осенью Бьерн собрал людей и отправился с полностью укомплектованной *скутой*^[9] на север, в Фирдафилки, и прибыл к Ториру, когда того не было дома. Он забрал Тору и привез ее с собой домой, в Эурландию.

“Осенью в Исландию прибыли корабли из Норвегии с сообщением, что Бьерн сбежал с Торой без согласия ее родственников, и что король по этой причине изгнал его из Норвегии” (Сага об Эгиле, с. 32, 34).

Первым улаженным делом была *хейманфылгья* (следование за домом, или приданое), которое следует за невестой в том виде, в каком ее подарили родители или те, кто имел право выдать ее замуж; а затем то, что мужчина должен был противопоставить приданому своей суженой, которое называлось *тильгьеф*, или встречный подарок. Это последнее находилось в определенной пропорции к первому и обычно составляло треть всего дохода, поступавшего жене. В то же время иногда решалось, какое *белье*^[10] (плата за постельное белье) муж должен подарить своей жене утром после свадьбы.

“Король (датский свейн) и ярл согласились, что Тири (сестра Свейна) должна получить владения в Виндланде, которыми владела Гуннхильд (покойная жена Свейна, дочь Бурислейва), а также другие крупные владения в качестве приданого (*тильгьеф*). Тири горько заплакала и ушла, очень сильно против своей воли. Когда они пришли в Виндланд, Бурислейв устроил свой свадебный пир и женился на Тири, но она семь дней не принимала ни пищи, ни питья от язычников” (Сага об Олафе Трюгвасоне, с. 99).

В приданое входило движимое имущество и земли.

“Мать должна забрать столько имущества, если ее дочь умрет бездетной, сколько она дала ей из дома, а также *мундир* без процентов. Она и ее дети получают это в качестве предпочтения отцу. Каждый мужчина, который отдал что-либо за *хейманфилджу*, получит это обратно, если жена умрет бездетной, а также получит мунд, если он объявил об этом при обручении или свадьбе” (Грагас, i. 174).

Отдающие невесту назывались *гиптинггарцами* и были либо родителями, родственниками, либо опекунами.

После того, как были проведены предварительные приготовления к браку и соглашение было объявлено свидетелям, последовал *праздник*, или помолвка, когда сторонами стали *фестармадр*, или обрученный мужчина, и *фестаркона*, или обрученная женщина. Это была юридическая связь, которую нельзя было безнаказанно разорвать. Жених подходил к отцу или опекуну женщины, и последний обручал ее с ним “*рукопожатием*” (рукопожатие); в то же время обе стороны также называли своих свидетелей своей помолвки. Грагас приводит формулу, используемую на этой церемонии, которая выглядит следующим образом:—

“Женщина обручается в соответствии с законом, если мужчина зачитывает соглашение о *мунде*; тогда опекун и мужчина, с которым обручена женщина, должны назвать свидетелей этого. Мужчина, который обручен, должен сказать: “Мы называем свидетелей того, что ты, Н.Н., обручаешься со мной, Н. Н., законной помолвкой и вручаешь мне *хейманфылгья* с *рукопожатием*, как выполнение всего соглашения, которое было некоторое время назад оглашено между нами без обмана и уловок’. Это полное и законное совпадение. Это законно, когда женихом является тот, кто имеет право на обручение в соответствии с законом; и это является полным, если невеста находится в таком состоянии здоровья, что ее можно было бы купить за не меньшую цену, если бы она была рабыней, или у нее нет других недостатков, которые удешевляли бы ее стоимость или которые были у нее, когда ей было шестнадцать зим. Но если эти недостатки обнаружены у женщины, мужчина, который, зная об этом, обручил женщину, подлежит за это меньшему наказанию вне закона, и свадьба может быть предотвращена, если этого пожелает обрученный мужчина, при условии, что он до этого произнес слова ‘полный и законный брак’, но не иначе. Теперь, если обрученный мужчина захочет потребовать *мунд*, он должен вызвать стража, потому что он обручил женщину, зная в ней такие недостатки, что она стоила бы меньше, если бы была рабыней. Он призовет его к меньшему преступлению вне закона и призовет девять его соседей к *Делу*. Если свидетели будут против него, он будет объявлен вне закона, и на *мунд* нельзя будет претендовать. Если свидетели скажут, что опекун не знал недостатков женщины, он может защитить себя, но он не может потребовать *мунд*, если не сможет привлечь пятерых жителей фермы женщины в качестве свидетелей того, что у нее нет этих недостатков; тогда *мунд* должен быть возвращен” (Грагас, i. 316).^[11]

Если обрученная женщина была ранена или с ней каким-либо образом поступили несправедливо, мужчина имел такое же право на возмещение ущерба, как если бы она была его женой.

“У каждого мужчины есть полный *закон* от имени своей невесты, а также от имени своей жены, пока это уместно; но если она сидит дома, в доме отца или брата, они имеют полный закон от ее имени, который в противном случае имел бы ее нареченный” (Frostath., xi. 12).

“Если мужчина сбегает с обрученной женщиной, он должен полностью выплатить *штраф* обрученному мужчине, а также ее отцу” (закон Бьярки, 125).

Добродетель обрученной женщины очень тщательно охранялась.

“Если отец умрет до свадьбы в течение двенадцати месяцев и родится ребенок, то этот ребенок получит наследство своего отца, как если бы его мать была куплена за *мунд*. Но никаким другим способом мужчина не может быть передан по наследству, если только его мать не была куплена за *мунд* или он не был законно принят в семью (усыновлен). Хотя мужчина обручает свою наложницу, чтобы в соответствии с этим законом его дети получили

право наследования, или откладывает свадьбу из-за этого, это не имеет значения, поскольку не должно быть совершено *мошенничества с наследством*, и свадьба не должна быть опозорена этим” (Frostath., 13).

Разрыв помолвки любой из сторон строго карался, и законы на этот счет были строгими.

“Если мужчина не возьмет свою невесту, его позовут домой, чтобы забрать ее, и назначат день. После этого он будет вызван на *Дело*, потому что он убегает от своей нареченной. Тогда тингмены объявят его вне закона, и он будет называться беглецом (*фудфлоги*)” (Гулат., 51).

“Если мужчина хочет найти лучшую партию, отец должен сам обручить свою дочь, если она девушка, и брат должен сделать это, если отец мертв. Если отец не отдаст свою дочь мужчине, с которым она была обручена, его должны вызвать домой и назначить день, в который он должен обручиться. Если жених не отдаст ему ее, он должен потребовать приданое своей невесты и вызвать его на *Вещь* для ограбления; тогда вещуны должны объявить его вне закона. Девушка не имеет никакой власти в этом вопросе, если она сама не откажется от брака. Мужчина, на попечении которого находится обрученная женщина, может не подпускать ее к обрученному мужчине в течение двенадцати месяцев. Вдова может обручиться сама, но должна прислушаться к совету своих родственников; тогда она не сможет нарушить клятву верности. Если она не последовала совету своих родственников, она может нарушить его и заплатить три марки за нарушение веры тому, кто был с ней помолвлен. Если мужчина обручает с мужчиной женщину, над которой у него нет власти обручения, он должен заплатить три марки тому, кто был с ней обручен. Два или более брата должны иметь власть над своей сестрой; если один из них обручает ее с мужчиной, а остальные возражают, то они должны бросить жребий, кто из них будет править; если тот, кто обручил ее, вытянет жребий, помолвка должна быть сохранена, в противном случае нет, и тогда жених должен заплатить три марки за нарушение веры” (Более ранний Закон Гулатинга, с. 51).

Срок помолвки, если не было заключено специального соглашения, ограничивался двенадцатью месяцами, то есть самым длительным сроком, на который опекун женщины мог отложить вступление в брак против воли ее будущего мужа. Три года, по-видимому, были максимально допустимой задержкой; в течение этого времени женщина, как говорили, *сидела как обрученная*, если жених отсутствовал и не возвращался в течение этого времени, соглашение считалось недействительным, и женщина была вольна выйти замуж за другого мужчину.

Теперь Бьерн поехал в Борг, чтобы повидаться со своим родственником Скули. Когда они встретились, Бьерн сказал ему, что прежде всего хотел бы заполучить дочь Оддни Торкеля до своего отъезда. Скули спросила, говорил ли он ей что-нибудь об этом. Бьерн ответил, что он, конечно, так и сделал. Тогда пойдем, сказал Скули; и они пошли. Они пришли в Хьерси и увидели Торкеля и его дочь Оддни. Затем Бьерн рассказал ему о своих чувствах и сделал Оддни предложение руки и сердца. Торкель воспринял это хорошо и полностью отнес решение своей дочери. Поскольку Бьерн был известен ей раньше, и они очень нежно любили друг друга, она согласилась. Тогда сразу же была совершена помолвка, и она должна была оставаться обрученной три зимы. И даже если Бьерну, остававшемуся в той же стране (Исландии), не позволили жениться на ней, она все равно должна была ждать его в течение четвертой зимы. Если он не вернется из Норвегии через три зимы, Торкель должен был выдать ее замуж, если захочет. Кроме того, Бьерн должен был послать людей в Исландию, чтобы возобновить помолвку, если он не сможет приехать сам. Скули передал в

качестве части контракта Бьерну столько собственности, что это было столько же, сколько вся собственность, которую Торкель добавил к *мунду*”^[12] (Сага о Бьерне Хитдалакаппи).

Обрученный, который без уважительной причины не выполнил свою помолвку, и даритель, который удерживал обрученную женщину, были объявлены вне закона. Если она по своей свободной воле брала другого мужчину, кроме своего суженого, и она, и тот, кто отдавал, объявлялись вне закона.

“Если мужчина обручает женщину, он должен жениться на ней в течение двенадцати месяцев, если не препятствует никакая необходимость” (Frostath., iii. 12).

“Отдавший женщину может разлучить ее с женихом на двенадцать месяцев” (Закон Гулатинга, 51).

“Если она (обрученная женщина) захочет расторгнуть помолвку в течение двенадцати месяцев и скажет, что была обручена против своей воли, он может использовать своих свидетелей против ее слов и заполучить ее. Если у него нет свидетелей, то она, а также ее отец и мать или их ближайшие родственники, если их нет, должны клятвенно заверить, что это против ее воли, и заплатить жениху столько, сколько было обещано. Если это происходит после свадьбы, она теряет своего третьего ребенка” (Frostath., iii. 22).

“Если мужчина, с которым помолвлена женщина, заболевает, он должен за полмесяца до (свадьбы) сообщить мужчине, который обручил женщину, что он не придет на свадьбу по состоянию здоровья, и женщину не нужно приводить к нему домой, хотя это было согласовано, и необходимо сообщить причины. Тогда свадьба не должна состояться раньше того же времени в следующем году, если только мужчина не захочет этого раньше, и тогда известие должно быть отправлено за полмесяца или больше до этого, и он должен организовать свадьбу исключительно за свой счет. Если он не поправится в течение следующего года, помолвка расторгается, если только оба не пожелают иного” (Gragas, i. 310).

Свадьба обычно происходила в доме невесты; очень редко - у жениха: в первую брачную ночь *мунд* становился личной собственностью жены.

После свадьбы жених и невеста были *хьоном*, что означает "муж и жена"; а затем жена становилась *эйгунконой* (собственной женщиной, женой, супруг) и *хусфрейей* (домохозяйкой) и пользовалась правами, подобающими этому положению.

Иллуги жил в Хольме в Акранесе. Он был высок, силен и богат; он отправился свататься в Эльфусватн и попросил Турид, дочь Гримкеля от его первой жены. Гримкель ответил благосклонно, так как знал Иллуги; обручение совершалось там; Херд (сын Гримкеля от Сигни) при этом не присутствовал. В *твиманаде* (сентябре) свадебный пир должен был состояться в Эльфусватне, и когда наступил назначенный день, Иллуги приготовился отправиться в путь с тридцатью мужчинами” (“Сага о Херде”, глава ii).

Ни при помолвке, ни на свадьбе кольцами не обменивались и не дарили их. То, что у невесты было особое платье для свадебной церемонии, кажется несомненным, хотя ни в одной Саге у нас нет описания свадебного наряда; но из нескольких отрывков мы видим, что невеста была *хвит-фелдуд* (с белыми складками) и *лин-бундин* (связанная из льна, завернутая в лен), что подразумевает, что свадебное платье было белым.

“Рассказывают, что в первый вечер свадьбы невесты (короля Свейна и Сигвальди, ярла Йомсвикинггов) надели свои головные уборы (*fald*) так низко, что их лиц нельзя было

отчетливо разглядеть; на следующее утро они были очень веселы и не надели никаких шапок.”^[13]

Это свадебное белье представляло собой длинный широкий головной убор, свисающий сзади с макушки, или что-то вроде вуали. В *Тримсквиде* невеста носила такой головной убор, который закреплялся на голове украшением. На поясе висела связка ключей, демонстрирующая ее власть как хозяйки дома, а на груди у нее было украшение.

Йотун Трим получил молот Тора и не вернул бы его, если бы Фрейя не вышла за него замуж. Тор был замаскирован под Фрейю и отправлен в качестве невесты к Триму; он завладел молотом и сокрушил Трима и джотнаров.

Тогда Тор сказал:

Могучий Ас,

Асар будет со мной

Женоподобный призыв

Если я позволю себе

Быть одетой в свадебное белье.

Затем они связали Тора

В свадебном белье,

И великий

Брисинга-ожерелье;^[14]

Пусть ключи висят

С его пояса,

И женская одежда

Обхвати его колени,

И широкие камни^[15]

Будь у него на груди,

И закрепил ткань^[16]

Со знанием дела ударил его по голове.

(Тримсквида.)

У нас нет ничего, что могло бы положительно свидетельствовать о том, что брак совершался с религиозными церемониями, но определенные формы, возможно, имели место. В поздней Эдде у нас есть богиня *Вар*, которая слышит обеты мужчин и женщин. У Хельги Хьервардсон также есть клятвы, названные ее именем, и, похоже, ее торжественно призывали на свадьбах, а над невестой делали знак молота Тора.

Тогда Трим сказал:

Вождь Терсара:

Принесите молоток

Чтобы освятить невесту,

Лежал Мьельнир

На коленях у девушки.

Пожените нас вместе

Рукой *Вара*.

Разум рассмеялся

В груди Хлорриди^[17]

Как человек с твердым характером

Увидел молоток;

Трим убил его первым,

Лорд Терсара,

И избили

Вся родня Етуна.

(Более ранняя Эдда; Тримсквида.)^[18]

Брак без процедуры обручения и приданого назывался *skyndibrúdhlaup* (поспешная свадьба) или *lausu-brudhlaup* (свободная свадьба). Такой союз был незаконным, и рожденные от него дети не имели права наследования.

“Бьоргольф, землевладелец из Халогаланда, однажды в преклонном возрасте был на пиру у Хегни, богатого бонди, и увидел свою дочь Хильдирид, которая ему очень понравилась.

Той же осенью Бьергольф старый ушел на своей *скуте* с тридцатью воинами. Он пришел в Леку (ферму Хегни), и двадцать человек поднялись на ферму, в то время как десять охраняли корабль. Когда они вернулись домой, Хегни хорошо принял его и пригласил остаться там со своими людьми; он согласился и прошел в *стофу* (комнату отдыха). Когда они сняли верхнюю одежду, Хегни велел внести *скап-кер* (большой сосуд) с элем. Хильдирид, его дочь, разносила гостям эль. Бьергольф позвал Хегни и сказал: ‘Мое поручение здесь в том, что я хочу, чтобы твоя дочь поехала со мной домой, и я женюсь на ней свободной свадьбой’. Хегни видел, что он не может сделать ничего, кроме того, чего хочет Бьоргольф. Бьоргольф купил ее за *эйрир* золота.... У них родилось двое сыновей, Харек и Хрирек, а Бьоргольф впоследствии умер. Затем Бриньольф, его сын от первой жены, отослал ее к отцу. Их называли сыновьями Хильдирид, а не по имени отца. Бриньольф умер, а его сын Бард получил смертельные ранения в битве при Хафрсфьорде. Бард вызвал к себе короля и сказал: ‘Если я умру от этих ран, я прошу тебя позволить мне распорядиться своим наследством’. Король согласился. Бард сказал: ‘Я хочу, чтобы мой товарищ и родственник Торольф забрал все мое наследство, земли и незакрепленное имущество; я также отдам ему на воспитание свою жену и сына, ибо я доверяю ему больше всех людей’. Торольф по желанию своего друга женился на этой жене, Сигрид, дочери Сигурда из Санднеса” (Сага об Эгиле, 7).

Отец или опекун девочки принимал решение о ее браке. Если отец был мертв, братья были опекунами незамужней сестры. Если у нее не было ни отца, ни братьев, ее мать в связи с ближайшим дядей могла выдать ее замуж; а поскольку девушка не имела права голоса в этом вопросе, отец или опекуны могли принудить ее выйти замуж против ее воли.

“Торвальд Усвифрссон, богатый человек, потребовал Халльгерд в жены у ее отца Хескульда, исландского вождя. Хескульд сказала ему, что она гордая, но Торвальд сказал, что это не имеет значения. Хескульд не просил руки своей дочери, потому что намеревался выдать ее замуж и обручить с Торвальдом. Когда он рассказал ей, она сказала: “Теперь я узнала то, что давно подозревала, что ты любишь меня не так сильно, как всегда притворяешься, поскольку ты не считал нужным говорить со мной об этом; и я не думаю, что этот брак так хорош, как ты мне обещал”. Было видно, что она считала себя замужем ниже своего положения” (Нджала 10).^[19]

“Дарителем, следующим за отцом или братом, является мать, состоящая в законном браке. Если матери нет, то мужчина двадцати зим от роду или старше, который является ближайшим наследником после замужней женщины” (Frostath., закон ii. 13).

Отец не всегда пользовался своим правом принимать решение о браке; иногда он полностью оставлял решение судебного дела в руках дочери, но такие случаи следует рассматривать как исключение.

Если девушка выходила замуж против воли своих родителей или родственников, последние могли лишиться ее наследства, а ее потомство было незаконнорожденным, и этот акт неповиновения даже привел бы к тому, что ее самозванный муж был объявлен вне закона как грабитель женщин.

Когда бедную девушку выдавали замуж за богатого человека, одним из выдвигаемых условий было предоставление ей одежды и украшений, хотя, если она была богатой наследницей и ей было пятнадцать лет, она могла обручиться по совету своих родственников.

Различные саги и законы устанавливают возраст совершеннолетия как мужчин, так и женщин в пятнадцать лет, и ранние браки женщин в этом возрасте не были редкостью.

“Торвальд (богатый исландец) женился на дочери Гудрун Усвифр в *Альтинге*, когда ей было пятнадцать зим. Ответ был благоприятным, но Освифр сказал, что по условиям будет видно, что они не были одинаково высокородными. Торвальд воспринял это хорошо и сказал, что просил женщину, а не имущество. Затем Гудрун обручили с Торвальдом, и Освифр заключил соглашение. Она заключалась в том, что Гудрун одна должна была править их имуществом после того, как они оказались в одной постели, и быть владелицей половины всего, независимо от того, дольше или короче они прожили вместе. Он также должен был покупать ей дорогие вещи, чтобы ни у одной столь же богатой жены не было лучших драгоценностей” (Лаксдала, с. 34).^[20]

“Девушка, ставшая наследницей, может выйти замуж за того, кто ей понравится, когда ей исполнится пятнадцать зим, по совету тех из ее родственников, которые являются самыми мудрыми и близкими как со стороны отца, так и со стороны матери” (Frostath., xi. 18).

“Глум, могущественный человек, отправился со своим братом (Торарином) в Хескульдсстадир с восемнадцатью мужчинами, чтобы просить руки Халльгерд, дочери жившего там вождя Хескульдов. Когда они остались там на ночь, брат Глума, Торарин, сказал: ‘Я пришел сюда, Хескульд, с моим братом Глумом, чтобы попросить твою дочь Халльгерд выйти за него замуж. Ты должен знать, что он высокородный. ‘Я знаю, - сказал

Хескульд, - что твои братья из хорошей родни, но я также скажу тебе, что однажды я женился на ней, и это стало большим несчастьем'. Торарин ответил: "Мы не позволим этому помешать сделке, поскольку одна-единственная клятва не является доказательством во всех случаях".

Поскольку Халльгерд, к несчастью, была замужем, Хрут сказал: —

“На этот раз Халльгерд не должна, как прежде, оставаться в неведении о помолвке; она узнает обо всей этой сделке, увидит Глума и решит, выходить за него замуж или нет; тогда она не сможет обвинять других, если это не удастся; все это будет без обмана'. Торарин сказал: "Теперь, как всегда, лучше всего последовать твоему совету".

Послали за Халльгерд, и после того, как она вошла с двумя женщинами...

Она села между Хрутом и своим отцом. Она приветствовала их всех прекрасными словами, хорошо говорила и спросила о новостях. Затем она замолчала. Глум сказал: 'Я и мой брат Торарин обсудили сделку с твоим отцом, а именно, что я женюсь на тебе, Халльгерд, если такова твоя воля, как и их. Ты также скажешь сейчас, поскольку тебя называют высокообразованной женщиной, нравится ли тебе это; но если сделка с нами не соответствует твоему желанию, мы не будем говорить об этом. Халльгерд сказала: "Я знаю, что твои братья - люди хорошего происхождения, и что теперь я буду замужем гораздо лучше, чем раньше; но я хочу знать, что ты сказал и как далеко продвинулось дело; но, глядя на меня, я думаю, что буду любить тебя крепче, если наши нравы совпадут'. Глум сам изложил ей все условия, ничего не упустив, и спросил Хескульда и Хрут, правильно ли им сказали. Хескульд сказал, что да. Халльгерд сказала: 'Ты, мой отец, и Хрут так хорошо вели себя со мной в этом вопросе, что я поступлю так по твоему совету, и эта сделка будет заключена так, как ты ее заключил'. Хрут сказал: 'Я думаю, будет разумно, если мы с Хескульдом назовем свидетелей, и чтобы Халльгерд обручилась сама, если законник сочтет это правильным'. Торарин ответил: 'Это правильно'. Затем имущество Халльгерд было оценено, и Глум должен был дать столько же, и между ними должно было быть совместное партнерство. Тогда Глум обручил Халльгерд с собой, и они поскакали домой. Хескульд должен был устроить свадебный пир" (Ньяла, с. 13).

Когда девочки достигали совершеннолетия, они могли вести свой собственный бизнес.

- Есть девушки по имени *баугриг*. Они должны платить кольцами и брать кольца, когда они будут единственными детьми и получают наследство, пока не сядут на стул невесты. Затем они бросают это на колени своим родственникам и с тех пор не платят и не берут колец" (Frostath., vi. 4).

Вдову, имевшую те же права, что и совершеннолетнюю девушку, отец или родственники не могли принудить к новому браку, но, с другой стороны, она не могла выйти замуж без их согласия; и условия брака обычно устанавливались представителями истца и ее ближайшими родственниками обычным образом.

“Вдова должна обручиться сама и прислушаться к совету своих родственников” (Закон Гулатинга, 51).

Торгерд, дочь Торстейна, мать Хескульда, была еще молодой и очень красивой женщиной. Ей не хотелось оставаться в Исландии после смерти Колла (ее мужа). Она заявила своему сыну Хескульду, что хочет уехать за границу с принадлежащим ей имуществом. Хескульд сказал, что ему жаль расставаться с ней, но он не будет противиться ее воле в этом больше, чем в других вещах. Затем Хескульд купил половину корабля в Дегурдарнесе для своей

матери. Торгерд поднялся на борт с большим имуществом, отплыл и после долгого путешествия высадился в Норвегии. В Норвегии у нее была большая семья и много знатных родственников; они хорошо приняли ее и предложили все, что она могла пожелать. Торгерд с благодарностью приняла это предложение и сказала, что намерена там поселиться. Она недолго была вдовой; Херьольф, богатый и высокочтимый лендирмадн, сделал ей предложение. Она приняла его, хотя он не был красив, и была отпразднована великолепная свадьба. У них родился сын, которого называли Хрут, который быстро вырос и стал очень сильным и крупным. Он был светловолос, как семья его матери. Херьольф заболел и умер, и люди сочли это большой потерей. После его смерти Торгерд не захотела оставаться в Норвегии, но вернулась в Исландию к своему сыну Хескульду с большим имуществом и оставалась там до своей смерти, после чего была похоронена в кургане. После ее похорон Хескульд забрал все ее имущество и предложил половину Хруту, который остался в Норвегии” (Лаксдала, 7).

Исландский вождь Торкель Эйольфссон хотел жениться на вдове Гудрун, дочери Усвифра. Вождь Снорри годи сделал ей предложение от своего имени.

Гудрун ответила: “Мои сыновья Торлейк и Болли будут обладать большей частью власти в этом деле, но ты, Снорри, третий человек, которому я охотнее всего доверила бы дела, которые я считаю очень важными, ибо ты давно даешь мне хорошие советы’. Снорри сказал, что совершенно очевидно, что Торкеля не следует отвергать. После этого Снорри позвал туда сыновей Гудрун; он рассказал им, какую поддержку они могли бы получить от Торкеля из-за его богатства и дальновидности, и дал хороший совет по этому поводу. Болли ответил: “Моя мать будет лучше всех способна увидеть это; я соглашусь с ее волей. Но, конечно, мы считаем целесообразным принять во внимание, что ты поддержал это дело, Снорри, потому что ты сделал для нас много хорошего’. Гудрун сказала: ‘Мы внимательно прислушаемся к совету Снорри в этом вопросе, потому что твои советы были добры к нам’. Снорри настойчиво убеждал ее сделать это, и было решено, что свадьба состоится. Снорри предложил устроить свадебный пир. Торкель был доволен этим и сказал: ‘У меня достаточно провизии, чтобы накормить столько, сколько ты захочешь’. Тогда Гудрун сказала: “Моя воля в том, чтобы праздник был здесь, в Хельгафелле”” (Лаксдала, 68).

Люди не могли вступать в брак, если у них не было достаточных средств, чтобы поддерживать себя в комфорте. Если впоследствии они приобретали богатство, то он владел двумя третями, а она одной третью, как земли, так и движимого имущества, и муж не мог вывезти имущество своей жены из страны без ее согласия. Считалось, что партнерские отношения между мужем и женой устанавливаются по истечении определенного времени, которое, согласно Закону Фростатинга, составляло двенадцать месяцев.

Но согласно Гулатингу, муж и жена не могли без согласия обоих наследников вступить в партнерство до того, как у них появятся дети; но когда они у них появятся, они смогут заключить любое партнерство, какое им заблагорассудится. Пробыв в браке двадцать лет, они стали партнерами по закону.^[21]

“Если вступают в брак мужчины, у которых имущества меньше, чем сто законных *авраров*, помимо повседневной одежды, и нет детей, то они подлежат меньшему наказанию вне закона, если только женщина не бесплодна. Никакие *ферансдомы*^[22] не будут удерживаться, и их имущество не будет конфисковано, и они должны покинуть землю со своими детьми и не возвращаться, пока их имущество не увеличится настолько, что у них будет сотня или больше, или женщина не станет бесплодной ” (Gragas, i. 323).

“Если муж и жена имеют равное имущество, они могут вступить в партнерство, если пожелают, что также справедливо для их наследников. Договор о помолвке действителен между мужем и женой при живых свидетелях, и никакие другие договоры не заключаются. Но если свидетели, помнящие это, мертвы, то их имущество является общим, согласно закону, если ему принадлежала марка или больше, и мунд был выплачен, и они прожили вместе три зимы или больше. Если они бедны и зарабатывают на имущество, то их имущество является общим в соответствии с законом. Согласно закону, совместное товарищество всегда заключается таким образом, что он владеет двумя частями, а она одной третью”^[23] (Gragas, i. 334).

“Если жена теряет своего мужа и они прожили вместе двенадцать месяцев, ей принадлежит треть фермы и всего свободного имущества, а также ее одежда” (Frostathing, xi. 6).

“Если мужчина женится на вдове или девушке, владеющей фермой, он не будет владеть ничем из фермы до того, как они проживут вместе двенадцать месяцев. Затем законы разделяют их имущество.

“Если два нищих вступают в брак по законам страны, и их имущество увеличивается, то он владеет двумя третями, а она одной третью земель и свободного имущества” (Frostathing, ix. 8, 9).

“Мужчина не должен забирать имущество своей жены с земли, кроме как с ее согласия. Он должен распоряжаться всем их имуществом для их использования. Ни один из них ни словом, ни делом не должен лишаться собственности другого. Каждый мужчина имеет такое же *отношение* к своей жене, как и к самому себе” (Более ранний Закон Гулатинга, 52).^[24]

“Если мужчина хочет покинуть страну с имуществом своей жены, она может предоставить все полномочия любому мужчине, которого пожелает, запретить ему выезд и, при необходимости, привлечь к ответственности его и людей, которые его увозят” (Grágás, i. 331).

“Жена не должна отказывать своему мужу в партнерстве. Если мужчина женится на девушке, они не могут вступить в партнерство без согласия мужчин, имеющих право на их наследство; но если у них есть дети, рожденные по наследству, они могут вступать в такое партнерство по своему усмотрению.

“Если мужчина женится на вдове, и у нее есть дети (наследуемые дети), которые не достигли совершеннолетия, и мужчина, тем не менее, хочет вступить с ней в партнерство, "тогда должно быть созвано собрание ближайших родственников детей со стороны их отца, и партнерство должно быть заключено в соответствии со стоимостью их имущества; земля должна оцениваться по сравнению с землей, и незакрепленное имущество по сравнению с незакрепленным имуществом", и его имущество также оценивается, если оно больше, чем у нее. Он не может быть сломан, если сделан таким образом.

“Если они вступят в партнерство другим способом, оно может быть расторгнуто, независимо от того, захотят этого его наследники или она, если они пойдут на *Дело* до того, как они проведут вместе двадцать зим, и заявят, что партнерство расторгнуто. Если это не будет сделано до того, как они проведут вместе двадцать зим, он (муж) никогда не сможет изменить это с тех пор.

“Где бы муж и жена ни вступали в партнерство, они должны заявлять об этом перед многими мужчинами. Теперь, если они прожили вместе двадцать зим или больше, они являются партнерами по законам, если раньше таковыми не были. Тогда ей принадлежит треть

собственности, а ему - две трети. Хотя это (партнерство) будет заключено, если оно не будет обнародовано в течение двадцати зим, это все равно, что его не было” (Закон Гулатинга, 53).

Запрещались браки до пятой степени родства.

“Это новый закон, согласно которому брак не допускается ближе пятой степени при тех же степенях родства. Если они оба родственники пятой степени, они могут жениться, если захотят, но платят большую десятину от всего своего имущества” (Grágás, i. 308).

Свадебные пиры, на которых взывали к богам о счастье брака, часто были очень пышными, и гости, которым дарили подарки, приезжали издалека. Продолжительность праздников варьировалась в зависимости от ранга и богатства семьи, и они были настолько великолепны, что надолго остались в памяти народа.

В бруд-каупе, или свадьбе, выполнялись условия, оговоренные при обручении.

“Зигмунд^[25] поехал в Оррадал, посетил Торкеля и был хорошо принят. Теперь он начал свататься и попросил Турид руки. Торкель воспринял это хорошо и счел это большой честью для своей дочери и для них всех. Зигмунд устроил свой свадебный пир в Хладире с Хаконем ярлом, и ярл продлил его на семь ночей” (Сага о Ферейинге, 26).^[26]

“Хейдрек женился на Херборг, дочери короля Хроллауга из Гардарики. Был устроен их свадебный пир, и никто не слышал о более грандиозном пиршестве в этих землях; он длился месяц; когда он закончился, вождей увели с подарками. Хроллауг дал своей дочери в приданое золото, серебро и дорогие вещи; Виндланд, лежащий рядом с Рейдготаландом, также должен был последовать за ней в качестве приданого” (Сага о Херваре, с. 14).^[27]

Таким образом, празднование свадьбы короля Олафа связано:—

Олаф приготовил все, что можно было достать, - лучшие напитки и провизию. Он пригласил многих знатных людей из окрестностей. Когда Регнвальд ярл прибыл со своими людьми, король хорошо принял его, и ему были отведены большие, добротные и хорошо обставленные покои; слуги позаботились о том, чтобы не было недостатка ни в чем, что могло бы приличествовать для пира. Когда пир продолжался несколько дней, король, ярл и королевская дочь поговорили; было решено, что Регнвальд из Западной Гаутланда обручит Астрид, дочь Олафа, короля Швеции, с Олафом, королем Норвегии, с приданым, которое, по их предварительной договоренности, достанется ее сестре Ингигерд. Король также должен был дать Астрид столько же, сколько он дал бы ее сестре Ингигерд. Затем пир был расширен, и свадьба Олафа и Астрид была отпразднована с великой пышностью” (“Сага о святом Олафе”, с. 94).

В малонаселенных странах мы находим, что бонди был обязан приютить новобрачных.

“Бонди должен накормить по крайней мере пятерых из них (женихов и подружек невесты). Он вне закона, если отказывается их приютить. Это если с ними невеста или жених; в противном случае он должен накормить троих мужчин” (Кристинретт Торлакссон Кетилссон, стр. 94).

В зале, где проходил свадебный пир, стояли скамейки для новобрачных, которые, вероятно, хранились в семье специально для такого случая; точно так же, как сегодня в Норвегии хранятся короны новобрачных.

На одной из длинных скамей сидел жених со своими спутниками; на другой, напротив, - отец невесты и его гости мужского пола. На поперечной скамье сидели женщины, а посередине - невеста; поэтому эта скамья называлась *брудбекк* (скамья для невест).

Свертинг Хафр-Бьярнарсон собирался жениться на Хунгерд, дочери Тородда, и пригласил на свадебный пир Глуги черного, отца Гуннлауга Ормстунга, и его сыновей.

Женщины сидели на поперечной скамье; Хельга фагра (прекрасная) сидела рядом с невестой, и ее глаза часто поглядывали на Гуннлауга, и тут подтвердилась поговорка, что 'глаза не прячут, если женщина любит мужчину'. Гуннлауг был тогда хорошо одет и носил прекрасную одежду, которую подарил ему король Сигтригг; считалось, что он значительно превосходит других мужчин как по силе, красоте, так и по росту" (Гуннлауг Ормстунга, ок. ii.).^[28]

Мы обнаруживаем, что во время праздника невесту усадили между женихами и подружками невесты, обычай, дошедший до наших дней; затем ей подарили *линфе*, когда она сидела под свадебным покрывалом.

"Затем он (жених) должен сесть между женихами, а она - между подружками невесты. Он пройдет по залу и даст ей *линфе*. Это законно, независимо от того, мал дар или велик" (N. G. L., ii. 305, Законы короля Магнуса).

Было принято предлагать невесте *беккьяр-йеф* (подарок-скамейка), когда она сидела на свадебной скамейке.

Кьяртан Олафссон, знаменитый исландский чемпион, прощался с Ингибьерг, сестрой короля Олафа Трюгвасона, отправляясь в Исландию.

В этот момент Ингибьерг открыла бочонок с медом, стоявший рядом с ней, и достала оттуда женский головной убор, сплетенный из белого и золотого, который она подарила Кьяртану, сказав, что дочери Гудрун Освифр было бы очень хорошо обмотать им голову; 'и ты передашь это ей в качестве подарка скамье. Я хочу, чтобы исландские женщины увидели, что та, кто разговаривала с тобой в Норвегии, не из рабского рода. Он был в пакете с *gudvef*,^[29] и стоил очень дорого" (Лаксдала, с. 43).

Когда Олаф Трюгвасон устраивал свой свадебный пир с Тири Датчанкой, он спросил ее, должен ли он выбрать подарок, подобающий девушке или женщине, побывавшей замужем. Она ответила, что он должен сделать то, что, по его мнению, наиболее приличествует ему и ей. Он остался доволен ее ответом и сразу же прислал ей женский плащ, отороченный очень тонким мехом и красиво украшенный.^[30]

Мы видим не только, насколько придирчивыми были люди в отношении старшинства, но и то, как ревниво жены оберегали репутацию своих мужей.

"Вождь Гудмунд Рики (могущественный) присутствовал на свадебном пиршестве своего надсмотрщика Торстейна; он сидел на возвышении, Торир Хельгасон (вождь) напротив него, а женщины - на поперечной скамье; горели яркие огни, и перед ними были расставлены столы. Невеста сидела в середине поперечной скамьи, с Торлауг (женой Гудмунда) по одну сторону и Гейрлауг (женой Торира Хельгасона) по другую. Женщина пошла с водой к скамейке для переправы с тряпкой на плече и сначала отправилась в Гейрлауг, потому что была с ней прошлой зимой. Гейрлауг сказала: 'Ты действуешь по доброй воле, но бездумно; отнеси воду сначала Торлаугу'. Она так и сделала. Торлауг отмахнулась от него тыльной стороной ладони, сказав: 'Слишком много хлопот, Гейрлауг, потому что женщина права; у

меня и в мыслях нет ревновать по этому поводу; я не уверена, что какая-либо другая женщина в округе занимает более высокое положение, чем ты". Гейрлауг ответила: "Хлопот немного, Торлауг; но если ты хочешь добиться наибольших почестей, у меня нет ничего равного тебе, кроме моего брака". Торлауг ответил: "Конечно, я считаю, что ты удачно женился, хотя сейчас я не знаю другого человека, который был бы женат лучше меня". Гейрлауг добавила: "Ты был бы удачно женат, если бы все говорили, что твой муж храбрый". Торлауг ответил: "Это сказано нечестиво, и ты первая это сказала". Гейрлауг ответил: "Это правда, потому что так говорят многие другие; но Торкель Хак сказал это первым, и это говорит мой муж Торири и каждый мужчина, который может шевелить языком". Торлауг сказал: "Принеси сюда воды, женщина, и давай закончим этот разговор" ("Сага о Лёсвотнинге", с. 13).

"У знаменитого чемпиона Гуннара из Хлидаренди должна была состояться свадьба, и он пригласил на праздник много людей. Он разместил своих гостей следующим образом. Сам он сел посередине скамьи, а справа от него расположились Траин Сигфусон, Ульф Аургоди, Вальгард серый, Мерд, Рунольф, сыновья Сигфуса и сокровенный Ламби. Рядом с Гуннаром, с другой стороны, сидел Ньял, затем Скарпхедин, Хельги, Грим, Хескульд, Хафр мудрый, Ингьяльд из Келдура и сыновья Торира из Холта. Торири хотел сидеть в стороне от всех этих выдающихся людей.... Хескульд сидел посередине другой скамьи, а его сыновья внутри слева от него; Рут сидела снаружи справа от Хескульда; не сказано, как разместились остальные. Невеста, Халльгерд, сидела в середине поперечной скамьи со своей дочерью Торгерд с одной стороны, а с другой Торхаллой, дочерью Асгрима Эллидаgrimссона" (Ньяла, с. 34).^[31]

Мужчина, как опекун своей жены, должен был управлять их имуществом; но, тем не менее, имущество каждого было совершенно раздельным. При вступлении в брак оценивалось имущество обоих, и *хейманфюльгья*, *тильгьеф*, *линфе*, а также то, что она получила или получит по наследству или другими способами, считались собственностью женщины.

Если муж умирал первым, его законный наследник получал его имущество, в то время как жена сохраняла свое; но если жена умирала первой, муж забирал *тильджеф*, а остальное имущество переходило к ее наследникам.

Если мужчина не оценил имущество своей жены при вступлении в брак, то он должен был выплатить эту стоимость ее наследникам, если она умрет раньше него, и поклясться, что большего он не получил. Но если он умрет первым, и его имущество также не будет оценено, а они были женаты двенадцать месяцев, то она получит треть свободного имущества и землю, не считая своей одежды.

"Мужчина должен распоряжаться имуществом своей жены, пока они женаты, и не разлучаться, за исключением того, что оговорено при их помолвке или браке; за это имущество она должна отвечать и управлять им сама. Если наследство переходит к жене мужчины, и в этом наследстве есть *умаги*^[32], но нет собственности,^[33] ее муж должен позаботиться об этом и "обустроить их," но ее *хейманфюльгья* не уменьшится, когда это будет обнародовано в питейном зале.^[34] Но если в этом наследстве есть собственность, земли и все свободное имущество должны быть оценены, и он должен заботиться о них и увеличивать их, но он должен вернуть столько, сколько получил, за исключением арендной платы за землю, которую он получил впоследствии" (Более ранний Закон Фростатинга, xi. 5).

"Подарок, преподнесенный женщине, должен быть ее собственностью, каким бы способом она ни была разделена. Должно быть оценено все имущество девушки, свободное имущество против свободного имущества, но должна быть оценена половина имущества

вдовы. Оценка должна быть законной во всех случаях, кроме двух — если она умрет бездетной или оставит его без защитника” (Гулат., 54).

Единственные определенные примеры полигамии^[35] встречаются среди великих вождей, таких как Харальд Прекрасноволосый. У Харальда Хардради было две жены: Елизавета, дочь короля Гардарики, и Тора, дочь норвежского вождя; обе носили имя королевы.

Муж был обязан защищать свою жену и заботиться о ее чести не меньше, чем о своей собственной.

“Теперь о правах женщин. У каждого мужчины есть претензии от имени своей жены. Женщине принадлежат три марки, если ее ударили; но вдова должна иметь тот же *счет*, который был у ее последнего мужа, и тот, кого она пожелает, будет привлечен к ответственности. Но если девушку ударят, ее ближайший родственник предъявит права на ее *тело*, как если бы оно было его собственным. Но если она хочет получить это сама, правильный истец должен потребовать *Вещь*” (Более ранний Закон Фростатинга, х., с. 37).

Следующие законы показывают, насколько строгими были люди в отношении поцелуев:—

“Если мужчина целует женщину (принадлежащую другому) тайно, по ее желанию, он обязан заплатить три марки, и тот, кто должен был бы привлечь к ответственности за соращение, должен привлечь к ответственности. Если она разозлится из-за этого, она может подать на себя в суд, и тогда мужчина будет подвергнут меньшему наказанию вне закона. Если мужчина тайно целует свою жену, он подвергается меньшему наказанию вне зависимости от того, разрешает она это или отказывается. Девять соседей должны быть вызваны в качестве свидетелей этого на *Мероприятии*.... Если мужчина надевает *фальшивку* или женскую одежду, чтобы обмануть женщину, он подлежит меньшему наказанию вне закона”^[36] (Gragas, i. 337).

“Если мужчина исполняет *песню о любви*^[37] на женщине, он должен быть объявлен вне закона. Если женщине двадцать лет или старше, она должна вести дело самостоятельно. Но если она моложе или не будет возбуждать уголовное дело, это должен сделать ее законный опекун” (Gragas, том ii., стр. 150).

Права женщин, по-видимому, были не совсем неизвестны даже в те далекие времена; женщины, которые сами добывали средства к существованию и чьи родственники не беспокоились об их содержании, были сами себе хозяевами.

“Если родственники не будут должным образом заботиться о женщинах, и они (женщины) сами будут зарабатывать себе на жизнь, тогда они будут править сами собой, как им заблагорассудится” (Frostath., xi. 17).

ГЛАВА II. РАЗВОД.

Способ объявления о разводе—Причины развода—Развод легко получить—Раздельное проживание—Раздел имущества в случае раздельного проживания—Наказание за избиение жены—Ограничения на расточительность женщин.

О разводе было объявлено следующим образом. Жена должна была объявить о раздельном проживании и его причине трижды в трех местах в присутствии свидетелей — во-первых, перед ними на кровати; во-вторых, перед дверью мужского туалета; и, в-третьих, на *Мероприятии*; но раздельное проживание не помешало ни одной из сторон впоследствии снова вступить в брак.

Мерд дал совет своей дочери Унн, как ей следует разлучаться со своим мужем Рутон, когда его не было дома.

“Когда ты будешь вполне готова, ты ляжешь в постель, и с тобой мужчины, которые являются твоими последователями; ты назовешь свидетелей у постели твоего мужа и объявишь, что ты разлучена с ним законным разводом, настолько справедливым, насколько это возможно по правилам *Альтинга* и законам всего народа. То же самое имя свидетелей ты также получишь у мужской двери, а затем ты уедешь” (Нджала, с. 7).

Причин для развода было множество. Причиной развода было ношение одежды, принадлежащей противоположному полу, например, когда мужчина носил рубашку, настолько расстегнутую, что была видна его грудь; или когда женщины носили бриджи; и мы обнаруживаем, что иногда эта одежда была искусно сшита специально, чтобы вызвать разлуку.

Однажды Торд Ингуннарсон спросил Гудрун, чему подвержена женщина, если она всегда носит бриджи, как мужчины. Она ответила:

“Они должны быть наказаны за это точно так же, как наказан человек, у которого в одежде такой большой прорез, что видна его обнаженная грудь. И то, и другое является причиной для развода” Торд сразу же бросился в суд и назвал свидетелей, он объявил себя разведенным с Ауд, потому что она носила закрытые бриджи, как мужчины” (Лаксдала, с. 35).

“Гудрун, дочь Усвифр, была вынуждена своим отцом выйти замуж за Торвальда Халльдорссона из Гарпсдаля. Она всегда просила его покупать ей самые дорогие вещи. Однажды, когда она попросила его о чем-то, он сказал, что она не знает меры, и дал ей пощечину (удар по уху). Она ответила: ‘Теперь ты дал мне то, что мы, женщины, считаем очень важным, а именно хороший цвет лица, и ты избавил меня от назойливых просьб’. В тот же вечер пришел Торд (Ингуннарсон, ее хороший друг). Гудрун рассказала ему об этом позоре и спросила, как она должна отомстить за это. Торд улыбнулся и ответил: ‘Я знаю хороший способ; сошей ему рубашку с надписью "развод" и объяви, что по этой причине ты с ним рассталась’. Гудрун ничего не сказала против этого, и они перестали разговаривать, но той же весной Гудрун объявила, что рассталась с Торвальдом, и отправилась домой к своему отцу в Лаугар” (Лаксдала, гл. 34).

Развод было легко получить,^[38] особенно для мужчины, на основании неверности жены; в то время как жена могла получить его на основании неоднократного жестокого обращения со стороны мужа.

“Если мужчина не спит в одной постели со своей женой в течение шести сезонов из-за неприязни, то ее родственники могут претендовать на ее имущество, а также на ее семью, но она сама должна сохранить свое имущество” (Gragas, i. 329).

Мужчина мог расстаться со своей женой без законной причины, но ее родственники рассматривали это как позор, и месть обязательно должна была последовать.

“Если мужчина хочет расстаться со своей женой, он должен объявить о разводе, чтобы каждый из них мог слышать голос другого и иметь свидетелей в присутствии” (Закон Гулатинга, 54).^[39]

Если муж пытался вывезти свою жену из страны против ее воли, она могла расстаться с ним.

“Если мужчина хочет увезти свою жену против ее воли из этой страны, она должна объявить о разводе, если захочет, где бы они ни находились, если у нее есть на то основания; тогда он может потерять ее и ее имущество, как если бы они не владели имуществом вместе, и у него не больше прав на эту женщину после того, как они расстались, чем на любую другую женщину, с которой он не жил” (Gragas, i. 331).

Жена не может расстаться без причины,^[40] и даже если она ушла от мужа по уважительной причине на ее стороне, он мог сохранить ее приданое и мог заставить ее вернуться.

В случае раздельного проживания родители или родственники жены могли претендовать на мунд и хейманфылджу.

Будучи бондианцем, Торкель, услышав, что его жена Асгерд любила другого мужчину, в ответ на свои протесты получил от жены совет выбрать один из двух вариантов.

“Ты можешь выбрать одно из двух условий. Оставайся со мной, как будто ничего не случилось; в противном случае я немедленно приведу свидетелей и объявлю, что я отделен от тебя, и позволю моему отцу потребовать мой мунд и хейманфюльджу” (Сага Гисли Сурссон, стр. 16).

Если имело место раздельное проживание, когда ни одна из сторон не могла быть признана виновной в совершении преступления, то жена получала столько же имущества, сколько у нее было бы после смерти ее мужа, или сколько она получила бы в случае, если бы ушла от него из-за какой-либо неверности с его стороны. Если она уходила от него без какой-либо уважительной причины или он разводился с ней из-за ее неоднократной неверности, то муж имел право сохранять все ее имущество до тех пор, пока она была жива, и ее наследник не имел никаких прав на что-либо из *тильджефов*. Но если она изменяла только один раз, она лишалась своего *тильджефаи* оставляла себе остальное имущество. Если мужчина прогнал ее против воли за этот единственный проступок, она вступала во все свои права.

“Если жена совершает прелюбодеяние или расстается со своим мужем без причины, она лишается своего мунда и прибавки на треть (*триджунгсауки*). Если ее муж предложит забрать ее обратно, а она этого не примет, он сохранит все ее имущество, пока она жива, и тогда ее следующий наследник получит ее хейманфылджу, но без увеличения на треть. Если они помирятся и он заберет ее обратно, их собственность останется такой, как если бы между ними не было разрыва. Если она повторит преступление, он сохранит ее собственность, пока жив, а если он не заберет ее обратно, то все будет так, как уже было сказано. Если она этого не сделает, пообещает возмещение ущерба и предложит жить со своим мужем, а он ее не возьмет, то она получит свою хейманфылджу, но не прибавку на треть. Если муж хочет отнять у нее хейманфылджу и говорит, что она совершала это преступление раньше, и люди раньше не слышали, чтобы он обвинял ее в этом, она должна принести *айнсайди* (клятву единого) и получить свою хейманфылджу, но не прибавку к ней на треть, если он не примет ее обратно. Если какое-либо препятствие разделит их, согласно Божьим законам, каждый из них получит свое соответствующее имущество” (Закон Фростатинга, xi. 14).

Общим положением всех законов было то, что мужчине не разрешалось бить свою жену под страхом выплаты того же возмещения, на которое он имел право, если бы был избит сам. Если бы он избил ее три раза и сделал это в четвертый, тогда она могла бы уйти от него, забрав с собой свою хейманфюльджу и тильджефа.

“Если мужчина бьет свою жену ключами или защелками, то он обязан заплатить три марки. Также, если он берет другую женщину и поселяет ее в доме, ее называют *соперницей по очагу*. В-третьих, если мужчина бьет свою жену рогом или кулаком по пивной лавке, то он должен заплатить три марки. Если она трижды получит *ретта* по этим причинам, в четвертый раз она может расстаться с ним или нет, как ей заблагорассудится” (Borgarthing^[41] Законы, ii. 8).

“Когда Берк покинул свою ферму Хельгафелл, Тордис вышла вперед и назвала свидетелей, которые заявили, что она разошлась со своим мужем Берком, и в качестве причины привела то, что он ударил ее, и она не стала бы мириться с его ударами. Их имущество было разделено, и Снорри (сын от ее предыдущего брака) взял на себя управление им от имени своей матери, поскольку он был ее наследником” (Эйрбигджа, с. 14).

На экстравагантность женщин были наложены ограничения.^[42]

“Жене *холда* (бонди одаля) разрешается покупать в размере одного эйрира, и не более. Если она купит дороже, сделка не будет заключена, если только этого не пожелает ее муж” (Более ранний закон о замораживании, xi. 22).

“Если жена отдает имущество своего мужа, он может потребовать все это и привлечь к ответственности мужчину, который это получил. Если мужчина отправляет свою жену в Thing для оплаты долгов или других своих расходов, ее рукопожатие является действительным,^[43] а также когда она отправляется на корабль, чтобы заключить сделку с его согласия, но никакие другие сделки не являются действительными, если он сам того не желает. Когда она покупает то, что необходимо для их домашнего хозяйства, пока он находится за Вещью, это тоже справедливо. Женщина не должна продавать половину своей земли, ферму или больше, или *годорд* (достоинство годи), или морское судно, кроме как по воле своего опекуна” (Грагас, i. 333).

ГЛАВА III. РОЖДЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ.

Появление Норнира при рождении ребенка—Церемония, сопровождающая рождение—Религиозные обряды—Древность обычая окроплять ребенка водой—Форма Asa и христианская форма крещения—Наречение ребенка—Рождение Сигурда, сына Рагнара Лодброка—Рождение Хельги—Отличительные имена—Вера в предопределение—Обладание двумя именами считается счастливым—Присутствие семьи и соседей при родах—Подарки в виде оружия и животных—Прорезывание первого зуба—*Главный признак*—Обнажение детей—Причины обнажения—Обычай продолжался и после введение христианства—Воспитание детей—Внимание уделяется физическому развитию—Тайное усыновление не допускается.

The *Норниры*, по-видимому, появились в ночь, последовавшую за рождением ребенка, которое у высокородных сопровождалось большими церемониями. Новорожденного клали на пол, и никто к нему не прикасался, пока его не поднимал и не клал в складки плаща его отец или, в его отсутствие, ближайший родственник, который посредством этой церемонии признавал законность своего отпрыска. После того, как он взял ребенка на руки, он посмотрел на него и по его внешнему виду судил о его характере, пропорциях, состоянии, удаче на войне и т.д., и решил, должен ли новорожденный жить или его выставят на всеобщее обозрение и оставят умирать - обычай, подобный обычаю спартанцев.

Затем, если ребенку предстояло выжить, совершался религиозный или священный обряд, называемый *Ауса Ватни*,^[44] который, по-видимому, заключался либо в обливании ребенка водой, либо в разбрызгивании ее, обычай настолько распространенный, что нам не сообщается, как вода была вылита или обрызгана, хотя, возможно, это было сделано рукой.

Эта церемония считалась самым священным обрядом и была неотъемлемой частью символа веры Аса и, следовательно, имела большую древность, предшествующую христианскому крещению, и была наиболее обязательной для предков англоязычных народов: обнажать ребенка после этой церемонии считалось убийством. Когда-то, без сомнения, это практиковалось франками, принадлежавшими к северным племенам; и некоторые формы христианского крещения наших дней могут быть основаны на этой более ранней форме, которая была изменена только по названию более ранними христианскими миссионерами. Тому, что языческое крещение, или крещение Аса, не было признано христианами, у нас есть достаточно доказательств в Сагах. Форма Аса, как мы видели, называлась *Ауса Ватни*, а христианин - *Скирн*.^[45]

Тогда был обычай выбирать лучших людей, чтобы *окроплять* водой или давать имена детям высокородных мужчин. Когда пришло время, когда Тора ожидала, что у нее родится ребенок, она пожелала отправиться на поиски короля Харальда. Тогда он был на севере, в Схейме, а она - в Мостре; она отправилась на север на корабле Сигурда ярла. Ночью они легли недалеко от берега, и Тора родила сына на скале в конце моста. Сигурд ярл *окропил* мальчика водой и назвал его Хаконем, в честь его отца, Хакона Хлада ярла” (Сага о Харальде Харфагре, с. 40).

“Харальд Прекрасноволосый, когда начал стареть, передал своим сыновьям правление Норвегией. Он поставил Эйрика королем над всеми своими сыновьями и, когда тот правил семьдесят зим, передал царствование в его руки. В то время Гуннхильд (жена Эйрика) родила сына, и Харальд *окропил* его водой и дал ему его собственное имя, объявив при этом, что он должен стать королем после своего отца, если выживет”^[46] (Сага об Эгиле, с. 59).

Ребенка часто называли в честь каких-нибудь известных родственников или друзей; а иногда человек, совершавший обряд, давал свое собственное имя, и считалось, что удача тезки будет сопутствовать ребенку всю жизнь: так, Сигурд, один из знаменитых сыновей Рагнара Лодброка, был назван в честь своего деда Сигурда Хринга.^[47] Тот, кто давал имя ребенку, всегда делал ему подарок, который назывался *нафнфести* (закрепление имени) и состоял либо из колец, оружия, ферм, либо земель. Хельги, сыну Боргхильд, при рождении которого присутствовали норниры, были вручены подарки при его *именинах*.

Так описывается рождение Сигурда, сына Рагнара Лодброка.

“Пришло время, когда она (Крака или Аслауг) была заключена и родила сына, которого служанки взяли и показали ей. Она велела им отнести его к Рагнару (Лодброку) и показать

ему; мальчика отнесли в зал и положили в складки плаща Рагнара. Когда Рагнар увидел мальчика, его спросили, как его следует назвать; он запел:

Мальчика назовут Сигурдом,
Он будет сражаться в битвах,
И быть очень похожим на свою мать,
И называться сыном своего отца;
Он представитель семьи Одина
Быть названным первым человеком;
Эта змея у него в глазу^[48]
Которого убил другой.

“Он снял со своей руки золотое кольцо и дал его мальчику в качестве имени” (Сага о Рагнаре Лодбroke, с. 8).

Следующие строфы повествуют о рождении Хельги:—

Это было в ранние века
Когда орлы закричали,
Святые воды скользили
С небесных гор;
Затем Боргхильд родила
Великодушный Хельги
В Бралунне.
В доме наступила ночь;
Пришли норниры
Кто за героя
Сформировал его жизнь;
Они велели ему стать
Самый известный из *Филкиров*
И из *Легких*—
Кажусь лучшим.
Они мощно вращались
Нити судьбы,
Когда берги были сломлены

В Бралунне;
Они распались
Золотые нити,
И скрепил их
Под центром лунного чертога.^[49]
На востоке и западе
Они спрятали концы;
Там была ГИПЕРССЫЛКА на *Lofdung*
Земля между ними;
Родственница Нери^[51]
Бросил одну строку^[52]
На северных дорогах,
Пожелай, чтобы это сохранялось вечно.
Одно огорчало
Сын Илфингов,^[53]
А также девица
Которая родила возлюбленного;
Ворон обратился к ворону,
Сидя на высоком дереве,
Хочется поесть:
Это я знаю.
Сын Зигмунда
Однодневной давности
Находится в *брынье*,
Теперь настал день;
Глаза Хельги вспыхивают
Как у *Хилдингса*;
Он друг волков,^[54]
Давайте веселиться.
Хозяин подумал , что он
А *Деглинг*.^[55]

Они пожелали хороших лет

Пришел к людям;

Король отправился сам

Из военного столкновения

Чтобы дать чесноку^[56]

За молодую бабушку.^[57]

Он назвал имя Хельги,^[58]

И Хрингстадир,^[59]

Сольфьелль,^[60] Snœfjöll,^[61]

И Sigarsvellir,^[62]

Хрингстод,^[63] Хатун,^[64]

И ГИПЕРССЫЛКА на Himinvangar

Украшенный кровавый змей^[66]

Он отдал брату Синфьетли.

(Хельга Квида Хундингсбана, 1).

Особые или характерные имена часто давались взрослым людям в качестве привязки к имени по той или иной причине в дополнение к их собственному имени, и, похоже, почти у каждого важного человека оно было.

“ Король Ингьяльд из Наумдалы филки сказал: ‘Что за звук был таким пронзительным, Ан, когда ты вошел сюда в первый раз?’ ‘Мой лук, - ответил Ан, - потому что дверь в твой зал была такой маленькой, король, что вся она была согнута, когда я взваливал ее на плечи перед тем, как войти; когда она снова распрямилась, раздался громкий звук’. ‘Ты будешь,’ добавил король, - назван Богсвейгир (сгибающий лук)’. ‘Какое имя ты дашь мне для закрепления?’ ‘ Вот тебе золотое кольцо в качестве украшения для имени и рождественский подарок, потому что я слышал, что ты недавно сказал, и ты, при твоём росте, должно быть, тоже очень сильный мужчина. ”Наверное, я очень силен, но я этого не знаю”, - сказал Ан” (Сага о Богсвейги, с. 3).

Король Олаф сказал: “Ты *Вандредаскальд* (беспокойный ошпарник), но ты будешь моим человеком’. Халльфред ответил: "Что ты дашь мне, король, для закрепления имени, если я буду называться *Вандредаскальдом*?’ Тогда король подарил ему меч, но без ножен, и сказал: “Теперь сочини строфу о мече, с ”мечом" в каждой строке":-

- Есть один меч из мечей

Что сделало меня богатым на мечях;

Теперь обладатель мечей

У нас будет достаточно мечей;

У меня не будет недостатка в мечях,

Я заслуживаю трех мечей,

Если бы только были

Ножны к этому мечу.

Тогда король подарил ему ножны и сказал: 'Меч' есть не в каждой строке'. Халльфред ответил: "В одном из них три меча". "Это правда", - сказал король" (Олаф Трюгвасон, с. 90; Форнманна Сегур, ii. 56).^[67]

На протяжении всей литературы о древних Сагах мы видим, как сильно люди верили в предопределение. Удача и везение считались наследственными в определенных семьях, особенно в семьях королей, которые, как предполагалось, имели свою индивидуальную удачу, которую они могли передать своим чемпионам и друзьям, не только для выполнения какого-то одного авантюрного предприятия, поскольку она сопровождала человека на протяжении всей его жизни.

"Человек, обреченный на смерть, не может быть спасен" (Айлендинга Сегур, ii. 103; Fms., vi. 417).

"Все опасно для обреченных на смерть" (Фафнисмаль, 11).

"С человеком, не обреченным на смерть, нельзя иметь дело" (Гисли Сурссон, 148).

"Тот, кто не обречен на смерть, каким-то образом спасается" (Сага о Фостбрендре, 171).

"Каждый должен уйти, когда ему суждена смерть" (Сага о Гретти, 138).

Два норвежских брата, Торольф и Торстейн, сразились с викингом Льотом и его людьми и одержали победу. После того, как они приземлились и вышли из своих кораблей, Торольф сказал:

"Теперь я сделаю остановку в своем путешествии; я не хочу идти дальше пешком". Торстейн спросил: 'Ты ранен, брат?' Торольф ответил: "Я не скрою, что, когда Льот метнул свой меч, он целился в тебя, и я прикрыл тебя щитом; тогда я был беззащитен, и меч попал мне в живот ниже ребер и пронзил его; тогда я обернул вокруг себя одежду, и так я ходил с тех пор; теперь мое хождение скоро закончится". Торстейн сказал: 'Случилось так, как я и предполагал, что один из нас не вернется; я бы многое отдал, чтобы не отправляться в это путешествие'. Торольф добавил: 'Давай не будем упрекать себя в этом сейчас, ибо никто не может пережить день своей судьбы, и я предпочитаю умереть с хорошей репутацией, чем жить со стыдом за то, что не последовал за тобой; тем не менее я хочу попросить тебя о милости, которая показывает мою гордость'. 'Что это, родич?' - спросил Торстейн. Торольф сказал: 'Я расскажу тебе. Мне кажется, что мое имя просуществовало недостаточно долго, и оно исчезнет, как увядшая трава, и меня никогда не упомянут, когда ты умрешь; но я вижу, что ты увеличишь наш род и проживешь долго; ты будешь человеком большой удачи. Если у тебя родится сын, я хочу, чтобы ты дал ему имя Торольф, и всю удачу, которая у меня была, я отдам ему, ибо таким образом, я верю, что мое имя будет жить, пока мир населен'. Торстейн ответил: 'Я охотно дарю тебе это, ибо ожидаю, что это сделает нам честь, и удача будет сопутствовать твоему имени, пока оно остается в нашей семье'. Торольф добавил: "Теперь я думаю, что спросил о том, что кажется мне самым важным", а затем он умер" (Сварфдала, с. 5).

“ У Торстейна от жены был сын, и, когда мальчик родился, его отдали отцу. Торстейн посмотрел на него и сказал: “Этого мальчика назовут Ингимундом в честь отца его матери, и я надеюсь, что ему повезет из-за его имени” (Ватнсдала, с. 7).

“Ингимунд, сын знаменитого викинга, помогавшего королю Харальду Прекрасноволосому в битве при Хафрсфьорде, женился на Вигдис, дочери Торира ярла. По пути в Исландию она родила красивого мальчика. Ингимунд посмотрел на него и сказал: ‘Его назовут Торстейн, и я думаю, удача сопутствует моему отцу’. Некоторое время спустя у него родился еще один сын, и он сказал: ‘У мальчика большие конечности и острые глаза. Если он выживет, мало кто сможет сравниться с ним; он станет великим чемпионом, если я не сильно ошибаюсь. Я не забуду нашего родственника Екуля, как просил меня мой отец, и его будут звать Екуль” (Ватнсдала, с. 13).

Иметь два имени считалось удачей, и считалось, что, добавив имя бога к имени человека, он обретет особую защиту этого божества; отсюда такие имена, как Торольф, Торстейн и др., от *Тора*, самой популярной приставки. Иногда добавлялось общее имя бога, такое как *As* или *Gud*, или слово *Ve* (святой).

“Хельги, сын Торгильса, был высоким, сильным и выносливым мужчиной; он был красив и дороден. В юности он мало разговаривал и даже тогда был властным и своевольным; он был изобретательным и капризным. Рассказывают, что однажды, когда скот был на дойке, там был бык, принадлежавший ферме, и что пришел другой бык, и они боднули друг друга. Молодой Хельги был снаружи и увидел, что их бык повержен, поэтому он пошел, принес железный шип и привязал его ко лбу быка, и таким образом он победил другого. Отсюда его прозвали Бродд-Хельги, и он был более искусен, чем любой другой человек, выросший в округе” (Рассказ Торстейна Белого, с. 1).

“Торольф в преклонном возрасте женился на Унн, и от нее у него родился сын по имени Стейн. Этого мальчика Торольф посвятил своему другу Тору, и поэтому его называли Торстейн” (Эйрбигджа, с. 7).

“Торстейн был женат на Торе, и от нее у него был сын, которого окропили водой и называли Грим; его отец отдал его Тору, сказав, что он станет *хофгоди* (храмовым священником); из-за этого его звали Торgrim” (Эйрбиггья, с. 20).

Когда женщина рожала ребенка, должны были присутствовать домочадцы и соседи.

“Горничные и соседки должны находиться у *постели* каждой женщины до рождения ребенка и не отходить от него, пока они не приложат его к груди матери.... Ни одна женщина не должна прикладывать ребенка к груди дольше трех голоданий,^[68] но должна прикладывать его до третьего голодания. Если ее муж говорит, что она должна отнять своего ребенка от груди, а его жена обладает такой властью, что не подчиняется его словам, она обязана заплатить три марки из своего собственного имущества. Если он прислушается к этому не больше, чем она, то каждый из них должен заплатить по три марки из своего имущества” (Закон Боргарта, 3).

Говорили, что дети знатных семей рождались с оружием, которое, по-видимому, было специально изготовлено для вручения при рождении; и животные, родившиеся в тот день, также были подарены ребенку при рождении.

“Хлод, сын короля Хейдрека, воспитывался у короля Хумли, отца своей матери, и был самым красивым и смелым из мужчин. Но в то время существовала старая поговорка, что человек рождается с оружием или лошадьми; это говорилось об оружии, которое было изготовлено в

то время, когда родился человек. Также овец, скот, быков или лошадей, если они родились в то время, дарили высокородным мужчинам в их честь, как здесь сказано о Хлодвере Хайдрекссоне:

Тогда и родился Хлод

В Хуналенде,

С саксофоном и шпагой,

С длинной брыней,

В шлеме, украшенном кольцами,

Острым мечом (мекир),

На хорошо обьеженной лошади

На священном поле”.^[69]

(Сага о Хервараре, ок. 13.)

Когда у ребенка прорезался первый зуб, было принято дарить ему подарок.

Боги в былые дни

Отдал Фрею

Альфхайм в качестве платы за зуб.

(Гримнисмал.)

“Аста, дочь Гюдбранда, родила мальчика, которого назвали Олафом, когда Храни окропила его водой. Некоторые говорили, что Гюдбранд не позволял ему воспитываться из-за ненависти, которую он испытывал к своему отцу (Харальду Гренски), пока Грани не сказал ему, что видел свет над домом, в котором родился ребенок. Гюдбранн сам пошел посмотреть на это. Затем мальчика забрали и воспитывали с большой любовью. Храни дал ему пояс и нож в качестве платы за зубы, а когда он вырос, он подарил ему кольцо и меч” (“Сага о святом Олафе”, том iv; Форнманна Сегур).

В битве при Свольде Олаф Трюгвасон сказал Тири, своей королеве:

- Теперь тебе незачем плакать, ибо ты получил обратно свои владения в Виндланде, но сегодня я потребую плату за твой зуб у короля Свейна, твоего брата, о чем ты часто просил меня.

Богини и богины, по-видимому, были призваны помогать женщинам в муках родов.

“Боргни, королевская дочь, не могла родить своего ребенка до тех пор, пока Оддрун, сестра Атли, не пришла ей на помощь; и тогда Боргни говорит:

Это может помочь тебе

Добрые силы

Фригг и Фрейя

И еще боги

То , что ты взял

Опасность исходит от моих рук.

(Oddrunargrát.)

Торговцы и воины, жившие за границей среди христиан, должны были получить так называемое *главное знамение*, которое позволяло им жить среди христиан, не крестясь и не отказываясь от своей древней веры. Эти выдающиеся люди, вернувшись на родину, принесли с собой первые представления о христианстве и, несомненно, проложили путь к его окончательному принятию.

“Человек по имени Токи пришел к королю Олафу Харальдссону. Король спросил его, крещен ли он. Токи ответил: “Я *подписался* и не крещен, потому что я был поочередно с язычниками и христианами, хотя я верю в Хвитикриста (белого Христа). Мое поручение к вам также заключается в том, что я хочу креститься и придерживаться вероучения, которое вы проповедуете, потому что я вряд ли получу его от лучшего человека. Король был рад, когда ему захотелось креститься и служить Богу. После этого Токи был крещен королевским хирдом-епископом и умер в белых одеждах (крещения)” (Флатейярбок, ii. 137).

Весной шурины Торgrim и Торкель подготовили корабль восточных людей к путешествию за границу и взяли его в свою собственность. Эти выходцы с Востока были очень неуправляемы в Норвегии, и там не было мира. Они вышли в море, и тем же летом Гисли и его шурин Вестейн отправились за границу из Скельявика во фьорде Стейнгрима. Онунд из Медальдала управлял фермой Гисли и Торкеля, а Сака-Стейн - фермой Торгрима в Соболе вместе с женой последнего, Тордис. Он был ближайшим родственником Торгрима. В это время Норвегией правил Харальд Графельд (серая кожа). Торgrim и Торкель высадились на севере, в Трандхейме, и там встретили короля, предстали перед ним и поприветствовали его, и он хорошо принял их; они подружились с его людьми, и им было легко заполучить имущество и почести. Гисли и его последователи находились в море более ста дней и высадились в Хердаланде зимними ночами (первые три ночи зимы), в сильную метель и сильный шторм. Их корабль был разбит в щепки, но они спасли свое имущество и жизни. У Скегга-Бьяльфи было торговое судно, и он направлялся в Данию. Гисли хотел купить у него половину корабля, и он сказал, что слышал, что они хорошие люди, и продал им эту половину; они сразу же дали ему больше, чем ее стоимость в виде имущества. Они отправились на юг, в Данию, в торговый город Вебьерг (Виборг); они остались там на зиму у Сигрхадда; они были там втроем, Гисли, Вестейн и Бьяльфи; они были хорошими друзьями и обменялись множеством подарков. В это время христианство пришло в Данию, и Гисли и его спутники позволили себе *расписаться*; в то время это был обычай, которым часто пользовались люди, совершавшие торговые поездки, поскольку тогда они могли свободно общаться с христианами. Ранней весной Бьяльфи подготовил свой корабль к отплытию в Исландию. Сигурд, норвежец, спутник Вестейна, был тогда на западе, в Англии” (Сага о Гисли Сурссоне, стр. 95-97).

Обнажение ребенка настолько полностью зависело от воли отца, что даже мать не осмеливалась воспротивиться этому; если при рождении у ребенка не было отца, этим правом пользовалось лицо, которое управляло домашним хозяйством или семьей, а затем ребенка выносил раб. Такие дети, которые не были приняты отцом или с его ведома или согласия, назывались *уборин берн* (нерожденные или непринятые дети); само разоблачение называется *утбурд* (= вынос, т.е., из дома).

В Исландии жил вождь по имени Асбьерн Гуннбьярнарсон; его женой была Торгерд, прекрасная и образованная женщина. У них родилась дочь Торни, которую Торгерд выдала замуж за Скиди без согласия Асбьерна.

Спустя несколько лет Асбьерн прискакал к *Твари* и сказал Торгерд: “Теперь я по своему обыкновению еду к *Твари* и знаю, что ты далеко зашла с ребенком; теперь, кто бы это ни был, мальчик или девочка, его нужно не растить, а выставить напоказ”. Она сказала, что он не должен был этого делать, такой мудрый и могущественный человек, каким он был; ‘ибо это было бы неслыханным злодейством, даже если бы это сделал бедняк, тем более что у вас нет недостатка в благах”. Асбьерн ответил: ‘Я думал, когда ты отдавал нашу дочь Торни Скиди, выходцу с востока, без моего ведома, что я не должен растить больше детей, чтобы ты отдавал их против моей воли, но если ты не сделаешь так, как я тебе говорю, ты почувствуешь это, как и все, кто нарушает мои приказы или не делает того, что я хочу’. Он подъехал к *Штуке*. Вскоре после этого Торгерд родила мальчика; он был большой, упитанный и очень красивый; все, кто его видел, как мужчины, так и женщины, хвалили его. Хотя Торгерд считала, что с ребенком все в порядке, и очень любила его, тем не менее она хотела, чтобы он был выставлен на всеобщее обозрение, потому что знала нрав своего мужа Асбьерна и считала, что он должен настоять на своем. Затем она приказала мужчинам обнажить ребенка и подготовить его, как это было принято. Они вынесли его из дома, положили между двумя камнями и накрыли большой плитой; они оставили во рту ребенка кусок свинины и ушли. Гест, бондиец, услышал плач ребенка и отнес его домой к своей жене; она была приемной матерью Торгерд и узнала мальчика. Они согласились воспитывать ребенка как своего собственного” (Сага о Финнбоги Рамми).

Среди основных причин, приведших к разоблачению ребенка, были уродство и разногласия между мужем и женой; недовольство отца жены союзом, плодом которого был ребенок; убеждение жены, если ее муж получит ребенка от наложницы; суеверия относительно дурных предзнаменований во время родов, которые, как считалось, указывали на грядущие несчастья, вызванные ребенком; и, наконец, полная неспособность родителей вырастить ребенка из-за их бедности.

“Каждый ребенок, который рождается в этот мир, должен быть воспитан, крещен и отнесен в церковь, за исключением того, который рождается настолько уродливым, что мать не может придать ему сил, у которого пятки находятся на месте пальцев ног, подбородок между плечами, шея на груди, икры ног вывернуты вперед, глаза на затылке, а плавники напоминают тюленьи или собачьи. Его отнесут на берег и похоронят там, куда не ступала нога человека или скота; это берег лукавого. Следующим является ребенок, который рождается с кожным мешком на лице; каждый может видеть, что он не может добыть себе пищу, хотя и может вырасти; его нужно взять и отнести в церковь, *расписаться*, положить у церковных дверей; ближайший родственник должен присматривать за ним, пока из него не выйдет дух; он должен быть похоронен на церковном кладбище, и за его душу будут молиться, насколько это возможно”^[70] (Более ранний закон Фростатинга, глава 1).

“Сигни родила девочку, крупную и красивую; ее брат Торфи не позволил бы поливать ее водой, пока не узнал, как сложится ее жизнь. Она умерла, и он так разозлился^[71], что захотел разоблачить ребенка. Он попросил своего приемного отца Сигурда взять ребенка, пойти с ним к реке Рейкьярдалс и там утопить его. Сигурд сказал, что это очень дурно, но не смог отказаться; поэтому он взял ребенка и ушел с ним. Оно показалось ему таким красивым, что у него не хватило духу выбросить его в реку; он вернулся в Синьярстадир и положил ребенка у ворот двора, думая, что, вероятно, его скоро найдут. Грим бонди Синьярсон стоял снаружи у фронтона дома и увидел это. Он пошел, поднял его, принес в дом и сообщил, что его жена

Хельга больна и родила ребенка.... Торфи рассердился на это; он забрал девочку, но не посмел убить ее, ибо убийство детей после того, как их окропили водой, считалось убийством” (“Сага о Хорде”, с. 8).

“Торстейн (сын Эгиля Скаллаgrimссона) однажды летом собрался отправиться на *Дело* и сказал своей жене Йофрид: ‘Ты ждешь ребенка; если это будет девочка, ты должна обнажить ее, но вырасти, если это будет мальчик.’ В то время, когда вся страна была языческой, у тех, у кого было мало имущества, существовал обычай выставлять своих детей напоказ, хотя это всегда считалось очень порочным. И когда Торстейн сказал это, Йофрид ответил: ‘Это недостойно такого человека, как ты, и ты, который так богат, не должен этого делать’. Торстейн добавил: ‘Ты хорошо знаешь мой нрав и то, что тебе не поздоровится, если мой приказ не будет выполнен’. Затем он поехал к *Вещи*, и Йофрид родила девочку, которая была чрезвычайно красива. Женщины хотели взять его, но она сказала, что им это не нужно, и позвала своего пастуха Торварда, и сказала: “Возьми моего коня, надень на него седло и отнеси этого ребенка Торгерд, дочери Эгиля (Скаллаgrimссона) в Хьярдархольт, и попроси ее вырастить его тайно, чтобы Торстейн не узнал об этом; я смотрю на этого ребенка такими глазами любви, что у меня не хватает духу разоблачить его. Вот тебе три марки серебра в награду; Торгерд отправит тебя за границу. Торвард сделал, как она сказала. Он поехал в Хьярдархольт с ребенком и передал его Торгерд; она вырастила его у своего арендатора в Лейсингяштадире в Хваммсфьорде.... Когда Торстейн вернулся домой после *Дела*, Йофрид сказал ему, что девочку обнажили, как он и приказал, но ее пастух убежал и украл ее лошадь. Торстейн сказал, что это хорошо, и завел другую овчарку. За шесть зим этого не обнаружили. Несколько лет спустя, когда Торстейн был в гостях у своего шурина, Торгерд рассказала ему, что прекрасная девушка, стоявшая перед ним, была его собственной дочерью, и как она попала к нему. Торстейн сказал: ‘Я не могу винить тебя за это; большинство вещей, которым суждено случиться, происходят, и ты исправил мою глупость. Мне так нравится эта девочка, что я считаю большой удачей иметь такого красивого ребенка; но как ее зовут? ‘Ее зовут Хельга,’ ответила Торгерд. ‘Хельга прекрасная,’ добавил Торстейн. “Теперь ты должен подготовить ее к возвращению домой со мной” (Гуннлауг Ормстунга, с. 3).

К детям, которые должны были подвергнуться опасности, никогда не прикасалась рука насильника. Упоминается только один случай, когда ребенка должны были бросить в воду. Одним из обычаев было класть ребенка в закрытую могилу; но наиболее распространенным было предоставить смерть или жизнь ребенка судьбе, спрятав его в укромном месте; например, между нагроможденными камнями или в углублении под корнем дерева, но сделав его сносно безопасным от диких животных. Иногда ему давали пищу, в основном свинину для сосания, чтобы продлить жизнь, на случай, если кто-нибудь найдет его и сжалится над ним.

“Торкатла, жена Асгрима, родила мальчика, и он приказал выставить его напоказ. Раб, который должен был копать могилу, заточил мотыгу и положил мальчика на пол. Затем они услышали, как мальчик поет:

Позволь мне добраться до моей матери,

Мне холодно лежать на полу,

Что лучше подходит для мальчика

Лучше, чем объятия его отца.

Тебе не нужно точить железо,

И не срезать дерн,
Оставь эту отвратительную работу,
Я еще поживу с людьми.
(Ланднама, ст. 6.)

После этого мальчика окропили водой и назвали Торстейном”.

Обычай обнажать детей так глубоко укоренился в сознании людей, что поначалу само христианство не могло помешать этому.

Тогда был издан закон, согласно которому все мужчины страны должны стать христианами, и те, кто не был крещен, должны стать таковыми. Но в отношении обнажения детей и поедания конины старый закон должен был оставаться в силе; мужчинам разрешалось приносить жертвы тайно, если они того желали, но они становились вне закона, если свидетели видели это” (Islendingabók, с. 7).

Как уже было сказано, Сигват Скалд и другие исландцы были с королем Олавом. Олаф тщательно расспрашивал, как в Исландии соблюдается христианство. Он подумал, что за ней очень плохо ухаживают, когда они сказали ему, что законы разрешают есть конину и выставлять детей напоказ, как это делали язычники” (Сага о святом Олафе, с. 56).

Среди вождей и других выдающихся людей был общий обычай не растить детей дома, а давать им образование у какого-нибудь выдающегося друга для подготовки к будущим жизненным обязанностям. Те, кто принимал их, были обязаны относиться к ним как к своим собственным детям, с любовью и добротой; и в Сагах есть много примеров великой любви приемных родителей к своим приемным детям.

Общим обычаем было сначала посадить ребенка *на колени* (*knésetja*) или посадить на колени того, кто должен был стать опекуном; затем ребенка называли сидящим на коленях (*knésetningr*) его приемного отца, который заботился о нем так же, как если бы он был его собственным ребенком.

“Харальд (Гормссон) взял Харальда, сына Эйрика (Кровавого топора), чтобы вырастить его, и усадил на колени; он был воспитан в своем хирде”^[72] (Форнманна Сегур, i, глава 19).

“Хескульд, исландский вождь, умер, и его сыновья унаследовали *арвель* после него, один из них, по имени Торлейк, приревновал его к сводному брату Олафу, матерью которого была Мелькорка, дочь ирландского короля, купленная Хескульдом в рабство. Чтобы умиловить его, Олаф предложил взять на воспитание сына Торлейка, сказав: ”Я возьму на воспитание твоего сына, потому что его всегда называют ничтожеством, который воспитывает ребенка другого”^[73] (Лаксдала, с. 27).

Воспитание чужого ребенка было доказательством того, что воспитатель считал себя занимающим более низкое или подчиненное положение, чем отец. Очень хорошим примером в этом отношении являются Харальд Фэрхэйр и Ательстан из Англии.

“В это время Англией правил молодой король Адальштейн (Ательстан) Добрый, который был одним из самых высокородных людей в Северных землях. Он послал людей в Норвегию к королю Харальду с посланием. Гонец предстал перед королем и вручил ему меч, рукоятка и эфес которого были украшены золотом. Все ножны были украшены золотом и серебром и усыпаны драгоценными камнями. Гонец протянул королю рукоять меча и сказал: ‘Вот меч,

который Адальстейн, король Англии, прислал тебе в подарок'. Король взялся за рукоять, и тотчас же гонец сказал: 'Теперь ты взялся за нее, как хотел наш король, и после этого ты будешь его знаменосцем и обладателем меча'. Король Харальд почувствовал, что это послание было послано для того, чтобы ввести его в заблуждение, много думал над этим и спросил своих мудрецов, следует ли убить гонца или опозорить короля каким-либо другим способом, ибо он не был бы знаменем короля Англии или любого другого человека в мире. Тогда король Харальд, по наущению своих людей, вспомнил, что не подобает королю убивать посланцев другого короля, которые передали послание своего повелителя, ничего к нему не добавив; но позволить заговору бороться с заговором и слову против слова; и он отпустил людей английского короля с миром. Следующим летом Харальд отправил корабль на запад, в Англию, и передал командование им своему лучшему другу Хауку Хаброку. Король отдал ему в руки ребенка, которого родила рабыня короля по имени Тора Мострстонг. Она была уроженкой Мостра в Суннхордаланде. Этого мальчика звали Хакон, и мать сказала, что он сын короля Харальда. Но Хаук пришел на запад, в Англию, и нашел короля Адальстейна в Лундунире (Лондоне), и предстал перед ним, когда со столов убрали, и поприветствовал его. Король поприветствовал его. Тогда Хаук сказал: 'Господин, Харальд, король норманнов, шлет тебе добрый привет и вместе с ним посылает тебе белую птицу, хорошо выдрессированную, и просит тебя впредь дрессировать ее получше'. Он достал ребенка из-под своего плаща и положил его на колени королю, который посмотрел на него, но Хаук стоял перед королем и не поклонился ему; у него под левой стороной плаща был острый меч, и таким образом были одеты все его люди, а всего их было тридцать. Тогда король Адальстейн спросил: 'Кому принадлежит этот ребенок?' Хаук ответил: 'Рабыня в Норвегии, и король Харальд сказал, что ты должен растить ее ребенка'. Король ответил: 'У этого мальчика глаза не раба!' Хаук ответил: 'Мать - рабыня, и она говорит, что король Харальд - отец ребенка, и теперь мальчик сидит у тебя на коленях, и теперь ты обязан ему не меньше, чем своему собственному сыну'. Король ответил: 'Зачем мне растить ребенка короля Харальда, если это ребенок собственной жены короля Харальда, не говоря уже о ребенке рабыни?' и одной рукой он схватил меч, лежавший у него на боку, а другой - ребенка. Тогда Хаук сказал: 'Ты взял на воспитание одного ребенка короля Харальда и посадил его на колени, и ты можешь убить его, если захочешь, но ты не убьешь этим всех сыновей короля Харальда, и после этого будет сказано, как было сказано раньше, что тот, кто воспитывает ребенка другого, - ничтожество'. После этого Хаук ушел, перекинув плащ через левую руку и держа обнаженный меч в другой руке; тот из его людей, кто вошел последним, вышел первым. Сделав это, они спустились на свой корабль, и поскольку с суши в море дул попутный ветер, они воспользовались им и отплыли в Норвегию. И когда они пришли к королю Харальду, он горячо поблагодарил Хаука за его путешествие. Король Адальстейн воспитал Хакона при своем дворе, и впоследствии его называли приемным сыном Ательстана. В этих отношениях королей было видно, что каждый из них хотел, чтобы его считали выше другого, но на этот счет не было никакой разницы между их рангом, и каждый из них был королем в своем королевстве до дня своей смерти" (Фагрскинна, с. 21-22).

При воспитании и образовании мальчиков наибольшее внимание уделялось их физическому развитию; как физические, так и интеллектуальные достижения были названы *идроттир*. Наиболее важными из них были умелое обращение со всеми видами оружия, верховая езда, плавание, бег на снегоступах, гребля, борьба, работа по дереву и металлу и игра на арфе; к этому иногда следует добавлять умение дрессировать собак, соколов и ястребов для охоты и управлять ими. Из интеллектуальных достижений упоминаются знание рун, законов, искусство поэзии, столь необходимое для увековечения памяти о подвигах героев, красноречие, умение играть в шашки, шахматы и использование иностранных языков.

Кали, сын Кола, поселившийся на Оркнейских островах, хорошо известный как добрый и образованный человек, сочинил следующую строфу:

Я готов играть в шахматы,
Я знаю девять идроттиров,
Я вряд ли забуду эти руны,
Я читатель книг и кузнец;
Я могу скользить на снегоступах,
Я стреляю и гребу с пользой,
Я тоже знаю и то , и другое
Игра на арфе и метры.

(Оркнейская сага, ок. 49)

“ Рассказывают, что Хьердис родила мальчика, и его отнесли королю Хьялпреку. Он обрадовался, когда увидел сверкающие глаза у себя на голове, и сказал, что никто не сравнится с ним, и его обрызгали именем Сигурд; все люди говорят о нем то же самое, что по силе и размерам никто не сравнится с ним. Хьялпрек воспитывал его с большой любовью. Когда будут названы все знаменитые люди и короли из старых Саг, Сигурд будет самым выдающимся по силе и достижениям, энергии и доблести, которыми он обладал в большей степени, чем любой другой человек в северной половине мира. Сигурд вырос там вместе с Хьялпреком, и все дети любили его; он обручил Хьердис с королем Альфом и устроил ее мунд. Приемным отцом Сигурда был Регин, сын Хрейдмара; он научил его играть в идроттир, шахматы и руны, говорить на многих языках, как тогда было принято у королевских сыновей, и многому другому” (“Сага о Вельсунге”, с. 13).

Тайно воспитывать детей, похоже, было запрещено.

“Король Харальд Хардради во время визита к норвежскому вождю Аслаку спросил его, не был ли он плохо осведомлен в законах, установленных покойным королем Олафом Харальдссоном (дигри). Аслаку, сказавшему, что да, король спросил его, знает ли он, какое полагается наказание за тайное воспитание сына. Аслах ответил, что он не знает, но что мужчина может отдать своего ребенка на воспитание, где ему заблагорассудится. Король ответил, что он потеряет земли и жизнь. Аслаку признался, что он не понимает, почему должно быть назначено такое суровое наказание, но, тем не менее, это его не касалось. Король сообщил ему, что так оно и было, поскольку ему сказали, что у него есть сын, которого он тайно воспитывал, в то же время назвав человека, который ему сказал. Затем Слак признал, что у него был сын по имени Хеминг, который поначалу подавал большие надежды, но через некоторое время сошел с ума, и поэтому был отправлен далеко от Торгара (дома Слака), и теперь он не знал, жив этот сын или мертв. Король сказал, что ему вскоре следует уехать, но он вернется в следующем сезоне и тогда ожидает увидеть либо Хеминга, либо его кости, если он умрет” (Flateyjarbók, iii.).

Дети, похоже, развлекались способом, очень похожим на тот, который принят в наши дни.

“Мальчики Гуторм и Хальфдан, сыновья Асты (сводные братья Святого Олафа), играли с большими хлевами, коровниками и овцами, которые они сами сделали. Харальд (третий сын) был недалеко отсюда, в мутном ручье озера, где по воде плавало множество щепок. (святой)

Олаф спросил его, для чего они нужны. Он сказал, что это были его военные корабли. Король рассмеялся и сказал: ‘Может быть, родич, в свое время ты будешь править кораблями’ (этим мальчиком был Харальд Хардради)” (Сага о Святом Олафе, с. 75).

ГЛАВА IV. АРВЕЛЬ, ИЛИ ПРАЗДНИК НАСЛЕДОВАНИЯ.

Праздник наследования —Его продолжительность—Обычаи праздника—Право занимать высокое место—Праздник после смерти Хейдрека—Раздел имущества—Урегулирование долгов—Поддержка бедных—Арвель в христианские времена—Согласие наследников на распоряжение имуществом—Правила, регулирующие наследование—Усыновление—Церемония усыновления—Публичное объявление об усыновлении—Степени наследования для женщин—Собственность иностранцев.

The *Эрфи-оль* (эль или праздник наследования) был очень важной церемонией, на которой наследник официально вступал во владение имуществом своего родственника. Седьмой день после смерти, по-видимому, был самым ранним, когда арвел, который обычно длился три ночи, мог быть законно проведен. Если покойный был выдающимся человеком, иногда проходил один или несколько лет, прежде чем проводился арвел, и тогда приглашались многочисленные гости отовсюду.

“Торольф был похоронен в кургане с некоторым имуществом, соответствующим его рангу. Затем Торстейн устроил пир (арвел) и пригласил ярла и многих других высокородных мужчин. Они просидели за ним три ночи, как было принято. Торстейн отослал их с хорошими подарками” (Сага о Сварфдале).

“Если взрослый мужчина остается спокойным в течение семи дней или до утра тридцатого дня и не требует наследства, то он никогда не сможет получить это наследство. Если он ведет себя тихо и не имеет права принять его (т. Е. Не достиг совершеннолетия), то он должен заявить, что он является наследником. Другой человек может заявить об этом от его имени. Он должен претендовать на это наследство в течение первых пяти лет после того, как получит на него право. Если он этого не сделает, то никогда не сможет претендовать на него впоследствии. Это если не помешает никакая необходимость. Если он находится не в филках и не на земле, он должен заявить права на нее в течение первых двенадцати месяцев после того, как он попадет в филки, где находится наследство, если никакая необходимость не препятствует. Потребности должны быть приняты во внимание” (Гулатх., 122).

Высокое кресло покойного пустовало до самого арвела. В первый вечер наследник или наследницы садились на более низкое сиденье, обычно на ступеньках высокого трона, пока не произносились поминальные тосты за усопших и самых могущественных из их усопших родственников и богов. Затем они сели на возвышение и этим актом вступили во владение наследством.

По обычаю наследник опустошал рог медовухи или эля и давал обет совершить какой-нибудь великий и доблестный поступок. Пир продолжался несколько дней, с обилием напитков и закусок, как и на других пирах, а при отъезде гостям были вручены подарки, как это было принято на подобных увеселениях.

Вскоре после того, как из Дании пришла великая весть о смерти Струтаральда ярла, отца Сигвальди и Торкеля; третий брат Хеминг был молод, и король Свейн (Тюгускегг) счел своим долгом устроить помолвку Струтаральда ярла, если старшие сыновья не приедут, поскольку Хеминг считался слишком молодым, чтобы устраивать пир. Король послал весточку Сигвальди и Торкелю в Йомсборг, чтобы они приехали в арвель и устроили пир вместе с ним, и устроили это так, чтобы такому вождю, как их отец Струтаральд, было оказано как можно больше почестей. Они сообщили, что придут, и что он должен приготовить все необходимое для праздника, и что они возьмут на себя расходы, и он должен взять все, что ему нужно, из имущества Струтаральда. Большинство их людей считали нецелесообразным отправляться туда и подозревали, что дружба короля Свейна, Сигвальди и Йомсвикингов была довольно поверхностной после того, что произошло между ними раньше, хотя тогда они вели себя подобающе друг другу. Братья хотели во что бы то ни стало пойти туда, как они и обещали. Йомсвикинги не захотели оставаться дома, но последовали за ними на праздник.

“ Они покинули Йомсборг с большим войском; у них было сто семьдесят кораблей. Они отправились в Зеландию, где правил Харальд ярл; Свейн был там и приготовил арвель; это было примерно в пору зимних ночей. Там было много людей и хороший пир; йомсвикинги жадно пили в первый вечер, и напиток сильно опьянил их. После того, как это продолжалось некоторое время, Свейн увидел, что почти все они были мертвецки пьяны, так как были очень разговорчивы и веселы и почти не боялись говорить многое из того, чего они иначе бы не сказали; видя это, король сказал: ‘Здесь великое веселье и много людей, и я предлагаю вам найти какое-нибудь новое и достойное развлечение, чтобы развлечь народ, о котором долго будут помнить’. Сигвальди ответил: ‘Мы думаем, что вам, господин (герра), больше всего подходит и лучше всего подходит для развлечения сделать первое предложение, потому что мы все должны повиноваться вам, и мы все согласимся на развлечение, которого вы желаете’. Король сказал: ‘Я знаю, что всегда было принято на больших пирах и собраниях, и там, где собирались избранные люди, давать клятвы развлекать и прославлять себя, и я готов попробовать это сейчас, ибо, поскольку вы, Йомсвикинги, гораздо более знамениты, чем все остальные люди во всей северной половине мира, легко понять, что клятвы, которые вы дадите здесь, будут настолько же более знамениты, чем другие, насколько вы более значимы, чем другие люди, и вполне вероятно, что люди надолго запомнят их, и я начну. Я клянусь, что прежде, чем пройдут третьи зимние ночи после этого, я изгоню короля Этельреда (Англии) из его владений или же убью его и таким образом завладею его владениями. Теперь твоя очередь, Сигвальди, и дай обет не меньший, чем я”... (Сага о Йомсвикинге, с. 37).

“Ингьяльд приготовил большой пир в Упсале и намеревался устроить арвел в честь своего отца Онунда в зале, не менее большом и величественном, чем зал в Упсале. Это место он называл залом семи королей, потому что в нем было семь высоких кресел. Он разослал людей по всей Швеции и пригласил королей, ярлов и других высокородных людей; к этому арвелу пришли шесть королей, которые воссели в новоделанном зале. Одно из высоких кресел, приготовленных Ингьяльдом, пустовало. Все гости сидели в новом зале, а Ингьяльд разместил своего хирда и всех своих людей в Упсала-холле. В то время было принято, что там, где после смерти королей или ярлов совершался арвель, тот, кто подарил его и должен был получить наследство, должен был сидеть на ступеньке перед высоким престолом до тех пор, пока не принесут рог, называемый рогом Браги, затем он должен был встать, взять рог, произнести клятву и осушить его до дна. После этого его должны были отвести на высокий престол его отца, и тогда он стал владельцем всего своего наследства. Так было сделано здесь; когда принесли рог Браги, Ингьяльд встал и взял большой олений рог; он поклялся, что увеличит свое царство наполовину в каждом квартале, иначе умрет; затем он выпил его.

Вечером, когда мужчины напились, Ингьяльд сказал Фольквиду и Хульвиду, сыновьям Свипдага, что они и их люди должны вооружиться, как было условлено. Они пошли в новый зал и подожгли его; там сгорели шесть королей со всеми их людьми, а те, кто пытался сбежать, вскоре были убиты. После этого Ингьяльд вступил во владение всеми королевствами, принадлежавшими этим королям, и брал с них налоги” (Сага об инглингах, с. 40).^[74]

Похоже, что право занимать высокое кресло передавало вместе с ним право управлять домашним хозяйством и землей.

“Когда королю Харальду (Прекрасноволосому) исполнилось восемьдесят зим, он стал тяжеловесен в движениях, так что думал, что не сможет путешествовать по стране или управлять делами королевства. Затем он посадил на высокий трон своего сына Эйрика и дал ему власть над всей страной.

Когда другие его сыновья услышали об этом, Хальфдан черный занял высокое королевское кресло и принял правление над всем Трандхеймом, и все транды поддержали его в этом. Но когда люди Викина услышали об этом, они сделали Олафа королем всего Викина, что Эйрику не понравилось” (Олаф Трюгвасон, том i; Форнманна Сегур).

Рассказывают, что однажды, когда люди отправились в *легберг* (место суда в *Альтинге*), Олаф (сын Хескульда, вождя, умершего незадолго до этого) встал и попросил тишины, а первым сообщил людям о кончине своего отца: “Здесь сейчас много его родственников и друзей; мои братья желают, чтобы я пригласил в арвель после смерти нашего отца, Хескульда, всех храмовых священников, поскольку большинство его родственников, вероятно, находятся в арвеле”. быть выдающимися людьми; Я заявляю, что никто из наиболее знатных людей не уйдет без подарков; мы также хотим пригласить бундров и всех, кто примет приглашение, богатых и бедных; за десять недель до начала зимы вы придете на пир, который продлится полмесяца в Хескульдштадте.‘ Когда Олаф закончил свою речь, его приветствовали, и его речь была сочтена очень хорошей. Когда Олаф вернулся в свою кабинку, он рассказал братьям о плане; им это не понравилось, и они подумали, что было предложено слишком много. После *альтинга* братья поехали домой. Прошло лето, и братья приготовились к пиршеству; Олаф щедро пожертвовал третью часть, и все было приготовлено наилучшим образом. Были сделаны большие приготовления, поскольку считалось, что придут многие. В назначенное время пришло большинство высокопоставленных людей, которые обещали; их было так много, что люди говорят, что их было не менее девятисот (1080). На этом пиршестве было самое большое количество гостей в Исландии, после того, которое сыновья Хьялти устроили в честь своего отца, на котором присутствовало тысяча двести человек (1440). Во всех отношениях это было очень красиво, и братья получили много почестей, но Олаф, который отдал столько же, сколько и оба его брата, больше всех; подарки были вручены всем выдающимся людям” (Лаксдала, с. 27).

“Каждый мужчина должен сам управлять своей собственностью, пока он может сидеть на своем высоком троне, как мужчина, так и женщина. Если мужчина настолько теряет рассудок, что его родственникам по мужской и женской линии кажется, что он не знает, как управлять своим имуществом, об этом должен позаботиться следующий наследник. Он не должен быть продан владельцу, и он должен зарабатывать на жизнь, как подобает обоим” (Frostath., ix. 20).

После смерти Хейдрека мы читаем отчет об арвеле и видим, как один из братьев приходит требовать свою долю в разделе, который, похоже, был произведен по взаимной договоренности, но не в этом случае.

После этого Ангантир устроил большой пир в Данпарстадире, в храме под названием Археймар, в память о смерти своего отца.

В былые времена говорили , что

Хумли правил войском,

Гизур Гаутар,

Ангантир-Готар,

Валдар Данир (датчане),

Кьяр Валир,

Альфрек знаменитый

Энск-тьод (английская нация).

Хлод услышал о смерти своего отца и о том, что его брат Ангантир стал королем всего королевства. Король Хумли хотел, чтобы Хлод пошел и потребовал свое наследство у своего брата Ангантира

Хлод прискакал с востока,

Наследник Хейдрека;

Он вышел в холл

Где живут Готары,

В Археймар

Требовать наследства;

Там Ангантир выпил

Арвель короля Хейдрека.

Он нашел человека

За пределами высокого зала

Кто опоздал

И поприветствовал его:

"Воин, иди в

Высокий зал,

Спроси Ангантира

Чтобы дать мне ответ.

Человек вошел к королевскому столу и сказал:

Вот и Хлод пришел,

Наследник Хейдрека;

Твой брат,
Настроенный на битву;
Он очень высокий
Верхом;
Шеф хочет
Поговорить с тобой.

Услышав это, король бросил нож на стол, встал и надел кольчугу, взял в одну руку белый щит, а в другую - *Тирфинг* меч. Затем в зале поднялся большой шум, как здесь сказано: —

В зале поднялся шум;
Они (воины) восстали вместе с высокородным;
Каждый желал услышать
Что сказал Хлод
И ответ
Который дал Ангантыр.

Ангантыр сказал: 'Добро пожаловать! приветствую тебя! войди и выпей с нами, и давай сначала выпьем медовухи в честь нашего отца в честь всех нас. Хлод ответил: "Мы пришли сюда не только для того, чтобы набить желудок".

Я возьму половину
Того, чем владел Хейдрек;
Инструментов и оружия,
Также из дани уважения,
О коровах и телятах,
Из звучащих мельниц.
О рабынях и рабыньках
И их дети,
Из большого леса,
По имени Мирквид,
Святая могила^[75]
Который связан с готом тьодом.
Этот прекрасный камень^[76]
In Danparstadir,
Половина принимающих-берги

Которым владел Хейдрек,

О землях и людях

И яркие кольца.^[77]

Angantýr.

Брат, бледно-белый

Щит лопнет,

И холодное копье

Прикоснись к другим копьям,

И многие воины

В траве тонет

Перед тем, как я *Вздохну*

На две части разделить,

Или к Хумлунгам

Половину наследства отдам.

Я предложу тебе прекрасный напиток,

Собственность и множество подарков

По которому ты тоскуешь больше всего.

Я даю тебе тысячу двести человек,

Я даю тебе тысячу двести лошадей,

Я даю тебе тысячу двести слуг

Которые носят щиты.

Я даю каждому мужчине

Со многими вещами нужно смириться;

Деву, которую я дарю

Каждому мужчине;

Я застегиваю ожерелье

На шее у каждой девушки.

С серебром

Я измерю тебя сидящим;

И над тобой ходит

Лить золото,

Так что кольца^[77]

Раскатываться во все стороны;

Над третьей частью гот-тьода^[78] (люди)

Ты будешь править.

“Гизур Гритингалиди, приемный отец Хейдрека, был тогда с Ангантиром; он был очень стар; когда он услышал предложение Ангантира, он подумал, что предлагает слишком много, и сказал:

Это приемлемо

Ребенку от рабыни,

Хотя он рожден от короля;

Ублюдок

Сидел на холмике

Когда король

Разделили наследство.

“И вот Хлод очень разозлился на то, что его называли сыном рабыни и незаконнорожденным, если он принял предложение своего брата; он ушел со всеми своими людьми в Хуналенд к Хумли, отцу своей матери, и сказал ему, что его брат Ангантур предложил ему треть королевства, Хумли слышал все, о чем они говорили, и был очень зол, что сына его дочери Хлода называют сыном рабыни. Он сказал:—

“Мы будем сидеть этой зимой

И живи счастливо,

Слейте воду и обсудите все

Дорогой напиток,

Научи хунара

Чтобы они приготовили оружие

Который мы смело

Потерплю.

Ну что ж, Хлод,

Одень воинов

И сильно

Прижать щитки;

Мужчины двенадцати зим от роду,

И лошади в возрасте двух зим,

Так поступит хозяин

Из хунаров быть собранным”.

(Сага о Хервараре, с. 16, 17)

Имущество также было разделено по взаимной договоренности.

“Теперь этот сезон прошел, и наступили переездные дни. Торкель сказал Гисли, что хочет разделить все имущество между ними и начать совместное ведение хозяйства с Торгримом, своим шурином. Гисли сказал: ‘Лучше всего смотреть на имущество братьев вместе, брат; и я был бы благодарен, если бы мы не делили его’. Торкель ответил: ‘Я давно увидел, что мы содержимся неравно, поскольку ты день и ночь трудишься по хозяйству, в то время как я ни на что не гожусь’. Гисли ответил: ‘Я вполне доволен и охотно позволил бы этому случиться’. Но Торкель не желал слушать ни о чем, кроме раздела, и сказал: ‘Ты получишь усадьбу при разделе и поместье нашего отца, потому что я прошу о разделе, но я возьму свободную собственность’. Гисли сказал: ‘Мы пытались как соглашаться, так и не соглашаться, родственник, и нам обоим это удавалось лучше, когда мы соглашались; давай не будем менять это, брат, когда мы хорошо соглашаемся’. ‘Бесполезно говорить об этом,’ сказал Торкель. ‘имущество должно быть разделено. ‘Тогда делай, что тебе нравится”, - сказал Гисли. - “Разделяй или выбирай; ибо мне все равно, что я сделаю’. ‘Тогда я хочу, чтобы ты разделил”, - сказал Торкель; и это было сделано. Торкель выбрал свободную собственность, которая была больше, чем земля, доставшаяся Гисли. На нем должны были жить двое детей, мальчик Гейрмунд и девочка Гудрид; дети их родственника Ингьяльда. Гудрид отправилась с Гисли, а Гейрмунд с Торкелем. Торкель отправился к своему шурину Торгриму и жил с ним; Гисли остался в Холе и не обнаружил, что домашнее хозяйство стало хуже, чем раньше”^[79] (Сага о Гисли Сурссоне, стр. 100).

В арвеле погашались долги умерших и производился раздел имущества, если наследников было несколько. Если оставшегося имущества было недостаточно для погашения долгов, то кредиторы должны были разделить убытки пропорционально своим требованиям. Если наследниками были сыновья или дочери умершего, они должны были погасить долги из своего собственного имущества.

“Когда человек умирает, его наследник должен сесть на высокое место и призвать всех кредиторов прийти туда на седьмой день и забрать причитающееся каждому, столько, сколько подтвердят свидетели. Если имущества недостаточно, все должны разделить убытки. Тот, кому причиталось больше, потеряет больше. Если в наследстве есть доля бедняка и женщины, то это справедливо, если денег хватит на обоих; если их нет, она потеряет своего *гагнъяльда* (*тильгьефа*).... Если есть сыновья или дочери, они должны платить долги, если у них есть имущество, но никто другой не должен этого делать, если он не унаследует имущество” (Закон Гулатха, 115).

После выплаты долгов нищие распределялись между наследниками (или, если существовал только один нищий, каждый наследник по очереди содержал его в той же пропорции, что и наследство), поскольку община никогда не вмешивалась в поддержку нищих.

“Если люди делят между собой неимущих, не имеющих собственности, то дележ должен сохраняться, как бы они ни делились. Они (нищие) должны следовать за наследниками”^[80] (Гулат., 127).

Только дети от законного союза были законными *скирбориннами* (рожденными в святости) и, следовательно, *арфбориннами* (рожденными по наследству).

“Ребенок, мать которого куплена за мунд, получает наследство, когда выходит на дневной свет и получает пищу” (Gragas, i. 223).^[81]

“Мужчина, которого несли между *скаутами* (подолами плаща) отца и матери, должен иметь те же права, что и его отец” (Более ранний Закон Фростатинга, ix. 15).

“Если мужчина живет со своей наложницей двадцать зим или больше, и они никогда не разлучаются в течение этого времени, и в течение этого времени не возникает никаких препятствий, тогда их дети передаются по наследству, и они являются партнерами по закону” (Гулат., 125).

Во времена христианства арвель сменил свое название на соул-эль.

“Везде, где люди умирают и наследник хочет иметь арвель, будь то через семь дней, или на тридцатое утро, или позже, это называется *эрфиель*. Если они варят эль и называют его *салул* (душевный эль), они должны пригласить на него священника, у которого они покупают услуги, по крайней мере, с двумя другими мужчинами. Священник должен отправиться в арвелс или душепопечение, если не помешает необходимость. Если он не пойдет, он потеряет свою десятину” (Гулат., 23).

Никому, у кого были законные наследники, не разрешалось распоряжаться своим имуществом перед смертью без согласия этих наследников.

“Никто не должен делить имущество или наследство до того, как владелец разрешит это, пока люди не увидят, что он их портит. Пока человек в здравом уме и может управлять своей фермой и заключать сделки, и способен ездить верхом и пить эль, он будет управлять своей собственностью, и никому не позволено делить ее; если она будет разделена, то не будет сохранена” (Гулат., 126).^[82]

“Когда две дочери наследуют от своего отца, и у одной есть дочь, а у другой сын, сын может выкупить (землю) у своих родственниц в соответствии с законом. Но если у этого сына есть только дочери, в то время как у дочери сестры его матери есть сын, он может выкупить у них землю за ту же сумму, которая была выплачена его матери. Тогда земля останется там, где она есть, ибо она трижды проходила под веретеном” (Гулат., 275).

Имущество унаследовано ближайшим родственником, и правила, регулирующие наследование, таковы:—

“Сын получает наследство после своего отца, если все идет так, как должно, и приемный сын, как рожденный в одной семье; и если дела идут плохо (если сын умирает), отец наследует от своего сына, если у последнего нет наследника.

“Второе наследство - это то, которое получает дочь и сын сына, если он, а также его отец родились законно.

“Если сыновья двух законно рожденных сыновей имеют право наследования, и отец одного из них рожден законно, а другого нет, то первый получит наследство.

“Братья, у которых один и тот же отец, наследуют друг от друга. Когда брат умирает, наследство получает сестра, рожденная от того же отца.

“Отец отца, брат отца и сын брата наследуют по третьему.

“Шестое наследство получает брат той же матери (сводный брат) и сыновья брата.

“Законнорожденная мать является наследницей своего ребенка, а затем законнорожденной сестры отца.

“Присунг^[83] и сын, рожденный в рабстве, и хорнунг,^[84] если им будет предоставлена свобода, возьмите одно и то же наследство, и каждый из них унаследует от другого.

“Отец матери и сын дочери получают одно и то же наследство, и каждый наследует от другого.

“Брат матери и сын сестры получают одно и то же наследство и наследуют друг от друга.

“Мужчины, которые являются сыновьями сестры и брата, оба получают одно и то же наследство и наследуют друг от друга.

“Сыновья двух сестер получают одинаковое наследство и наследуют друг от друга.

“В человеческих законах решено и предписано, что если человек убивает человека, чтобы наследовать ему, он лишается своего наследства, и оно должно быть передано в соответствии с законом, как если бы не существовало человека, который убивает другого ради наследования” (Frostath. viii. 1-14).

Посредством так называемого *приобщения* к семье, то есть усыновления, лицо может передать незаконнорожденному право наследования или, по крайней мере, право на определенную часть наследства вместе с законными наследниками, при этом согласие последних всегда необходимо. Судя по различным законам, церемония была одинаковой по всей стране, и ее примитивная форма, по-видимому, указывает на глубокую древность; башмак ставился рядом с *скейпером*, большим чаном, в который наливали пиво в банкетном зале, и из которого наполнялись меньшие чаны и рога, которые разносились среди гостей. Последовавшая за этим церемония описывается следующим образом:—

“Это полное усыновление, когда отец приводит в свою семью своего сына, и с этим соглашаются те мужчины, которые являются следующими наследниками того, кто усыновляет своего сына. Пусть приготовят эль из трех мер зерна, и зарежут быка возрастом в три зимы, и содерут кожу с его правой задней ноги над горлом, и из нее сделают башмак. Отец должен позволить тому, кого нужно усыновить, войти в него и взять на руки тех из своих сыновей, которые не достигли совершеннолетия, но те из его сыновей, которые достигли совершеннолетия, должны войти в эту обувь. Если у него нет наследственных сыновей, то на место его ближайших наследников должны встать те, кто является его ближайшими наследниками. Усыновленный мужчина должен быть приведен в объятия мужа и жены. Женщины должны быть свидетелями, как и мужчины, полного усыновления, а также обуви, если она будет сохранена. Рожденный в рабстве сын, которому дается свобода, должен быть усыновлен, если либо отец, либо брат, либо кто-либо другой, являющийся ближайшим наследником, независимо от того, молод он или стар, предоставит ему свободу, и те, кто являются ближайшими наследниками человека, который хочет усыновить его, дадут на это согласие. Сын освобожденной женщины должен быть усыновлен, как сын рабыни” (Более ранний Закон Фростатинга, ix.).

“Ни одному мужчине не разрешается отказываться от наследства; мошенническая сделка не считается заключенной. Отец, который усыновляет своего собственного сына, должен примерить его обувь, а затем и своего взрослого сына. Это полное усыновление. Если сына нет, то его место займет тот, кто соглашается на усыновление. Тогда тот, кто соглашается со своими правами одала, должен встать на место. Он должен сказать следующее: “Я веду этого человека к собственности, которую я ему даю, к оплате и подарку, к месту жительства и

урегулированию, к компенсациям и кольцам, и ко всему *имуществу*, как если бы его мать была куплена за мунд" (Более ранний Закон Гулатинга, с. 58).

Отец^[85] должен был затем заявить, что он привел приемного сына к той доле наследства, которую он ему передал, и с теми же правами, как если бы его мать была законно замужем. Присутствующие должны были засвидетельствовать это вступление в семью, а также использование обуви, с помощью которой это было сделано.

Закон Гулатинга требовал, чтобы усыновленный публично объявлял о своем усыновлении на *Мероприятии* каждые двадцать лет, пока он не вступит в права наследования.

“Мужчина должен публично объявлять о своем усыновлении каждые двадцать зим, пока не получит свое наследство, которое впоследствии будет его свидетельством” (Гулат., 58).

“Женщина могла усыновить ребенка так же хорошо, как и мужчина, но она не могла усыновить своего незаконнорожденного сына, а мужчина - свою незаконнорожденную дочь.

“Мужчина никогда не должен приводить женщину в свою семью (удочерять ее), а женщина - мужчину” (Закон Фростатингов, ix. 21).

Незаконнорожденному сыну отец не мог дать больше определенной суммы без согласия своего наследника.

“Хескульд Дала-Коллссон заболел в преклонном возрасте. Он послал за своими сыновьями и другими друзьями и родственниками; когда они пришли, он сказал братьям Барду и Торлейку: ‘Сейчас я болен, но я был человеком, не склонным болеть. Мой третий сын незаконнорожденный, и я прошу вас, его братьев, позволить Олафу унаследовать треть моего имущества, а вам - две другие трети.’ Бард ответил первым и сказал, что сделает так, как хочет его отец. ‘Я верю, что Олаф окажет нам честь во всех отношениях, и чем больше, тем он богаче’. Торлейк ответил: ‘Я не хочу, чтобы Олаф становился законным наследником; у него и так более чем достаточно имущества; ты, отец, подарил ему многое, и долгое время мы, братья, делились очень неравно; я не желаю отказываться от чести, для которой я рожден’. Хескульд ответил: “Вы не будете возражать, если я дам своему сыну три мерка^[86] (золота), поскольку он столь высокороден по материнской линии’. На это Торлейк согласился. Тогда Хескульд взял золотое кольцо, подаренное ему Хаконом ярлом, которое весило два мерка, и меч, подаренный королем, на котором был мерк золота” (Лаксдала, гл. 26).

В Законе о Гулатингах прямо упоминаются те женские степени, до которых дошли *одалы*. Это были: дочь, сестра, тетя, сестра отца, дочери братьев и дочери сына. В нем добавляется, что если две сестры унаследовали *одал*, и у одной был сын, а у другой - дочь, первая имела право приобрести доли своих родственниц в *одале*.

Право наследования, по-видимому, не распространялось дальше троюродного брата по отцовской линии или троюродного брата по материнской.

Там, где были сыновья, они всегда наследовали, за исключением своих сестер.^[87]

Если *одал* по наследству переходил к тому, кто не имел права на *право одала*, право выкупа было открыто для ближайших родственников, которые имели такое право.

Если один из сонаследников имел право на *одаля*, а другой нет, первый получал свою долю наследства в виде *земли одаля*, другой - в личную собственность. В случае, если сын и дочь сына наследовали вместе, первый имел право приобрести долю последней в *одале*.

Дочери всегда наследуют определенные вещи, такие как предметы одежды, предметы домашнего обихода, постельное белье, украшения и т.д.

“Это должно быть передано дочери в наследство после ее матери, если ее брат жив: вся одежда, кроме плащей (*скиккья*) из *гудвеф* (дорогих вещей), и вся неразрезная одежда; это принадлежит ее брату. А из одежды брат должен взять золотое кружево, если захочет; но тканые плащи и все покрывала для кроватей, а также кружевную одежду (то есть отороченную кружевом), парчу, перину и пуховую одежду должны быть у дочери. Если на ткацком станке есть паутина, то сыну принадлежит то, что соткано, а дочери - то, что не соткано. Сыну принадлежат все циновки и скамейки, меховые капюшоны и домашняя мебель; дочери принадлежат покрывала, если они принадлежали ее матери, и сыну, если они принадлежали отцу. Дочери принадлежат пять овец, весь лен и пряжа, пять овечьих шкур с шерстью и гуси, а сыну принадлежит все остальное. Все сундуки с тканями принадлежат дочери, если они принадлежали ее матери. Дочь должна иметь крест или брошь, какую бы она ни пожелала; или лучшее нагрудное украшение, если оно не из золота, а из серебра; и все броши, если они весят один эйрир или меньше, и сделаны из серебра с драгоценными камнями. Все сосуды, из которых женщины пьют друг за друга, стоя дома на полу, принадлежат дочери, хотя они украшены серебром. Серебряные сосуды принадлежат сыну. У дочери должен быть один таз для умывания, если между двумя не будет цепи, тогда у нее должны быть оба” (Более ранний Закон о замораживании, ix. 9).

Если при жизни отец отдавал одному из своих сыновей больше имущества, чем другому, такой дар учитывался при разделе наследства после смерти отца.

“Если мужчина дает одному из своих сыновей больше, чем другому, то последний должен взять из неразделенного имущества столько, сколько было дано тому, кто получил больше; тогда они должны разделить поровну все, что осталось” (Гулат., 129).

Имущество иностранца, умершего в стране, переходит к стране, в которой этот человек умер, если только наследник не заявит на него свои права.

“Если здесь умрут англичане (*энскирцы*) или те, чей язык здесь неизвестен, то закон не требует, чтобы их наследство было отправлено за пределы страны, за исключением случаев, когда отец, сын или брат умершего был в этой стране и претендует на него. Наследство иностранцев, полученное здесь по закону, не должно передаваться никому, кроме наследника” (Gragas, i. 224).

“Король Свейн устроил этот пир в Рингстадире и приложил немало усилий, чтобы ни в чем не было недостатка, чтобы сделать его более великолепным, чем все предыдущие. Йомсвикинги пришли в первый же день, и король Свейн с большой добротой приветствовал Сигвальди ярла и всех его людей. Согласно старому обычаю, арвель должен был проводиться в течение года, в который умер человек, для которого был изготовлен арвель, но человек, подаривший его, не мог занять высокое кресло того, от кого он унаследовал, пока арвель не был выпит. В первый вечер праздника арвел должно было быть наполнено много рогов, как сейчас делается с поминальными чашами, и там они пили в честь своих самых могущественных сородичей или Тора и других языческих богов. Рог Браги должен был наполняться последним, затем тот, кто давал арвел, должен был произнести клятву на нем, а также все, кто был на пиру, после чего наследник мог сесть на место человека, для которого был сделан арвел, и после этого наслаждаться своим наследством и почестями” (Фагрскинна, гл. 55).

ГЛАВА V. ПРИЕМНОЕ БРАТСТВО.

Священный характер приемного братства—Церемония становления приемными братьями—Клятва-Совместное владение имуществом—Расторжение редких уз—Любовь между приемными детьми и приемными родителями—Обязательства.

Возможно, самая прекрасная, трогательная и бескорыстная черта в характере человека, о которой у нас есть какие-либо свидетельства, - это древний обычай братства по приемам, который преобладал среди ранних скандинавских племен. Эти отношения между двумя мужчинами носили самый священный и связующий характер и не были разорваны даже смертью одного из них.

Приемными братьями были те, кто в юности воспитывались вместе — сыновья приемного отца и тот, кого он воспитал, — или мужчины, которые сражались друг против друга. Приводится много примеров того, как доблестные люди, сражавшиеся друг против друга, восхищались храбростью друг друга и становились молочными братьями, давали друг другу клятву, сопровождаемую церемонией совместного пролития их крови на земле.

После этой впечатляющей церемонии мужчины посчитали себя связанными друг с другом на всю жизнь — быть бескорыстными и верными, разделять одну и ту же опасность и мстить за смерть друг друга; фактически, их девизом было: “Нас может постичь одна и та же судьба”.

“В старые времена у доблестных людей, которые заключали между собой соглашение, что тот, кто проживет дольше, должен отомстить за другого; что они должны ходить под началом трех джардарменов,^[88] и это была их клятва (эквивалентная присяге). Делалось это так: нужно было срезать три длинных куса дерна; их концы нужно было закрепить в земле, а петли поднять так высоко, чтобы под ними мог пройти человек. Это сделали Торгейр (Хаварссон) и Тормоуд (Берсасон)” (Сага о Фостбрёдре, 1).^[89]

Гисли был занят со своим шурином Вестейном. Там также были Годи по имени Торgrim и брат Гисли Торкель. Гисли сказал:

“Я думаю, будет правильно, если мы свяжем нашу дружбу еще теснее, чем прежде, и мы четверо поклянемся друг другу в приемном братстве’. С этим они согласились и отправились на Эйрархволосодди (мыс или язык суши), и там вырезали из земли дерновую петлю, прикрепив оба конца к земле, а под нее поместили копье, инкрустированное украшениями, такой длины, что человек мог дотянуться рукой до гвоздя для копья (*т.е.* гвоздя, прикрепляющего острие копья к рукояти). Под ним должны были пройти все четверо: Торgrim, Гисли, Торкель и Вестейн. Затем они пустили из себя кровь и дали ей стечь в форму, вырубленную под кольцом дерна, и смешали землю и кровь; после этого все они упали на колени и поклялись, что каждый отомстит за другого, как брат, и призвали всех богов в свидетели. Они все пожали друг другу руки” (Сага Гисли Сурссон, стр. 11).^[90]

Когда Ангантур и Бели сражались, последний выбился из сил и был бы убит первым, если бы не Торстейн, который вышел вперед и сказал:

“Я считаю правильным, Ангантур, чтобы ты прекратил сражаться, ибо я вижу, что Бели измучен, и я не буду настолько подл, чтобы помогать ему против тебя, но если ты станешь его

убийцей, я вызову тебя на холмгангу, и я думаю, что мы не менее неравны, чем ты и Бели; я убью тебя в этой холмганге, и будет большой потерей, если вы оба умрете. Теперь я предложу тебе такое условие, если ты отдашь Бели его жизнь, что мы поклянемся друг другу в приемном братстве.' Ангантир сказал: 'Мне кажется справедливым предложение стать молочным братом Бели, но для меня большое благо стать твоим молочным братом'. Затем это было согласовано. Они пустили кровь из впадин своих рук, и легли под дерн, и поклялись, что каждый отомстит другому, если кто-нибудь из них будет убит оружием" (Торстейн Викингссон, с. 21).

Обычно давали клятву, что тот, кто переживет своего молочного брата, в случае его смерти отомстит за него оружием, не щадя даже его собственных родственников.

Исландец Орм Сторульфссон поехал в Норвегию и там познакомился с Асбьерном Пруди из Вендильскаги в Ютландии.

"Вскоре они стали друзьями и испытали множество идроттир; они поклялись друг другу в *фестбрендсалаге* (приемном братстве) согласно древнему обычаю, что тот, кто проживет дольше всех, должен отомстить за другого, если тот будет убит в битве" (Такт Орма Сторульфссона, Форнманна Сегур, 111).

Чтобы не было ничего, что могло бы вызвать искушение недоброжелательности или ревности, молочные братья владели совместно и поровну всем своим имуществом или любым, которое могло перейти в их владение во время их походов викингов, так что все, чем они владели или что приобрели, считалось принадлежащим в равных долях друг другу.

"Два короля Хегни и Хедин соперничали друг с другом во всем идроттире; они пробовали плавать и стрелять, устраивали турниры и владели оружием, и во всем были равны.

"После этого они поклялись стать приемными братьями и владеть всем пополам" (Серла Татт, с. 6).

В очень редких случаях мы видим, что приемное братство может быть распущено.

"Торгейр и Тормод, совершив множество доблестных поступков, однажды разговорились, и первый сказал второму: 'Знаешь ли ты где-нибудь двух молочных братьев, равных нам по храбрости и мужественности?' Тормод ответил: 'Возможно, их можно было бы найти, если бы мы стали искать их повсюду'. 'Нигде в Исландии, я думаю; но кто из нас двоих, как ты думаешь, был бы победителем, если бы нам пришлось испытать друг друга?' Спросил Торгейр. "Этого я не знаю", - ответил Тормод; "но одно я знаю, что твой вопрос кладет конец нашему братству""^[91] (Сага о Фостбредре).

Это свидетельствует о гордом духе мужчин того периода. Тормод был глубоко уязвлен тем, что такая мысль пришла в сердце тому, с кем он разделил столько опасностей.

Любовь, которая существовала между приемными детьми и приемными родителями, видна во многих примерах. Когда Олаф, сын Хескульда и Мелькорки, дочери короля Миркьяртана, прибыл в Ирландию —

Приемная мать Мелькорки, прикованная к постели от болезни и старости, была больше всего тронута этой новостью; она пошла без палки, чтобы повидать Олафа. Король (Миркьяртан) сказал Олаву: 'Вот приемная мать Мелькорки, которая хотела бы услышать от тебя о ее состоянии'. Олаф взял старуху на руки, усадил к себе на колени и сказал ей, что ее приемная дочь живет в Исландии в достатке. Он протянул ей нож и пояс, и она узнала их и заплакала от

радости. Она сказала, что сын Мелькорки был внушительной внешности, что вполне вероятно, поскольку он был ее сыном. Старушка была в добром здравии всю ту зиму” (Лаксдала, с. 21).

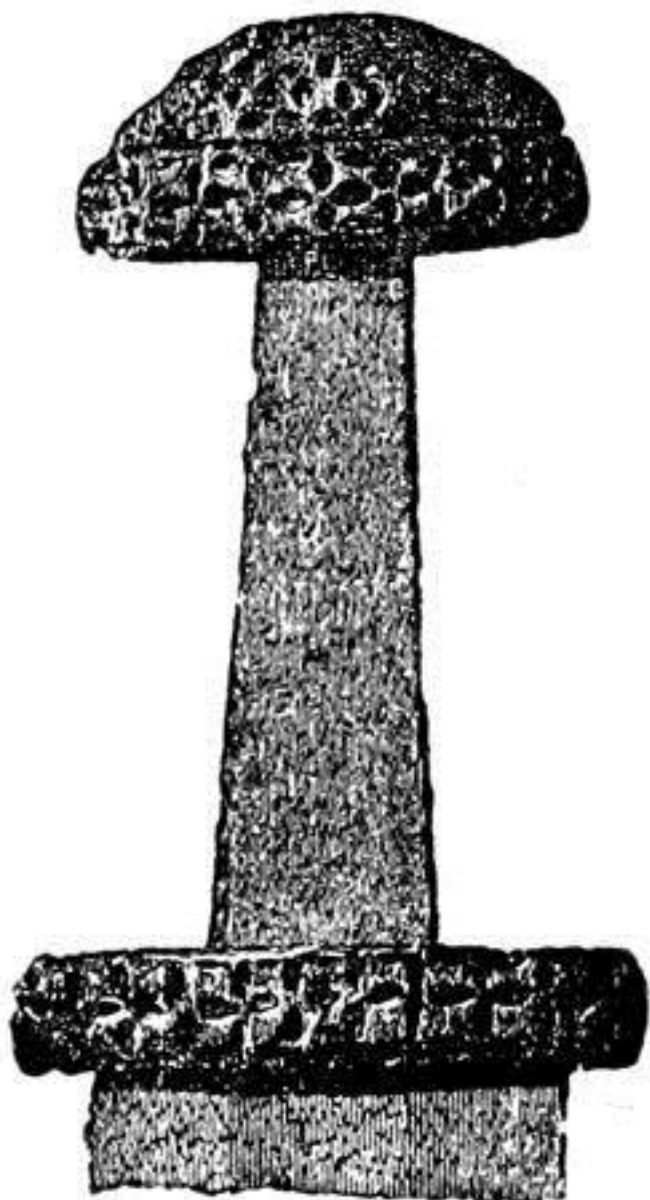
Передать последнюю просьбу и приветы молочного брата его родственникам или друзьям, похоронить его надлежащим образом и отнести к могильной куче или кургану его имущество со всей любовью, которую только можно было проявить, считалось обязательным для выжившего.

“Однажды Асмунд, находясь в лесу, встретил человека, который называл себя Араном, и через некоторое время предложил им испытать друг друга в каком-нибудь идроттире. Асмунд сказал, что он готов, и они продолжили такой идроттир, какой был обычаем среди молодых людей в те времена, и никто не смог бы определить, кто из них лучше. Затем они начали упорно бороться, и ни один из них не мог превзойти другого, и после этого оба устали. Аран сказал Асмунду: ‘Мы не будем испытывать наше умение обращаться с оружием, потому что это повредило бы нам обоим. Я хотел бы поклясться друг другу в приемном братстве, что каждый отомстит другому и будет владеть общим имуществом, добытым и нераспределенным.’ Они также дали клятву, что тот, кто проживет дольше всех, насыплет курган над другим и поместит в него столько имущества, сколько сочтет нужным, а выживший должен был посидеть с мертвым в кургане три ночи, а затем уйти, если пожелает. Затем оба пустили свою кровь и позволили ей течь вместе; тогда это расценивалось как клятва” (Сага об Эгиле и Асмунде, с. 6).

ГЛАВА VI. ОРУЖИЕ.

Наступательное оружие—Оборонительное оружие—Мечи: их богатый орнамент—Ножны—Пояса—Образные названия мечей—Сверхъестественные качества, приписываемые оружию—Оружие как фамильная реликвия—Копья: Их образные названия—Топоры: Их образные названия—Луки и стрелы: их образные названия—Мифические стрелы—Пращи—Щиты: Их образные названия—Кольчуги: Их образные названия—Шлемы: Их образные названия.

Находки, а также Саги полностью подтверждают тот факт, что с древнейших времен норманны были очень воинственным народом.

$\frac{2}{5}$ реальный размер.

Рис. 782.—Рукоять меча из железа. Навершие и рукоять инкрустированы бронзой.—
Норвегия.

$\frac{1}{3}$ реальный размер.

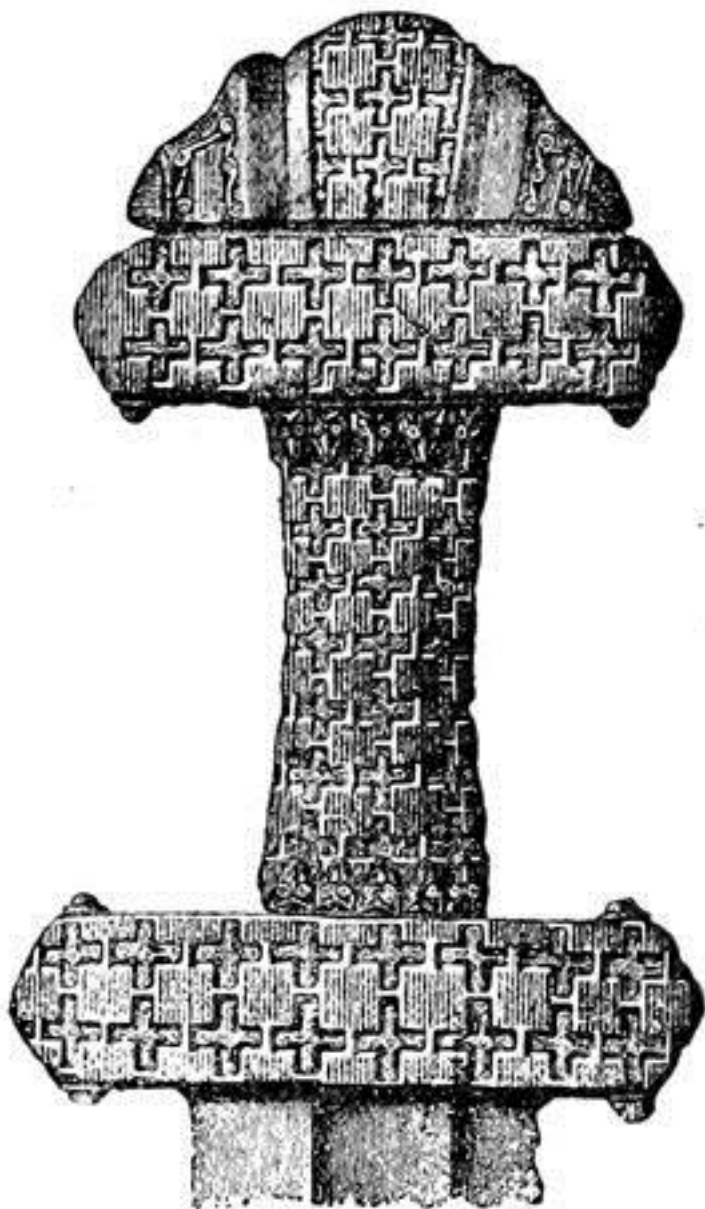
Рис. 783.—Рукоять из железа, инкрустированная серебром.—Хедемаркен, Норвегия.

Их орудиями нападения были меч, топор, копье, лук со стрелами, праща и т. Д. Защитными элементами были кольчуга, щит и шлем. Оружие часто описывается как украшенное и инкрустированное золотом и серебром.

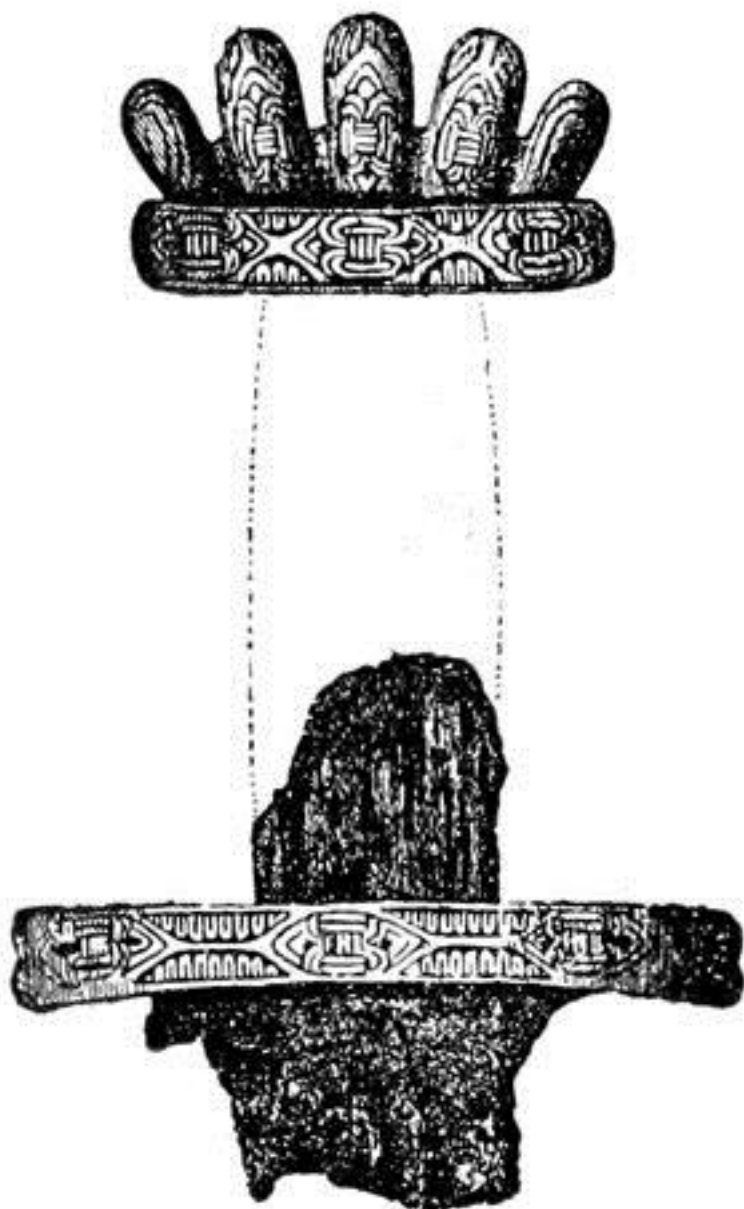
$\frac{1}{3}$ реальный размер.

Рис. 784. обоюдоострый железный меч, инкрустированный серебром; найден с весами в кургане среди древесного угля, обгоревших костей, железных клещей и остатков бечевки из ламповых ниток.—Норвегия.

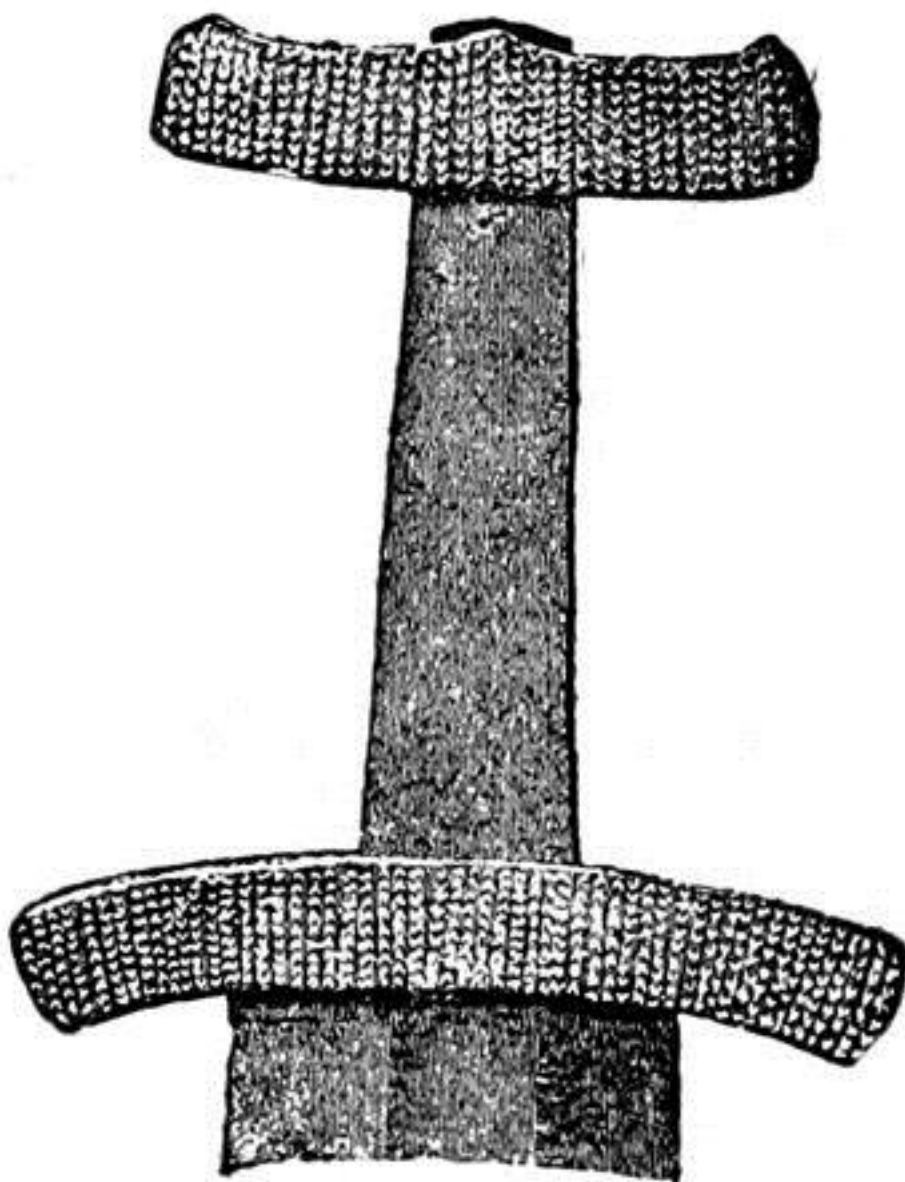
½ реальный размер.

Рис. 785.—обоюдоострый меч-рукоять, инкрустированная серебром и бронзой, со сломанным лезвием. В кургане с топором, срубленным и согнутым наконечником копья, тремя наконечниками для щитов, двумя лошадиными удилами, двумя стременами, молотком, концом цепи, обломком обоюдоострого меча и т. Д. -Норвегия.

$\frac{1}{2}$ реальный размер.

Рис. 786. Рукоять обоюдоострого меча. В круглом кургане обнаружены фрагменты бронзового чайника, два точильных камня, булавка с подвижным кольцом из бронзы, янтарная бусина, стеклянные бусины, остатки текстильных изделий с вплетенной в них золотой нитью, две бронзовые фибулы. Примерно на 2 фута выше были найдены наковальня, несколько молотков, клещи, два буравчика, наконечник копья, некоторое количество заклепок; по всему кургану были разбросаны гвозди и древесный уголь.—Норвегия.

$\frac{1}{2}$ реальный размер.

Рис. 787. — обоюдоострый меч с инкрустированной серебром рукоятью; в кургане с железным крюком, наконечник копья, специально срезанный с одной стороны; топор, наконечник щита, поврежденный ударами топора, удила лошади, лезвие косы, фрагменты железного котла. Эти древности лежали в своего рода могильной камере. Также была найдена большая железная цепь и т. Д.—Норвегия.

Рукояти мечей были из железа, бронзы или дерева, часто инкрустированные драгоценными металлами, гранатами, слоновой костью и т. Д.; Когда они были сделаны из дерева, их иногда украшали гвоздями с серебряными наконечниками. Рукояти некоторых из этих мечей, относящихся к периоду раннего железного века, почти идентичны по форме рукоятям мечей бронзового века.

Рис. 788. Рукоять обоюдоострого меча, $\frac{1}{3}$ реального размера, инкрустированная серебром, помещенная на урну с сожженными костями.—Богуслан.

Рис. 789. Рукоять обоюдоострого железного меча, $\frac{2}{3}$ реального размера, инкрустированная серебром, найдена с железным наконечником копья. — Седерманландия, Швеция.

Ножны были деревянными, обтянутыми кожей, часто богато украшенными золотом и серебром. Мужчины носили их на ремне через плечо, который с помощью двойной пуговицы можно было удлинить или укоротить. Роскошь украшений на их оружии соответствует роскоши тех стран, откуда, как утверждали, пришли предки этой расы.^[92]

“Эйвинд Урархорн был зимой на святочном празднике у короля Олафа и получил от него богатые подарки, Бриньольф Ульфальди тоже был там и получил в подарок на Рождество от короля меч, украшенный золотом, а также ферму под названием Ветталанд, которая является очень большой фермой” (Сага о святом Олафе, гл. 60).

“ В доме было немало мечей, украшенных золотом. Сигват сочинил строфу, в которой сказал, что принял бы меч, если бы его подарил ему король. Король взял один и подарил ему; рукоять была окована золотом, а гарды украшены золотом; это было очень дорогое оружие” (Сага о святом Олафе, 172).

$\frac{1}{2}$ реальный размер.

Рис. 790. — Рукоять обоюдоострого меча, инкрустированная серебром; в кургане - топор. — Норвегия.

½ реальный размер.

Рис. 791. Рукоять меча. Рукоять из железа, украшенная резьбой и рельефными насечками, первая из бронзы, вторая из серебра, частично разрушена.—Норвегия.

Мечи были тщательно протестированы перед использованием.

Торольф взял свой собственный меч и отдал Торстейну; это был прекрасный и хорошо сделанный меч. Торстейн взял его, обнажил и, поймав за острие, согнул клинок между ладонями так, что острие коснулось гарды; он позволил клинку отскочить назад, и больше оно не выпрямлялось. Он вернул его Торольфу и попросил оружие посильнее....” (Сварфдала, гл. 2).

Рис. 792.—Рукоять меча, украшенная серебром и золотом. $\frac{1}{2}$ реального размера.—Scania, Швеция.

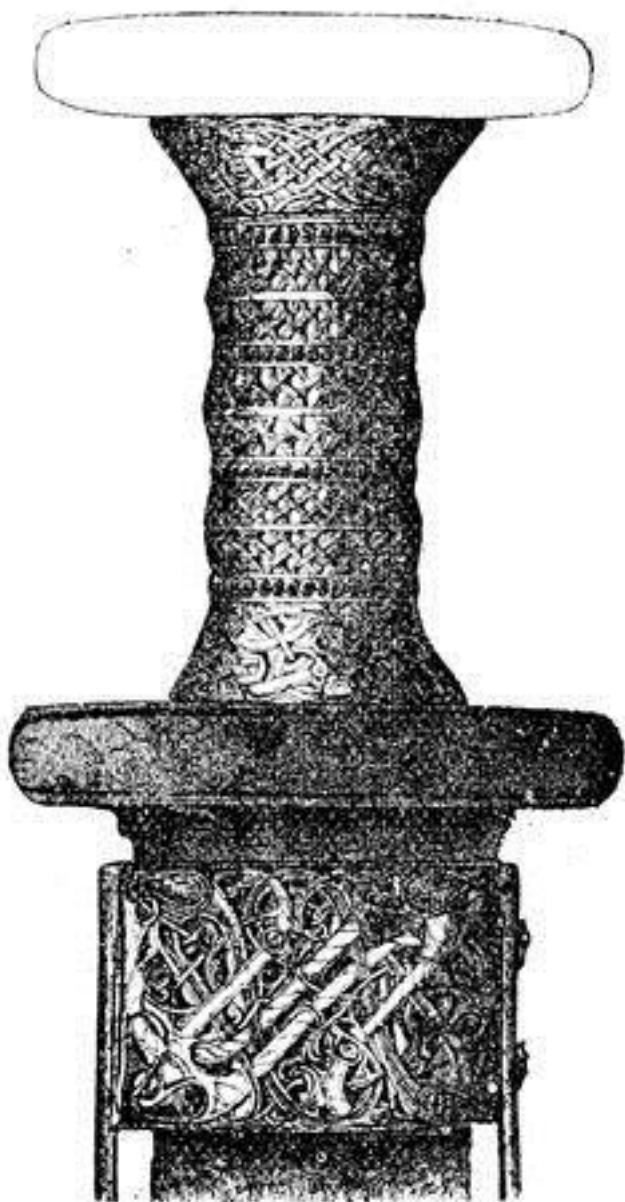

Рис. 793.—Обоюдоострая рукоять меча. $\frac{1}{2}$ реального размера.—Гетланд.

Из следующего мы видим, насколько тщательно люди полировали свои мечи, чтобы они были очень блестящими:—

“Торир был пастухом короля Олафа, и его очень почитали. В знак этого король подарил ему меч, которым долгое время владели его родственники и который они очень любили. Он назывался Тхегн; он был одновременно длинным и широким, острее любого другого и трижды отполирован” (Ан Богсвейги, Сага, гл. 1).

Рис. 794.— $\frac{1}{8}$ реальный размер. Найден в кургане вместе с топором, зубьями железной расчески для ткачества льна и т. д. и стеклянной бусинкой.—Норвегия.

Рис. 795.— $\frac{1}{8}$ реальный размер.—Норвегия.

Рис. 796.— $\frac{1}{8}$ реальный размер. Найдены с помощью напильника в круглом кургане фрагмент наконечника щита, три наконечника стрел, лошадиные удила, буравчик, конец цепи и т.д. -Норвегия.

Рис. 797.— $\frac{3}{5}$ реальный размер. Железный меч с одним лезвием, найденный вместе с железным наконечником копья и т.п. -Норвегия.

Рис. 798.— $\frac{1}{8}$ реальный размер. Меч с руническими буквами на лезвии.—Норвегия.

Железные мечи.

Точильные камни использовались с самых ранних времен для заточки оружия или железных инструментов, поскольку они довольно часто встречаются в находках.

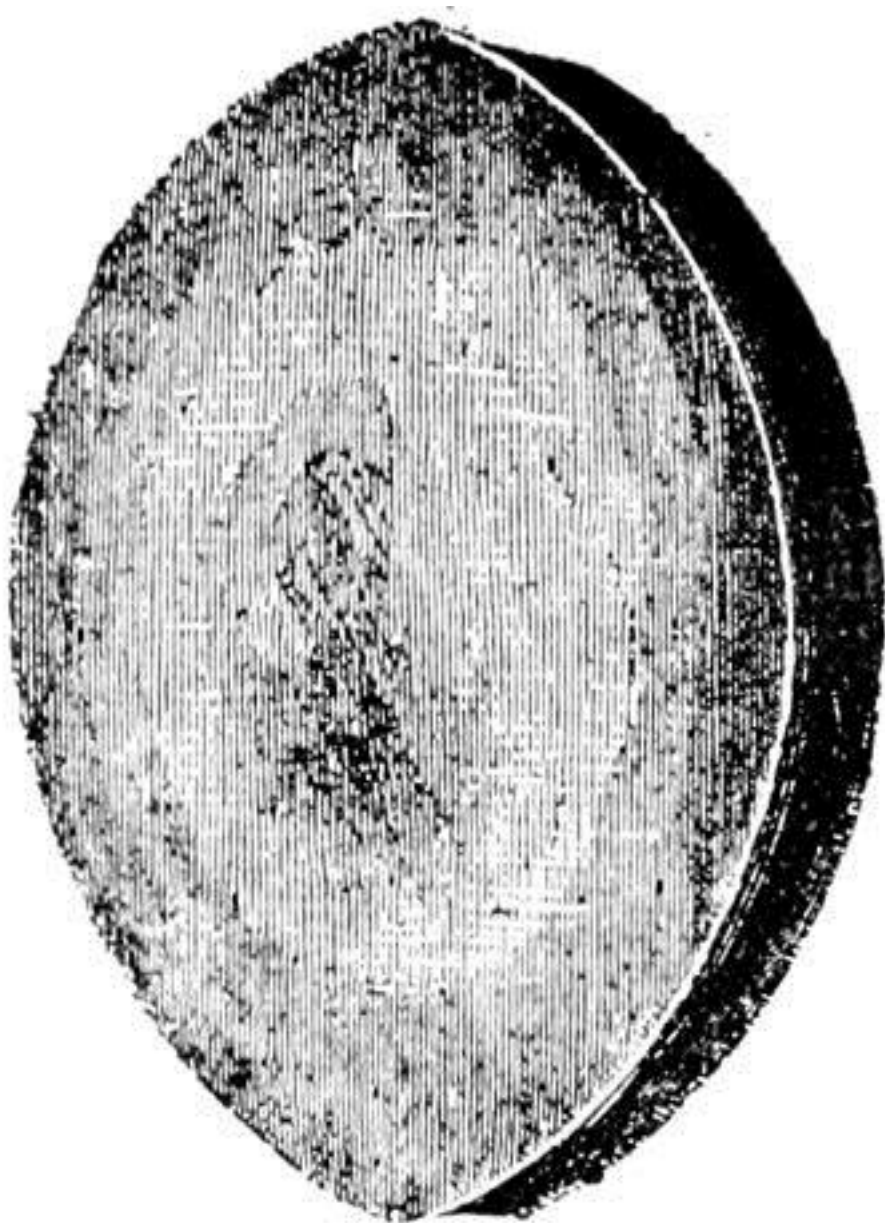

Рис. 799.—Точильный камень, найденный вместе со 108 римскими монетами (Вителлий-Коммод), с небольшими кусочками костей, под камнем, который был частью двойного каменного круга. — Гетланд.

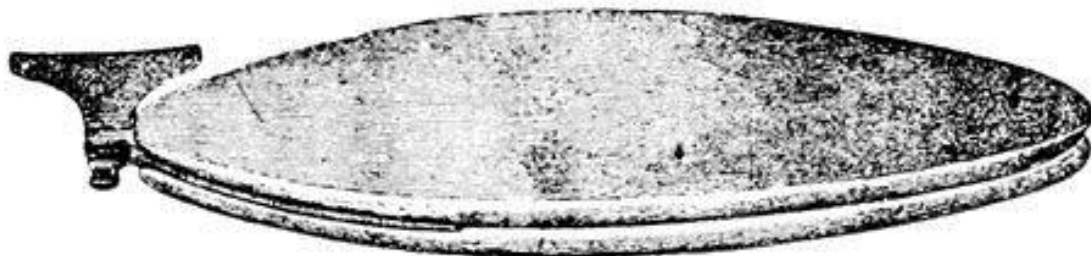

Рис. 800.—Точильный камень, покрытый бронзой. $\frac{2}{3}$ реальный размер. — Возвышенность.

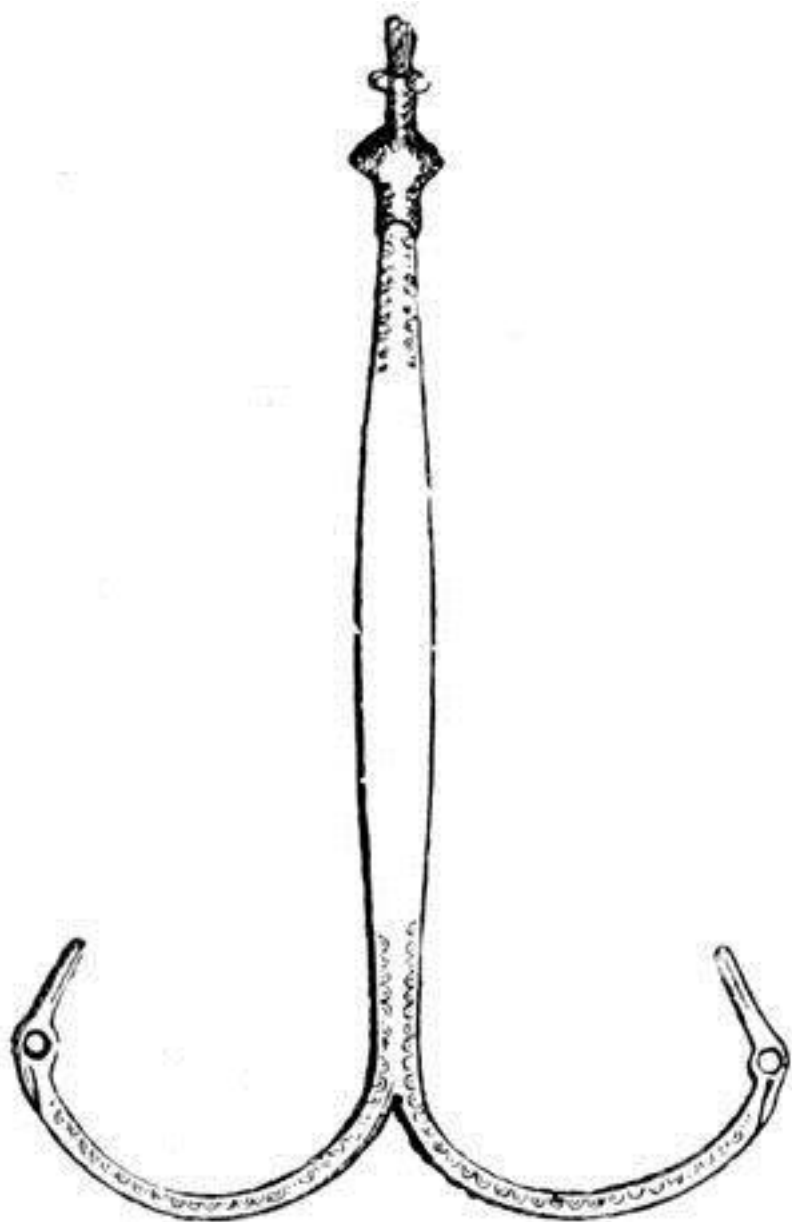
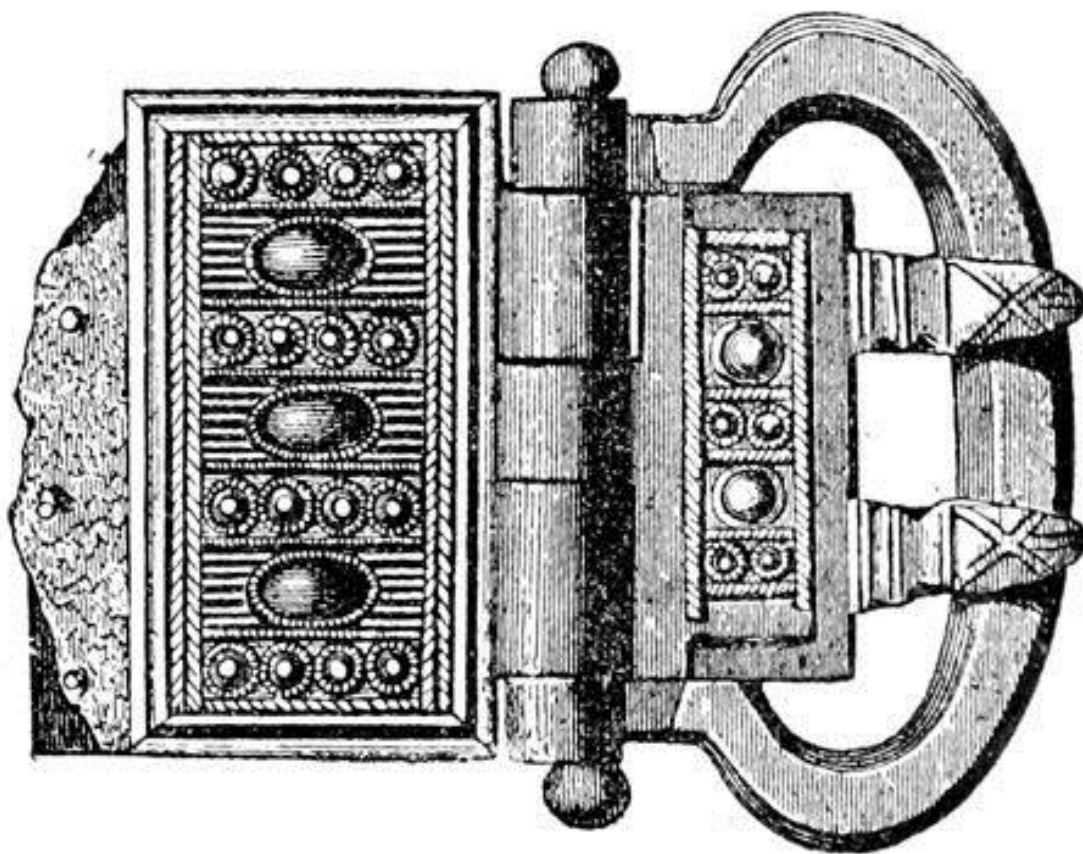

Рис. 801.—Реальный размер.

Реальный размер.

Рис. 802. — Пряжка для ремня, покрытая серебром и позолотой, украшенная цветным стеклом, найдена рядом со скелетом с фрагментами меча и наконечниками копий. — Возвышенность.

Серебряные украшения для ножен мечей.

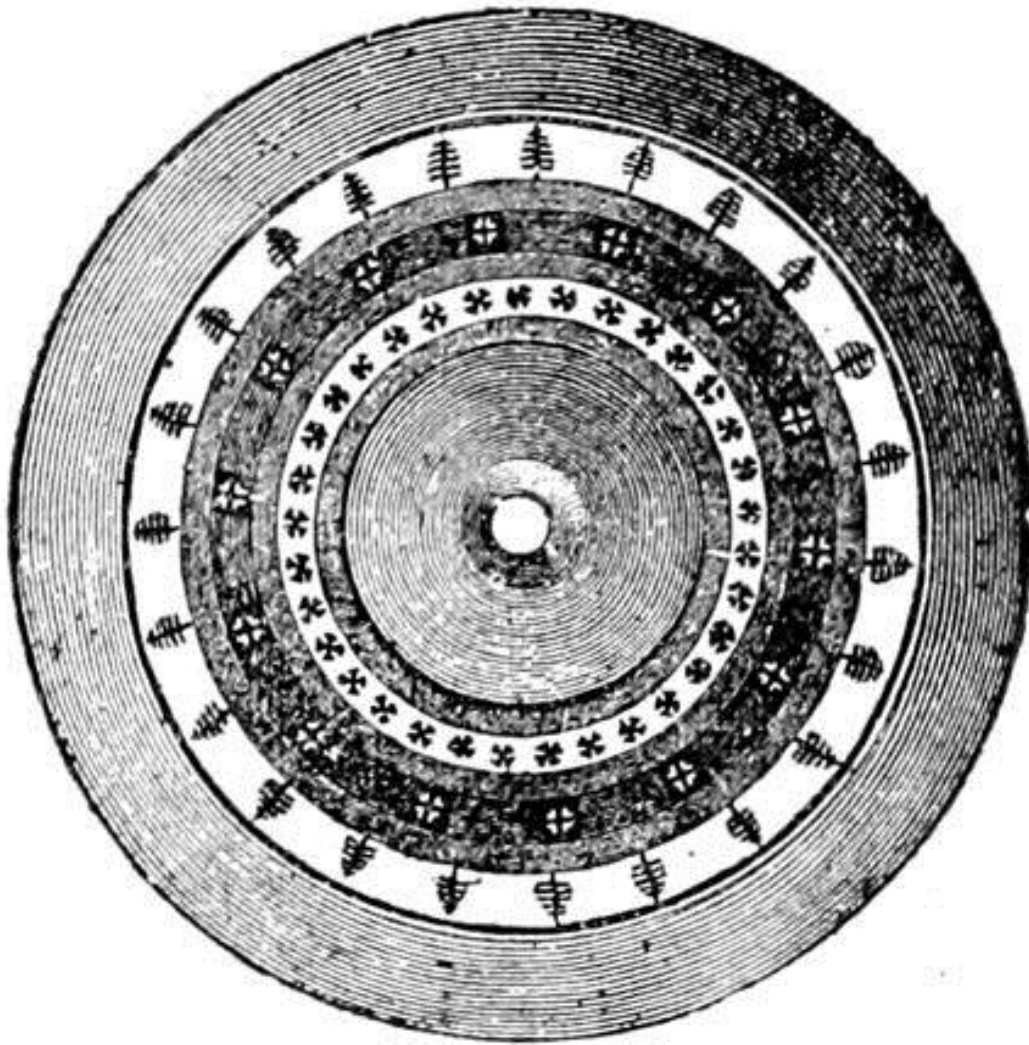

Рис. 803. Бронзовая пуговица на рукояти меча, $\frac{3}{4}$ реального размера; покрыта синей, белой и красной эмалью, с центром, первоначально покрытым эмалью: найдена в круглом кургане с несколькими украшениями в виде бронзовых мечей, бронзового выступа щита, бляхи с серебром и т.д. —Норвегия.

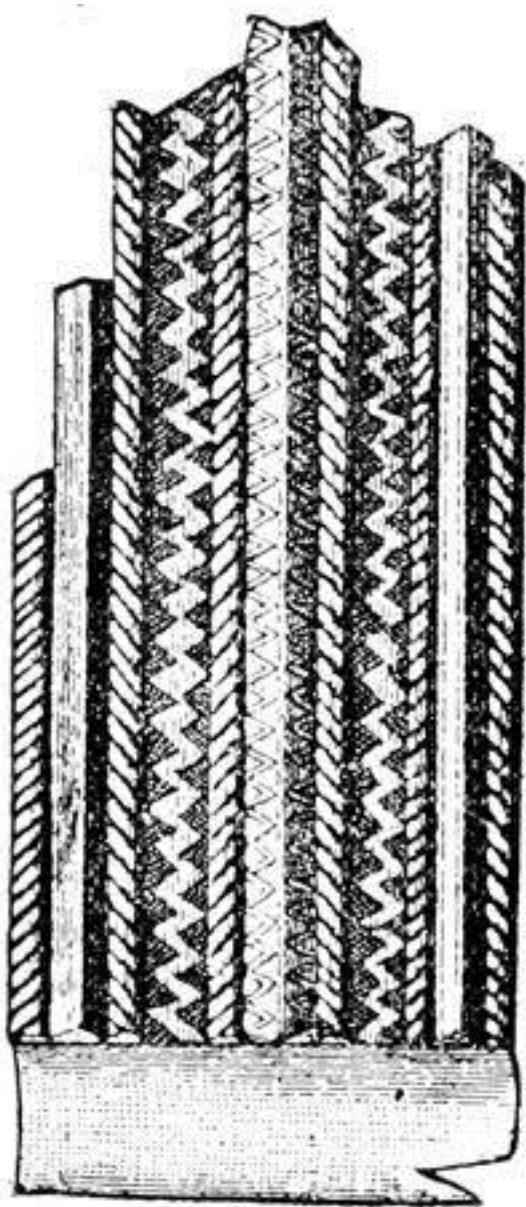

Рис. 804.

Рис. 805.

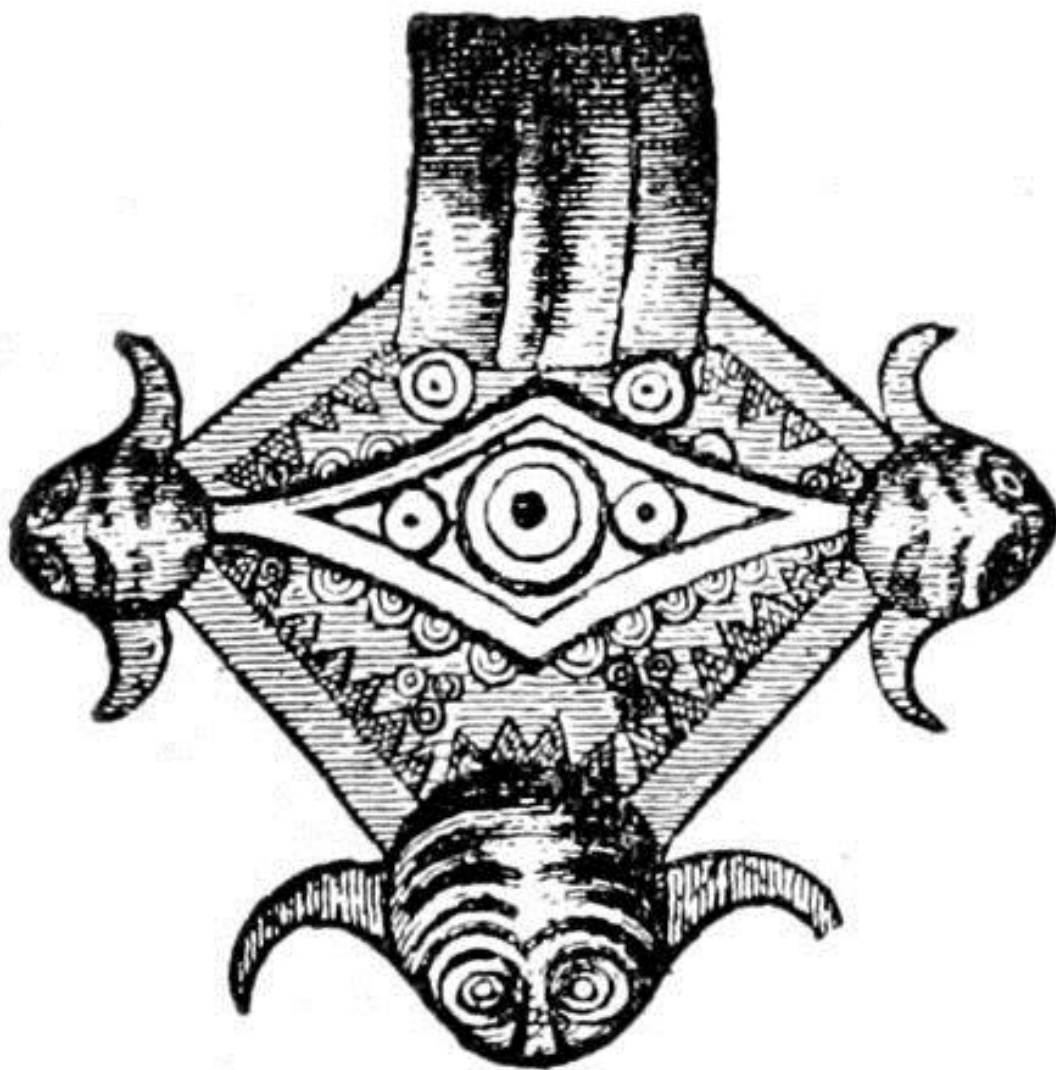

Рис. 806.

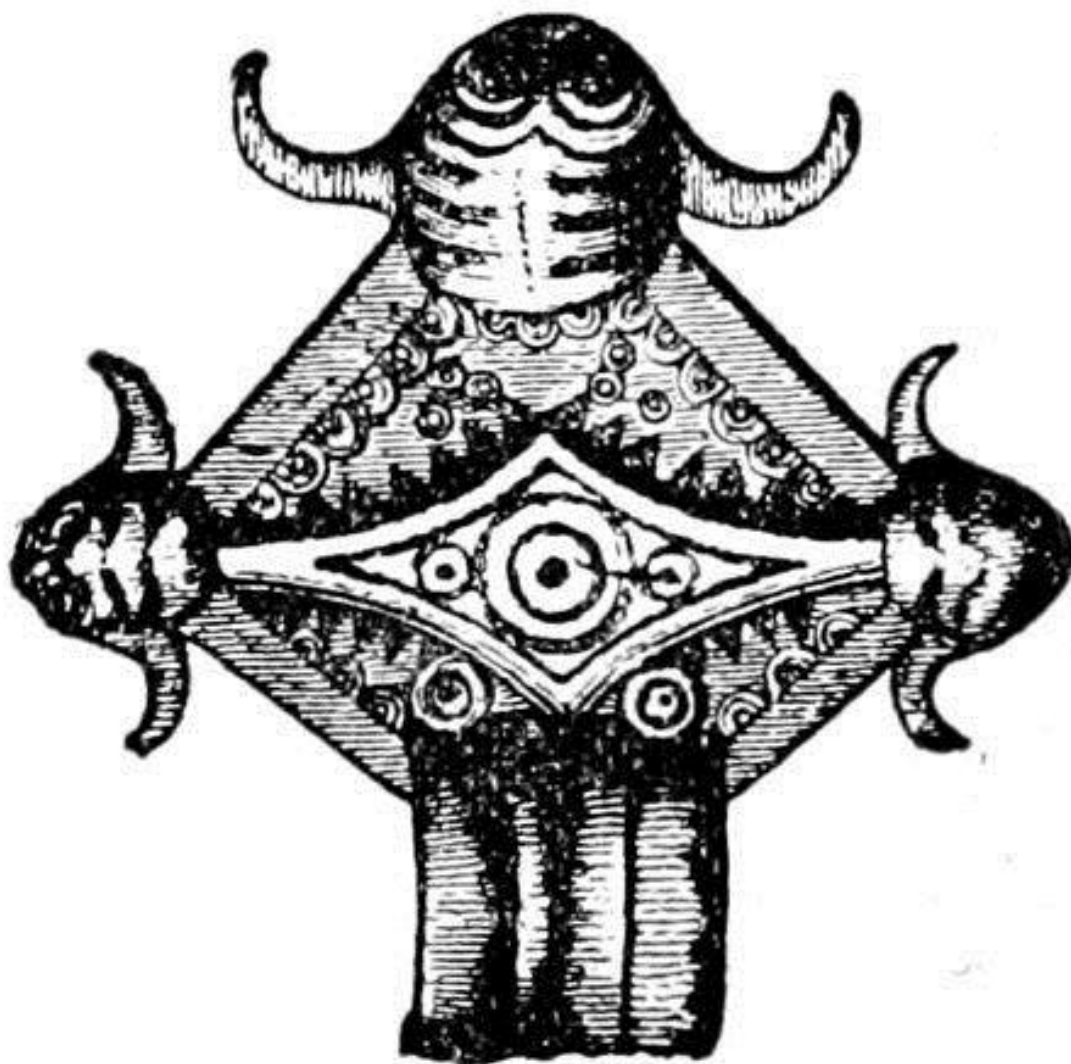

Рис. 807.

Серебряные украшения для ножен меча, частично позолоченные и черненые; найдены в кургане с деревянной погребальной камерой со следующими предметами: —Среди основных предметов были спиральный золотой слиток, используемый в качестве денег, два золотых кольца, четыре глиняные урны, четыре или пять деревянных ведер с бронзовыми приспособлениями, бронзовые приспособления для рога для питья, бронзовая фибула, инкрустированная серебром, фрагменты кожаного пояса с бронзовыми ловушками, большая мозаичная стеклянная бусина, фрагменты обоюдоострого меча, три наконечника для щита, фрагменты одежды и мехов. , фрагменты весов, точильного камня и т.п. В натуральную величину.-Норвегия.

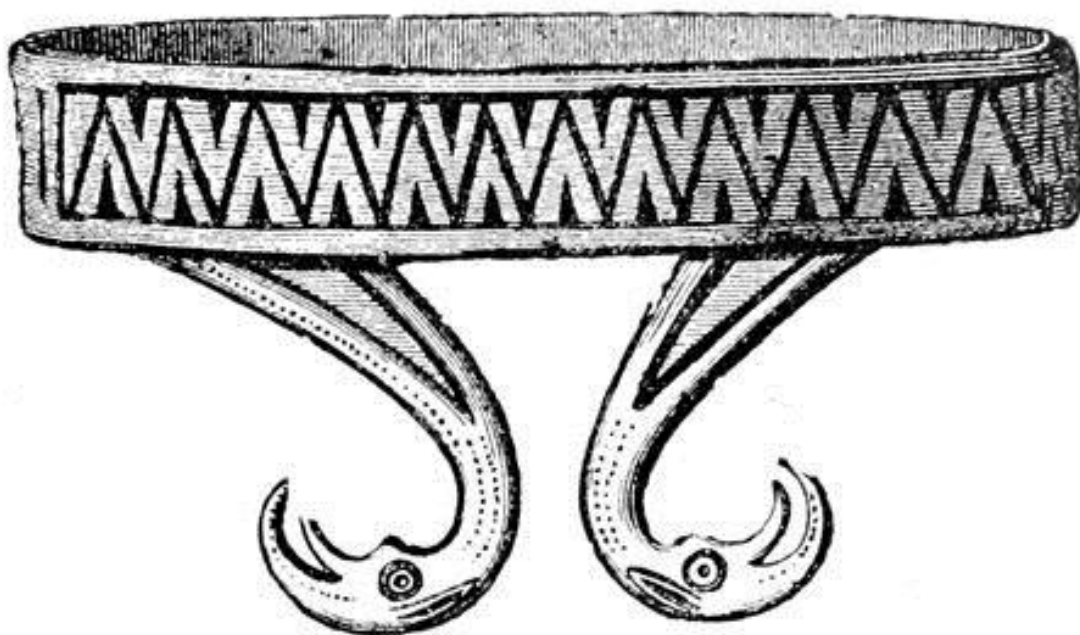

Рис. 808.—Украшение для ножен. В натуральную величину.—Возвышенность.

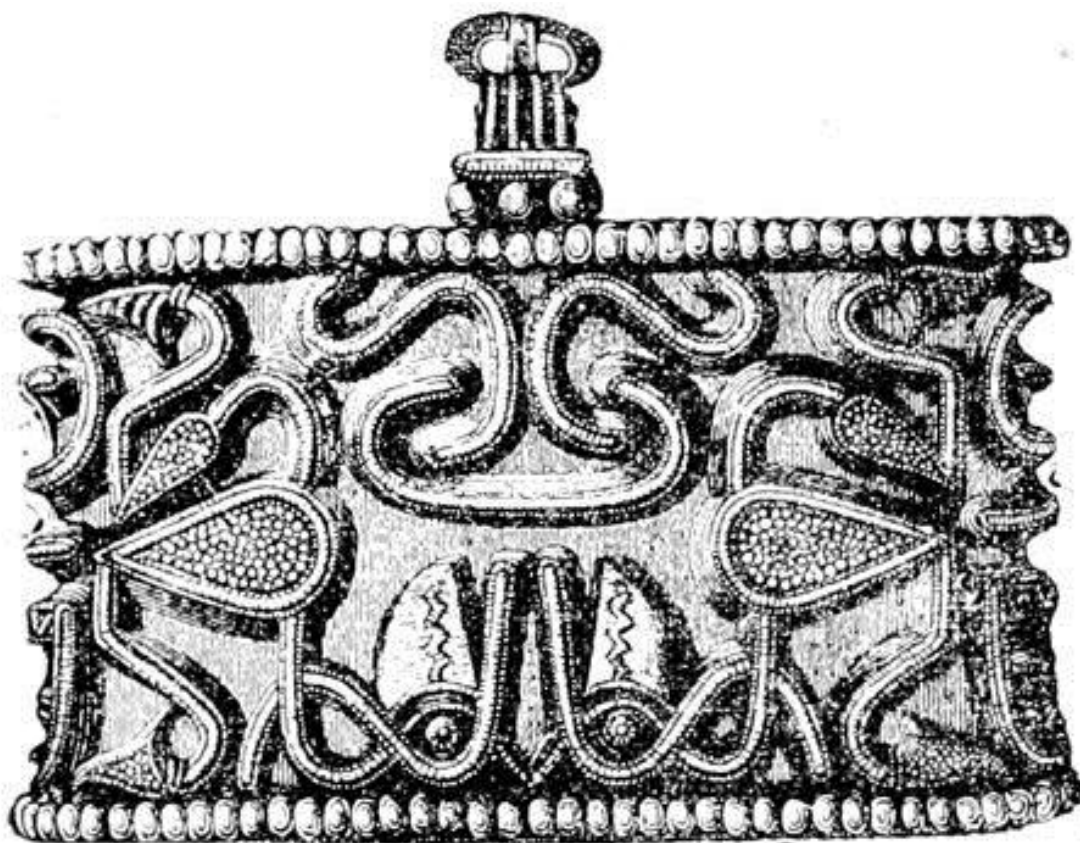

Рис. 809. — Золотое украшение для устья ножен; реальный размер. —Вестре Слайдре, Норвегия. Вес, почти 2½ унции.

Рис. 810.

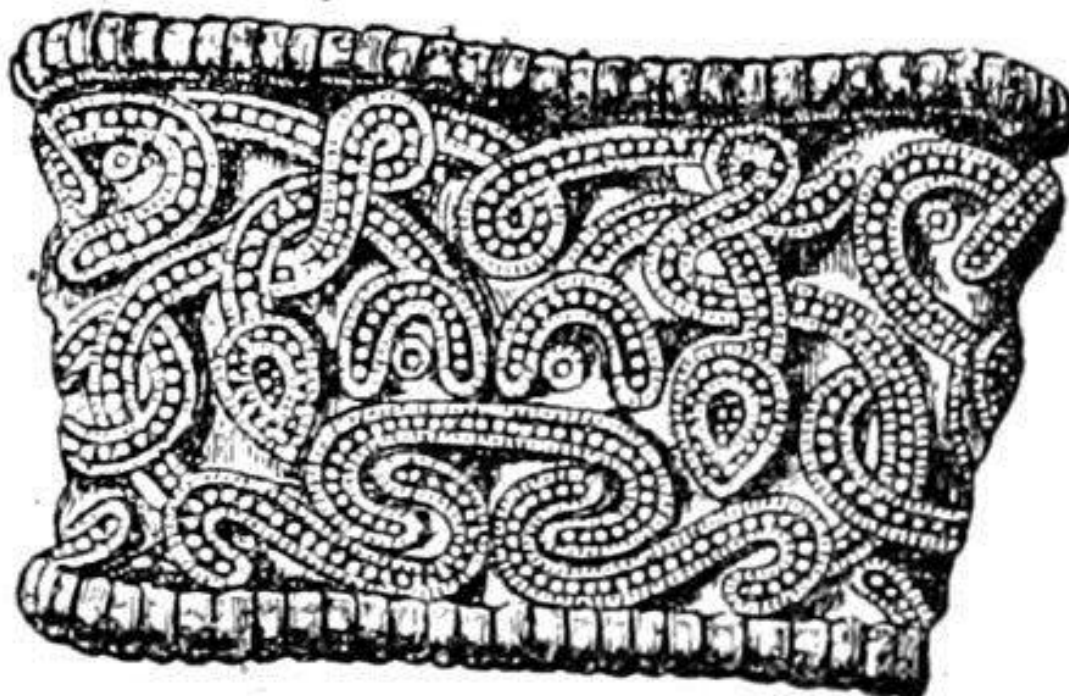

Рис. 811.

Золотые украшения филигранной работы на рукояти меча, прилагаются к шейному кольцу. Реальный размер.—Thureholm, Södermanland, Sweden.

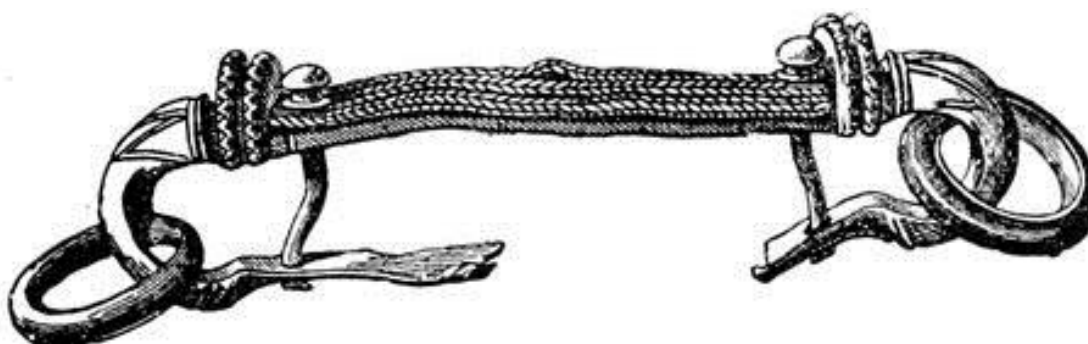

Рис. 812.—Норвегия, реальный размер. Серебряное крепление к ножнам.—Конь. Он лежал под большой глиняной грудой, наполненной костями, вместе с поврежденным обоюдоострым мечом, наконечником копья, стрелы, наконечником щита, все из железа, фрагментами железных ножниц и креплениями к бронзовому рогу для питья.

Мечи, по-видимому, ценились выше всего остального оружия; иногда их генеалогия тщательно сохранялась. Некоторые мечи вызывали смерть каждый раз, когда наносили рану, из чего мы должны сделать вывод, что их клинки были отравлены либо во время, либо послековки.

Рис. 813. Обоюдоострый меч с серебряной и бронзовой позолоченной рукоятью; найден рядом с останками скелета, с наконечником копья, несколькими наконечниками стрел и ножом — все из железа; стеклянная чашка, позолоченная бронзовая малоберцовая кость, кости собаки и т.д. $\frac{1}{6}$ реальный размер.—Гетланд.

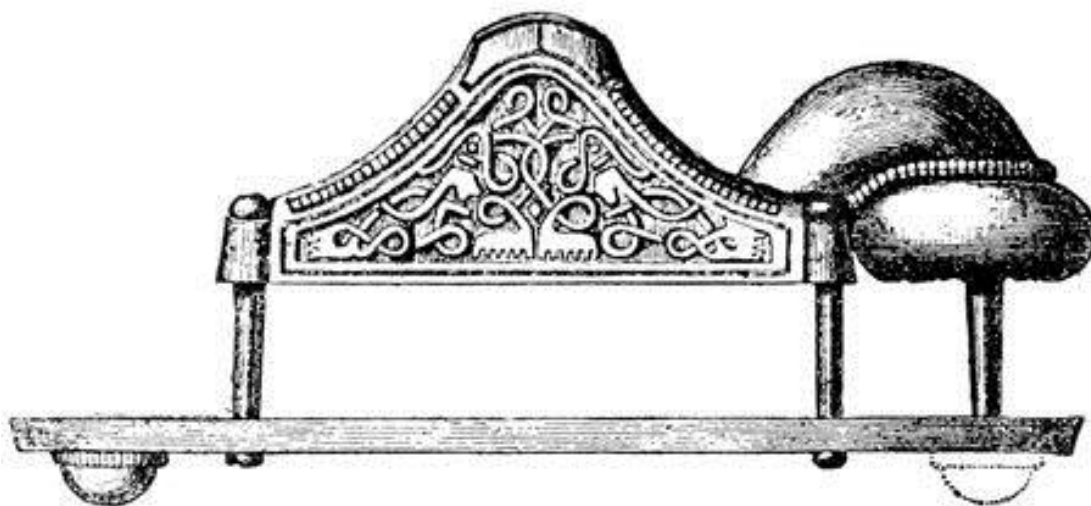

Рис. 814.—Эфес меча. Реальный размер.—Гетланд?

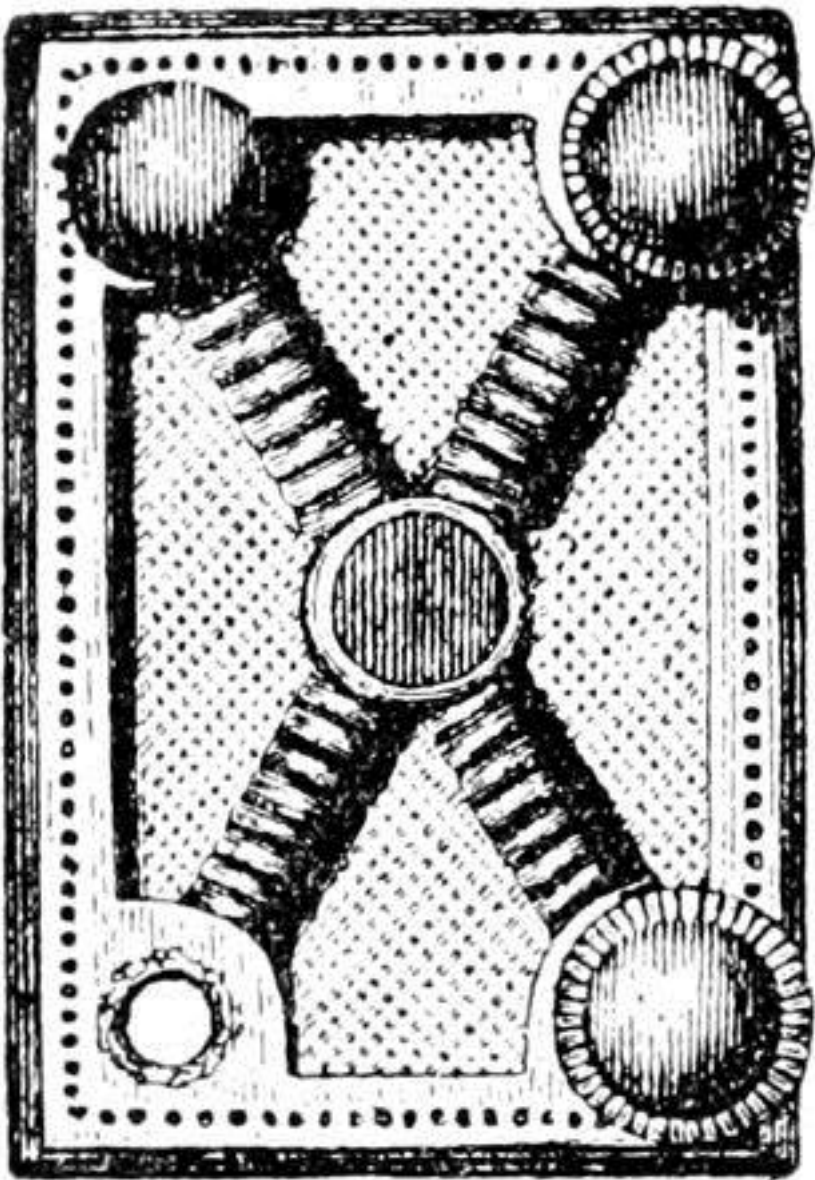

Рис. 815.—Бронзовое позолоченное украшение с круглыми гранатами. Настоящий размер.
Endregårda, Götland.

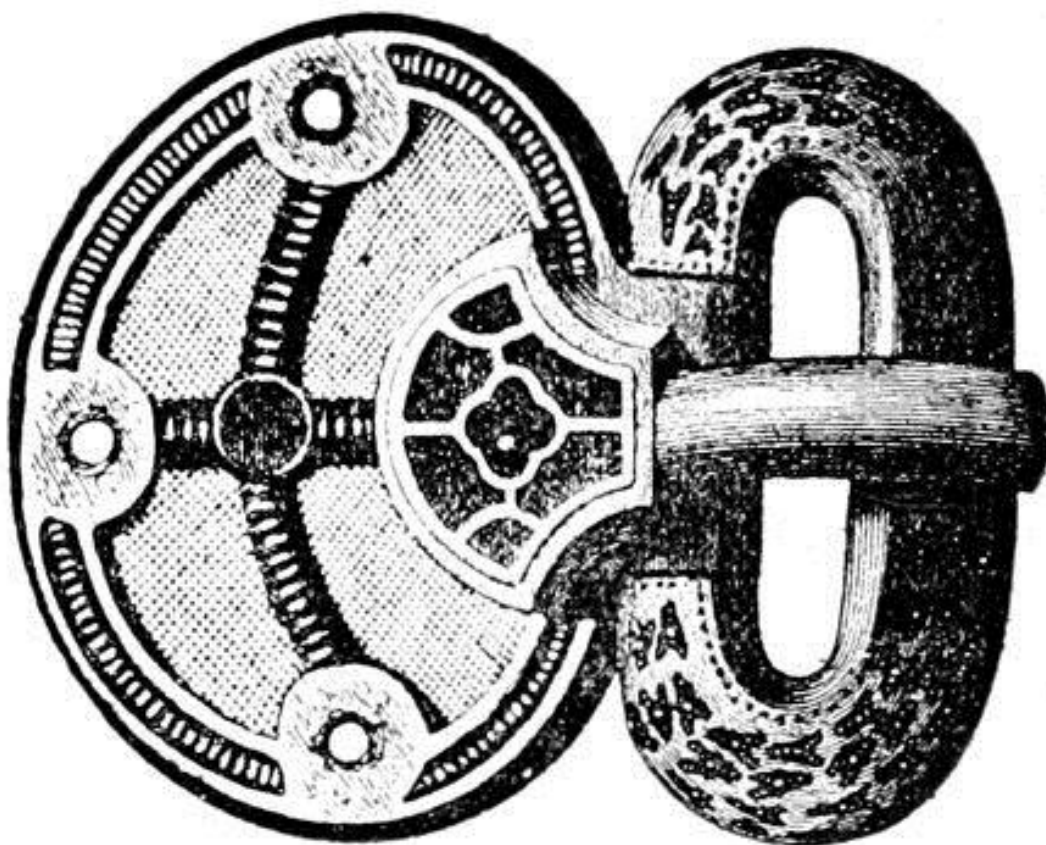

Рис. 816.—Пряжка из позолоченной бронзы с гранатами *enchassé*. Реальный размер.—Endregårda, Götland.

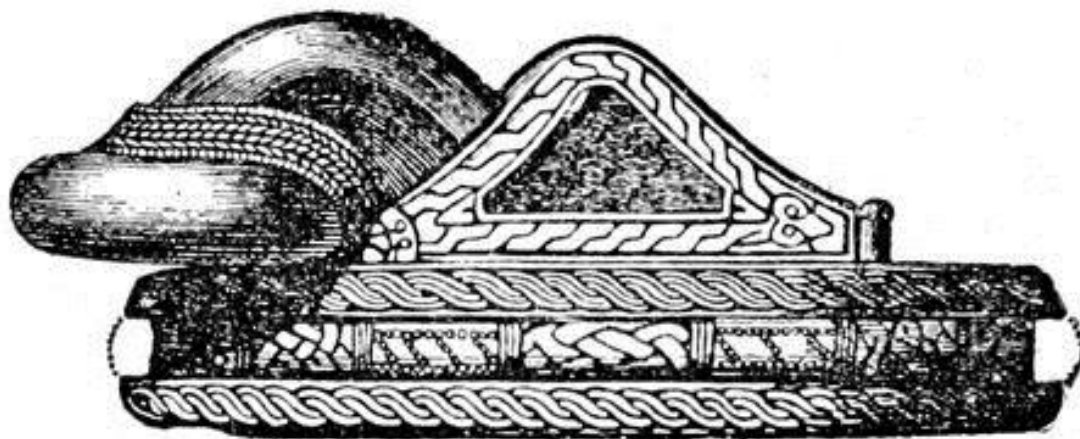

Рис. 817. Эфес меча из позолоченной бронзы и серебра.—Falköping, Vestergötland. ½ реального размера.

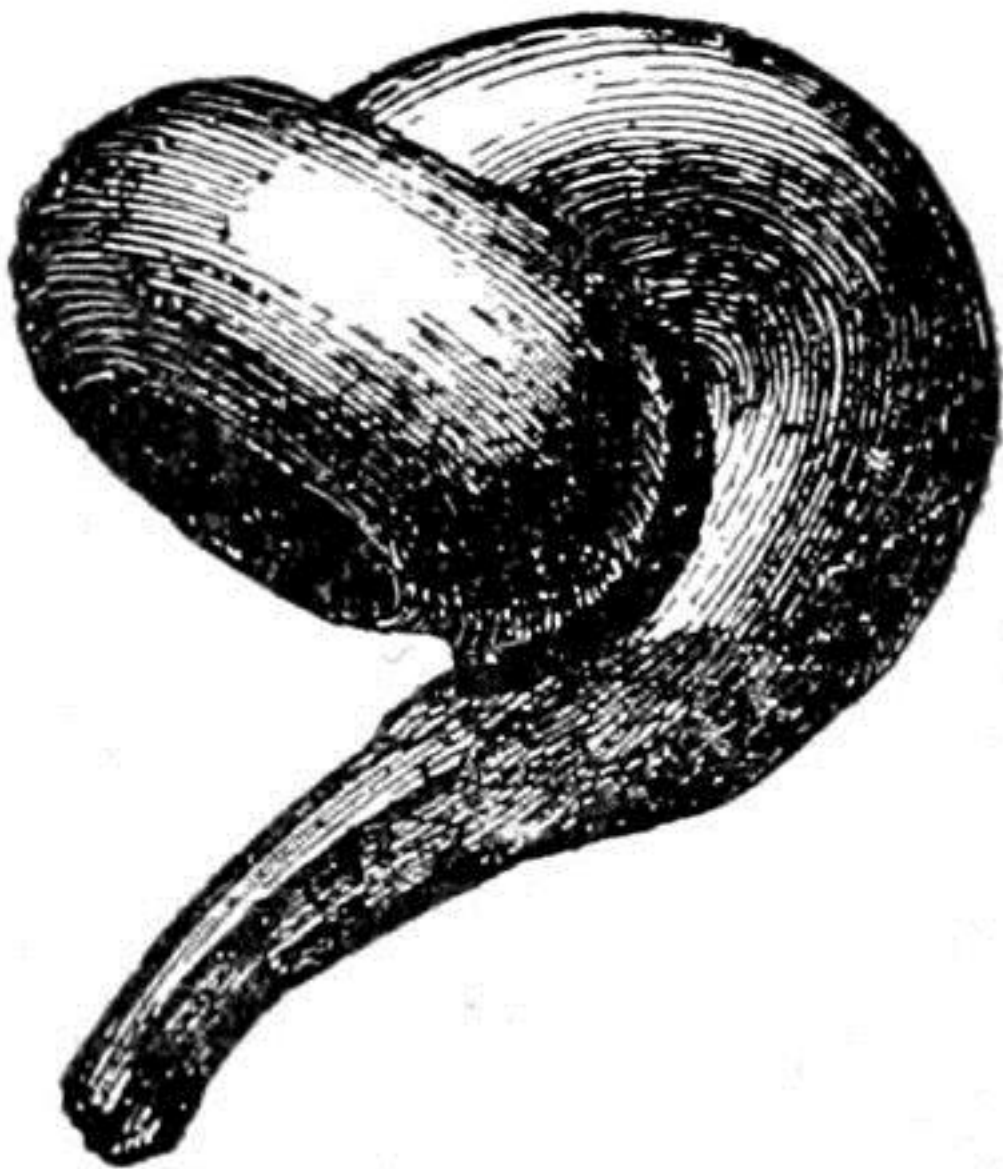

Рис. 818.—Часть массивного золотого навершия меча, найденного в поле в Лейджебю, Халландия. Реальный размер.

The *Макир*, *сверд* и *сакс*, по-видимому, были тремя видами мечей, которыми пользовались люди.

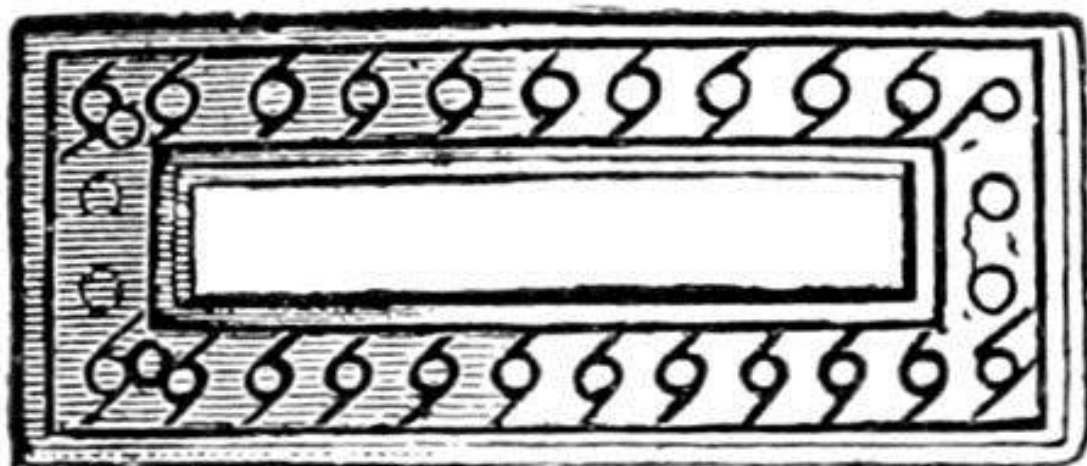

Рис. 819.—Серебряное украшение для ножен, реальный размер.—Норвегия.

Рис. 820. — Навершие меча из массивного золота, украшенное гранатами *enchassé*. Реальный размер. Ранний железный век. — Богуслан.

Рис. 821.—Вид наоборот рис. 822.

Рис. 822.—Серебряное украшение (показаны обе стороны), найденное в песке. Реальный размер.—Scania.

Рис. 823.—Серебристые стринги-аксельбанты. Реальный размер.

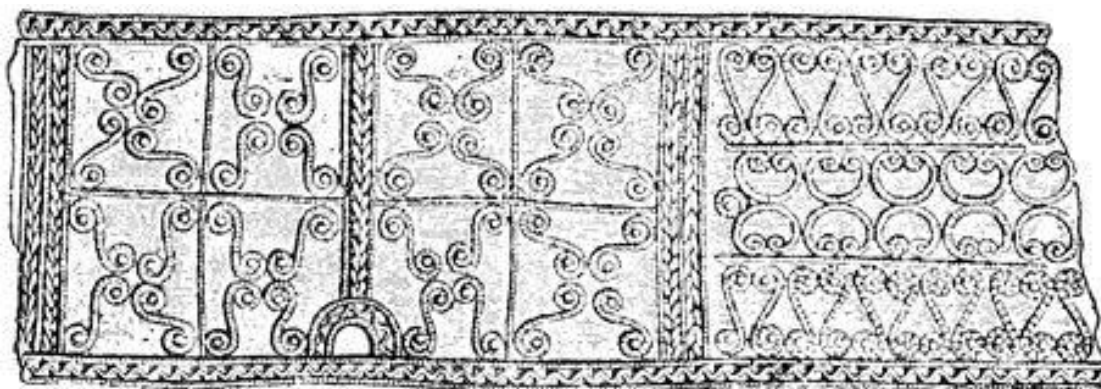

Рис. 824.—Золотое украшение на поясе для меча. Реальный размер.—Thureholm, Södermanland.

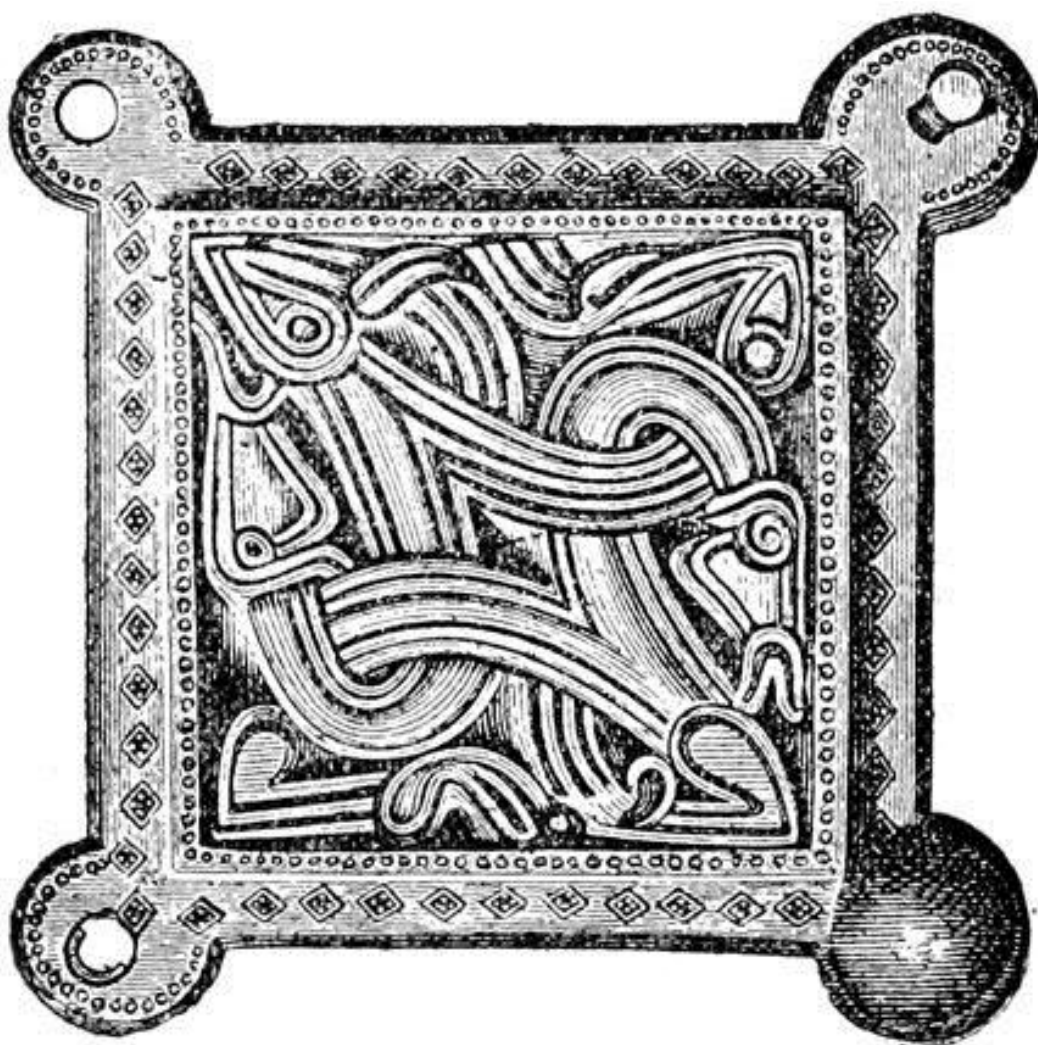

Рис. 825. Бронзовое крепление к поясу, найденное при пахоте, с коротким однолезвийным мечом, четырьмя наконечниками стрел, наконечником для щита, железным наконечником, круглой бронзовой фибулой, тридцатью стеклянными бусами и т. Д. Реального размера.— Гетланд.

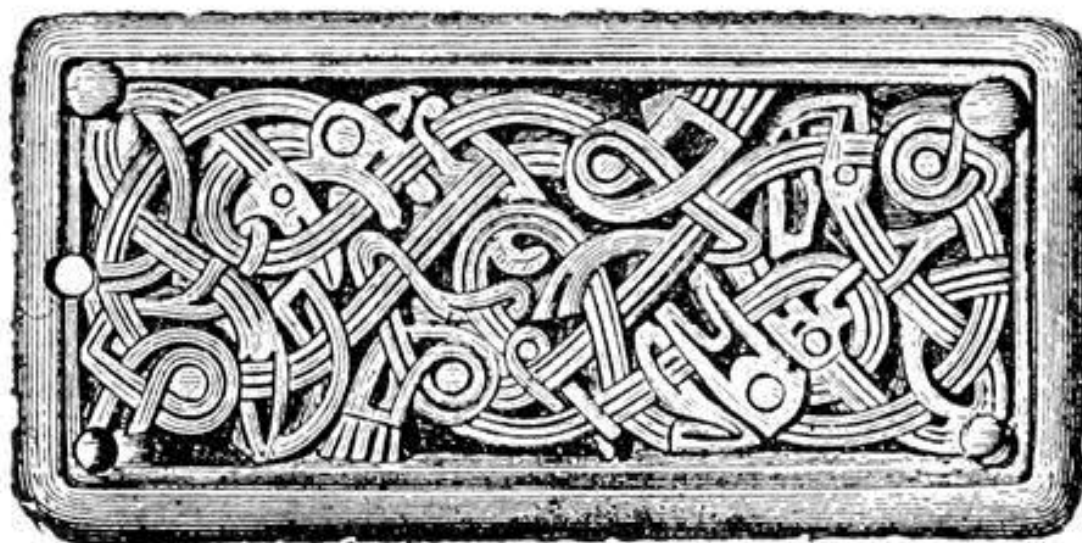

Рис. 826.—Украшение из позолоченной бронзы с серебряной каймой, найденное в кургане. Реальный размер.—Эланд.

Рис. 827. Крепление ремешка, $\frac{2}{3}$ реального размера, с еще прикрепленной к нему кожей, из позолоченной бронзы с красной эмалью. С ним были железный меч с позолоченной бронзовой рукоятью, два удила, два стремени, более 100 гвоздей размером с те, что найдены в кургане Ултуна, глиняная урна с обожженными костями, несгоревшая собачья челюсть и т.д. —Scania.

Рис. 828.—Украшение из позолоченной бронзы в натуральную величину.—Норвегия.

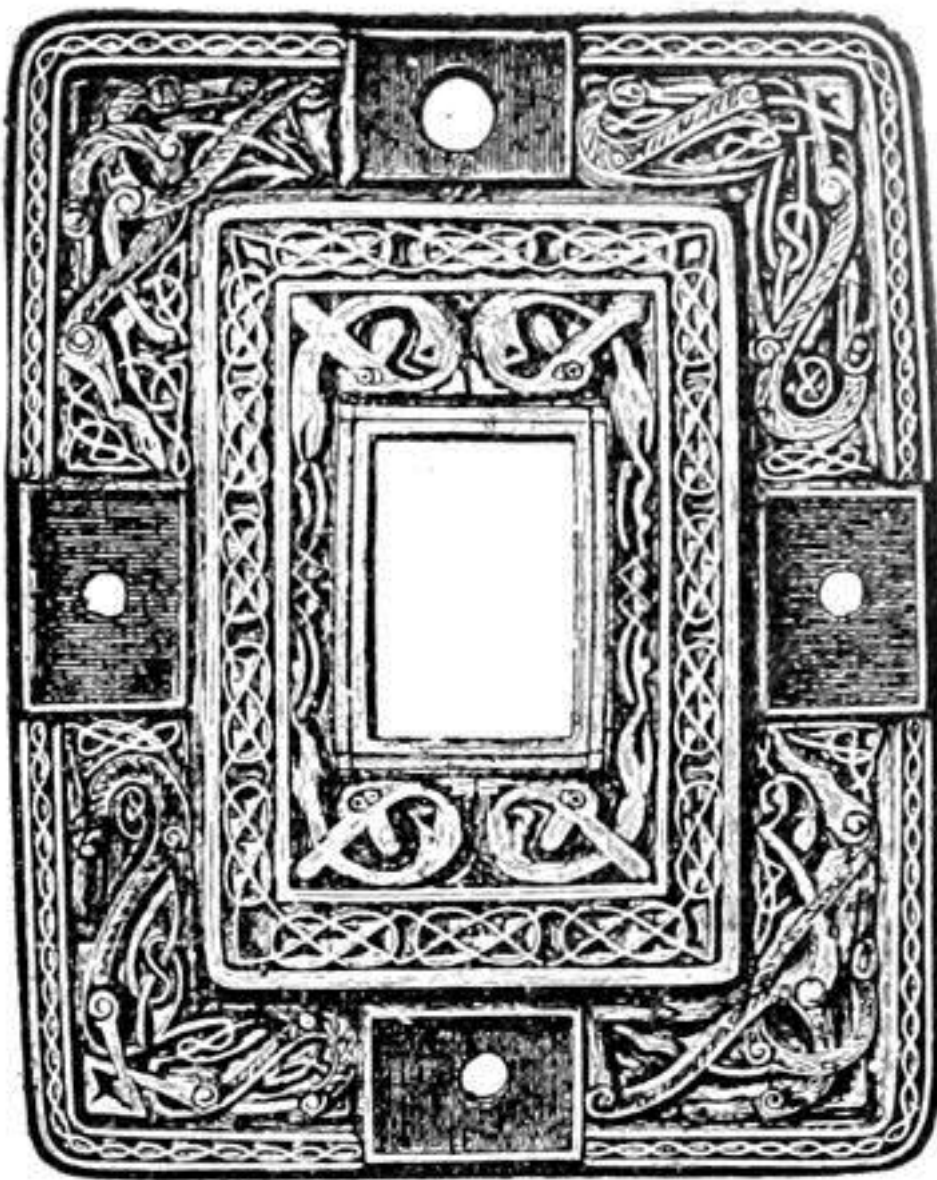

Рис. 829.—Украшение из позолоченной бронзы, $\frac{2}{3}$ реального размера; найдено в кургане вместе с малоберцовой костью, удилами лошади и т.п. —Норвегия.

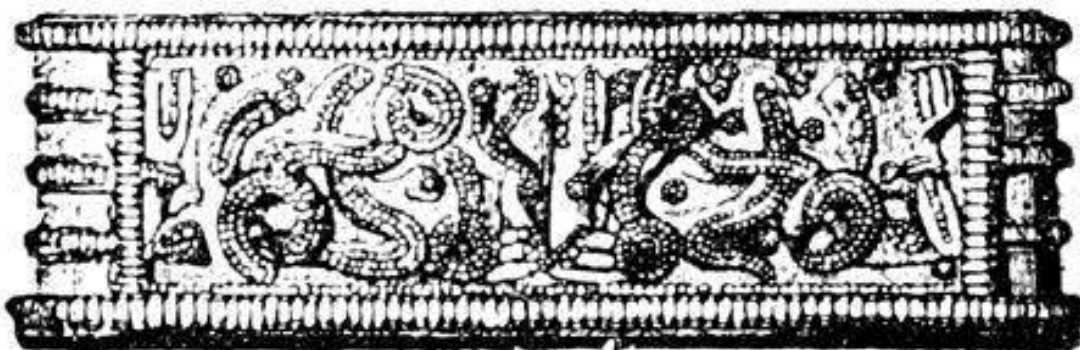

Рис. 830. Украшение из чистого золота для устья ножен.—Мальби, Вестергетланд.

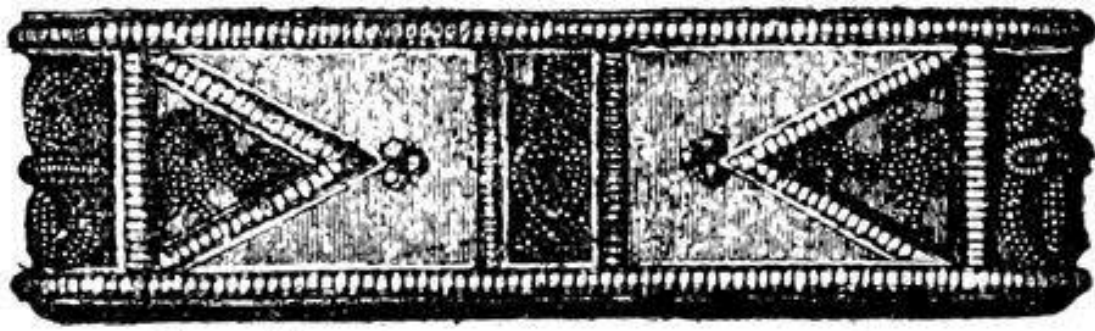

Рис. 831.—Вид наоборот рис. 830.

Во всех украшениях одна сторона не похожа на другую.

Рис. 832. Массивное золотое кольцо (вероятно, закрепленное в устье ножен); вес 5 унций. Реальный размер.—Вестергетланд.

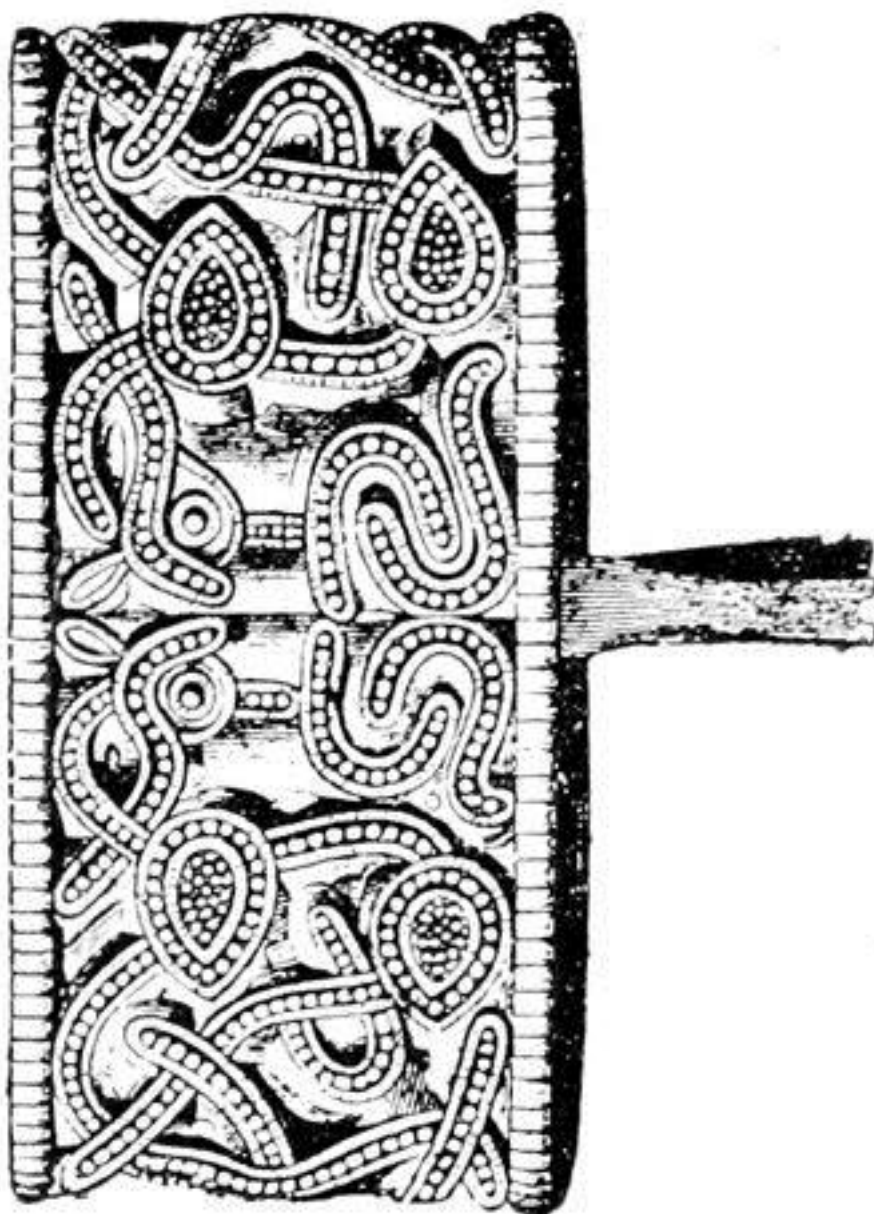

Рис. 833.

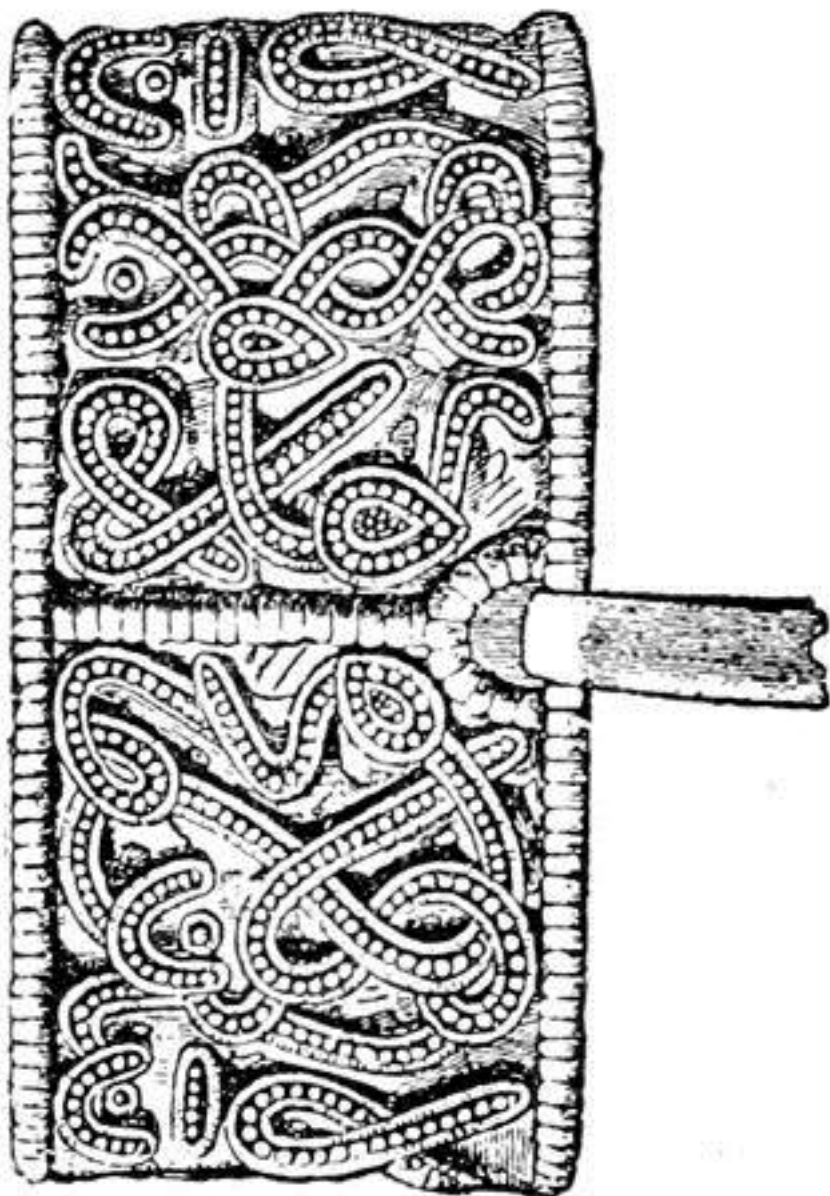

Рис. 834.—Обратная сторона рис. 833.

Украшения для мундштука ножен видны с обеих сторон. Две стороны всегда непохожи. Реальный размер.—Тюрьхольм.

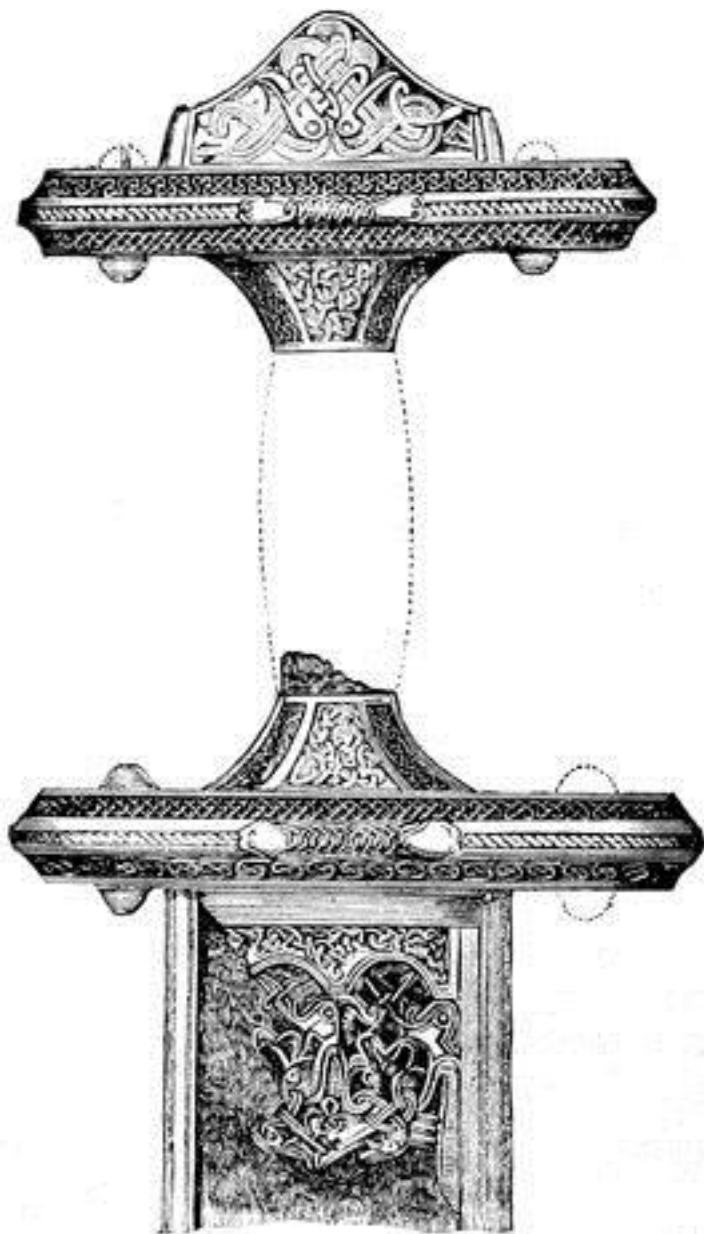

Рис. 835. Обоюдоострый меч-рукоять и крепление ножен из позолоченной бронзы и серебра. ½ реального размера. —Ултуна, Нагорье.

У саксофона было только одно острое лезвие, в отличие от сверда, у которого их было два.

На мечи больше, чем на все другое оружие, поэты расточали свои самые образные и поэтичные названия; они называются:

Пламя Одина:

Отблеск битвы;

Лед битвы;

Змея из раны;

Волк из раны;

Собачка на шлеме;

Боевая змея;

Зарево войны;
Тот, кто наносит удар по щитам;
Огонь щитов;
Огонь битвы;
Гадюка хозяина;
Кровавый факел;
Змея брыня;
Огонь морских королей;
Шипы щитов;
Страх перед брыней;
Язычок ножен.

Среди самых знаменитых мечей был *Тирфинг*, меч Сигурлами, сына Одина, который перешел к Ангантайру и его потомкам. Он сиял, как солнечный луч, и убивал человека каждый раз, когда его вытаскивали. Он всегда должен был быть обагрен человеческой кровью; он никогда не подводил и всегда нес с собой победу.

“В битве Хейдрек был в переднем строю, и он нес Тирфинг в правой руке, и рубил войско ярла, как молодые деревца, и ни шлем, ни доспехи не могли устоять; он прошел сквозь войско; он убил всех, кто был рядом с ним” (Сага о Хервараре, с. 10).

Некоторым видам оружия были присвоены особые названия, и огромная слава, которую они приобрели, несомненно, была обусловлена личной храбростью воинов, владевших ими, большим мастерством, с которым с ними обращались, и их превосходным качеством изготовления. Люди верили в их сверхъестественные качества; они даже считали, что некоторые из них были выкованы *Двергарами*, другие, как предполагалось, были подарены самим Одином; в то время как некоторые стали непогрешимыми благодаря *аквади*, то есть чарам и заклинаниям, использованным над ними во время их изготовления, или же с помощью *мал*, т.е. мистических знаков, выгравированных или инкрустированных на них.

Рис. 836. — Меч, найденный в кургане, с двумя наконечниками копий, выступом для щита и украшением рукояти для щита.—Норвегия.

Рис. 837.—Найден среди нескольких обгоревших костей и железных предметов; ½ реальный размер.—Норвегия.

Рис. 838. Саксофон, найденный в небольшом кургане с человеческим черепом; два наконечника копий; $\frac{1}{4}$ реального размера. — Норвегия.

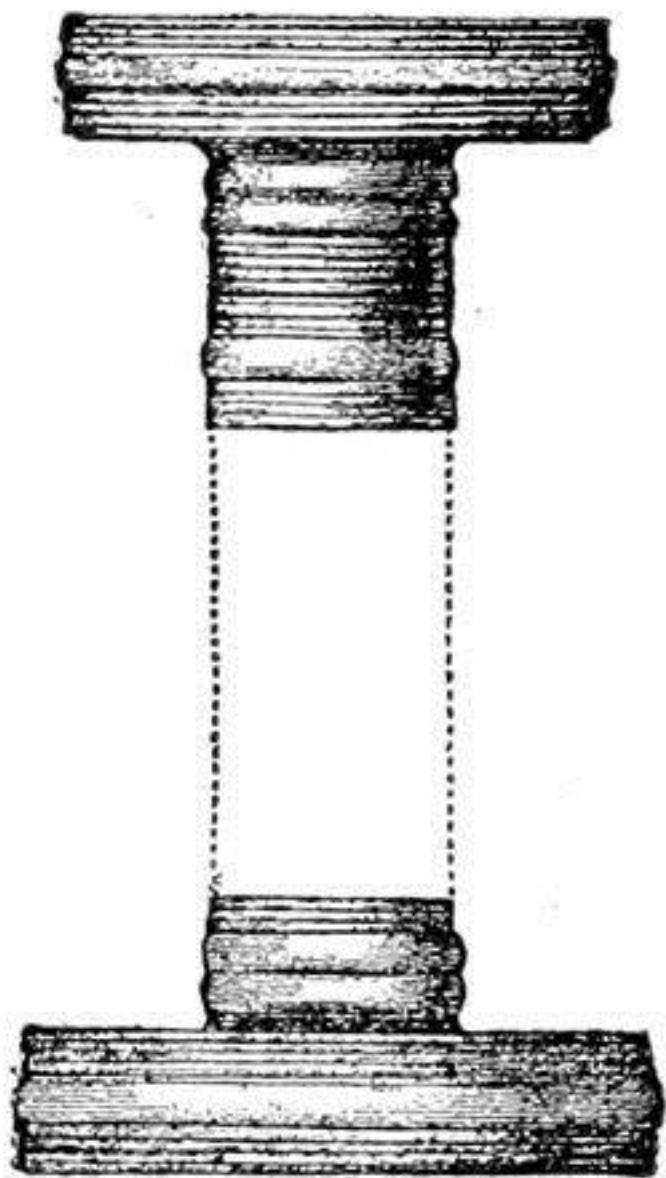

Рис. 839. Рукоять меча с внешним слоем тонкого серебра, сильно поврежденная огнем; почти $\frac{1}{3}$ реального размера. — Норвегия.

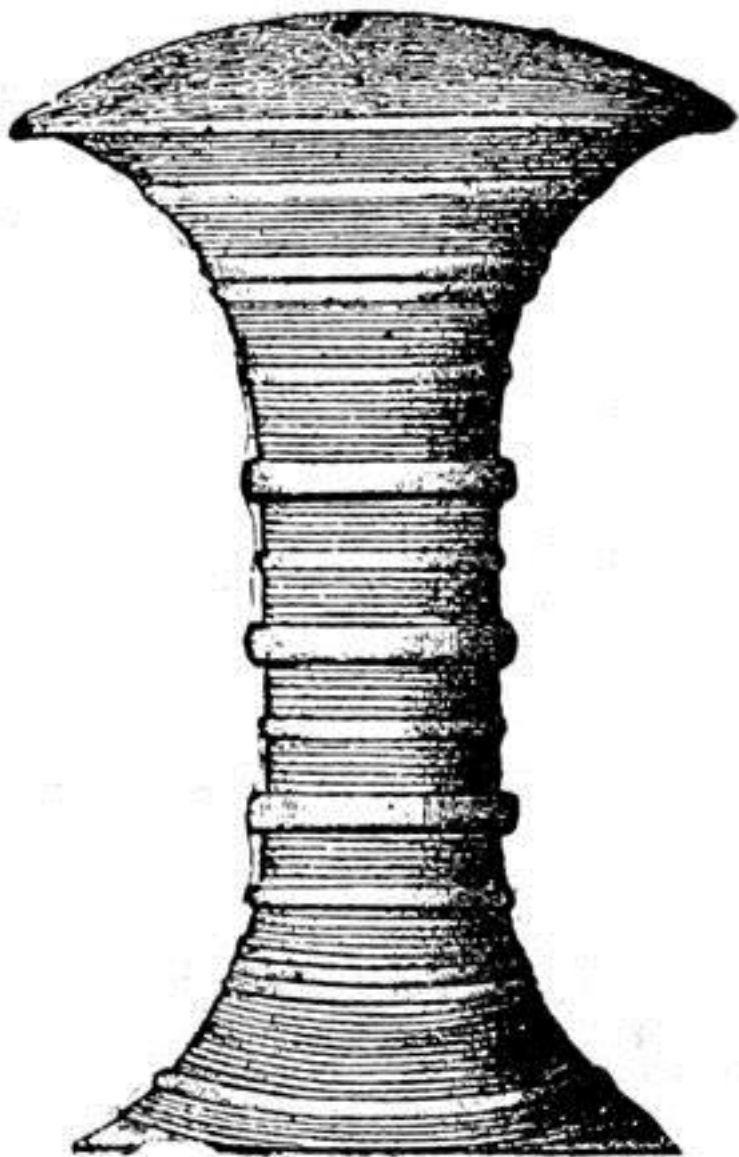

Рис. 840. Рукоять меча с деревянными и бронзовыми накладками; почти $\frac{1}{3}$ реального размера. — Норвегия.

Рис. 841. — Саксофон или меч с одним лезвием, найденный вместе с железным выступом в виде щита-умбо в пирамиде из камней. $\frac{1}{2}$ real size. — Långlöt, Öland.

Рис. 842. Саксофон, или железный меч с одним лезвием, найденный в каменном склепе высотой более девяти футов, со скелетом, наконечником копья, глиняной вазой и т. Д. $\frac{1}{4}$ реального размера. — Эланд.

Рис. 843. Обоюдоострый меч с бронзовым креплением для ножен; найден рядом со скелетом в кургане в Хамменхое, Скания, вместе с железным выступом щита, глиняной вазой, двумя костяными игральными костями, сорока костяными шашками и другими предметами. 1/5 реального размера.

Храунгвид сказал: “Я опустошал тридцать три года, летом и зимой, и я сражался в шестидесяти битвах, в основном одерживая победы; имя моему мечу - *Бринтвари*, и он никогда не притуплялся” (“Сага о Хромундаре Грейпссонаре”, гл. 1).

Греттир попросил оружие, и Асмунд, его отец, ответил:

“Ты не был послушен мне, и поскольку я не знаю, что ты собираешься делать с оружием, поэтому я не дам тебе его”. Греттир ответил: ‘Тогда нечего возвращать, если ничего не было дано’. Отец и сын расстались без особой привязанности. Многие пожелали Греттиру прощания, но немногие вернулись целыми и невредимыми. Его мать последовала за ним по дороге, и прежде чем они расстались, она сказала: ‘Ты не одет дома, мой родственник, так, как мне бы хотелось, как бы ты ни был способен; мне кажется, это величайшая нужда, что у тебя нет оружия, пригодного для использования, и мой разум подсказывает мне, что оно тебе понадобится’. Она достала из-под плаща украшенный меч; он был очень дорогим, и сказала: ‘Этот меч принадлежал моему деду Екулу, и старый Ватнсдалир, он приносил им победы. Я дам тебе меч, используй его как следует’. Греттир горячо поблагодарил ее за подарок, сказав, что он нравится ему больше, чем более ценные вещи” (Сага о Гретти, гл. 17).

Ярл-викинг сказал своему сыну Торстейну:

“Единственное, что меня радует, это то, что ни один мужчина не встанет над твоим скальпелем (положит твою голову к его ногам), хотя у тебя будет небольшой шанс спастись. Вот меч, родич Торстейн, который я хочу подарить тебе; его зовут *Ангрвадил*, и победа всегда сопутствовала ему; мой отец отобрал его у убитого Бьерна Синезубого; У меня нет другого замечательного оружия, кроме старого копья, которое я взял у Харека Ярнхауса, и я знаю, что с ним не справится ни один человек” (Сага о Торстейне Викингссоне, гл. 10).

“Когда викинг нарисовал его (‘Ангрвадил’), из него словно сверкнула молния. Хареке, видя это, сказал: “Я бы никогда не сражался против тебя, если бы знал, что у тебя есть Ангрвадил; скорее всего, все будет так, как сказал мой отец, что мы, братья и сестры, проживем недолго, за исключением того единственного, кого называли в его честь; это было величайшим несчастьем, когда Ангрвадил ушел из нашей семьи”; и в этот момент викинг обрушил удар на голову Харека и разрубил его надвое с головы до ног, так что меч вошел в землю по самую рукоять” (Торстейн Викингссон, гл. 14).^[93]

Король Ательстан подарил ему меч с золотой рукоятью и гардой, но лезвие было еще лучше; им Хакон прорезал жернов до центрального отверстия,^[94] и поэтому меч впоследствии называли *квернбит* (жерновок). Это был лучший меч, который когда-либо попадал в Норвегию” (Сага Олафа Трюгвасона; Форнманна Сегур).

Многие из них считались ценными семейными реликвиями, и их обладание было настолько желанным, что даже вскрывали курганы, чтобы заполучить их.

Греттир ворвался в курган норвежского вождя Кара, с сыном которого, Торфинном, он жил, и забрал оттуда много имущества.

Поздно ночью он вернулся в свой дом и положил на стол перед Торфинном имущество, которое он взял из кургана. Среди сокровищ был саксофон, такое хорошее оружие, что Греттир сказал, что никогда не видел лучшего. Он очень хотел заполучить это, но достал его последним из всех (сокровищ). Лицо Торфинна просветлело, когда он увидел саксофон, ибо это было великое сокровище, и оно никогда не покидало его семью; он спросил, откуда оно у него (Греттира), и Греттир рассказал ему.... Торфинн сказал: "Ты должен совершить нечто, что я считаю знаменитым, прежде чем я отдам тебе саксофон, потому что мой отец никогда не разрешал мне пользоваться им"" (Сага о Гретти, гл. 18).

"Аринбьерн подарил Эгилю меч под названием *Драгвандил*, который подарил ему Торольф Скаллаgrimссон; Скаллаgrim получил его от своего брата Торольфа, а Грим Лодинкинни (косматая щека) подарил его Торольфу. Кетиль Хонг, отец Грима, владел им и сражался с ним в одиночку; он был острее любого другого меча" ("Сага об Эгиле", с. 64).

"Он (король Магнус) был опоясан мечом под названием *Леггбит* (кусающий за ногу); его гарды были из моржового бивня, а рукоять покрыта золотом; это было одно из лучших видов оружия" (Сага о Магнусе Бэрфуте, гл. 26).^[95]

В мирное время воины наматывали на свои мечи то, что называлось *Fridbönd* (повязка мира). Это был ремешок, обмотанный вокруг ножен и пристегнутый к рукояти, но отстегиваемый на случай войны.

Торкель, брат Гисли, был хорошо одет на празднике Торскафьярдара.

- На нем была шляпа из Гардарики, серый плащ и золотая фибула на плече, а в руке он держал меч.

К нему подошли двое мальчиков.

Старший мальчик спросил: 'Кто этот благородно выглядящий мужчина, сидящий здесь? Никогда не видел более красивого и достойного мужчины'. Торкель ответил: 'Ты хорошо говоришь; меня зовут Торкель'. Мальчик сказал: 'Меч в твоей руке, должно быть, очень драгоценный; ты позволишь мне взглянуть на него?' Торкель ответил: 'Это странно, но я позволю тебе посмотреть', - и протянул ему меч. Мальчик взял меч, повернулся немного в сторону, развязал мирные ремни и обнажил меч. Когда Торкель увидел это, он сказал: 'Я не позволял тебе обнажать меч'. "Я не просил у тебя разрешения", - сказал мальчик; и он взмахнул мечом и ударил Торкеля по шее, отсекая ему голову" (Сага о Гисли Сурссоне, гл. 55).^[96]

Валькирия говорит Хельги:

Я знаю, что мечи лгут

В Сигарсхольме

На четверых меньше

Больше пятидесяти;

Один из них - это

Лучший из них всех.

Вредитель войны-вязаные изделия^[97]

Покрытый золотом.

Для того , кто это получит

Кольцо находится в охраннике,

Мужество посередине,

Ужас в упор,

Окровавленный змей

Лежит вдоль края,

Змея выбрасывает свой хвост

На валбосте.^[98]

(Хельги Хьервардссон.)

Копья. — Упоминаются различные виды копий, такие как *kesja*; *höggspjót* (рубящее копье); *gaflak* (дротик); *snæris-spjót* (тетивное копье); последнее металось с помощью веревки, прикрепленной к копьё; *pál-staf* (древко-шест), шест, снабженный железным шипом; *skepti-fletta* (древко-шнур), древко с прикрепленным к нему шнуром; *amgeyr*, разновидность алебарды.

Гнезда часто богато украшались золотом или серебром, инкрустированными красивыми узорами, иногда тонкими серебряными насечками, или были покрыты листами серебра, на которых был выгравирован змеевидный орнамент, характерный для Севера.

Рис. 844. — $\frac{2}{3}$ реальный размер.

Рис. 845. — Наконечник копья. $\frac{1}{2}$ реального размера.

Рис. 846. — Дамасский наконечник копья, найденный вместе с фрагментом однолезвийного меча с рукоятью, ключом, косой, железным лезвием и т. Д. $\frac{1}{3}$ Реальный размер. -Норвегия.

Рис. 847. — Наконечник копья. В кургане. Верхняя линия рукояти залита серебром. $\frac{1}{3}$ реальный размер. — Норвегия.

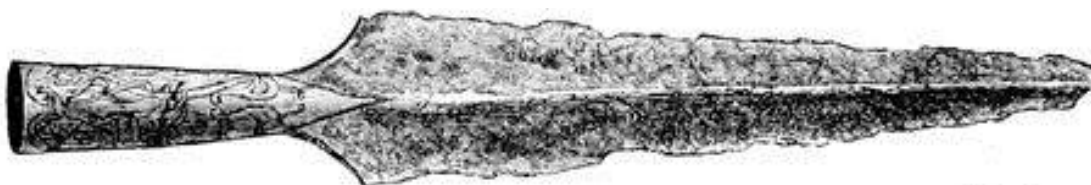

Рис. 848.—Наконечник копья с нижней частью, покрытой серебром и золотом. $\frac{1}{2}$ реальный размер.—Гетланд.

Рис. 849.—Наконечник копья, найденный вместе с двумя мечами, железным ножом и тремя бронзовыми пряжками. $\frac{1}{4}$ реального размера.—Гетланд.

Рис. 850. Наконечник копья, $\frac{1}{2}$ реального размера, найден в болоте Крагегул.

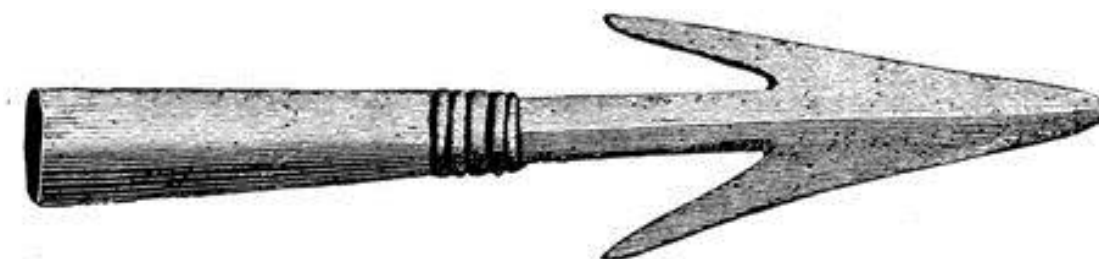

Рис. 851.—Наконечник копья. $\frac{1}{2}$ реального размера.—Норвегия.

Рис. 852.—Наконечник копья. $\frac{1}{2}$ реальный размер.—Норвегия.

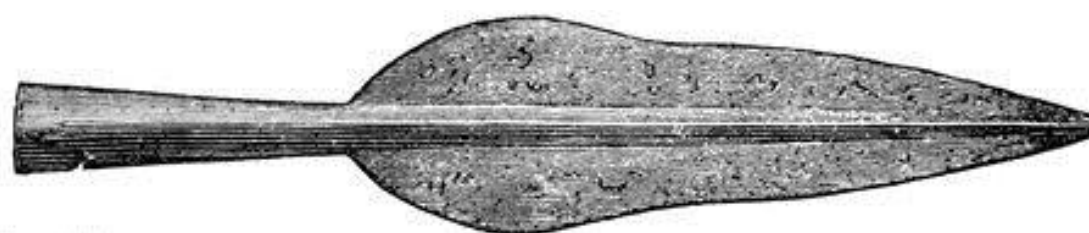

Рис. 853.—Наконечник копья. $\frac{1}{2}$ реальный размер. В кургане с двумя изогнутыми обоюдоострыми мечами, еще одним похожим наконечником для копья и т.д., и т.п., и кости двух лошадей.—Норвегия.

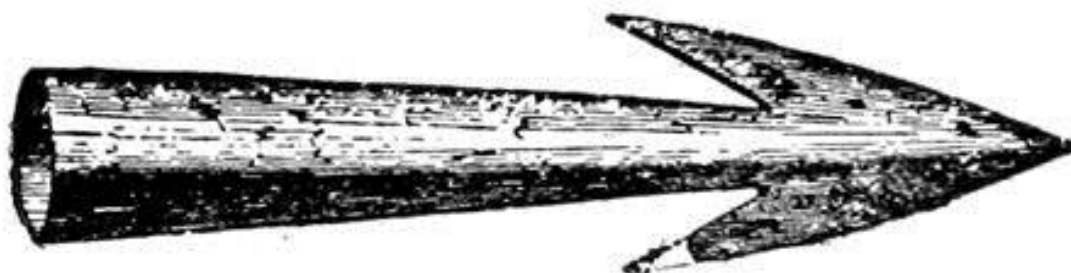

Рис. 854.—Железный наконечник копья. $\frac{2}{3}$ реальный размер.

Рис. 855.—Наконечник копья. $\frac{1}{2}$ реального размера. В круглом кургане с золотым кольцом, осколками стеклянной чашки или вазы, фрагментами серебряной оправы и позолоты, а также частью браслета.—Норвегия.

Рис. 856.— Железный наконечник копья, найденный вместе с двумя другими наконечниками копий большего размера, однолезвийным мечом и дном римской вазы из бронзы и т. Д. в $\frac{1}{2}$ реального размера.

Рис. 857.—Наконечник копья. $\frac{1}{2}$ реального размера. Найден в круглом кургане с обоюдоострым мечом и др. -Норвегия.

Из более многочисленных находок копий, которых было обнаружено большое количество вместе взятых, мы заключаем, что копье было более распространенным оружием, чем меч. Мы также узнаем, что древки копий обычно делались из ясеня и что иногда их длина превышала одиннадцать футов, а толщина редко превышала дюйм; на некоторых копьях центр тяжести был обозначен гвоздями или веревками, чтобы метатель мог быстро придать копью правильное положение в своей руке.

Рис. 858.—Треугольная стрелка. $\frac{1}{2}$ реального размера.

Рис. 859.—Железный наконечник копья. $\frac{1}{4}$ реального размера.—Карлебю, Нагорье.

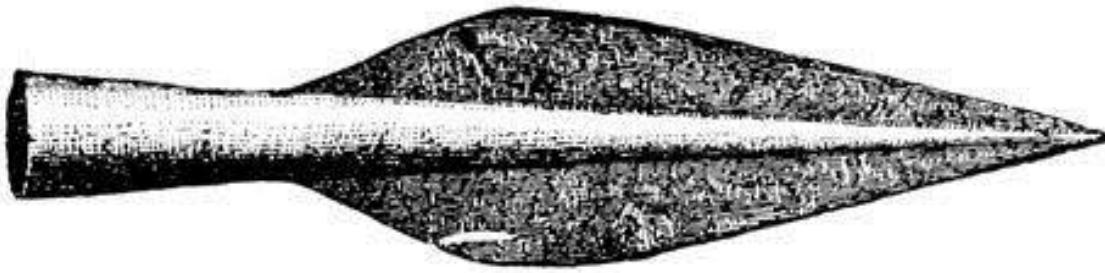

Рис. 860. Железный наконечник копья, найденный вместе со скелетом, обоюдоострым мечом, ножом, двумя наконечниками копий и наконечником щита в пирамиде из камней в Фолькеслунде, Эланд. $\frac{1}{3}$ реальный размер.

Рис. 861.—Железный наконечник стрелы. $\frac{1}{2}$ настоящего размера, найден вместе с 11 другими стрелами такой же формы.—Вестана, Нагорье.

Рис. 862.—Наконечник копья. $\frac{1}{4}$ реального размера.—Hade in Gestrikland, Sweden.

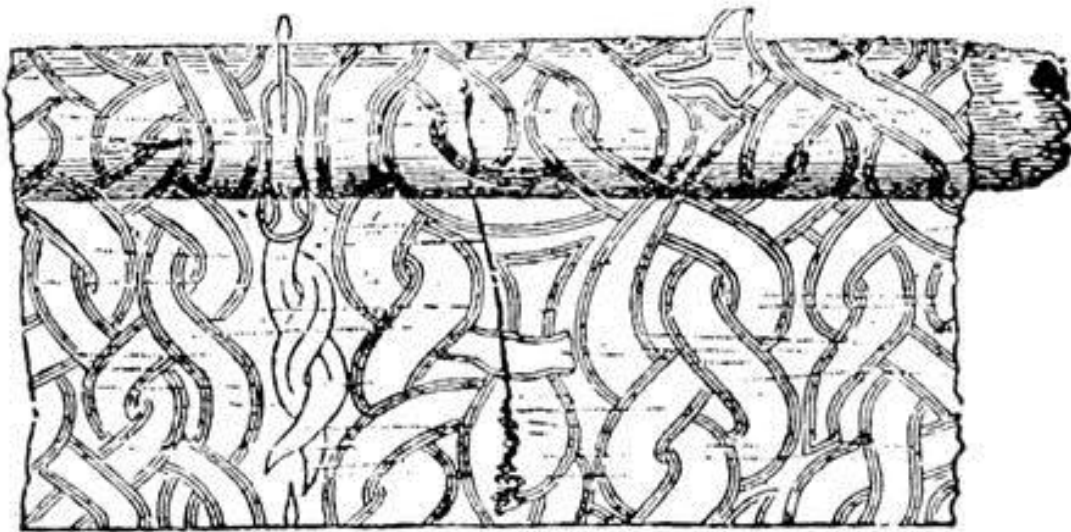

Рис. 863. Орнамент на рукояти копья размером в $\frac{1}{2}$ реального, из Торсбьергского болота.

Копья, как и мечи, имели множество поэтических названий. Копье Одина называлось *Гунгнир*. Некоторые другие имена были...

Полус Даррада (Одина).

Звучащая рыба панциря.

Змея из трупа.

Летающий дракон ран.

Змея нападения.

Ядовитый ремень боя.

Заноза в ране.

Кровавый змей.

Боевой змей.

Змея раны.

Змея щита.

Стреляющий змей.

Они бывают разных форм, и невозможно определить, какие из них использовались на войне, в быту или для рубки деревьев.

“По этому Предмету было видно, что отряд людей ехал вниз вдоль Глюфры (реки), и там блеснули щиты. Когда они прибыли, впереди ехал человек в синем плаще; на голове у него был позолоченный шлем, а на боку - украшенный золотом щит; в руке он держал крючковатое копье; гнездо его наконечника было инкрустировано золотом; он был опоясан мечом. Это был Эгиль Скаллаgrimссон” (“Сага об Эгиле”, гл. 85).

Топор. — Топор часто упоминается в Сагах и, должно быть, часто был грозным оружием. Некоторые из них были искусно и великолепно сделаны и инкрустированы драгоценным металлом, причем каждая сторона была украшена разными узорами.

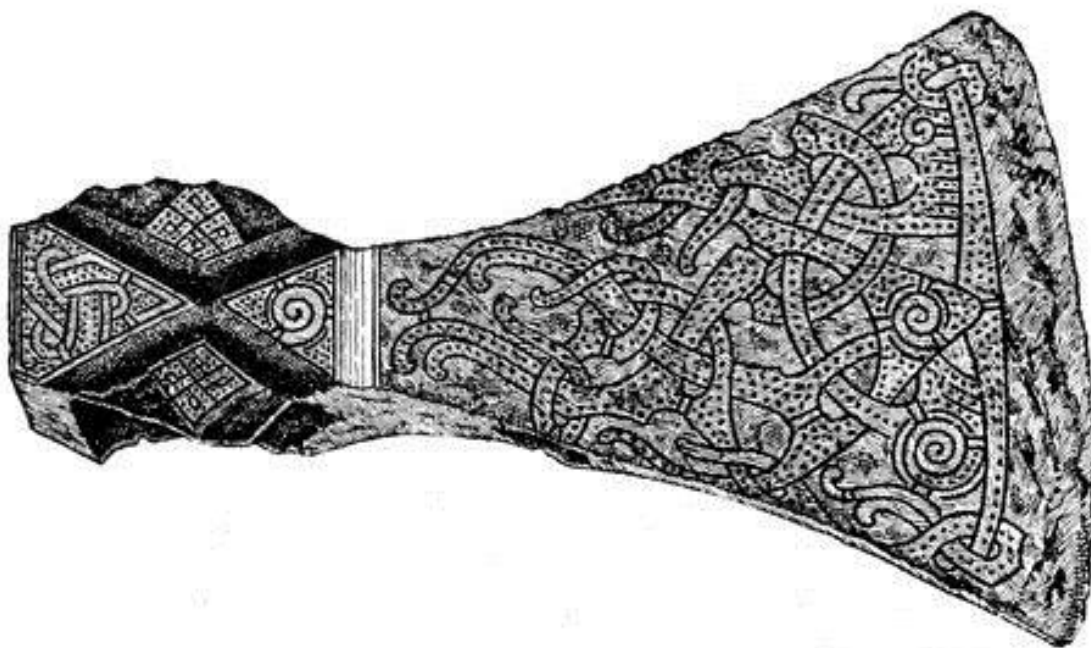

Рис. 864. Топор, инкрустированный металлом, из серебра, смешанного с золотом. ½ реального размера. — Курган Бьеррингой в Маммене, недалеко от Выборга.

Вероятно, здесь представлена одна из самых ранних форм этого оружия (рис. 865), поскольку оно было найдено вместе с бронзовым мечом и показывает происходивший переход, когда железо должно было вытеснить бронзу при изготовлении оружия.

У них также были своеобразные переносные названия —

Демон щита.

Боевая ведьма.

Ведьма в доспехах.

Ведьма в шлеме.

Ведьма со щитом.

Волк из раны и т. Д.

Самым знаменитым топором более поздних времен был топор Скарпхедин по имени Риммугиг (боевая ведьма).

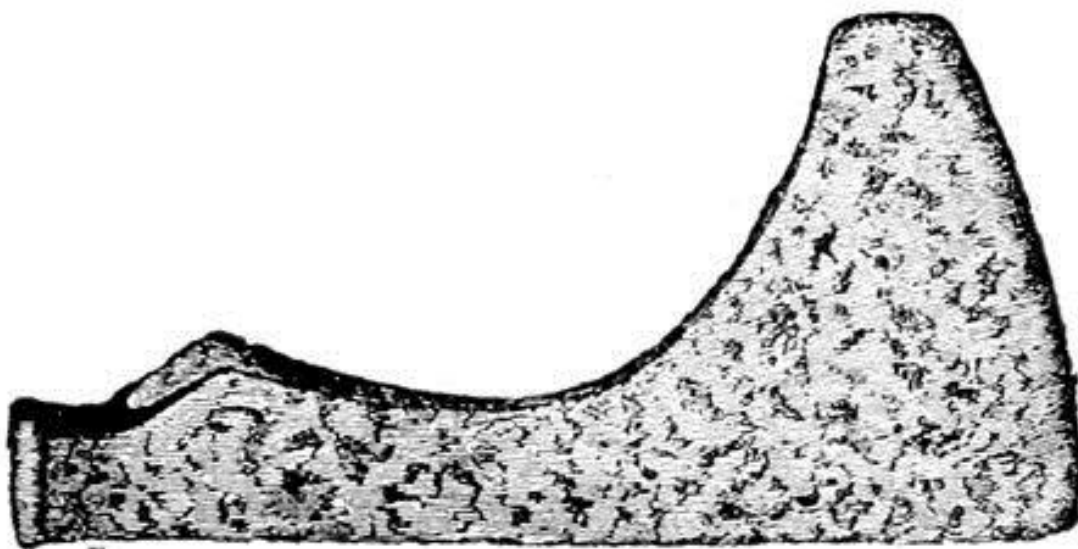

Рис. 865. — Железный топор, $\frac{1}{2}$ реального размера, вероятно, раннего железного века, найденный в небольшой каменной урне вместе с коротким бронзовым мечом и обожженными костями. — Гетланд.

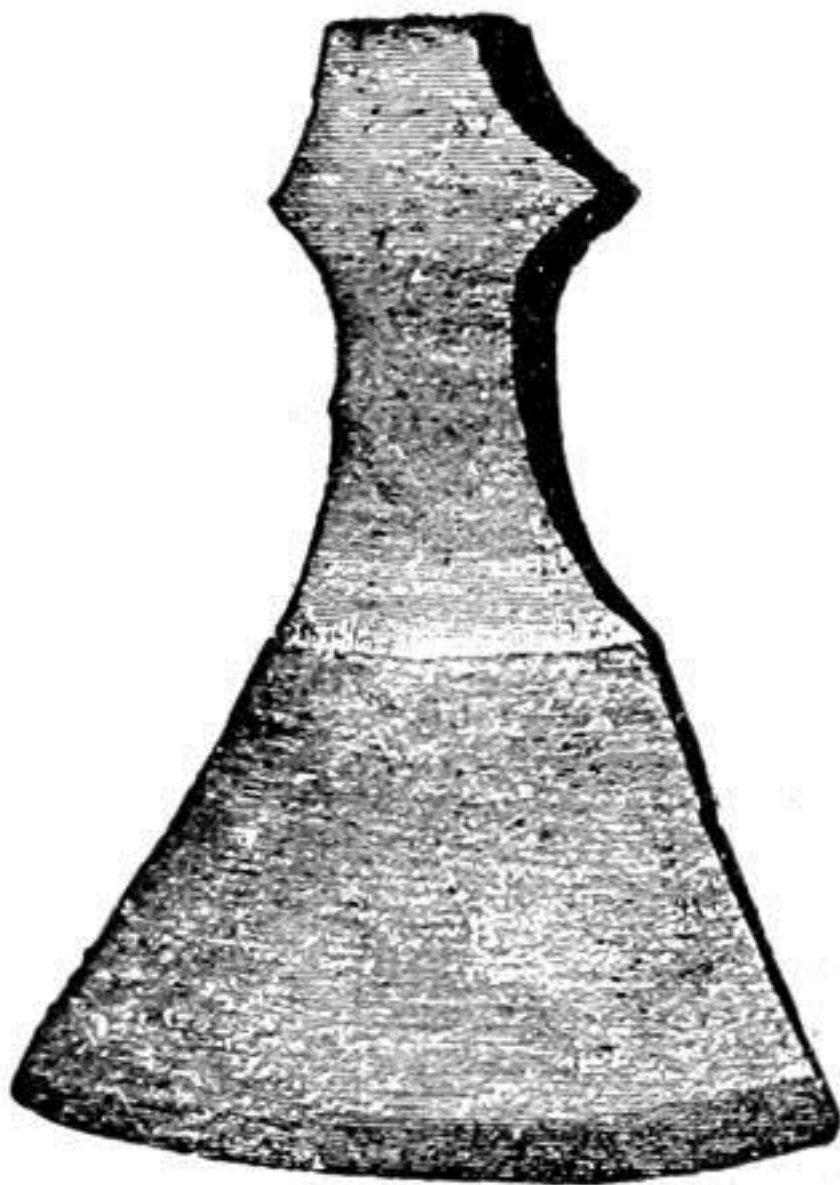

Рис. 866.— Чуть меньше $\frac{1}{4}$ реального размера. Железный топор кельта, обоюдоострый меч с рукоятью, наконечник копья, топор, два лезвия ножей, удила лошади, лезвие косы и т. Д., Все из железа.—Норвегия.

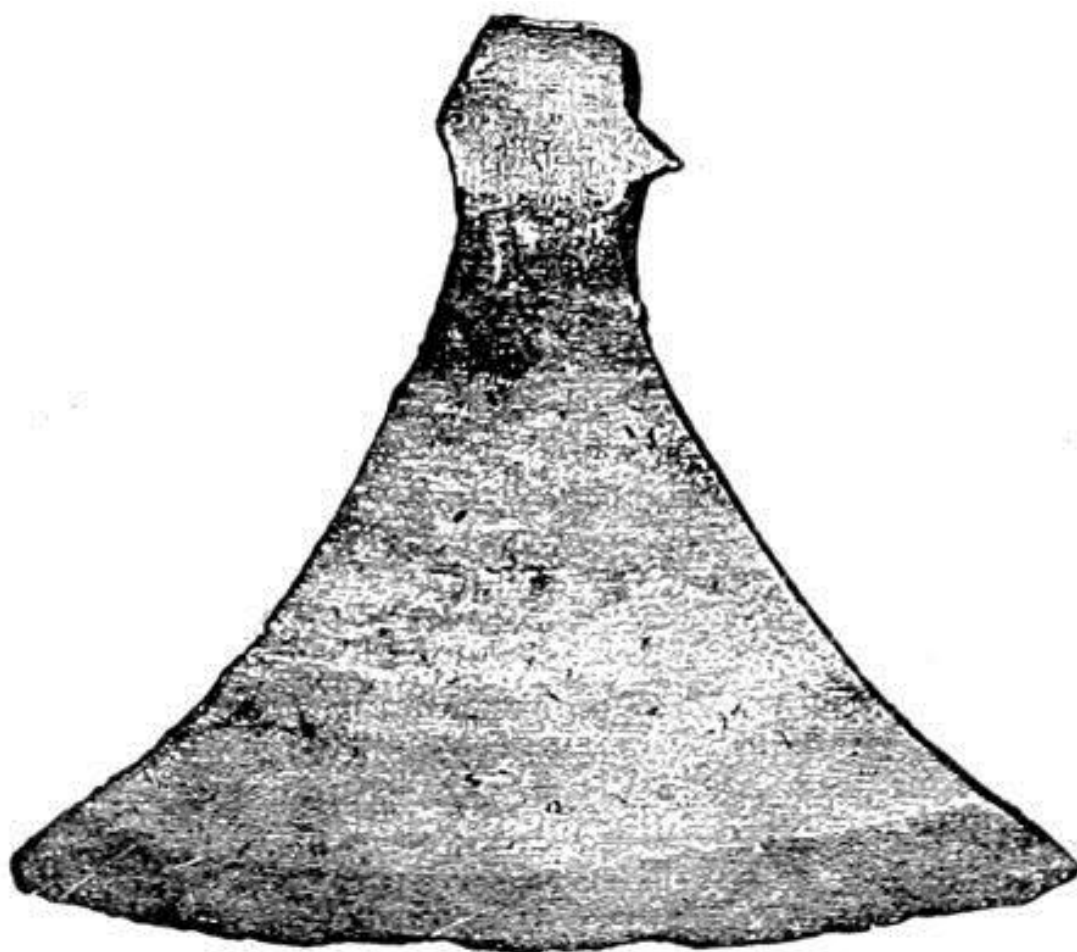

Рис. 867.— Чуть меньше $\frac{1}{4}$ реального размера. Железный топор в полуразрушенном кургане, с двумя другими топорами, лошадиными удилами и маленьким колокольчиком.—Норвегия.

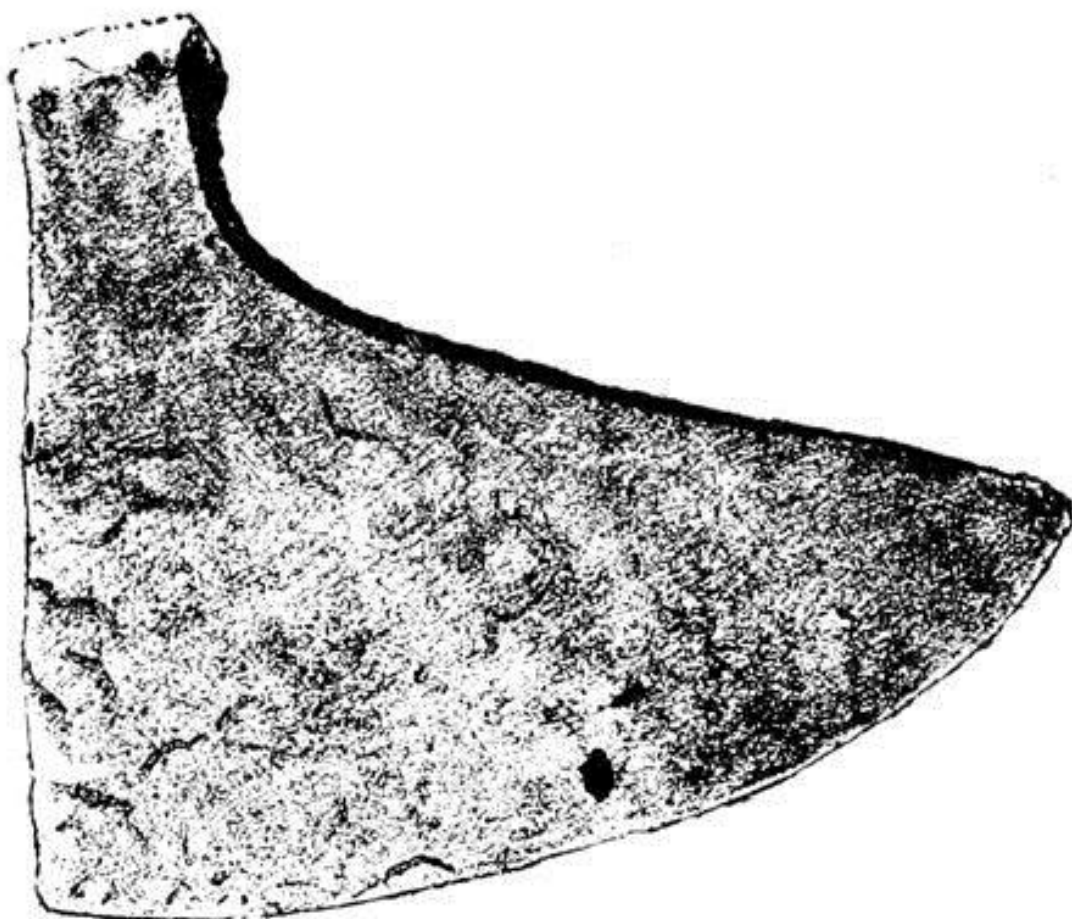

Рис. 868.—Наконечник топора, $\frac{2}{3}$ реальный размер.—Швеция.

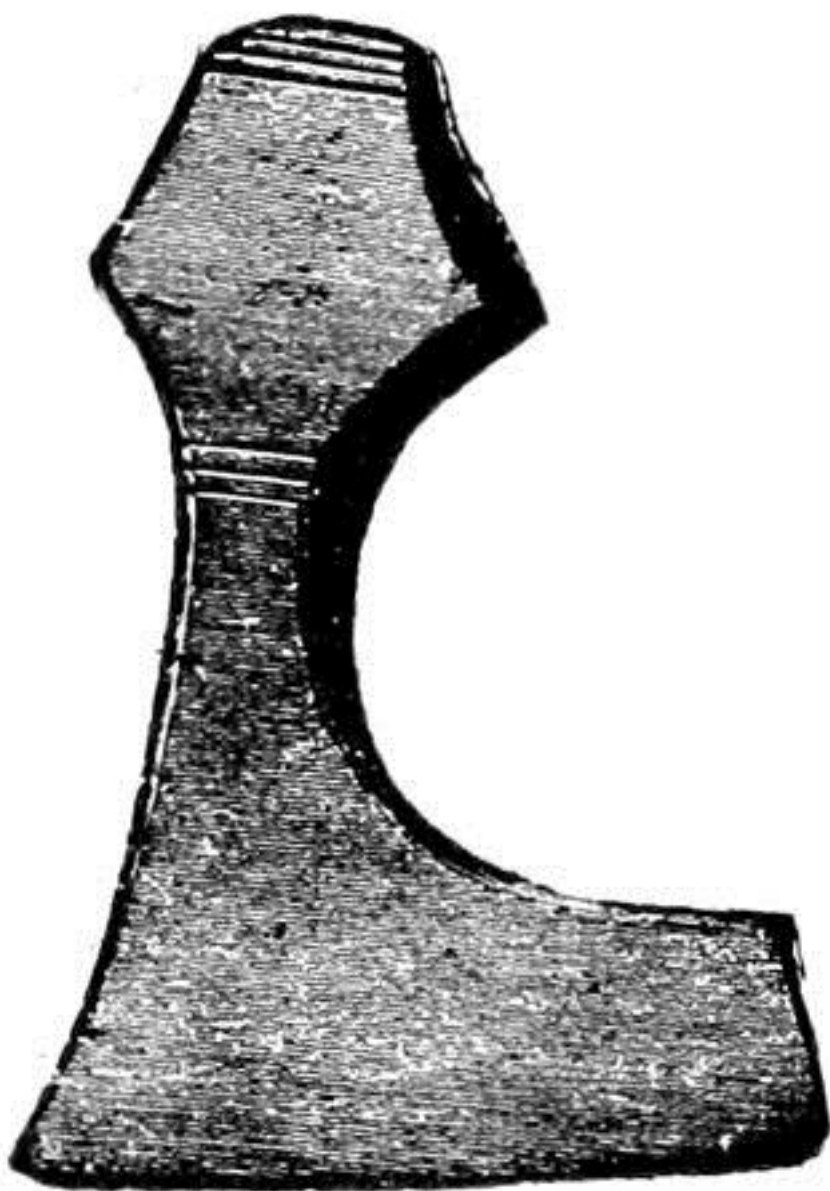

Рис. 869. — Чуть меньше $\frac{1}{4}$ реального размера. Железный топор в кургане с древесным углем, наконечником копья, лезвием ножа, огнеупорной сталью, однолезвийным мечом и концом железной цепи. — Норвегия.

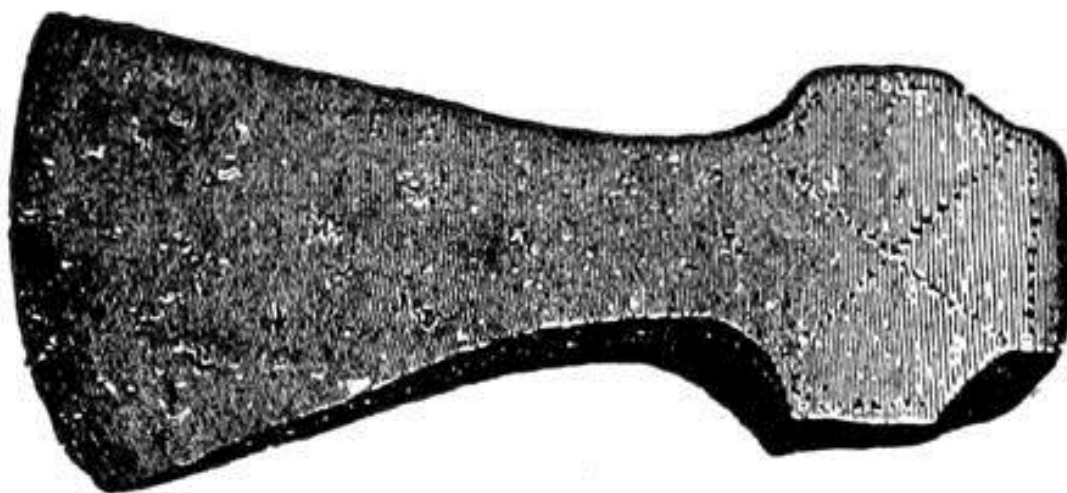

Рис. 870.— $\frac{1}{2}$ реальный размер. Железный топор, найденный вместе с шашками в круглом кургане с каменным сосудом, в котором находились обожженные кости и намеренно сломанный и погнутый меч с инкрустированной серебром рукоятью, изогнутый наконечник копья, два наконечника для щита, лошадиные удила, пара стремян, поврежденных ударами молотка, две пряжки и железное украшение для пояса, фрагменты костяного гребня и т.д. -Норвегия.

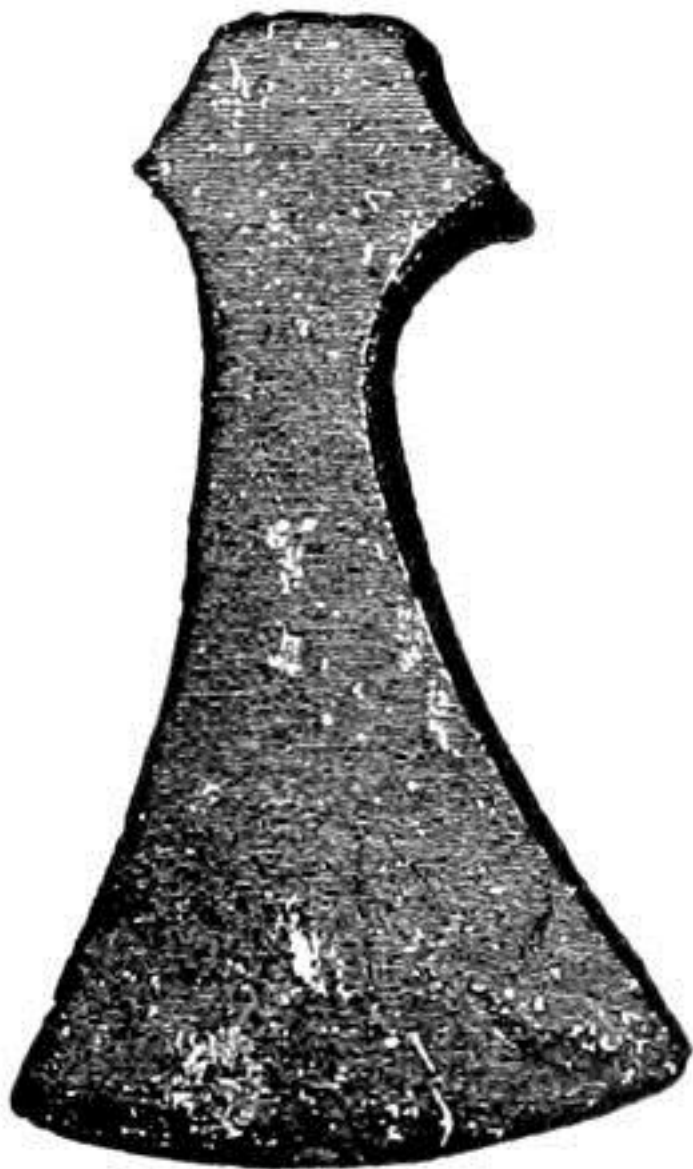

Рис. 871.— $\frac{1}{4}$ реального размера. Железный топор.—Норвегия.

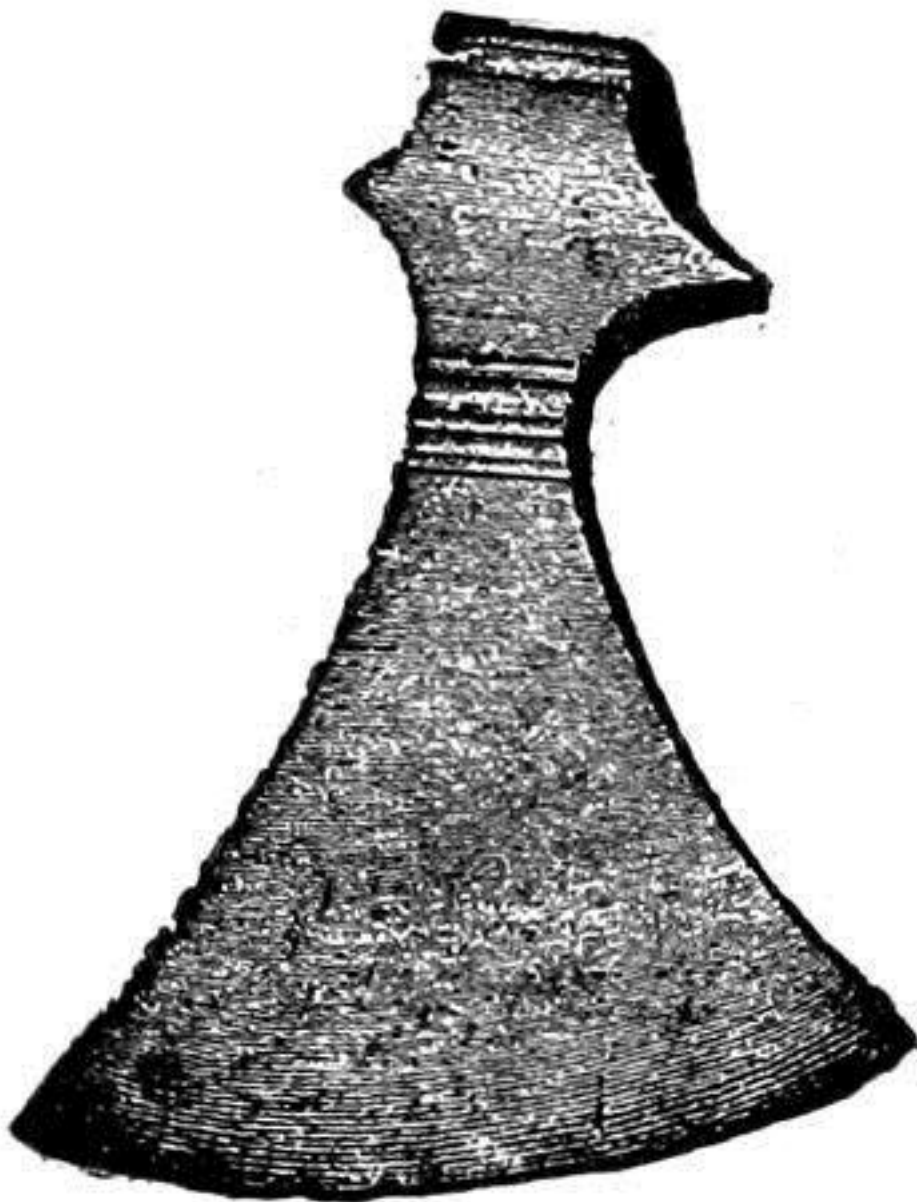

Рис. 872.—¼ реального размера. Железный топор.—Норвегия.

“Ярл (Хакон) спросил (Халльфреда), кто он такой? Он сказал: ‘Я исландец; но мое поручение заключается в том, господин, что я сочинил песню о тебе и хочу, чтобы ты ее послушал’. Ярл ответил: ‘Ты выглядишь человеком, который был бы смел в присутствии вождей, и ты будешь услышан’. Халльфред продекламировал стихотворение; это была *драпа* (хвалебное стихотворение); он произнес его со знанием дела. Ярл поблагодарил его, подарил ему большой, украшенный серебром топор и хорошую одежду и пригласил остаться у него на зиму; и Халльфред согласился” (Сага о Халльфреде, гл. 5).

“Когда они расставались, ярл (Хакон) подарил ему (Олафу Хескульдссону) самый дорогой топор, украшенный золотом” (Лаксдала, гл. 29).

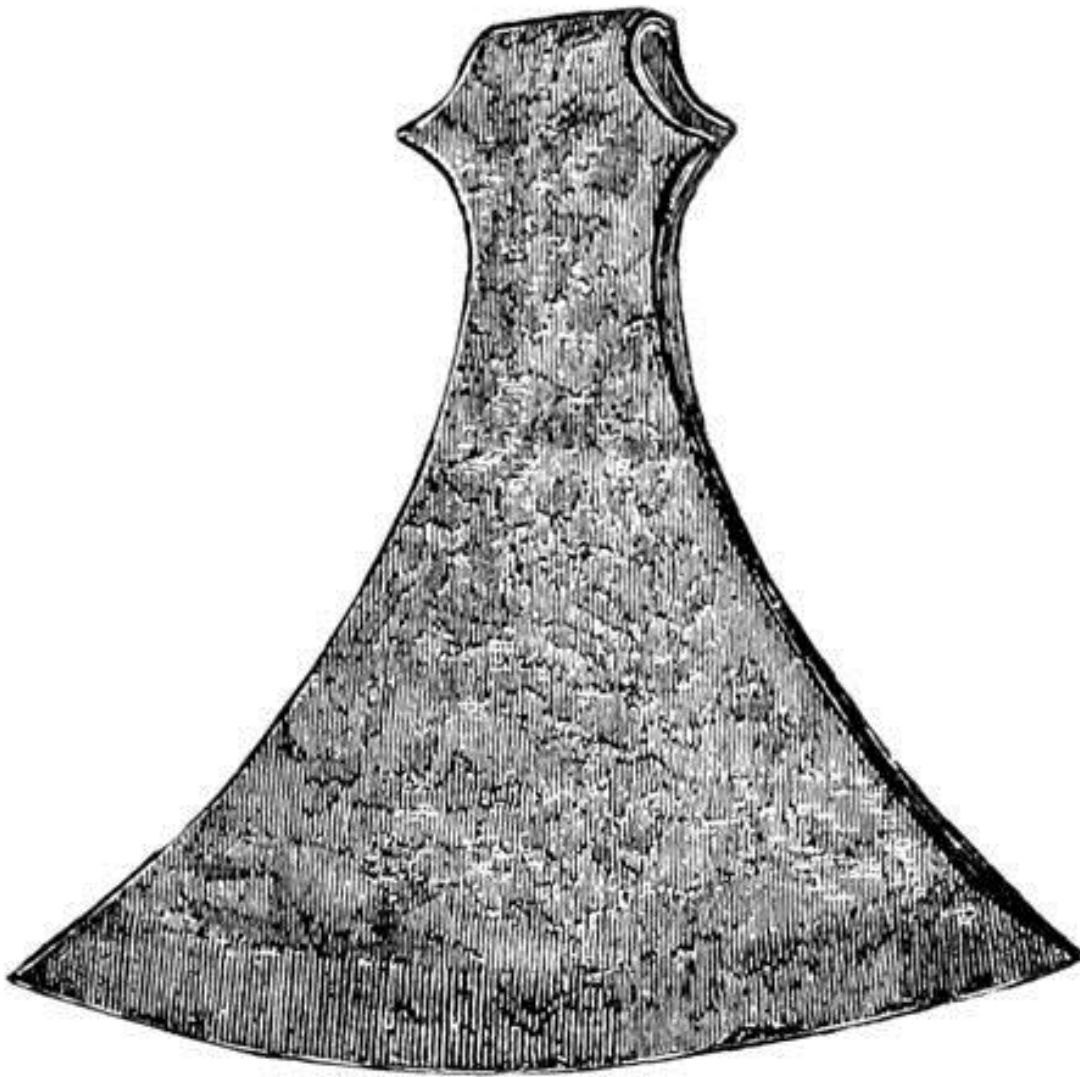

Рис. 873.—Железный топор. $\frac{1}{4}$ реального размера. Найден в поле с другим топором и т.п.—Карлебю, Аплэнд, Швеция.

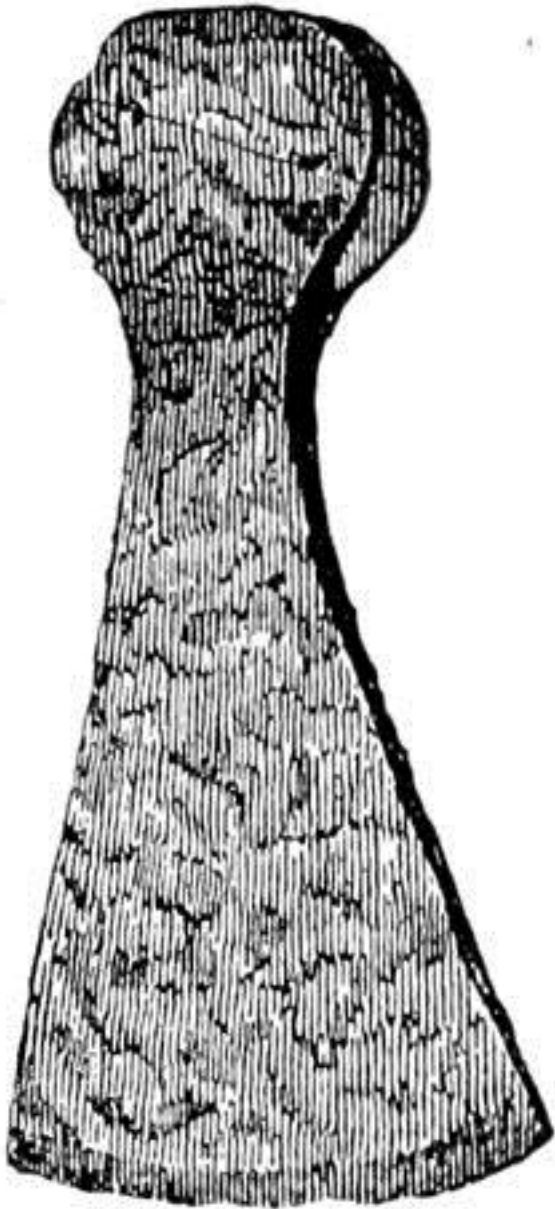

Рис. 874.—Маленький топор. $\frac{1}{2}$ реального размера. Найден с обоюдоострым мечом, 10 наконечниками стрел и проч.-Форнеби, Вестманлан.

Лук (*боги*) и стрела (*ор*) были одними из самых важных видов оружия для ведения войны. Обнаруженные луки обычно имеют длину около шести футов.

Поэты называли стрелы—

Птица на веревочке.

Быстролетчик.

Разгром битвы.

Град от раны.

Сельдь из трупа.

Лед на носу.

Струющийся дождь.

Веточки трупа.

Сжимающий (одна из трех стрел Орвара Одда).

Радостный летун.

Оружие финнов.

Работа Гуси (короля финнов).

Последователи Гуси.

Струящиеся потоки лука.

Дождь из лука.

Самый быстрый из стволов.

Огонь из лука и т. Д.

Колчаны раннего железного века иногда были деревянными, иногда с бронзовыми креплениями и были сделаны для хранения десятков стрел. Некоторые стрелы были украшены золотом, были длинными и часто зазубренными железом или костью. Деревянные древки стрел были длиной в два или три фута, с четырьмя рядами перьев, скрепленных тонкими нитями; на них, как и на копьях, часто были знаки владения, а на некоторых были выгравированы руны.

Свейн (завоеватель Англии), сын короля Харальда, приемный сын Пальнатоки, воевал во владениях своего отца и участвовал в морской битве против него близ Борнхольма. Он потерпел поражение и был заперт в бухте, корабли Харальда стояли поперек нее, каждый форштевень был прикреплен к другому.

Рис. 875.

Рис. 876.

Наконечники стрел. $\frac{2}{3}$ реальный размер. — Норвегия.

В тот же вечер Палнатоки прибыл на остров с двадцатью четырьмя кораблями. Он поставил свои корабли по другую сторону мыса и там разбил палатку над своим войском (на борту). После этого он сошел на берег один со своим луком и стрелами и мечом на поясе. Теперь следует рассказать о короле Харальде, что он сошел на берег с одиннадцатью воинами. Они пошли в лес, развели там костер и согрелись у него. Они сели на поваленное дерево, и с наступлением ночи стало темно. Пальнатоки пошел в лес напротив того места, где сидел король, и встал там. Король согрелся у огня и встал к нему спиной. Под него подложили одежду. Он стоял на коленях и так низко наклонился вперед, согревая спину и плечи, что задняя часть его бедер выступила вперед. Палнатоки услышал голос короля и узнал голос брата своего отца, Фьельнира. Он наложил стрелу на тетиву своего (лука) и выстрелил в короля, и, как рассказывают, стрела попала королю прямо между бедер и вышла у него изо рта. Король, как и следовало ожидать, упал замертво. Когда его последователи увидели, что произошло, Фьельнир сказал: 'Большое несчастье случилось с

человеком, который совершил это деяние или заставил его быть совершенным. Странное чудо - это способ, которым было совершено это деяние'. Он спросил, что следует делать. Они предоставили ему самому решать это, потому что он был самым мудрым из них. Рассказывают, что он вынул стрелу из рта короля и положил ее так, как она была. Это было легко узнать, потому что она была окована золотом. Фьельнир сказал мужчинам: 'Я думаю, было бы целесообразно, чтобы мы все рассказали одну и ту же историю об этом событии, и мне кажется, мы не можем сделать ничего лучше, чем сказать, что он был ранен в сегодняшнем бою. Это более вероятно, чем чудо, которое произошло здесь'. Все они твердо обязались рассказывать одну и ту же историю" (Сага о Йомсвикинге).

Рис. 877. —½ реального размера. Наконечник стрелки. В круглом кургане найдены осколки двух каменных ваз, железные клещи для кузнеца, обоюдоострый меч с рукоятью, инкрустированной серебром, лезвие погнутое, а инкрустированное серебро наполовину расплавлено; изогнутый наконечник копья, один топор, один наконечник щита, пятнадцать наконечников стрел, конские удила, два стремени, два копья, четыре пряжки для ремней и множество украшений для сбруи; два молотка, наковальня, фрагменты каменной формы, остатки бронзовых весов, два напильника, два лезвия ножей и два железных кельта, буравчик, два точильных камня, кусок кремня, железный ключ, фрагменты костяных шашек и т. Д. -Норвегия.

Рис. 878. —½ реального размера. Железный наконечник стрелы. —Норвегия.

Самыми знаменитыми мифическими стрелами^[99] из Саг были стрелы Гуси, которые перешли во владение Кетиля Хонга, а впоследствии перешли к его внуку Орвару Одду.

В Сагах есть несколько рассказов об этих замечательных стрелах.

Грим (отец Орвара-Одда) последовал за ними (Оддом, Гудмундом, Сигурдом) к кораблям и сказал: 'Вот дорогие вещи, которые я хочу подарить тебе, Одд, мой родственник; это три стрелы, у которых есть имя, и они называются наутар Гуси (последователи Гуси)'. Он отдал стрелы Одду, который посмотрел на них и сказал: 'Они очень дорогие'. Перья были позолочены, а стрелы слетали с тетивы сами по себе, и их никогда не нужно было искать. Эти стрелы Кетиль Хонг забрал у Гуси, короля финнаров; они поражают все, на что нацелены, ибо выкованы *Двергаром*. Одд сказал: 'Нет у меня подарков, которые я считал бы столь же прекрасными'. Он поблагодарил своего отца, и они расстались по-дружески" (Сага Орвара Одда, с. 4).^[100]

Пращи и брошенные камни. —Метание камней было важным средством нападения. Камни иногда бросали вручную, но чаще всего с помощью пращи, особенно в морских боях, и это искусство было доведено до большого совершенства. Пращами также пользовались на суше тела людей, у которых не было другого оружия.^[101] Упоминаются камнеметы, занимавшие

фланги в армии короля Хедина; а пращники стояли в последних рядах боевого порядка короля Хринга на пустоши Бравалла.

Поскольку тяжелые камни нельзя было забросить на большое расстояние с помощью простой мускульной силы, использовались машины, называемые *Валсленгва*.

Вождь Стурла Сигватссон атаковал своих врагов, которые защищались за высокой стеной.

Стурла вышел наружу и взял камень; он бросал камни лучше, чем кто-либо другой, и обычно попадал точно в цель. Он сказал: "Мне кажется, если бы я захотел бросить камень, то я, а не вы, выбрали бы, куда он должен попасть; но я не буду пробовать это сейчас", - и затем он бросил камень" (Стурлунга, v., гл. 17).

"Буй (сын Андрида из Браутархольта) никогда не носил никакого оружия, кроме пращи, которую он всегда носил привязанной к себе. Буй был объявлен вне закона, потому что не хотел приносить жертвы. Однажды, когда он был в путешествии, Торстейн, сын вождя Торгрима, напал на него с одиннадцатью людьми. Буй подошел к холму под названием Клеберг, где увидел, что они преследуют его; он остановился и собрал несколько камней. Торстейн и его люди шли быстро, и когда они миновали ручей, который был там, они услышали свист пращи Буи и полетел камень; он попал в грудь одному из людей Торстейна и убил его. Буй послал еще несколько камней, и каждый попал в человека. К этому времени Торстейн почти подошел к нему; Буи отступил вниз по склону с другой стороны" (Сага о Кьялнесинге, гл. 3).

Оборонительное оружие.—Щит, форма которого, как мы видим из находок, всегда была круглой и несколько выпуклой. Вероятно, почти все щиты были обтянуты кожей. Они были деревянными, доски окружены по краю металлическим кольцом, иногда золотым, и были скреплены выступом и ручкой из железа или бронзы. Многие из них были раскрашены в разные цвета или богато украшены, а иногда и покрыты золотом.

Им было дано много образных названий:—

Солнце битвы.

Луна битвы.

Солнце Одина.

Луна Одина.

Облако битвы.

Стена битвы.

Доска победы.

Сеть из копий.

Колесо Хильды (Валькирия).

Стена Хильды.

Солнце морских королей.

Лист викингов.

Страна стрел.

Путь копий.

Ограждение барди (броненосца).

Крыша зала Одина.

Тот, кто укрывает.

Защитник в бою.

Сверкающее солнце.

Защитник от огня.

Город мечей.

Тьодольф из Хвина, один из скальдов Харальда Прекрасноволосого, получил в подарок от норвежского вождя Торлейфа^[102] щит. Щит был расписан сюжетами из скандинавской мифологии. Об этом Тьодольф написал поэму *Haustlöng* ("долгая осень"), которая сохранилась в поздней Эдде в двух частях. Первая часть рассказывает о путешествии Одина, Локи и Инира; о том, как по пути они встретили Йотуна Тьясси; а также описывает изнасилование Идун и смерть Тьясси. Эта часть стихотворения заканчивается так: —

Это нарисовано

На моем щите;

Я получил цветной щит

Из Торлейфа.

Вторая часть стихотворения рассказывает о битве Тора с Йотуном Хрунгниром, и Тьодольф заканчивает ее такими словами:—

Я отчетливо вижу

Эти события на щите;

У меня есть цветной щит

Из Торлейфа.

(Поздняя Эдда.)

Когда ярл услышал это стихотворение, он подарил Эйнару самый дорогой щит. Он был расписан старинными Сагами, а все промежутки между картинками были покрыты золотыми пластинами и инкрустированы камнями.

Когда он был готов, он пошел к резиденции Эгиля и повесил там дорогой щит, сказав слугам, что отдал его Эгилю, а затем уехал.

“Говорят, что Эгиль взял щит в свадебное путешествие в Видимир, где его испортили, бросив в кадку с кислым молоком; он снял украшения, и на пластинах оказалось двенадцать золотых аураров” (Сага об Эгиле, гл. 82).^[103]

Рис. 879.—Бронзовый щит с железной рукоятью, покрытой бронзой. ½ реального размера.— Ултуна.

“Сигурд ускакал, его щит состоял из многих слоев и был покрыт красным золотом, и на нем был нарисован дракон. Верхняя часть была темно-коричневой, нижняя - светло-красной, и точно так же были раскрашены его шлем, седло и доспехи. У него была золотая кольчуга (gullbrynja), и все его оружие было украшено золотом и помечено драконом, так что каждый, кто видел дракона, мог знать, кто этот человек, если бы он слышал, что Сигурд убил большого дракона, которого викинги называют Фафнир” (Сага о Вельсунге, гл. 22).

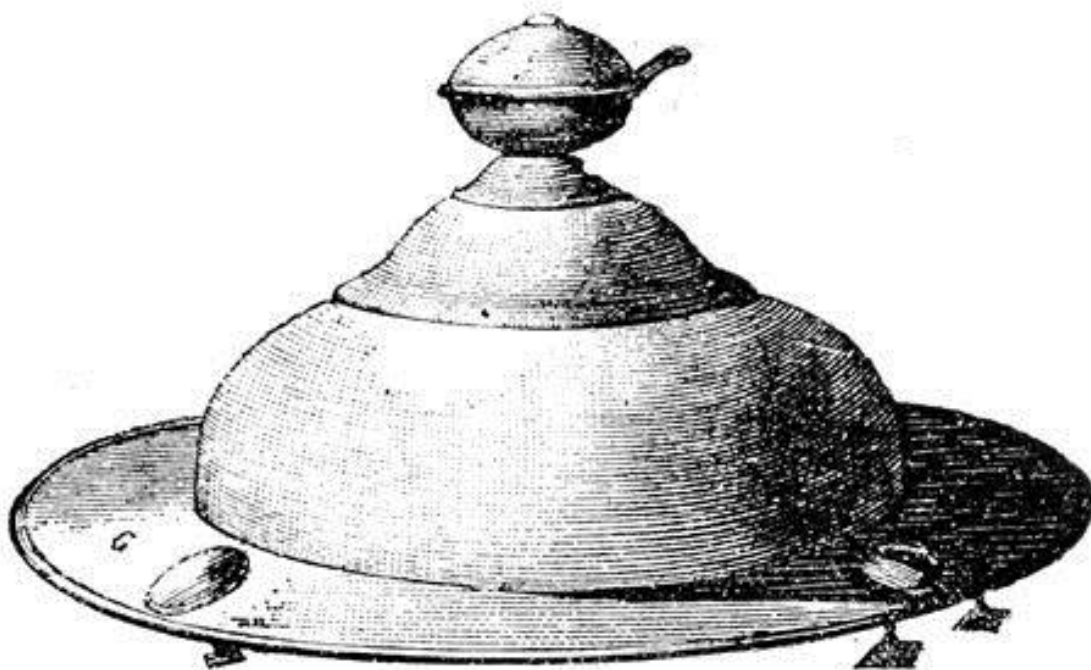

Рис. 880.

Рис. 881.

Наконечник щита с рукоятью из бронзы, встречается вместе с железным наконечником копья. $\frac{1}{2}$ реального размера.—Folkeslunda, Öland.

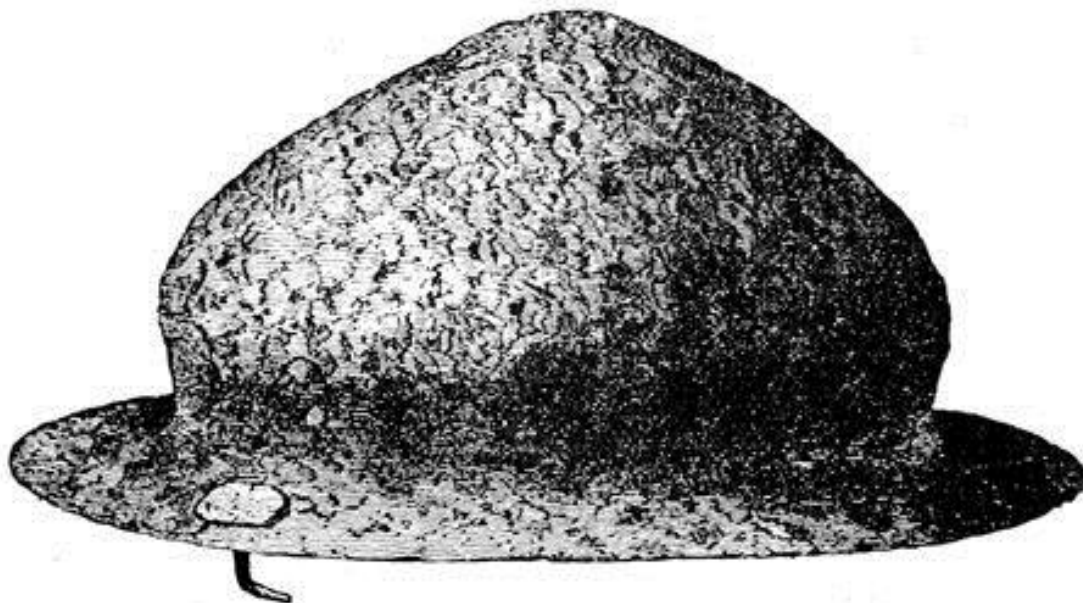

Рис. 882.—Железный выступ щита. $\frac{1}{2}$ реального размера.—Хамменхой, Scania.

Рис. 883. Пуговица выступа щита из бронзы, покрыта серебряной позолотой; головки гвоздей или насечки не позолочены. $\frac{3}{4}$ реальный размер—Норвегия.

Рис. 884. Выступ щита. $\frac{1}{3}$ реальный размер. Найден в круглом кургане с наконечником копья и др.-Норвегия.

Щит Браги Боддасона, преподнесенный ему в подарок знаменитым Рагнаром Лодброком, похоже, был разделен на четыре части, каждая из которых содержит отдельную тему: — Серли и Хамдир убивают Йормунрека и мстят за Сванхильд;^[104] Гефджон освобождает Селунд от Швеции;^[105] Тор, ловящий змея (Мидгардсорм); вечная битва между Хегни и Хедином, последняя из которых выглядит следующим образом:—

“Король Хедин, сын Хьярранди, увез Хильд, дочь короля Хегни, пока его не было дома. Когда Хегни услышал это, он погнался за ним и нашел его на Хейи (Ноу, Высокий остров), одном из Оркнейских островов. Хедин предложил ему много золота в качестве отступного, но Хегни сказал: “Ты предлагаешь мир слишком поздно, ибо теперь я обнажил меч *Дейнслейф*, который был сделан Двергаром, который вызывает смерть человека каждый раз, когда его вынимают из ножен; раны, нанесенные им, никогда не заживают”. Хедин сказал: ‘Ты хвалишься своим мечом, а не победой; я называю хорошим всякий меч, который верен своему хозяину’. Тогда они начали битву, называемую Хьяднинга-бой, и сражались весь тот день, а ночью разошлись по своим кораблям. Ночью Хильд отправилась на поле убитых и с помощью колдовства снова вернула всех мертвых к жизни. На следующий день короли отправились на поле битвы, и все те, кто был убит накануне, сражались вместе с ними. День за днем продолжалась битва, и все убитые, и все оружие на поле боя, и доспехи превратились в камни. Но на рассвете все мертвецы поднялись и сражались, и все их оружие могло быть использовано. В песнях говорится, что Хьяднинги останутся такими до *рагнарека* (последней битвы богов)” (Поздняя Эдда, Скальдскапармаль, гл. 50).

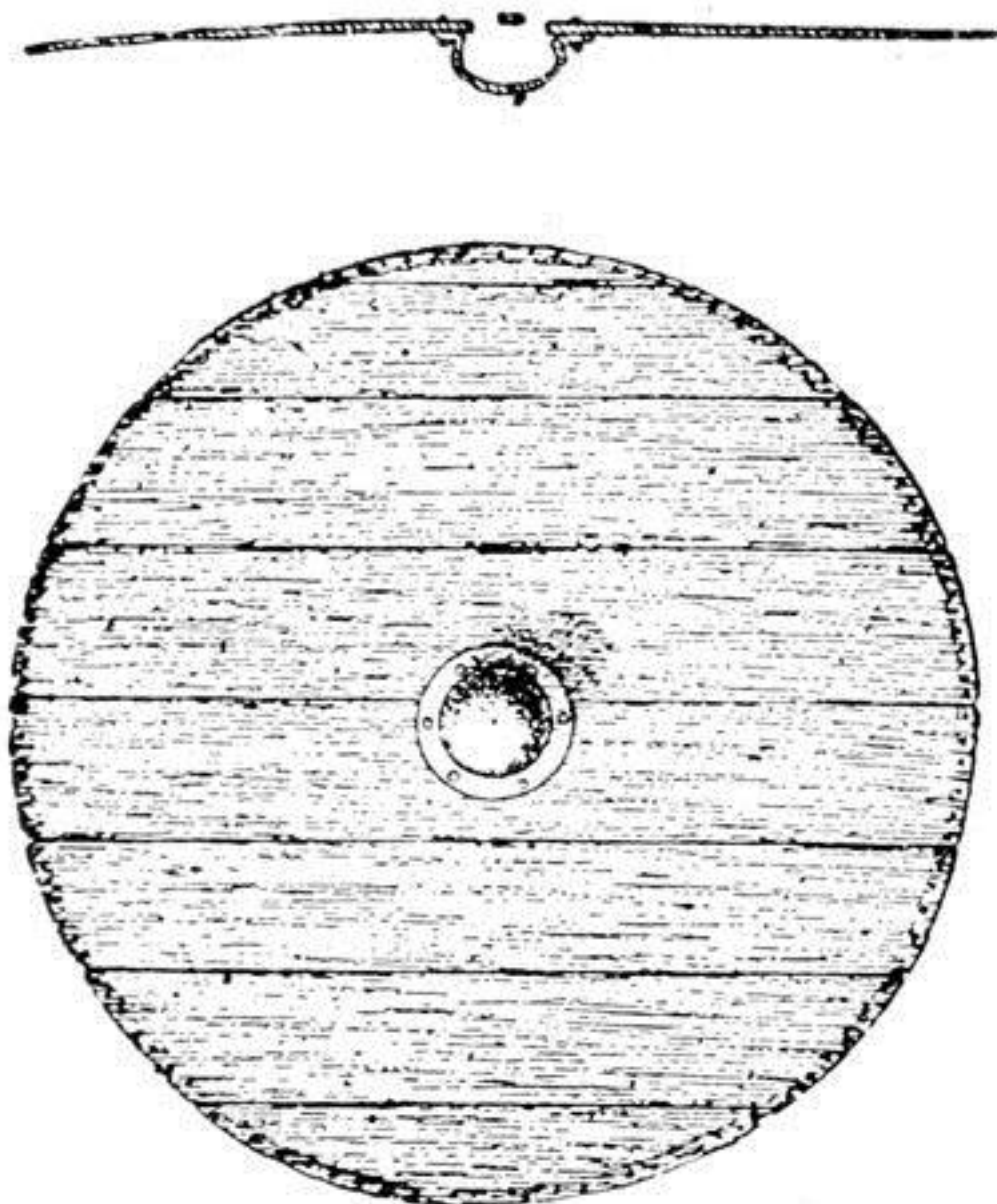

Рис. 885. Щит, корабль из Гокстада; около 3 футов в диаметре.

Рис. 886. Вид спереди бронзовой рукояти щита, найденной рядом со скелетом.—Skogsby, Öland. ½ реального размера.

Из некоторых отрывков Саг следует, что некоторые щиты были настолько большими, что на них можно было уложить человека, а некоторые были продолговатыми, как изображено на резьбе по дереву и на гобеленах Байе.

“Тогда король собрался и пошел по долине; он выбрал место для ночлега, где собрались все его люди и легли под открытым небом под своими щитами” (Сага о святом Олафе, гл. 219).

“Когда Олаф был в Силлингаре (острова Силли), отшельник предсказал ему, ”что он будет тяжело ранен в бою, и его отнесут на щите на борт его корабля; что он выздоровеет за семь

ночей, а затем примет крещение"; и это сбылось" (Сага Олафа Трюгвасона (Хеймскрингла), гл. 32).

Часто упоминаются *Брыня*, или кольчужные доспехи, и ими были покрыты скамьи в зале Одина. Из находок мы увидели, что *брыньясы* использовались в очень ранний период, вероятно, еще до христианской эры. Они делались длинными и короткими — некоторые, на самом деле, были настолько короткими, что не прикрывали живот. Только в двух случаях упоминается *спанга-брыня*, или пластинчатая кольчуга. Иногда описывают брыни как сделанные из золота. Мы читаем, что поражение Харальда Хардради в знаменитой битве при Стэмфорд Бридж было объяснено тем, что его люди оставили кольчуги на борту своего корабля. Многие кольчуги описываются как непроницаемые для оружия, без сомнения, благодаря их замечательной работе и твердости колец.

Вот некоторые из поэтических имен, данных брыньясу:—

Звук копий.

Боевой гав.

Футболкаскольцом.

Палатка Хлокка.

Рубашка Гуннара.

Рубашка Одина.

Серая одежда Одина.

Плащ королей.

Голубая рубашка.

Боевой плащ.

Из следующего рассказа мы видим, что некоторые из этих кольчуг были сделаны толще других:—

“Яльмар сказал: ”Я хочу сразиться с Ангантайром, потому что у меня есть брыня, которой я ни разу не был ранен; она украшена четырьмя кольцами”” (Сага Орвара Одда, гл. 14).

В морской битве между Олавом и Свейном ярлом—

“У последнего было больше людей, но король отобрал людей на свой корабль, и они были так хорошо экипированы, что у каждого была брыня; и в этом случае они не были ранены” (Сага о Святом Олафе, с. 47).^[106]

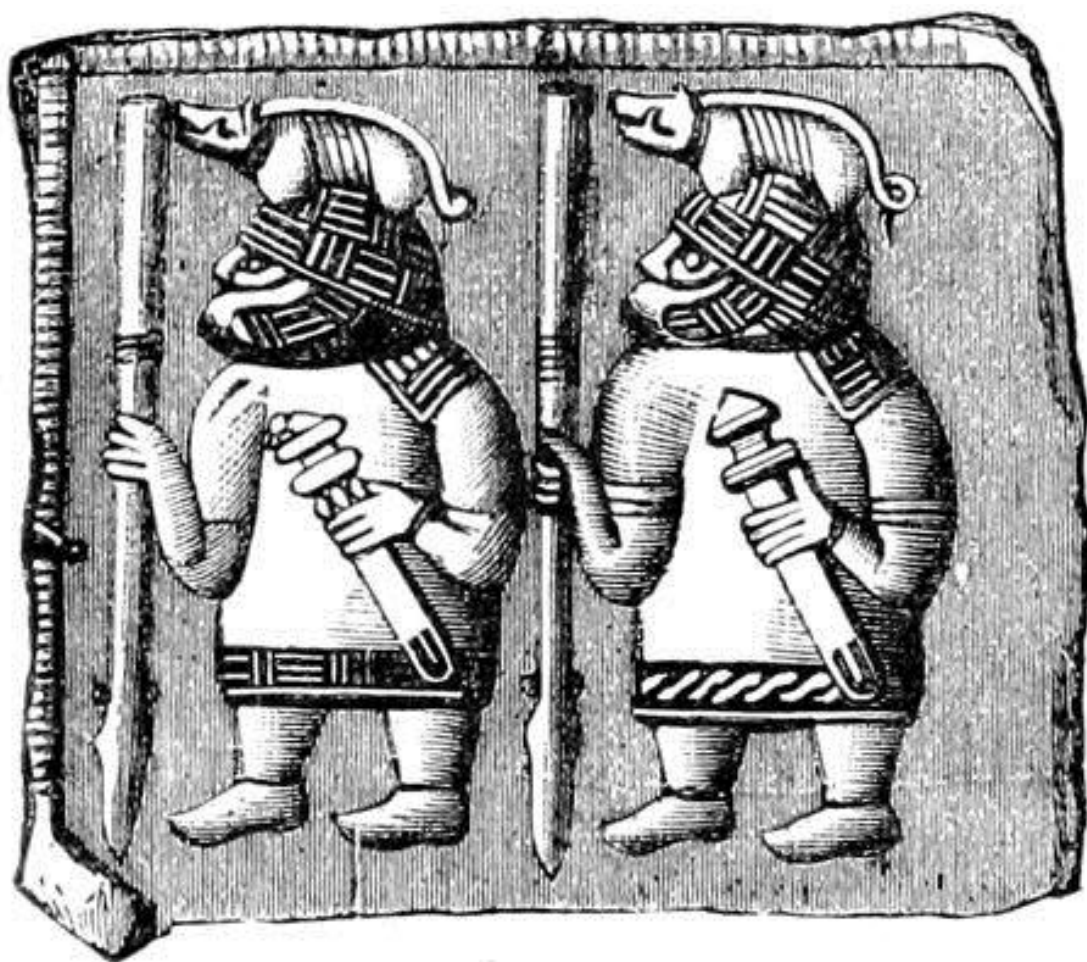

Рис. 887.

Рис. 888.

Бронзовые пластины с рельефными фигурами, найденные в Эланде. $\frac{3}{4}$ реальный размер. Кабан Фрея. Рогатый шлем, похожий на тот, что находится в Британском музее.

Пастух рассказал Хельги Хардбейнссону, что он видел много вооруженных людей, которые пришли убить его, и он таким образом описал военную форму одного из них, когда они сидели в кругу за утренней трапезой:-

“На нем была латная кольчуга^[107] и стальная шапка, поля которой были шириной в ладонь, а на плече висел сверкающий топор, лезвие которого, казалось, было двух футов длиной. У него были черные глаза, и внешне он очень походил на викинга” (“Сага о Лаксдале”, с. 63).

Часто упоминаются шлемы (*hjálm*); обычно они были позолоченными или из золота. Спереди у них был *херкумбл* (боевой знак). По нескольким бронзовым пластинам мы видим, что иногда они делались в форме животных. В Саге говорится о короле Адильсе, что у него был шлем под названием *Хильдигельт* (боевой вепрь). В находках они чрезвычайно редки; была найдена одна из серебра, фрагмент другой, инкрустированный золотом, и одна или две из железа.

Так описывается викинг Фрамар: “На голове у него был шлем, и он был опоясан мечом; у него был щит, покрытый золотой эмалью, и копье в руке” (Сага о Стурлауге Старфсамисе, гл. 11).

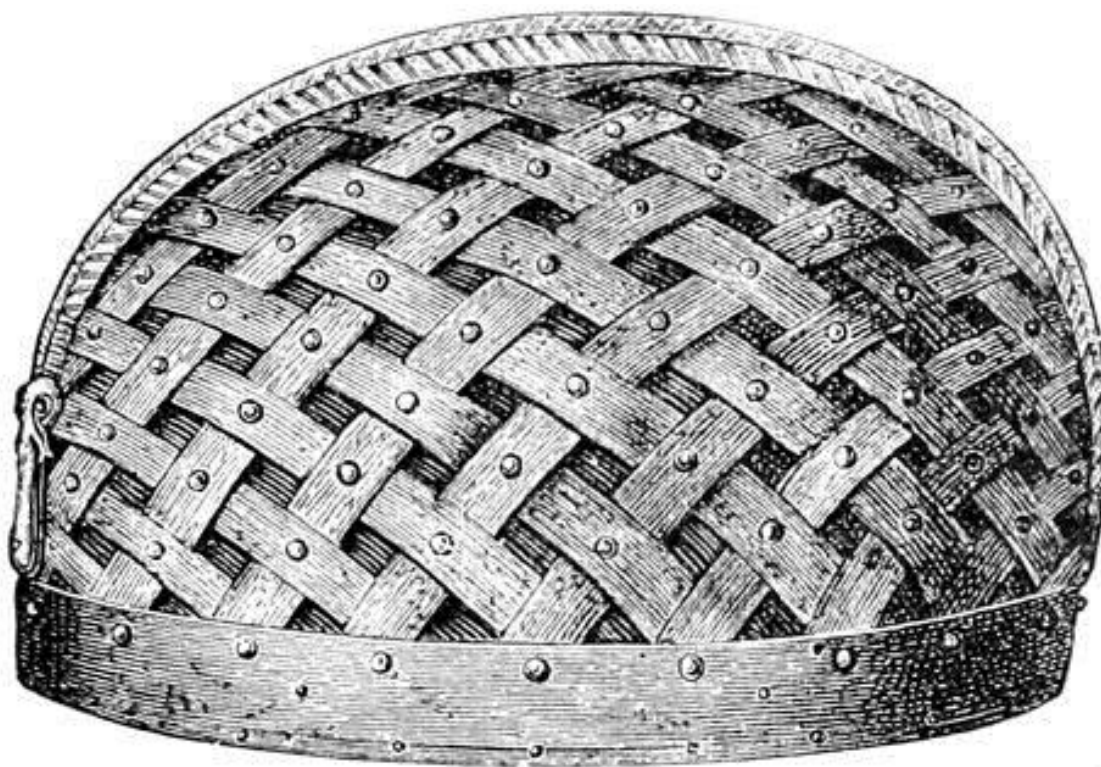

Рис. 889.—Железный шлем размером в четверть реального, найденный среди разложившихся останков небольшого корабля, захороненного в кургане Ултуна недалеко от Упсалы.

Олаф Харальдссон, когда он собирался сразиться в битве при Нессе против Свейна ярла:

На его корабле было сто человек, и на них были кольчуги и валлийские (иностранные) шлемы. У большинства его людей были белые щиты, и на них был изображен святой крест золотом, но некоторые были раскрашены красной или синей краской; он нарисовал белые кресты спереди на всех шлемах. У него было белое знамя со змеей" ("Сага о святом Олафе", с. 47).^[108]

ГЛАВА VII. ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ.

Разметка и выбор поля битвы—Боевая стрела—Мирные и боевые щиты—Возраст, когда призывают к оружию—Гость должен сражаться за своего хозяина—Боевые кони—Формирование армии—Штандарты—Военная добыча—Рыцарство на войне.

Таким воинственным людям были необходимы хорошо регламентированные законы или обычаи, касающиеся войны. Похоже, с очень древних времен вождь, на землю которого вторглись, имел право выбирать поле битвы^[109], где должен был произойти конфликт. Поле битвы было размечено шестами, и до окончания решающей битвы не допускалось никакого грабежа. Гонцы, доставившие повестку о начале конфликта, и те, кто впоследствии пришел объявить, что сражающиеся готовы, были защищены.

Король Хакон послал весточку сыновьям Эйрика (Кровавого топора) и попросил их сойти на берег, поскольку он расчистил для них поле в Растаркалфе; там ровные и обширные равнины, на вершине которых длинный, но низкий склон холма. Затем люди Эйрика покинули свои корабли” (“Сага о Хаконе Добром”, с. 24; Хеймскрингла).

После объявления войны была послана боевая стрела, чтобы созвать воинов, когда все, кто был способен носить оружие, должны были выйти, будь то рабы или свободные люди. Отправка боевой стрелы, по-видимому, подразумевает, что сообщение должно быть передано быстро.

“Когда человек приносит военные вести, он должен поднять железную стрелу на краю земли. Эта стрела отправится с лендирменами, и будет перевозиться на корабле с экипажем как ночью, так и днем (т. е. Никогда не останавливаясь) по большой дороге (по морю). Те, кто выпустит эту стрелу, будут вне закона. Деревянная стрела должна упасть во фьорды с большой дороги, и ее понесут при свидетелях, и каждый мужчина должен передать ее другому. Тот, кто уронит его, должен заплатить штраф в размере трех марок. Когда дело доходит до того, что женщина живет одна, она должна раздобыть корабли, еду и мужчин, если сможет. Но если она не сможет, стрелу следует отнести дальше. Каждый мужчина, в дом которого попадает стрела, вызывается в течение пяти дней на борт корабля. Если кто-то сидит тихо, он объявлен вне закона, ибо и король, и раб будут изгнаны”^[110] (Более ранний Закон Гулатха, с. 312).

Когда до Эйнара Тамбарскельтира дошла весть о путешествии короля Олафа, он сразу же взял боевую стрелу и послал ее в четыре стороны, призывая тейна и тралла в полном боевом облачении выступить на защиту страны от короля. Призыв стрелы отправился в Оркадал, а затем в Ганлардал, и все воинство собралось вместе”^[111] (Сага о Святом Олафе, с. 37).

Каждый воин отправлялся на битву причесанным и умытым, а после хорошо поел.

Существовали щиты мира и войны, первый белый, а второй красный; когда первый поднимали на корабле, это был знак прекращения конфликта, в то время как появление второго на топе мачты или среди группы людей было признаком враждебности. Другим признаком было метание копья или выпуск стрелы над войском. Сражения всегда начинались трубой в рог. Рог, по-видимому, был самым ранним известным инструментом. Не было найдено никаких рогов, относящихся к железному веку, хотя они так часто упоминаются в Сагах, из чего мы должны предположить, что, в отличие от рогов бронзового века, они были деревянными.

Когда вельсунги приблизились, чтобы напасть на сынов Хундинга со своим флотом, и приблизились к берегам, и их спросили, зачем они пришли,

Синфьетли ответил—

Подняли во двор

Красный щит;

Ободок был золотой.

(Хельгаквида Хундингсбана, i. 33.)

Их знамена стояли рядом с вождями и были защищены щитовым городищем, то есть окружены кольцом людей, вооруженных, помимо боевого оружия, щитами.

“Король Магнус Босоногий отправился из Викина с несколькими своими лендирменами, чтобы добиться подчинения Свейнки, могущественного бонди, который жил недалеко от реки Гаута. Когда они вышли на берег, то увидели, что Свейнки выходит из своего дома с отрядом хорошо экипированных людей. Лендирмены подняли белый щит, и когда Стейнки заметил это, он остановил свой отряд, и они встретились” (Магнус Бэрфут, с. 8).^[112]

“Когда войско Снорри проходило внизу по склону горы, Стейнтор метнул копье в войско Снорри, согласно древнему обычаю, на удачу” (Эйрбыгджа, с. 44).

Похоже, что возраст, в котором молодежь страны призывалась к оружию, составлял пятнадцать лет, когда они достигали совершеннолетия. Если бы страна была в большой опасности, их можно было бы призвать в возрасте двенадцати лет; но, по-видимому, начиная с восемнадцати и старше, молодые люди ценились больше всего.

Короткое время король

Ждал драки

Когда он был

Пятнадцати зим от роду

Он убил

Трудный Поиск,

Кто долго правил

Земли и люди.

От гостя, как и от заложника, ожидалось, что он будет сражаться и помогать своему хозяину.

Следующей весной Половинке исполнилось двенадцать зим, и ни один мужчина не был таким высоким и сильным, как он. Затем он приготовился отправиться на войну, и у него был новый, хорошо оснащенный корабль. В Хердаланде жил ярл по имени Альф старый. Он был женат на Гуннлед, дочери берсерка Хромунда, сестре херсира Хамунда доблестного. У них было двое сыновей, обоих звали Стейн. Старшему было тогда восемнадцать зим. В то время он давал советы королю Халфу. Никто не мог отправляться в экспедиции, если был моложе или моложавее его. Во дворе лежал большой камень, и никому не разрешалось ходить, если он не мог поднять его с земли; не мог идти и тот, кто не был настолько вынослив, чтобы никогда не бояться, или кто произносил слова страха, или поджимал губы (менял выражение лица) из-за ран ”.

“Штайн младший, сын Гуннледа, не смог поехать из-за своего возраста, поскольку ему было всего двенадцать зим” (“Сага о чемпионах половины”, с. 10).

Возраст лошадей, используемых на войне, не мог быть меньше трех лет, за исключением случаев большой опасности, когда их можно было брать в возрасте двух лет.

Одним из формирований армии было “*Свинфилкинг*” (строй свиней), или треугольник. Этот массив был принят на вооружение в битве при Бравалле,^[113] где, как говорят, он был введен самим Одином, что свидетельствует о его великой древности.

Зигмунд Брестисон, знаменитый чемпион Фарерских островов, во времена Хакона Ярла совершил набег на Швецию. Один из военачальников короля Швеции по имени Бьерн

собрал многочисленное войско и отрезал Зигмунда от его кораблей. Однажды, увидев войско той страны, люди Зигмунда заговорили о том, что им следует предпринять. Зигмунд сказал:

“Есть еще много хороших шансов, и очень часто более многочисленное войско не одерживает победы, если против него выступают бесстрашные люди. Теперь мы примем решение разместить наш хост в swine-массиве. Мы, родственники, я и Торир, будем впереди, а затем трое или пятеро мужчин в белых щитах встанут на флангах; и я думаю, что лучше всего нам будет броситься на их строй и посмотреть, сможем ли мы таким образом прорваться сквозь него, и шведы не будут твердо стоять на поле боя. Они так и сделали, бросились на строй шведов и прорвались сквозь него” (Флатейярбок, i, стр. 140).

Похоже, щит находился на вершине треугольника.

“Если ты участвуешь в битве на берегу, и тебе приходится сражаться пешим, и ты находишься в точке *свин-филкинга*, то в начальной части битвы очень важно позаботиться о том, чтобы запертый щит не был сломан или открыт” (Konung's Skuggsjá, стр. 85).

У них были свои армейские формирования, похожие на обученных солдат.

Войска, выстроенные в боевой порядок, были разделены на *sveitir* (отряды), и некоторые из них образовали *филкинг*; численность каждого, вероятно, варьировалась в зависимости от количества людей, принимавших участие в войне.

Перед битвой при Стикластадире король Олаф обратился к своему войску со следующей речью: “У нас большое и прекрасное войско. Теперь я расскажу вам, как я хочу расставить своих людей. Я хочу, чтобы мой штандарт двинулся вперед в середине войска, а мой хирд и гестир должны следовать за ним вместе с теми, кто присоединился ко мне из Уппленда и Трандхейма. Справа от моего штандарта будет стоять Даг Хрингссон и люди, с которыми он присоединился к нам. У него будет другой штандарт. Слева от моего знамени будут стоять люди короля Швеции и все те, кто присоединился к нам в Свявельди. У них будет третье знамя. Я хочу, чтобы мои люди сформировали отряды, а друзья и родственники встали вместе, ибо тогда каждый будет лучше защищать другого и они узнают друг друга.

“Мы отметим всех наших людей боевым знаком на наших шлемах и щитах, а именно нарисуем на них святой крест белой краской.

“Когда мы пойдем в бой, у всех нас будет один и тот же лозунг: “Вперед, вперед, люди Христа, крестоносцы, люди короля”. У нас должны быть тонкие ряды, если у нас меньше людей, потому что я не хочу, чтобы они окружили нас.

“Теперь формируй свитир. Затем свейтиры должны быть собраны вместе, чтобы сформировать гилькинги, и тогда каждый человек должен знать свое место и разум, в каком направлении он стоит от стандарта, к которому он принадлежит. Мы продолжим наш бой и будем во всеоружии днем и ночью, пока не узнаем, где встретимся с бандами. Когда он заговорил, они оделись и устроились так, как сказал им король” (Сага о Святом Олафе, с. 216).

Вождь Кальф Арнасон поднял свое знамя и расставил вокруг него своих *хускарлов* и Харека из Тьотты со своими людьми. Торир Хунд со своим войском был впереди войска и перед знаменами” (Сага о святом Олафе, гл. 233).

Штандарты, часто очень искусно сработанные, использовались как на море, так и на суше; некоторые из них пользовались большой репутацией, и для их ношения всегда отбирались отборные воины, у каждого филкинга был такой штандарт. Поэты или скальды, похоже, стояли рядом с ними в шилдбурге.

“Он, Эгиль Ульсерк, был старым бонди, который был великим воином и долгое время нес знамя Харальда Прекрасноволосого. Он сказал: “Некоторое время, пока длился этот великий мир, я боялся, что умру от старости на своей скамье, и я предпочел пасть в битве со своим вождем; теперь это может случиться” (Хеймскрингла, Хакон Добрый, с. 23).

“Однажды летом шотландский ярл Финнлейк в назначенный день застолбил хейзелсом поле битвы для Сигурда при Скидамире. Сигурд пошел посоветоваться со своей матерью, которая многое знала. Он сказал ей, что против него будет не меньше, чем семеро против одного. Она ответила: ‘Я вырастила бы тебя в своем сундуке для шерсти, если бы была уверена, что ты будешь жить вечно. Лучше умереть с честью, чем жить в позоре. Возьмите этот *мерки* (штандарт), который я сделал с моим лучшим мастерством, и который, я верю, будет победоносным для тех, перед кем его несут, но смертельно опасным для того, кто его несет’. Штандарт был изготовлен с большим трудом и известным мастерством. Он был в форме ворона, и когда на него подул ветер, казалось, что ворон расправил крылья. Сигурд ярл очень рассердился на слова своей матери и дал жителям Оркнейских островов их одалов в помощь ему; он выступил против Финнлейка ярла в Скидамири, и оба собрали своих людей. Когда началась битва, шотландцы убили знаменосца Сигурда ярла; он назначил другого нести его, но через некоторое время сам пал; трое знаменосцев были убиты, но ярл одержал победу” (Flateyjarbók, том i.).

Военная добыча.—Правила относительно добычи, которые были очень строгими, были разделены на доли по жребию или выбору. Было принято после битвы, перед разделом, относить добычу к шесту, воткнутому в землю, где ее пересчитывали и оценивали.

“Затем король (Сверрир) остановился в Хефудее; он приказал перенести добычу на равнину на юге острова и разделить на четыре части. Затем трубой был вызван Хастинг (домашняя штука), и он обратился к своим людям. После этого он заставил их пройти под шестом (stöng); на нем были сделаны зарубки (то есть на каждые двадцать человек делался надрез), чтобы показать, сколько у него было людей; их было более 40 сотен (4000)” (Сага о короле Сверри, с. 136).

Весной молочные братья приготовились отплыть домой на пятнадцати кораблях; Бели управлял драконом, которым владел Слиса-Ути; он был дорогим; его клювы были вырезаны и сильно позолочены. Король Бели добыл дракона, потому что это было лучшее из добычи, которую они получили от Ути, и у них был обычай, что Бели всегда получал лучшее из того, что они брали в качестве добычи” (Сага Торстейна Викингссона, с. 21).

Читая Саги, повествующие о самых древних событиях, мы обнаруживаем великий рыцарский дух, одушевляющий воинов, чемпион сражался против чемпиона на глазах у других, человек был против человека. Не по-мужски было нападать на чемпиона, который сражался с другим. У нас есть несколько примеров, когда мужчины бросали вызов на бой с равным количеством кораблей.

Только в позднюю часть языческой эпохи этот возвышенный дух исчезает.

Торстейн спросил викинга: ‘Кто это говорит с нами?’ ‘Его зовут Льот’, - ответил он. Торстейн сказал: ‘Долгое время я искал тебя’. Льот ответил: ‘Чего ты хочешь от меня? Я никогда не

видел тебя, хотя слышал о твоей славе'. Торстейн добавил: 'Мое поручение к тебе короткое; я хочу разделить с тобой имущество при условии, что ты сойдешь на берег со своим оружием и одеждой, а твои люди будут только в рубашках и полотняных штанах'. Льот сказал: 'Это кажется неравноправным условием; но есть ли какое-нибудь другое?' 'Другой,' добавил Торстейн, - заключается в том, что мы будем сражаться'. Льот спросил, где были его воины, что он бросил такой вызов. 'Мое снаряжение,' ответил Торстейн, 'это десять кораблей'. Льот встал и сказал: 'Мне это кажется слишком неравным, и я скорее буду драться с тобой, чем так позорно оставлю свою собственность'. 'Тогда выдвиньте все свои корабли,' ответил Торстейн, 'против моих'. Льот сказал: 'Я не соглашусь на это условие - иметь в битве больше кораблей, чем ты, потому что я никогда этого не делал; но у меня было меньше кораблей, и все же я всегда побеждал'. Торстейн ответил: "Тебе незачем щадить меня таким образом". Льот сказал: "Я не буду выдвигать больше; но если ты очистишь один сосуд, я поставлю вместо него другой". "Да будет так", - сказал Торстейн" (Сага о Сварфдале, с. 5).

Среди законов викингов, и один из них соблюдался наиболее честно, было соглашение не грабить страну и не нападать на человека там, где находилась *фридландия*^[114] (мирная страна), или своего рода убежище, куда люди могли приходить в любое время по пути из одной страны в другую, или отправляясь в экспедицию, или по какой-либо другой причине .

“Когда-то Гуннлауг был у Сигурда ярла Западного Гаутланда, и туда прибыли гонцы с подарками от Эйрика ярла, сына Хакона, из Норвегии. Когда его спросили, кто из двух ярлов был более знаменит, Гуннлауг в одной из строф высказался за Эйрика. Гонцы рассказали об этом Эйрику, когда вернулись в Норвегию. Ярл подумал, что Гуннлауг проявил мужество и дружбу по отношению к нему, и сказал, что в его королевстве должен быть мир” (Сага о Гуннлауге Ормстунге, с. 8).

Говорят, что король Горм и его сын Харальд разошлись во мнениях, когда Харальд достиг совершеннолетия. Поэтому Горм решил подарить ему несколько кораблей и таким образом избавиться от него. Каждое лето он отправлялся далеко в походы викингов, но каждую зиму он был в Дании, и там у него была мирная земля” (Flateyjarbók, том i, стр. 104).

Обычаи викингов указывают на высокий кодекс чести, хотя, по-видимому, существовали общие законы, признаваемые всеми. Особые правила были приняты определенными группами людей или разными вождями.

Законы Йомсвикинга.— “После этого (строительства Йомсборга) Палнатоки по совету мудрецов издал законы в Йомсборге, чтобы увеличить их силу. Ни один мужчина старше пятидесяти и моложе восемнадцати зим не мог быть принят в Палнатоки; все они должны были быть в возрасте от этих двух лет. Там не мог быть принят ни один человек, который бежал бы (в бою) от кого-то столь же способного и оснащенного. Каждый мужчина, вступавший в их ряды, должен был дать сильную клятву, что каждый отомстит за другого, как товарищ по еде или брат. Ни один мужчина не должен был распространять среди них клевету. Кроме того, хотя там и были услышаны новости, никто не должен был быть настолько опрометчив, чтобы рассказать об этом, потому что сначала Палнатоки должен был сообщить все новости. Любой, кто совершил то, что сейчас запрещено, и нарушил эти законы, должен был быть изгнан из своей общины. Также, если был принят тот, кто убил брата, или отца, или очень близкого родственника человека, который был там до него, и это выяснилось после его приема, то судить об этом должен Палнатоки. Никто не должен иметь женщину в пределах города или отсутствовать в нем более трех ночей (дней) без разрешения Пальнатоки. Все, что они получили на войне, они должны были перевезти полякам, большие и меньшие вещи и всевозможное имущество. Если было доказано, что кто-либо этого не делал, он должен

был покинуть город, независимо от того, много или мало он утаил. Ни один человек там не должен был произнести ни слова страха или опасений, какими бы безнадежными ни казались дела. В городе не могло произойти ничего такого, над чем Палнатоки не имел бы полной власти править так, как ему заблагорассудится. Если мужчины, не принадлежащие к общине, пожелают вступить в нее, узы дружбы или родства не должны иметь никакого влияния. Несмотря на то, что люди из содружества просили разрешить въезд другим, это не помогло. Теперь они сидели в городе в добром мире и неукоснительно соблюдали свои законы. Каждое лето они отправлялись на войну в разные страны, получали высокую известность и считались величайшими воинами; вряд ли кто-либо другой считался равным им в то время, и с тех пор их всегда называли Йомсвикингами” (Сага о Йомсвикинге, с. 23, 24).

Законы Фритьофа.—Фритьоф, после того как был изгнан из Норвегии за поджога храма Бальдра, отправился в экспедиции викингов.

“Он приобретал много имущества и почестей, куда бы ни пошел; он убивал преступников и викингов, но бундров и торговцев оставлял в покое. Затем его снова называли Фритьофом смелым” (“Сага о Фритьофе”, с. 11).

“Было принято (незадолго до правления Харальда Прекрасноволосого, 800 г. н.э.), чтобы могущественные люди, короли, ярлы или равные им, участвовали в войне и приобретали собственность и почести; и эта собственность не должна передаваться по наследству, и сын не должен получать ее после своего отца, но должна быть помещена в их курган вместе с ними самими. Хотя их сыновья получили земли (могущественные люди, короли или ярлы), они не смогли бы сохранить свое положение, даже если бы вместе с ними (землями) получили достоинство, за исключением того, что они подвергли себя и своих людей опасности и войне, таким образом зарабатывая собственность и почести одно за другим, и таким образом ступая по стопам своих сородичей. Я полагаю, что законы воинов тебе неизвестны, и я мог бы научить тебя им; поскольку ты сейчас достиг такого возраста, что тебе пора испытать то, что подарит тебе удача” (Сага о Ватнсдале, с. 2).

Законы Ялмара и Орвара Одда.— “Ялмар сказал: “Я не потерплю никаких других законов викингов, кроме тех, что были у меня до сих пор”. Одд ответил: ‘Когда я услышу их, я пойму, как они мне нравятся’. Ялмар сказал: ‘Во-первых, я никогда не буду есть сырую пищу, и никто из моих людей тоже, потому что у многих людей есть обычай запихивать мясо под одежду, а затем называть его приготовленным; это больше похоже на волков, чем на людей. Я никогда не буду грабить торговцев или бандеровцев, за исключением тех случаев, когда мне нужно будет совершить набег на землю для моих людей, когда они в этом нуждаются, и тогда я заплачу полную стоимость. Я никогда не буду грабить женщин, хотя мы находим их на суше с большим имуществом, и женщины не будут доставлены на борт против их воли; если женщина сможет доказать, что это было сделано против ее воли, мужчина лишится за это жизни, силен он или нет” (Сага Орвара Одда, с. 9).

Законы короля Халфа.— назван так в честь этого могущественного короля. О нем сказано:

Доблестный защитник земли

Не наслаждался своей жизнью

В славных делах

Как ему и следовало поступить;

Король продолжал войну
В возрасте двенадцати зим;
Ему было тридцать, когда он умер.
У нас было все
Множество людей-ястребов^[115]
Где бы ни был мудрый человек
Испытал свою славу;
В серых шлемах
Мы прошли через
Девять земель народа
Все полноразмерные.
Я видел Половину рубки
Обеими руками;
Вождь не
Укрывающий щит перед ним;
Ни один человек не найдет,
Хотя он много путешествовал,
Более благородное сердце,
Или более смелый.
Мужчины говорят,
Которые не знают,
Эта половина - слава
Был результатом глупости;
Тот , кто приписал
Сила безумия
Королю Халогаленда
Не знает его.
Он приказал воинам
Не бояться смерти,
Ни произнести
Слова испуга;

Никто не должен
Следуйте за королем
Если только он не последовал за ней
Судьба короля.
Друзья короля
Нельзя стонать
Хотя они получают
Тяжелые ранения в бою;
И они не должны позволять
Их раны должны быть перевязаны
До следующего дня
В одно и то же время.
Он пригласил войско
Не огорчать людей оковами,
И не причинять никакого вреда
Жене мужчины;
Он приказал , чтобы каждая служанка
Следует покупать за мунд,
Из чистого золота,
И согласие ее отца.
(Сага о Халфе).

“Многие вещи были запрещены их законами (чемпионов Половины), чтобы они могли стать более великими чемпионами. Один из законов гласил, что ни у кого из них не должно быть меча длиннее двух футов, так близко предстоял бой; у них были сделаны саксы, чтобы их удары были тяжелее. Ни у кого из них не было силы меньше, чем у двенадцати средних мужчин вместе взятых. Они никогда не захватывали женщин или детей. Никто из них не должен перевязывать свои раны, пока не пройдет один день (с момента их получения). Ни один человек, обладавший меньшей силой или храбростью, чем было заявлено, не был принят. Они широко воевали по стране и всегда побеждали. Королю Халфу было восемнадцать лет на войне, и он всегда одерживал победу. У них было в обычае всегда ложиться перед мысами; еще одним их обычаем было никогда не ставить палаток на борту и никогда не убирать парус во время шторма. Их называли Реккар Халфа (чемпионы), и у него никогда не было больше шестидесяти человек на борту его корабля” (Сага о Халфе, с. 11).

Дома часто сжигали в качестве мести, когда внутри находился враг, но обычным делом было позволять женщинам, слугам, а также отдельным членам семьи, на которых не таили зла или от которых не опасались мести, выйти из дома до того, как он был подожжен.

Флоси, исландский вождь, который окружил дом Няля и собирался поджечь его, сказал Нялю:

‘Я не помирюсь с твоими сыновьями; и теперь нам предстоит битва, и я не уйду, пока они все не будут мертвы, но я позволю женщинам, детям и хускарлам (слугам) выйти’. Няль вошел и сказал своим людям: ‘Теперь все, кому позволено, должны выйти. Выходи, Торалла, дочь Асгрима, и все, кому позволено быть с тобой. Торхалла сказал: ‘Теперь мы с Хельги расстаемся иначе, чем я думал некоторое время, но, тем не менее, я буду убеждать моего отца и братьев отомстить за убитых здесь людей’. Няль сказал: ‘Ты будешь вести себя хорошо, потому что ты хорошая жена’. Потом она ушла вместе со многими другими....

Флоси сказал: ‘Я предложу тебе выйти, Няль бонди, ибо ты заслуживаешь того, чтобы тебя не сожгли’. Няль сказал: ‘Я не выйду, потому что я старый человек и вряд ли смогу отомстить за своих сыновей, но я не буду жить с позором’. Флоси сказал Бергторе: ‘Уходи, хозяйка, ибо я ни в коем случае не сожгу тебя’. Бергтора ответила: ‘Я была молода, когда вышла замуж за Няля, и я пообещала ему, что это постигнет нас обоих’. Затем они оба вошли. Бергтора спросила: ‘Что нам теперь делать?’ ‘Мы пойдем в нашу постель, - сказал Няль, - и ляжем. Я давно люблю покой’. Затем она сказала мальчику Торду Карасону: ‘Ты выйдешь и не будешь сожжен вместе с нами’. Мальчик ответил: ‘Ты обещала мне, бабушка, что мы никогда не расстанемся, пока я хочу оставаться с тобой, и мне гораздо больше нравится умереть с тобой и Нялем, чем жить после тебя’. Затем она отнесла мальчика на кровать. Няль сказал своему брату (управляющему): ‘Теперь посмотри, где мы ляжем, и как я застилаю нашу постель, потому что я не собираюсь уходить отсюда, причинит ли мне боль дым или пламя, тогда ты сможешь догадаться, где находятся наши кости’” (Няля, с. 129).

Здесь мы имеем рассказ о смерти Торольфа, одном из самых больших пятен на характере Харальда Прекрасноволосого.

“Они (король Харальд и его люди) прибыли в Санднес (поместье Торольфа Квельдульфссона) после захода солнца и увидели на плаву перед бэем покрытый шатром длинный корабль и поняли, что он принадлежит Торольфу. Он собирался уезжать из страны и подогрел свой прощальный эль.”^[116]

Стражники Торольфа сидели внутри и пили, и на страже никого не было. Король (Харальд Прекрасноволосый) окружил зал кольцом людей; затем они издали боевой клич, и в королевский рог протрубили. Когда Торольф и его люди услышали это, они бросились за своим оружием, потому что все оружие каждого человека висело над его сиденьем. Король объявил у дверей зала, что женщины, юноши, старики, рабы и невольники должны выйти. Сигрид, жена Торольфа, женщины, которые были внутри, и мужчины, которым разрешили выйти. Сигрид спросила, здесь ли сыновья Бердлукари; они оба вышли вперед и спросили, чего она хочет. “Следуйте за мной к королю”, - сказала она. Они так и сделали; и, подойдя к нему, она спросила: ‘Есть ли какая-нибудь польза, господин, попытаться примирить тебя с Торольфом?’ Король ответил: ‘Если Торольф сдастся безоговорочно, он будет пощажен, но его люди будут наказаны в соответствии с их виной’. После этого в зал вошел Эльвир Хнуфа и сообщил Торольфу условия короля. Торольф быстро ответил, что не примет ни жестких условий, ни примирения с королем. ‘Попроси его разрешить нам выйти, и пусть все идет так, как решит судьба. Эльвир передал королю ответ Торольфа. Король сказал: ‘Ты должен поджечь зал; я не хочу терять своих людей, сражаясь с ним снаружи, потому что я думаю, что он нанесет нам большие потери, если выйдет, хотя у него меньше людей, чем у нас’. Затем в зале подожгли огонь, и он быстро сгорел, потому что дерево было сухим, стены просмолены, а крыша покрыта берестой. Торольф приказал своим людям обломать обшивку, добраться до

балок фронтона, а затем сломать флюгерные доски. Когда они взялись за балки, за одну из них взялись столько мужчин, сколько смогли ухватиться за нее, и вытолкнули за угол с такой силой, что скобы отвалились снаружи, а стены проломились, оставив большой проем. Первым вышел Торольф, затем Торгильс гьялланди (громкоговоритель), и все, один за другим. Началась жесточайшая драка, и какое-то время было невозможно разглядеть, кто победит, потому что дом прикрывал их спины. Многие из людей короля были убиты до того, как дом начал гореть; затем огонь напал на людей Торольфа, и многие из них пали. Торольф бежал вперед и наносил удары с обеих сторон, и не было особой необходимости перевязывать раны тех, кого он ранил. Он двинулся вперед, туда, где находился королевский штандарт, и в этот момент Торгильс гьялланди пал. Когда Торольф подошел к щиту, он проткнул знаменосца своим мечом и сказал: 'Теперь я сделал шаг на три фута короче (мне следовало сделать шаг вперед на три фута длиннее)'. Мечи и копья поразили его, и сам король нанес ему смертельную рану, и Торольф упал к его ногам. Король приказал, чтобы они прекратили убивать людей, что и было сделано. Затем он приказал своим людям спуститься к кораблям, сказав Эльвиру Хнуфе и его брату: 'Возьмите Торольфа, вашего родственника, и подготовьте его тело, как подобает, и похороните остальных, кто пал, и пусть перевяжут раны тех, кто, вероятно, выживет. Пусть отсюда ничего не отнимут, ибо все это моя собственность'. Он спустился к своим кораблям, и с ним большинство его людей, и они начали перевязывать свои раны, а король ходил по кораблю и смотрел на них. Он увидел, где человек перевязывал легкую рану, и заметил, что Торольф этого не делал, потому что его оружие наносило совсем другой удар. "Я думаю, что немногие могут перевязать раны, которые он нанес, и смерть таких людей - большая потеря" ("Сага об Эгиле", с. 22).

Одд пошел к своему отцу Гриму и сказал: 'Теперь расскажи мне о викинге, которого ты считаешь величайшим'. Грим сказал: 'Вы сильные люди и, похоже, думаете, что ничто не может противостоять вам; теперь я расскажу вам о двух викингах, о которых я знаю, что они самые великие и искусные во всем; одного зовут Яльмар Хугумстори (благородный), а другого - Торд Стафнглама". "Где они, - спросил Одд, - и сколько у них кораблей?" 'У них пятнадцать кораблей,' сказал Грим, - и по сто человек на каждом. 'Где у них мирная земля?' спросил Одд. 'В Швеции есть король по имени Хлодвер; зимой они с ним, а летом отдыхают на своих военных кораблях. Когда они были готовы, они спустились к своим кораблям; Грим последовал за ними и попрощался со своим сыном с большой любовью" (Сага Орвара Одда, с. 8).

Рассказывают, что Одд отплыл из Храфнисты, когда попутный ветер подул, и ничего не говорится об их путешествии до того, как они прибыли в Швецию, где от материка в море вдается мыс; там они поставили палатки на своих кораблях. Одд сошел на берег за новостями; он увидел, что по другую сторону мыса стоят пятнадцать кораблей и что на берегу разбиты военные палатки. Он увидел, что возле палаток разыгрываются представления. Яльмар и Торд управляли этими кораблями. Одд вернулся на свои корабли и рассказал эту новость. Гудмунд (его молочный брат) спросил, что им делать. Одд сказал: "Мы разделим наших людей на две половины; вы пройдете на своих кораблях мимо несса и поднимешь боевой клич против тех, кто на берегу; я высажусь с другой половиной и пройду вдоль леса и там подниму еще один боевой клич; тогда, возможно, они несколько испугаются; я думаю, что они убегут в лес и больше ничего не потребуется". О Яльмаре и его людях рассказывают, что они несколько не испугались, когда услышали боевой клич Гудмунда. Когда они услышали еще один боевой клич на суше, они остановили игру, пока она продолжалась, а затем продолжили в том же духе. Теперь Одд и Гудмунд отправились на другую сторону несса и встретились. Одд сказал: 'Я не знаю наверняка, так ли полны страха эти люди, которых мы здесь нашли'. 'Что ты теперь собираешься делать?' - спросил Гудмунд. 'Это

скоро будет сказано, ' сказал Одд. ' Мы не будем воровать у этих людей; мы останемся на ночь в нессе (мысе) до утра'. На следующее утро они сошли на берег со всеми своими людьми навстречу Яльмару, который приказал своим людям одеться по-военному, когда увидел, что они выходят на сушу, и пошел им навстречу. Когда они встретились, Яльмар спросил, кто вождь. Одд ответил: 'Здесь больше вождей, чем один'. 'Как тебя зовут?' - спросил Яльмар. ' Меня зовут Одд, я сын Грима Лодинкинни (волосатая щека) из Гранфисты. 'Ты тот самый Одд, который недавно отправился в Бьярмаланд, и какое у тебя здесь поручение?' Одд сказал: 'Я хочу знать, кто из нас более великий человек'. 'Сколько у тебя кораблей?' - спросил Яльмар. 'У меня пять кораблей', - сказал Одд, - "а сколько у тебя?" 'У нас пятнадцать кораблей', - ответил Яльмар. ' Это большое преимущество, ' сказал Одд. ' Десять экипажей кораблей не должны участвовать в битве, ' сказал Яльмар, - и человек будет сражаться против человека. Оба приготовились к битве, выстроили своих людей и сражались весь день. Ночью был поднят щит мира, и Яльмар спросил Одда, как ему понравилась сегодняшняя битва; Одд ответил: 'Хорошо'. 'Будешь ли ты чаще играть в эту игру?' - спросил Яльмар. 'У меня нет других намерений, ' ответил Одд, ' потому что я никогда не встречал лучших и выносливее воинов; мы снова начнем битву при свете дня'. Это было сделано; мужчины разошлись по своим боевым палаткам и перевязали раны. На следующее утро оба построили своих людей для битвы и сражались весь тот день; когда начало смеркаться, был поднят щит мира. Одд спросил, понравилась ли Яльмару сегодняшняя битва; он сказал: 'Хорошо'. 'Не хочешь ли ты, ' спросил Яльмар, - попробовать эту игру на третий день?' Одд ответил: 'Тогда мы будем сражаться'. Торд сказал: 'Можем ли мы рассчитывать на большую собственность на ваших кораблях?' 'Отнюдь, - сказал Одд, - этим летом у нас нет собственности'. 'Я думаю, ' сказал Торд, - я нигде не встречал более глупых людей, чем здесь, потому что мы сражаемся только из гордости и соперничества'. "Чего же ты тогда хочешь?" - спросил Одд." (Сага об Орваре Одде, с. 9).

ГЛАВА VIII. СЛЕДЫ НА КАМНЯХ.^[117]

Великая древность наскальных рисунков- Безмолвная история народа—Их обилие на Каттегате—Корабли или лодки, бои, воины, лошади, крупный рогатый скот, верблюды, черепахи, мистические знаки и т.д., Изображающие воинов в рогатых шлемах—Найдены похожие шлемы—Барельеф храма Мединет Хабу—Большой размер наскальных рисунков- Своеобразные наскальные рисунки Яррестада и Симриса—Своеобразные углубления чашеобразной формы.

Среди интересных памятников прошлого, которые помогают нам получить представление о жизни ранних обитателей полуострова Скандинавия, - "наскальные рисунки",^[118] которые относятся к глубокой древности, задолго до римского периода, большие изображения, выгравированные на скалах, которые, подобно египетским пирамидам и сфинксам, свидетельствуют о неписаной истории Скандинавии. люди.

Эти иллюстрации бывают разных видов и размеров: наиболее многочисленными являются рисунки кораблей или лодок в форме каноэ, одинаковых по обоим концам (с фигурами людей и животных), а также флотов, сражающихся друг с другом или совершающих нападение на

берег. Герой боя или чемпион обычно изображается намного крупнее других сражающихся, которые, вероятно, принадлежали к одному народу, хотя и к разным племенам, поскольку их оружие похоже, и все они кажутся без одежды, хотя в некоторых случаях они изображены в шлемах или со щитом, чтобы защититься от ударов своих противников.

Рис. 890. — Рисунок на камне, приход Танум, Бохуслен; крупная фигура, вероятно, чемпиона; многочисленные небольшие отверстия и следы ног между чемпионом и атакующими силами. Высота 20 футов; ширина 15 футов.

На некоторых камнях изображены крупный рогатый скот, лошади, северные олени, черепахи, страусы и верблюды, причем последние показывают, что в прежние времена эти люди были знакомы с более южным климатом; наибольшее количество, самые крупные и сложные в деталях изображения встречаются, особенно в нынешней Швеции, на берегах Каттегата, в Богуслене, “древнем Викене из Саг”, на побережье полуострова, омываемого Каттегатом. Они также встречаются в Норвегии, особенно в Смааленене, провинции, прилегающей к провинции Бохуслен, но более редки на севере, хотя встречаются во фьорде Трондхjem.

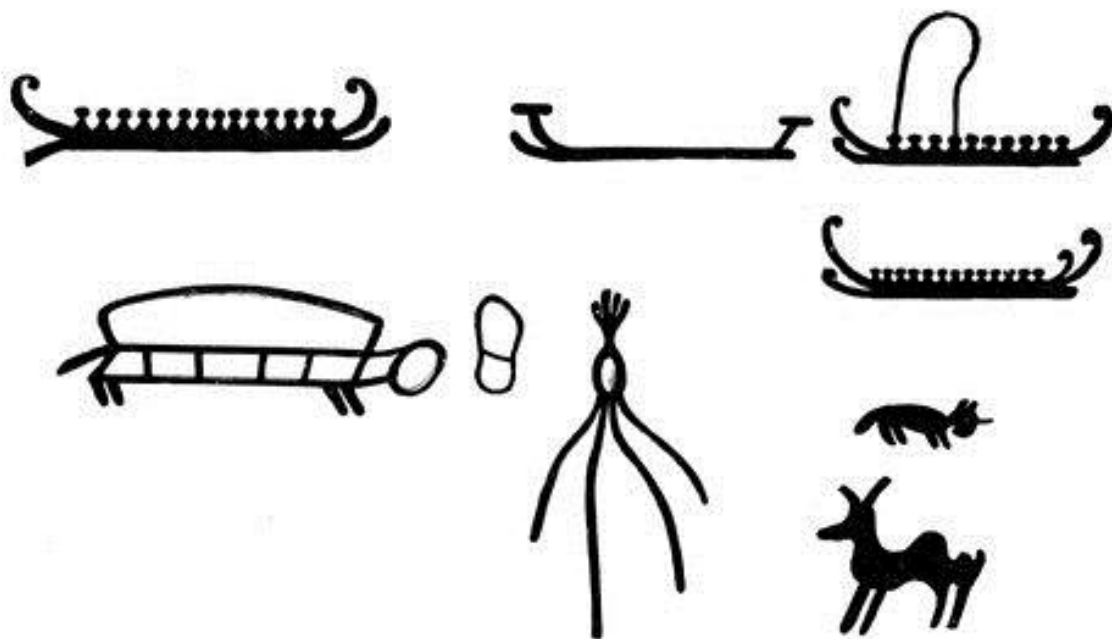

Рис. 891.—Следы на камнях - черепаха, каракатица, дромадер и другое животное (возможно, лев), корабли и след ноги. Высота 10 с половиной футов; ширина 15 футов.—Рыше, Браштадская волость, Богуслен.

Рис. 892.— Рисунок на камне, изображающий северного оленя и, вероятно, лошадь в лодке. Высота 5 футов; ширина 12½ футов.—Масслеберг, приход Ски, Богуслен.

Рис. 893. Холм с нанесенными на него следами горных пород.

В Бохуслене следы прорезаны в кварце, который является геологическим образованием побережья: в основном они нанесены на слегка наклонные скалы, которые обычно находятся на высоте двухсот-трехсот футов или более над нынешним уровнем моря и которые были отполированы действием льда. Ширина линий на одном и том же изображении варьируется от одного до двух дюймов и даже больше; а глубина их часто составляет всего треть или четверть дюйма, а временами настолько неглубока, что едва заметна. Те следы, которые на протяжении сотен, а может быть, и тысяч лет оставались незащищенными от разрушительного воздействия северного климата, сейчас расшифровать труднее всего, в то время как те, которые были защищены землей, такие же свежие, как если бы их вырубили сегодня; многие, по-видимому, были вырублены около середины или подножия холмов, которые были покрыты растительностью и со временем были скрыты обломками сверху.

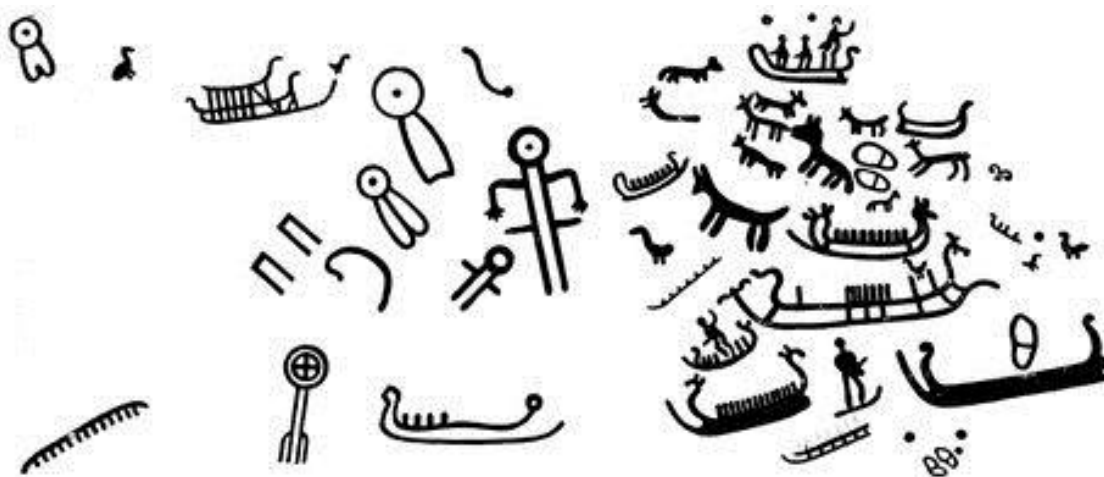

Рис. 894. — Фрагмент наскального рисунка, Браштадский приход, Богуслен, с многочисленными фигурами, числом около сотни, размером от двух дюймов до нескольких футов, и мистическими или символическими следами.

Рис. 895.—Наскальные рисунки — мужчины, сражающиеся копьями; мужчина, очевидно, лежащий мертвым перед лодкой, и большое количество домашних животных.—Приход Танум, Богуслен.

Самые крупные и интересные наскальные рисунки находятся недалеко от церкви Танум в Богуслене и находятся на склонах скалистых холмов, возвышающихся над долинами, которые в те давние времена, возможно, частично были морскими рукавами. Сколько часов я провел перед ними в глубоком созерцании, тщетно пытаюсь разгадать тайну, которая их окружает! Некоторые из рисунков содержат более сотни фигур, варьирующихся от небольшого объекта до одного в несколько футов длиной или высотой; за исключением нескольких случаев, заметно отсутствие мачт на изображениях кораблей.

Среди множества интересных наскальных рисунков есть те, где воины носят своеобразный головной убор с рогами, представляющий, скорее всего, шлем.

В Британском музее есть два бронзовых шлема, которые напомнили мне изображение, данное на наскальных рисунках, которые я привожу ниже, один из которых был найден в Темзе, другой - в Апулии.

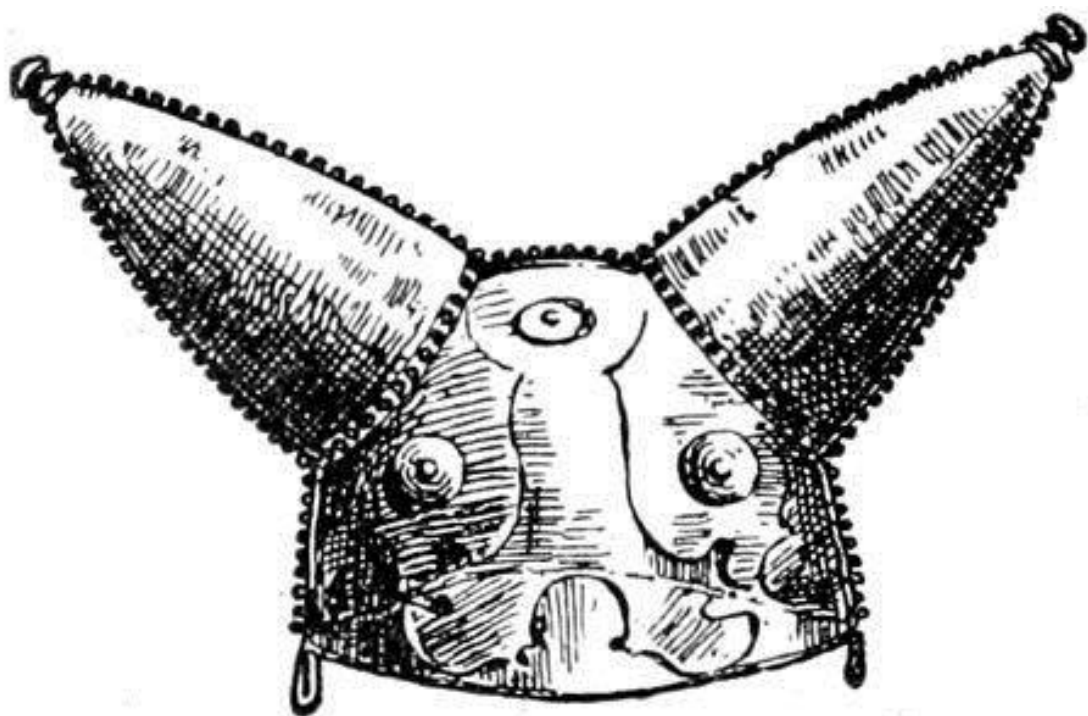

Рис. 896.—Найден в Темзе, недалеко от моста Ватерлоо.

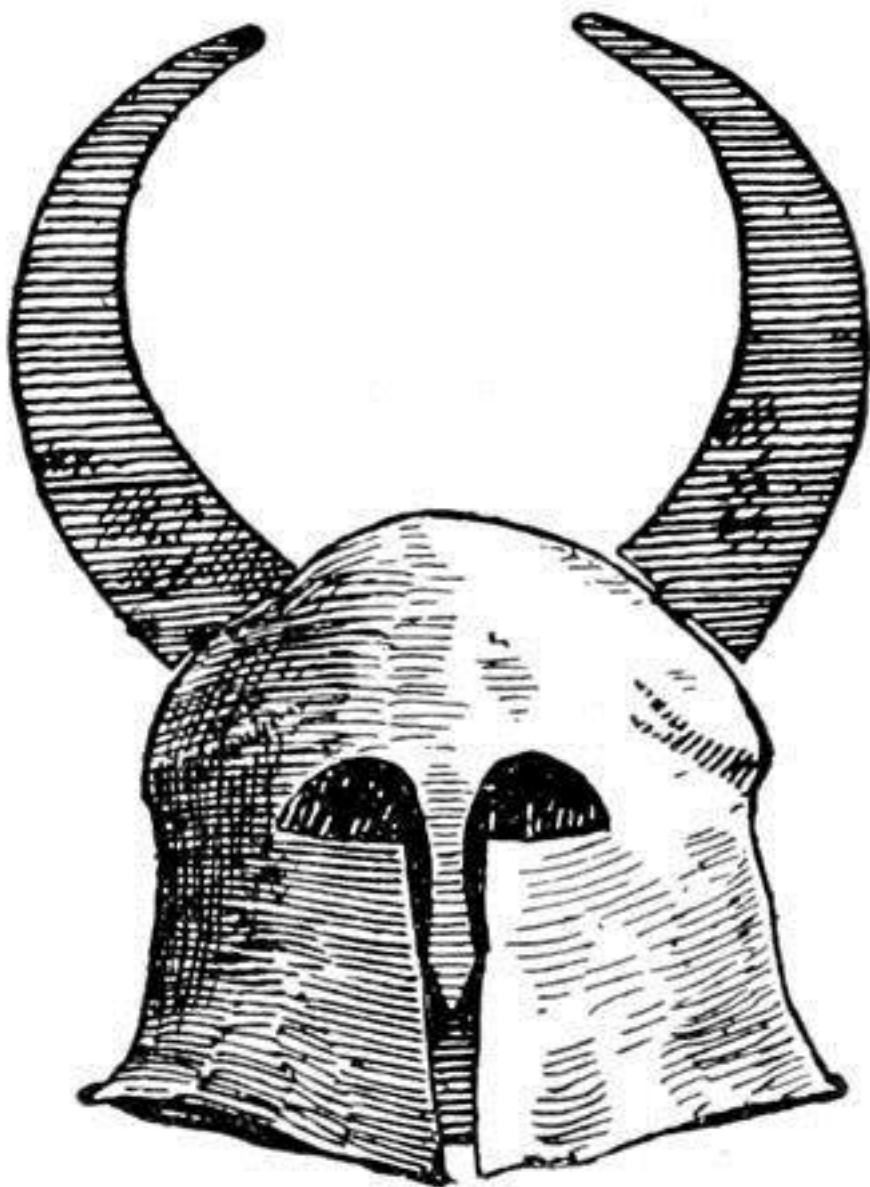

Рис. 897.—Апулия (Великая Греция).

Доктор Уорр, директор Итонского колледжа, обратил мое внимание на гравюру, иллюстрирующую часть барельефа египетского храма Мединет Хабу, с замечательной французской работы.^[119] В этой иллюстрации есть сходство с наскальными рисунками Севера.

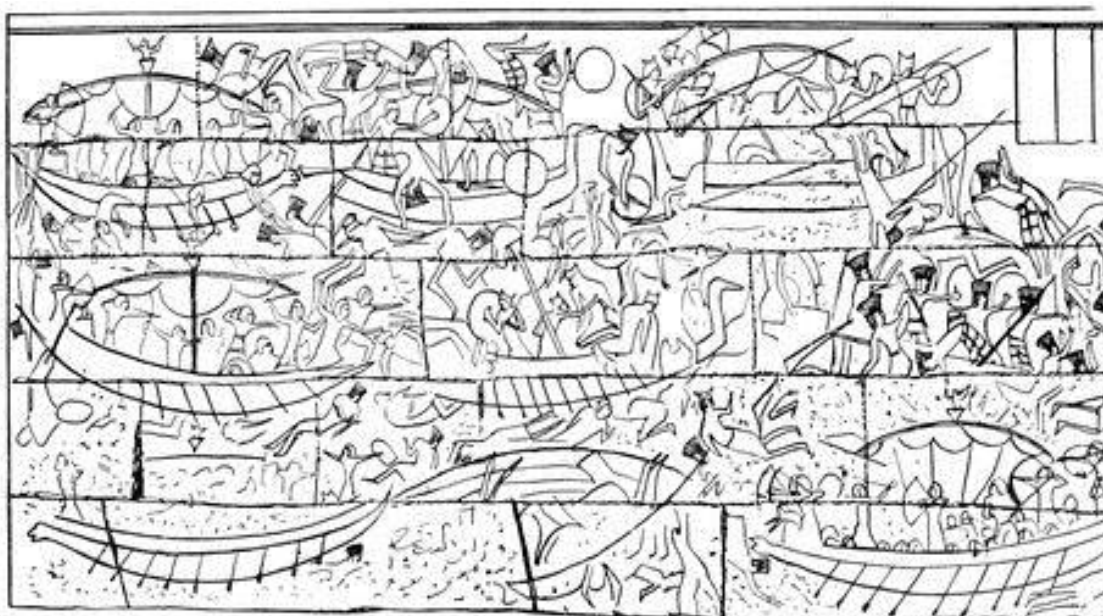

Рис. 898.—С барельефа из храма Мединет-Хабу, Египет.

Этот барельеф храма содержит запись о военном успехе и исторических событиях Рамсеса III. Среди различных эпизодов зафиксирован морской бой, показанный на стр. 123. Я думаю, мы можем узнать рогатых людей на рисунках на скалах. Существует также совершенное сходство между лодками египтян и лодками Хазеби в Швеции. Лодки египтян симметричны с обоих концов и украшены резными головами. У них одна мачта, а паруса свернуты. На верхушке мачты имеется зубчатое сооружение, которое можно будет увидеть в главе о кораблях норманнов; но его нет на рисунках на скалах. Если эти ранние обитатели Севера отправились в Средиземноморье и Египет, мы можем объяснить появление верблюдов, черепах, животных, похожих на осьминогов, леопардов и страусов, выгравированных на скалах Севера.

Рис. 899.—Всадники, изображенные на скальном вырезе в Тегнебю, в приходе Танум, Богуслен. 1
24 его реальный размер.

На замечательном наскальном рисунке, который я воспроизвожу из 'Страны полуночного солнца', изображены всадники с четырехугольными щитами; эти щиты можно увидеть на некоторых египетских барельефах, а два несколько похожих были найдены в Англии. На этой гравюре изображены либо сами люди, либо какие-то иностранцы, которых видел резчик этого сувенира.

Естественно возникает вопрос, научились ли жители большого Скандинавского полуострова искусству рисования наскальных рисунков у египтян, если считать само собой разумеющимся, что они отправились туда? Существует грубость рисунка, которая, как мне кажется, исключает возможность того, что эти гравюры на камнях могли быть сделаны египтянами, пришедшими на Север. Очень большое количество, по-видимому, подразумевает, что они были сделаны местными жителями, что это искусство процветало довольно долгое время и что по возвращении из своих воинственных экспедиций, будь то с севера или юга, они и некоторые другие люди иллюстрировали деяния своих героев.

Один из самых тонких следов, который имеет около 66 футов в длину и 20 футов в высоту, находится рядом с небольшим ручьем у моста в Хвитлике. Среди выдающихся фигур, которых насчитывается более сотни, есть крупный мужчина, вероятно, чемпион, со щитом и копьем, нападающий на другого; в другой части двое мужчин сражаются топорами; в другой большая змея нападает на человека, намного меньшего по размеру, чем змея. Есть также 22 корабля, размеры которых варьируются от 2 до 3 футов в длину, но один имеет длину около 10 футов. Земля, покрывавшая нижнюю часть следов, была удалена всего за несколько дней до моего прибытия на место, и они были такими отчетливыми и свежими, как будто их только что вырезали.

Рис. 900.—Трассировка камней в Соторпе, округ Танум, Богуслен. Чемпион, защищающий свой корабль от двух кораблей поменьше. Высота - 4½ фута; ширина - 6½ фута.

Большой размер некоторых рисунков показывает, что для их завершения, должно быть, потребовалось много времени, и указывает на то, что люди, должно быть, были поселенцами в стране. Какими бы инструментами ни были вырезаны некоторые из них, работа, из-за большого количества фигурок, во многих случаях, должно быть, шла медленно. Естественно возникает вопрос: нашли ли древние племена, которые, согласно легенде, пришли на Север с Одином, другой народ, который сам или чьи предки создали эти иллюстрации своей истории, или народ, принадлежащий к той же расе и племенам, о которых мы говорили ранее, которые постепенно продвигались в цивилизации? Следует опасаться, что на эти вопросы никто никогда не сможет ответить с удовлетворением.

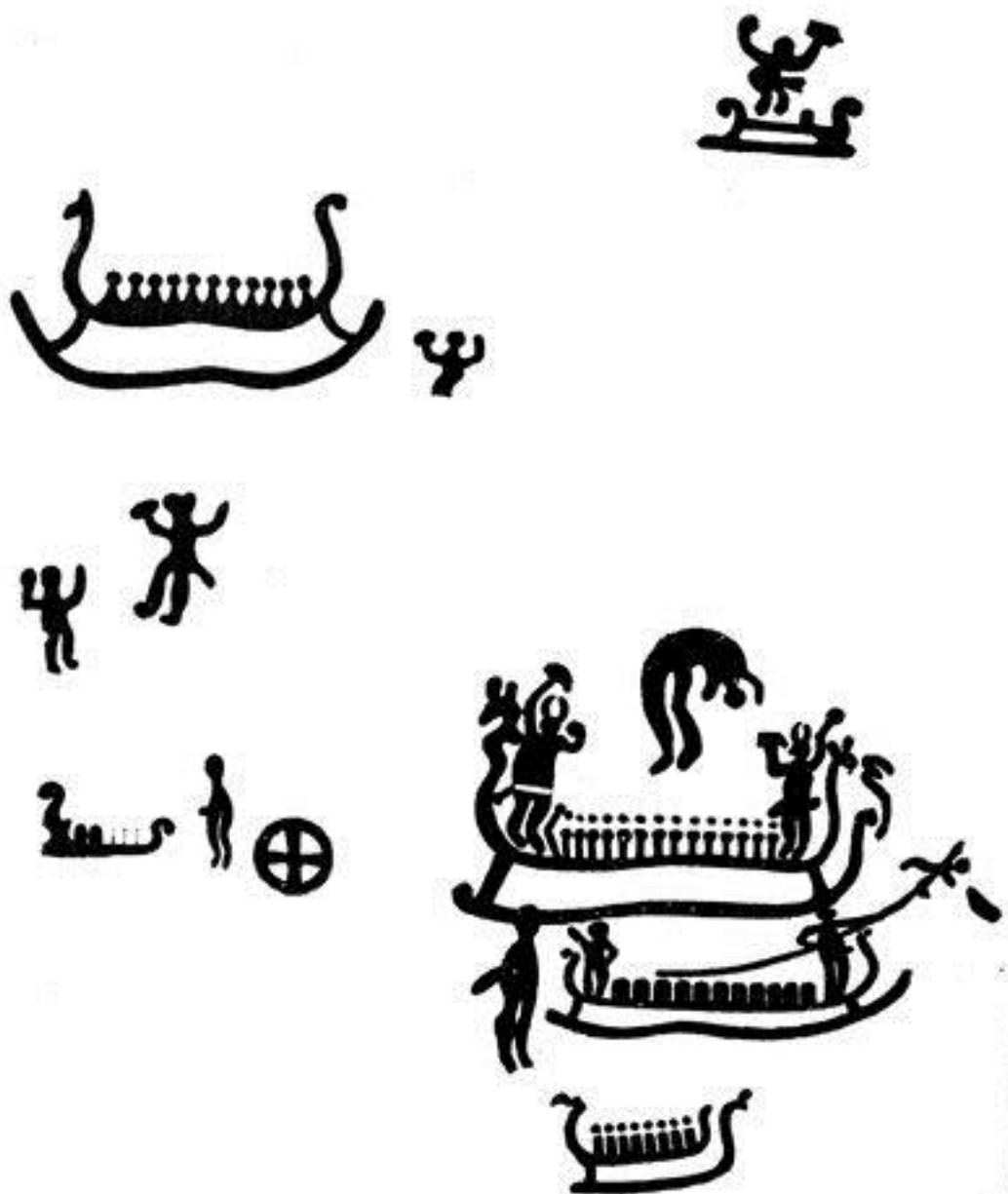

Рис. 901. — Рисунок на камне, вероятно, изображающий смерть воина, поднявшегося на борт корабля. Высота 12½ футов; ширина 9 футов.—Sätorp, Tanum parish, Bohuslän.

Наиболее примечательным фактом является то, что в Эддах, Сагах или народных песнях никогда не упоминается о наскальных рисунках. В Сагах нам часто рассказывают, что рисунки на щитах, вышивка, ткани и т.д. Были сделаны для сохранения памяти о героических подвигах и важных событиях. Исходя из этих фактов, мы должны прийти к выводу, что наскальные рисунки имеют большую древность.

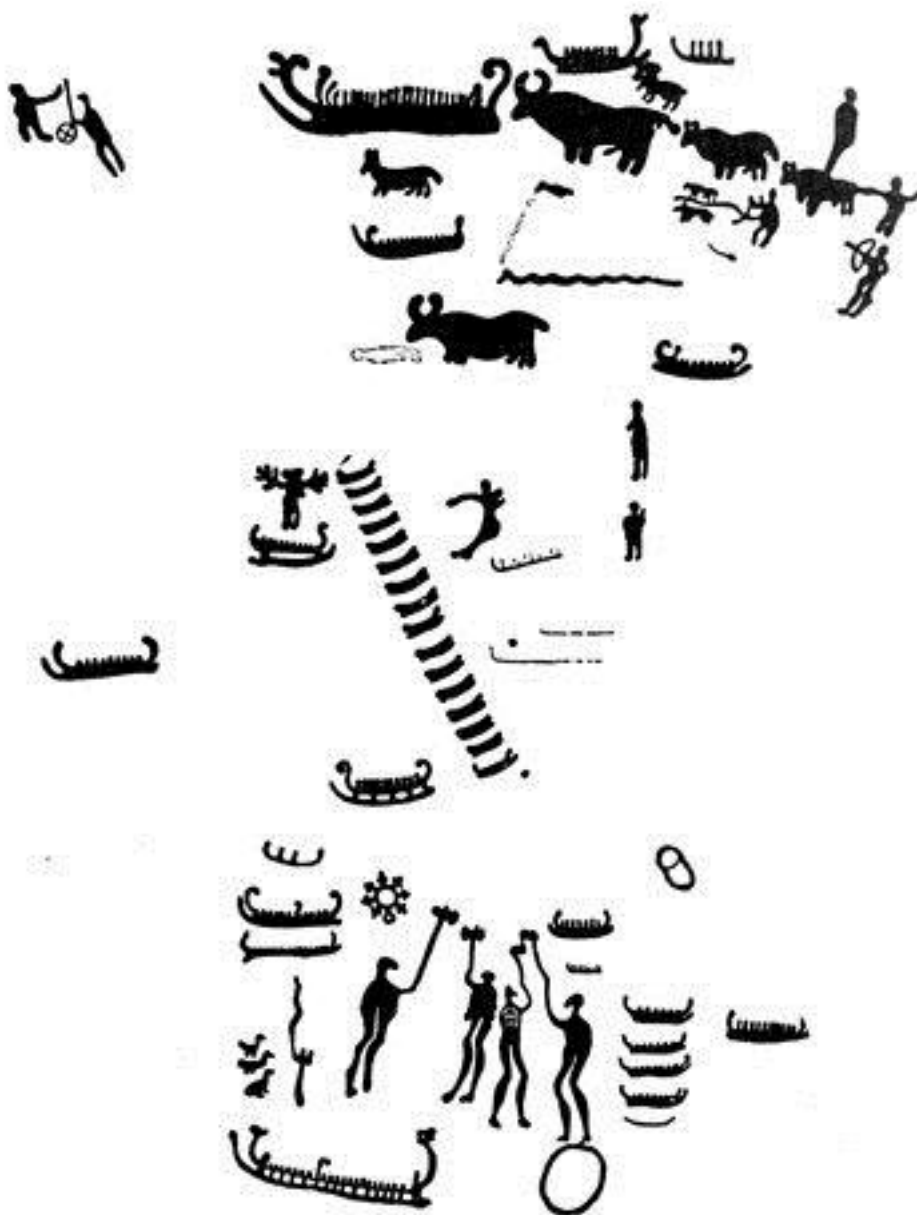

Рис. 902. —Рисунок на камне— двое мужчин сражаются за колесо, человек пашет, человек с луком и флотилия лодок или кораблей. Приход Танум, Богуслан. Высота 23½ фута; ширина 17½ футов.

Прекрасные бронзовые изделия древности, найденные на Севере, по-видимому, свидетельствуют о более высокой цивилизации, чем та, которая существовала во времена наскальных рисунков. Добросовестный исследователь, естественно, задаст этот вопрос самому себе. К какой эпохе относятся эти более ранние наскальные рисунки - к так называемому *каменному, бронзовому или железному веку*? К сожалению, ничто не может положительно решить этот вопрос. Ученые, посвятившие их специальному изучению, с этим не согласны; и мы знаем, что могилы каменного века были найдены со следами, но не с человеческими фигурами.^[120]

Но многие следы показывают, что даже в тот отдаленный период жителям был известен крупный рогатый скот, а существование плуга убедительно показывает, что люди обрабатывали землю.

Частое появление мечей на наскальных рисунках показывает, что они не могли быть сделаны в каменном веке, в котором мечи были неизвестны; но есть несколько указаний на то, что рисунки были сделаны до железного века и что они, вероятно, относятся к бронзовому веку.^[121]

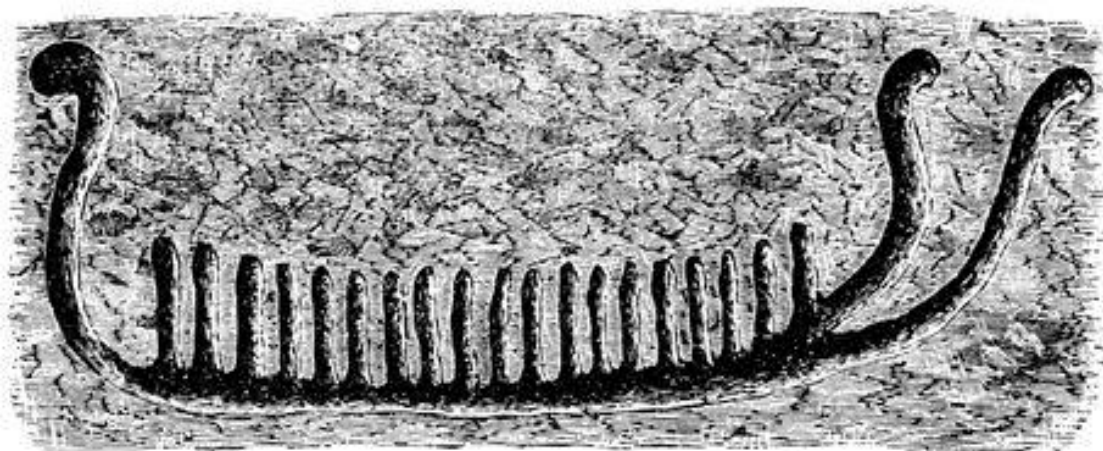

Рис. 903.— Корабль на камне в Лекеберге, волость Фосс, Богуслен. ☐ реальный размер.

Это искусство начертания, по-видимому, возникло раньше, чем искусство написания рун, поскольку ни на одном из этих своеобразных изображений, насчитывающих несколько сотен различных размеров, нет рунических символов.

Рис. 904. — Следы северного оленя на камнях и т.д.; возможно, изображающие путешествие человека в снегоступах на крайний Север. Высота 6½ футов; ширина 15 футов.—Бака, Браштадская волость, Богуслен.

Рис. 905. — Рисунок на камне, по-видимому, изображающий мужчин, возвращающихся из какой-то экспедиции, в ходе которой женщины были взяты в плен; в скале были сделаны многочисленные углубления в форме чаши размером от одного до двух дюймов в глубину и диаметр. Высота - 10 с половиной футов; ширина - 8 с половиной футов.

Они очень примитивны и в нескольких случаях ясно показывают, что скромность не была одной из характерных черт этого народа.^[122] Первое впечатление, которое складывается при их виде, заключается в том, что они принадлежали народу низкой цивилизации, который, должно быть, был вовлечен в постоянные войны и который таким образом увековечивал подвиги своих воинов, и совершенно ясно, что люди, создавшие их, были не только воинственными, но и мореплавателями.

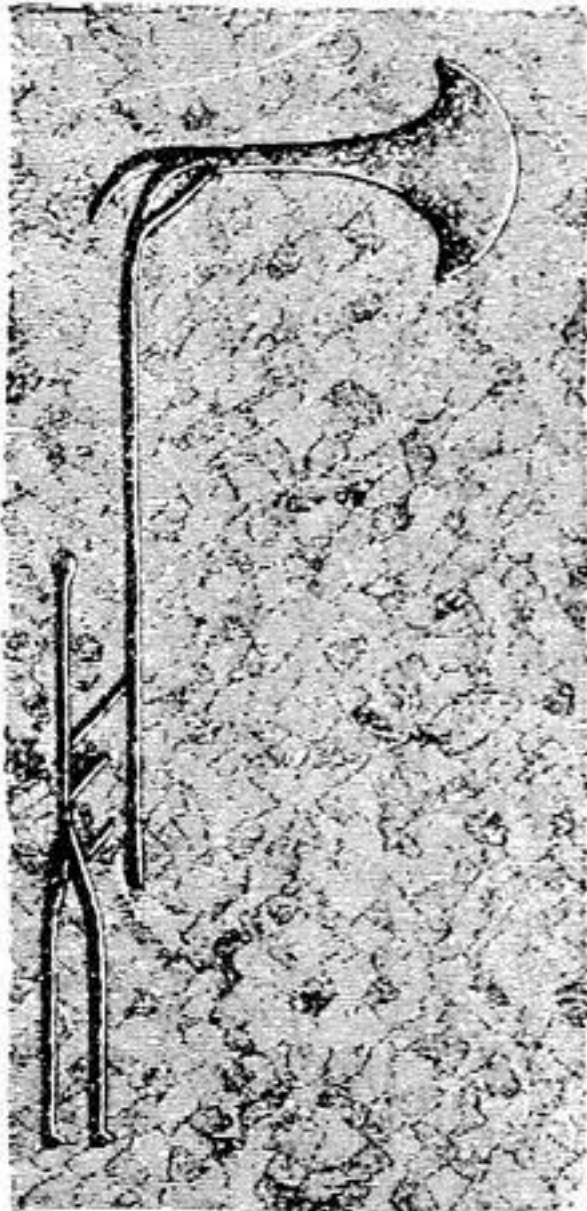

Рис. 906. Человеческая фигура ростом 1 фут 6 дюймов, держащая топор с рукоятью длиной 1 фут 8 дюймов и головой почти 1 фут 2 дюйма.—Симрислунд, Скания.

Очень интересный район, богатый наскальными рисунками, находится на юго-восточном побережье Швеции, в окрестностях маленького городка Чимбрисхамн, где скалистое побережье очень плавно спускается к морю, переходя в песчаный пляж, покрытый валунами. Самые любопытные следы можно найти на фермах Яррестада и Симриса. Представленные корабли имеют те же характеристики, что и корабли Bohuslän; в некоторых местах они достигают 26 или 27 дюймов в длину и обычно имеют 14 ребер жесткости. Есть также колеса с крестовинами внутри диаметром от 5 до 6 дюймов, и во многих случаях на иллюстрациях видны только оси, чего, по-видимому, нет ни на одном из рисунков Богуслена.

В Яррестаде на скале, наклоненной к морю, есть рельеф длиной 54 фута и высотой 40 футов, на котором, помимо характерных фигур, нанесенных на скалах Бохуслена, изображен корабль с мачтой. Другой превосходный рисунок найден на большой скале в Симрислунне, на которой фигуры расположены несколькими группами и состоят из 10 сосудов, 33 боевых топоров, двух мужчин с оружием, одной лошади, четырех кругов без крестов, множества круглых выемок или чаш, некоторые из которых довольно большие и глубокие; и, наконец,

пары фигур, которые невозможно определить. Один из кругов заключает в себе корабль и проходит по брюху лошади, которая помещена вверх ногами по отношению к кораблю. Один рисунок представляет собой следы колес и нескольких кораблей, один из которых длиной 26 дюймов, почти на одной линии с пятнадцатью или шестнадцатью небольшими впадинами. Совсем рядом с этими следами паутины находится невысокий курган, в котором были найдены урна с обгоревшими костями и бронзовая пуговица. Могила по соседству, хотя и лишенная своего содержимого, имеют те же характеристики, что и могилы бронзового века, к которому относятся все пирамиды, найденные по соседству.

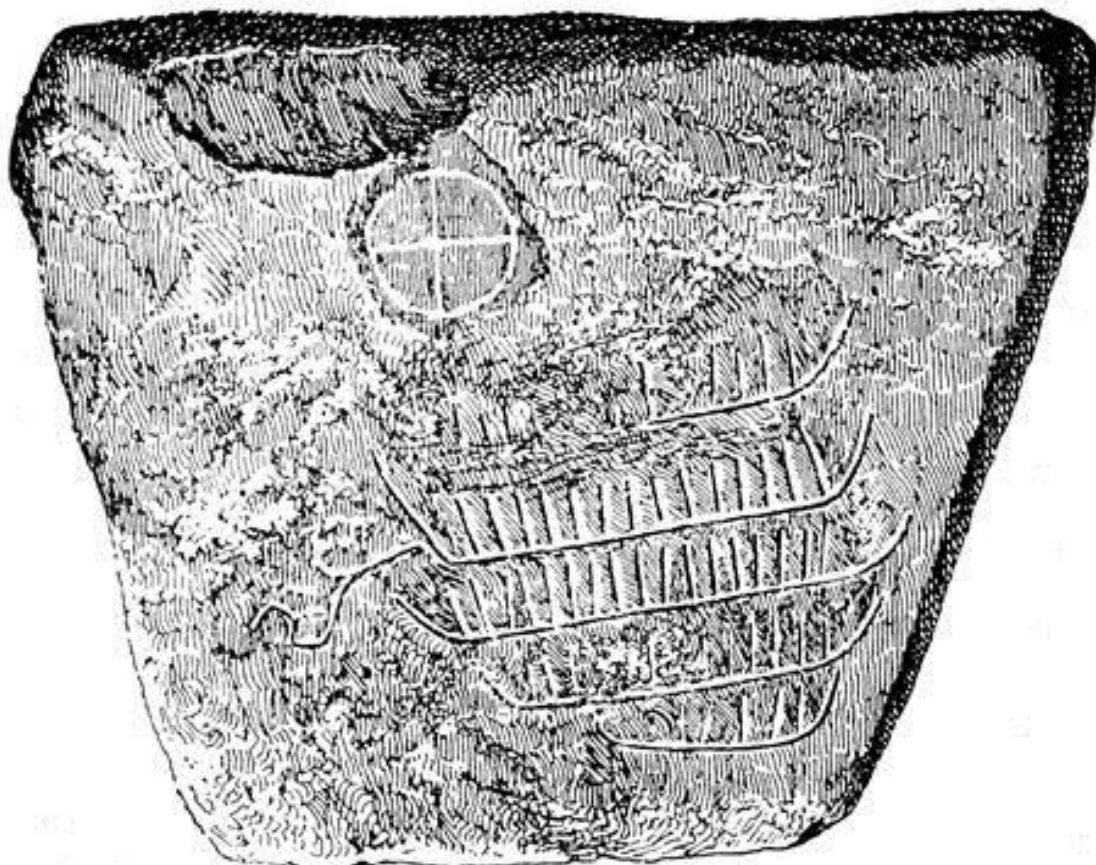

Рис. 907. —Рисунок на камне с колесом, заключающим крест, и кораблями.—Херреструп, Scania.

Рис. 908. Камень с рисунками, Ингельstrup, Зеландия. Высота 2 фута 8 дюймов; ширина 2 фута 10 дюймов; толщина 13 дюймов.

Рис. 909.—Высота 29 футов; ширина 17 футов; с крупными птицами и следами ног и т.д. — Приход Танум, Богуслен.

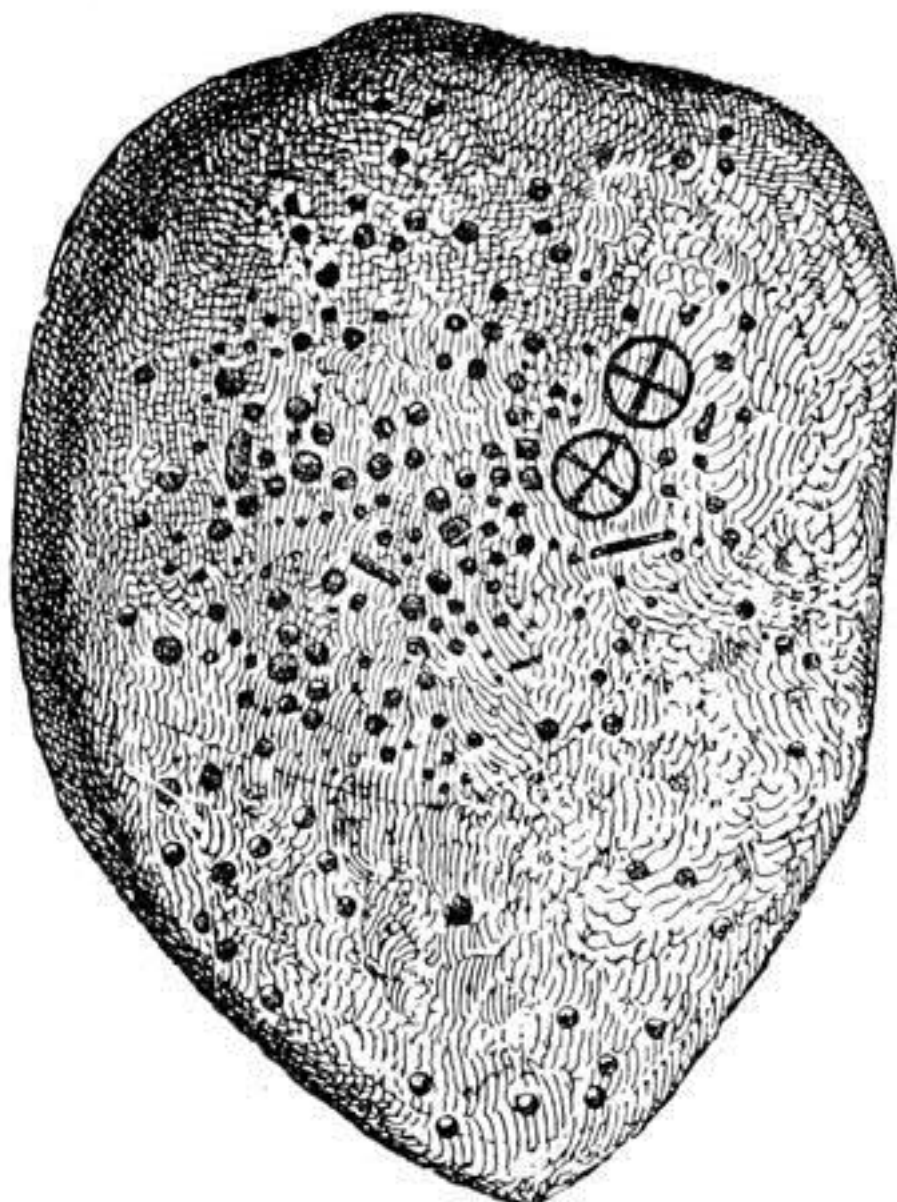

Рис. 910.—Трассировка горных пород, Scania.

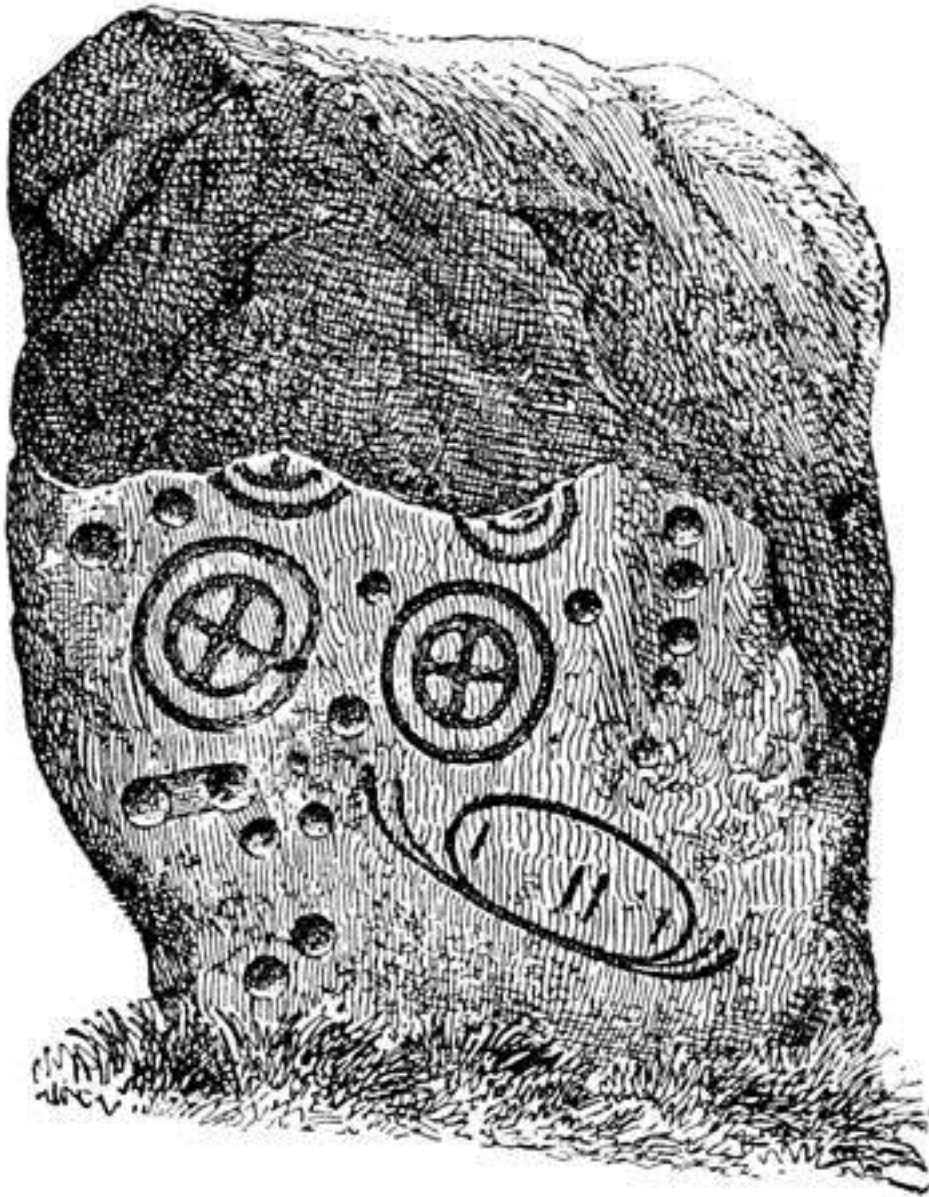

Рис. 911.—Трассировка горных пород, Scania.

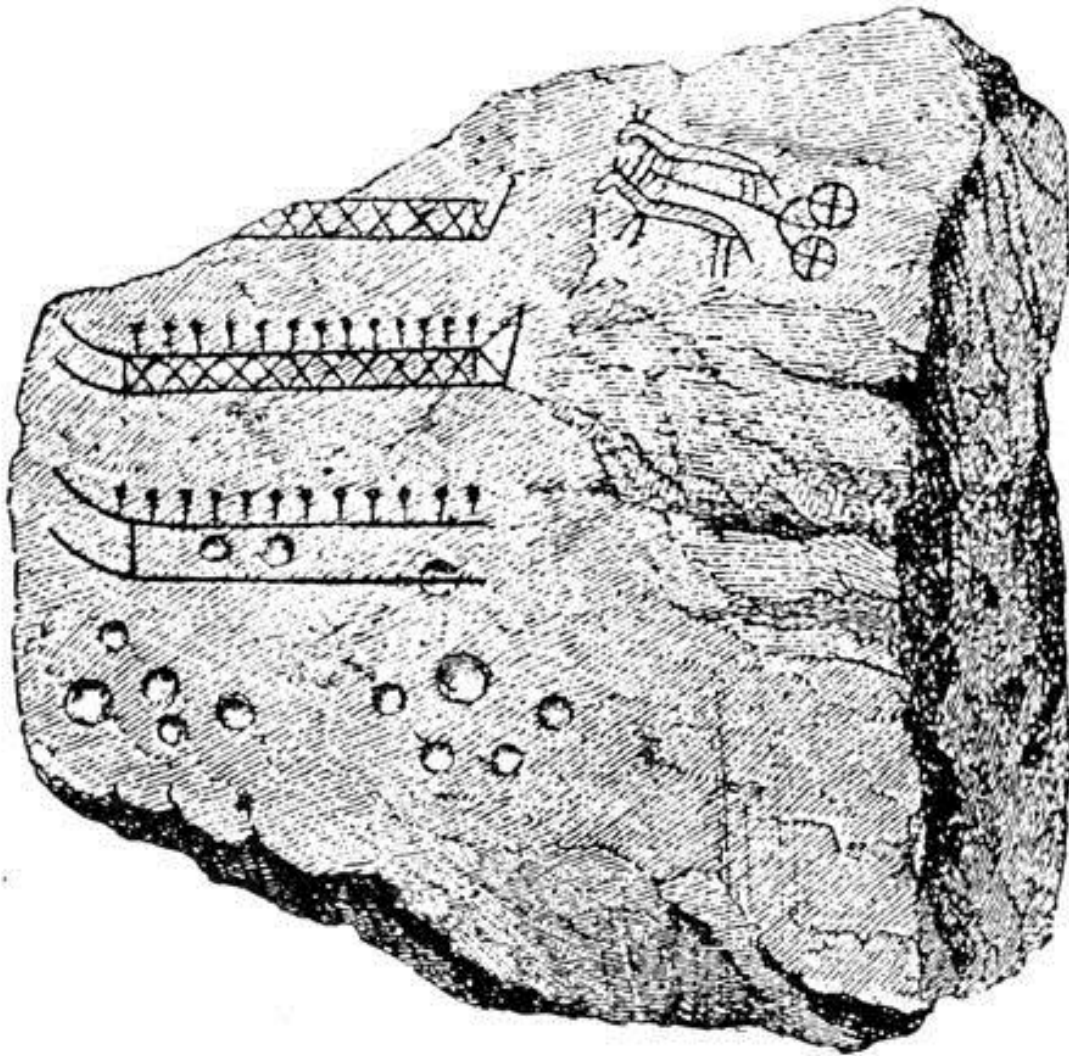

Рис. 912.—Расчерченные на камнях колесницы с лошадьми, кораблями и впадинами.- Джеррестед, Скания.

Что представляют собой углубления в форме чаши, размер которых варьируется от 1 до 2 дюймов в диаметре и обычно около 1 дюйма глубиной, и которые показаны на иллюстрациях маленькими черными точками, вероятно, навсегда останется загадкой. Читатель также заметит своеобразные фигуры, такие как круглые кольца, разделенные крестами или двойными перекрещиваниями, следы ног и т. Д. До сих пор были обнаружены только два наскальных рисунка , где видны повозки с колесами и привязанными к ним лошадьми.

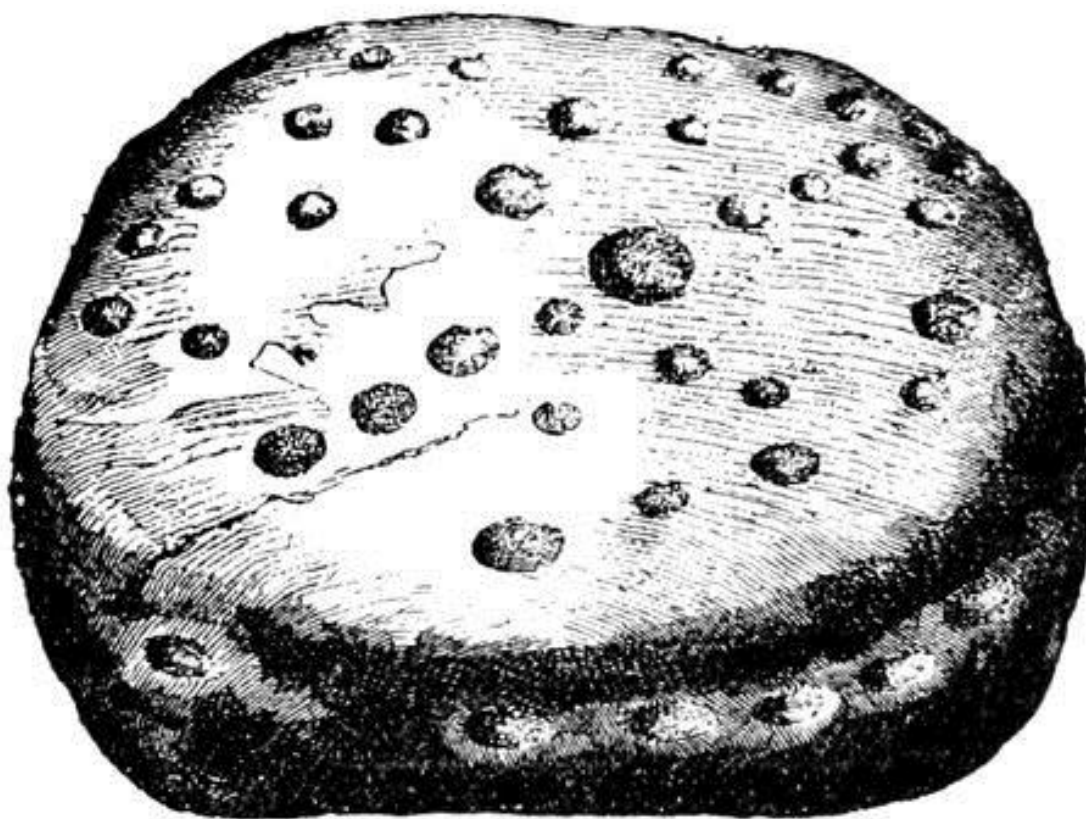

Рис. 913. Камень с круглыми углублениями.

В Дании следы до сих пор были обнаружены только на плитах проходов в могилах, таких как захоронения Херреструпа в Зеландии и Уллерупа в Северной Ютландии, и их отсутствие следует объяснять отсутствием скального образования.

ГЛАВА IX. ВОЕННЫЕ КОРАБЛИ.

Северяне преимущественно мореплавательный народ—Образные названия, данные кораблям—Классификация и названия военных кораблей—Броненосцы—Быстрые крейсера—Транспортные суда—Иностранные корабли—Различные части военного корабля—Весла—Корабельные шлюпки—Палатки—Корабельные причалы—Навесы—Спуск на воду—Украшения—Красивые паруса—Цвет военных кораблей—Штандарты—Украшение бортов корабля щитами—Порт Джомсбург—Размер кораблей—Плавучий корабль—Судостроение—Экипажи—Описание шторма.

Одной из самых важных особенностей в жизни эпохи викингов были корабли, на которых отважные скандинавы могли бороздить моря Европы, завоевывать и грабить земли вокруг себя. В Эддах и Сагах эти корабли часто подробно описываются, так что мы можем составить справедливое представление о кораблестроительном искусстве тех дней.

Корабли назывались образными и самыми поэтичными именами, и из многих из них мы видим, что скорость ценилась очень высоко:—

Олень прибоа.

Северный олень бризов.

Олень морского короля.

Северный олень стены щитов.

Лось из фьордов.

Сани морского царя.

Конь из дома льда.

Морской конь цвета сажки.

Конь по следу чайки.

Море прибоа.

Конь на ветру.

Ворон ветра.

Чайка из фьорда.

Морская перевозка.

Морской болотник.

Конь Эгира.

Морской конь.

Лев волн.

Ястреб по следу морской чайки.

Морской ворон.

Морской змей.

Общим названием для всех кораблей было *skip*, но они были классифицированы под разными наименованиями. Военные корабли также были классифицированы под несколькими названиями, а именно: *Dreki* (дракон), *Skeid*, *Snekkja*, *Skúta*, *Buza*, *Karfi*. *Херскип* (главный или военный корабль), также называемый *лангскип* (длинный корабль), был их самым мощным военным кораблем. *Dragon* был самым прекрасным и большим судном Севера и получил свое название из-за того, что нос и корма были украшены соответственно головой и хвостом одного или нескольких драконов.

Самым известным за свои прекрасные пропорции был *Ормринн Ланги* (длинный змей), который долгое время спустя, даже во времена Харальда Хардради и Сигурда Йорсалафари, служил моделью (11-12 вв.).

The *Скейд* (стремительный парусник) был еще одним видом длинного корабля, вмещавшего от двадцати до тридцати или более скамеек для гребцов, а иногда и размером с корабль-дракон. Самая большая из упомянутых *скейдов* - это скейд Эрлинга Скъяльгссона, на котором было тридцать две скамьи для гребцов и вмещалось двести сорок или более

человек. Он использовал его в экспедициях викингов или когда его вызывали для участия в войне.

“У Эрлинга Скьяльгссона, шурина короля, был свой большой *скейд*; в нем было тридцать комнат, и он был хорошо укомплектован” (Олаф Трюгвасон, с. 105).

Тогда королю сообщили, что Эрлинг Скьяльгссон собрал в Джадаре много людей. Его *скейд* стоял полностью снаряженный недалеко от берега, как и многие другие корабли, принадлежащие бундру, такие как *скуты*, *лагнарскип* (рыболовные суда) и большие *родрар-ферьяс* (гребные паромы)” (Святой Олаф, с. 184).

"*сnekкья*" был несколько меньшим по размеру баркасом, о котором часто упоминают; но иногда он, должно быть, был размером с корабль-дракон.

“Эрлинг приготовил *сnekкья* на двадцать мест, *скута* на пятнадцать мест и вистабирдинг

ГИПЕРССЫЛКА *Skuta* это было небольшое судно, часто используемое и упоминаемое, вмещавшее, вероятно, пятнадцать посадочных мест. В нем верхняя часть планшира была устроена так, что экипаж мог легко взобраться на нее и еще легче перебраться на борт противника.

“Весной Эйрик набрал людей, и Торлейф (приемный отец Эйрика) дал ему *скутус* пятнадцатью местами для гребцов и полным снаряжением, палатками и провизией” (Олаф Трюгвасон, с. 20).

В мирное время на этом судне находилось около тридцати человек.

“Эгил спустил свой корабль на воду и погрузил груз на борт, прежде чем отправиться к Твари. Покинув Аринбьерн, они отправились в Стейнзунд на свой корабль, который стоял в гавани с поднятыми палатками. “Скута” плыла с включенным рулем между берегом и кораблем, вставив весла в уключины. Утром, почти на рассвете, дозорные увидели, что к ним приближаются какие-то корабли. Эгиль увидел, что это враги, и приказал своим людям прыгать в скуту. Все они быстро схватились за оружие, а Эгиль взял сундуки с серебром, которые дал ему король Адальстейн. Они плыли между этой землей и ближайшей к ней *сnekкьей*, которая принадлежала королю Эйрику, но в спешке, к тому же было довольно темно, и корабли обогнали друг друга. Когда липтинги^[125] были рядом, Эгиль метнул копье, которое попало в поясицу Кетилу Хеду, сидевшему у руля, и мгновенно убило его. Король Эйрик крикнул своим людям грести за ним, но когда они проплывали мимо торгового корабля, люди короля запрыгнули на него. Все люди Эгиля, которые не вошли в скуту и были пойманы, были убиты; но некоторые выпрыгнули на берег. Там были убиты десять его людей. Некоторые корабли поплыли вслед за Эгилем, в то время как другие разграбили торговое судно; все товары, находившиеся на борту, были взяты, а корабль сожжен. Те, кто преследовал Эгиля и его людей, гребли изо всех сил, двое взялись за одно весло и гребли по очереди. У них на борту было много людей, но у Эгиля их было мало: в скуте их было восемнадцать. Расстояние между ними становилось все меньше, но внутри острова между ним и другим островом было несколько неглубокое место для брода, и прилив спадал. Эгиль поплыл со скутой в мелководный пролив; но *сnekкья* не смогли доплыть туда, и там они расстались”^[126] (Сага об Эгиле, с. 58).

The *Буза* и *Дреки*, должно быть, были чем-то похожи по размерам, поскольку в Сагах упоминается *корабль-буза*, построенный по образцу “Длинной змеи”.

“Когда посланцы Торира вернулись, он приготовил принадлежавший ему баркас, большую бузу; он укомплектовал его своими хускарлами, почти восьмьюдесятью людьми” (Святой Олаф, с. 143).

“Король Харальд (Хардради) приказал зимой построить в Эйраре корабль-бузу. Он был сделан таким же большим, как длинный змей, и настолько хорошим, насколько это было возможно во всех отношениях. У него была голова дракона на носу и хвост на корме, а клювы (свины) были повсюду украшены золотом. В нем было тридцать пять комнат, он был велик по размеру и очень красив. Король был очень осторожен в отношении его снаряжения, парусов, такелажа, якорей и канатов” (Харальд Хардради, с. 61).

The *Карфи*, по-видимому, представлял собой судно размером со скуту.

“Кетилу Хрингунскому король Олаф подарил *карфина* пятнадцать мест” (Св. Олаф, с. 50).

Торфинн, живший в Хамарси, был сыном Кара старого, который долгое время жил там; он был великим вождем. Когда рассвело, на островке увидели людей, и Торфинну рассказали об этом. Он быстро собрался и столкнул принадлежавшую ему лодку; двадцать человек гребли на ней с каждой стороны” (Сага о Гретти, с. 20).

У Бьерна и Торольва был карфи, команда которого состояла почти из тридцати человек, по двенадцать-тринадцать гребцов с каждой стороны. Они приобрели этот корабль летом во время экспедиции викингов. Он был раскрашен почти везде, выше ватерлинии, и был очень красив. Когда они прибыли в Торира, их хорошо приняли, и они пробыли там некоторое время; корабль плавал, разбив палатку перед фермой. Однажды Торольв и Бьерн спустились вниз и увидели, что Эйрик, сын короля, был там; иногда он выходил на корабль, а иногда сходил на берег. Стоя и глядя на него, Бьерн сказал Торольву: “Сын короля очень восхищается кораблем, и ты должен предложить его ему, потому что я думаю, что это будет большим подспорьем для нас с королем, если Эйрик будет умолять его. Я слышал, что он разгневан на тебя из-за поступков твоего отца. Торольв счел этот совет хорошим; они спустились к кораблю, и Торольв сказал: ‘Посмотри внимательно на корабль, королевич; как он тебе нравится?’ ‘Что ж,’ ответил он, ‘корабль очень хорош’. ‘Тогда я подарю его тебе, если ты примешь его’, - добавил Торольв. ”Я сделаю это, - ответил Эйрик, - но ты, наверное, подумаешь, что это небольшая отдача, потому что я могу обещать тебе только свою дружбу” (“Сага об Эгиле”, с. 36).

Как ни странно, бронированные суда, которые использовались в качестве таранов, были известны и использовались викингами. Во время знаменитой битвы между Хаконом Ярлом и Йомсвикингами у Эйрика Ярла, его сына, был Ярнбарди (вероятно, одно из самых грозных судов в битве при Свольде было тем же кораблем): верхняя часть судна, которое, по-видимому, было таранным кораблем, была снабжена *скеггом* (бородой),^[127] который, по-видимому, состоял из железных шипов.

Братья Торстейн и Торольф собирались в экспедицию.

Торстейн попросил отца рассказать ему о викинге, с которым он мог бы сразиться и либо пасть, либо прославиться. Его отец ответил: “Льот бледный находится на востоке, в Свиашхерах (шведские острова); у него пятнадцать кораблей, а над морем дракон, покрытый железом; он проплывает сквозь каждый корабль; он называет его *Ярнбарди*” (Сварфдала, с. 4).

“У Торстейна (отца Фритьофа) был корабль под названием "Эллиди"; по пятнадцать человек гребли с каждой стороны. У него были резные нос и корма, и он был прочен, как морской корабль, а его борта были обшиты железом” (Сага о Фритьофе, гл. 1).

Самые маленькие и легко управляемые корабли северян назывались *Аскар*.

“Сыновья Арнгрима обнажили мечи и вонзили зубы в края щитов; затем они повернулись к кораблям, и по шесть человек поднялись на каждый из них”^[128] (Сага о Хервараре, с. 5).

Некоторые корабли были специально построены с учетом скорости. Среди них мы находим длинные корабли — *skeid* и *skuta*. Быстроходные *скуты* назывались *леттискута* (легкая скута) и *хлейпускута* (бегущие корабли), что-то вроде яхты.

“Эйвинд быстро уехал с несколькими людьми на *латискуте*” (Олаф Трюгвасон, с. 83).

“Гейрмунд отправился с *хлейпускутой* и несколькими людьми с ним” (Олаф Трюгвасон, с. 41).^[129]

The *Кнеррир* (поют. *Knorr*) или торговые суда, должно быть, иногда были большими и иногда использовались как военные или транспортные суда. Из Саг мы делаем вывод, что они могли переносить бурное море лучше, чем длинные корабли.

“Король Олаф оставил в Англии *большие корабли* и отправился туда с двумя *Кнеррирами*, на которых у него было 220 отборных людей, полностью вооруженных” (Сага о Святом Олафе, с. 27).

Зигмунд сказал Хакону ярлу, что хочет прекратить войну и отправиться на Фарерские острова; он сказал, что больше не желает слышать, что не отомстил за своего отца, и выслушивать упреки за это; он попросил ярла помочь ему и посоветовать, как это сделать. Хакон ответил, что море к островам пересечь трудно, а буруны сильные; “Вы не можете отправиться туда на длинных кораблях, но я прикажу сделать для вас два кнеррира и наберу команду, чтобы укомплектовать их” (Сага о Фрайинге, с. 23).

Среди судов других национальностей упоминаются *Galeid* (галера) и *Drómund* (военный корабль), которые плавали в Средиземном море.

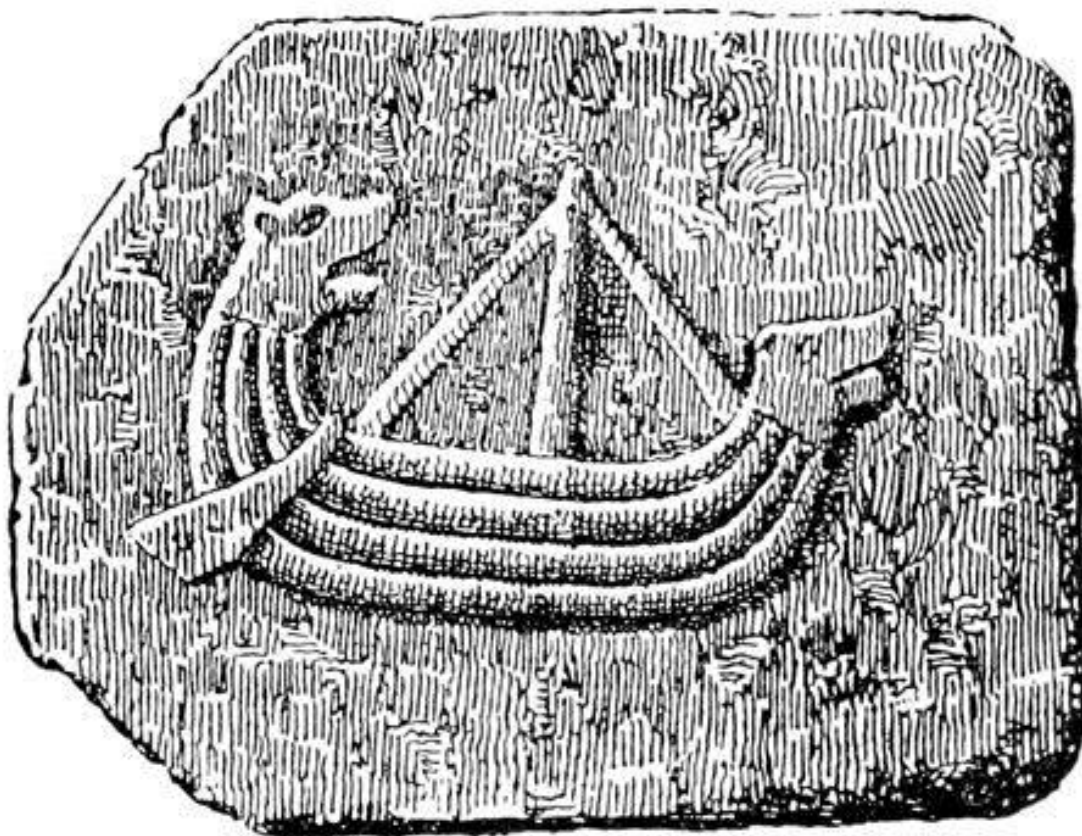

Рис. 914. Корабль на каменной стене церкви Скребелеф, Лангеланд, Дания.

Харальд отправился к *галеидам* на Верингъяре и взял две лодки, на которых они поплыли в Съявидарсунд. Когда они подошли к тому месту, где поперек Пролива были натянуты железные цепи, Харальд приказал своим людям сесть за весла на обеих *галеях*, а тем, кто не греб, отправиться на корму со своими гамаками (используемыми для хранения багажа и кроватей) в руках. *Галеиды* были, таким образом, загнаны на цепи; но, как только они набрали скорость и сбавили ход, Харальд приказал всем людям бежать на нос. *Галеида*, на которой затем был повернут Харальд, соскользнула с цепей, но другая разорвалась на части, когда она скакала на цепи. Многие там утонули, но некоторые выплыли и были подобраны” (Сага Харальда Хардради, с. 15).

“Регнвальд ярл и Эрлинг встретили *дромунда* на море и напали на него со своими девятью кораблями” (Сага об Инги, с. 17).

Из Саг мы заключаем, что у кораблей была только одна мачта.

Иногда у них на верхушке мачты имелся *Хун-касали* (набалдашник), или воронье гнездо, достаточно большое, чтобы вместить нескольких воинов, которые с такой высоты могли метать снаряды во врагов.

Король Хакон Хердибрейд собирался сразиться с королем Инги.

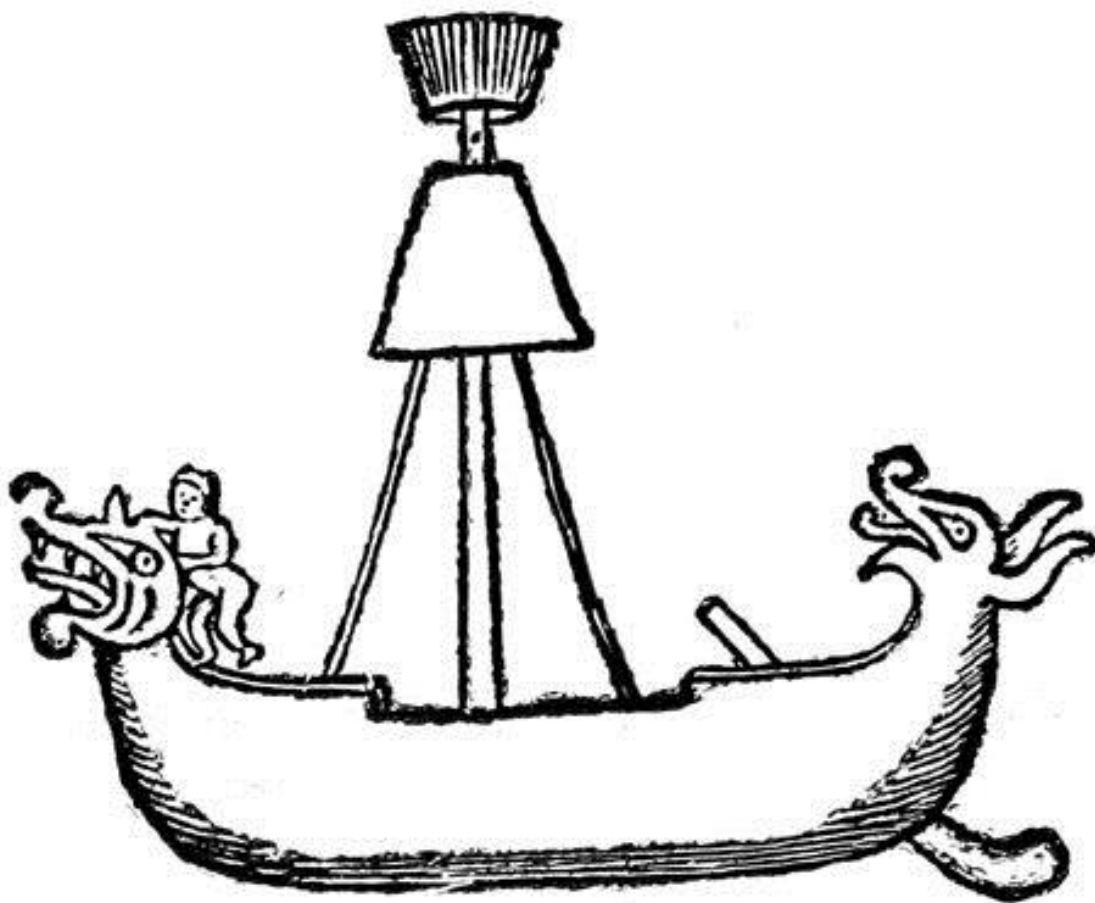

Рис. 915.—На камне. Приход Альсне в Апленде, Швеция. Корабль с вороньим гнездом.

Рис. 916.—Баутастон. Харестада, Возвышенность, Швеция. Корабль с "вороньим гнездом".

“У него (Хакона) было два *Кнеррира* для путешествия на восток, которые лежали за пределами его кораблей. На них, а также на носу обоих, были *хункастали*” (с. 5, Хакон Хердибрейд).

“Они (люди Хакона) готовятся к заброске камней и выстрелов из ханкастали на борт торговых кораблей” (с. 9, Хакон Хердибрейд).

Различными частями корабля были *переходная*^[130] возвышенное место, где командир стоял и управлял, и с которого он мог обзирать всю сцену сражения; *штаб* (нос); *раусн* (бак); *фир-рум* (кормовая часть), так называемый, вероятно, из-за того, что он находится перед мачтой; и *краппарум*, третье помещение от кормы.

Место, в котором хранилось оружие, называлось *хастис-киста*, или сундук с высоким сиденьем.

“Король спустился в переднюю комнату, открыл *хастис-кистуи* достал оттуда множество острых мечей, которые раздал мужчинам” (Олаф Трюгвасон, с. 117).

“В передней комнате тоже были спальные места. Людей в этом и *штабном буфете* звали *фиррир-рамсменн*. Всех тех, кто стоял перед мачтой, называли *фрамбигджар* (сидящие на носу)” (Харальд Прекрасноволосый, с. 11).

Корабль был самым высоким в носовой и кормовой частях и заострен с обоих концов.

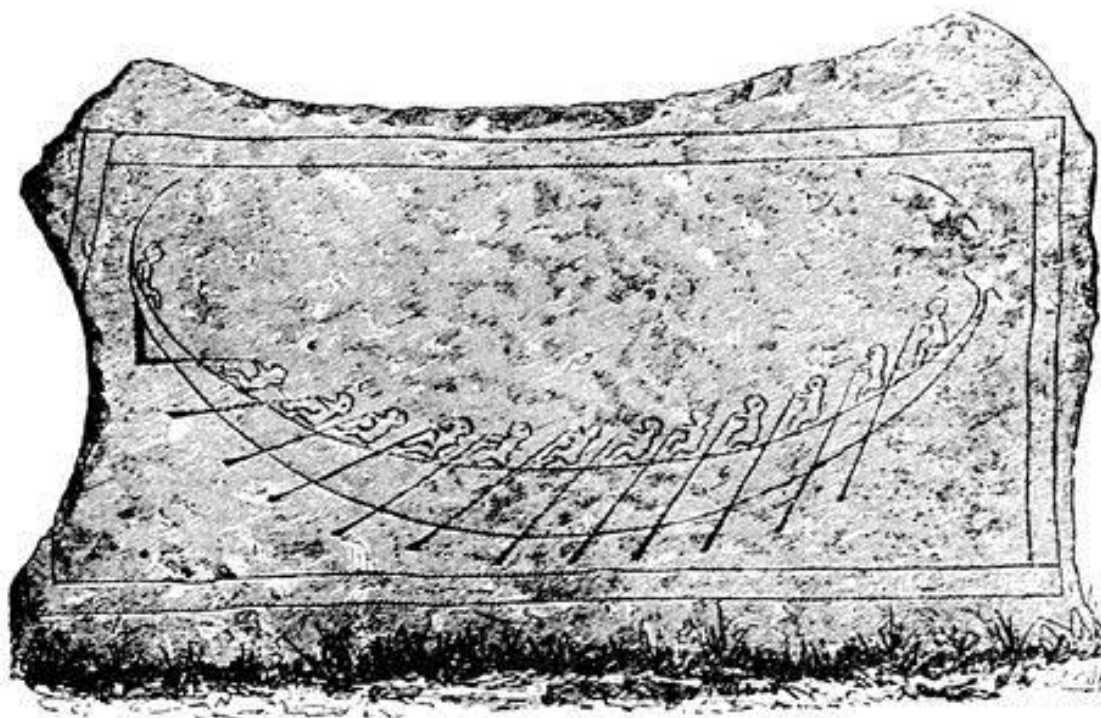

Рис. 917.—Корабль, приводимый в движение веслами. Плита. Хаггли, Уппленд, Швеция. Похож на египетский барельеф в храме Мединет-Хако (см. стр. 123).

Поскольку самые большие корабли были высокими, им требовалась палуба (*тилджур*), но палубы упоминаются очень редко.

Торир отплыл на запад, в Англию, к Кнуту Великому, со своими ценными шкурами.

“Торир Хунд поднялся на борт своего корабля; Финн со многими людьми последовал за ним туда и пошел вдоль корабля. Он поднялся на палубу, и под досками у мачты они увидели две бочки, такие большие, что удивились им. В бочках было внутреннее дно, близкое к внешнему, между которым находился напиток; но сама бочка была наполнена серыми шкурами бобра и соболя” (Сага о Святом Олафе, с. 149).

Весла.— В тихую погоду корабли обычно приводились в движение веслами, которые крепились ремнем, прикрепленным к уключинам, или отверстиями, сделанными, как на корабле из Гокстада и лодке Нидама. Весла должны были быть крепкими, и на каждом обычно сидели два, три или четыре человека, поскольку тяжелые или большие корабли с трудом приводились в движение веслами.

Иногда люди были настолько сильны, что могли на небольших судах управлять веслом в одиночку, но это было исключением.

“Король Хакон (Хердибрейд) стоял в гавани с четырнадцатью кораблями. Он сам и его люди играли в какие-то игры на острове, в то время как его люди-лендиры сидели на насыпи. Они увидели лодку, плывущую к югу от острова; в ней были двое мужчин, и они так сильно налегали на весла, что пригнулись ко дну лодки” (Сага Магнуса Эрлингссона, с. 6 (Хеймскрингла)).

Указана длина весел только в одном случае — у *Эллиди*, — которые, как говорят, были длиной 26 футов. У самого большого корабля, должно быть, весла были еще длиннее, чем у *Эллиди*, которая не была большим судном.

Их называли образными именами длинных рук; Ног морского коня; Гребца волн; Ног корабля и т. Д.

Среди многочисленных фрагментов весел корабля из Гокстада были найдены четыре в сносной сохранности и только одно хорошо сохранившееся, размером почти шестнадцать футов. Отверстия для весел были защищены изнутри круглыми дубовыми ставнями, чтобы вода не попадала внутрь. Найденные большие весла показывают, что ни один человек не мог долго грести с одним из них вместе; а весла, которые приводили в движение большой корабль-дракон, должно быть, были очень тяжелыми.

На каждом крупном корабле были свои шлюпки, иногда две или больше.

“Сигурд взял двух *барки*^[131] и втащил их на скалу над входом в пещеру, и закрепил толстыми веревками вокруг ребер корабля под форштевнем и кормой” (Сигурд Джорсалафари,^[132] с. 6).

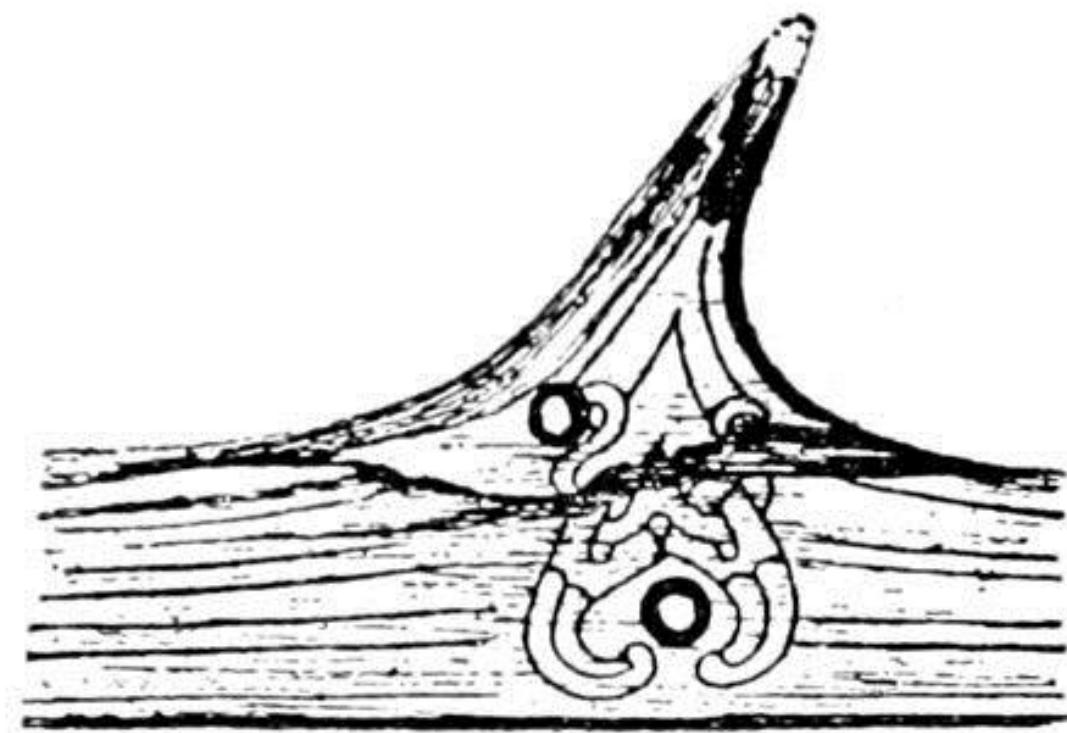

Рис. 918.

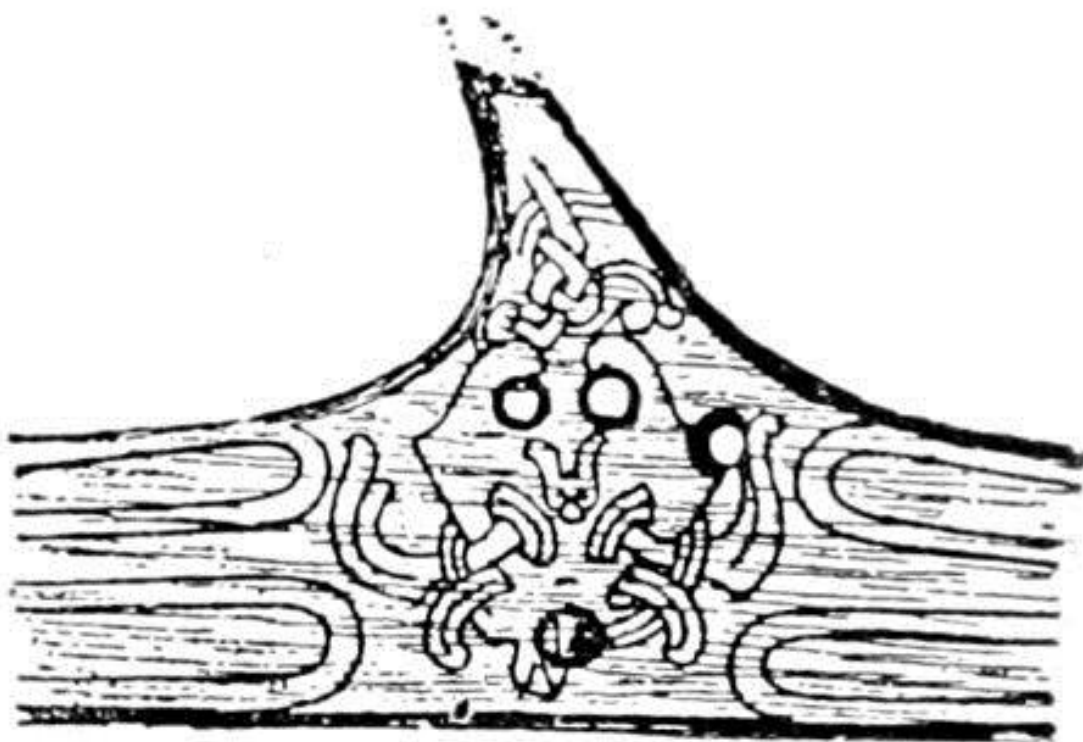

Рис. 919.

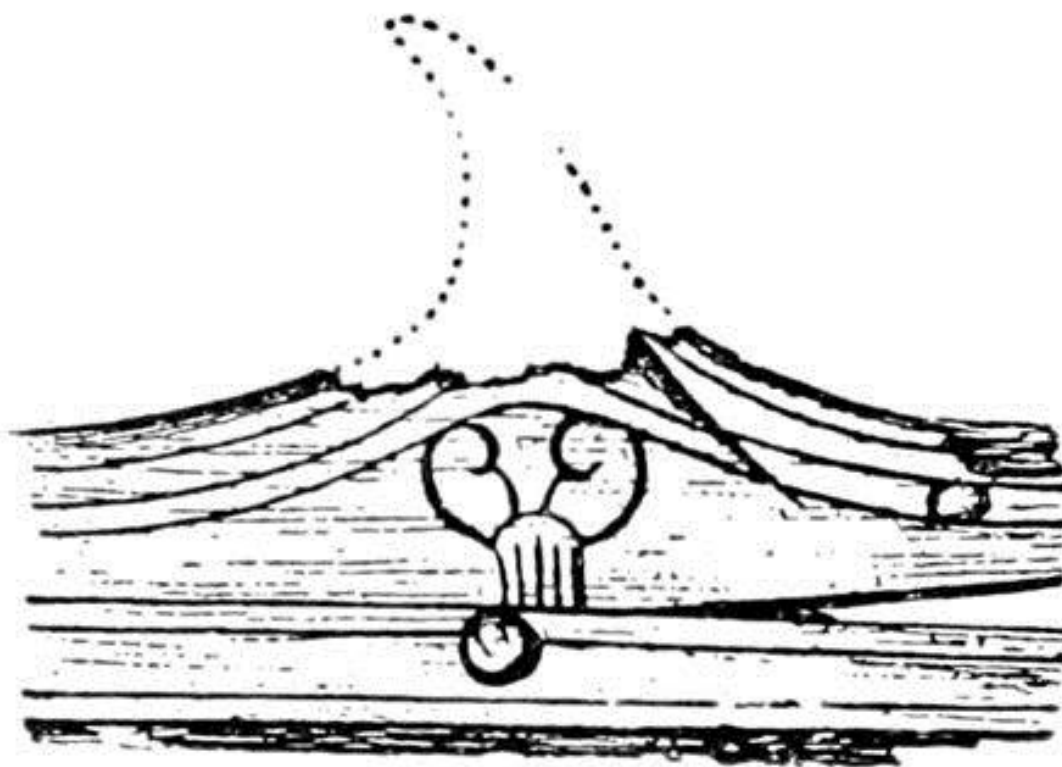

Рис. 920.

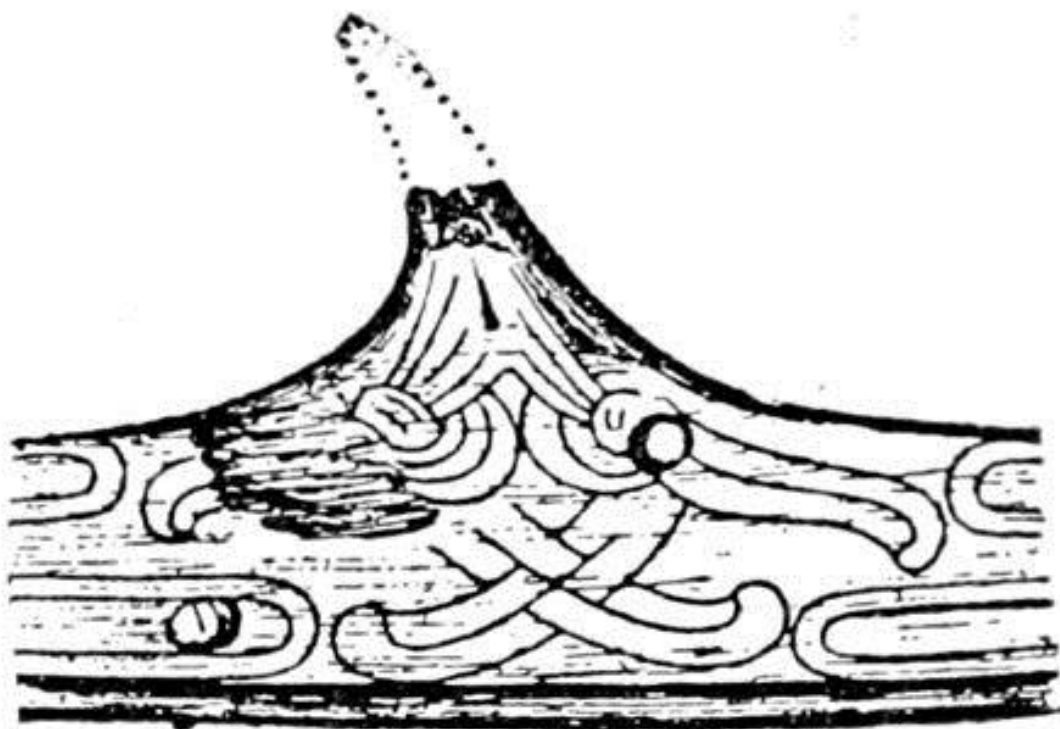

Рис. 921.

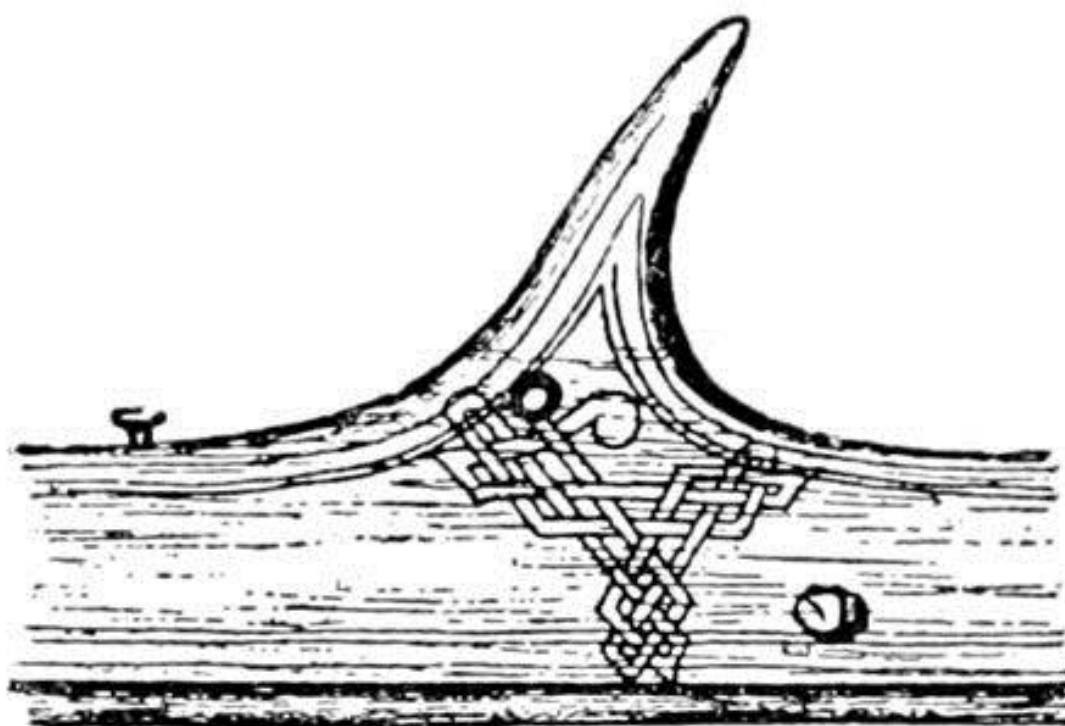

Рис. 922.

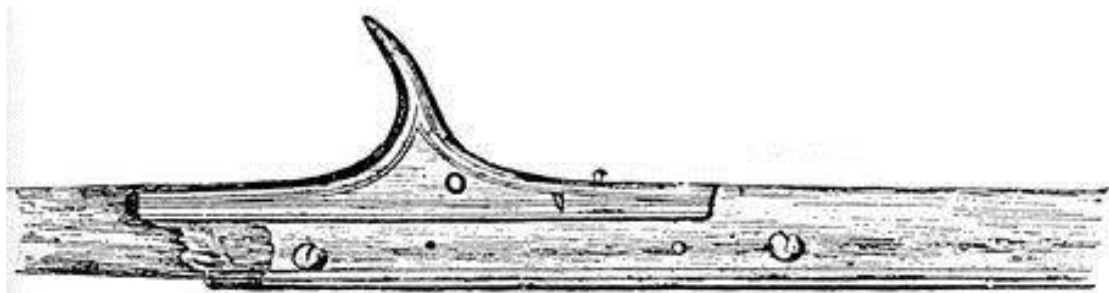

Рис. 923.

Рис. 924.—Образцы уключин с корабля из Гокстада. Лодки (см. Nydam boat, том I.).

На борту корабля "Гокстад" были обнаружены фрагменты трех небольших лодок, сделанных из дуба, которые, по-видимому, были уничтожены намеренно. Они были построены из клинкера и имели уключины, из которых не было двух одинаковых, прикрепленных к планширу вместо отверстий для весел. Эти лодки были настолько разбиты, что ничего нельзя было собрать заново, кроме их килей, самый длинный из которых достигал более двадцати одного фута, а самый короткий - двенадцати футов. На двух из них были мачты.

“Их отнесло к северу от Ирландии, и корабль разбился вдребезги на необитаемом острове; пока они были там, исландец Торордд встретил их, когда отплывал из Дублина. Люди ярла призвали торговцев помочь им. Торордд приказал спустить лодку и сам сел в нее” (Сага об Эйрбиггья, с. 29).

The *Руль направления*, называемый *стыри*, находился с правой стороны, *стыернборди* (правый борт); противоположная сторона называлась *бакборди* (левый борт).

Рулевой, державший румпель, обычно был командиром корабля, и иногда кажется, что его положение за штурвалом находилось ниже головки руля, чтобы быть защищенным от непрерывного града снарядов, которым он подвергался; главная цель противника состояла в том, чтобы вывести из строя командира корабля.

Когда Магнус Босоногий начал войну в Шотландии и Ирландии:

“Тогда люди встали между ним и Мелкольмом (Malcolm) Скотским королем, и они заключили соглашение (treaty) между собой. Магнус должен был стать владельцем всех островов к западу от Шотландии, между которыми и материком мог курсировать корабль с включенным рулем. Когда король Магнус прибыл с юга в Сатири (Кантир), он приказал перетащить скуту через перешеек (Мулл Оантир) с установленным рулем направления. Сам король сидел на липтинге и держался за румпель, и таким образом земля лежала по левому борту. Сатири велик и лучше, чем лучшие острова Гебридских островов, за исключением Мона. Узкий перешеек соединяет его с материком, и там часто волокут длинные корабли” (Сага о Магнусе Босоногом, с. 11).^[133]

Палатки.—Когда корабль стоял неподвижно, особенно на ночь, над ним натягивали палатки. Иногда их высаживали на берег, а в последнем случае брали на борт корабля, когда они отчаливали.

“Когда они подошли к островкам, то увидели голову дракона, которая выглядела как золотая. Они увидели, что там были двенадцать кораблей с драконом, с черными шатрами над ними; под шатрами горел свет; люди сидели там и пили” (Сварфдала, с. 4).

“Как только Карли поднялся на борт, он снял палатки, сбросил крепления, поднял парус, и корабль быстро вышел в море” (Святой Олаф, с. 143).^[134]

Люди на борту, похоже, спали в кожаных мешках, *худфат*, и взяли их с собой на берег, когда разбивали лагерь в палатках.

Они вынесли свои кожаные сумки с корабля и соорудили кабинки. Тогда они решили прожить там ту зиму и построили там большие дома и т. Д.” (Флэтейярбок, i.).

Находясь в гавани, корабли привязывались креплениями, сообщавшимися с берегом посредством мостков или сходней.

Они гребли в поисках корабля, а когда нашли его, повернули к берегу. Халльвард и его люди разбили над ним палатку, а затем улеглись спать. Когда Квельдульф и Скаллаgrim наткнулись на них, стражники в конце трапа вскочили и закричали на корабль, приказывая людям подниматься, говоря, что враг близко, Халльвард и его люди бросились за оружием. Квельдульф добрался до конца трапа и поднялся на борт по кормовому трапу, в то время как Скаллаgrim направился к носовому трапу” (Сага об Эгиле, 27).

Вожди, по-видимому, были очень внимательны к местам стоянки своих кораблей, когда они находились в гавани, так что палатки следовало разбивать на берегу, причем места на кораблях распределялись в соответствии с рангом их владельцев. Если их было несколько равного ранга, тянулся жребий, чтобы решить, кому достанется лучшее место.

Однажды летом, когда у Хакона ярла был призыв, Торлейв Мудрый управлял одним из его кораблей. Эйрик, которому было десять или одиннадцать зим, тоже был с ним в путешествии. Когда они ночью заходили в гавань, Эйрик не радовался, если его корабль не оказывался рядом с кораблем ярла. По прибытии на юг, в Мери, его шурин Скопти прибыл к нему на хорошо укомплектованном баркасе. Подплыв к флоту, он крикнул Торлейфу, чтобы тот уступил ему место и сменил позицию, но Эйрик сразу же велел Скопти самому занять другую позицию.

Как только Хакон ярл услышал, что его сын Эйрик считает себя настолько великим человеком, что не уступит Скопти, он сразу же велел ему занять другое место, иначе для них было бы хуже, так как их могли побить. Затем Торлейф приказал своим людям снять корабль с креплений, что и было сделано. Затем Скопти занял привычное для себя место, ближайшее к кораблю ярла” (Олаф Трюгвасон, с. 20).

“Однажды Харальд (Хардради) с варягами разбили свои шатры на удачно расположенном месте. Гиргир, начальник греческого войска, хотел разбить палатки на том же месте, и они поссорились из-за этого. Вмешался мудрейший человек, и они посовещались. На этой встрече все они согласились бросить жребий за полы плаща и таким образом решить, кому первому войти в гавань или выбрать место для своих палаток; оба должны были подчиниться решению жребия, когда жребий будет сделан и отмечен” (Сага Харальда Хардради (Хеймскрингла), с. 4).

Когда корабли не использовались, их держали в сараях; и пока они там стояли, оттуда убирали все незакрепленное, даже доски палубы и драконьи головы.

“Король Эйстейн также приказал построить в Нидаросе корабельные ангары, настолько большие, что они стали знаменитыми, и построенные из лучших материалов и с большим мастерством” (Сигурд Джорсалафари, с. 27).

Они изо всех сил гребли к корабельному сараю Торфинна. Когда корабль коснулся дна, люди попрыгали за борт. Греттир насчитал их двенадцать. Ему не показалось, что они пришли с мирным поручением. Они подняли свой корабль и вытащили его из воды. Они подбежали к сараю, где стоял большой карфи Торфинна, который он никогда не спускал на воду менее чем с тридцатью людьми, но они сразу же вытащили его на берег. После этого они подняли свой собственный корабль и отнесли его в сарай” (“Сага о Гретти”, с. 19).

После Йоля Торфинн собрался домой и отослал своих гостей со множеством хороших подарков. Затем он шел со своими людьми, пока не подошел к своему корабельному сараю. Они увидели, что на песке лежит корабль, и вскоре поняли, что это его большой карфи. Торфинн тогда еще не слышал о викингах. Он попросил их поторопиться сойти на берег, ‘ибо я полагаю,’ сказал он, ‘что друзья этого не сделали’. Торфинн первым сошел на берег и сразу же направился в корабельный сарай. Он увидел стоящий там корабль и понял, что это корабль берсерков” (“Сага о Гретти”, с. 20).

Когда корабли были готовы к выходу в море или строились, под ними устанавливались катки, по которым их подталкивали к берегу или в море.

Эйрек и Агнар, сыновья Рагнара, отправлялись в экспедицию в Швецию:—

“Они собрали много людей и подготовили свои корабли; они считали важным, чтобы спуск кораблей на воду был успешным. Теперь, когда корабль Агнара сошел с катков, им был сбит человек, и он умер, и они назвали это *хлунрод* (краснеющий каток). Они не считали это хорошим началом, но не позволили этому остановить их путешествие” (Сага о Рагнаре Лодброке, с. 9).

Харальд Хардради приказал спустить на воду большой корабль в реке Нид, а затем надел головы драконов. Затем запел Тьодольф скальд:

Прекрасная дева, я видел скейд

Нападающего столкнули в реку;

Посмотри, что находится недалеко от берега

Длинный бок гордого дракона.

Волосы сверкающего змея

Вся команда сияет,

С тех пор, как он был сдвинут с роликов;

Украшенные клювы были позолочены.

(Сага Харальда Хардради, с. 62.)

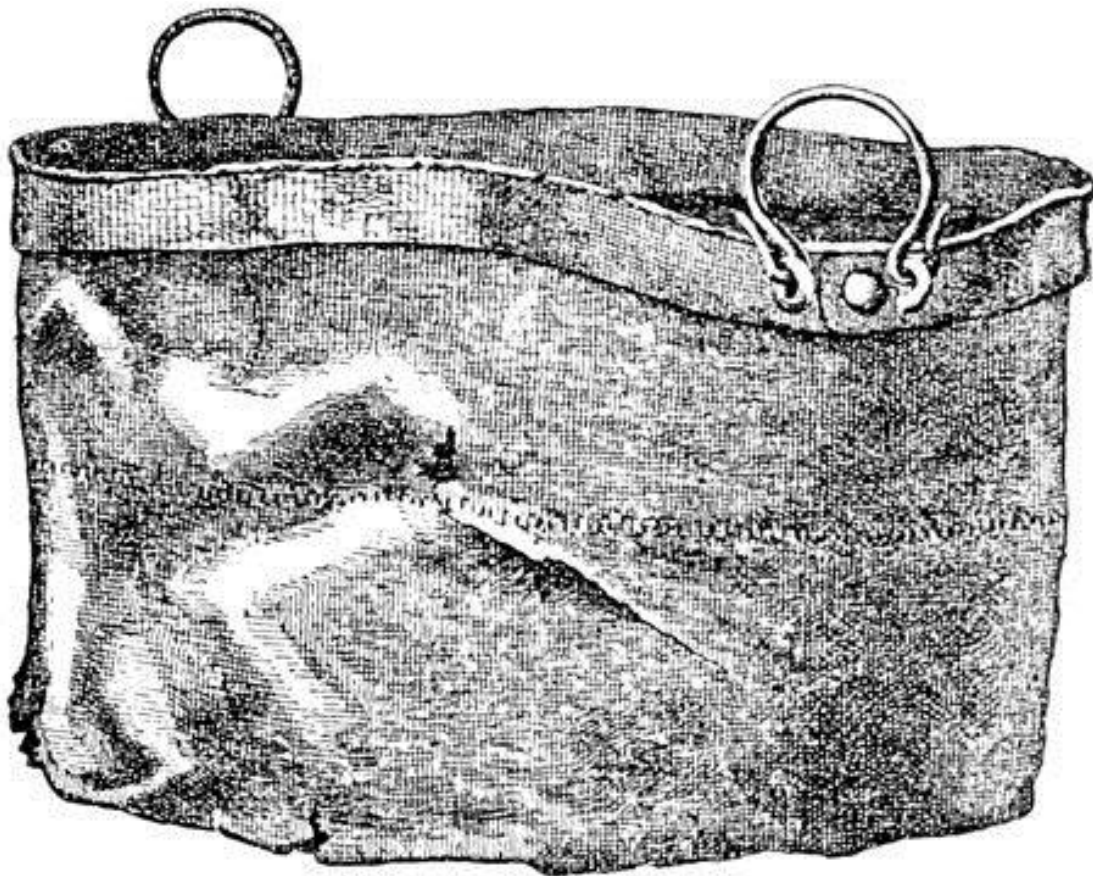

Рис. 925.—Бронзовый чайник, $\frac{1}{2}$ реального размера, найденный с корабля из Гокстада; также были найдены деревянные тарелки и деревянные резные чашки для питья.

Когда норвежцы приходили в гавань или на побережье, где таковой не было, они часто вытаскивали свои корабли на берег, когда приходилось использовать катки, которые, без сомнения, относились к оборудованию.

“Хакон Ярл после битвы с королем Рагнфредом вытащил свои корабли на берег, чтобы враги не смогли их захватить” (Олаф Трюгвасон, с. 17).

Рис. 926. Железная цепь, найденная на корабле из Гокстада. реальный размер.

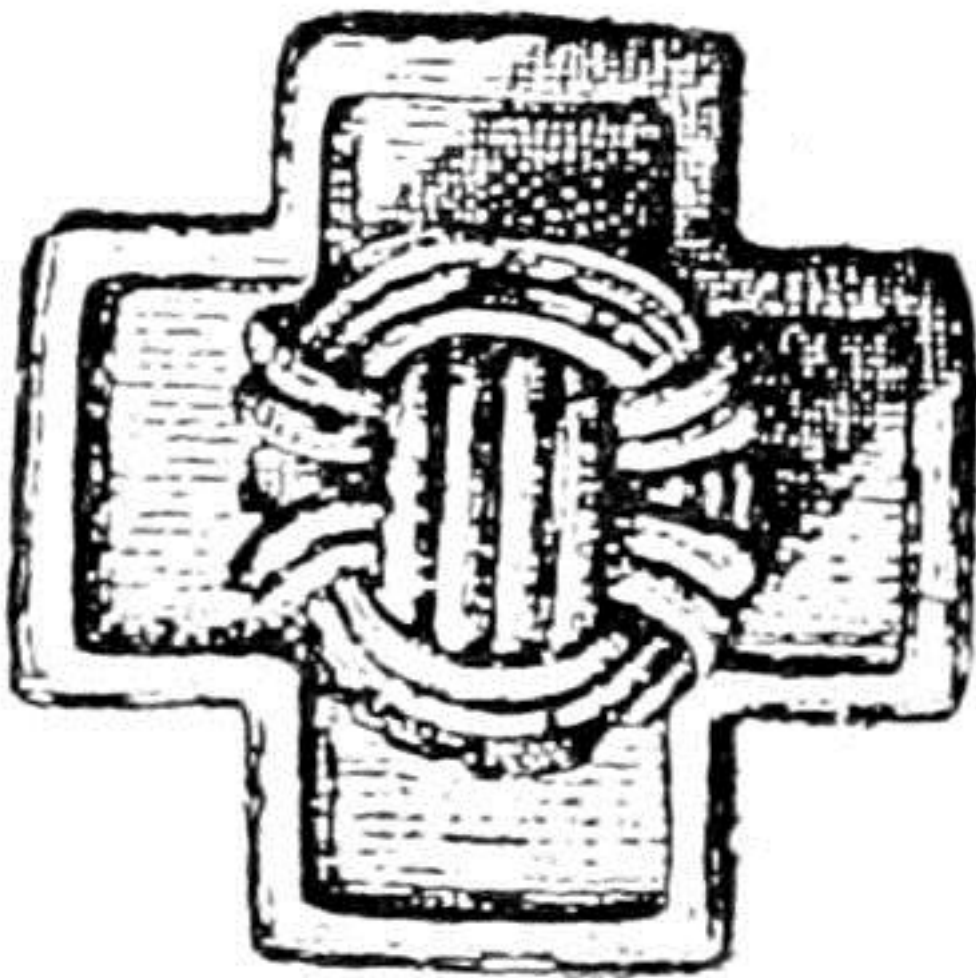

Рис. 927. Бронзовое украшение.

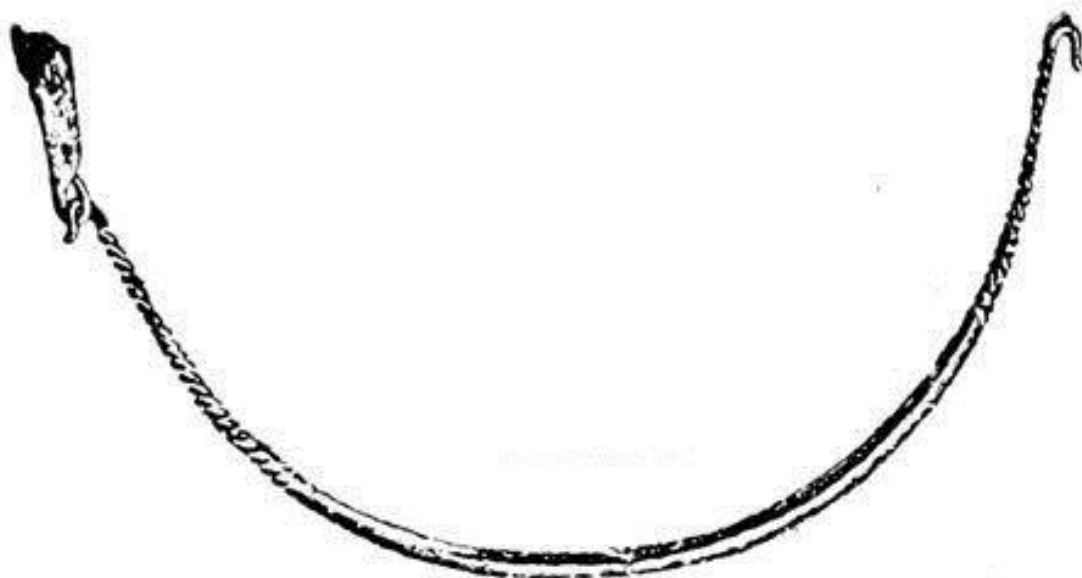

Рис. 928.—Бронзовые ручки чайника. Реальный размер.

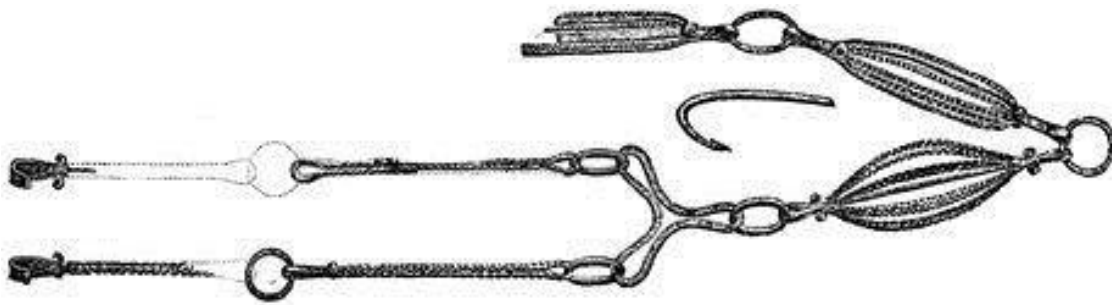

Рис. 929. Железная цепь с крючком для удержания бронзового чайника; найдена на корабле из Гокстада. ☐ реальный размер.

После спуска корабля в море оборудование было поднято на борт.

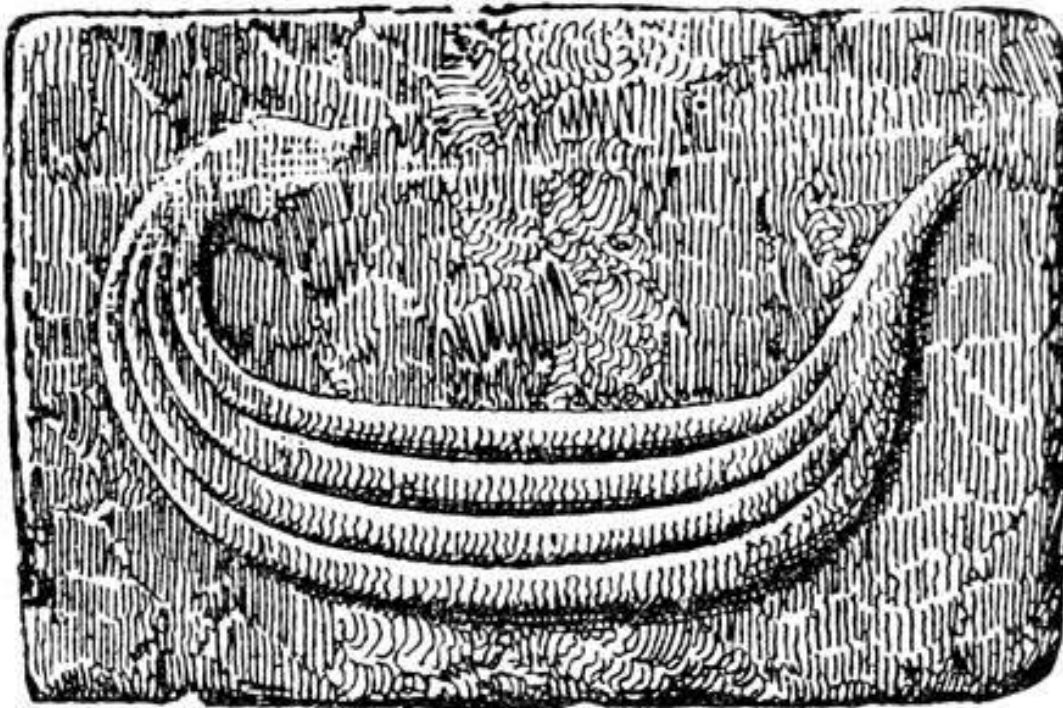

Рис. 930.—На каменной стене церкви Бедstrup, остров Лангеланд, Дания.

“После Пасхи король Олаф спустил на воду свои корабли, перенес на них снаряжение и весла, поместил в них палубы и натянул над ними палатки, а затем пустил их по мостам” (Св. Олаф, с. 115).

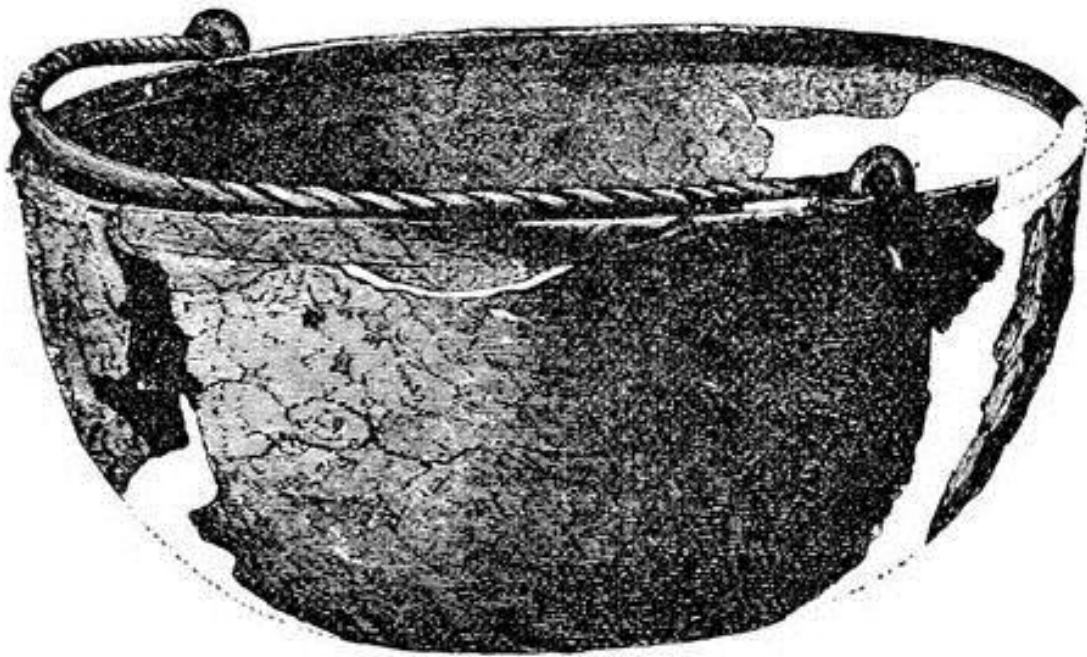

Рис. 931.—Железный чайник. ¼ настоящего размера—находка с корабля Ultuna.

“Асбьерну принадлежал баркас, который представлял собой двадцатиместную *сnekкью*, стоявшую в большом *naust* (корабельном сарае). После Сретения он приказал выдвинуть его вперед, перенести оборудование на борт и все подготовить. Затем он созвал своих друзей, и у него было почти девяносто человек, все хорошо вооруженные” (Святой Олаф, с. 24).

Не всегда было принято иметь поваров на борту корабля, у торговцев вошло в привычку обходиться без их услуг, и каждый день среди команды тянули жребий, чтобы решить, кто должен готовить еду.

“Он (Торлейф) путешествовал летом с торговцами, которые готовились отплыть из Страум-фьорда, и был с рулевыми. В то время у торговцев был обычай не нанимать поваров, но товарищи по столовой тянули жребий, чтобы узнать, кто из них должен готовить изо дня в день. Все товарищи по кораблю также должны были пить вместе, и для этой цели возле мачты стояла бадья с крышкой, но некоторые пили из бочонков, которыми снабжалась бадья” (Сага об Эйрбиггя, с. 39).

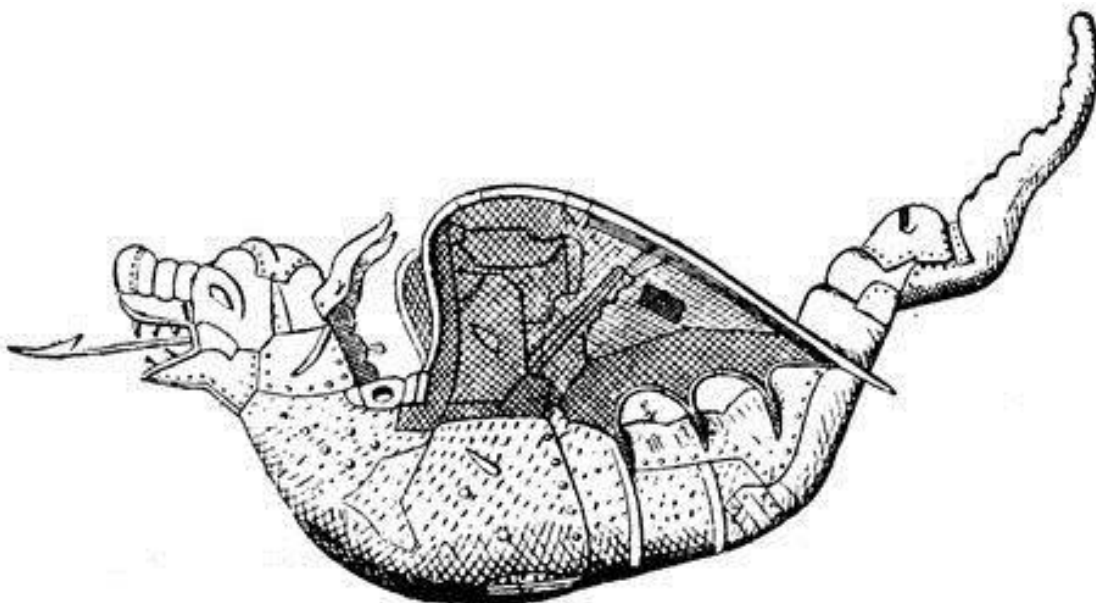

Рис. 932.—Дракон.—Длина от 10 до 12 футов; ширина между крыльями 3 фута.

Народ, и особенно вожди, очень гордились внешним видом своих кораблей, как в том, что касалось украшений, так и в том, что касалось парусов, и следили за тем, чтобы они были хорошо раскрашены. Мы можем составить представление о труде, затраченном на их украшение, по резным кускам дерева, найденным на борту корабля из Гокстада;^[135] что же тогда должно было быть на таких кораблях, как "Длинный змей" и других, упомянутых в Сагах?

Незначительные предметы украшены изысканным и со вкусом подобранным дизайном. Некоторые из них, по-видимому, были созданы без помощи механических приспособлений, а на других перед гравировкой, должно быть, были нанесены рисунки циркулем и т. Д.

Драконы были позолочены как на носу, так и на корме или покрыты тонкими листами золота, что придавало им великолепный вид, когда они плыли под лучами солнца. Эти и другие украшения, которые были размещены на корабле, не закреплялись до тех пор, пока он не сошел с катков и не оказался в воде.

"Олаф приказал зимой построить корабль под названием "Висунд" ("бизон-бык"), который был больше любого другого. На носу у него была позолоченная голова бизона" (Святой Олаф, с. 154).

"У короля Олафа был корабль под названием Карлхедди (мужская голова); на носу у него была королевская голова, которую он сам вырезал. Эта голова долгое время впоследствии использовалась в Норвегии на кораблях, которыми управляли вожди" (Святой Олаф, с. 45).

"У Ранда был большой дракон с головой, украшенной золотом, в котором было тридцать больших комнат" (Сага Олафа Трюгвасона, с. 85).^[136]

На вершине колокольни (часовой башни) в Генте находится фигура дракона, гравюра которого на дереве приведена здесь (стр. 152). Он состоит из позолоченных медных пластин, прибитых к своего рода железному каркасу. Задняя часть между крыльями открыта.^[137]

Когда король Сигурд был готов отправиться домой, мы читаем:

После этого король Сигурд собрался в обратный путь. Он подарил императору все свои корабли, и на корабле, которым управлял король, были украшенные золотом головы; они были установлены на церкви Петра. Возможно, они все еще там (*то есть* 1220-1240)" (Сага Сигурда Джорсалафари, ок. iii, текст Хеймскринглы).

Здесь указана дата Норри Стурлусона.

Красивые паруса ценились высоко; обычно их делали из *вадмала*, или грубой шерстяной материи. В сагах часто упоминается, что они были полосатыми, разных цветов, красными, синими и зелеными,^[138] иногда были расшиты и красиво подбиты мехом; но некоторые были белыми, как только что выпавший снег. Они были квадратными, и, следовательно, хорошей скорости можно было достичь только при попутном ветре.

Парусам были даны следующие поэтические названия: Плащ ветра; гобелен на топе мачты; простыня, которую прядут женщины; ткань ветра; борода рея; тонкая рубашка из дерева (мачты).

Рис. 933. Рунический камень, Халлингбо, Гетланд, 3 фута 9 дюймов над землей.

“Когда король по возвращении из Иерусалима пожелал отплыть в Миклигард (Константинополь), он полмесяца стоял неподвижно со всем своим флотом, хотя каждый день дул хороший попутный ветер; но он ждал бокового ветра, чтобы на кораблях можно было поставить паруса вдоль. Паруса были в основном покрыты *пеллетой* (разновидность бархата) с обеих сторон, так как те, кто находился на носу и корме, хотели видеть одинаково красивую сторону. Когда он вошел в Миклигард, то подплыл близко к берегу, с которого была видна вся ширина парусов, которые были так слегка разделены, что напоминали сплошную стену. Все люди вышли посмотреть, как Сигурд отплывает” (Сигурд Джорсалафари, гл. 11).

Рис. 934.—Судно с парусами. Обратная сторона рунического камня, Халлингбо, Гетланд. Известняк.

Однажды осенью, когда король Магнус Добрый находился на борту своего флота у берегов Скании, они увидели корабль, плывущий на восток от суши. Над водой он был весь украшен золотом, и на нем красовались прекрасные драконьи головы, но парус был из двойной пеллиновой ткани великолепнейшей работы. Все удивлялись этому странному зрелищу. Этот корабль был выкрашен в красный, фиолетовый и золотой цвета. Все флаги выглядели так, словно были из золота, так же как и клювы драконьих голов; внутри них были доблестные люди, одетые в дорогие одежды и *пелены*. Король Магнус немедленно выслал им навстречу корабль из порта и захотел узнать, куда они направляются; когда гонцы встретили их, они повернули к берегу и спустили парус. Они поплыли навстречу королевскому флоту и подплыли к королю на том прекрасном корабле. Затем было установлено, что это корабль Харальда Сигурдссона (Harald Hardradi), дяди короля” (Flateyjarbok, iii.).

Паруса дарили в качестве ценных подарков могущественным вождям.

Когда Харальд Хардреди и Эйстейн плыли вместе, Харальд сказал:—

“Где ты, Эйстейн, раздобыл такой прекрасный парус?” - Спросил я. Эйстейн ответил: ‘Это парус, господин, который ты не получишь от Торварда’. Король сказал: ‘Я никогда не видел паруса прекраснее, и я отказался от дорогой вещи’. Эйстейн ответил: ‘... возьми любой из двух парусов, который тебе больше нравится; хорошо, что ты знаешь, от чего отказался’. Король поблагодарил его и взял парус Торварда, и его сочли драгоценным, хотя он едва ли поместился бы на большом королевском корабле” (Харальд Хардради, Форнманна Сегур, vi в., 100).

Военные корабли, по-видимому, всегда были раскрашены; упоминаются темно-синие корабли, но цвета часто были более пестрыми. Корабли Кнута и Хакона ярла были нарисованы выше ватерлинии. Корабль Асбьерна Сельсбани был выкрашен выше ватерлинии в красный и белый цвета.

“Когда Кнут Великий покинул страну, у него было большое войско и очень большие корабли. У него самого был дракон, такой большой, что в нем было шестьдесят комнат; на нем были головы, украшенные золотом. У Хакона Ярла^[139] у был еще один с сорока комнатами, у которого также были позолоченные днища, а паруса обоих были в синюю, красную и зеленую полоску. Оба были нарисованы над водой. У них было много других кораблей, больших и хорошо оснащенных” (Флэтейяброк, ii.).

Часто упоминаются стандарты и флюгеры не только на суше, но и на море.

“Одд подарил Гудмунду и Сигурду дракона Сотти. У него был нарисован Халфданский дракон, а также головы драконов и флюгер^[140] он разукрасил золотом” (Сага Орвара Одда, с. 8).

Знаменосец стоял на носу корабля, а вымпел, по-видимому, был поднят на верхушке мачты.

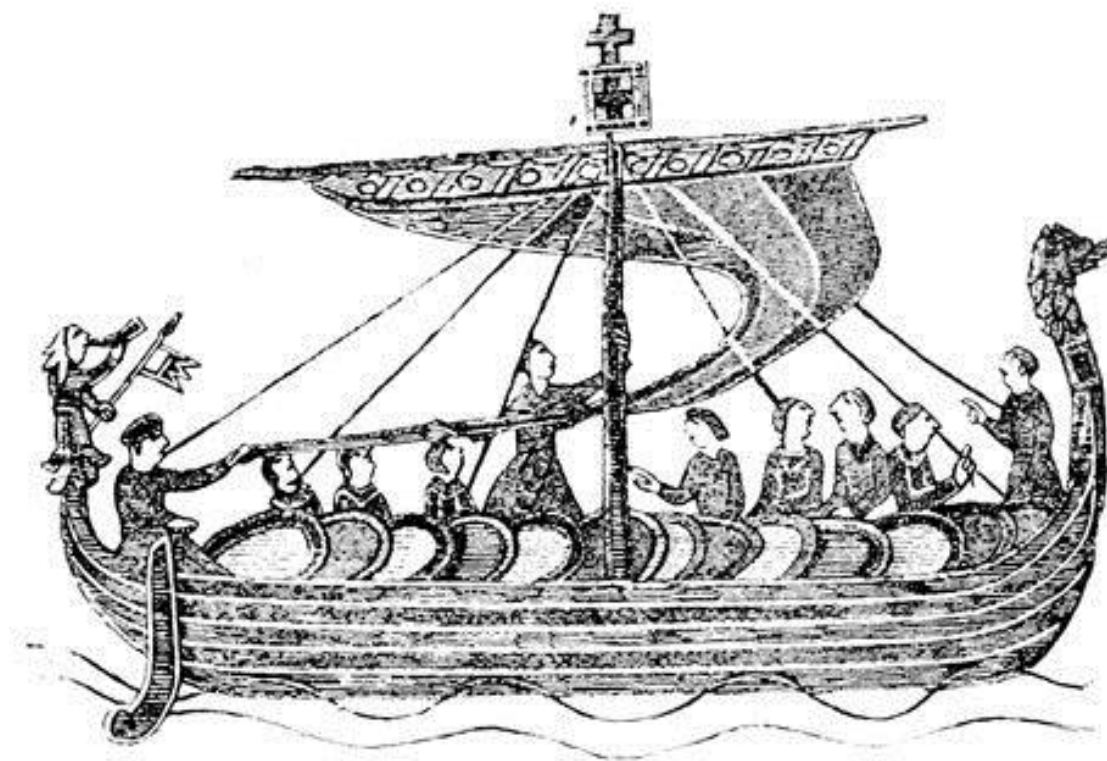

Рис. 935.—Гобелен из Байе.

“Вымпел, сплетенный женщинами, развевался на верхушке мачты северного оленя роллеров” (Кнутсдрапа).

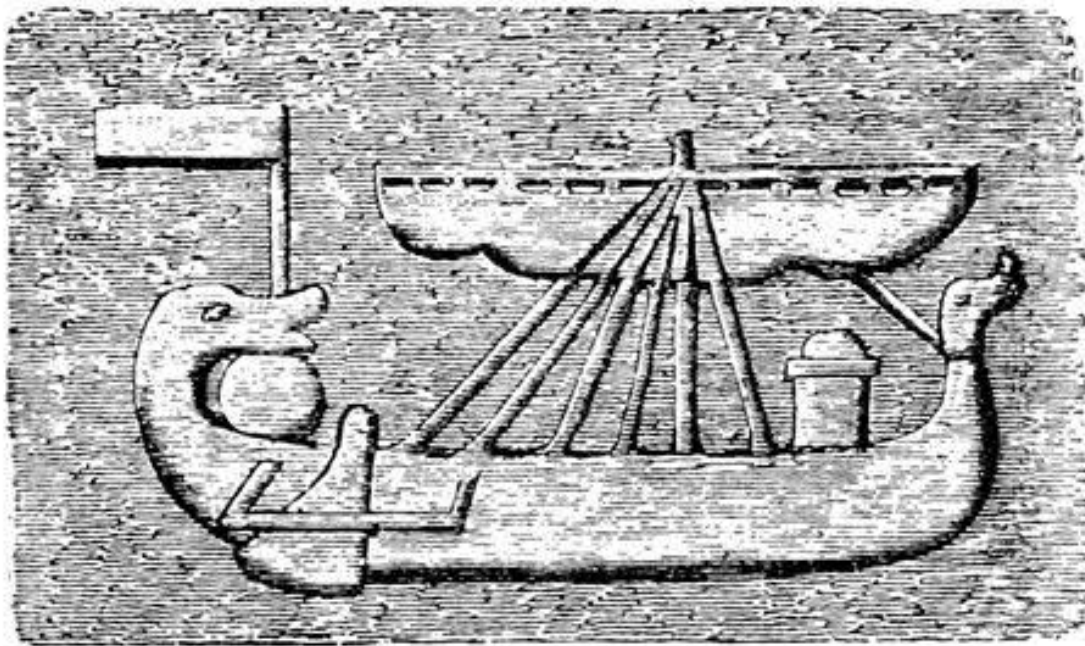

Рис. 936. Купель для крещения, церковь Ледуруп, Скания, Швеция.

“Когда Эйрик блодокс (кровавый топор) стал королем, он устраивал пиры в Хордаланде и Фирде Филки. Он взял с собой хирдманов. Однажды весной он приготовился отправиться в Бьярмаланд и отобрал людей для путешествия. Торольв отправился с ним, и его поместили на носу его корабля, и он нес его знамя. Торольв был тогда выше и сильнее других мужчин и в этом походил на своего отца” (“Сага об Эгиле”, с. 37).

Когда Хельги пришел со своими кораблями воевать во Фрекастейн, у него был золотой штандарт.

Гудмунд.

Кто такой Скъольдунг

Который управляет кораблем,

И золотой боевой штандарт

Тали на носу?

Те, кто в фургоне

Не кажусь миролюбивым;

Краснота войны

Брошен на викингов.

Синфьетли.

Здесь может быть Хедбродд

Знаю Хельги,

Ненавистник бегства,

Посреди флота;

Ему принадлежит родная земля

Из твоего рода,

Наследие Фьорсунгов,

Захвачен самим собой.

(Хельги Хундингсбани, ii.)

Корабли, входившие в гавань, часто были обшиты щитами, показывая этим, что это были военные корабли. Эти щиты немало дополняли внешний вид кораблей под парусами, поскольку на них светило солнце. Когда воинов было много, они, должно быть, были очень громоздкими, и по этой причине их часто размещали по всему периметру фальшборта.

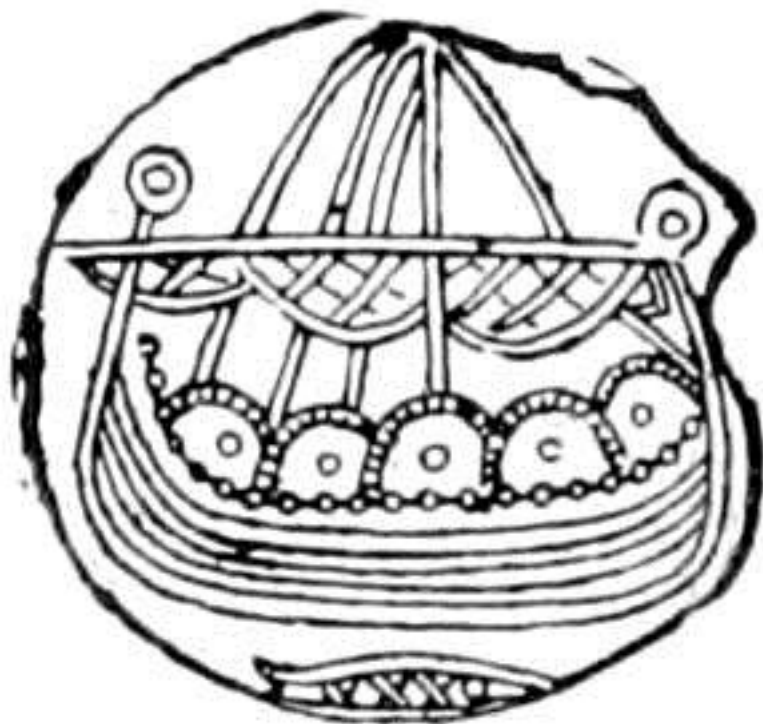

Рис. 937.—Серебряная монета, найденная в Блекинге.

На корабле из Гокстада щиты были подвешены вдоль внешних бортов корабля, и все они, по-видимому, были одинакового размера. Они располагались немного впереди первого весла и немного позади последнего. Они накладывались друг на друга, внешний край каждого касался выступа другого. Они были выкрашены либо в желтый, либо в черный цвет, так что контраст, должно быть, был живописным.

Затем он, Олаф Трюгвасон, подготовил свои корабли и людей и отплыл из Гардара на восток, в Эйстрасалт (Балтийское море). Корабли были обшиты щитами с обеих сторон, они были быстроходны и шли задолго до ветра” (Форнманна Сегур, том i, стр. 100).

“Хелла Бьерн, сын Херфинна и Халлы, был великим викингем, он вообще был врагом короля Харальда; он отправился в Исландию и вошел в Бьярнарфьорд на корабле, со всех сторон покрытом щитами” (Ланднама, xi. 31).

“В канун Рождества погода была ясной и безветренной. Гретти в тот день почти все время был на улице, смотрел на корабли, которые плыли вдоль берега на юг и на север, потому что все собирались на святочный праздник. Когда день клонился к закату, Гретти увидел, что к острову приближается корабль. Он был невелик, но планшири были покрыты щитами от носа до кормы, и он был нарисован над водой” (Сага о Гретти, с. 19).

“ Они видели не менее десяти кораблей, идущих на юг от мыса. Они быстро гребли и направлялись к ним; они были полностью прикрыты щитами, а на мачте переднего из них стоял человек в шелковой куртке и позолоченном шлеме” (Нджала, с. 84).

Некоторые из разрозненных стихотворных отрывков дают хорошее представление о внешнем виде этих кораблей.

Море воет, и волна

Разбрызгивает яркую пену по красному дереву,

Пока роллер-бизон (корабль) разевает рот

С украшенным золотом ртом.

Прекрасная женщина, я видел скейд

Спущен в Нид (реку), выходящую в море;

Посмотри, где длинный корпус

О гордом драконе, скачущем у берега;

Блестят яркие гривы змеи,

Ибо он был запущен с роликов;

Украшенные шеи

Несла обожженное золото.

Бальдр воинов (Харальд) побеждает

Его длинная палатка на *лаугардаге*,^[141]

Когда выглядывают красивые женщины

Из города на корпусе змея;

Молодой игрок на все руки (король) только рулит

Его новый вылет из Нида на запад,

В то время как весла воинов

Упасть в море.

Воинство короля по праву может

Вывести весла из воды;

Женщина стоит, удивляясь

Чудесный взмах весла.

Северяне гребут на пригвожденном змее,

Вдоль пострадавшего от града ручья;

Женщине кажется, что она видит

Железное орлиное крыло.

(Харальд Хардради, с. 62.)

Как правило, торговые суда содержались не в таком хорошем состоянии, как военные. Вождь северян Харек спас свою жизнь после битвы на реке Хельга следующей уловкой. Король Олаф отправился по суше в Норвегию, в то время как флот Кнута Великого остался в проливе.

Харек сделал, как он сказал, дождался попутного ветра и затем поплыл на запад мимо Скани, пока не оторвался от Холара вечером, во время сильного шторма. Он приказал спустить парус, убрать мачту и флюгер, а судно, находящееся над водой, обернуть серой тканью. У него было несколько гребцов в носовых и кормовых помещениях, в то время как большинство его людей сидели очень низко на корабле. Стражники короля Кнута увидели корабль и заговорили между собой о том, что это мог быть за корабль. Они подумали, что он нагружен солью или сельдью, потому что увидели, что людей было мало и гребли они плохо, а корабль выглядел серым, не просмоленным и не высушенным на солнце. Они также увидели, что он глубоко сидит в воде. Но когда Хейрек прошел по проливу мимо хозяина, он поднял мачту, поднял парус и установил позолоченный флюгер. Парус был белым, как свежесвыпавший снег, и в синюю и красную полосу” (Святой Олаф, с. 168).

Рис. 938.—С гобелена из Байе. Корабль с головой дракона, полосатыми парусами и запряженными лошадьми.

Некоторые гавани, построенные северянами, должно быть, были очень просторными.

Палнатоки, ярл Фьона, у которого также было ярловство в Бретланде (Уэльс), однажды летом воевал в Виндланде. Король Бурислав прислал сообщение, что желает дружбы и мира с ним, и пригласил его приехать и повидаться с ним.

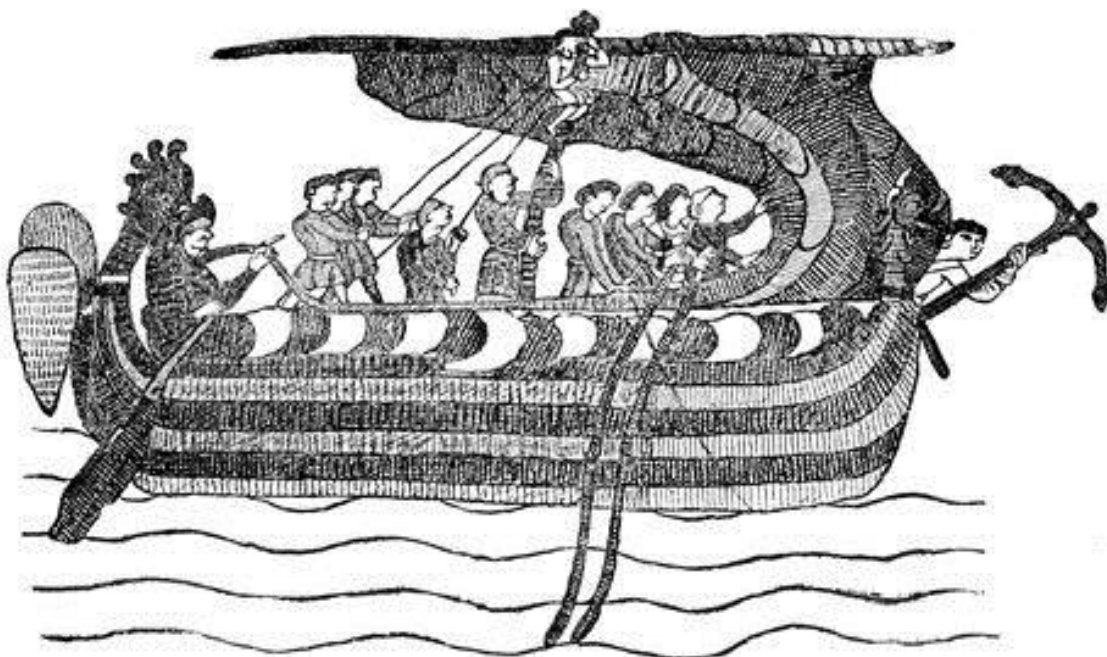

Рис. 939. Корабль, украшенный щитами, полосатыми парусами и людьми, работающими веслами.

Далее, этим приглашением он предложил дать ему *филки* или *рики* на его земле, называемой Джом, чтобы он там поселился, и он дал бы это ему при условии, что тот будет обязан защищать землю вместе с ним. Палнатоки и его люди согласились. Он быстро построил большой и крепкий морской город, который с тех пор называется Джомсбург. Он также приказал построить гавань внутри города, в которой одновременно могли находиться 300 больших кораблей, причем все они были заперты в городе. Вход в гавань был построен с большим мастерством. Это было похоже на ворота с большой каменной аркой наверху, запертые железными дверями, запертыми изнутри гавани. Над аркой была построена мощная башня (кастали), в которой находились катапульты (валсленгва). Часть города выступала в море (воду), и построенные таким образом города называются морскими, и таким образом внутри него оказалась гавань” (Сага о Йомсвикинге, гл. 24).

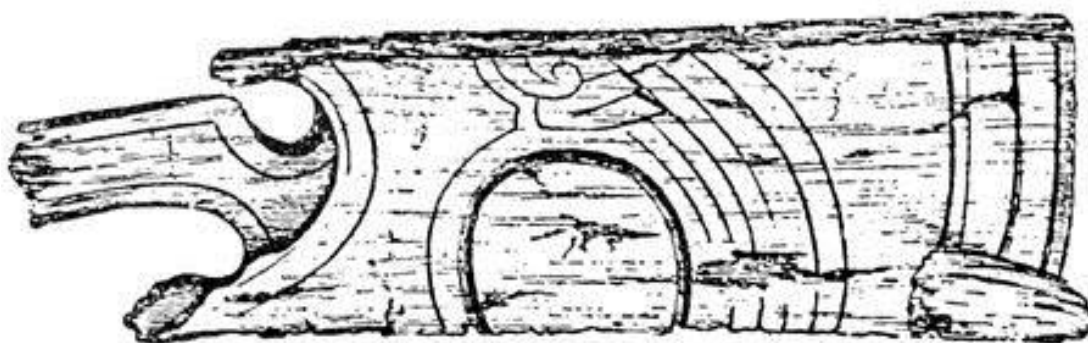

Рис. 940.— $\frac{1}{3}$ реальный размер.

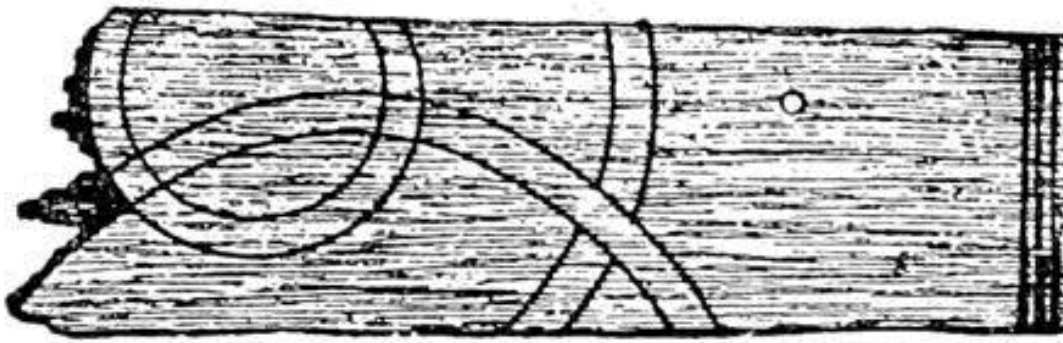

Рис. 941.

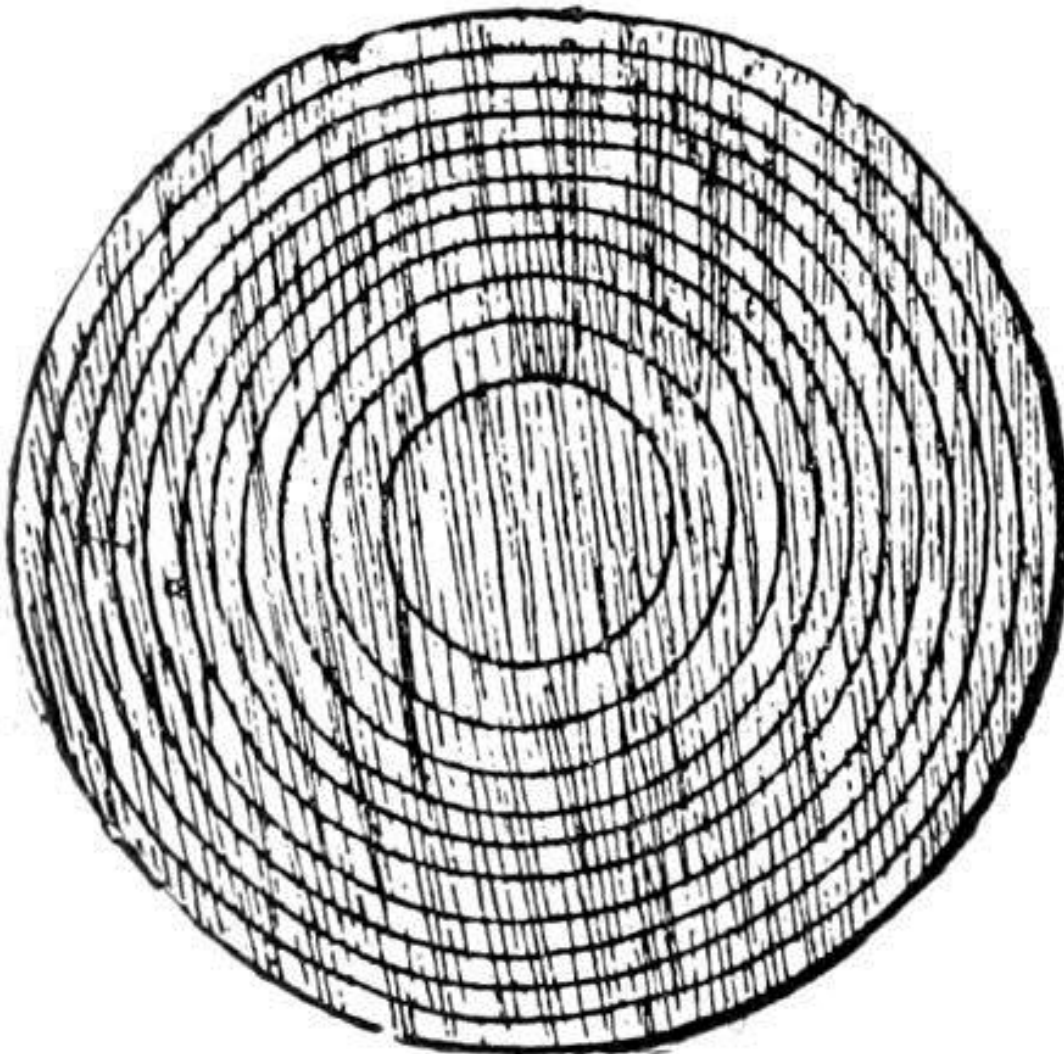

Рис. 942.—Щит. $\frac{1}{6}$ реальный размер.

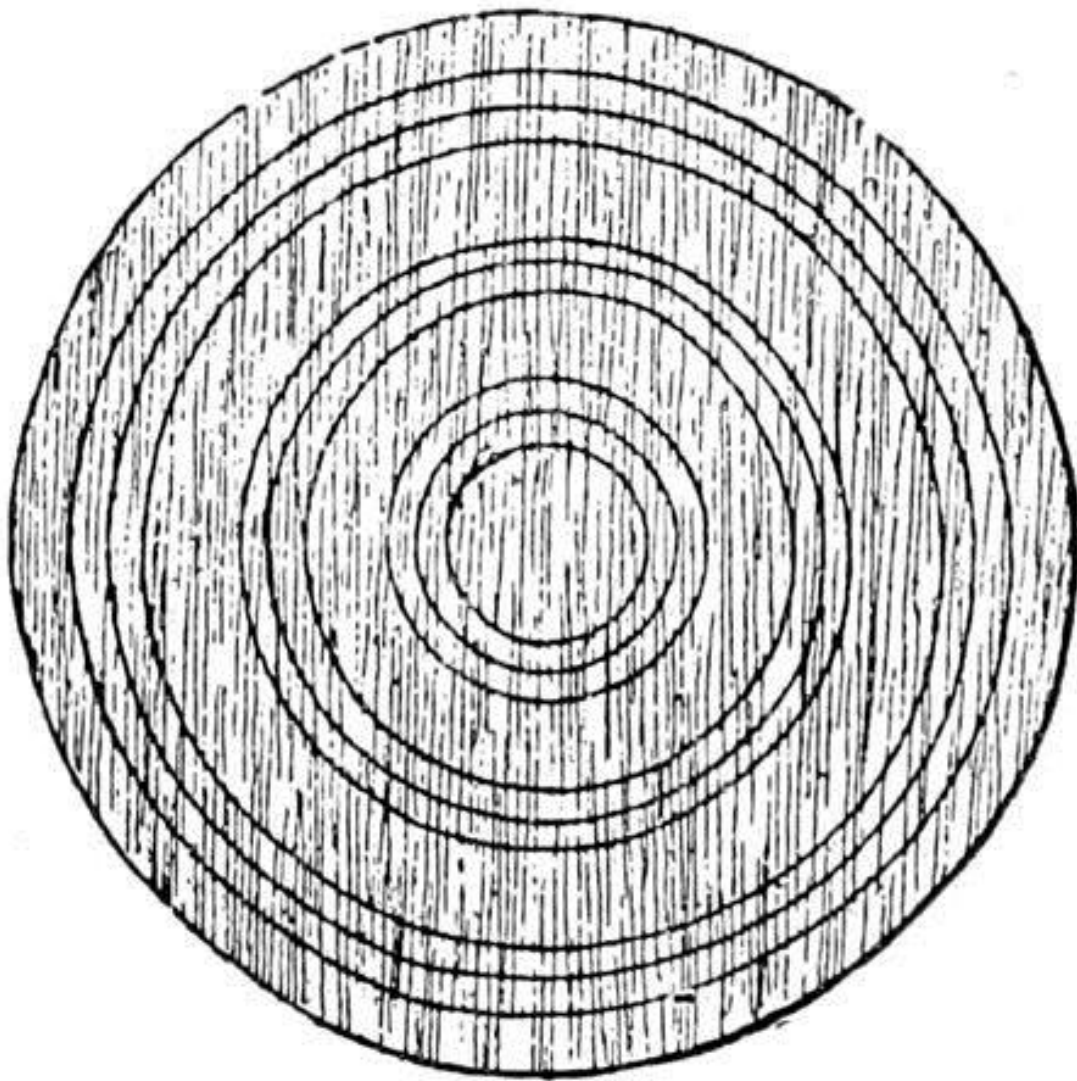

Рис. 943.—Щит. $\frac{1}{6}$ реальный размер.

Резные куски дерева и щит с корабля из Гокстада.

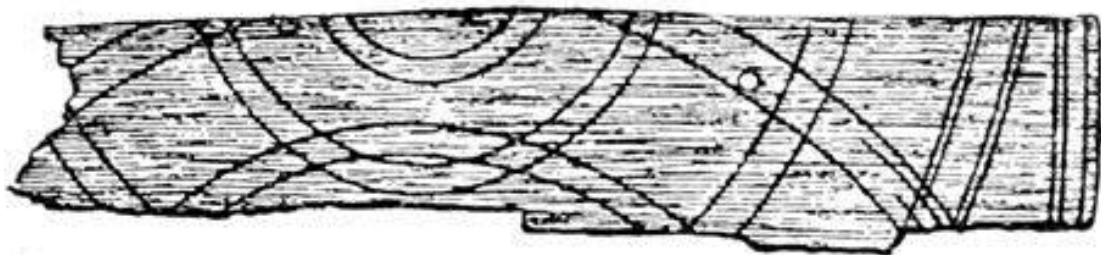

Рис. 944.

Рис. 945.

Рис. 946.

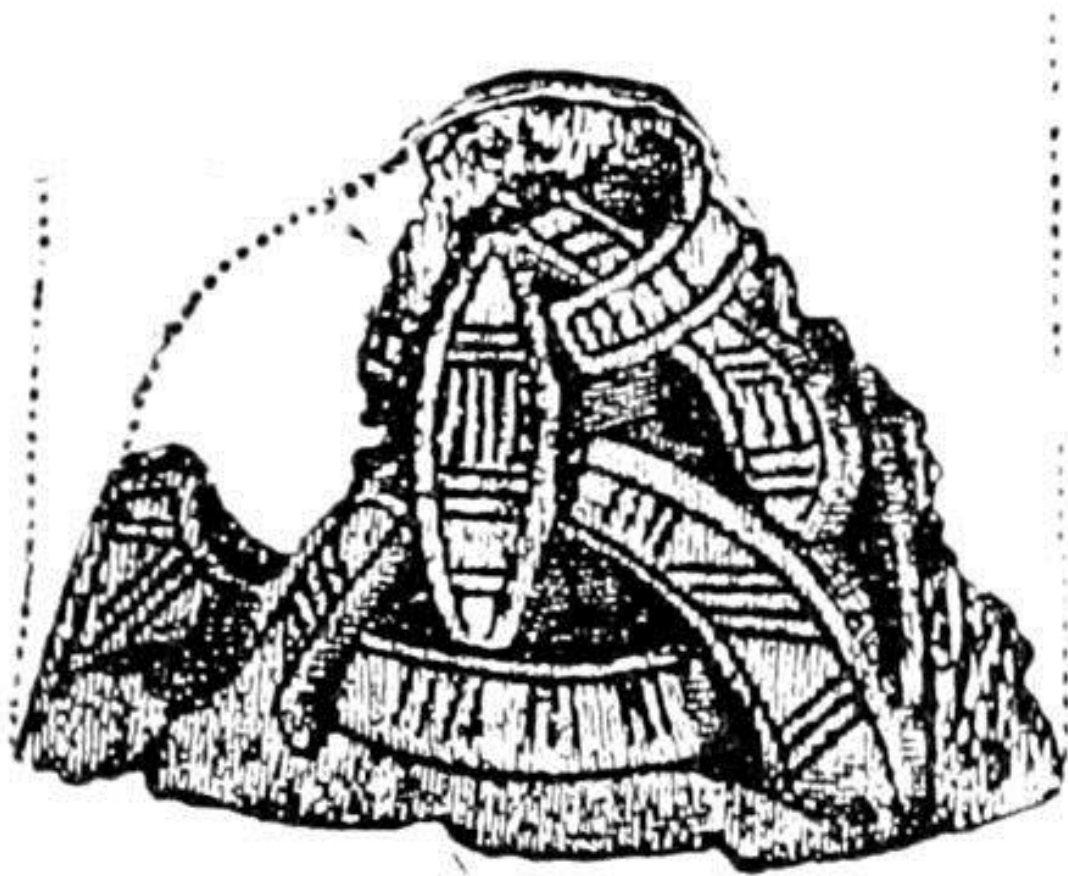

Рис. 947.

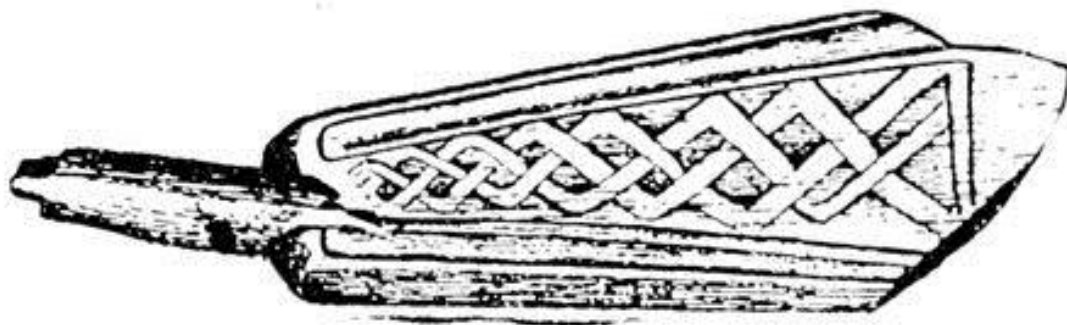

Рис. 948.—Черпак для сбора воды. $\frac{1}{6}$ реальный размер.

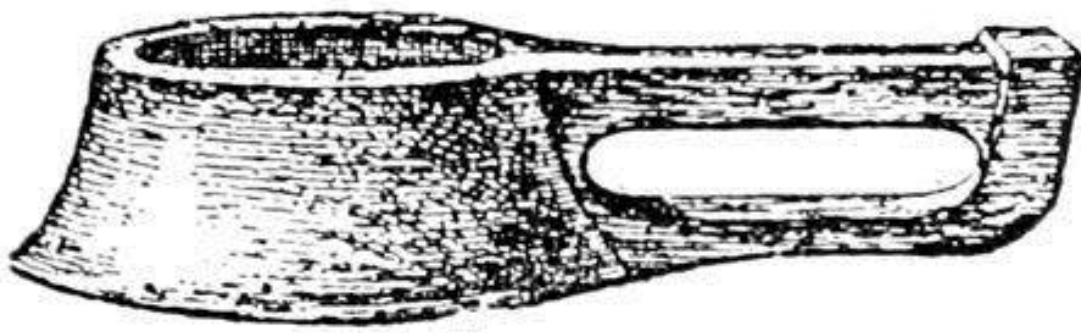

Рис. 949.

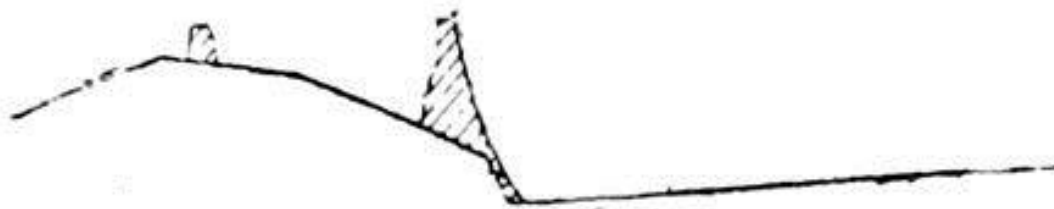

Рис. 950.

Черпак для сбора воды. $\frac{1}{4}$ реального размера.

Рис. 951.

Рис. 952.

Часть деревянного стула, вероятно, высокого сиденья вождя.

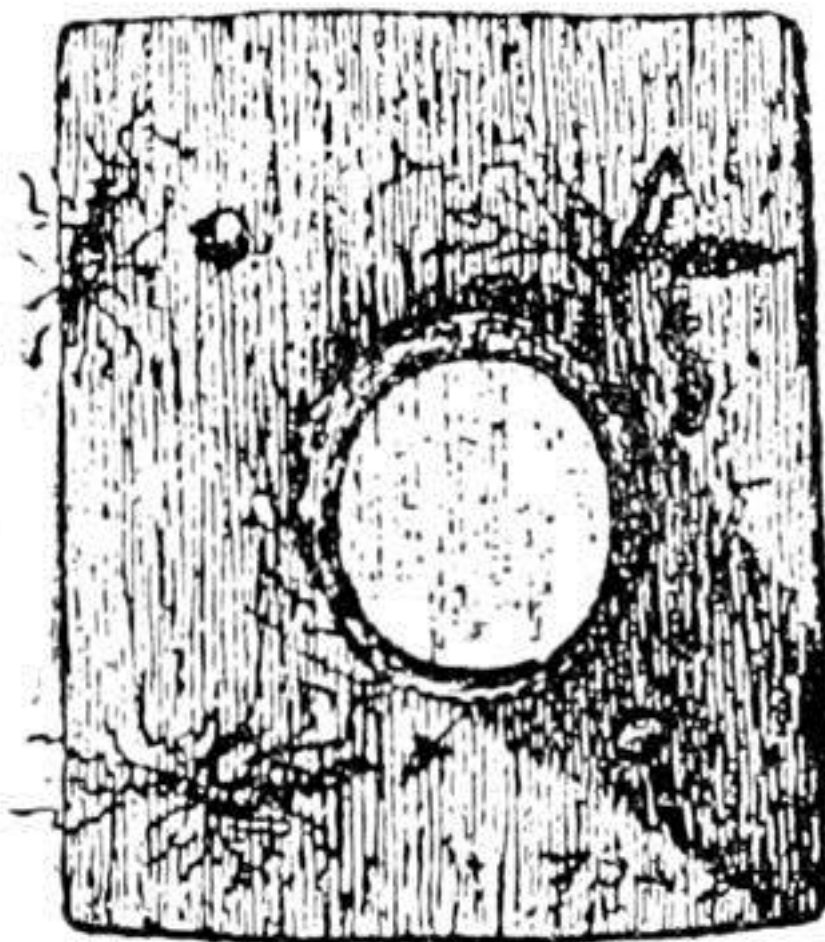

Рис. 953.

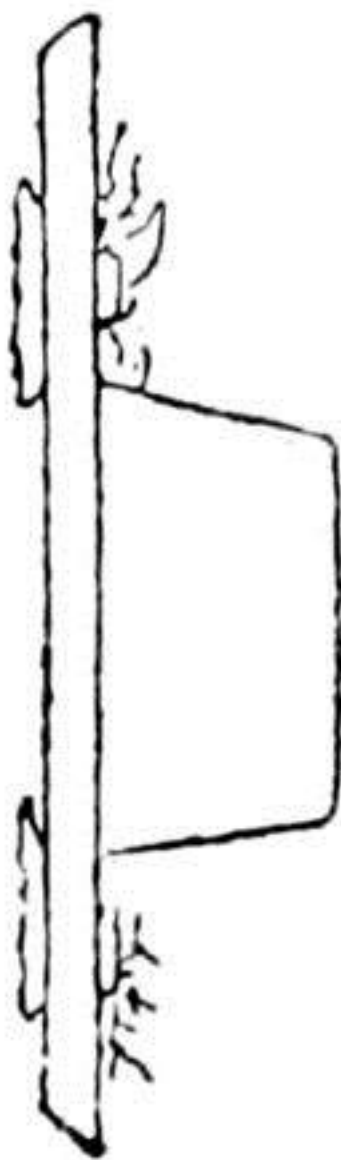

Рис. 954.

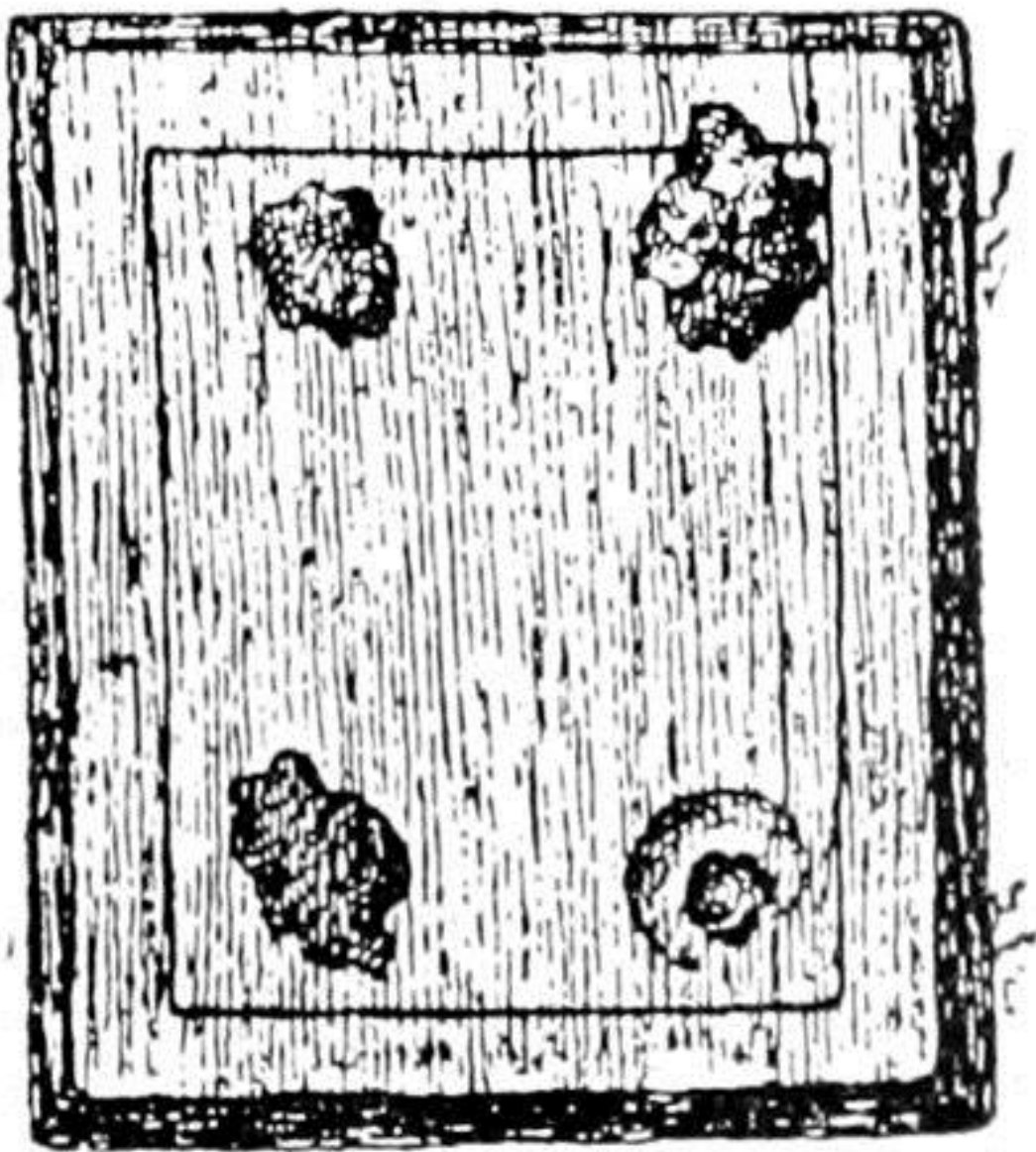

Рис. 955.

½ реального размера.

С корабля из Гокстада.

Рис. 956.

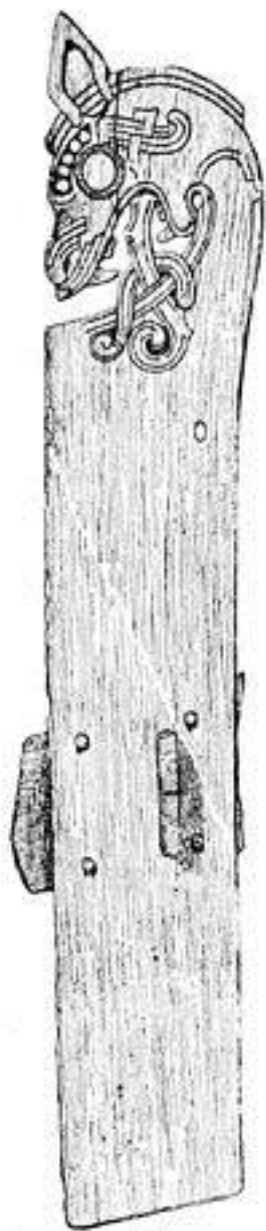

Рис. 957.

Рис. 958.

Рис. 959.-1
20 в натуральную величину.

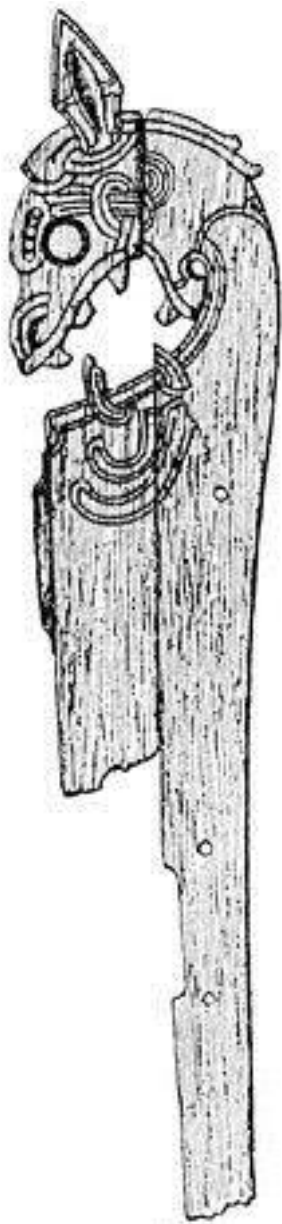

Рис. 960.

Головы животных, вырезанные на концах толстых досок, назначение которых установить невозможно; линии раскрашены в различные цвета. [?] реальный размер.

Рис. 961.-1

20 в натуральную величину.

Рис. 962.— $\frac{1}{2}$ реального размера.

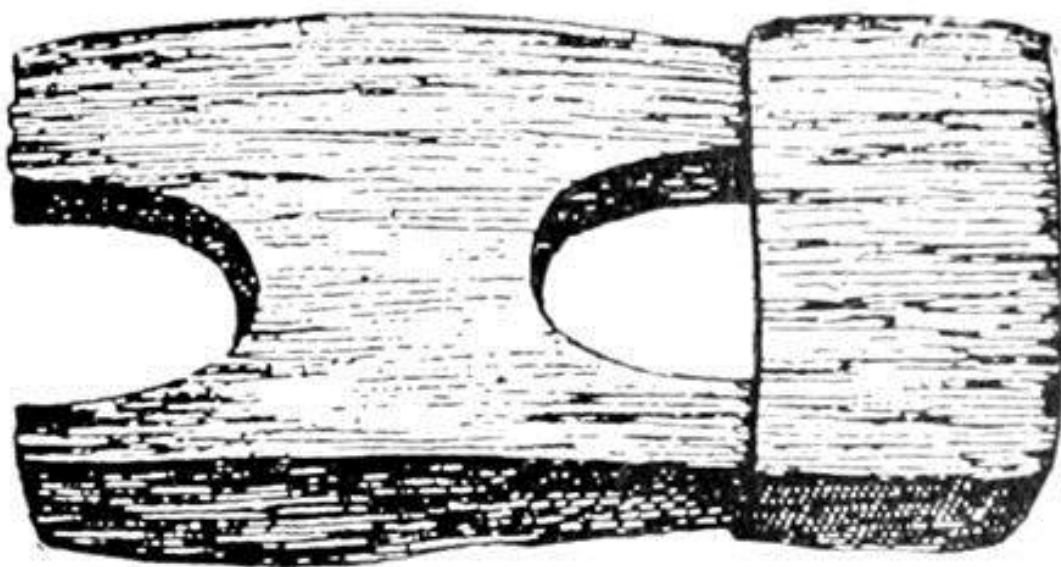

Рис. 963.— $\frac{1}{2}$ реального размера.

Рис. 964.-1
20 в натуральную величину.

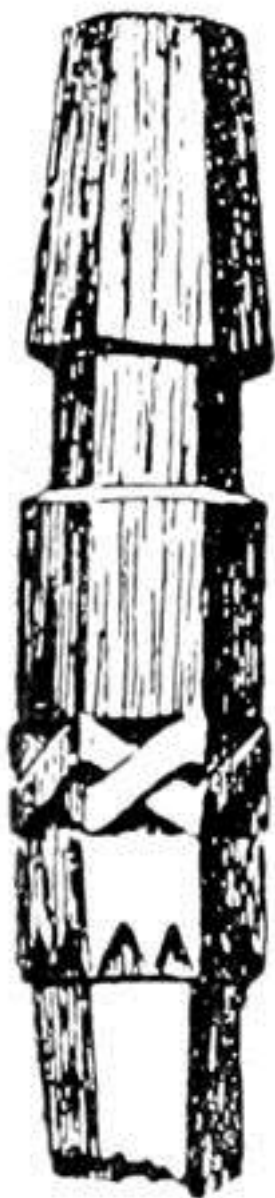

Рис. 965.— $\frac{1}{2}$ реального размера.

Рис. 966.— $\frac{1}{4}$ реального размера.

Рис. 967.— $\frac{1}{4}$ реального размера.

Рис. 968.— $\frac{1}{2}$ реального размера.

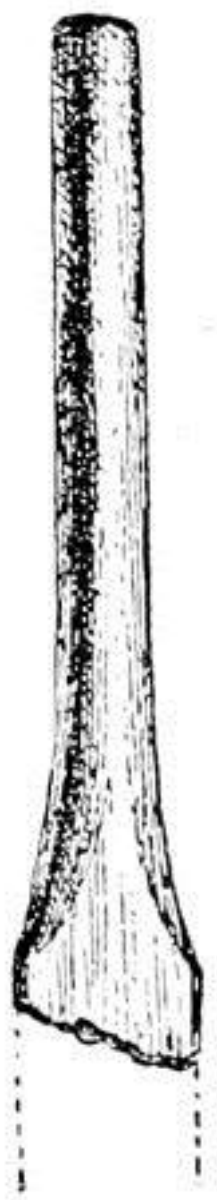

Рис. 969.

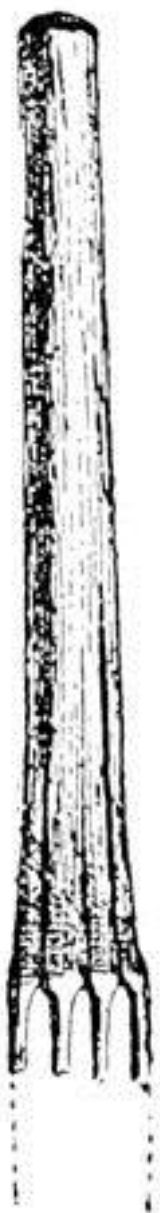

Рис. 970.

Рис. 971.

Рис. 972.

$\frac{1}{3}$ реальный размер.

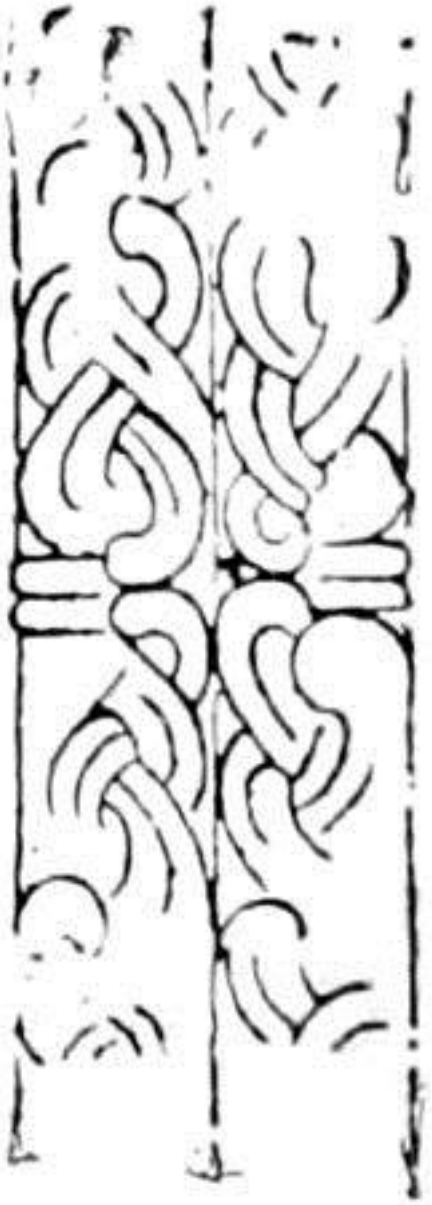

Рис. 973.— $\frac{1}{2}$ реального размера.

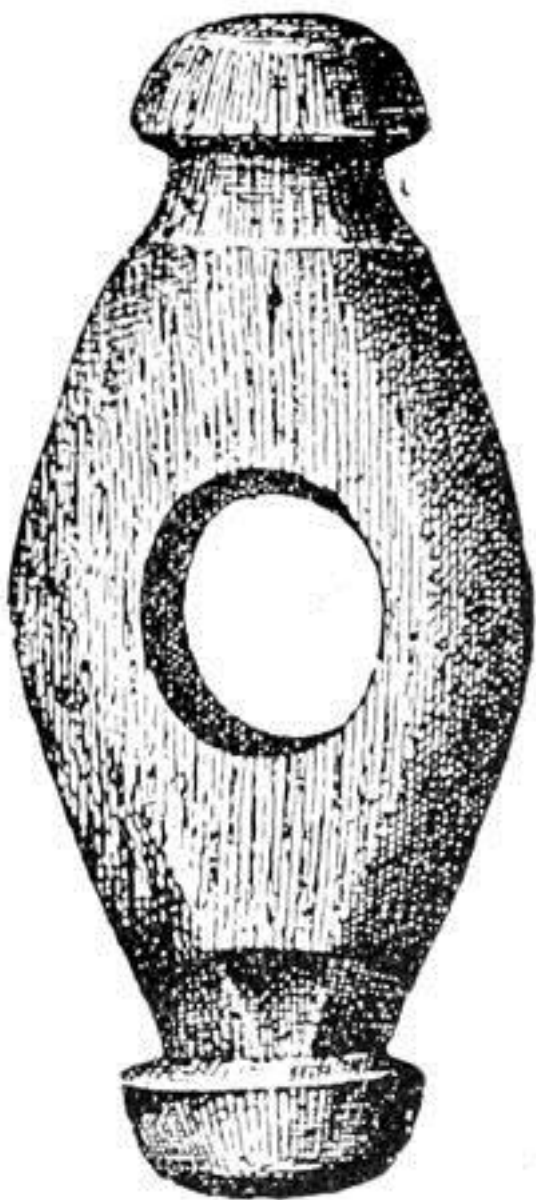

Рис. 974.— $\frac{1}{2}$ реального размера.

Рис. 975.— $\frac{1}{2}$ реального размера.

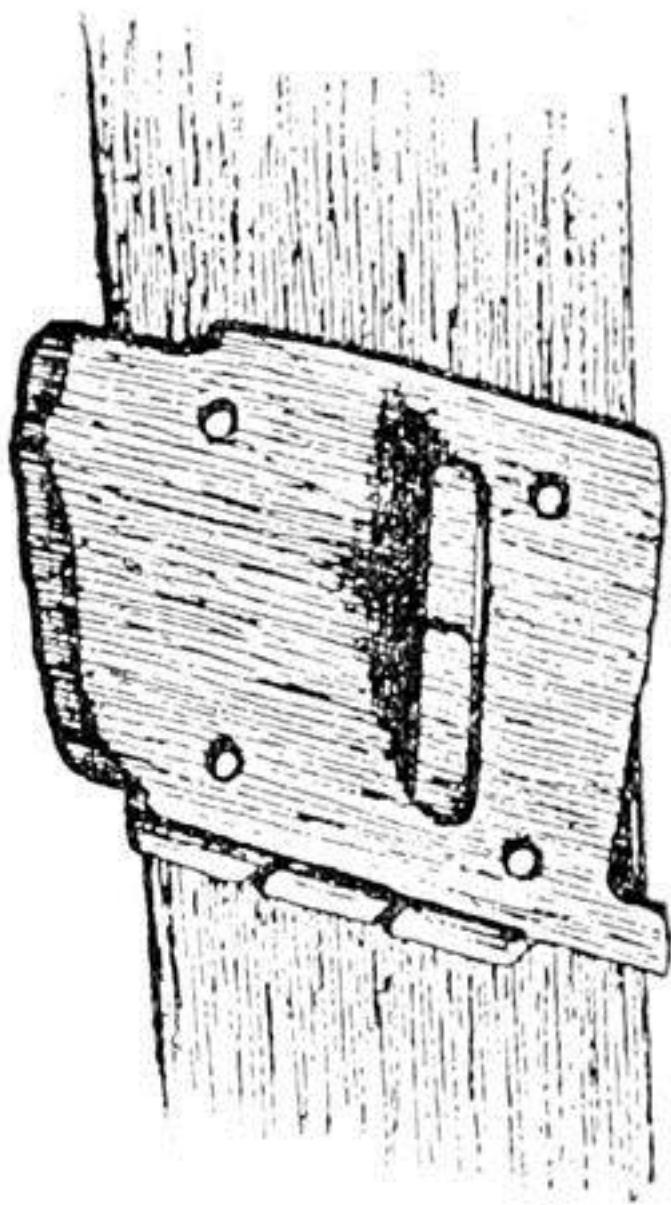

Рис. 976.

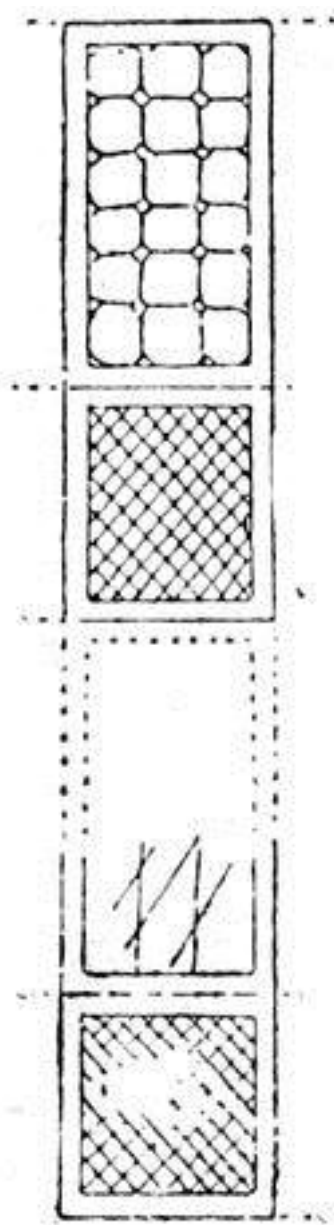

Рис. 977.

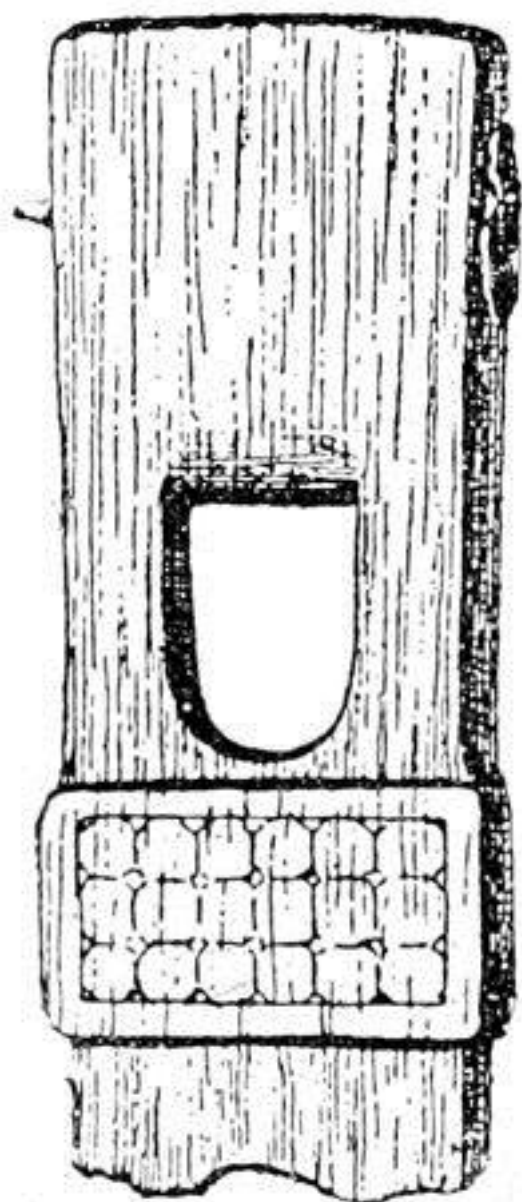

Рис. 978.— $\frac{1}{2}$ реального размера.

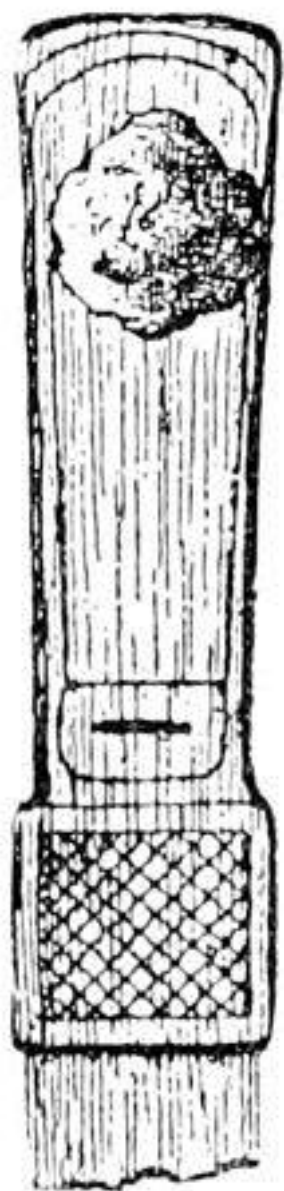

Рис. 979.

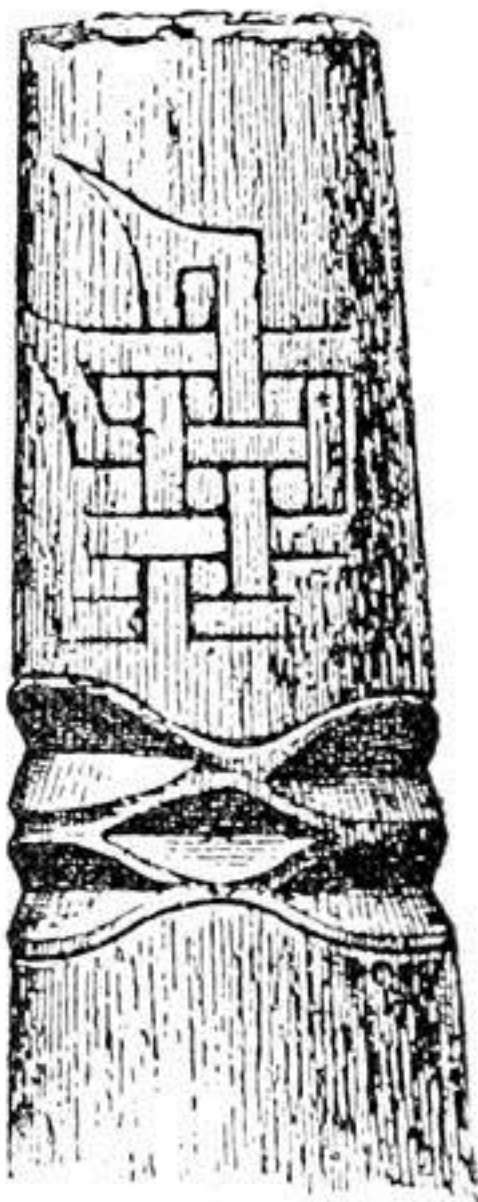

Рис. 980.— $\frac{1}{4}$ реального размера.

Рис. 981.— $\frac{1}{3}$ реальный размер.

Рис. 982.— $\frac{1}{6}$ реальный размер

Рис. 983.— $\frac{1}{6}$ реальный размер.

Рис. 984.-1
40 в натуральную величину.

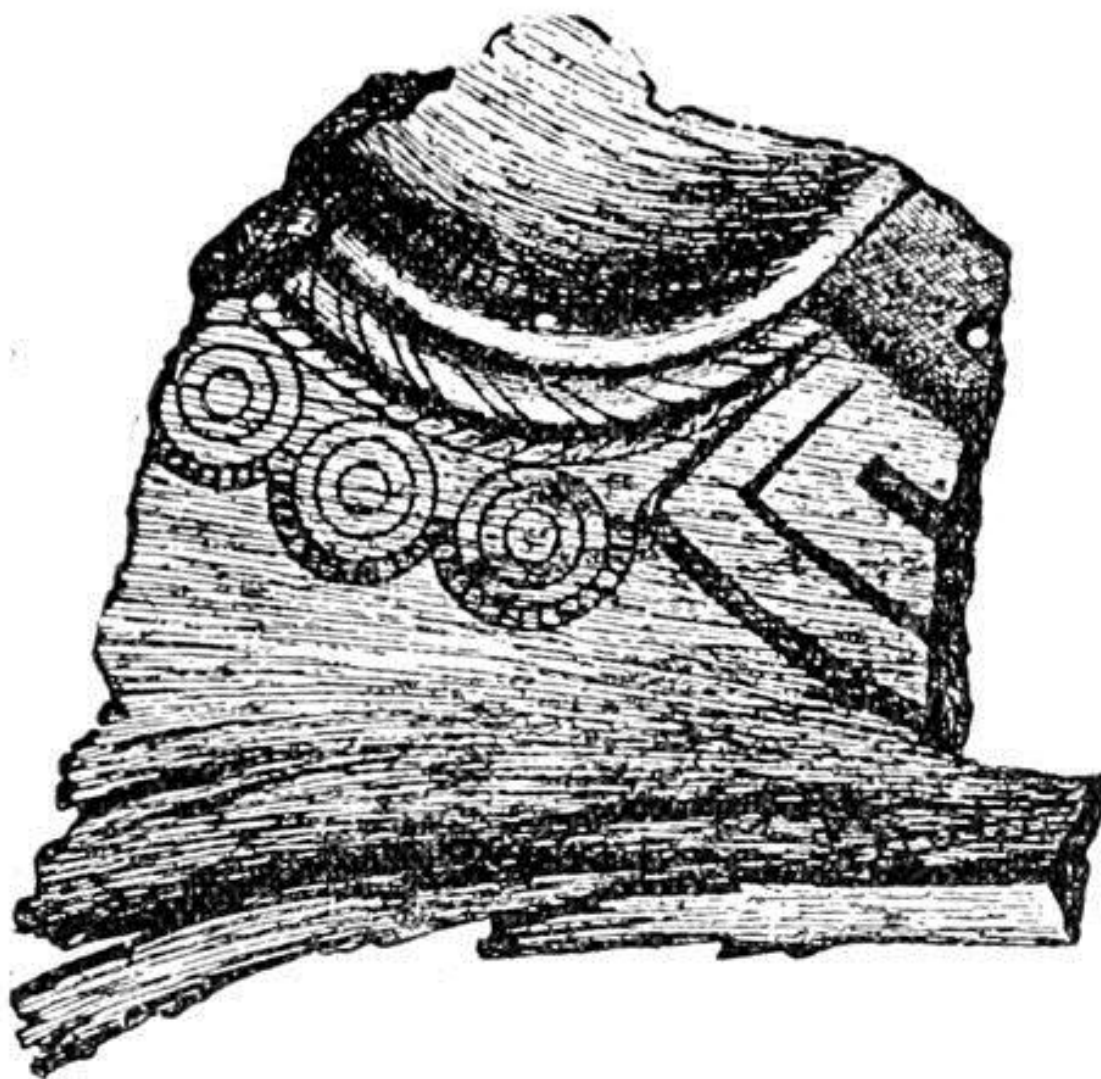

Рис. 985.— $\frac{1}{2}$ реального размера.

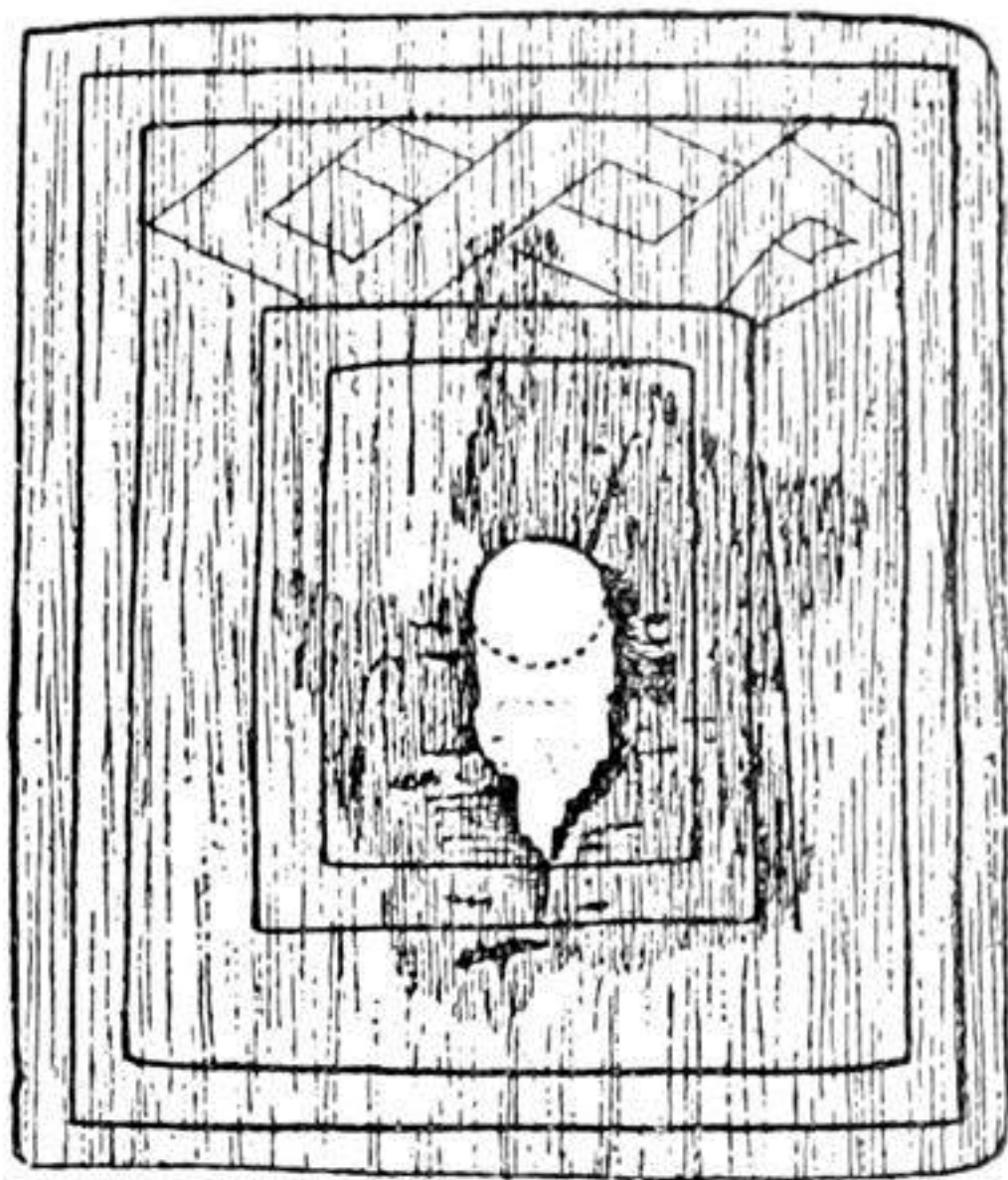

Рис. 986.— $\frac{1}{2}$ реальный размер.

Рис. 987.

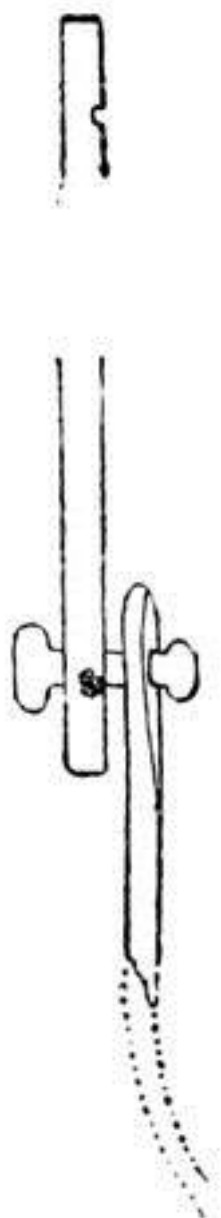

Рис. 988.

Рис. 989.

$\frac{1}{3}$ реальный размер.

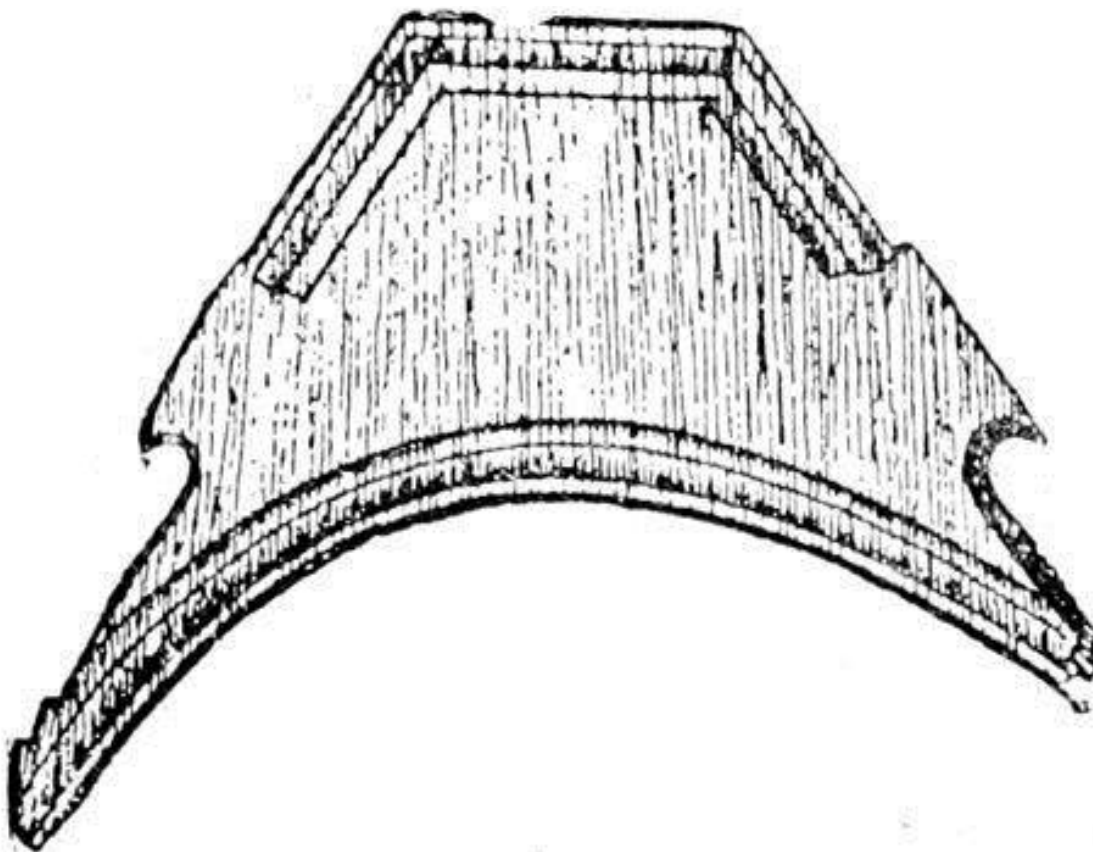

Рис. 990.

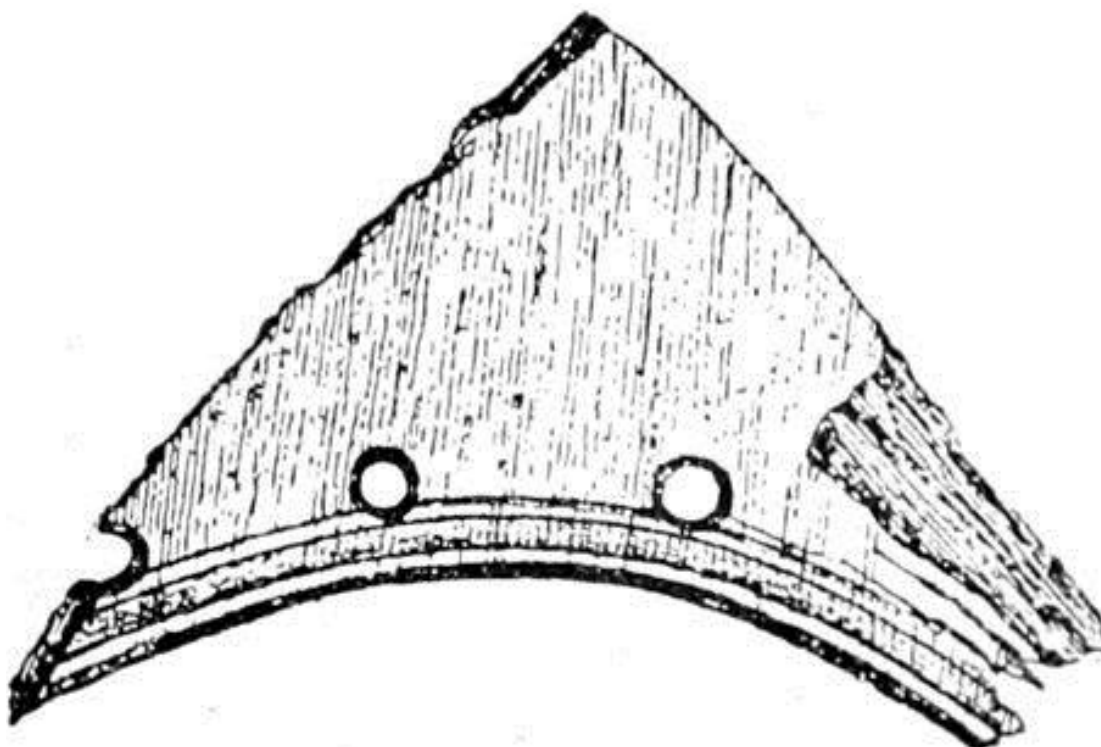

Рис. 991.

$\frac{1}{8}$ реальный размер.

Размер корабля определялся по количеству его скамеек или весел, с помощью которых он приводился в движение; поэтому судно часто описывают как пятнадцатиместное,

двадцатиместное, тридцатиместное или более, без указания его надлежащего названия, а длину можно определить лишь приблизительно.

Ни в одной Саге нам не сообщается длина корабля, и только в одном случае, в "*Длинном змее*" Олафа Трюгвасона, она приводится частично. К счастью, на лодках *Nydam*, *Gokstad* и *Tupe* мы можем приблизительно определить расстояние между местами для каждого гребца, но пространство варьировалось в зависимости от размера корабля; и чем больше корабль, тем шире пространство, поскольку весла становились длиннее и требовалось больше места для их использования.

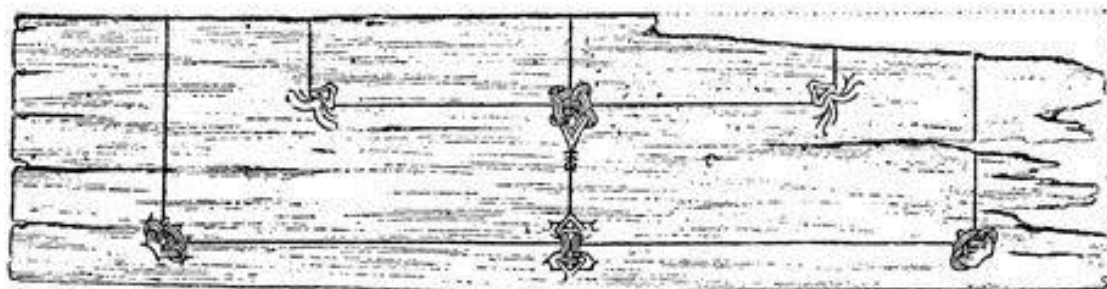

Рис. 992.

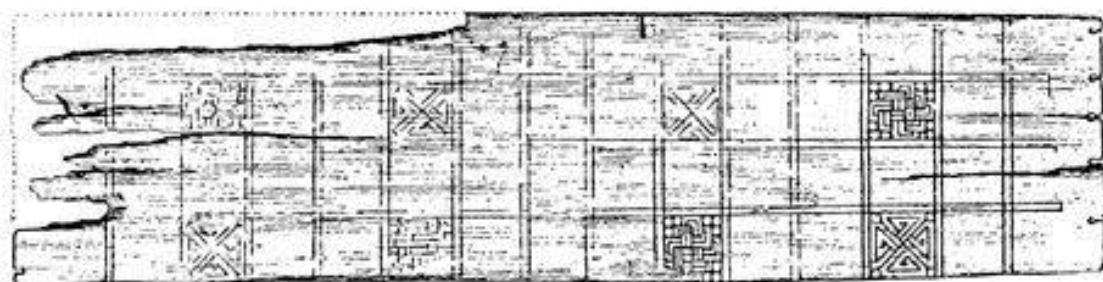

Рис. 993.— $\frac{1}{2}$ реальный размер.

Фрагменты дерева с корабля из Гокстада.

Судно *Nydam* четырнадцатиместное и имеет длину около 76 футов: из них около 46 футов занимают сиденья гребцов, остальные 30 футов занимают носовое и кормовое пространства. Расстояние между утолщениями каждого весла составляет 3 фута 2 дюйма.

Длина двадцатиместного, должно быть, составляла около 110 футов; у двадцатипятиместного - около 130 футов; у тридцатиместного - около 155 футов; а у тридцатичетырехместного, *Длинного Змея* Олафа Трюгвасона, около 180 футов. Принимая во внимание подъем от киля к носу и корме, на судне такого размера он не может быть меньше 15 футов с каждой стороны, и, таким образом, мы приходим к тому же результату, или 180 футам.

Самый большой корабль, о котором у нас есть какие-либо записи, - это корабль Кнута Великого.

Его дракон имел шестьдесят пар весел и, следовательно, согласно тем же расчетам, должен был иметь длину около 300 футов. Приведенные выше измерения приведены без учета большего пространства между скамьями, чем на кораблях "*Нидам*" и "*Гокстад*", которое было необходимо для того, чтобы предоставить больше места для работы более длинными веслами.

Ширину корабля определить еще труднее; но, если взять, к примеру, "*Змей*", где сказано, что каждая каюта вмещала восемь человек, или шестнадцать по всей ширине судна, ширина

между планширями не могла быть меньше 32 футов, возможно, больше, если судить по пропорциям других судов, ширина нидамской лодки составляла $\frac{1}{5}$ от ее длины, а гокстадской - почти $\frac{1}{5}$ от ее длины.

Глубина судов нигде не упоминается, но, поскольку мы находим упоминание о настиле палубы (*тилджур*), она должна была составлять, по крайней мере, для морских судов 10 футов или более.

Глядя на корабль из Гокстада и его красивые формы, мы можем составить представление о том, насколько развитым было искусство кораблестроения на Севере. У судна не было палубы, нижние доски, опирающиеся на шпангоуты, были расшатаны и крепились к шпангоутам с помощью вырезанных в них выемок. Фрагменты, оставшиеся от палатки или шатров, показывают, что материалом была шерсть в красную и белую полоску, а многочисленные куски веревки были сделаны из лыка.

На судне *Tune*, вероятно, было от десяти до двенадцати пар весел, судя по количеству ребер и скамеек для гребли; но поскольку планшир разрушен, уключины для весел отсутствуют. Судно было железным, изготовленным из клинча, с деревянной отделкой почти полностью из дуба; только ребра жесткости и деревянные гвозди были из ели. Доски крепились к каркасу с помощью таких зажимов, как те, что описаны в *Nydam* лодки и *Гокстад* корабль.

Массивная балка показывает, что мачту, которая была установлена в отверстии, проделанном в большом дубовом блоке, можно было опускать по желанию, факт, иногда упоминаемый в Сагах.

Музыкальный корабль.

Рис. 994.

Тюнингованный корабль (вид сверху), из тяжелого дубового бревна или блока, с квадратным отверстием для крепления мачты, диаметром более 2 футов — обрубок мачты все еще оставался на своем месте; обнаружен в насыпи, нижняя часть которой состояла из тяжелой голубой глины, верхняя - из песка и земли. Длина киля составляет около 45 футов (однако от носа до кормы она должна была составлять более 70 футов), ширина в средней части судна около 13 футов, а глубина около $4\frac{1}{2}$ футов. Нос и корма одинаковые и заостренные. Подпорки были прикреплены к доскам лубяными веревками. Они не были прикреплены к доске киля, которая крепилась только несколькими гвоздями, скреплявшими ее с нижними досками. Доски, которых было по десять-двенадцать с каждой стороны, имеют ширину от 18 до 30 дюймов. Приход Тьун, где были найдены остатки лодки и камень со старыми северными рунами, особенно богат памятными вещами из прошлого. По всему приходу видно множество курганов и *надгробий* большого размера.

Рис. 995.

Хотя между постройкой лодок *Nydam* и *Tune* и *Gokstad*, вероятно, прошло несколько столетий, в каждом случае использовался один и тот же принцип конструкции и соединения досок заклепками.

Представленные здесь клинч-гвозди были обнаружены недалеко от Упсалы, в разложившихся останках небольшого корабля, захороненного в кургане Ултуна. Они были от 1½ до 2 дюймов в длину и все еще оставались на своих местах, скрепляя доски вместе. Точный размер судна установить не удалось, поскольку насыпь была потревожена до того, как были проведены систематические исследования компетентными органами. Кроме того, там был обоюдоострый меч с рукоятью из позолоченной бронзы и фрагментами деревянных ножен, связка из 19 наконечников стрел, 3 игральные кости, 36 шашек, части двух лошадей, скелет на носу корабля, решетка и т.д.

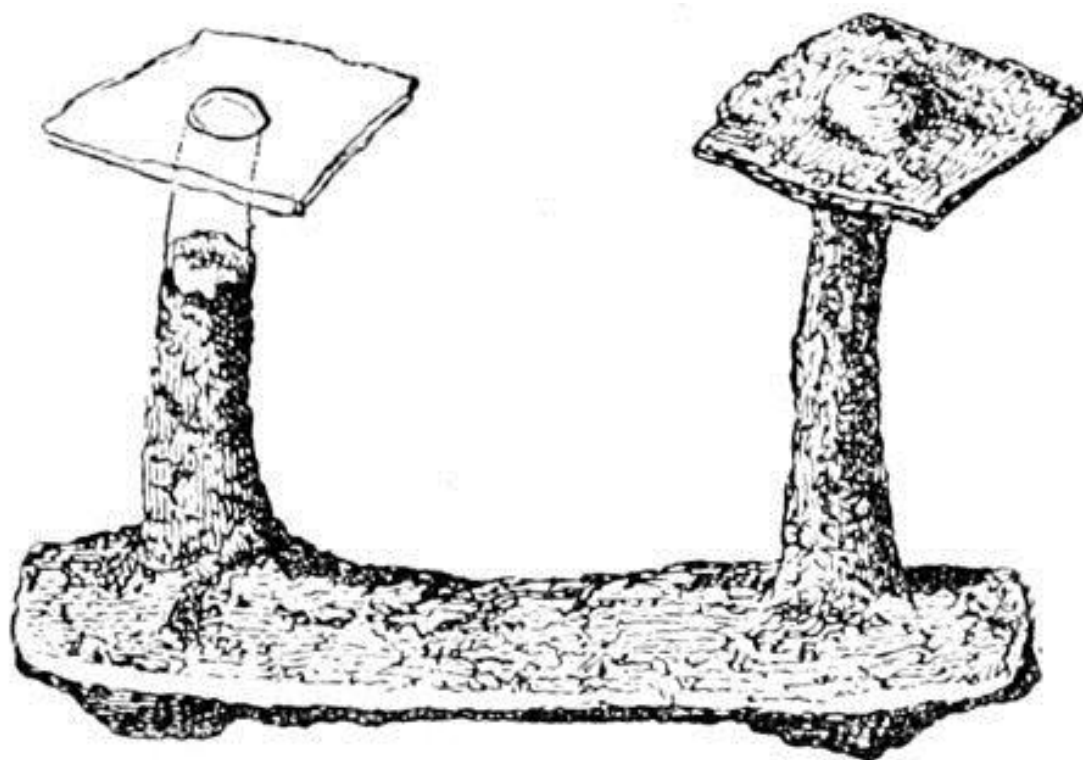

Рис. 996.—½ реального размера.

Рис. 997.— $\frac{2}{3}$ реальный размер.

Заклепки или крепежные гвозди для кораблей.

Следующие отрывки — единственные во всей литературе Севера, в которых описывается строительство корабля:-

Следующей зимой, после того как король Олаф прибыл из Халогаланда, он приказал построить большой корабль в Хладхамраре; он был намного больше других кораблей в стране, и стапели, на которых он был построен, все еще можно увидеть (во времена Снорри). Он был 148 футов в длину, касался травы (*т.е.* у киля). Торберг Скафхегг (выдувной скребок) был форштемнем (изготавливал форштевень и корму) для корабля; многие другие были задействованы в этой работе: одни валили деревья, другие придавали форму дереву, третьи прибивали гвозди, третьи носили дрова. Все использованное было тщательно отобрано. Корабль был длинным и широким, с высокими планширями и массивными бревнами. Пока возводились бастионы, Торберг был вынужден вернуться домой, на свою ферму, и отсутствовал довольно долго, а когда он вернулся, бастионы были закончены. В тот же вечер король вместе с Торбергом отправились посмотреть, как выглядит корабль, и каждый сказал,

что никогда не видел такого большого и прекрасного баркаса. Король вернулся в город. Рано утром следующего дня король и Торберг спустились на корабль; все кузнецы уже прибыли и стояли без дела. Король спросил, зачем они это делают. Они сказали, что корабль был испорчен и что какой-то человек прошел от носовой части к *люку* и сделал надрезы на планшире, один за другим. Король посмотрел на это и увидел, что это правда. Он поклялся, что если он узнает, кто из зависти испортил корабль, то этот человек должен умереть, но тот, кто скажет ему, получит от него великую награду. - Я могу сказать тебе, король, - сказал Торберг, - кто это сделал. Король ответил: 'Ты, скорее всего, был настолько удачлив, что убедился в этом и сказал мне'. 'Я скажу королю, кто это сделал', - сказал он: "Я сделал это". Король ответил: "Ты должен починить это так, чтобы оно было таким же хорошим, как и раньше, или же лишиться жизни". Торберг придавал планширу такую форму, что все порезы исчезли. Король и все остальные сказали, что корабль был намного лучше с той стороны, которую придавал Торберг. Король попросил его сделать то же самое с другой стороны и горячо поблагодарил его за это. С тех пор Торберг был главным кузнецом корабля, пока тот не был закончен. Это был дракон, сделанный в форме змеи, которую он привез из Халогаланда и принадлежал Рауду, но гораздо крупнее и во всех отношениях более тщательно сложенный. Он назвал это *Длинным Змеем*, в то время как другой был *Коротким Змеем*. В "*Длинном Змее*" было 34 *комнаты*. Его клювы и драконий хвост были украшены золотом; планширы были такими же высокими, как на морских кораблях. В Норвегии не было построено корабля лучше или дороже" (Олаф Трюгвасон, с. 95).

Той же осенью король Олаф приказал построить большой длинный корабль на берегу реки Нид. Это был *снеккья*; он нанял для этого много кузнецов. В начале зимы он был закончен; в нем было тридцать комнат, высокие стебли, но он не был большим. Король назвал его *Трани* (журавль)" (Олаф Трюгвасон, с. 79).

Экипажи. Команда кораблей, без сомнения, значительно различалась по численности в зависимости от власти командиров, которые ими управляли; часто упоминаются команды из ста двадцати человек; иногда команда состояла из семисот человек.^[142]

"Когда пришла весна, и снег и лед растаяли, Торольф приказал спустить на воду принадлежащий ему большой корабль, который был подготовлен и укомплектован более чем 100 (120) хускарлами; они были очень прекрасными и хорошо вооруженными воинами. Когда поднялся попутный ветер, он поплыл на юг вдоль побережья.... Никто не знал о путешествии Торольва. Он дул попутными ветрами на юг, в Данию, а затем в Аустрвег (к востоку от Балтики); тем летом он разорил там все, но завладел небольшим имуществом. Осенью он вернулся в Данию, когда Эйрарфлоти (торговый флот Эйрарсунда) отчаливал. В то лето там, как обычно, побывало много кораблей из Норвегии" ("Сага об Эгиле", с. 19).^[143]

Пространство между скамейками гребцов называлось помещением (*rut*), и оно было разделено на полкомнаты, в которых размещалось множество бойцов: следовательно, боевая мощь корабля, а также его размер были известны по количеству его комнат или скамеек.

В экспедициях, когда людей высаживали для участия в боевых действиях, мы обычно обнаруживаем, что треть экипажа оставалась на борту для охраны корабля. Это подтверждается франкскими хрониками, в которых упоминается, что норманны прибыли к Парижу на семистах больших кораблях, не считая кораблей поменьше, и высадили сорок тысяч человек. В "*Длинном змее*" было тридцать четыре комнаты; в каждой половине комнаты находилось по восемь человек, или по шестнадцать в каждой комнате, итого пятьсот сорок четыре человека. Тогда в передней комнате находилось тридцать человек,

итого пятьсот семьдесят четыре. У нас также есть воины на носу, баке и в других частях корабля, всего, вероятно, семьсот человек.

Из законов мы узнаем, что люди могут отказаться плавать на немореходных кораблях.

“Судно, которое приходится тюковать три раза за два дня, считается, согласно праву Бьярки-ретта, немореходным, если только экипаж не хочет рисковать” (Закон Бьярки, 170).

Ниже приводится единственное подробное описание шторма на море в Сагах; с ним столкнулся Фритьоф по пути на Оркнейские острова. Есть много упоминаний о кораблях, пропавших в море, и их экипажах, утонувших.

“Когда Фритьоф вышел из Согна (фьорда), на них обрушился сильный шторм, и волны были очень большими. Корабль плыл очень быстро, потому что был стремительным и одним из лучших на море.

“Их погнало (штормом) на север, в залив Саундс, недалеко от островов, называемых Солундир; ветер тогда был самый сильный. Фритьоф пел:

Море начинает сильно вздуться,

Облака рассеялись,

Старое колдовство вызывает

Что море движется;

Я не буду сражаться с Эгиром

В шторм;

Пусть Солундир

Приютите людей.

Они поставили корабль под Солундиром, чтобы ждать там. Ветер сразу стих. Затем они отплыли от острова в доброй надежде, так как некоторое время дул попутный ветер. Затем ветер усилился. Когда они (Фритьоф и его молочный брат Бьерн) были уже далеко в море, море снова начало страшно волноваться, и поднялась такая снежная буря, что люди на корме и форштевне не могли видеть друг друга, а корабль был так наполнен водой, что им приходилось все время вычерпывать ее. Фритьоф пел:

Мы, прославленные воины вождей,

Вышли на глубину;

Мы не видим волн

Из-за урагана ведьм.

Солундир (острова) скрылись из виду,

И все восемнадцать мужчин

Которые защищают Эллиди

Стенд для тюкования.

Бьерн сказал: 'Тот, кто много путешествует, должен встретиться с добром и злом'. - Это несомненно, молочный брат, - сказал Фритьоф.

"Фритьоф сказал, что пришло время испытать хороших людей, хотя сидеть в Балдршаги было легче. Они приготовились с отвагой, ибо на корабле были отважные люди, и это был лучший корабль, который когда-либо был в северных землях. Фритьоф пел:

Волн не видно;

Мы пришли морем на запад;

Все море выглядит

Как будто видишь тлеющие угли;^[144]

Обрушиваются буруны,

Вершины лебедей образуют холмы;^[145]

Теперь Эллиди захвачен

Высоким валом.

Затем огромные волны обрушились на корабль так, что он весь закачался.

Девушка с мягкими губами

На востоке, на лебедином склоне

Там , где лежала отбеливающая одежда

Буду пить, если утону.

Бьерн сказал: 'Думаешь, девы Согна будут сильно плакать по тебе?' Фритьоф сказал: 'Конечно, это у меня на уме'. Затем волны поднялись у носа так, что хлынули в борт корабля; но корабль был хороший, и на нем были отважные люди. Björn sang:

Это не похоже на то, когда девушка

Хочет выпить за тебя,

С ярким кольцом на пальце

Это просит тебя подойти ближе;

Соль в моих глазах;

Они купаются;

Мои сильные руки слабеют;

У меня болят веки.

Асмунд сказал: 'Неважно, попробуешь ли ты свое оружие (тюкать, грести), потому что ты не извинил нас, когда мы так рано встали в Балдршаги (священной роще Бальдра) и протерли глаза'. 'Почему ты не поешь, Асмунд?' - спросил Фритьоф. "Я буду", - сказал Асмунд.

Здесь было беспокойно вокруг мачты

Когда море обрушилось на корабль;

Я с восемью мужчинами

Приходилось работать на борту;

Легче было его нести

Угощение для женщин в их комнате (дынджа)

Чем бейлу Эллиди

На высокой волне.

Фритьоф сказал со смехом: 'Ты призываешь на помощь не меньше, чем она есть, хотя твой родственник-раб появился сейчас, когда ты хотел отнести еду'. Затем ветер снова усилился, так что белые морские заносы^[146], которые обрушивались на корабль со всех сторон, были больше похожи на горы и пики, чем на волны.

Бьерн: 'Теперь ты напуган, молочный брат, и в твоих словах слышен страх; это плохо для такого хорошего воина, как ты'. Фритьоф ответил: "Это не страх и не трепет, хотя о наших веселых путешествиях поют, но, возможно, о них упоминают чаще, чем нужно; большинство людей сочли бы смерть более вероятной, чем жизнь, если бы находились в таком положении, как мы сейчас".

Бьерн: 'Мы должны принять это, молочный брат, как есть'. Затем нахлынула волна такой силы, что снесла планшир и часть носа и выбросила за борт четырех человек, которые все погибли. Фритьоф пел:

Оба лука были разбиты

В великой морской волне;

Четыре воина утонули

Вниз, в глубину"

(Сага о Фритьофе, с. 6).

ГЛАВА X. ФЛОТЫ СЕВЕРЯН.

Морская мощь Севера — Их огромные флоты—Хорошие гавани—Стратегическое мастерство—Размер некоторых из их флотов—Флотилии, сопровождаемые судами снабжения.

Ничто не может дать нам большего представления о морской мощи Севера, чем рассказы, которые мы читаем то тут, то там в Сагах, о флотах, собранных вместе с целью войны и вторжения. Количество судов весьма примечательно, но, поскольку находки подтверждают многое из того, что рассказывается нам в Сагах, нет причин сомневаться в правдивости их утверждений относительно величины флотов, и суда были далеко не такими маленькими, как представлялось.

Из Саг мы узнаем, что целью каждого вождя было стать могущественным на море; каждый бонди был владельцем одного или нескольких судов. Они были прирожденными моряками, но также были обучены сражаться на суше. Они окружили себя воинственными слугами и вместе с ними совершали дальние походы, чтобы завоевать почести и добычу. Эти люди также были солдатами и хорошими наездниками. Поскольку мы видим, что в каждой большой наземной битве воины прибывали со всех концов северных земель, следует сделать вывод, что то же самое имело место и в отношении их вторжений в чужие страны. Лишь в очень немногих случаях мы располагаем сообщениями о том, что норвежцы потерпели поражение на море от флотов стран, на которые они напали; даже в этих редких случаях в их сражениях участвовало очень небольшое количество судов по сравнению с мощными флотами их врагов, которые были либо фризами, либо их собственным народом, обосновавшимся в Англии.

К счастью, франкские и древнеанглийские хроники, которые совершенно независимы от северных, помогают подтвердить общую правдивость Эдд и Саг, и из них у нас есть несколько отчетов о количестве судов, которые плавали вверх по Сене, Рейну, Эльбе и Везеру или направлялись в Англию.

Самым большим флотом, когда-либо встречавшимся на Севере, был тот, который собрался для битвы при Бравелле; хотя количество судов не упоминается, мы читаем, что Пролив был покрыт судами. Этот флот добрался от Кьеге до Сканера, так что, если верить рассказу, люди могли пройти, как по мосту, от Зеландии через Пролив, расстояние около двадцати миль. У Сигурда Хринга было 2500 (3000) кораблей, чтобы противостоять ему.^[147]

Морские экспедиции северян в далекие страны предпринимались с большой осторожностью и предусмотрительностью; люди подчинялись строгой дисциплине и были одеты с величайшим великолепием. Было бы ошибочной идеей думать, что норманны отправились в эти путешествия, не имея никаких предварительных знаний о стране, в которую они собирались вторгнуться, или о берегах, где они собирались высадиться, или что они плыли без определенной цели. Их предыдущие знания об этих далеких землях, без сомнения, были приобретены в торговле, и только после тщательного ознакомления с географией части, подвергшейся нападению, они отважились на свое вторжение.

Многие места в зарубежных странах, упомянутые в Сагах, где норвежские флоты были надежно пришвартованы и укрыты от штормов, и по сей день являются хорошими гаванями, и если другие уже не являются таковыми, то это потому, что берега этих побережий подверглись изменениям, которые происходят до сих пор. Географическое положение рек, по которым они поднимались, было хорошо выбрано; они знали, какого размера суда там брать, и, хотя их действия казались разрозненными, мы обнаруживаем, что их флоты поддерживали связь друг с другом и что их армии могли помогать друг другу в случае необходимости, сокращать врага между реками, по которым они поднимались, или между ними и морем. Одним словом, их тактика демонстрировала значительную смелость и стратегическое мастерство, которые обычно оставляли им путь отступления, в случае необходимости, к своим судам или на какой-нибудь остров. Хотя Саги дают нам хорошее и

яркое представление о норвежском способе ведения войны на море, они очень неполны в том, что касается описания и деталей сухопутных экспедиций, и мы должны обратиться к франкским хроникам, чтобы увидеть, каким образом они атаковали или осаждали города. Из них мы узнаем, что корабли поднимались по рекам настолько высоко, насколько это было возможно; если что-либо мешало судоходству, прокладывался канал или суда тянулись вдоль берега, и препятствие таким образом преодолевалось. Скандинавы завладели всеми крупными островами, укрепили их и зимовали там; и там они хранили свои военные трофеи. Они также привезли кавалерию на своих кораблях, что подтверждается гобеленом из Байе.

Говорят, что Харальд Блатенн (синий зуб) отправился в Норвегию с флотом из 700 (840) кораблей.

Тогда король Харальд созвал войско со всего своего королевства. С ним были Хакон ярл, Харальд Гренский, сын Гудрауд Бьернссон, и многие другие могущественные люди, бежавшие из своих поместий в Норвегии из-за сыновей Гуннхильд.

“Король Дании приплыл с юга в Викин с 700 кораблями”,^[148] и там все жители перешли под его власть; и когда он достиг Тунсберга, к нему собралось большое количество людей.

“Король Харальд отдал Хакону ярлу всех людей, которые пришли к нему в Норвегию; и сделал его правителем семи филки: Рогаланда, Хордаланда, Согна, Фирдафилки, Суннмири, Раумсдала, Нордмири”^[149] (Олаф Трюгвасон, с. 24, 2 Фз. I.).

Кнут Великий собрал флот из 1200 судов^[150] для нападения на Норвегию.

Король Кнут припомнил многое из того, в чем он обвинял короля Олафа, а именно: что он взял в плен его племянника Хакона и позволил ему принести ему присягу, а затем захватил королевство и изгнал его из страны; что он также завладел землей, которая долгое время была данью датским королям; что он разорил страну короля Кнута. Итак, он отправился из Англии на восток с большим войском в Данию, достиг Лимафьорда, а оттуда отплыл в Норвегию на 1440 кораблях, ибо он ввел всеобщий сбор как в Дании, так и в Англии. Прибыв в Агдир, он двинулся на север вдоль побережья и провел встречи с бундрами; его признавали королем, куда бы он ни пошел, и он не останавливался, пока не прибыл в Нидарос”^[151] (Фагрскинна, с. 104).^[152]

Когда флоты отправлялись в дальние экспедиции, за ними следовали специальные суда, называемые *vistabyrding* (суда снабжения). Сливочное масло, черствый хлеб, который до сих пор используется, сухое, копченое или соленое мясо составляли основу блюд, и есть много примеров, когда упоминаются эль и пиво.

Из Эдд и саг мы получаем представление об их способах ведения войны на море. Отчеты о некоторых из их сражений настолько яркие и точные, что мы могли бы почти вообразить себя очевидцами тех ужасающих и кровавых конфликтов, которые даже по сей день не имеют аналогов в анналах морских войн по продолжительности, ожесточенности и упорству атаки или обороны, количеству задействованных кораблей или людей и имевшей место резне.

На протяжении веков эти люди оставались бесспорными хозяевами моря. В их случае, как и в случае с современными правящими нациями, именно их военно-морской флот позволил им завоевывать, заселять и колонизировать другие земли. Если мы называем этих людей пиратами, мы должны также применить это название к англичанам, французам, испанцам, голландцам и т. Д., Потому что они завладели странами против воли жителей, точно так же, как в Соединенных Штатах у них постепенно отняли землю индейцев. Цивилизация была агрессивной в древние времена, как и сегодня.

ГЛАВА XI. СПОСОБЫ ВЕДЕНИЯ МОРСКОЙ ВОЙНЫ НОРМАННОВ.

Морские бои—Штандарт и щит бурга—Метод ведения боя—Использование абордажных скоб—Выбор команды—Абордаж кораблей—Битва на реке Хельга—Обычай укрепления бортов кораблей перед боем—Гребцы защищены щитами—Использование камней в качестве оружия—Гавани, защищенные тросами—Военный сбор.

Из многочисленных морских сражений, описанных в Сагах, мы видим, что самая важная и решающая часть схватки происходила у носа и форштевня корабля. Здесь всегда размещались самые сильные и доблестные мужчины, ^[153] среди них был знаменосец вождя или короля, вокруг которого они выстраивались в боевой порядок и образовывали *скьяльдборг* (шилдбург).

“Зимой король Харальд приказал изготовить большого дракона и великолепно экипировать его. Он поместил на него свой герд и берсерков. Защитники ствола были отобраны наиболее тщательно, поскольку у них был королевский штандарт. Та часть за кормой носа, рядом с насосным отделением (*austr-rum*), называлась раусн (кубрик). Он был укомплектован берсерками. Только те, кто превосходил других в силе, храбрости и всевозможных умениях, попадали в хирд короля Харальда. Только такими людьми был укомплектован его корабль, и тогда у него был большой выбор хирдманов из всех филки” (Сага о Харальде Прекрасноволосом, с. 9).

В морском сражении между Хаконом Хердибрейдом и королем Инги:

“Хакон поднялся на борт "Восточного рейса"^[154] Вокруг него был установлен щит, но его знамя осталось на борту корабля, где он был”.^[155]

Перед битвой было принято трубить в рога и поднимать штандарты, а также связывать форштевни кораблей вместе, так что каждая линия образовывала единое целое; иногда для этой цели, по-видимому, использовалось несколько якорей, поскольку говорят, что они использовались для удержания кораблей вместе во время битвы. Когда они шли в атаку, люди пытались подтащить корабли противника поближе с помощью абордажных крюков (*stafnlé*) и якорей. Эйрик ярл решил исход битвы при Свольде, атаковав крайние корабли Олафа Трюгвасона. Как только один корабль был очищен от людей, он ослабил его крепления.

“Тогда было принято, когда мужчины сражались на борту кораблей, связывать их вместе и сражаться на носу” (Сага о Харальде Прекрасноволосом, гл. 11).

В знаменитой битве при Свольде наиболее ожесточенной и фатальной была оборона на Длинном Змее между людьми из передних помещений и защитниками форштевня (см. стр. 192-3).

После отплытия из Норвегии Олаф сам управлял "Длинным змеем", и команда была подобрана так тщательно, что на борту не должно было быть ни одного мужчины старше

шестидесяти, ни моложе двадцати, а также их отбирали с учетом доблести и силы. Сначала были выбраны королевские хирдмены, состоявшие из самых сильных и храбрых людей из страны и из-за рубежа.

Ульф рыжий нес знамя короля Олафа и был размещен на носу "Змея" вместе с Кольбьерном Сталлари, Торстейном Оксфутом, викаром Тиундаленда, братом Арнльота Геллини. Следующие люди находились на баке (gausn) на носу: — Вакр Раумасон Эльфийский, Берси Сильный, лучник из Джамталанда, Транд Выносливый из Теламорка и Утирмир (Беспощадный), его брат. От Халогаланда были: Транд Косоглазый, Огмунд Санди, Хлодвир (Луи) Длинный из Салтвика, Харек Проницательный. Из внутренней части Трандхейма были: Кетиль Высокий, Торфинн Лихой, Хавар Оркадальский и его братья. В передней комнате находились: Бьерн из Студлы, Берк из Фирдира, Торгрим Тьодольфссон из Хвина, Асбьерн и Орм, Торд из Ньярдарлога, Торстейн белый из Опрустадира, Арнор из Мри, Халльштейн и Хаук из Фирдира, Эйвинд Снейк, Бергтор Бестил, Халлькель из Фьялира, Олаф Дренг (добрый воин), Арнфинн из Согна, Сигурд Секира, Эйнар из Хердаланда, Финн, Кетиль из Рогаланда, Грьотгард проворный. Следующее было в "Краппаруме"^[156]:—Эйнар Тамбарскельфир (он не соответствовал стандарту, поскольку ему было всего восемнадцать зим), Торстейн Хлифарсон, Торольф, Ивар Стартер, Орм Худоносый и многие другие очень известные люди были на "Змее", хотя мы не можем назвать их имена. В каждой *полуподвальной* комнате находилось по восемь человек (шестнадцать в одной комнате), отобранных по одному. В передней комнате находилось тридцать человек. Люди говорили, что отборные люди на борту превосходили других людей в ловкости, силе и храбрости настолько же, насколько "Длинный змей" превосходил другие корабли. Торкель Нефья, брат короля, управлял "Коротким змеем", Торкель Лыстец и Йостейн, дяди короля, "Траной"; оба этих корабля были очень хорошо укомплектованы. Одиннадцать больших кораблей покинули Трандхейм с Олафом, также двадцатиместные и суда поменьше и склады (*вистабирдинг*)" (Сага о Олафе Трюгвасоне (Хеймскрингла), с. 102).

Когда команда почувствовала, что они не в состоянии выдержать состязание из-за того, что их взяли на abordаж, они перерезали веревки, которыми были привязаны к другим кораблям, и попытались избежать надвигающейся опасности.

“ Люди короля напали на корабль ярла и почти взобрались на него. Когда ярл увидел опасность, он крикнул людям на носу корабля, чтобы они перерезали канаты (которыми корабли были скреплены вместе) и освободили их; они так и сделали. Люди короля набросили свои abordажные крюки на клювы в форме дубин на носу и таким образом крепко держали их. Затем ярл приказал людям на носу отрезать им клювы, что они и сделали. Эйнар Тамбарскельфир поставил свой корабль по другую сторону от корабля ярла и бросил якорь на носу корабля ярла, и таким образом они выбрались во фьорд” (Сага о святом Олафе, с. 48).

“В это время в Норвегии шла великая война; Харальд Луфа, сын Хальфдана Сварти (черного), покорял страну.... Когда он прибыл в Хердаланд, множество воинов собралось, чтобы сразиться с ним.... С обеих сторон было много людей. Это была одна из величайших битв в Норвегии; о ней упоминается в большинстве Саг, потому что туда съехались люди со всей страны и многие из других стран вместе с огромным количеством викингов. Онунд поставил свой корабль сбоку от корабля Торира Чинлонга, который находился почти в середине флота. Король Харальд со своим кораблем атаковал корабль Торира Чинлонга, который был известен как величайший берсерк и очень доблестный. Последовали ожесточенные бои с обеих сторон. Король призвал своих берсерков атаковать; их звали Ульфхеднар (плащи из волчьих шкур), и никакое оружие не ранило их; и когда они бросились вперед, ничто не

устояло перед ними. Торир защищался очень мужественно и с великой доблестью атаковал свой корабль; он был очищен от людей от носа до кормы, и когда канаты были перерезаны, его отнесло назад между остальными. Затем люди короля напали на корабль Онунда; он находился в носовой части корабля и храбро сражался. Люди короля сказали: 'Этот человек упорно сражается на форштевне; давайте поставим ему какую-нибудь отметину в память о том, что он участвовал в битве'. Онунд стоял одной ногой на борту корабля, и когда он наносил удар, в него вонзили копье; парируя удар, он отклонился назад, когда один из защитников форштевня короля отсек ему ногу ниже колена, после чего он больше не мог сражаться. Большая часть людей на его корабле пала. Онунда перенесли на борт корабля Транда, сына Бьерна и брата Эйвинда Истмана; он был против короля Харальда и лежал на одном борту корабля Онунда. После этого основной флот обратился в бегство. Транд и другие викинги, которые были в состоянии, сбежали и поплыли на запад. Онунд, а также Балки и Халльвард Соганди ("порыв ветра") отправились с ним. Когда он выздоровел, то впоследствии ходил с деревянной ногой; из-за этого при жизни его называли Онунд древесная нога" (Сага о Гретти, с. 2).

Мы видим, что в тот период экспедиции на запад и обратно были обычным делом.

Битва на реке Хельга (Швеция) описывается следующим образом:—

“Однажды вечером шпионы Онунда увидели Кнута, плывущего невдалеке. Онунд дал волю военному гулу. Его люди сняли свои палатки, вооружились и поплыли из гавани (в устье реки) на восток вдоль побережья; они поставили свои корабли бок о бок, связали их вместе и приготовились к битве. Онунд послал шпионов на берег сообщить Олафу, который разрушил плотину и пустил реку в ее русло. Затем ночью он спустился к своим кораблям. Когда Кнут вышел из гавани, он увидел королевское воинство, готовое к битве. Ему показалось, что было бы слишком поздно начинать битву, поскольку все его войско не было готово. Его флоту требовалось много места для плавания, и между его передним и крайним кораблем, а также самым удаленным и ближайшим к суше был долгий путь. Ветра было мало. Когда он увидел, что шведы и норманны покинули гавань, он вошел в нее на тех кораблях, которые могли там поместиться, но большая часть его войска находилась в море (за пределами гавани). На следующее утро, когда почти рассвело, многие из их мужчин были на суше, одни разговаривали, другие занимались своими играми. Они ничего не подозревали, пока вода не хлынула на них подобно бурному потоку; за ними последовали большие бревна, которые были отброшены к их кораблям; они были повреждены, и вода залила все поля; люди на суше, а также многие из тех, кто был на кораблях, погибли. Все, кто мог, перерезали якорные канаты, и корабли дрейфовали в большом беспорядке. Большой дракон, на котором находился король, поплыл по течению; двигать его веслами было нелегко, и его отнесло к королевскому флоту. Узнав его, они сразу окружили его. Поскольку борта корабля были высотой со стены города, а на борту находилось много отборных и хорошо вооруженных людей, захватить его было нелегко. Вскоре подошел Ульф ярл со своими кораблями, и началась битва. Вслед за этим со всех сторон собралось войско Кнута. Тогда Олаф и Онунд увидели, что они получили столько преимуществ, сколько было тогда возможно; они отступили, оторвались от войска Кнута и разделили флоты. Поскольку эта атака прошла не так, как приказывал Кнут, он не стал грести за ними; они начали выстраивать корабли и готовиться к бою. Когда они разделились и каждый флот был собран, короли пересчитали своих людей и обнаружили, что потеряли не так уж много; они увидели также, что шансы были бы настолько велики, если бы они подождали, пока Кнут подготовит все свое великое войско и нападет на них, что надежды на победу было мало. Они решили грести на всех своих кораблях на восток вдоль побережья” (Святой Олаф, с. 106).^[157]

Перед конфликтом борта кораблей были укреплены *виггирдилом* (боевым поясом) или *вигфлеки* (военным препятствием).

“Король Сверри был в Бергене (Бьоргине) со своим войском, и все его корабли стояли наготове у сходней, снаряженные войной” (Сага о Сверри, с. 52).

Когда датский король Свейн преследовал короля Харальда с превосходящими силами,

“Он (Харальд) приказал своим людям облегчить его (корабль), выбросив за борт солод, пшеницу и свинину, и проделать отверстия в бочках с элем: это ненадолго помогло. Затем он приказал *бросить в море виггирдилы*, чаны и пустые бочки, а также военнопленных” (Сага о Харальде Хардради, с. 35).

“Мы будем выполнять на досках (то есть по бокам корабля) *вигфлеки* и защищаться, насколько сможем, но не нападать на них” (Флэтейярбок).

Человек со своими щитами защищал гребцов от вражеских снарядов; но, несмотря на это, многие часто погибали. В каждом *полукомнате* обычно размещалось по три человека: один для гребли, один для защиты гребца и один для борьбы.

Эрлинг Скакки сказал королю Инги: “Если мы сейчас нападём на них и будем грести против течения, и в каждой *половине помещения* будет по три человека, то одному придется грести, а другому защищать его, и тогда в битве примет участие не более трети нашего войска” (Сага Хакона Хердибрейда, с. 6).

“Когда люди на борту кораблей ярла начали падать и получать ранения, а шеренга людей на их планширях поредела, люди короля Олафа поднялись на борт. Их знамя было поднято на борт корабля рядом с кораблем ярла, а за ним следовал сам король” (Сага о святом Олафе, гл. 48).

Камни широко использовались в морских боях.

Свейн Ульфссон,^[158] Король Дании, участвовал в битве под Аросом (Орхус) против короля Норвегии Магнуса, о которой говорится,

Люди Свейна вооружились и связали свои корабли. Сразу же завязалась тяжелая битва.... Они сражались на корме. Только те, кто стоял там, могли дотянуться до своих мечей; те, кто стоял в носовой части, использовали *кесья* (разновидность копья), а те, кто находился еще дальше на корме, более короткие дротики или большие стрелы; некоторые метали камни из пращей, в то время как те, кто был на корме у мачты, использовали луки ” (Магнус Добрый, с. 31).

“В устье реки Гаута произошла битва между королями Инги и Хаконем; на них были брошены *кеши* (копья) и камни такого размера, что они были вынуждены отступить” (Сага о Хаконе Хердибрейде, с. 2).

Тросы были протянуты через устья рек или гавани, чтобы воспрепятствовать заходу кораблей противника.

“Олаф отправился в Саудунгссунд и залег там; он разместил по одному кораблю по обе стороны Пролива и протянул между ними толстый трос. Хакон ярл (сын Эйрика, который был сыном знаменитого Хакона ярла) вскоре после этого греб в Пролив на шлюпке с экипажем. Он подумал, что в Проливе находятся два торговых судна, и проплыл между ними. Люди Олафа протянули трос под серединой киля шлюпки и потянули его лебедками; как только он

коснулся шлюпки, ее корма приподнялась, а нос накренился вперед, так что море хлынуло внутрь; корабль наполнился и перевернулся” (Сага о святом Олафе, с. 28).

В Норвегии страна была разделена на *скипрейды*, или районы корабельного сбора, и, без сомнения, аналогичные подразделения существовали и в других странах северян. Каждый скипрейда должен был построить, оборудовать и укомплектовать персоналом определенное количество кораблей, некоторые больше, чем другие.

Лейдангр - термин, применяемый к сбору людей, кораблей и денег. Сбор, когда это было необходимо, производился следующим образом.

“Когда корабль был отстегнут от креплений, а человек не вошел в свою каюту, то его весло должно быть поднято (= выставлено лопастью в воздух), и вызваны свидетели, что он обязан заплатить штраф в размере трех марок (меркур). Если человек садится на борт другого корабля, отличного от того, на который он должен плыть, он должен участвовать в уплате сбора и (кроме того) заплатить штраф” (Гулат, 301).

“Олаф вызвал Нечто в городе (Нидарос). Он дал понять всем людям, что хотел бы этим летом ввести рекрутский набор в стране; он хотел определенное количество людей и кораблей от каждой филки; он указал, сколько кораблей он хотел бы иметь от фьорда (Трондхjemсфьорда). Затем он разослал весть на юг и север вдоль побережья и вглубь страны и призвал людей на войну. Он спустил на воду ”Длинного змея” и все другие свои корабли, маленькие и большие” (“Сага об Олафе Трюгвасоне”, с. 107, Хеймскрингла).

“Хакон ярл также снарядил своих людей, намереваясь вести войну, и у него было двенадцать больших кораблей. После того, как Галл Харальд уехал, Хакон Ярл отправился к королю и сказал: ‘Теперь мы можем отправиться в поход, и, тем не менее, нам придется заплатить штраф за неуплату сбора (лейдвити). Теперь Гуль Харальд убьет Харальда Граф-Фельда, а затем займет королевскую власть в Норвегии” (“Сага об Олафе Трюгвасоне”, том i, “Форнманна Сегур”).

Лейдвити был налогом, который уплачивался вместо лейдангра, когда последний был не нужен, первоначально являясь штрафом за пренебрежение участием в лейдангре. Это также было оплачено тем, кто принимал участие в боевых действиях, но не на том корабле. Похоже, ярл имеет в виду последнее — войну с потерями из-за отсутствия предусмотрительности.

ГЛАВА XII. МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ.

Битва при Свольде — Битва при Йомсвикингах.

Два самых известных морских сражения, о которых рассказывается в Сагах, - это сражения при *Свольде* и *Йомсвикинге*; первое из них произошло между Олафом Трюгвасоном против датского короля Свейна, Олафом шведским и Эйриком ярлом норвежским. Когда Олаф Трюгвасон покинул *Виндланд* (страну вендов) и возвращался в Норвегию, его враги поджидали в засаде, чтобы напасть на него, и так произошла битва при Свольде.

“Свейн, король Дании, Олаф, король Швеции, и Эйрик ярл лежали под островом со всем своим войском. Погода была прекрасная, светило яркое солнце. Все вожди отправились на остров, и многие из войска вместе с ними. Когда они увидели, что очень многие корабли северян вышли в море, они очень обрадовались, потому что их войско роптало на то, что они так долго стояли здесь, а некоторые потеряли всякую надежду на приход короля Норвегии. И вот они увидели плывущий большой и великолепный корабль, и оба короля сказали: ‘Это большой и чрезвычайно красивый корабль; должно быть, это "Длинный змей"’. Эйрик ярл ответил: ‘Это не "Длинный змей", который должен выглядеть больше и величественнее, хотя это большой и прекрасный корабль’. Все было так, как сказал ярл. Кораблем владел Стиркар из Гимсара. Вскоре после этого они увидели другой, гораздо больший корабль, у которого на носу была насадка. Король Свейн сказал: ‘Это, должно быть, Длинный Змей; давайте теперь отправимся к нашим кораблям и не будем медлить с атакой’. Эйрик ярл ответил: ‘Это не может быть Длинный Змей, хотя он прекрасно оснащен’. Все было так, как он сказал, ибо оно принадлежало Торкелю Нефье, брату короля Олафа; но самого его не было на борту. И вот они увидели еще один большой и прекрасный корабль. Король Свейн сказал: ‘Там ты можешь увидеть королевский корабль’. Ярл ответил: ‘Конечно, это большой и великолепный корабль, но "Змей" должен быть намного величественнее’. Вплотную к нему приблизился четвертый большой корабль. Двумя последними владели двое викингов, Торгейр и Хирнинг, зятья короля; но они не управляли кораблями, потому что были на "Долгом Змее" с королем Олавом. Немного погодя появился пятый, гораздо крупнее любого из предыдущих. Король Свейн сказал, смеясь: "Теперь Олаф Трюггвасон боится, потому что не осмеливается плыть с головой на своем драконе".^[159] Эйрик ярл ответил: "Это не королевский корабль; этот я хорошо знаю, как и полосатый парус; он принадлежит Эрлингу Скъяльгссону из Джадара; пусть они плывут дальше, ибо истинно говорю тебе, что на борту есть воины, которых, если мы вступим в битву с Олавом Трюггвасоном, лучше не иметь". , но промахнуться по его флоту, чем иметь его укомплектованным таким, какой он есть, потому что я думаю, что им управляет сам Эрлинг. "Вскоре после того, как эти пять больших кораблей и все маленькие из флота проплыли мимо них, они узнали корабли Сигвальди ярла, которые повернули к острову. Они увидели там три корабля, и один из них был большим головным кораблем (то есть кораблем с головой на форштевне); тогда король Свейн сказал: ‘Теперь пойдем к кораблям, ибо сюда приближается Длинный Змей’. Эйрик ярл ответил: ‘У них есть много других больших и великолепных кораблей, кроме "Длинного змея", но лишь немногие из них еще проплыли мимо; давайте все же подождем’. Тогда многие сказали: ‘Теперь мы видим, что Эйрик не станет сражаться против Олава Трюггвасона и не осмелится отомстить за своего отца; и это такой великий позор, что он распространится по всем землям, если мы будем лежать здесь с таким большим войском, а норвежский король проплывет со своей горсткой людей мимо нас в море’. Эйрик ярл очень рассердился на их слова и приказал всем идти к кораблям, сказав: ‘Я полагаю, что, хотя датчане и шведы сейчас сильно сомневаются в моей храбрости, сегодня ночью, когда солнце опустится в море, им обоим будет не так легко, как мне и моим людям’. Когда они спустились вниз, то увидели плывущие четыре больших корабля, один из которых был кораблем-драконом, сильно украшенным золотом. Многие говорили, что ярл сказал правду. Сейчас здесь плывет "Длинный змей", и это очень большой и прекрасный корабль; ни один длинный корабль не сравнится с ним по красоте и размерам в северных землях. Неудивительно, что король широко известен и настолько велик, что создает такие великолепные вещи. Король Свейн встал и сказал: ‘Змей вознесет меня высоко этой ночью. Им буду управлять я.’ Эйрик ярл добавил: ‘Даже если бы у короля Олафа Трюггвасона был корабль не крупнее того, который мы только что видели, королю Свейну никогда не отвоевать его у него с одним войском дана’. Но эти большие головные корабли они приняли за "Длинного змея", первым был "Транан" (журавль), а вторым - "Ормринн Скамми" (короткий

змей). Люди столпились на кораблях и сняли палатки, а вожди построили войско для атаки, и, как говорят, они бросили жребий, кому первому атаковать собственный корабль Олафа, "Длинный змей". Свейн, король Дании, вытащил жребий напасть первым, а Олаф, король Швеции, и Эйрик ярл последними, если им это понадобится; и было решено между вождями, королем Свейном, королем Олафом и Эйриком ярлом, что каждый станет владельцем трети Норвегии, если они убьют короля Олафа; в то время как тот, кто первым взойдет на Змея, должен владеть всей добычей, которая была на борту, и каждый должен владеть кораблями, которые он сам захватил и очистил от людей. У Эйрика ярла был очень большой барди, который он носил в экспедициях викингов; на верхней части носа и кормы были клювы, а под ними была толстая железная пластина, которая закрывала весь нос и корму вплоть до воды ”.

Когда вожди поговорили таким образом между собой, они увидели три очень больших корабля, а за ними четвертый. Все они увидели на форштевне большую голову дракона, украшенную так, что она казалась сделанной из чистого золота, и она сияла далеко-далеко над морем, когда на нее падали солнечные лучи. Когда они смотрели на корабль, они сильно удивились его длине, потому что корма показалась лишь спустя долгое время после того, как они увидели нос^[160]; тогда все знали, и никто не возражал, что это был Длинный Змей. При этом зрелище многие люди замолчали, и страх и ужас закрались в грудь воинства. В этом не было ничего странного, ибо огромный корабль нес смерть многим людям. Тогда Эйрик ярл сказал: "Этот знаменитый корабль подобает такому королю, как Олаф Трюгвасон; ибо верно, что он превосходит других королей настолько же, насколько Длинный Змей превосходит другие корабли".

Когда Сигвальди ярл спустил паруса на своих кораблях и подплыл к острову, Торкель Дидрил на "Транане" и другие корабельные рулевые, которые плыли с ним, увидели, что он повернул свои корабли к острову; они спустили паруса и последовали за ним. Торкель крикнул Сигвальди, спрашивая, почему он не отплыл. Ярл ответил, что будет ждать там короля Олафа. Они пустили свои корабли в плавание, пока не прибыл Торкель Нефья с Коротким Змеем и четырьмя кораблями, следовавшими за ним; они также спустили паруса и пустили свои корабли в плавание, ожидая короля.

Королевский флот стоял внутри гавани, так что они не могли видеть, насколько велико их войско; но когда король Олаф подплыл к острову и увидел, что его люди спустили паруса и ждут его, он повернул к ним и спросил, почему они не идут дальше. Они сказали ему, что перед ними множество врагов, и попросили его бежать. Король стоял на липтинге, услышав эти новости, и сказал своим людям: 'Спустите парус как можно быстрее, и кто-нибудь из вас возьмется за весла, чтобы сбросить скорость с корабля. Я скорее буду сражаться, чем убегу, ибо никогда еще я не убегал от битвы; моя жизнь во власти Бога, но я никогда не обращусь в бегство, ибо тот не настоящий король, который в страхе бежит от своих врагов'. Все было сделано, как сказал король, и Змей побежал впереди кораблей, а люди с других кораблей повели их вперед, подтягивая веслами. Тогда все войско королей отплыло на веслах из-под острова; и вожди были очень рады, когда обнаружили, что король Олаф попал в их засаду.

Когда король Олаф Трюгвасон и его люди увидели, что море повсюду покрыто боевыми кораблями их врагов, мудрый и доблестный человек Торкель Дидрил, его дядя, сказал: 'Господин, здесь превосходящая сила, с которой нужно сражаться; давайте поднимем наши паруса и последуем за нашими людьми в море. Мы все еще можем сделать это, пока наши враги готовятся к битве, ибо никто не считает трусостью, когда человек проявляет предусмотрительность в отношении себя или своих людей.' Король Олаф громко ответил: 'Свяжите корабли, и пусть люди готовятся к битве и обнажают мечи, ибо мои люди и не помышляют о бегстве'. Вожди организовали войско для нападения, и, как говорят, они

бросили жребий, кому первому атаковать корабль Олафа "Длинный Змей". Свейн выпал жребий атаковать первым, затем Олаф и Эйрик ярл последними, если это было необходимо.

Король Олаф подал сигнал горном, чтобы одиннадцать кораблей, которые у него были, соединились вместе. Длинный Змей находился посередине, Короткий Змей - с одной стороны, Журавль - с другой, а по бокам от них стояли еще четыре корабля. Но это воинство, хотя и располагало большими кораблями, было лишь небольшим отрядом по сравнению с подавляющим войском, которым располагали его враги. Теперь он, вероятно, скучал по своему воинству.

Люди короля Олафа теперь связали корабли вместе, как было велено; но когда он увидел, что они начали связывать стебли "Длинного змея" и "Короткого Змея", он громко крикнул: "Ведите вперед большой корабль; я не хочу быть последним из всех моих людей в этом войске, когда начнется битва".

Тогда Ульф рыжий, королевский знаменосец и его носовой защитник, сказал: 'Если "Змею" выдвинуть вперед настолько, насколько она больше и длиннее других кораблей, людям на носу придется несладко'. Король ответил: 'Я приказал сделать "Змею" длиннее других кораблей, чтобы она смелее выступала вперед в битве и была хорошо известна в сражениях и плавании, но я не знал, что у меня есть носовой защитник, который был бы и красным, и слабовольным'. Ульф ответил: 'Поворачивайся ты, король, не больше, чем спиной вперед, защищая липтинг, чем я буду защищать стебель'. Король держал в руке лук, наложил стрелу на тетиву и прицелился в Ульфа. Тогда Ульф сказал: 'Не стреляй в меня, господин, а лучше туда, где это нужнее, то есть в наших врагов, ибо то, что я выигрываю, я выигрываю для тебя. Может быть, ты будешь думать, что твоих людей не так уж много, прежде чем наступит вечер. Король вынул стрелу и не выстрелил.

"Король Олаф стоял на вершине Змеи и высоко поднимался; у него были позолоченный щит и позолоченный шлем, и его было очень легко узнать. Поверх кольчуги на нем была короткая красная шелковая юбка. Когда он увидел, что полчища его врагов начали разделяться и что знамена были подняты перед вождями, он спросил: 'Кто главный над тем знаменем, которое находится напротив нас?' Ему сказали, что это был король Свейн с датским войском. Король сказал: 'Мы не боимся этих трусов, ибо в датчанах храбрости не больше, чем в лесных козлах; датчане никогда не побеждали северян, и они не победят нас сегодня. Но какой вождь следует стандартам, которые находятся справа?' Ему сказали, что это швед Олаф с хозяином Svia. Король добавил: "Шведы сочтут более легким и приятным сидеть дома и вылизывать свои чаши для жертвоприношений^[161], чем взять на бордаж "Длинного змея" сегодня под вашим оружием, и я думаю, нам не нужно бояться шведов-коноедов; но кому принадлежат те большие корабли слева от датчан?" 'Это, - сказали они, ' Эйрик ярл Хаконссон'. Король Олаф ответил: 'Это войско полно высокородных людей, которых они выставили против нас; Эйрик ярл думает, что у него есть веские причины сражаться с нами, и, вероятно, нам придется нелегко с ним и его людьми, потому что они такие же северяне, как и мы'. Тогда короли и ярл напали на короля Олафа.... Затрубили в рога, и обе стороны издали боевой клич, и началась жестокая битва. Сигвальди позволил своим кораблям ходить взад и вперед и не принимал участия в битве.

"Битва была яростной, сначала стрелами из арбалетов и ручных луков, а затем копьями и дротиками, и все говорят, что король Олаф сражался наиболее мужественно....

Люди короля Свейна повернули свои форштевни так густо, как только могли, к обоим бортам "Длинного змея", поскольку он стоял гораздо дальше вперед, чем другие корабли короля Олафа; датчане также атаковали "Короткого змея" и "Журавля", и битва была самой

ожесточенной, а побоище великим. Все носовые защитники "Змея", кто мог, сражались врукопашную, но сам король Олаф и те, кто находился на корме, стреляли из луков и использовали короткие мечи (handsax) и неоднократно убивали и ранили даниров.

“Хотя король Свейн предпринял тяжелейшую атаку на северян с шестьюдесятью кораблями, датские и шведские войска, тем не менее, постоянно находились на расстоянии выстрела; король Олаф со своими людьми храбрее всех оборонялся, но они все равно пали. Король Олаф сражался храбрее всех, он стрелял в основном из луков и копий, но когда Змея атаковали главным образом, он вступил в рукопашную схватку и проломил череп многим людям своим мечом.

“Атака оказалась трудной для датчан, поскольку форштевни защитников "Длинного змея", "Короткого змея" и "Крана" прикрепили якоря и абордажные крюки к кораблям короля Свейна, и поскольку они могли поражать (врага) своим оружием, поскольку у них были корабли гораздо большего размера и с более высокими бортами, они очистили от людей все датские корабли, которые им удалось захватить. Король Свейн и все, кто мог спастись, перебрались на борт других кораблей, после чего они, усталые и раненые, удалились на расстояние выстрела. Случилось так, как и предполагал Олаф Трюггвасон, что датчане не одержали победы над северянами.

“Со шведами, как и с датчанами, случалось так, что северяне крепко удерживали их корабли абордажными крюками и якорями и очищали те, до которых могли дотянуться. Их мечи обрекли на одну участь всех шведов, до которых они добрались своими ударами. Шведы устали продолжать бой, в котором Олаф со своими избранными чемпионами атаковал их наиболее яростно.... Люди говорят, что самой острой и кровопролитной была битва двух тезок перед отступлением Олафа и шведов. Шведы понесли тяжелые потери в людях, а также потеряли свои самые большие корабли. Большинство воинов шведского короля Олафа были ранены, и он не снискал этим никакой славы, но был рад спастись живым. Теперь Олаф Трюггвасон обратил в бегство и датчан, и шведов. Все прошло так, как он сказал.

Теперь следует рассказать, что делал Эйрик ярл, пока короли сражались против короля Норвегии. Ярл сначала подошел к самому дальнему кораблю короля Олафа на одном крыле с ярнбарди (железной доской), очистил его и отсоединил от креплений; затем он поднялся на борт следующего корабля и сражался там, пока тот не был очищен. Затем люди начали перепрыгивать с кораблей поменьше на корабли побольше, но ярл срезал крепления с каждого корабля по мере того, как он освобождался.

Затем датчане и шведы со всех сторон подошли на расстояние выстрела к кораблям короля Олафа, но Эйрик Ярл постоянно сражался бок о бок с одним из них в рукопашной схватке; и когда люди падали на его корабле, другие датчане и шведы занимали их места. Затем битва была тяжелой и острой, и многие люди короля Олафа пали.

Наконец все корабли Олафа были очищены, за исключением "Длинного змея", на борту которого находились все люди, способные сражаться. Затем Эйрик ярл атаковал Змея пятью большими кораблями. Он положил Ярнбарди рядом со Змеем, а затем последовал самый ожесточенный бой и самая ужасная рукопашная схватка, которая только могла быть....

Эйрик ярл находился в носовой части своего корабля, где был натянут щит. Здесь были и рукопашный бой, и метание копья, и бросались все виды оружия, и все, что можно было схватить рукой. Некоторые стреляли из луков или руками, и на Змея обрушился такой ливень оружия, что люди едва могли защититься от него. Затем густо полетели копья и стрелы, ибо со всех сторон Змея стояли военные корабли. Люди короля Олафа пришли в такую ярость,

что вскочили на планшири, чтобы дотянуться до своих врагов мечами и убить их, но многие не подводили свои корабли так близко к "Змею", чтобы вступить в рукопашную схватку, большинству из них было трудно справиться с воинами Олафа.

“Норманны не думали ни о чем, кроме как постоянно идти вперед, чтобы убивать своих врагов, и многие полетели прямо за борт; ибо от нетерпения и отваги они забыли, что сражаются не на суше, и многие утонули со своим оружием между кораблями....

Король Олаф Трюггвасон стоял на склоне Змея и в основном пользовался днем своим луком и дротиками; и всегда двумя дротиками одновременно. Все присутствующие, как друзья, так и враги, согласились с этим, и те, кто слышал эти новости, сказали величайшую правду, что они не знали человека, сражавшегося более доблестно, чем король Олаф Трюггвасон. Король Олаф превзошел большинство других королей в том, что он так легко проявил себя в битве, что люди не знали примера, чтобы какой-либо король так открыто показывался своим врагам, тем более что ему приходилось сражаться против такой подавляющей силы. Король продемонстрировал храбрость своего ума и гордость своего сердца, чтобы все люди могли видеть, что он не избегает опасностей. Чем лучше его видели и чем большее бесстрашие он проявлял в битве, тем больший страх он внушал.

Король Олаф видел, что его люди на носу корабля часто заносили мечи для удара и что мечи сильно резали. Он закричал: ‘Почему вы так медленно поднимаете свои мечи? Я вижу, они не кусаются?’ Один человек ответил: ‘Наши мечи затупились и сломались, господин’. Затем король спустился с пиршества в переднюю комнату, отпер сундук на высоком сиденье и достал оттуда множество блестящих и острых мечей, которые раздал своим людям. Когда он опустил правую руку, они увидели, что из рукава кольчуги течет кровь, но никто не знал, куда он был ранен.

“Тяжелой и кровопролитной была оборона матросов носовой части и форштевня, потому что в обоих этих местах планшир был самым высоким, а матросы отборными. Когда люди начали падать со "Змея", сначала это произошло в середине корабля, в основном от ран и истощения, и люди говорят, что если бы эти храбрецы смогли продолжить свою оборону, "Змей" никогда бы не был побежден.

Когда на "Змее", обвившем среднюю мачту, осталось всего несколько человек, Эйрик Ярл поднялся на борт с четырнадцатью людьми. Затем против него выступил шурина короля, Гирнинг, со своими сторонниками, и между ними завязалась тяжелая борьба, ибо Гирнинг сражался очень храбро. Так закончилось то, что Эйрик Ярл отступил к Барди; но из тех, кто последовал за ним, некоторые пали, а некоторые были ранены; и Хирнинг (изображение Тора) и Эйрик Ярл прославились в этой битве

Эйрик Ярл снял с барди убитых и раненых, а на их место привел свежих и отдохнувших людей, которых он отобрал из числа шведов и датчан. Некоторые также говорят, что Ярл пообещал позволить себе креститься, если победит Змея; и доказательством их заявления является то, что он выбросил Тора и водрузил на его место распятие в ножке Барди. Когда он подготовил своих людей, он сказал присутствовавшему мудрому и могущественному вождю, Торкелю высокому, брату Сигвальди Ярла: ‘Часто я бывал в битвах, и никогда прежде я не встречал людей, столь же храбрых и искусных в бою, как те, что были на "Змее", и никогда я не видел корабля, который так трудно завоевать. А теперь, поскольку ты один из мудрейших людей, дай мне лучший совет, какой ты знаешь, как можно победить Змея’. Торкель ответил: ‘Я не могу дать тебе верного совета по этому поводу, но я могу сказать, что, на мой взгляд, лучше всего сделать. Ты должен взять большие бревна и позволить им упасть с твоего корабля на планшир "Змея", чтобы он накренился; тогда тебе будет легче подняться на борт

"Змея", если его планшир не выше, чем у других кораблей. Я не могу дать тебе другого совета, если этот не подойдет". Ярл выполнил то, что сказал ему Торкель....

Когда Эйрик ярл был готов, он атаковал "Змея" во второй раз, и все датское и шведское войско снова атаковало короля Олафа Трюггвасона; шведы приблизили свои носы к "Змею", но большая часть войска находилась на расстоянии выстрела от северян и стреляла в них непрерывно. Ярл снова поставил Барди бок о бок со Змеем и предпринял очень резкую атаку свежими людьми; в битве он не щадил ни себя, ни тех из своих людей, которые остались.

Король Олаф и его люди защищались с величайшей храбростью и мужеством, так что количество людей на "Змее" немного увеличилось, пока они были свежими; они убили многих своих врагов, как на "Ярнбарди", так и на других кораблях, стоявших поблизости от "Змие". Поскольку битва с Эйриком ярлом все еще продолжалась, он водрузил на Барди большие бревна, которые упали на Змея. Считается, что Змея не была бы побеждена, если бы не это, что было рекомендовано Торкелем высоким.

"Змей начал сильно наклоняться, когда на один планшир были сброшены большие бревна, и вслед за этим многие упали с обеих сторон. Когда защитники "Змея" начали редеть, Эйрик поднялся на борт и встретил теплый прием.

Когда форштевневые защитники короля Олафа увидели, что ярл взобрался на "Змею", они отошли на корму и повернули против него, оказав очень упорное сопротивление; но затем на "Змею" навалилось так много людей, что планшири во многих местах опустели, и люди ярла взобрались на них; и все люди, стоявшие на защите, отошли на корму, туда, где находился король. Халдор (поэт) говорит, что ярл подгонял своих людей.

Говорят, что Торстейн Уксафот был в каюте на корме у липтинга,^[162] и сказал королю, когда люди ярла плотнее всего набились на борт "Змея": "Повелитель, теперь каждый должен делать то, что в его силах". 'Почему бы и нет?' - ответил король. Торстейн ударил кулаком одного из людей ярла, который вскочил на планшир рядом с ним; он так сильно ударился щекой, что свалился в море и тут же погиб. После этого Торстейн пришел в такую ярость, что схватил парусную рею и сражался с ней. Когда король увидел это, он сказал Торстейну: 'Возьми свое оружие, человек, и защищайся им; ибо оружие, а не только руки или бревна, предназначено для того, чтобы люди сражались в битве'. Тогда Торстейн взял свой меч и доблестно сражался. В передней комнате все еще шла самая ожесточенная схватка, и король Олаф стрелял из метательных дротиков или копий, сильно и часто. Когда он увидел, что Эйрик Ярл вошел в переднюю комнату Змея, он выстрелил в него из трех *кешей* с короткими рукоятями (что-то вроде копья), но они полетели не так, как обычно (ибо он никогда не промахивался при стрельбе), и ни одна из этих *кешей*, и ни одна из этих *кешей* не попала в Ярла. Первый пролетел мимо его правого борта, второй - левого, а третий влетел в носовую часть корабля над головой ярла. Тогда король сказал: "Никогда прежде я так не тосковал по человеку; велика хамингия (удача) ярла; должно быть, на то Божья воля, что он теперь будет править Норвегией; и это неудивительно, ибо я думаю, что он сменил *коренного жителя* Барди. Я сказал сегодня, что он не одержал бы победы над нами, если бы у него был Тор в форштевне.

На борт "Змея" поднялось столько людей Ярла, сколько могло там быть, и его корабли стояли со всех сторон от него, и лишь немногие остались для защиты от такого войска. За короткое время многие воины короля Олафа пали, хотя оба они были сильны и доблестны. Там пали оба зятя короля, Хирнинг и Торгейр, Викар из Тиундаленда, Ульф рыжий и многие другие храбрецы, оставившие после себя знаменитое имя.

“Кольбьерн Сталлари (маршал) защищал форштевень в течение дня вместе с другими защитниками форштевня; у него было оружие и одежда, очень похожие на одежду короля Олафа, и он оделся так, потому что думал, что в случае необходимости, как это было сейчас, он мог бы спасти жизнь королю. Когда самые доблестные люди короля в передней комнате начали падать, Кольбьерн поднялся по лестнице к королю. Отличить их друг от друга было нелегко, потому что Кольбьерн был очень крупным и красивым мужчиной. Затем на липтинге обрушился такой ливень из оружия, что щиты короля Олафа и Кольбьерна были сплошь утыканы стрелами. Но когда люди ярла подошли к липтингу, им показалось, что над королем льется столько света, что они не могли видеть сквозь него, но когда свет исчез, они нигде не увидели короля Олафа”. (Сага Олафа Трюггвасона, Форнманна Сегур, ii., 299-332).

Битва при Йомсвикингах возникла из-за клятвы, данной Сигвальди на *арвеле*, данной королем Свейном Тюгускеггом (раздвоенная борода) Напыщенному Харальду ярлу, что он будет править Норвегией.

“Йомсвикинги двинулись на север вдоль побережья, грабя и разоряя все, где бы они ни высадились. Они совершали большие набеги на побережье, убивали много людей и часто сжигали города; все, кто слышал о них и мог спастись, бежали. Говорят, что когда они были в Ульфасунде, недалеко от Штада, они с Хаконем ярлом слышали друг о друге. Они отплыли на двадцать морских миль к северу от Стада, вошли в гавань Херейяра и разместили там весь свой флот. Затем им снова понадобилась еда, и Вагн Акасон отправился на своих скейдах к острову Хед, не зная, что ярл находится в бухте, недалеко от острова. Вагн высадился. Они поднялись наверх, желая, если удастся, совершить набег на берег. Они случайно встретили человека, гнавшего трех коров и двенадцать коз. Вагн спросил его имя. Он сказал, что это Ульф. Вагн сказал своим людям: ‘Возьмите коров и коз и зарежьте их, а также любой другой скот, который вы сможете найти здесь, для нашего корабля’. Ульф спросил: ‘Кто командует людьми на борту этого корабля?’ ‘Вагн Акасон,’ последовал ответ. Ульф сказал: “Я думаю, недалеко от тебя есть крупный рогатый скот для забоя, больший, чем мои коровы или козы”. Вагн сказал: “Если ты знаешь что-нибудь о путешествии Хакона ярла, расскажи нам, и, если ты можешь сказать нам правду, где он, твои коровы и козы в безопасности; что ты знаешь о нем?” Ульф ответил: “Он остался с одним кораблем вчера поздно вечером внутри острова Хед, в Хьерунгаваге, и ты можешь убить его, когда захочешь, потому что он ждет своих людей”. ‘Вагн сказал: “Тогда весь твой скот в безопасности; поднимайся на борт нашего корабля и покажи нам дорогу к ярлу”. Ульф сказал: “Это неправильно для меня, и я не буду сражаться против ярла, но, если ты хочешь, я покажу тебе дорогу в бухту; и, если я поднимусь на борт, ты должен пообещать отпустить меня, когда увидишь дорогу в бухту”. Ульф поднялся на борт рано утром, а Вагн, как только смог, вернулся в Херейяр и рассказал Сигвальди и его друзьям. йомсвикинги - новости, которые рассказал Ульф.

Йомсвикинги приготовились так, словно им предстояло вступить в самую жестокую битву, хотя Ульф сказал, что в этом нет необходимости. Когда они были полностью готовы, они поплыли к заливу. Говорят, Ульф думал, что они увидят там больше кораблей, чем он рассказывал. Когда корабли показались в поле зрения, Ульф прыгнул за борт и хотел доплыть до берега, не дожидаясь своей награды. Когда Вагн увидел это, он захотел воздать ему по заслугам, схватил копье и метнул ему вслед; оно попало ему в середину и убило его. Все йомсвикинги подплыли к заливу и увидели, что он весь усеян военными кораблями. Там было более трехсот кораблей, снэккья, скейдов и торговых судов. Йомсвикинги немедленно построили свои корабли. Хакон и его сыновья, увидев приближение йомсвикингов, сразу же отвязали свои корабли и сказали, кому с кем сражаться. Рассказывают, что верхняя оконечность Хьерунгавага находится на востоке, а его устье - на западе; в бухте стоят три

скалы, одна больше двух других; они называются Хьорунгами, и залив назван от них. Посреди бухты на одинаковом расстоянии от берега в трех направлениях есть риф. Остров под названием Примсигд находится к северу от залива, а Харунд - к югу от него, недалеко от Харундар-фьорда.

Йомсвикинги выстроили свои корабли так: Сигвальди поставил свой корабль в середине, Торкель высокий, его брат, поставил свой рядом с ним; Буи крепкий и Сигурд Капа, его брат, разместили свои корабли на одном крыле строя, а Вагн Акасон и Бьерн Британцы - на другом. Хакон ярл определил, кто должен сразиться с этими чемпионами, и в большинстве случаев трое были выставлены против одного. Что касается их расположения, то Свейн, сын Хакона, был поставлен против Сигвальди; три вождя были выставлены против Торкеля высокого, Яряскеggi, Сигурда Стейклинга, Торира Хьерта (оленья); двое были со свейном Хаконарсоном против Сигвальди, Гудбранда из Далира и Стиркара из Гимсара. Против Буи играли Хальстейн Керлингабани, а также Торкель Лейра и Торкель Мидланг (иендирмен). Против Сигурда Капы выступили Арм из Онундар-фьорда и его сын Арни. Против Вагна Акасона выступили Эйрик ярл Хаконарсон, эрлинг из Скугги, и Огмунд белый, которому Вагн отрубил руку. Против Бьерна британцами были Эйнар маленький, Хавард Упсья и Халльвард из Флайдрунеса, брат Хаварда; сам Хакон ни против кого не выступал, но должен был поддерживать всю линию и командовать ею.

Флоты сомкнулись, и Хакон ярл был со своим сыном Свейном, чтобы поддержать его в борьбе против Сигвальди. Завязался самый ожесточенный бой, и никто не мог придраться к началу или атаке ни того, ни другого; рассказывают, что все шло поровну с Сигвальди, Хакон и Свейном, так что ни один из них не отступил. Тогда Хакон ярл увидел, что Буи оттеснил далеко часть северного крыла их отряда, и те, кто сражался против него, отступили со своими кораблями и сочли за лучшее отступить; он, тем не менее, последовал за ними и нанес тяжелые удары; он плохо обращался с ними, и он был опасен для людей в битве. Ярл увидел, что бой с Эйриком и Вагном на южном крыле был равным. Эйрик отправился оттуда на своем корабле, а его брат Свейн - на другом, дошли до Буя и сразились с ним, и снова выстроили крыло в линию, но больше ничего не могли сделать. Хакон тем временем сражался против Сигвальди, и когда Эйрик вернулся на южное крыло, Вагн отбросил назад многие корабли Эйрика, которые отступили и были разделены, так что Вагн прошел через линию и яростно атаковал их. Эйрик очень разозлился, когда увидел это, и сел на скейд, которым Вагн доблестно управлял на своем "Ярнбарди". Они встали бок о бок друг с другом и снова сражались, и никогда еще борьба не была такой тяжелой, как тогда. Вагн и Слак Холмскалли прыгнули на борт "Ярнбарди" Эйрика со своего парашюта, и каждый пошел вдоль борта корабля, и Слак, так сказать, наносил удары с обеих сторон, как и Вагн, и они расчищали себе дорогу, так что все отступали. Эйрик видел, что эти люди были настолько свирепы и безумны, что долго это не продлится и что помощь ярла должна быть оказана как можно быстрее. Аслак был лысым, на голове у него не было шлема, и он обнажал свой голый череп; погода была яркой, ясной и теплой, и многие сняли свою одежду из-за жары и надели только доспехи. Теперь Эйрик подстрекал своих людей, и они напали на Слака и ударили его по голове мечами и топорами, думая, что это будет наиболее опасно для него, поскольку его голова была непокрыта. Тем не менее говорят, что оружие, будь то мечи или топоры, отскакивало от его черепа и не рубило, а от ударов из черепа вылетали искры. Что бы они ни делали, он яростно шел вперед и расчищал себе путь множеством сильных ударов, убив множество людей. Вигфус, сын Вигаглума, схватил большую наковальню с клювом, лежавшую на палубе "Ярнбарди", к которой он ранее приковал гарду своего меча, когда она была отстегнута; он ударил Аслаха так, что клюв вонзился ему в голову; Аслаку это не удалось, и он тут же упал замертво. Вагн пошел по другой стороне и расчистил себе дорогу,

наноса удары с обеих сторон и ранив многих; тогда Торлейф Скума выбежал навстречу Вагну, ударил его своей дубинкой и попал по шлему; удар был настолько силен, что кожа под шлемом была поцарапана, и Вагн наклонился и, пошатываясь, направился к Торлейфу, и в то же время замахнулся мечом на Торлейфа; затем он прыгнул с Ярнбарди и упал, стоя на своем коньке, и никто не оказал более сильного сопротивления, чем он и все его люди. Тем не менее они с Аслаком убили так много людей на "Ярнбарди", что Эйрик разместил на нем людей с других кораблей, пока тот не был полностью укомплектован, как он считал нужным; и последовал очень ожесточенный бой. Затем Эйрик увидел, что Хакон со своим отрядом приземлился, и в битве наступила некоторая пауза....^[163] Небо на севере начало темнеть, и с моря поднялась темная-пречерная туча, быстро распространяясь; было около полудня, и вскоре туча заволокла все небо, и сразу же последовал ливень с градом, и йомсвикингам пришлось всем лицом к лицу защищаться от града, за которым, казалось, последовали молнии и раскаты грома. Этот ливень с градом был настолько ужасен, что некоторые мужчины ничего не могли сделать, кроме как противостоять ему, так как предварительно сняли одежду из-за жары. Они начали дрожать, хотя сражались достаточно храбро. Говорят, что Хавард Хеггванди, последователь Буи, был первым, кто увидел Хердабруда в войске Хакона ярла, и многие обладали вторым зрением,^[164] и даже те, у кого второго зрения не было, видели. Когда град немного утих, они также увидели, что из каждого пальца Тролля вылетало по стреле, 'мтч', как им казалось, и всегда попадало в человека и убивало его. Они рассказали об этом Сигвальди и другим; и Хакон со своими людьми предприняли самое трудное наступление, какое только могли, когда разразился ливень и пока он продолжался. Тогда Сигвальди сказал: 'Мне кажется, что сегодня нам придется сражаться не с людьми, а с худшими троллями (исчадиями ада), и требуется некоторая мужественность, чтобы смело идти против них, хотя ясно, что мужчины должны набраться храбрости, насколько это возможно'. О Хаконе рассказывают, что когда он увидел, что ливень утих и он был не таким сильным, как раньше, он еще раз призвал Торгерд и ее сестру Ирпу, сказав, что он заслужил это, пожертвовав своим сыном ради победы. Затем на них снова обрушился ливень с градом, и когда он начался, Хавард Хеггванди увидел, что на корабле Хакона ярла были две женщины и что они делали то же самое, что он видел раньше. Сигвальди сказал: 'Теперь я убегу, и все мои люди сделают это, потому что это хуже, чем когда я говорил об этом раньше, поскольку тогда была только одна Женщина-тролль, но теперь их две, и я больше не буду этого терпеть; наше оправдание в том, что мы не убегаем от людей, хотя и отступаем; но мы не клялись сражаться с демонами'. Он (Сигвальди) развернул свой корабль и крикнул Вагну и Буи, чтобы они спасались бегством так быстро, как только смогут. Когда он отстегнул свой корабль и закричал, Торкель Мидланг перепрыгнул со своего корабля на борт Буи и сразу же напал на Буи. В мгновение ока он отрезал себе нижнюю губу и весь подбородок книзу, так что они упали на корабль, и зубы Буи отлетели от удара. Буи сказал, когда получил рану: 'Датчанка в Боргундархольме не будет так охотно целовать меня, даже если я сейчас вернусь домой'. Буй ударил Торкеля; палуба была скользкой от крови, так что Торкель упал у ряда щитов, пытаясь уклониться от удара, который пришелся ему в середину и разрубил надвое у планшира. Сразу же после этого Буи взял по одному из своих сундуков с золотом в каждую руку и прыгнул с ними за борт; ни он, ни сундуки не всплыли, и с тех пор их никто не видел. Некоторые говорят, что когда Буи ступил на планшир, чтобы прыгнуть за борт, он произнес такие слова: "За борт, все люди Буи". Сигвальди покинул флот и не знал, что Буи ушел за борт, и крикнул Вагну и Буи, чтобы они спасались бегством, что он и собирался сделать.... Сигвальди замерз после душа и начал грести, чтобы согреться, в то время как другой человек сел за руль. Когда Вагн увидел Сигвальди, он метнул в него копье, думая, что это он сидит за рулем, но Сигвальди греб, и человек за рулем был ранен. Когда Вагн выбил копье у него из рук, он сказал Сигвальди, что тот должен умереть как самый подлый из людей. Торкель

высокий, брат Сигвальди, ушел с шестью кораблями, как только Сигвальди умер, и то же самое сделал Сигурд Капа, потому что его брат Буи ушел за борт, и он больше не мог ждать его. Они оба думали, что выполнили свои обеты, и отправились домой в Данию на двадцати четырех кораблях. Все, кто мог покинуть оставшиеся корабли, прыгнули на борт скейда Вагна, и там они очень доблестно оборонялись до наступления темноты; затем битва закончилась, и очень многие все еще были на ногах в скейде Вагна. Хакона ярла настигли ночью, и он не смог выяснить, сколько человек было живо или могло остаться в живых на кораблях, поэтому он приказал ночью установить наблюдение, чтобы ни один человек не сбежал от них, и они сняли весь такелаж. Тогда Хакон подплыл к берегу и разбил палатки; они думали, что у них есть повод похвастаться победой. Затем они взвесили градины, чтобы доказать силу Торгерд и Ирпы; это было хорошо доказано, ибо сказано, что каждая градина весила один эйрир, и их взвешивали на весах. После этого раны мужчин были перевязаны, и Хакон ярл и Гудбранд из Далира бодрствовали всю ночь” (Сага о Йомсвикинге, с. 41-44).

Из следующего рассказа мы видим, что эти люди древности знали, как умирать, и что дух рыцарства, казалось, покинул эту землю, хотя Эйрик, сын Хакона, наконец остановил имевшее место кровопролитие. После поражения йомсвикингов от Хакона ярла восемьдесят человек, которые не попали в плен, высадились в шхерах и понесли большие лишения от холода.

“Теперь следует сказать, что Вагн и Бьерн, британцы, говорили о том, что им следует делать: Вагн сказал. ‘Есть два варианта: остаться здесь, на корабле, до рассвета, а потом быть схваченным, а это неприятно, или сойти на берег и причинить им столько вреда, сколько сможем, а потом попытаться сбежать. Все они приняли решение, взяли мачту и рею, покинули корабль и поплыли на них, восемьдесят человек вместе, в темноте. Они хотели выбраться на сушу, подошли к шхерам и думали, что находятся на берегу. Многие были очень измучены, и десять раненых умерли там ночью, а остальные семьдесят выжили, хотя многие сильно устали и не могли идти дальше; они оставались там всю ночь. Говорят, что, когда Сигвальди сбежал, ливень прекратился, а также все молнии и раскаты грома, и ночью, пока Вагн был в шхерах, до рассвета стояла холодная и тихая погода.

Незадолго до рассвета люди Хакона перевязывали свои раны и занимались этим всю ночь, начав сразу после высадки, потому что очень многие были ранены. Они почти закончили это, когда услышали звон тетивы на корабле, и стрела вылетела с корабля Буи и попала в борт Гудбранда, родственника Хакона; этого было достаточно, и он сразу умер. Ярл и все остальные сочли это большой потерей и начали готовить его тело, как могли, не имея для этого средств. Говорят, что у входа в палатку стоял человек. Когда Эйрик вошел в нее, он спросил: ‘Почему ты стоишь здесь, или почему у тебя такой вид, как будто ты умираешь; или ты ранен?’ Это был Торлейф Скума. Эйрик сказал: ‘Я вижу, ты близок к смерти’. Торлейф ответил: ‘Я не уверен, что острие меча Вагна Акасона не задело меня немного вчера, когда я ударил его дубинкой’. Ярл сказал: ‘Плохо твой отец держал свой скот в Исландии, если ты должен умереть сейчас’. Эйнар Скалагламм услышал, что сказал ярл, и сочинил строфу.... После этого Торлейф упал замертво.

Когда рассвело, ярл сразу же отправился обыскивать корабли и поднялся на борт корабля Буя, и прежде всего захотел узнать, кто стрелял ночью, думая, что этот человек заслужил жестокое обращение. Когда они поднялись на борт, то обнаружили одного человека, который едва дышал; это был Хавард Хеггванди (рубящий), последователь Буи, тяжело раненный, так как обе его ноги были отрезаны ниже колен. Свейн Хаконарсон и Торкель Лейра пошли к нему; когда они пришли, Хавард спросил: ‘Как дела, ребята, прислали вам что-нибудь с корабля этой ночью на берег или нет?’ Они ответили: ‘Конечно, что-то пришло;

ты послал это?» Он сказал: 'Я не буду отрицать, что послал это тебе; ранила ли стрела кого-нибудь, когда остановилась?' Они ответили: 'Оно убило человека, в которого попало'. Он сказал: 'Это хорошо; а в кого оно попало?' 'В Гюдбранда белого', - ответили они. Он сказал: 'Тогда я не добился того, чего хотел; я имел в виду это ради ярла; тем не менее я рад, что пострадал человек, смерть которого - потеря для тебя'. Торкель Лейра сказал: 'Давай не будем смотреть на этого пса, а убьем его как можно скорее'. Он ударил его, и другие подбежали к нему и изрезали его оружием, и били его, пока он не умер. Перед этим они спросили его имя, и он сказал им.

После этого они сошли на берег и сказали ярлу, которого убили, что этот человек был чем-то большим, чем обычное чудовище, и они поняли из его слов, что его характер не сделал его лучше. Затем они увидели, что в шхерах очень много людей; ярл велел им выйти к ним и привести их всех к нему, так как он хотел, чтобы их жизни были в его власти. Люди ярла поднялись на борт корабля и поплыли к шхерам; там мало кто был в состоянии сражаться из-за ран и холода, и не сказано, что кто-то защищался; все они были доставлены людьми ярла к нему на берег; их было семьдесят. Затем ярл вывел Вагна и его людей на сушу, и им связали руки за спиной, и они были связаны одной веревкой, один сбоку от другого, не свободно. Ярл и его люди взяли свою еду и сели есть; он хотел, чтобы в этот день их всех обезглавили неторопливо и без спешки.

"Прежде чем они сели за стол, корабли и имущество йомсвикингов были вытащены на берег и доставлены полякам. Хакон и его люди разделили между собой все имущество и оружие; они думали, что одержали великую победу, так как получили все имущество, захваченное у йомсвикингов, и они очень хвастались. Наевшись досыта, они вышли из боевых будок к пленникам, и, как говорят, Торкелю Лейре было приказано обезглавить их всех. Сначала они поговорили с йомсвикингами и спросили, действительно ли они такие отважные люди, как о них говорят; но не сказано, что йомсвикинги дали им какой-либо ответ.

Далее утверждается, что несколько тяжело раненных людей были отвязаны от веревки; Скопти Карк и другие рабы держали ее и охраняли их. Когда их развязали, рабы вплели себе в волосы палки^[165]; сначала таким образом вывели вперед троих раненых, и Торкель подошел к ним и отрубил каждому голову; затем он спросил своих товарищей, видели ли они, как он содрогался при этой работе, 'ибо сказано, - сказал он, - что любой человек содрогается, если обезглавливает троих человек одного за другим'. Хакон ответил: "Мы не видим, чтобы ты содрогнулся от этого, хотя мне так казалось до того, как ты это сделал".

Четвертого человека сняли с веревки, в волосах у него была запутана палка, и его повели туда, где Торкель обезглавил их; он был сильно ранен. Когда он подошел, Торкель спросил, прежде чем нанести удар, что он думает о своей смерти. Он ответил: 'Хорошо, что я думаю о своей смерти; она будет со мной, как с моим отцом; я умру'. После этого Торкель отрубил этому человеку голову, и так закончилась его жизнь. Пятого отвязали от веревки и привели туда; когда он пришел, Торкель сказал: 'Как бы тебе хотелось умереть?' Он сказал: 'Я не помню законов Йомсвикингов, если я боюсь своей смерти или говорю слово страха; однажды должен умереть каждый человек'. Торкель ударил его. Они хотели расспросить каждого человека, прежде чем он будет убит, и проверить, действительно ли они так бесстрашны, как им говорили, и если ни один человек не произнес ни слова страха, они сочли это доказанным. Шестого вывели вперед, и в его волосах была запутана палка. Торкель спросил то же самое, что и раньше; человек сказал, что ему нравится умереть с доброй славой, 'в то время как ты, Торкель, будешь жить со стыдом'. Он нанес удар. Затем седьмого привели туда, и Торкель спросил о том же. Мужчина сказал: 'Мне очень нравится умирать, но ударь меня быстро; у меня в руке поясной нож. Мы, йомсвикинги, часто говорили о том, знал

ли человек что-нибудь (имел ли какое-то сознание) после того, как ему очень быстро отрубили голову; это будет знаком того, что я протяну нож, если я что-нибудь узнаю, иначе он упадет'. Торкель нанес удар; голова отлетела, но нож упал. Восьмой был взят, и Торкель спросил то же самое. Он сказал, что ему это очень понравилось, и когда последовал смертельный удар, он сказал: 'Рам!' Торкель остановил удар и спросил, почему он это сказал. Он ответил: 'Для овец, которых вы, люди ярла, называли вчера, когда были ранены, будет не слишком много баранов'. 'Ты величайший негодяй', - сказал Торкель и нанес ему удар. Девятого развязали; Торкель попросил того же. Он сказал: 'Я очень люблю свою смерть, как и все мои товарищи; но я не хочу, чтобы мне отрубили голову, как овце, и я буду сидеть, ожидая удара; ударь меня лицом к лицу и внимательно посмотри, не вздрогну ли я как-нибудь, потому что мы часто говорили об этом'. Это было сделано; он сел лицом к Торкелю, который подошел к нему и ударил по лицу; он не вздрогнул, за исключением того, что его веки опустились, когда смерть настигла его. Десятого вывели вперед. Торкель попросил его о том же. Он сказал: 'Я бы хотел, чтобы ты подождал, пока я приведу в порядок штаны'. 'Я согласен с тобой в этом', - сказал Торкель. Закончив, он сказал: "Многое идет не так, как хотелось бы; я думал, что мне следует лечь в постель к Торе, дочери Скаги, жене ярла'. Хакон ярл сказал: 'Обезглавь этого человека так быстро, как только сможешь; у него давно были дурные намерения'. Торкель зарубил его....

Затем вперед вывели молодого человека; у него были густые волосы, желтые, как шелк. Торкель спросил то же самое. Он сказал: 'Я прожил лучшую часть своей жизни, и совсем недавно расстались с жизнью такие люди, что я не хочу жить; я не хочу, чтобы рабы вели меня на смертельный удар, но тот, кто такой же мужчина, как ты; этого человека легко поймать, и он схватит меня за волосы и оттянет мою голову, чтобы мои волосы не окровавились'. Подошел хирдман, схватил волос и намотал ему на руку; Торкель поднял свой меч и намеревался ударить его так сильно и быстро, как только сможет. Он нанес удар; но когда юноша услышал, как меч просвистел в воздухе, он сильно отдернул голову, и так получилось, что удар пришелся по человеку, державшему его за волосы, и Торкель отсек ему обе руки по локти. Молодой человек вскочил и сказал в шутку: 'Что за парень запустил руки в мои волосы?' Хакон ярл сказал: "Люди, которые все еще на веревке, причинят нам большой вред; убейте его как можно скорее; он навлек на нас большую беду, и ясно, что все они, кто еще жив, должны быть убиты как можно скорее, ибо нам не справиться с ними, а их храбрость и отвага не были преувеличены'. Эйрик сказал своему отцу: 'Мы хотим знать, отец, кто они, прежде чем они все будут убиты; как тебя зовут, юноша?' 'Свейн', - ответил он. 'Чей ты сын, - спросил Эйрик, - и кто твой родственник?' Он сказал: 'Моего отца звали Буи, крепкий, сын Весети из Боргундархольма. Я датского происхождения'. 'Сколько тебе лет?' - спросил Эйрик. 'Если я доживу до этой зимы, мне будет восемнадцать зим', - сказал он. Эйрик сказал: 'Ты проживешь эту зиму, если на то будет моя воля, и не будешь убит'. Он взял его с миром, в компанию себя и своих людей. Когда Хакон увидел это, он сказал: "Я не знаю, о чем ты думаешь, когда спасаешь человека, который причинил нам столько позора, как этот молодой человек; он причинил нам больше всего вреда, но, тем не менее, я не хочу забирать его из твоих рук, и на этот раз ты добьешься своего'. Так Эйрик добился своего. Хакон сказал Торкелю: 'Быстро обезглавь этих людей'. Эйрик ответил: "Они не будут обезглавлены до того, как я сначала поговорю с ними, и я хочу знать, кто каждый из них".

“Когда он сказал это, человека отвязали от веревки; веревка немного запуталась вокруг его ног, так что он был не совсем свободен. Этот человек был крупным и красивым, молодым и смелым на вид. Торкель спросил его, как ему нравится умирать. 'Что ж, ' сказал он, - если бы

я мог сначала исполнить свой обет'. Эйрик ярл спросил: 'Как тебя зовут? И какова же твоя клятва, которую ты особенно желаешь исполнить перед смертью?' Он ответил: 'Меня зовут Вагн; я сын Аки, сына Пальнатоки из Фьена; так мне сказали'. Эйрик сказал: 'Какую клятву ты дал, если говоришь, что хотел бы умереть, если бы выполнил ее по своей воле?' 'Я дал клятву, - сказал Вагн, - пробраться в постель Ингибьерг, дочери Торкеля Лейры, против его воли и воли всех ее родственников, и убить Торкеля, если я приеду в Норвегию, и многого мне недостает, если я не смогу выполнить это перед смертью'. 'Я помешаю тебе сделать это, прежде чем ты умрешь', - сказал Торкель. Он бросился к нему и нанес удар, держа меч обеими руками. Бьерн Британец, приемный отец Вагна, быстро оттолкнул его ногой от удара. Торкель промахнулся мимо Вагна, ударил по веревке, которой был связан Вагн, и разрубил ее на части. Теперь Вагн был свободен и не ранен. Торкель споткнулся, промахнувшись мимо противника, и упал; меч выпал у него из рук. Бьорн так сильно пнул Вагна, что тот упал, но лежал он недолго и вскоре вскочил. Он схватил меч Торкеля и нанес ему смертельный удар. 'Теперь я выполнил одну из двух своих клятв, - сказал Вагн, - и чувствую себя намного лучше, чем раньше'. Хакон сказал: 'Не оставляй его надолго на свободе; сначала убей его, ибо он причинил нам много вреда'. Эйрик сказал: 'Ты не убьешь его, если на то будет моя воля, прежде чем убьешь меня; я забираю его'. Хакон сказал: 'Теперь мне не нужно вмешиваться в это; ты сам поступишь по-своему, родственник'. Эйрик сказал: 'Вагн - хороший человек - сделка (= приобретение), отец, и я думаю, что это хорошая сделка - позволить ему занять место и честь Торкеля; Торкель мог ожидать того, что с ним случилось, ибо теперь доказано, что часто говорят, что "догадка мудреца - пророчество"; ты уже видел сегодня, что он был обречен на смерть'. Эйрик взял Вагна в свою власть, и тогда ему ничего не угрожало; Вагн сказал: 'Я приму жизнь от тебя, Эйрик, только при условии, что всем моим товарищам, которые еще живы, будут возвращены жизни; в противном случае мы все пойдем одним путем, мы, товарищи'. Эйрик сказал: 'Я поговорю с твоими товарищами, но я не отказываю в том, о чем ты просишь'. Эйрик пошел к Бьорну Британцу и спросил, кто он такой и как его зовут. Он ответил: "Бьерн". "Ты тот Бьерн, который так смело привел человека в чертог короля Свейна?"^[166] "Я не знаю, - сказал Бьерн, - что я смело привел его, но, тем не менее, я увел этого человека". 'Чего ты добивался, ' сказал Эйрик, 'приходя сюда, старик, или что побудило тебя, лысого и седовласого, отправиться в это путешествие?' Это правда, что все соломинки хотят ужалить нас, норегов, поскольку даже те, кто сбился с ног от старости, пришли сюда, чтобы сразиться с нами. Получишь ли ты от меня свою жизнь, ибо я думаю, что человека такого возраста, как ты, не следует убивать. Бьерн ответил: 'Я получу от тебя свою жизнь при условии, что будут спасены жизни моего приемного сына Вагна и всех наших людей, которые еще живы'. 'Это будет даровано всем вам, ' сказал Эйрик, 'если на то будет моя воля, а я так и сделаю'. Он пошел к своему отцу и умолял его сохранить жизни всем оставшимся в живых йомсвикингам, которые ярл даровал ему; и все они были развязаны, им была дана клятвенная вера, и они были приняты с миром. Хакон и Эйрик устроили так, что британец Бьерн отправился в бу Халльштейн Келлинггарбани. Кроме Халльштейна, были убиты пятеро десантников. Вагн Акасон отправился к Вику с согласия Эйрика, и перед тем, как они расстались, Эйрик сказал ему, что относительно его свадьбы с Ингибьерг, дочерью Торкеля, он может поступать, как ему заблагорассудится. Когда Вагн приехал в Вик, он отправился в Ингибьерг и пробыл там зиму. Следующей весной он уехал и в точности выполнил все, что обещал Эйрику. Он вернулся домой, на свои фермы в Фьене, и долгое время после этого управлял ими; его считали человеком великих подвигов, и от него произошло много знаменитых людей. Рассказывают, что он забрал Ингибьерг с собой домой.

"Бьерн Британский отправился в Бретландию и правил ею, пока был жив, и на него смотрели как на самого храброго человека" (Сага о Йомсвикинге, гл. 45, 47).

ГЛАВА XIII. ТОРГОВЦЫ И ТОРГОВЫЕ СУДА.

Широкий размах торговых экспедиций—Коммерческая активность народа—Ярмарки—Неприкосновенность торговых судов от захвата—Классификация и названия торговых судов—Торговля высокого звания—Короли как торговцы—Законы, регулирующие торговлю—Древнейшее средство обмена—Метод счета—Меры веса—Арабские и другие монеты и предметы—Страхование.

Люди Севера с самых ранних времен были великими торговцами и поэтому совершали длительные путешествия, как видно из находок раннего железного века и из многих рассказов в Сагах; эта древняя черта их характера все еще проявляется у их потомков.

Их торговые экспедиции простирались далеко на юг через территорию нынешней России, к Черному морю, Тигру и Евфрату, а также на восток до Самарканда; при этом на своих кораблях они вели торговлю в моря Западной Европы и Средиземное море.

“У Торольфа был большой морской корабль; во всех отношениях он был очень тщательно построен и выкрашен почти полностью, выше ватерлинии; на нем были паруса в синюю и красную полоску, а вся оснастка была очень сложной. Он приготовил все это и приказал своим людям-слугам отправиться с ним; он погрузил на борт сушеную рыбу, шкуры, жир, серый мех и другие меха, которые добыл в горах; все это представляло большую ценность. Он отправил его на запад, в Англию, чтобы купить ткань (шерстяную) и другие товары, в которых он нуждался. Они направились на юг вдоль побережья, а затем вышли в море; прибыв в Англию, они нашли хороший рынок сбыта, нагрузили корабль пшеницей и медом, вином и тканями и вернулись осенью с попутным ветром” (Сага об Эгиле).

“Из Англии (Лондона) Гуннлауг отплыл с несколькими торговцами в Дублин. Король Сигтригг Шелковая борода, сын Олафа Кварана и королевы Кормлед, тогда правил Ирландией”^[167] (Гуннлауг Ормстунга, с. 8).

Весной, после битвы при Йомсвикинге, ярл созвал к себе многих вождей на востоке страны. Туда же пришли по зову ярла братья Йостейн и Карлсхефуд, сыновья Эйрика из Офрустада. Был также человек по имени Торир Клакка, большой друг ярла. Он привык летом отправляться в походы викингов, но иногда отправлялся в торговые путешествия, и поэтому знал много стран” (Олаф Трюгвасон, с. 51 (Хеймскрингла)).

Некоторое время спустя король Сверрир провел Совецание в Бьоргине (Берген) и произнес речь: ‘Мы благодарим всех англичан, которые приносят сюда пшеницу и мед, муку или ткани, за то, что они пришли; мы благодарим также всех мужчин, которые приносят сюда полотно, воск или чайники. Мы также назовем тех, кто приехал с Оркнейских островов, Ялтланда, Фарерских островов, Исландии, и всех, кто привозит в эту страну полезные для нее вещи” (Форнманна Сегур, vii.).

Далее он говорит, что приезжающие туда немцы привозят вино и учат мужчин быть пьяницами.

Король Олаф провозгласил христианский закон в Викине таким же образом, как и в северной части страны; и это быстро продвигалось вперед, поскольку жители Викина были гораздо лучше знакомы с христианскими обычаями, чем жители севера, поскольку и зимой, и летом здесь было много датских и саксонских торговцев. Викинцы также часто совершали торговые поездки в Англию и Саксландию, или Флемингьяланд (Flamland, Фландрия), или Данию; но некоторые отправлялись в экспедиции викингов и оставались на зиму в христианских землях” (Святой Олаф, с. 62).

Существовали регулярные места, где устраивались ярмарки для обмена товаров без опасения посягательств, на которых царил тот же мир, что и в Вещи или храме, причем их неприкосновенность, по-видимому, признавалась всеми. В этих местах были построены торговые палатки, куда приезжали местные и иностранные купцы, и товары — меха, шкуры, дорогие ткани, предметы одежды, зерно, рабы и т. Д. — Продавались или обменивались.

“Сын Мелькорки, Олаф, приплыл в Ирландию, и, когда он собирался высадиться на берег, его вождь Орн сказал: ”Я не думаю, что мы встретим здесь хороший прием, потому что это далеко от гаваней и тех торговых мест, где иностранцам царит мир”” (Лаксдала, с. 21).

Следующим летом Транд отправился с торговцами на юг, в Данию, и летом достиг Халейри. Там собралось очень много людей, и говорят, что туда приезжает больше людей, чем в любое другое место в Нордрленде (северные земли), пока длится ярмарка. В то время Данией правил король Харальд Гормссон по прозвищу Блатонн (синий зуб). Летом король Харальд был в Халейри, и с ним было много людей. Упоминаются двое королевских хирдманов, которые были там с ним; одного звали Сигурд, другого Харек. Эти братья всегда ходили по городу и хотели купить самое лучшее и большое золотое кольцо, какое только могли достать. Они вошли в очень изящно обставленный киоск; мужчина, сидевший там, хорошо принял их и спросил, что они хотели бы купить. Они сказали, что хотят купить большое и хорошее золотое кольцо. Он ответил, что у них хороший выбор. Они спросили его имя, и он назвался Хольмгейр Аудги (богатый). Он выложил свои дорогие вещи и показал им тяжелое золотое кольцо, которое было очень дорогим и оценивалось так дорого, что они не знали, смогут ли они получить сразу столько серебра, сколько он хотел, и попросили его отложить это до следующего утра, на что он согласился.

Король и другие поняли, что у них украли серебро, поэтому король издал указ о том, что никакие корабли не должны отплывать, пока дела обстоят таким образом. Многим и так казалось большим недостатком оставаться там дольше, чем длилась ярмарка. Затем норвежцы встретились между собой, чтобы посоветоваться. Транд был на собрании и сказал: ‘Здесь люди очень беспомощны’. Они спросили: ‘Ты знаешь план?’ ”Конечно, знаю”, - сказал он. ‘Тогда дай нам свой совет’, - сказали они. ‘Я не стану делать это безвозмездно’. Они спросили, чего он требует, и он ответил: ‘Каждый из вас должен дать мне по одному эйриру серебра’. Они сказали, что это большая сумма, но было решено, что каждый человек там должен отдать ему половину эйрира сразу, а другую половину, если он добьется успеха. На следующий день у короля было Дело, и он сказал, что люди никогда не должны уходить оттуда, пока эта кража не будет обнаружена. Затем молодой человек с длинными рыжими волосами, веснушчатым и довольно некрасивым лицом начал говорить и сказал: ‘Люди здесь довольно беспомощны’. Советчики короля спросили, какой совет он может дать. Он ответил: ‘Мой совет, чтобы каждый присутствующий здесь человек отдал столько серебра, сколько потребует король, и когда оно будет сложено в одно место, то возместите ущерб тому, кто пострадал, а остальное пусть король получит в качестве почетного дара. Я знаю, что он хорошо воспользуется тем, что получит; пусть люди не остаются здесь в стесненных погодными условиями условиях, когда здесь собралось такое

множество людей, в таком невыгодном положении. ' Собравшиеся быстро приняли это и сказали, что они охотно пожертвовали бы серебро в честь короля, а не оставались бы там в невыгодных для себя условиях. Этот план был принят, и серебро собрано" (Сага о Ферейинге, с. 3).

Торговые корабли, за очень немногими исключениями, не подвергались нападениям викингов, поскольку разграбление торгового судна в море, по-видимому, считалось недостойным мужчины. Они были непохожи на военные суда, которые мы описали, и общее название, данное этим Kaup-skip (торговым судам), показывает, что различие было легко распознано. Они не были украшены ни драконами, ни щитами, и боевой вымпел отсутствовал.

Мы находим, что они упоминаются под разными названиями, а именно: Knörr, Kugg, Byrding (грузовое судно), Vistabyrding (суда снабжения) и Haf-skip (глубоководное судно); были также более мелкие или менее важные суда, среди них даже паромы. Часто упоминаются Бердинги (вьючные корабли), настоящие грузовые суда.

"Однажды, когда Асмунд греб через Пролив, навстречу им поплыл бердинг; его было легко узнать, потому что на носу у него была белая и красная раскраска; парус был полосатый" (Святой Олаф, 132).

Торговля считалась высоким призванием. Даже сыновья королей не презирали это; Сын Харальда Прекрасноволосого Бьерн был великим Фарм (мореплавателем) и Каупманом (торговцем, негоциантом).

Сын короля Харальда, Бьерн, правил Вестфолдом и жил в основном в Тунсберге, но редко участвовал в военных действиях. В Тунсберг приезжало много торговцев, как со всего Викина, так и из страны на севере, с юга из Дании и Саксланда. У короля Бьорна также были торговые корабли, ходившие в разные страны, и таким образом он добывал себе драгоценные вещи и другие товары, в которых нуждался. Его братья называли его торговцем, или фаррингменом. Бьерн был мудрым и спокойным, и его также считали хорошим вождем" (Форнманна Сегур, том i).

Даже короли иногда вступали в партнерские отношения с торговцами.

Ингимунд, сражавшийся на стороне Харальда Прекрасноволосого, но обосновавшийся в Исландии, приехал в Норвегию.

"Гудлейк Герский (из Гардарики) был уроженцем Агдира; он был великим и богатым торговцем и мореплавателем, который совершал торговые поездки в разные страны; он часто бывал в Гардарики, и поэтому его звали Гудлейк Герский. Однажды весной он подготовил свой корабль, так как хотел летом отправиться в Гардарики. Король Олаф прислал ему сообщение, что желает его видеть. Когда Гудлейк приехал, король сказал, что хочет вступить с ним в партнерство, и попросил его купить для него дорогие вещи, которые были редкостью в Норвегии. Гудлейк пообещал сделать так, как он пожелает.... Летом Гудлейк отправился в Хольмгард и купил там превосходный *лелл* (дорогую ткань), которую он предназначал для знатной одежды (*tignarklœði*) для короля, и дорогие шкуры, и чрезвычайно прекрасный столовый сервиз (*bord-búnað*)" (Святой Олаф, 64).^[168]

Тогда Ингимунд сказал: 'Здесь я покажу тебе, мой господин, двух медвежат, которых я поймал в Исландии, и я хотел бы, чтобы ты принял их от меня'. Король поблагодарил его и пообещал, что разрешит ему брать древесину. Зимой они обменялись множеством подарков, а весной его корабль был загружен тем грузом, который он выбрал, и лучшим

лесом, который только можно было достать. Тогда король сказал: 'Я вижу, Ингимунд, что отныне ты больше не приедешь в Норвегию. Тебе понадобится больше древесины, чем может перевезти один корабль; здесь лежат несколько кораблей; выбирай, какой из них тебе больше нравится'. 'Выбери для меня, господин, тот, который принесет больше удачи'. Ингимунд ответил. 'Я сделаю так, как знаю лучше всего', - сказал король. "Вот один под названием *Стиганди*,^[169] который лучше держит ветер, чем любой корабль (лучше плавает), и к тому же более процветающий, и я выберу его для тебя; он небольшой, но прекрасный'. Ингимунд поблагодарил его за подарок и отбыл в Исландию, куда вскоре прибыл и был принят всеми с радостью". (Сага о Ватнсдале, с. 16).^[170]

"Эйвинд (исландец) стал торговцем и отправился в Норвегию, а оттуда в другие страны, и остановился в Миклигарде (Константинополе), где он получил великие почести от греческого короля и оставался некоторое время" (Сага Храфнкеля).

Этим летом корабль пришел из Норвегии на Фарерские острова; рулевого звали Рафн; его родственники жили в Вике, а сам он владел домом в Тунсберге. Он постоянно плавал в Холмгард, и его звали Холмгардсфари. Корабль прибыл в Торсхефн; когда торговцы были готовы отплыть, говорят, что Транд из Гаты пришел туда однажды утром в скуте и поговорил с Рафом наедине, сказав, что у него есть две молодые рабыни, чтобы продать ему. Рафн сказал, что не купит их, пока не увидит. Транд вывел вперед двух мальчиков с обритыми волосами, в белых одеждах; они были приятной наружности, но лица их опухли от горя. Увидев мальчиков, Рафн спросил: 'Разве это не сыновья Брестира и Бейнира, которых ты недавно убил?' 'Конечно, я так думаю', - сказал Транд. 'Они не попадут в мои руки, ' сказал Рафн, ' из-за собственности'. 'Тогда давай сдадимся оба', - сказал Транд. - "Возьми здесь две марки серебра, которые я дам тебе, если ты заберешь их с собой, чтобы они впредь никогда не попадали к Фероз'. Он высыпал серебро на колени рулевому, пересчитал и показал ему. Рафну серебро очень понравилось, и было решено, что он должен принять мальчиков. Он отплыл, когда попутный ветер подул, и высадился там, где пожелал, на востоке Норвегии, в Тунсберге; он остался там на зиму, и мальчики были с ним, и с ними хорошо обращались" (Сага о Ферейинге, с. 8).

В тяжелые годы вывоз зерна был запрещен.

В Омде, в Трандарнесе, жил вождь по имени Асбьерн. Он устраивал три праздника каждую зиму, как это было принято у его отца. Потом начались неурожаи, наступили неурожайные годы, и его мать хотела, чтобы он пропустил некоторые или все праздники; но он не захотел и купил кукурузу или получил ее в подарок. Однажды летом он не смог больше добыть кукурузы. С юга страны передавали, что король Олаф запретил везти кукурузу, солод и муку с юга на север. Тогда Асбьерн сел на свой корабль с двадцатью людьми и поплыл на юг, пока они не пришли в Эгвальдснес. Асбьерн спросил королевского управляющего, который жил там, не продаст ли он кукурузу. Он сказал им, что король запретил продажу кукурузы с юга на север. Затем Асбьерн получил зерно от рабов вождя Эрлинга Скьялгссона, который был братом матери Асбьерна. Королевский управляющий отправился с шестьюдесятью людьми на корабле Асбьерна, забрал зерно и вдобавок его парус и поставил ему еще один плохой парус. Асбьерн убил управляющего некоторое время спустя, когда Олаф был на пиру в доме управляющего" (Сага о святом Олафе, с. 123).

Гири и противовесы были известны норвежцам с очень ранних времен, как доказывают находки; и их стандартом измерения был элл.

Рис. 998.— $\frac{1}{3}$ реальный размер.

Спиральные кольца из золота, используемые в качестве денег; найдены на дне Ваммело, Седерманландия. Вес, около 1½ фунтов.

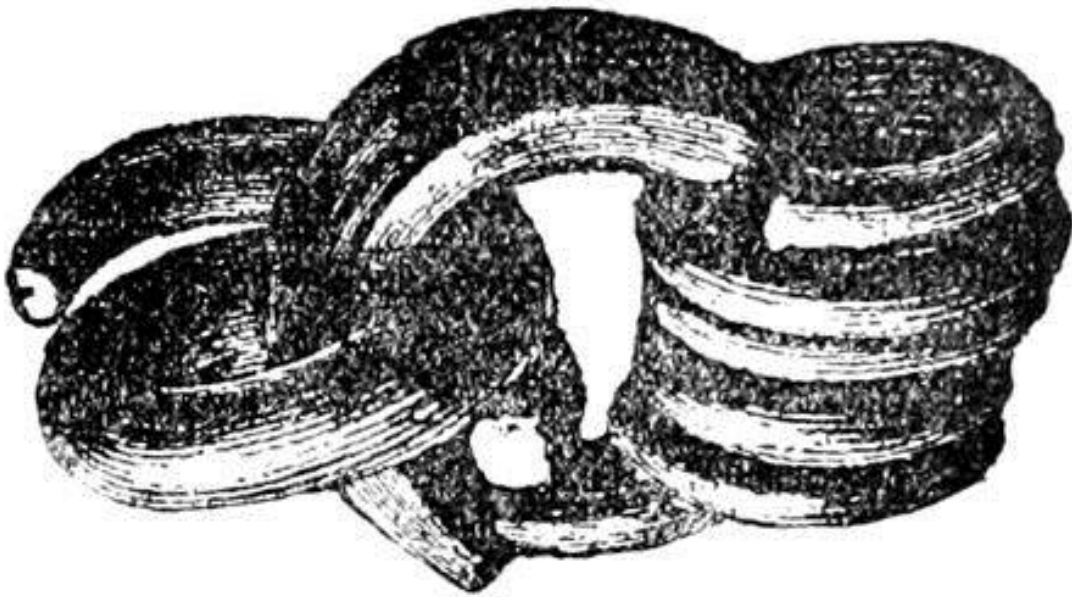

Рис. 999.—Реальный размер.

Спиральные кольца; вес около 2½ унций. Норвегия.

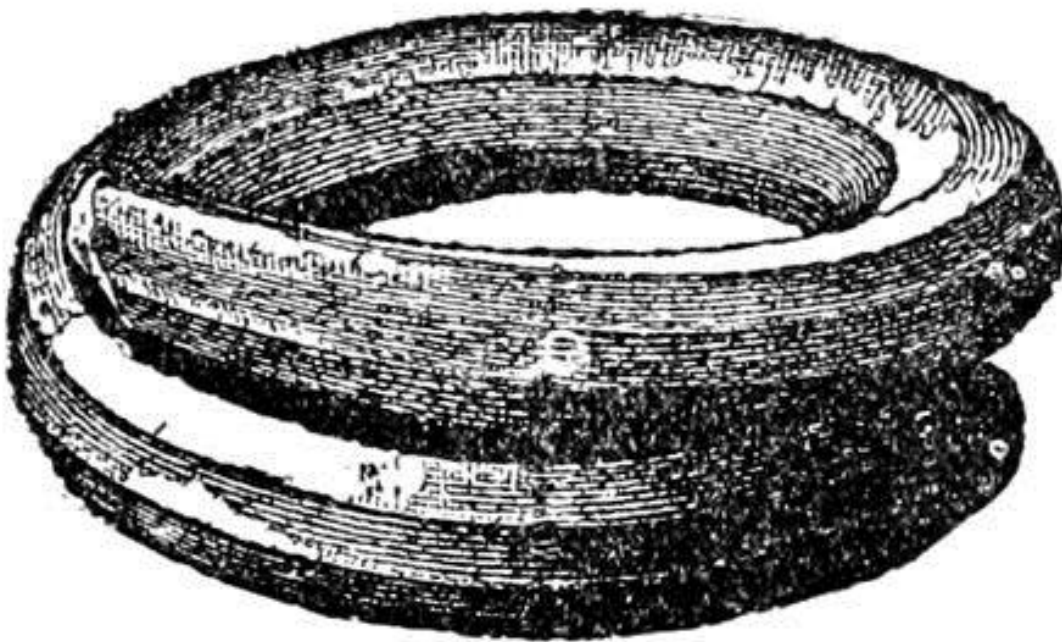

Рис. 1000.—Спиральное кольцо, найденное вместе с тремя другими спиральными кольцами меньшего размера и двумя фрагментами; вес около 3 унций.—Норвегия.

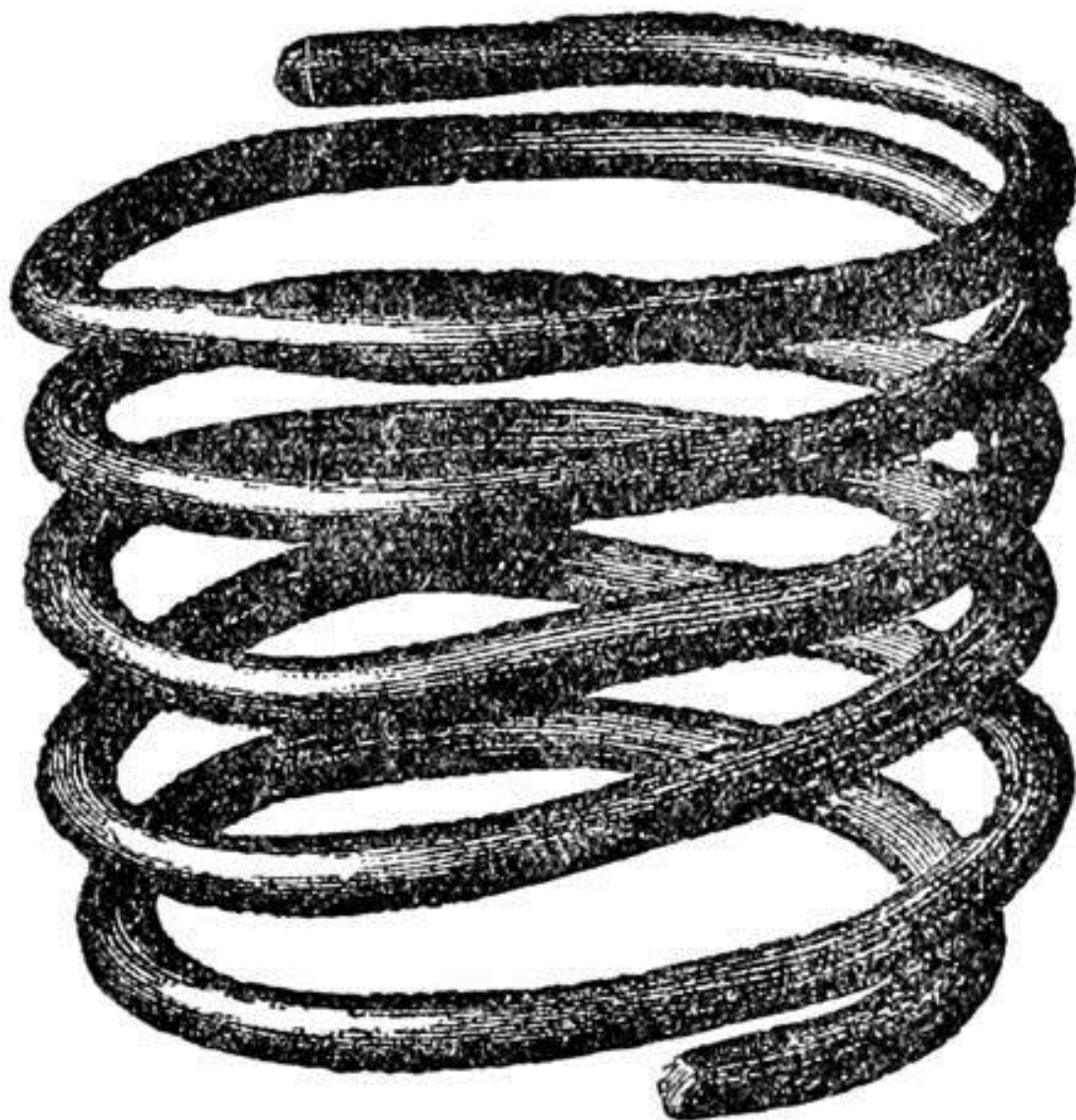

Рис. 1001. Серебряное спиральное кольцо; вес около 6 унций.—Норвегия.

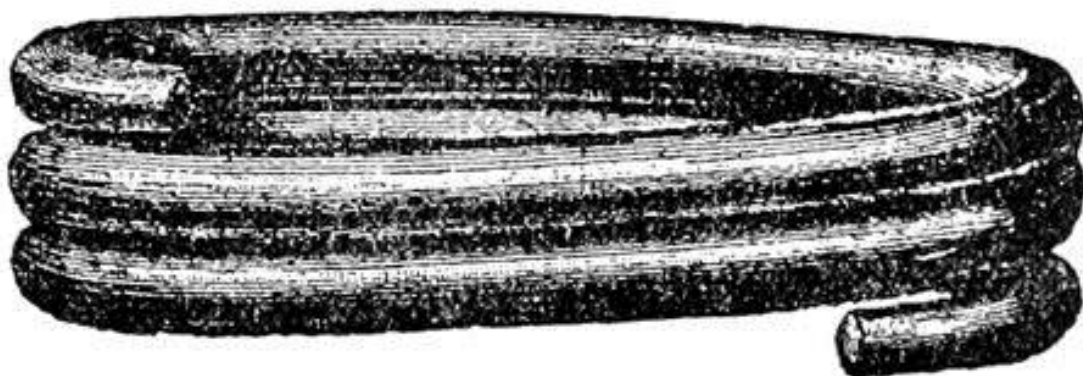

Рис. 1002. Спиральное кольцо, найденное с четырнадцатью брактеатами золота четырех разных рисунков и т.п. Вес $3\frac{1}{2}$ унции.—Норвегия.

Самым ранним средством выражения ценности, использовавшимся в качестве монеты, был Бауг (кольцо), который упоминается в Ригсмале и в более ранних законах. Мы обнаруживаем, что расчеты производились марксом и аураром. Одна марка равнялась 8 аврамам (1 унция); один эйрир делился на восемь ортугаров, а один ортуг на десять или шестьдесят

пеннингаров; иногда упоминается, что эта последняя была из золота; средство обмена было принято взвешивать.

Рис. 1003.—Железная гиря реального размера, инкрустированная бронзой, весом $4\frac{1}{2}$ унции.—Гетланд.

Рис. 1004.—Железная гиря реального размера, инкрустированная бронзой, весом чуть более $\frac{1}{2}$ унции.—Розенбис, Гетланд.

Рис. 1005.—Вес и размер бронзы, найденной в настоящем черноземе, Бьорке.

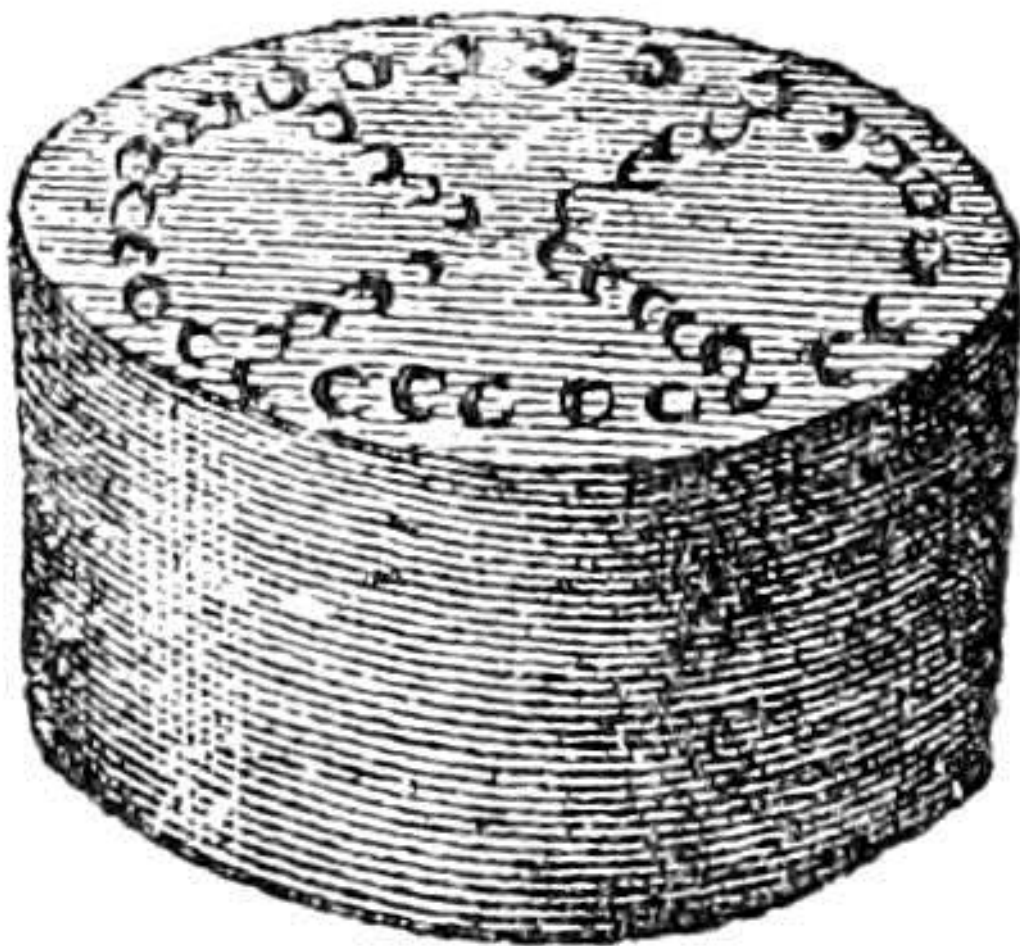

Рис. 1006.—Одна из десяти гирь, найденных вместе с весами. Реальный размер.

Рис. 1007.—Бронзовые весы, $\frac{1}{3}$ реальный размер—Ваксала, Нагорье. Поздний железный век.

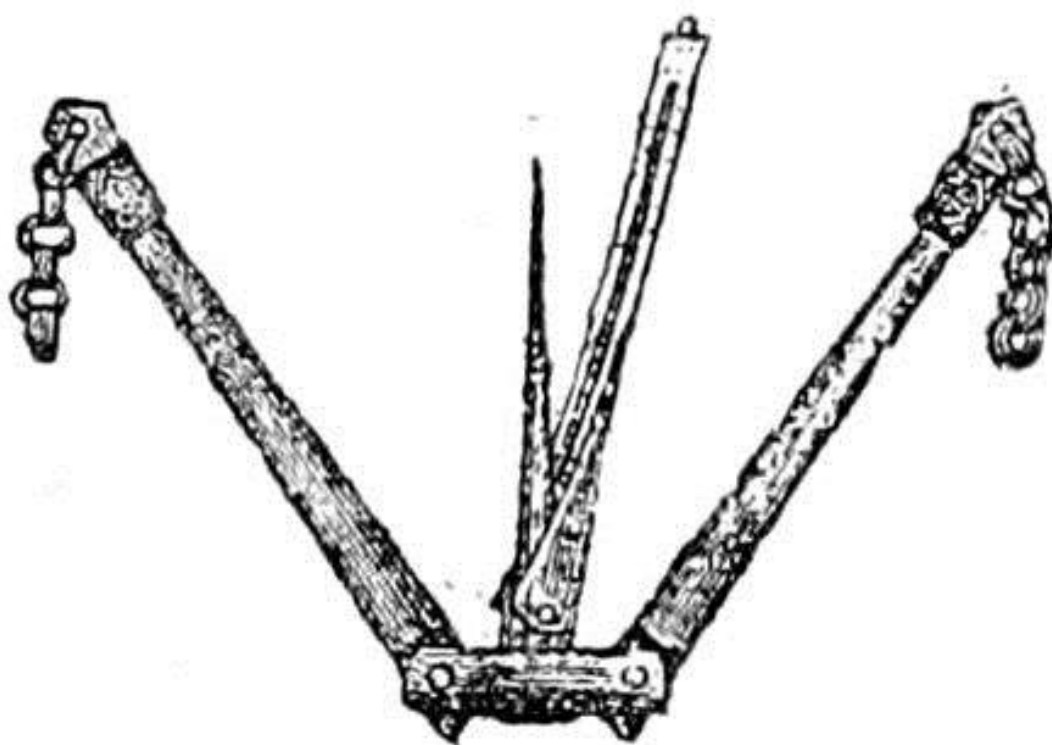

Рис. 1008. Язычок весов.

Рис. 1009.

Бронзовые весы с прикрепленными к ним остатками бронзовой цепочки, найденные в круглом кургане, с бронзовой булавкой, бронзовым украшением для рога для питья, четырьмя или пятью глиняными урнами и т. Д. $\frac{1}{2}$ реального размера.—Норвегия. Более ранний железный век.

Человек по имени Карл из Мери был послан королем Олафом святым на Фарерские острова для сбора причитающихся ему налогов. Лейф, сын Оссура, взял налог (серебро), который собрал Транд, “и высыпал его на свой щит” Карлу. Они посмотрели на серебро. Лейф сказал:

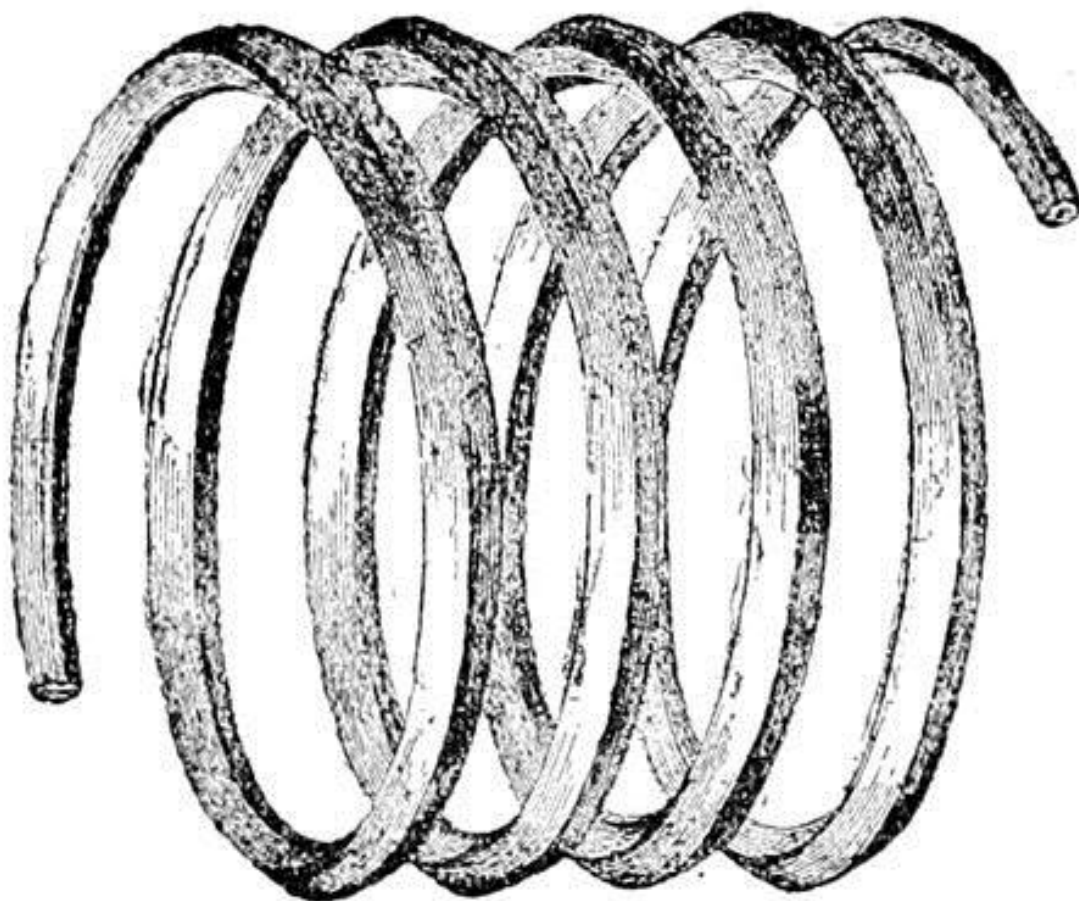

Рис. 1010. Спиральное серебряное кольцо, использовавшееся, вероятно, как деньги, $\frac{2}{3}$ реального размера, найдено вместе с маленькой чашечкой, 1923 арабскими монетами и т. Д.—Вамблинг, Гетланд.

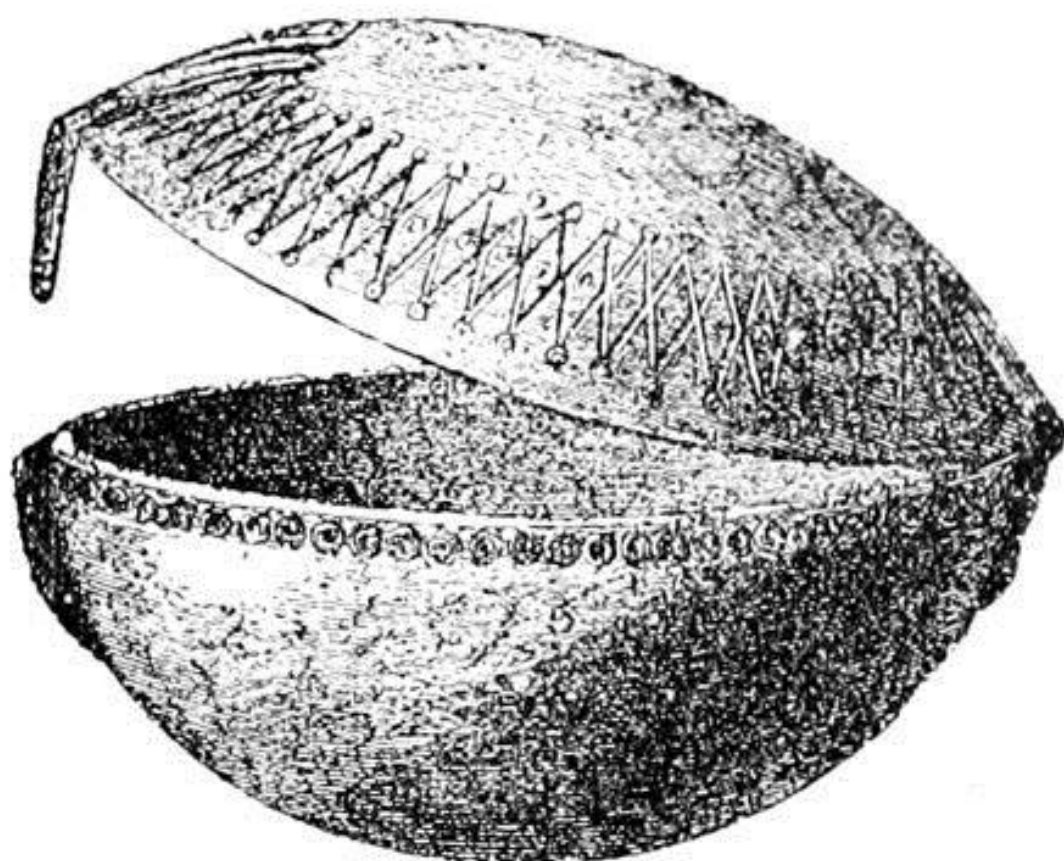

Рис. 1011.

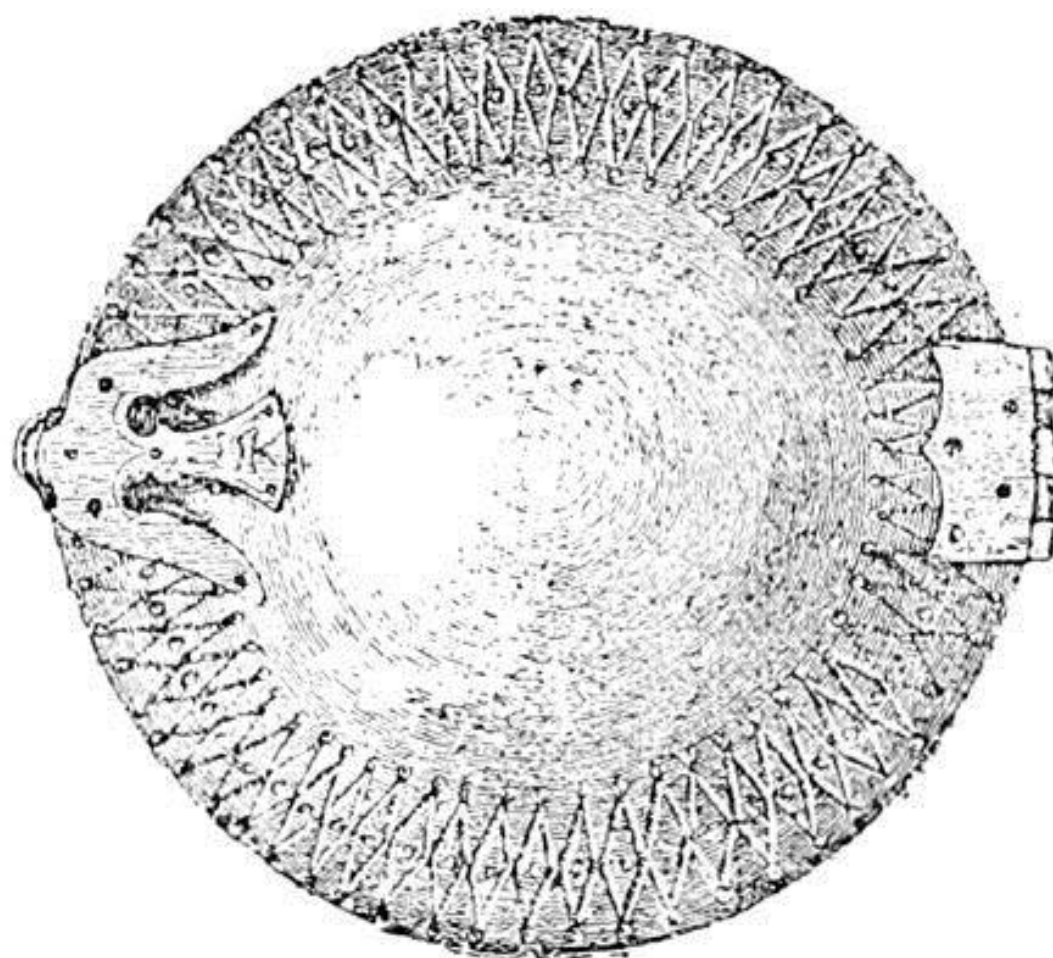

Рис. 1012.

Шкатулка с открытой крышкой, 3 настоящих размера, в которой были весы, десять бусин и два серебряных украшения.— Петес, Гетланд.

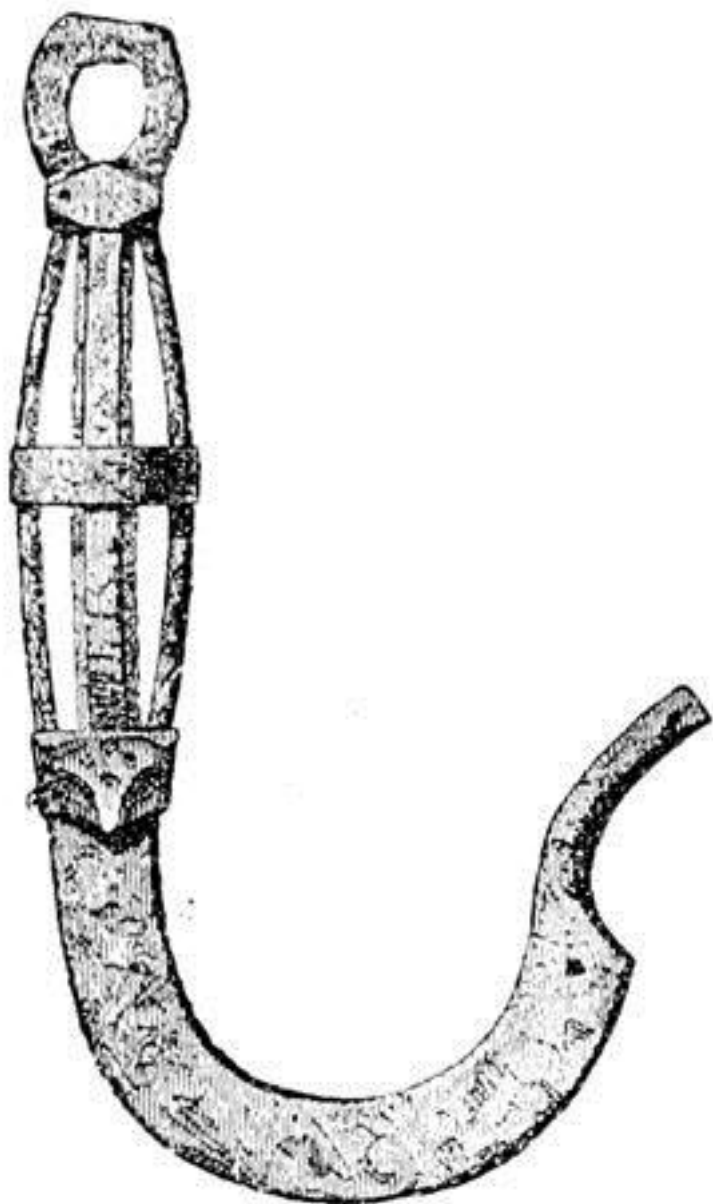

Рис. 1013.—Железный крючок. $\frac{1}{3}$ реальный размер.

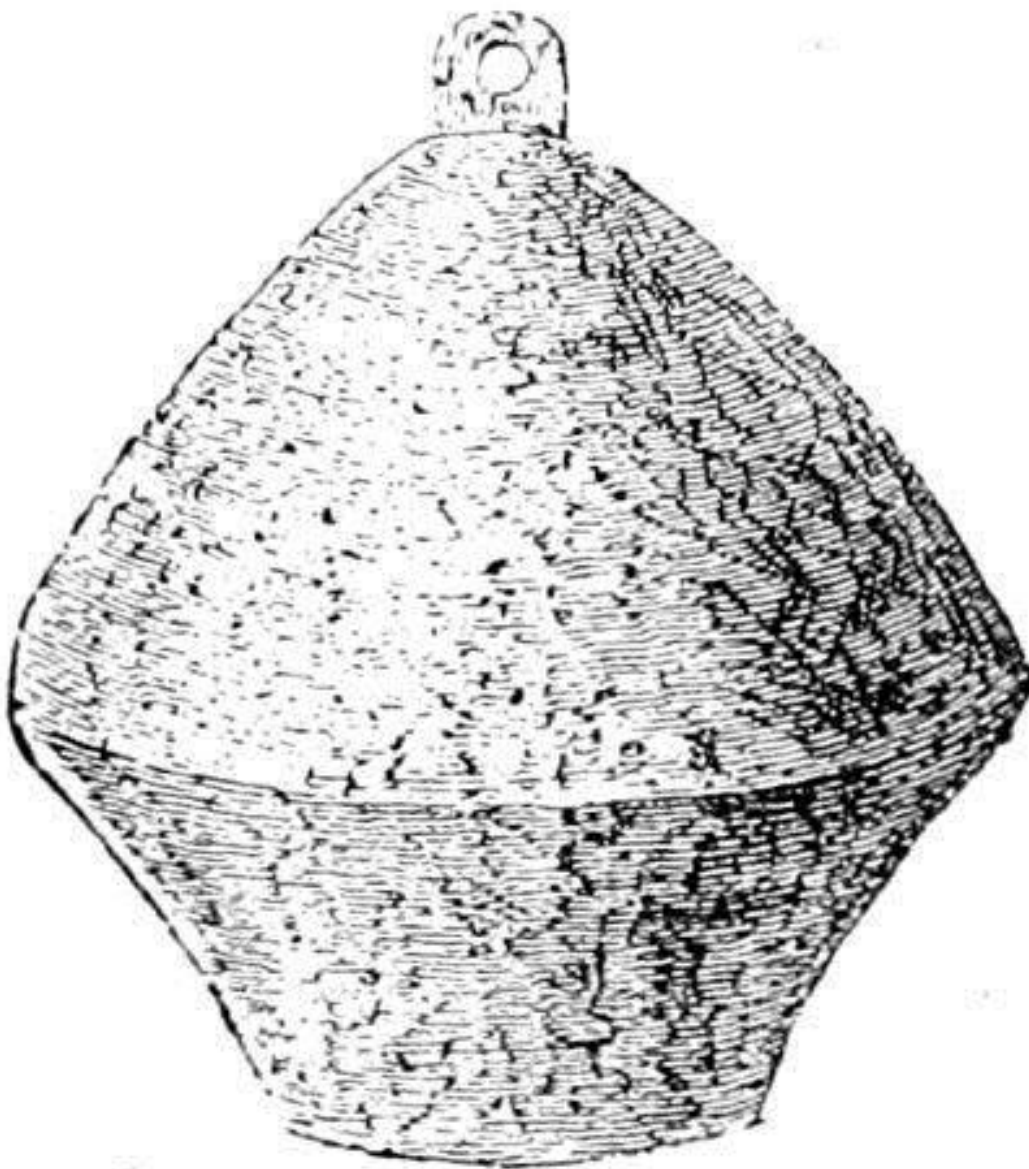

Рис. 1014.—Вес железа. $\frac{1}{3}$ реальный размер.

Вместе с ними были найдены две бронзовые формы, пять незаконченных фибул, украшение для чаши для питья, часть уздечки, цепь, полностью бронзовая, железный ключ с бронзовой ручкой, пенсне кузнеца и еще одна гиря из железа и т.д. —Смисс, Гетланд.

“Нам не нужно долго смотреть на это серебро; здесь каждое перо лучше другого, и мы хотим заполучить это серебро; найди человека, Транд, чтобы он смотрел, пока его взвешивают”. Транд ответил, что, по его мнению, будет лучше, если Лейф посмотрит на это от его имени. Затем Лейф и остальные вышли, сели недалеко от будки и взвесили серебро. Карл снял шлем со своей головы и высыпал в него взвешенное серебро” (Сага о Ферейинге, с. 46).^[171]

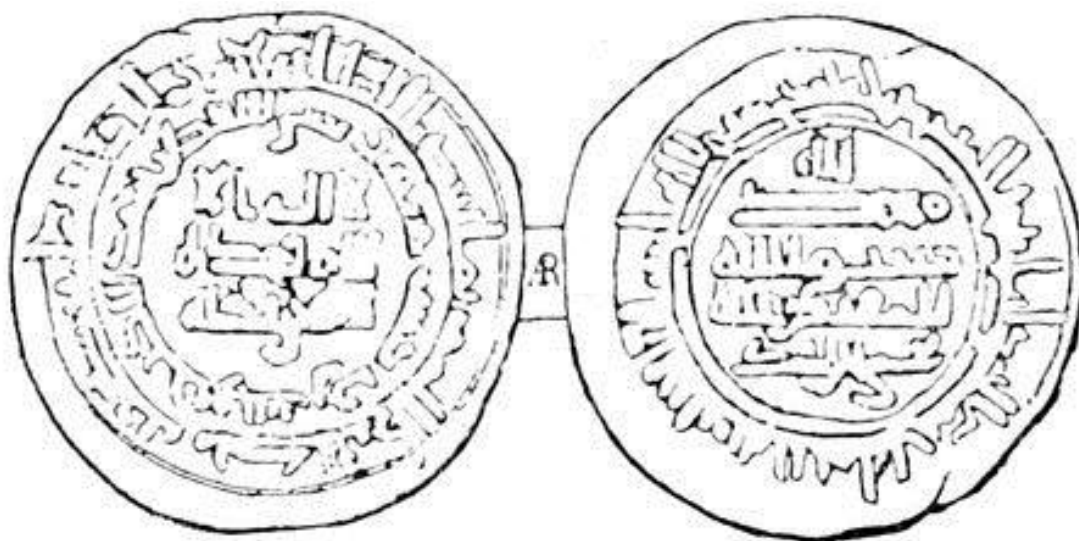

Рис. 1015. Fig. 1016.

Arabic coin called Kufic, coined in 903 in Samarcand.—Göo, земля. Реальный размер.

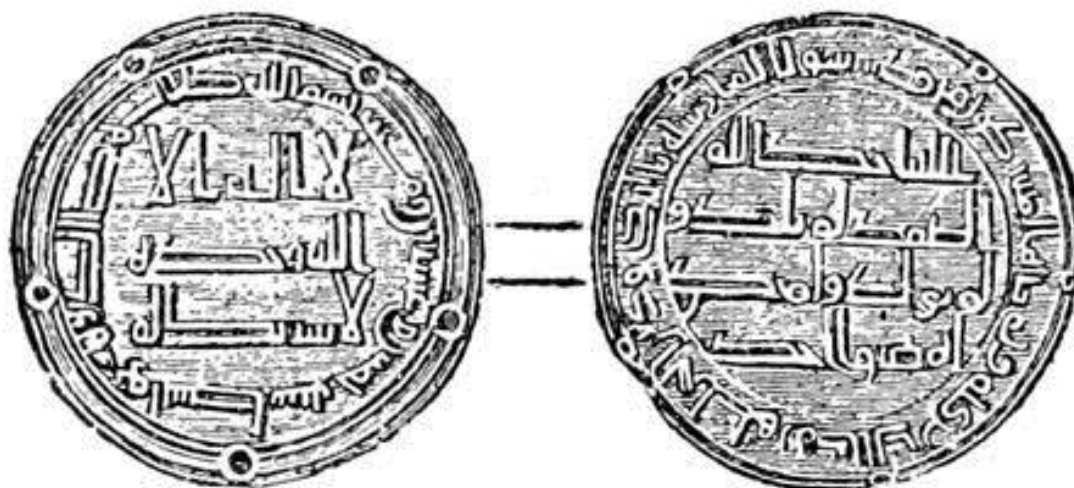

Рис. 1017. Fig. 1018.

Kufic coin of silver, date 742–743 годами. Реальный размер. Найдено на кладбище Фредриксхальд, Швеция, где ранее были найдены еще одна кувическая монета и два серебряных браслета.

Как в греческий, римский и более ранний византийский периоды, так и в эпоху викингов остров Готланд выступает в первую очередь как торговый центр Севера, о чем свидетельствует количество обнаруженных монет, свидетельствующих о том, что он сохранял превосходство в торговле на протяжении примерно десяти или двенадцати столетий. Многочисленные английские монеты, найденные там и в Швеции, показывают, что шведы и народ, населяющий острова Балтийского моря, были народом мореплавателей и постоянно участвовали в торговых и военных экспедициях в Англию; одним словом, они, должно быть, составляли значительную часть войска, которое вело войны в Западной Европе. Рунические камни, которые были воздвигнуты в память о тех, кто умер на чужбине, найдены почти, если не полностью, в Швеции.

Норвегия произвела меньше монет, чем другие скандинавские страны, но это может быть связано с тем, что они были переплавлены, поскольку драгоценные камни из серебра здесь встречаются гораздо чаще, чем где-либо еще.

Рис. 1019.—Серебряный кубок.—Гетланд. ½ реального размера.

Рис. 1020.—Серебряная ваза.—Гетланд. ⅔ реальный размер.

После римской и византийской эр начинается арабский период. Торговля по-прежнему шла по древнему каналу через территорию нынешней России. Тысячи арабских серебряных монет, помимо, вероятно, серебряных украшений, которым присвоено название куфических^[172], чеканившихся в странах, управляемых арабами, попали на север из Бухары, Самарканда, Багдада, Куфы и др., и т.д., самая ранняя датируется 698 годом, самая поздняя 1010 годом после христианской эры. Золотые монеты чрезвычайно редки; большее их количество относится к девятому и первой половине десятого века, то есть между 880 и 955 годами. С этого времени на Севере появляется большое количество серебряных украшений.

Норвегия пока не богата арабскими монетами. Из куфических материалов найдено только около семидесяти, относящихся ко времени с 742 по 952 год. Эти монеты тем более интересны, что на них указаны не только имена правителей, но и города, которые тогда существовали, где они были отчеканены; многие принадлежат к династии Саманидов. Более двадцати тысяч были найдены в Швеции и Гетланде; некоторые из них, возможно, прибыли из Испании. Вероятно, их привезли корабли, совершавшие рейсы в Средиземное море.

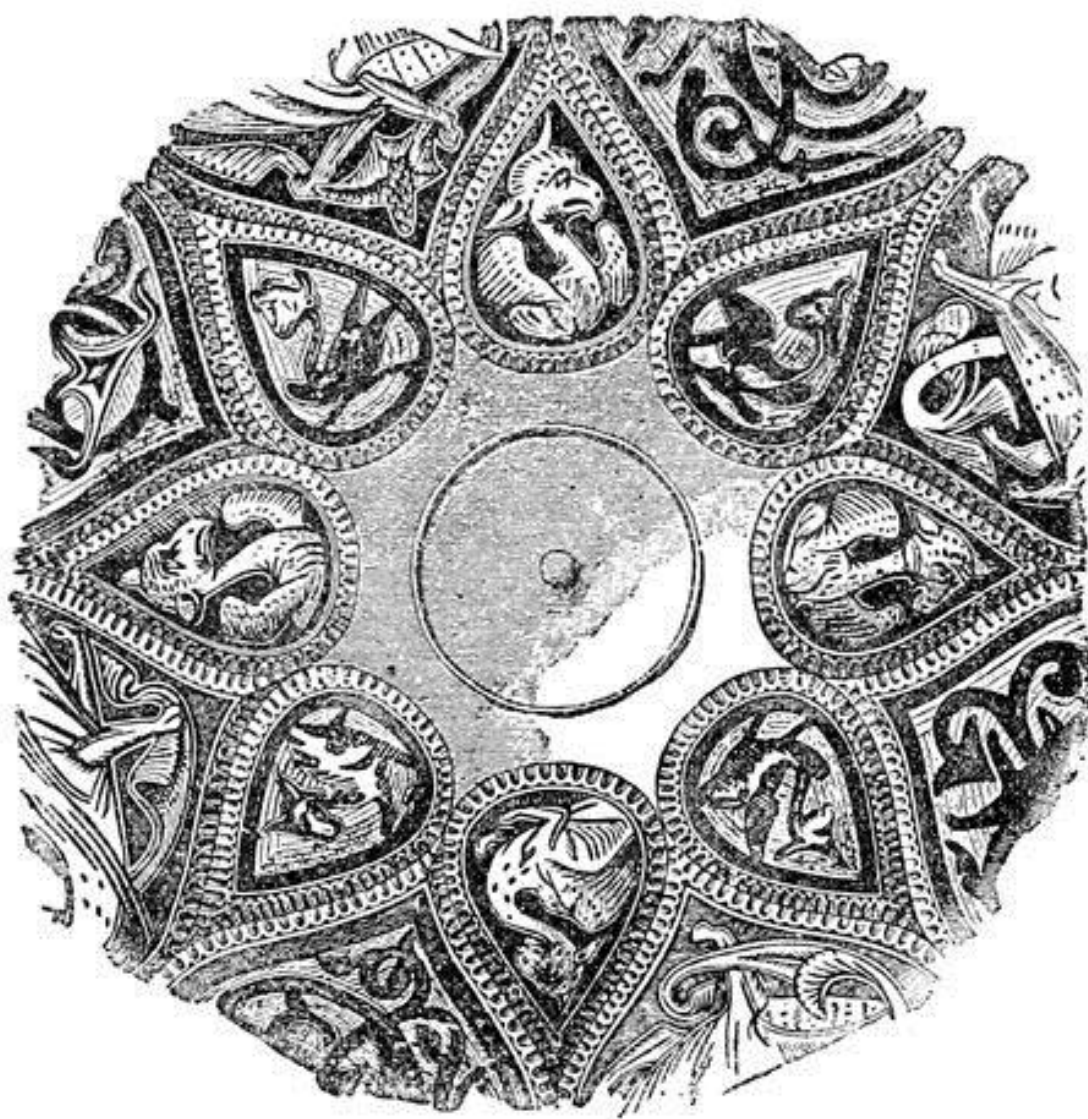

Рис. 1021.—Орнаменты круглого пьедестала.—Гетланд.

Рис. 1022.

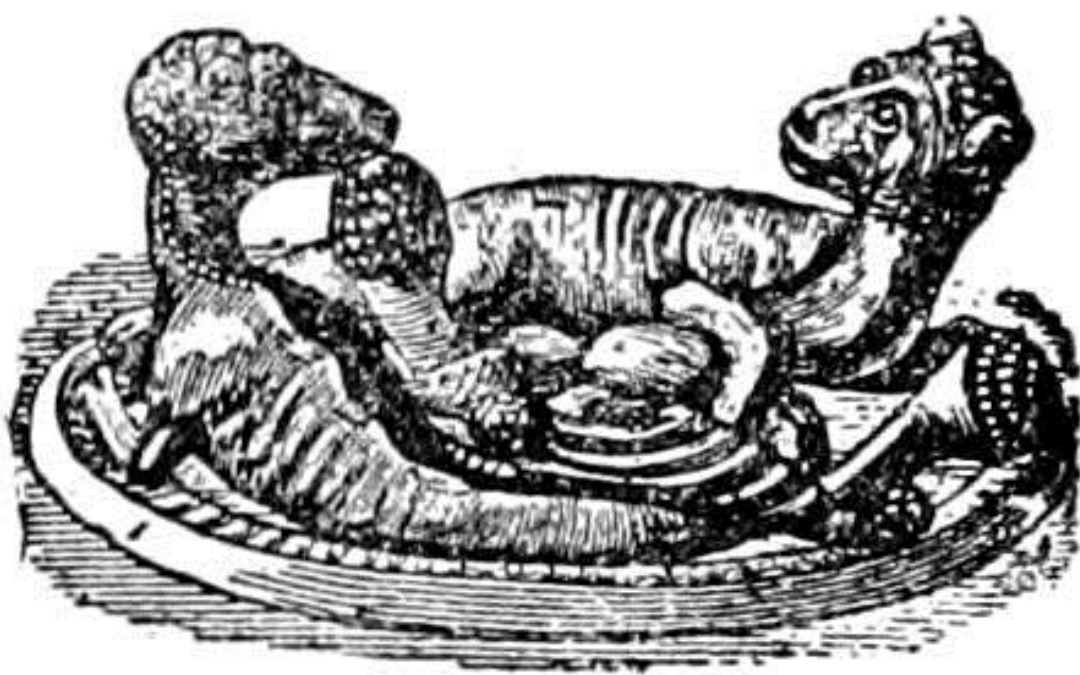

Рис. 1023.

Украшения, прикрепленные ко дну вазы, изображающие двух четвероногих животных, одно из которых поедает плоды, растущие на дереве.—Гетланд. $\frac{2}{3}$ реальный размер.

Две вазы на стр. 219 были найдены вместе с арабскими монетами и семью другими серебряными сосудами и, вероятно, арабского происхождения.

Франкские монеты (от 800 до 850 лет) были найдены в Швеции времен Пипина, Карла Великого и Луи ле Дебоннера. В Норвегии Карла Великого, Луи ле Дебоннера, Пепина, сына Луи ле Дебоннера, Лотаря, сына Людовика.

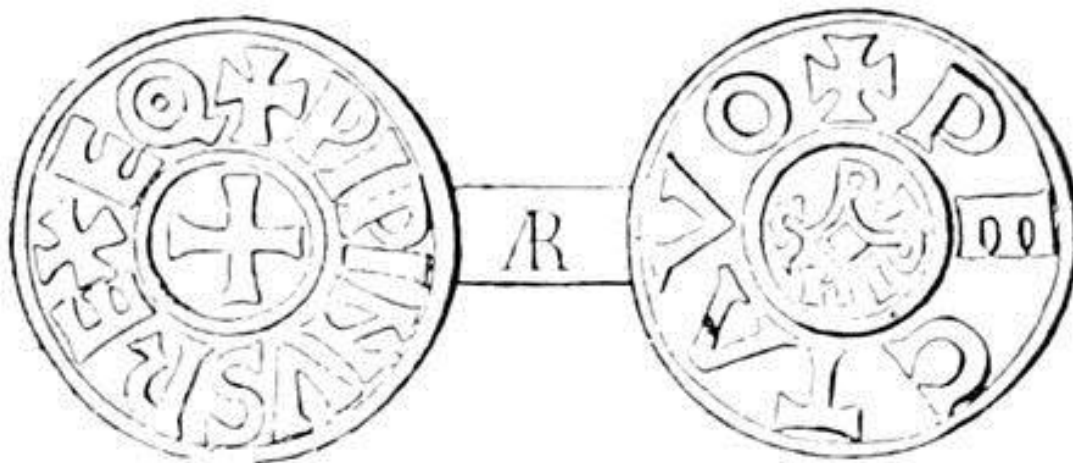

Рис. 1024. На фиг. 1025.

Франкские монеты. Реальный размер. Отчеканен при Пуатье для Пипина, короля Аквитании, либо Пипина I (817-838), либо Пипина II (845-864). Найден вместе с восемью другими франкскими монетами. На том же месте были найдены семь других франкских монет, несколько арабских монет, фрагменты серебряных предметов и т.д. —Вестергетланд.

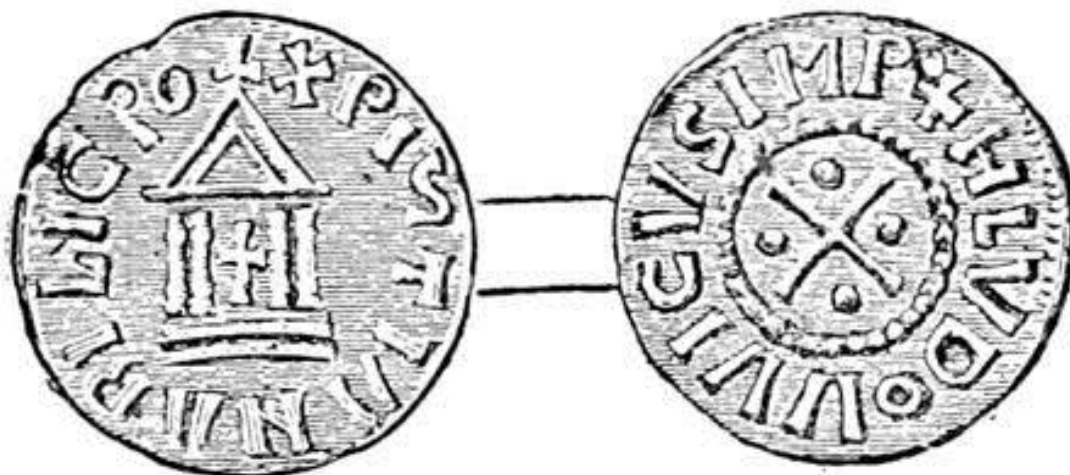

Рис. 1026. На фиг. 1027.

Франкские монеты—девятом веке—из серебра. Реальный размер. Louis (Ludovic) le Debonnaire. Найдено в верхней части круглого кургана с обгоревшими костями, парой овальных фибул из бронзы, бронзовым ключом, серебряной булавкой, бусами и т. Д. и другими серебряными монетами, четыре из которых были типа Луи ле Дебоннера, одна - Карла Великого, другая - Кознвульфа из Мерсии (796-818). Монеты проколоты и, по-

видимому, были окружены, по крайней мере частично, бронзовым кольцом, и, должно быть, носились как подвесные украшения.—Норвегия.

Более двадцати тысяч английских монет^[173] были найдены в Швеции и на острове Гетланд, из них пятнадцать тысяч относятся ко времени Этельреда (998-1016); это число не превзойдено в самой Британии, и сбор урожая на Севере все еще продолжается. Некоторые из них, без сомнения, поступили по торговым каналам, а другие, вероятно, из Данегельда, таким образом, Этельред заплатил более 167 000 фунтов стерлингов. серебра; часть этой военной добычи досталась шведам и датчанам.

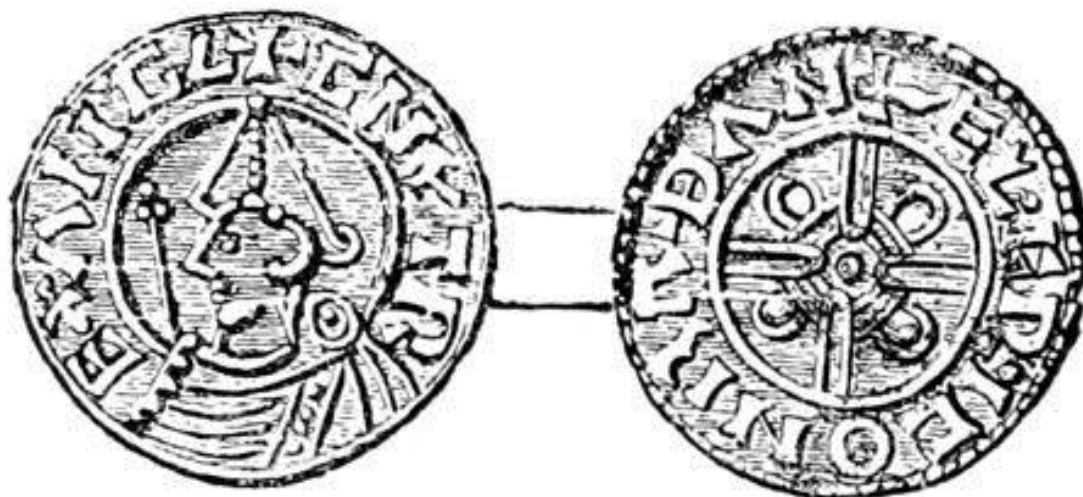

Рис. 1028. Рис. 1029. Fig. 1029.

Древнеанглийская серебряная монета, одиннадцатый век, начало правления'.....".
Реальный размер. Найдено под большим камнем, у оползня, около 1600 серебряных монет, в основном английских, много немецких, немного шведских, датских, богемских и куфических.—Норвегия.

Рис. 1030.

Серебряная монета Кнута Великого, используемая в качестве подвесного украшения.
Реальный размер.—Блекинге, Швеция.

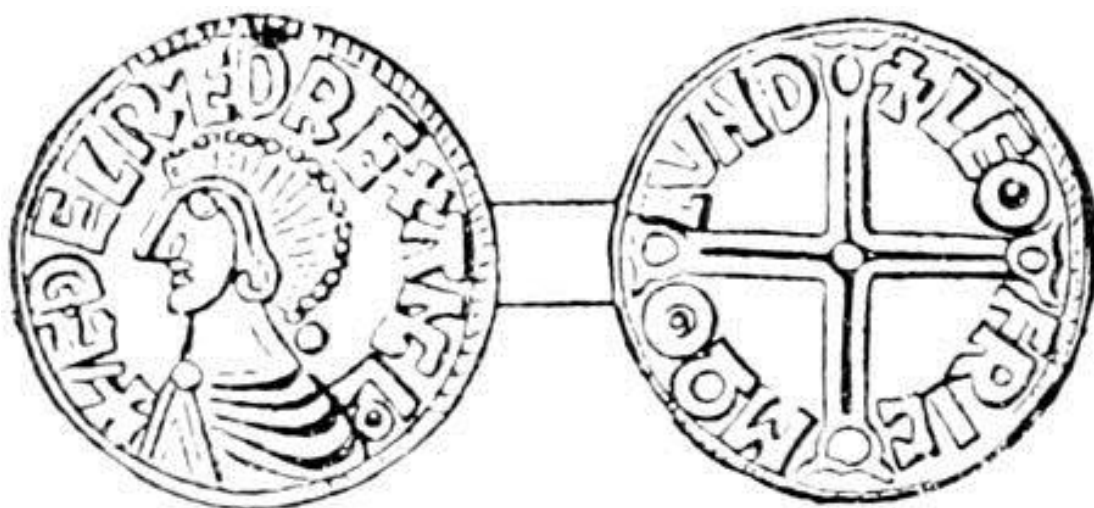

Рис. 1031. На фиг. 1032.

Серебряная монета Этельред. Реальный размер. Найдено недалеко от Стокгольма вместе с 737 арабскими, немецкими и староанглийскими монетами, а также одной монетой шведского короля Олафа Скаутконунга, несколькими фрагментами серебряных браслетов и т. Д. —Аплэнд, Швеция.

Монеты девятого и первой половины десятого века чрезвычайно редки, хотя Англия была сильно разорена северными странами. Я думаю, что до сих пор в Швеции не было найдено ни одной монеты до эпохи Альфреда, и только три датируются до 950 года, но новые открытия со временем могут выявить другие. В Дании было найдено всего несколько сотен английских монет; времен Этельреда и его преемников в Норвегии около трех тысяч.

Самые ранние английские и франкские монеты, как это ни странно, были найдены только в Швеции и Норвегии, но даже их количество не превышает пятидесяти или шестидесяти; ни одна не была обнаружена в Дании, и ранее 780-800 годов на Севере не было найдено ни одного образца меровингских или английских монет.

Число немецких останков очень велико, и более пятидесяти тысяч были найдены в Швеции и на острове Гетланд; они датируются в основном серединой десятого - серединой одиннадцатого века, а иногда их количество достигает одной или двух тысяч вместе взятых.^[174]

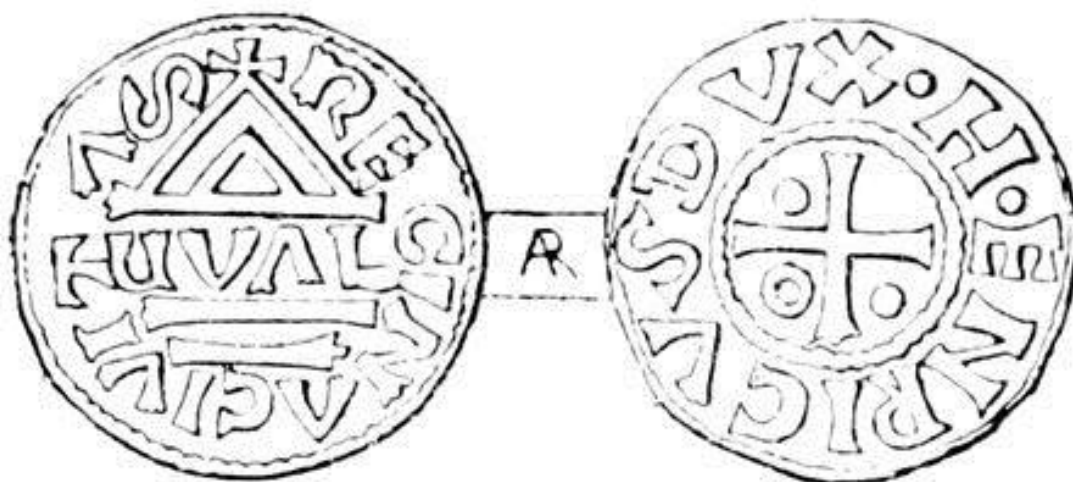

Рис. 1033. На фиг. 1034.

Немецкая серебряная монета Генриха баварского, конец X века.—Готланд. Реальный размер.

Сношения с Византийской империей, имевшие место в предыдущие века, продолжались долгое время, и большое количество норманнов поступило на службу к византийским или греческим императорам, как видно из Саг.

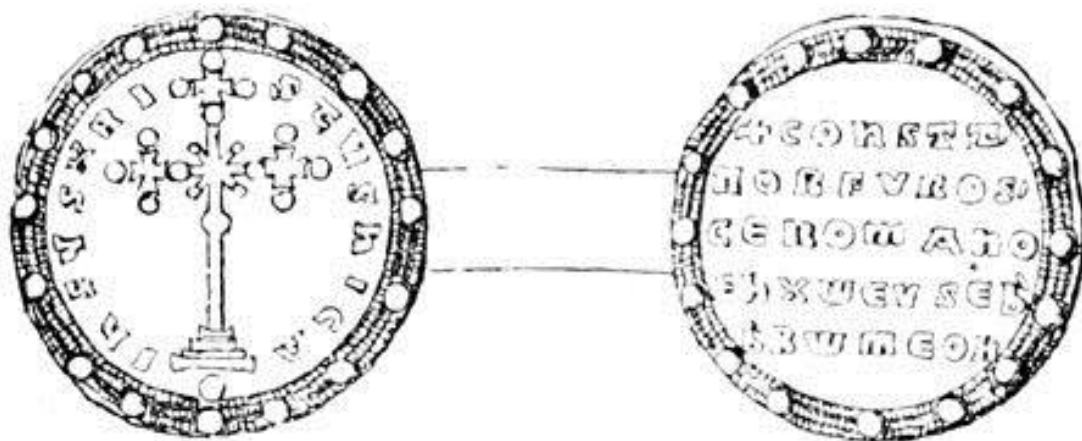

Рис. 1035. Рис. 1036.

византийские монеты (948–949). Реальный размер. Создан императорами Константином X и Романом III. Найдено ожерелье, 15 браслетов, 2 пряжки, 2 спиральных браслета, 3 идеальные и 360 несовершенных арабских монет, все из серебра, и все они были под железной посудой.—Бьорко, Нагорная местность.

Рис. 1037.— Увеличенная граница.

Рис. 1038.—Находка на болоте.—Фибула с золотой инкрустацией, $\frac{2}{3}$ реального размера, найденная в болоте, с монетами.—Норвегия.

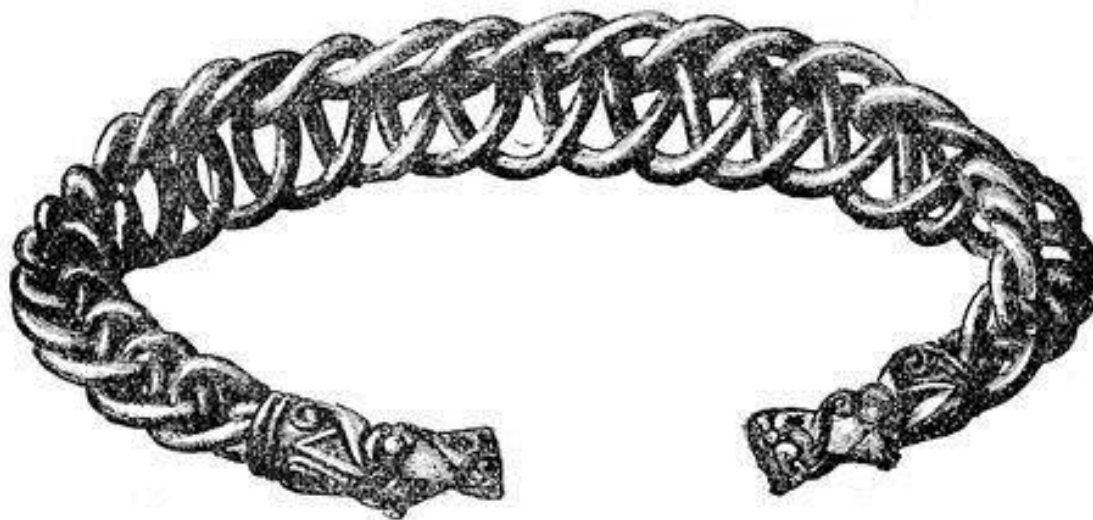

Рис. 1039. Браслет из серебряной проволоки реального размера, найден с четырьмя кольцами и семнадцатью бусинами, девять из которых разного рисунка, тремя арабскими монетами, тремя серебряными кольцами, одно золотое из витой проволоки и т.д., и т.п., в Хейсланде, округ Халфхем, Гетланд.

Болотная находка в Норвегии оказалась очень богатой золотыми предметами, арабскими, византийскими, франкскими, а также были найдены английские монеты и другие предметы.^[175]

Рис. 1040.—Золотая фибула реального размера, инкрустированная цветным стеклом, в медной шкатулке в земле, с более чем 4000 монетами, немецкими, английскими и др., двумя шведскими монетами, Анунд Якоб (сын Олафа Скаутконунга), пятью ожерельями, девятью браслетами, двумя кольцами для пальцев и т.д., и т.п.—Блекинге, Швеция.

Рис. 1041.—Кольцо реального размера с подвесками в виде меча, наконечника копья и т. Д. И несколькими арабскими монетами.—Эланд.

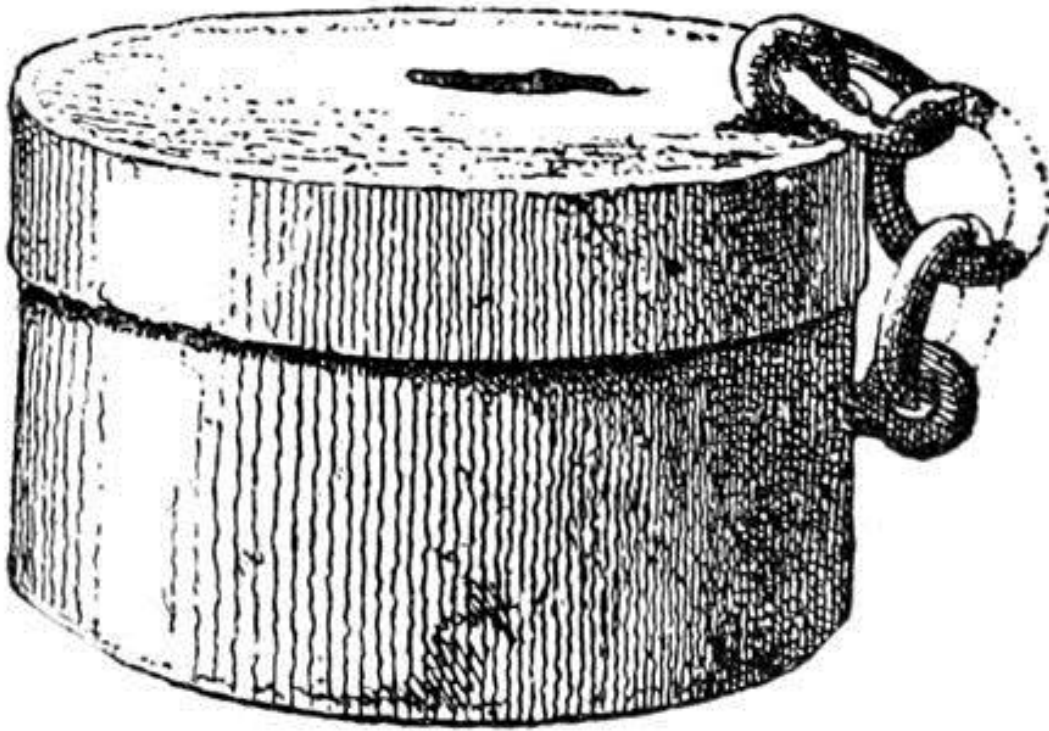

Рис. 1042. Бронзовая шкатулка, найденная в кургане в Нордрупе, Зеландия, с серебряной малоберцовой костью, стеклом и прочим.

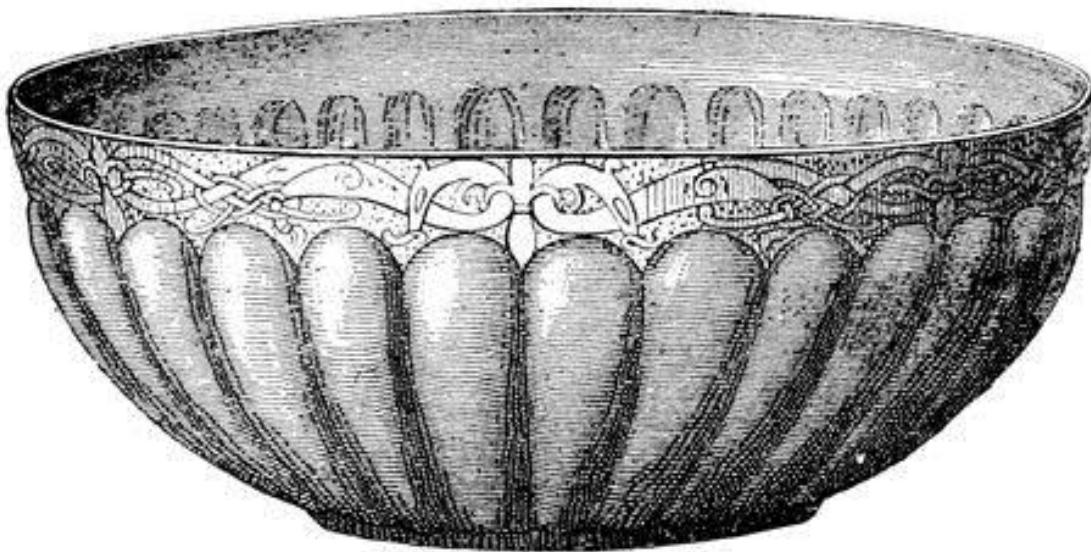

Рис. 1043.

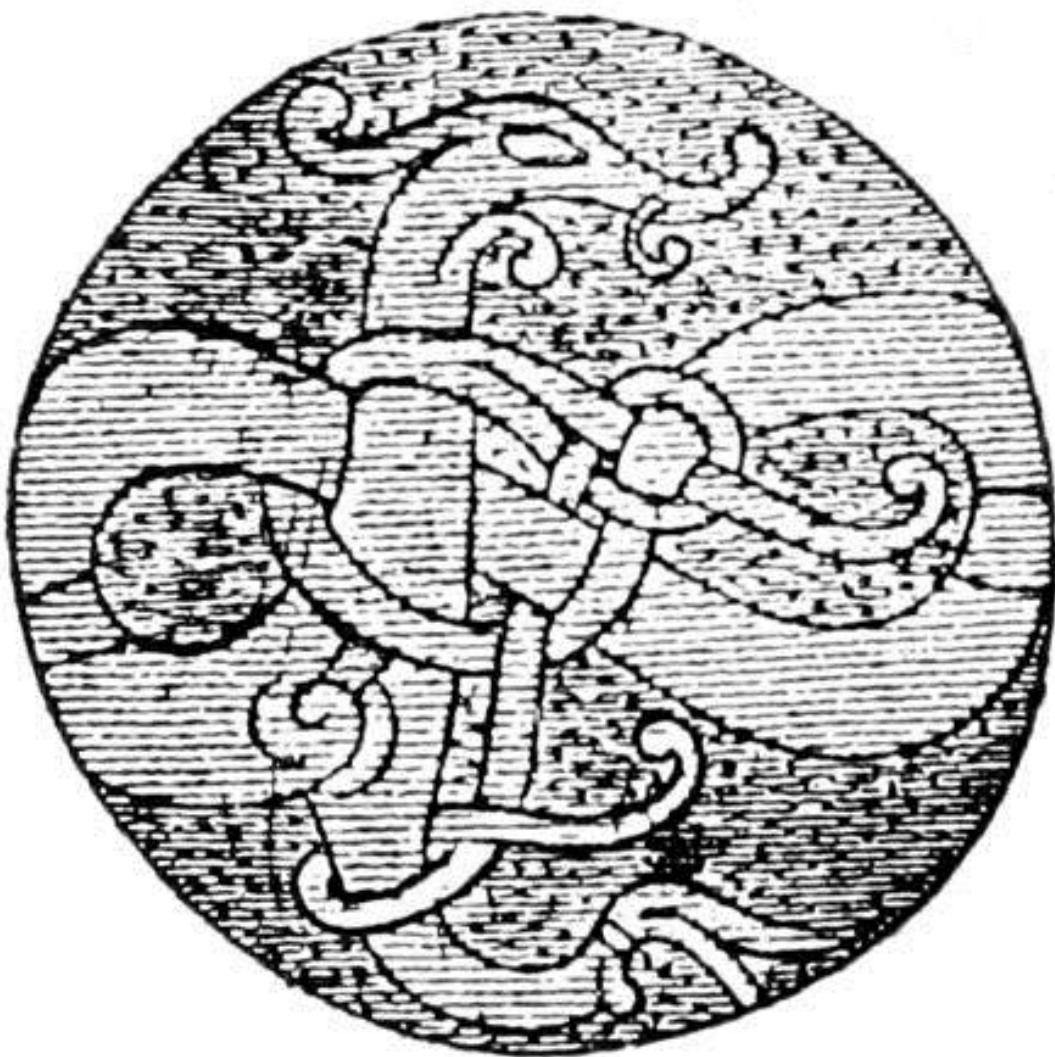

Рис. 1044.

Дно сосуда.

Серебряный сосуд с позолоченной внутренней стороной, дном и каймой, найденный вместе с тремя браслетами,

тридцать один фрагмент слитков, колец, 500 немецких и английских монет и т.д. -Лилла
Valla, Götland.

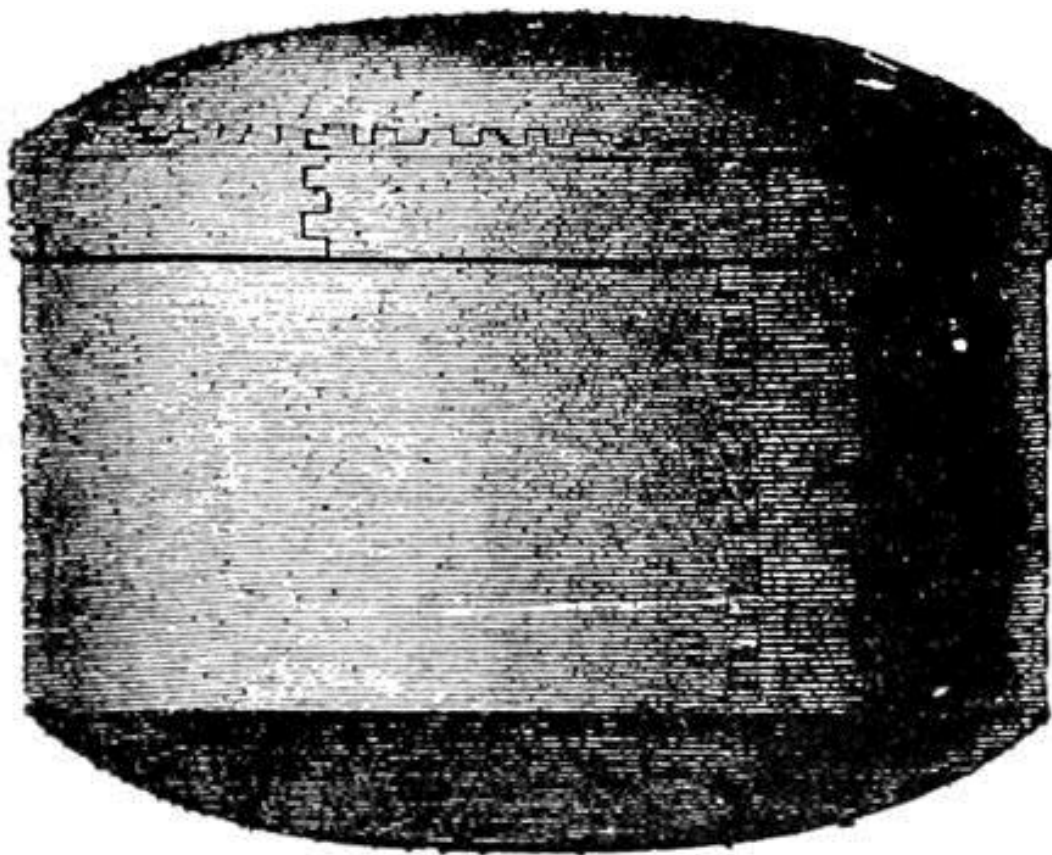

Рис. 1045.—Бронзовая шкатулка размером в четверть реального, содержащая фрагменты украшений, монеты, две монеты Олафа Скотконунга и несколько сотен английских и немецких монет и т.д. —Финдарфве, Гетланд.

Рис. 1046.—Серебряный браслет размером в $\frac{1}{2}$ настоящей величины с маленькими кольцами, на четырех из которых обернуты арабские монеты.—Куллаберг, Scania.

Рис. 1047.—Фибула из серебра, $\frac{2}{3}$ реального размера, с рельефными фигурами, украшенная чернью, найдена на арабских монетах.— Сюда, в Сканию.

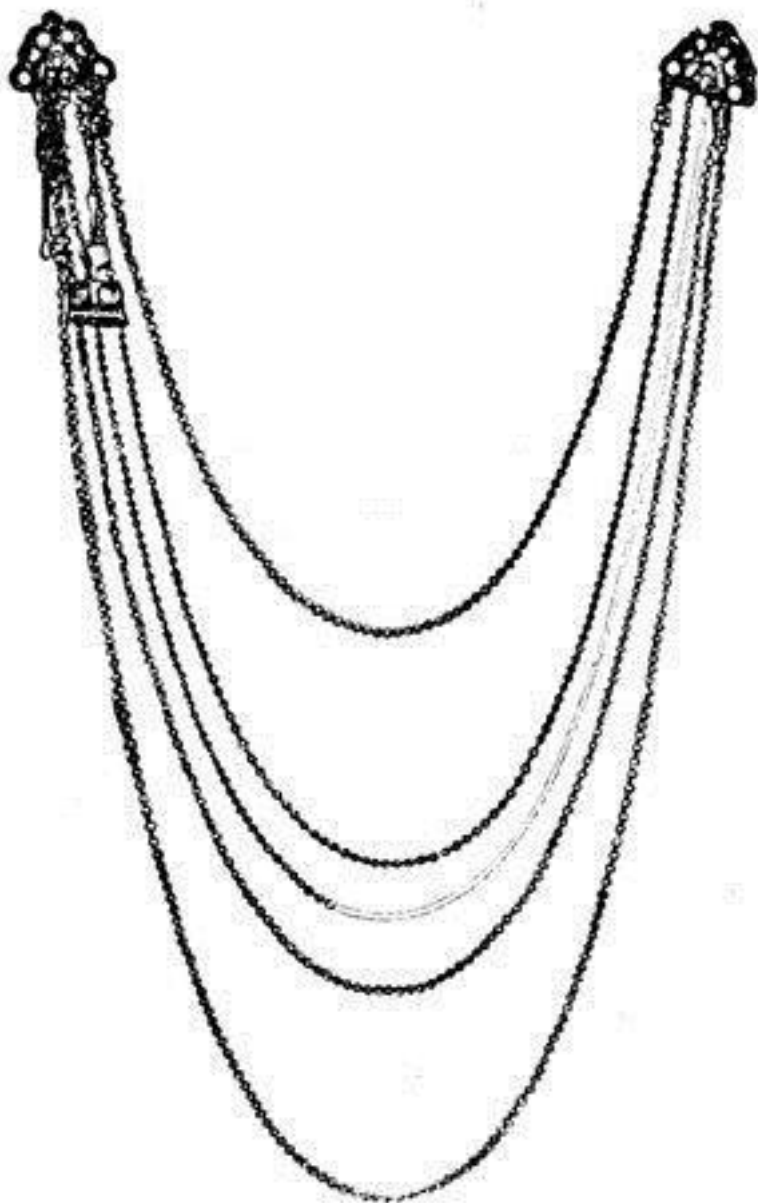

Рис. 1048. Бронзовая цепочка, реального размера, с прикрепленной расческой.—Lake Mälär.

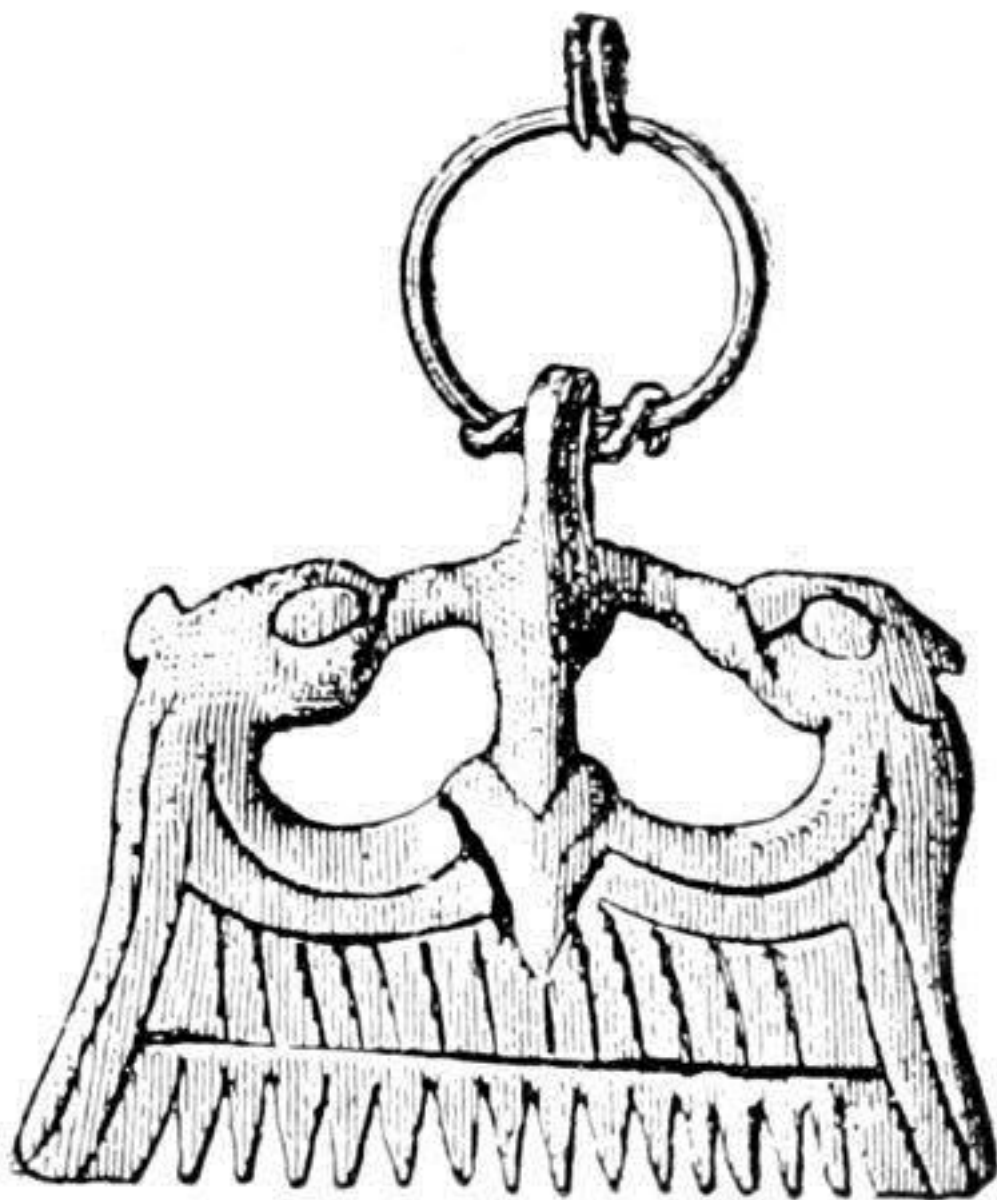

Рис. 1049.—Расческа. $\frac{2}{3}$ реальный размер.

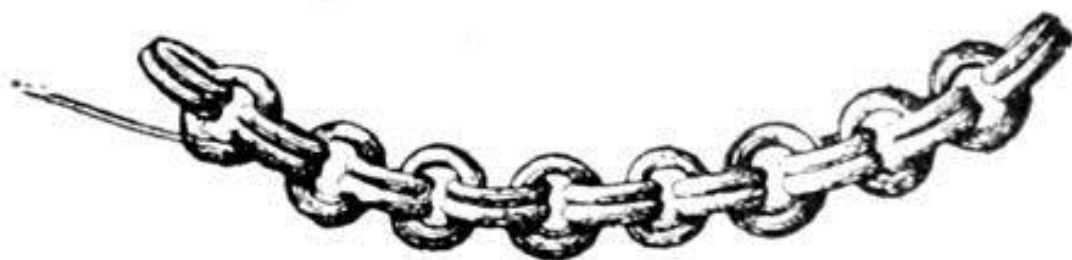

Рис. 1050.—Реальный размер цепочки.

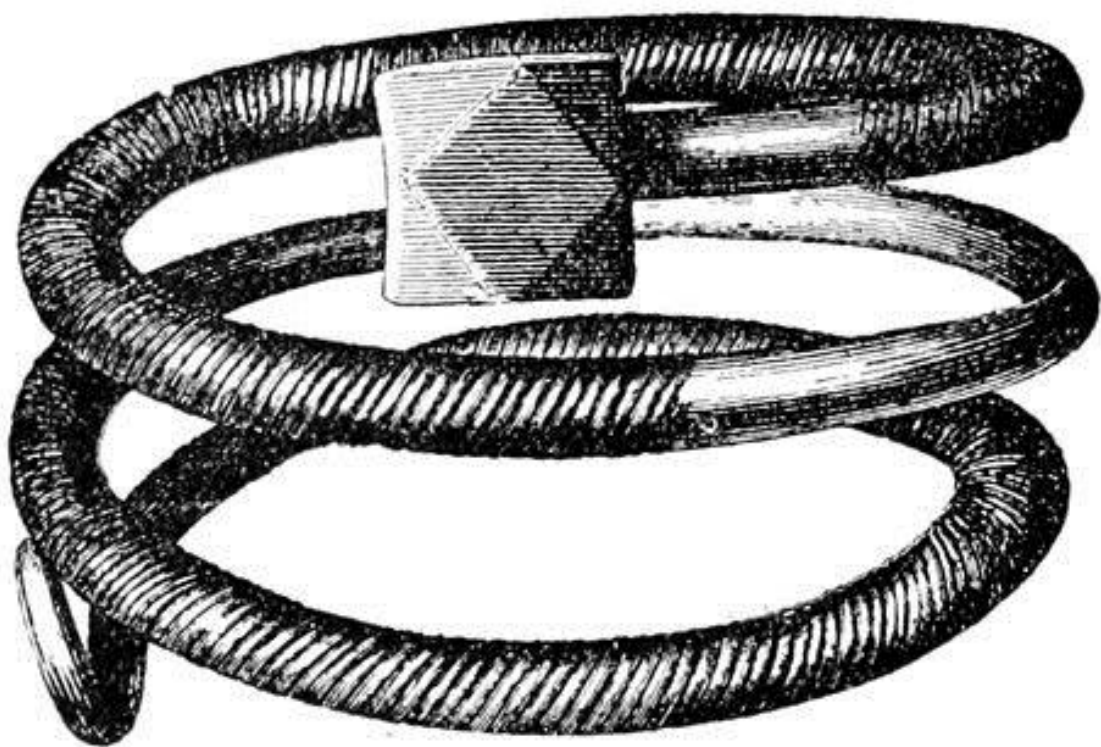

Рис. 1051.—Спиральный серебряный браслет, $\frac{2}{3}$ оригинального размера, найден с тремя похожими браслетами, арабскими монетами и т.п.—Сэндби, Эланд.

Рис. 1052.—Серебряный браслет размером $\frac{3}{4}$ настоящего, найден вместе с монетами и т.п., недалеко от Эскильстуны, Седерманландия.

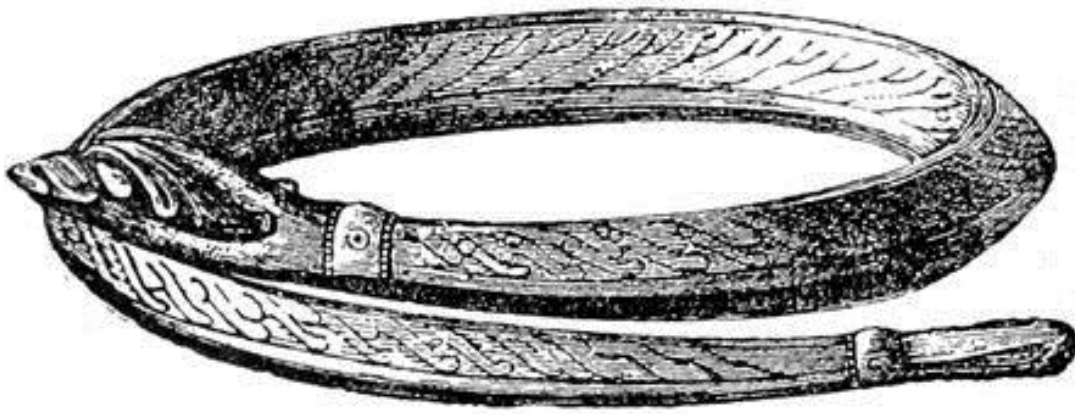

Рис. 1053.—Массивный серебряный браслет размером $\frac{3}{4}$ реального, найденный под старой конюшней, с двумя другими браслетами, арабскими, немецкими и староанглийскими монетами и т.п.—Ундром, Ангерманландия.

Рис. 1054.—Браслет из серебра, настоящий размер $\frac{3}{4}$.—Эскильстуна, Седерманландия.

Рис. 1055. Шейное кольцо из витой серебряной проволоки, найденное вместе с массивным серебряным браслетом.

Рис. 1056. Браслет из чистого серебра, настоящего размера, найден с четырьмя другими серебряными браслетами и сорока шестью арабскими серебряными монетами и т.п.—Талинги, Гетланд.

Рис. 1057.

Рис. 1058.

Рис. 1059.

Рис. 1060.

Рис. 1061.

Рис. 1062.

Рис. 1063.

Рис. 1064.

Рис. 1065.

Серебряные бусины, найденные вместе с браслетом, стр. [224](#).—Хемсе, Гетланд.

Рис. 1066.—Бусина из зеленого стекла, реального размера.—Подол.

Рис. 1067.—Бусина стеклянной мозаики в натуральную величину.—Подол.

Рис. 1068.—Фибула из бронзы, инкрустированная серебром и позолотой. Найден в кургане в Хемсе, Гетланд.

Рис. 1069.

Рис. 1070.

Булавки, найденные в пирамиде из камней.—Hemse, Götland.

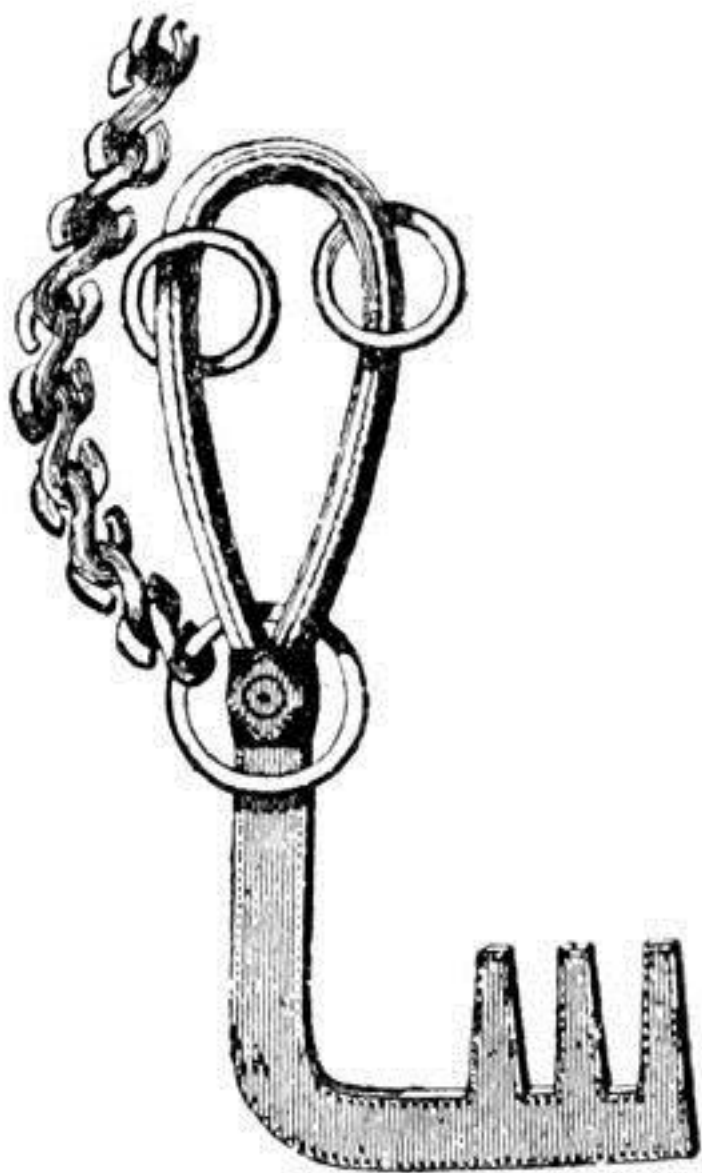

Рис. 1071.—Ключ с цепочкой.—Hemse,
Götland.

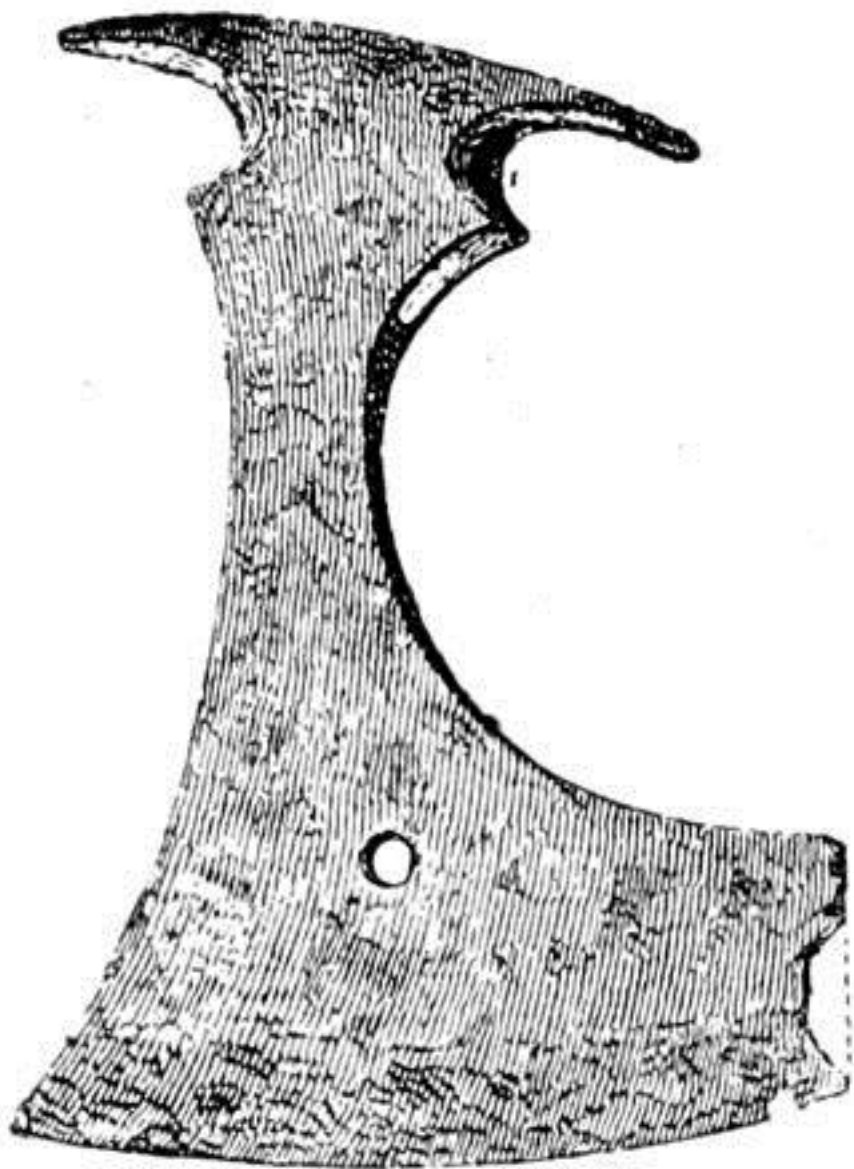

Рис. 1072.—Железный топор с круглым отверстием в лезвии.—Хемсе. Гетланд.

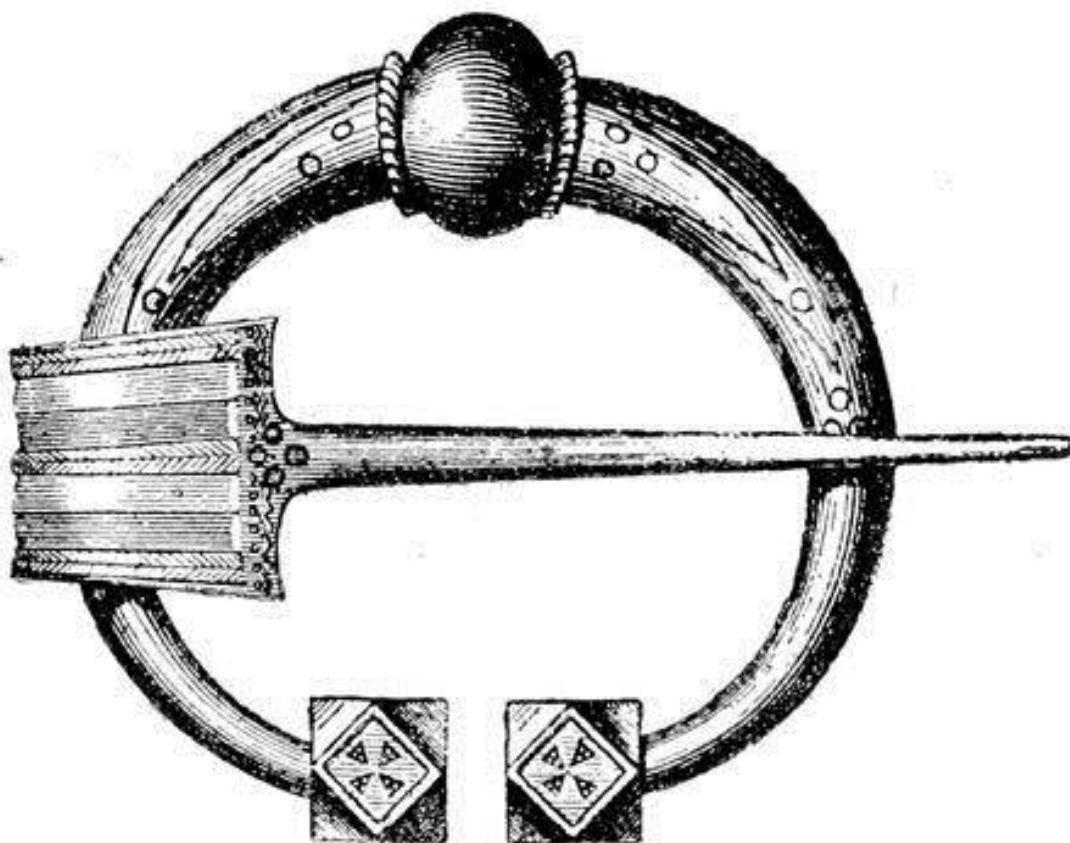

Рис. 1073.—Бронзовая пряжка или малоберцовая кость, найденная в небольшой пирамиде из камней в Хемсе, Гетланд.

Находка в Хемсе, Гетланд. В этом месте найдено несколько мелких монет с несгоревшими телами. Среди найденных предметов, помимо представленных выше, были несколько бронзовых чаш, несколько бронзовых фибул, большое количество янтарных, хрустальных и стеклянных бусин, несколько ключей, костяные гребни, несколько глиняных урн, бронзовая пряжка, фрагмент камня с руническими символами, несколько амулетов, железные топоры, ножи, булавки и тому подобное. Единственными найденными монетами были одна арабская монета и две немецкие монеты 10-го и 11-го веков.

Рис. 1074.—Полукруглое украшение из серебра с небольшими кольцами на обоих концах.—Föhlagen, Götland.

Рис. 1075.

Рис. 1076.

Рис. 1077.

Три из двенадцати ожерелий в форме змей, настоящий размер.-Фельхаген, Гетланд.

Рис. 1078.—Брактеат.—Föhlagen, Götland.

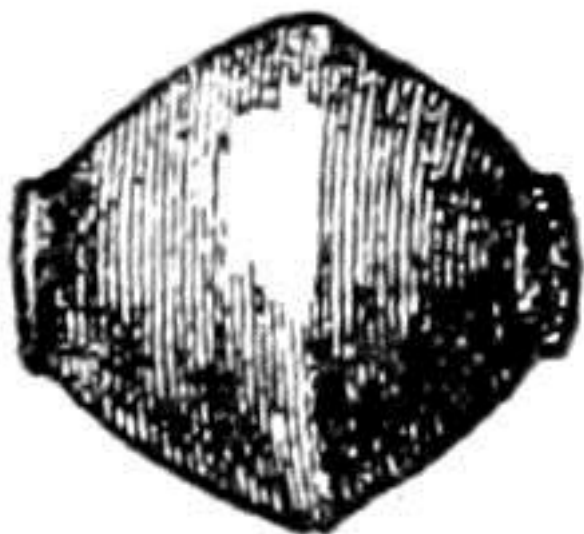

Рис. 1079.

Рис. 1080.

Рис. 1081.

Рис. 1082.

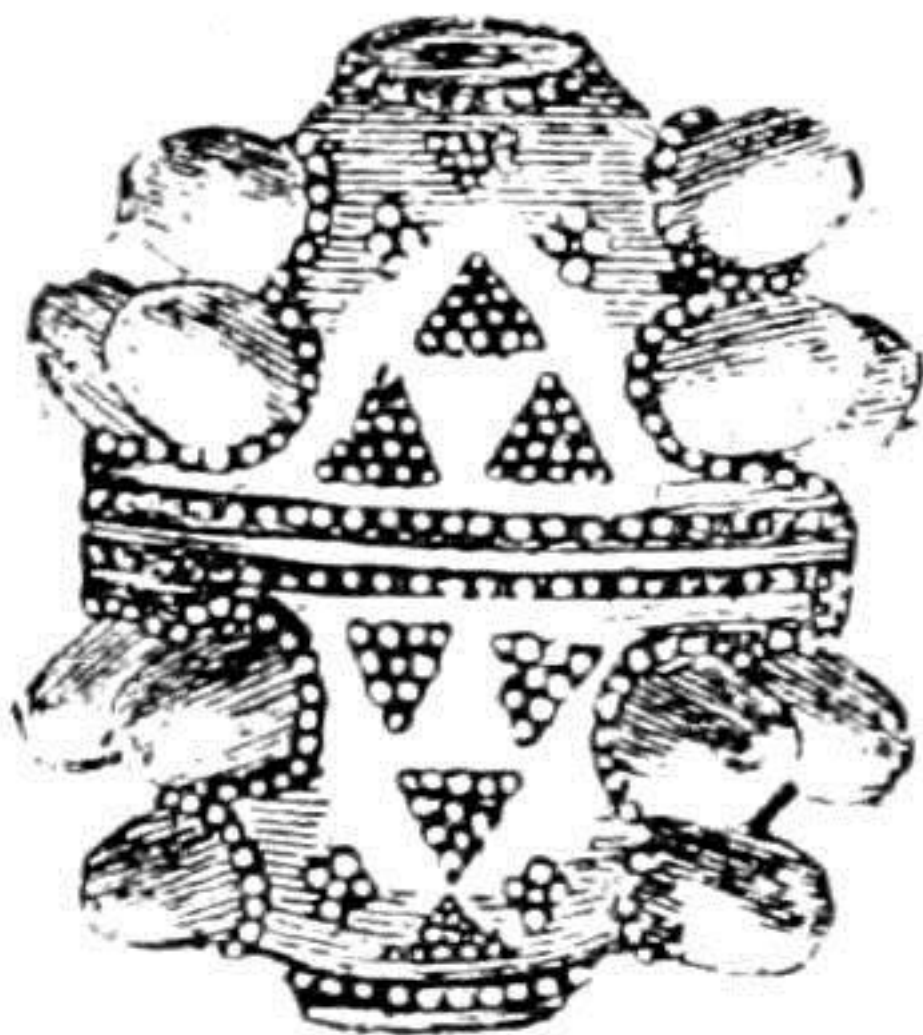

Рис. 1083.

Рис. 1084.

Рис. 1085.

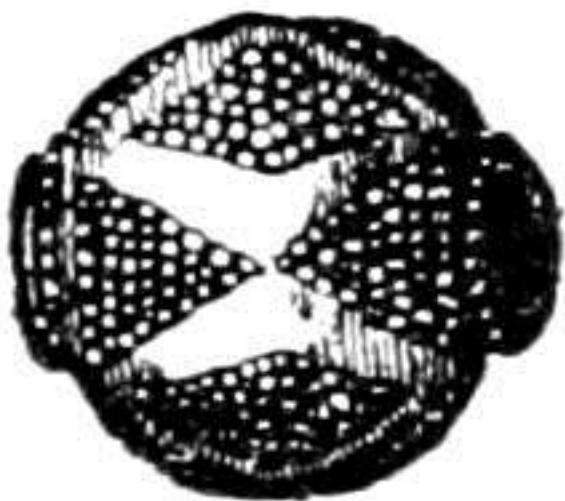

Рис. 1086.

Рис. 1087.

Рис. 1088.

Серебряные бусины настоящего размера, вместе с монетами и т.п., в коробке, зарытой в землю, у рабочего

мужчина во время рытья канавы в Фельхагене, Гетланд, недалеко от Римского монастыря, из партии из 49 бусин тринадцати разных узоров.

Находка на земле Фельхаген, Гетланд. Предметы находились в медной шкатулке, которая, однако,

не мог быть взят целиком и содержал, помимо некоторых представленных объектов, еще и сверху - слиток химически чистого золота, 8 серебряных браслетов, 835 куфических монет (971), 400 немецких монет, последняя от Оттона III. до 1002 г.; 4 английские монеты

Этельреда и многих других драгоценностей.

Страховые компании были известны с незапамятных времен.

“Ущерб должен быть возмещен, если среди скота человека возникнет болезнь, в результате которой погибнет четверть или более его скота; тогда люди Хреппа должны возместить ущерб. Мужчина должен позвать к себе пятерых своих соседей в течение следующих полугода после прекращения болезни, чтобы оценить свои потери. Он должен сообщить им о своих потерях и показать им мясо и шкуру мертвого скота. После этого он должен поклясться перед ними, что его потеря так же велика, как они ее оценили, или даже больше. Затем при встрече он должен сказать, насколько велика была его потеря, и бундр выплатит ему половину потери” (Грагас, i. 458.)

“В доме каждого мужчины также есть три комнаты, за которые нужно заплатить, если они сгорят. Первая - стофа (гостиная), вторая - холл (элдху), третья - кладовая, где женщины готовят еду. Если кто-то владеет и элдху, и скали, он должен на собрании весной сказать, хочет ли он, чтобы люди отвечали за элдху или скали” (Gragas, i. 459).

“Оплачивается только стоимость одежды или вещей, которыми человек владел и которыми пользовался каждый день. Если сгорела еда, она должна быть оплачена. Стоимость дорогих вещей или изделий не подлежит оплате. Убытки человека не должны возмещаться ему более чем в три раза” (i. 460).

В следующем отрывке мы находим раннюю ссылку на великую новгородскую ярмарку:—

“Однажды летом Харальд (Светловолосый) позвал к себе своего самого дорогого любимца Хаука хабрека (= с высоким задом) и сказал: ‘Теперь я свободен от всех войн и вражды в этой стране и буду вести легкую и радостную жизнь. Этим летом я отправлю тебя в Восточные земли, чтобы ты купил для меня кое-какие вещи, которые здесь дорогие и редкие.’ Хаук сказал, что ему следует повиноваться в этом, как и во всем остальном, и король разрешил своим людям разъехаться по разным странам. Хаук отбыл с одним кораблем и хорошей группой сторонников и прибыл на восток, в Хольмгард (= Новгород) осенью, когда началась ярмарка, и отправился на зимние квартиры. Туда пришло много людей из разных земель, среди них были защитники короля Эйрека из Уппсалира, Бьерн блусайд и Сальгард серк (= рубашка), властные и причинявшие всем зло. Однажды Хаук шел по городу со своими людьми, чтобы купить кое-какие дорогие вещи для своего господина Харальда, когда он подошел к тому месту, где сидел человек из Гардарики; он увидел дорогой плащ, весь украшенный золотом. Он купил его, оставил и отправился за деньгами. До этого, в тот же

день, Бьерн хотел купить этот плащ для короля шведов, и была названа его стоимость. После ухода Хаука пришел слуга Бьерна и сказал торговцу, что Бьерн, конечно, должен получить плащ, но он сказал, что вопрос улажен. Слуга сказал Бьерну. Затем Хаук пришел с деньгами за плащ, заплатил все и забрал его” (Flateyjarbok, i. 577).

ГЛАВА XIV. ДОЛГИ И ГРАБЕЖ.

Строгость законов о долгах—Неплатежеспособный должник, имущество кредитора—Выкуп должника—Грабеж и кража со взломом—Грабеж с применением насилия—Грабеж без применения насилия—Наказания—Неисправимые воры—Законы о воровстве.

Ничто не могло более ясно показать, что, помимо профессии *викинга*, люди вели свои коммерческие операции очень честным образом, чем тот факт, что законы о долгах были очень строгими и что грабеж, поджог, фальсификация продуктов питания и т. Д. Карались наиболее сурово и в некоторых случаях выводили нарушителя за рамки закона.

Что касается долгов и прав кредитора, то некоторые обычаи, ставшие законом, по-видимому, относятся к глубокой древности.

Когда должник не мог расплатиться, он должен был прийти к Делу и предложить себя своим родственникам, если они согласятся выплатить долг; сначала ближайшему родственнику; затем, если он не захочет, он мог предложить себя любому из остальных. Если никто из родственников не желал заполучить его, он принадлежал своему кредитору до тех пор, пока не выплатит долг работой или иным способом.

Женщина, которая была должницей, не могла предложить себя без согласия своих родственников.

Владелец должника мог использовать его в качестве своего раба до тех пор, пока долг не был выплачен, но у должника был режим, в котором он был рожден по отношению ко всем остальным людям. Его хозяин мог избить его, но ему не разрешалось продавать, пока он не заплатит штраф в размере сорока марок или пока он не сбежит, когда станет настоящим рабом. Должник мог также отдать своего ребенка за более высокий долг, чем три марки.

Если он не оставался со своим кредитором, ему давали полмесяца на то, чтобы разобраться в делах и попытаться вернуть долг. Если кредитору нужны были только деньги, а не человек, он мог предложить должника своим родственникам; или, если они не хотели покупать его, кредитор мог продать его любому человеку в стране, хотя и не как обычного раба и не за большую сумму, чем долг.

Если должник не хотел работать и был упрям, то кредитор мог отвести его на Объект и предложить родственникам должника для выкупа; если они не хотели, кредитор мог убить или искалечить его.

“Должник должен быть привлечен к Делу. Сначала он должен быть предложен своим родственникам, и сначала ближайшему, если он ему нужен, или тому, кому он предпочитает его продать. Никому не разрешается брать женщину таким образом ради получения долга,

кроме как с согласия ее родственников.... Он (кредитор) не должен заставлять ее работать ударами, если только он не может получить с нее свой долг. У мужчины нет никакого отношения к нему (хозяину), его жене, всем его рабам и друг к другу. Если другие бьют его, хозяин имеет на него такое же право, как и на своего управляющего; должник владеет остальной частью своего права согласно своему рождению, и его право должно быть таким же, как если бы у него не было долгов.... Если человек продает должника как раба, он обязан заплатить 40 марок, если только он не сбежал от своего кредитора, и столько же должен заплатить каждый, кто продает свободного человека.... Мужчина, родившийся в семье, может отдать своего ребенка в долг, если он делает это в Магазине, в пивной или в церкви, за 3 марки и не более.... Если должник упрям по отношению к кредитору и не хочет работать на него, его должны привести к Делу и предложить его родственникам выкупить его. Если они не захотят, кредитор может нанести ему увечья в верхней или нижней части тела” (Гулат. Закон, 71).

Грабеж (*Rán*) рассматривался с другой точки зрения, в зависимости от того, применялось ли при его совершении большее или меньшее насилие.

Búrán (кража), совершенное с вооруженной силы считалась самой плохой форме, и был *útlegrarverk* (объявление вне закона-работы). Ограбление целой фермы каралось вне закона, и в ту ночь владелец послал стрелу людям Херада, чтобы те преследовали грабителя. Если, будучи пойманным, он возвращал имущество, он должен был выплатить королю компенсацию. Если грабители защищались, они были нечестивцами, и никакой оборотнихе за них не платили, если они были убиты.

“Если люди нападают на бонди, грабят его ферму и забирают 3 коровы или больше, или стоимость 3 коров, то это *буран*. Если у бонди есть только 3 коровы, то это *буран*, если одну забирают. Должна быть послана стрела, и каждый передаст ее другому или заплатит штраф.^[176] Если их преследуют, находят со скотом и возвращают его, предводитель платит 40 марок, а каждый из его людей - по 3 марки. Если они этого не сделают, то все они вне закона” (Frostath., ст. 14).

“Во-вторых, если человек найдет другого в своем *буре*^[177], который собрал там имущество и одежду, он может убить его, если захочет. Он пойдет к своим соседям и покажет им убитого человека, а также воспользуется их доказательствами по поводу предмета со стрелой. В-третьих, если мужчина обнаружит другого человека в своей овчарне или коровьем стойле, привязывающего его скот и пытающегося увести его, он может убить его, если захочет” (Закон Гулатхинга, 160).^[178]

Handrán был термином, применяемым к ограблению без применения насилия с целью выбивания имущества из рук. Такой грабитель тоже был нечестивым и мог быть убит без всякой компенсации.

“Это *ручной грабеж*, если человек вырывает из руки человека то, что он в ней держит, или срыгает что-нибудь с его спины. Это также может быть объявлено вне закона” (Вигслоди, с. 3).

“Если человек совершает ручное ограбление другого и тот доказывает это свидетелями, то грабитель обязан заплатить 3 марки. Если грабитель убегает с вещью (ограбленной), а владелец бежит за ним и убивает его, то он становится преступником” (Гулат., 143).

Оценивалась стоимость украденной вещи, и если она стоила *эртугили* больше, то вор должен был быть объявлен вне закона и убит, поскольку он поплатился своей жизнью.

Если человек крал что-то менее ценное, чем *эртуг*, он был *торфом*,^[179] и его заставляли бросать в него все, что у присутствующих было под рукой; если он уходил живым, то после этого он оставался без награды.

“Если человек ворует в торговых путешествиях, он становится *готу-тьофом* (вором в перчатках). Его голова должна быть обрита и вымазана дегтем, а также взят (гагачий) пух и посыпан им. Тогда вся команда проложит для него дорогу и встанет по обе стороны, а он, если сможет, побежит в лес. Каждый присутствующий должен бросить камень или палку ему вслед, а тот, кто не бросит, обязан заплатить 9 *эртугар*”^[180] (Закон Бьярки, 146).

Если совершалась кража самой маленькой вещи, даже менее ценной, чем *твум*, кража называлась *hvinnska* (воровство), и с тех пор вора всегда называли *hvinн* (воришка), и у него не было права собственности.

“Если человек украдет меньше *твейта*, он будет называться *хвинном* всю свою жизнь и не получит жалованья” (Закон Бьярки, 147).

Любой, кто украл фрукты или растения из сада или фермы, мог быть избит и лишен одежды.

“Если человек заходит в чужой сад с луком-пореем или в сад с дягилем, у него нет выхода, хотя его бьют и колотят, и с него снимают всю одежду” (Frostath., xiv. 14).

Акт кражи пищи с целью поддержания жизни, однако, не наказывался.

Далее следует то, что никто не должен красть у другого. Тем не менее, следует отметить, что человек, который не получает работы, чтобы жить, и крадет пищу, чтобы спасти свою жизнь от голода, тогда эта кража вообще не должна быть наказана” (N. G. L., ii. 168).

Любой, кто был пойман на воровстве трижды, считался непоправимым, и государству считалось, что полностью избавить общество от таких преступников обходится дешевле, чем сажать их в тюрьму.

“Человек, который может найти работу, чтобы прокормиться, и крадет сумму в эйрир, но не делал этого раньше, должен быть привлечен к Делу и выкупить свою шкуру за 3 марки серебра. Если он украдет столько же во второй раз, он должен выкупить свою шкуру за 6 марок серебра. Если он этого не сделает, он потеряет свою шкуру, и ключ должен быть прикреплен к его щеке. Если он украдет столько же в третий раз, то лишится своей шкуры, и король должен взять 6 марок серебра из его имущества, если у него столько. Если один и тот же человек крадет чаще, он должен быть убит” (N. G. L., ii. 168).

Несовершеннолетние не несли ответственности за свои действия, но если вором была женщина из хорошей семьи, ее высылали из страны; если местный раб, его обезглавливали; если иностранный раб, его хозяин мог избить его в течение пяти дней; если местная рабыня или вольноотпущенница (свободная, но рожденная от рабынь), она подвергалась суровому наказанию.

“Если женщина из хорошей семьи совершит кражу, она должна быть выслана из страны во владения другого короля. Если совершит кражу несовершеннолетний, ему должно быть возвращено. Если местный раб украдет, ему отрубят голову, или его хозяин будет отрицать это с *сеттарейдом*.^[181] Если это иностранный раб или сын иностранца, с него должна быть выпорота шкура, или его хозяин должен приказать выпороть его в течение пяти дней.... Если вольноотпущенница мужчины (*лейсингья*) или местная рабыня ворует, ей отрезают одно ухо,

во второй раз отрезают другое ухо, в третий раз отрезают нос; тогда ее называют *стуфа* и *нуфа*, и она может красть столько, сколько ей нравится” (Гулат., 259).

Если высокородный мужчина склонял раба к грабежу, наказанию подлежал он, а не рабыня.

“Если вольноотпущенник и раб совершали кражу вместе, вольноотпущенник считался вором в одиночку, ибо, как гласит закон, тот, кто крадет с чужим рабом, крадет в одиночку” (Гулат., 261).

Вынос межевых камней считался кражей.

“Если человек берет стоячие межевые камни, кладет их в другом месте и переносит на землю своего соседа, то он вор” (Гулат., 264).

Согласно Закону Гулатинга, сделки признавались недействительными в случае *фальши*, или мошенничества, и мошенник был оштрафован на 3 марки.

“Никто не должен продавать другому то, в чем есть обман. Если человек продает песок или грязь вместо муки или масла, которыми он покрывает песок или грязь, штраф составляет 3 марки” (Гулат., 40).

Использование собственности другого человека без его разрешения называлось *fornæmi*^[182], если это был корабль, лошадь или снегоступы, и это наказывалось возмещением ущерба владельцу, специальное имя для которого было *áfang*. Если он отказывался выплатить компенсацию, его поступок был грабежом.

Король не получал и не платил *афанг*, поскольку его вещами могли пользоваться другие люди, а он мог пользоваться вещами других людей.

“Никто не должен брать корабль или лошадь другого человека, кроме как с разрешения владельца. Если он возьмет их, то заплатит полтора эйрира. Если владелец найдет его на корабле или лошади и спросит об этом, будет хорошо, если он заплатит. Если он этого не сделает, штраф удваивается, и королю должен быть выплачен *ранбауг* (штраф за грабеж)” (Гулатинг, 92).

Порча чужой собственности называлась *spellvirki* (порча имущества); если ущерб превышал половину марки, владелец получал возмещение в соответствии с оценкой и, несомненно, также в соответствии со своим *rétt*. Если спойлер не платил, он объявлялся вне закона.

“Никто не должен портить вещи другого человека. Если он портит так много, что убыток составляет полмарки, то это *дело о порче*, которое оценивается в полмарки. Если человек отрезает хвост чужой лошади так высоко, что порезает часть ее кожи, то это порча имущества. Если человек делает надрез на борту корабля, носовом или кормовом, стоимостью в полмарки, это *порча имущества*”^[183] (Гулатинг, 96).

ГЛАВА XV. ЗАЛЫ И ЗДАНИЯ.

Огромные размеры и красота некоторых зданий—Дерево — единственный используемый материал—Залы—Долговечность деревянных конструкций—Резные дверные проемы—Использование гобеленов—Стены, украшенные щитами—Сиденья—Положения гостей—Резные скамейки—Дома и комнаты—Женские покои—Открытые очаги—Использование дерна в качестве топлива-Изображения эпизодов из саг.

Из Эдд и саг мы иногда получаем яркое представление об огромных размерах, красоте и великолепии некоторых построек викингов на их родине на Севере.

Единственный материал, упомянутый в их конструкции, - дерево.

Каждый выдающийся человек или вождь жил в своем поместье со своей семьей, последователями и слугами. Совокупность зданий, которые они занимали, называлась *bær*; ^[184] они были разных стилей и различались по количеству в зависимости от власти, богатства и вкуса владельцев, и часто, кажется, были далеко друг от друга; каждый дом был известен под другим названием. Эти здания, по-видимому, были построены так, чтобы образовывать четырехугольник, фасад которого обращен к открытому пространству или травянистому участку, называемому *тун*, все окружено забором под названием гард, ^[185] через которые вход был через ворота, “*гринд*”, или шлюз, “*хлид*”.

“Раудульф жил во времена короля Святого Олафа в Аустердале (долина Эстердал), когда король путешествовал по стране и принуждал людей принять христианство. Он послал своих сыновей к королю Олаву и пригласил его домой на пир. Было довольно поздно, когда король прибыл в Рауд с двумя сотнями человек; он увидел высокие и хорошо запертые ограды, и когда они подошли к воротам, они были открыты, но, тем не менее, хорошо охранялись.... Когда король въехал, там стоял Рауд бонди со своими сыновьями и множеством людей. Рауд хорошо принял его и его людей; они сошли со своих лошадей. Король спросил бонди: ‘Является ли этот прекрасный дом, который я вижу здесь, за оградой, церковью?’ Бонди ответил: ‘Это мой спальный дом, который был построен этим летом и сейчас только что закончен’; вся крыша дома была покрыта дранкой и просмолена. Затем они прошли в гостиную, и король увидел, что она очень большая; крыша ее была обшита досками и просмолена” (Форнманна Сегур, ст. 331).

Самые прекрасные здания назывались *холл* (зал) и строились только королями, вождями или ярлами. ^[186] Другое здание, называемое *sal*, ^[187] похоже, было таким же, как и зал, поскольку оно было построено для приема гостей. Тут и там мы встречаем описания залов, принадлежащих выдающимся вождям, богато украшенных резьбой, которая иногда изображала подвиги воинов; и если бы не некоторые из этих сувениров, спасенных от забвения и разрушения, мы могли бы усомниться в том, что искусство резьбы было доведено до такого совершенства, каким оно было. Стены, двери, кровати, сиденья и т. Д. Упоминаются как богато украшенные резьбой.

“Олаф Хескульдссон приказал сделать зал в Хьярдархольте больше и великолепнее, чем люди когда-либо видели; на стенах и потолке знаменитые саги были вырезаны с таким мастерством, что зал показался гораздо великолепнее, когда с него сняли драпировки” (Лаксдала, с. 29).

В то время в храме было принято устраивать большие залы, где люди по вечерам сидели у длинных костров; перед мужчинами ставили столы, которые потом спали вдоль стен,

подальше от костров. Днем женщины чесали и пряли шерсть в этих залах” (“Сага о Гретти”, глава xv).

Некоторые церкви и фермерские дома, построенные в начале христианской эры, а также некоторые двери свидетельствуют о долговечности их деревянных конструкций.

Резные дверные проемы с иллюстрациями из эддайских песен, должно быть, были взяты из зданий гораздо более раннего периода, чем церкви, но точно установить дату невозможно. Некоторые рисунки имеют глубину от двух дюймов до одной линии.

Только в двух местах упоминаются каменные залы (*steinhöll*).

“Гуннхильд, королева Норвегии, сказала Огмунду (одному из своих людей): ”Покажи им (Рут и его людям) дорогу к моему дому и приготовь для них там хороший пир”. Огмунд пошел с ними в каменный зал, покрытый прекраснейшими гобеленами” (Ньяла, гл. 3).^[188]

Король Атли послал приглашение сыновьям Гьюки, Гуннару и Хегни, братьям Гудрун, его жены.

Атли прислал

Рано для Гуннара,

Мужчина, искусный в верховой езде;

Его звали Кнефрод;

Он приехал в городок Гьюки

И в зал Гуннара,

К скамейкам у костра,

И за всеми любимое пиво.

Там воины пили

Вино в иностранном зале,

Молчаливые и скрывающие свой страх;

Они боялись гнева хунаров;

Тогда Кнефрод крикнул:

Южанин,

Леденящим душу голосом,

Сидя на высокой скамейке—

- Атли послал меня покататься

Прибыл по своему поручению

На лошади, натирающей удила

Через неизвестный темный лес

Хочу предложить вам обоим, Гуннар,

Подойти к скамейке запасных

В шлемах с орлиным клювом

Навестить его.

У нас семь залов

Полный мечей;

Каждого из этих

Щитки золотые;

Я знаю, что моя лошадь лучшая,

Мой меч самый острый;

Мой лук украшает скамейку,

Мои бриньи из золота,

Мои шлем и щит самые белые.

(Атлаквид.)

Сцена, изображенная на дверных косяках на следующей странице, описывается следующим образом:-

Рис. 1089.

Рис. 1090.

Дверные косяки, церковь Осстад, Стерсдал. Высота 6 футов; ширина 1½ фута.

Царь Атли призвал свое войско к яростному штурму; они упорно сражались, но Гьюкимгар атаковал так яростно, что отступил в зал, а они дрались внутри очень ожесточенно. Многие пали, и, наконец, все мужчины братьев (Гуннар и Хегни) были убиты, так что в живых остались только они двое; но до этого многие мужчины отправились в Ад от их оружия. Король Гуннар подвергся нападению и из-за превосходящей силы противника был схвачен и закован в кандалы. После этого Хегни сражался с великой доблестью и мужеством и убил двадцать величайших воинов короля Атли; многих он бросил в огонь, разожженный в зале; все согласились, что такого человека вряд ли можно найти, но, тем не менее, в конце концов он был побежден и взят в плен. Король Атли сказал: 'Это великое чудо, что он убил здесь так много людей; вырежь ему сердце, и это будет его смертью'. Хегни ответил: 'Делай, как тебе нравится, я с радостью вынесу то, что ты делаешь, и ты увидишь, что мое сердце не боится, я и раньше выдерживал тяжелые испытания. Мне нравилось участвовать в испытаниях, пока я был невредим, но теперь я тяжело ранен, и ты все равно добьешься своего'. Советник короля Атли сказал: "У меня есть совет получше; давайте лучше возьмем раба Хьялли, но пощадим

жизнь Хегни; этот раб обречен на смерть, живи он так долго, он всегда будет таким же плохим, как сейчас". Раб услышал это, громко закричал и убежал туда, где, как он думал, был в безопасности. Он сказал, что ему пришлось пострадать из-за их ссоры, и что это было незаслуженно; что настал злой день, когда он должен был умереть и бросить свое свиноводство. Они схватили его и угрожали ножом; он громко закричал, прежде чем почувствовал его острие.

“Хегни сделал то, что необычно в такой личной опасности, заступился за жизнь раба, сказав, что не хочет слышать его крики и что он предпочитает сам быть страдальцем; раб был рад сохранить ему жизнь. Хегни и Гуннар были закованы в кандалы. Атли попросил Гуннара сказать, где золото, если он хочет остаться в живых. Он ответил: ‘Я скорее увижу окровавленное сердце моего брата Хегни’. Они схватили раба во второй раз, вырезали ему сердце и показали его королю Гуннару. Он сказал: ‘Здесь ты можешь увидеть сердце Хьялли труса, и оно не похоже на сердце Хегни храброго, потому что сейчас оно сильно трепещет, но оно трепетало вдвое сильнее, когда лежало в его груди’. По настоянию короля Атли они отправились к Хегни и вырезали ему сердце, но такова была сила его духа, что он улыбался, перенося эту пытку, и все удивлялись его стойкости; и с тех пор этот поступок хранится в памяти. Они показали Гуннару сердце Хегни храброго, который сказал: ‘Оно не похоже на сердце Хьялли, потому что теперь оно немного трепещет, но меньше, чем тогда, когда было в его груди; ты потеряешь свою жизнь, Атли, как и мы сейчас. Я один знаю, где золото, потому что Хегни не может сказать тебе сейчас. Иногда я собирался рассказать это, пока мы оба были живы, но теперь я предоставлен самому себе; пусть лучше Рейн сохранит золото, чем хунары будут носить его на своих гербах. Король Атли приказал им увести пленника, и это было сделано. Гудрун с несколькими людьми отправилась к Атли и сказала: "Пусть тебе будет так же плохо, как ты сдержал данное мне слово".

Рис. 1091.—Резной дверной проем, церковь Сауленда, Телемаркен. Высота 13 футов; ширина 7½ футов; высота двери 7½ футов; ширина двери 2⅓ футов.

“Короля Гуннара посадили в яму, в которой было много змей, и крепко связали ему руки. Гудрун прислала ему арфу; он продемонстрировал свое искусство и играл на ней с большим мастерством, ударяя по струнам пальцами ног. Он играл так хорошо и чудесно, что мало кто думал, что слышал, как на арфе так хорошо играют руками, и он продолжал этот идротт до тех пор, пока все змеи не заснули, кроме большой отвратительной гадюки, которая подползла к нему и вонзилась в его тело своей мордой, пока не достигла его сердца; и там он расстался с жизнью с великой доблестью” (Сага о Вельсунге, с. 37).

В залах было две двери, одна для мужчин, другая для женщин;^[189] многие из них, которые часто были покрыты узорами из железа и руническими надписями, должно быть, были чрезвычайно красивыми. Швеция особенно богата ими. Дверь церкви Версоса, представленная на следующей странице, несомненно, очень древняя, поскольку на ней изображена свастика.

Стены залов были увешаны гобеленами, сделанными женами и дочерьми семьи, часто изображавшими деяния их предков или их господина; резьба на стенах иногда была очень тонкой. Представление об огромных размерах этих праздничных залов можно составить по количеству гостей и обслуживающего персонала, которые они могли вместить. Некоторые стены были украшены щитами, поставленными так близко друг к другу, что они перекрывали друг друга; многие были инкрустированы или украшены золотом и серебром, что, должно быть, добавляло яркости происходящему.

“Король Кнут отправился в Боргундархольм (Борнхольм), где Эгиль устроил для него грандиозный пир; он отправился на него с большим хирдом.^[190] Там у него был зал размером с королевский, весь увешанный щитами” (Флэтейярбок iii., стр. 401).

“Король Харальд Сигурдарсон пришел к вождю Аслаку и пригласил себя в его дом. Аслак пошел ему навстречу и принял его очень хорошо. Короля и его людей провели в зал и усадили; он был увешан щитами и великолепно украшен во всех отношениях”^[191] (Флэтейярбок iii., стр. 401).

Однажды Торфинн (исландский поэт) сидел в мягком кресле перед королем Олавом. Король сказал ему:

“ ‘Сложи песню, Скальд, о том, что нарисовано на драпировках’. Торфинн посмотрел на них и увидел, что на них вышит Сигурд, убивающий Фафнира” (Флэтейярбок iii.).

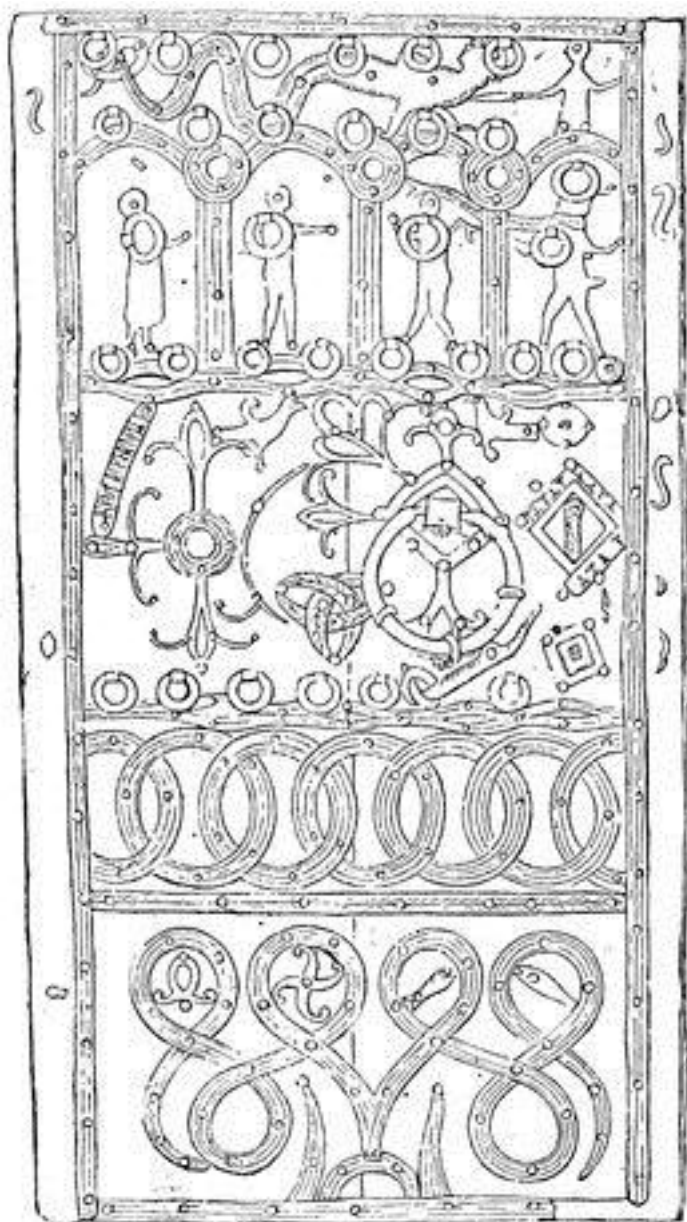

Рис. 1092.—Церковная дверь в Версöse, Вестергетланд. Изображение Сигурда, убивающего змея Фафнира: Руническая надпись, *Асмутр Кертхи Дирр* = Асмунд создал дверь; и свастика.

Залы использовались для пиршеств,^[192] и были построены с востока на запад, длинные стены тянулись с севера на юг; вдоль последних стояли скамьи, а в середине каждой из них были *хасету* or high-seats, also called *Ondvegi* or *Ondugi* места располагались друг напротив друга (*Ond* = напротив, *vegi* = напротив). Самыми важными скамьями были *ædri bekk* Длинная скамья, тянувшаяся вдоль южной стены, называлась “*удри бекк*” (нижняя скамья); высокое сиденье на этой скамье называлось *аннат ондвеги*, *нордр ондвеги* и *ондвеги а хинн уддра бекк*, и находилось напротив другого высокого сиденья. Быть помещенным в этот *ондвеги* было высшей честью, которая могла быть оказана кому бы то ни было, и, следовательно, это место присваивалось только самым выдающимся людям. Чем ближе место на скамьях, отведенное кому-либо, было к самому высокому месту, тем выше оказывалась честь; самые дальние места, у дверей, были самыми низкими.

Рис. 1093.—Дверь церкви Фааберга, 9 футов в высоту, 3 фута в ширину. Сохранились только три двери такого же типа (с железной отделкой).

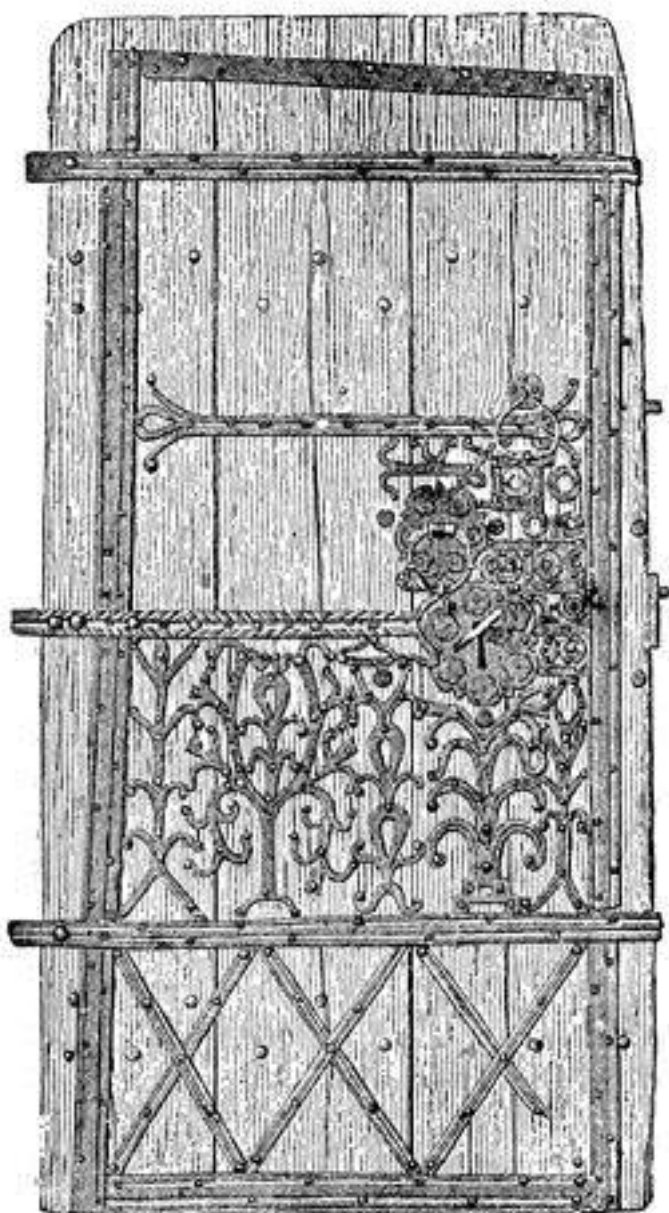

Рис. 1094.—Дверь из церкви Вонга, Остергетланд, Стокгольмский музей.

“Торкель Хак (исландец) побывал за границей и стал известен за рубежом ... он отправился в Швецию и стал спутником Серквира, и они разорили побережье Балтийского моря. К востоку от Балагардссыды Торкель, отправившись однажды вечером за водой, встретил *финнгалкна* (разновидность чудовища-дракона), которого после длительной борьбы он убил. Затем он отправился на восток, в Адалсыслу, где также убил летающего дракона; после этого он вернулся в Швецию, оттуда в Норвегию, а затем в Исландию. Он вырезал эти великие подвиги над своей запертой кроватью и на стуле перед своим высоким креслом. Его звали Торкель Хак, потому что он никого не щадил ни на словах, ни на деле, с кем бы ни имел дело” (Нджала, 120).

Сиденья на *ædri bekk* Рядом с королем, на верхней скамье, справа сидели младшие короли или другие выдающиеся люди.

В некоторых случаях более позднего периода мы находим, что слева сидели королева со своими женщинами в порядке их ранга, поскольку места женщин тогда находились на

длинной скамье слева от короля и справа от других ондвегисменов, а места мужчин находились слева от ондвеги.

Хильдигунн, желая подготовиться к приему своего родственника Флоси, сказала:

“Теперь все мои слуги должны стоять снаружи, когда Флоси въедет во двор, а женщины должны убрать комнаты, повесить занавески и приготовить для него высокое сиденье” (Нджала, глава 116).

Высокое сиденье часто было достаточно широким, чтобы вместить двух или трех человек. Сигурд ярл Оркнейских островов пригласил Джилли ярла Судрейяра (Гебридские острова) и Сигтригга, короля Ирландии, на Святки.

Люди расселись так, что король Сигтригг сел в середине высокого сиденья, а каждый из ярлов - по обе стороны от него. Люди Сигтригга и Джилли ярла сидели с внутренней стороны, а Флоси и Торстейн Сидухаллсон - с внешней стороны от Сигурда ярла. Зал был полон” (Нджала, с. 154).

В некоторых залах были также поперечные скамьи, называемые *Pall* или *Thverpall* (поперечные скамьи); на них сидели женщины. В таких случаях среднее сиденье было самым заметным, а самое низкое - в конце скамейки в углу^[193]: это слово использовалось как выражение неуважения.

“У Гуннара и Ньяля был обычай устраивать пиры друг для друга по очереди раз в зиму ради дружбы. Теперь Гуннару пришлось остаться с Ньялем, и он отправился в Бергторшваль с Халльгерд. Хельги (сына Ньяля) и его жены не было дома. Ньяль принял их хорошо. Когда они пробыли там некоторое время, Хельги и его жена Торалла вернулись домой. Тогда Бергтора (жена Ньяля) подошла с Тораллой к поперечной скамье (женской скамье) и сказала Халльгерд: ‘Ты уступишь свое место этой женщине’. Она ответила: ‘Я не перееду, потому что не хочу быть загнанной в угол женщиной. Здесь я добыюсь своего’. Затем Торхалла сел” (Ньяля, с. 35).

Рис. 1095.—Дверь с железной ручкой, инкрустированной серебром, из церкви Вальтофстад, Исландия (ныне находится в Копенгагенском музее).

Высокие сиденья с подушками часто были очень красиво вырезаны, с подлокотниками по обе стороны и двумя колоннами, называемыми Ондвегисулур, которые были как вырезаны, так и раскрашены.

Только в исключительных случаях присутствовало более двух высоких мест, но нам говорят, что Ингьяльд Иллради, чтобы принимать гостей в своем *арвеле* после смерти отца, построил новый зал с семью высокими местами.

“Тордис и Бодвар поднялись на крышу зала, сняли оконную завесу, чтобы выпустить дым, и оглядели зал; они увидели, что посередине стоит кресло Гримы, а на столбиках кресла вырезан сидящий Тор со своим молотом, но Тормода они не увидели” (Сага о Фостбрендре).

Сесть на подножку перед королем означало проявить покорность; и, по-видимому, было обычным, когда подданный получал титул ярла, сидеть таким образом до начала церемонии посвящения.

“Однажды, когда король Магнус восседал на своем высоком троне и с ним было много людей, Свейн Ульфссон сел на подножку перед королем. Король сказал: ‘Я сообщу вождям и всему народу о своем намерении, которое я хочу осуществить. Сюда ко мне пришел Свейн Ульфссон, человек, известный как своим происхождением, так и делами. Он стал моим человеком и дал мне свое слово. Ты знаешь, что этим летом все датчане стали моими людьми, и страна осталась без вождя; когда меня не стало, она, как ты знаешь, часто подвергается нападениям вендов, курляндцев и других выходцев из Австрвега (восточных земель), а также саксов. Я обещал дать им вождя, который будет защищать землю и править ею. Я не вижу человека, который так хорошо подходил бы для этого во всех отношениях, как Свейн Ульфссон. Судя по его роду, он вождь. Теперь я сделаю его своим ярлом и отдам в его руки Данавельди, чтобы он правил, пока я нахожусь в Норвегии, как Кнут великий сделал своего отца Ульфа ярла вождем Дании, пока тот был в Англии ’ Он встал, взял меч и прикрепил его к поясу Свейна; затем он взял щит и повесил его на плечо; затем он надел ему на голову шлем и дал ему имя ярла и те пожалования в Дании, которые его отец Ульф ярл имел там раньше. Затем был принесен алтарь со святынями, на который Свейн возложил руки и принес клятву верности королю Магнусу, который после этого отвел его к себе на высокое место” (Сага о Магнусе Добром, гл. 24).

Позднее Олаф Кирри (Тихий), король Норвегии (1067-1093), внес значительные изменения в расположение высокого сиденья, поместив его во внутреннем конце зала, где стояла поперечная скамья, вместо того, чтобы находиться в центре длинных скамей.

Рис. 1096. Стул с пятью четкими рядами рун. В самой верхней надписи указано имя владелицы кресла — дочери Торунн Бенедикт. На передней части сиденья вырезаны двенадцать знаков Зодиака, а над ними их названия на латыни с рунами; под ними рунами начертаны латинские названия двенадцати месяцев.

Скамейки были сделаны так, чтобы гости могли разместить свои щиты, мечи и т.д. за их спинами, вдоль стены.

“В Норвегии, Дании и Швеции существовал старый обычай иметь двери в каждом конце зала в королевских резиденциях и пиршественных залах, а высокое кресло короля располагалось посередине длинной скамьи лицом к солнцу. Королева сидела по левую руку от короля, и это место тогда называлось *Ондвеги* (высокое сиденье); места рядом с этим с обеих сторон были самыми достойными для мужчин и женщин, в то время как то, что рядом с дверью, было наименьшим. Самый высокородный, старый и мудрый человек был советником короля, поскольку в то время у королей был обычай иметь мудрецов, знавших древние примеры и обычаи своих предков, но советник сидел на северной скамье напротив короля, на так называемом нижнем возвышении; по правую руку от него также сидели женщины, а по левую - мужчины. В то время у вождей был обычай подносить эль к огню и пить за человека, сидящего на возвышении напротив, и в то время было большой честью произнести тост за короля.

“Король Олаф приказал поставить в своих пиршественных залах приподнятую скамью и поставил свое высокое сиденье посередине поперечной скамьи. Он расставил своих пажей и свечников впереди; он также поставил свечу перед каждым высокородным мужчиной, сидевшим за его столом, и пажа, державшего перед каждым настольную чашу; у него также были стулья (табуретки) для его маршалов и других мудрецов” (Фагрскинна, с. 219, 220).

Рис. 1097.—Стул из церкви Грунд, Исландия. Высота 39 дюймов; ширина $30\frac{1}{2}$ дюймов; глубина 17 дюймов. Эти два стула сейчас находятся в старом Северном музее Копенгагена. Сиденья, лишь слабо украшенные на спинке, показывают, что их предполагалось разместить вдоль стены, и они, несомненно, были покрыты подушками. Нижняя часть стула представляет собой коробку с небольшой крышкой на сиденье; на верхней части его спинки и на обеих боковых частях имеются надписи более поздними рунами.

Несколько сидений, которые удалось спасти от разрушения, украшены красивой резьбой на сюжеты из Саг.

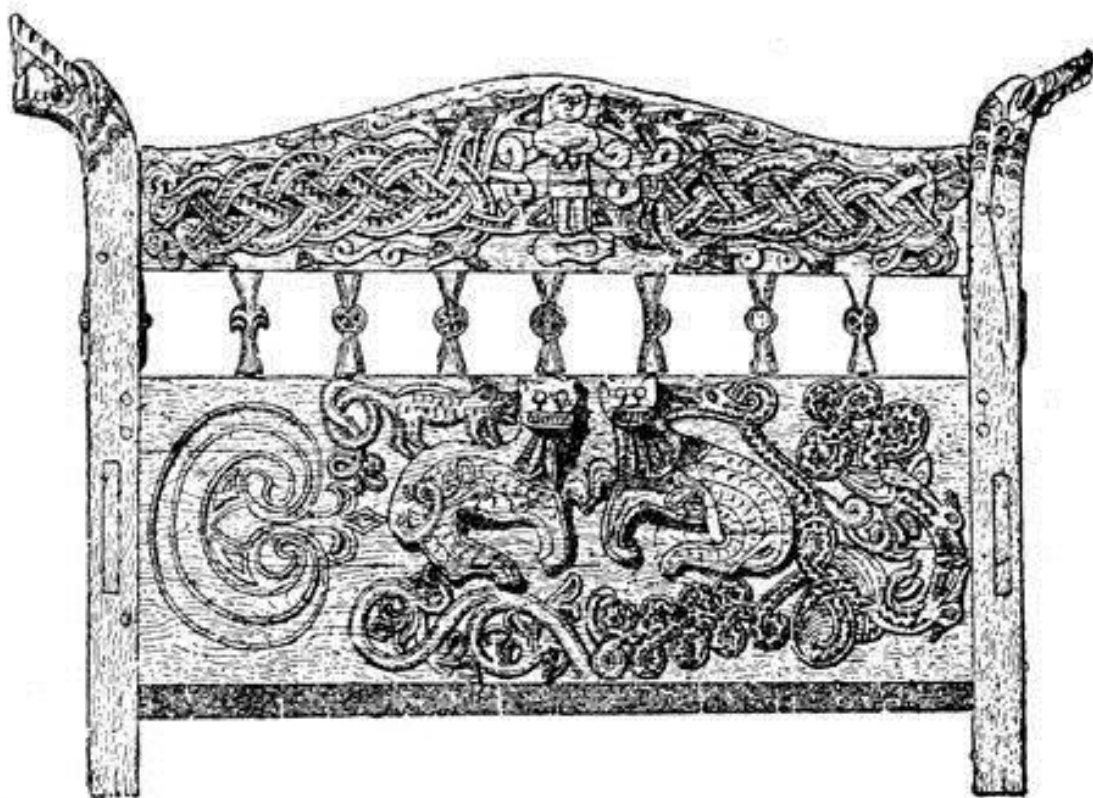

Рис. 1098.—Внутренняя сторона спины. Гуннар в змеиной яме. (Сага о Вельсунгах.)

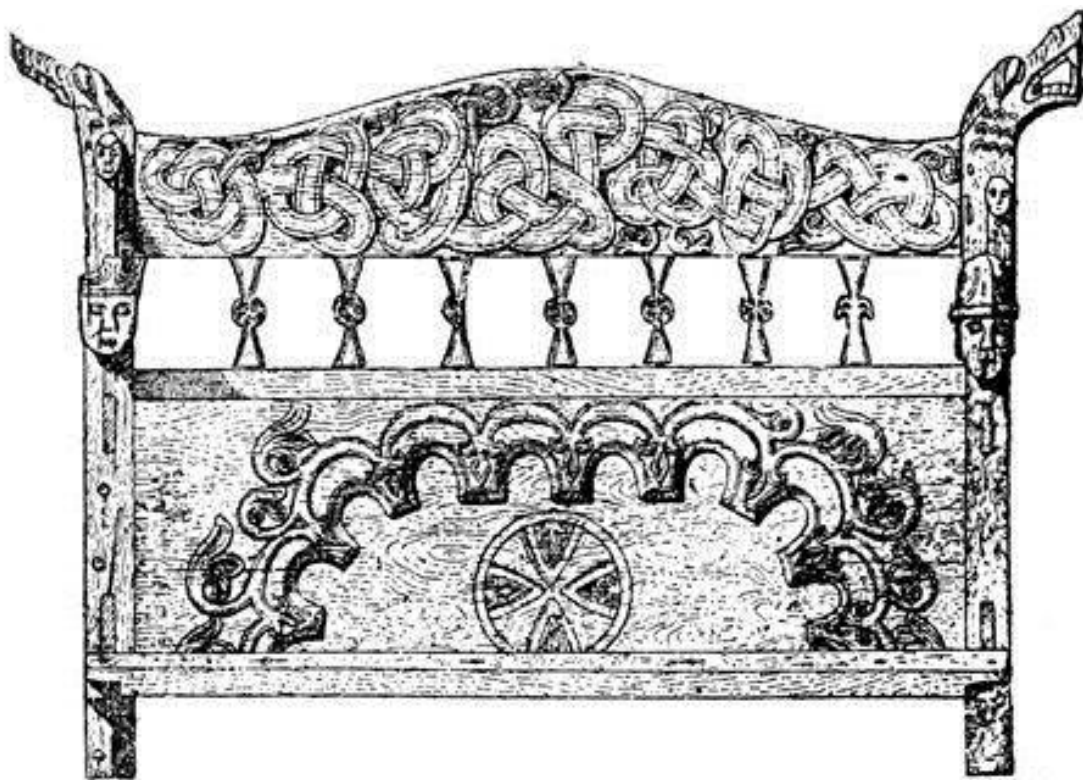

Рис. 1099.—Спинка сиденья. 1
реальный размер 19.

Вид кресла сбоку. 1
19 в натуральную величину.

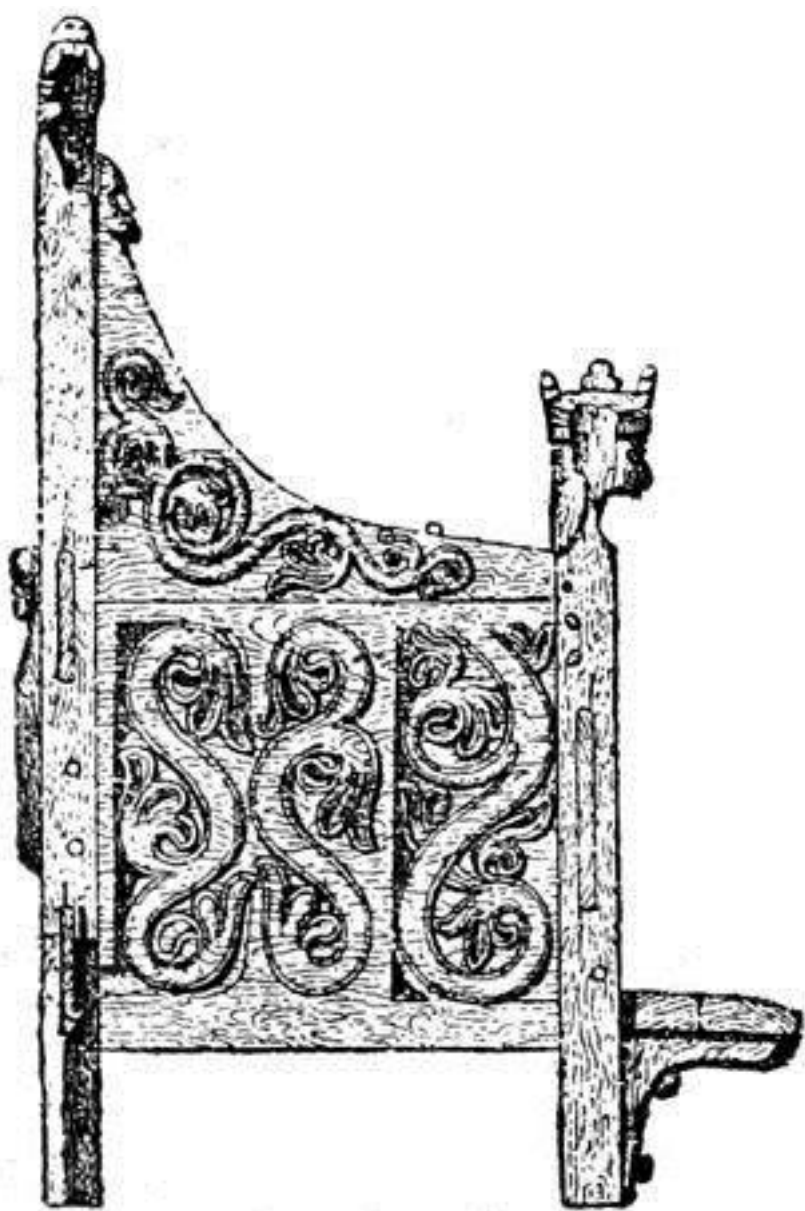

Рис. 1100.

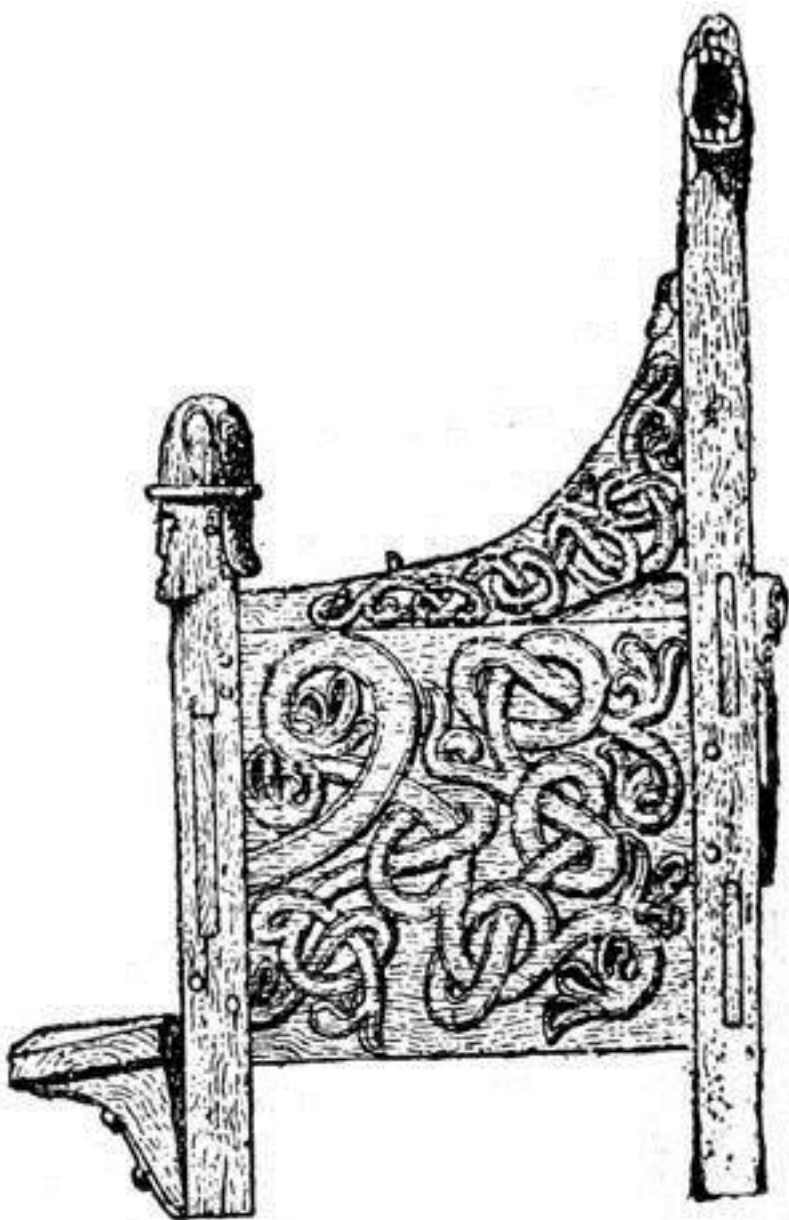

Рис. 1101.

Резной стул для новобратных, ранее находился в церкви Хиттердаль, Телемаркен, Норвегия. Сейчас на ферме Хоув. Показаны формы шляп, которые носили Гуннар и змеиная яма.

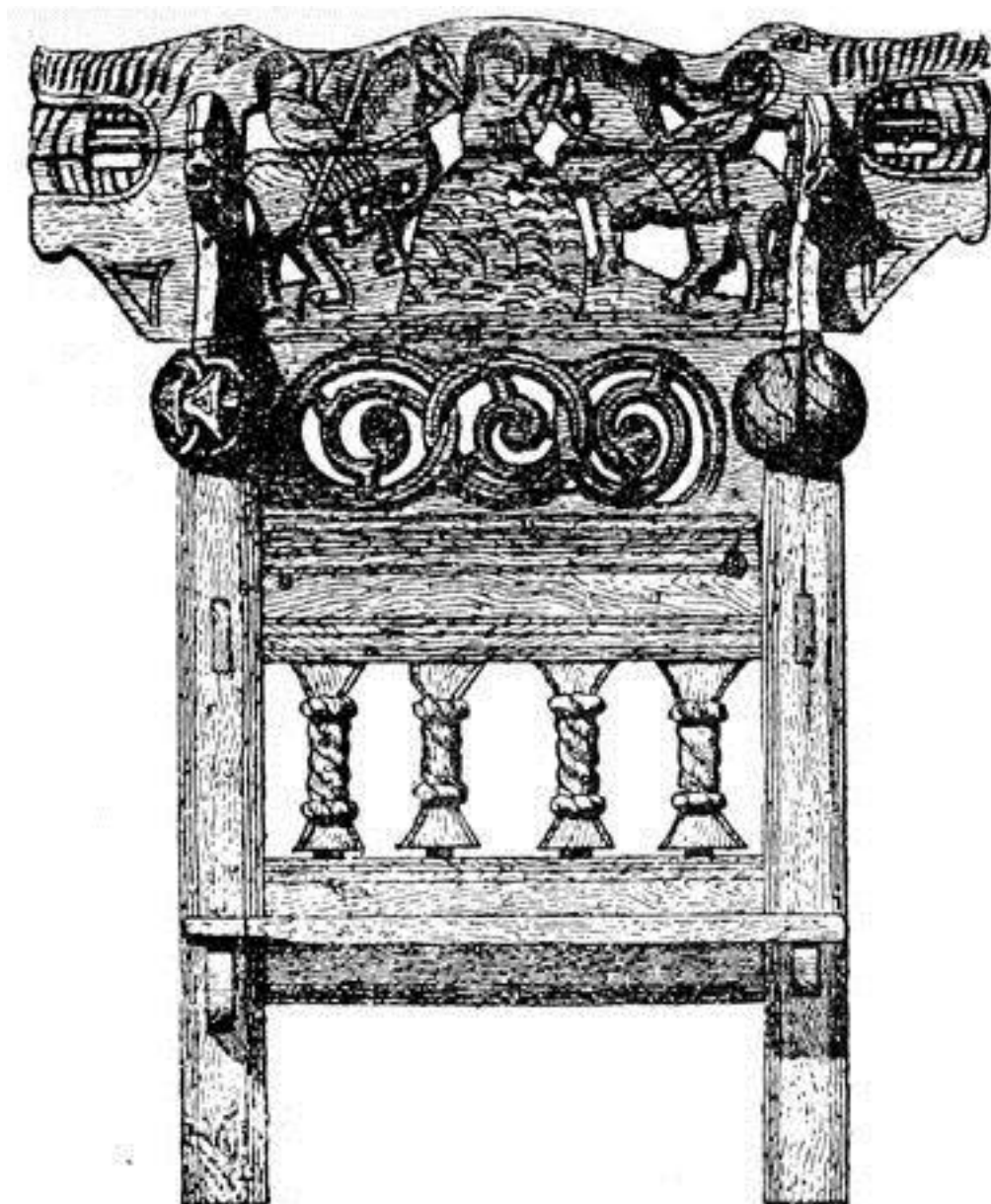

Рис. 1102.

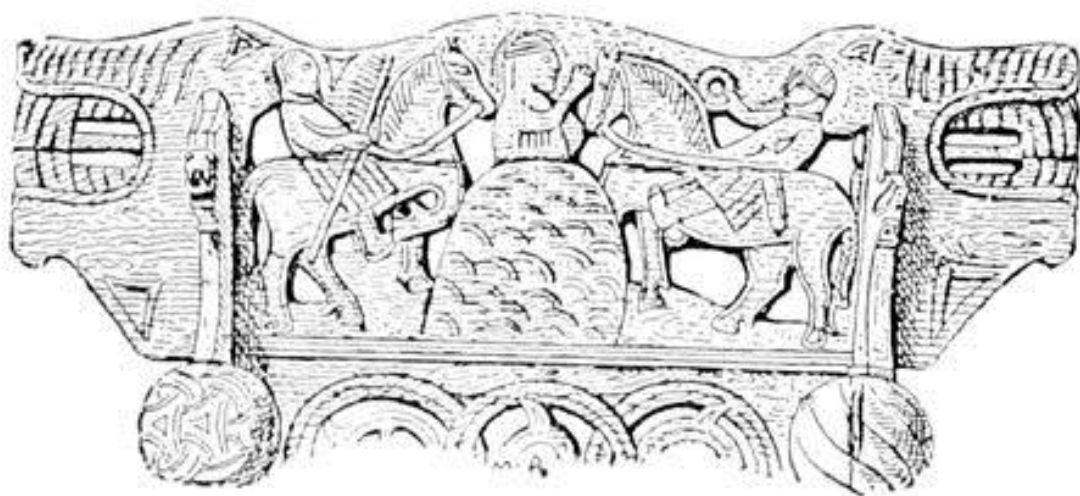

Рис. 1103.—Верхняя часть №1102.

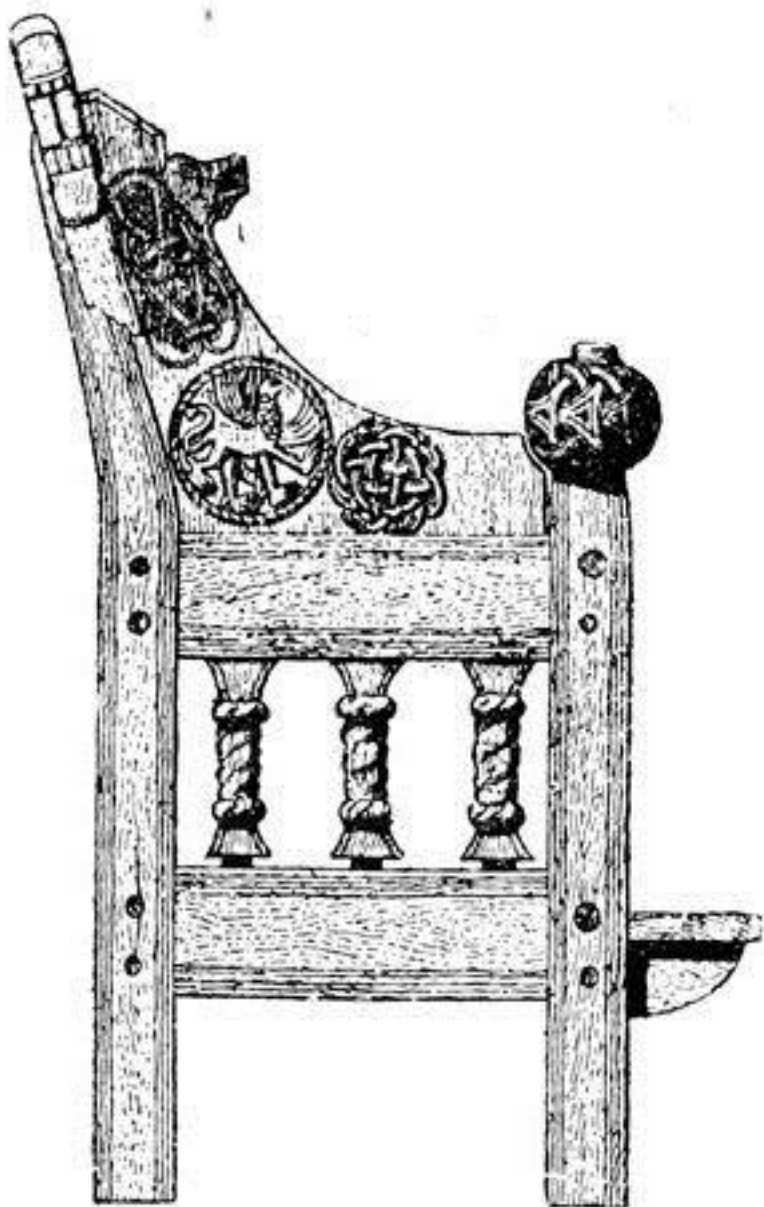

Рис. 1104.

Стул. 1
13 в натуральную величину.

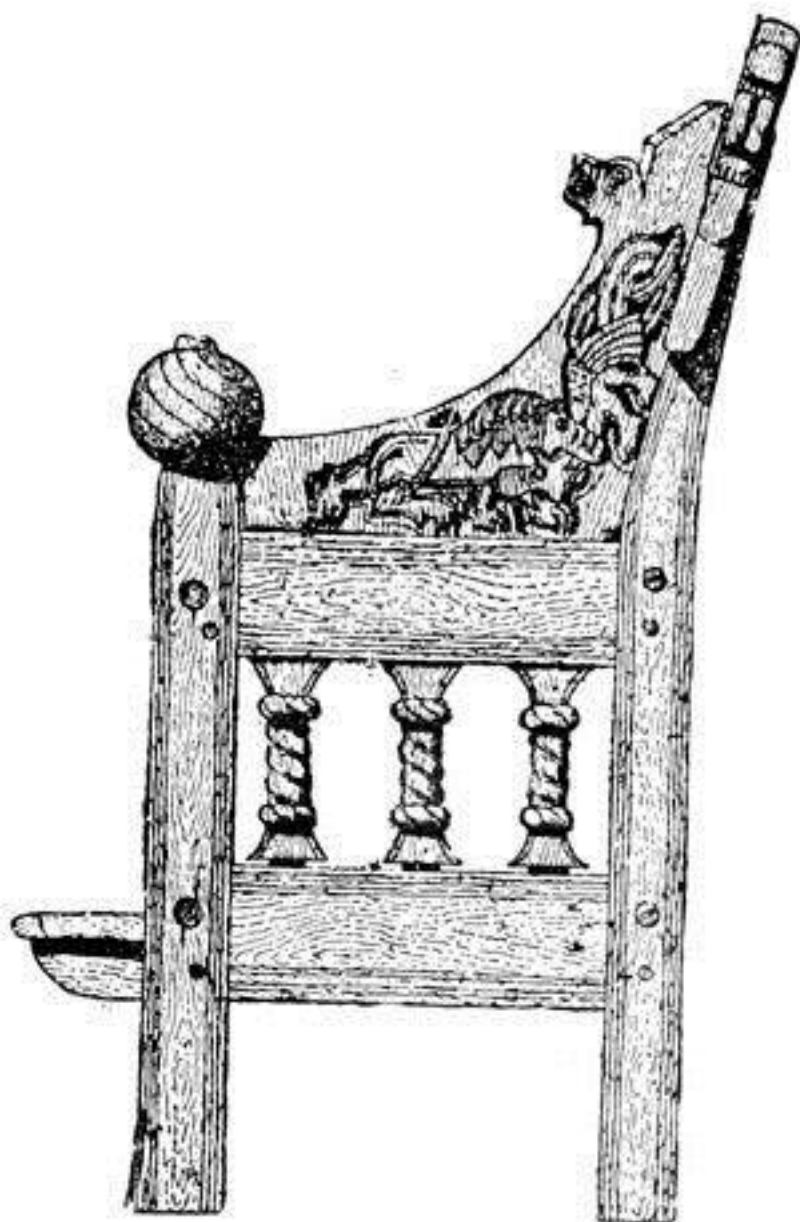

Рис. 1105.

Эта резьба может быть объяснена двумя различными интерпретациями. Женщина между двумя всадниками может быть Брюнхильд, а кольцо - тем, что боги получили от Дверга Андвари в качестве выкупа за Отра, и что, по его предсказанию, оно всегда будет приносить несчастье его владельцу; или же она может быть Гудрун, доверяющей посланцу Атли кольцо, предупреждая Гуннара и Хегни об опасности.

Рис. 1106. Вид кресла спереди.

Рис. 1107.—Вид сбоку.

Стул предположительно принадлежал старой церкви в Бе, Норвегия.

Одним из главных домов были *скали*, или *эльдус*,^[194] продолговатое четырехугольное здание с дверью на одном, иногда на обоих концах, предназначенное для повседневной жизни и пиршеств.

Рис. 1108.—Вид спереди.

Кресло, на котором вырезаны сражающиеся воины со шлемами на головах. Шлемы похожи на те, что изображены на гобеленах Байе.

В *скемме*, *дингья*, *стофе* и *херберги* были отдельными комнатами или зданиями, иногда использовавшимися как спальные помещения, где домашние женщины жили или оставались в дневное время со своими служанками или служанками и занимались всевозможной работой.^[195] Иногда *скемма* строилась вдали от других домов и тогда называлась *уцкемма*. Там, где был чердак, нижняя комната называлась *ундир-скемма*. В таких комнатах свет проникал из оконных проемов, и никакой огонь нельзя было разжечь.^[196]

Рис. 1109. Вид кресла сбоку.

Воин в открытом шлеме, убивающий дракона—Вааге, Гудбрандсдаль, Норвегия.

The *Стофа*, которую обычно занимали женщины,^[197] была большой или маленькой; иногда она предназначалась для спальных апартаментов. В королевской резиденции в Нидаросе Святой Олаф построил большую *хирдстофу* (королевский мужской дом) с дверями с обоих концов для приема пищи и общего общения; большой *свефнскали* (спальный дом); а также большую *стофу*,^[198] в котором он проводил свои *хирдстефна* (королевские мужские собрания). Общий вход вел сначала в *форстофу* (вестибюль), а затем в сам дом; оба были снабжены дверями, которые можно было запирать. Иногда дверь запиралась изнутри *шлакоблоком* (перекладиной).

Рис. 1110.—Вид кресла сзади.

Воины, сражающиеся верхом.

Чердаки, которые состояли из комнат в верхней части *скали*, часто использовались в качестве спален и освещались с помощью *loft-glugg*^[199] (отверстия для чердака). За пределами чердака был, по крайней мере, с одной стороны, *свалир* (балкон),^[200] на который можно было подняться по наружной лестнице. Лофт, как правило, не имел связи с *ундир-скеммой*.

Когда *Фьельнир* помогал королю Фроди в Дании, ему выделили комнату на чердаке в качестве спальни; в соседней комнате на чердаке был снят пол, чтобы заполнить большой чан для медовухи, стоявший в *ундир-скемме*. Ночью *Фьельнир* вышел из дому, и когда ему пришлось возвращаться по *свалиру* в свою комнату, он ошибся дверью и упал в чан с медом.^[201]

Кровати (*хвила, реккья*) располагались вдоль стен, внутри скамеек, и состояли из соломы, покрывалом служила одежда, которую носили днем, а на голову надевался *фелд* (меховой плащ).

В зданиях были окна, иногда называемые световыми отверстиями, покрытые мембраной вместо стекла, достаточно большие, чтобы через них мог пролезть человек. В качестве материала использовалась послеродовая мембрана, окружающая плод коровы, которая была натянута над световым отверстием. После высыхания он становится почти таким же прозрачным, как стекло, и может в течение определенного времени противостоять воздействию дождя. Он все еще используется в некоторых отдаленных местах Исландии; в Сагах он называется *Скьялл*, а окно называется *Скья*.

“Также, если люди сидят в домах с *световыми отверстиями*, внутри так светло, что все люди в помещении узнают друг друга” (Konungs Skuggsja, стр. 47).

В крыше не было потолка; дым от открытых очагов на полу, который покрывал внутреннюю часть сажей, выходил через *лиори*, которых было по крайней мере одно и которые также пропускали свет.^[202]

“Олаф Трюгвасон сжег дом сейда Эйвинда Келды, который сбежал через *Лжори* (световое отверстие в крыше)” (Олаф Трюгг, с. 69).

Мы обнаруживаем, что торф иногда использовался в качестве топлива.

Эйнар поплыл на запад, к Шетландским островам, и многие люди присоединились к нему. После этого он отправился на юг, к Оркнейским островам, против Кальфа Скурфы и Торира (Трескегга). Там произошла великая битва, и оба викинга были убиты.

- Он отдал Трескегга Треллям;

Торфейнар убил Скурфу:

Он завоевал острова.

После этого он завоевал острова и стал могущественным вождем. Он был первым человеком, который срезал дерн для топлива в Торфнессе (Turfness) в Шотландии, поскольку топлива на островах было мало” (Flateyjarbók, том i, стр. 223).

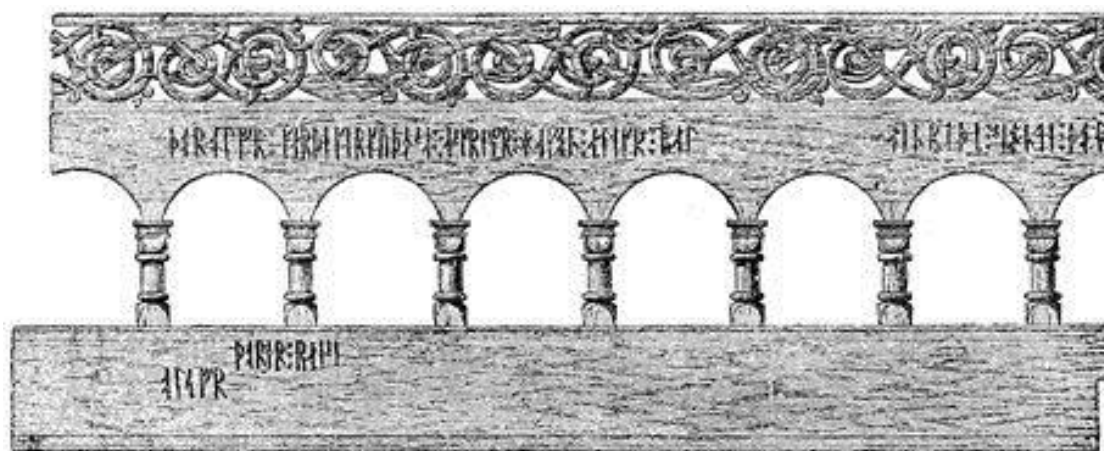

Рис. 1111.—Резная деревянная работа с рунами, церковь Торп, Халлингдал. 18 в натуральную величину.

Рис. 1112. Дверной проем, церковь Флаа, Халлингдал; высота $11\frac{1}{2}$ футов, ширина $5\frac{1}{2}$ футов.
Высота двери - 8 футов; ширина двери - $2\frac{1}{4}$ фута.

Рис. 1113. Дверной проем, церковь Тафт, Сандвер. Высота $11\frac{1}{2}$ футов; высота двери 7 футов; ширина резьбы $5\frac{1}{2}$ футов; ширина двери $2\frac{1}{2}$ фута.—Норвегия.

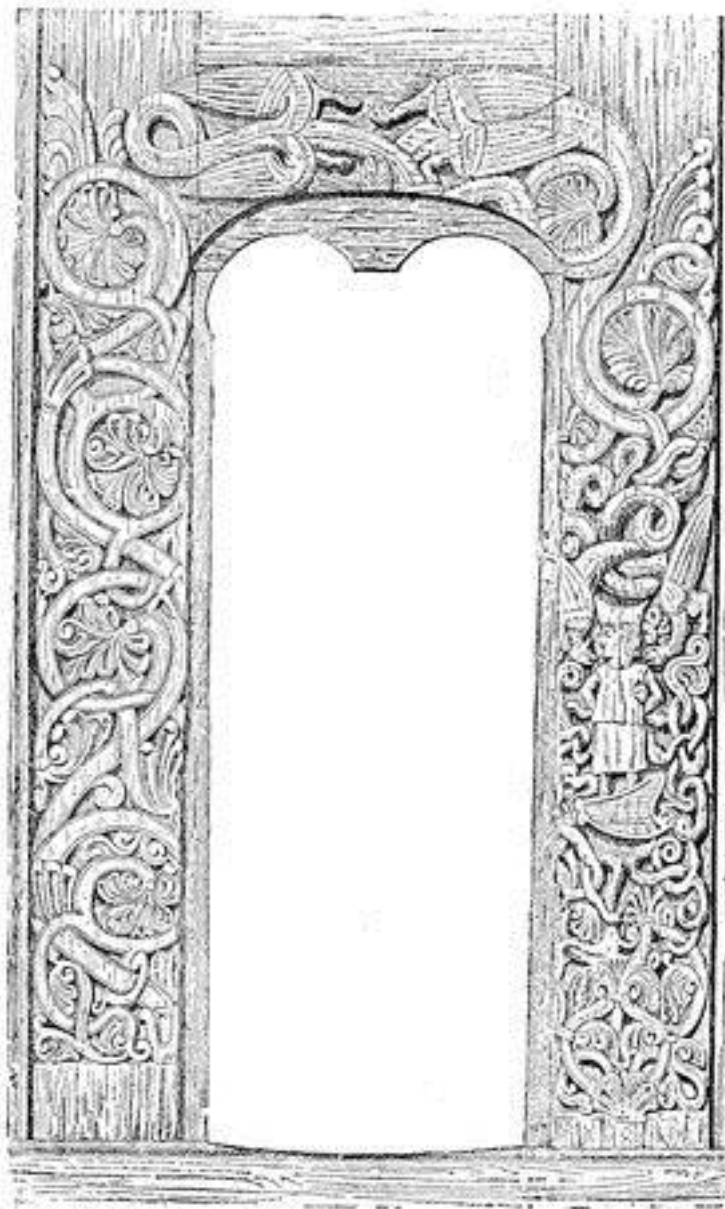

Рис. 1114.—Резной дверной проем.—Портал церкви Опдал в Нумедале, Норвегия, с изображением Гуннара в змеиной яме со связанными за спиной руками. Высота скульптурной части - 8 футов; ширина скульптуры - $5\frac{1}{6}$ футов; высота двери - $6\frac{2}{3}$ футов; ширина двери - $2\frac{1}{2}$ фута.

Рис. 1115.

Рис. 1116.

Дверные косяки церкви Хиллестад, Стерсдал. Высота 7 футов; ширина $1\frac{2}{3}$ футов.

Представление семи эпизодов из "Саги о Вельсунгах" — Регин кует меч; Сигурд пробует его; Сигурд пронзает змея Фафнира; Сигурд поджаривает сердце Фафнира; Конь Сигурда *Грани*; Сигурд убивает Регина; и Гуннар в змеиной яме, играющий на арфе пальцами ног.

Рис. 1117.

Рис. 1118.

Дверные косяки в церкви Фааберг, Гульбрандсдаль, длиной около 7 с половиной футов.

Рис. 1119.

Рис. 1120.

Дверные косяки в церкви Лардалс, Ярсберг. Высота - $6\frac{1}{6}$ футов; ширина более широкой доски - $1\frac{1}{3}$ футов. Изображение кожи брата Регин в виде выдры и Сигурда, убивающего Фафнира.

Рис. 1121.

Рис. 1122.

Дверные косяки, церковь Ульвик, Харденджер; высота 8 футов; ширина почти 2 фута.

Рис. 1123.

Рис. 1124.

Дверные косяки, церковь Хиллестад, Сетердал; высота 7 футов, ширина 1½ фута.

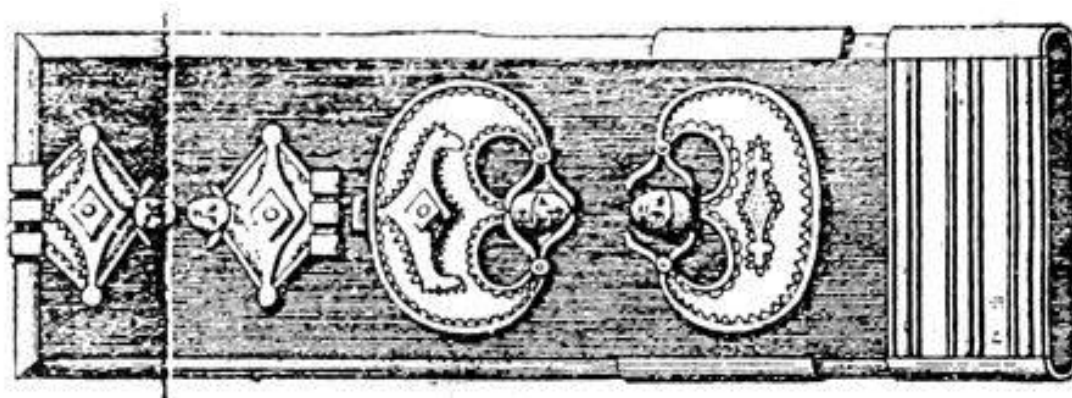

Рис. 1125.—Гравированные украшения из серебра на дереве, найденные в кургане.—
Рингерике, Норвегия, ранний железный век.

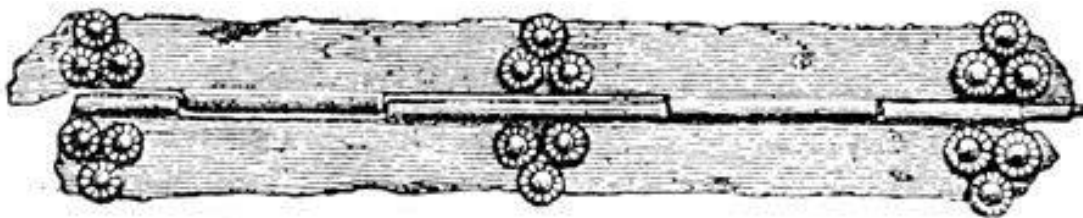

Рис. 1126.—Петля из бронзы с розеткой из позолоченного серебра. $\frac{1}{2}$ реального размера. Найден со щитом и мечом.—Хамменхой, Скания, ранний железный век.

Рис. 1127.

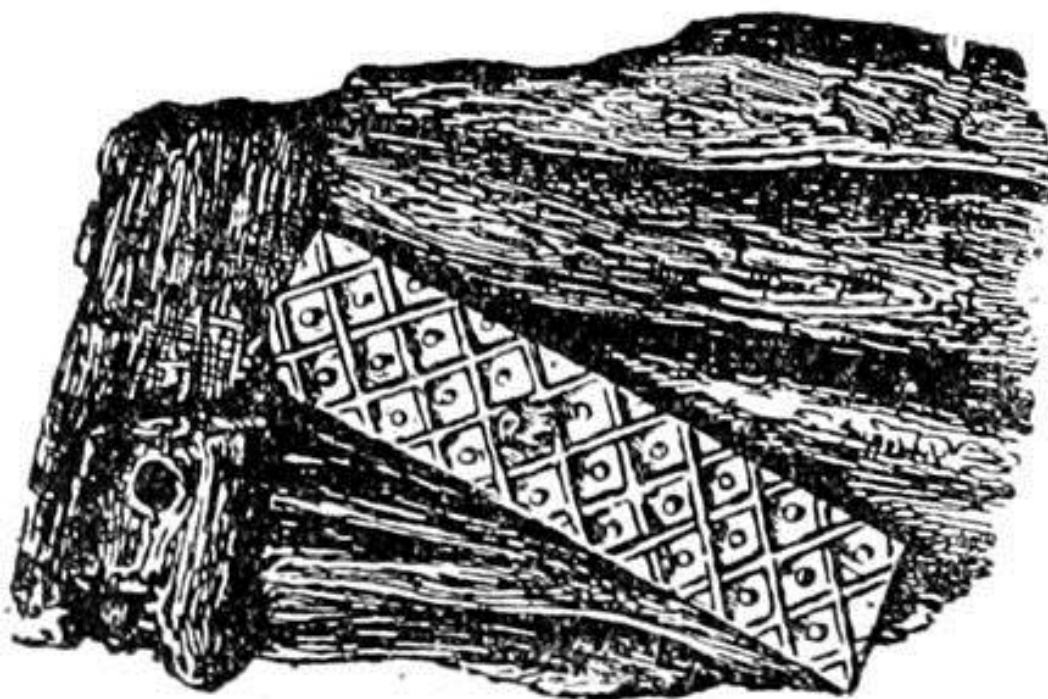

Рис. 1128.

Украшения из серебра, приклепанные к дереву. $\frac{2}{3}$ реальный размер.—Находка маммена, поздний железный век.

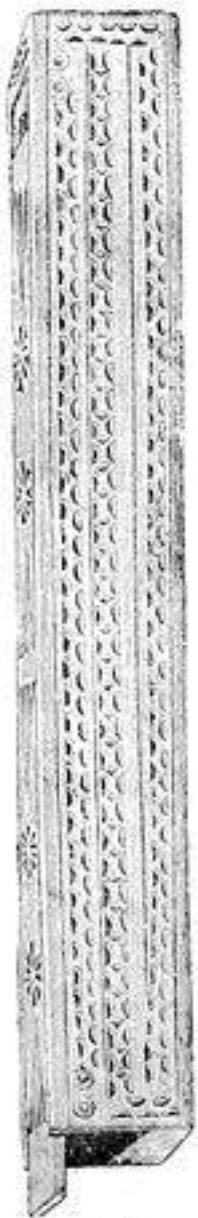

Рис. 1129. — Уникальный экземпляр шкатулки исключительной сохранности (из самшита), найденный в кургане, с бронзовым чайником, содержащим два ребра, одно коровье, другое собачье. В шкатулке была большая игла из бронзы, фрагменты небольшого серебряного украшения. На концах видны следы бронзовых гвоздей. 9
16 в натуральную величину.—Норвегия, ранний железный век.

На предметах меньшего размера (например, на стр. 272) мы видим, насколько совершенной была резьба в раннем железном веке.

Когда строился дом, люди спрашивали, повезет или не повезет земле в новом доме. Они несколько раз измерили длину и ширину, а затем тщательно проверили, совпадают ли все измерения. Если измерения становились длиннее, они думали, что это предвещало повышение благосостояния жителей; если наоборот, они думали, что это предвещало снижение благосостояния людей.

Огмунд отправился в Исландию из Норвегии.

“Он измерил землю для своего дома. Существовало поверье, что если измерение будет одинаковым при повторной попытке, то благосостояние человека, чей мерный ярд стал

слишком коротким, уменьшится, но увеличится, если он станет длиннее. Измерение производилось три раза, и ярд оказался слишком коротким”.

ГЛАВА XVI. ПИРЫ, РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Веселость северян—Чтение стихов и саг на пирах—Музыка—Обустройство зала—Великолепие сервировки стола—Простота блюд—Порядок очередности—Обычай тянуть жребий за почетные места—Угощение гостя высокородными девушками—Подарки, вручаемые в конце пира—Обильное питье—Обычаи викингов—Манеры за столом—Общее гостеприимство народа—Прислуживание за столом.

При чтении Саг нас особенно поражает количество праздников, которыми была отмечена жизнь северян. Каждое событие, хотя бы немного выходящее за рамки обычного, отмечалось таким образом, и этот обычай ни в коем случае не исчез из среды потомков скандинавов. По случаю таких праздников дома и залы были подготовлены самым тщательным образом; gobelены и вышитые ткани были развешаны по стенам и разложены на скамьях. Читались стихи и саги, время от времени звучала музыка. Среди других струнных инструментов, упоминаемых в Сагах как используемые на пирах, были, помимо арфы, *фидла* (вероятно, скрипка) и *гигджа* (также, вероятно, разновидность скрипки).

В некоторых случаях, как только блюда ставились на стол, удовольствие от трапезы усиливалось музыкой.

“Когда король Швеции Олаф подошел к столу, он спросил, где законник Эмунд. Услышав, что он дома, у себя на квартире, он сказал: ‘Пойди за ним, сегодня он будет моим гостем’. Вслед за этим были принесены блюда, а затем вошли музыканты с арфами и джиджарами” (Сага о святом Олафе, с. 96).

Харальд Прекрасноволосый и Эйрик Эймундссон из Швеции были на пиру у могущественного бонди Аки в Вермаланде.

“У Аки был большой и старый пиршественный зал; он приказал построить новый зал; он был таким же большим, как и предыдущий, и очень хорошо сделан; он велел весь его покрыть новыми драпировками, а старый зал - старыми. Когда короли пришли на пир, Эйрик со своим хирдом сидел в старом зале, а Харальд со своими людьми - в новом зале. Все сервировки стола были устроены так, что у Эйрика и его людей были старинные сосуды и рога, хотя они были позолочены и хорошо украшены. У Харальда и его людей были только новые сосуды и рога; все они были украшены золотом, расписаны изображениями и блестели, как стекло. Напиток с обеих сторон был очень хорош” (“Сага о Харальде Прекрасноволосом”, с. 15).

Молодой исландец Бранд отправился в Норвегию с двумя своими друзьями. Они навестили Харека, который был высокородным, но очень вспыльчивым.

“Однажды он (Харек) подошел к Бранду с большим рогом для питья и попросил его выпить с ним; но Бранд отказался, сказав: ”У меня не слишком много здравого смысла, но я не

пропиваю то, что у меня есть, и мне кажется, тебе понадобится и все твое"" (Сага о Льосветнинге, с. 8).

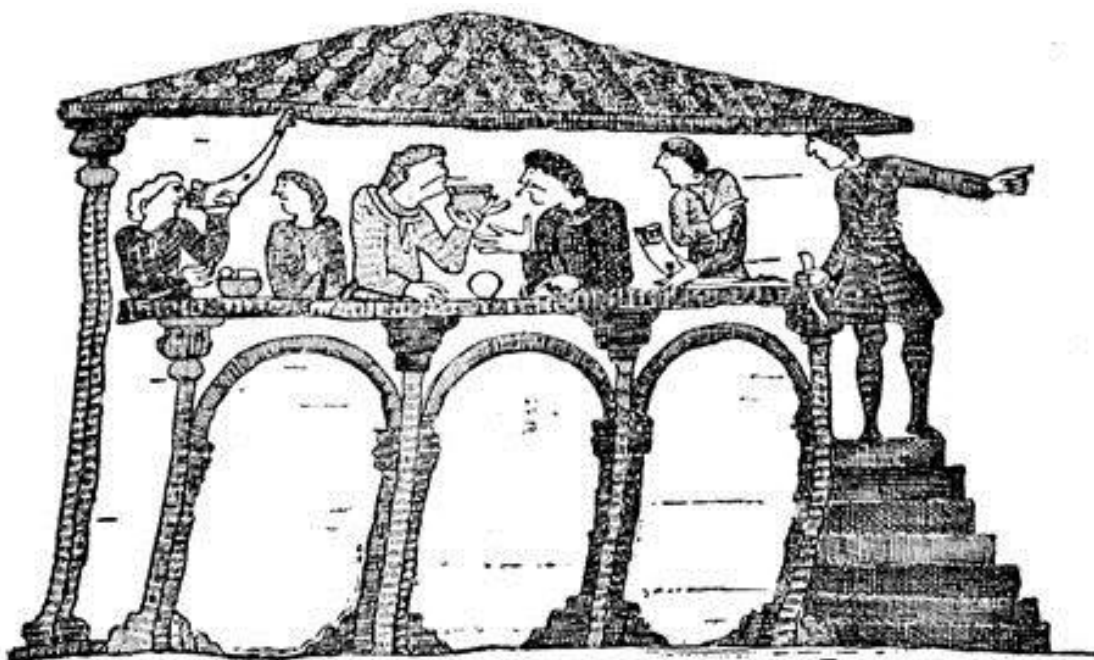

Рис. 1130.—С гобелена из Байе, на котором изображены рога для питья, чаши и т.п., аналогичные найденным.

“Когда король Олаф приблизился к ферме, слуги побежали вперед, на ферму и в дом, где Аста, его мать, сидела со своими женщинами. Они рассказали ей о путешествии короля и о том, что он скоро прибудет туда. Аста сразу же поднялась и приказал мужчинам и женщинам подготовиться к встрече с ним наилучшим образом. Она поручила четырем женщинам заняться приспособлениями для *стофы* и быстро расставить портьеры и скамейки. Двое мужчин расстелили солому на полу, двое внесли *трапизу* (стол у входа в зал) и *капкерскую* (чан, из которого эль разливали по чашкам); двое расставили столы, двое принесли еду (двоих она отослала из дома), а двое внесли эль; все остальные, как мужчины, так и женщины, вышли во двор. Гонцы отправились к королю Сигурду, чтобы передать ему его *тиньяркледы* (знатную одежду) и его коня, на котором было позолоченное седло, а удила были позолочены со всех сторон и покрыты эмалью. Четырех человек Аста разослала в четырех разных направлениях по всей округе, приглашая высокородных мужчин на пир, чтобы поприветствовать своего сына. Все, кто был там, были одеты в свои лучшие одежды, а тем, у кого не было ничего подходящего, она одолжила одежду” (Сага о святом Олафе, с. 30).

В отличие от великолепия сервировки стола, еда часто была простой, поскольку приготовление пищи не достигало высоких стандартов.

Ольвер, хускарл (свободный слуга) вождя Торира, и Эгиль с двенадцатью воинами, путешествуя, пришли к Барду, наместнику короля Эйрика, в Атли.

Бард сказал: ‘Сейчас мы накроем для вас столы, я знаю, вам захочется поспать, вы устали’. Ольверу это очень понравилось. Затем были накрыты столы, и им подали еду, хлеб с маслом и большие миски, наполненные творогом. Бард сказал: ‘Очень жаль, что здесь нет эля, поэтому я не могу угостить вас так, как хотелось бы. Наливайте себе, что есть’. Им очень хотелось пить, и они проглотили творог большими глотками. Затем Бард велел принести пахту, и они выпили ее” (“Сага об Эгиле”, с. 43).

“ Король Олаф и все его люди некоторое время жили у своего отца, Сигурда Сирского. Сигурд поочередно угощал их рыбой и молоком, мясом и элем” (Сага о святом Олафе, с. 33).

На пирах уделялось большое внимание рассадке гостей в соответствии с их рангом, поскольку очень ценилось старшинство.

Рис. 1131.—Железный нож, $\frac{3}{8}$ реального размера, в кургане с обгоревшими костями, железным гребнем, фрагментами двух урн, уничтоженных пожаром, и т.д. —Норвегия.

Рис. 1132.—Точильный камень, скрепленный с кусочками бронзы, размером в $\frac{1}{2}$ реального, найденный в большом кургане с железным наконечником для щита, несколькими железными наконечниками для стрел, большой бронзовой малоберцовой костью и т. Д. - Норвегия.

Рис. 1133.—Железный нож в половину реального размера, найденный в каменном гробу, с обоюдоострым железным мечом, двумя наконечниками копий и т. Д. И скелетом.— Кэрн, Эланд.

Рис. 1134.

Рис. 1135.

Ножны из бронзы, $\frac{2}{3}$ реального размера, найдены в кургане внутри скелета, с железным ножом, $\frac{1}{2}$ реального размера, Рикирде, Гетланд.

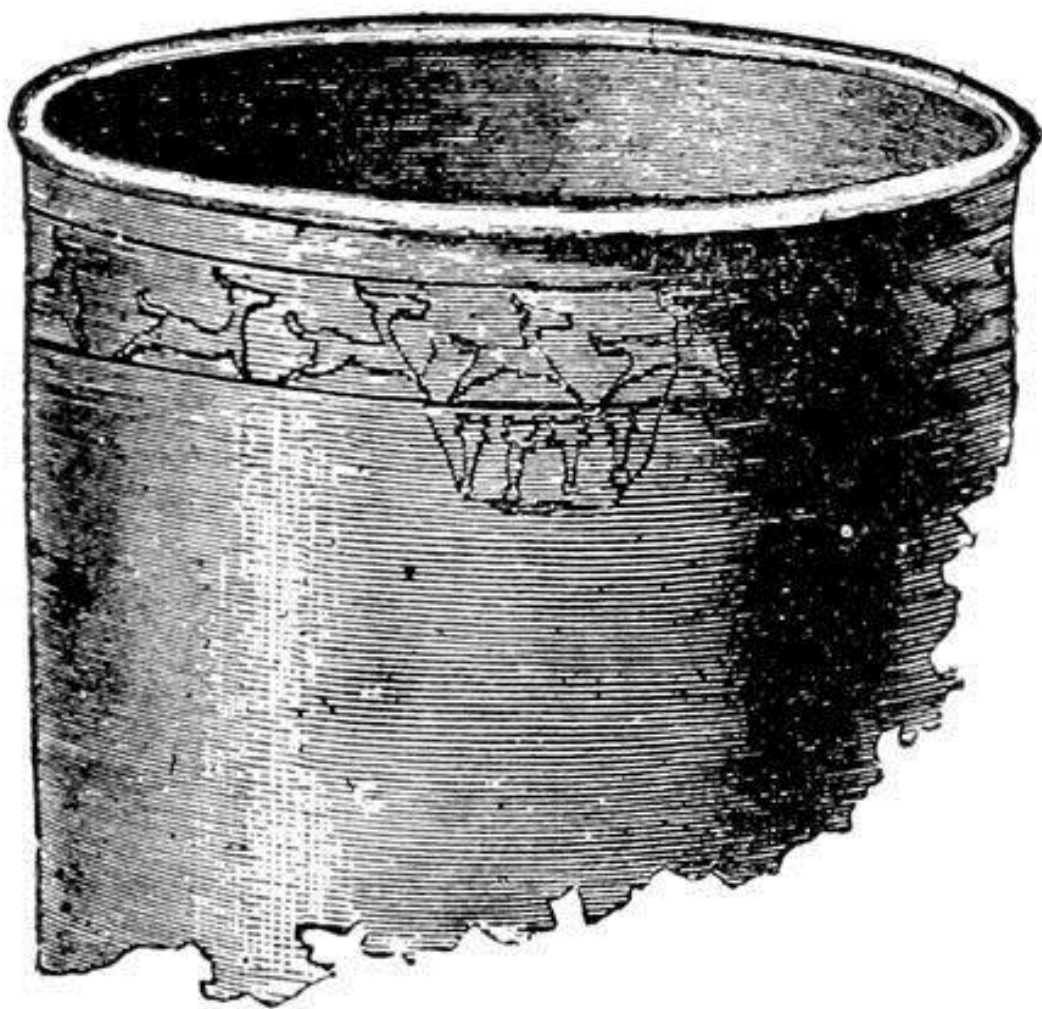

Рис. 1136.

Конец рога.

Рис. 1137.

Бронзовый рог для питья, обод украшен серебряной лентой с фигурками ручной работы.

Рис. 1138. Бронзовое украшение для рога для питья, найденное с маленькой золотой бусинкой.—Гетланд.

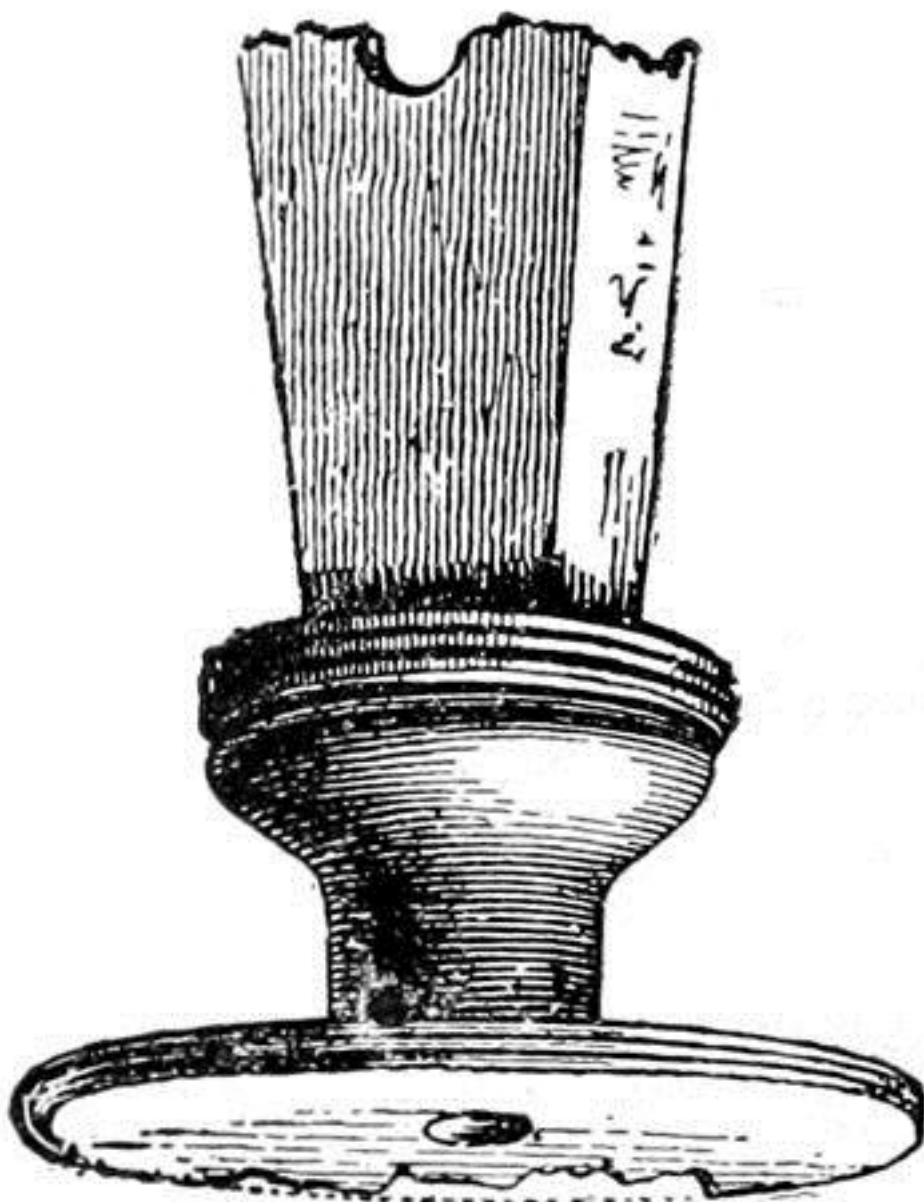

Рис. 1139.—Фрагмент бронзового рога для питья.—Норвегия.

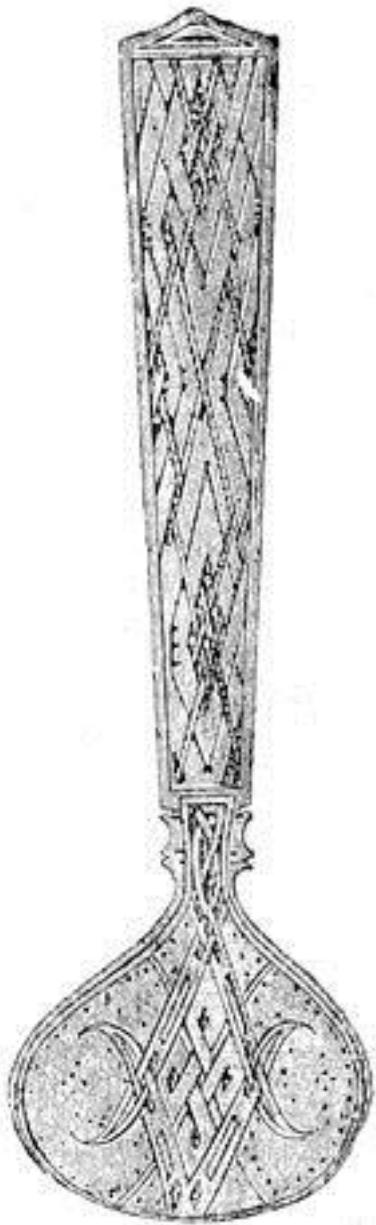

Рис. 1140. Ложка из лосиноного рога, $\frac{2}{3}$ реального размера, найдена в черноземе в Бьорко, Швеция.

Рис. 1141.

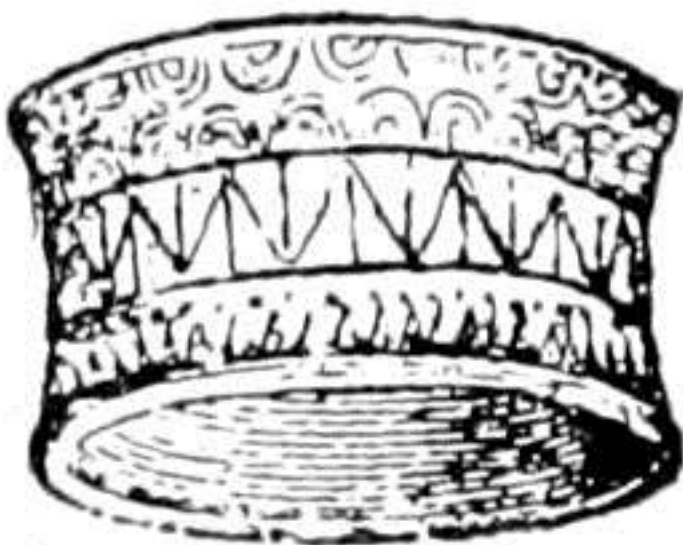

Рис. 1142.

Серебряное украшение для ножа (реального размера), найденное вместе с бронзовым чайником, содержащим обожженные кости, золотым кольцом и двумя маленькими серебряными украшениями.—Ромсдал, Норвегия.

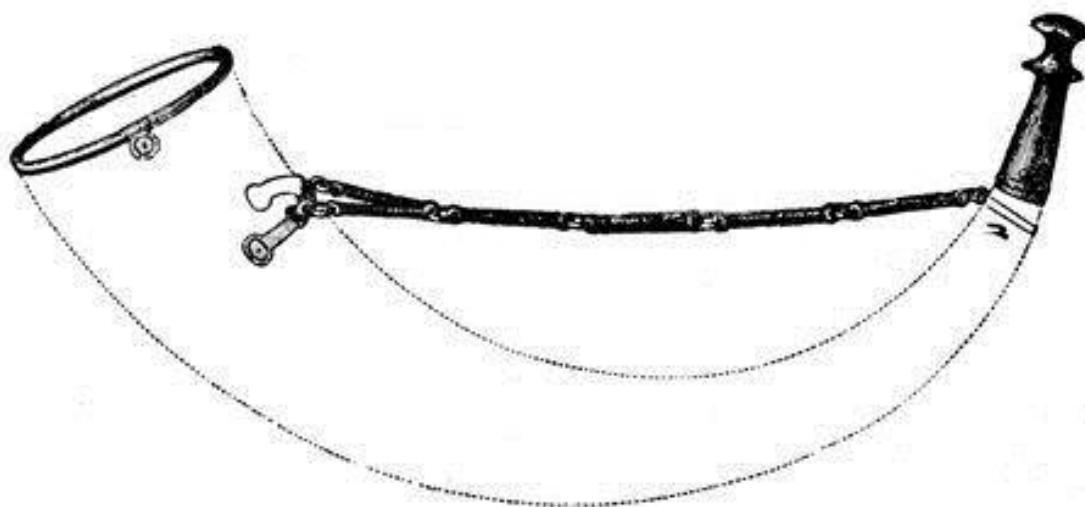

Рис. 1143.—Бронзовый рог для питья, найденный вместе с двумя другими фрагментами рогов для питья и т.п.

“Исландские вожди Олаф Хескульдссон и Усвифр продолжали дружбу, хотя между молодыми людьми возникло некоторое соперничество. В то лето Олаф устроил пир за полмесяца до наступления зимы; Усвифр тоже приготовила его в первые зимние вечера. Каждый пригласил другого с таким количеством людей, сколько считал нужным. Усвифр сначала отправился на пир Олафа и в назначенное время прибыл в Хьярдархольт; с ним были его дочь Гудрун со своим мужем Болли и его сыновьями. На следующее утро, когда они шли по коридору, какая-то женщина указала, как должны сидеть женщины; в это время Гудрун стояла напротив кровати, на которой спал Кьяртан Олафссон. Кьяртан одевался и надел алую юбку; он сказал женщине, которая говорила о сиденьях, потому что никто не ответил

быстрее, чем он: 'Хрефна будет сидеть на высоком троне, и пока я жив, ей будут оказывать самые высокие почести во всех отношениях'. Гудрун и раньше всегда занимала высокое кресло в Хьярдархольте и в других местах. Она услышала это, посмотрела на Кьяртана и побледнела, но ничего не сказала" (Лаксдала, с. 46).

Гости иногда выбирали по жребию почетное место.

Два брата, Хрейдар и Ивар, праздновали Рождество в Несе, в Ворсе, в Норвегии.

"Двенадцать гостей должны были сесть вместе, и был брошен жребий о том, кто должен сидеть рядом с Астрид, дочерью Вигфуса херсира; Эйольфу, исландцу, который был в гостях, всегда выпадал жребий сидеть рядом с ней; никто не заметил, что они разговаривали друг с другом больше, чем другие люди; но многие говорили, что это закончится тем, что она станет его женой. Пир был великолепен, и люди были разосланы с подарками" ("Сага Вигаглума", с. 4).

Мужчины и женщины иногда парами подходили к праздничной доске и садились вместе на одно место. Гордость высокородных девушек была очень велика, и никто, кроме храбрых мужчин, не мог претендовать на привилегию проводить их до их мест. Иногда женщины выпивали вместе с мужчинами.

Эгиль и его брат Торольф были в экспедиции викингов и отправились в Халланд. Поскольку они не производили там опустошений, Арнфид ярл пригласил их на пир, и они отправились туда с тридцатью людьми со своих кораблей. Прежде чем расставили столы, ярл сказал, что там будут распределены места; что мужчины и женщины должны пить вместе, сколько смогут, но те, у кого нет товарищей, должны пить сами. Они разложили жребий на скатерти, и ярл выбрал их. У него была очень красивая дочь, тогда уже совсем взрослая. Жребий выпал так, что Эгил должен был сидеть рядом с ней в тот вечер.... Эгиль встала и заняла свое место. Когда мужчины расселись по своим местам, дочь ярла запела: —

Что бы ты сделал, парень, на моем месте?

Ибо редко ты давал

Теплое мясо волка;

Я хочу посидеть один.

Ты не видел осеннего ворона

Квакать над кучей падали;

Ты был не там, где

Края, тонкие, как скорлупа, сошлись.

Эгиль обнял ее, усадил рядом с собой и запел:

Я ушел с окровавленным клинком

И со звучащим копьем

Так что раневые птицы последовали за мной,

Викингам пришлось нелегко,

Мы устроили яростную битву;

Огонь играл вокруг сидений мужчин.

Мы оставляем окровавленные трупы

Засыпаю у городских ворот.

Потом они выпили вместе и были очень веселы в тот вечер, да и на следующий день тоже. Затем викинги разошлись по своим кораблям, и они расстались с ярлом в знак дружбы и обменялись подарками” (“Сага об Эгиле”, с. 48).

Иногда высокородные девицы развлекали своих гостей в одиночестве.

Ялти, Гизур и Оттар, скальды Святого Олафа, отправились в Швецию, чтобы примирить короля со Святым Олафом.

Однажды они пришли в дом королевны Ингигерд; она сидела и пила со многими мужчинами. Она приняла их хорошо, потому что они были ей знакомы.... Они просидели там большую часть дня и выпивали; она задала много вопросов Хьялти и попросила его почаще приходить и разговаривать с ней. Он так и сделал” (“Сага о святом Олафе”, с. 71 (Хеймскрингла)).

В конце застолья гостям были вручены подарки.

Торгейр, знаменитый Годир (законник), принявший христианство от имени народа на Альтинге в 1000 году н.э., устроил пир.

После пира Торгейр преподнес большие подарки. Он подарил своему родственнику Финнбоги пять племенных лошадей цвета одуванчика. Говорили, что это были лучшие лошади в Нордлендинге-фьордунге (северная четверть Исландии)” (Сага о Финнбоге, с. 23).

Когда Харальд Прекрасноволосый прибыл в Халогаленд, для его приема на его собственных фермах были приготовлены великолепные пиршества среди его лендирменов или могущественных бундров. Пир, который приготовил Торольв, был настолько великолепен, что король позавидовал ему.

“ У короля было почти триста человек, когда он пришел на пир, но у Торольфа там уже было пятьсот человек. Торольф приготовил большой амбар для зерна и поставил в нем скамейки; там они и выпили, потому что ни в одной другой комнате не было достаточно места, чтобы они все могли поместиться вместе. По всей комнате были развешаны щиты. Король сел в высокое кресло. Когда комната заполнилась от одного конца до другого, он огляделся и покраснел, но ничего не сказал, и они почувствовали, что он сердит. Пир был великолепный, и вся провизия была самой лучшей. Король был не очень весел и остался там на три ночи, как и намеревался. В тот день, когда король собирался уезжать, Торольф подошел к нему и попросил спуститься с ним на пляж. Король пошел. Там плавал корабль-дракон, который построил Торольф, с палатками и всем снаряжением. Торольф подарил его королю и попросил его учеств, что так много гостей было приглашено для того, чтобы оказать ему честь, а не для того, чтобы соревноваться с ним. Король воспринял это хорошо” (“Сага об Эгиле”, с. 11).

Очень многие Саги рассказывают о пьянстве на этих пирах.

Норвежский вождь Торольф Скъялг однажды летом был на войне, а осенью, вернувшись домой, устроил большой пир.

Его приемный сын Регнвальд сказал виночерпиям, что если люди сильно напьются в начале, то пир будет считаться великим пиром, и велел им принести столько выпивки, сколько они

смогут. Тогда Регнвальд сжег зал, и люди в своих постелях были так пьяны, что не проснулись, пока вокруг них не заиграло пламя, и они не сгорели” (Сага Олафа Трюгвасона, 145 (Форнманна Сегур)).

“Когда король Гранмар услышал об этом (прибытии короля Хьерварда), он послал к нему людей и пригласил его на пир со всеми его людьми. Он смирился с этим, потому что не совершал опустошений во владениях короля Гранмара; когда он пришел на пир, там было большое развлечение. Вечером, когда должны были произноситься тосты, у королей, правивших страной, и у их гостей был обычай пить парами на вечерних пирах, каждый мужчина и женщина вместе, насколько это возможно, а старики держались особняком. Это был закон викингов, даже если они были на пирах, пить на вечеринках. Высокое место короля Хьерварда было приготовлено напротив места короля Гранмара, и все его люди сели на эту скамью. Король Гранмар велел своей дочери Хильдигунн приготовиться и отнести эль викингам. Она была прекраснейшей из женщин. Она взяла серебряный кубок, наполнила его, подошла к королю Хьерварду и сказала: ‘Да здравствует весь Ильфингар, в память Хрольфа Краки’; она выпила половину и протянула Хеврарду. Он взял чашу и ее руку с ней и сказал, что она должна подойти и сесть рядом с ним. Она ответила, что у викингов не принято пить в паре с женщинами.

“Хьервард сказал, что предпочел бы внести изменения в законы викингов, чтобы пить с ней в паре. Затем она села, и вечером они о многом поговорили” (Сага об инглингах, с. 41).

На следующий день король Хьервард потребовал ее руки у Гранмара и добился успеха в своем иске (Сага об инглингах, с. 41).

Неудивительно, что в древности манеры за столом у таких заядлых выпивох были довольно грубыми.

Чемпион Бодвар вошел в зал Хрольфа Краки и сел возле двери. Пробыв там недолго, он услышал шум из соседнего угла и увидел, что из большой кучи костей, лежавшей там, высунулась очень черная мужская рука. Он подошел к нему и спросил, кто находится в куче костей; ему робко ответили: “Меня зовут Хетт, добрый Бокки”.^[203] Бедвар сказал: ‘Зачем ты здесь? и что ты делаешь? Хетт ответил: ‘Я строю себе городище, мой добрый Бокки’. Бедвар схватил его и вытащил из кучи костей. Хетт громко закричал: ‘Теперь ты хочешь, чтобы меня убили; я так хорошо подготовился к обороне раньше, а теперь ты разнес мой щит-крепость вдребезги...’ Бедвар взял его и вынес из зала к озеру по соседству; и мало кто это видел, и он вымыл его с головы до ног. Затем Бедвар подошел к тому месту, на котором сидел раньше, и, приведя Хетта, усадил его рядом с собой. Хетт был так напуган, что все его конечности дрожали, но, тем не менее, он думал, что этот человек собирается помочь ему. Приближался вечер, и мужчины вошли в зал, и чемпионы Хрольфа увидели, что Хетт сидит на скамье, и они подумали, что человек, который это сделал, был довольно бесстыдным. У Хетта был мрачный вид, когда он увидел своих знакомых хирдов, потому что с их стороны он столкнулся только с недоброжелательностью; ему очень хотелось выжить и вернуться к своей куче костей, но Бедвар держал его, чтобы он не мог убежать.... Хирдманы бросили первые маленькие кости на пол Бедвару и Хетту; Бедвар притворился, что не заметил этого. Хетт был так напуган, что не ел и не пил, каждую минуту ожидая, что его ударят; он сказал Бедвару: “Мой добрый Бокки, сейчас большая суставная кость ударит тебя, и это должно навредить нам”. Бедвар велел ему замолчать и отразил удар тыльной стороной ладони; он схватил суставную кость с прикрепленной ногой и швырнул ее обратно в человека, который бросил ее, прямо ему в лицо, с такой силой, что тот был убит. Хирдманы сильно встревожились. До короля Хрольфа и его воинов в замке дошла весть, что высокий человек пришел в зал и убил одного из

хирдманов, и они хотели, чтобы он был убит. Король спросил, был ли хирдман убит без причины. ‘Почти так’, - ответили они. Когда он услышал правду, он сказал: ‘Этот человек не будет убит; у тебя вошло в дурную привычку бросать кости в безобидных людей; это позор для меня, и тебе очень стыдно делать такие вещи. Я часто говорил об этом раньше, но ты не обращал внимания; позови человека, на которого ты сейчас напал, чтобы я мог знать, кто он.’ Бедвар предстал перед королем и стал его хирдманом" (Сага о Хрольфе Краки, с. 43).

Это была отличная рекомендация для мужчины, когда можно было сказать, что в его доме жили все. Гостеприимство было ведущей чертой характера людей. В кодексе поведения, известном как Хавамал (см. стр. 401), мы видим, что незнакомец должен быть хорошо принят, и Саги приводят несколько замечательных примеров щедрого гостеприимства местных жителей, среди них Гейррид, эмигрировавший из Норвегии в Исландию:

“Гейррид поселился в Боргардале, внутри Альпта-фьорда. Она приказала построить свой дом поперек большой дороги, так что все были вынуждены ездить по нему верхом. Всегда был готов стол, уставленный едой, которую раздавали каждому, кто хотел.^[204] Благодаря этому на нее смотрели как на благородную женщину” (Эйрбигджа, с. 8).

Несколько зим спустя Херд Гримкельсон со своей женой Хельгой, Сигурдом, приемным сыном Торфи, Хельги Сигмундарсона, и тридцатью мужчинами высадились в Эйраре, в Исландии. В то время Хорду было тридцать зим от роду; затем он провел за границей пятнадцать зим подряд и приобрел много имущества и почестей. Хлуги рыжий из Хольма пришел на корабль и пригласил его и всех его людей остаться с ним, и сделал для них все самое почетное. Херд воспринял это хорошо и счел это хорошим приглашением; он отправился к нему с двадцатью пятью людьми, и их всю зиму с величайшей щедростью угощали элем” (“Сага о Херде”, с. 19).

В Сагах есть несколько отрывков, из которых мы видим, что обычный срок визита составлял три дня.

Когда поэт Эйнар отправился в Исландию, он навестил Эгиля, которого не было дома.

“Эйнар ждал его три ночи; поскольку не принято было наносить визиты дольше трех ночей, он приготовился уходить” (“Сага об Эгиле”, с. 82).

Прислуживанием за столами занимались слуги, которых называли *скенкьярар* (наполнители), которые наполняли рога из *скейпкераи* разносили их по кругу; даже знатные женщины в особых случаях наполняли рога для гостей и приносили их им.

После пира у хозяина был обычай обеспечивать тех из своих гостей, кто в них нуждался, лошадьми и всем необходимым для путешествия домой.

ГЛАВА XVII. МУЖСКАЯ ОДЕЖДА.

Роскошь в одежде—Используемые материалы—Популярные цвета—Повседневная одежда—Разнообразная одежда—Пояса из серебра и золота—Плащи—Платья со

шлейфом—Обувь—Пледы—Перчатки—Шляпы—Усы и бороды—Длинные волосы—Мода—Великолепие снаряжения вождей.

Находки, а также Саги, которые подтверждаются гобеленом из Байе, показывают, что с самого раннего периода жители Севера одевались с большой роскошью; но, за исключением полной одежды из находок на болоте, были обнаружены только фрагменты одежды, относящиеся к железному веку, которые в большинстве случаев полностью обесцвечены.

В Сагах у нас есть лишь частичные описания одежды, которую носили мужчины и женщины, и хотя упоминается много названий предметов одежды, в остальном на этот предмет проливается очень мало света.

Материал, используемый для изготовления одежды, по—видимому, был одинаковым для обоих полов - лен, шерсть, шелк, шкуры и меха. Среди дорогостоящих материалов упоминается "*пеллет*", который должен быть похож на бархат. Материалы иногда прошивались золотой и серебряной нитью или вышивались. Существовал обычай иметь кайму на многих предметах одежды, называемых *хлад*, которая представляла собой либо ленту, либо своеобразное кружево.

Синий, красный, зеленый, алый и фиолетовый были самыми популярными цветами; серый был цветом для повседневного использования, а белый *вадмал*, грубая или толстая шерстяная материя, была отличительной одеждой рабов.

Брюки носили в очень ранние времена, как мы видели по находкам на болотах, и они удерживались на своем месте с помощью пояса вокруг талии, а к ним были привязаны носки, поверх которых надевались ботинки. Поверх льняных и шерстяных рубах была надета кольчуга. На плечи надевался плащ, напоминающий плащ римлян или греков, с бахромой или каймой по бокам. Эти плащи скреплялись фибулами. Костюмы на гобелене из Байе соответствуют описаниям Саг.

Повседневная одежда Гейрмунда описывается следующим образом:—

“ Обычно он так одевался. На нем была красно-алая юбка, а поверх нее серый плащ (фелд), а на голове шапка из медвежьей шкуры (хуфа). В руке он держал большой меч. Он не был украшен серебром, а его лезвие было острым и широким, и на нем не было ржавчины. Он назвал меч Футбит (ножной резак) и никогда не выпускал его из рук” (Лаксдала, с. 29).

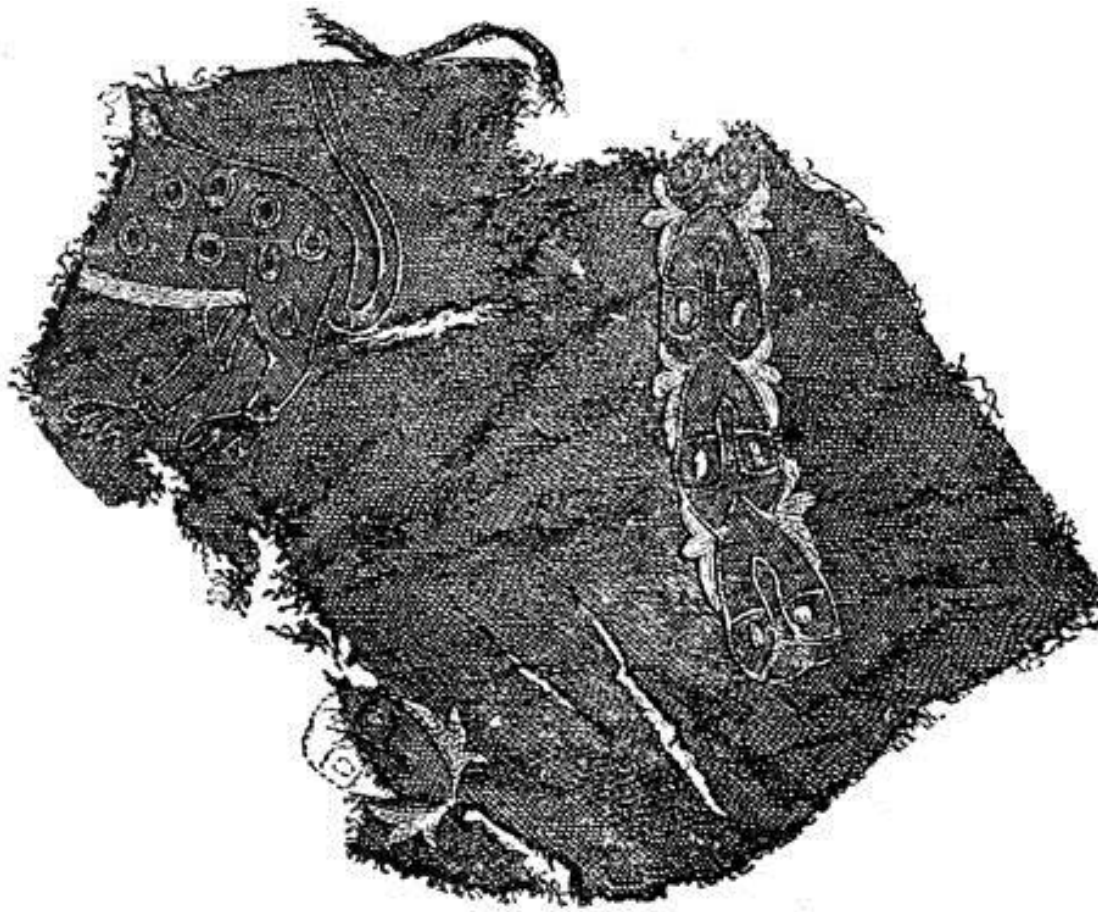

Рис. 1144.—Ткань с изображением льва или леопарда. $\frac{1}{3}$ реальный размер.—Находка маммена.

Вигаскута увидел, “что крупный мужчина в зеленом плаще выехал верхом из Тверы (фермы), и понял, что это Глум. Он слез с коня. На нем был двухцветный плащ, черный и белый” (“Сага о Виге Глуме”, с. 16).

“Хрут встал в рубашке и полотняных штанах, накинул на себя серый плащ, а в руке держал украшенную золотом алебарду, которую подарил ему король Харальд” (Лаксдала, с. 37).

“На короле был красный плащ (моттул)^[205] с перевязями и копьем в руке. Он оторвал булавку от плаща и оперся на лезвие своего копья. Когда Хеминг спустился, он схватил короля за плащ, но король склонил голову и выпустил плащ, так что Хеминг полетел вниз со скалы” (Flateyjarbok, iii. 409).

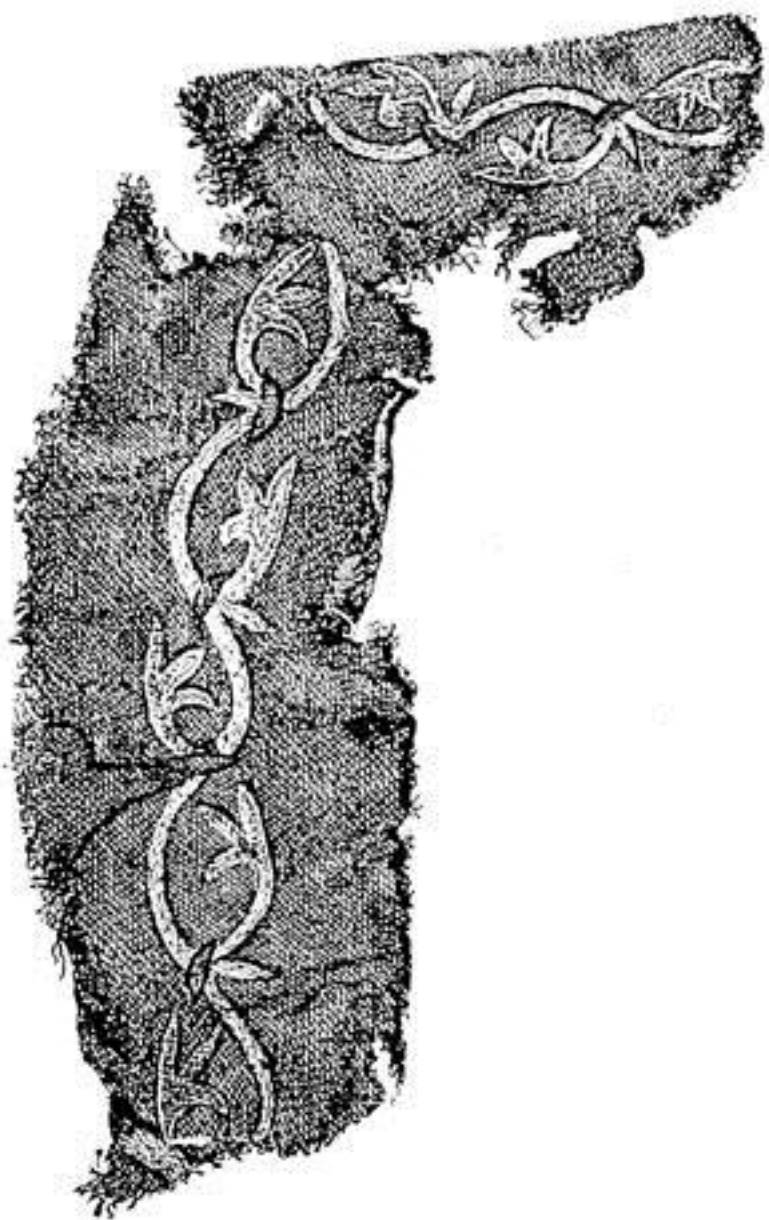

Рис. 1145.—Кусок ткани, найденный в кургане Бьеррингхой в Маммене, недалеко от Выборга.— $\frac{1}{3}$ реальный размер.

Рис. 1146.—Фрагмент шерстяной ткани, украшенный руками и человеческими лицами. $\frac{1}{3}$ реальный размер.—Находка Маммена.

Хельги, норвежский торговец, был приглашен погостить у Гудмунда могущественного на Медрувеллире целую зиму. Уходя, он сказал ему:—

“А теперь, герра, взгляни на эту плату за квартплату, хотя она меньше, чем ты заслуживаешь. Это был плащ, подбитый мехом пелена, с золотой лентой на шейном ремне, очень дорогая вещь. Гудмунд сказал: ‘Я благодарю тебя за это, лучшего подарка я никогда не получал’. Они расстались добрыми друзьями” (Сага о Льосветнинга, с. 13).

“Огмунд надел двухцветный плащ (feld), украшенный лентами под плечом; это было очень дорого” (Форнманна Сегур, ii.).

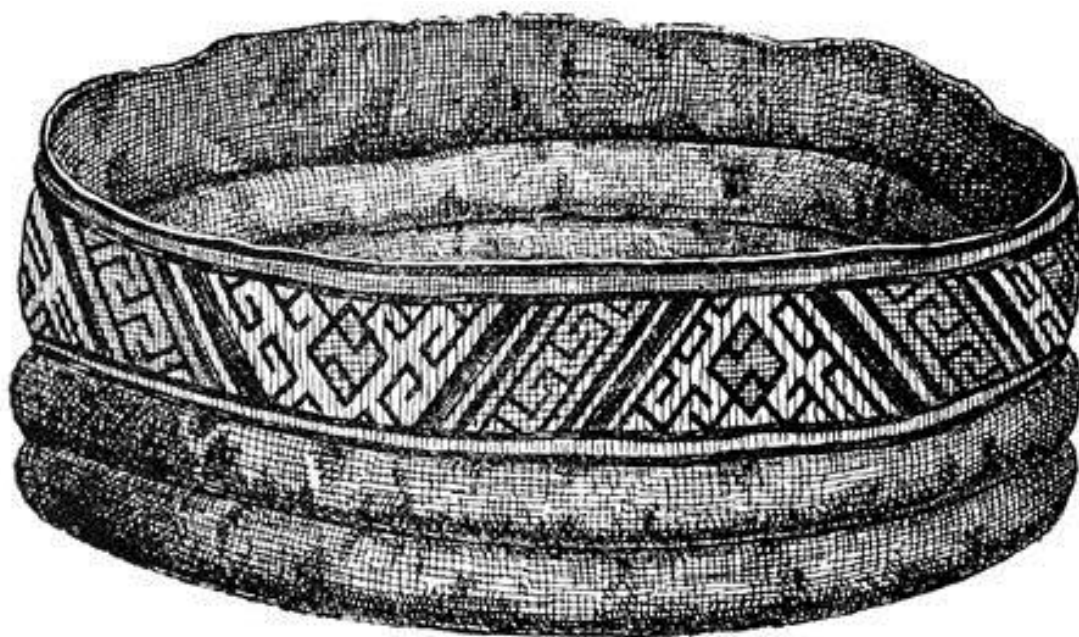

Рис. 1147.—Хорошо сохранившийся браслет из шелка, связанный золотыми нитями, найден в кургане Бьеррингхой в Маммене, недалеко от Выборга. Реальный размер.

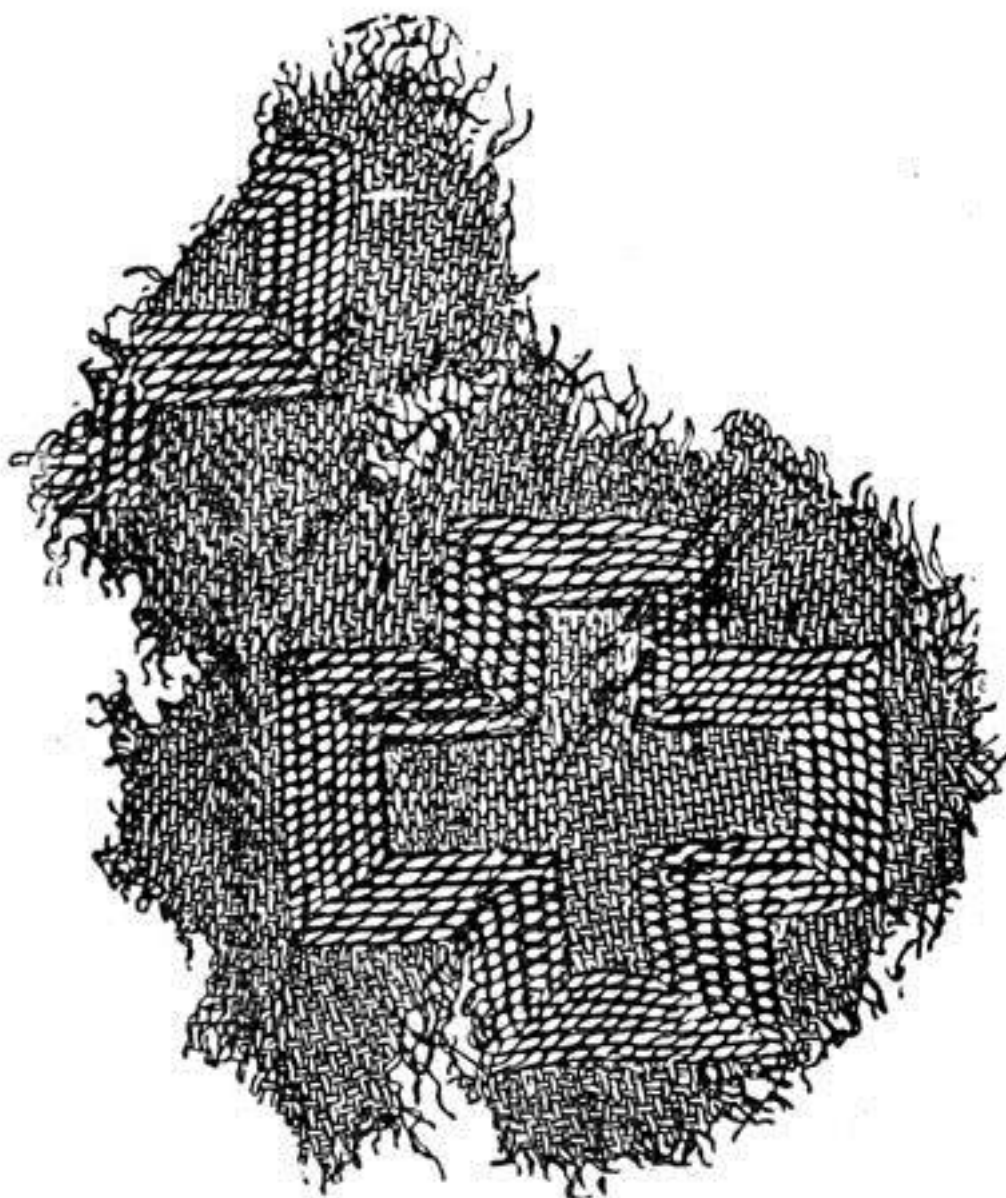

Рис. 1148. Кусок шерстяной ткани коричневатого цвета.

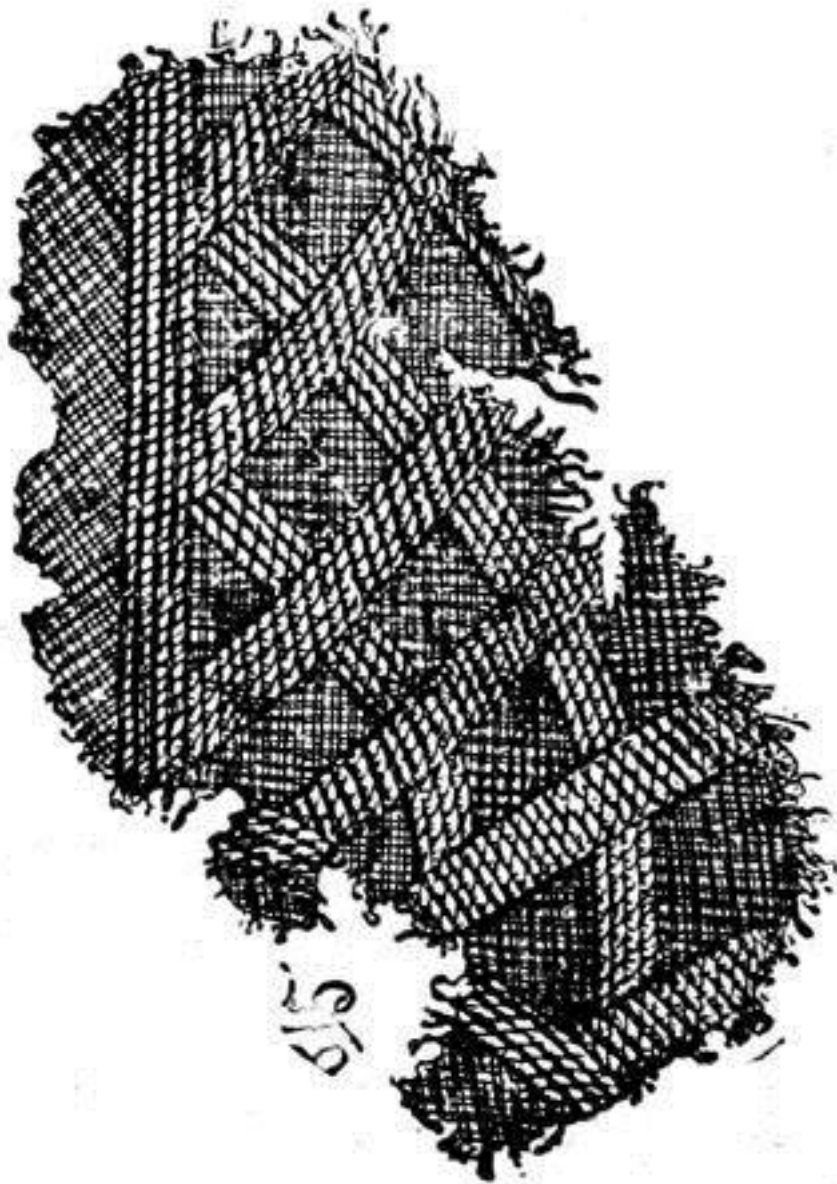

Рис. 1149.—Остаток коричневой шерстяной ткани из тонких нитей и очень рыхлого плетения.

“Он (Тормоуд) накрылся плащом с двойным мехом, который принадлежал ему. С одной стороны он был черным, а с другой - белым” (“Сага о Фостбредре”, с. 32).

Различная одежда была:—

Скирта, или *серк*, название, данное рубашке, надеваемой рядом с телом, которая надевалась с помощью небольшого отверстия^[206] для головы под названием *hofudsmátt*.

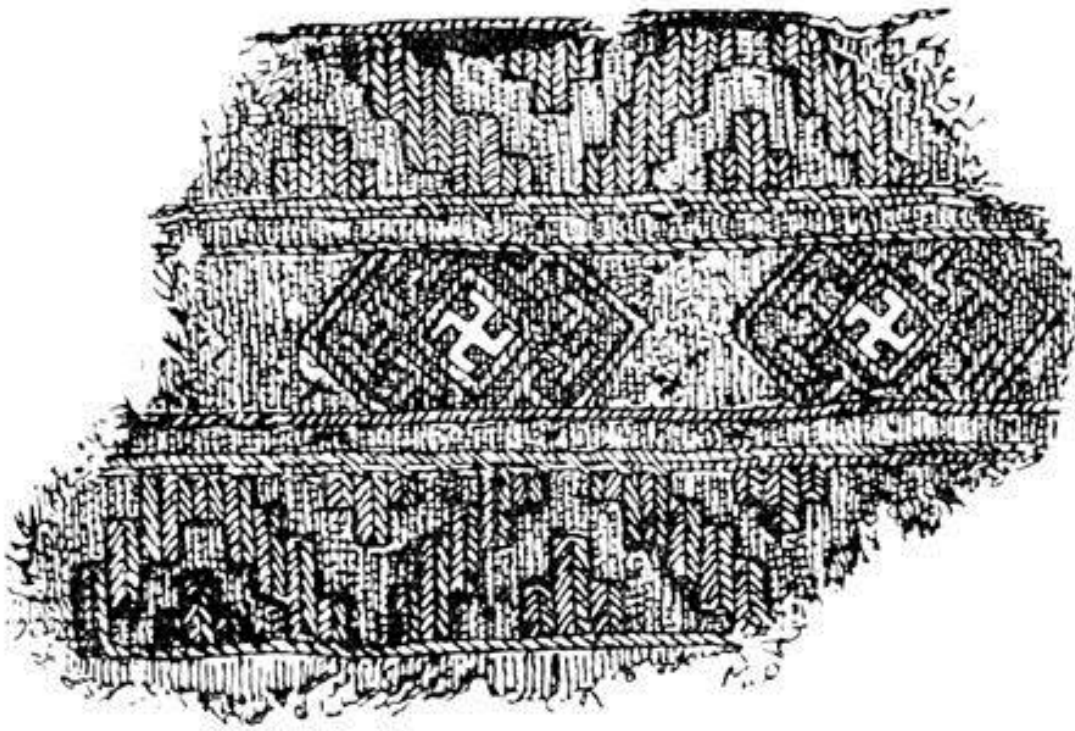

Рис. 1150. Кайма из тонкой красной шелковой ткани (шириной 1½ дюйма) с вплетенными в нее золотыми и серебряными нитями и четырехугольным рисунком с изображением Свастики, найденная в кургане.

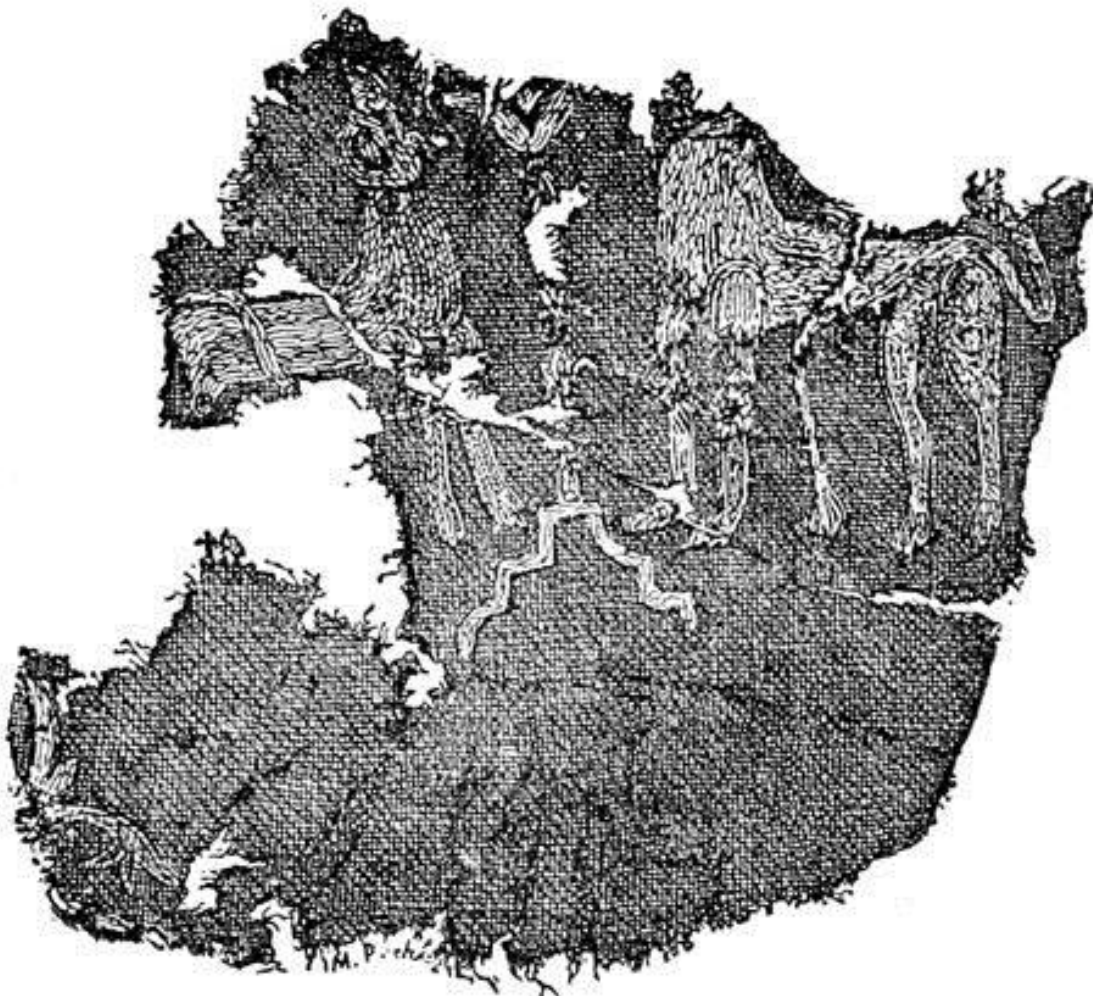

Рис. 1151.—Кусок ткани с двумя львами или леопардами, обращенными друг к другу. $\frac{1}{3}$ реальный размер.—Находка маммена.

The *Kirtul* придают форму рубашки с рукавами и надевают поверх нее. Синий, красный и коричневый, кажется, были любимыми цветами для этой одежды.^[207] Иногда кирту называют *скиртой*, или рубашкой; поэтому обе они должны были быть одинаковой формы. Юбка без рукавов упоминается как необычная.^[208]

The *Хью*, который, по-видимому, представлял собой короткую юбку без рукавов, иногда подбитую мехом, которую иногда надевали поверх кольчуги.^[209]

“Сигурд поднялся на остров. На нем была красная юбка и синий плащ с ремнями на плечах; он был опоясан мечом, а на голове у него был шлем” (Сага о Фрайинге, с. 57).

Linbrækr (бельевые ящики), которые, по-видимому, часто носили и не снимали на ночь.

Бриджи, по-видимому, были двух видов:-

Брелоки (более распространенные) поддерживались вокруг талии поясом, застегивающимся пряжкой, который обычно был широким, но считался более эффектным, когда был узким.

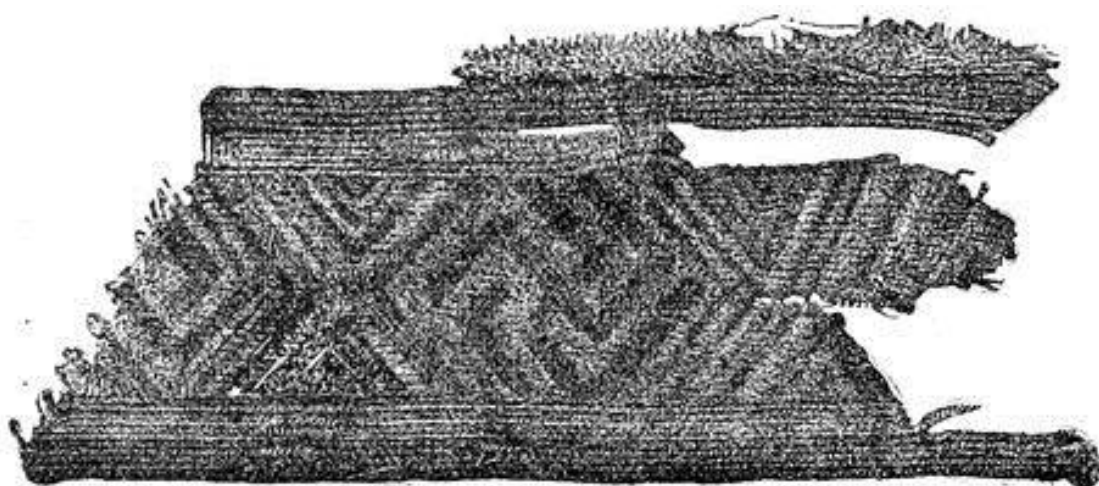

Рис. 1152.Фрагмент шерстяной материи, $\frac{2}{3}$ реального размера, найденный в кургане с фрагментами меча, наконечников копий, двух топоров, железного наконечника щита и большим количеством кусков материи различного качества, кусками лошадиной шкуры, на которой еще сохранились прилипшие волосы.—Норвегия.

“Ему сделали странную одежду — волосатые бриджи (*brækr*) и плащ, и он положил их в кипящую смолу и затвердел” (Рагнар Лодброк, с. 2).

Hosur^[210] были более эффектным видом бриджей; они, по-видимому, также прикрывали ноги и были узкими, как высокие чулки. Они были из ткани или кожи и напоминали высокие сапоги: к ним часто прикреплялись шпоры. Иногда бриджи носили поверх кирты, и тогда говорили, что мужчина “обут в бриджи”, а пояс служил поясом.

“К берегу подошла толпа мужчин. Некоторые из них подошли к Голардалю. Случилось так, что мимо них прошел широкоплечий мужчина; на нем были плащ и белые чулки, и он был один” (Форнманна Сегур, v.).

Leistabrækr представляли собой бриджи и чулки в одном флаконе и, по-видимому, были облегающими, чем-то похожими на те, что были найдены в Торсбергском болоте и относились к глубокой древности. На рельефном орнаменте на великолепной серебряной вазе греческой работы, найденной в Керчи, изображающем поимку диких лошадей и различные этапы их приручения, мужчины изображены в таких бриджах.

Hökulbrækr. О них нет описания.

Рис. 1153.

Рис. 1154.

Найдены бронзовые таблички, Бьернхофда, приход Торслунда, на которых изображены мужские брюки и т.д.

Также использовались соккары (носки).

Торродд был ранен в бою, и его штаны были мокрыми от крови.

“Слуга Снорри должен был снять штаны, а когда он потянул, то не смог их снять. Затем он сказал: ‘Это не ложь о вас, сыновьях Торбранда, что вы очень эффектны, потому что носите такую тесную одежду, что ее невозможно снять’. Торродд ответил: ‘Ты тянешь недостаточно сильно’. Тогда мужчина уперся ногами в кровать и потянул изо всех сил, но штаны не спустились. Тогда Снорри годи подошел и ощупал ногу по всей длине и обнаружил, что копьё прошло сквозь ступню между сухожилием и голенью и пронзило ступню и бриджи” (Эйрбигджа, с. 45).

Пояса, которые носили на талии, часто были очень дорогими, из серебра и золота.

“Тьоф (= Фритьоф) сбросил свой плащ; под ним на нем была темно-синяя юбка, а на руке (или предплечье) он носил хорошее кольцо. На талии у него был широкий серебряный пояс, в нем

- большой кошель с деньгами из чистого серебра, а на боку - меч. На голове у него был большой капюшон, сделанный из кожи, потому что у него были слабые глаза и все лицо было покрыто волосами” (Сага о Фритьофе, с. 11).

Эти плащи были самой дорогой частью их одежды; они были сделаны из материалов, называемых *гудвеф*, *пелл* и *балдакин*.^[211] Среди множества упомянутых видов плащей были—

The *Капа*, или плащ с капюшоном, обычным цветом которого для повседневного использования был серый; для праздников - алый; иногда подбитый мехом.

The *Поле*, идентичное Капе, обе стороны которого иногда были разного цвета.

Были также плащи от дождя или пыли, а также накидки из оленьей кожи.

Самыми прекрасными были *скиккья*^[212] и *моттул*, которые носили только высокородные вожди, являясь признаком рождения, точно так же, как палудамент или военный плащ римлян, или хламиды греков, которые были алого цвета с пурпурной каймой. Плащи и мантии (*möttul*) завязывались вокруг шеи или поддерживались лентами, которые были настолько длинными, что их можно было надеть на голову.

Плащ, кажется, был достаточно длинным, чтобы под ним можно было незаметно носить меч.

Тогда Торольф снял свою накидку (*сейламоттул*), которая была алой, подбитой серым мехом. Он накрыл ею Торстейна, но, когда тот поднялся, она не доходила ему ниже пояса. Затем он снял его и сказал ему, чтобы он надел его сам, и дал ему другую одежду, хотя она, возможно, будет не такой красивой. Затем Торольф принес мохнатый плащ (*лод-капа*) и велел ему надеть его. Он накинул ее на себя, и она не была ни слишком длинной, ни слишком короткой” (Сага о Сварфдале).

“Он (Сигурд) был одет в синие бриджи, рубашку и мантию (*моттул*) с ремешками (*тигиль*) в качестве верхней одежды. Он опустил глаза, держа в руках ремешки от плаща, и по очереди надевал их на голову и снимал с нее. Когда они миновали мыс, они развеселились и напились, гребли изо всех сил и почти не следили за порядком. Сигурд встал и подошел к планширу, и двое его стражников сделали то же самое, и оба взяли его мантию и подняли ее, как это было принято делать с высокородными мужчинами” (Магнус Слепой, с. 16).

“Халльдор был одет в плащ, на котором были длинные броши^[213], как это было тогда принято” (Лаксдала, глава 75).^[214]

Слудур представлял собой ниспадающее платье из дорогой ткани, расшитое золотом и украшенное лентами.

Во времена Олафа Кирри ("Тихий", 1066-93) мужские платья имели шлейфы, зашнурованные сбоку, с рукавами длиной 10 футов, настолько узкими, что их приходилось затягивать кожаным ремешком и закатывать до плеча. Вскоре эти платья стали считаться старомодными: также было принято носить золотые кольца на ногах.

“Во времена короля Олафа Кирри в торговых городах начались попойки на постоянных дворах и попойки на прощание, и люди полюбили показуху; они носили дорогие штаны, туго зашнурованные на ногах, а некоторые пристегивали их золотыми кольцами; мужчины носили волочащиеся платья (*драг-киртил*), зашнурованные по бокам, с рукавами длиной десять футов и такими узкими, что их приходилось надевать на шнурок и туго зашнуровывать до плеча; обувь была высокой, шитой шелком, и некоторые из них были украшены золотыми кольцами. украшен золотом. В то время было много других проявлений” (Олаф Кирри, с. 2).

Такой рукав относился к старомодному виду одежды.

“Он (Аринбьерн) подарил Эгилю на Рождество платье (*slædur*) из шелка, в основном расшитое золотом, и с золотыми пуговицами спереди; он сшил его так, чтобы оно было впору Эгилю. Аринбьерн также подарил ему костюм нового покроя из разноцветной английской ткани” (“Сага об Эгиле”, 70).

Эрлинг ярл был высоким и мускулистым, несколько широкоплечим, с длинным и худым лицом и светлым цветом кожи; он был очень седовласым и держал голову набок. Он был дружелюбен и благороден, носил старомодную одежду с высоким воротом и длинными рукавами, кирзы и рубашки, а также иностранные плащи (валашския)^[215] и высокие ботинки. Таким же образом он одевал короля Магнуса, пока тот был молод, но как только у него появился свой собственный стиль, он стал одеваться очень эффектно (Сага о Магнусе Эрлингссоне, с. 37).

Использовались туфли из кожи или выделанных шкур, которые крепились на завязках, иногда украшенных бахромой: шелковые завязки обматывались вокруг ноги до колен, а иногда носили очень высокие туфли, часто обшитые шелком и частично покрытые золотом, но они были старомодными.

“О его (Сигурда) одежде рассказывается, что на нем были синяя юбка и синие чулки, высокие ботинки со шнуровкой на ногах, серый плащ (капа) и серая широкополая шляпа с капюшоном на лице, в руке он держал посох с позолоченной серебряной оправой на верхнем конце, с которой свисало серебряное кольцо” (Сага о Святом Олафе,^[216] с. 31).

“У Сигурда ярла были коричневая юбка и красный плащ, полы которого были подвернуты; он носил обувь из кожи овечьих ног; у него были щит и меч по имени Бастард” (Сага Магнуса Эрлингссона, с. 13).

“Король (Святой Олаф) и его люди вошли в баню и расстелили свою одежду на земле, а над ней был разбит шатер. В то время было принято носить шелковые шнурки наподобие подвязок, которые обматывались вокруг ноги от ботинка до колена; первые и высокородные мужчины всегда носили их, и у короля с Бьерном было то же самое.... Бьерн всегда носил эти ремешки на ногах, пока был жив, и был похоронен с ними” (Сага о Бьярнаре Хитдалакаппа).

Магнус Бэрфут (1093-1103) перенял шотландский обычай (тогда также применявшийся в Ирландии) носить *голые ноги* и *пледы*, но эта мода устарела сто лет спустя.

“Рассказывают, что когда Магнус пришел из *Вестрвикинга* (войны на западе), он и многие из его людей переняли обычаи в одежде, которые были распространены в западных землях (Шотландии и Ирландии). Они ходили по улицам босиком и носили короткие кирзы и верхнюю одежду” (Магнус Босиком, с. 18).

На руках носили перчатки (*глофар*) из кожи, особенно оленьей, иногда шитой золотом; иногда они подбивались пухом. В руке обычно держали посох, с топором или без него.

“Бард сидел на высоком троне; он был лыс, одет в алую одежду и носил перчатки из оленьей кожи” (Форнманна Сегур, ii. 148).

На голове носился *хетт* (шляпа). Упоминается *Skálhatt* (шляпа в форме чаши), а также черные, серые и белые шляпы. Еще один упомянутый головной убор - шелковая шапочка, украшенная кружевом; кажется, больше всего ценились изделия из Гардарики.

После битвы на море между королем Инги и Сигурдом Слембиджакном, претендентом на корону Норвегии, в которой победу одержал Инги, Сигурд прыгнул за борт и снял кольчугу, плавая под своим щитом. Люди короля, тем не менее, нашли его.

“Тйостольф Аласон подошел к нему (Сигурду), где тот сидел, и сорвал с его головы шелковую шапочку, украшенную кружевными лентами”.^[217]

“На голове Торкеля Сурссона была шляпа из Гардарики, серый меховой плащ с золотой пряжкой на плече и меч в руке” (Гисли Сурссон, стр. 55).

Карл и Лейф увидели приближающегося человека, “который держал в руке дубинку (*рефди*), был одет в широкополую шляпу и зеленый шерстяной плащ; он был босиком, но на ногах у него были льняные штаны, завязанные (лентой) вокруг ног” (Сага о Святом Олафе, с. 153).

“Повседневной одеждой Ана была белая шуба, такая длинная, что доставала ему до пяток; поверх нее была надета серая короткая шубка, доходившая до середины икры; поверх нее была красная юбка, доходившая ниже колена. Поверх этого была обычная блузка из торговой ткани (*стакк*), доходившая ему до середины бедра. На голове у него была шляпа, а в руке - рубящий топор” (Сага о Богсвейги, с. 5).

Ношение усов воинами, по-видимому, было очень распространено с древнейших времен; это видно по брактеатам и древностям, относящимся к более раннему и позднему железному веку. Обычай, который сохранялся до конца языческой эпохи и который также хорошо проиллюстрирован на гобеленах из Байе, был настолько распространен, что редко упоминается в Сагах.

Рассмеялся тогда Йормунрек,

Приложил руку к своим усам;

Он не хотел беспорядков,

Был пьян от вина;

Тряхнул каштановыми волосами,

Посмотрел на свой белый щит;

Пусть золотая чаша

Повернись в его руке.

(Хамдисмаль, 20.)

После сожжения Няля был найден мертвым его сын Скарпхедин.

“Он стоял на фронтоне, и большая часть его ног была обожжена до колен, но остальная часть его тела не была обожжена; его глаза были открыты и не опухли; он прикусил усы и так быстро ударил топором по фронтону, что его лезвие вошло до середины, и поэтому оно не было размягчено” (Нджала, с. 132).

Рис. 1155. — Мужчина с усами; реверс серебряной монеты с изображением корабля.

Странная история рассказывается об Огмунде Эйтьофсбани, знаменитом викинге, полном колдовства и дьявольщины, который часто сражался против Эрвародда.

“Когда Огмунд покинул Одд, он отправился в Аустрвег (восточные земли) и женился на дочери Гейреда Етуна и заставил всех королей Аустрвега платить ему налог; каждые двенадцать месяцев они должны были присылать ему свои нижние и верхние усы. Из них Огмунд сшил меховой плащ” (Сага Орвара Одда, с. 23).

Мужчины носили длинные волосы, ниспадавшие на шею; их лбы были украшены золотой лентой, похожей на диадему, и из находок мы узнаем, что они разделяли волосы пробором посередине.

“Кьяртан, сын Олафа, вырос в Хьярдархольте; он был самым красивым из мужчин, родившихся в Исландии. У него были тонкие и резковатые черты лица, с прекраснейшими глазами и светлым цветом лица; у него было много волос, тонких, как шелк, которые ниспадали прядями. Он был крупным и сильным, как отец его матери Эгиль (Скаллаgrimссон) или Торольф. Он был лучше сложен, чем любой мужчина, так что все удивлялись, кто его видел; он также сражался лучше, чем большинство других мужчин; он был хорошим кузнецом и плавал лучше, чем кто-либо другой; он значительно превосходил других во всех идроттирах; его любили больше и он был более скромным, чем любой другой мужчина, так что каждый ребенок любил его; он был веселым и открытым. Олаф (ирландец) любил его больше всех своих детей” (“Сага о Лаксдале”, гл. 38).

“Он (Хакон ярл) был самым красивым мужчиной, которого когда-либо видели люди, с длинными волосами, тонкими, как шелк, и золотой лентой на голове” (Форнманна Сегур, iv).

“Одд каждый день был одет в алую юбку, а на голове у него был гуллхлад (золотая лента)” (Орвар Одд, с. 1).

Рис. 1156.—Фрагменты верхней части бронзового чайника (глаза, вероятно, были украшены камнями), показывающие, как мужчины разделяли волосы пробором.—Болотная находка, к твоему сведению.

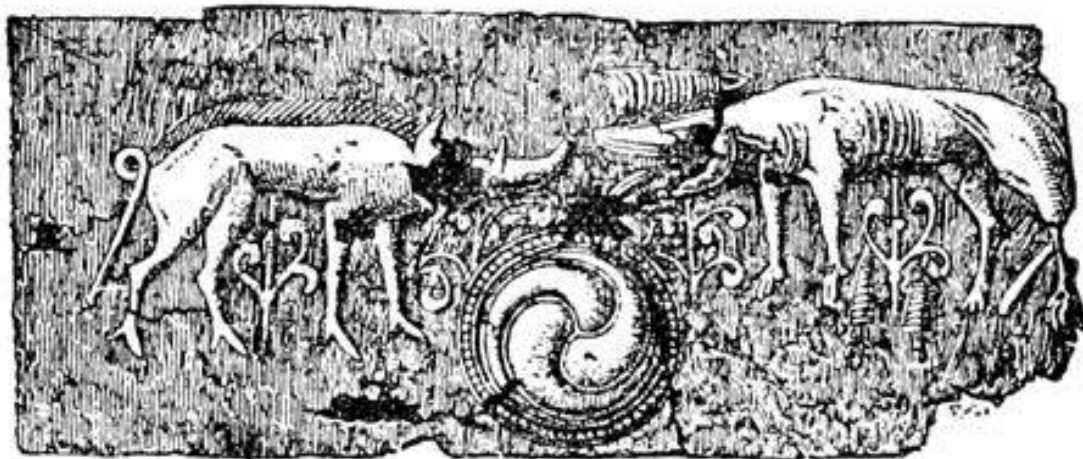

Рис. 1157. Орнаменты внутри чайника на другой бронзовой пластине.

“Он (Гуннар из Хлидаренди) выглядел красивым, у него был светлый цвет лица, прямой, слегка вздернутый нос, голубые пронизательные глаза и румяные щеки. Его волосы были длинными, густыми и желтыми и хорошо сидели” (Нджала, с. 19).

Похоже, вожди часто устанавливали моду.

“Однажды летом из Исландии пришло морское судно, принадлежащее исландцам. Он был нагружен торговыми плащами (*varar-feld*), и они отправились с ним в Хардангр, так как слышали, что там было много людей. Когда они начали продаваться, никто не захотел покупать плащи. Кормчий пошел к королю Харальду, ибо он уже говорил с ним раньше, и рассказал ему об этой трудности. Харальд сказал, что спустится, и так и сделал. Он был снисходительным и очень веселым человеком. Он приехал на скуте с полным экипажем. Он посмотрел на товары и сказал рулевому: ‘Не дашь ли ты мне один из серых плащей?’ ‘Охотно, - ответил рулевой. ‘ больше одного’. Харальд взял один плащ и надел его, а затем спустился в скуту. Прежде чем они отчалили, каждый из его людей купил себе плащ. Через

несколько дней пришло так много желающих купить плащи, что ни у половины из них ничего не получилось. С тех пор короля звали Харальд Граф (серый плащ)” (“Сага о Харальде Графе”, с. 7).

Мода во времена короля Сверри описывается следующим образом:—

“Ты всегда должен выбирать коричневую ткань для шлангов; нет ничего плохого в том, чтобы использовать черную кожу для шлангов или другие виды ткани, кроме алой. У тебя также должна быть коричневая, или зеленая, или красная юбка из хорошей и приличествующей случаю ткани. Твоя льняная одежда должна быть сшита из хорошего льна, но не в большом количестве; пусть твоя рубашка будет короткой, а вся твоя льняная одежда легкой. Всегда носи рубашку намного короче своей юбки, потому что ни один благовоспитанный мужчина не сможет хорошо выглядеть в одежде из льна или пеньки. Свою бороду и волосы ты должен хорошо подготовить, прежде чем предстать перед королем, в соответствии с обычаями, господствовавшими в то время в хирде.^[218] Когда я был в hird, было принято стричь волосы короче, чем мочки ушей, и расчесывать их так, чтобы каждый волосок лежал ровно, а короткая прядь волос падала на брови. Было принято коротко стричь бороду и усы и носить бакенбарды по немецкому обычаю; маловероятно, что будет какая-то лучшая или более подходящая мода для воинов” (Konungs Skuggsjá, стр. 66).

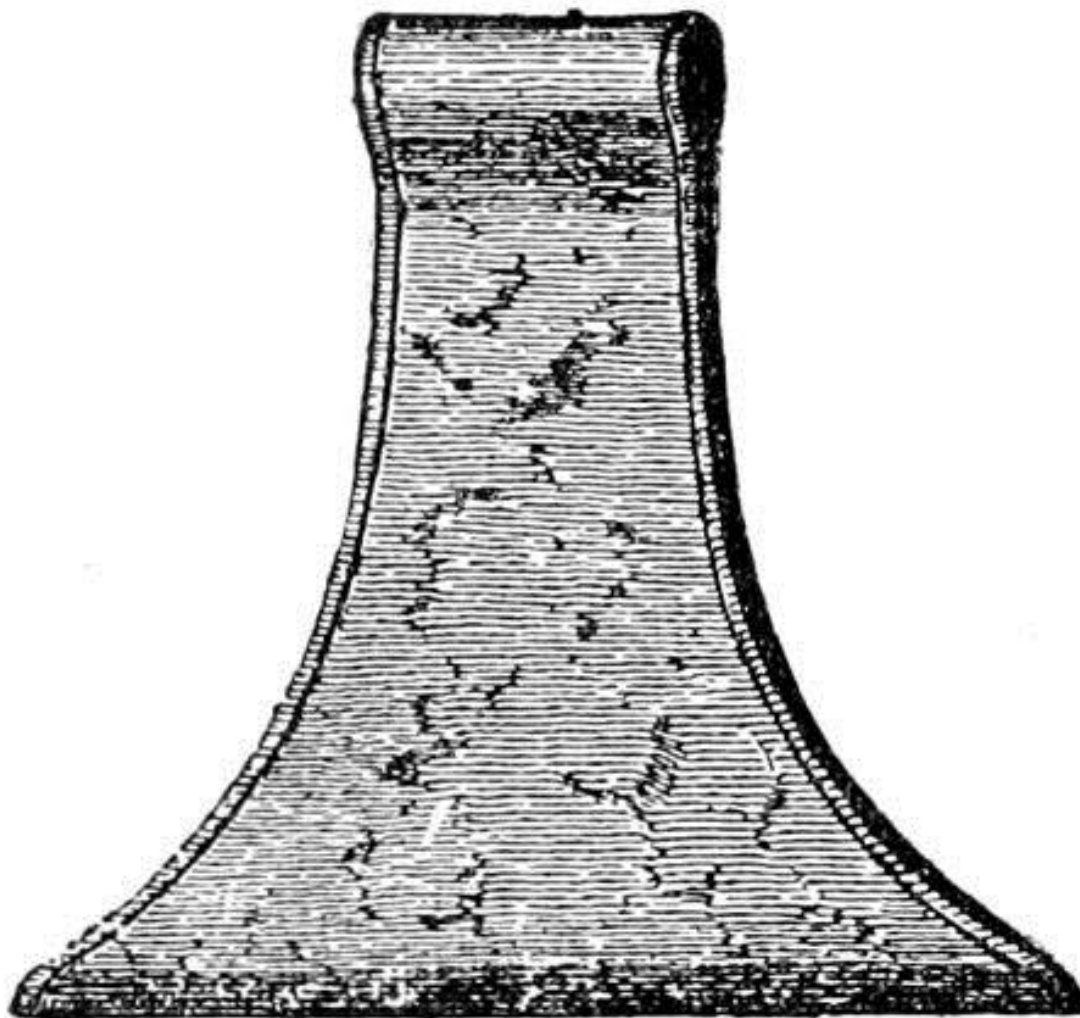

Рис. 1158.

Рис. 1159.

Железный пинцет, $\frac{2}{3}$ реального размера, найден в четырехугольной каменной оправе, с изогнутым мечом, изогнутым наконечником копья, оба из железа, и обожженными костями.—Эланд.

Из ранней Эдды и Саг мы узнаем, что королей или воинов было легко узнать по великолепию их снаряжения. Они носили позолоченные шпоры.

Сказав это, король (Святой Олаф) сел, позволил снять с себя башмаки и чулки, надел на ноги кордовские чулки и нацепил позолоченные шпоры. Затем он снял свой плащ и юбку и облачился в одежду пелла, а поверх всего этого - алый плащ. Он опоясался украшенным мечом, надел на голову позолоченный шлем и сел на коня” (Сага о святом Олафе, с. 32).

“Короля Хакона было легко узнать раньше всех; его шлем сверкал, когда на него падали солнечные лучи” (Сага о Хаконе Добром, с. 31).

“Кьяртан Олафссон надел алые одежды, которые король Олаф (Трюгвасон) подарил ему на прощание, и оделся великолепно; он опоясался мечом, который был подарком короля; на

голове у него был позолоченный шлем, сбоку висел красный щит с начертанным на нем золотом святым крестом, а в руке он держал копье с позолоченной рукоятью. Все его люди были в цветных одеждах; их было больше двадцати” (Лаксдала, с. 44).

“Король (Хакон) облачился в свое боевое облачение; на нем была кольчуга и он был опоясан мечом *Квернбитом*; на нем был позолоченный шлем, в руке копье, а на боку щит. Затем он выстроил в шеренги свой хирд и бундр и поднял свой штандарт” (Форнманна Сегур, том i, стр. 42, 43).

“Однажды Джилли и Лейф (родственники) вышли из своих палаток на холм, который был на острове, и там поговорили друг с другом; они увидели много людей на мысе на восточной стороне острова ... там блестели на солнце прекрасные щиты и великолепные шлемы, топоры и копья, и мужчины выглядели очень доблестными; они увидели, что мужчина, высокий и смелый на вид, шел впереди остальных в красной одежде, со щитом, наполовину синим, наполовину желтым, в шлеме на голове и с длинным режущим копьем в руке; они подумали, что это мужчина. они узнали в нем Сигурда Торлакссона. Рядом с ним шел полный мужчина в красной куртке, у которого был красный щит; им показалось, что они с уверенностью узнали в нем Торда Лаги (низкого); у третьего человека был красный щит с нарисованным на нем лицом человека и большой топор в руке; это был Гаут красный” (Сага о Ферейинге, с. 48).

Когда король Олаф был в Стикластадире, к нему пришел человек, который не был похож на других людей.

“Он был таким высоким, что ни один другой мужчина не доставал ему выше плеч; он был очень красив и светловолос. Он был хорошо вооружен; у него был очень красивый шлем, кольчуга и красный щит; он был опоясан украшенным мечом и имел большое копье, инкрустированное золотом, рукоять которого была такой толстой, что за нее едва можно было ухватиться рукой” (Сага о святом Олафе, с. 22).

У тех, кто присутствовал на Мероприятии, был обычай надевать свою лучшую одежду.

“Чемпион Гуннар приехал на Альтинг, одетый так изысканно, что никто не был одет так хорошо, и люди выходили из каждой кабинки, чтобы полюбоваться им. На нем было алое платье^[219] одежда, которую ему подарил король Дании Харальд Гормссон, и золотое кольцо на руке от Хакона ярла” (Ньяла, с. 33).

ГЛАВА XVIII. ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА.

Мантия—Праздничное платье—Верхняя одежда—Нижнее белье—Головной убор—Способ ношения прически—Украшения—Пряжки и фибулы—Многочисленные золотые украшения.

Самым важным предметом одежды, который носили женщины, был *киртиль* (платье). Оно было сшито очень широким, со шлейфом и обычно снабжалось длинными рукавами, достигающими до запястий. Оно застегивалось на талии поясом, часто сделанным из золота или серебра, к которому подвешивалась сумочка для колец, украшений, ключей от дома и

т.д. Иногда это платье было узким в талии и имело облегающий жакет. Поверх юбки надевалось что-то вроде фартука (*blœja*), который иногда имел бахрому внизу.

The *Слудур*, упомянутый в "Ригсмале", был праздничным платьем как для женщин, так и для мужчин; оно не доходило до такой высоты, чтобы полностью закрывать шею и бюст; поэтому с ним носили отдельный предмет одежды, называемый *смокк* (воротник), и *дук* (шейный платок) также был обернут вокруг шеи. Шея и бюст часто оставались обнаженными и украшались ожерельем и другими украшениями. Также упоминается своего рода наплечное украшение под названием *двергар*.

И домохозяйка

Посмотрел на ее рукава,

Она разгладила простыню,

И заплела их,

Она поправила головной убор;

На груди у нее была брошь,

Шлейф платья волочился за мной,

Рубашка имела голубой оттенок;

Ее лоб стал ярче,

Ее грудь стала еще более сияющей,

Ее шея стала еще белее

Чем чистый свежавыпавший снег.

(Ригсмаль, 28, 29.)

“Гисли не мог заснуть и сказал, что хочет выйти из дома в свое укрытие к югу от скал и попробовать, не сможет ли он там уснуть. Они все пошли туда (Гисли, его жена Ауд и ее приемная дочь Гудрид); на них (женщинах) были юбки, которые оставляли следы на росе” (Сага о Гисли Сурссон, стр. 67).

Из приведенных здесь четырех изображений мы получаем представление об одежде женщин и особой манере, в которой они укладывали свои волосы. Длинное ниспадающее платье напоминает нам описания в Сагах. Три фигуры вручают рога для питья каким-то невидимым людям. На камне Халлингбре^[220] женщина, одетая несколько похожим образом, подает рог для питья воину на коне.

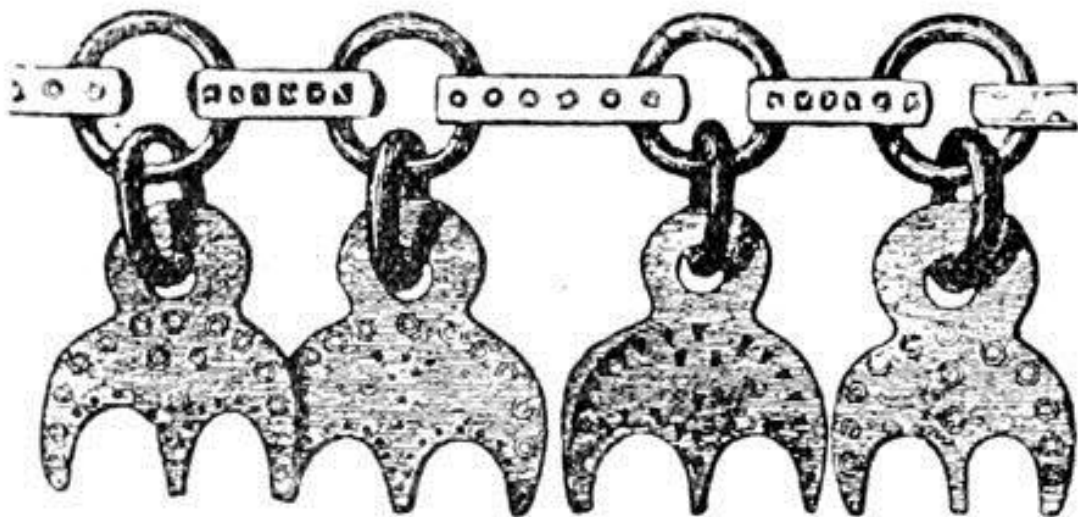

Рис. 1160.—Серебряная цепочка. Реального размера. Найдена внутри погребальной камеры в кургане. Ранний железный век.—Норвегия.

Рис. 1161.—Серебро (11 век); реальный размер. Найдено с арабскими, немецкими и староанглийскими монетами.—Эланд.

Рис. 1162.

Рис. 1163.

Рис. 1164.

Реальный размер.—Швеция.

Рис. 1165.

Рис. 1166.

Подвесное украшение. В натуральную величину.—Швеция.

Верхняя одежда женщин была более или менее похожа на мужскую. Основными были *скиккья* и *моттул*, разновидность плаща, который носили знатные женщины, без рукавов, обычно застегиваемого на груди малоберцовой костью, и *тыгла моттул* (плащ-ремень), используемый мужчинами и женщинами, иногда с дорогой каймой (*хладбуинн*) и подбитый мехом; но термин *квеннскиккья* (женский плащ) подразумевает некоторое различие между их одеждой и одеждой мужчин. В путешествиях они носили пальто, как мужчины: *олла* с войлочным капюшоном и *гекла*.

Рис. 1167.—Железная булавка. Ранний железный век. Реальный размер.

Рис. 1168.—Серебряная булавка. Настоящий размер. Найдено внутри погребальной камеры около 9 футов в длину, 3 фута в ширину и более 3 футов в высоту, с останками непогребенного тела, голова повернута на север; бронзовый таз, глиняная урна, стеклянная чашка, три золотых кольца на палец, одна серебряная фибула, пара ножниц, фрагменты деревянного ведра и т.д., и т.д. Раннего железного века.—Норвегия.

Рис. 1169.—Бронзовая булавка. Настоящий размер. Найдена в круглом кургане с древесным углем и фрагментами глиняной урны, железным лезвием ножа и т.д. Ранний железный век.—Норвегия.

Рис. 1170.—Серебряная булавка с золотой головкой. Вероятно, для волос. Ранний железный век. Реальный размер.

“Умершая нищенка оставила геклу, которая была расшита большим количеством золота. Люди короля Магнуса (Эрлингссона) взяли плащ и сожгли его, а деньги разделили между собой. Когда Биркибейнары (люди Сверриса) услышали это, они назвали их *геклунгами*” (Сага о Сверри, с. 41; Fms. viii.).

Рис. 1171.—С гобелена из Байе. Женщина в длинном платье.^[221]

Женщины носили *скирту* или *серк* (сорочку) из льна или шелка рядом с телом. Оно было сделано так, что грудь была частично приоткрыта. Они спали в ночных рубашках, как мы видим из частого употребления слова *натцерк*, у которого в прежние времена были длинные рукава.

Когда враги сожгли дом вождя гиссуров во Флюгумири, Ингибьерг, дочь Стурлы, спаслась из огня.

“Она была одета только в ночную рубашку (*натт-серк*) и была босиком; ей было тогда четырнадцать зим, она была высокой и стройной. Серебряный пояс был обвит вокруг ее ног, когда она вскочила с постели; на нем висела сумка со многими ее драгоценностями” (Стурлунга, ix, с. 3).

Король Хакон отправился сообщить своей королеве новость о том, что ее отец, Скули, принял титул короля.

Он подошел к кровати, а королева встала в шелковой рубашке и накинула на себя красный *моттул*; она хорошо приняла его, и он был добр к ней. Она взяла шелковую подушку и попросила короля сесть; он сказал, что не будет. Она спросила, есть ли новости. “Новостей мало, - ответил король. - в Норвегии теперь два короля”.

Женские носки или чулки назывались *skoklædi* (обувная одежда); их до сих пор носят в Сетердале в Норвегии, и они часто богато расшиты.

Замужние женщины обычно покрывали голову хефуддуком (головным убором). Женщины высокого происхождения носили вокруг головы золотую ленту или золотую диадему - мода, иногда перенятая мужчинами.

“Однажды Ан встретил Дриффу, дочь Карла, и с ней трех женщин. Она была красива и хорошо одета в красную юбку с длинными рукавами, узкую внизу и длинную и обтягивающую талию. Она носила повязку (*hlad*)^[222] вокруг ее лба, и волосы у нее были очень тонкие” (Сага о Богсвейги, с. 5).

Один вид головного убора назывался *fald* (складка); другими были *sveig*, *motr* и *krókfald*. Последнее слово, вероятно, означает изогнутый головной убор, возможно, чем-то похожий на те, что сейчас носят в Нормандии и Исландии. Следует сделать вывод, что так называемый *фалд* часто шился из льна, и считалось приличным носить этот головной убор высоко.

Скупла была еще одним головным убором, который ниспадал на лицо.

“Однажды, когда знаменитый вождь и автор саг Снорри Стурлусон путешествовал, он встретил женщину, которая была одета в синюю куртку (*олпа*) с войлочным капюшоном, который был завязан у нее на голове; она носила его вместо шляпы” (Стурлунга, iv, с. 36).

Девушки носили длинные волосы, обернутые вокруг пояса; вдовы также носили распущенные волосы. Длинные желтые волосы и нежный цвет лица считались залогом красоты.

Однажды Буй отправился в Дофрафьель (Доврефьельд) по поручению короля Харальда Прекрасноволосого и там встретил женщину крупного роста.

“Она была прекрасна на вид и одета в красную юбку, сплошь украшенную кружевами; на ней был широкий серебряный пояс; свои длинные и прекрасные волосы она распустила, как это принято у девушек; у нее были красивые руки и множество золотых колец на них” (Сага о Кьялнесинге, с. 13).

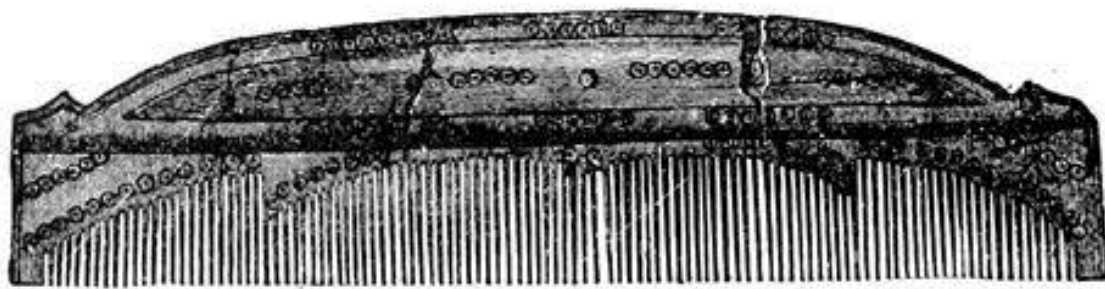

Рис. 1172. Костяной гребень, немного меньше $\frac{1}{3}$ реального размера, найден в круглом кургане вместе с железным чайником, стеклянными бусами, древесным углем и обожженными костями.

Эрмингерд, королева Валланда, на пиру, который она давала Регнвальду ярлу,

“вошел в зал со многими женщинами. В руке она держала золотой сосуд для питья и была одета в лучшие одежды; волосы ее были распущены, как это принято у дев, а на лбу у нее была золотая повязка” (Оркнейская сага, стр. 280).

“Хельга была так красива, что мудрецы говорят, что она была самой красивой женщиной в Исландии. Ее волосы были такими длинными, что могли покрывать все ее тело, и были

прекрасны, как золото; в то время никто не считался равным ей во всем Боргар-Фьорде и многих других местах” (Гуннлауг Ормстунга, с. 4).

Тогда послали за Халльгерд, и она пришла с двумя женщинами. На ней была синяя тканая накидка (*вефьярмоттул*), а под ней алая юбка с серебряным поясом; ее волосы с обеих сторон доходили до талии, и она заправляла их за пояс” (Ньяла, с. 13).

Когда Гуннар отправился в Альтинг, он встретил вдову Халльгерд, дочь Хескульда, которая “была одета в красную с орнаментом юбку, а поверх нее алый плащ, украшенный кружевом до самой юбки. Ее длинные и светлые волосы спускались до груди” (Нджала, с. 33).

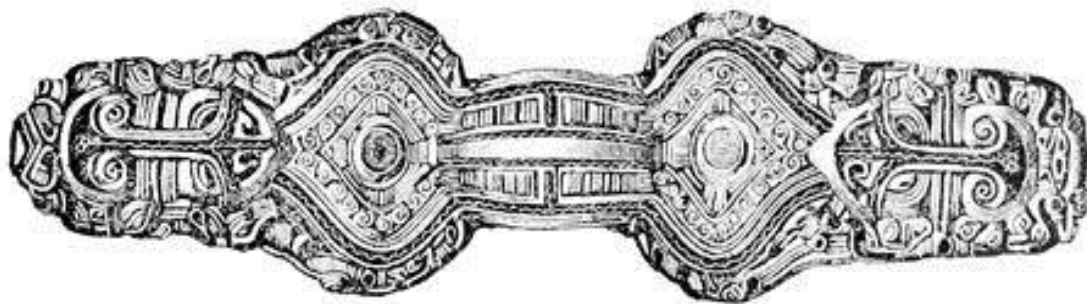

Рис. 1173.—Фibuла из позолоченного серебра, украшенная чернью и двумя кусочками зеленого стекла. ½ реального размера.—Гиллберга, Нерике, Швеция.

Рис. 1174.

Рис. 1175.

Бронзовые бусины реального размера, найденные в каменном хранилище, Сойвиде, Гетланд. Их было 500 штук, раньше их прикрепляли к одежде. Найден с пряжкой.

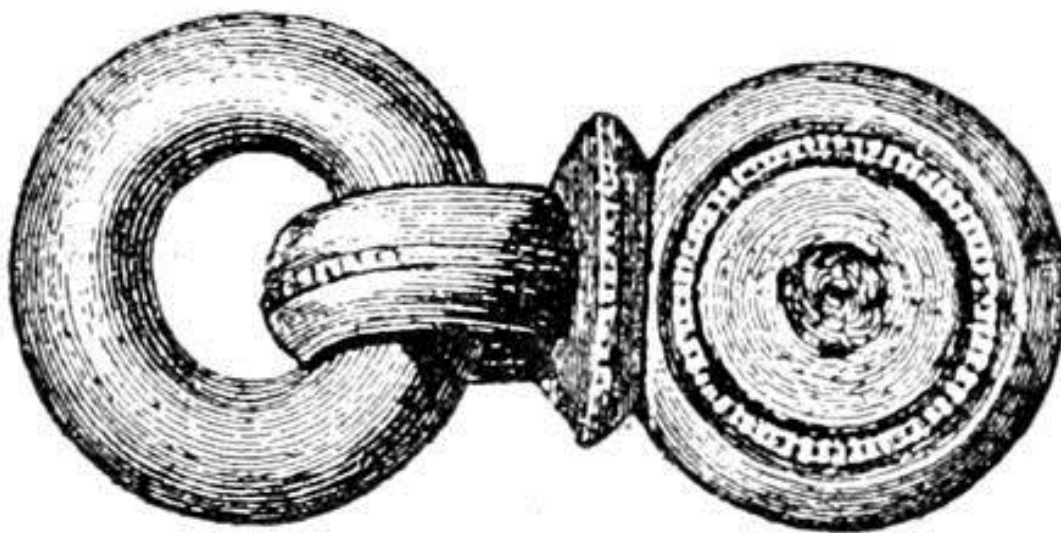

Рис. 1176.

Кольцо и украшение из бронзы с железными заклепками. $\frac{2}{3}$ реальный размер.

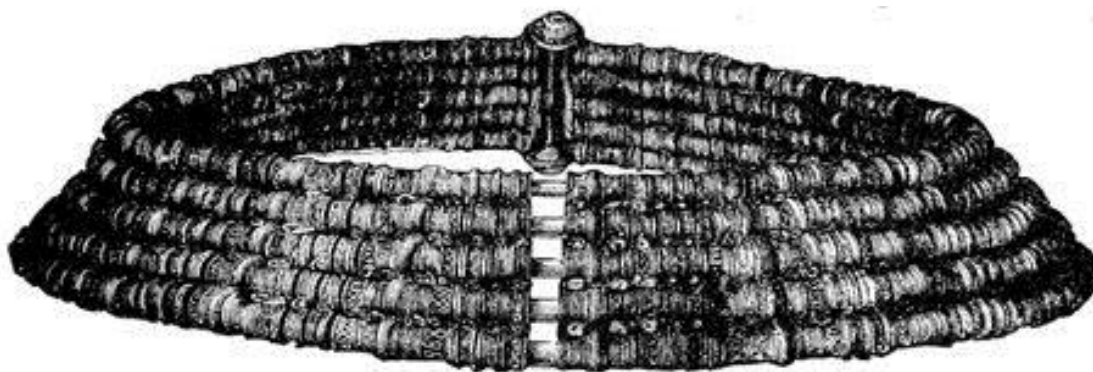

Рис. 1177. — Золотое ожерелье весом около 1½ фунта, Торслунда, Эланд, состоящее из трубочек, скрепленных одна над другой и украшенных филигранью. Два других из них были найдены в Вестергетланде — один на склонах холмов Аллеберг, недалеко от Фальчепинга, другой возле церкви Мене, примерно в семнадцати милях от первой. Похожий был найден на Юге России, сейчас в Эрмитаже, с верхним и нижним концами, заканчивающимися хорошо сформированной длинной головой змеи.

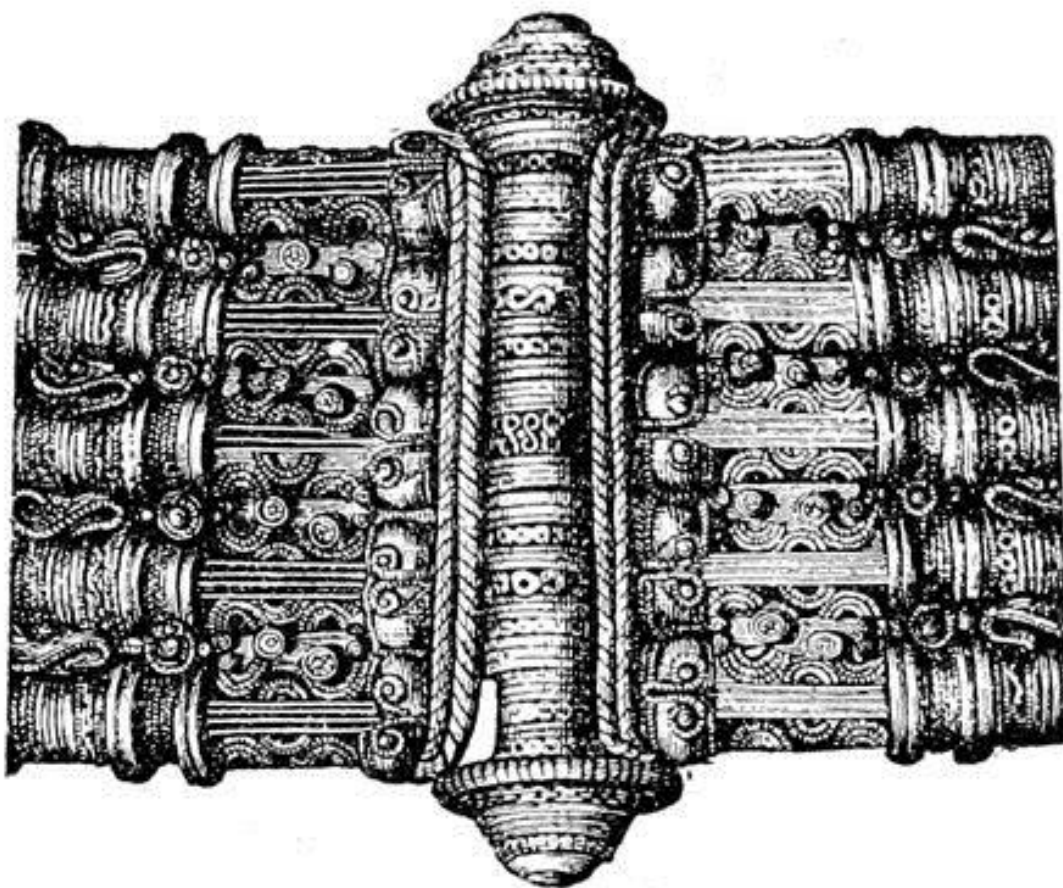

Рис. 1178.—Обратная сторона ожерелья. Реальный размер.

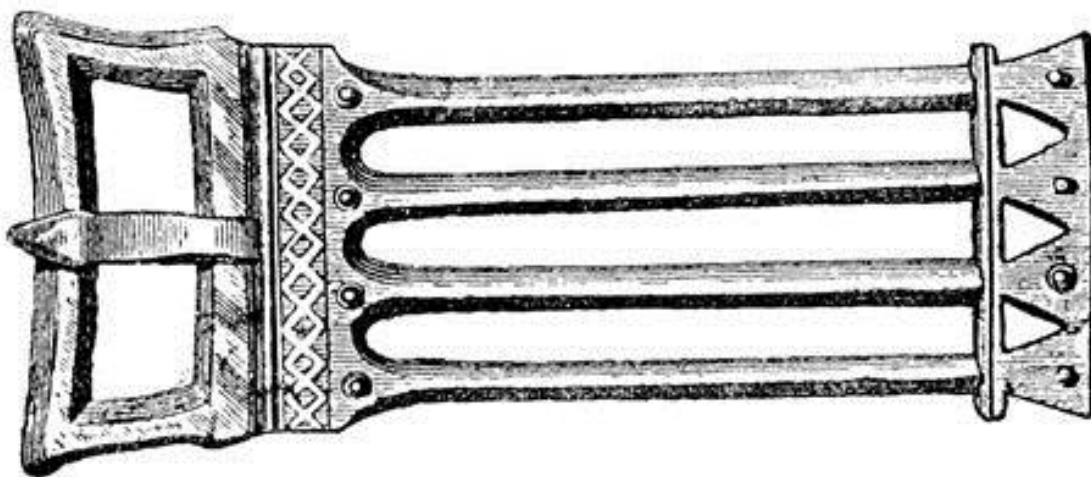

Рис. 1179.—Бронзовая пряжка для ремня. Настоящий размер.—Гетланд.

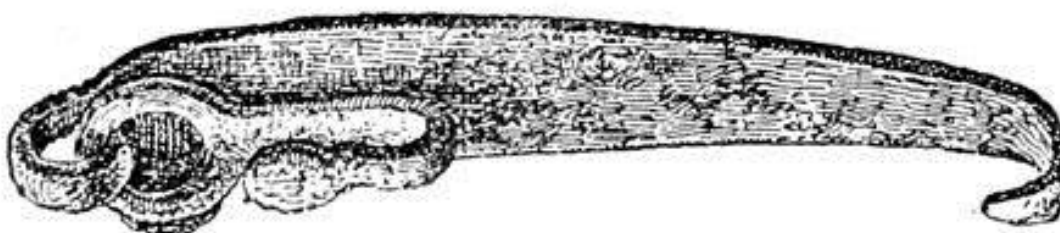

Рис. 1180.—Бронзовый крючок для ремня. ½ реального размера.

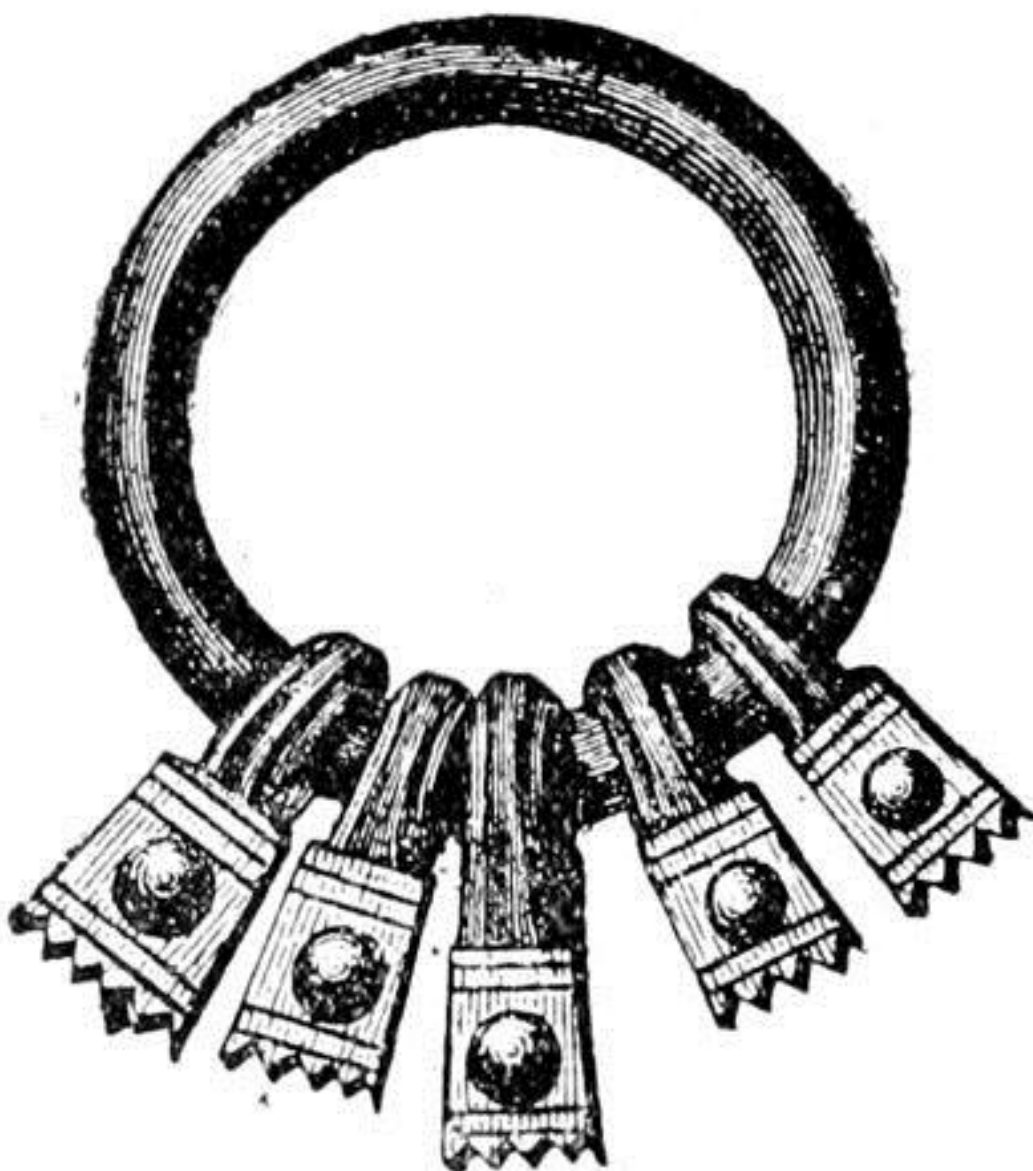

Рис. 1181. Бронзовое кольцо для пояса, реального размера, найдено вместе с бронзовой булавкой в круглом кургане внутри погребальной камеры.

Рис. 1182.—Массивное золотое кольцо; вес 1 фунт 7 унций. $\frac{2}{3}$ реальный размер. Найден в очень большом кургане с фрагментами обоюдоострого меча, с великолепными ножнами из дерева и бронзы, отделанными позолотой и частично орнаментированными; золотым кольцом, шестью маленькими золотыми кольцами, золотой булавкой, фрагментами бронзового чайника и ваз, кусками бронзового сита, серебряными украшениями для рога для питья, фрагментами железных наконечников копий и т.д.

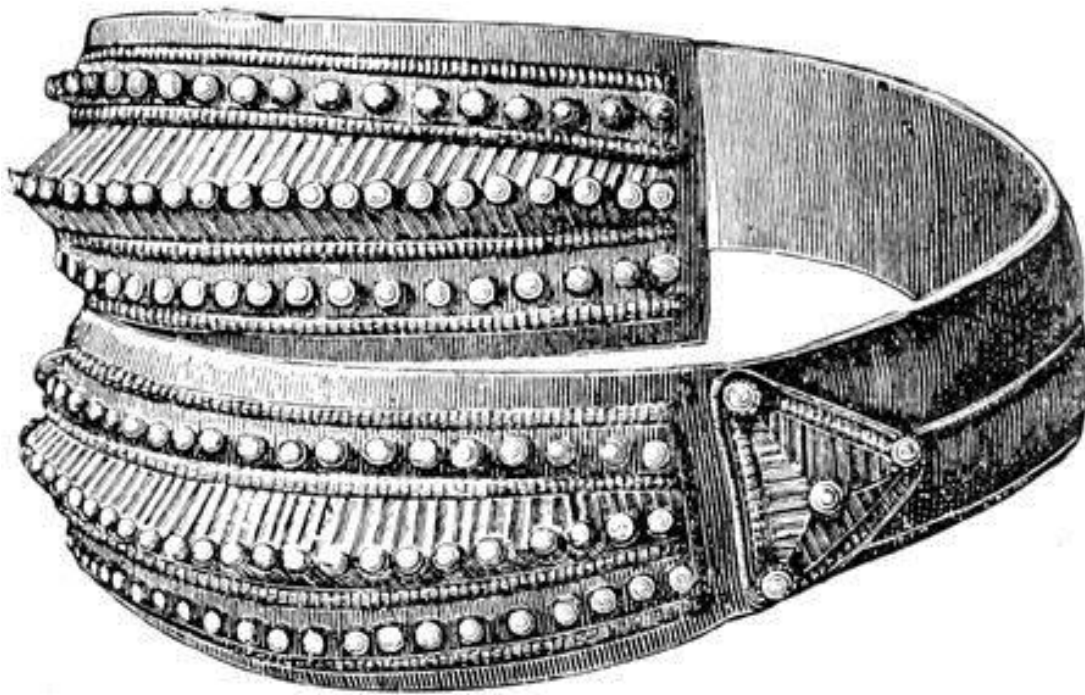

Рис. 1183.—Браслет из серебра, покрытого серебряной позолотой, за исключением головок маленьких гвоздиков.—Норвегия.

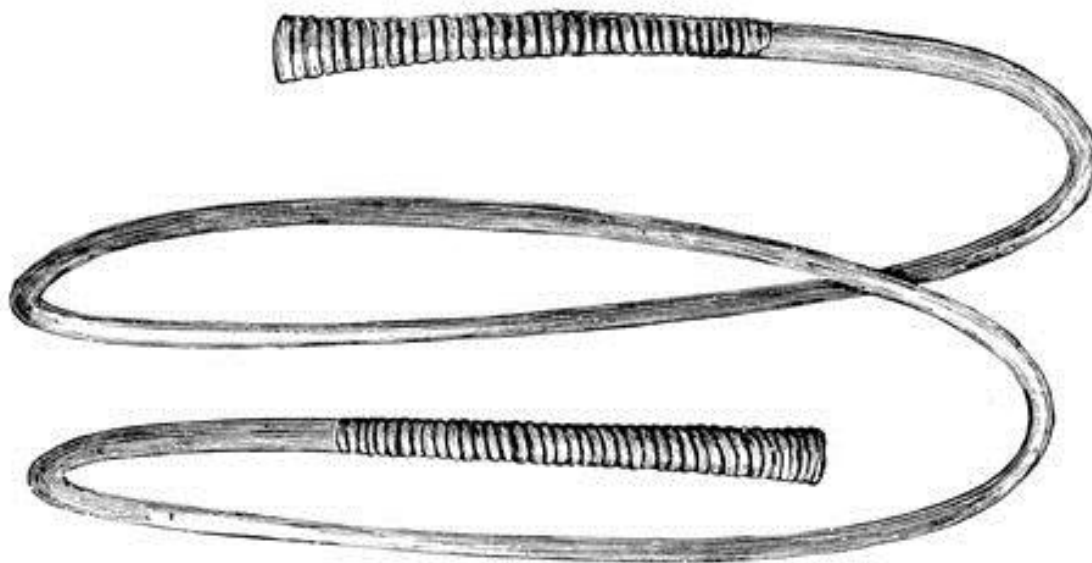

Рис. 1184.—Спиральный браслет из золота. Реальный размер. Вес более 1½ унции. Найден в нижней части каменной пирамиды с золотым спиральным кольцом. Немного ниже почвы пирамиды были найдены древесный уголь, куски кости и фрагменты железа, разрушенные ржавчиной.—Норвегия.

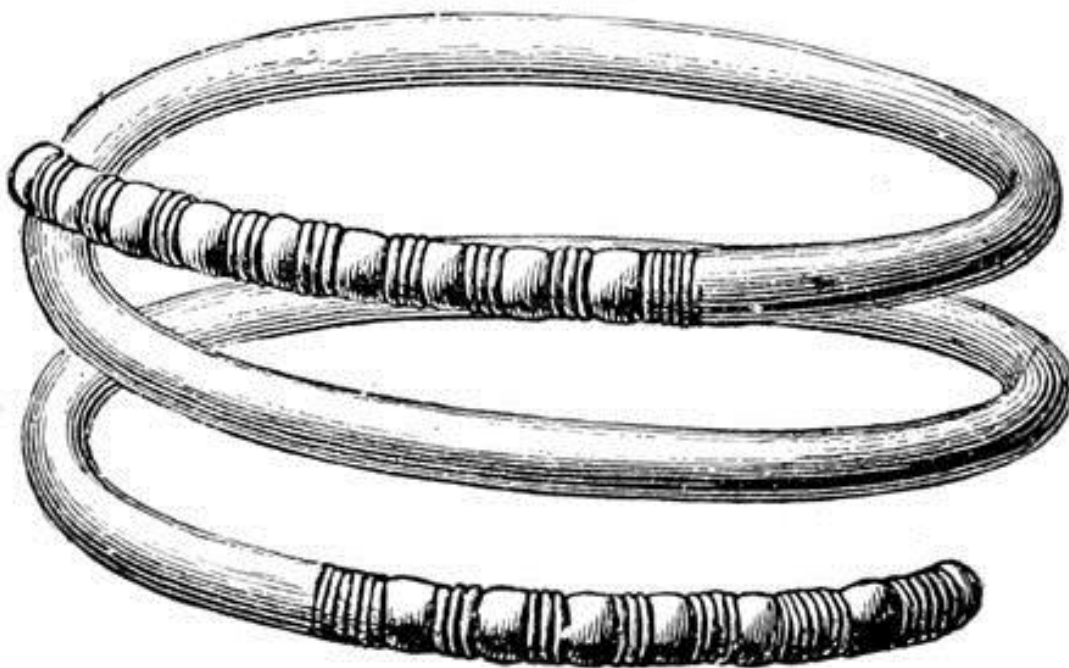

Рис. 1185. Спиральный браслет из золота, $\frac{2}{3}$ реального размера, найден в кургане внутри гробницы. Вес, около 3 унций.—Норвегия.

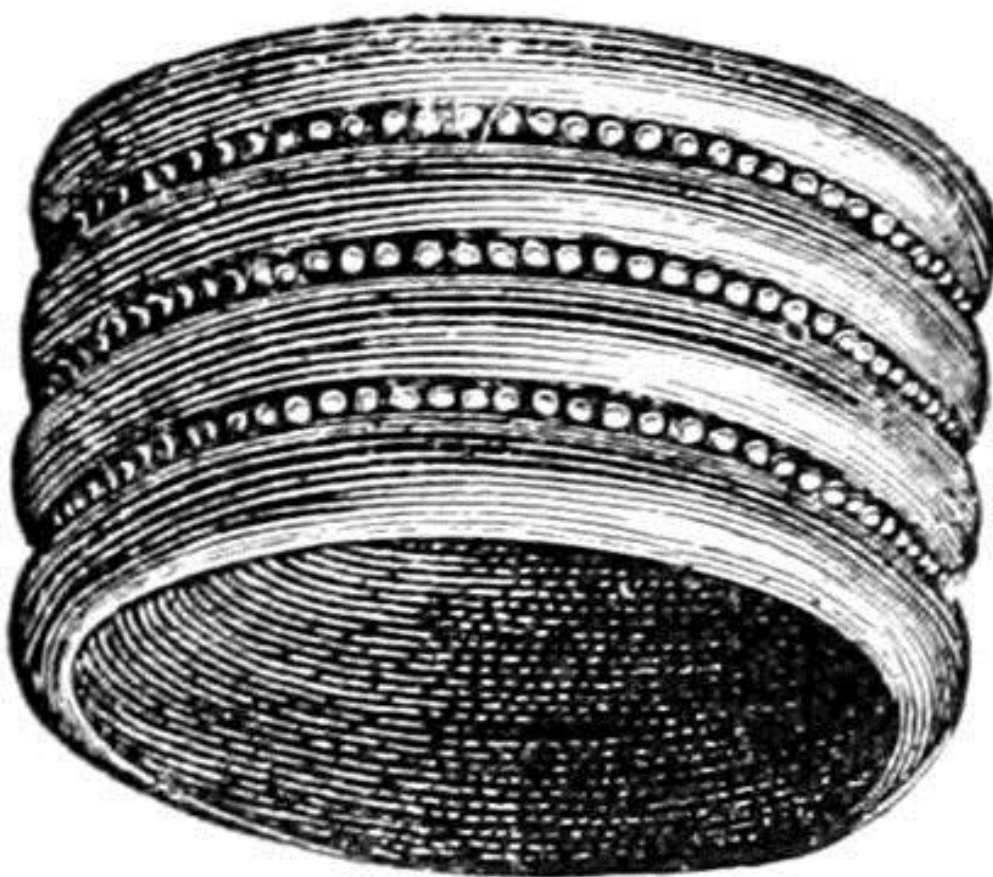

Рис. 1186.—Золотое кольцо. Настоящий размер.—Норвегия.

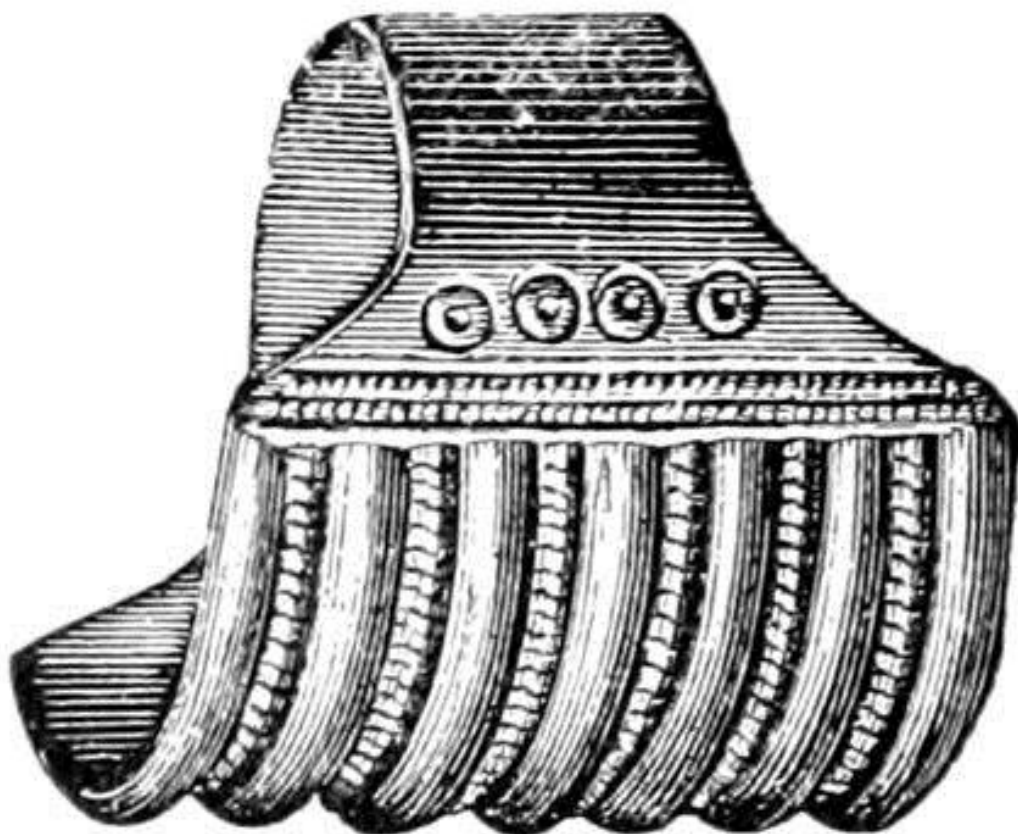

Рис. 1187.—Золотое кольцо, найденное в кургане вместе с бронзовой вазой, фрагментами большого спирального золотого браслета и др. —Норвегия.

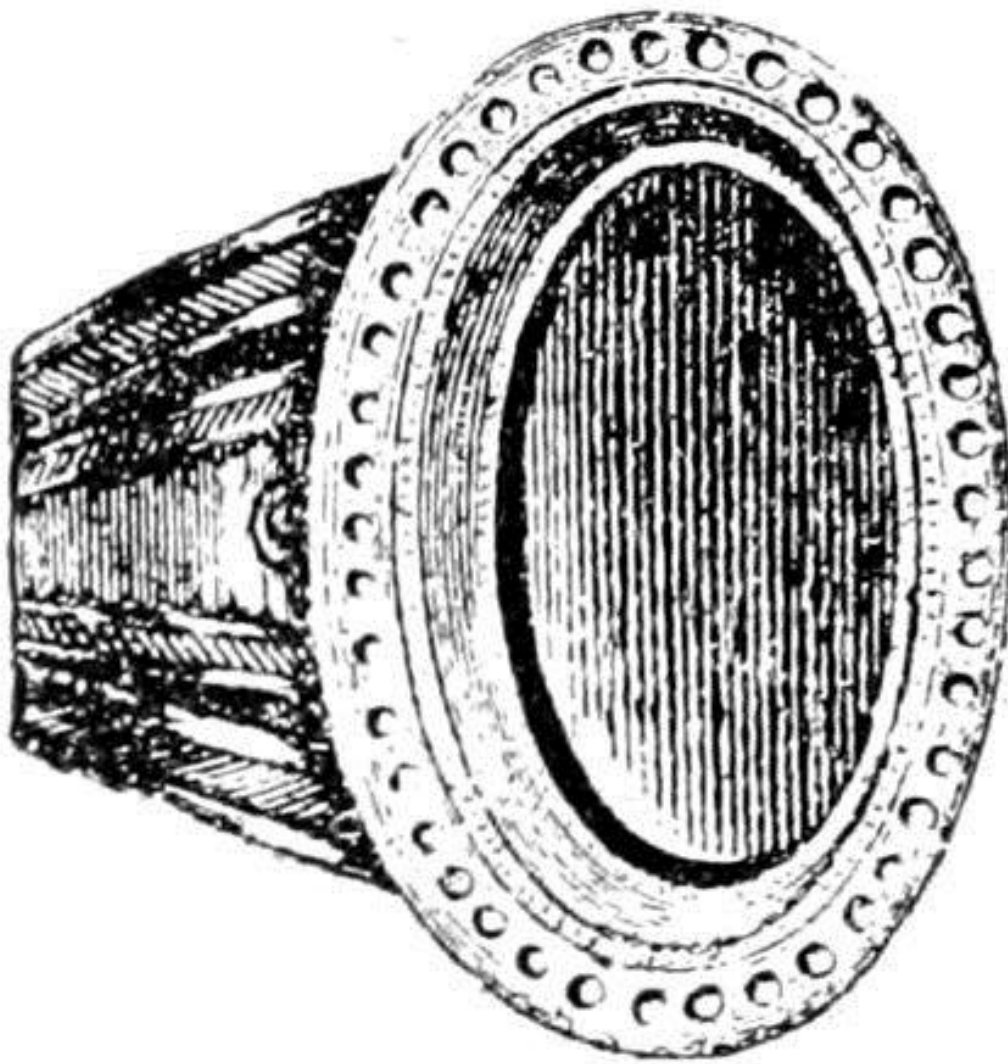

Рис. 1188.—Золотое кольцо на палец с сердоликом. Реальный размер.—Карнеол Снеда, недалеко от Истада, Scania.

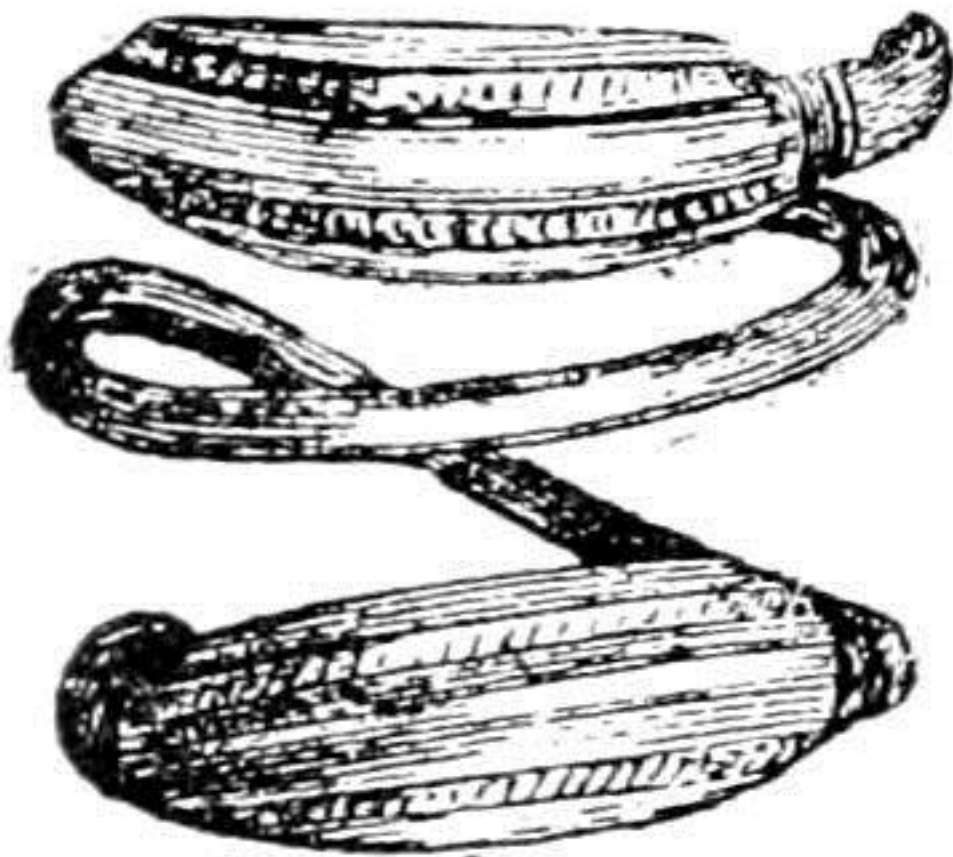

Рис. 1189.—Спиральное кольцо на палец. Реальный размер.—Богуслан.

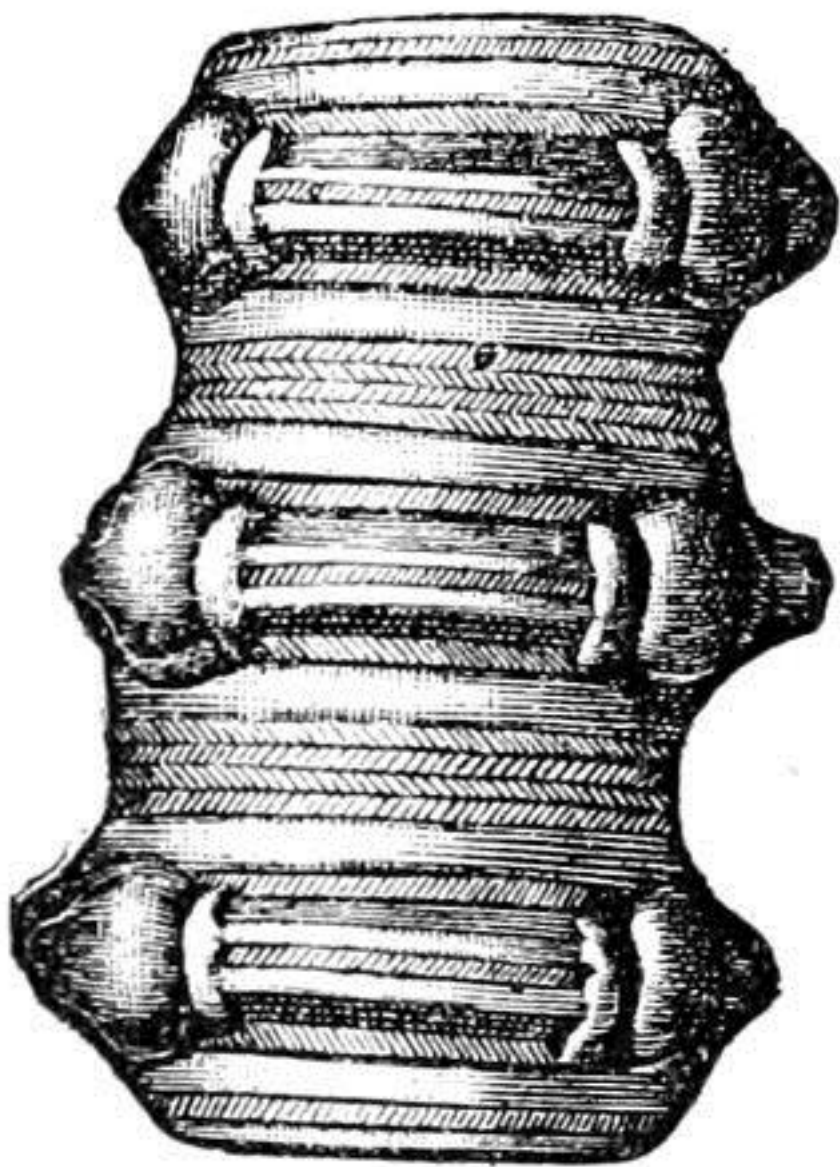

Рис. 1190.

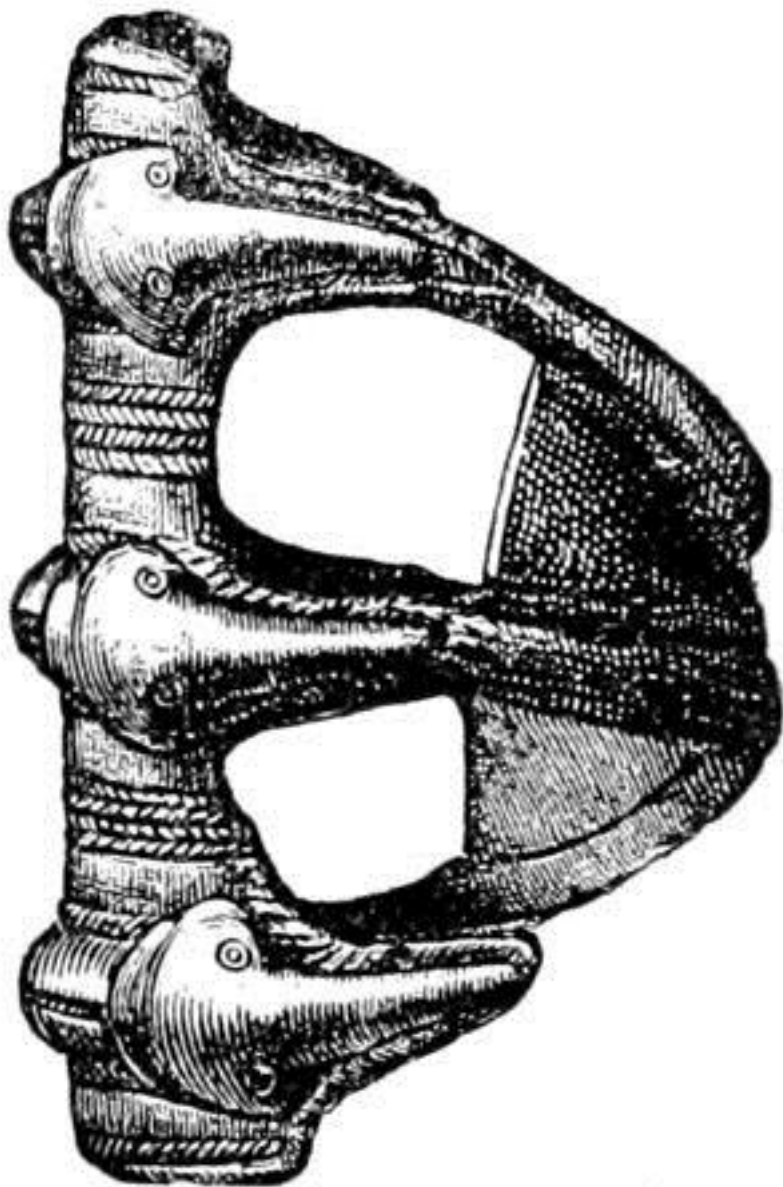

Рис. 1191.

Золотое кольцо реального размера, найденное в кургане вместе с фрагментами обоюдоострого меча с бронзовыми накладками и т.п. -Норвегия.

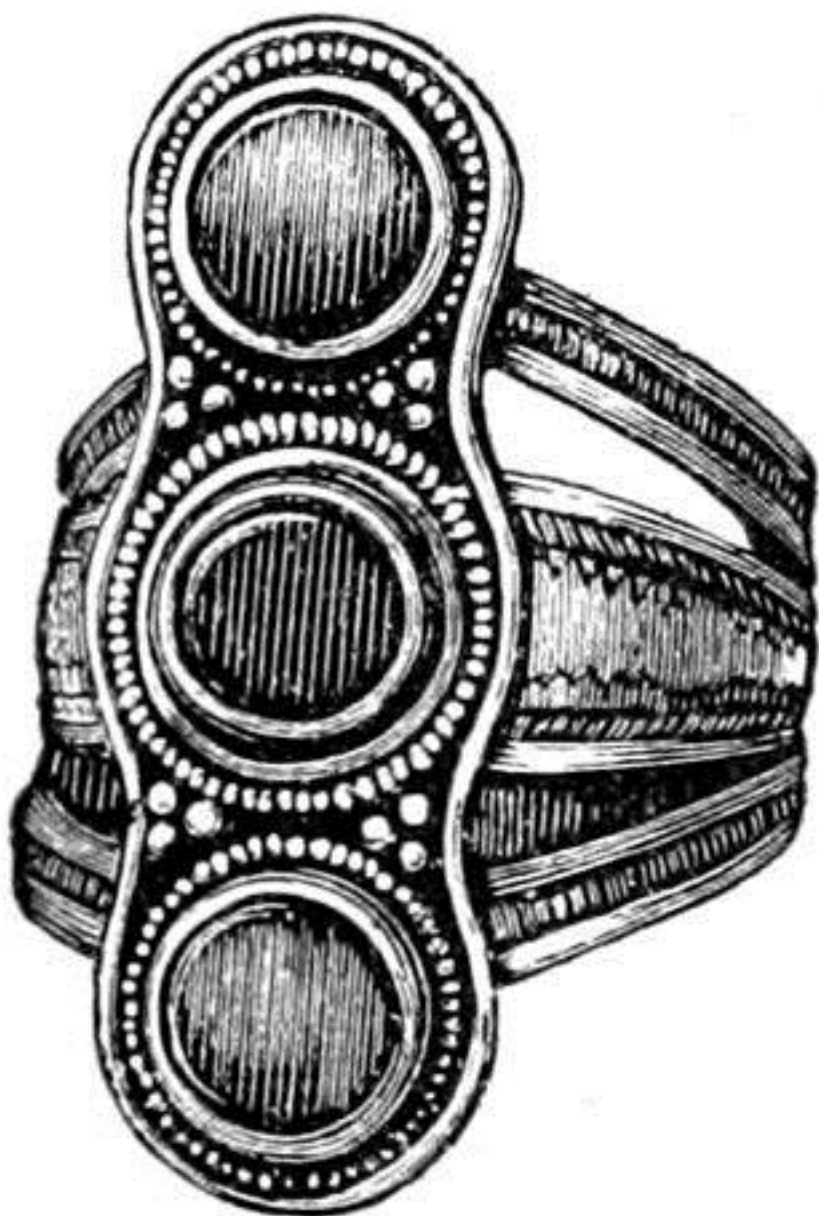

Рис. 1192.

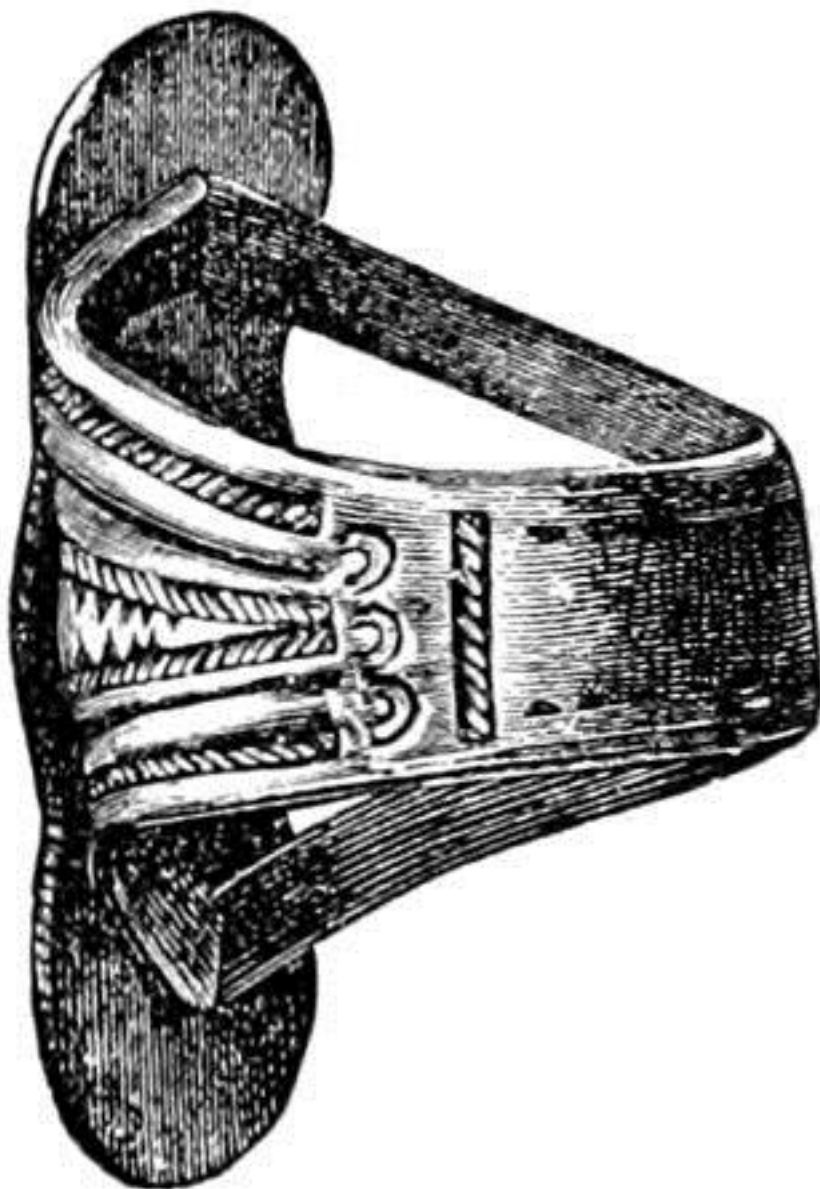

Рис. 1193.

Золотое кольцо реального размера, найдено в круглом кургане вместе с четырьмя другими золотыми кольцами и проч. Камень в середине — плоский сердолик, тот, что над куском выпуклого стекла; нижний отсутствует.-Вердален, Норвегия.

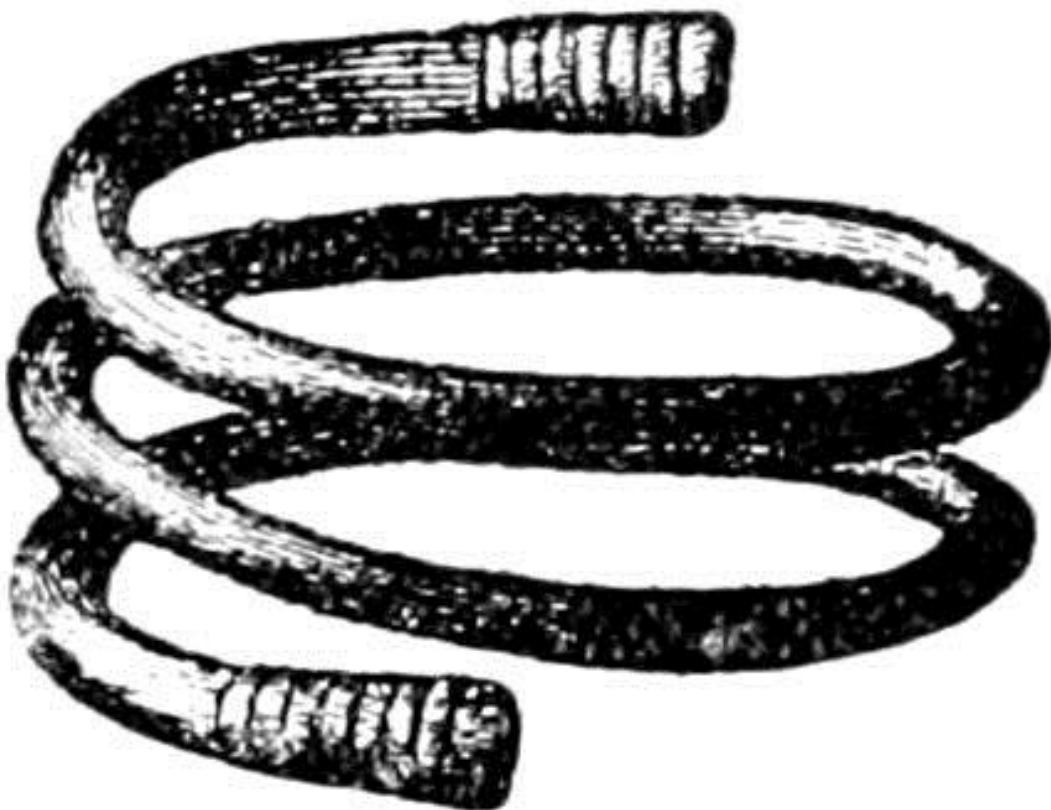

Рис. 1194.—Золотое кольцо. Настоящий размер.—Норвегия.

Рис. 1195.—Золотое кольцо. Настоящий размер.—Норвегия.

Рис. 1196.— Ожерелье из золота весом более 4 унций, найдено под большим камнем.— Södermanland, Sweden. $\frac{2}{3}$ реальный размер.

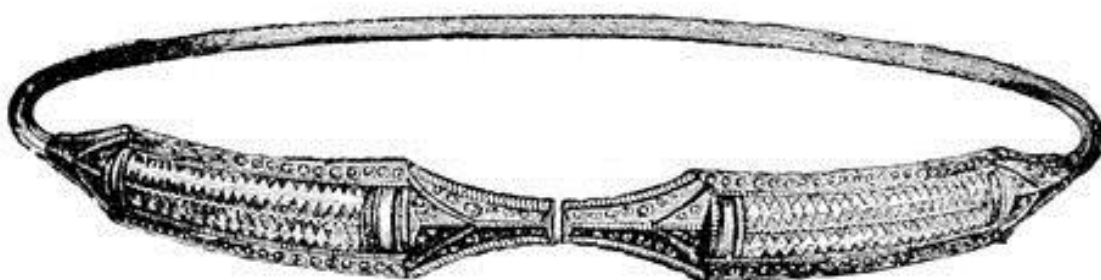

Рис. 1197.—Золотая диадема, найденная при копке картофеля; вес чуть больше 6 унций. $\frac{3}{4}$ реальный размер.—Эланд.

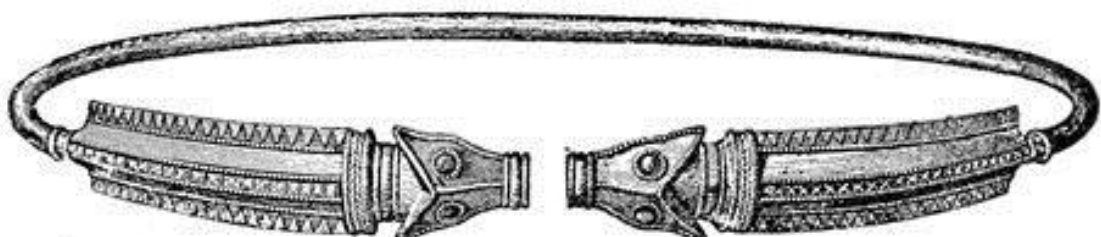

Рис. 1198.—Диадема или ожерелье из золота весом 6½ унции, найдено в канаве недалеко от города Або, Финляндия. ½ реального размера.

Эти типы диадем в спиральных браслетах были найдены в болотных находках Торсберга, а также в могилах Валоби.

Рис. 1199.

Рис. 1200.

Золотая пуговица спереди и сзади, с гранатами *enchassé*.—Гетланд.

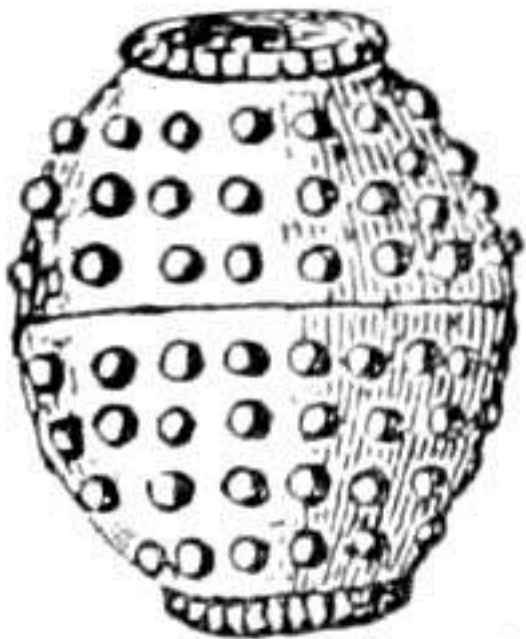

Рис. 1201.—Золотая бусина. Реальный размер.

Рис. 1202.—Стеклянная бусина. Реальный размер. Найдена при вспашке.—Вестергетланд.

Рис. 1203.—Ожерелье из почти чистого золота (99·5) весом 6 унций. $\frac{2}{3}$ реальный размер.—Эланд.

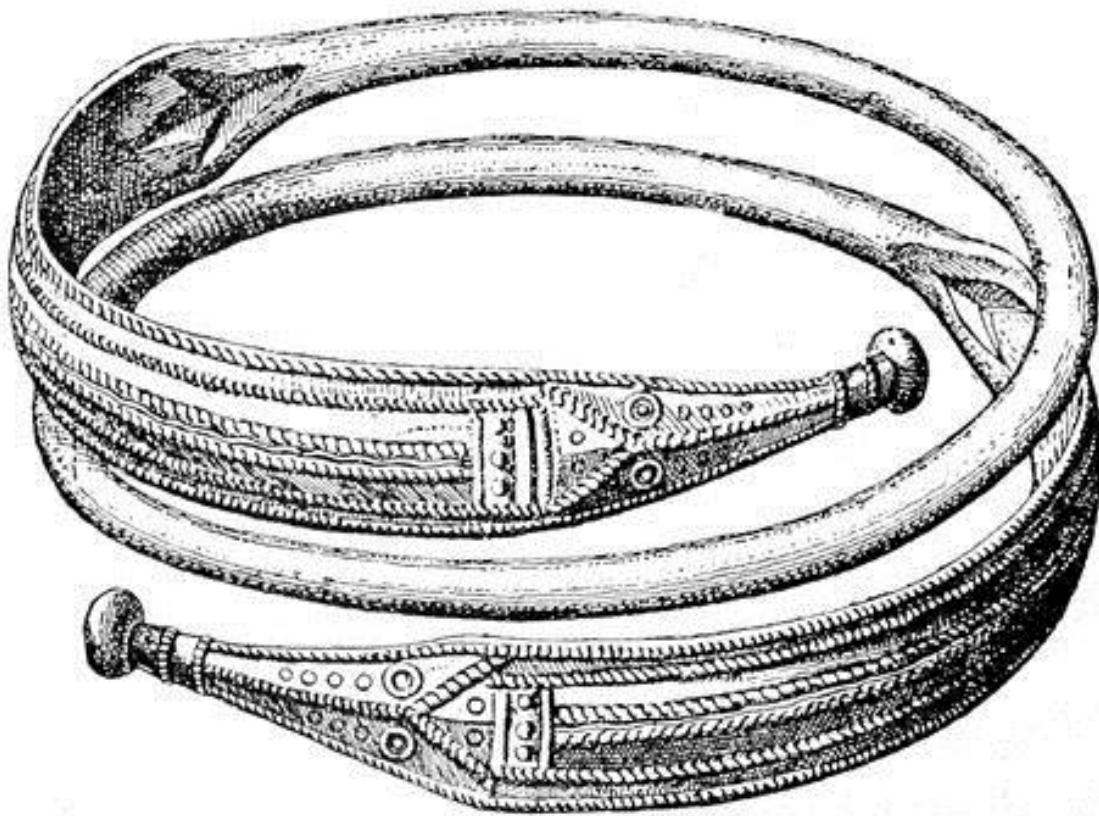

Рис. 1204.—Спиральный браслет из золота; вес 7 унций. Реальный размер.—Эланд.

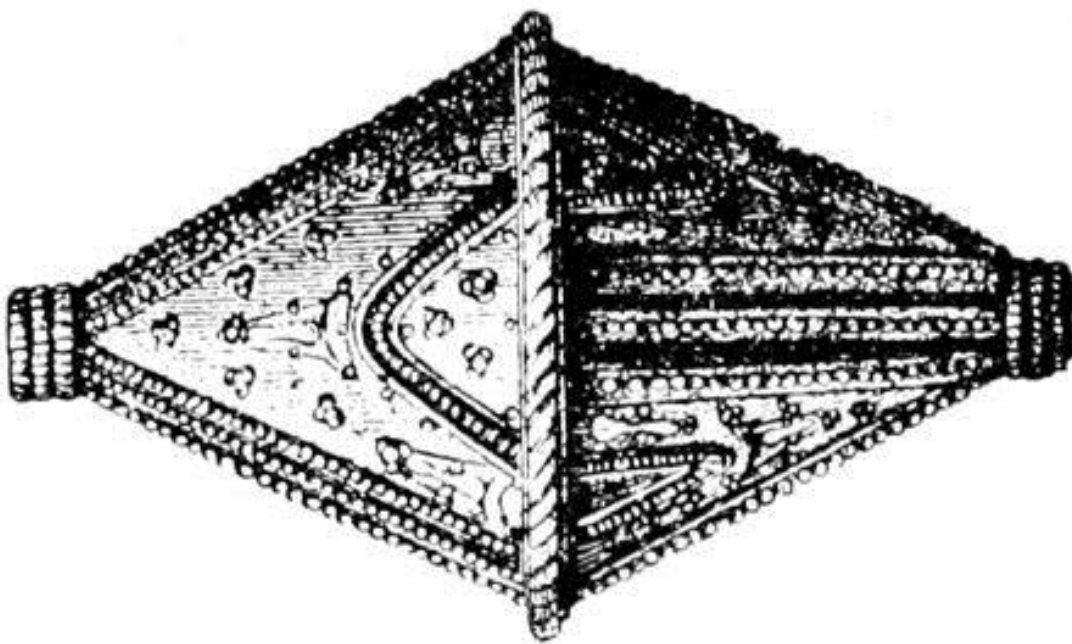

Рис. 1205.—Золотая филигранная бусина.—Вестманланд.

Рис. 1206.—Золотой амулет. В натуральную величину.—Вестергетланд.

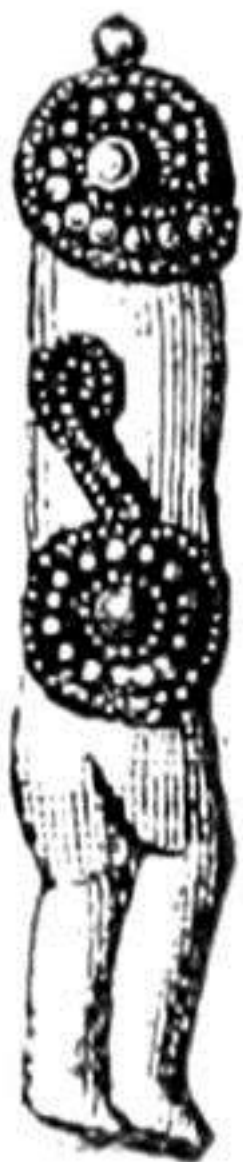

Рис. 1207. — Золотая фигурка человека на ожерелье Мене, найденная в куче камней; вдвое больше реального.

Рис. 1208. —Золотое ожерелье, украшенное филигранной работой и римскими и византийскими монетами 5 века; $\frac{1}{2}$ реальный размер.—Scania, музей Копенгагена.

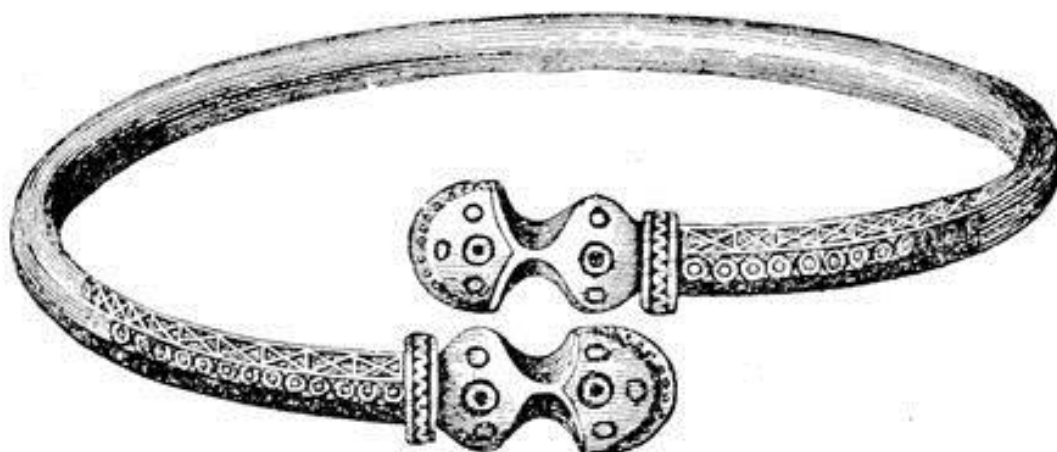

Рис. 1209. Бронзовый браслет, найденный в кургане в Хасби, Эрлингхумдра, Возвышенность. Реальный размер.

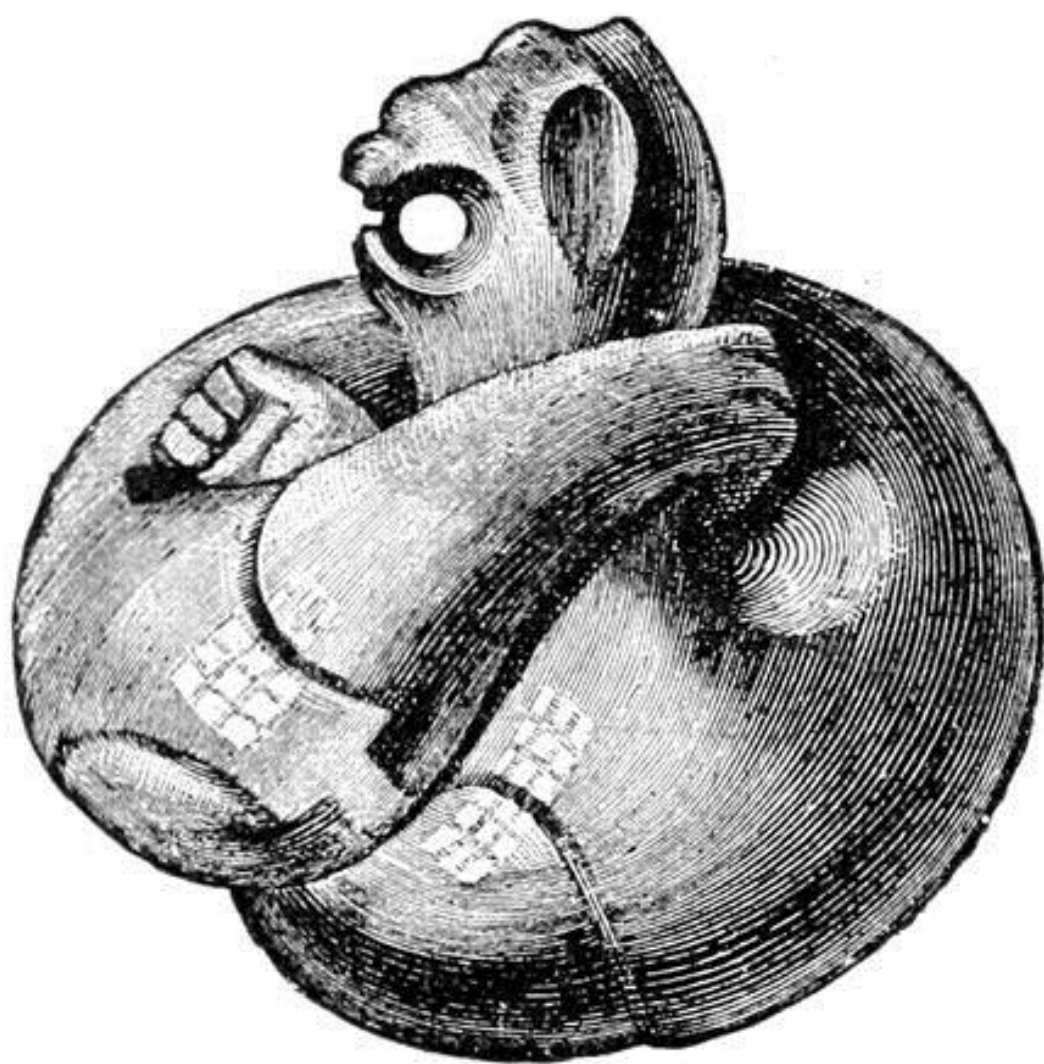

Рис. 1210.

Рис. 1211.

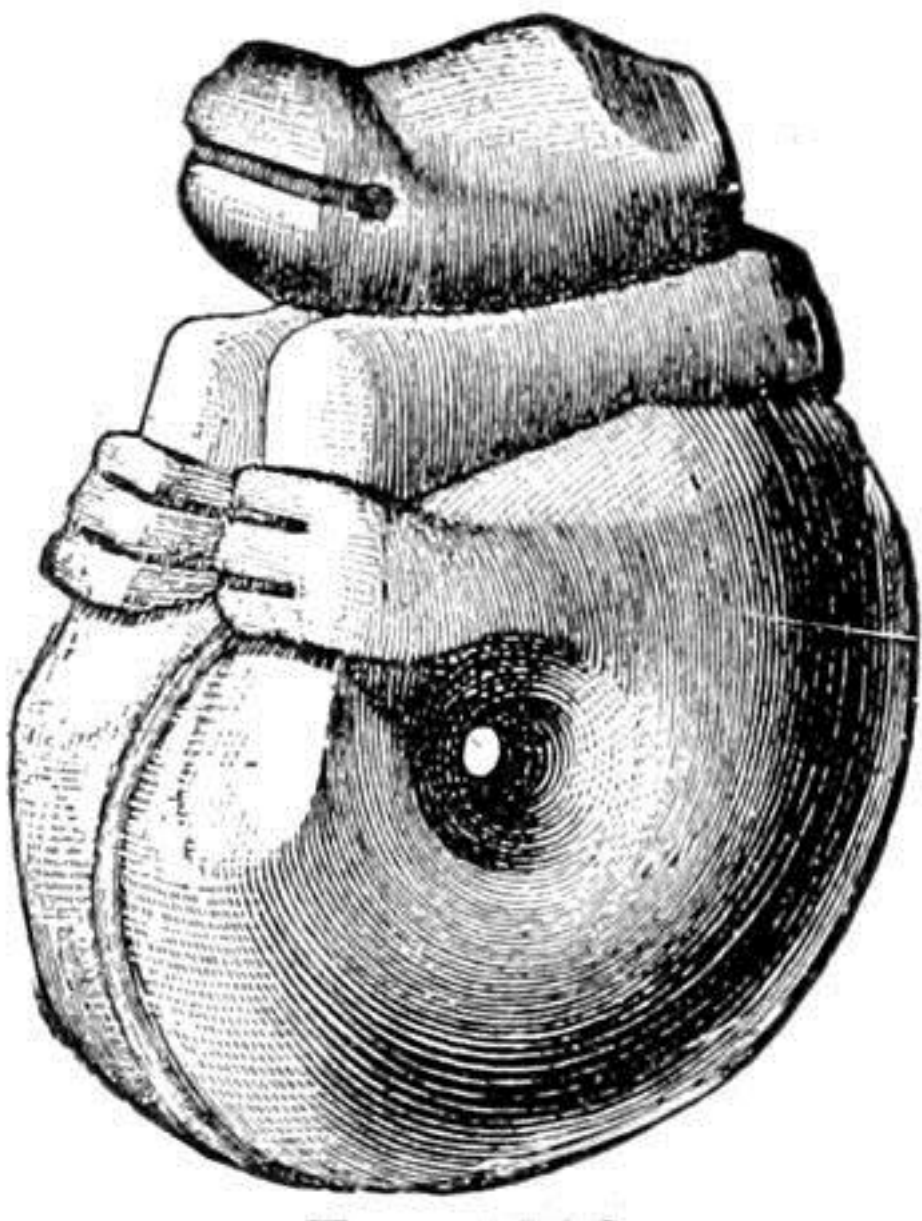

Рис. 1212.

Фигурки животных в натуральную величину из янтаря, найденные в кургане.—Индерсоен, Норвегия.

Рис. 1213.—Золотая диадема. $\frac{1}{2}$ реального размера. Найден под большим камнем в куче камней; вес 8 унций.—Норвегия.

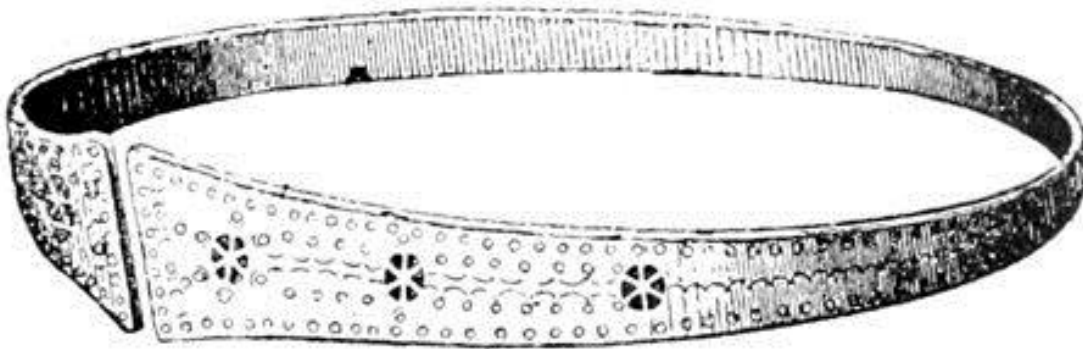

Рис. 1214. — Вероятно, диадема из золота, переплавленного с серебром; вес более 2 фунтов. $\frac{1}{2}$ реального размера.—Medelra, Швеция.

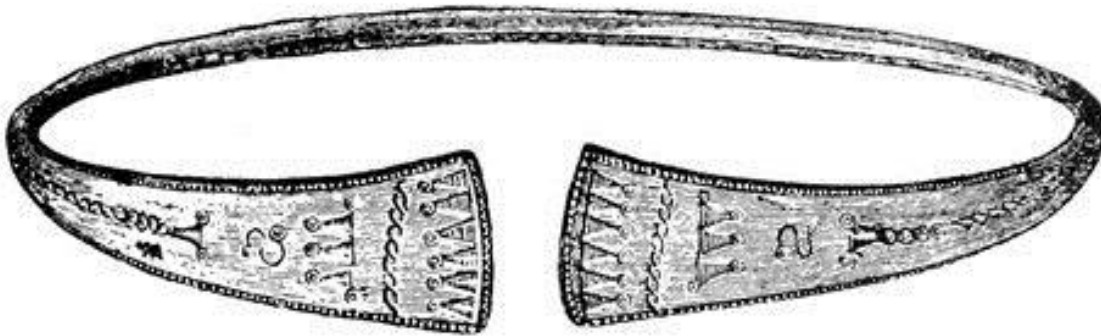

Рис. 1215.—Диадема из золота; вес чуть более 6 унций. $\frac{2}{3}$ реальный размер.—Гетланд.

Рис. 1216.

Рис. 1217.

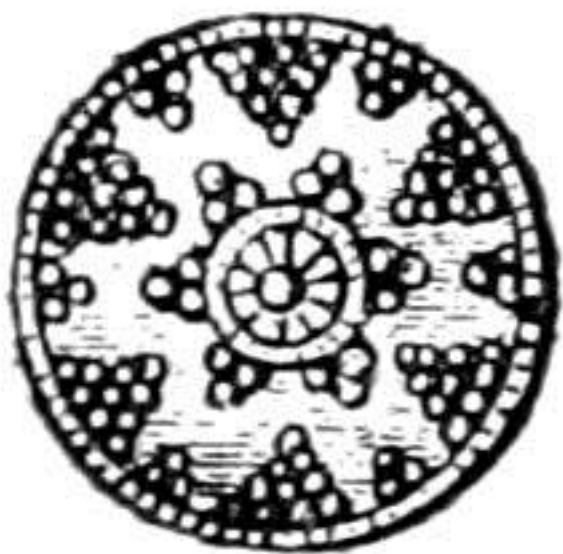

Рис. 1218.

Очарование золота, три разных вида. — Вестманланд.

Рис. 1219.—Золотая фигурка в натуральную величину.—Scania.

Рис. 1220.—Золотое кольцо на шею. $\frac{2}{3}$ реального размера. Найдено под большим камнем. Весит $11 \frac{1}{4}$ унции.—Норвегия.

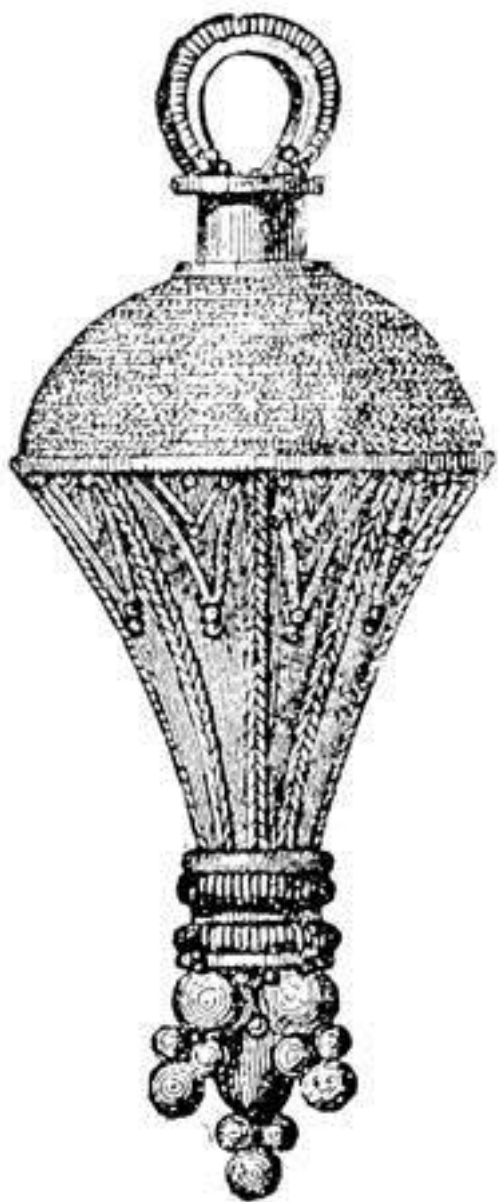

Рис. 1221.—Золотая подвеска, найденная в поле. Реальный размер.—Эланд.

Рис. 1222. — Шейное кольцо из почти чистого золота, являющееся частью одной из крупнейших находок золотых украшений, когда-либо сделанных в Швеции, которое весило более 27 фунтов; вес $2\frac{1}{2}$ фунта. $\frac{2}{3}$ реальный размер. — Thureholm, Södermanland, Sweden.

Рис. 1223.—Золотое ожерелье с брактеатом в центре. Найдено в кургане в Норвегии вместе с двумя золотыми кольцами. $\frac{3}{4}$ реальный размер.

Рис. 1224.—Серебряное ожерелье. $\frac{1}{2}$ реального размера.

Рис. 1225.—Подвеска на ожерелье, как видно снизу. Реальный размер. Найдено в кургане, в глубокой яме, сделанной специально, с фрагментом серебряной позолоченной фибулы, маленьким спиральным кольцом из золота, использовавшимся в качестве денег, пятью глиняными сосудами, стеклянной чашей, железными приспособлениями для двух деревянных ведер, одним рычажным балансиrom от глиняного веретена и т.д. —Норвегия.

Рис. 1226.—Реальный размер.

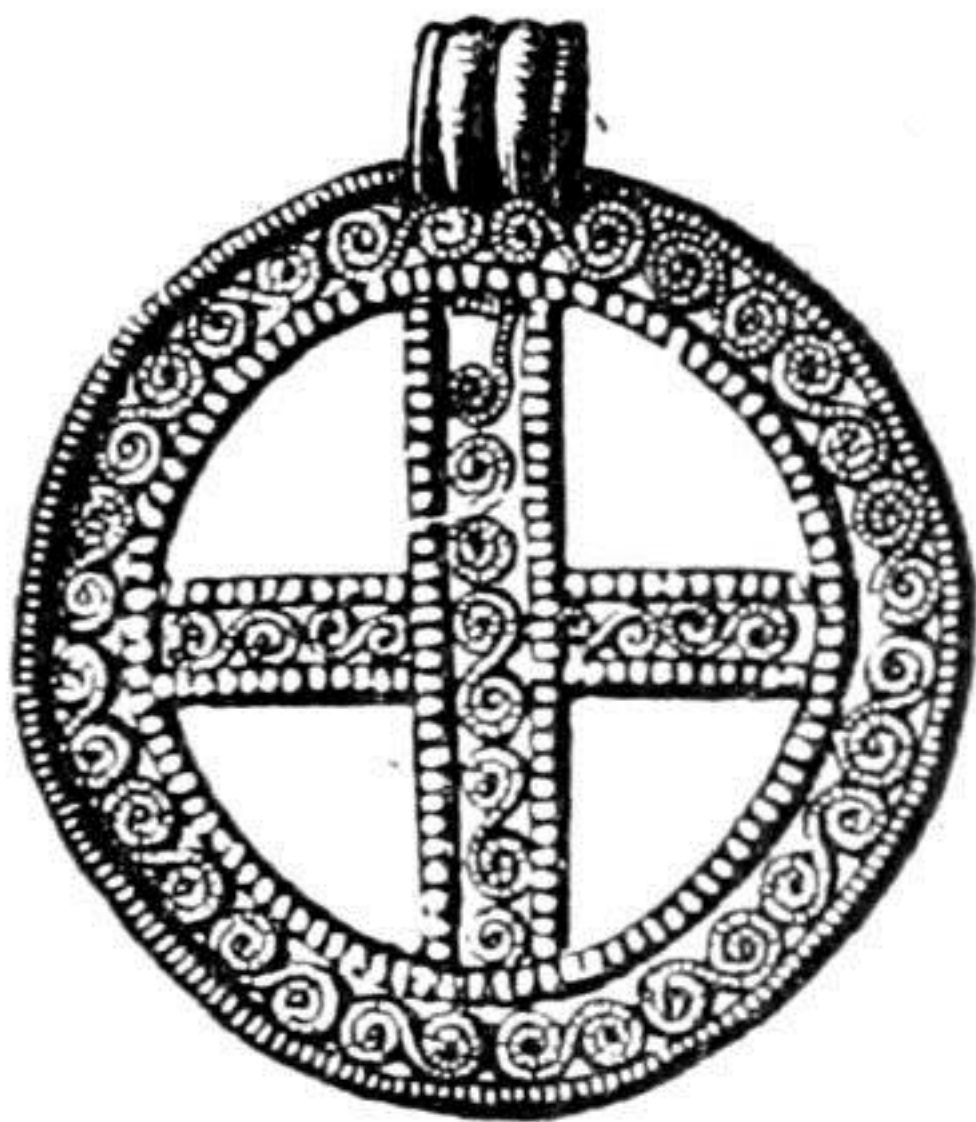

Рис. 1227.

Рис. 1228.

Рис. 1229.

Брактеаты золота, найденные вместе с другими брактеатами. $\frac{2}{3}$ реальный размер.—Норвегия.

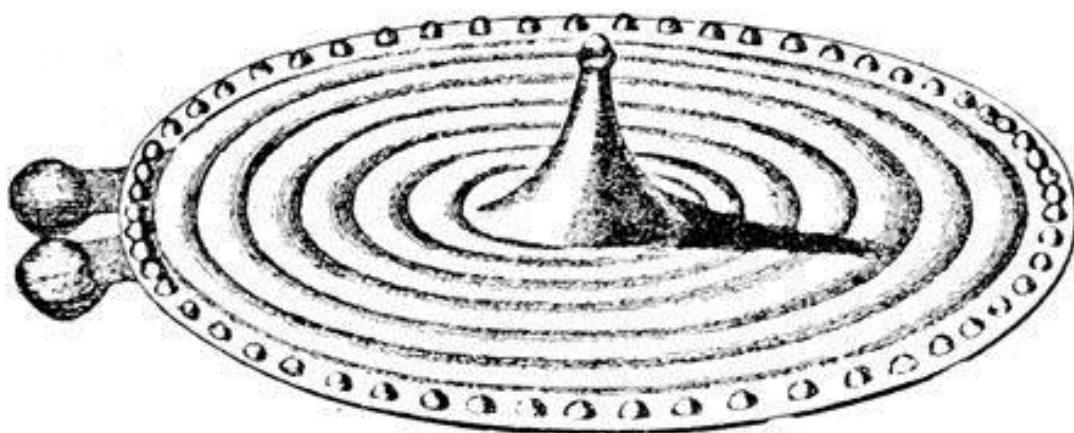

Рис. 1230.—Бронзовая малоберцовая кость, имеющая форму кургана; железный штырь разрушен ржавчиной.—Хельге, Смааланд. Коллекция Wittlock, Вексио. $\frac{1}{2}$ реального размера.

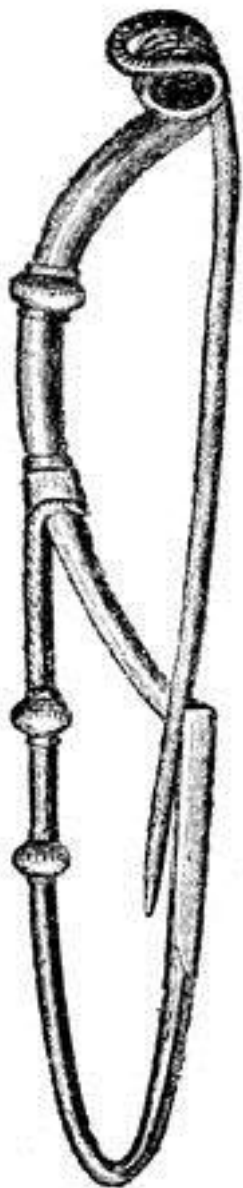

Рис. 1231.—Железная фибула, найденная вместе с обожженными костями в глиняной урне.—
Танум, Богуслан. $\frac{3}{4}$ реальный размер.

Рис. 1232.— Железная малоберцовая кость, найденная в каменном склепе рядом со скелетом, с глиняной вазой и железным мечом и т.д., и т.п., в Стора-Далби, Эланд. $\frac{2}{3}$ реальный размер.

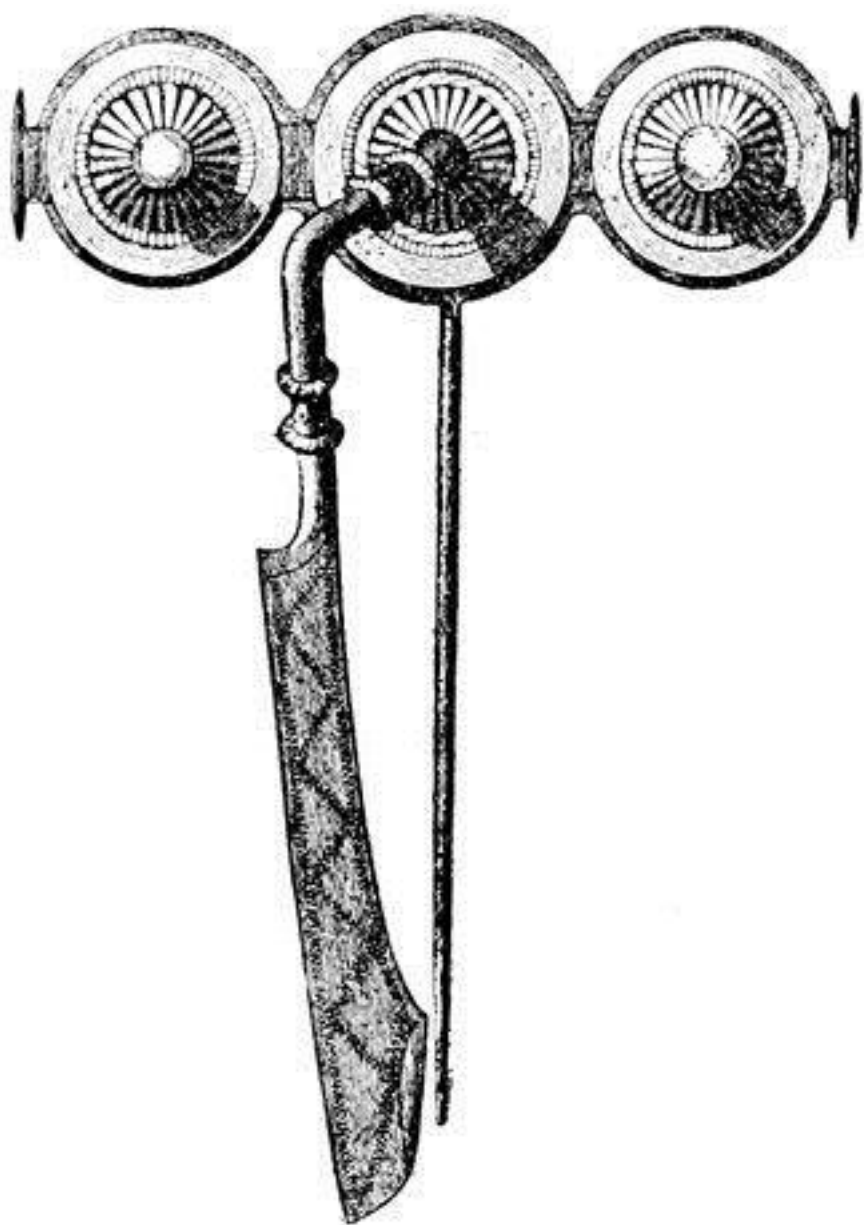

Рис. 1233.—Фибула из серебра, покрытая золотом, найденная в каменном гробу с сидящим скелетом. $\frac{3}{4}$ реальный размер.—Вестергетланд.

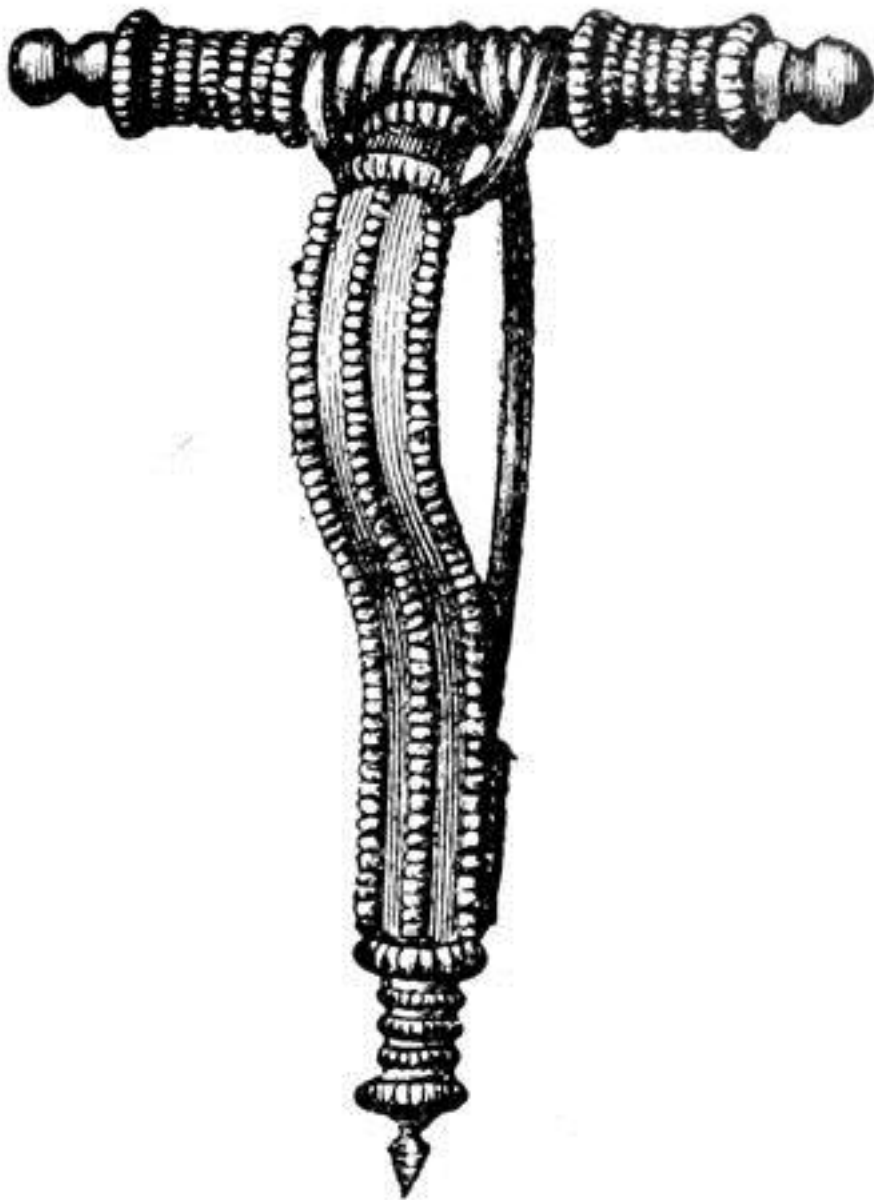

Рис. 1234.—Фibuла из серебра, покрытая золотом, найденная под камнем с несколькими стеклянными и серебряными бусинками. Коллекция капитана Ульфспарре, Стокгольм.—Гетланд. В натуральную величину.

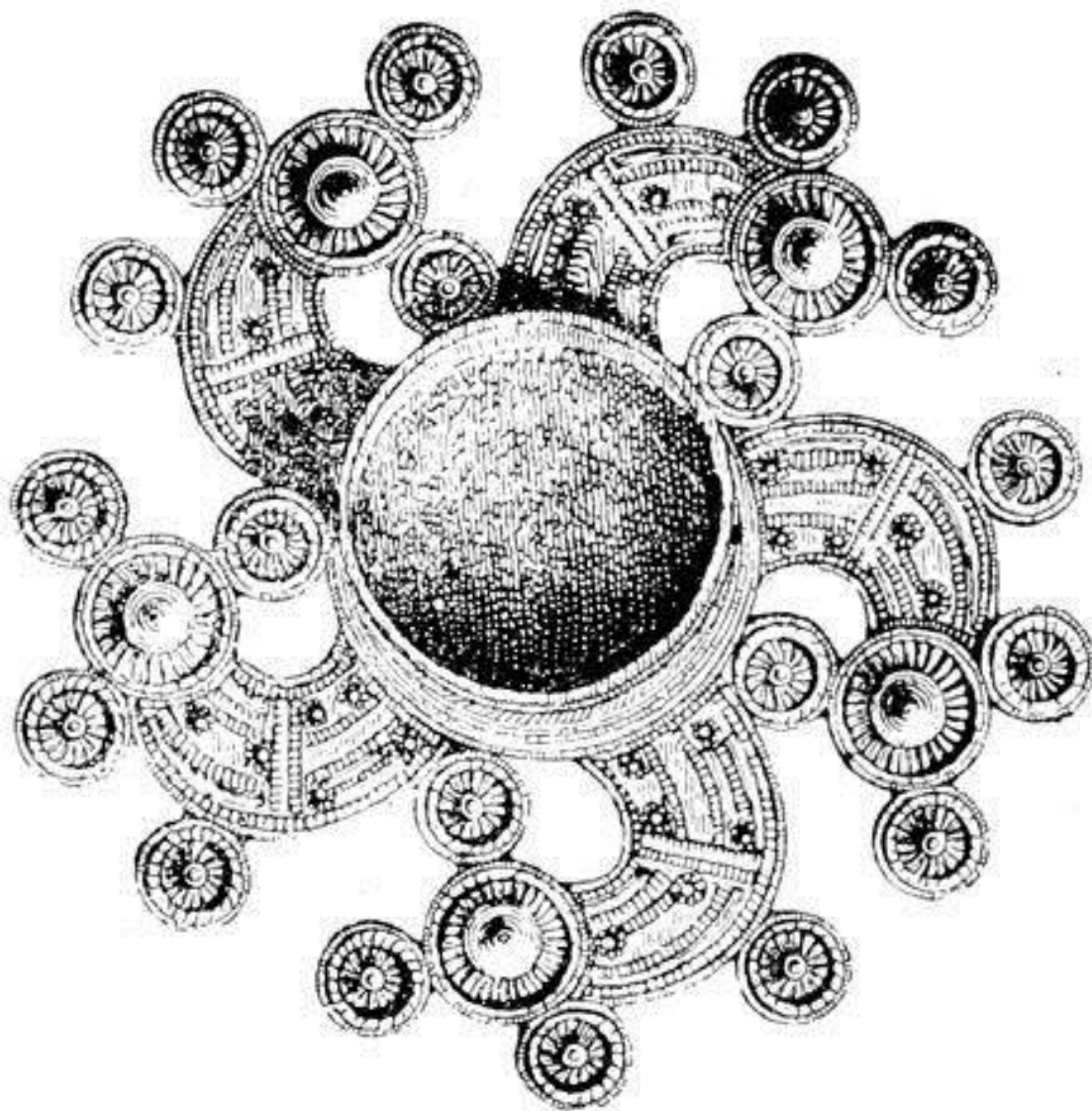

Рис. 1235.—Малоберцовая кость из бронзы, покрытая серебряной позолотой. $\frac{1}{2}$ реального размера. Найдено в большом погребальном помещении, построенном из плит, с бронзовым чайником, двумя глиняными урнами и т. Д. —Аак, Норвегия.

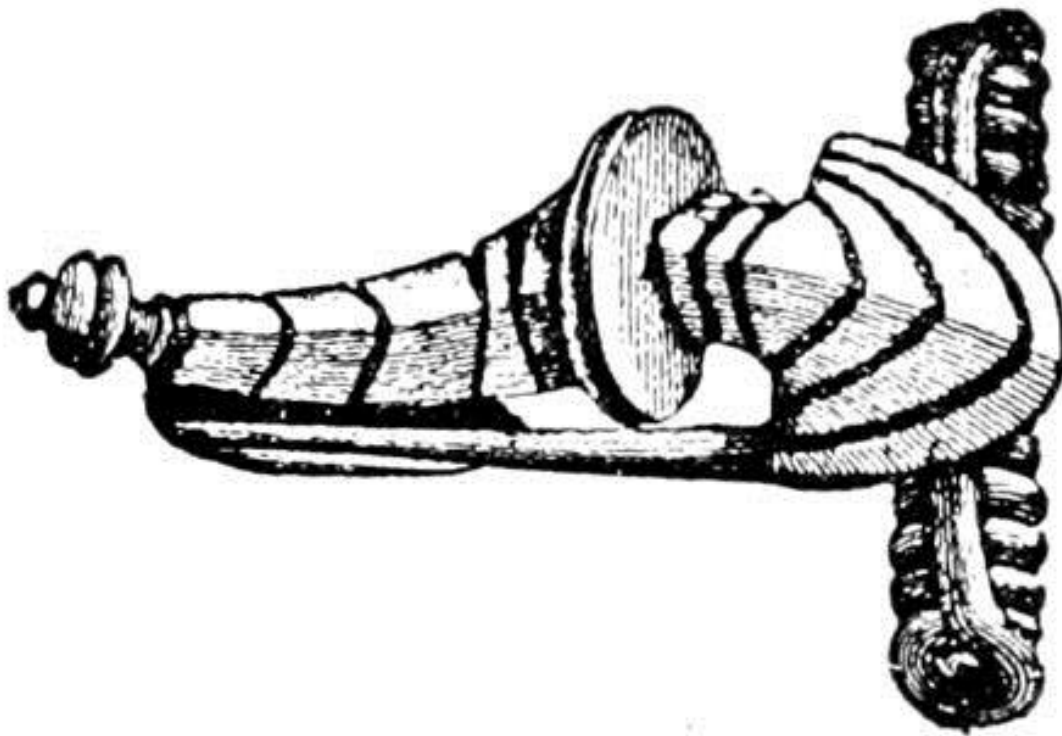

Рис. 1236.—Серебряная фибула, найденная в кургане вместе с золотым браслетом, позолоченным бронзовым кольцом, бронзовым ножом, разбитой урной и т.д. Реальный размер.—Норвегия.

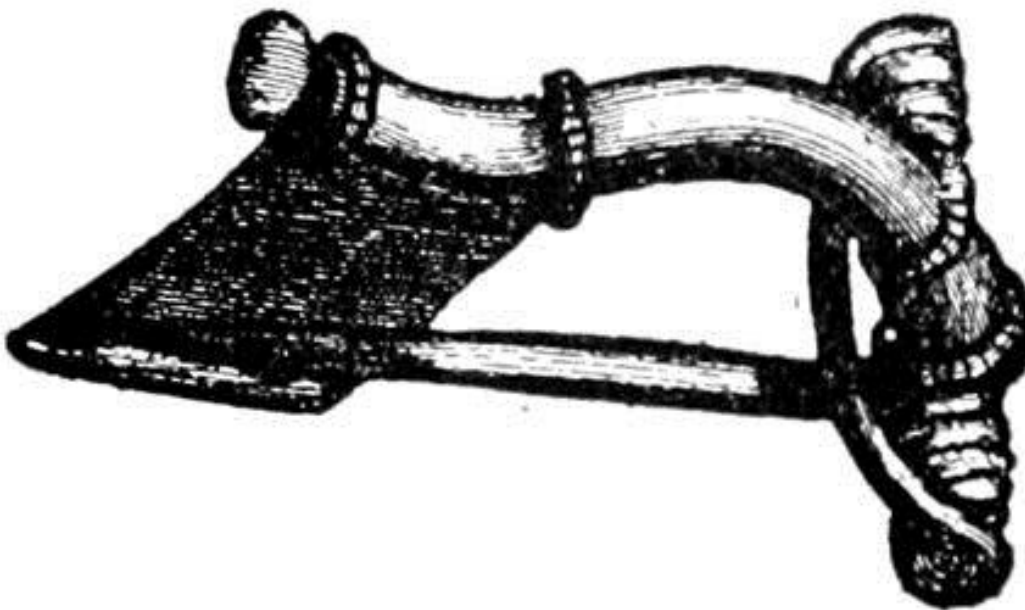

Рис. 1237.—Серебряная малоберцовая кость. В натуральную величину. В кургане с обгоревшими костями и древесным углем.—Норвегия.

Рис. 1238.—Малоберцовая кость из позолоченного серебра. $\frac{2}{3}$ реальный размер.—Scania.

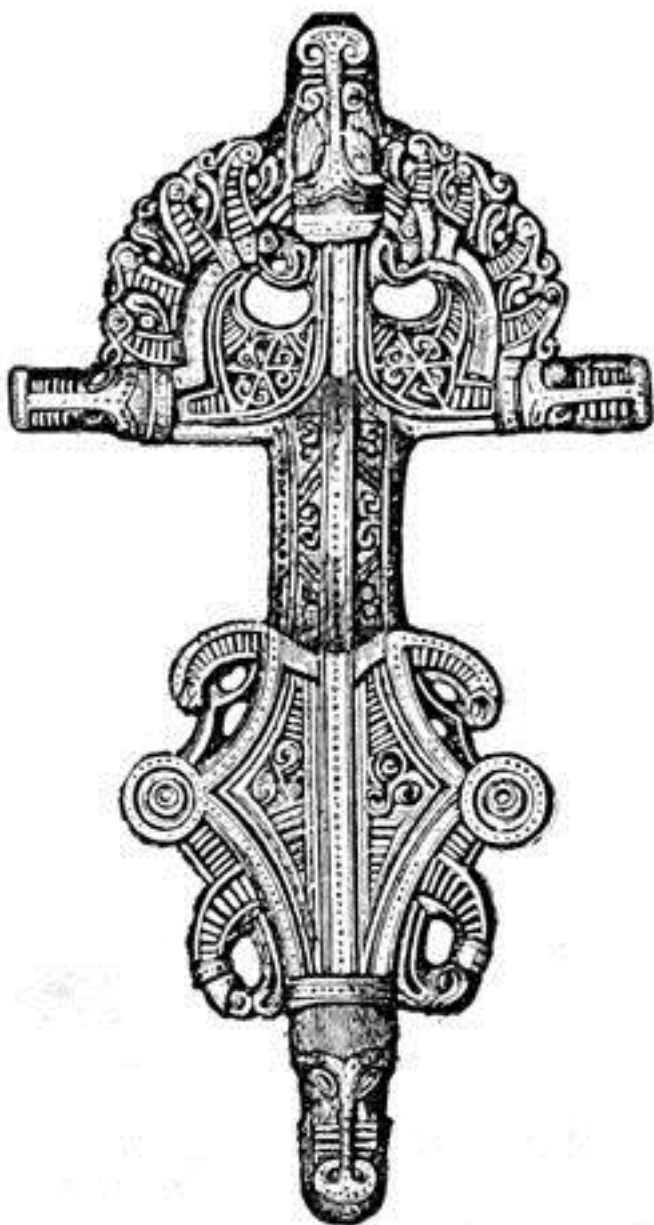

Рис. 1239.—Серебряная позолоченная малоберцовая кость в кургане. ½ реального размера.— Hagby, Öland.

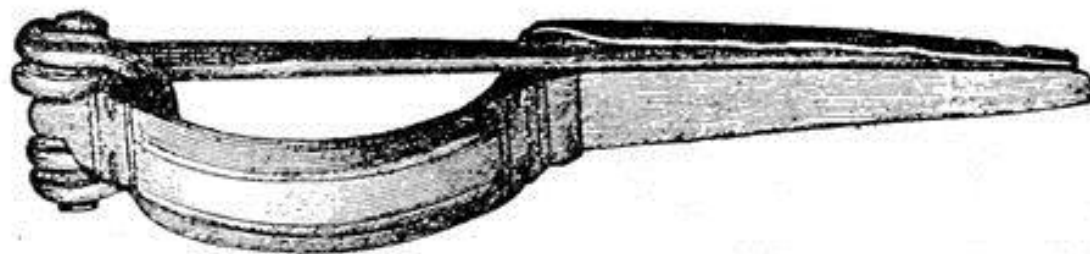

Рис. 1240.—Малоберцовая кость из бронзы. Настоящий размер, найден в кургане с деревянным ведром, украшенным бронзой, кусочками железных ножниц, плоским золотым кольцом и т. Д. — Недалеко от Ставангера, Норвегия.

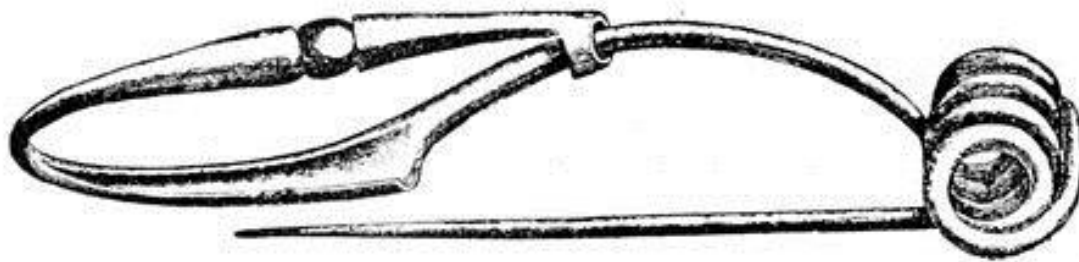

Рис. 1241.— Бронзовая фибула, найденная в глиняной урне с обожженными костями недалеко от границы кургана. Реальный размер.—Норвегия.

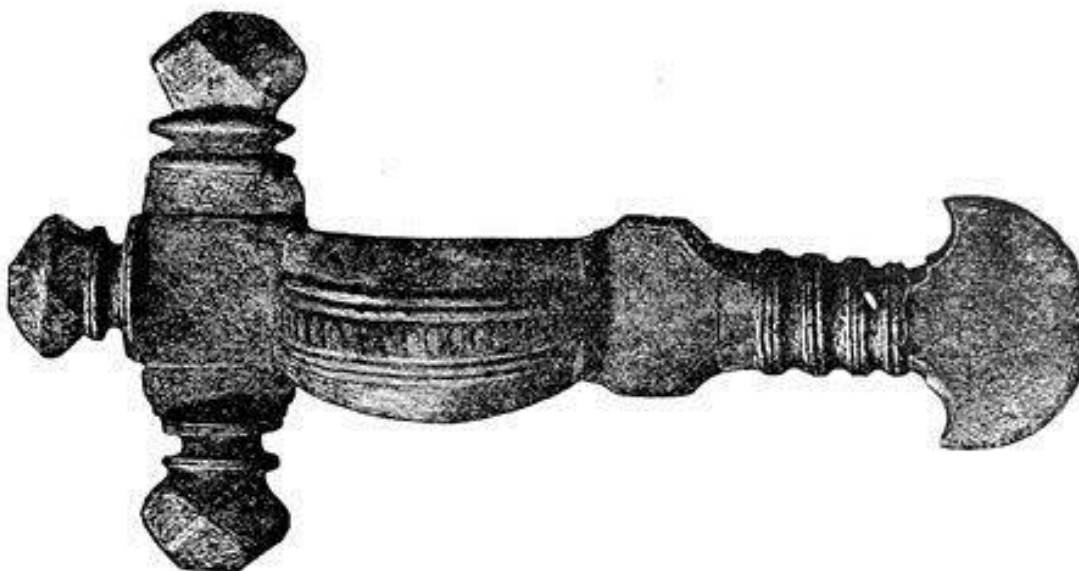

Рис. 1241А.—Малоберцовая кость из бронзы, инкрустированная серебром. В кургане находится выступ для щита, железный наконечник копья и стрелы, бронзовое кольцо для ремня и рукоятка ножа, а также кожаный пояс с орнаментом. $\frac{3}{4}$ реальный размер.—Норвегия.

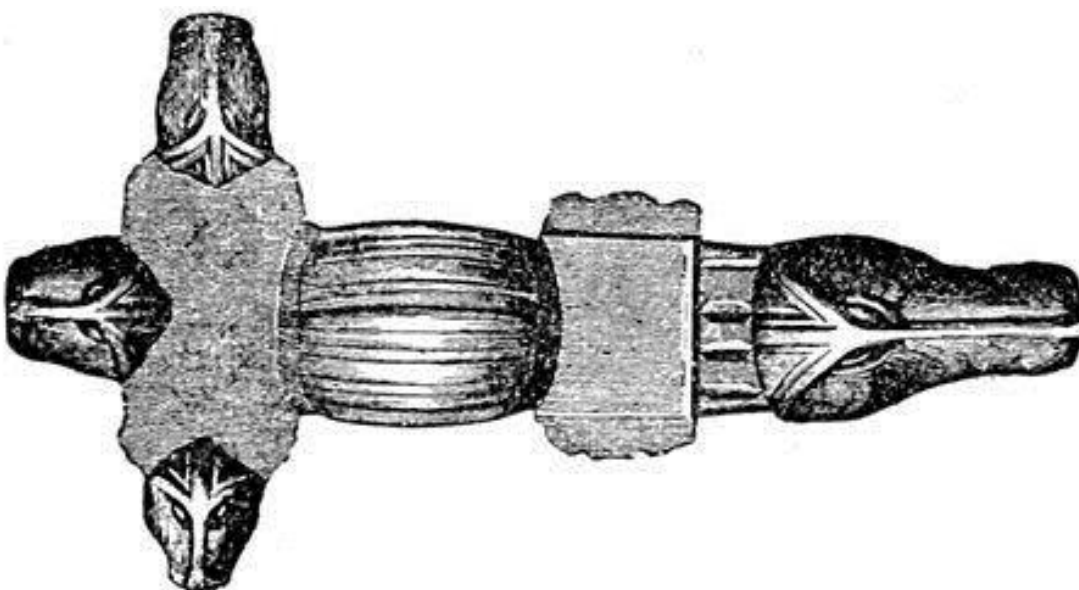

Рис. 1242.—Малоберцовая кость из бронзы. Место находки неизвестно. 3/7 в натуральную величину.—Норвегия.

Рис. 1243.—Бронзовая фибула, инкрустированная серебром, найденная в кургане вместе с тремя другими бронзовыми фибулами, пятнадцатью позолоченными пуговицами и т. Д. $\frac{2}{3}$ реальный размер.—Норвегия.

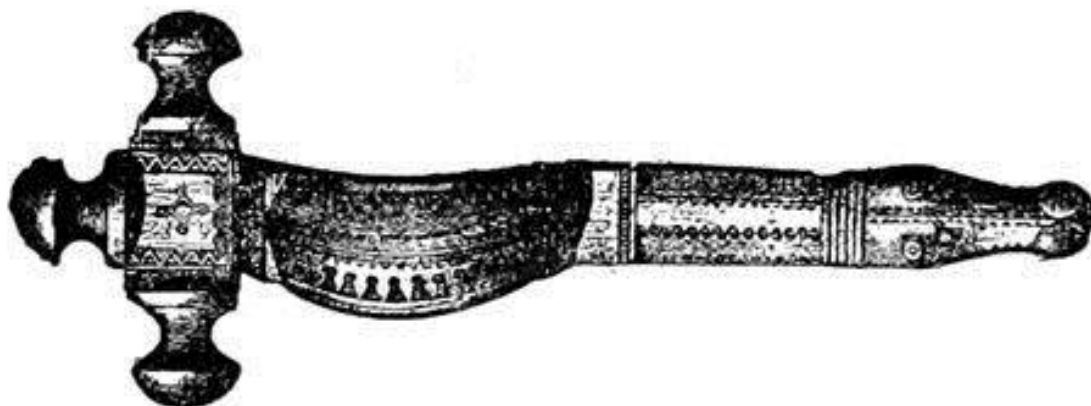

Рис. 1244.—Малоберцовая кость из бронзы, $\frac{1}{2}$ реального размера.—Нордланд, Норвегия.

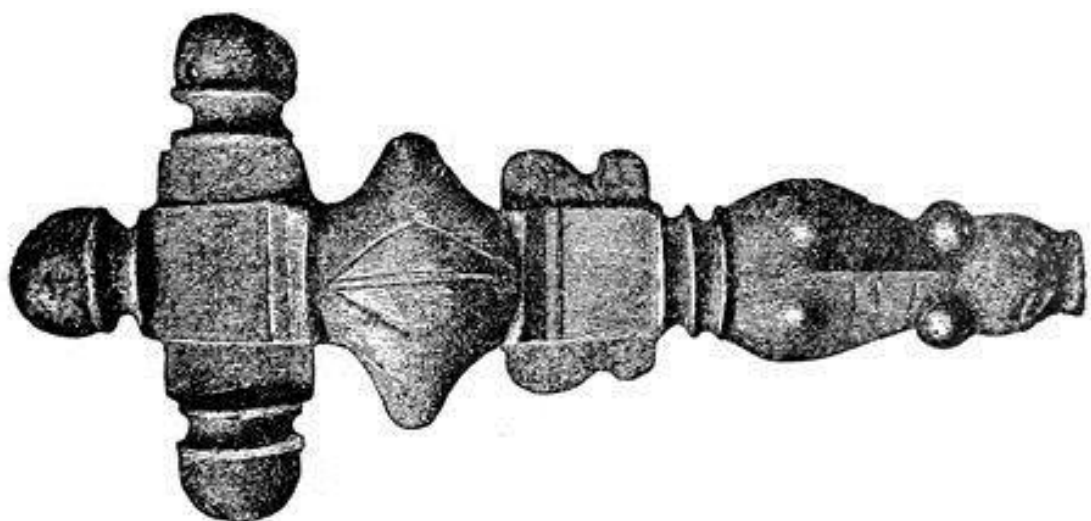

Рис. 1245.—Малоберцовая кость из бронзы в кургане. В кургане с другими малоберцовыми костями, серебряным кольцом и т.д. $\frac{2}{3}$ реальный размер.— Недалеко от Ставангера, Норвегия.

Рис. 1246.—Фibuла из позолоченного серебра. Наиболее выступающие плоские части - чернила. Тут и там много синих камней, некоторые скреплены золотом. размер $\frac{3}{4}$. Найден в кургане с тремя золотыми брактеатами, золотым спиральным кольцом, тремя маленькими серебряными фибулами того же типа с позолотой, бронзовым ключом, частями обоюдоострого меча, небольшим наконечником копья и т.д., несгоревшими костями и зубами коровы и других животных и т.д., А также небольшим количеством сожженного зерна (ржи).

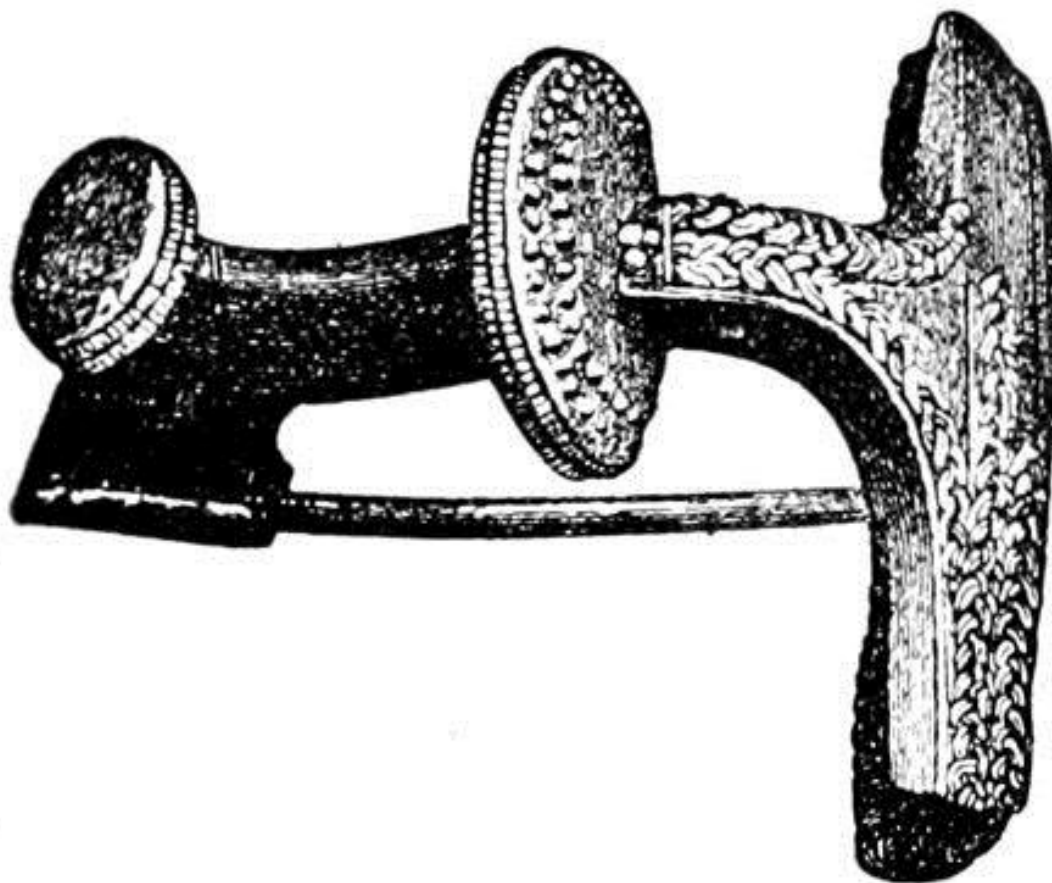

Рис. 1247. —Малоберцовая кость из бронзы, покрытая серебром, найденная вместе с бронзовым котлом, наполненным обожженными костями и накрытым плитой; золотая цепочка и спиральное кольцо. Реальный размер. —Норвегия.

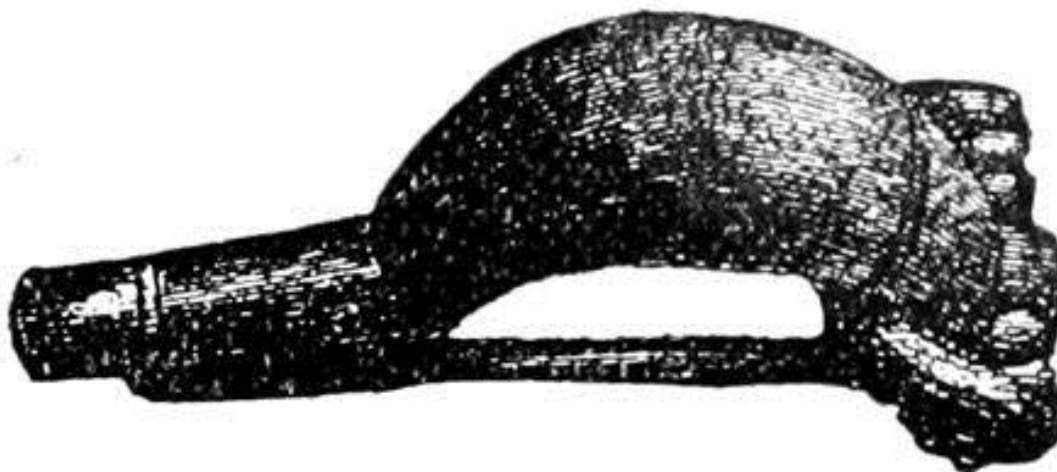

Рис. 1248.—Малоберцовая кость из бронзы. Реальный размер. Найдено в каменной погребальной камере с двумя глиняными урнами с обожженными костями, поясом, кольцом и т. Д. —Лединген, Норвегия.

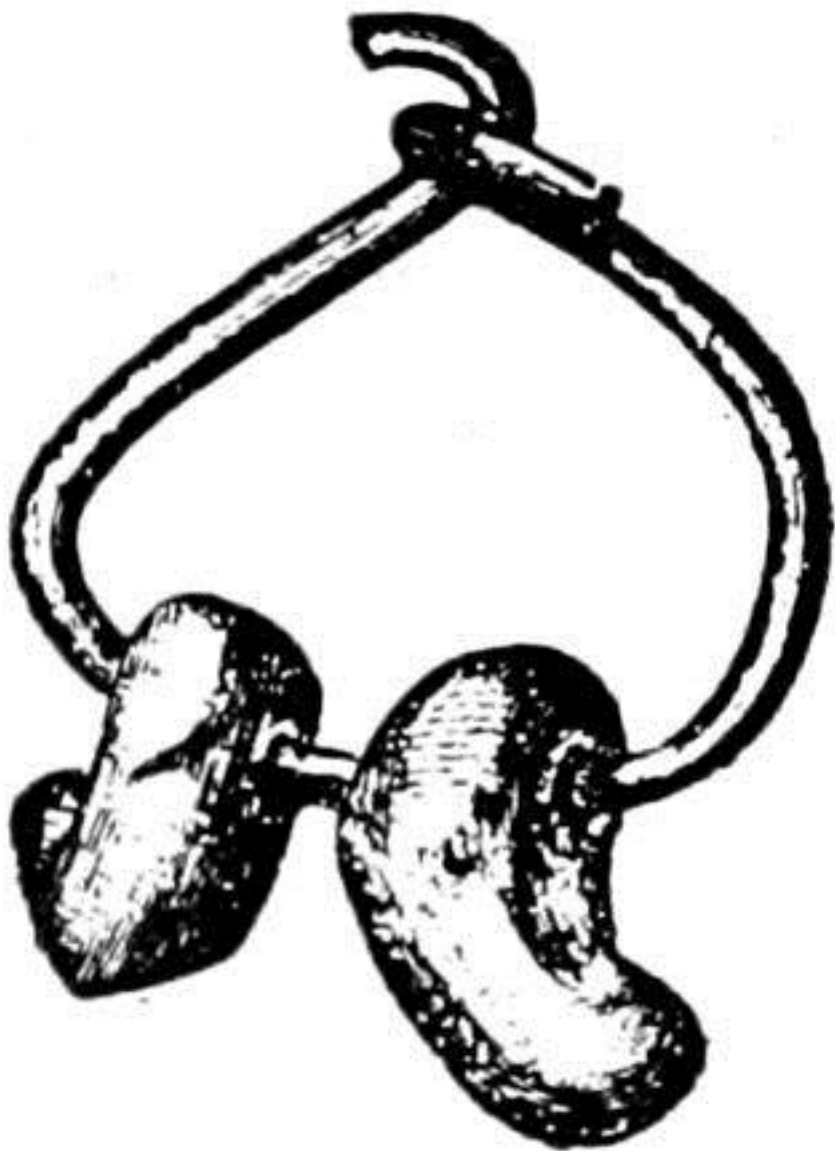

Рис. 1249.—Бронзовая серьга со стеклянными бусинами. Реального размера. Найдена в круглом кургане под бронзовым чайником, стеклянными бусинами и проч. В котелке были обгоревшие кости, и он лежал на подстилке из древесного угля и обожженной земли.—Норвегия.

Рис. 1250.—Фibuла из позолоченного серебра, частично черненная. $\frac{2}{3}$ реальный размер.— Норвегия.

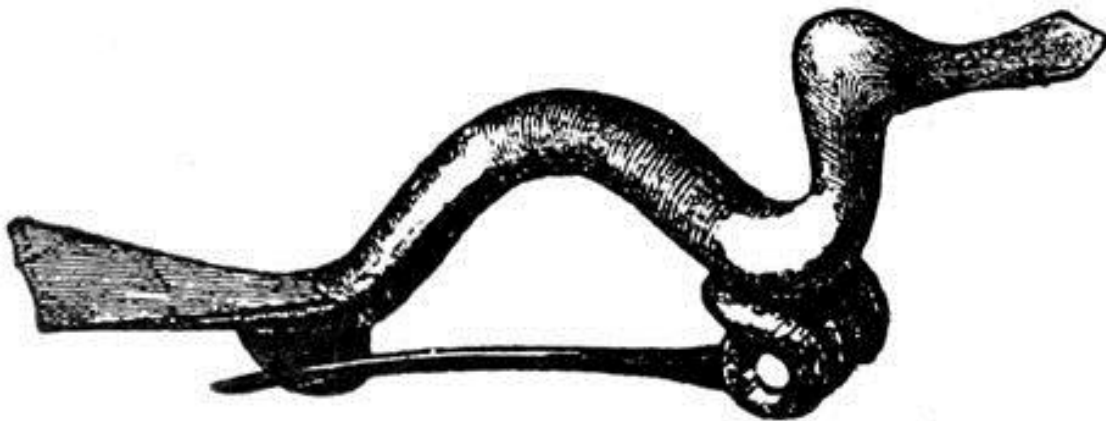

Рис. 1251.—Малоберцовая кость из бронзы. Реальный размер. Найдена при раскопках древнего кургана. Почти похожа по форме на фибулу, найденную в Камирусе, Родос. Не очень архаичная керамика.

Рис. 1252.—Малоберцовая кость, реальный размер.—Борнхольм, Дания.

Рис. 1253.—Малоберцовая кость, реальный размер.—Борнхольм, Дания.

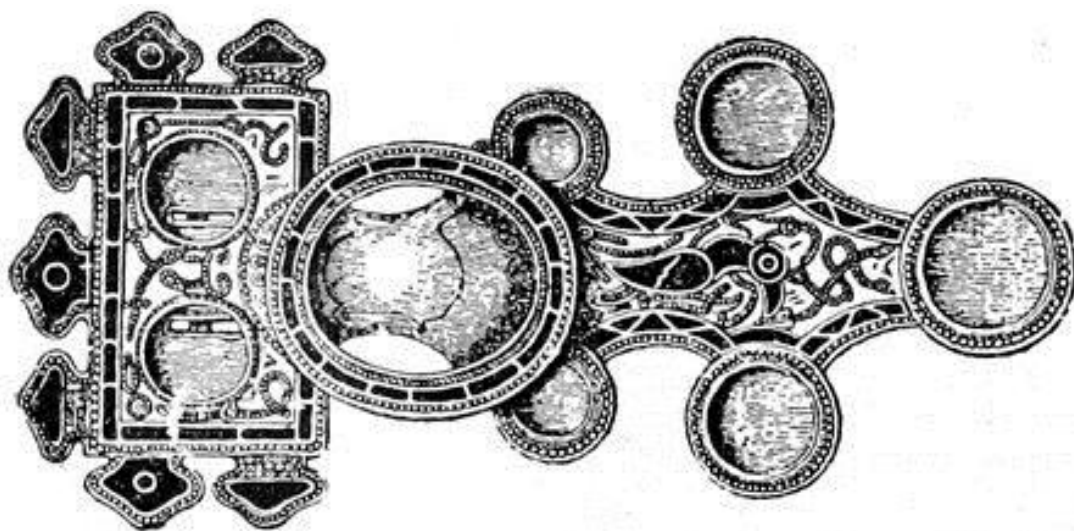

Рис. 1254.—Малоберцовая кость, покрыта золотом, металла осталось совсем немного. Реальный размер.—Южная Ютландия.

Рис. 1255.—Пряжка ремня из серебра и бронзы, украшенная гранатами *enchassé*. Реальный размер. Ранний железный век.—Норвегия.

Мужчины и женщины любили украшать себя драгоценностями и изделиями из золота;^[223] украшения для обоих полов, похоже, были чем-то похожи; кольца, браслеты, фибулы (использовались для скрепления на правом плече концов плащей), броши, застёжки и пряжки, булавки, крючки, подвески на шею, брактеаты, наиболее распространены были диадемы, ожерелья, бусы из серебра, золота, стекла и т. Д., А также золотые кольца, которые носили на ногах.

Многочисленные иллюстрации драгоценных камней и орнаментов, встречающиеся на страницах этого труда, демонстрируют вкус людей и различные формы, которые они носили даже в очень ранние времена.

Золоту поэты дали много образных названий, которые происходят либо из мифов, либо из истории народа и которые часто показывают в своих метафорах различные способы применения золота: — Огонь руки; маяк на ястребином седле (запястье); огонь на верхушке мачты и т. Д.

Некоторые кольца и ожерелья были настолько замечательной работы, что имели особые названия, а их слава была известна повсюду. Среди наиболее известных колец были *Свиагрис*,^[224] *Драупнир* и *Хнитуд*; а среди ожерелий Фрейи - *двергар*.

“Ульф Рыжий всегда проводил середину зимы с королем Олавом. Ульф принес королю много драгоценных вещей, которые приобрел летом. И одно золотое кольцо, которое он получил, называлось *Хнитуд* (сваренное). Оно было сварено в семи местах. Оно было из гораздо лучшего золота, чем другие кольца. Это кольцо было подарено Ульфу бонди по имени Лодмунд” (Так звали Норну Гест).

Часто упоминаются бусы.

Барди, хороший чемпион, собирался на бой, и когда его приемная мать ушла от него, она достала из-под рубашки большое ожерелье из бусин и надела ему на шею поверх рубашки.^[225]

Торбьерн бросился на Барди и ударил его по шее; раздался очень громкий треск; удар пришелся по бусине в ожерелье, которая сдвинулась, когда Барди отдавал свой нож сыну Няля. Бусина разлетелась на части, и с обеих сторон ожерелья хлынула кровь, но Барди не был ранен. Торбьерн сказал: “Ты трелл, потому что железо не кусает тебя” (Вига-Стыр и Хайдарвига, с. 23).

К более поздним векам периода викингов броши, фибулы и т. Д. Становятся грубыми и тяжелыми.

Рис. 1256.—Фибула из бронзы, украшенная золотом и серебром.

Рис. 1257.—Малоберцовая кость из бронзы, $\frac{2}{3}$ реального размера.—Зеландия, Дания.

Рис. 1258.—Малоберцовая кость из бронзы, $\frac{2}{3}$ реального размера.—Бьорнхофда, Эланд.

Рис. 1259.—Фibuла из позолоченной бронзы, украшенная бивнем моржа и гранатами (поздний железный век). $\frac{3}{4}$ реальный размер.—Otemar's, Гетланд.

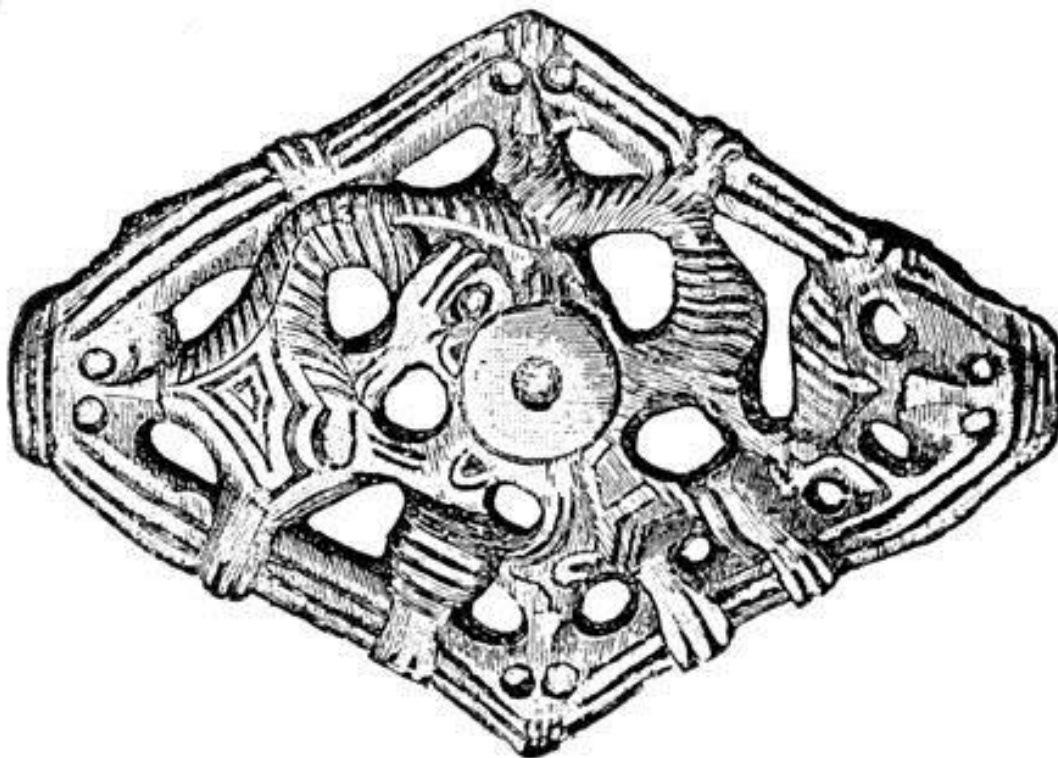

Рис. 1260.—Бронзовый орнамент с позолотой, найденный со стеклянными бусами, фрагментами топора, наконечников копий и стрел и т.д., и т.п. Реальный размер.—Норвегия.

Рис. 1261.—Браслет из массивного золота, размером в $\frac{3}{4}$ реального, найден на поле в Валлакре, Скания.

Рис. 1262.—Серебряная малоберцовая кость, $\frac{1}{2}$ реального размера, филигранной работы с кольцом для цепочки.—Эланд.

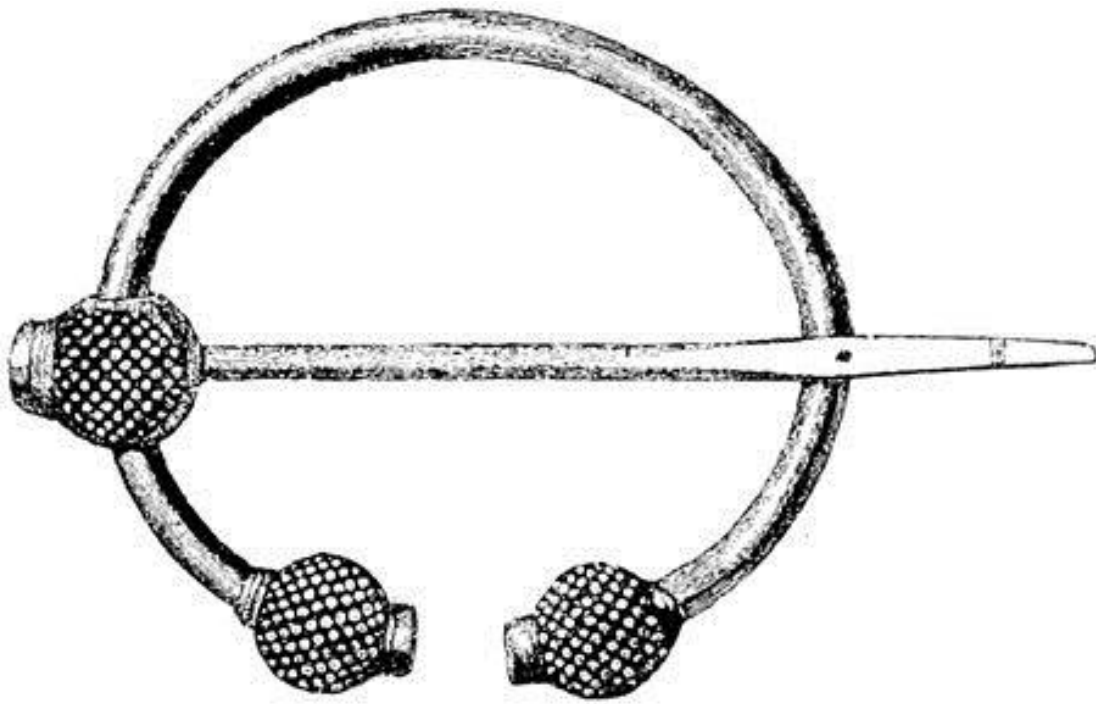

Рис. 1263.—Серебряная пряжка; $\frac{1}{3}$ реального размера; вес $13\frac{1}{2}$ унции.—Бьоркос, приход Танум, Богуслан.

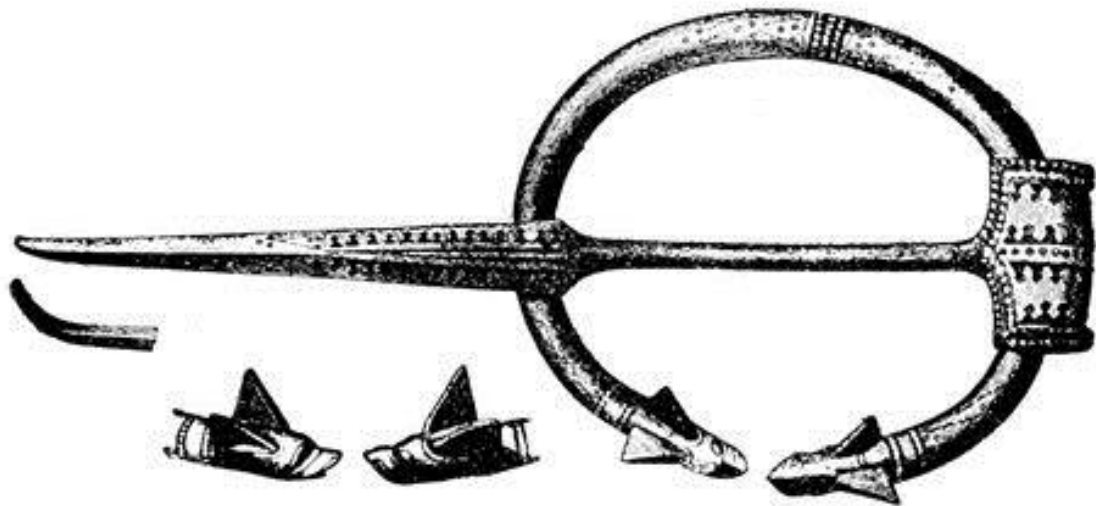

Рис. 1264.—Серебряная пряжка; $\frac{2}{3}$ реального размера; вес 9 унций; найдена в 1739 году.—Вибле, Гетланд.

Рис. 1265.—Серебряная цепочка с молотом Тора. $\frac{1}{2}$ реального размера.—Bredsättra, Öland.

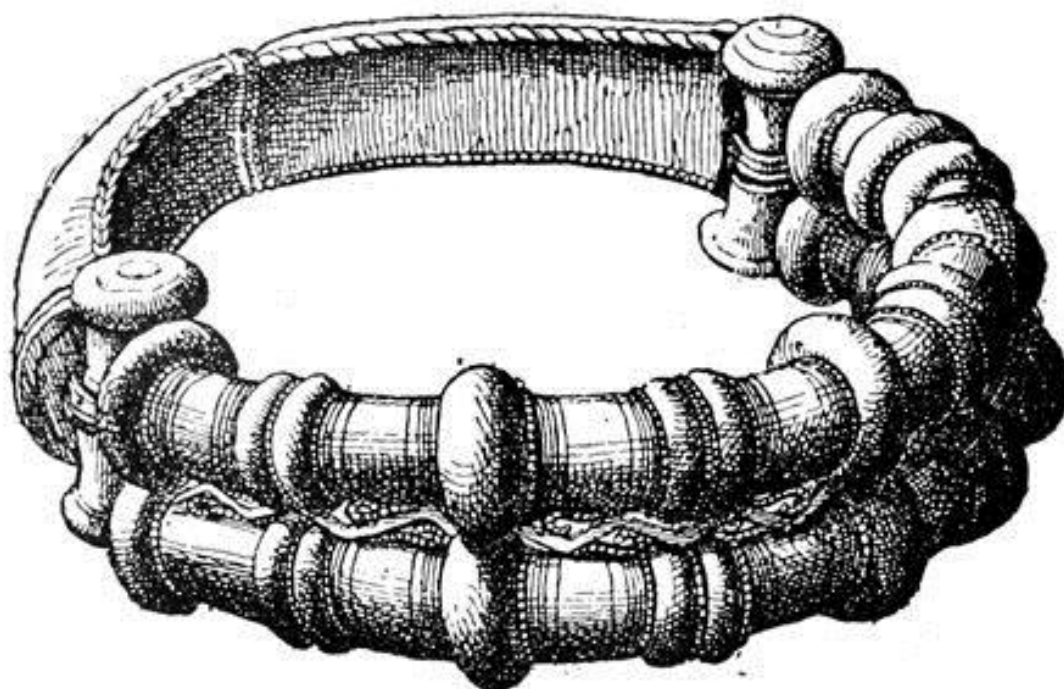

Рис. 1266.—Золотой браслет реального размера. Средний железный век.—Гудме, Свендборг, Амт.

Рис. 1267.—Янтарные бусины, $\frac{1}{2}$ настоящего размера.—Дания.

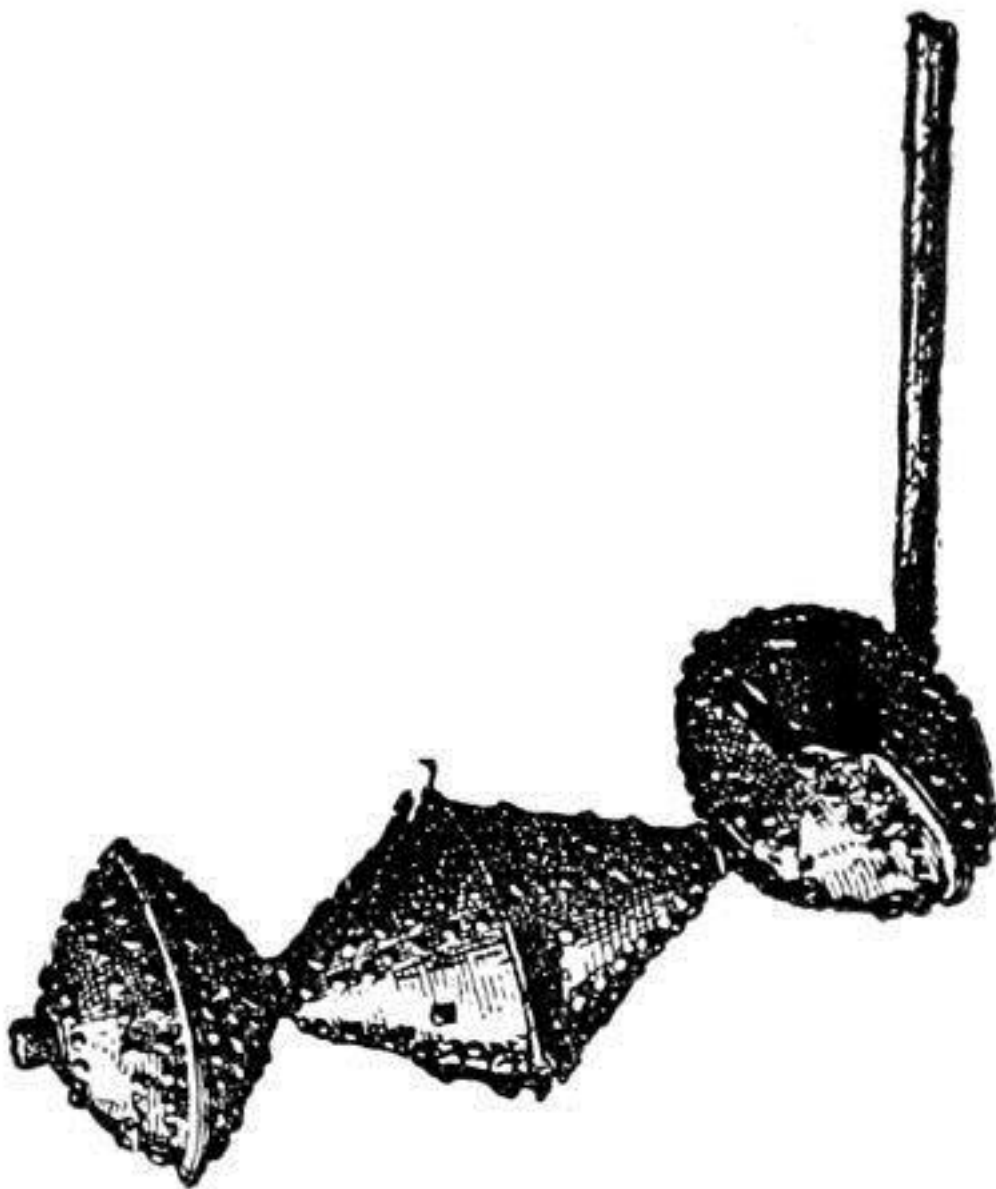

Рис. 1268.—Золотая бусина, $\frac{2}{3}$ реального размера.—Дания.

Рис. 1269. Серебряное украшение в натуральную величину, найденное в могильном кургане, с большим запасом, состоящим из двух шейных колец, пяти браслетов, двух колец для пальцев, двух фибул и т. Д., Из серебра, трех подвесных украшений из бронзы, одно из которых представляет человеческое лицо, трех серебряных и четырнадцати стеклянных бусин и т. Д., и т. д. Раннего железного века.—Приход Тунца, Хельсингланд, Швеция.

Рис. 1270.—Серебряная брошь. $\frac{2}{3}$ настоящий размер. Найдена в кургане. Могильная камера была около 13 с половиной футов в длину, 3 фута в ширину и высоту, сделана из плит и облицована дубовыми досками и берестой. Были найдены остатки нескольких других брошей, большой бронзовый сосуд с тремя ручками, остатки позолоченной серебряной фибулы и две маленькие серебряные фибулы. Ранний железный век.

Рис. 1271.— Фibuла, украшенная филигранной работой и серебряной цепочкой; длина 10½ дюймов. Найден в поле в Экелунде, Эланд.

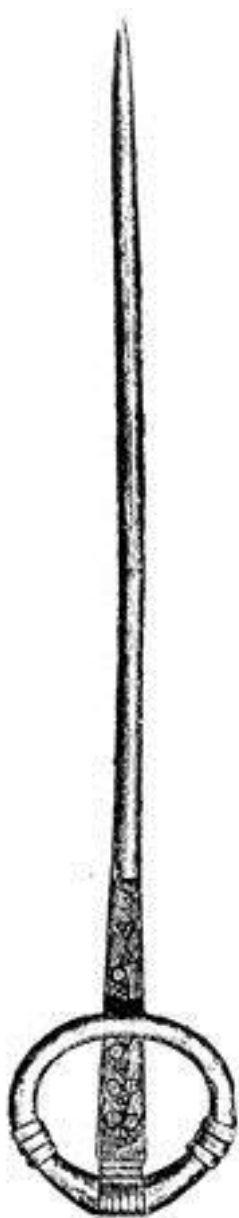

Рис. 1272.—Бронзовая булавка. ½ реального размера.—Aronstorp, Öland.

ГЛАВА XIX. БРАКТЕАТЫ.

Золотые брактеаты —Особенности их рисунка—Мистические и символические знаки—
Более ранние руны—Брактеат Вадстена—свастика, трискеле и триада.

Среди самых любопытных и красивых украшений, обнаруженных на севере, - золотые брактеаты, которые встречаются в большом количестве, но редко встречаются в могилах, и которые использовались, как мы можем видеть по прикрепленной к ним петле, как украшение для ношения на шее; вероятно, они считались защитными амулетами и использовались храмовыми жрецами в религиозных церемониях.

Они образуются путем тиснения на диске, а золото чрезвычайно тонкое. Своеобразие их рисунков и мистических и символических знаков, которые на них используются, таких как *свастика*, *трискела*, *крест*, *триада* из точек, птиц, змей и т. Д., Особые формы животных и головные уборы людей, очень примечательны; а знак в форме буквы S, встречающийся также на предметах бронзового века, делает их особенно интересными.

Мы должны с большой осторожностью отнестись к толкованию этих знаков некоторыми археологами, которые пытались разгадать их значение и приняли *свастику* за знак Тора, поскольку этот знак был найден в Греции Шлиманом и другими антикварами; *трискела*, или триада с точками, означает Одина, Вили, Ве или Одина, Хенира и Леда; птицы - вороны Одина; человеческие головы - изображения бога, либо о Торе, Одине, либо о Фрейре; животными будут козел Тора и конь Одина, Слейпнир. Я думаю, нет сомнения в том, что изображения со священными знаками и фигурами на них имели какое-то особое значение; но что они на самом деле означали, остается загадкой, которая до сих пор не разгадана.

Рис. 1273.—Брактеат — с головой человека и рогатым животным внизу —найден в Хельсингборге, Швеция.

Рис. 1274.—Брактеат — с головой человека в шлеме и рогатым животным — найден в Рафлунде, Скания, Швеция.

Рис. 1275.—Брактеат—конь (?), очевидно, нагруженный сокровищами, вероятно, конь *Грани*, упомянутый в Саге о Вельсунгах, — найден в Эскаторпе, Халланд, Швеция.

Рис. 1276.—Брактеат—воин с копьем, двурогим животным и рунами, найденный в Зеландии, Дания.

Рунические символы, выбитые на этих украшениях, показывают, что они были родом с севера и принадлежали народу, пишущему рунами.

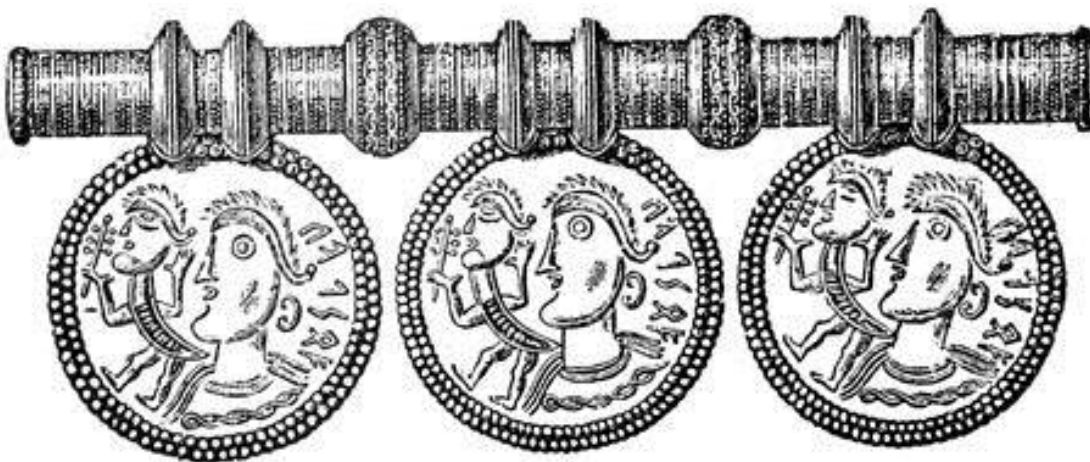

Рис. 1277. Брактеаты, составляющие часть ожерелья, найденного в Факсе, Съелланд, Дания. Реальный размер.

Рис. 1278.—Брактеат—голова человека с символическими знаками, рука и т.д.—Лолланд, Дания. Реальный размер.

Рис. 1279.—Брактеат—человек, двурогое животное и руны — в Стокгольмском музее.
Реальный размер.

Брактеаты.

Рис. 1280.—Реальный размер.—Scania.

Рис. 1281.—Реальный размер.—Scania.

Рис. 1282.—Реальный размер.—Зеландия.

Рис. 1283.

Рис. 1284.—Реверс.

Римская золотая монета (Валентиниан) реального размера, найденная вместе с фрагментами бронзового сосуда, стеклянные бусины и др.—Норвегия.

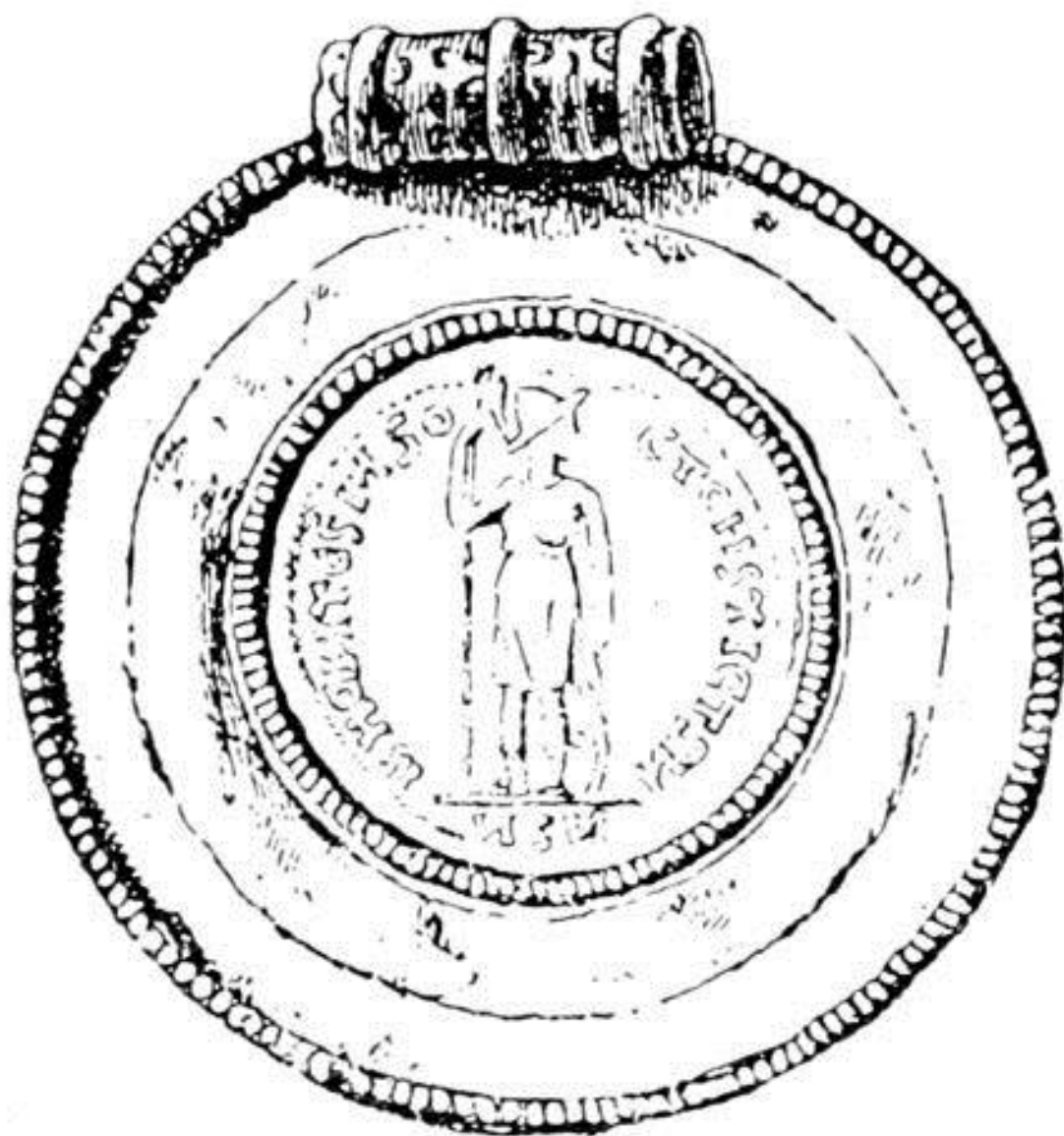

Рис. 1285.

Рис. 1286.—Реверс.

Имитация римской золотой монеты реального размера, найденная в кургане с древесным углем, золотыми украшениями, стеклянными и янтарными бусами и т.п. —Норвегия.

Рис. 1287.—Брактеат из Легстера, Ютландия. Реальный размер. На нем изображены знаки креста и *трискеле*, а также две птицы, которые напоминают Сагу о Сигурде Фафнисбани, или Одине и его воронах. Похожий экземпляр с двумя птицами был найден в Вестергетланде.

Рис. 1288.—Брактеат. Южная Ютландия. Воин, птица, олень или лошадь и точки. Реальный размер.

Из сотен брактеатов^[226], которые были обнаружены, большое количество было найдено вместе; а те брактеаты сходной конструкции, которые, очевидно, были отчеканены из одной и той же матрицы, иногда находят в регионах, удаленных друг от друга. Брактеаты со специфическими мистическими знаками, перечисленными выше, полностью исчезают к 600 году, и хотя брактеаты все еще встречаются, они имеют совершенно другой рисунок; поскольку брактеаты с изображениями драконов, змей и т. Д. Относятся к гораздо более позднему периоду.

Многие из этих рисунков, возможно, представляют деяния великих героев, о которых рассказывается в древних песнях, например, сцена на золотом брактеате, найденном под алтарем в древней деревянной церкви прихода Гудсдал Троен в Гудбрандсдале, Норвегия, на которой закованный в доспехи воин верхом на коне сражается с драконом. Чистота их золота столь же замечательна, как и мастерство изготовления.

Рис. 1289.—Брактеат. В натуральную величину.—Блекинге, Швеция.

Рис. 1290.—Брактеат. Реальный размер.—Вестергетланд, Швеция.

Рис. 1291.—Брактеат с руническим алфавитом.—Вадстена, Швеция. Реальный размер.

Самый важный найденный брактеат - один из двух, обнаруженных недалеко от маленького городка Вадстена на реке Веттерн в Швеции. По краю на нем есть надпись более ранними рунами, которая, очевидно, должна читаться справа налево. Ученые, изучавшие руны, установили, что, за исключением первого восьмеричного деления, они представляют собой рунический алфавит в его самой ранней форме, причем из-за нехватки места отсутствует только буква D.

Рис. 1292. —Брактеат, Люнгбю, Ютландия, изображающий человека с двурогим животным, окруженным *свастикой*, *трискелами* четырьмя точками, образующими крест, круг из человеческих голов и круг из животных. Реальный размер.

Рис. 1293.—Брактеат в музее Копенгагена. Воин с мечом, сражающийся с животными. Реальный размер.

Рис. 1294.—Брактеат, найденный в Хиттердале, Норвегия, со *свастикой* и точками на нем. Голова воина со шлемом, закрывающим лицо, и короной над шлемом. Реальный размер.

Рис. 1295.—Брактеат, найденный в Рафлунде, Скания. Треугольник голов. Реальный размер.

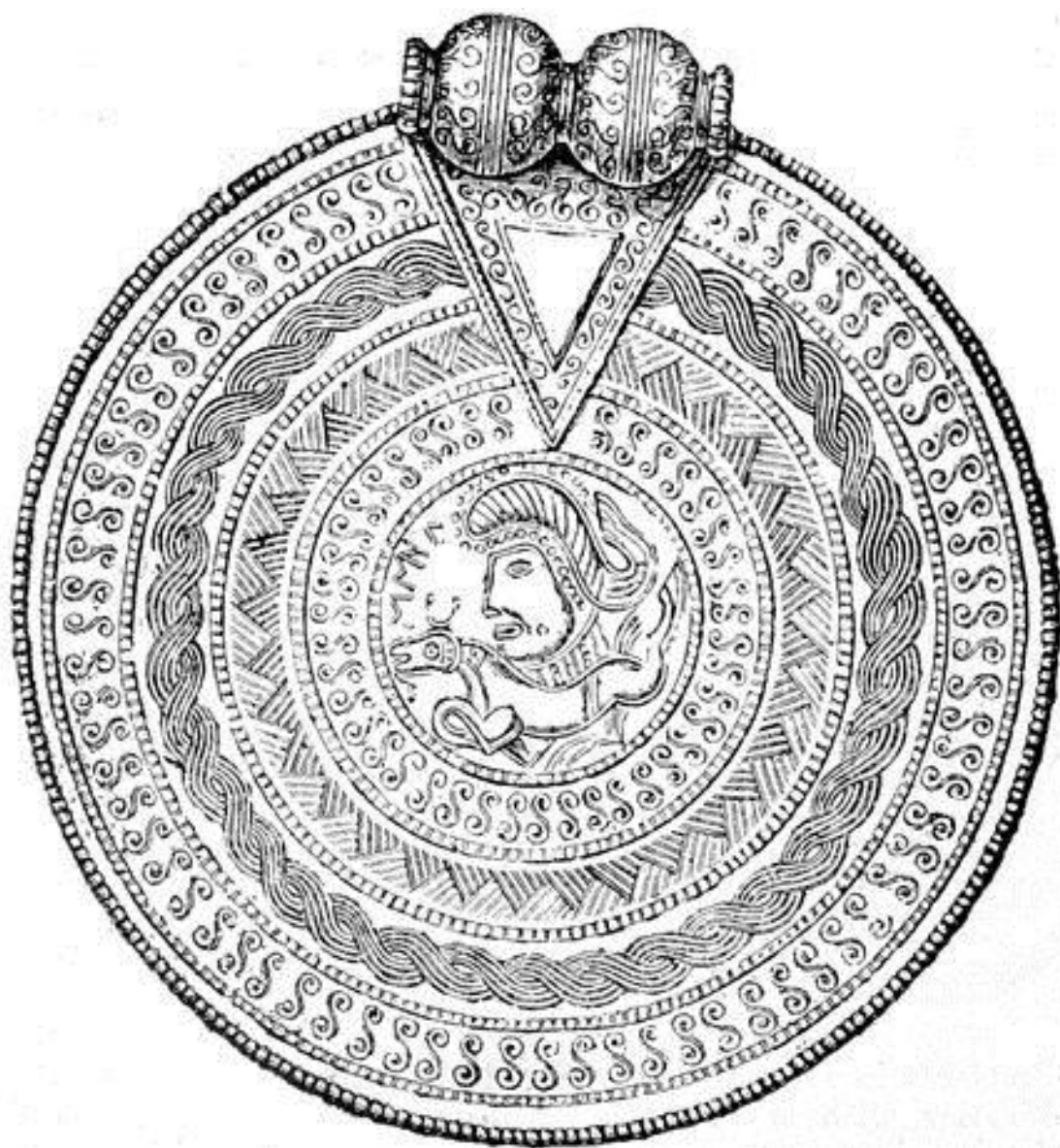

Рис. 1296.—Брактеат; место находки неизвестно. Реальный размер.—Стокгольмский музей.

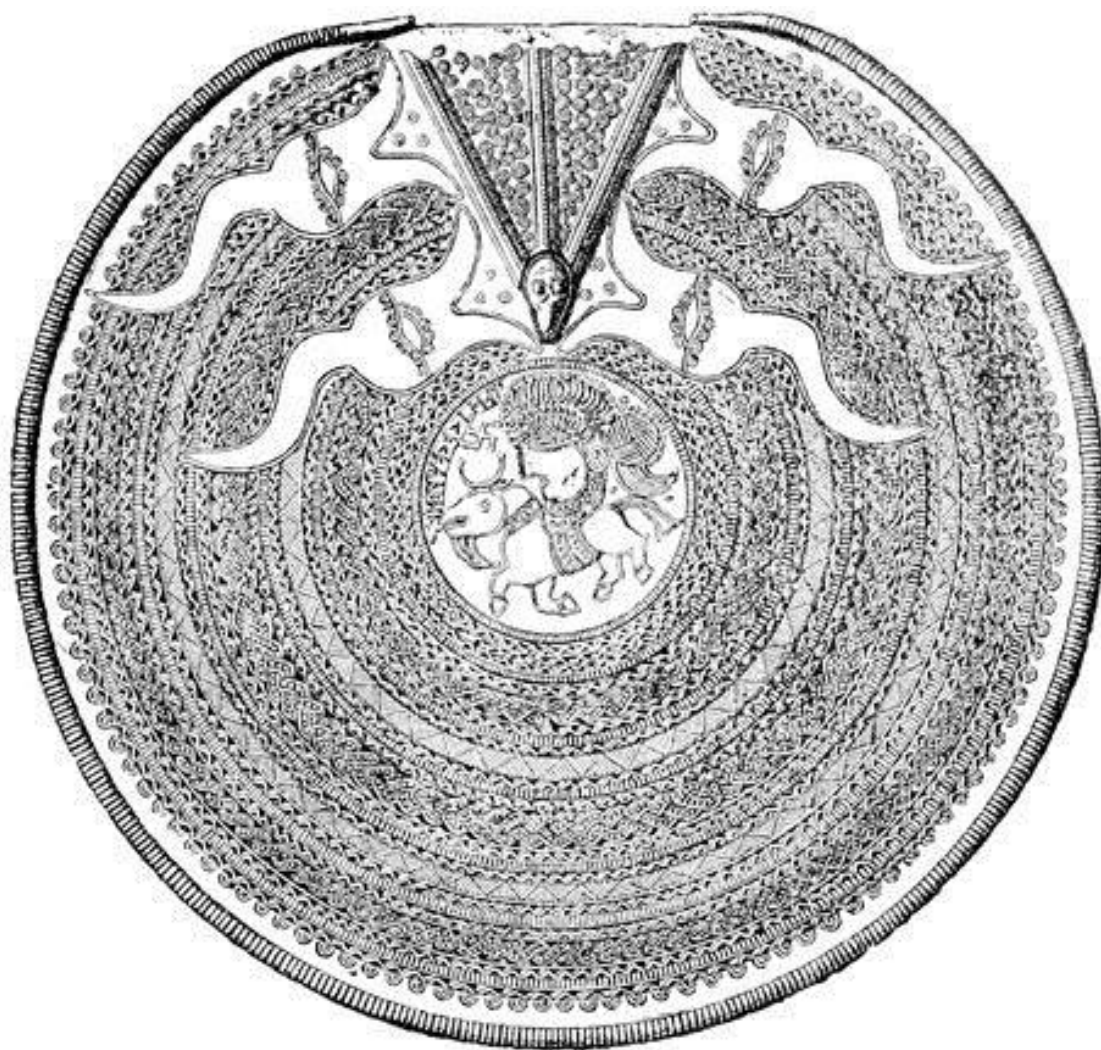

Рис. 1297.— Крупнейший из существующих брактеатов, обнаруженный в Осуме, Скания, Швеция, вместе со *свастикой*, в 1882 году. $\frac{4}{5}$ реальный размер.

Рис. 1298.—Брактеат, найденный в Апленте, Швеция. Реальный размер.

Рис. 1299. —Реверс, на котором изображен всадник, по-видимому, верхом на голой спине лошади.

Рис. 1300.—Брактеат, найденный в Гудбрандсдале, Норвегия. Воин, сражающийся с драконом. Реальный размер.

Рис. 1301.

Рис. 1302.—Реверс.

Брактеат найден в Тролльхеттане, Швеция. Реальный размер.

Рис. 1303.

Рис. 1304.

Брактеаты, найденные в Слангерупе, Зеландия. Реальный размер.

Рис. 1305.—Брактеат, Зеландия, Дания. Реальный размер.

Рис. 1306.—Брактеат, найденный в Scania. Реальный размер.

Рис. 1307.—Брактеат, найденный в Scania. Реальный размер.

Рис. 1308.—Брактеат, найденный в Рафлунде, Скания. Реальный размер.

Рис. 1309.—Брактеат, найденный в Леллинге, Зеландия. Реальный размер.

Одним из фактов, привлекающих большое внимание, являются различные мистические знаки^[227], обнаруженные на брактеатах и других многочисленных объектах, представленных на этих страницах. Они, без сомнения, имели какое-то символическое значение, точно так же, как христианский крест, когда его использовали в качестве украшения или помещали на могилу в качестве символа.

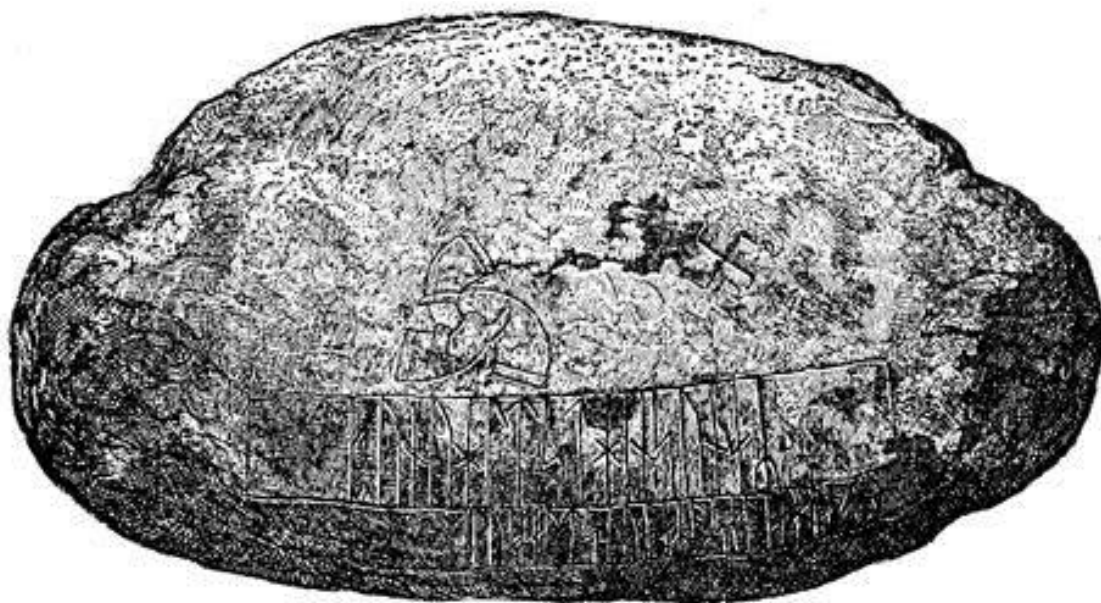

Рис. 1310.—Рунический камень с тремя рогами в форме трискеле.—Снолдели, Зеландия.

Некоторые из знаков, по-видимому, были общими для разных народов, которые, вероятно, приняли одну и ту же религию, из которой они происходят, точно так же, как сегодня христианский крест является эмблемой многочисленных наций или племен, разбросанных по всему земному шару.

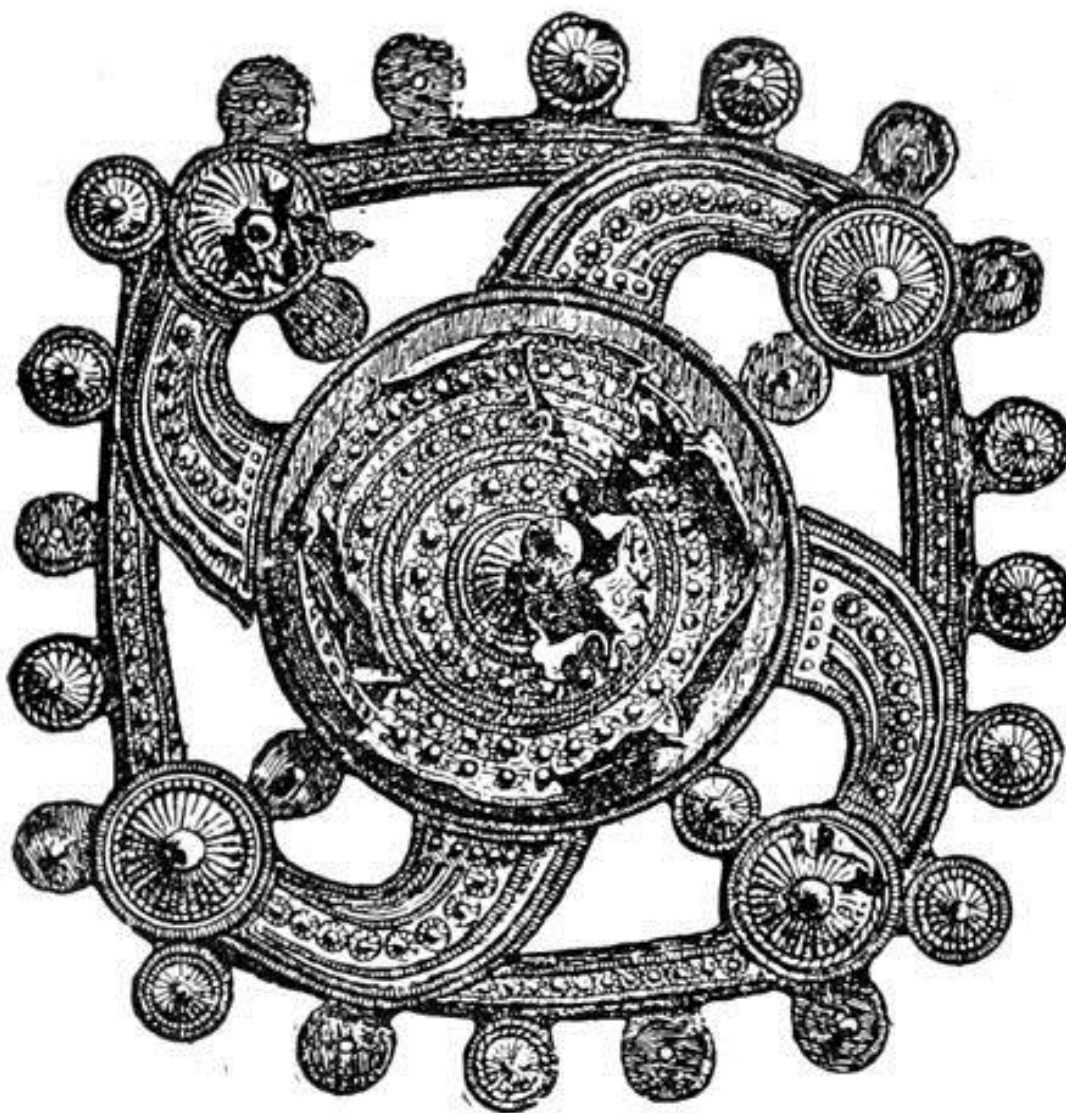

Рис. 1311.—Фибула из серебра, покрытая золотом, в форме свастики. $\frac{2}{3}$ настоящий размер.—Могила женского скелета, к вашему сведению.

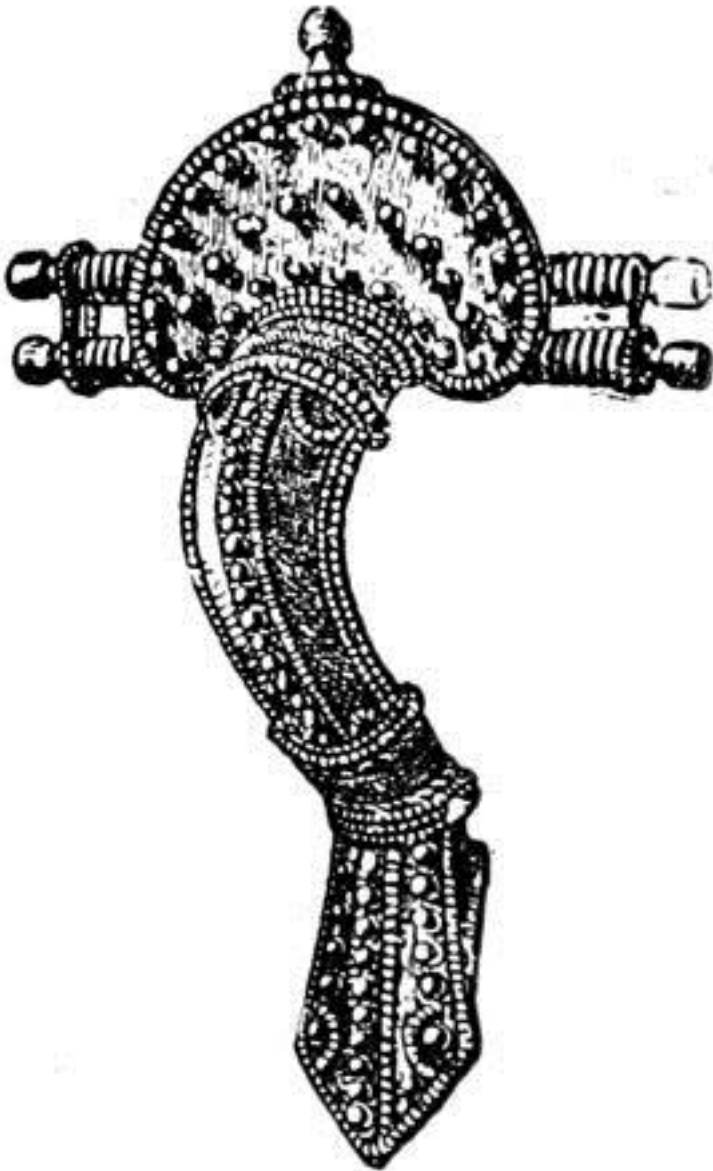

Рис. 1312.—Золотая фибула в натуральную величину.—Могила скелета, Фьен.

Крест с четырьмя ветвями равной длины, по-видимому, является одним из, если не самым древним символическим знаком; его можно увидеть на наскальных рисунках Богуслана (несколько иллюстраций которых приведены в этой работе), иногда окруженный кольцом, в других случаях двойной крест изображен сам по себе. Такие следы нельзя принять за колеса или щиты.

Рис. 1313.—Малоберцовая кость, $\frac{2}{3}$ реального размера; по-видимому, позолоченная.— Норвегия.

Также можно увидеть бронзовые ножи с крестом, увенчанным кольцом.

The *Свастика*, или крючковатый крест, в его различных модификациях, который можно увидеть на столь многих предметах на Севере, имеет очень древнее происхождение и встречается в ведической религии.

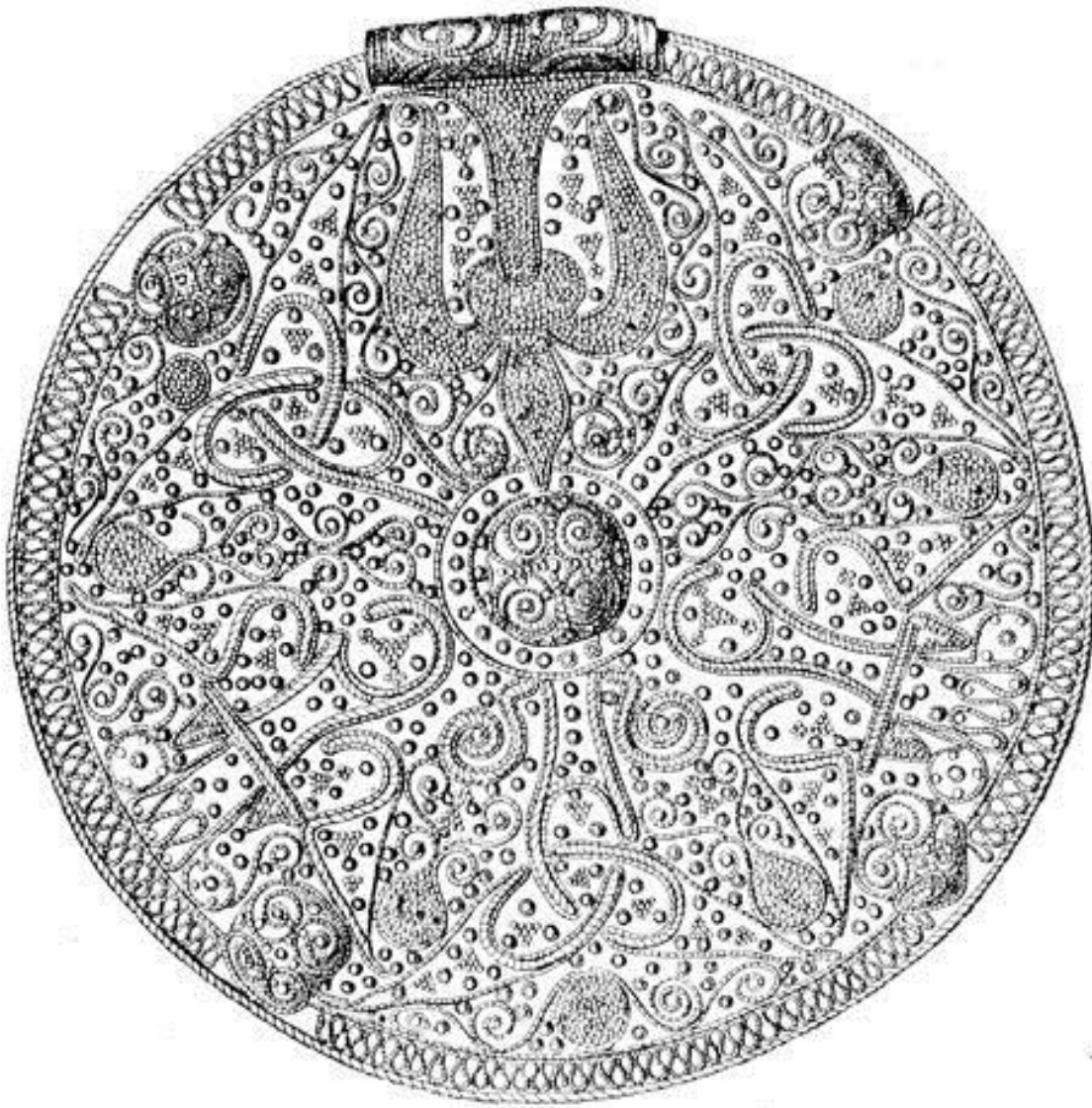

Рис. 1314.—Золотой брактеат в натуральную величину, найденный вместе с дверью.— Церковь Тафт, Сандвер.

Другими примечательными знаками являются триада в виде точек, расположенных треугольником, и *трискела*, которые можно увидеть на многих предметах. Очевидно, числам “Три” и “Девять” придавалось большое значение; но невозможно сказать, каково было истинное значение в мифологии этих людей триады, которая очень часто встречается на драгоценностях и других предметах, проиллюстрированных в этой работе,^[228] и примечательно, что некоторые могилы сделаны так, чтобы представлять вышеупомянутые знаки.^[229]

ГЛАВА XX. ЗАНЯТИЯ И СПОРТ МУЖЧИН.

Честь, которой пользовалась работа—Короли управляют своими поместьями—Важность рыболовства—Мастерство людей в обработке железа и кораблестроении—Находка Тиле—

Спорт—Соколиная охота—Ретриверы и гончие—Танцы не любимое развлечение—Шахматы и нарды—Несколько разновидностей—Дороговизна шахматных досок—Игры в кости—Жонглеры и шуты—Конные бои—Притчи и головоломки—Загадки Геста.

Видные вожди не брезговали принимать участие в работах в своих поместьях или руководить ими, и ни хозяин, ни хозяйка, ни дети из богатых семей никогда не сидели сложа руки.

“Сын Харальда Гренского, Олаф, воспитывался у своего отчима Сигурда Сира и матери Асты. С ней была Храни Видферли (Широко путешествующая), которая воспитала короля Олафа Харальдссона. Вскоре Олаф стал образованным человеком, светловолосым, среднего роста, мудрым и красноречивым. Сигурд Сир был великим земледельцем; его люди всегда были на работе, и он часто ходил сам посмотреть на поля, луга и скот, в кузницу или еще куда-нибудь, где что-нибудь происходило” (Святой Олаф, с. 1).^[230]

“Король Олаф часто останавливался в деревне на большом берегу, которым владел. Когда он был в Хаукбре в Ранрике, он заболел и умер” (Сага об Олафе Тихом, с. 11).^[231]

У зажиточных людей обычно было очень много слуг, как свободных, так и рабов, которые помогали им в их работе.

“Рассказывают, что Гудмунд Рики намного превосходил других людей великолепием, у него было 100 слуг и 100 коров; у него был обычай брать с собой сыновей выдающихся людей, и он хорошо с ними обращался; они не должны были выполнять никакой работы, но всегда должны были сидеть с ним, хотя у них был обычай работать, когда они были дома, какими бы высокородными они ни были” (Сага о Льосветнинга, с. 5).^[232]

Бундры после весеннего возделывания отправлялись в экспедиции викингов, возвращались в середине лета и занимались сбором урожая; затем снова отправлялись в экспедиции викингов, из которых не возвращались до зимы, которую спокойно проводили дома.^[233]

“Король Сигурд Сир был на своем поле, когда к нему пришли гонцы и сообщили ему эту новость (о приближении Олафа) и обо всех деяниях Аста в буре. У него там было много людей; одни срезали кукурузу, другие связывали ее (в снопы), третьи везли кукурузу домой, третьи складывали ее в сеновалы или амбары. Он и двое сопровождавших его мужчин иногда гуляли по полю, иногда там, где была сложена кукуруза” (Сага о святом Олафе, с. 31).

Рис. 1315.—Плуг из дубовой древесины. Длина 9 футов. Найден в Деструпе, Ютландия.

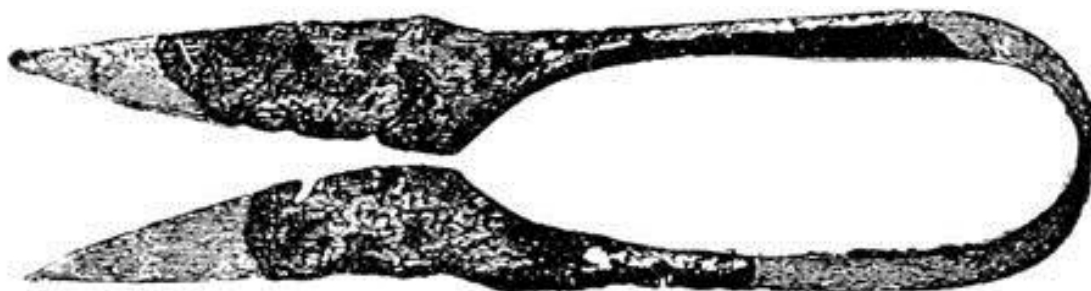

Рис. 1316.—Ножницы. $\frac{1}{3}$ реальный размер.—Ултуна. Ранний железный век.

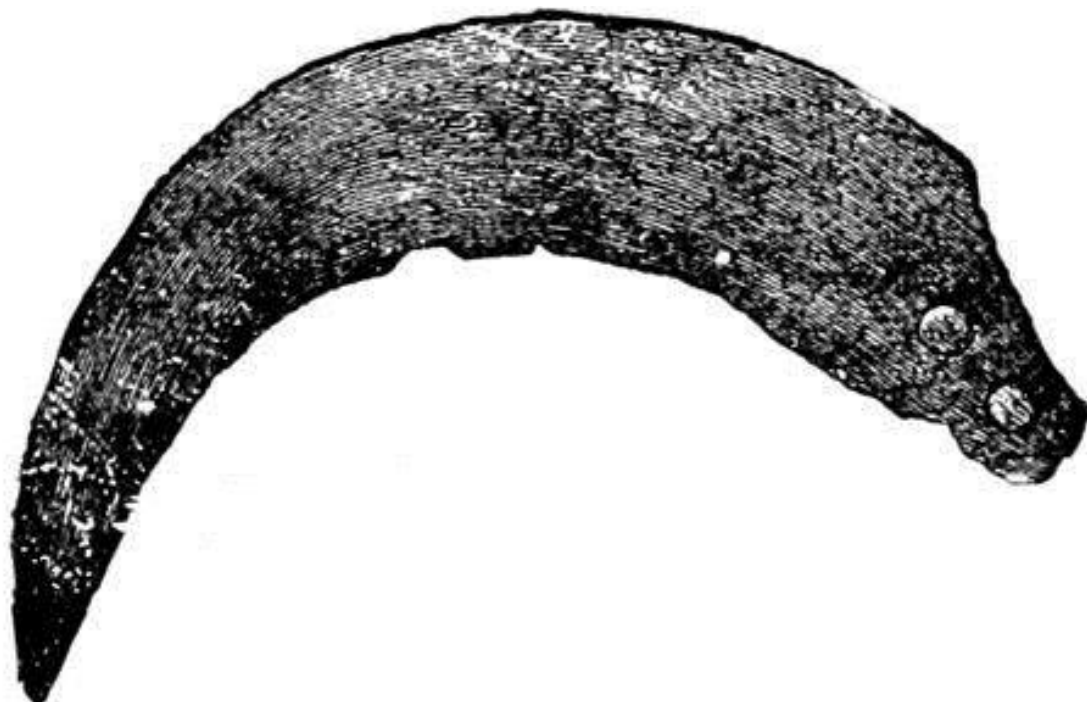

Рис. 1317.—Серп $\frac{1}{3}$ реального размера, найденный в кургане на обгоревших костях в урне.—Норвегия. Более ранний железный век.

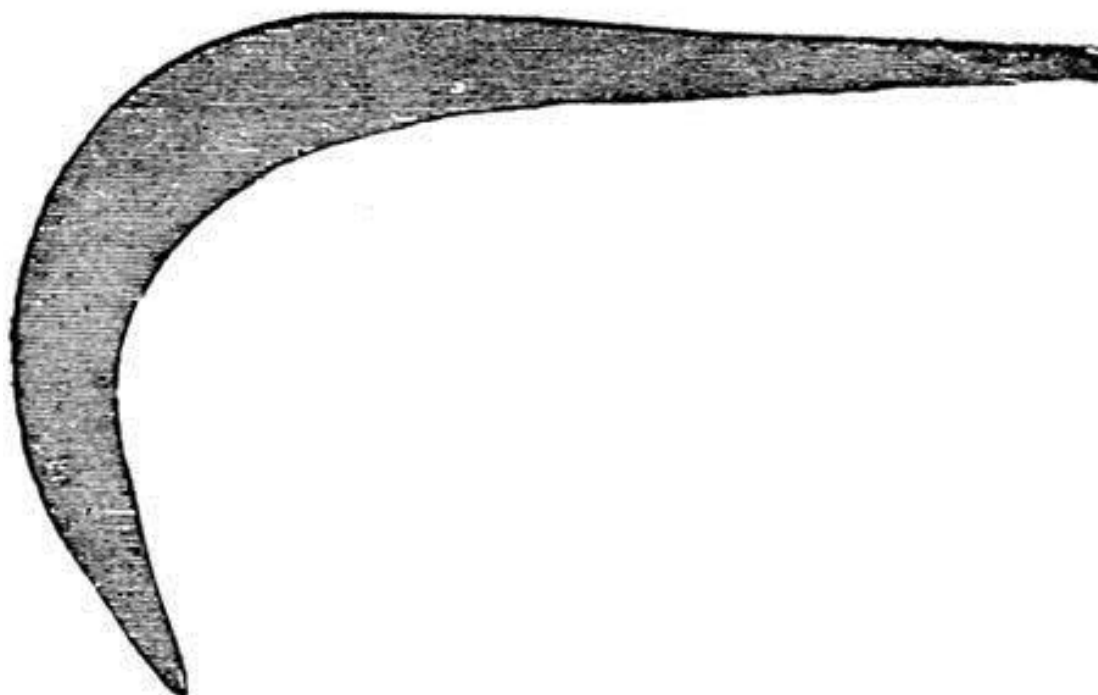

Рис. 1318.—Серп $\frac{1}{3}$ реального размера, найденный в кургане на обгоревших костях и древесном угле, с фрагментами костяного гребня и железной иглой.—Норвегия. Более ранний железный век.

В сагах часто упоминаются люди, владеющие овцами, и часто встречаются ножницы. Тот, что представлен здесь, находился в находке корабля Ультуна и был помещен вместе с

оружием и другими предметами, принадлежащими воину, который, вероятно, владел большими поместьями и большими стадами овец.

Рыболовство имело огромное значение, и большую заботу о нем проявляли даже великие вожди, среди которых были Эйвинд Скалдаспиллир и Эрлинг Скъяльгссон. Промысел тюленей, сельди и трески стал занятием для большого числа людей.

Эрлинг всегда держал дома тридцать рабов, не считая других невольников. Он выделил им определенную дневную работу, а затем дал им отпуск и время поработать на себя в сумерках или ночью; он дал им землю для обработки, чтобы они сами сеяли зерно и использовали полученные продукты для приобретения собственности. Он определил каждому его ценность и цену. Многие искупили свои грехи в первый или второй сезон, и все, кто был бережлив, сделали это за три зимы. На это имущество Эрлинг купил себе других рабов; и часть своей продукции он отправлял на промысел сельди, а часть - на другие виды бизнеса; некоторые расчищали леса и устраивали себе фермы; всем он давал какие-то средства к существованию” (Св. Олаф, с. 22).^[234]

Мы видели, что жители Севера были великими кораблестроителями, и многочисленные находки различных инструментов, а также оружия показывают мастерство их кузнецов и работников по обработке железа, некоторые из которых были людьми высокого происхождения.

“У него (Торольфа) был большой длинный корабль, сделанный из головы дракона, и он оснастил его наилучшим образом. Он отплыл на нем на юг и совершил большую вылазку с провизией, найденной тогда в Халогаланде. Он также посылал людей ловить сельдь и треску, и во многих местах ловили тюленей и отбирали яйца; ему приносили всю продукцию этой экспедиции. У него дома никогда не было меньше сотни свободных людей. Он был открытым и либеральным и стал хорошим другом вождей и всех своих соседей; он стал могущественным и уделял много внимания оснащению своих кораблей и оружия” (Сага об Эгиле, с. 10).

“Скаллаgrim был очень трудолюбивым человеком. С ним всегда было много людей, и он привозил много провизии и средств к существованию, потому что поначалу у них было очень мало скота по сравнению с тем, что требовалось для стольких людей. Его скот сам находил себе пропитание зимой в лесах. Он был великим кораблестроителем, и недостатка в плавучем лесе не было^[235] к западу от Мирара. Он построил сарай в Альпанесе и завел там еще одно хозяйство; его люди ходили оттуда на рыбалку, ловили тюленей и собирали яйца, поскольку всего этого было в избытке; он также привозил плавник. Тогда там было много китов, и они могли стрелять столько, сколько хотели, потому что эти существа не привыкли к людям. У него был третий дом недалеко от моря, в западной части Мирара, где было еще легче добыть плавник; там он выращивал зерно и назвал ферму Акпар. Некоторые отдаленные острова там назывались Хвалсейяр, потому что на них водились киты. Скаллаgrim также отправил своих людей ловить рыбу в лососевых реках и отправил Одда Эймбуи в Глюфру присматривать за уловом; он жил в Эймбуабрекке, и Эйбуанес назван в его честь.... Когда у Скаллаgrима стало много скота, все они летом уходили в горы. Он обнаружил, что тот скот, который поднимался на пустоши, становился намного крупнее и жирнее, и что овцы сами держались зимой в горных долинах, если их не уводили, поэтому он построил ферму в горах и завел там домашнее хозяйство, где заботились о его овцах. Грис заботился об этой ферме, и Гризартунга названа в его честь” (“Сага об Эгиле”, с. 29).

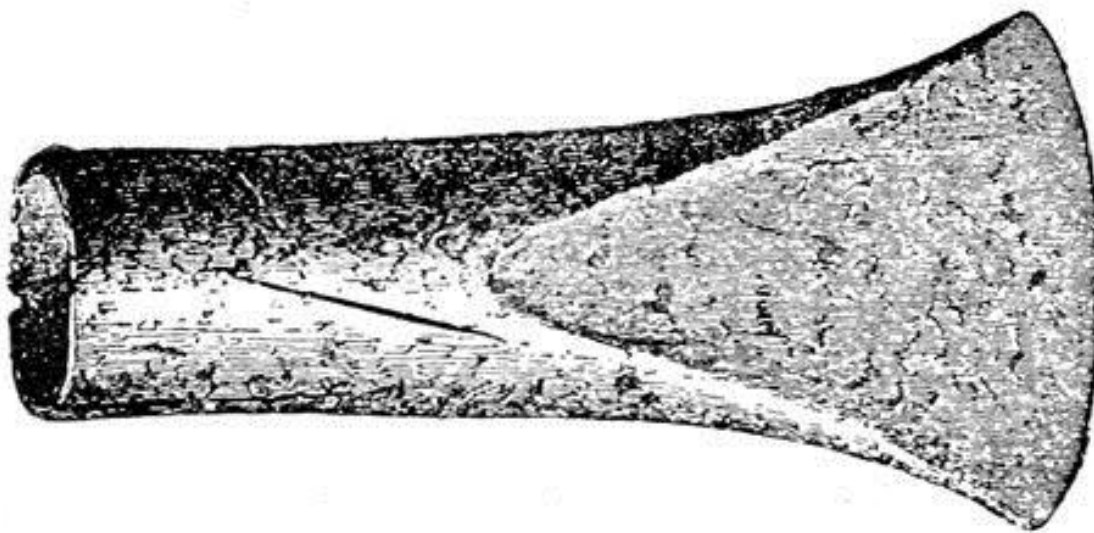

Рис. 1319.—Кельт из железа, $\frac{1}{2}$ реального размера, найден с пятью римскими серебряными монетами (Адриан-Коммод).—Готланд.

“ Торстейн построил церковь на своей ферме. Из этого он с большим мастерством соорудил мост; под балками, которые его поддерживали, были прикреплены кольца со звенящими колокольчиками^[236], так что, когда люди проходили по нему, их было слышно в Скарфштадте, на расстоянии полумили от него. Торстейн приложил много усилий к этому мосту, потому что он был великим мастером по железу. Той зимой Гретти усердно ковал железо, хотя временами ему и не хотелось этого делать. Однако в ту зиму он вел себя тихо, так что ничего не случилось” (“Сага о Гретти”, с. 53).^[237]

Затем Скаллаgrim основал дом в Кнаррарнесе, и долгое время после этого там была ферма. Он был великим кузнецом по железу и использовал много красной железной руды^[238] зимой. У него была кузница, построенная недалеко от моря, вдали от Борга, в Ранфарнесе” (“Сага об Эгиле”, с. 30).

Ульф был сыном Бьяльфи и Халльберы, дочери Ульфа Уарги; она была сестрой Халльбьерна Полутролля из Храфниста, отца Кетиля Хонга. Он был таким высоким и сильным, что в то время подобных ему не было на земле; в молодости он отправлялся в экспедиции викингов. С ним был Бердлу-Кари, высокородный берсерк, обладавший огромной силой и отвагой. У него и Ульфа был общий денежный мешок, и между ними существовала самая тесная дружба. Когда они вернулись из своей экспедиции, Кари отправился в свой дом в Бердле; он был очень богат, и у него было трое детей: Эйвинд Ламби, Эльвир Хнуфа и дочь Сальбьерг. Она была одной из прекраснейших женщин и очень образованной. Ульф женился на ней и уехал в свой дом; он был богат как землями, так и движимым имуществом. Он принял права местного жителя, как это делали его предки, и стал могущественным человеком. Говорят, что он был великим земледельцем. У него было в обычае вставать рано по утрам и наблюдать за работой людей или своих кузнецов, осматривать свой скот и поля, а иногда давать советы тем, кто в них нуждался. Его советы были хороши во всем, потому что он был очень мудр; но каждый вечер он становился таким раздражительным, что мало кто мог заговорить с ним, и тогда ему хотелось спать. Считалось, что он был великим меняющим облик (хамрамм = придающий форму), и его звали Квельдульф (вечерний волк). У Квельдульфа от жены было двое сыновей, старшего звали Торольф, а младшего Грим. Когда они выросли, оба были высокими и сильными, как их отец. Торольф был очень красив и образован; как и родственники его матери, он был очень жизнерадостным и либеральным человеком во всем и великим торговцем; его любили все; Грим был смуглым и уродливым, как и его отец, как

внешне, так и характером. Он стал великим дельцом, искусно обрабатывал дерево и железо и стал великим кузнецом. Зимой он часто отправлялся ловить сельдь на *лагнар скута* (рыболовный шлюп) и с ним было много слуг” (Сага об Эгиле, с. 29).^[239]

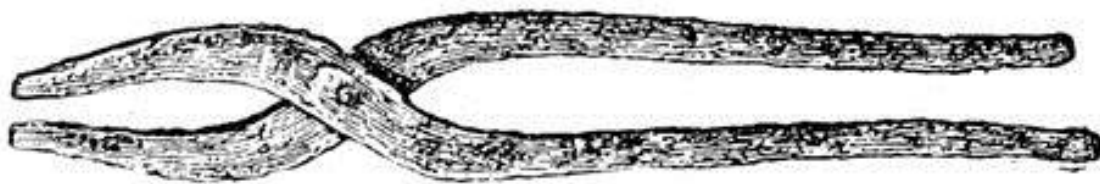

Рис. 1320.—Железные кузнечные щипцы, найденные вместе с урной с обгоревшими костями, железным молотком, 29 маленькими стеклянными бусинками и т.п. $\frac{1}{3}$ реального размера.—Скоггеста, Седерманландия, Швеция.

ТИЛЕ НАЙТИ.

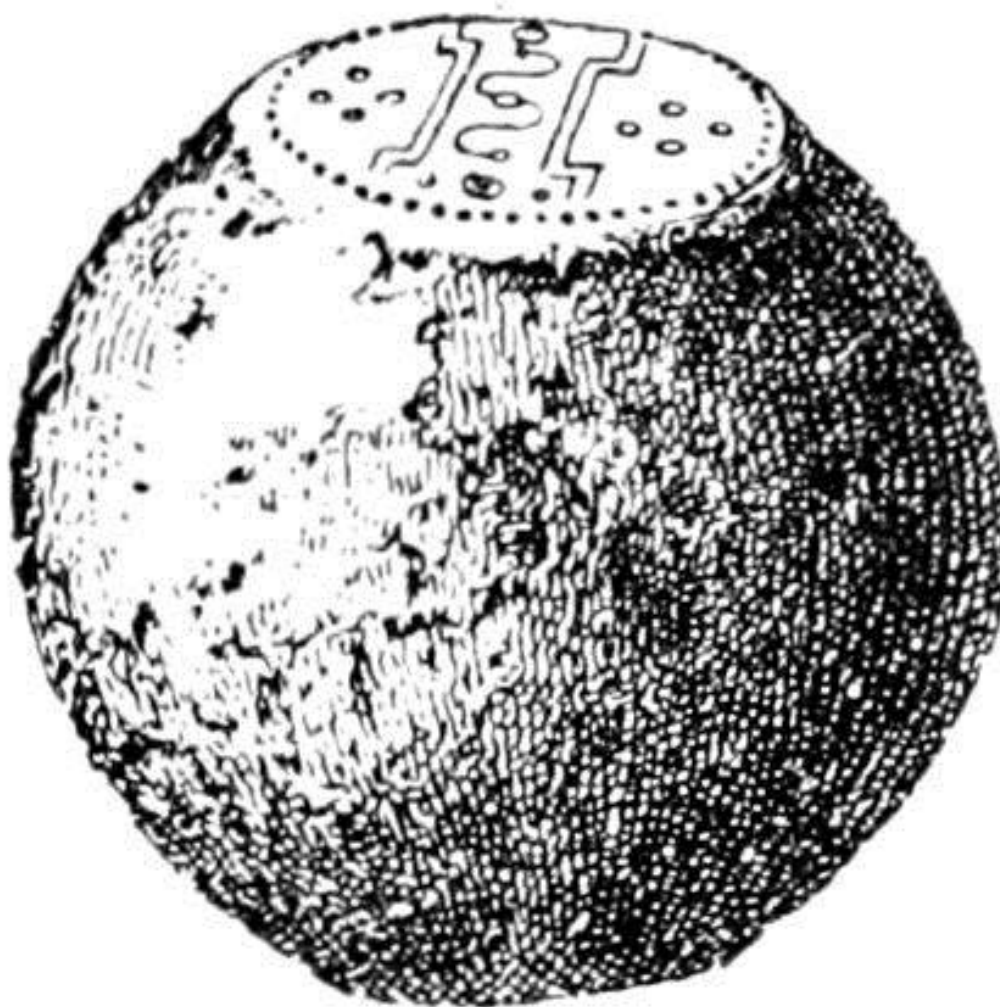

Рис. 1321.

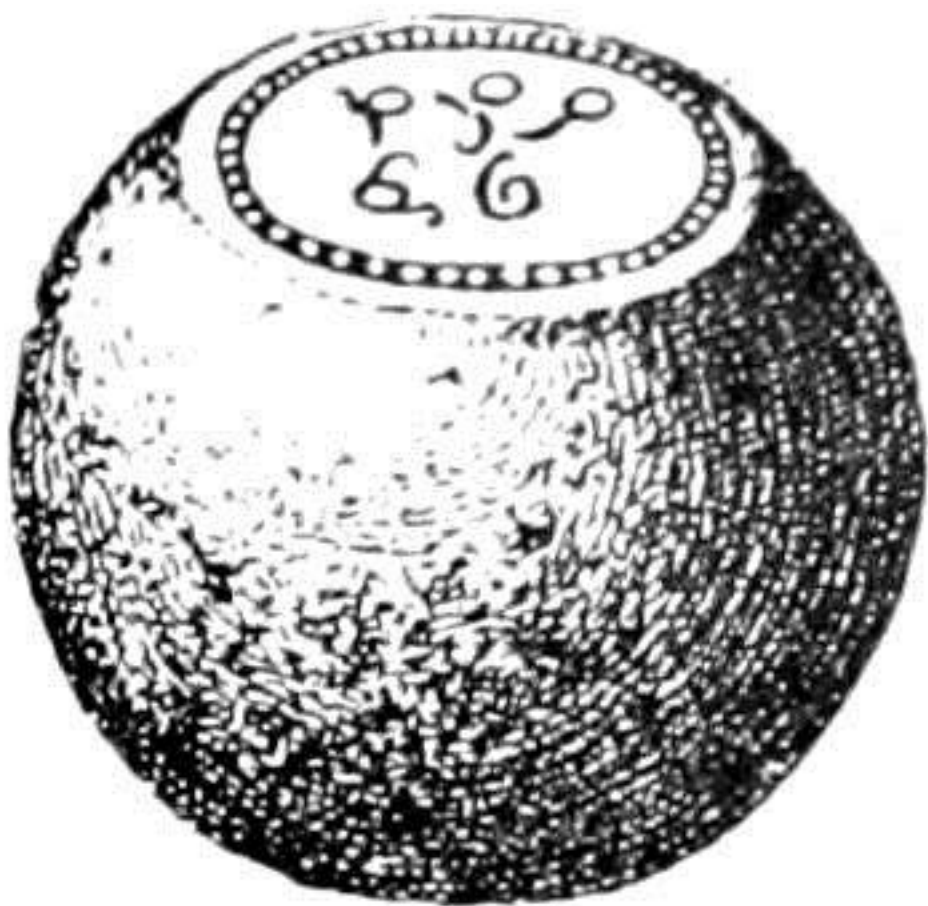

Рис. 1322.

Два из девяти железных изделий разного веса, покрытых тонкими латунными пластинами.
Реальный размер.

Рис. 1323.

Железные щипцы длиной 12 дюймов
. 1/3 реальный размер.

Рис. 1324.

Железные щипцы длиной 6 дюймов
. 1/3 реальный размер.

Рис. 1325.

Железные щипцы длиной 10 дюймов.
 $\frac{1}{3}$ реальный размер.

Рис. 1326. —Плоский железный молоток необычной формы, $6\frac{1}{4}$ дюймов
 в длину, 1 квадратный дюйм в головке и $\frac{1}{2}$ дюйма в ширину на
 заостренном конце. $\frac{1}{3}$ реальный размер.

Рис. 1327.

Рис. 1328.

Железные молотки (?) $\frac{1}{3}$ реального размера.

Было обнаружено несколько находок, которые, очевидно, принадлежали кузнецу. В Тиле, Виборге, Ютландия, было обнаружено в земле большое количество предметов, которые, несомненно, принадлежали одному человеку.^[240]

Рис. 1329.

Рис. 1330. — Два крепления из железа и светлой бронзы, 5½ дюймов; состоят из двух параллельных витых железных стержней, между которыми был припаян квадратный железный стержень, скрепленный бронзовым кольцом. $\frac{2}{3}$ реальный размер.

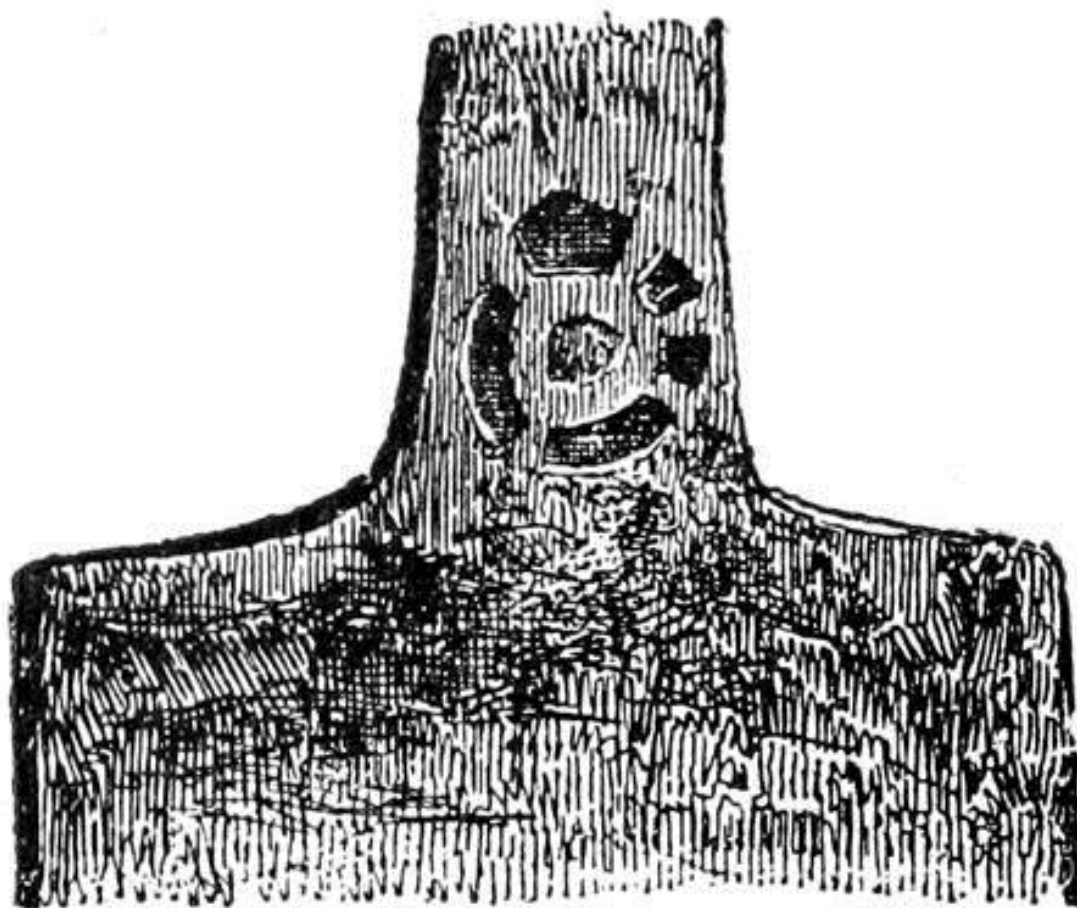

Рис. 1331.—Обоюдоострый меч, в незавершенном состоянии, с торговой маркой.— Норвегия. Найден вместе с другими предметами, которые, по-видимому, были совершенно новыми, когда были помещены туда, и некоторыми незаконченными, среди которых были два меча с аналогичным товарным знаком, найденным в находках в Нидаме и Вимозе на болоте.

Среди различных упомянутых профессий - изготовление соли и смолы.^[241] Приготовление или обжиг соли, по-видимому, было одним из самых скромных занятий.

“Человеку разрешается брать кору и березу со своей земли-арендатора для кровли своего дома и покупать на нее пищевую соль, и он должен делать соль, если живет у моря, чтобы покупать на нее березу и кору, и столько, сколько ему самому нужно, но не больше” (Frostath, xiii. 4).

У человека по имени Карл был брат Бьерн. Они были низкого происхождения, но очень трудолюбивые люди. Раньше они добывали соль, заработали деньги и стали торговцами. Они отправились в торговые походы в Саксландию и Судрики”^[242] (Сага о Магнусе Добром).^[243]

Одними из любимых занятий скандинавов были соколиная охота. Соколиная охота существовала на Севере с древнейших времен и, возможно, была завезена во Францию, Англию и другие страны Европы северянами. Я думаю, что его существование не упоминается в римских отчетах о завоеванных ими странах, а низкая цивилизация племен, населявших Германию в римский период, не допускала такого времяпрепровождения.

Люди сжигали своих ястребов вместе с ними, и когти этих птиц были найдены в нескольких могилах.

Вывод, сделанный из Саг о том, что люди, отправляясь в путешествие, брали с собой ястребов, подтверждается гобеленом из Байе, где изображены многочисленные вожди с этими птицами.

Когда Хрольф Краки и его люди вошли в зал короля Адильса в Упсале, говорят...

“ У них на плечах были ястребы, и в те времена это считалось большим украшением. У короля Хрольфа был ястреб по имени Хаброк”^[244] (Сага о Хрольфе Краки, с. 40).^[245]

“Однажды король (Олаф Шведский) выехал рано утром со своими ястребами и собаками”^[246] и люди с ним. Когда они выпустили ястребов, королевский ястреб в одном полете убил двух хиткоков (*Тетрао тетрикс*), и сразу же снова полетел вперед и убил еще троих. Собаки бегали внизу и хватали каждую птицу, которая падала на землю. Король поскакал следом и сам подбирал дичь и много хвастался. Он сказал: ‘Много времени пройдет, прежде чем вы будете так охотиться’. Они согласились, и ответили, что, по их мнению, ни одному королю не везло так на охоте. Затем все они поскакали домой, и король был очень рад” (Хеймскрингла, Святой Олаф, с. 90).

Ястребы были защищены законами.

“Если человек убьет ястреба на руке другого человека, он должен заплатить марку, оцененную в серебре, и возместить ущерб за нанесенный ущерб, но половину марки, если он убьет ястреба в другом месте, и все это оценено в серебре” (Более ранний Закон Фростатинга, xi. 25).

Помимо охотничьих собак, существовали и другие виды, среди которых были пастушьи и сторожевые собаки.

- Когда Олаф был в Ирландии, он совершил набег на побережье.^[247] Поскольку им нужна была провизия, они сошли на берег и угнали много скота. Туда пришел бонди и попросил Олафа вернуть ему его коров. Олаф ответил, что может взять их, если узнает и не задержит их путешествие. У бонди была с собой большая овчарка. Он указал ей на стадо крупного рогатого скота, насчитывавшее многие сотни особей. Собака пробежалась по всем стадам и забрала столько коров, сколько, по словам бонди, принадлежало ему, и все они были помечены одним и тем же клеймом. Тогда они признали, что собака нашла нужный скот. Они подумали, что это удивительно мудрая собака. Олаф спросил, отдаст ли ему бонди собаку. ‘Охотно’, - ответил бонди. Олаф сразу же подарил ему золотое кольцо и пообещал быть его другом. Собаку звали Виги, и она была лучшей из всех собак. Олаф владел им еще долго после этого” (“Сага об Олафе Трюгвасоне”, с. 35).

“Если человек убивает комнатную собачку другого человека, он должен заплатить 12 авраров, если это комнатная собачка, шею которой можно обнять одной рукой так, чтобы пальцы касались друг друга; 6 авраров нужно заплатить за борзую (*mjóhund*), а за охотничью собаку - полмарки, а также за овчарку, если она привязана к самому внутреннему быку”,^[248] или отвязанный крайним волом, а также у ворот. Один аврар должен быть выплачен за собаку, охраняющую дом, если она будет убита” (Frostath., xi. 24).

Шахматы, среди домашних развлечений, были включены в программу *ldrotter*, как и азартные игры в кости, музыка и т. Д.

С давних времен игра в шахматы или, по крайней мере, игра, напоминающая ее, была известна на Севере; умение играть в нее считалось достижением, достойным могущественных вождей. Судя по многочисленным находкам, игра, должно быть, была очень

распространенной. Она, должно быть, была очень древней, поскольку упоминается в "Волуспе".

Игра, разновидностей которой существовало несколько, хотя в чем они отличались, мы не знаем, называлась *tafl*,^[249] а фигуры *украшали*. В *Хнот-тафле* пьесы назывались "хунар" (пой. гунн, или хуни).

В *Хнефа-тафл* играли черными и белыми фигурами; одна из них, вероятно, самая важная, называлась *Хнефи*, от чего, вероятно, и произошло название этой своеобразной игры. В *Скак*, или в *Скак-тафл*, играли на доске, разделенной на квадраты, и, похоже, она больше всего походила на современные шахматы.^[250] Доска была похожа на шахматную доску наших дней. Обучение игре было частью образования высокородных и считалось идроттиром. Должно быть, это было отличное времяпрепровождение на борту корабля, потому что во многих найденных предметах в центре есть маленькие отверстия для колышков, которые крепили их и предохраняли от опрокидывания или смены места при крене судна. Расстановка фигур определялась путем броска игровых костей.

"После битвы на реке Хельга Ульф ярл устроил пир в честь Кнута в Ройскельде. Они играли в скактафл, но король был очень мрачен.... Когда они поиграли некоторое время, ярл взял одного из королевских коней; король поставил фигуру на место и велел ему сделать еще один ход. Ярл рассердился, перевернул шахматную доску (тафлборд) и ушел" (Сага о святом Олафе, гл. 163).

Сама доска часто стоила очень дорого, иногда делалась из золота, и считалась ценным наследием, достойным украшения храма богов; это было такое сокровище, что Хрольф Нефия, рискуя жизнью, пытался завладеть ею в храме Бьярмаланда.

Стурлауг отправился в Бьярмаланд и со своими людьми подошел к храму.

"Он заглянул в храм и увидел очень большое (изображение) Тора, сидящего на высоком троне; перед ним был великолепный стол, покрытый серебром.... Он увидел шахматную доску и шахматные фигуры из яркого золота"^[251] (Сага Стурлауга "Звездная Парам", гл. 18).

Долгими зимними вечерами жители часто проводили время за игрой в шахматы.

Рис. 1332.—Шахматная фигура из кости.—Норвегия. $\frac{2}{3}$ реальный размер.

Рис. 1333.—Шахматная фигурка из кости, найденная вместе с двумя другими фигурами.—
Норвегия. $\frac{2}{3}$ реальный размер.

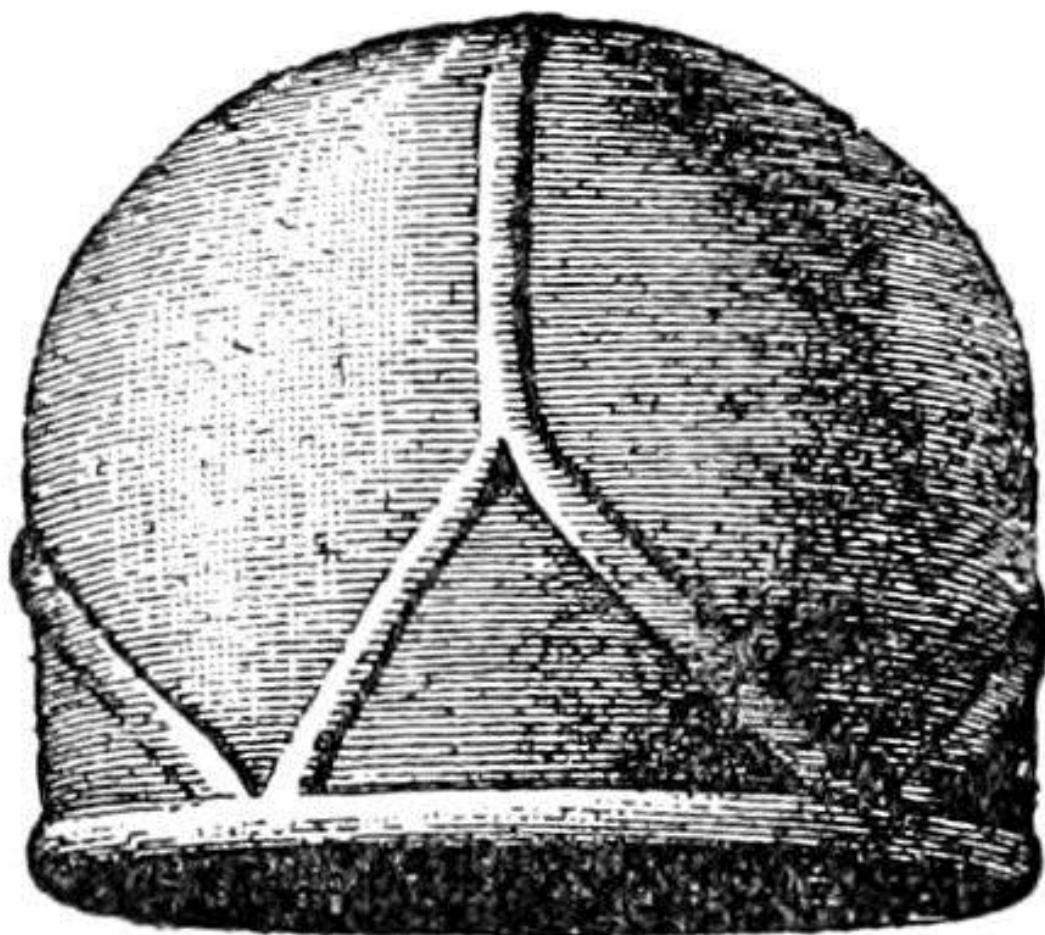

Рис. 1334.—Шахматная фигурка из глины, найденная вместе с тремя другими.—Норвегия. $\frac{2}{3}$ реальный размер.

Рис. 1335.

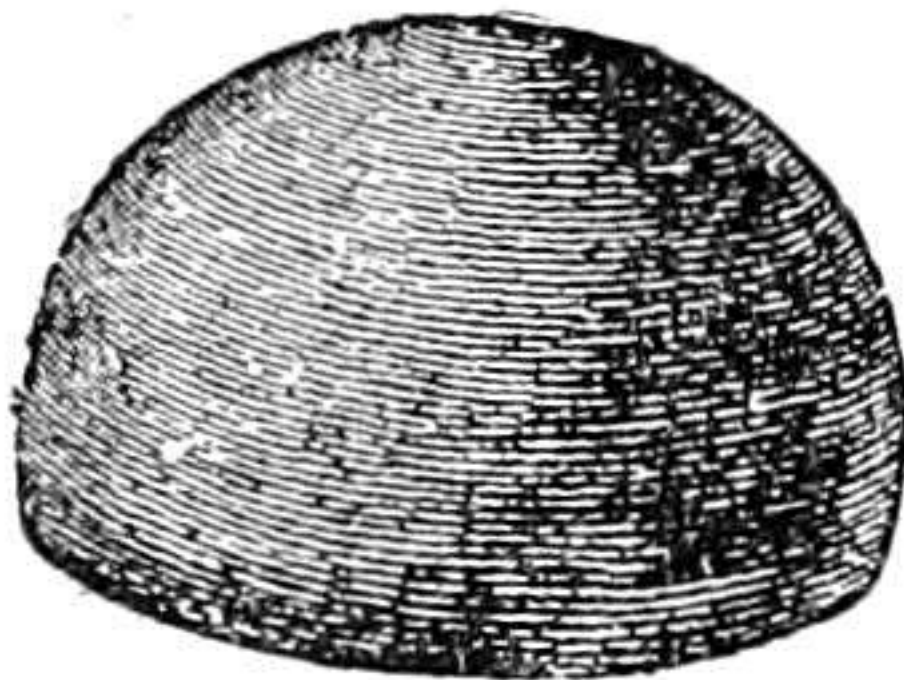

Рис. 1336.

Шахматы, нарды или шашки из кости с отверстием для колышка, найдены вместе с фрагментами обоюдоострого меча, железными шпорами и т.п. —Норвегия. $\frac{2}{3}$ реальный размер.

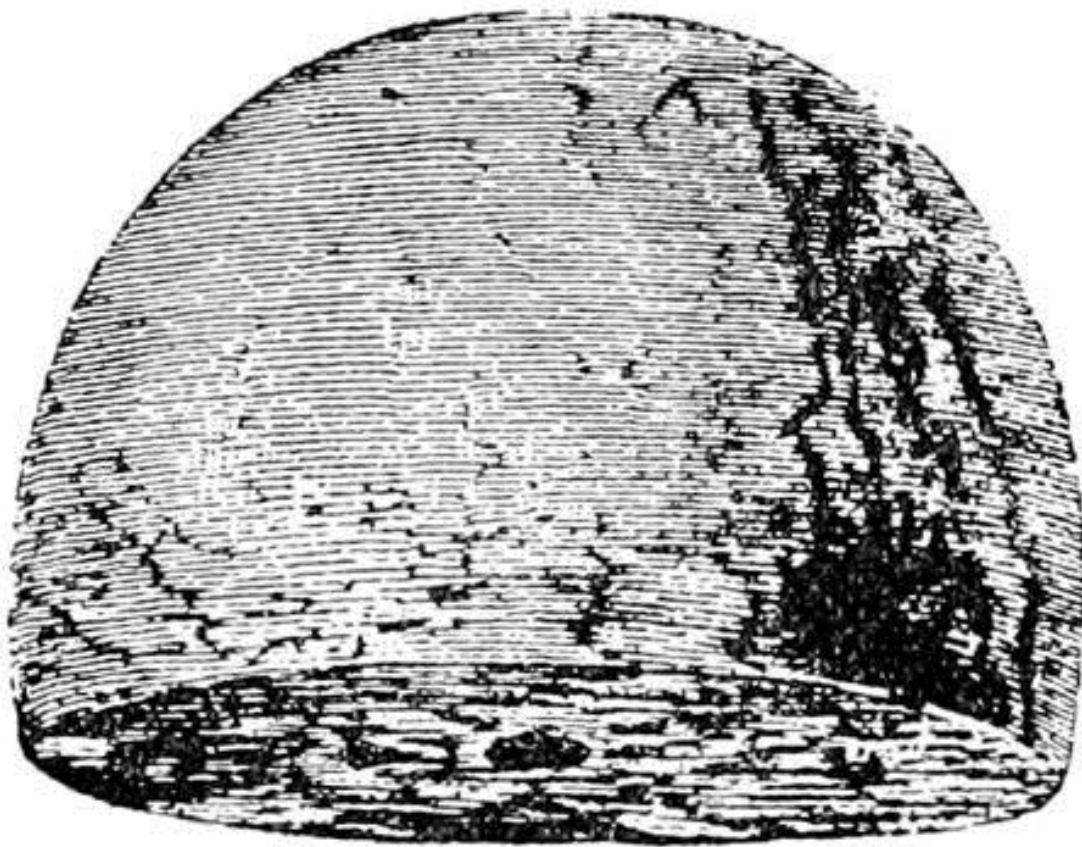

Рис. 1337.—Обломок кости.—Находка в Ултуне. Реальный размер.

“В Браттахлиде (ферме), в Гренландии, зимой они часто развлекались игрой в шахматы (*тафл*), рассказыванием саг и многими другими вещами, которые могли улучшить их домашнюю жизнь” (Торфинн Карлсефни, с. 7).

В эту игру обычно играли не только мужчины, но и женщины.

“Он (Гуннлауг Ормстунга) и Хельга часто забавлялись шахматами; как было видно впоследствии, вскоре они очень понравились друг другу. Они были почти одного возраста” (Гуннлауг Ормстунга, 4).

“Однажды весенней ночью Ториру не спалось; он вышел на улицу, и шел сильный дождь; он услышал громкое блеяние с того места, где ягнят отделяли от овцематок; Торир пошел туда и увидел, что двое козлят и два ягненка лежат привязанными у стены загона, а в загоне сидели две женщины и играли в шахматы; фигуры были сделаны из серебра, но все красные были позолочены. Они были очень удивлены. Торир схватил их, усадил рядом с собой и спросил, почему они украли его овец.... Торир согласился, что они могут взять овцу с собой, но шахматная доска и то, что к ней принадлежит, должны быть у него; на веревочках *тафлпунга* (шахматной сумки) было золотое кольцо, усыпанное камнями, а серебряное кольцо находилось в шахматной доске. Торир забрал все это, и они расстались” (“Сага о Гуллтори”, гл. 14).

Характер игроков не всегда оставался невозмутимым.

“Случилось так, что Торгильс Бедварссон и Сам Магнуссон поссорились из-за партии в шахматы; Сам хотел отодвинуть коня, которого он выставил, но Торгильс не позволил этого. Маркус Мардарсон посоветовал им отодвинуть коня назад и не ссориться. Торгильс сказал, что не последует его совету, и опрокинул шахматы, положил (фигуры) в сумку, встал и ударил Сэма по уху, так что потекла кровь” (Сага о Стурлунгах, viii, том ii, с. 1).

“Фритьоф сидел за хнефа-тафом, когда пришел Хильдинг. Он сказал: ‘Наши короли шлют тебе привет и хотят заручиться твоей помощью в битве против короля Хринга, который хочет напасть на их королевство властно и несправедливо’. Фритьоф ничего не ответил и сказал Бьерну, с которым он играл в эту игру: ‘Есть пустое место, молочный брат, и ты не должен делать ход, но я атакую красную фигуру (тафлу) и посмотрю, сможешь ли ты ее защитить’. Бьерн сказал: ‘Вот два варианта, молочный брат, и мы можем двигаться двумя способами’. Фритьоф ответил: ”Лучше всего сначала атаковать хнефи (= самую высокую фигуру), а потом будет легко выбрать, что делать”” (Сага о Фритьофе, гл. 3).

Кажется, что фигуры, которые только что были сдвинуты, были названы громким голосом.

“Король (Магнус Добрый) сидел и играл в *Хнефтафле*, и какой-то человек выкрикивал названия королевских фигур, когда пришел Асмунд”.

Игры в кости были очень древними, как видно из находок, которые даже больше, чем Саги, доказывают, насколько распространенным явлением было бросание костей. Бросание костей тремя северными королями около Хисингена показывает, что победил тот, кто бросил больше.

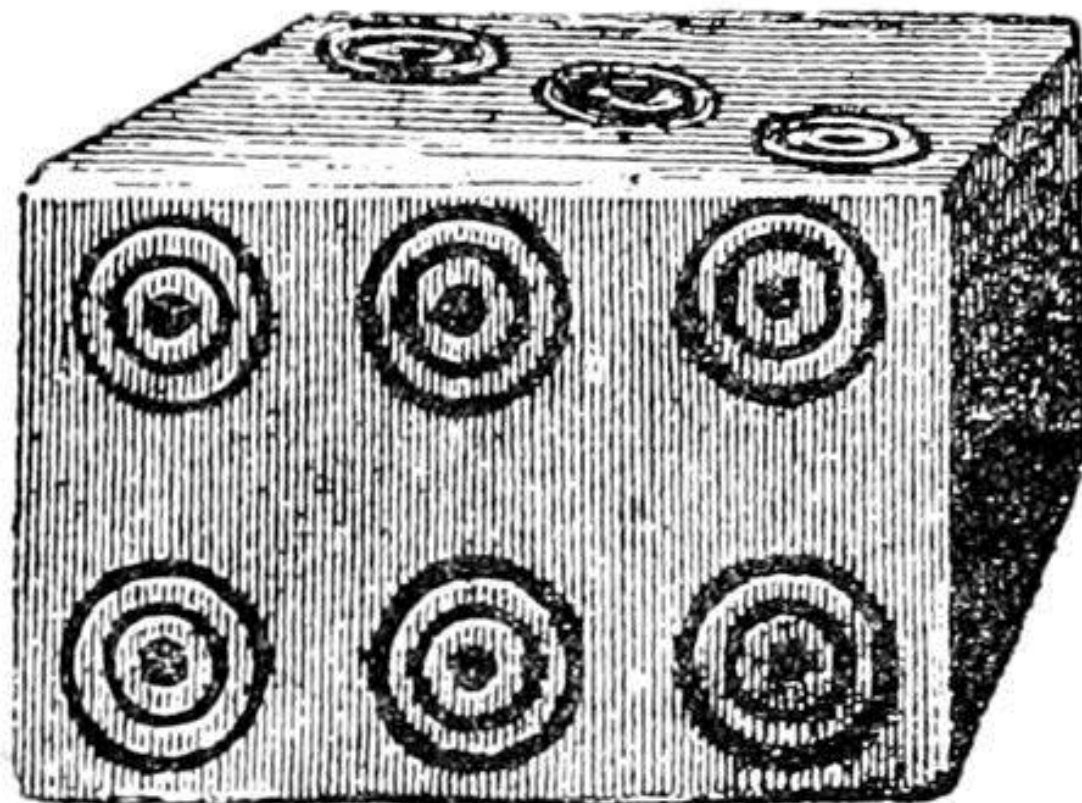

Рис. 1338.—Штамп из кости. Реальный размер.—
Находка из Ултуны.

“На Хисинге (острове в устье реки Гаута) был район, который когда-то принадлежал Норвегии, а в другое время - Гауталанду. Короли договорились бросить жребий о том, кто будет владеть им, и бросить кости, и что он достанется тому, кто бросит больше. Шведский король бросил две шестерки, сказав, что королю Олафу не нужно бросать; но он ответил, встряхивая кости в своей руке: ‘На кости еще две шестерки, и Богу легко, милорд, позволить им выпасть снова’. Он бросил и получил две шестерки. Олаф Кинг из Швеции бросил и снова получил две шестерки. Олаф, король Норвегии, бросил, и на одном кубике оказалось шесть кубиков, но другой разлетелся на части, и тогда их стало семь. Затем он завладел этим районом” (Сага о Святом Олафе).

Танцы, похоже, не были популярным развлечением до конца XI века; и в следующей Саге о них упоминается лишь очень туманно.

Король Годмунд Глейзисвеллирский должен был выдать свою сестру замуж за Сиггейра, сына короля Бьярмаланда Харека, и приготовил великолепный свадебный пир. Присутствовал Боси, переодетый в одежду советника короля Годмунда Сигурда, которого он убил. Не указано, как распределялись вожди, но упоминается, что Сигурд играл на арфе для подружек невесты; и когда принесли рога, мужчины сказали, что никто не может сравниться с ним.... Когда принесли рог, посвященный Тору, Сигурд сменил мелодию; тогда все, что было незакреплено, и ножи, и тарелки, пришло в движение; многие вскочили со своих мест и заходили взад и вперед по полу; и это продолжалось долгое время. Затем прозвучал рог, посвященный всем Асарам. Сигурд еще раз изменил мелодию и заиграл так громко, что эхо разнеслось по всей округе. Все в зале встали, кроме невесты, жениха и короля, и все еще долго ходили по залу. Король спросил, знает ли он еще какие-нибудь мелодии, и тот ответил, что у него еще кое-что осталось, но он велел людям сначала отдохнуть. Мужчины сели и начали пить. Затем он исполнил "*гигъярслаг*" ("Воздух женщины-йотун"), "*драмбут*" (произведение мечты) и "*Хьяррандалджод*" ("Воздух Хьярранди"). Когда зазвучал рог, посвященный Одину, Сигурд открыл арфу, которая была такой большой, что человек мог стоять на ней во весь рост; она сияла, как красное золото; он снял с нее белые перчатки, расшитые золотом, и заиграл мелодию, называемую *фалдафейкир* (раздуватель головного убора). При этих словах головные уборы слетели с женщин и взметнулись над перекладинами; женщины вскочили, мужчины вскочили на ноги, и ничто не могло остаться незамеченным. Когда этот тост был произнесен, прозвучал тост, посвященный Фрейе, который должен был стать последним; Сигурд дотронулся до струны, которая лежала поперек всех остальных и по которой он раньше не ударял, и сказал королю, чтобы тот ожидал жесткой игры; король был так поражен, что он, а также жених и невеста подпрыгнули, и никто не был веселее их, и это продолжалось долгое время” (Сага о Херро и Бози, гл. 12).

У некоторых вождей или королей были жонглеры или шуты и собаки-дрессировщики, чтобы развлекать их и их гостей. По-видимому, было принято тренировать собак в прыжках через шесты. К королю Магнусу Эрлингссону пришел нищий.

Король спросил, кто он такой. Он ответил, что он исландец по имени Мани, пришедший на север из Рума (Рима). Царь сказал: "Ты должен знать какую-нибудь мудрость, Тунгли;^[252] сядь и пой". Затем он спел "*Утфарардрапа*" (стихотворение о путешествии в Святую Землю), которое Халдор Сквадри сочинил о короле Сигурде Джорсалафари, и это стихотворение многим понравилось и показалось забавным. Два игрока^[253] были в стофе, которые заставляли маленьких собак прыгать через высокие столбы перед высокородными мужчинами, и чем более высокородными они были, тем выше прыгали” (Форнманна Сегур, viii.; Сага о Сверри).

“Тута, фризец, был с королем Харальдом; его послали к нему напоказ, потому что он был невысоким и крепким, во всех отношениях похожим на карлика” (Сага о Харальде Хардради).

Конные бои были любимым развлечением народа. Рядом держали нескольких кобыл, чтобы лошади дрались более ожесточенно: каждую лошадь вел за собой владелец или дрессировщик. Когда они поднялись на задние лапы и начали кусать друг друга, мужчины, которые следовали за ними, поддерживали и подгоняли их, отчасти подстрекая палкой. Великие вожди часто следовали за своими жеребцами, и иногда выбирались судьи, которые в сомнительных случаях решали, какая лошадь лучше; владеть лучшей лошастью было большой честью, и в таких конных боях часто выставляли друг против друга многих жеребцов.

“Однажды летом, как это часто бывает, произошел конный бой (в Бергене, Норвегия). Человек по имени Гаут из Мела, высокопоставленный родственник, большой друг стурлунгара, получил от Стурлы хорошего коня; многие говорили, что он лучший в Норвегии. Исландец Арни Эрейда прислал королю лошадь, которую он называл лучшей в Исландии; и эти лошади должны были сражаться. Там собралась большая толпа людей. Когда лошадей вывели вперед, каждая из них показалась очень хорошей; их отпустили, и они яростно сошлись, и последовал великолепный бой, жестокий и долгий; но когда бой продолжался некоторое время, конь короля ослабел. Королю это не понравилось, как было легко заметить. Гаут обошел круг людей и хорошо использовал единственный глаз, который у него был. Там присутствовал Арон, а с ним Торарин, его родственник; они были очень недовольны поражением коня. Арон был другом Арни, но не Гаута; он думал, что знает, почему тот потерпел поражение. Когда они увидели, что король не обращает внимания на своего коня, они подошли к нему, и Арон сказал: ‘Не недооценивай своего коня, господин, ибо он, должно быть, самый драгоценный; но это не тот способ сражаться, к которому он привык’. “Что это за способ?” - спросил король. ‘Человек следует за каждой лошастью, когда ее выводят вперед, с посохом в руке, ударяет лошадь по бокам и поддерживает ее, когда она встает’. ‘Если ты думаешь, что сможешь заставить лошадь встать, - сказал король, - тогда иди’. Теперь Арон и Торарин сняли свои плащи и взяли в руки палки; затем они подошли к тому месту, где королевская лошадь стояла за пределами круга; они коснулись ее своими палками, и она вздрогнула, как будто знала, зачем они пришли; она бросилась на лошадь Гаута, а тот на нее, и они яростно сошлись. Лошадь Гаута теперь была сильно потеснена, потому что королевская лошадь была подкреплена силой; и говорили, что таким образом у нее были наилучшие шансы. С наступлением дня конь Гаута ослабил (свои усилия), хотя и не собирался ни отступить, ни бежать. Арон и Торарин гнали своего коня все сильнее, пока конь Гаута не свалился от изнеможения и упорной борьбы и больше никогда не поднимался. Гаут не мог оставаться спокойным из-за своего гнева и подумал, что Арон убил его лошадь, и был очень недоволен; но было видно, что королю это очень понравилось. Затем были выведены другие лошади, о которых нет никаких сведений” (Бискупа Сегур, i; Сага об Ароне, гл. 18).

Однажды осенью к нему пришли родственники вождя Глума, и для них был устроен пир.

Когда они собрались возвращаться домой, Глум подарил своему родственнику Бьярни рыжего жеребца шести зим от роду и сказал, что подарит ему другого, если какая-нибудь лошадь превзойдет эту. Они вернулись с пира домой, и Бьярни сразу же накормил его сеном, и оно там очень хорошо сохранилось. Следующим летом ему было очень любопытно узнать, как оно будет драться. Он рассказал о поединке с лошастью, принадлежащей Торкелю Гейрасону из Скерда, и было решено, что они должны заставить лошадей сразиться в Середине лета в Мафахьялли. У Тормоуда и его сына Эйюльфа был серый жеребец с гривой другого цвета, и они всегда продавали лошадей, рожденных от него, но не

любили использовать его в конных боях. Говорят, что однажды жеребцы Тормоуда и Бьярни встретились и укусили друг друга так, что все они были в крови. Слуга Бьярни подошел к нему и сказал, что видел, как два жеребца были искусаны и все покраснели. Бьярни послал сказать Торкелю, что они не будут устраивать конного боя, так как его жеребец больше не способен сражаться. Бьярни предположил, что Эйюльф и его отец Тормоуд заставили лошадей драться, поскольку сами по себе они не могли так жестоко обращаться друг с другом, и поэтому предложил устроить конный бой по прошествии восьми недель лета. Тормоуд попросил своего сына решить, делать это или нет, потому что он хотел этой битвы. Лошадей повели вперед, и бой шел хорошо, пока не прошло одиннадцать раундов. Тогда жеребец Эйюльфа вцепился в челюсть Бьярни и держался до тех пор, пока Бьярни не подошел и не отсек ее. Эйюльф развернулся и ударил жеребца, и палка тяжело отскочила от лошади и ударила Бьярни в плечо. Лошади тут же расступились. Эйюльф пошел к Бьярни и сказал, что он не хотел этого несчастного случая. 'Я покажу, сделал я это намеренно или нет. Я дам тебе шестьдесят баранов, если ты не будешь винить меня в этом, и тогда ты увидишь, что я не хотел, чтобы это случилось'. Бьярни сказал, что он сам виноват в этом, и подумал, что они не испачкали жеребцов кровью. Затем они отправились домой. Осенью на *реттире* (собрании овец) Эйюльф вывел шестьдесят баранов. Тормоуд спросил, что он собирается с ними делать. Эйюльф ответил, что отдал их Бьярни. Тормоуд сказал: 'Удар был тяжелым, и плата за него не маленькая'. Как только он сказал это, Бьярни повернулся к нему и нанес ему смертельный удар, и не захотел принять овцу" (Сага о Вемунде, гл. 23).^[254]

Эти конные бои иногда приводили к драке.

"Летом в Лангафите над Рейкьяром было назначено большое конное сражение (*хестатинг*), и туда прибыло много мужчин. У Атли из Бьярга (брата Гретти) была хорошая лошадь с темной полосой вдоль спины, породы Кейнгала (знаменитая кобыла, принадлежавшая отцу Гретти). Отец и сын придавали большое значение лошади. У братьев Кормака и Торгильса из Мела был гнедой конь, бесстрашный в бою. Лошади братьев и Атли из Бьярга должны были сражаться друг с другом. Было также много других хороших лошадей. Одд Умагаскальд, родственник Кормака, должен был в тот день сопровождать коня братьев; он стал сильным человеком, был очень гордым, властным и безрассудным. Гретти спросил своего брата Атли, кто должен позаботиться о его лошади. 'Я еще не совсем решил', - сказал Атли. 'Ты хочешь, чтобы я встал рядом с ней?' Спросил Гретти. 'Тогда веди себя очень тихо, родственник,' добавил Атли, 'потому что нам приходится иметь дело с гордыми людьми. Им придется заплатить за свою властность,' продолжал Гретти, 'если они не будут держать ее в рамках. Теперь этих лошадей повели вперед, в то время как остальные стояли связанные рядом на берегу реки, которая была там глубокой.

Лошади яростно кусали друг друга и доставляли величайшее удовольствие. Одд нетерпеливо последовал за своим конем, в то время как Гретти отступил и схватил коня за хвост одной рукой, держа в другой посох, которым он хлестал его.... Сражающиеся лошади двинулись к реке; Одд ударил Гретти посохом и попал ему в лопатку, которая была повернута к нему. Удар был настолько сильным, что на теле остался синяк, но Гретти был лишь слегка ранен. В этот момент лошади высоко поднялись на дыбы. Гретти подскочил под крупу его лошади и ткнул своим посохом в бок Одда с такой силой, что у него были сломаны три ребра, и он упал в реку вместе со своей лошадью и всеми остальными. К нему подплыли люди, и его вытащили из реки. При этом раздалось много криков. Кормака, его люди и те, что из Бьярга, схватились за оружие; когда люди из Хрутафьорда и те, что из Ватнснеса, увидели это, они вступились, и их разлучили, и они разошлись по домам, угрожая друг другу; но, тем не менее, некоторое время они хранили молчание. Атли мало говорил об этом, но Гретти был доволен

громогласен и сказал, что они встретятся снова, если он добьется своего” (Сага о Гретти, гл. 29).

“Всякий раз, когда человек использует лошадь для другого боя без разрешения владельца, он должен возместить последующий убыток и *выделить деньги*^[255] владельцу в соответствии с законным решением суда. Если ущерб оценивается в полмарки, он должен возместить ущерб в полном объеме в соответствии с законом, как если бы это было сделано из ненависти или зависти. Каждый человек должен отвечать за себя в конном бою, кому бы ни достался этот бой. Если человек без необходимости ударит лошадь во время конного боя, он должен выплатить эф-фондарбот владельцу; и если это повредит лошадь, он должен выплатить компенсацию за ущерб и ревность владельцу” (N. G. L., ii. 126).

ГЛАВА XXI. ЗАНЯТИЯ ЖЕНЩИН.

Ткачество и вышивка — Ключи домохозяйки—Общее занятие обычных женщин—Королевы варят эль и отбеливают белье—Ткацкие станки—Амазонки.

Знатные женщины занимались ткачеством и вышивкой, участвовали в домашних обязанностях и брали на себя управление поместьем, пока их мужья отсутствовали.

У жены при себе была связка ключей, чтобы показать ее власть над домашним хозяйством; и во многих женских могилах были найдены ключи либо из железа, либо из бронзы.

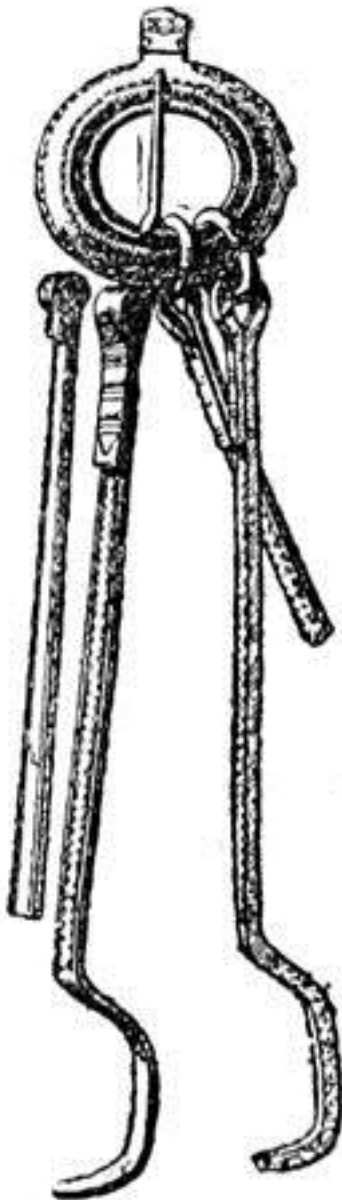

Рис. 1339.—Связка бронзовых ключей в большом каменном ящике, сложенном из плит; найдена вместе с двумя человеческими скелетами на ложе из бересты и т.п. в размере $\frac{1}{4}$ реального.—Норвегия.

У женщин было особое жилище под названием *Дингья* или *Скемма*, куда мужчинам входить не разрешалось и где их навещали подруги.

В прежние времена, по-видимому, у отцов был обычай выставлять защитников снаружи на стражу, чтобы не допустить проникновения мужчин в женские покои; и эти защитники описываются как принявшие облик животных.^[256]

Гобелен из Байе^[257] во многих моментах подтверждает правдивость Саг; например, когда речь идет о корабле-драконе, украшенном щитами, полосатыми парусами, маленькими лодками и т. Д., О древней резьбе по дереву, некоторые из которых показаны в этой работе, об одежде и плащах, которые носят только высшие- рожденные и скрепленные фибулами на правом плече и вышивкой.

Затем его приемная дочь Брюнхильд вернулась в Хеймир. Она проводила время в беседке со своими служанками и превосходила в рукоделии всех других женщин. Она вышила золотом

и вышла на нем великие деяния Сигурда, убийство змея, завладение сокровищем и смерть Регин” (Сага о Вельсунге, с. 24).

Гудрун шла дальше, пока не пришла в чертог короля Халфа, и оставалась там с Торой, дочерью Хакона, в Дании семь сезонов (то есть полгода), и ее хорошо развлекали; она вышивала и совершала за этим много великих подвигов и прекрасных игр, которые были обычными в то время, надевала мечи и кольчуги и все королевское снаряжение, и корабли короля Зигмунда скользили вдоль берега. Они также вышли, как Сигар и Сиггейр сражались на Фьене. Это доставляло им удовольствие, и Гудрун теперь немного забыла о своем горе” (“Сага о Вельсунге”, с. 32).

Обычным занятием обычных женщин было доить коров, готовить еду и питье, обслуживать мужчин, работать в поле и особенно заготавливать сено, раскладывать шерсть, ухаживать за одеждой,^[258] мыть мужчинам головы и снимать с них одежду, когда они ложатся спать; обычай, все еще распространенный во многих частях Скандинавии.^[259]

Женщины высокого ранга даже руководили работой на ферме и порой обладали немалой властью.

Рис. 1340.—Железная игла. Реальный размер.

Рис. 1341.—Бронзовая игла. Настоящий размер. Найден с бронзовой булавкой, фрагментом обоюдоострого меча, железным топором, бронзовой цепью и т. Д. -Норвегия.

Рис. 1342.—Серебряная игла. Реального размера. Найдена в продолговатом кургане со стеклянными и янтарными жемчужинами и двумя глиняными урнами, в одной из которых были обожженные кости.—Норвегия.

“Торбьерн Скрюп жил рядом с фермой Торда в Лаксардале. Он был богат, в основном золотом и серебром; он также был высокого роста и обладал огромной силой.... Хескульд купил корабль у жителя шетландских островов и снарядил его, объявив, что намерен уехать за границу, но оставит Юруна дома, чтобы тот заботился о ферме и их детях. Он отплыл...” (Лаксдала, с. 11).

Греттир был схвачен, и они собирались его повесить.

Затем они увидели шестерых мужчин, скачущих дальше по долине; один из них был в цветной одежде. Они догадались, что Торбьерг, домохозяйка из Ватнсфьорда, была там, и так оно и было. Она направлялась на сетер (горное пастбище). Она была высокообразованной женщиной и очень мудрой; она правила округой и улаживала все дела, когда Вермунда, ее мужа, который был годи, не было дома” (Сага о Гретти, с. 52).

Однажды летом Торордд, бонди с фермы Фрода в Исландии, встал однажды рано утром—

“И распределили работу; некоторые взяли лошадей, а женщины должны были сушить сено, и работа была разделена между ними. Торгунне пришлось высушить столько же, сколько корма для быка, и в тот день они проделали много работы” (Эйрбигджа, гл. 51).

Иногда упоминается вред, причиняемый сплетничающими женщинами.

“Зал был 100 эллов”^[260] в длину и пять сажений в ширину; к югу от него находилась комната (дынджа) Ауд и Асгерд, и они сидели там за шитьем. Торкель пошел туда и лег рядом с ним. Асгерд сказала: ‘Помоги мне, Ауд, и сошей рубашку для моего бонди Торкеля’. Ауд ответил: ‘Я не лучше тебя знаю, как это сделать, и ты не стал бы спрашивать меня, нужно ли тебе сделать что-то для моего брата Вестейна’. Асгерд ответила: ‘То, что касается Вестейна, само по себе; и так будет какое-то время; но я люблю его больше, чем моего мужа Торкеля, хотя мы, возможно, никогда не насладимся друг другом’. Ауд добавила: ‘Я давно знала, что Торкель думал об этом и как все прошло; давай больше не будем об этом’. Асгерд сказала: ‘Я не думаю, что это вина, что я люблю Вестейна, но я слышала, что ты и Торgrim часто встречались до того, как вы поженились’. Ауд ответил: “В этом не было ничего плохого, и я никого не предпочитал Гисли, так что в этом не было бесчестия; давайте прекратим этот разговор’. Так они и сделали. Торкель слышал каждое слово и воскликнул: ‘Услышь великие чудеса! услышь слова судьбы! услышь великие речи, которые приведут к смерти одного человека или нескольких!’ После этого он ушел. И сказал: ‘Разговоры о женщинах часто причиняют зло, и может быть, что это зло будет вызвано; давайте подумаем, что нам делать’. Асгерд сказала: ‘Я придумала способ’. ‘Что это?’ спросила Ауд. ‘Я обниму за шею моего мужа, Торкеля, когда мы ляжем сегодня вечером в постель, и буду очень нежна; при этом его мнение изменится, и он простит меня. Я также скажу ему, что это такая ложь, что это не имеет никакого значения, хотя мы и болтали об этом. Но если он захочет поднять из-за этого шум, дай мне другой совет. Или какой способ ты собираешься предпринять?.. Вечером Гисли вернулся домой с работы. У Торкеля было в обычае благодарить своего брата Гисли за работу; на этот раз он этого не сделал и не сказал ему ни слова. Гисли спросил: ‘Тебе нехорошо, брат, раз ты такой молчаливый?’ Торкель ответил: ‘Я не болен, но это хуже, чем болезнь’. Гисли спросил: ‘Сделал ли я что-нибудь, что тебе не понравилось, брат?’ ‘Ничего”, - ответил Торкель. Гисли сказал: ‘Это хорошо, потому что я меньше всего хотел бы, чтобы мы расходились во мнениях. Но, тем не менее, мне бы очень хотелось знать, в чем причина твоей печали’. Торкель ответил: ‘Ты узнаешь это, хотя и позже’. Гисли ушел, а потом лег спать. Торкель лег первым. Когда Асгерд легла спать, Торкель сказал: ‘Я не хотел, чтобы ты спала здесь этой ночью’. Она сказала: ‘Что может быть более подходящим, чем то, что я буду спать со своим мужем? или почему твое мнение так быстро изменилось? Но в чем причина?’ “Ты знаешь причину, - сказал Торкель, ‘и я тоже это знаю’. “Зачем так говорить?” - добавила она. “Не верь глупым разговорам о нас, женщинах, потому что, когда мы одни, мы всегда болтаем о вещах, в которых мало правды; так было и в этом случае”. Тогда Асгерд обвила его шею обеими руками, была очень ласкова и умоляла его не верить подобным вещам. Торкель велел ей уходить. Асгерд сказала: ‘... Я даю тебе два выбора: либо принять как недосказанное то, о чем мы говорили, и не верить тому, что не является правдой; либо я немедленно назову своих свидетелей и объявлю о разлуке с тобой. Тогда я буду делать то, что мне нравится, и, может быть, тогда у тебя появится повод говорить о настоящей вражде. Я позволю моему отцу потребовать мое *поместье* и приданое. Торкель промолчал, но через некоторое время сказал: ‘Я думаю, тебе лучше всего забраться под кровать этой ночью’. Она легла в постель, и они согласились, как будто ничего не произошло. Ауд подошла к постели своего мужа Гисли и рассказала ему все, что говорила о себе и Асгерд. Она умоляла его не сердиться и дать хороший совет, если он сочтет это необходимым. ”Я знаю, что Торкель хочет, чтобы мой брат Вестейн был убит, если это возможно”. Гисли ответил: “Я не могу дать хорошего совета, но я не буду винить тебя за это, потому что кто-то должен произнести слова судьбы”” (Сага о Гисли Сурссон).

Даже королевы заботились о приготовлении эля и отбеливании белья.^[261]

“Однажды, когда Тордис вышла постирать белье,^[262] погода была прекрасная, светило солнце и ветер дул с юга” (Льосветнинга, гл. 5).

“Король Альрек, живший в Альрексстадире, правил Хердаландом; он был женат на Сигни, дочери короля из Верса. Один из его хирдманов, Колл, последовал за ним на север, в Согн, и много рассказывал ему о красоте Гейрхильд, дочери Дрифа; он видел ее за приготовлением эля и сказал, что хочет, чтобы он женился на ней. Хетт, который оказался Одином, пришел навестить ее, когда она занималась стиркой белья, и договорился с ней, что Алрек женится на ней, но что она должна обращаться к нему по всем вопросам. Король увидел ее по дороге домой и той же осенью назначил их свадьбу. Он хорошо вознаградил Колла за его верность и дал ему титул ярла и резиденцию в Коллси, к югу от Хардсе, который является густонаселенным районом. Король Алрек не мог взять их обеих в жены из-за их разногласий и сказал, что возьмет ту, которая сварит для него лучший эль, когда он вернется домой из похода. Они соперничали в приготовлении эля. Сигню призвала Фрейю и Гейрхильд Хетт, которые использовали свою слюну в качестве закваски, и сказала, что хочет за свою помощь того, что было между ней и бадьей;^[263] эль оказался хорошим; затем Алрек запел:

Гейрхильд, моя дева,

Хорош этот эль,

Если дефекта нет

Следует за ним;

Я вижу висящего

С высокой виселицы

Твой сын, женщина,

Отдано Одину.

В тот год родился Викар, сын короля Алрека и Гейрхильд” (Сага о Халфе, с. i.).

Тому, что люди владели искусством ткачества^[264] у нас есть достаточно доказательств в сагах, а также в находках. Из следующего описания мы знаем, на что были похожи ткацкие станки.

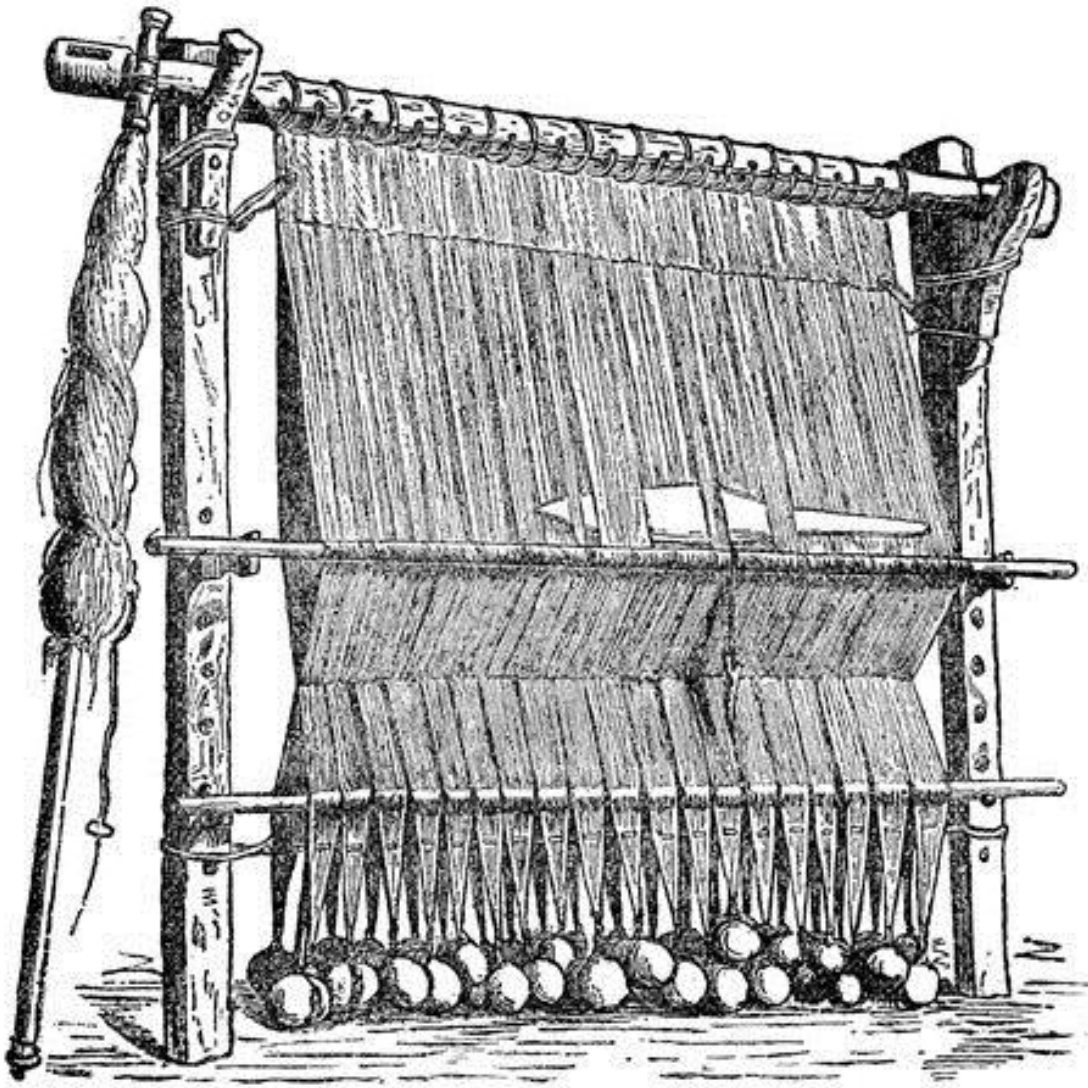

Рис. 1343.—Древний ткацкий станок из Фарозса в музее Бергена.

“Однажды утром, в Страстную пятницу, в Кейтнесе (Кейтнесс, Шотландия) случилось так, что человек по имени Дорруд вышел на улицу и увидел, что двенадцать мужчин вместе едут к дому женщины и там исчезли. Он пошел туда и посмотрел через ‘световое отверстие’ и увидел других женщин, которые ткали паутину на ткацком станке. Грузилами (завитушками) были человеческие головы, но гав и основа были человеческими кишками, копье использовалось как веретено, а стрела - как челнок” (Сага о Ньяле).

Завитки очень часто встречаются в могилах.

Встречается много примеров, когда женщины становятся оруженосцами и часто сражаются так же храбро, как самые доблестные воины;^[265] и о том, что этот обычай не был совсем неизвестен в некоторых частях Европы в более поздний период, чем эпоха викингов, свидетельствует появление Жанны д' Арк.

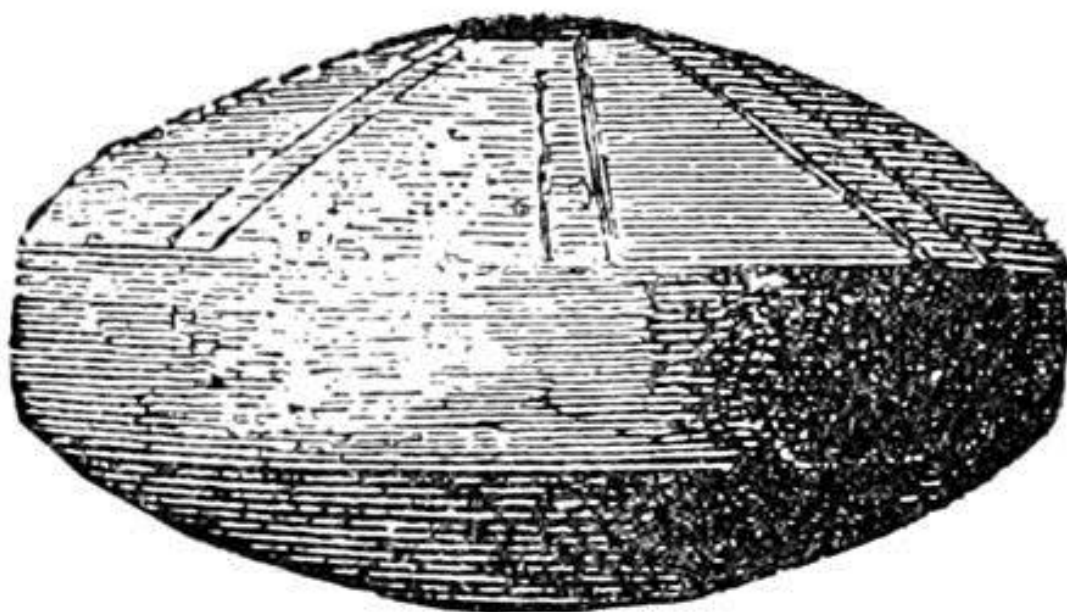

Рис. 1344.

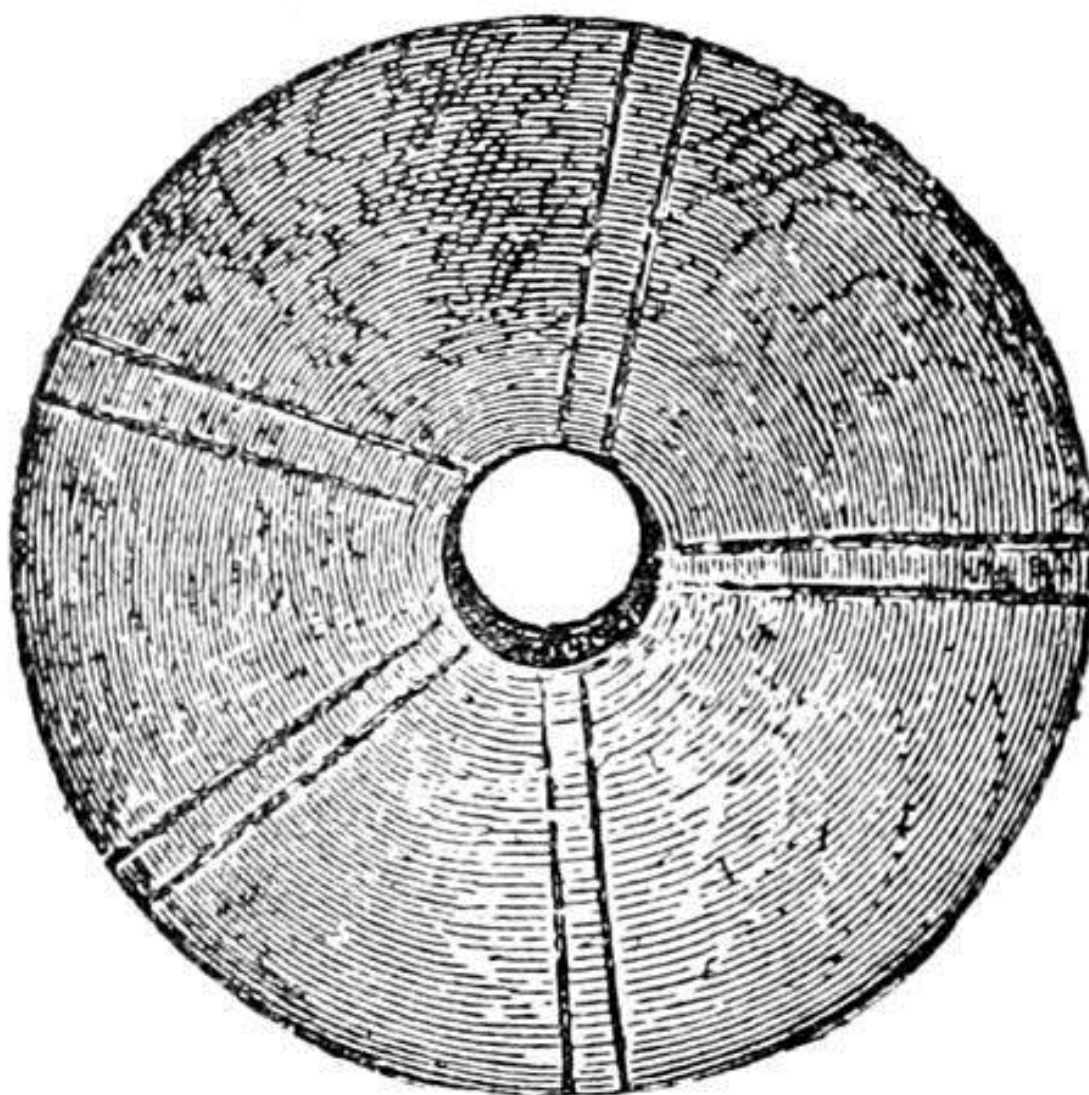

Рис. 1345.

Завиток веретена из обожженной глины, $\frac{2}{3}$ реального размера, найден рядом с глиняной вазой с обожженными костями в продолговатом кургане—Греби, Богуслан. С соседнего холма можно насчитать около 160 курганов, шестьдесят из которых имеют продолговатую форму — от 25 до 36 футов в длину и от 15 до 20 футов в ширину — на некоторых установлены мемориальные камни, самый высокий из которых достигает 14 футов.—Ранний железный век.

Рис. 1346.— Образец своеобразного ткацкого челнока— выполненного в форме короткого обоюдоострого лезвия, задняя часть которого сформирована для надевания на рукоять. Образцы, найденные в нескольких женских захоронениях. Около $\frac{1}{4}$ реального размера.— Норвегия.

“Свафа, дочь Бьяртмара ярла, родила девочку; большинство людей считали, что ее следует разоблачить, и говорили, что у нее не будет характера женщины, если она станет такой же, как родственники ее отца.^[266] Ярл окропил ее водой, воспитал и назвал ее Хервер, и сказал, что род сына Арнгрима не совсем умер, пока она была жива. Когда она выросла, то была белокурой; она больше упражнялась в стрельбе и обращении с мечом и щитом, чем в шитье и вышивании; она была высокой и сильной, и как только у нее появлялась возможность, она чаще творила зло, чем добро; когда ей мешали в этом, она убегала в лес и убивала людей, чтобы завладеть их имуществом. Когда ярл узнал об этом, он отвел ее домой, и там она пробыла некоторое время” (“Сага о Хервараре”, гл. 6; также “Сага о Херро и Боси”, гл. 2, и “Атлакvida”).

ГЛАВА XXII. УПРАЖНЕНИЯ—ИДРОТТИР.

Физические и умственные упражнения—Любовь к легкой атлетике—Прыжки— Скалолазание—Популярность борьбы—Различные виды борьбы—Бег—Игры с мячом— Перетягивание кожи—Плавание—Некоторые выдающиеся достижения в плавании— Перепонки пальцев —Воинские упражнения—Ловкость в обращении с оружием—Стрельба из лука—Мастерство вождей в легкой атлетике и гимнастике.

Физические и умственные упражнения были известны под названием *Идроттир*. Ни в каких древних записях мы не находим такого количества подробных описаний игр, как в Сагах. Образование норманнов носило насквозь спартанский характер. По сей день любовь к спортивным играм является одной из характеристик их самых прямых потомков, англичан; и другие страны недавно осознали важность физической подготовки.

Их упражнения или игры можно разделить на три категории.

первое. *Спортивные* игры или гимнастические упражнения, такие как борьба, плавание, бег, прыжки, балансирование, скалолазание, игра в мяч, гонки на снегоступах, подтягивание кожи и т.д.

2. *Воинственные* упражнения с оружием, включавшие фехтование, метание копья, стрельбу из лука, метание пращи и т. Д.

3. *Умственные* упражнения, состоящие из стихотворений, рассказывания саг, загадок, игр в шахматы и шашки, игры на арфе.

В те дни непрекращающихся боевых действий физическая подготовка считалась первостепенной. Старые и молодые постоянно упражнялись в играх на силу и ловкость; они знали, что только постоянными упражнениями они смогут стать или остаться хорошими воинами. Это сделало молодых людей гибкими, быстроногими, ловкими в движениях и придало им огромную силу выносливости, обеспечив хорошее телосложение, которое отразилось на их детях и будущих поколениях. Таким образом, они всегда были готовы к войне, и это ключ к характеру старого викинга. Мы видим, каким здоровым и сильным человеком он, должно быть, был, умевшим нанести смертельный удар и избежать предательского меча, копья или стрелы. Результатом такого воспитания стало мощное телосложение, которого достигла молодежь страны: молодые люди достигли совершеннолетия и были готовы к войне в возрасте пятнадцати лет.

Постоянно проводились соревнования за звание чемпиона в каждой конкретной игре или упражнении, и молодые и пожилые соревновались друг с другом на специальных площадках, которые были выбраны для этой цели, где собравшаяся восхищенная толпа приходила посмотреть на эти соревнования. По-видимому, победителю конкурса не было вручено никаких призов - по крайней мере, о них никогда не упоминается. Все, чего требовалось, - это слава, доставшаяся победителю, и каждый великий воин всегда преуспевал во владении оружием или в атлетических упражнениях.

Их любовь к физическим упражнениям объясняет, как эти бесстрашные и мужественные племена, у которых была собственная развитая цивилизация, способствовали возрождению крови людей, среди которых они поселились или которых завоевали.

Прыжки были любимым упражнением скандинавов. Некоторые мужчины могли прыгать выше своего роста, как вперед, так и назад, и это с оружием и в полной броне.

Ловкость была абсолютно необходима для того, чтобы одержать победу или избежать опасности; многие люди были обязаны своей жизнью либо своевременному прыжку в сторону, либо прыжку с высоты, либо через кольцо окружающих врагов.

“Однажды, когда они (Херро и Бози) плыли недалеко от берега в сильный шторм, человек, стоявший на скале, попросил разрешения отправиться с ними. Эрро сказал, что он не может отклониться от своего курса ради него, но если он сможет добраться до корабля, то может пойти с ними. Человек спрыгнул со скалы и навалился на румпель; это был прыжок на тридцать футов” (Сага о Эрро и Бози, гл. 3).

“Сигурд побежал вниз по единственной тропинке, но Лейф добрался до того места, где лежал Хери, один из спутников Сигурда, и быстро повернулся, побежал вперед по острову и спрыгнул на берег, и люди говорят, что до пляжа девяносто футов” (Сага о Ферейинге, гл. 57).

Ламби Сигурдсон подбежал к Кари сзади и замахнулся на него копьем; но Кари увидел его и вскочил, одновременно расставив ноги. Копье вонзилось в землю, и Кари наступил на рукоять и разломил ее на части” (Нджала, гл. 146).

“Скарпхедин стоял со своим топором на плече, презрительно улыбаясь, и сказал: ”Этот топор был у меня в руке, когда я перепрыгнул на 12 эллов (24 фута) через Маркарфльот и убил Траина Сигфуссона, и они стояли там, восемь человек, и никто из них не смог меня достать”” (Ньяла, с. 120).

“Скарпхедин (сын Ньяля, великого воина) вскочил, когда был готов, держа топор *Риммугиг* в воздухе; он побежал вперед к руслу реки, которое было настолько глубоким, что было совершенно непроходимым. На другом берегу реки образовалось много льда, и она была скользкой, как стекло; они (Трейн и его люди) стояли посреди нее. Скарпхедин подпрыгнул и перепрыгнул реку между ледяными пластами, но не остановился, а побежал, скользя по льду. Было очень скользко, и он продвигался вперед быстро, как летящая птица. Траин собирался надеть шлем. Скарпхедин подошел к ним и нацелился на Трейна своим топором, ударил его по голове и рассек ее до челюсти, так что они упали на лед. Это произошло так внезапно, что никто не смог нанести ему удар. Он мгновенно убежал с огромной скоростью” (Нджала, с. 92).^[267]

Еще одним их упражнением было лазание.

“Когда-то король Олаф держал свои корабли в гавани, недалеко от очень высокой горы и самых крутых скал. Однажды двое его *хирдманов* заговорили о своем *идроттире*, и каждый подумал, что он лучше и что он знает больше игр, чем другой. Они спорили, кто сможет взобраться на самую крутую скалу; они спорили об этом так остро, что в конце концов заключили пари, и один поставил свое золотое кольцо, а другой - свою голову. После этого они оба взобрались на скалу. Первый зашел так далеко, что ему грозила опасность упасть, а затем в страхе вернулся и с трудом спас себя от травм; другой взобрался на середину горы, но там он не осмеливался идти ни вперед, ни назад, ни даже пошевелиться, потому что у него почти не было опоры ни для рук, ни для ног; положение его было настолько опасным, что он видел, что его падение и смерть неизбежны, если он сделает малейшее движение там, где находился. В великом страхе он закричал, призывая короля Олафа или его людей помочь ему. Когда король услышал его крик и узнал, в чем дело, он приказал им спасти его, сказав, что это был бы подвиг великой храбрости, если бы кто-нибудь осмелился это сделать. Когда король увидел, что никто не шевелится, он сбросил свой плащ и взбежал по скале к этому человеку, как будто это была ровная равнина, взял его под мышку и пошел с ним дальше. Затем он повернулся, чтобы спуститься вниз с мужчиной под мышкой, и положил его целым и невредимым на землю. Все восхваляли это как великий подвиг, и слава о нем широко распространилась” (“Сага об Олафе Трюгвасоне”, том ii.; Форнманна Сегур).^[268]

Борьба была очень популярным занятием и оказывала благотворное воздействие на тело, придавая ему гибкость, силу и упругость; она была большим фаворитом на Мероприятиях и фестивалях. Самая простая форма этого вида спорта заключалась в том, что борцы изо всех сил хватали друг друга за руки или талию и силой своих рук сбивали друг друга с ног. Борцы часто сбрасывали с себя не только верхнюю одежду, но и нижнее белье, чтобы быть более свободными и ловкими. Участники были разделены по жребию на две группы, каждая из которых была выстроена в ряд со своим лидером. Они разбили своих мужчин на пары, чтобы бороться на арене или в пространстве между двумя рядами, один за другим. Если одна сторона была численно слабее или один человек потерпел поражение от всех своих людей, он мог бросить вызов своему противнику, и результат их борьбы решал исход игры.

Более сложной формой борьбы были схватки и атаки друг на друга (иногда связанные вместе ремнем на талии) в соответствии с определенными правилами, а также систематические повороты и захваты руками и ногами, стремящиеся повалить друг друга на землю. Эти бои за чемпионство иногда заканчивались фатально.

“Сыновья Тора были лидерами игр. Турбьерн Онгул был очень властным и быстро заставлял любого, кого хотел, принять участие в игре, хватая его за руку и таща вперед, на поле. Те, кто был менее силен, боролись первыми, а затем один за другим, что вызвало большое веселье. Когда большинство из них сразились, за исключением сильнейшего, бундры заговорили о том, кто из них должен сразиться с каждым из сыновей Торда; но никто не вышел вперед. Они предстали перед разными мужчинами и бросили им вызов с тем же результатом. Торбьерн Онгул огляделся и увидел, что там сидит мужчина крупного роста, лица которого нельзя было разглядеть. Торбьерн ухватился за него и сильно потянул, но тот сидел неподвижно и не двигался. Тогда Торбьерн сказал: ‘Сегодня никто не сидел передо мной так твердо, как ты; но кто ты?’ “Меня зовут Гест” (гость), - ответил он. ‘Если ты примешь участие в какой-нибудь игре, ты желанный гость’. Он ответил: ‘Мне кажется, многое может измениться, и я не буду участвовать в играх с вами, которые мне совершенно неизвестны’. Многие говорили, что ему было бы хорошо, если бы он, хотя и незнакомец, немного позабавил их. Он спросил, чего они от него хотят. Они попросили его с кем-нибудь побороться. Он сказал, что перестал бороться, ”но, - добавил он, - было время, когда мне это очень нравилось”.

Торд бросился на Греттира, но тот стоял твердо, не дрогнув. Затем Греттир протянул руку к спине Торда и, схватив его за штаны, поднял его над ногами через голову и швырнул себе за спину, так что плечи Торда опустились с тяжелым стуком. Тогда они сказали, что два брата должны напасть на него одновременно, и они так и сделали; завязалась жестокая схватка, и каждый по очереди одерживал верх, хотя Греттир всегда держал одного из них под собой. Они по очереди падали на колени или тащили друг друга за собой; они так крепко вцепились друг в друга, что были все синие и окровавленные. Все сочли это величайшим развлечением, и когда они остановились, поблагодарили их за борьбу; и все присутствующие придерживались мнения, что два брата были не сильнее Греттира, хотя каждый из них обладал силой двух сильных мужчин” (Сага о Гретти, с. 72 и 74).

Торд Фангари вызвал Клауфи, которому было всего десять зим, на борьбу и назвал его трусом, если он отказался.

“Они созвали много людей в Хоф, потому что Торд не хотел сражаться нигде, кроме как там. Они начали и боролись долго, пока в дверь женской комнаты не вошла рабыня и не назвала это борьбой рабынь, поскольку ни одна из них не упала, и не велела им поцеловать друг друга, а затем остановиться. Клауфи рассердился на это, поднял Торда к себе на грудь и швырнул его так сильно, что все подумали, что он ранен” (Сварфдала, с. 12).

“Однажды летом на Альтинге мужчины разделились на две группы в Фангабрекке (борьба - край, склон), нордлендингах (мужчины из северной части суши) и Вестфирдингах (из западных фьордов). Нордлендцы потерпели поражение, и их предводителем стал Мар, сын Глума. Ингольф, сын Торвальда из Рангарвеллира, прибыл туда. Мар сказал: “Ты крепкий человек; ты должен быть сильным; будь на моей стороне в борьбе’. Он ответил: ‘Я сделаю это ради тебя’. Человек, который противостоял ему, пал, и второй, и третий тоже; это понравилось нордлендцам. Мар сказал: ‘Если тебе нужна моя помощь словами, я помогу тебе; но что ты собираешься делать теперь?’ Он ответил: ”Я еще ничего не решил, но мне бы больше всего хотелось уехать на север и найти работу”. Мар сказала: “Я хочу, чтобы ты поехал со мной”” (Вига Глум, с. 13).^[269]

Говорили, что некоторые мужчины бегают так же быстро, как самая быстрая лошадь. Часто было принято бегать с грузом, особенно с оружием.

“Жил в Исландии объявленный вне закона вор по имени Гейр, который был так быстр в ходьбе, что ни одна лошадь не могла его догнать” (Стурлунга, ii, гл. 13).

“Харальд Джилли был высоким и стройным мужчиной, с длинной шеей, довольно длинными шнурками, черноглазый, темноволосый, ловкий и стремительный; он часто носил ирландское платье, короткую и легкую одежду; он говорил по-норвежски с большим трудом,^[270] и сильно заикался, и многие над этим смеялись. Однажды Харальд сидел за выпивкой и заговорил с другим человеком об Ирландии; он сказал, что в Ирландии есть люди такие быстроногие, что ни один конь на скаку не может их догнать. Магнус, сын короля, услышал это и сказал: ‘Теперь он снова лжет, по своему обыкновению’. Харальд ответил: ‘Это правда, что в Ирландии можно найти людей, которых не обгонит ни одна лошадь в Норвегии’. Они немного поговорили об этом; оба были пьяны. Тогда Магнус сказал: ‘Ты можешь поспорить своей головой, что можешь бегать так же быстро, как я езжу на своем коне, и я поставлю против этого свое золотое кольцо’. Харальд ответил: ‘Я не говорю, что могу бегать так же быстро, но я могу найти в Ирландии людей, которые будут, и я могу заключить пари об этом’. Магнус, сын короля, ответил: ‘Я не поеду в Ирландию; давай заключим пари здесь, а не там’. Потом Харальд заснул и не хотел больше иметь с ним ничего общего. На следующее утро, когда закончилась заутреня, Магнус поехал верхом к дорогам; он послал весточку Харальду, чтобы тот прибыл туда. Когда он пришел, он был одет в рубашку и бриджи с ремнями, короткий плащ (моттул), на голове у него была ирландская шляпа, а в руке - копье. Магнус разметил беговую дорожку. Харальд сказал: ‘Ты делаешь ее слишком длинной’. Магнус сразу же сделал ее намного длиннее и сказал, что она все равно слишком короткая. Присутствовало много людей. Затем они ускакали галопом, и Харальд всю дорогу следовал за ними в поводу. Когда они подошли к концу дистанции, Магнус сказал: ‘Ты держался за ремень от подпруги седла, и лошадь тащила тебя за собой’. У Магнуса была очень быстрая лошадь из Гаутланда. Затем они снова помчались, и Харальд всю дорогу бежал впереди лошади. Когда они подъехали к концу, Харальд спросил: ‘Держался ли я на этот раз за подпругу седла?’ Магнус ответил: ‘Ты начал забег первым’. Магнус дал лошади немного отдышаться; сделав это, он уколол свою лошадь шпорами, и вскоре она тронулась; Харальд стоял спокойно. Затем Магнус оглянулся и крикнул: ‘Беги сейчас же’. Затем Харальд вскоре обогнал лошадь далеко впереди нее, и так до самого конца дистанции; он добрался до конца так задолго до Магнуса, что лег, вскочил и поприветствовал его, когда тот подошел. Затем они отправились домой, в город. Король Сигурд в это время был на мессе и узнал о случившемся только после трапезы в тот день. Затем он сердито сказал Магнусу: ‘Ты называешь Харальда глупым, но я думаю, что ты и есть дурак; ты не знаешь обычаев людей в других землях; разве ты раньше не знал, что люди в других землях тренируются в других идроттирах, чем набивать себе брюхо выпивкой или доводить себя до безумия, увечья и потери сознания; отдай Харальду его кольцо и никогда впредь, пока моя голова над землей, не смейся над ним’ (Сага о Сигурде Джорсалафаре, гл. 35).

Существовало три вида игр с мячом: *Knattleik*, *Soppleik* и *Sköfuleik*. В последнем случае играли скефурами (scrap).

“Однажды у короля (Хринга) была игра под названием *сопплейк*; в нее играли с увлечением, и они попробовали в ней Бози; но он играл грубо, и одному из людей короля вывихнули руку. На следующий день он сломал бедренную кость человеку, а на третий день на него напали

двое мужчин, в то время как многие преследовали его; одному он выбил глаз мячом, а другого сбил с ног и сломал ему шею” (Сага о Херро и Бози, с. 3).

Эти игры в мяч и другие спортивные забавы становились серьезными, когда встречались два округа или когда двое мужчин ревновали друг к другу, и иногда заканчивались кровавыми драками.

Колгрим старый, сын Альфа херсира из Тронхейма, жил в Ферстикле в Исландии; он был одним из первых поселенцев.

Колгрим послал сообщение людям Ботна, чтобы они захватили *Скефулейкара* и *Кнатлейкара* в Санде, на что они согласились. Игры начинались и продолжались до окончания Йоля; мужчины из Ботна обычно терпели поражение, потому что Колгрим устраивал все так, чтобы мужчины из Страндира были сильнее в игре. Много обуви было израсходовано жителями Ботна, поскольку они часто ходили туда пешком; а шкуру быка разрезали на обувь.^[271] Люди думали, что Колгрим хотел узнать об исчезновении быка и поэтому играл в эти игры; ему показалось, что он узнал шкуру быка на их ногах. Затем их называли людьми-быками, и с ними снова плохо обращались. Дома они рассказали об этом жестоком обращении и сказали, что скоро откажутся от игр. Херд резко обошелся с ними, сказав, что они большие трусы, если не осмеливаются отомстить и готовы только на злодеяния. Затем Торд и Торгейр Гюрдильскегги, разбойник, пришли в Херд. Ночью Хорд сделал скребки из рога. Каждый был готов пойти на игру, когда ушел Херд, хотя до этого они были довольно отсталыми. Против Херда должен был играть Онунд Тормодссон из Бреки; он был популярным и сильным человеком. Игра была очень грубой, и к вечеру шестеро мужчин Страндира лежали мертвыми, но ни один из мужчин Ботна; и обе стороны разошлись по домам” (“Сага о Хор”, гл. 29).

“Однажды сыновья короля (Ньерфи) и ярла викинга играли в бал; как обычно, сыновья Ньерфи были очень увлечены, и Торстейн берег свои силы. Он играл против Екуля, а Олаф против Торира и других игроков в соответствии с их возрастом. Так было днем. Торир бросил мяч так сильно, что тот перелетел через Олафа и упал далеко от него. Олаф разозлился и забрал мяч. Когда он вернулся, мужчины собирались расходиться по домам. Тогда Олаф ударил Торира битой, и когда Торир увидел это, он бросился под биту, которая ударила его по голове и оставила синяки. Торстейн и другие бросились между ними, и они разошлись” (Торстейн Викингссон, 10).^[272]

Однажды к ярлу Торгниру в Йотланде пришли двое неизвестных мужчин и сказали, что они братья.

“Там часто играли в мяч; многие просили братьев сходить на игры: они говорили, что часто бывали на этих играх и были довольно грубы. Люди ярла сказали, что позаботятся о себе, что бы ни случилось. На следующее утро братья отправились на игры и, как правило, в течение дня играли с мячом; они толкали мужчин, грубо давали им упасть и избивали других. Ночью троим мужчинам сломали руки, и многие были в синяках или искалечены; люди ярла теперь считали, что с ними плохо обращаются, и это продолжалось несколько дней”.

Тогда Стефнир, сын ярла, уговорил Хрольфа пойти с ним против них.

На следующий день Хрольф и Стефнир отправились на игры; братья тоже пришли. Храфн взял мяч, а Крак - битую, и они играли так, как привыкли. Ярл сидел на стуле и смотрел на игру, и когда они поиграли в нее некоторое время, Хрольф завладел мячом. Он выхватил битую у Крака и передал ее Стефниру. Затем они долго играли, и братья никак не могли завладеть

мячом. Однажды, когда Храфн бежал за мячом, молодой родственник ярла, любивший подшучивать над другими, выставил ногу так, что Храфн упал. Он очень разозлился, сразу же вскочил, схватил мужчину, поднял его и швырнул ему на голову так, что у него была сломана шея” (Гонгу Хрольф, ix.).

“Однажды Виглунд отбил мяч вне досягаемости Екуля (Фосса); Екуль разозлился, взял мяч и с такой силой запустил им в лоб Виглунда, что обе его брови опустились. Траусти отрезал кусок от своей рубашки и перевязал брови своему брату. Когда он сделал это, люди из Фосса ушли” (“Сага Виглунда”, гл. 11).

Самой популярной из этих игр была *Кнатлейк*. Выбирались специальные места, обычно лед замерзшего озера. Брейдвикинги имели обыкновение играть в мяч долгими зимними ночами; и там, где это происходило, для людей строили укрытия, поскольку игры часто длились две недели.

По мячам, которые были очень твердыми и, похоже, были сделаны из дерева, били деревянной битой, называемой *knatt-tré*. В этой игре, которая часто становилась серьезной из-за ран, нанесенных мячом или битой, обычно играли вместе два человека равной силы. В *Knattleik* играли следующим образом: мяч, обычно деревянный, подбрасывали рукой в воздух, а затем наносили удар битой; другой человек ловил его руками или отбивал назад чем-то вроде биты. Этому другие игроки пытались помешать, отталкивая его в сторону, или бросая на землю, или отбивая у него мяч. Если он позволял мячу улететь за пределы поля или упасть на землю, он должен был отправиться на его поиски.

“У мужчин Брейдавика осенью был обычай зимними вечерами играть в мяч. Мужчины съезжались туда со всей округи, и для игр были построены большие залы. Мужчины жили там полмесяца или больше” (Эйрбигджа, гл. 43).

“Тогда в Асбьярнарнесе проводились Игры, и на них собрались мужчины из многих районов: из Видидаля, из Мидфьорда, Ватнснеса, Ватнсдала и даже из Лангадаля. Там была толпа людей. Все говорили о том, насколько Кьяртан превзошел других. Затем были подготовлены игры, и Холл руководил ими. Он попросил Кьяртана принять в них участие. ‘Мы хотим, чтобы ты, родственник, показал свое мастерство в них’. Кьяртан ответил: ‘В прошлый раз я мало упражнялся в играх, потому что король Олаф был занят другими делами; но на этот раз я не откажу тебе’. Он подготовился к игре, и против него были выставлены сильнейшие из присутствующих. Они играли днем, и ни один человек не мог сравниться с Кьяртаном ни в силе, ни в мастерстве. Вечером, когда игры закончились, Халль Гудмундссон встал и сказал: ‘По предложению и воле моего отца все те, кто проделал здесь самый долгий путь, останутся на ночь и завтра снова начнут развлекаться’. Это предложение было сочтено достойным шефа и получило высокую оценку. Там был сын Кальфа Асгейра, который был большим другом Кьяртана; Хрефна, его сестра, тоже была там, великолепно одетая. В ту ночь на ферме, помимо домочадцев, находилось 100 человек. На следующий день они разделились для игр. Затем Кьяртан сел и стал смотреть” (Лаксдала, гл. 45).^[273]

Дерганье за шкуру, которое было похоже на современное развлечение - перетягивание каната, упоминается редко.

Король сказал: ‘Завтра мы (Херд и он сам) натянем козью шкуру поперек огня в этом зале ...’ Рано утром следующего дня они вошли в зал; там был разведен большой огонь. Немного погодя пришел король и сказал: ‘Я попрошу Хастиги тянуть с тобой, Херд’. Херд ответил: ‘Нам полезно попробовать спустить шкуру; так что будь готов, Хастиги’. Хастиги снял с себя всю одежду, но Херд не снял свой меховой плащ. Им дали очень прочную моржовую шкуру.

Затем они принялись за крепкие захваты и рывки, и каждый поочередно добивался успеха. Вскоре они разорвали шкуру между собой. Король приказал принести им бычью шкуру. Затем они потянули изо всех сил, причем так сильно, что им грозила опасность упасть в огонь. Хастиги был сильнее, но Херд был более проворным. Король сказал: 'Ты не тянешь, Хастиги, раз позволяешь этому ребенку так долго бороться с тобой'. Хастиги ответил: "Это не продлится долго, если я использую всю свою силу". Пока они разговаривали, Яльмтер взял меч и саксофон и положил их к ногам Хорда; никто этого не видел, потому что меховой плащ выступал наружу. Затем Хастиги потянул так сильно, что Херд чуть не свалился в огонь, и ему показалось, что у него никогда не было такого рывка. Они оба тянули так сильно, что все удивлялись, как это они не умерли от перенапряжения и смогли это вынести. Херд сказал Хастиги: 'Берегись, ибо сейчас я воспользуюсь своей силой, и ты долго не проживешь'. 'Я так и сделаю', - ответил Хастиги. Затем Херд потянул изо всех сил и тащил Хастиги вперед, в огонь, и накинул на него шкуру; он вскочил ему на спину, а затем пошел к своей скамье. Король приказал им вытащить этого человека из огня; он сильно обгорел. Король был очень разгневан, хотя и понимал, что в основном это была его собственная вина" (Сага о Хьялмтере и Олвере, гл. 17).

Для такого морского народа умение плавать было самым важным. Были мужчины, которые могли проплыть много миль в доспехах или с товарищем на плечах. Иногда случалось, что в воде завязывалась ожесточенная борьба и тот, кто был сильнее, тащил своего противника на дно, удерживая его до тех пор, пока он почти наполовину не захлебывался и не оказывал дальнейшего сопротивления.

"Однажды в хорошую погоду и при теплом солнечном свете многие мужчины купались, как с баркаса, так и с торгового судна. Исландец, который плавал, развлекался тем, что опускал под воду людей, которые плавали не так хорошо, как он. Они смеялись над этим. Король Сигурд слышал это и увидел; тогда он сбросил с себя одежду и выпрыгнул, подплыл к исландцу, схватил его и погрузил под воду, и держал его там, и как только исландец снова вынырнул, король снова опустил его на землю. Тогда Сигурд Сигурдссон сказал: 'Должны ли мы позволить королю утопить этого человека?' Один человек сказал, что никто, похоже, не очень-то хотел идти к ним. Тогда он ответил: 'Если бы Даг Эйлифсон был здесь, он был бы тем человеком, который сделает это'. Затем он прыгнул за борт и поплыл к королю, схватил его и сказал: 'Не убивай этого человека, господин; теперь все видят, что ты плаваешь гораздо лучше. Король сказал: 'Оставь меня в покое, Сигурд, я убью его; он хочет утопить наших людей'. Сигурд сказал: 'Теперь давай сначала поиграем; а ты, исландец, плыви к берегу'. Он так и сделал. Король отпустил Сигурда и поплыл к своему кораблю; Сигурд сделал то же самое" (Сага о Сигурде Джорсалафаре, гл. 36).

"Они (Олаф Трюгвасон и Эйндриди) отправились на берег, и мужчины с ними. Король и Эйндриди разделись. Они уплыли и долго играли друг с другом, поочередно таща друг друга ко дну, и в конце концов они так долго пробыли под водой, что никто не ожидал, что они вынырнут; но наконец король Олаф поднялся и поплыл к берегу. Он поднялся наверх и отдохнул, но одеваться не стал; никто не знал и не осмеливался спросить, что стало с Эйндриди. Спустя долгое время они увидели его; он поймал очень большого тюленя и сел ему на спину; он вцепился обеими руками в его щетину и таким образом управлял им, а когда приблизился к берегу, отпустил его. Король вскочил и поплыл к нему, погрузил его под воду и долго держал; когда они вынырнули, король поплыл к берегу, но Эйндриди был так измучен, что не мог спастись сам; когда король увидел это, он подошел к нему и помог ему выбраться на берег. Когда Эйндриди начала приходить в себя и они были одеты, король сказал: 'Твой талант к плаванию велик, Эйндриди; но, тем не менее, следует благодарить Бога за то, что ты

была ниже меня, как все могли видеть, когда мне пришлось вытаскивать тебя на берег'. 'Ты можешь думать об этом все, что тебе заблагорассудится', - ответила Эйндриди. 'Но, ' спросил король, - почему ты не убил тюленя и не вытащил его на берег?' 'Потому что, - ответила Эйндриди, - я не хотела, чтобы ты говорил, что я нашла его мертвым'. ("Сага Олафа Трюгвасона", том ii, стр. 270; Форнманна Сегур).

Кьяртан, сын исландского вождя Олафа, отправился в Нидарос в Норвегии.

"В один прекрасный осенний день мужчины отправились из города искупаться в реке Нид. Исландцы увидели это. Кьяртан сказал своим спутникам, что они должны пойти поплавать и развлечься; они так и сделали. Один человек плавал намного лучше других. Кьяртан спросил Болли, не хочет ли он попробовать свои силы в плавании с этим горожанином. Болли ответил: 'Я не думаю, что смогу это сделать'. Кьяртан сказал: 'Я не знаю, где сейчас твои амбиции; тогда я это сделаю'. Болли ответил: 'Делай, как тебе нравится'. Кьяртан бросился в реку и поплыл к человеку, который был лучшим пловцом; он сразу же схватил его и некоторое время держал под водой; затем он позволил ему всплыть, и когда они недолго пробыли над водой, человек схватил Кьяртана и затащил его под воду, и они были под водой столько, сколько Кьяртан считал удобным. Они снова вынырнули и ничего не сказали. Они погрузились в третий раз и пробыли под водой гораздо дольше всех. Кьяртан не знал, чем это кончится, и подумал, что никогда еще его так сильно не испытывали. Наконец они вынырнули и поплыли к берегу. Горожанин спросил: 'Кто этот человек?' Кьяртан назвал свое имя. Горожанин сказал: 'Ты хороший пловец; ты так же искусен в других идроттирах, как в этом?' Кьяртан ответил довольно медленно: 'Когда я был в Исландии, говорили, что другие мои идроттиры были равны, но сейчас это не имеет большого значения'"^[274] (Лаксдала, гл. 10).

"Затем он (Эгиль) взял свой шлем, меч и копье; он отломил рукоять своего копья и бросил ее в воду; он завернул оружие в свой плащ, сделал из него сверток и привязал к спине. Он прыгнул в воду и поплыл к острову" ("Сага об Эгиле", с. 45).

Иногда, чтобы лучше плавать, у мужчин были перепонки на пальцах.

Итак, Греттир приготовился искупаться и надел плащ с капюшоном из обычной ткани и бриджи; пальцы у него были перепончатыми. Погода стояла прекрасная. Он покинул остров поздно вечером. Иллуги, его брат, считал свое путешествие очень опасным. Греттир заплыл во фьорд, сопровождаемый течением, во время совершенного штиля. Он быстро плыл и добрался до Рейкьянеса после захода солнца" ("Сага о Гретти", гл. 77).

Неудивительно, что военные упражнения должны были играть такую заметную роль в физическом воспитании.

Некоторые мужчины могли перекладывать оружие из одной руки в другую во время самой жаркой схватки, одинаково легко пользоваться обеими руками, метать два копья одновременно или ловить копье в полете.

"Гуннар Хамундссон жил в Хлидаренди во Флайотсхлиде. Он был крупного роста и силы и более искусен в бою, чем любой другой мужчина. Он мог стрелять и наносить удары обеими руками одинаково, когда хотел; он двигал своим мечом так быстро, что казалось, будто в воздухе витают три меча. Он стрелял из лука лучше, чем кто-либо другой, и никогда не промахивался. Он мог прыгать как назад, так и вперед, больше своего роста, в полном боевом облачении. Он умел плавать, как тюлень, и не было игры, в которой какой-либо человек был бы в состоянии справиться с ним, и было сказано, что ни один человек не был ему равен" (Нджала, гл. 19).

“Зигмунд (во время своего боя с хольмгардским викингом Рандвером) показал свой идротт. Он метнул свой меч и подбросил его в воздух, поймал левой рукой, взял щит в правую руку и нанес Рандверу удар мечом, отрубив ему правую ногу ниже колена. Затем Рандвер упал. Вслед за этим Зигмунд нанес ему удар по шее и отсек ему голову” (Сага о Ферейинге, гл. 18).

Стрельба из лука была еще одним любимым развлечением. Телемаркцы (Норвегия) и йомсвикинги считались в этом отношении превосходящими всех остальных, и первые отличились в битве при Бравалле.

У нас есть самые замечательные примеры их мастерства в метании камней, метании пращи, стрельбе из лука и т.д. и т.п.

“После падения Олафа Трюгвасона Эйрик ярл заключил мир с Эйнаром Тамбарскельфиром, сыном Эйндриди Стиркарссона. Эйнар отправился с ярлом в Норвегию, и говорят, что Эйнар был самым сильным из всех мужчин и лучшим лучником в Норвегии.... Он выстрелил *баккакольфом* (толстой стрелой без наконечника, выпущенной из арбалета) сквозь сырую бычью шкуру, которая висела на стропиле” (Снорри Стурлусон; Сага о Святом Олафе, гл. 20).

На следующий день они отправились в лес, недалеко от фермы. Король снял свой плащ, установил мишень на склоне холма и обозначил дальнюю дистанцию для стрельбы. Затем ему дали лук и стрелы. Он выстрелил, и стрела попала в мишень у края и застряла там. Эйндриди выстрелил дальше, но не в середину. Затем король выстрелил во второй раз; они подошли к мишени, и стрела попала в середину, и все назвали это знаменитым выстрелом. Эйндриди также похвалил мастерство короля и сказал, что, по его мнению, ему не стоит пытаться снова. Король сказал ему сдаваться, если ему нравится, и признать себя побежденным в этом идротте. Эйндриди ответил, что, может быть, и так, но все же он попробует еще раз; он выстрелил, и его стрела вошла в выемку для тетивы последней стрелы короля, так что обе они застряли там. Царь сказал: ‘Ты очень искусный человек в идроттире, но этот идротт еще не был полностью испытан. Сейчас будет схвачен тот красивый мальчик, которого, по твоим словам, ты так сильно любила на днях, и он станет мишенью, как я укажу. Король позволил положить на голову мальчику кусочек *hnefatafl*^[275]. ‘Теперь мы сбьем осколок с головы мальчика, - сказал король, - чтобы он не пострадал’. ‘Ты можешь сделать это, если хочешь, но я непременно отомщу, если мальчику причинят вред’, - ответила Эйндриди. Вокруг головы мальчика была повязана длинная льняная ткань, и двое мужчин держали концы, чтобы он не мог пошевелить головой, когда услышит свист стрелы. Король подошел к тому месту, где ему предстояло стоять, и начертал крест перед собой и перед наконечником стрелы, прежде чем выстрелить; но лицо Эйндриди сильно покраснело. Стрела пролетела под осколком и снесла его с головы мальчика, но так близко от черепа, что с макушки закапала кровь. Затем король велел Эйндриди стрелять вслед ему, если он хочет; но мать и сестра Эйндриди, горько плача, умоляли его не пытаться. Эйндриди сказал королю: ‘Я не боюсь, что, рискнув выстрелить, я причинил бы мальчику какой-либо вред, но, тем не менее, на этот раз я стрелять не буду’. “Тогда, - сказал король, - мне кажется, ты должен признать себя побежденным” (“Сага об Олафе Трюгвасоне”, том ii; Форнманна Сегур).

Игра с кинжалами была обычной практикой. Он состоял в том, чтобы играть одновременно тремя короткими мечами, или кортиками, так, чтобы один из них всегда был в воздухе, в то время как в каждой руке было по одному; когда один из них подбрасывался вверх, игрок хватал падающий.

Очень необычным достижением было бегать на лопастях весел вокруг корабля, пока им управляли. Среди тех, кто обладал таким мастерством, был Олаф Трюгвасон, который,

обходя свой корабль "*Длинный змей*" на лопастях весел гребцов, мог поигрывать тремя кинжалами или короткими мечами.

На третий день король сказал Эйндриди: "Теперь погода хорошая и безветренная, и мы попробуем сыграть в хандсакс".

Мужчины вышли посмотреть; каждый взял по два саксофона, и они некоторое время играли с ними.

Затем каждому дали по третьему саксофону, и они играли так, что один все время был в воздухе, а два - в руках; они всегда ловили их за ручку, и никто не мог определить, кто из них самый искусный. Спустя долгое время король сказал: "Эта игра еще недостаточно опробована".

Они спустились к берегу и сели на большой длинный корабль, и король приказал своим людям грести на корабле, а затем король вышел за борт, на веслах вдоль борта корабля, и там играл тремя секирами так же искусно, как раньше на суше; и Эйндриди сделала то же самое. Король играл первым, а Эйндриди - за ним. Затем король снова пошел тем же путем на веслах, и таким образом перед кормой, не выронив топоров и даже не намочив башмаков; он вернулся с другой стороны на веслах и поднялся на корабль. Никто не мог понять, как он это сделал. Эйндриди стоял перед королем, когда тот взошел на корабль, и молча смотрел на него. Король сказал: 'Почему ты стоишь и не пытаешься догнать меня?' Эйндриди ответил: "Ты, господин, ни в коем случае не смог бы сделать это со своим идроттом в одиночку, без силы того Бога, в которого ты веришь; и из этого я вижу, что он всемогущ, и поэтому отныне я буду верить, что он и никто другой - единственный Бог"" (Сага о Олафе Трюгвасоне; Форнманна Сегур).

Среди таких воинственных и похожих на спартанцев людей вожди должны были быть лучшими во всех атлетических и гимнастических упражнениях, если они хотели пользоваться уважением и доверием народа и властвовать над ним. Недостаточно было говорить о том, что сделали их предки; они должны были показать себя достойными их, и если они были неспособны править, они были свергнуты собравшимся народом.

В Сагах есть несколько примеров того, как могущественные вожди проявляли свой гнев и ревность, когда кто-либо превосходил их.

"Из всех людей, о которых говорилось, король Олаф был во всех отношениях величайшим человеком идроттира в Норвегии; он был самым сильным и искусным из всех, и написано много рассказов об этом. Одна из них повествует о том, как он взобрался на Смолсархорн и прикрепил свой щит на вершине скалы; он помог своему хирдману, который взобрался на скалу и не мог ни подняться, ни спуститься обратно; король подошел к нему и понес его под мышкой вниз, на ровную равнину.... Он мог одинаково хорошо сражаться обеими руками и метать два копья одновременно" ("Сага об Олафе Трюгвасоне", гл. 92 (Хеймскрингла)).

"Магнус (король) упражнялся и был искусен во многих играх и идроттире даже в юности; он ходил по планширу, как привыкли молодые люди того времени, и делал это с большой ловкостью, и демонстрировал свои достижения в этом, как и в других вещах" (Сага о Магнусе Добром; Форнманна Сегур, vi. 5).

"Олаф был великим человеком идроттира во многих отношениях, очень искусным в обращении с луком и копьем, хорошим пловцом, знатоком всех ремесел, как своих, так и чужих. Олаф Харальдссон был увлечен играми и хотел быть первым, как подобало его рангу и рождению" ("Сага о святом Олафе", гл. 3 (Хеймскрингла)).

Однажды весной король Олаф разговаривал с Зигмундом и сказал: 'Сегодня мы позабавимся и испытаем наше мастерство'. 'Я совершенно не гожусь для этого, господин,' сказал Зигмунд, 'хотя это, как и другие вещи, которые я могу сделать, будет так, как ты пожелаешь'. Затем они попробовали плавать, стрелять и другие идроттиры, и говорят, что Зигмунд был следующим после короля Олафа во многих идроттирах, хотя король превосходил его во всех, но, тем не менее, был ближе к нему, чем любой другой человек в Норвегии"^[276] (Сага о Фрейинге, гл. 28-32).

"Я (Харальд Хардради) знаю восемь идроттир;

Я могу приготовить напиток Игг;^[277]

Я умею быстро скакать на лошади;

Я иногда упражнялся в плавании;

Я могу бегать на снегоступах;

Я достаточно хорошо стреляю и гребу".

(Fornmanna Sögur, vi. 169.)

Царь спросил: 'Ты человек из идроттира?' Хеминг ответил: 'Мой приемный отец и приемная мать думали, что я хорошо разбираюсь во многих вещах, но я не показывал своего мастерства другим, и я думаю, вы сочтете это незначительным. Думаю, я могу исполнить для тебя один идротт.' "Который?" - спросил король. "Мне все равно, с кем я попробую бегать на снегоступах, потому что никто не сможет превзойти меня в этом'. Король добавил: 'Мы увидим твое мастерство и узнаем, чего оно стоит'. Хеминг ответил: 'Я попытаюсь выполнить то, что вы должны были выполнить первым'. 'Давайте выйдем,' сказал король, - и сразимся друг с другом'. Аслак подошел к нему и сказал: 'Я подготовил корабли к вашему отплытию, если вам угодно, потому что я думаю, что лучше не устраивать игр'. Но король сказал: 'Сегодня мы останемся здесь', - и все вышли. Остров был очень лесистым, и они отправились в лес.

"Король взял копье и воткнул его острие в землю; затем он наложил стрелу на тетиву и выстрелил в воздух; стрела повернулась сама по себе, вошла острием в конец древка копья и встала там вертикально. Хеминг взял стрелу и выстрелил, она пролетела очень высоко, затем острие вошло в древко первой стрелы. Король взял копье и метнул его; он метнул так мощно, так далеко и, тем не менее, метко, что все удивились. Хеминг метнул дальше всех, так что гнездо его копья оказалось на острие королевского копья. Король взял копье и выстрелил еще раз, и все копье пролетело мимо копья Хеминга. 'Я больше не буду бросать, ибо вижу, что это бесполезно'. 'Бросай, - сказал король, - и дальше, если сможешь'. Хеминг выстрелил, причем далеко вперед.

Король наложил стрелу на тетиву, взял нож и воткнул его в дуб. Он выстрелил в тыльную сторону рукояти ножа, так что стрела прочно застряла. Хеминг взял свои стрелы. Король встал рядом с ним и сказал: 'Твои стрелы обмотаны золотом, и ты очень честолюбивый человек'. 'Я не приказывал делать эти стрелы; их подарили мне, и я не снимал с них никаких украшений'. Хеминг выстрелил, попал в рукоятку ножа и расколол ее; наконечник стрелы застрял в верхней части лезвия. Тогда король сказал: 'Теперь мы будем стрелять дальше'. С сердитым видом он наложил стрелу на тетиву и натянул лук так, чтобы согнуть их кончики вместе. Стрела пролетела очень далеко и остановилась на очень тонкой ветке. Все сочли это превосходным выстрелом. Хеминг выстрелил немного дальше, и стрела разбила орех. Все

присутствующие удивились этому. Король сказал: 'Теперь возьми орех и положи на голову твоего брата Бьерна, и там ты ударишь по нему. Ты не должен стрелять с меньшего расстояния, чем раньше, и, если ты не попадешь, ты заплатишься жизнью'. 'Ты можешь решать за мою жизнь, но я никогда не сделаю этого выстрела'. Бьерн ответил: 'Ты должен стрелять, а не выбирать смерть, ибо каждому человеку велено продлевать свою жизнь, пока он может'. 'Ты будешь стоять спокойно и не дрогнешь, если я выстрелю в орех?' 'Конечно', - сказал Бьерн. 'Тогда король встанет рядом с ним,' ответил Хеминг, - и посмотрит, попаду ли я в орех'. Король согласился встать рядом с ним. Он позвал Одда Офейгсона, который подошел к тому месту, где стоял Бьерн, и сказал, что для него было настоящим испытанием сохранить там свое мужество. Затем Хеминг подошел к тому месту, где король велел ему встать, и осенил себя крестным знаменем. 'Я призываю Бога в свидетели, что возлагаю ответственность за это на короля и что я не хочу причинять вред своему брату. Хеминг выстрелил; стрела пролетела быстро, пролетела над его макушкой и попала под орех, и Бьерн не был ранен. Орех откатился от его головы, но стрела пролетела гораздо дальше. Когда король спросил, попала ли пуля в орех, Одд ответил: "Лучше, чем попала, потому что он выстрелил под орех, и тот покатился вниз, и он не причинил вреда Бьерну'. 'Мне не кажется, что он стрелял, как я приказал', - добавил король. Они проспали ночь.

Утром Аслак пошел поговорить с королем и сказал ему, что он снова приготовился к путешествию, если хочет отправиться на материк, но он решил остаться на этот день. Когда час попойки закончился, он позвал своих людей, и они спустились на берег. Король сказал Халльдору Сноррасону (исландцу): 'Я поручаю тебе убить Хеминга сегодня во время купания'. Халльдор ответил: 'Это было бы трудно для более способных людей, чем я'. Тогда король приказал Бедвару Эльдьярнссону сделать это. Он ответил: "Даже если бы у меня были все идроттиры присутствующих здесь, я бы ни в чем не причинил ему вреда, но меньше всего, поскольку я знаю, что он превосходит меня во всем".

Король приказал Никуласу Торбергссону утомить Хеминга плаванием. Никулас сомневался в успехе, но согласился попробовать. Король велел им обоим плыть. Хеминг сказал: 'Теперь мне не нужно щадить себя, поскольку я предпочел бы сразиться с ним, чем с кем бы то ни было'. Они разделись и начали плавать. Никулас спросил, не попробовать ли им соревноваться в плавании в длину. 'Мы можем попробовать это, поскольку у тебя получилось лучше в других видах плавания'. Когда они проплыли довольно долго, Никуласу, казалось, не терпелось вернуться, но Хеминг сказал: 'Я думаю, вы, королевские желудки, остановитесь дальше от берега'. Хеминг продолжал: Никулас поплыл несколько медленнее и вскоре спросил: 'Ты собираешься плавать дольше?' Хеминг сказал: 'Я думал, ты сможешь доплыть до берега один, а я поплыву дальше'. 'Это хорошо, я рискну вернуться', - сказал Никулас и повернулся, но не успел отойти далеко, как потерял сознание. Наконец Хеминг подплыл к нему и спросил, как у него все прошло. Он сказал ему, что это его не касается, и он может идти своей дорогой. Хеминг ответил: 'Я думаю, ты заслуживаешь, чтобы я так поступил, но, тем не менее, сейчас мы пойдем вдвоем'. 'Я не откажусь от этого', - сказал Никулас. 'Положи руку мне на спину и так поддержи себя'; и таким образом они вышли на сушу. Никулас подошел и совсем ооченел, но Хеминг сел на камень у отметки затопления. Король спросил Никуласа о результатах плавания. Никулас ответил: 'Я не смог бы сообщить никаких новостей на суше, если бы Хеминг не был для меня лучшим человеком, чем ты для него'. 'Теперь ты, Халльдор, убьешь Хеминга', - сказал король. 'Этого я не сделаю,' ответил Халльдор, - мне кажется, что человек, который раньше пробовал плавать, мало что выиграл'. Король сбросил с себя одежду. Аслак пошел к Хемингу и закричал: 'Спасайся; король хочет твоей смерти, а в лес есть короткий путь'. Хеминг сказал: 'Лицом к лицу орлы будут сражаться своими когтями, и тот, кого Бог возвысит, не утонет; он может нырнуть в воду, как только

пожелает'. Хеминг поднялся с камня, а король - с другого места, и как только они встретились, король подплыл к нему и столкнул на глубину. Другие не видели их действий, но море над ними стало очень беспокойным. Приближался вечер, и когда почти стемнело, море успокоилось, и король поплыл к берегу. Он выглядел таким разгневанным, что никто не осмеливался заговорить с ним. Ему принесли сухую одежду; никто не видел Хеминга, и все думали, что он мертв, но никто не осмелился спросить. Король отправился домой со своими людьми, но за пивом было мало веселья. Короля охватил гнев, а Аслака - печаль. В зале зажгли свет, и король сидел на своем месте, когда вошел Хеминг и положил на колени короля нож, который он носил на поясе. Все знали, что он забрал нож у короля.

Утром Аслак снова сказал королю: 'Мы подготовили твое путешествие, если ты намереваешься отправиться'. Король ответил: 'Теперь я не останусь, но Хеминг последует за нами на материк'. Они собрались и ушли.

"Они приземлились у большой горы, очень крутой к морю, и вдоль склона горы тянулась тропинка, по которой в то время мог пройти только один человек. Внизу были пропасти, а вверх - высокая гора, и уступы на склоне горы были достаточно широки только для одного человека верхом на лошади. Король приказал ему развлечь их беготней на снегоступах, Хеминг сказал: 'Сейчас не годится бегать на снегоступах, потому что снега нет, а только лед, а гора очень твердая'. Король ответил: 'Не было бы никакой опасности, если бы все было в наилучшем состоянии'. "Как вам будет угодно", - сказал Хеминг, взял снегоступы и побежал по склону горы, вверх и вниз, и все говорили, что никогда не видели, чтобы кто-нибудь бегал так проворно...." (Флэтейярбок, iii.).

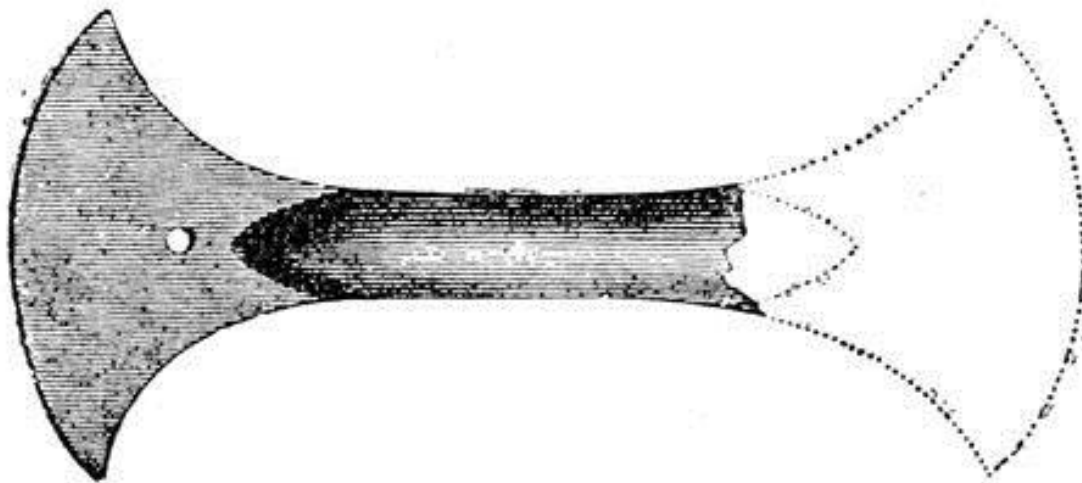

Рис. 1347.—Железная рукоять щита в кургане со скелетом. Треть реального размера—Эланд.

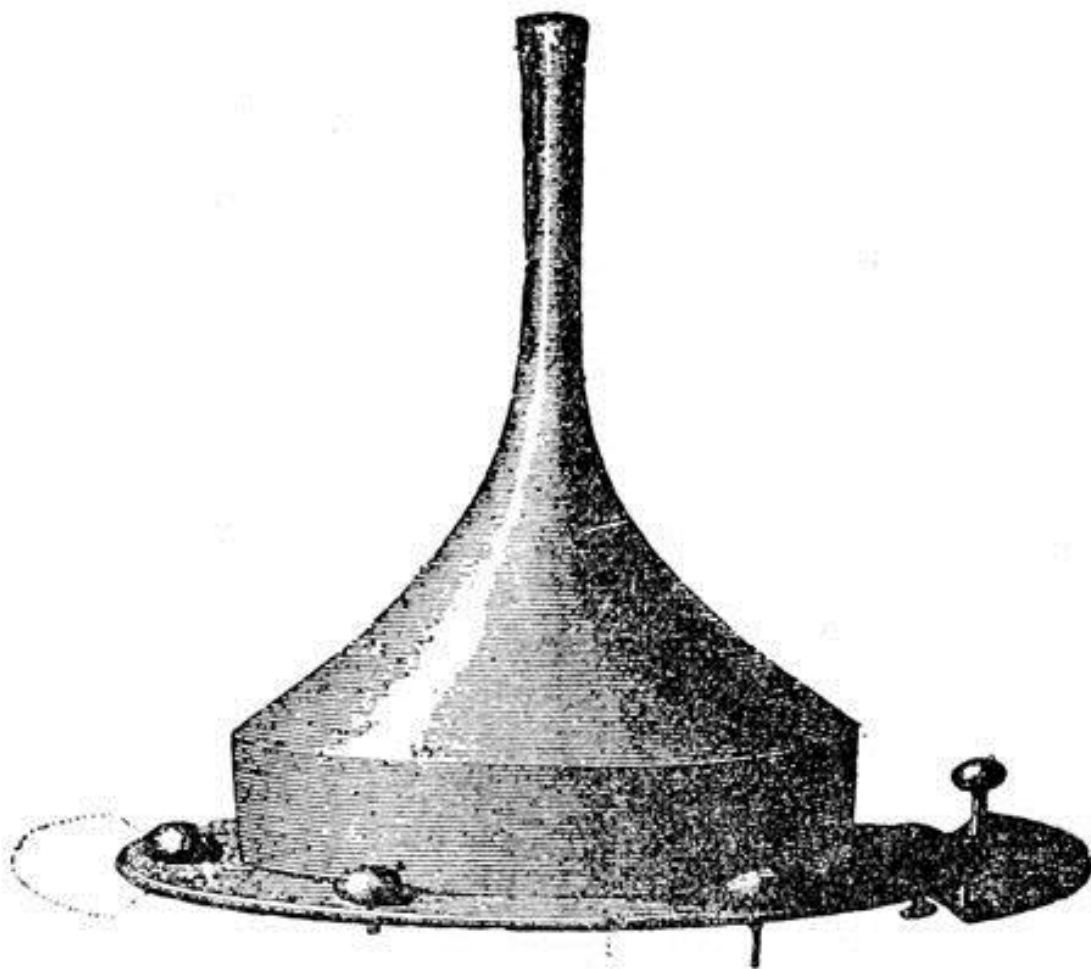

Рис. 1348. — Выступ щита из железа, края покрыты бронзой. Одна треть реального размера-Эланд.

ГЛАВА XXIII. ИДРОТТИР. — ПОЭЗИЯ ИЛИ СКАЛЬПИРОВАНИЕ, МУЗЫКА И УМСТВЕННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ.

Поэзия как дар богов—Скальд—Множество саг, основанных на стихах—Почести, воздаваемые поэтам—Их моральная сила—Поэты на поле битвы—Декламация стихов на пирах—Рассказывание саг—Формы поэзии—Арфа—Притчи и головоломки—загадки Геста.

Поэзия (или *Скальпирование*) считалась у идроттир даром богов. Люди надеялись, что их поэты увековечат в песнях и передадут будущим поколениям подвиги своих героев и славу, которая должна была закрепиться за их именами, когда они отправятся в Валгаллу. От этих поэтов, или *скальдов*, мы узнаем все, что нам известно об истории ранних скандинавских племен; из их песен люди слышали о рождении своей религии; о сотворении мира, о мудрости прошлого и т.д. Без них история и деяния расы были бы для нас потеряны, и нам пришлось бы только размышлять над древностями ранних времен. Эти песни наполняли

молодежь страны, которая слушала их, честолубием, побуждая их подражать деяниям тех, кому пели дифирамбы.

Ни в одной литературе, дошедшей до нас, мы не видим умирающих героев, таких как Рагнар Лодброк, Яльмар, Орвар Одд и другие, воспевающих совершенные ими подвиги, когда жизнь покидает их, и они готовы войти в *Ад*. Пели ли эти герои эти песни в то время или нет, или они были написаны поэтами более позднего времени, не имеет большого значения. Люди той страны верили в них.

В этой своеобразной ветви поэзии древние скандинавы стоят совершенно особняком от жителей других стран.

Образные названия, данные скальдшипу^[278] поэтами, показывают, как более ранние традиции запечатлевались в сознании — *кровь Квасира, Двергарский мед, Саттунгский мед, мед Асара, жидкость Одрейриса, кровь Одина. дар, груз Одина, Море Двергара, Эль Двергара, мед Джотнара*.

Браги считался самым красноречивым скальдом среди асаров.

Происхождение поэзии описано в "Гавамале"; но в более поздней "Эдде" у нас есть более подробный отчет о том, как ей научились асары.

Когда Хлер из Хлессо, которого также звали Эгир, приехал в Асгард, чтобы навестить Асара, он задал много вопросов, среди которых был следующий:—

Эгир сказал: 'Откуда взялся идротт, который ты называешь кораблем скальдов?' Браги ответил: 'Происхождение было в том, что боги (Асар) пошли войной на народ по имени Ваны. Они заключили перемирие таким образом: оба подошли к сосуду и плюнули на него. Расставаясь, боги, не желая, чтобы этот знак перемирия был утрачен, взяли его и сформировали из него человека, Квасира. Он настолько мудр, что никто не может задать ему ни одного вопроса, на который он не смог бы ответить. Он путешествовал по всему миру, чтобы учить мудрости людей. Когда его пригласили домой к Двергам, Фьялару и Галару, они вызвали его на тайную встречу и убили. Они пускают его кровь в две бадьи и котел, который называется *Одрейрир* (певчий), но ванны называются *Сон* (жертвоприношение) и *Бодн*. Они смешали^[279] кровь с медом, и из нее получился мед, который всякий, кто выпьет, становится скальдом или мудрецом. Двергар сказал Азару, что Квасир был задушен слишком большой мудростью, потому что никто не был настолько мудр, чтобы он мог задавать ему вопросы. После этого эти двергары пригласили к себе етуна по имени Гиллинг и его жену и предложили ему отправиться с ними в море. Гребя вдоль берега, они налетели на скрытые скалы, и лодка перевернулась. Гиллинг не умел плавать и утонул. Но дверги перевернули свою лодку и поплыли к берегу" (Поздняя Эдда 57, Брагардур).

Многие саги, если не все, были основаны на поэзии, которая в них часто цитируется, и обе использовались и хранились как исторические записи.

"Олаф был королем Норвегии пятнадцать лет, включая ту зиму, когда они со Свейном ярлом оба были в этой стране. Прошел Йоль, когда он покинул свои корабли и сошел на берег, как уже было сказано. Эта летопись его правления была впервые написана священником Ари Торгильссоном, мудрым, который был правдив, обладал хорошей памятью и был настолько стар, что помнил саги о тех, кто был настолько стар, что мог помнить эти события. Ари сам рассказал об этом в своих книгах и назвал людей, от которых он получил это знание" (Сага о святом Олафе, с. 189).

Скальдов почитали выше всех людей, они женились даже на дочерях могущественных королей, и многие из них были великими воинами.

“Торольф, сын Херьольфа Хорнабржота, и Олаф, его брат, были королями в Уппленде; с ними был поэт Флейн Хьерссон, который вырос в Мери на острове под названием Йосрейд, где жил его отец. Флейн отправился в Данию, чтобы навестить короля Эйстейна, и там удостоился такой чести за свои стихи, что король подарил ему свою дочь” (Ланднама, гл. 1).

Король Харальд Прекрасноволосый устроил пир для своих друзей и приверженцев.

“ Из всех своих хирдманов король больше всего ценил своих скальдов. Их разместили на второй скамье с высоким сиденьем (*аннат ондвеги*). В самом дальнем конце от них сидел Аудун Иллскельда (названный так потому, что писал сатирические песни). Он был старше любого из них и был скальдом Хальфдана Сварти (черного), отца короля Харальда. Рядом с ним сидел Торбьерн Хорнклофи, а затем Ольвир Хнуфа, а рядом с ним поместили Барда” (Сага об Эгиле, гл. 8).

После этого Гуннлауг отплыл из Англии (Лондона) с торговцами на север, в Дублин. В то время Ирландией правил король Сигтригг Силкискегг (шелковая борода), сын Олафа Кварана и королевы Кормлед; тогда он правил совсем недолго. Гуннлауг вышел перед ним и приветствовал его хорошо и с почестями. Король принял его хорошо. Гуннлауг сказал: ‘Я сочинил песню о тебе, и я хочу, чтобы ее услышали’. Король ответил: "Никто прежде не читал мне стихотворения, и я непременно послушаю его". Затем Гуннлауг спел *драпу*, и вот припев:

Каналы Sigtrygg

Конь Свары (волка) с трупами.

Я отчетливо знаю

Которого я буду восхвалять,

Родственник королей,

Он сын Кварана;

Король не хочет, чтобы я

(Он привык быть либеральным,

Чемпион знает это)

Пожалей золотые кольца;

Пусть король скажет мне

Если он слышал сделанное

Более славная песня;

Это укладка драпы.

Король поблагодарил его за песню и спросил своего казначея, чем она должна быть вознаграждена. Тот ответил: ‘Чем ты вознаградишь ее, господин?’ Король сказал: ‘Как это будет вознаграждено, если я дам ему два кнеррира (торговых корабля)?’ Казначей ответил: ‘Это слишком много, господин; другие короли дают дорогие вещи, хорошие мечи или хорошие золотые кольца, в награду за песню’. Король подарил ему его собственную одежду

из нового алого, расшитую кружевами юбку, плащ, отороченный тончайшими мехами, и золотое кольцо весом в марку. Гуннлауг поблагодарил его и пробыл там недолго, а оттуда отправился на Оркнейские острова" ("Сага о Гуннлауге Ормстунге", гл. 8).

Моральная сила известного поэта часто была очень велика.

Синдри, высокородный человек, был известен среди воинов Хальфдана Черного; раньше он служил у короля Харальда и был лучшим другом обоих. Гуторм был великим скальдом и сложил песню о каждом из них. Они предложили ему награду, но он отказался, сказав, что они должны удовлетворить его одну просьбу, и они пообещали это. Он отправился к королю Харальду (чтобы помирить его и Хальфдана), и короли настолько почитали его, что примирились по его просьбе" (Олаф Трюгвасон, Fms., том i. с. 12).

Скальды всегда были на поле боя возле шилдбурга, чтобы стать свидетелями героизма сражающихся и воспеть их победу или славную смерть. Своей *вапнасонг* (песнь об оружии) они подбадривали чемпионов в битве или своей *Сигрлиод* (гимн победы) восхваляли храбрость героя.

"Говорят, что король Олаф (перед битвой при Стикластаде 1015-30) выстроил своих людей, а затем установил щит, который должен был защитить его в битве, для чего он отобрал самых сильных и доблестных людей. Затем он позвал своих скальдов и велел им идти в шилдбург. "Ты останешься здесь, - сказал король, - и увидишь, что произойдет, и тогда никакая Сага не понадобится, чтобы рассказать тебе впоследствии, о чем ты будешь слагать песни" (FostbrœDra Saga, с. 47).

Эти правители любили находиться в окружении людей, которые могли развлекать их и их гостей долгими зимними вечерами или на фестивалях, и очень гордились тем, что о них слагали стихи.

"Однажды летом к королю Харальду пришел исландец, и тот спросил его, что ему известно. Он сказал, что знает несколько саг. Король сказал: 'Я приму тебя, и ты присоединишься к моему хирду этой зимой и всегда будешь развлекать моих людей, когда они этого захотят, кто бы тебя ни попросил'. Он так и сделал. Вскоре он очень понравился хирдам; они дали ему одежду, а сам король подарил ему хорошее оружие. Так продолжалось до самого Йоля, когда исландец стал выглядеть печальным; король заметил это и спросил его о причине, и он сказал, что это из-за его переменчивого характера. Король ответил: 'Причина не в этом, но я догадываюсь об этом; я подозреваю, что все твои саги уже рассказаны, потому что ты всегда развлекал каждого, кто приглашал тебя этой зимой, и часто ночью и днем; теперь тебе не нравится, что саг не хватает во время Святков, но ты больше не будешь рассказывать те же самые саги'. Исландец сказал: 'Твоя догадка верна; единственная оставшаяся сага - это та, которую я не осмеливаюсь рассказать здесь, ибо это твоя сага об Утфараре" (сага о путешествии Харальда в Святую Землю). Король ответил: 'Это сага, которую мне очень любопытно услышать; сейчас ты не должен читать ее перед Святками, потому что люди сейчас очень заняты, но в первый святочный день ты должен начать эту сагу и рассказать часть ее; тогда будет большая попойка, и они не смогут долго сидеть, слушая ее. Я позабочусь о том, чтобы сага длилась до Йоля, и, пока ты будешь ее рассказывать, ты не поймешь, нравится она мне или нет. Соответственно, исландец начал свою сагу в первый же святочный день, и после того, как он рассказал ее недолго, король велел ему остановиться. Тогда люди начали много говорить об этом развлечении; некоторые говорили, что со стороны исландца было очень смело рассказывать эту сагу, и сомневались, понравится ли это королю; одни думали, что он рассказал ее хорошо, другие - не так хорошо. Король позаботился о том, чтобы они хорошо слушали; он добился того, что это продолжалось до

самого Йоля. На тринадцатый день король сказал: 'Разве тебе не интересно узнать, исландец, как мне нравится эта сага?' Он ответил: 'Я боюсь слушать, господин'. Король сказал: 'Я думаю, что это очень хорошо сказано, и нигде истина не отклоняется от истины; но кто научил тебя?' Он ответил: "Раньше в Исландии я каждое лето ходил на это Место, и каждое лето я изучал часть саги, которую рассказал Хальдор Сноррасон'. Король сказал: 'Нет ничего странного в том, что ты хорошо это знаешь, поскольку узнал от него, и эта сага будет тебе полезна; ты можешь оставаться у меня столько, сколько захочешь'. Он остался с королем той зимой, а весной король дал ему в обмен несколько хороших товаров, и он стал процветающим человеком" (Харальд Хардради, с. 6).

Рассказывание саг, по-видимому, имело место и в Англии.

Затем Джатвард добрый (Эдвард Исповедник), сын короля Адалрада (Этельреда), был избран королем Англии. Он помнил дружбу своего отца Адалрада с королем Олавом Трюгвасоном. Он перенял обычай рассказывать в первый день Пасхи своим вождям и хирдманам Сагу о короле Олафе Трюггвасоне" (Flateyjarbók, i. 506 (Сага об Олафе Трюггвасоне)).^[280]

Некоторые поэты использовали поэзию как способ выражения.

"Сигват скальд долгое время служил у короля Олафа, который сделал его своим маршалом. Сигват не умел быстро говорить *несвязанными словами* (прозой), но поэзия давалась ему так легко, что песни слетали с его языка так же быстро, как он говорил; он совершал путешествия в Валландию, и во время них он приехал в Англию и встретил Кнута могущественного" (Сага о Святом Олафе (Хеймскрингла), гл. 170).

Существовали две хорошо известные формы поэзии.

The *Драпа*, героическая хвалебная поэма, обычно пишущаяся в память об умершем человеке, и *Флокк*, более короткое стихотворение.

Память некоторых людей была необыкновенной; слепой скальд Стаф за один вечер прочел перед королем Харальдом Хардради тридцать песен; в ответ на вопрос он сказал, что знает по меньшей мере вдвое меньше более длинных драп.

Исландец по имени Стаф отправился в Норвегию и остановился у бонди в Уппленде. К нему с визитом пришел король Харальд Хардради и сидел, разговаривая со Стафом.

Затем в стофу вошел бонди и сказал, что королю, должно быть, это показалось скучным. 'Это не так, ' ответил король, ' потому что этот твой зимний гость хорошо развлекает меня, и я выпью за него сегодня вечером'; и так это и случилось. Король много разговаривал со Стафом, и тот давал мудрые ответы; когда люди отправились спать, король попросил Стафа остаться в комнате, где он должен был спать, чтобы развлечь его. Стауф так и сделал; когда король был в своей постели, Стауф развлек его и спел флокк, а когда песня закончилась, он попросил его спеть еще.

Король долго не спал, пока Стауф развлекал его, и наконец спросил: 'Сколько песен ты уже спел?' Стауф ответил: 'Я намеревался, чтобы ты пересчитал их'. 'Я сделал это, - сказал король. - теперь их тридцать, но почему ты поешь только флокки? Неужели ты не знаешь ни одного драпа?' Стаф ответил: "Я знаю не меньше драп, чем флокков, хотя многие флокки, которые я знаю, все еще невоспеты"" (Форнманна Сегур, с. 6).

Арфа упоминается в "Волуспе" и, похоже, использовалась в древности. Гуннар играл на своей арфе с таким мастерством, что даже чемпионы были тронуты. Рогнвальд также умел играть пальцами ног и очаровывать змей звуками музыки, а также считал игру на арфе одним из своих идроттиров. Норна Гест очень искусно играла на этом инструменте и исполняла известные мелодии.

“В тот вечер Гест взял свою арфу и долго и хорошо играл на ней, так что всем было приятно слушать; лучше всего он сыграл мелодию Гуннара; наконец, он сыграл старую *Гудрунарбрегд*, которую они раньше не слышали; после этого они легли спать” (Сага Норны Гест, гл. 2 (Fornaldarsögur i.)).

Оркестр короля Хуглейка состоял из арфы^[281] и других инструментов, а Олаф Скаутконунг держал за своим столом постоянных исполнителей.

У нас нет описания формы или размера арфы. Это, без сомнения, был большой инструмент, поскольку в нем могла быть спрятана маленькая девочка Аслауг, жена Рагнара Лодброка, а из Саги Херро и Боси мы узнаем, что мужчина мог стоять в нем вертикально. Иногда у них были серебряные и золотые нити.

Арфа, изображенная на резьбе по дереву, дает нам представление о ее форме.

Умственные упражнения.—Разгадывание головоломок, по-видимому, было одним из самых любимых занятий вождей и других могущественных людей, и для их понимания требовалось глубокое проникновение. Хейдреку, королю Рейдготаленда, приписывали способность разгадать любую загадку, которая когда-либо была ему предложена.

“Человек по имени Гест слепой был могущественным херсиром в Рейдготаланде, но злым и властолюбивым; он утаил дань, принадлежащую королю Хейдреку, и между ними была великая вражда. Король послал ему сказать, что он должен прийти к нему и подчиниться суду его мудрецов или сражаться. Гесту не понравилось ни одно из этих условий, и ему стало очень не по себе, ибо он знал, что совершил много проступков; тогда он решил принести жертву Одину за помощь и попросил его разобраться в его деле, пообещав большую награду. Однажды поздно вечером раздался стук в дверь, и слепой Гест пошел открывать; он спросил имя пришедшего человека, и тот ответил, что его зовут Гест; затем они спросили друг друга о новостях. Гость спросил, не огорчает ли его что-нибудь; слепой Гест подробно рассказал ему все. Гость сказал: ‘Я пойду к королю от твоего имени и посмотрю, как все пройдет; давай поменяемся внешностью и одеждой’, - и так они и сделали. Бонди^[282] ушел и спрятался, в то время как гость вошел и остался там на ночь, и все подумали, что это Гест слепой. На следующий день Гест отправился в путь к королю и не останавливался, пока не добрался до Археймара (резиденции Хейдрека); он вошел в зал и тепло поприветствовал короля. Король молчал и сердито смотрел на него. ‘Херра (господин), - сказал Гест, - я здесь для того, чтобы примириться с тобой’. Король спросил: ‘Повинуешься ли ты решению моих мудрецов?’ Гест ответил: ‘Разве нет других условий?’ Король сказал: ‘Есть; если ты придешь с загадкой, которую я не могу разгадать, и таким образом обеспечишь себе мир’. Гест ответил: ‘Я мало способен на это, и, кроме того, другая часть (король) может быть услышана об этом’. ‘Ты предпочел бы подчиниться решению мудрецов?’ - спросил король. ‘Я бы предпочел,’ сказал Гест, - прийти с какими-нибудь загадками’. Король согласился, и принесли два стула, на которые они сели. Затем Гест загадал свои загадки” (“Сага о Хервараре”, гл. 15).

Жест.

Я бы хотел иметь

То, что было у меня вчера;
Попытайся узнать, что это было,
Миротворец среди людей!
Укротитель слов,^[283]
И зачинатель слов,
Король Хейдрек,^[284]
Подумай над загадкой.
Хейдрек.
Хороша твоя загадка,^[285]
Жестикулируйте вслепую!
Это предположение;
Эль меняет характер
И ускоряет болтовню,
Но у других язык обхватывает зубы.

Жест.
Я ушел из дома,
Я уехал из дома,
Я посмотрел на дорогу дорог,
Дорога была наверху,
Дорога была внизу,
И дорога во всех направлениях.

Хейдрек.
Над головой пролетела птица,
Под водой плавала рыба,
Ты шел по мосту.

Жест.
Что это был за напиток
Я вчера пил?
Это была не вода и не вино,
Ни меда, ни эля,
Никакой еды.

Однако оттуда я ушел без жажды.

Хейдрек.

Ты вышел на солнечный свет,

Спрячься в тени;

В долинах выпала роса;

Тогда ты вкусил

Ночная роса,

Охлаждаю этим твоё горло.

Жест.

Кто этот пронзительный

Что по твердым дорогам ходит

На котором он бывал раньше?

Он целуется довольно грубо,

Имеет два рта;

И ходит только на золоте.

Хейдрек.

Ходит молот

В огне Рин,^[286]

Это звучит громко

Падаю на наковальню.

Жест.

Что же тут удивительного

Который я видел снаружи

Перед дверью Деллинга?^[287]

Двое безжизненных

И затаивший дыхание,

Лук-порей в отварном виде.^[288]

Хейдрек.

Здесь нет ни дыхания, ни тепла

В кузнечных мехах,

У них нет ни жизни, ни силы;

Однако можно и раньше них

Сделай меч

Ветром, который они отдают.

Жест.

Что же тут удивительного

Я видел снаружи

Перед дверями Деллинга?

У него восемь футов,

Четвертый глаз,

И держит свое колено выше живота.

Хейдрек.

С востока ты шел

К двери дома

Посмотреть зал;

Ты серьезно относишься к этому

Где король паутины^[289]

Сплел паутину из его недр.

Жест.

Что же тут удивительного

Я видел снаружи

Перед дверями Деллинга?

Он поворачивает голову

На пути в Хель

И ноги к солнцу.

Хейдрек.

Головка лука-порей поворачивается

К недрам земли

И его листья взмывают в воздух.

Жест.

Что же тут удивительного

Я видел снаружи

Перед дверями Деллинга?

Тверже рога,

Чернее ворона,

Ярче, чем щит,

Прямее древка.

Хейдрек.

Теперь твое загадывание

Начинает ослабевать;

Почему готовый человек должен медлить?

Ты смотрел на дороги,

Там лежал кремень-ворон,

Сверкающий в солнечном луче.

Жест.

Две рабыни,

светловолосые девы,

Несли эль

На skemta;^[290]

К нему не прикасались руками,

Ни в форме молотка;

Тот, кто преодолел волну, кто сделал это

Находился за пределами островов.^[291]

Хейдрек.

Кожа с белыми перьями

Есть лебеди

Который по островам

Сидеть на берегу моря;

Гнезда, которые они строили,

У Не было рук,

С другими лебедями

Рождение яиц.^[292]

* * * * *

Жест.

Что это за зверь
Кто защищает датчан?
У него окровавленная спина
И укрывает людей,
Встречает оружие,
Обнажает свою жизнь,
Человек кладет свое тело
На его ладони.

Хейдрек.

Щиты сияют
В битвах,
И защищать тех, кто ими владеет.

Жест.

Кто такие сестры по пьесе
Которые проходят над землями
И много играете по своему желанию?
Они носят белый щит
Зимой,
Но темный
Летом.

Хейдрек.

Куропатки кричат
Сыны человеческие
Птицы в перьях;
Их перья становятся черными
В летнее время,
Но белый в медвежью ночь. ^[293]

Жест.

Кто эти девушки
Этот печальный уход

Искать своего отца?

Для многих они есть

Причинен вред,

Проводят там свою жизнь.

Хейдрек.

Злонамеренный

Девы Эльдира^[294]

Убей много людей.

Жест.

Кто эти девушки

Собираться многим вместе

Ищут своего отца?

У них светлые волосы,

Эти в белых капюшонах,

Мужчины не могут быть в безопасности от них.

Хейдрек.

ГИПЕРССЫЛКА на Gynir имеет

By Ran begotten^[296]

Мудрые дочери;

Они называются Волнами,

А также волны;

Ни один человек не может быть защищен от них.

Жест.

Кто такие вдовы

Это все вместе

Искать своего отца?

Они редко бывают нежными

Для мужчин,

И они, должно быть, проснулись на ветру.

Хейдрек.

Это волны,

Дочери Эгира,

Они позволяют себе тяжело упасть.

* * * * *

Жест.

Кто эти девушки

Которые ходят по рифам

И отправиться в путешествие по фьордам?

Эти женщины в белых капюшонах

Иметь жесткую постель,

И слегка помешивайте в тихую погоду.

Хейдрек.

Вздымает волны

И все выключатели

Наконец-то оказались в шхерах;^[297]

Их кровати

Камни и каменные кучи,

Но спокойное море не тревожит их.

* * * * *

Жест.

Кто живет высоко в горах?

Кто живет в глубоких долинах?

Кто живет без дыхания?

Кто никогда не молчит?

Хейдрек.

Вороны живут на высоких горах;

В глубоких долинах падает роса;

Рыбы живут в воде без дыхания,

Но шумящий водопад

Никогда не молчит.

Жест.

Идут четверо,

Четверо повешены,
Двое указывают путь,
Двое отгоняют собак;
Один отстает
Все его дни,
Этот всегда грязный.

Хейдрек.

Корова и есть это животное
Который ты видел
Ходить на четырех ногах,
Четыре соска свисают,
И рога защищают ее:
Ее хвост свисал сзади.

Жест.

Что же это за чудо такое
Я видел снаружи
Перед дверью Деллинга?
У него было десять языков,
Двадцать глаз;
Сорок футов
Это существо движется вперед.

Хейдрек.

Если ты тот, за кого себя выдаешь,
Тогда ты мудрее
Больше, чем я ожидал;
Ты говоришь о
Свиноматка на улице
Который гулял во дворе;
Ее убили
По воле короля,
И она была с девятью свиньями.

Жест.

Кто эти двое

Это относится к делу?

У них у обоих по три глаза,

Десять футов,

И один хвост у них у обоих.

Так они проходят над землями.

Хейдрек.

Это Один

Когда едешь верхом на Слейпнире;

У него один глаз,

Его вторая лошадь,

ГИПЕРССЫЛКА на drösu

Бегаёт на восьми ногах,

Ygg^[299] на двух,

У лошади один хвост.

Жест.

Скажи мне только это,

Таким , каким ты кажешься

Мудрее любого короля;

Что сказал Один

В ухо Бальдру

До того, как его отнесли на погребальный костер?

Хейдрек.

Это чудо и порочность,

И только трусость,

Только жонглерство и обман;

Но никто не знает этих твоих слов

Кроме тебя самого,

Ты злое и жалкое существо.

* * * * *

Король пылал гневом,
Он нарисовал Тырфинг^[300]
И хотел ударить Геста;
Но он превратился сам
В форме ястреба,
И тем самым спас ему жизнь.
Ястреб попытался
Сбежать через световые отверстия,
Но король бросился за ним вдогонку;
Он отрезал себе кончик хвоста
И укоротил ему перья,
Следовательно, у ястреба купированный хвост.

“Меч попал в хвост и отсек то, к чему прикасался, и поэтому у ястреба с тех пор всегда короткий хвост; затем меч поразил человека из хирда, и он сразу же был убит. Тогда Один сказал: ‘Поскольку ты, король Хейдрек, обнажил свой меч и хотел убить меня, и ты сам нарушил перемирие, которое ты установил между нами, худшие из рабов будут твоими убийцами’. Затем Один улетел, и так они расстались” (“Сага о Хервараре”, с. 15).

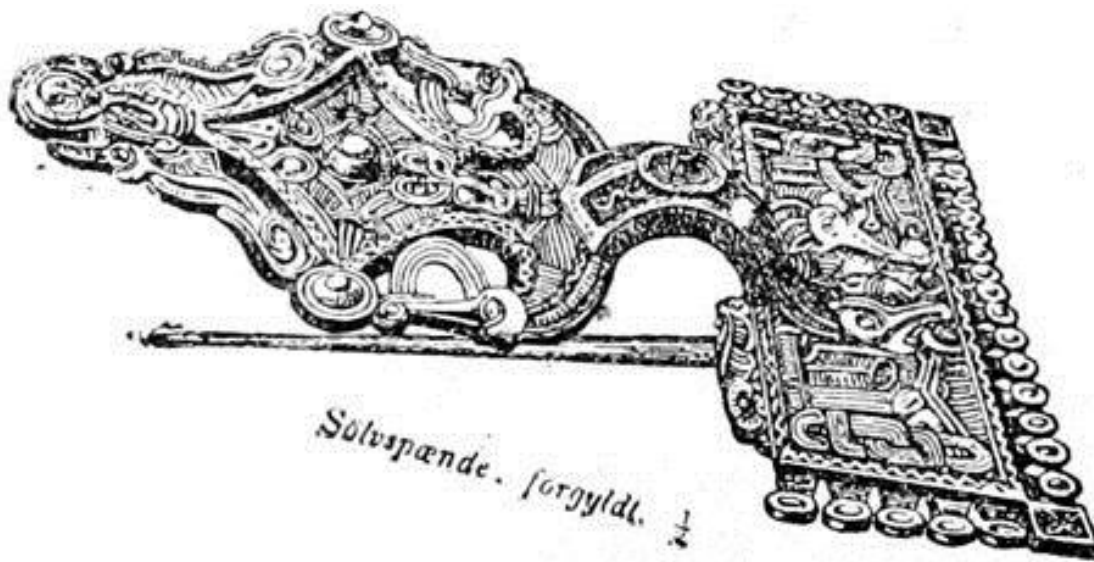

Рис. 1349.—Позолоченная серебряная малоберцовая кость, в четверть реального размера—Зеландия.

ГЛАВА XXIV. ОБРАЗ ЖИЗНИ — ГАВАМАЛЬ.

Правила жизни—Долг гостеприимства—Глупо хвастаться—Мудрый человек держит глаза и уши открытыми—Остроумие лучше богатства—Выпивка разрушает рассудок—Долг жизнерадостности и храбрости—Переедание—Нам не следует беспокоиться—Все, кто улыбается человеку, не являются его друзьями—Ценность молчания—Гость не должен злоупотреблять гостеприимством—Ценность дома, каким бы скромным он ни был—Ни один человек не должен быть другом друга своего врага—У каждого человека есть две стороны характера—Счастье человека—Богатство — самый ненадежный из друзей—Цена молчания непостоянство женщины—В любви все честно—Не пренебрегай своими друзьями—Нет мужчины без недостатков—Пословицы и мудрая экономия.

Всем великим народным лидерам и законодателям часто приписываются догмы и мудрые слова, которые составляют часть их вероучения. Поэтому неудивительно, что великий скандинавский моральный кодекс, известный под именем Hávamál,^[301] приписывается Одину; Hávamál означает “Песнь о Высоком”.

Все дверные проемы

Прежде чем кто-то отправится дальше

Следует присмотреться,

Следует поискать,

Потому что это трудно понять

Где сидят враги

На скамейках перед часовым.

Приветствую моего хозяина!^[302]

Вошел гость;

Где ему сесть?

В горячей спешке он

Кто должен попытать счастья

На снегоступах.

Нужен огонь

Тем , кто вошел

И обмяк на коленях;

Еда и одежда

Нужны одному

Который преодолел гору.

Нужна вода

Тем, кто приходит на трапезу,
Полотенце и радушный прием,
Добраяволя
Если он сможет это получить,
Говори и отвечай.
Требуется мудрость
Тем, кто много путешествует;
Дома все легко;^[303]
Тот , кто ничего не знает
И восседает среди мудрых
Становится предметом пристального внимания.
Человек с мыслящим умом
Не следует хвастаться,
Но лучше прислушивайтесь к его настроению.
Когда мудрый и молчаливый человек
Приходит в усадьбу
Осторожный человек редко оступается,
Для более верного друга
Неужели мужчина никогда не получит
Чем великий человек-остроумие.^[304]
Осторожный гость
Кто приходит на трапезу
Молчалив и мало говорит,
Слушает (своими) ушами,
Смотрит (своими) глазами;
Так смотрит вокруг себя каждый мудрый человек.
Он счастлив
Кто получает сам
Похвала и доброжелательность;
То, чем должен владеть мужчина
В голове^[305] другого

С ним не так просто иметь дело.
Он счастлив
Который сам
Хвала и остроумие при жизни;
За дурные советы
Часто ли кто-нибудь получал
Из чужой груди.
Обуза получше
Человек везет не по дороге
Чем великий ум;
Лучше, чем богатство
Об этом думают в странных местах;
В этом сила бедных.
Лучше обременять
Человек везет не по дороге
Чем великий здравый смысл;
Нет хуже провизии для путешествия
Прижмите его к земле
Чем слишком много пить эля.
Эль сынов человеческих
Не так уж хорошо
Так говорят мужчины;
Для получения дополнительной информации
Мужчина пьет
Тем меньше у него здравого смысла.
Его зовут цапля Забвения
Тот, кто парит над выпивкой,
Он лишает людей чувств;
С перьями этой птицы
Я был связан^[306]
В доме Гуннлуд.^[307]

Я напился,
Я слишком напился
У мудрого Фьялара;
Эль лучше всего, когда
Каждый мужчина
К нему возвращается рассудок.
Тихий и задумчивый
Должен ли сын короля быть
И смелый в бою;
Радостный и жизнерадостный
Должен ли каждый мужчина быть
Пока он не встретит свою смерть.
Неразумный человек
Думает , что будет жить вечно
Если он уклонится от боя,
Но старость одаривает его
Нет покоя
Хотя спирс, возможно, пощадит его.
Дурак разевает рот
Когда он появляется в компании,
Он ворчит или дуется;
Все сразу
Если ему дадут выпить
Его разум выставлен на всеобщее обозрение.
Он один знает
Кто много путешествует
И многое повидал
Какой у тебя характер
Каждого человека
У которого есть на этот счет мозги.
Человек не должен расставаться с чашей

Но пейте мед умеренно,
Говори с пользой или молчи;
Никто не осудит тебя
За невоспитанность
Хотя ты рано ложишься спать.
Жадный человек
Если только у него хватит здравого смысла
Питается нездорово для себя;
Желудок глупого человека
Часто вызывает смех
Когда он среди мудрых.
Стадо знает
Когда они вернутся домой
А затем сойти с травы;
Но неразумный человек
Никогда не знаешь
Размер его желудка.
Несчастный человек
Со злым умыслом
Насмехается надо всем;
Он этого не знает,
Которые ему нужно было знать,
Что он сам не безупречен.
Неразумный человек
Не спит всю ночь
Беспокоиться обо всем;
Он устал
Когда наступит утро
Все горе осталось прежним.
Неразумный человек
Думает каждый, кто ему улыбается

Быть его друзьями;
Он не знает
Когда он сидит среди мудрецов
Хотя они плохо отзываются о нем.
Неразумный человек
Думает каждый, кто ему улыбается
Быть его друзьями;
Но он найдет
Когда он дойдет до дела
Что у него мало представителей.^[308]
Неразумный человек
Думает, что знает все
Если у него есть укрытие в углу;
Он не знает
Что он должен сказать
Если мужчины будут испытывать его.
Неразумный человек
Когда он появляется среди людей,
Лучше помолчи;
Никто не знает
Что он ничего не знает,
Если только он не будет слишком много болтать;
Человек , который ничего не знает
Не знает об этом
Хотя он слишком много болтает.
Тот , кто может спросить
И отвечать на вопросы
Считает себя мудрым;
Сыны человеческие
Ничего не скроешь
Это проходит среди мужчин.

Тот , кто никогда не молчит
Слишком много говорит
Бессмысленные слова;
Бойкий язычок
Если только на нем нет ограничителей
Часто наносит вред самому себе.
Человек не должен
Есть еще один для ознакомления-в наличии^[309]
Хотя он и вошел в компанию;
Многие считают себя мудрыми
Если ему не будут задавать вопросов
И можете слоняться без дела в сухой одежде.
Мудрым считает себя
Гость , который уезжает
Еще один гость с насмешкой;
Он не мудр
Кто глумится над едой
Если он болтает среди разгневанных людей.
Многие мужчины
Добры друг к другу,
Все же поссоритесь за трапезой;
Так будет всегда
Причина человеческих раздоров;
Гость злится на гостя.
Ранний ужин
Должен ли мужчина часто принимать
И не ходить без этого в компанию;
(В противном случае) он сидит и дуется,
Выглядит так, словно он проголодался,
И не может говорить.
Это далеко не по пути

Плохому другу,
Хотя он живет на дороге;
Но хорошему другу
Есть короткие пути
Хотя он был бы дальше.
Человек должен уйти,
Гость не должен оставаться
Всегда в одном месте;
Любимый становится ненавистным
Если он будет сидеть слишком долго
В чужом доме.
Лучше всего жить в усадьбе
Пусть и маленькое;
Мужчина - хозяин дома;
Хотя у него всего две козы
И зал (дом) с соломенной крышей
Это лучше, чем попрошайничество.
Лучше всего жить в усадьбе
Пусть и маленькое;
Мужчина - это мужчина (хозяин) дома;
Сердце истекает кровью
О том , кто должен просить
Его пища на каждый прием пищи.
Человек не должен лежать на земле
Сделай шаг вперед
Без своего оружия;
Ибо это трудно понять
Когда выезжаешь на дороги
Если мужчине может понадобиться его копье.
Я никогда не встречала мужчину
Так щедро относится к своей еде

Что он не примет подарка,
Ни одного столь роскошного
Со своим имуществом
Что награды были для него нежелательны.

Мужчина

Когда он приобретет собственность
Не должен страдать от нужды;
Что предназначалось для любимых
Часто щадят тех, кого ненавидят;
Многие дела идут хуже, чем ожидалось.

С оружием и одеждой

Такие , которые больше всего смотрят на себя со стороны

Пусть друзья радуют друг друга;

Дающие и получающие

Мы самые давние друзья,

Если они дарят с добрыми пожеланиями.

Мужчина должен быть

Друг своему другу

И дарить подарок за подарок;

Смех ради смеха

И ложь за ложь

Должны ли вернуться мужчины.

Своему другу

Мужчина должен быть другом,

Ему и его другу;

Но не мужчина

Должен быть другом

Друга своего врага.

Узнай, есть ли у тебя друг

Которому ты полностью доверяешь

И ты доброе от него получишь,

Ты должен слиться мыслями с ним,
И обмениваться подарками,
Ходите почаще и встречайтесь с ним.
Если у тебя есть другой
Которому ты мало доверяешь
Еще ничего хорошего от него не получишь,
Будь добр поговорить с ним,
Но думай обманчиво
И отвечай ложью на ложь.
Это еще дальше от него
Которому ты мало доверяешь
И чей разум ты подозреваешь,
Ты должна улыбнуться ему
И говори вопреки своим мыслям,
Награда должна быть похожа на подарок.
Когда-то я был молод,
Я путешествовал один,
И сбился с пути;
Я считал себя богатым
Когда я другого встретил;
Человек - это радость человека.
Либеральный и доблестный
Мужчины живут лучше всех;
Они редко таят в себе горе;
Но неразумные люди
Бойся всего;
Скупой всегда жаждет подарков.
Моя одежда
Отдал я двум лесным людям (men of the forest)
В полевых условиях;
Они считали себя мужчинами,

Когда они получили одежду;
Стыдно голому мужчине.
Ель увядает
Который стоит на огороженном поле;
Ни кора, ни листва не укрывают его;
Таков человек
Которого никто не любит;
Почему он должен жить долго?
Горячее огня
Ссоры между плохими друзьями
Дружба на пять дней;
Но когда придет шестой
Он погашен
И вся дружба исчезает.
Сразу многое
Следует ли не давать;
За малое вы часто получаете похвалу;
С половиной буханки
И наполовину наполненную чашку
У меня есть компаньонка.
Малы песчинки,
Малы капли воды,
Невелики человеческие умы;
Для всех мужчин
Не были созданы одинаково мудрыми;
Мужчины везде разделены пополам.^[310]
Средний уровень
Должен ли каждый мужчина быть таким,
Никогда не бывает слишком мудрым;
Самая счастливая жизнь
Эти люди

Которые хорошо знают многие вещи.

Средний уровень

Должен ли каждый мужчина быть таким,

Никогда не бывает слишком мудрым;

Для сердца мудрого человека

Редко бывает рад

Если его владелец мудр.

Средний уровень

Должен ли каждый мужчина быть

Никогда не бывает слишком мудрым;

Ни один мужчина не должен

Знай его судьбу заранее,

Тогда его разум наиболее свободен от печали.

Бренд возникает из бренда

Пока оно не выгорит;

Огонь возжигается из огня;

Человек получает знания

Разговором с женщиной

Но становится своенравным из-за самомнения.

Рано надо вставать

Тот , кто хочет получить собственность

Или жизнь другого человека;

Редко спящий волк

Получает бедренную кость

Или победа спящего человека.

Рано надо вставать

Тот , у кого мало работников

И приступать к своей работе;

У него много препятствий

Кто спит по утрам;

Половина богатства человека зависит от активности.

Из сухих бревен
И тэтчинг-кора
Мужчина знает меру
И о дровах для костра
Который может длиться
Для приготовления блюд и по сезонам.^[311]
Вымытый и сытый
Должен ли мужчина ехать к этому месту верхом,
Хотя он и не так хорошо одет;
О его ботинках и бриджах
Пусть никому не будет стыдно,
И о его лошади тоже, хотя она у него не очень хорошая.
Принюхивается и свешивает голову,
Когда дело доходит до моря,
Орел над старым океаном;
Как и этот человек
Кто входит в число многих
И имеет мало представителей.
Спрашивай и отвечай
Должен ли каждый мудрый человек
Кто хочет, чтобы его называли мудрым;
Кто -то может знать
Но не другой;
Все знают, если знают трое.
Его сила
Должен ли каждый дальновидный человек
Употреблять умеренно;
Он почувствует
Когда он окажется среди искусных
Что никто не является лучшим.

* * * * *

Для слов

Что мужчина говорит другому

Ему часто приходится платить штраф.^[312]

Слишком рано

Побывал я во многих местах

И для некоторых слишком поздно;

Эль был выпит

Или оно было непроваренным;

Нежеланный гость редко находит эль.

То тут, то там

Можно меня пригласить домой

Если бы мне не нужна была еда для трапезы

Или если бы висели два окорока

У моего верного друга

Где я съел одну.

Огонь - это самое лучшее

Среди сынов человеческих,

И вид солнца,

Его крепкого здоровья

Если мужчина сможет сохранить это,

И безупречная жизнь.

Человек не бывает совершенно несчастен

Хотя бы у него было слабое здоровье;

Некоторые счастливы в сыновьях,

Некоторые из родственников,

Некоторые в большом богатстве,

Некоторые в добрых делах.

Жить стало лучше

Чем не жить;

Живой человек (может) всегда обзавестись коровой;

Я видел, как вспыхнул огонь

Перед богатым человеком
А снаружи у дверей стояла смерть.
Хромой может ездить верхом на лошади,
Безрукий может управлять стадом,
Глухие могут сражаться и преуспевать;
Слепой лучше
Чем сгоревший;
От мертвых нет никакой пользы.
Сын лучше
Хотя он и поздно родился,
После смерти человека;
Редко мемориальные камни
Встаньте у дороги
Если только родственник не поднимет рейз
Они в честь родственника.
Два принадлежат одному хозяину
Язык - бич головы;
Под каждой шубой
Я жду помощи.^[313]
Тот , кто доверяет своему рюкзаку
Радуетя, когда наступает ночь;
Углы корабля маленькие;
Осенняя ночь переменчива;
Бывает много погодных условий
Через пять дней^[314]
И больше через месяц.
Тот , кто ничего не знает
Не знает этого;
Богатство делает многих дураками;
Один человек богат,
И еще один бедняк;

Не вини за это мужчину.
Скот умирает,
Родственники умирают,
Сам человек тоже умирает;
Но слава
Никогда не умирает
О том, кто заслужил доброе имя.
Скот умирает,
Родственники умирают,
Мы сами умираем;
Я знаю одно
Это никогда не умирает,
Приговор над каждым мертвецом.^[315]
Складки с полным запасом
Я видел у сыновей Фитджунга;
Теперь они носят посохи нищих;
Богатство - это
Как мгновение ока
Самый непостоянный из друзей.
Неразумный человек
Если он получит
Богатство или любовь женщины
Растет в гордости,
Но никогда в здравом уме;
Он идет дальше в своем самомнении.
Это будет найдено
Когда ты спрашиваешь о
Рожденные богом руны
Который создали высшие силы,
И отмеченный всеми мудрыми,
Тогда будет лучше, если он замолчит.

День следует хвалить ночью,
Женщина, когда ее сжигают,
Меч, когда его испробуют,
Девушка, когда она замужем,
Лед при переходе,
Эль, когда выпит.
В шторм следует ли рубить деревья,
С легким ветерком плыву по морю,
В темноте под девичий разговор,
Многие - глаза дня,
Корабль создан для плавания,
Щит для укрытия,
Меч для нанесения ударов,
Девушка для поцелуев.
У костра будешь пить эль
И скользить по льду,
Купи тощую лошадь,
И ржавый меч,
Откармливай (свою) лошадь дома,
И (твоя) собака на (твоей) ферме.
Слова девушки
Или разговор женщины
Ни один человек не должен доверять;
Ибо их сердца были сформированы
На вращающемся колесе,
И непостоянство таилось в их груди.
Скрипучий лук,
Пылающее пламя,
Оскалившийся волк,
Каркающая ворона,
Визжащая свинья,

Дерево без корней,
Набегающая волна,
Кипящий котел,
Летающая стрела,
Падающий вал,
Лед возрастом в одну ночь,
Свернувшаяся кольцом змея,
Постельные разговоры невесты,
Или сломанный меч,
Игра медведя,
Или королевское дитя
Больной теленок,
Своевольный раб,
Добрые слова вельвы,
Недавно срубленный убитый,^[316]
Рано засеянное поле
Никто не должен доверять,
И его сын не слишком рано;
Погода правит полем,
И остроумие направляет сына;
Каждый из них неопределенен.
Пусть никто не будет таким доверчивым
Которому он доверяет
Убийца своего брата,
Хотя он и встретил его на шоссе,
Наполовину сгоревший дом,
Очень быстрый конь,
Лошадь бесполезна
Если сломать ногу.
Такова любовь женщин
Чьи сердца лживы

Как езда по скользкому льду,
С неподкованным,
Дикий, двухлетний,
Сильно побитая лошадь,
Или как в круизе
Без руля в сильный шторм,
Или как хромой северный олень
На оттаивающих склонах гор.
Теперь я говорю открыто
Ибо я знаю и то, и другое;
Непостоянен разум мужчин по отношению к женщинам;
Мы говорим совершенно справедливо
Когда мы думаем наиболее фальшиво;
Это очаровывает мудрые умы.
Мелко надо говорить
И предлагать подарки
Тот, кто завоеует любовь женщины,
Хвалите форму
Светлой (прекрасной) девы;
Побеждает тот, кто добивается расположения.
В вопросах любви
Должен ли мужчина никогда
Обвинять другого;
Чарующие оттенки^[317]
Которые не трогают унылых
Часто поступайте мудро.
Мужчина не должен
Обвинять другого
За то, что является слабостью многих мужчин;
Во имя великой любви
Меняет сына человеческого

Из мудрых в дураки.
Знает только разум
То, что находится рядом с сердцем;
Только оно видит то, что находится рядом с сердцем;
Оно одно видит то, что находится в груди;
Нет болезни хуже
Для мудрого человека
Чем ничему не радоваться.
Я пробовал это, когда
Я сидел в камышах
И ждал моей любви;
Нежная дева
Был подобен моей собственной плоти и сердцу;
И все же она не была моей.
Я нашел солнце ярким
Дата выставления счета^[318]
Спит на своей кровати;
Счастье ярла
Я думал, что это ничего не стоит,
Разве что жить с этой девушкой.
И ближе к вечеру (в сумерках)
Ты должен прийти, Один,
Если ты захочешь поговорить с девушкой;
Это плохо кончится
Если только мы одни не знаем
О такой незаконной любви.
Я ушел;
Мне казалось , что я люблю
По моей мудрой воле;^[319]
Я думал
Я победил

Всем своим сердцем и любовью.
Когда я пришел в следующий раз
Все домочадцы даути
Проснулся;
С горящими огнями
И несли факелы
Этот путь горя был отмечен для меня.
Ближе к утру,
Когда я пришел снова,
Домочадцы спали;
Собака, которую я нашел
Привязанный к кровати
О хорошей женщине.
Много хороших девушек
Если ты будешь хорошо искать
Непостоянна по отношению к мужчинам;
Что я нашел
Когда я даю совет мудрой деве
Стремился соблазнить;
Каждая насмешка
Показала мне мудрую деву,
И от этой женщины у меня ничего не было .
Дома человек должен быть весел
И весел со своими гостями,
Осторожен в отношении самого себя,
С хорошей памятью и готовой речью,
Если он хочет быть очень мудрым;
О хорошем человеке часто говорят;
Его называют великим дураком
Который мало что может сказать;
Это признак дурака.

Я посетил старого йотуна;
Теперь я вернулся;
Немного я там промолчал;
Много слов
Я говорил для своего блага
В залах Суттунга.
Гуннлод дал мне
На золотом стуле
Глоток дорогого меда;
Плохая награда
Я дал ей потом
За ее сильную любовь,
Ради ее настоящей любви.
Острие (устье) Рати
Я позволяю ему прокладывать себе путь
И грызть скалу;
Надо мной и подо мной
Таковы были обычаи джотанов,
Таким образом, я рисковал своей головой.
Медовуха, купленная с пристрастием
Я получил большое удовольствие;
Мудрым недостает немногого,
Для удаления^[320]
Теперь подошел
На краю земли людей.^[321]
Я сомневаюсь, что
Мне все же следовало прийти
Из чертогов етуна,
Если бы мне не помогли
От Гуннлод, доброй девушки
Которого я обнял рукой.

На следующий день
Пришел Хрим-туссар,
Спросить о назначении этой^[322]
В свой зал;
Они спрашивали о Bólverk^[323]
Если бы он был среди богов,
Или Суттунг убил его.
Клятва на кольце,^[324]
Я думаю, Один взял;
Следует ли доверять его обещанию?
Он обманул Суттунга
От его медовухи,
И заставил Гуннлода плакать.
Пришло время высказаться
Из кресла мудреца
У колодца Урд;
Я видел и молчал,
Я увидел и задумался,
Я прислушивался к разговорам людей;
Я слышал разговоры о рунах,
Они также не скрывали своих планов
В зале Хар;
В зале Хара
Я слышал, как это было сказано.
Я советую тебе, Лоддфафнир,
Прими ты мой совет;
Ты получишь от этого выгоду, если воспользуешься этим;^[325]
Не вставай ночью
Если только ты не пойдешь шпионить
Или ты вынужден выйти.
Ты не должен спать

В объятиях ведьмы
Так, чтобы она обхватила тебя своими конечностями.

Она (ведьма) вызывает это

Ты не внимаешь

Вещь или слова вождя;

Ты не хочешь есть

И не для развлечения людей;

В печали ты ложишься спать.

Жена другого мужчины

Никогда не искушай

Шептать тебе на ухо.^[326]

На горе или во фьорде

Если ты хочешь путешествовать

Возьми с собой побольше еды.

Плохой человек

Ты никогда не

Дай знать своим несчастьям;

Ибо от плохого человека

Неужели ты никогда не поймешь

Награда за твою добрую волю.

Я увидел слова

О порочной женщине

Глубоко ранить человека;

Ее лживый язык

Стало его смертью,

Хотя он не испытывал никакой вины.

Знай это, если у тебя есть

Друг, которому ты полностью доверяешь,

Почаще навещайте его;

Для заготовки хвороста

И высокой травой зарастет

Дорога, по которой никто не ходит.
Привлеки к себе хорошего мужчину
Ради приятной беседы,
И учи исцеляющие заклинания, пока жив.
Никогда не будь первым
Оставить
В обществе твоего друга;
Печаль съедает сердце
Если никто не может сказать
Все его мысли принадлежат кому-то одному.
Ты никогда не должен был
Обмен словами
С дураками.
Ибо от плохого человека
Неужели ты никогда не
Получить взамен добро;
Но хороший человек
Смогу заставить тебя
Понравился и его похвалили.
Души слились воедино,
Когда мужчина говорит кому-то
Весь его разум;
Все к лучшему
Чем быть непостоянным;
Не друг тот, кто говорит так, как хочется.^[327]
Даже в трех словах не поссоришься
Будь ты с человеком похуже;
Часто лучший из них дает результат
Когда наносит удар тот, кто похуже.
Не будь сапожником
И не кузнец

Кроме тебя самого;
Деформирована ли обувь,
Или древко кривое,
Значит, тебе желают зла.
Где ты можешь причинить вред
Не уклоняйся от этого,
И не давай мира твоим врагам.
Быть никогда
Радоваться злу,
Но радуйся хорошему.
Никогда не поднимай глаз
Будешь ли ты в битве;
Как свинья^[328]
Могут стать сынами человеческими;
Не позволяй мужчине околдовать тебя.
Хочешь ли ты найти хорошую женщину
Чтобы приятно поговорить,
И получать от нее удовольствие,
Обещай тебе честные вещи
И крепко держите его;
Ни один человек не отвергает добро, если он может его получить.
Я прошу тебя быть осторожным,
Но не слишком осторожный;
Будь очень осторожен с элем,
И с чужой женой,
И в- третьих
Чтобы воры не подшучивали над тобой.
Ты никогда не должен
Издеваться или смеяться над
Гость или путник.
Часто плохо знают

Те, кто сидит внутри
Из какого рода они приходят;
Ни один мужчина не бывает так хорош
Что вина не следует за ним,
И не настолько плох, чтобы ни на что не годиться.
Никогда не смейся
На седого мудреца;
Часто старики говорят, что это хорошо,
Умелые слова приходят часто
Из сморщенной кожи
Висящий среди шкур,
Болтающийся среди сухих шкур,
И ходить среди сынов тяжелого труда.
Не смейся над гостем,
И не гони его к двери;
Будьте добры к бедным.
Крепок дверной засов,
Это должно получиться
И открыт для всех;
Позвоните, ^[329]
Или к твоим конечностям
Будут ли желать всякого рода зла.
Где бы ты ни пил эль,
Возьми силу земли;
Ибо земля действует против эля,
И огонь против запоров,
Початок (кукурузы) против заклинаний,
Рожь со шпорами против грыжи;
Луна будет призвана против проклятий,
Вереск против заразных болезней,
Руны против злых чар;

Жидкость должна попасть в форму.

В Сагах встречаются следующие пословицы и мудрые изречения:

Смелость лучше

Чем сила меча

Где разгневанные должны сражаться;

Ибо я увидел смелого человека

Победить....

Победа тупым мечом.

Так лучше для смелых

Чем трусы

Быть в игре Hild;^[330]

Лучше быть веселым

Чем впадать в уныние

Все, что попадется под руку.

(Фафнисмал.)

Когда Хейдрек, сын Хофунда, был объявлен отцом вне закона за свой проступок, он попросил дать ему совет:

Король Хофунд сказал: “Я дам ему небольшой совет, потому что я думаю, что он плохо воспользуется им; но, раз уж ты просишь, я дам ему первый совет: никогда не помогать человеку, который предал своего господина; второй: никогда не щадить жизнь (всегда убивать) человека, который убил своего товарища; третий: не позволять своей жене часто навещать своих родственников, хотя она просит; четвертый: не рассказывать своей наложнице все свои секреты; пятый: не скакать на своем лучшем коне, когда спешишь; шестой: никогда не поднимать шума. ребенок более высокородного человека, чем он сам; седьмой, никогда не нарушавший перемирия; восьмой, никогда не забиравший с собой много захваченных рабов. Если он последует всем этим советам, ему повезет, хотя сейчас я объявляю его вне закона за нарушение закона” (Сага о Хервараре, с. 8).

“Дерево падает не от первого удара”, - сказал исландец священнику Тангбранду, который собирался обратить Исландию в христианство. (Нджала, глава 103.)

“Холодны (смертельны) советы женщин”, - сказал вождь Флоси своей родственнице Хильдигунн, которая убеждала его отомстить за ее мужа. (Нджала, глава 116.)

“У тебя большая часть свиной памяти” (очень короткая память), - сказала Гудрун, когда убеждала своих братьев убить Кьяртана, ее бывшего возлюбленного. (Лаксдала, глава 48.)

“Должно быть хуже, прежде чем станет лучше”. (Fms. v. 199.)

“Семья, лишенная овец, умирает с голоду”.

“Бонди - это столп бу; бу - это столп земли”.

Сигрдрифа дает Сигурду следующие советы:

Sigrdrífa.

Во-первых, я даю тебе совет

Не причиняй вреда

Твои родственники;

Не мсти за себя

Хотя они причиняют тебе вред.

Говорят, что после смерти все становится хорошо.

Во-вторых, я советую тебе,

Не давай клятвы,

Если только это не правда;

Жестокие корни

Обвинять в лжесвидетельстве;

Несчастен волк, поклявшийся в вере.

В-третьих, я советую тебе

Что ты смотришь на вещь

Не ссорьтесь с дураками;

Для неразумного человека

Часто говорит

Слова похуже, чем он знает.

Все сложно

Если ты молчишь,

Тогда считается, что ты родился трусом,

Или его (дурака) слова, которые должны быть правдой:

Домашнее суждение опасно

Если только ты не получишь хорошего.

На следующий день

Ты убьешь его (дурака),

И таким образом вознаграждать людей за их ложь.

В-четвертых, я советую тебе,
Если ведьма
Полные зла жизни на пути,
Лучше идти дальше
Чем поселиться там
Хоть ночь настигнет тебя.
Проницательные глаза
Нужны сыны человеческие
В яростной схватке;
Часто злые женщины
Сядь у дороги,
Которые притупляют и меч, и разум.
В-пятых, я даю тебе совет
Хотя ты видишь
Прекрасные невесты на скамейках;
Пусть не серебряные богини
Мешают тебе спать,
Не соблазняйте женщин на поцелуи.
В-шестых, я советую тебе,
Хоть среди людей будь
Злые разговоры о пиве;
Ты не должен ссориться
С пьяными боевыми деревьями;^[331]
У многих ум отнимает вино.
Борьба и эль
Причинили
Горе от ума для многих мужчин,
Смерть для некоторых,
Проклятия в адрес других,
Много пороков у людей.
В-седьмых, я советую тебе,

Если тебе придется сражаться
Против бесстрашных людей,
Лучше бороться
Чем сгореть
В доме.
В-восьмых, я даю тебе совет
Чтобы ты остерегался зла
И избегай лживых слов;
Не соблазняй девушку,
Ни жена мужчины,
И не соблазняйте их чрезмерным удовольствием.^[332]
В-десятых, я советую тебе,
Ты никогда не веришь
Клятвенная вера сына преступника,
Убийца ли ты его брата
Или убил своего отца;
В маленьком сыне есть волчица
Хотя бы его ободрили (утешили) золотом (вергильдом).
Я думаю
Что раздор и ненависть (не сонны),
Ни скорби;
Мудрость и оружие
Их нелегко достать
Для вождя, который был бы первым среди людей.
В одиннадцатый раз я советую тебе
Чтобы ты остерегался зла
Во всех отношениях от твоих друзей;
Мне кажется , я знаю
Жизнь вождя (Сигурда) не будет долгой;
Возникли серьезные разногласия.

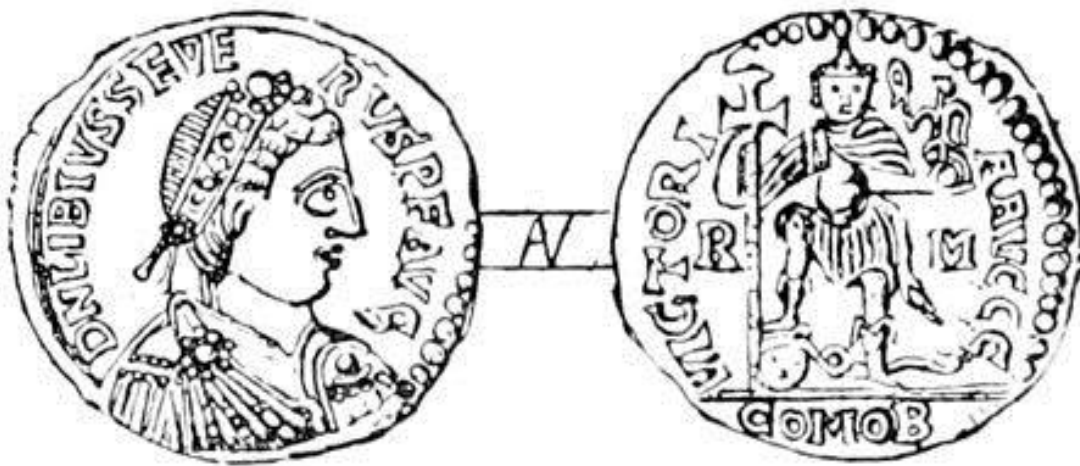

Рис. 1350. —Римская золотая монета (солидус) 5 века (Ливий Север), найденная вместе со многими византийскими и римскими монетами. Реальный размер—Эланд, Швеция.

Рис. 1351.—Монета из Тира.

Рис. 1352.—Монета из Сидона с греческими и финикийскими надписями.—Готланд, Швеция.

ГЛАВА XXV. СКОРБЬ И ОПЛАКИВАНИЕ.

Печаль Эгиля—Песнь Эгиля—Первая песнь Гудрун—Вторая песнь Гудрун—Залы, задрапированные черным и серым.

В литературе Севера есть несколько прекрасных примеров, показывающих, насколько сильны были чувства в сердцах людей, даже среди самых храбрых воинов. Заметными среди этих примеров являются скорбные песни Эгиля и Гудрун, в первом из которых оплакивается смерть сына, во втором - мужа.

“Когда Эгиль вернулся из своего последнего путешествия в Норвегию и Вермланд, его сын Бедвар был уже совсем взрослым. Он был многообещающим мужчиной; красивый, высокий и сильный, какими были Эгиль или Торол в его возрасте. Эгиль очень любил его, и Бедвар тоже был к нему неравнодушен. Однажды летом корабль зашел в Хвиту (белую реку), где было большое скопление людей для торговли. Эгиль купил там много древесины и привез ее домой. Хускарлы отправились в плавание на восьмивесельной лодке, принадлежавшей Эгилю. Бедвар умолял отплыть с ними, и они удовлетворили его просьбу; он отправился в

Веллир с хускарлами, которых было шестеро, в восьмивесельной лодке. В назначенное для их отъезда время прилив был поздним, поэтому они дождались его и отправились поздно вечером. Затем налетел сильный юго-западный шторм, и ему противостоял отлив; уровень воды во фьорде поднялся высоко, как это часто бывает там, и лодку затопило в бурном море, и все утонули; тела были выброшены на берег на следующий день. Тот, что принадлежал Бедвару, сошел на берег в Эйнарнесе, но другие были найдены на южном берегу фьорда, где находилась лодка, и в Рейкьярхамаре. Эгиль услышал об этом в тот же день и немедленно отправился на поиски тел. Он нашел руку Бедвара расprostертой; он поднял ее, положил себе на колено и поехал с ней в Дигранес, к кургану Скаллагрима. Он приказал вскрыть курган и положил Бодвара рядом со Скаллагримом, затем курган закрыли, но это было сделано только на закате. Эгиль поехал домой в Борг (свою ферму), и там сразу же направился к запертому чулану, где он обычно спал; он лег и заперся, и никто не осмеливался заговорить с ним. Когда они похоронили Бедвара в кургане, на Эгиле были чулки, плотно облегающие ногу; фустианская юбка, красная, узкая, узкая в верхней части и зашнурованная сбоку, но он так распух от горя, что и юбка, и чулки были разорваны. На следующий день Эгиль не отпер дверь, не взял ни еды, ни питья. Он пролежал там весь тот день и всю следующую ночь; никто не осмеливался заговорить с ним. На третье утро на рассвете Асгерд велела человеку сесть на коня и скакать так быстро, как только мог, на запад, в Хьярдархолт, и сообщить Торгерд (дочери Эгиля, жене Олафа Хескульдссона) все эти новости. Он прибыл туда около полудня и сказал, что Асгерд просила ее как можно скорее приехать в Борг. Торгерд сразу же велела оседлать лошадь, и двое мужчин последовали за ней. Они ехали в тот вечер и всю ночь, пока не достигли Борга. Торгерд сразу же вошла в зал; Асгерд поздоровалась с ней и спросила, ужинали ли они. Торгерд громко сказала: "Я не ужинала и не буду ужинать до встречи с Фрейей.^[333] Я не знаю лучшего решения, чем поступить так, как мой отец. Я не буду жить после своего отца и брата". Она пошла в спальню и крикнула: "Отец, открой дверь. Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Эгиль отодвинул щеколду. Торгерд поднялась и закрыла дверь; она легла на другую кровать, которая была там. Тогда Эгиль сказал: "Ты правильно сделала, дочь, что захотела последовать за своим отцом. Ты проявила ко мне много любви. Кто может ожидать, что я буду жить с таким горем?" Некоторое время они молчали. Потом Эгиль спросил: "Что это, дочь моя? Ты что-нибудь жуешь?" "Я жую *самфир* (морские водоросли), - ответила она, - и я думаю, что буду страдать за это; в противном случае, я думаю, что проживу слишком долго". "Это больно?" - спросил Эгиль. "Очень больно, - сказала она. "Ты будешь есть?" "Какое это имеет значение?" - сказал он. Вскоре после этого она позвонила и попросила попить. Затем ей дали попить воды. Тогда Эгиль сказал: "Когда человек ест *самфир*, его все больше и больше мучает жажда". "Ты будешь пить, отец?" - спросила она. Он сделал большой глоток из рога. Тогда Торгерд сказала: "Мы обмануты, это молоко". Эгиль откусил от рога то, что сжимал зубами, и выбросил это. Торгерд сказала: "Что нам делать теперь, когда этот план расстроен? Я хотел бы, отец, продлить нашу жизнь, чтобы ты мог сочинить надгробное стихотворение о Бедваре, а я вырежу его на деревянной палке; тогда позволь нам умереть, если захотим. Я думаю, что твой сын Торстейн не замедлит сочинить о нем поэму, но не подобает, чтобы не было поминального пира, потому что я не думаю, что мы будем пить в его *арвеле*. Эгиль сказал, что вряд ли он смог бы тогда написать стихотворение, даже если бы попытался, но он предпринял бы попытку" (Сага об Эгиле).

Я привожу ведущие строфы стихотворения.

СОНА-ТОРРЕК (потеря сыновей).^[334]

Это очень сложно

Чтобы пошевелить языком,
Или тяжелый воздух
Из стального ярда звука.^[335]
Теперь надежды мало
О краже Vidrir,^[336]
И нарисовать его тоже нелегко
Из тайника разума.^[337]
Тихая находка^[338]
О родственниках Тригги,^[339]
Принесенный из прошлого
Из Етунхеймара
Им нелегко управлять
Из обители разума.
Тяжелая печаль
Это причина.
Безупречный Браги
Стал знаменитым
На лодке
Из Nokkver (a Dverg);^[340]
Рана^[341] на шее Йотуна
Ревет
Внизу , у двери
Из дома моего родственника.^[342]
Для моей родни
Приблизился к своему концу
Как избитый до смерти
Ветки в лесу.
Этот человек невесел
Кто несет
Кости его сородичей
С места, где лежали трупы.^[343]

Тем не менее
Я вспоминаю первым
Смерть моего отца,
Смерть моей матери.
Этот песенный лес,^[344]
Со словами для обозначения листьев,^[345]
Я выношу
Из храма речи.^[346]
Жестокими были врата
Какая^[347] сломалась
На стене в интернете^[348]
О моем отце.
Я вижу место моего сына,
Выброшенные морем отходы,
Стоять пустым
И открыть.^[349]
Отсутствие братьев
Приходит часто
В разум
О женщинах Бьерна.^[350]
Я оглядываюсь
Когда битва обостряется;
Я прислушиваюсь к этому
И посмотрим, не
Любой другой Знак
Отвага в бою
Стоит
Рядом со мной;
Мне это часто нужно.
Таковы нравы людей;
Мой полет становится слабым

Когда у меня будет мало друзей.

Также сказано

Которого никто не получит

Равный своему сыну

Если только он не породит другого;

И не родственник

Кто для него

Как мужчина

Который является его родным братом.

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ГУДРУН.

Братья Гудрун, дочери Гьюки, убили ее мужа, Сигурда Фафнисбани, в его постели. Гудрун сидела над Сигурдом, когда он умер; она не плакала, как другие женщины, но чуть не умерла от горя. И мужчины, и женщины приходили утешить ее, но им было нелегко это сделать.

Гудрун была

На грани смерти

Когда она сидела, полная горя,

Над Сигурдом;

Она не плакала,

И не заламывать ей руки,

И не причитать

Как и другие женщины.

Очень мудрые ярлы

Вышел вперед,

Который пытался успокоить

Ее тяжелое сердце;

Хотя Гудрун была

Не в силах плакать;

Ей было так грустно;

Ее сердце чуть не разорвалось.

Высокородный

Невесты ярлов

Сидел, украшенный золотом,
Автор: Гудрун;
Каждый из них
Рассказала о своих горестях,
Самое горькое горе
Она страдала.
Сестра Джуки,
Гьяфланг сказал:
На земле нет женщин
Мне не хватает любви больше, чем мне;
Я почувствовал потерю
Из пяти мужей,
Из двух дочерей,
Из трех сестер,
Из восьми братьев,
И все же я живу один.
Все еще Гудрун
Не мог плакать,
Она была так полна горя
В память о ее покойном муже,
И с тяжелым сердцем
Над трупом короля.
Тогда Херборг сказал:
Королева Хуналенда:
У меня есть задача посложнее
Печально рассказывать;
Мои семеро сыновей
И мой восьмой муж
Пал среди убитых
В южных землях.
Мои отец и мать,

Мои четыре брата;
Ветер играл с ними
На глубине;
Волна смыла их
Прислонившись к планширу.
Мне самому пришлось мыться,
Мне самому пришлось хоронить,
Мне самому пришлось справляться
Их трупы;
Все , что я выстрадал
Через один год,
И ни один мужчина
Оказал мне помощь.
В том же году
Я стала рабыней;^[351]
Мне нужно было одеться,
И завязать шнурки на ботинках
Жены херсира
Каждое утро.
Она угрожала мне
Из-за ревности,
И поразил меня
Сильные удары;
Нигде не найдено, что я
Лучший домоправитель
И нигде
Худшая домохозяйка.
Все еще Гудрун
Не мог плакать,
Ей было так грустно
В память о ее покойном муже

И с тяжелым сердцем
Над трупом короля.
Тогда Гульйренд сказал:
Дочь Джуки:
Слабое утешение
Можешь ли ты, приемная мать,
Хоть ты и мудр,
Отдай молодой жене.
Она велела им раскрыть
Труп короля.
Она вытащила листок
Прочь от Сигурда
И бросил его на землю,
Перед коленями жены:—
Посмотри на своего возлюбленного,
Прижми свой рот к его губам,
Как будто ты обнимал
Живой король.
Гудрун посмотрела
Сразу на него;
Она увидела его волосы
Истекающий кровью;
Сверкающие глаза
Родственники короля были мертвы;
Его грудь^[352]
Был зарублен мечом.
Затем Гудрун опустилась на землю
На подушке;
Ее волосы были распущены,
Ее щеки вспыхнули
И капля слез

Упала на колени.
Тогда заплакала Гудрун,
Дочь Джуки,
Так , что слезы
Струился по ее локонам;
И гуси
Закричали во дворе—
Хорошие птицы
Которым владела девушка.
Тогда Гульльренд сказал:
Дочь Джуки:
Я никогда не знал
Большая любовь
Среди всех людей
На земле
Чем у вас двоих.
Ты никогда не был счастлив,
Моя сестра,
В помещении или на улице,
Разве что с Сигурдом.
Тогда Гудрун сказала:
Дочь Джуки:
Таким был мой Сигурд
Среди сыновей Гьюки,
В качестве дополнительной^[353]
Выросший высоко среди травы,
Или сияющий камень
Поставленный на оркестр,
Драгоценный камень,
Значит, он был выше высокородных.
Мне тоже казалось, что

Королевским чемпионам
Выше любого
Дис Херьяна;^[354]
Теперь я скромный
Как ивовый лист,
После смерти короля.
Я скучаю по сиденью
И в постели
Разговор моего друга;
Сыновья Джуки вызывают
Мое страдание,
И горький плач
Об их сестре.
И ты тоже
Потеряй свою землю
Как ты не
Принесенные клятвы;
Ты, Гуннар, не
Наслаждайся золотом;
Эти кольца
Это будет твоя смерть,
Как ты к Сигурду
Лживо поклялся.
Часто ли это было веселее
Когда мой Сигурд
Оседланные Грани
На лужайке (бочке),
И они пошли
Ухаживать за Брюнхильд,
Проклятое существо
Если не повезет.

Тогда Брюнхильд сказала:

Дочь Будли:

Возможно, здесь отсутствует^[355]

Муж и дети

Кто создал тебя

Плачь, Гудрун,

И тебе сегодня утром

Дал дар речи.^[356]

Тогда Гульренд сказал:

Дочь Джуки:

Не произноси этих слов,

Сильно ненавидимый человек;

Ты всегда был таким

Первая^[357] высокородного;

Каждый мужчина отрекается от тебя,

Ты злое существо!

Острая печаль

Из семи королей,

И величайший спойлер

Подруг жен.^[358]

Тогда Брюнхильд сказала:

Дочь Будли:

Только Атли вызывает

Все эти страдания;

Сын или Будли,

Мой брат,

Когда мы в холле

О гуннском народе

Пила с королем

Огонь змеиного логова^[359]

С тех пор я заплатил

Для этого путешествия;
От этого зрелища
Я не испугался.
Она стояла у дверного косяка;
Она обняла ольху;^[360]
Вспыхнул огонь
Из глаз
О Брюнхильд, дочери Будли;
Из нее хлынул яд
Когда она увидела раны
О Сигурде.
Вторая песня Гудрун, посвященная королю Тьодреку в хирде Атли.
Я была девой из дев,
Моя светлая мама
Вырастила меня в своем доме;
Я очень любил своих братьев,
Пока Джуки не одарил меня золотом,
И отдал меня Сигурду.
Как и Сигурд
Среди сыновей Джуки
В виде зеленого лука - порея
Выросший высоко в траве,
Или длинноногий олень
Среди быстрых оленей,
Или румяное золото
Среди серого серебра.
Пока мои братья
Завидовал мне
Муж,
Кто был первым из всех;
Они не могли уснуть

И не судят судебные дела
Пока они не убили Сигурда.
Гиперссылка^[361] исходила из этой Штуки;
Был слышен шум (его копыт);
Но тогда Сигурд
Сам не пришел.
Все верховые олени^[362]
Были испачканы кровью,
И утомленный
Под властью своих убийц.
Я ушла вся в слезах
Поговорить с Грани;
С мокрыми щеками
Я попросил его высказаться.
Грани опустил голову,
Склонил его к траве;
Конь знал
Его владельца больше не было.
Долгое время я колебался,
Долго мой разум был раздвоен
Прежде чем я спросил
Народный защитник
За новостями о короле.
Гуннар опустил голову;
Хегни сказал мне
Мучительная смерть
О Сигурде:
Убийца Готорма
Лежит убитый
За водой,
Отдан волкам.

Ищи там Сигурда,
На южной дороге;
Тогда ты услышишь
Вороны каркают,
Орлы кричат,
Радуются своей добыче,
Волки воют
Из-за твоего мужа.
Почему ты хочешь, Хегни,
Такие печали говорят
Мне так не хватает радости?
Вороны должны
Разорви свое сердце
В далеких землях,
Где ты чужой.
Хегни ответил:
Когда-нибудь, Гудрун,
С тяжелым сердцем,
С великой скорбью;
У тебя будет еще причина
Плакать,
Если мое сердце
Быть растерзанным воронами.
Я ушел оттуда один
Из этого разговора
В лес
Чтобы собрать то, что оставили волки.^[363]
Я не стонал
И не заламывай мне рук,
И не рыдай,
Как и другие женщины,

Когда я сидел над
Мертвый Сигурд.
Кромешная тьма
Ночь казалась
Когда я сидел, убитый горем,
Над Сигурдом;
Мне бы хотелось
Волки намного лучше
Неужели они отняли у меня жизнь,
Или я
Был сожжен
Как березовыедрова.

В следующем примечательном рассказе о битве между Кнудом и Харальдом, двумя сыновьями короля Горма, в которой Кнут был убит, мы находим, что, когда семья была в трауре, залы были задрапированы черным и серым.

После этого Харальд и его люди продолжили путь, пока поздно ночью не достигли фермы короля Горма и не сошли на берег в полном вооружении. Некоторые знающие люди говорят, что Харальд не знал, как ему сообщить об этом своему отцу, потому что он поклялся, что умрет, если услышит о гибели своего сына Кнута, и убьет человека, который расскажет ему о его смерти.

“ Харальд отправил своего молочного брата Хаука к своей матери, королеве Тири, и попросил ее найти какой-нибудь способ сообщить ему эту новость. Она велела ему пойти самому и рассказать королю, что дрались два ястреба, один из которых был совершенно белым, другой серым, и оба храбрые. Наконец белый ястреб был убит, что было сочтено большой жалостью. После этого Хаук вернулся к Харальду и передал то, что сказала его мать. После этого Харальд отправился в зал, где король Горм и его люди пили, подошел к своему отцу и рассказал ему о ястребах, как советовала его мать, закончив словами, что белый ястреб мертв. Больше он ничего не сказал. Не указано, где Харальд и его люди разместились той ночью. Король Горм, похоже, этого не понял. В тот вечер мужчины пили столько, сколько им хотелось, а потом отправились спать; но после того, как они покинули зал, королева Тири сняла портьеры и вместо них повесила черную и серую ткань, пока все не было закрыто. Она сделала это, потому что в те дни было принято поступать так, как поступала она, когда приходили печальные вести.

Король Горм старый встал утром и отправился на свое высокое место, намереваясь начать пить. Он посмотрел на стены зала; королева сидела рядом с ним на высоком троне. Он сказал: ‘Ты, королева Тири, должно быть, приказала подготовить зал таким образом’. ‘С какой целью я должна это делать?’ - спросила она. “Потому что, - добавил король, - ты хочешь сейчас рассказать мне о падении моего сына Кнута”.^[364] “Теперь ты сам это говоришь”, - сказала королева. Пока они разговаривали, он стоял перед высоким креслом, но теперь внезапно сел, ничего не ответил, привалился спиной к стене зала и умер. Его

отнесли на похороны, и по приказу Тири над ним был насыпан курган. Затем она послала весточку своему сыну Харальду, чтобы он вернулся со всеми своими людьми и выпил *арвель* в честь своего отца. Он так и сделал, и это было великолепно.

“После этого Харальд вступил во владение королевством и всеми землями своего отца и заключил с жителями страны Договор, по результатам которого датчане избрали его королем всей Дании” (Fleteyjarbok, том i; Йомсвикинга Татт).

Рис. 1353.

Рис. 1354.

Рис. 1355.

Маленькие глиняные урны с обожженными костями и бронзовыми предметами, пуговицами, иглами, ножами и т.д. В кургане, Зеландия. $\frac{1}{4}$ реального размера.

Рис. 1356.—Глиняная урна в кургане с обожженными костями. Björkö, Lake Mälär. размер $\frac{1}{4}$.

Рис. 1357.—Маленькая глиняная урна. размером $\frac{1}{4}$.

ГЛАВА XXVI. ЧЕМПИОНЫ И БЕРСЕРКИ.

Цель воина — стать берсерком—Безумие берсерка—Двенадцать сыновей Арнгрима—Они сражаются без кольчуг—Чемпионы Хрольфа—Берсерки Хакона Ярла—Жизнь берсерка—Пренебрежение смертью.

Считаться выдающимся чемпионом или *каппи* было величайшим стремлением каждого воина; и достичь этого гордого положения было нелегкой задачей среди такого количества людей, которые были одинаково храбры, совершенно безрассудно относились к своей жизни и прекрасно владели оружием.

После того, как такая репутация была приобретена, чемпион должен был либо бросить вызов, либо быть брошенным теми, кто соперничал с ним, и эти поединки или испытания силы и мастерства обычно проходили перед большим собранием.

Целью каждого чемпиона было стать “Берсерком” (названным так, вероятно, потому, что они сражались без серка (рубашки)), который считался храбрейшим из мужчин. Оказавшись в пределах видимости своего врага, берсерки доводили себя до такого исступления, что кусали свои щиты и бросались в атаку, отбрасывая оружие для защиты, не считаясь ни с

какой опасностью, иногда не имея ничего, кроме дубинки, которая несла с собой смерть и разрушения.

“Во времена Хакона, приемного сына Этельстана, жил в Норвегии Бьерн Бледный, который был Берсерком. Он ездил по стране и вызывал мужчин на *хольмгангу* (дуэль), если они не исполняли его волю” (Сага о Гисли Сурссоне, стр. 1).

Эта неистовая ярость использовалась не только на войне, но и для совершения тяжелых подвигов, которые считались неподвластными обычным людям. В некоторых случаях эта ярость, по-видимому, охватывала берсерков без всякой причины, когда они дрожали и скрежетали зубами.

У берсерка Арнгрима из Болма было двенадцать сыновей; Ангантир был старшим, второй Хервардом, третий Семингом, четвертый Хьервардом, пятый Бран, шестой Брами, седьмой Барри, восьмой Рейтнир, девятый Тинд, десятый Буи, одиннадцатого и двенадцатого звали Хаддинги. Они оба вместе были равны одному из остальных, но Ангантир был равен двоим и был на голову выше любого из них; все они были великими Берсерками. Они воевали, когда были совсем молоды, и опустошали все вокруг, но не встречали равных по силе и мужеству; таким образом, они получили известность и победу. Двенадцать братьев плыли вместе на одном корабле, без других; но часто у них было больше кораблей. Их отец взял на войну самое превосходное оружие; Ангантир получил Тирфинг, Хервард Хротти, Семинг Мистилтейн (Омела), которые Траин^[365] впоследствии достал из своего кургана. У всех братьев были отличные мечи-хольмганга. У них был обычай, если они были только со своими людьми, когда они обнаруживали, что *банда берсерков* (berserk-fury)^[366], если они были только со своими людьми, когда они натыкались на них, выходить на берег и бороться с большими камнями или деревьями, иначе они в ярости убили бы своих друзей. Никогда они не вступали в битву, не одержав победы; поэтому о них были сказаны великие изречения. Не было царя, который не дал бы им того, чего они хотели, вместо того, чтобы терпеть их властолюбие. Летом они были на войне, но зимой оставались дома в Болми со своим отцом” (Сага о Хервараре, с. 3).^[367]

В следующих Сагах у нас есть пример материала, из которого были сделаны люди Севера, или викинги.

“ Когда Фритьоф приземлился после шторма ... на Оркнейских островах один из берсерков ярла сказал: “Теперь мы попробуем, правда ли, что Фритьоф дал клятву, что он никогда первым не попросит мира у другого’. Это были десять злых и жадных людей, и они часто впадали в ярость берсерка; когда они встречали (Фритьофа), они хватались за оружие. Атли (один из берсерков) сказал: “Сейчас лучше всего, Фритьоф, посмотреть нам в лицо, ибо орлы должны сражаться своими когтями лицом к лицу, и сейчас лучше всего придерживаться своих слов и не просить мира первым” (Сага о Фритьофе, с. 7).

Считалось, что ни огонь, ни оружие не могут причинить вреда берсеркам. На войне они сражались без кольчуг, в голой рубашке или кирте; отсюда и их название.

Король Халф отправился на ферму короля Асмунда, где было много людей, с половиной своих людей. Угощение было хорошим, а выпивка такой крепкой, что чемпионы Халфа крепко уснули. Король Асмунд и его хирд подожгли зал. Один из чемпионов Халфа, проснувшийся первым, увидел зал, почти полный дыма. Он крикнул: ‘Теперь дым будет окружать наших ястребов’, - а затем снова лег спать. Затем другой проснулся и увидел, что зал горит, и сказал: “Теперь воск будет капать с наших саксофонов”, а затем лег.

Но тут проснулся король Халф, встал, разбудил воинов и велел им вооружаться. Затем они бросились на стены с такой силой, что трещали стыки бревен” (Сага о Халфе).

Также считалось, что они меняют форму и в своей величайшей ярости принимают внешнюю форму животного^[368] огромной силы и свирепости.

Целью каждого великого вождя было собрать вокруг себя величайших чемпионов страны, и если он был известен храбростью, щедростью и общительностью, они приезжали к нему даже из самых отдаленных уголков Севера. Когда появлялся новый чемпион, желавший быть первым, он спрашивал своих будущих товарищей, не возражают ли они против того, чтобы он стал таким среди них, и если кто-нибудь возражал, он немедленно вызывал его на холмгангу, чтобы заявить или доказать свои права. В некоторых случаях слава новичка была настолько велика, что его сразу же признавали выдающимся.

Среди великих чемпионов, слава и имя которых воспевались из поколения в поколение, были чемпионы Хрольфа Краки и короля Халфа.

Чемпионы Хрольфа стекались к нему со всего Севера; среди самых знаменитых были Бодвар Бьярки из Норвегии и Свипдаг из Швеции. Похоже, что в свите других королей было по двенадцать берсерков.

Король Хрольф приготовился к путешествию с сотней человек, помимо которых у него было двенадцать воинов и двенадцать берсерков. Больше ничего не рассказывается об их путешествии до того, как они прибыли в бонди” (“Сага о Хрольфе Краки”, с. 39).

“Хаки и Хагбард - имена двух очень известных братьев. Они были морскими королями, и у них было большое войско; иногда они ходили вместе, иногда каждый ходил сам по себе; за каждым из них следовало множество чемпионов. Король Хаки отправился со своим войском в Швецию против короля Хуглейка, который собрал войско; два брата, Свипдаг и Гейгад, оба прославленные и великие чемпионы, пришли ему на помощь. С Хаки было двенадцать чемпионов, среди которых был Старкад старый; сам Хаки был очень великим чемпионом. Они встретились на Фирисвеллире (равнине Фири) в великой битве; люди Хуглейка быстро пали. Чемпионы Свипдаг и Гейгад затем предприняли атаку, но шесть чемпионов Хаки вышли против каждого из них, и они были схвачены. Затем Хаки вошел в шилдбург Хуглейка и убил его и двух его сыновей. После этого шведы бежали, а Хаки завоевал землю и стал королем шведов. Он оставался дома три зимы, и за это время его чемпионы отправились в экспедиции викингов и таким образом заработали собственность” (Инглинга, с. 25).

Двенадцать берсерков Хрольфа Краки последовали за королем Швеции Адильсом в битве против короля Норвегии Али при условии, что им заплатят и разрешат выбрать три дорогостоящих предмета для Хрольфа.

“После битвы каждый из них попросил три фунта золота в качестве платы и взять с собой три дорогие вещи, которые они могли бы выбрать для Хрольфа: это были шлем *Хильдигельт* (боевой вепрь), брыня *Финнслейф*, непроницаемая для оружия, и золотое кольцо *Свиагрис* (Свиная свинья), которым владели предки Адилса” (Прозаическая Эдда (Скалдскапармаль), с. 44).

С Законом ярлом были два брата шведского происхождения: одного звали Халли, другого Лейкнир. Это были гораздо более высокие и сильные мужчины, чем можно было встретить в Норвегии или в других местах. Они впадали в неистовство, а когда злились, теряли свою человеческую природу и сходили с ума, как собаки; они не боялись ни огня, ни железа, но в повседневной жизни с ними было неплохо общаться, если они не были обижены, хотя они

были самыми властными, если их обижали. Эйрик Сигрсали (победоносный), король Швеции, отправил берсерков к ярлу и велел ему быть осторожным и хорошо обращаться с ними, и сказал, что они могли бы оказать большую помощь, если бы учитывали их характер” (Эйрбыггя, с. 25).

Следующий отчет дает представление о жизни этих чемпионов:

“Бонди Свип жил в Швеции вдали от других мужчин; он был богат и был величайшим чемпионом, но выглядел не так, как все, поскольку многое знал. У него было три сына, Свипдаг, Гейгад и Хвицерк, который был самым старшим; все они были хорошо обученными, сильными и привлекательными мужчинами. Когда Свипдагу было восемнадцать зим, он однажды сказал своему отцу: ‘Наша жизнь здесь, в горах, в далеких долинах и безлюдных местах, где люди никогда не навещают и не принимают гостей, скучна; было бы лучше отправиться к Адильсу и следовать за ним и его воинами, если он примет нас’. Свип ответил: ‘Я не думаю, что это целесообразно, потому что король Адильс жестокий человек и не заслуживает доверия, хотя он говорит справедливые слова, а его люди ревнивы и сильны, но, несомненно, он могуществен и знаменит’. Свипдаг сказал: ‘Человек должен чем-то рисковать, если он хочет прославиться; он не может знать, прежде чем попытается, когда к нему придет удача’. Его отец дал ему большой топор и сказал своему сыну: ‘Не жадничай; не хвались, потому что это создает плохую репутацию, но защищайся, если на тебя нападут, ибо великий человек должен мало хвастаться и хорошо вести себя в трудных ситуациях’. Он дал ему хорошую военную одежду и хорошего коня. Тогда Свипдаг поехал верхом и ночью прибыл в крепость короля Адильса; он увидел, что за пределами зала происходили игры, и Адильс сидел на большом золотом стуле, а его Берсерки были рядом с ним. Когда Свипдаг подъехал к ограде^[369] ворота бурга были закрыты, поскольку в то время было принято просить разрешения въехать верхом; Свипдаг не стал утруждать себя этим, а взломал ворота и въехал во двор. Тогда король сказал: ‘Этот человек пришел сюда безрассудно, такого еще никто не делал. Возможно, он обладает огромной силой и не ведает страха’. Берсерки сразу же очень рассердились и подумали, что он слишком самоуверен. Свипдаг выехал перед королем и искусно отдал ему честь. Адильс спросил, кто он, и он сказал ему. Король вскоре узнал его, и все подумали, что он великий и высокородный чемпион. Игры продолжались; Свипдаг сидел на поваленном дереве и наблюдал. Берсерки сердито посмотрели на него и сказали королю, что хотят испытать его; король ответил: ‘Я думаю, что у него немалая сила, но я бы хотел, чтобы ты попробовал, такой ли он человек, каким себя считает”.

Когда люди собрались в зале, Берсерки подошли к Свипдагу и спросили его, был ли он чемпионом, раз он так много о себе возомнил: он ответил, что был таким же великим, как любой из них. При этих словах их гнев и рвение (к борьбе) возросли. Но король велел им в ту ночь вести себя тихо; они нахмурились, громко завывали и сказали Свипдагу: ‘Осмелишься ли ты сразиться с нами? Тогда тебе понадобится нечто большее, чем просто громкие слова и хвастовство. Мы испытаем, сколько в тебе сил. Свипдаг ответил: ‘Я соглашусь сражаться по одному и посмотрю, можно ли сделать больше’. Король был очень доволен, что они это сделали. Королева Ирса сказала: ‘Этому человеку здесь будут рады’. Берсерки ответили ей: ‘Мы и раньше знали, что ты хочешь отправить нас всех в Ад, но мы слишком велики, чтобы быть убитыми одними словами или недоброжелательством”.

Утром началась тяжелая *хольмганга*, и в тяжелых ударах недостатка не было; новичок знал, как с большой силой владеть своим мечом, и берсерки уступили. Свипдаг убил одного, а другой хотел отомстить за него, но его постигла та же участь, и Свипдаг не остановился, пока не убил четверых; тогда Адильс сказал: ‘Ты причинил мне большой урон, и теперь ты заплатишь за это’, - и он попросил людей подняться и убить его. Королева собрала людей и

захотела помочь ему, и сказала, что король видит, что в нем одном гораздо больше мастерства, чем во всех берсерках. Королева заключила между ними мир, и все считали Свипдага человеком великой доблести. Теперь он сидел на нижней скамье напротив короля, по желанию королевы Ирсы. Он огляделся и подумал, что причинил берсеркам недостаточно вреда, и хотел вызвать их на бой, и подумал, что, вероятно, если они увидят его одного, то нападут на него; так оно и было, как он думал, потому что они сразу же начали драться. Король пришел, когда они уже некоторое время сражались, и разлучил их. Впоследствии король объявил оставшихся берсерков вне закона, поскольку они не могли все вместе сразиться с одним человеком, сказав, что раньше он не знал, что они были велики только в хвастовстве. Они должны были уйти, но пригрозили начать войну во владениях короля Адилса. Король ответил, что ему наплевать на их угрозы.

“Адилс попросил Свипдага помочь ему сейчас так же, как раньше помогали все Берсерки, тем более что Королева хотела, чтобы он занял их место. Свипдаг оставался там некоторое время” (Хрольф Краки, с. 18, 19).

И вот прошла зима, и пришло время, когда берсерки короля Хрольфа должны были вернуться домой. Бедвар спросил Хьялти об их обычаях; тот ответил, что у них вошло в обычай, когда они возвращались домой в хирд, подходить сначала к королю, а затем к каждому мужчине и спрашивать, считает ли этот человек себя равным им. Король обычно отвечал: "Трудно сказать, поскольку вы такие доблестные люди и снискали славу в кровопролитных битвах против нескольких народов в южной и северной половине мира. Он дает этот ответ скорее по своей доброй воле, чем по мужественности, потому что он знает их нрав, и они одерживают для него великие победы и много имущества. Затем они подходят к каждому мужчине в зале и задают один и тот же вопрос, и никто не отвечает, что он им ровня. Бедвар сказал: ‘С Хрольфом здесь мало хороших воинов, поскольку все они запуганы берсерками’. Больше ничего сказано не было. В канун следующего святочного дня Бедвар пробыл у Хрольфа год, и когда они сели за стол, дверь зала распахнулась, и вошли двенадцать берсерков, одетых во все серое с железом (кольчуги), которые выглядели как разбитый лед. Бедвар тихо спросил Хьялти, осмелится ли он сразиться с одним из них. ‘Да,’ сказал Хьялти, ‘не против одного, а против всех, потому что я не могу испугаться, хотя против меня подавляющая сила, и ни один из них не испугает меня’. Берсерки сначала прошли по залу и увидели, что чемпионов Хрольфа стало больше с тех пор, как они ушли. Они внимательно посмотрели на новичков и подумали, что один из них был немаленьким мужчиной, и рассказывают, что тот, кто шел впереди, был немного напуган. Они пришли, как обычно, к королю Хрольфу и задали ему обычный вопрос; он ответил то, что считал нужным, по своему обыкновению. Они подошли к каждому мужчине в зале и в последнюю очередь к товарищам (Бедвару и Хьялти); затем первый спросил Бедвара, считает ли он себя равным ему. Бедвар сказал, что считает себя не равным, а превосходящим его во всем, что они могут предпринять; этот мерзкий кобылин сын не должен обращаться с ним как со свиньей. Он прыгнул на берсерка, который был в полном боевом облачении, и повалил его с такой силой, что чуть не переломал ему кости; Хьялти сделал то же самое, так что в зале поднялся большой переполох, и король увидел, что, вероятно, будут большие потери, если его люди погибнут. Он бросился со своего высокого трона к Бедвару и попросил его отнестись ко всему этому спокойно и дружелюбно. Бедвар сказал, что Берсерк должен расстаться с жизнью, если не признает себя меньшим человеком, чем он сам. Король сказал, что это будет легко сделать, и позволил берсеркам подняться на ноги. Хьялти сделал то же самое по приказу короля. Каждый мужчина сел на свое место, и берсерки тоже сели на свое, охваченные горем. Король долго говорил с ними и сказал им, что теперь они могут увидеть, что никто не был столь велик, силен или знаменит, но что он мог бы найти себе равного, и сказал: ‘Я запрещаю вам устраивать какие-либо

беспорядки в моем зале, и если вы не подчинитесь, то поплатитесь своими жизнями; будьте так свирепы, как только можете, когда я сражаюсь со своими врагами, и таким образом снискаете себе славу. Теперь я так выбрал воинов, что мне не нужно зависеть от вас. Все согласились со словами короля и полностью примирились. Затем они расселись таким образом, что Бедвару оказали наибольшую честь. Он сидел рядом с королем по правую руку; рядом с ним сидел Хьялти Храбрец, каковое имя дал ему король.... Король Хрольф так высоко почитал Бедвара, что женился на его единственной дочери Дрифи” (Сага о Хрольфе Краки, с. 37).

После этого король Адильс приказал очистить свой зал; мертвых вынесли, ибо многие из людей Адильса были убиты и ранены. Он сказал: ‘Теперь мы разожжем длинные костры (на полу) для наших друзей и будем хорошо обращаться с такими мужчинами, какие они есть. Теперь были посланы мужчины разжигать огонь. Воины Хрольфа всегда сидели со своим оружием и никогда не выпускали его из рук. Вскоре костер разгорелся, потому что не жалели смолы и сухих дров. Король Адильс сел со своими хирдманами по одну сторону костра, а Хрольф Краки и его воины - напротив. Они сели на длинные скамьи и очень дружелюбно поговорили друг с другом. Король Адильс сказал: ‘Храбрость и отвага воинов Хрольфа не преувеличены; ты считаешь себя лучше других, и о твоей силе не говорили лжи; теперь увеличь огонь, ибо я не вижу отчетливо, где находится король, и, хотя ты немного согрелся, ты не убежишь от огня’. Это было сделано. Он хотел посмотреть, где находится король Хрольф, потому что знал, что тот не переносит жару так же хорошо, как чемпионы, и думал, что ему будет легче добраться до него, когда он узнает, где тот находится, потому что на самом деле он хотел убить его. Бедвар и другие видели это и защищали его от жары, как могли, но не так, чтобы его можно было узнать. Когда огонь очень быстро распространился, король Хрольф вспомнил о данной им клятве не убегать ни от огня, ни от железного оружия; он увидел, что король Адильс пытался сжечь их или позволить им нарушить свою клятву. Они увидели, что кресло Адильса (само по себе) переместилось к двери зала, а также кресло его людей. Огонь быстро распространялся, и они поняли, что обгорят, если останутся. Их одежда сильно обгорела, и они бросили в огонь свои щиты. Бедвар и Свипдаг сказали: ‘Теперь давайте усилим огонь в бурге Адилса’. Каждый из них взял по одному из мужчин, которые поддерживали костры, подбросил их в них и сказал: ‘Теперь согрейтесь за свою работу; у нас достаточно тепла; теперь согрейтесь, поскольку вы были так заняты некоторое время, разводя для нас огонь. Хьялти взял третьего и швырнул его туда, где тот сидел, а затем проделал то же самое со всеми, кто поддерживал костры, и они сгорели дотла, и им никто не помог, потому что никто не осмеливался подойти так близко. Когда они сделали это, король Хрольф сказал: ‘Тот не бежит от огня, кто перепрыгивает через него’. Тогда все они перепрыгнули (на своих щитах) через огонь и хотели схватить короля Адильса. Когда он увидел это, он спас себе жизнь и побежал к дереву, которое стояло в зале и было полым внутри, и таким образом он выбрался оттуда с помощью колдовства. Он пришел в зал королевы Ирсы и заговорил с ней, и она приняла его с позором и наговорила ему много громких слов: ‘Сначала ты убил моего мужа Хельги, и предал его, и забрал имущество у его владельца, и, кроме того, ты хочешь убить моего сына, и ты намного жестокее и хуже любого другого; теперь я всячески помогу Хрольфу завладеть имуществом, и ты получишь позор, которого заслуживаешь’. Адильс ответил: ‘Здесь ни один из них не будет доверять другому, и отныне я не буду показываться им на глаза’. После этого они перестали разговаривать” (“Сага о Хрольфе Краки”, с. 41).

В те дни непрекращающихся войн жизнь воина была великолепной драмой от начала до конца; его смерть была завершением великой карьеры; а его вступление в Валгаллу было наградой за храбрую жизнь, в которой он демонстрировал полное пренебрежение к смерти

и в которой он часто проявлял высочайшие мужские качества. Когда он увидел, что жизнь уходит, он воспел деяния, которые совершил, и когда его взор затуманился, и тьма навсегда закрыла от него солнечный свет, он услышал, как в его ушах зазвучала песня скальда, повествующая о деяниях его жизни.

Ни в одной другой литературе, дошедшей до нас с древних времен, деяния великих героев древности не описываются так ярко и подробно, как в Северной. Мы можем представить себя на поле битвы, можем услышать лязг оружия и свист стрел и копий, удары по шлемам, щитам или кольчугам и яростную атаку; и перед нашими глазами встает abordage судов и кровавая бойня на палубе.

В Сагах, повествующих о древнейших временах, мы находим великодушный и рыцарский дух, ибо состязание должно было быть равным, корабль против корабля, человек против человека. В великой битве вождь шел против вождя, чемпион против чемпиона, на глазах у сражающихся обеих сторон, и тот, кто добивался успеха, должен был сражаться вместе с остальными, сам в конце концов падая смертельно раненным или одерживая победу над всеми. В этих смертельных битвах больше, чем где-либо еще, мы видим хладнокровную отвагу отважных скандинавов, людей, спокойно и непоколебимо смотрящих смерти в лицо, чувствующих, что лучше умереть с честью или славой, чем жить со стыдом, как часто рассказывается в Сагах; ибо только к более поздним временам мы видим упадок этого рыцарского духа.

Рис. 1358. Брактеат золота, найденный на месторождении в Ютландии.

Рис. 1359.

Рис. 1360.

Золотые брактеаты, Норвегия, размером $\frac{2}{3}$, найдены со многими другими золотыми брактеатами.

ГЛАВА XXVII. НЕКОТОРЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ПОДВИГИ ВЕЛИКИХ ВИКИНГОВ.

Притязания Харальда Хильдитонна на Англию—Король Хринг в Англии—Битва при Бравелле—Битва при Дунхейди—Воинственный характер Расы.

В предыдущих главах мы рассмотрели обычаи предков современных англоговорящих народов, а теперь перейдем к отрывкам из тех Саг, в которых говорится о жизни и деяниях

некоторых ранних королей Севера, претендовавших на владение частью Англии, и в которых упоминаются события, относящиеся к Англии, Франции, Ирландии, Шотландии и другим странам в более поздние времена или имевшие место в них. В цитировании различных Саг обязательно присутствует определенное количество повторений.

Среди первых королей, претендовавших на владение владениями в Англии, были Ивар Видфадми, Харальд Хильдитонн, Сигурд Хринг и Рагнар Лодброк.

“Когда Сигурд Хринг (VII и VIII вв. н.э.), отец Рагнара Лодброка, короля Швеции и Дании, заключил мир в обеих странах и поставил над ними королей-податников и ярлов, он вспомнил о королевстве, которым владел в Англии его родственник Харальд Хильдитонн (боевой зуб), а до него Ивар Видфадми; но тогда им правил король Ингьяльд, который, как говорят, был братом Петра, короля саксов” (Форрманна Сегур). ^[370]

- Ингьяльд был могущественным королем.

Король Хринг созвал большой сбор из своего королевства, отправился на запад, в Англию, и, когда он прибыл в Нортумберленд, попросил помощи, которую ему оказали многие люди.

Но когда король Ингьяльд услышал об этом, он собрал большое войско и выступил против него, и они сражались в нескольких битвах, в последней из которых пали король Ингьяльд и его сын Убби со многими своими воинами. После этого Хринг завладел Нортумберлендом и всем королевством Ингьяльда.

Король Хринг покинул Англию, назначив налоговым королем Нортумберленда Олафа, сына Кинрика, который, как говорили, приходился племянником Моалде Крепкой, матери Ивара Видфадми.

Затем король Хринг вернулся в свои владения, и Олаф правил Нортумберлендом, пока Эава (или Эана), сын Убби, не вззошел на трон. У них с Олафом было много битв; после последней король Олаф бежал, а Эава завоевала королевство.

“Олаф отправился в Швецию к королю Хрингу, который затем назначил его вождем Ютландии, и долгое время после этого он был там налоговым королем, сначала при короле Хринге, а затем при Рагнаре Лодброке.

- Его звали Олаф Английский, а его сыном был Грим серый, который получил королевский титул после своего отца.

Грим был отцом Аудульфа сильного, который был налоговым королем Ютландии при Рагнаре Лодброке; сыном Аудульфа был Горм, который также был налоговым королем Ютландии и носил имя Горм бездетный.

“У короля Горма было много рабов, и некоторые из них были отправлены в Хольцеталанд (Гольштейн) за вином, которое они везли на множестве лошадей” (Форрманна Сегур, том i).

Среди самых известных и могущественных вождей и викингов Севера в Сагах, которые плавали далеко-далеко, Рагнар Лодброк^[371] и его сыновья, чьи деяния тесно связаны с более ранней историей Англии.

Нижеследующая Сага показывает, что норманны пришли в Англию задолго до того времени, которое упоминается в английских хрониках.

Как мы показали, тщетно пытаться согласовать английские или франкские хроники с Сагами. Поэтому очевидно, что люди из хроник, чьи имена были похожи на имена Рагнара и

Лодброка, не являются Рагнаром Лодброком, в то время как, с другой стороны, такназываемые сыновья Лодброка, которые грабили Англию, не могли быть сыновьями вышеназванного Рагнара. Следовательно, мы должны предположить, что либо имя сыновья Лодброка использовалось как фамильное как внуками Рагнара, так и последующими потомками, либо что в семье, близкой к его собственной, появился *Лодброк*, названный в его честь, который не правил ни одним королевством на Севере, но чьи сыновья были самыми могущественными и доблестными викингами, которых когда-либо видела Англия.

То, что в разные периоды существовало несколько Рагнаров, так же несомненно, как и то, что было несколько хальфданов, Сигурдов, Харальдов, Иварсов, Кнутов, Олафов и т. Д. Обычай называть детей в честь их отца и деда сохранился в Скандинавии и по сей день.

Сигурд Хринг, победитель при Бравелле, сменивший Харальда Хильдитонна, был могущественным вождем; его владения включали всю нынешнюю Данию, Швецию, страны, граничащие с Балтийским морем, и другие страны на западе, в том числе Англию. По обычаю тех времен, обширными владениями великих и могущественных вождей управляли подчиненные, или короли-сборщики налогов.

У Сигурда Хринга был сын Рагнар. Когда он стал достаточно взрослым, у него появились корабли и люди, и он стал величайшим из воинов.^[372]

“Сигурд Хринг был королем Швеции и Дании после Харальда Хильдитонна; его сын Рагнар вырос в его хирде; он был самым крупным и сильным мужчиной, которого когда-либо видели, и внешне походил на свою мать и ее семью. Из всех старых высказываний о народе по имени Альфар известно, что они были намного красивее других мужчин в Северных землях, ибо все предки Альфхильд, его матери, и всей их родни происходили от Альфа старого; их звали Альфар, и две большие реки, которые называются Эльф^[373] названы в его честь; та, что разделяла его царство, разделяла его владения. из Гаутланда, и поэтому назывался Гаутельф; другой отделял его от земли, которая сейчас называется Раумарики, и называется Раумельф. Рагнар был похож на своего отца и своих сородичей ростом, как Харальд Хильдитонн или Ивар Видфадми. Когда Хринг начал стареть и становиться громоздким, его владения начали уменьшаться, и сначала были потеряны отдаленные части. Король Адальбрикт (Adalbrecht) происходил от короля Эллы,^[374] которого убил Халфдан Илфинг (Wolfgang). Он подчинил ту часть Англии, которая называется Нордимбраланд (Northumberland); этой частью владел король Хринг, а до него Харальд (Hilditönn). Адальбрикт правил им долгое время; его сыновей звали Ама и Элла, и они были королями Нортумберленда в честь своего отца”.

Двумя из самых известных древних битв Севера, отчеты о которых дошли до нас, были битвы при Бравелле и Дунхейди.

“Сигурд Хринг получил королевский титул в Дании. Он сражался против короля Харальда Хильдитонна на Бравелле^[375] в Восточной Гаутланде, и там были убиты король Харальд и великое множество людей. Эта битва и битва между Ангантиром и его братом Хлодом в Дунхейди (Dúnheath) чаще всего упоминаются в старых Сагах, и в них погибло большинство людей (о них больше говорится в старых сагах, и в них погибло больше людей, чем в любом другом сражении)” (Hervarar Saga, с. 16).

Битва при Бравелле.—В этой битве чемпионы короля Харальда, по-видимому, прибыли в основном из Дании, Англии и Ирландии (запад), а также из Саксланда, который был его данником; чемпионы короля Хринга - из Швеции, Норвегии и востока.

“Однажды осенью он (Сигурд Хринг) отправился навестить короля Харальда, брата своего отца, был хорошо принят и некоторое время оставался там в хорошем расположении духа. Когда король Харальд состарился, он поставил Хринга, своего родственника, над своим войском, чтобы защищать свои земли, и тот долгое время жил с Харальдом. Когда старость стала тяжела для короля, он назначил Хринга королем Уппсалира и отдал под его власть всю Швецию и Западную Гаутландию, но сам сохранил власть над всей Данией и Восточной Гаутландией (Восточным Готландом). Король Хринг женился на Альфхильд, дочери короля Альфа, который владел землями между реками Гаутельф и Раумельф, которые тогда также назывались Альфхеймом; это были обширные лесные угодья. У Хринга был один сын, Рагнар (Лодброк), от его жены. У короля Харальда от жены было двое сыновей, Хререк *Сленгвандбауги* (Метатель Колец) и Транд старший.

“Когда королю Харальду Хильдитонну (зуб войны) исполнилось 180 зим, он лежал в постели, не в силах ходить; викинги повсюду тревожили войной его владения. Его друзья считали, что людям живется плохо, поскольку в стране не было правления; многие думали, что он слишком стар. Некоторые вожди решили, когда он купался в ванне, накрыть ее бревнами и камнями, намереваясь задушить его в ней. Когда он узнал, что его хотят убить, он попросил разрешения покинуть баню, сказав: ‘Я знаю, что вы считаете меня слишком старым; это правда, но я предпочел бы умереть своей обреченной смертью. Я хочу умереть не в ванне, а гораздо более по-королевски’. Затем пришли его друзья и забрали его. Вскоре после этого он послал весть в Швецию, королю Хрингу, своему родственнику, чтобы тот собрал войско из всех земель, которыми он правил, и встретил его на границе и сразился с ним, и рассказал ему все о причине, а именно о том, что датчане сочли его слишком старым.

Хринг собрал людей со всей Швеции и Западной Гаутландии, а также многих из Норвегии; говорят, что, когда шведы и норвежцы вышли с рекрутами из Стокксунда, кораблей было две тысячи пятьсот. Хринг ехал со своим хирдом и западноготландцами выше по течению, мимо Эйразунда, а затем на запад, к лесу Кольмерк, который отделяет Швецию от Восточной Гаутландии. Когда он достиг места под названием Бравик, его встретил хозяин корабля, и он разбил лагерь на Бравелле недалеко от леса, между ним и заливом.

“Король Харальд собрал людей со всей Дании, и большое войско пришло из Австррики (восточное королевство) и аж из Кнугарда”^[376] и Саксланда. Когда его войско собралось на Селунде, в Кегье, проход в Сканейри из Ландейри можно было совершить только на кораблях; казалось, все море было покрыто его корабельным воинством. Он послал Херлейва со своим саксонским войском к королю Хрингу, чтобы застолбить поле, выбранное для битвы, и объявить перемирие и мир разорванными. Король Харальд был в семи днях пути на восток, к Бравику. Оба приготовились к битве и выстроили свои войска.

“Говорят, что в войске короля Харальда и с ним был вождь по имени Бруни, мудрейший из всех его людей, которому он приказал выстроить войско и распределить вождям их места под знаменами; знамя короля стояло посреди строя, а его телохранители были расставлены вокруг него.

С Харальдом были: Свейн, Сам, Гнепи Старый, Гард, Бранд, Бленг, Тейт, Тывринг, Хьялти; это были его скальды и чемпионы. В его команде были следующие чемпионы: Хьерт, Боргар, Бели, Барри, Бейгад, Тока. Там были воительницы Висма и Хейд, каждая из которых пришла с многочисленным войском. Висма несла знамя Харальда, а с ней были чемпионы Карри и Мильва. Другой служанкой щита была Вебьерг, пришедшая с юга Готланда, и за ней последовали многие чемпионы, из которых самыми доблестными и известными были Убби

Фриски (фризец), Брат Ирски (ирландец), Орм Энски (англичанин), Буи Брамусон, Ари Одноглазый и Гейральф.

“В свите Висмы было много виндаров (вендов); их было легко узнать, потому что у них были длинные мечи и щиты,^[377] но не длинные щиты, как у других мужчин. На одном крыле стояла Хейд со своим знаменем и сотней чемпионов; это были ее берсерки, и многие вожди тоже были там. На другом крыле был Хаки Хогвинкинни (тот, у кого рассечена щека), и перед ним несли знамена; с ним было много королей и чемпионов, среди них Альфар и Альфарин, сыновья короля Гэндальфа, которые раньше были хирдманами дома у Харальда. Харальд ехал в повозке, потому что не мог сражаться пешим в битве. Он послал Бруни и Хейда посмотреть, как Хринг снарядил свое войско и готов ли он к битве. Бруни сказал: “Мне кажется, что Хринг и его войско готовы; но он выстроил их странным образом; он выстроил своих людей в *свинячий строй*,^[378] и сражаться с ним будет нелегко”. Харальд спросил: “Кто научил Хринга выстраивать своих людей клином?” Я думал, никто не знает этого, кроме меня и Одина; или Один потерпит неудачу, отдав победу мне? Такого никогда раньше не случалось, и даже сейчас я прошу его не делать этого; если он не хочет даровать мне победу, пусть он позволит мне пасть в битве со всем моим войском; если он не хочет, чтобы датчане одержали победу, как раньше; всех людей, которые пали на этом поле битвы, я отдаю Одину’. Все было так, как рассказал Бруни. Хринг выстроил своих людей клином, так что расположение выглядело еще более глубоким; тем не менее оно было настолько широким, что один фланг доходил до реки Вата, а другой - до Бравика.

“С Хрингом было много королей и чемпионов; первым был король Али доблестный, у которого было великое множество воинов и много других знаменитых королей и чемпионов; с ним был чемпион, чья слава наиболее высока в старых Сагах, Стеркуд Старый Сторверкссон, который вырос в Норвегии, в Хердаланде, на острове Фенринг, и путешествовал за границу вдоль и поперек, и был со многими королями”.

На эту битву из Норвегии приехали многие другие чемпионы.

Транд из Трандхейма, Торир из Мери; Хельги Белый, Бьярни, Хафр, Финн из Фирда-филки; Сигурд; Эрлинг Змеиный из Джадара; Сага-Эйрик, Хольмштейн Белый, Эйнар из Эгда-филки; Хрут Бродяга, Одд Странствующий, Эйнар, Ивар.

“Великими чемпионами Хринга были следующие: Аки, Эйвинд, Эгиль Косоглазый, Хильдир Гаут, Гуди, Толлус, Стейн с озера Венерн, Стир Сильный.

У них тоже были свои хозяева: Храни Хильдарсон, Свейн Рипер, Хлаумбоди, Сокнарсоти, Хроккель Хекья, Хрольф Женолюбивый. Кроме того, были: Даг Крепкий, Гердар Радостный, Дук Венд, Глум Вермландец, Сакси Грабитель, Сали Гаутландец.

- Это из шведского королевства: Нори, Хаки, Карл Кеккья, Крокар, Ганнфаст, Глисмек Добрый.

“Были из Сигтунира: Зигмунд, чемпион Каупанга, Толуфростиец.

“Адильс Гей из Уппсалира стоял перед знаменами и щитами, а не в Филкингах; Сигвальди, пришедший с одиннадцатью кораблями; Трюгви и Тививил были там с двенадцатью кораблями; у Лисира был скейд, укомплектованный чемпионами; у Эйрика Хельсинга был большой дракон, битком набитый воинами. Чемпионы также приезжали на Хринг из Теламорка (Телемаркен), и они пользовались наименьшей честью, поскольку считались медлительными и неряшливыми; это были: Торкель Упрямый, Торлейф Готи Властный, Хадд Жесткий, Гретти, Хроальд Тоу. Был еще один, кто пришел на Хринг: Регнвальд Высокий, или

Радард Хнефи, который был величайшим из всех чемпионов; он был первым в острие клина; за ним шли Триггви и Лисир, а затем сыновья Алрека и Ингви; затем были телемаркийцы, которых никто не хотел иметь, так как от них считалось мало пользы; они были отличными лучниками.

Когда эти войска были готовы к битве, оба затрубили в рога и издали боевой клич. Отряды встретились, и битва была такой жестокой, что во всех старых Сагах говорится, что ни в одной битве в Северных землях никогда не участвовало столько доблестных отборных воинов. Когда это немного утихло, фризец Убби, чемпион, выступил вперед перед войском Харальда и атаковал морду хрингского отряда, и прежде всего Регнвальда; их схватка была очень тяжелой, и ужасные удары были видны в войске, где эти бесстрашные чемпионы бросались друг на друга, нанося множество тяжелых порезов. Убби был таким великим чемпионом, что не останавливался до тех пор, пока их единственный бой не закончился падением Регнвальда; тогда он бросился на Трюггви и нанес ему смертельную рану. Когда сыновья Алрека увидели его ужасающий натиск на войско, они выступили против него; но он был так вынослив и искусен, что убил их обоих; затем он убил Ингви; и так яростно ворвался в ряды, что все разбежались перед ним; он сразил всех, кто был впереди, ударом в морду, за исключением тех, кто сражался с другими чемпионами.

Когда Хринг увидел это, он призвал войско не позволять одному человеку победить всех, таких гордых людей, какие там были. Он крикнул: 'Где Стеркуд, который до сих пор всегда нес самый высокий щит (одерживал победу)?' Стеркуд ответил: 'У нас и так достаточно дел, господин, но мы постараемся одержать победу, если сможем, хотя там, где находится Убби, человек может подвергнуться серьезному испытанию'. По настоянию короля он бросился вперед против Убби, и между ними завязалась великая битва с тяжелыми ударами, так как каждый из них был бесстрашен. Через некоторое время Стеркуд нанес ему тяжелую рану, а сам получил шестерых, все они были тяжелыми, и он подумал, что редко кто из мужчин так сильно давил на него. Поскольку ряды были плотными, они были оторваны друг от друга, и на этом их рукопашный бой закончился. Затем Убби убил чемпиона Агнара и расчистил путь перед собой, нанося удары обеими руками; его руки были окровавлены до плеч; после этого он атаковал телемаркийцев. Когда они увидели его, они сказали: 'Теперь нам не нужно идти куда-либо еще, но давайте некоторое время будем стрелять из лука в этого человека, и как бы мало все о нас ни думали, давайте сделаем больше и покажем, что мы доблестные люди'. Самые искусные из телемаркийцев начали стрелять в него, а именно Хадд Твердый и Хроальд Тоу; эти люди были такими превосходными лучниками, что выпустили в его грудь двадцать четыре стрелы; именно столько потребовалось, чтобы лишить его жизни. Эти люди убили его, но не раньше, чем он сразил шестерых воинов и тяжело ранил одиннадцать других, а также убил шестнадцать шведов и готов, стоявших в первых рядах. Вебьерг, служанка щита, наносила тяжелые удары шведам и готам; она атаковала чемпиона Сокнарсоти; она так хорошо привыкла к использованию шлема, кольчуги и меча, что стала одной из выдающихся в рыцарстве,^[379] как говорит Стеркуд Старый; она наносила чемпиону тяжелые удары и долго атаковал его и ударом в щеку рассек ему челюсть и подбородок. Он засунул бороду в рот и прикусил ее, подняв таким образом подбородок. Она совершила много великих подвигов. Вскоре после этого Торкель Упрямый, защитник Хринга, встретил ее, и они яростно атаковали друг друга; в конце концов она пала со множеством ран и великим мужеством.

“За короткое время здесь произошли великие события; и сначала один, затем другой отряд одержал верх; многие люди из обоих воинств так и не вернулись домой или были искалечены. Затем Стеркуд напал на датчан и на чемпиона Хуна и, наконец, убил его, а

немного погодя и ту, кто пыталась отомстить за его смерть, по имени Эллы. Затем он напал на Боргара и после упорного боя убил его. Стеркуд бросился сквозь ряды с обнаженным мечом и убивал одного за другим; он зарубил Хьерта; после чего Висма, служанка щита, несшая знамя Харальда, встретила его. Стеркуд яростно набросился на нее. Она сказала ему: "Ярость, предвещающая смерть, овладела тобой, и теперь ты умрешь, Чет!"^[380] Он ответил: 'Сначала ты все же позволишь знамени Харальда упасть', - и отрубил ей левую руку. Тогда Брей, отец Секалфа, попытался отомстить за нее, но Стеркуд пронзил его своим мечом. В сече во многих местах теперь можно было видеть большие кучи убитых и павших людей. Вскоре после этого Гнепья, великий воин, напал на Стеркуда; они упорно сражались, и Стеркуд нанес ему смертельную рану. Впоследствии он убил Хаки, но сам получил много больших ран; он был порезан на шее у плеч, так что можно было заглянуть в его грудь, а на груди у него была большая рана, так что его легкие торчали наружу, и он потерял один палец на правой руке. Когда Харальд увидел, что так много его хирдов и воинов пало, он встал на колени и взял два сакса, быстро погнал лошадь, которая тянула повозку, и вонзил саксы обеими руками и убил своими руками многих людей, хотя сам не мог ни ходить, ни сидеть верхом. Битва продолжалась таким образом некоторое время, и король совершил много великих подвигов. Ближе к концу битвы Харальда Хильдитонна ударили дубинкой по голове,^[381] так, что у него был проломлен череп; и это была его смертельная рана, и Бруни убил его. Когда Хринг увидел, что повозка Харальда пуста, он понял, что пал; он затрубил в рога и крикнул, чтобы войско остановилось. Когда датчане узнали об этом, битва прекратилась, и Хринг предложил перемирие всему войску короля Харальда, которое все приняли"^[382] (Сегуброт, с. 9).

Затем следуют грандиозные похороны короля Харальда, приведенные в Т. I., стр. 326.

Битва при Дунхейди.—Это произошло из-за ссоры между Хлодом, сыном Хейдрека, и братом нападающего, Ангантюром, из-за претензий первого на наследство; он перешел к отцу своей матери, королю Хумли Хуналанда, который также был его приемным отцом, и оба отправились войной на Ангантюра.

"Весной они (Хлод и Хумли) собрали такое большое войско, что в Хуналенде не осталось ни одного человека, способного сражаться. Ушли все, от двенадцати зим до шестидесяти; войско было настолько велико, что его можно было исчислить тысячами, и не меньше тысяч было в филкингах. Над каждой тысячей был поставлен вождь, а над каждым строем - знамя; пять тысяч было в каждом филкинге, и тысяча тринадцать сотен в каждой тысяче, и в каждой сотне четырежды по сорок (160); и филкингов было тридцать три. Когда это войско собралось, оно поскакало в лес под названием Мирквид (темный лес), который разделяет Хуналенд и Рейдготаланд. Когда они вышли из леса, перед ними открылись ровные равнины, и земля была хорошо возделана; на равнинах стоял прекрасный город, которым правили Хервер, сестра Ангантюра, и Хледвер со своим приемным отцом Ормаром. Они были там, чтобы защищать землю от воинства хунаров, и у них было много людей.

"Однажды утром на восходе солнца, когда Хервер стояла на башне над городскими воротами, она увидела такие большие облака пыли в направлении леса, что солнце надолго скрылось; затем она увидела сквозь облака пыли так отчетливо, что казалось, будто под ними все золотое, с прекрасными, покрытыми золотом щитами, позолоченными шлемами и белыми *брюньями*; она увидела, что это воинство Хуна,^[383] и большая масса мужчин. Хервер быстро спустилась вниз, позвала своего трубача и велела ему собрать ее людей. Затем она сказала: 'Бери свое оружие и готовься к битве; а ты, Ормар, поскачешь к хунарам и вызовешь их на битву перед южными городскими воротами'. Ормар ответил: 'У хунаров такое большое войско, что мы не можем противостоять ему; поэтому я советую тебе отправиться к своему

брату, королю Ангантайру, и рассказать ему, как обстоят дела'. Хервер спросил: 'Ты боишься, Ормар, встретиться с хунарами? Сделай, как я сказал, и вызови их на битву'. Затем Ормар выехал из города по направлению к Хунару; он громко крикнул и велел им скакать к городу и к южным воротам. 'Я вызываю вас сразиться там; те, кто придет первыми, пусть подождут остальных. Ормар поскакал обратно в город; тогда Хервер был готов к битве, и они выступили со всем своим войском из города против хунаров. Затрубили в рога, и вслед за этим началась великая битва, и вскоре на стороне Хервера пало еще больше людей, ибо у хунаров было гораздо большее войско. Ормар въехал в войско хунаров и убил их так много, что потребовалось бы много времени, чтобы перечислить их, и ни у кого из тех, кого он мог достать мечом, не было никаких шансов выжить; обе его руки были окровавлены по самые плечи. Когда Хервер увидела, что ее люди пали, она чрезвычайно разгневалась и рубила людей и лошадей направо и налево; она всегда убивала по шесть человек за каждый удар, и все убегали от нее. На вид она была больше похожа на льва, чем на мужчину. Будь мужчина таким же отважным, если бы он встретил ее, то встретил бы свою смерть; однако она не смогла бы противостоять огромным шансам, с которыми боролась. Когда десять тысяч ее воинов пали, она крикнула Хлоду и сказала: 'Выйди один на один со мной, Хлод, если у тебя храброе сердце мужчины'. Хлодвер ответил: 'Я не жажду твоей крови, сестра'. Он умолял своих людей взять ее, 'ибо она должна быть первой в нашей власти'. Когда Хервер услышала это, она никого не пощадила и убила всех, кто встретился ей на пути, и так продолжалось долгое время; затем войско напало на нее, но она убивала всех, кто оказывался рядом с ней, пока не упала замертво со своей лошади. Большие потоки крови хлынули у нее изо рта, и все мужчины подумали, что она умерла от истощения; никто никогда не слышал, чтобы женщина сражалась так доблестно. Хлодвер с великими почестями похоронил ее в кургане. Когда Ормар увидел, что Хервер пал, он, сильно израненный, ускакал с поля боя и не останавливался, пока не добрался до Археймара; остатки людей Хервера бежали в город. Когда Ормар нашел короля Ангантайра, он хорошо принял его и спросил о новостях. Ормар пел:

- Я пришел с юга

Рассказать эту историю;

Сгорело все

Пустошь Мирквида;

Весь готический тьод

Он обагрён кровью людей.

Я знаю деву Хейдрека,^[384]

* * * * *

Твоя сестра,

Опустился на землю;

У хунаров есть

Убил ее,

И многие другие

вашего имени;

Ей стало легче

В борьбе

Чем разговаривать с ухажером

Или отправляться на скамейку запасных

На прогулке с невестой.^[385]

Услышав это, Ангантюр скривил губы, и прошло много времени, прежде чем он заговорил; наконец он сказал: “С тобой обошлись небратским образом, моя знаменитая сестра’. После этого он оглядел свой хирд, и их было немного. Он запел —

-Нас было очень много

Когда мы пили мед;

Теперь нас стало меньше

Когда нас должно быть больше;

Я не вижу ни одного

Среди моих людей

Кто бы поехал верхом

И носить щит,

И идем навстречу

Воинство хуна,

Хотя я умолял его

И расплатились с ним кольцами.

— Гизр Старый сказал...

-Я не буду

Попросите предоставить [ГИПЕРССЫЛКУ](#) на eyrir

Ни звука

Кусок золота,

Но, тем не менее, поедет

И носить щит

Бросить вызов Хуна-тхьоду

К бою.

“Это был закон короля Хейдрека, согласно которому, если войско врагов вторгается в страну, и король этой страны облагораживает поле битвы и назначает место сражения, викинги не должны грабить до начала битвы. Гизр оделся по-военному и взял хорошее оружие; он сел на

коня, как будто был молодым человеком. Он сказал королю: "Где мне приказать хунарам сражаться?"

“Ангантыр пел”—

- Скажи им на Дилджже,

И на Дан-хит,

И на всех

Джоссарские горы,

Там часто бывают готары

Носил копье и сражался,

И знаменитый получил

Прекрасная победа.

Гизр ехал вперед, пока не подъехал к воинству хуна; он подъехал так близко, что мог говорить с ними, и крикнул громким голосом:

- Твой король полон страха,

Твой король обречен на смерть,

Твой стандарт высоко поднят,

Один разгневан на тебя.

Я бросаю тебе вызов в Дилджже,

И в Дан-хите,

Сражаться под

Джоссарские горы;

Пусть Один пренебрегает тобой

В каждом бою,

И пусть он позволит

Полет стрелы,^[387]

Как я и предсказывал.

“Когда Хлод услышал слова Гизра, он запел:

- Возьми Гизр

Человек из Ангантюра

(Который) прибыл из Археймара".

Король Хумли сказал:

-Мы не будем

Убейте посланников

Кто один

Отправляйся в путешествие".

Гизр сказал: 'Ни хунары, ни их луки из рога не смогут справиться с нами'. Он пришпорил своего коня и поскакал к Ангантайру, встал перед ним и поприветствовал его. Царь спросил, нашел ли он воинство Хуна. Гизр ответил: "Я говорил с ними и вызвал их на поле битвы в Дунхите в долинах Дилгджа'. Ангантюр спросил, сколько воинов у хунаров. Гизр ответил: "Велика их масса; тридцать три филкинга, по пять тысяч человек в каждом филкинге, по тринадцать сотен в каждой тысяче, по сто шестьдесят человек в каждой сотне".

Тогда король Ангантайр приказал послать боевую стрелу и разослал людей во все стороны, и призвал всех, кто был готов помочь ему и умел владеть оружием; после этого он отправился в Дунхит со своими людьми, и у него было пятьдесят тысяч; войско хунов выступило против него, и говорят, что сначала шансы были настолько велики, что семеро были против одного из людей Ангантайра. Оба подняли свои боевые палатки и проспали всю ночь.

На следующее утро они приготовились к битве и выстроили свои отряды; в рога затрубили так, что их было слышно за двадцать миль во всех направлениях, и земля задрожала, словно висела на волоске. Затем строй сомкнулся; были пущены первые копья и стрелы, древки и гафлоки (разновидность стрел), арбалеты и шестовые посохи (шесты с железными наконечниками), и все, что могло убить человека, находилось в воздухе, и так продолжалось долгое время. Когда стрельба прекратилась, они обнажили мечи, и началась жестокая рукопашная схватка, которая продолжалась весь тот день; вечером они разошлись по своим боевым палаткам. Теперь пала треть людей Ангантюра, но мало кто из хунаров; воины собирались вокруг Ангантюра днем и ночью со всех сторон. Ранним утром они начали битву, и она была не менее тяжелой, чем в первый день; было сломано много щитов, порвано много брыней, и много хороших наездников погибло; так продолжалось весь день; снова еще больше людей пало на стороне Ангантюра, и ночь положила конец битве. Точно так же все повторилось и на третий день; они сражались до ночи, и хунары добились большего успеха. На четвертый день они созвали всех своих людей трубой в рога на поле битвы и начали битву с оглушительного боя в барабаны и звука рогов, а затем произошла великая резня среди людей Ангантюра. Гизр Старый увидел это и не выдержал; он поскакал вперед, в войско хуна, словно был очень молод, и убил так много людей, что потребовалось бы много времени, чтобы перечислить их; ни один щит не был таким твердым, а доспехи такими надежными, что могли противостоять его ударам. Ормар также чрезвычайно хорошо сражался в войске Гота, хотя раны, полученные им в предыдущем сражении, почти не заживали. Куда бы ни шел Ангантайр среди войска, все отступали; ни у кого из тех, кого он смог достать *Тирфингом*, не было шанса выжить; теперь на поле битвы было столько крови, что она доходила до пояса (воинам).

В конце дня они разошлись по своим палаткам и перевязали раны своих людей. Готары много ворчали, ибо хунарам всегда доставалось лучшее. И все же на пятый день они отправились в бой и доблестно защищались, ибо ангантайр всегда сражался храбрее всех. Ближе к вечеру они слышали боевой клич и бой барабанов; Херлауг был там с шестьюдесятью тысячами человек, чтобы помочь Ангантюру. Ангантюр сказал, что ему рады в его нужде; затем они соорудили для себя военные палатки, и хозяин спал всю ночь. Когда стало достаточно светло для сражения, они начали битву; в тот день пало так много, что

никто не знал их числа, и лошади увязли в крови по самые подпруги седел; они больше не могли сражаться на поле боя из-за тел погибших, и битва во многом обернулась против хунаров. На девятый день Хлод послал Ангантюру сказать, что в этот день им следует отдохнуть, чтобы сделать рукояти для копий и починить щиты. Ангантюр согласился. Тогда никто из вождей не был ранен. У Ангантюра было не меньше людей, чем в начале битвы (пятьдесят тысяч), ибо воины собирались к нему постоянно, днем и ночью; у Хлода от его войска осталось не более сорока тысяч, а из его людей втрое больше ста тысяч, и восемьсот пали. Не сообщается, сколько потерял Ангантюр, и в старых сагах эта битва упоминается только как величайшая к северу от моря.

“Когда наступил десятый день, они захотели сразиться, поэтому ночью тот или иной должен быть свободен. Хледвер подгонял хунаров, как мог, и сказал, что будет нелегко просить готаров пощадить их жизни; ‘Я хочу найти Гизра Старого до того, как закончится эта битва, потому что нам есть о чем поговорить’. На другой стороне Ангантюр сказал своим людям: ‘Давайте пойдем вперед, как воины, и защитим нашу свободу и плодородную землю’. Херлауг ответил, что охотно последует за ним, и он должен был отомстить хунарам за дочь своей сестры. Затем оба воинства приложили рога ко рту и протрубили боевой клич, так что горы отозвались на него эхом, и его было слышно более чем за двадцать миль, когда они выезжали на битву. Затем они обнажили мечи и начали сражаться, и ни над чьей храбростью не нужно было насмехаться. Хлед выезжал впереди своих людей и рубил воинов направо и налево, как самый свирепый лев; и где бы он ни встречал плотный строй, он убивал двенадцать человек одним ударом; страх охватывал сердца многих, и они говорили, что никто в войске не сравнится с ним; у него были окровавлены руки по плечи, и он не прекращал этого натиска почти до полудня. Король Хумли сражался лучше всех хунаров рядом с Хлодвером, и ни у кого из тех, кому он нанес удар мечом, не было шансов выжить. Из войска Гота лучше всех сражались король Ангантюр, Херлауг и Гизр Старый; Ангантюр всегда убивал двенадцать человек одним ударом, если заставлял их стоящими вместе; долгое время братья не смотрели друг на друга и проезжали мимо друг друга. Многие толстые шлемы были расколоты, а многие прочные брелы разорваны; там можно было увидеть множество разрубленных на части всадников и множество лошадей, бегущих с пустыми седлами. Стрелы и копья летели так густо, что солнца не было видно, а звон оружия был таким громким, что никто не понимал, о чем говорилось; произошло много событий, хотя здесь упомянуты лишь немногие.

Король Хумли и Ормар встретились в битве и обменялись жестокими ударами, и, наконец, Ормар пал замертво. Гизр Старый увидел это и ударил короля Хумли; меч попал ему в плечо и отсек руку и бок; король упал замертво со своего коня. Хлед увидел это, и поскакал к Гизру, и ударил его по шлему изо всей силы, и разрубил голову, брину, туловище, седло и лошадь посередине; меч воткнулся в землю. Херлауг был рядом, он подъехал к Хлодверу и сказал: ‘Я достаточно смел, чтобы убить этого Тролля, или я получу от него удар, подобный тому, который получил Гизр’. Он ударил Хлодвера изо всех сил, пробил его шлем и отсек ту часть, в которую попал; затем его меч был направлен в плечо и рассек брюшью, и Хлодвер был слегка ранен; затем он ударил Херлауга, который отступил; тем не менее острие меча коснулось его груди и вспороло брюшью и живот. Ангантюр увидел это и, выехав вперед между ними, ударил Хлодвера Тирфингом. Хлодвер парировал удар своим мечом, и Тирфинг ударил его посередине; раздался громкий лязг; они сражались так долго в течение дня, что Ангантюр не мог поразить его ни выпадами, ни ударами; затем Ангантюр срубил обе гарды с меча Хлодвера *Тирфингом*, но тот не ослабил хватки. Хлод ударил по шлему Ангантюра, но удар был таким сильным, что не причинил вреда; меч переломился надвое там, где Тирфинг ударил его раньше. Ангантюр еще раз ударил Хлодвера, но тот парировал удар остатком

своего меча; Тирфинг ударил его плечом в грудь, и острое вошло внутрь; Ангантюр больше ничего не сделал, и так они расстались; битва сразу прекратилась. В войске хуна погибло так много воинов, что из всего огромного числа осталось в живых только триста человек, и все они были ранены и устали; из людей Ангантюра и Херлауга выжило пятнадцать тысяч. Ангантюр предложил хунарам мир, который они охотно приняли. Он отправился на поиски Херлауга и, наконец, нашел его; он ускакал далеко от поля битвы к военным палаткам и лег рядом с королевским шатром; он обернул живот одеждой и не мог говорить; король отнес его в свой шатер и сшил ему живот шелковой нитью, а затем уложил его в шелковую постель; стало темно, и ночью они легли спать.

На следующее утро король приказал обыскать поле битвы, и ни один человек не был найден живым; все, кто не смог покинуть поле битвы, утонули в крови. Король искал Хлодвера и нашел его мертвым на высоком холме; тогда он запел —

- Я предложил тебе, брат,
Неразрезанные кольца,
Собственность и множество сокровищ
По которому ты тосковал больше всего;
Теперь у тебя нет ни того, ни другого
Яркие кольца
Ни земли
В награду за эту битву.
Мы прокляты, брат,
Я стал твоим убийцей;
Это никогда не будет забыто;
Зло - это повеление Норниров.

Ангантир приказал похоронить его в кургане на холме, где он пал, и с ним были трое из названных ранее передовых людей; но все простые люди были свалены в большие кучи и покрыты плесенью; место, где лежал убитый, имело восемь миль в окружности; курганы можно увидеть и сегодня. Говорят, что Рейдготаланд и Хуналанд теперь называются Тидскаланд (скандинавское название Германии); Тидскаланд насчитывает двенадцать королевств, как и Норвегия. Не упоминается, покорил ли Ангантюр Хуналенд или нет. Король Ангантайр правил Рейдготаландом до своей смерти и был очень похож на своего деда, короля Хефунда; его сыном был Хейдрек Ульфшам (волчья шкура), который получил королевский титул после своего отца и удерживал его долгое время” (Сага о Хервараре, с. 17).

Вся литература Саг изобилует образными выражениями и мимикой, показывающими воинственный характер расы.

Ни в одном другом языке мы не находим таких поэтичных и убедительных выражений для обозначения сражений, оружия нападения и защиты, кораблей, крови и т. Д., Как у народов

Севера. Ниже приведены некоторые из образных выражений, используемых для обозначения сражений:

Буря Одина, дождь Одина, буря Валькирий, ветер оружия, песнь копий, грохот копий, предмет оружия, игра мечом, битва Ран (богини моря), дело Гунн (Валькирии), суд оружия, буря оружия, буря ран, железный голос, испытание шлемов, краситель земли, буря королей войны, грохочущий ветер Гондула, заклинательная песнь Одина, песнь Бруни (Одина), гнев Одина, Святки Хугина (одного из воронов Одина), оттепель Гондула, ливень Али (морского короля) и других знаменитых морских викингов, шум моря.

Воинов часто называли:

Повелитель дождя мечей, хранитель шлемов, разрушитель мира, повелитель битвы, оруженосец, кормилец волков, кормилица воронов, слуга Всевышнего (Одина), дуб Одина, красильщик живых изгородей, куст Одина, краситель полей, краситель рта Хугина (ворона Одина), красильщик брыний, поливатель волков, краситель орлов' подошвы (когти), сокрушитель бриний, подстрекательница игры мечей, боевой журавль, подбадриватель волка, изголодавшийся ворон, хранитель щита.

Кровь называется:

Роса меча, роса Скогула, роса стрел, вино трупа, прибой раны, вино волка, пот ран, напиток Хугина, пиво поля битвы, пена, пена оружия, могучие фьорды мечей, слезы меча, эль волка, дождь раны, поток меча, жидкость жизни, пиршество боевых птиц, вино ястреба, ручей из раны.

Ворона и орла звали:

Брат по клятве орла, раневой птицы, ястреба Одина, чайки-раны.

Волка звали:

Серый олень, кабан убитого, собака норнира, конь йотуна, собака Одина и т.д.

Лошадей иногда называли:

Тот, у кого кровавые копыта, сереброгривый, золотогривый, скачущий огонь, олень в седле, корабль на земле, ветер, позолоченные копыта, шумный гуляка и т. Д.

Огонь, который так часто используется для поджога домов, называется:

Брат ветра, вор в доме, волк в чертоге, пес тлеющих углей, создатель шума.

ГЛАВА XXVIII. НЕКОТОРЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ПОДВИГИ ВЕЛИКИХ ВИКИНГОВ. (Продолжение.)

Рагнар Лодброк—Его путешествия и войны—Его смерть в Англии—Сыновья Рагнара Лодброка—Ивар мстит за смерть своего отца—Широкий размах экспедиций сыновей Рагнара—Ивар король Англии.

После смерти короля Хринга его сын Рагнар принял суверенитет Швеции и Дании, после чего несколько королей отказались от своего подчинения и провозгласили независимость, потому что он был молод и казался им мало пригодным для советов или управления страной.

Тогда в Западном Гауталанде жил ярл по имени Херроуд; он был ярлом короля Рагнара. Он был мудрым человеком и великим воином. У него была дочь, которую звали Тора Боргархьорт (олень из бурга). Рагнар Лодброк^[388] был женат на Торе. Их детьми были Агнар, Эйрик и Алоф,^[389] который был женат на Хунда-Стейнаре ярле в Англии. Их сыном был Бьорн,^[390] отец Аудуна Скокула, отца Торы Мошальс, матери Ульфхильд, которая была замужем за Гудбрандом Кулой; их дочь была Аста, мать Святого Олафа.

“Теперь рассказывают, что Рагнар сидел дома в своем королевстве и не знал, где его сыновья; не знала и его жена Рандалин, и он слышал, как каждый из его людей говорил, что никто не может сравниться с его сыновьями, и он думал, что никто не может сравниться с ними в славе. Он размышлял о том, какой славы он мог бы добиться, которая была бы столь же продолжительной. Наконец он решил нанять ремесленников и приказал срубить в лесу дрова для двух больших кораблей, и люди увидели, что это были два knörr^[391] таких больших, что равных им не строили в Северных землях; он также провел большие военные приготовления по всему своему королевству. Благодаря этому люди узнали, что он собирается в поход за пределы страны, и слух об этом широко распространился в соседних землях, так что их правители, опасаясь, что их не оставят в покое в их королевствах, продолжили охранять свои земли от захватчика, на случай, если он может прийти. Рандалин спросила Рагнара, куда он направляется. Он сказал ей, что намеревается отправиться в Англию всего с двумя кнеррами и таким количеством людей, сколько они смогут вместить. Рандалин ответил: ‘Эта экспедиция кажется мне опрометчивой. Я думаю, для тебя лучше иметь побольше кораблей поменьше’. Он сказал: ‘Было бы всего лишь жалким подвигом завоевывать земли с большим количеством кораблей, но нет примера, чтобы такая страна, как Англия, была завоевана двумя кораблями; если я потерплю поражение, то чем меньше кораблей я выведу из страны, тем лучше’. Рандалин сказал: ‘Мне кажется, готовить эти корабли так же дорого, как иметь много больших кораблей для этой экспедиции; ты знаешь, что в Англии трудно высадиться на кораблях, и если твои корабли будут потеряны, твои люди не смогут защититься, хотя и сойдут на берег, если на них нападет армия, а большие корабли удобнее для высадки, чем кнеррир’. Затем он подготовил свои корабли и набрал людей, так что они были полностью укомплектованы; люди много говорили о его намерении. Когда его корабли и люди были готовы и подул попутный ветер, он сказал, что спустится к своим кораблям. Когда он был готов, она повела его к кораблям и, прежде чем они расстались, сказала, что вознаградит его за рубашку, которую он ей подарил. Он спросил ее, как это сделать, и она пропела:

"Я даю тебе длинную рубашку,

Нигде не пришито,

Сотканный из любящего разума

Из волос—^[392]

Раны не будут кровоточить

И края не укусят тебя

В священном одеянии;

Он был посвящен богам.

Совершая свое путешествие в Англию, он столкнулся с неблагоприятными штормами, так что оба его корабля потерпели крушение у берегов Англии, но все его люди сошли на берег со своей одеждой и оружием. После этого ему удалось захватить деревни, остроги и замки, один за другим. Король Элла, правивший Англией, услышал, что Рагнар покинул свою страну; он послал людей сообщить ему, когда он высадился; они пришли и принесли известия о Рагнаре. Элла разослал гонцов по всему своему королевству, призывая прийти каждого мужчину, который мог владеть щитом, ездить верхом на лошади и осмеливался сражаться; таким образом, он собрал такое большое войско, что это было чудом, и приготовился к битве. Элла сказал своим людям: "Если мы одержим победу в этой битве, и вы увидите Рагнара, вы не должны нападать на него с оружием, ибо у него есть сыновья, которые рано или поздно отомстят за его смерть". Рагнар приготовился к битве и использовал ткань, которую дал ему Рандалин, как кольчугу, а в руке у него было копье, которым он убил змея, окружавшего зал Торы, с которым ни один другой мужчина не осмеливался встретиться лицом к лицу; у него не было доспехов, кроме шлема. Когда они встретились, началась битва. У Рагнара было гораздо меньше людей. Многие из людей Рагнара вскоре пали, но куда бы он ни пошел сам, его враги отступали, и в тот день он прошел сквозь их ряды; всякий раз, когда он рубил или колол по щитам, кольчугам или шлемам, его удары были такими тяжелыми, что ничто не устояло против них, но ни один удар или укол не причинил ему вреда; он не получил ран и убил многих людей короля Эллы. В конце концов, когда все люди Рагнара пали, его окружили щитами и взяли в плен. Его спросили, кто он такой, но он промолчал и не дал ответа. Элла сказала: 'Этот человек должен быть наказан, если он не скажет, кто он; теперь бросьте его в змеиную яму и пусть сидит там долго, и если он скажет что-нибудь, по чему мы поймем, что он Рагнар, его заберут как можно скорее'. Итак, Рагнара отвели туда, и он долго там сидел, и змеи на него не нападали. Люди говорили: 'Это великий человек; оружие не ранило его сегодня, и теперь змеи не причиняют ему вреда'. Элла велела им снять с него верхнюю одежду, и когда они сделали это, змеи атаковали его по всему телу. Он сказал: "Свиньи бы сейчас захрюкали, если бы знали, как страдает старый"^[393]; и хотя он сказал это, они еще не знали, что он был Рагнар или каким-либо другим королем. Он пел:

- Я сражался в битвах

Пятьдесят один

Которые были знамениты;

Я ранил много людей.

Я и не думал, что змеи

Это привело бы к моей смерти;

Часто такое случается

Чего меньше всего ожидаешь.

Свиньи хрюкали

Если бы они знали, как страдает свинья;

Мне больно от этого грызения;

Змеи просовывают свои морды

И держись за меня жестоко;

Они высосали меня;

Скоро я стану трупом;

Я умру среди них.

“Он умер, и его забрали. Элла увидела, что это был Рагнар. Но Элла размышляла о том, как ему удастся сохранить свое королевство, и гадала, как сыновья Рагнара воспримут известие о смерти своего отца. Он приказал подготовить корабль и назначил им командовать мудрого и отважного человека; он хорошо управлял кораблем и сказал людям, что послал их к Ивару и его братьям, чтобы рассказать им о падении их отца; большинство из них не собирались уходить. Элла сказала: ‘Внимательно обратите внимание, как каждый из братьев воспринял эту новость; затем идите своей дорогой, когда подует попутный ветер’. Он так хорошо экипировал их, что они ни в чем не нуждались; их путешествие было успешным.

“Посланцы (Эллы) пришли со своими людьми в бург, где сыновья Рагнара наслаждались пиром, и вошли в зал, где они пили, и к возвышению, на котором сидел Ивар (старший из сыновей Рагнара). Сигурд (змеиный глаз) и Хвицерк смелый играли в шахматы, в то время как Бьорн ярнсида (железнобокий) затачивал древко копья на полу. Когда гонцы подошли к Ивару, они почтительно приветствовали его; он ответил на их приветствие и спросил, откуда они и какие новости они хотят сообщить. Их предводитель сказал, что они были энскир менн (англичане) и что Элла послала их с известием о падении их отца Рагнара. Хвицерк и Сигурд немедленно отложили шахматную доску и внимательно выслушали эту новость. Бьорн стоял на полу зала, опираясь на древко своего копья. Ивар подробно расспросил их, как произошла его смерть. Они рассказали все, что происходило после того, как он приехал в Англию, до того, как он расстался с жизнью. Когда им сообщили, что Рагнар сказал: "свиньи будут хрюкать", Бьорн положил руки на древко копья и сжал его так крепко, что впоследствии на нем были видны отпечатки его пальцев; когда посланцы закончили, Бьорн тряхнул копьем так, что оно переломилось надвое. Хвицерк держал в руке шахматную фигуру, которую он взял, и сжимал ее так сильно, что из-под каждого его ногтя выступила кровь; а у Сигурда в руке был нож, и он в это время подстригал ногти, и слушал так внимательно, что ничего не почувствовал, пока нож не порезал его до кости, и не пошевелился. Ивар расспрашивал обо всем так подробно, как только мог, в то время как его лицо поочередно становилось красным, синим и бледным, и черты его лица были так искажены, что вся кожа распухла из-за гнева, бушевавшего в его груди. Хвицерк начал говорить и сказал, что они могли бы очень быстро начать свою месть, убив посланцев короля Эллы. Ивар сказал: "Этого не будет; они могут идти с миром, куда захотят, и если им чего-то не хватает, они могут сказать мне, и я дам им это". Выполнив свое поручение, они вышли из зала на свой корабль и при попутном ветре вышли в море и в безопасности вернулись в Эллу.

Когда посланцы Эллы ушли, братья встретились, чтобы обсудить, как им отомстить за своего отца. Ивар сказал: 'Я не буду принимать в этом участия и собирать людей для этого, потому что Рагнара постигла та участь, которую я предвидел. Его дело было плохо; у него не было причин сражаться против короля Эллы, и часто случалось, что, когда человек хотел быть властным и причинять зло другим, это было хуже для него; Я заберу вергильду у короля Эллы, если он даст ее'. Когда его братья услышали это, они очень рассердились и сказали, что никогда бы так не опозорились, даже по его рекомендации. 'Люди скажут, что наша доблесть иссякла, если мы не отомстим за нашего отца. Мы побывали на войне по всему миру и убили много невинных людей. Этого не будет; мы снарядим все мореходные корабли в Дании; каждый мужчина, способный нести щит против Эллы, отправится с нами. Ивар сказал, что он и корабли, которыми он командовал, за исключением его собственного корабля, должны остаться. Когда люди услышали, что Ивар не собирается уходить, братья набрали меньше людей, но тем не менее ушли. Как только они высадились в Англии, Элла услышал об этом, протрубил в свой рог и призвал всех, кто был готов следовать за ним; он собрал так много людей, что никто не мог их сосчитать, и выступил против них. Они встретились, и Ивара не было в той битве, концом которой стало то, что сыновья Рагнара бежали, а Элла одержала победу. Во время бегства Ивар сказал: 'Я не вернусь; я попробую, окажет ли мне король Элла какие-нибудь почести или нет; я лучше заберу у него вергильду, чем снова потерплю подобное поражение'. Хвицерк сказал, что они не могут помешать ему делать то, что ему нравится, но они никогда не заберут вергильду. Ивар сказал, что оставит их, и попросил их править своим королевством и присылать ему столько движимого имущества, сколько он захочет. Сказав это, он простился с ними и пошел к Элле, и когда он предстал перед ним, то поприветствовал его и сказал: 'Я пришел к вам и хочу помириться с вами и получить столько почестей, сколько вы мне окажете; я вижу, что не могу победить вас, и скорее получу от вас такие почести, какие вы окажете мне, чем потеряю больше людей или свою собственную жизнь'. Элла ответила: "Некоторые говорят, что тебе нельзя доверять, и что ты часто говоришь правду, когда думаешь гадости, и нелегко быть равным тебе и твоим братьям'. Ивар сказал: 'Я прошу немного; если ты дашь это, я клянусь никогда не идти против тебя'. Король спросил, чего он хочет. Ивар ответил: 'Я хочу, чтобы ты отдал мне столько своей земли, сколько протянет воловья шкура, и эта земля будет размечена; большего мне не нужно, и ты не окажешь мне чести, если не сделаешь этого'. Элла сказала: 'Я не вижу, что нам повредит, если ты будешь владеть такой большой частью моей земли, и я отдам ее тебе, если ты поклянешься не воевать против меня; я не боюсь твоих братьев, если ты будешь верен мне'. Соответственно, было решено, что Ивар должен поклясться не воевать против него и не давать никаких советов, которые могли бы причинить ему вред, а взамен он получил столько английской земли, сколько натянуто на самую большую воловью шкуру, которую он смог раздобыть. Ивар взял бычью шкуру, трижды вымочил и растянул ее; затем он разрезал ее на очень тонкие полоски, отделив мясистую сторону от волосатой; и когда полоски соединили, длина ремешка оказалась поразительной. Он раскинул это на широком поле, и земля, окружавшая его, была настолько велика, что на ней мог стоять большой город, а на окраинах он выделил землю для больших городских стен; он нанял много рабочих, построил много домов на этом поле и возвел большой город под названием^[394] Лундунаборг,^[395] который является величайшим и известнейшим из всех городов во всех Северных землях. Он использовал все свободное имущество для строительства этого города; он был настолько щедр, что раздавал подарки обеими руками, и его мудрость была настолько известна, что все приходили к нему за советом в трудную минуту; он разрешал все споры к удовлетворению сторон и был настолько любим, что в каждом человеке у него был друг; он много помогал Элле в управлении страной и решал за него многие вопросы, не требуя, чтобы король потом обращался к нему за советом. И когда его стали считать

обладателем всей мудрости, он послал людей к своим братьям попросить у них золота и серебра, столько, сколько он хотел иметь. К братьям пришли гонцы, рассказали о своем поручении и о том, как все прошло с Иваром, ибо никто не знал, что у него на уме; братья видели, что его разум был уже не таким, как раньше. Они послали столько, сколько он хотел; и когда гонцы вернулись к Ивару, он раздал все, что получил, ведущим людям страны и таким образом отвел их от короля Эллы, так что все они пообещали сохранять спокойствие в случае войны. Когда он сделал это, он послал людей сказать своим братьям, что он хочет, чтобы они собрали войско во всех землях, принадлежащих их королевству, и привели всех людей, которых они смогут достать. Когда братья получили это сообщение, они поняли, что теперь он считает вполне вероятным, что они одержат победу. Они собрали людей из Дании, Гаутланда и всех королевств, которыми правили, и, собрав огромное войско, отплыли в Англию и не останавливались ни днем, ни ночью, так как не хотели, чтобы об их путешествии узнали. Новость, однако, дошла до Эллы, которая вызвала своих людей, но получила мало, потому что Ивар вытянул у него много. Ивар подошел к нему и сказал, что сделает то, в чем поклялся, но не может руководить действиями своих братьев, хотя он мог бы увидеть их и выяснить, отзовут ли они войско и не причинят ли больше вреда. Он подошел к ним и призвал их идти вперед и вступить в битву, поскольку у короля было гораздо меньше людей. Они ответили, что ему не нужно подгонять их, поскольку их мысли совпадают. Ивар сказал королю Элле, что они были настолько нетерпеливы и разгневаны, что не захотели прислушиваться к его словам. 'Когда я хотел примирить вас, они возразили; я сделаю так, как поклялся, и не буду сражаться против тебя; я и мои люди будем вести себя тихо, пока битва идет своим чередом'. Элла увидела войско братьев, которое в большой спешке бежало вперед. Ивар сказал: 'Теперь, король Элла, построь своих людей, поскольку я предвижу, что они будут вести ожесточенную атаку в течение некоторого времени'. Когда они встретились, произошла великая битва, и сыновья Рагнара яростно бросились вперед сквозь ряды войска Эллы, и они были так нетерпеливы, что думали только о том, чтобы сделать как можно больше, и битва была долгой и упорной. Наконец Элла и его люди бежали, а он был схвачен. Присутствовал Ивар и рассказал им, как его убить. Он сказал: 'Теперь пришло время вспомнить, какую смерть он избрал для нашего отца; человек, который лучше всех разбирается в резьбе по дереву, должен как можно глубже пометить орла у себя на спине, и этот орел обагрится его кровью'. Человек, которому было велено это сделать, сделал так, как сказал Ивар. Элла получила от этого такую глубокую рану, что он умер, и теперь им казалось, что они отомстили за своего отца. Ивар сказал, что отдаст им свою долю в их королевстве, но будет править Англией сам.

После этого Хвицерк, Бьерн и Сигурд отправились домой в свои владения, а Ивар остался и правил Англией. После этого их войско стало менее сконцентрированным, и они начали войну в разных странах. Однажды Хвицерк, когда его мать Рандалин была стара, начал войну в восточных землях, и ему встретилась такая превосходящая сила, что он не смог поднять свой щит и был взят в плен. Он избрал в качестве средства своей смерти погребальный костер из человеческих голов и сжег на нем самого себя; и так он умер. Услышав это, Рандалин запела:

- Сын, который был у меня

Встретил смерть в восточных землях;

Его звали Хвицерк,

Никуда не хочется бежать;

Его согревали головы

О людях, убитых в бою;

Сильный духом вождь

Выбрал эту смерть перед смертью.

“От Сигурда Змеиноного глаза произошел великий род; его дочерью была Аслауг, мать Сигурда Харта, который был отцом Рагнхильд, матери Харальда Прекрасноволосого, который сначала единолично правил всей Норвегией. Ивар правил Англией до самой своей смерти от болезни. Находясь на смертном одре, он велел им отнести его в определенное место, подверженное нападениям, и сказал, что уверен, что те, кто высадится там, не добьются победы. Когда он умер, они сделали, как он сказал, и его похоронили в кургане. Многие рассказывают, что когда Харальд Сигурдссон прибыл в Англию, он высадился там, где был Ивар, и был убит в той экспедиции. Когда Вильхьяльм бастард (Вильгельм Завоеватель) сошел на берег, он пошел туда и разбил курган Ивара и увидел, что его тело не разложилось. Затем он соорудил большой погребальный костер, и Ивар сгорел на нем. После этого он приземлился и одержал победу. У Бьерна Железнобокого было много потомков, среди них Торд, великий вождь, живший в Хефди в Хефдастронде (Исландия)” (Сага о Рагнаре Лодбруке, ок. 10-19).

После битвы, только что упомянутой на предыдущих страницах, у нас есть отчет о деяниях сыновей Рагнара Лодброка; и здесь нам снова напоминают, что их родственники владели частью Англии до них.

“После этой битвы Ивар^[396] стал королем той части Англии, которой раньше владели его родственники. У него было два брата, рожденных от наложницы, Ингвар и Хусто; они пытались короля Ятмунда святого по приказу Ивара, а затем завоевали его королевство. Сыновья Рагнара воевали во многих землях — в Англии, Валланде, Фракланде и Лумбарди. Рассказывают, что дальше всего они продвинулись, когда взяли город под названием Луна, и тайно намеревались отправиться в Рим и захватить его; их экспедиции были самыми известными во всех северных землях датского языка. Когда они вернулись в Данию, они разделили земли. Бьерн Айронсайд получил Уппсалир, всю Швецию, и то, что ей принадлежало. Сигурд Змеиный глаз^[397] получил Селунд (Зеландия), Скани, Халланд, весь Вик (Христианиафьорд), Агдир до Лидандиснесса и большую часть Упплонда; но Хвицерк получил Рейдготаланд и Виндланд” (Сага о сыновьях Рагнара, с. 3).

Из Саг мы узнаем, что даже во времена их отца их слава была очень велика, а их экспедиции распространялись повсюду.

Сыновья Рагнара Лодброка отправились оттуда, пока не пришли в город под названием Луна, уничтожив почти все поселения во всем Южном королевстве (Судрики); они стали настолько знамениты во всем мире, что вряд ли нашелся бы хоть один маленький ребенок, который не знал бы их имени. Они намеревались не останавливаться, пока не доберутся до Ромаборга, ибо им сказали, что этот город большой, густонаселенный, знаменитый и богатый; они точно не знали, как далеко он находится, но у них было так много людей, что еды не раздобыть. На Луне они посоветовались насчет экспедиции. Туда пришел старый седой человек, который сказал, что он нищий и путешествовал всю свою жизнь. ‘Ты должен быть в состоянии сообщить нам много новостей, которые мы хотели бы знать’. Он ответил: ‘Я не знаю земель, о которых ты мог бы спросить, и о которых я не могу тебе рассказать’. ‘Мы хотим, чтобы ты сказал нам, как далеко отсюда до Ромаборга’. Он сказал: ‘Я могу сказать вам одну вещь в качестве приметы; вы видите эти железные башмаки, которые я ношу? Сейчас они старые, и те, которые я ношу на спине, тоже изношены. Когда я уезжал из Рима, я

привязал к ногам эти изношенные ботинки за спиной. Тогда они были новыми, и с тех пор я путешествую. ' Когда они услышали это, они подумали, что не смогут осуществить свое намерение отправиться в Рим, и поэтому они вернулись со своим войском, захватив по пути множество городов, которые никогда прежде не были взяты, следы которых видны и по сей день" (Сага о Рагнаре Лодброке, с. 13).

“ Сигурд был женат на Хелуне, дочери короля Эллы. Сыновья Рагнара, опустошив Англию, Валланд, Саксландию и вплоть до Ломбардии (Лунгбарди), Швеции, Дании и Виндланда, вернулись домой; они разделили между собой завоеванные ими земли. Бьорн Ярнсида (айронсайд) получил на свою долю Швецию и Гаутландию; Сигурд Змеиный глаз - Эйготаланд, Халланд и Сканий; Хвицерк, Рейдготаланд (вероятно, какая-то часть Северной Германии) и Виндланд.

“Когда Сигурд Змеиный глаз был в Дании, его жена родила сына по имени Кнут; он родился в Орде в Ютландии, и поэтому его называли Хорда Кнут. Его воспитал король Горм. Горм умер на одре болезни, а Хорда Кнут стал королем Эйготаланда, Скание и Халланда, ибо они достались на долю его отца Сигурда Змеинового глаза” (Флатейярбок; Йомсвикинга Татт).

Ивар Бескостный долго был королем Англии, но у него не было детей, поскольку его натура была такова, что он не испытывал любовного вожделения; но ему не было недостатка ни в мудрости, ни в жестокости, и он умер от старости в Англии, и там его оплакивали. Тогда все сыновья Лодброка были мертвы.

“После Ивара Адальмунд Ятгейрссон получил титул короля Англии; он был сыном брата Ятмунда (Эдгарсона) святого, и он широко обращал Англию в христианство; он взимал налоги с Нортумберленда, потому что он был языческим. После него на престол взошел его сын Адальбригт (Этельберт); он был хорошим королем и состарился. На старости лет в Англию пришло датское войско, и их предводителями были Кнут и Харальд, сыновья короля Горма. Они заложили (подчинили) большое королевство в Нортумберленде, которым владел Ивар. Король Адальбригт выступил против них, и они сражались к северу от Клифлонда (Кливленда), и пало много датчан. Датчане высадились на берег в Скардаборге (Scarborough) и сражались там и одержали победу; затем они отправились на юг, в Юрвик (York), и все люди стали их мужчинами, и они не боялись самих себя (были в безопасности).

“Однажды в жаркую погоду люди пошли купаться, и когда сыновья короля (Горма) плыли между кораблями, на берег выбежали люди и выстрелили в них; Кнут был поражен стрелой насмерть; они отнесли тело на корабли. Когда жители страны услышали это, они собрались, чтобы датчане больше не могли сойти на берег из-за большого количества людей (выступивших против них), и вернулись в Данию. Горм был тогда в Ютландии. Услышав новость, он упал навзничь и умер от горя на следующий день, в то же время, когда получил известие накануне. Затем Харальд получил после него власть над царством Дана; он был первым из своих родственников, кто принял крещение” (“Сыновья Рагнара”, гл. iv).

“Сигурд Хьорт (харт) был королем Хрингарики; он был крупнее и сильнее любого другого мужчины и одним из самых красивых мужчин. Его отцом был Хельги Хвасси, а матерью - Аслауг, дочь Сигурда Змеинового глаза, сына Рагнара Лодброка. Рассказывают, что когда Сигурду было двенадцать зим, он убил Хильдебранда, берсерка, в единоборстве и всего двенадцать берсерков. Он совершил много великих подвигов, и о нем сложена длинная сага. У Сигурда было двое детей; его дочь Рагнхильд превосходила других женщин, и ей было двадцать лет, в то время как ее брат Гутторм был молод. О короле Сигурде рассказывают, что он в одиночку путешествовал по незаселенным местам (пустыням) и охотился на крупных и опасных животных; он всегда был очень усерден в этом. Однажды, по своему обыкновению,

проехав большое расстояние, он вышел на поляну близ Хадаланда; здесь он встретил неистового Хека с тридцатью воинами, и произошла битва, в которой пали Сигурд Хьорт и двенадцать людей Хека. Сам Хек потерял одну руку и получил три тяжелых ранения. Затем Хек поехал со своими людьми на ферму Сигурда и захватил его дочь. Таким образом, Харальд Харфагр по материнской линии происходил от Рагнара Лодброка.

“Хальфдан женился на Рагнхильд, и она стала могущественной королевой. Матерью Рагнхильд была Тири, дочь Клакк-Харальда, короля Ютландии, сестра Тири Данмаркарбот, жены Горма, старого короля Дана, который тогда правил Данией” (Сага о Хальфдане Черном, с. 5).

Здесь мы имеем отчет об ужасной битве, которая, тем не менее, не считалась народом Севера столь же великой, как битва при Браволле и Данхите.

“Сигурд Змеиный глаз, Бьерн Железнобокий и Хвицерк широко воевали во Фракланде (Франция); после этого Бьерн отправился домой, в свои владения. После этого Орнульф Император сразился с братьями, и сто тысяч человек пали от рук датчан и северян. Там пали Сигурд Змеиный глаз и другой король, Гудрод, который был сыном Олафа, сына Ринга, сына Ингьяльда, сына Инги, сына Ринга, в честь которого назван Рингарики; он был сыном Дага и Торы, матери воинов; у них было девять сыновей, и от них произошел род Доглингов. Хельги смелый, брат Гудрода, вынес из битвы знамя, щит и меч Сигурда Змеиноного глаза. Он отправился со своими людьми домой, в Данию, нашел Аслауг, мать Сигурда, и рассказал ей эту новость.^[398] Но поскольку Хордакнут был молод, Хельги долго оставался там с Аслаугом, чтобы защищать землю. У Сигурда (Змеиноного глаза) и Бледжи родилась дочь, которая была сестрой-близнецом Хордакнут. Аслауг дала ей ее собственное имя, а затем вырастила. Впоследствии Хельги Смелый женился на ней; их сыном был Сигурд Харт; он был самым красивым, крупным и сильнейшим человеком, которого видели в то время. Но когда Сигурду было двенадцать зим, он убил в одном бою (Эйнвиджи) берсерка Хильдибранда. После этого Клакк Харальд выдал его замуж за свою дочь Ингиборг. У них родилось двое детей, Гудторм и Рагнхильд. Тогда Сигурд услышал, что король Фроди, брат его отца, умер, и отправился на север, в Норвегию, и стал королем Рингарики, своего родового удела. О нем сложена длинная Сага, ибо он совершил много великих подвигов. Но о его смерти рассказывают, что он выехал в безлюдные места поохотиться на дичь, как это было его обычным делом, и там к нему пришел Хаки Хадаберсерк (берсерк из Хадаленда) с тридцатью полностью вооруженными людьми и сразился с ним. Там Сигурд пал, но перед этим убил двенадцать человек, а король Хаки потерял правую руку и получил, помимо трех других ран. После этого Хаки поскакал со своими людьми в Стейн в Рингарики, который был фермой Сигурда, и забрал свою дочь Рагнхильд и своего сына Гудторма и много имущества с собой домой, в Хадаланд; а немного позже он приготовил большой пир и намеревался устроить свою свадьбу, но это было отложено, потому что его раны никак не заживали. Рагнхильд было тогда пятнадцать зим, а Гудторму четырнадцать. Так прошли осень и зима до Йоля, пока Хаки лежал больной от ран. Тогда был король Хальфдан Черный в Хейдморке, на своих фермах. Он послал Харека Ганда (волка, волшебника) с сотней человек, и однажды ночью они переправились по льду Мьора (Mjosen) в Хадаланд и прибыли на рассвете на ферму короля Хаки и завладели всеми дверями в скали, в которых спали хирдмены, а затем они отправились в спальню короля Хаки (skemma) и забрали Рагнхильд и Гудторма, ее брата, и все имущество, которое там было, и унесли с собой, и сожгли скали со всеми хирдманами, а затем ушли. прочь. Но король Хаки встал, оделся и некоторое время шел за ними, а когда он спустился на лед, то повернул острие своего меча вниз, бросился на его острие и умер от этого, и его положили курганом на краю. Король Хафдан увидел, что они едут по льду в

повозке с тентом, и поэтому подумал, что они выполнили его поручение так, как он хотел. Затем он разослал весть по всей округе и пригласил всех знатных людей Хейдморка, и в тот день устроил большой пир и сыграл свою свадьбу с Рагнхильд, и потом они прожили вместе много дней. Их сыном был король Харальд Прекрасноволосый, который был первым единоличным королем Норвегии” (“Сыновья Рагнара Лодброка”, с. 5).

“В Дании правили два короля, Сигрфроди и Хальфдан, а после них Хельги; у последнего была битва с Олавом, королем Швеции, в которой он пал, и Олаф впоследствии долго правил Данией (Данморком) и Швецией, умерев на постели больного. После него Гюрд и Кнут стали королями Дании, а за ними Сиггейр, за которым последовал Олаф Кинрикссон, который был племянником Моалльды Крепкой (дигра), матери Ивара Видфадми; он долго правил Ютландией в качестве короля и звался Олаф Энски (англичанин). Его сын Грим Гани, занявший королевский престол после своего отца, был отцом Аудульфа Богатого, сборщика налогов в Ютландии из сыновей Рагнара Лодброка. Сына Аудульфа, Горма, который также был налоговым королем Ютландии, звали Горм Бездетный. Он был могущественным и пользовался любовью своих людей. В то время он уже давно правил страной” (Flateyjarbok, том i.).

ГЛАВА XXIX. НЕКОТОРЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ПОДВИГИ ВЕЛИКИХ ВИКИНГОВ. (Продолжение.)

Первый ярл Нормандии —Его изгнание из Норвегии—Генеалогия ярлов Нормандии—
Политическая связь между королями Севера и Англии—Ревность между Ательстаном и
Гарольдом Прекрасноволосым—Хакон Норвежский получил образование в Англии—Вожди
Севера приходят на помощь английским королям—Битва при Бруннбурге.

Очень мало говорится в Сагах о Гонгу Хрольфе, первом ярле Нормандии, поскольку он, как и все те, кто покинул свою страну, чтобы поселиться в чужих землях, был забыт скальдами дома, поскольку они не принимали участия в их экспедициях. Мы приводим здесь разные саги, которые подтверждают друг друга в отношении него. Но то немногое, что у нас есть о нем, чрезвычайно интересно, поскольку его потомки завоевали Англию и часть Франции. Все разные Саги сходятся в том, что называют его сыном норвежского ярла Рогнвальда.

Причины, приведшие к его изгнанию, связаны просто и ясно.

“Регнвальд Мера ярл был очень большим другом короля Харальда и очень ценился им. Регнвальд был женат на дочери Хрольфа Нефьи Хильд,^[399] и имел от нее сыновей Хрольфа и Торира.... Хрольф был великим викингом, и таким большим, что никакая лошадь не могла нести его, так что он шел пешком, куда бы ни шел, и по этой причине его называли Гонгу Хрольф (шагающий Хрольф). Он много воевал на востоке. Однажды летом, когда он вернулся из "викингства", или набеговой экспедиции на восток, он совершил акты грабежа в Викине. Король Харальд, находившийся тогда в Викине, был очень разгневан, когда услышал об этом, ибо он строго запретил разбой в пределах своей земли. Поэтому он объявил на Собрании, что объявляет Хрольфа вне закона в Норвегии. Когда мать Хрольфа Хильд^[399]

услышала это, она пошла к королю просить прощения для Хрольфа, но король был так разгневан, что ее молитвы оказались тщетными. Затем она запела:

Не позорь тезку Нефыи^[400]

И не прогонит волка с земли,

Мудрый родственник Хельда,^[401]

Почему ты так поступаешь с ним, король?

Беспокоиться вредно

Такой волк Игга,^[402]

Он не будет нежен по отношению к

Королевские стада, если он убежит в лес.^[403]

Затем Гонгу Хрольф отправился на запад, через море, к Судрейяру (Гебридские острова), а оттуда на запад, в Валланд, и повел там войну, и получил обширные владения ярла, где он убедил обосноваться многих северян. Впоследствии он получил название Норманди.

“Сын Гонгу Хрольфа "Уильям" (Вильхьяльм) был отцом Ричарда (Рикарда), отца Ричарда Второго, отца Роберта Длинного Меча",^[404] отец Вильхьяльма (Уильяма) Бастарда, короля английского, от которого произошли все последующие английские короли. Ярлы в Нормандии тоже из семьи Хрольфа” (“Сага о Харальде Прекрасноволосом”, с. 24).

Регнвальд ярл из Мери был женат на Рагнхильд, дочери Хрольфа Нефыи; первым из их сыновей был Ивар, который пал на Гебридских островах во время похода с Харальдом Прекрасноволосым; вторым был Гонгу Хрольф, завоевавший Северную Землю; от него произошли Руда-ярлы (Rouen jarls) и Ингла-короли (English kings); третьим был Торир ярл Молчаливый, который был женат на Алеф Арбот, дочери Харальда Нефыи. Харальда Прекрасноволосого, а их дочерью была Бергльот, мать Хакона ярла Могущественного^[405] (Ланднама, iv., 8).

“Регнвальд ярл завоевал страну вместе с Харальдом Прекрасноволосым, который передал ему власть над двумя Мери и Раумсдалом. Он был женат на Рагнхильд, дочери Хрольфа Нефыи; их сыном был Хрольф, завоевавший Нормандию. Он был таким большим, что ни одна лошадь не смогла бы его унести, и поэтому его звали Гонгу Хрольф. От него произошли ярлы Руана и короли Англии” (Flateyjarbok, том i.).

Регнвальд, ярл Мери, был сыном Эйстейна Глумры, сына Ивара ярла Уппланда, сына Хальфдана старого; Регнвальд был женат на Рагнхильд, дочери Хрольфа Нефыи.

“Сыновьями Регнвальда были: Ивар, который пал на Гебридах вместе с королем Харальдом Прекрасноволосым; Гонгу Хрольф, который завоевал Нормандию и от которого произошли ярлы Руда (Руана), а также короли Англии; и Торир ярл Молчаливый, который был женат на дочери Харальда Прекрасноволосого Арботе, их дочерью была Бергльот, мать Хакона ярла Великого” (Ланднамабок, iv. 8).

Король Олаф воевал на западе, в Валландии, два лета и одну зиму. В то время в Валланде было два ярла, Вильхьяльм и Родберт; их отцом был Рикард Руда-ярл (ярл Руана); они правили Нормандией.^[406] Их сестрой была королева Эмма, которая была замужем за Адалрадом (королем Англии); их сыновьями были Ятмунд, Ятвард Добрый, Ятвиг и Ятгейр.

Рикард Руда-ярл был сыном Рикарда, сына Вильхьяльма Лангаспюта (длинная эпоха); он был сыном Гонгу Хрольфа ярла, завоевавшего Нордманди; он был сыном Регнвальда Мера ярла Могушественного, как уже было написано. От Генгу Хрольфа произошли ярлы Руда, и долгое время спустя они считали себя родственниками вождей Норвегии, и долгое время думали так, и всегда были большими друзьями норманнов, и у всех этих людей была мирная страна в Нормандии, которая приняла бы это. Осенью король Олаф прибыл в Нормандию и остался на зиму в Сигне (Сене), и там воцарился мир” (Сага о святом Олафе, гл. 19).

Вот генеалогия ярлов Нормандии.

“Король Харальд был сыном Хальфдана (Черного), короля Уппланда; отцом Хальфдана Черного был Гудред Вейдиконунг (король охоты), сын Хальфдана, которого называли щедрым и скупым на еду, потому что он платил своим людям золотом столько же, сколько другие короли платили серебром, но им не хватало еды. Матерью Хальфдана Черного была Аса, дочь Харальда Гранро, короля Агдира.

Матерью Харальда Прекрасноволосого была Рагнхильд, дочь Сигурда Хьерта (Харта), матерью которого была Аслауг, дочь Сигурда Змеиноного глаза, сына Рагнара Лодброка.

Матерью Сигурда Змеиноного глаза была Слауг, дочь Сигурда Фафнисбани. Сигурд Хьерт был женат на Тири, дочери Клакхаральда Ютландского и сестре Тири, улучшительницы Дании (Danmarkarbot), которая была замужем за Гормом (Старым), королем Дании” (Flateyjarbok, том i, гл. i).

Свидетельство Саг, как мы видим, здесь безошибочно, ясно и по существу. Когда мы сравниваем их с франкскими анналами, их сказочными и странными историями и противоречивыми датами, мы не можем не отдать предпочтение Сагам.

“Альфред Могушественный (*рики*) правил Англией; он был первым из своих родственников, кто стал абсолютным королем во времена Харальда Прекрасноволосого, короля Норвегии. После него королем стал его сын Эдуард; он был отцом Ательстана Победоносного (приемного отца Хакона Доброго), который стал королем после своего отца. У Эдуарда было несколько братьев, сыновей. Когда Ательстан стал королем, те вожди, которые потеряли свои земли из-за его предков, восстали против него, думая, что будет легче вернуть свои земли столь молодому королю. Этими вождями были бретар (бритты), скотар (шотландцы) и ирар (ирландцы). Ательстан собрал войско и раздал жалование каждому, как иностранцам, так и туземцам, кто этого хотел. Братья Торольф и Эгиль направлялись на юг мимо Саксланда и Флемингьяланда (Фландрии); когда они услышали, что королю Англии нужны люди, и поскольку существовала вероятность получить много имущества, они решили отправиться туда со своими людьми. Осенью они отправились к королю, который хорошо принял их, так как считал, что их последователи окажут им большую помощь; он предложил им плату за службу по защите его королевства; они заключили соглашение и стали его людьми. Англия долгое время была христианской, когда это произошло; король был добрым христианином, и его звали Этельстан труфасти (постоянный в вере). Он попросил Торольфа и Эгиля иметь *первую подпись*, как это было тогда очень принято как среди торговцев, так и среди тех, кто пошел на службу к христианам; ибо те, у кого была первая подпись, имели полное общение как с христианами, так и с язычниками, но в то же время верили в то, что им больше нравилось. Торольф и Эгиль сделали это по его просьбе. У них было триста человек на службе у короля” (“Сага об Эгиле”, с. 50).

Следующее показывает ревность, которая существовала между двумя королями Норвегии, Этельстаном и Харальдом Прекрасноволосыми.

В это время Этельстан, которого называли победоносным и верным, захватил королевство в Англии. Он отправил в Норвегию гонца, который предстал перед королем Харальдом и вручил ему меч с золотой гардой и рукоятью, ножны которого были украшены золотом и серебром и усыпаны драгоценными камнями. Посланник повернул рукоять меча к королю и сказал: 'Вот меч, который, по словам короля Этельстана, ты должен взять'. Король взялся за рукоять, и гонец добавил: 'Ты взял этот меч, как того хотел наш король. Теперь ты будешь его *thegn* (подданным), потому что ты взял его за рукоять'. Тогда Харальд понял, что это было сделано в насмешку над ним, ибо он не хотел быть *правителем* ни у кого. Тем не менее он вспомнил о своей привычке всякий раз, когда он сердился, сначала молчать и давать своему гневу утихнуть, а затем спокойно смотреть на происходящее. Он так и сделал и довел дело до сведения своих друзей; и все они сочли правильным поступить так, как было сделано. После этого он позволил людям короля Этельстана уйти невредимыми.

“Хаук Хаброк (высокие штаны) был с королем Харальдом. Он был хорошим посыльным во всех сложных поручениях и дорог королю. Летом после этого король Харальд передал своего сына Хакона в руки Хаука и отправил его на запад, в Англию, к королю Этельстану. Хаук нашел его в Лондоне, на большом пиру. Он вошел в зал с тридцатью воинами и сказал им: 'Мы устроим так, что тот, кто войдет последним, выйдет первым, и мы все встанем в ряд перед королевским столом, и у каждого будет свой щит с левой стороны, и он спрячет его под плащом'. Он взял мальчика Хакона под руку, и они вошли; он приветствовал короля, который приветствовал его; затем он усадил мальчика на колени короля Этельстана. Король посмотрел на него и спросил, зачем он это сделал. Хаук ответил: 'Король Норвегии Харальд просит тебя взять на воспитание этого ребенка от его рабыни'. Король Этельстан очень рассердился, схватил лежавший рядом с ним меч и обнажил его, как будто хотел убить мальчика.

Тогда Хаук сказал: 'Теперь ты посадил его к себе на колени, король; и ты можешь убить его, если захочешь; но этим ты не истребишь всех сыновей короля Харальда'. Хаук и его люди вышли и направились к своим кораблям, а когда они были готовы, то подняли паруса и вернулись в Норвегию. Король Харальд был очень доволен результатом их поручения, ибо говорят, что человек, воспитывающий чужого ребенка, занимает более низкое положение. По этим поступкам королей можно было видеть, что каждый хотел быть выше другого; но, тем не менее, каждый сохранял свой ранг, ибо каждый был верховным королем своего королевства до самой своей смерти” (Сага об Олафе Трюгвасоне, стр. 16, 17).

Следующая Сага подтверждает историю о том, как Хакон отправили в Англию для получения образования, и косвенно показывает отношения, которые существовали между Англией и Норвегией.

“ Король Этельстан крестил Хакон и учил истинному вероучению, хорошим привычкам и всем видам вежливости. Он любил его больше, чем кого-либо другого, родственника или нет, и он нравился всем, кто его знал. Впоследствии его называли приемным сыном Этельстана. Он был крупнее, сильнее и красивее других мужчин и величайшим человеком *идроттира*, мудрым и красноречивым, и добрым христианином” (“Сага Олафа Трюгвасона”, том i; Fms.).

Мы видим, насколько ненадежным было положение короля или подкороля во времена Этельстана и насколько сильно они зависели от помощи могущественных и независимых воинов, которыми они были окружены и без которых они не смогли бы править.

“Когда Эйрик (кровавый топор), норвежец, увидел, что не может противостоять воинству (своего брата) Хакон, он поплыл на запад через море с теми, кто хотел последовать за ним; сначала он отправился на Оркнейские острова и взял с собой оттуда много людей. Затем он

отплыл в Англию и вел войну в Шотландии, где бы ни высадился; он также вел войну на Севере Англии. Адальстейн, король англов, послал Эйрику послание, предлагая ему королевство в Англии, поскольку его отец, король Харальд, был его большим другом, и он хотел показать это своему сыну. Они заключили соглашение, по которому король Эйрик получил *Нордимбраланд* (Нортумберленд), чтобы сохранить его для короля Адальстейна и защищать от даниров и других викингов. Эйрик должен был креститься, и его жена, и его дети, и все мужчины, которые последовали за ним туда. Эйрик согласился, крестился и принял истинную веру. *Нордимбраленд* занимает пятую часть Англии. Он сидел в *Йорвике* (Йорк), где, как говорят, раньше сидели сыновья Рагнара Лодброка. *Нордимбраланд* по большей части населен норманнами с тех пор, как сыновья Рагнара завоевали его; даниры и норманны часто нападали на эти земли после того, как теряли их. Многие названия этой земли на *норренском* (северном языке): *Grimsbær* (Гримсби), и *Hauksfljót* (хауксфлит), и многие другие” (Хеймскрингла, Хакон Добрый, с. 3).

“Король Эйрик кровавая секира оставил при себе много северян, которые пришли с ним на запад, а его друзья продолжали прибывать из Норвегии. Поскольку у него было мало земли, летом он вел войну, разорял Шотландию и Гебридские острова, Ирландию и Бретландию и таким образом завоевал собственность. Этельстан умер на одре болезни (940 г. н.э.); он был королем четырнадцать зим, восемь недель и три дня. После этого его брат Эдмунд стал королем Англии; ему не нравились норманны, и он не любил Эйрика, и говорили, что он хотел поставить другого короля над Нортумберлендом. Когда Эйрик услышал это, он отправился в поход викингов на запад, взяв с собой Арнкеля и Эрленда, сыновей Торф-Эйнара с Оркнейских островов. Затем он отплыл на Гебридские острова, и там к нему присоединились многие викинги и короли-хозяева. Сначала он отправился в Ирландию, затем переправился в Бретландию, и грабил там. После этого он отплыл на юг, в Англию,^[407] и разорял там, как и в других местах; но все люди бежали, куда бы он ни направлялся. Поскольку он был очень доблестным человеком и имел большое войско, он настолько доверял этому, что ушел далеко вглубь страны, грабил и искал людей. Короля, которого Эдмунд поставил защищать тамошние земли, звали Олаф; он собрал подавляющее войско и выступил против Эйрика. Последовала великая битва.... Эйрик и пять королей с ним пали; ... и произошла великая резня норманнов; те, кому удалось спастись, отправились в Нортумберленд и рассказали Гуннхильд и ее сыновьям эту весть” (Хакон Добрый, с. 4).

“Когда (жена Эйрика) Гуннхильд и ее сыновья узнали, что Эйрик пал, и впервые занялись грабежом во владениях английского короля, они поняли, что не могут ожидать там мира, и сразу же приготовились покинуть Нортумберленд на всех кораблях, которые принадлежали Эйрику; а также взяли с собой всех тех, кто пожелал последовать за ними. Они также забрали то имущество, которое было собрано за счет налогов в Англии, а также то, что было завоевано в войне. Они отплыли со своими людьми на север, к Оркнейским островам, и пробыли там некоторое время. Торфинн Хаусаклюф (рубящий головы) был тогда ярлом. Сыновья Эйрика покорили Оркнейские острова и Шетландские острова и брали с них налоги; они оставались там зимой, но летом отправлялись в западные походы викингов в Шотландию и Ирландию” (Хакон Добрый, с. 5).^[408]

Следующий рассказ дает нам представление о нравах того времени во времена Этельстана:—

“Эйрик не видел другого выбора, кроме как покинуть землю (Норвегию), и уехал со своей женой Гуннхильд и их детьми. Аринбьерн херсир был молочным братом короля Эйрика, приемным отцом его детей и самым дорогим для него из всех лендирменов.... Сначала они отправились на запад, через море, к Оркнейским островам. Затем он выдал свою дочь

Рагнхильд замуж за Арнфина ярла и отправился со своим войском на юг, мимо Шотландии, и начал войну там, а оттуда на юг, в Англию, опустошая там. Король Этельстан, услышав это, собрал людей и выступил против Эйрика. Когда они встретились, между ними прозвучали слова примирения, и было решено, что король Этельстан отдаст Эйрику Нортумберленд (Northymbreland) во владение; и он должен был быть защитником его земель от шотландцев и ирландцев. Этельстан сделал Шотландию данником после падения короля Олафа, но народ постоянно был ему неверен” (“Сага об Эгиле”, с. 62).

Битва при Брунанбурге.—Это сражение интересно и важно своими деталями. Это иллюстрирует во многих примерах обычаи людей во времена Ательстана и показывает, что многие обычаи были идентичны в Англии и на Севере, и что эти северяне постоянно приезжали в Англию, чтобы помочь своим друзьям или родственникам.

Об Эгиле, герое этой важной битвы, мы читаем:

“Когда Эгиль подрастет, вскоре стало видно, что он будет уродливым и похожим на своего отца, с черными волосами. Когда ему было три зимы, он был высоким и сильным, как другие мальчики шести-семи лет. Он рано стал разговорчивым и мудрым на словах, но с ним было довольно трудно иметь дело в играх с другими юношами” (Сага об Эгиле, с. 31).

“Олаф Рауди (рыжий) был могущественным королем Шотландии. Его отец был шотландцем, а мать датчанкой, происходящей от Рагнара Лодброка. Говорили, что Шотландия занимает треть площади Англии; Нордимбраленд (Northumberland) называют пятой частью Англии, и он самый северный, рядом с Шотландией, на востоке. В прежние времена им владели датские короли: Йорвик (Йорк) был главным городом. Этим владел Этельстан и поставил править им двух ярлов; одного звали Альфгейр, другого Гудрек. Они были там, чтобы защищать его как от нападений шотландцев, так и от нападений датчан или северян, которые много там опустошали. Они думали, что имеют на это большие права, поскольку в Нортумберленде были только мужчины, чьи отцы или матери были датского происхождения, а во многих случаях и то, и другое. Братья Хринг и Адильс правили Бретландией (Уэльс) и платили дань Этельстану. Когда они были в войске короля, они и их люди должны были стоять впереди в строю, перед знаменами. Они были одними из величайших воинов, хотя и не очень молодыми. Альфред Великий лишил всех королей-данников их титула и власти; те, кого называли королями или королевскими сыновьями, назывались ярлами; это продолжалось, пока были живы он и его сын Эдуард. Этельстан молодым вступил на престол и не внушал особого страха. Многие, кто был верен до этого, стали неверующими.

“Олаф, король шотландии, собрал большое войско и отправился на юг, в Англию. Когда он достиг Нортумберленда, он отправился с^[409] военный щит по всей стране. Но ярлы, которые правили там, услышали об этом, собрали людей и выступили против него. Последовала великая битва, которая закончилась победой Олафа. Гудрек пал, а Альфгейр бежал вместе с большинством своих людей, которым удалось уйти с поля боя. Альфгейр нигде не мог остановиться, и Олаф завоевал весь Нортумберленд. Альфгейр отправился к Этельстану и рассказал ему о своем поражении, но как только он услышал, что в страну вторглось столь многочисленное войско, он созвал людей и послал весточку своим ярлам и вождям. Он немедленно выступил со своим войском против шотландцев. Когда стало известно, что Олаф, король шотландии, одержал победу, завоевал большую часть Англии и обладает гораздо большими силами, чем Этельстан, многие вожди отправились к нему. Хринг и Адильс собрали много людей и перешли на сторону короля Олафа, у которого тогда было очень большое войско. Затем Этельстан провел совещание со своими вождями и советниками, чтобы решить, что будет наиболее целесообразно. Он отчетливо рассказал

всему собранию о том, что слышал о шотландском короле и его многочисленной рати. Все согласились, что больше всего виноват был Альфгейр ярл, и им показалось правильным сместить его с места. Было решено, что королю следует вернуться в южную часть Англии и собрать людей на север по всей стране, поскольку они видели, что необходимое большое количество будет собираться слишком медленно, если сам король не соберет их вместе. Он назначил Торольва и Эгиля предводителями тамошнего войска; они должны были вести людей, которых викинги привели к королю, а Альфгейр по-прежнему командовал своими собственными людьми. Король также назначил тех, кто был ему угоден, начальниками отрядов (Sveit). Когда Эгиль вернулся со встречи, его спросили, какие новости он может сообщить о короле скоттов. Он пел....

Затем они послали людей к Олафу с сообщением, что Этельстан оградит поле орешником, чтобы предложить его ему в качестве поля битвы на Винхейди (= Вин-хит), в Винускогаре (= Вину-лес); что он не хочет, чтобы они разоряли его землю, и что тот, кто выиграет битву, должен править королевством, Англией; они должны были встретиться в течение одной недели, и тот, кто прибудет туда первым, должен был ждать другую неделю. Тогда было принято после того, как поле битвы было разграблено, считать позором для короля грабить до окончания битвы. Поэтому Олаф остановил свое войско и не стал разорять, а дождался назначенного дня; затем он двинул свое войско к Винхейди. К северу от пустоши был город, где он поселился; там находилась большая часть его войска, поскольку до него простирались большие провинции (херад), и он думал, что там легче всего раздобыть необходимые припасы для войска. Он послал нескольких своих людей на пустошь, где было назначено сражение, найти место для палаток и подготовить все заранее. Когда они подошли к тому месту, где поле должно было быть огорожено, кругом были расставлены орешниковые шесты, чтобы отметить место, где должна была состояться битва. Были приняты меры к тому, чтобы она была ровной, поскольку там должно было быть выстроено большое количество людей. Местом сражения была ровная вересковая пустошь; с одной стороны была река, а с другой - большой лес. Между лесом и рекой было очень большое расстояние, там, где оно было самым коротким, и где палатки Этельстана тянулись от одной до другой. В каждой третьей палатке никого не было, и даже в тех, что были заняты, их было немного. Когда люди Олафа подошли к палаткам, у них было много людей перед всеми палатками, но они не позволили им войти. Люди Этельстана сказали, что все их палатки были полны, и что всему их войску не хватило в них места; палатки стояли на такой высоте, что невозможно было заглянуть поверх них и увидеть, много их или мало в проходе, и они подумали, что там, должно быть, большое войско. Они разбили свои палатки к северу от орешниковых столбов, на пологом склоне. Жители Этельстана день за днем говорили, что их король приближается или уже прибыл в город к югу от пустоши, и люди собирались к ним и днем, и ночью.

Когда назначенное время прошло, они послали сообщение Олаву, что Этельстан готов к битве с очень многочисленным войском, но что он не желает такой большой резни, которая, вероятно, произойдет, и просит его скорее отправиться домой, в Шотландию, и он даст ему в качестве дружеского подарка по шиллингу серебром за каждый плуг во всем его королевстве, и что они должны стать друзьями. Когда гонцы прибыли к Олаву, он готовился к битве, но, узнав об их поручении, в тот день он остановил наступление и вместе со своими вождями собрал совет. Были даны разные советы; одни настойчиво убеждали его принять это предложение, считая наиболее почетным вернуться домой, получив такую большую дань от Этельстана; другие не согласились и сказали, что в следующий раз он предложит гораздо больше, если это предложение не будет принято. Об этом договорились. Затем посланцы попросили Олафа дать им время повидаться с королем Этельстаном и попробовать, не

заплатит ли он больше, чтобы добиться мира. Они попросили перемирия: один день на поездку домой, другой на размышления, третий на возвращение. Это было удовлетворено; гонцы отправились домой и вернулись на третий день и сказали Олаву, что Этельстан отдаст все, что предлагал раньше, и, кроме того, своему хозяину по шиллингу каждому свободнорожденному мужчине и по марке каждому предводителю, который командовал двенадцатью или более людьми, по одной марке золотом каждому предводителю хирдов (придворных) и по пять марок золотом каждому ярлу.

Король объявил об этом своим людям, некоторые из которых желали этого, а другие воспротивились. Наконец король решил, что примет эти условия, если король Этельстан отдаст ему весь Нортумберленд вместе с принадлежащими ему налогами и податями. Гонцы попросили еще об отсрочке на три дня, и что затем Олаф пошлет узнать от Этельстана, примет ли он эти условия; они сказали, что, по их мнению, королю Этельстану очень не терпится заключить соглашение. Олаф согласился и послал своих гонцов, которые нашли Этельстана в городе, расположенном ближе всего к югу от пустоши. Они рассказали о своем поручении и предложении примирения; люди Этельстана рассказали также, что они предложили Олаву, и что это был совет мудрых людей отложить битву, поскольку король еще не прибыл. Этельстан быстро принял решение и сказал гонцам: 'Передайте мои слова Олаву, что я позволю ему вернуться в Шотландию со своими людьми, если он вернет все имущество, которое он неправомерно захватил здесь, в стране. Давайте тогда заключим мир между нашими странами и не позволим ни одной из них воевать друг с другом. Олаф станет моим человеком, отнимет у меня Шотландию и будет моим заместителем. Возвращаясь и скажи ему это. ' Гонцы вернулись в тот вечер и пришли к Олаву около полуночи. Они разбудили его и передали свое послание. Король немедленно созвал ярлов и других вождей и велел гонцам рассказать о результате их поручения и о словах Этельстана. Когда об этом стало известно воинам, все сказали, что они должны подготовиться к битве. Гонцы также сообщили, что у короля Этельстана было очень много людей и что он прибыл в город в тот же день, что и они. Адильс ярл сказал: 'Теперь мои слова подтвердились, король, что ты испытываешь на себе коварство англичан. Мы оставались здесь долгое время и ждали, пока они соберут всех своих людей, а их короля, вероятно, не было поблизости, когда мы пришли. С тех пор они, должно быть, собрали много людей. Мой совет, этой ночью я и мой брат немедленно выезжаем впереди вас с нашими людьми. Возможно, теперь они не боятся за себя, так как услышали, что их король приближается с большим войском. Тогда мы нападём на них, и, когда они обратятся в бегство, они потеряют много людей и впоследствии будут менее смелы в борьбе с нами. ' Король счел это хорошим советом и согласился подготовить свою армию к рассвету и встретить его. Они приняли это решение и затем расстались.

Хринг и Адильс, его брат, собрались и ночью отправились на юг, в пустошь. Когда рассвело, часовые Торольва увидели войско; раздался боевой клич, и воины облачились в доспехи; они начали выстраивать их в боевой порядок в два ряда. Альфгейр командовал одним из них, и перед ним несли знамя: в нем были силы, которые следовали за ним, а также те, кто собрался из херадов (провинций). Это было гораздо большее войско, чем то, которое следовало за Торольфом. У Торольфа был широкий и толстый щит, очень прочный шлем на голове, меч, который он называл Лэнг (длинный), большое и хорошее оружие. У него также было копье (= кеша) в руке, лезвие которого было четырех футов длиной, острие четырехгранное, верхняя часть лезвия широкая, а гнездо длинное и толстое; рукоять была не длиннее, чем можно было дотянуться рукой до гнезда, но очень толстая; в гнезде был железный колышек, и вся рукоять была обмотана железом. Эти копья назывались бринтвари. У Эгиля было такое же снаряжение, как и у Торольфа. У него был меч, который он называл Надр (= гадюка), который он приобрел в Курляндии; это было превосходное оружие. Ни на

одном из них не было кольчуги. Они установили свой штандарт, и Торфинн Суровый нес его. У всех их людей были северные щиты, и все их снаряжение было норвежским. Все северяне, которые были там, были в их рядах. Торольв и его люди выстроились ближе к лесу, но Альфгейр располагался вдоль реки. Адильс ярл и его брат поняли, что они не смогут напасть на Торольва и его людей врасплох. Затем они начали выстраивать своих людей в боевом порядке, и у них также было два филкинга и два штандарта. Адильс выстроил своих людей против Альфгейра, а Хринг - своих против викингов. Затем началась битва, и обе стороны продвинулись далеко вперед. Адильс упорно продвигался вперед, пока Альфгейр не позволил своим людям отступить; тогда люди Адильса сражались более смело, и прошло совсем немного времени, прежде чем Альфгейр обратился в бегство. Он поехал на юг от пустоши с отрядом людей, пока не приблизился к городу, в котором остановился король. Ярл сказал: 'Я не думаю, что для нас безопасно входить в город. В прошлый раз, когда мы ходили к королю, мы получили большой нагоняй, когда потерпели поражение от Олафа, и он не подумает, что наша честь улучшилась после этого путешествия. Там, где он находится, нам не стоит ожидать никаких почестей.' Затем он скакал на юг день и ночь, пока они не приехали на запад, в Ярснаес. Там он переправился через море на юг и отправился в Валланд (Франция), где у него жила половина его родни. С тех пор он никогда не возвращался в Англию.

Адильс сначала преследовал убегающих людей, но незадолго до этого вернулся в бой, а затем предпринял атаку. Когда Торольв увидел это, он послал против него Эгиля и приказал нести знамя туда; он приказал своим людям хорошо следовать друг за другом и держаться вплотную друг к другу. "Давайте двинемся к лесу." сказал он, 'чтобы он мог прикрыть нам спину, чтобы они не могли напасть на нас со всех сторон'. Они так и сделали, и последовала острая схватка. Эгиль вышел вперед против Адильса, и у них была тяжелая схватка. Разница в численности была очень велика, но, тем не менее, больше пало на стороне Адильса. Торольв пришел в такую ярость, что закинул щит за спину и, схватив копье обеими руками, бросился вперед и наносил удары с обеих сторон. Люди отворачивались от него, но он убил многих. Так он расчистил себе путь к знамени Хринга, и ничто не могло устоять против него. Он убил людей, которые несли его, и срубил древко знамени. Затем он вонзил копье в грудь ярла сквозь кольчугу и его тело так, что оно вышло у него между плеч; он поднял его на копье над головой и воткнул древко в землю. Ярл испустил дух на копье на виду у врагов и друзей. Тогда Торольв обнажил свой меч и нанес удары обеими руками. Его люди также перешли в наступление; многие бритты и шотландцы пали, а некоторые бежали. Когда Адильс увидел смерть своего брата и великое падение и бегство своих людей, оказавшихся под сильным давлением, он повернулся и побежал в лес, как и его люди. Все войско ярлов обратилось в бегство. Торольв и Эгиль преследовали их, и еще многие пали; беглецы широко рассеялись по пустоши. Адильс опустил свой штандарт, и никто не знал его из его людей. Затем быстро начало темнеть, и Торольф с Эгилем вернулись в свой лагерь, и в то же время пришел Этельстан со всем своим войском. Они разбили свои палатки и расположились лагерем. Вскоре после этого пришел Олаф со своим хозяином и сделал то же самое. Олаву доложили, что оба его ярла Хринг и Адильс пали, а с ними и множество людей.

В ночь перед битвой Этельстан был в упомянутом ранее городке и там услышал, что на пустоши произошла битва. Он сразу же собрался со всем войском и отправился на север по вересковой пустоши. Затем ему подробно рассказали, как прошла битва. Торольв и Эгиль отправились ему навстречу. Он горячо поблагодарил их за доблесть и одержанную победу и пообещал им свою полную дружбу. Всю ночь они провели там вместе. Этельстан рано утром разбудил свое войско; он поговорил со своими вождями и рассказал, как следует одеть его войско. Он поставил свой собственный филкинг на первое место и поставил на его защиту те

отряды, которые были самыми отважными, с Эгилем во главе. 'Торольф, - сказал он, - поведет свое войско и других людей, которых я, возможно, поставлю там, в другой филкинг. Они пойдут против тех людей противника, которые рассеяны и находятся за пределами филкинга, потому что шотландцы обычно не строятся сомкнутыми рядами; они бегают взад и вперед и выходят вперед в разных местах; они часто становятся опасными, если их не охранять, но не стоят твердо на поле боя, если их встречают лицом к лицу.' Эгиль ответил: 'Я не хочу, чтобы мы с Торольфом были разлучены в битве, и, по-видимому, лучше всего разместить нас там, где это наиболее необходимо и где труднее всего стоять'. Торольв сказал: 'Пусть король решает, куда он хочет нас поместить. Давайте поможем ему так хорошо, чтобы он был доволен. Я бы предпочел быть там, где ты, если ты не возражаешь'. Эгиль ответил: 'У тебя должна быть твоя воля, родственник, но об этой перемене я часто буду сожалеть'. После этого люди двинулись вперед, к филкигам, как приказал король, и были подняты знамена. Королевский замок стоял в открытом поле у реки, в то время как замок Торольва находился выше по лесу. Олаф начал выстраивать своих людей, когда увидел, что Этельстан выстроил своих. У него также было две линии, и у него был свой филкинг и свой штандарт, ведомый им самим, против Этельстана. Они были равны по численности, но другая линия Олафа шла ближе к лесу, против той, которую вел Торольв. Вождями этого многочисленного войска были шотландские ярлы, и большинство мужчин были шотландцами. Шеренги сошлись друг с другом, и вскоре завязалась великая битва. Торольв предпринял упорное наступление и приказал пронести свой штандарт вдоль леса, намереваясь продвигаться таким образом, чтобы атаковать королевский строй с фланга. Люди Торольва несли свои щиты впереди, в то время как лес защищал их с правой стороны. Торольв ушел так далеко вперед, что мало кто из его людей был перед ним. Но, когда он ожидал этого меньше всего, Адильс и его люди выбежали из леса; они пронзили Торольва множеством копий одновременно. Он упал, но Торфинн, который нес знамя, отступил туда, где воины стояли гуще. Адильс атаковал, и завязался тяжелый бой. Шотландцы издали победный клич, когда убили предводителя своих врагов. Когда Эгиль услышал этот клич и увидел, что знамя Торольва поднято, он понял, что сам Торольв не последовал за ним. Он бросился вперед между рядами и вскоре узнал новость, когда встретил своих людей. Он сильно подстегивал воинов к атаке и был впереди с мечом Надр в руке. С этими словами он шагнул вперед, рубя по обе стороны от себя, и убил много людей. Торфинн понес знамя за собой, и люди последовали за ним. Завязалась самая ожесточенная схватка. Эгиль шел вперед, пока не встретил Адильса; они обменялись лишь несколькими ударами, прежде чем последний упал, и многие вокруг него. После его падения войско, следовавшее за ним, обратилось в бегство. Эгиль и его люди преследовали их и убивали всех, кто попадался им в руки, потому что тогда было бесполезно просить о жизни. Шотландские ярлы недолго стояли, когда увидели, что их товарищи обратились в бегство, но сразу же бросились наутек. Затем Эгиль отправился туда, где находился отряд Олафа, и атаковал его с тыла,^[410] и устроил большую резню. Строй начал колебаться и был полностью разбит; многие из людей Олафа обратились в бегство, а викинги издали победный клич. Когда Этельстан увидел, что ряды Олафа начали распадаться, он призвал своих людей и приказал вынести вперед свое знамя. Он предпринял такую яростную атаку, что войско Олафа отступило с большими потерями. Там пал Олаф и большая часть его войска, ибо все, кто был застигнут в бегстве, были убиты. Этельстан одержал очень великую победу.

Этельстан покинул поле боя, в то время как его люди преследовали беглецов. Он вернулся в город и там провел ночь. Эгиль долго преследовал его и убил всех, кого смог догнать. Когда он убил столько, сколько хотел, он вернулся на поле битвы и нашел там своего брата Торольва мертвым. Он взял его тело, омыл его и подготовил, как было принято; они вырыли могилу и положили в нее Торольва со всем его оружием и одеждой. Эгиль надел золотое

кольцо на каждую из его рук^[411] перед тем, как уйти от него. Тогда они навалили на него камней и забросали землей. Тогда Эгиль запел:

Убийца ярлов, который не умел бояться (Торольф)

Отважно шел вперед;

Сильный духом Торольф пал

В великом *грохоте Грома* (= Один) (= битва);

Земля будет зеленой рядом с Виной (= рекой)

Над моим знаменитым братом;

Но мы должны скрывать наше горе;

Это боль смерти (= боль Хель (= смерть)).

Эгиль отправился со своими людьми в Этельстан и сразу же предстал перед ним, где тот сидел и пил, громко веселясь. Король увидел, что вошел Эгиль, и сказал, что им следует уступить место на нижней скамье, а Эгилу сесть на высокое сиденье напротив него. Эгиль сел и бросил щит к своим ногам. На голове у него был шлем, а меч он положил на колено. Время от времени он наполовину вытаскивал клинок из ножен и тут же засовывал его обратно. Он сидел прямо, наклонив голову вперед. У Эгиля были выдающиеся черты лица, широкий лоб, густые брови; его нос был не длинным, но чрезвычайно большим, губы толстыми и вытянутыми, подбородок и челюсти удивительно широкими; у него была толстая шея и широкие плечи, превосходящие размерами других мужчин. Он выглядел твердым и свирепым, когда злился. Он был хорошо сложен и выше других мужчин; его волосы были густыми, как у волка. и он рано облысел. Сидя таким образом, как было написано выше, он опустил одну бровь на щеку, а другую поднял к челке. Он был черноглазым и смуглым (с темным цветом лица). Он не стал пить напиток, который ему поднесли, но двигал бровями по одной, вверх и вниз. Этельстан сидел в своем высоком кресле, положив меч на колено. Пока они сидели так некоторое время, король вытащил свой меч из ножен, снял с руки большое и изящное золотое кольцо и повесил его на острие меча, встал, прошел по полу и протянул его Эгилу через огонь. Эгиль встал, обнажил свой меч и тоже вышел вперед. Он воткнул свой меч в кольцо, подтянул его к себе и вернулся на свое место. Король сел на свое высокое сиденье. Когда Эгиль сел, он надел кольцо себе на руку, и брови его разгладились, и он отложил свой меч и шлем, взял олений рог, который ему принесли, и отпил из него. Он пел (на ринге)....

После этого Эгиль выпил свою долю и поговорил с людьми. Король приказал внести два сундука; два человека несли каждый, и оба были наполнены серебром. Он сказал: 'Эти сундуки будут у тебя, Эгиль; и если ты отправишься в Исландию, ты должен отдать это имущество своему отцу. Я посылаю это ему в качестве компенсации за его сына. Но часть этого ты должен разделить между своими родственниками и Торольфом, которого ты считаешь главным. Но ты получишь здесь компенсацию за своего брата: землю или свободную собственность, как тебе заблагорассудится. Если ты останешься со мной надолго, я окажу тебе почести и звание, которые ты сможешь выбрать сам. ' Эгиль принял имущество и поблагодарил его за подарки и дружеские слова. Эгиль развеселился и запел:

Возвышающиеся верхушки век (= брови)

Опустился на меня от горя.

Теперь я нашел того, кто разгладил

Эти морщины у меня на лбу.

Король возвысил

Камни, ограждающие поверхность капота,^[412]

Меня с повязкой на руке (= голдринг);

Хмурость покинула мои глаза.

Те раненые, которым было суждено выжить, были исцелены. Эгиль оставался с королем всю зиму после падения Торольва и пользовался у него большими почестями. Люди, которые последовали за братьями и спаслись от битвы, были там вместе с Эгилем. Эгиль сочинил драпу (= хвалебное стихотворение) о короле, который подарил ему два золотых кольца, каждое из которых весило одну марку, и дорогой плащ, который носил он сам. Когда началась весна, Эгиль объявил королю, что он намерен летом отправиться в Норвегию, чтобы узнать, как обстоят дела у Асгерд, жены его брата Торольва. 'У них много имущества, но я не знаю, есть ли в живых их дети. Если есть, то я должен позаботиться о них.^[413] Но все наследство принадлежит мне, если Торольф умер бездетным.' Король ответил: 'Ты можешь идти, если считаешь, что у тебя есть необходимое поручение, но мне больше нравится, чтобы ты оставался здесь на таких условиях, каких потребуешь сам'. Эгиль поблагодарил его. 'Сначала я отправлюсь туда, куда велит идти мой долг, но, вероятно, я вернусь, если смогу, чтобы забрать свои обещания'. Король сказал ему так и поступить. Эгиль собрался и с одним баркасом и сотней человек отплыл в Норвегию".

Вдову Торольфа Скаллаgrimссона, брата Эгиля, павшего в битве при Брунанбурге, звали Асгерд. Эгиль рассказал ей об убийстве своего брата.

Осенью Эгил впал в меланхолию и мало пил, но часто сидел, опустив голову в плащ. Аринбьерн (его друг) однажды подошел к нему и спросил, что стало причиной его печали: "Хотя ты потерял своего брата, мужественно перенести это хорошо, потому что человек должен жить после человека".

Эгиль спел строфу, в которой туманно упомянул имя Асгерд, а затем попросил Аринбьерна помочь ему жениться на ней. Затем он женился на ней и веселился оставшуюся часть зимы" ("Сага об Эгиле", гл. 51-56).

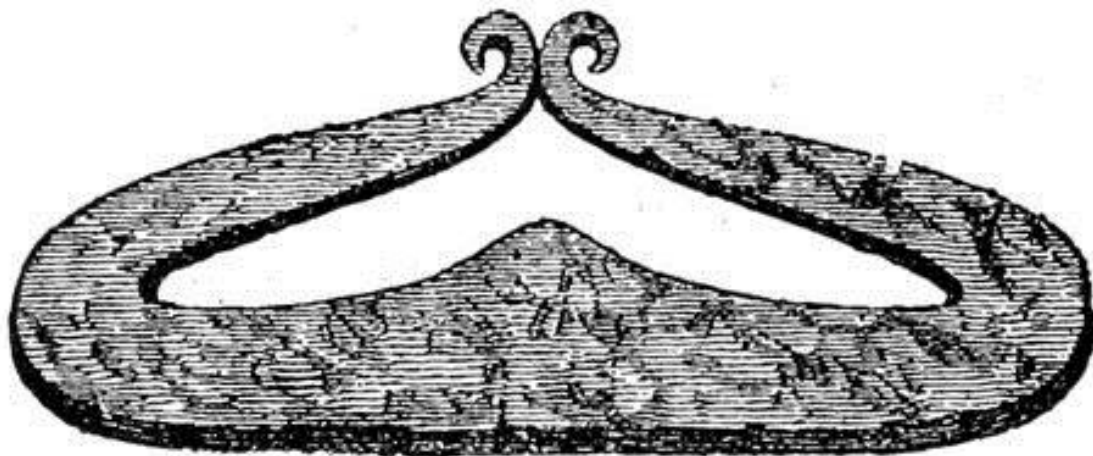

Рис. 1361.—Огнеупорная сталь. 2/3 размер. В могиле, Гетланд.

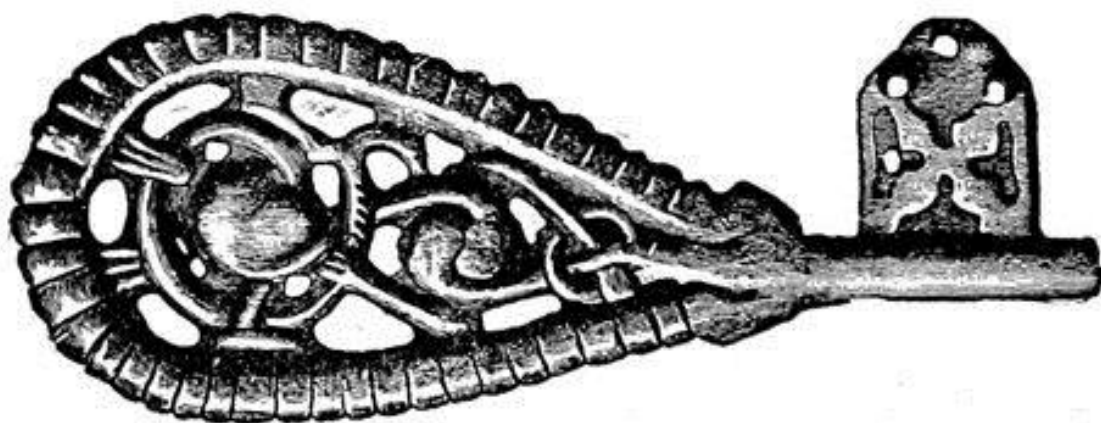

Рис. 1362.—Бронзовый ключ. размер $\frac{2}{3}$. Норвегия; найден с пряжками, жемчугом и т.д.

ГЛАВА XXX. НЕКОТОРЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ПОДВИГИ ВЕЛИКИХ ВИКИНГОВ. (Продолжение.)

Харальд основывает Йомсборг—Свейн—Его клятва изгнать Этельреда из Англии—Создание *Тингаманналида*—Смерть Свейна—Резня северян в Лондоне—Олаф приходит на помощь Этельреду Второму—Нападает на датчан в Саутварке—Захватывает Кентербери—Защищает берега Англии и плывет вверх по Нью—Ривер—Другие его экспедиции.

“Харальд Гормссон (ок. 940-986) стал королем Дании после своего отца; он был могущественным королем и великим воином, завоевал Гольштейн в Саксланде и владел большим графством в Виндланде. Там он основал *Йомсборг* и разместил в нем большой гарнизон, который подчинялся его законам и получал жалованье и который подчинил себе страну. Летом они отправлялись в экспедиции, зимой оставались дома, и их называли йомсвикингами” (Найтлинга, с. 1).

“Свейн (ок. 986-1014 гг. н.э.) завладел датским королевством после своего отца (Харальда Гормссона); его звали Свейн Тюгускегг (вилобородый), и он был могущественным королем. В его дни ярл Сигвальди и другие йомсвикинги отправились в Норвегию и сражались против Хакона ярла в Мери в Хьорунгаваге; там пал Буй Стойкий, но Сигвальди бежал. После этого власть в Норвегии перешла к датским королям, а чуть позже в Норвегию приехал Олаф Трюггвасон и получил власть.

“Король Свейн был женат на Гуннхильд, дочери Бурислава, короля вендов, и их сыновьями были Кнут (Великий) и Харальд. Впоследствии Свейн был женат на Сигрид-Сторраде (Гордой), дочери Скеглар-Тости и матери шведского короля Олафа. До этого она была замужем за королем Швеции Эйриком Сигрсали (Победоносным).

Дочерью короля Свейна и Сигрид была Астрид, вышедшая замуж за ярла Ульфа, сына Торгильса Спракалега (женская нога), у которого было двое сыновей, Свейн и Бьерн. Гайда, дочь короля Свейна Тюгускегга, была замужем за ярлом Норвегии Эйриком Хаконссоном; их сыном был ярл Хакон, которого Святой Олаф взял в плен в проливе Саудунг.^[414]

“Король Свейн присутствовал при падении Олафа Трюгвасона вместе с королем шведским Олафом, своим пасынком, и с ярлом Эйриком, своим зятем. Они сражались при Свольде, и после падения Олафа Трюгвасона датский король Свейн, шведский король Олаф и норвежский ярл Эйрик разделили Норвегию между собой” (Сага о Нейтлинге, с. 5).

В главе о наследовании мы видели, что король Свейн поклялся изгнать Этельреда из Англии.

“Король Свейн был великим воином и самым могущественным королем; он вел войны повсюду, как на востоке, так и в Саксlande. Наконец он отправился со своим войском на запад, в Англию, опустошил там многие места и участвовал во многих битвах; Адалрад Ятгейрссон был тогда там королем. Они со Свейном участвовали во многих битвах и поочередно одерживали победы. Свейн завоевал большую часть Англии; он прожил там много зим, широко опустошая и сжигая землю; его называли врагом англичан. В той войне король Этельред бежал от Свейна из страны” (Сага о Нейтлинге, с. 6).

“Король Свейн остался дома, в Дании; там воспитывался его сын Кнут; Торкель высокий воспитал его. Свейн развязал войну на земле короля Этельреда и изгнал его из страны на юг за море; он поместил *Тингаманналид*^[415] в двух местах. Тем, что в Лондоне (Лундунаборг), правил Эйлиф Торгильссон, брат Ульфа (ярла); у него было шестьдесят кораблей в Темпсе (Темзе). Другой Тингаманналид находился на севере, в Слесвике, где Хеминг ярл, брат Торкеля высокого, также был правителем с шестьюдесятью кораблями.

“Тингамен установил закон, согласно которому слухи не должны распространяться, и никто не должен отсутствовать целую ночь; они посещали церковь Бура, в которой был большой колокол, в который должны были звонить каждую ночь, когда оставалась только треть ночи; затем каждый должен был идти в церковь, но без оружия; такие законы были у них в Шлесвике.

“Тем, кто командовал городом (Лундунаборгом), был Альрек Стржона, брат Эммы, дочери Ричарда (Рикгарда Нормандского), отца Вильхьяльма (Вильгельма); король Этельред был женат на ней. Ульфкель Сниллинг^[416] правил северной частью Англии; он был женат на Ульфхильде, дочери короля Этельреда. Король Свейн умер в Англии, и датчане отвезли его тело в Данию и похоронили в Хройскельде рядом с его отцом....” (Сага о Йомсвикинге, ст. 50, 51).

“Однажды ночью Свейна нашли мертвым в его постели, и англичане говорят, что король Эдмунд Святой убил его тем же способом, каким святой Меркурий убил Юлиана Отступника” (Сага о Нейтлинге, с. 6).

“После смерти Свейна датские короли сохранили за собой ту часть Англии, которую они завоевали. Затем война началась заново, ибо, когда король Свейн был мертв, король Этельред с помощью Олафа Святого (из Норвегии) вернулся в страну и вернул себе свое королевство. В то время датчане основали в Англии войско Тингамен; они были наемными воинами и очень доблестными. Они сражались во многих битвах против англичан на стороне датчан” (Сага о Нейтлинге, с. 7).

Кнуту было тогда десять зим. Сила Тингамена была велика. Там (в Лондоне) дважды в год проводилась ярмарка: одна в середине лета, а другая в середине зимы. Англичане (энскиры) думали, что будет проще всего убить Тингамена, пока Кнут был молод, а Свейн мертв. Каждую зиму, перед Святками, в город въезжали повозки с товарами, которые они обычно везли на рынок. Так было и этой зимой, и все они разбили палатки; это было согласно коварному совету и воле Ульфкеля Сниллинга^[417] и сыновей Этельреда. На седьмой день

Йоля Торд (человек из племени Тингаманналид) отправился из города в дом своей любовницы. Она попросила его остаться там на ночь. 'Почему ты просишь о том, что влечет за собой наказание?' 'Я спрашиваю об этом, - сказала она, - потому что считаю это важным'. Он ответил: 'Я останусь здесь, если ты скажешь мне, почему ты спрашиваешь об этом'. 'Потому что я знаю, что смерть всего Тингамена запланирована'. 'Как ты можешь знать это, ' добавил он, ' если мы этого не знаем?' "Потому что люди пригнали в город повозки и притворились, что в них товары; но в каждой повозке было много людей и никаких товаров, и они сделали то же самое на север,^[418] в Слесвике. Когда пройдет третья часть ночи, в городе зазвонят в колокола; тогда воины, а также горожане приведут себя в готовность около полуночи. Когда пройдет треть ночи, зазвонит колокол церкви Бура. Вы отправитесь в церковь без оружия, которая затем будет окружена.

"Вполне вероятно, - сказал Торд, - что у тебя много друзей, и я расскажу Эйлифу, хотя это и сочтут слухом. Но эта ферма будет принадлежать тебе. Торд отправился в город; он встретил своего товарища Аудуна; они пошли и рассказали об этом Эйлифу. Он приказал мужчинам быть настороже. Некоторые поверили в это, другие сказали, что это была всего лишь тревога. Они, как обычно, услышали звон колокола, и многие подумали, что звонит священник. Те, кто поверил Торду, были вооружены, а все остальные безоружны. Когда они вошли на церковный двор, там была большая толпа. Они не могли взять свое оружие, потому что не могли добраться до своих домов. Эйлиф попросил у них совета, но они ничего не смогли дать; он добавил: 'Мне не кажется хорошим советом бежать в церковь, если она не дает убежища и мы проявляем страх. Я думаю, будет лучше вскочить на плечи тем, кто стоит за церковной стеной, и таким образом попытаться сбежать на корабли'. И они так и сделали. Большинство убитых пало на кораблях. Эйлиф спасся на трех кораблях, но ни один не уцелел из Шлесвика, и там пал Хеминг. Эйлиф отправился в Данию. Некоторое время спустя Ятмунд (Эдмунд) был провозглашен королем Англии. Он правил девять месяцев. За это время он провел пять битв против Кнута Свейнссона. Альрек Стриона, которого некоторые называли Эйреком, брат Эммы, которая была замужем за Этельредом, королем Англии, был приемным отцом Эдмунда. В то время Торкель Высокий был самым могущественным человеком в Дании. У них был спор весной после убийства Тингамена; Эйлиф уговаривал пойти и отомстить, но Торкель ответил: 'У нас молодой король, и не подобает вести войну без участия короля, но через три года, я думаю, он станет достаточно храбрым, и это застанет англичан врасплох'. Эйлиф ответил: 'Не уверен, что те, кто сейчас совсем не заботится об этом, будут помнить об этом в течение трех зим'. Он отправился в Миклигард (Константинополь), стал вождем вэрингяров и, наконец, пал там. Через три зимы Кнут, Торкель и Эйрик отправились с восемьюстами кораблями в Англию. У Торкеля было тридцать кораблей, и он убил Ульфкеля Сниллинга, и таким образом отомстил за смерть своего брата Хеминга, и женился на Ульфхильде, дочери короля Этельреда, которая была замужем за Ульфкелем. С Ульфкелем был убит каждый человек на шестидесяти кораблях, и Кнут захватил Лундунаборг. Торкель отправился вдоль побережья и нашел королеву Эмму на борту корабля. Он отвез ее на берег и убедил Кнута сделать ей предложение; и король женился на ней. Зимой она родила сына, которого называли Харальдом, побочного сына Кнута; Хорда-Кнут был их сыном. Сына Кнута и Альфифы звали Свейн; его дочь Гуннхильд была замужем за императором (Германии). Хайнрек Конрадссон; Кнут отправился с ним в Рим" (Сага о Йомсвикинге, ст. 51, 52).

Король Олаф Харальдссон по прозвищу Дигри (Крепкий), известный также под именем Святого Олафа, был великим воином и вел войны на Балтике, во Фрисландии, Англии, Франции и других странах. Пятнадцать из этих экспедиций описаны в его Саге.

Северяне под командованием Олафа пришли на помощь Этельреду в борьбе с датчанами.

Затем король Олаф отплыл на запад, в Англию. Сообщалось, что Свейн Тюгускегг, датский король в то время, находился в Англии с датским войском, пробыл там некоторое время и разорил земли короля Этельреда. Датчане распространились по всей стране, и король Этельред бежал из страны и отправился в Валланд. Той же осенью, когда Олаф прибыл в Англию, случилось так, что король Свейн Харальдссон внезапно скончался ночью в своей постели; и англичане говорили, что Эдмунд святой убил его таким же образом, как святой Меркурий убил Юлиана Нитинга (Отступника). Когда Этельред услышал об этом во Флемингьяленде (Фландрия), он немедленно вернулся в Англию. Вернувшись, он разослал весточку всем, кто хотел приобрести собственность, чтобы они приходили и отвоевывали землю; и к нему присоединилась масса людей. Затем ему на помощь пришел Олаф с большим отрядом северян. Сначала они отплыли в Лондон (Лундунир) и вошли в Темзу, в то время как датчане удерживали бург. На другом берегу реки был большой торговый город, который называется Судвирки (Саутварк); там датчане построили большие укрепления, вырыли большие рвы и возвели внутри них стены из дерева, камней и дерна, и там было большое войско. Этельред устроил на него ожесточенную атаку, но датчане защитили его, и король не смог захватить. Через реку между городом и Саутуорком были такие широкие мосты, что повозки могли разъезжать друг по другу (по ним). На мостах были фальшборты, доходившие выше середины человеческого роста, а под мостами в дно реки были вбиты сваи. Когда была предпринята атака, все войско стояло на мостах и защищало их” (Сага о святом Олафе, с. 11).

“Олаф был предводителем войска, когда они отправились в Кантарабирги (= Кентербери), и они сражались там, пока не взяли его, многих убили и сожгли город. Затем Олафу пришлось защищать берега Англии, и он прошел вдоль них на военных кораблях и приплыл в Ниджамоду (= Ньюмут). Там было множество всяких Штуковин. Он участвовал в битве и одержал победу. Затем он обошел всю страну и получал налоги от людей, развязывая войны, если они не платили. В то время он пробыл там три зимы” (Сага о святом Олафе, с. 14).

“У Олафа были большие заграждения из ивняка и мягкого дерева, обтесанные так, что получался плетеный дом, и таким образом он прикрывал свои корабли, так что заграждения выходили за их борта; он поставил под ними столбы так высоко, что под ними было легко сражаться, а покрытие было защищено от камней, которые в него бросали. Когда войско было готово, они поплыли вверх по реке; когда они приблизились к мостам, в них стреляли и сбрасывали на них такие большие камни, что ни их шлемы, ни щиты не могли противостоять им; сами корабли были сильно повреждены, и многие отступили. Но Олаф и сопровождавшие его северяне проплыли под мостами, обвязали опорные столбы веревками и изо всех сил погнали свои корабли вниз по течению. Столбы тащили по дну до тех пор, пока их не вытащили из-под мостов. Поскольку вооруженное войско густо стояло на мостах, и на них был большой вес камней и оружия, а столбы под ними были сломаны, мосты упали вместе со многими людьми в реку; остальные бежали в город или в Саутуорк. После этого они напали на Саутуорк и захватили его. Когда горожане увидели, что река Темпс (Темза) взята, так что они не могли помешать кораблям заходить в страну, они испугались, сдали город и приняли короля Этельреда.

Король Олаф провел зиму у короля Этельреда; затем они дали великую битву на Хрингмар-хит в Ульфкелсланде, принадлежащем Ульфкелю Сниллингу, и короли одержали победу. Затем большая часть земель была покорена Этельредом, но датчане и *Тингамени* удержали многие города и значительную часть страны” (Сага о святом Олафе, гл. 12, 13).

“Третьей весной умер король Этельред, и его сыновья Эдмунд и Эдуард получили королевский трон. Затем Олаф отправился на юг через море, сражался в Хрингсфьорде, взял и разрушил замок в Холаре, удерживаемый викингами” (Сага о святом Олафе, с. 15).

Одиннадцатая, Двенадцатая и Тринадцатая битвы.

Затем Олаф отправился со своими людьми на запад, в Грислуполлар, и там разбил викингов у Вильхьялмсбера (Уильямсби). После этого он сражался на западе, в Фетлафьорде. Оттуда он отправился на юг, в Сельюполлар, и там захватил большой и старый город под названием Гуннвальдсборг, которым правил ярл Гейрфинн. Он обложил налогами город и ярла в обмен на свой выкуп - двенадцать тысяч золотых шиллингов (гулл скилингар). Требуемые деньги были выплачены городом” (“Сага о святом Олафе”, с. 16).

Четырнадцатая битва и сон короля Олафа.

После этого Олаф отправился со своими людьми на запад, к Карлсу,^[419] грабил и сражался там. Пока он лежал в Карлсе и ждал там попутного ветра, желая плыть в Норвасунд (= Гибралтарский пролив), а оттуда в Джорсалахейм (Иерусалим), ему приснился замечательный сон, в котором красивый и благородный на вид, но внушающий благоговейный трепет мужчина пришел и заговорил с ним. Он попросил его отказаться от намерения отправиться в дальние страны (= в Святую Землю). “Возвращайся к своим одалам, ибо ты навсегда останешься королем Норвегии”.^[420] Из этого сна он понял, что он и его родственники будут править землей долгое время” (Сага о Святом Олафе, с. 17).

Пятнадцатая битва.

“Из-за этого видения он изменил свое путешествие и направил свои корабли в Пейтуланд (Пуату), разграбил здесь и сжег город под названием Варранди” (Сага о святом Олафе, с. 18).

Рис. 1363.—Монета, отчеканенная в Сигтуне. Король Анунд Якоб, ок. 1020 - 1050 гг. н.э.

Рис. 1364.—Куфическая монета, Готланд, Швеция.

ГЛАВА XXXI. НЕКОТОРЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ПОДВИГИ ВЕЛИКИХ ВИКИНГОВ. (Продолжение.)

Кнут Могучий —Его внешность—Его щедрость—Его сражения в Англии—Осада Лондона—Его многочисленные экспедиции—Преемники Кнута.

Кнут Могучий (1014-1035), или Великий, наряду с Карлом Великим, является одним из величайших гениев той эпохи; он управлял своими тремя королевствами с большими способностями и умер молодым (в тридцать семь лет). Внешность этого великого и могущественного царя описывается следующим образом:

“Кнут был очень высоким и сильным и очень красивым мужчиной, за исключением того, что его нос был тонким, выступающим, низким и несколько искривленным; у него было светлое лицо, светлые и длинные волосы; у него были более тонкие и пронизательные глаза, чем у любого мужчины. Он был либералом, великим воином, очень доблестным и победоносным, человеком большой удачи во всем, что связано с властью. Он был не очень мудр, как и конунг Свейн, Харальд или Горм” (Сага о Нйтлинге, с. 20).

“Король Кнут был самым щедрым из королей Северных земель; ибо истинно сказано, что он превзошел других королей не только в имуществе, которое он ежегодно раздавал в виде дружеских подарков, но и в получении гораздо больших налогов и пошлин с трех великих земель, чем любой другой король, правивший одним королевством; и, более того, Англия богаче движимым имуществом из всех северных земель” (Сага о Нйтлинге, с. 19).

Король Кнут отправил гонцов к Олафу Крепкому (Olaf Haraldson) из Норвегии, чтобы потребовать от него повиновения.

Сигват отправился к посланцам Кнута и спросил о новостях. Они рассказали ему, чего он хотел, о своем разговоре с королем Олавом и результате их поручения. Они сказали: “Король

отнесся к этому делу сердито; и мы не знаем, кому он доверяет, когда отказывается стать человеком Кнута и идти к нему; это было бы лучше всего, потому что Кнут такой мягкий, что никогда вожди не делают против него так много, чтобы он не простил сразу, когда они приходят к нему и уступают ему. Совсем недавно к нему пришли два короля к северу от Фифи (Файфа) в Шотландии, и он забыл свой гнев и отдал им все земли, которыми они владели раньше, а также большие дружеские подарки' (Сага о Святом Олафе, с. 140).

“Кнут участвовал во многих битвах в Англии против сыновей Этельреда, короля Англии, и они по очереди терпели поражения друг от друга. Он приехал в Англию летом, когда умер Этельред, а затем женился на королеве Эмме; их детьми были Харальд, Хордакнут и Гуннхильд. Кнут заключил соглашение с Эдмундом, что каждый из них должен получить половину Англии. В том же месяце Хейдрек Стриона убил Эдмунда, и после этого король Кнут прогнал всех сыновей Этельреда” (Сага о Святом Олафе, с. 24).

Спустя много времени после этого Кнут был на пиру у Торкеля Высокого, увидел Ульфхильд и подумал, что Торкель обманул его при дележе женщин (взял ту, что получше), и поэтому приказал убить его. Кнут и Эдмунд провели несколько сражений друг против друга, после чего и датчане, и англичане попросили их прийти к соглашению, что они и сделали; тот, кто проживет дольше, получит землю другого. Месяц спустя Эдмунд был убит своим приемным отцом Алреком Стрионой, а затем Кнут получил всю Англию и правил ею двадцать четыре зимы”^[421] (Сага о Йомсвикинге, с. 52).

“Тем летом сыновья короля Этельреда отправились из Англии в Руду (Руан) в Валландии,^[422] к своим дядям, когда Олаф Харальдссон вернулся из экспедиций викингов на запад; все они были в Нормандии той зимой и заключили соглашение, что Олаф получит Нортумберленд, если они получают Англию от датчан. Осенью Олаф отправил своего приемного отца Грани в Англию, чтобы набрать там людей, а сыновья Этельреда послали с ним подарки своим друзьям и родственникам, и Олаф дал ему много свободного имущества, с помощью которого можно было привлечь людей на свою сторону. Грани остался на зиму в Англии и завоевал доверие многих могущественных людей, среди которых были те, кто предпочитал, чтобы ими правили их соотечественники; но власть датчан в Англии к тому времени стала настолько велика, что весь народ был им подвластен” (Сага о Святом Олафе, с. 25).

Весной Олаф и сыновья короля Этельреда отправились в Англию и прибыли в место под названием Юнгфурда, где сошли на берег. Было много тех, кто обещал им помочь; они взяли город с большой резней. Когда люди Кнута узнали об этом, они собрали такое многочисленное войско, что сыновья Этельреда не смогли противостоять им, и они поняли, что лучше всего вернуться в Руан; но Олаф расстался с ними и не захотел идти в Валланд. Он плыл на север вдоль Англии до самого Нортумберленда; он высадился в гавани под названием Валди, и там он победил горожан и торговцев и получил большое имущество” (Сага о Святом Олафе, с. 26).

“Кнуту, сыну короля Свейна Тюгускегга, было десять зим, когда умер его отец; затем он стал королем Дании, ибо умер его брат Харальд. Датские вожди, оставшиеся в Англии и владевшие землями, отвоеванными королем Свейном, послали весть в Данию, что король Кнут должен выступить на запад, в Англию, с датским войском, чтобы помочь им. Поскольку король Кнут был тогда ребенком и не привык командовать на войне, его друзья посоветовали ему послать войско в Англию и поставить над ним вождя, а самому не отправляться туда, пока не станет получше на ноги; он провел в Дании три зимы после того, как стал королем. Затем он созвал войско,^[423] и послал весть в Норвегию, своему шурину Эйрику ярлу, чтобы тот собрал войско и шел с ним в Англию; ибо Эйрик ярл был очень известен своей

храбростью и военным искусством, поскольку он одержал победу в двух самых известных битвах в северных землях, в одной из которых король Свейн Шурин был убит. Тюгускегг и шведский король Олаф и Эйрик ярл сражались против Олафа Трюгвасона при Свольде, другой - когда Хакон ярл и Эйрик сражались против Йомсвикингов в Хьорунгаваге. Король Кнут отправился с очень многочисленным войском на запад, в Англию. С ним отправились многие вожди: Ульф ярл Спракалеггссон, его шурин, который тогда был женат на его сестре Астрид, дочери Свейна, а также Хеминг и Торкель Высокие, сыновья Струтаральда ярла, и многие другие вожди. Кнут прибыл в Англию и высадился в месте под названием Флайот (Флот); он опустошал страну, убивал людей и сжигал их дома. Жители той земли собрали войско и выступили против датчан. Кнут провел свою первую битву в Англии при Линдиси (Lindsey), и там многие пали; затем он взял Хемингаборг в Англии, и там также многих убил. После этого он участвовал в великих битвах в Нордимбраланде при Тесе (Тис). Там он убил многих, в то время как некоторые бежали и погибли в болотах или канавах; затем он отправился дальше на юг и везде, куда бы он ни пошел, закладывал себе землю”^[424] (Сага о Нейтлинге, с. 8).

“Король Кнут дал еще одно сражение у города под названием Брандфурда (Бранфорд); это было великое сражение, и он одержал победу; сыновья Этельреда бежали и потеряли много людей, а датчане взяли город. Он участвовал в третьей великой битве против сыновей Этельреда в месте под названием Эссандун, к северу от Данаскогара (датских лесов). В четвертый раз он сразился с королем Ятмундом (Edmund) и его братьями в Нортвике (Норвич), и произошло великое поражение; король одержал победу, а сыновья Этельреда бежали” (Сага о Нейтлинге, с. 12).

Затем король Кнут отправился со всем своим войском в Темпс-а (река Темза), ибо он услышал, что Ятмунд и его братья бежали в Лундунаборг (Лондон); когда он подошел к устью Темпса, Эйрик ярл Хаконссон, его шурин, приплыл с моря; они встретились там и поплыли вверх по реке вместе с войском. На реке Темпс был построен большой замок (башня), и войско было поставлено там для его защиты, чтобы корабль хозяина не мог подняться вверх по реке. Кнут сразу же поплыл вверх по реке к замку и сразился с ними; но англичане отправились с отрядом кораблей из Лондона вниз по реке и вступили в битву с датчанами” (Сага о Нейтлинге, с. 13).

“Кнут подошел со всем своим войском к Лондону и окружил его своим лагерем (военными будками); затем они напали на город, а горожане защитили его. Так рассказывается в поэме (флукк), которую тогда сочинили воины.

ГИПЕРССЫЛКА на Hlokk хорнов видит каждое утро

На берегу Темпс (Темзы)

Окрашенные кровью средства нанесения телесных повреждений (оружие).

Чайка-трупак (хищная птица) не должна голодать.

(Она видит), как жаждущий победы датский король

Яростно нападает на горожан.

Звуки кроваво-ледяного оружия

На британскую^[426] (brezk) брыняс.

“Король Кнут сражался там во многих битвах, но не смог взять город” (Сага о Нйтлинге, с. 14).

Эйрик ярл отправился с частью войска в глубь страны, и Тингаменн последовал за ним против английского войска, которым командовал Ульфкель Сниллинг, великий вождь; произошла битва, и Эйрик одержал победу, а Ульфкель бежал. Эйрик ярл провел еще одну битву при Хрингмарахейди (пустоши) против англичан и одержал победу” (Сага о Нйтлинге, с. 15).

“Этельред, король англов, умер той же осенью или летом, когда Кнут прибыл со своим войском в Англию; к тому времени он был королем Англии тридцать восемь зим. Королева Эмма после его смерти сразу же приготовилась покинуть страну; она намеревалась отправиться на запад, в Валланд (Франция), к своим братьям Вильхьяльму (Вильгельму) и Роберту, которые были там ярлами. Их отцом был Рикард (Ричард), ярл Руана, сын Ричарда, сына Уильяма длинного копья; он был сыном Гонгу-Хрольфа, завоевавшего Нормандию, и был сыном Регнвальда, ярла Мери. Люди короля Кнута узнали о путешествии королевы Эммы; когда она и ее люди были готовы к отплытию, пришли его люди и захватили корабль со всем, что на нем было, и отвезли ее к нему; Вожди короля Кнута посоветовали ему жениться на королеве Эмме, и он так и сделал” (Сага о Нйтлинге, с. 9).

“После смерти Этельреда его сыновья и сыновья королевы Эммы были провозглашены королями; Ятмунд (Эдмунд) Сильный был старшим; Ятгейр (Эдгар) вторым; Ятвиг (Эдвиг) третьим; и Ятвард (Эдвард) Добрый - четвертым. Эдмунд собрал большое войско и выступил против Кнута; они встретились в местечке под названием Скорштейн и сразились в самой знаменитой битве, которая происходила в то время; очень многие из обоих воинств пали. Эдмунд въехал в самую гущу датского войска и оказался так близко от своего отчима, короля Кнута, что задел его ударом меча. Кнут ударил своим щитом по шее лошади, на которой он сидел; удар пришелся по щиту немного ниже рукояти и был таким тяжелым, что щит раскололся на части, а лошадь была рассечена на плечах перед седлом. Затем датчане напали на него с такой яростью, что он вернулся к своим людям, но не раньше, чем убил много датчан, сам получив очень легкое ранение. Когда король поскакал вперед, удаляясь от своих людей, они подумали, что он пал, так как не видели его, и войско обратилось в бегство, потому что некоторые видели, как он ускакал от датчан. Все, кто видел это, разбежались, но король громко закричал и приказал им вернуться к битве, но, казалось, никто этого не услышал; все войско обратилось в бегство, и последовало большое количество убитых; датчане преследовали убегающих до ночи” (Сага о Нйтлинге, с. 10).

Тогда Ульф ярл, как это часто бывало, был одним из первых воинов короля Кнута и преследовал беглецов дальше всех; он забрел в такой густой лес, что не выходил из него до рассвета. Затем он увидел на каком-то поле перед собой овец, которых гнал взрослый мальчик. Ульф ярл подошел к нему, поздоровался и спросил, как его зовут. Он ответил: ‘Меня зовут Гудини (Годвин); но ты один из людей Кнута?’ Ульф ярл ответил: ‘Я, конечно, один из его воинов, но как далеко отсюда до наших кораблей?’ ‘Я не знаю,’ сказал мальчик, ‘как вы, датчане, можете ожидать от нас помощи, и вы ее не заслужили’. Ульф ярл ответил: ‘Однако я попрошу тебя помочь мне найти наши корабли’. Мальчик сказал: ‘Ты ушел прямо от них и далеко вглубь страны, через дикие леса. Здешние жители не очень любят людей Кнута, и на то есть веская причина, потому что о вчерашней резне в Скорстейне известно по соседству, и ни ты, ни кто-либо другой из его людей не будет пощажен, если бандры найдут тебя; и если кто-нибудь поможет тебе, его ждет та же участь; но я думаю, что ты хороший человек, а не тот, за кого себя выдаешь. Ульф ярл снял со своей руки золотое кольцо и сказал: “Я отдам тебе это кольцо, если ты проведешь меня к нашим людям”. Годвин некоторое время смотрел

на него и медленно произнес: ‘Я не возьму кольцо, но я попытаюсь отвести тебя к твоим людям и предпочту получить награду, которую ты сочтешь справедливой, если я смогу оказать тебе некоторую помощь; но если я не смогу, я не заслуживаю никакой награды; теперь ты сначала отправишься со мной домой, к моему отцу’. Они так и сделали. Когда они пришли на ферму (bœr), они прошли в маленькую комнату, и Гудини (Годвин) накрыл там стол и подал хорошую выпивку. Ульф ярл увидел, что это была хорошая ферма. К ним пришли бонди и домохозяйка; они оба были красивы и хорошо одеты; они хорошо приняли гостя, и он остался там в тот день, наслаждаясь лучшими развлечениями. Ближе к ночи были приготовлены две хорошие лошади с лучшим снаряжением для верховой езды. Затем они сказали Ульфу: ‘Теперь прощай; я отдаю в твои руки моего единственного сына; я спрашиваю тебя, должен ли ты прийти к королю, и твои слова могли бы оказать некоторое влияние, чтобы заполучить его к себе на службу, ибо он не сможет оставаться со мной впредь, если наши соотечественники узнают, что он увел тебя, каким бы способом я ни сбежал сам’. Ульф ярл пообещал ввести Годвина в войско. Годвин был очень красив и хорошо говорил. Бонди звали Ульфнадр.

Ульф ярл и Годвин скакали всю ту ночь, а утром, когда рассвело, они подошли к кораблям, и люди Кнута были на берегу. Когда они увидели ярла и узнали его, они приветствовали его как человека, избежавшего смерти, ибо он был настолько популярен, что все его любили. Тогда Годвин впервые понял, за кем он последовал. Ярл усадил Годвина на высокое место рядом с собой и во всем обращался с ним, как с самим собой или своим сыном, и, короче говоря, выдал за него замуж свою сестру Гиду; и с помощью и советом Ульфа ярла король Кнут дал ему ярлство ради Ульфа ярла, своего шурина. Сыновьями Годвина и Гайды были: английский король Харальд и ярл Тости по прозвищу деревянное копье; ярл Маурукари (Моркар); ярл Вальтьоф (Waltheof) и ярл Свейн; от них произошли многие вожди в Англии, Дании, Швеции и Гардарики (Россия). Это королевские семьи Датского королевства. Дочь короля Харальда, сына Годвина, звали Гайда; она была замужем за королем Вальдамаром (Владимиром) в Хольмгарде (Новгороде); их сыном был король Харальд; у него было две дочери, о которых будет рассказано позже” (Сага о Нейтлинге, с. 11).

“Кнут осадил Лундунаборг (Лондон), и Эдмунд со своими братьями защищал его; затем Кнут женился на королеве Эмме, их матери, и, наконец, были отданы заложники и было установлено перемирие для переговоров о полном примирении; и мир был заключен на условиях, что королевство должно быть разделено между ними пополам, каждому достанется по половине, пока он жив, но если кто-то из них умрет бездетным, оставшийся в живых должен иметь право забрать все королевство; это было подтверждено клятвами. Хейдрек Стржона был могущественным человеком, который получил имущество от короля Кнута, чтобы предать короля Эдмунда и убить его, и именно так он умер, хотя Хейдрек был приемным отцом Эдмунда, который верил в него, как в самого себя. Затем король Кнут изгнал из Англии всех сыновей короля Этельреда; в результате было разыграно много битв, но они не получили много людей на помощь против Кнута после того, как Эдмунд был убит. Сыновья короля Этельреда затем надолго остались на западе, в Валланде, в Нормандии, со своими дядьями (Родберт) Робертом и Вильхьяльмом (Уильям), как рассказывается в Саге об Олафе хельги (святом). Эйрик ярл Хаконссон умер в Англии, когда был готов к путешествию в Рим.... У Кнута и королевы Эммы было трое детей; Харальд был старшим, а затем Херда-Кнут; их дочерью была Гуннхильд, которая позже вышла замуж за императора Хайнрека (Генриха) Мягкого, который был третьим из его родственников с таким именем. Свейн был третьим сыном короля Кнута; его матерью была Альфифа Богатая, дочь Альфруна ярла” (Сага о Нейтлинге, с. 16).

“Когда Кнут вернулся в Англию (из Рима), он заболел, сначала так называемой желтухой; он долго болел летом и умер осенью, 13 ноября, в Морсте (Шафтсбери), большом городе, и там он похоронен. Ему было тогда тридцать семь лет; он был королем Дании двадцать семь лет, Англии - двадцать четыре и Норвегии - семь лет. Всеми признано, что король Кнут был самым могущественным и широко правившим королем в Северных землях” (Сага о Нйтлинге, с. 18).

“Кнут Великий, которого некоторые называют Кнут Старый, был королем Англии и Дании. Он был сыном свейна Тюгускегга, сына Харальда. Их родня долгое время правила Данией. Харальд Гормссон, дед Кнута, получил во владение Норвегию после падения сына Харальда Гуннхильд, получал с нее налоги и поставил Хакона ярла великого защищать эту землю. Свейн, король датчан, сын Харальда, также правил Норвегией и поставил Эйрика ярла Хаконссона защищать ее. Он правил вместе со своим братом, Свейном Хаконссоном, до тех пор, пока Эйрик не отправился на запад, в Англию, из-за послания Кнута Великого, своего шурина, и оставил Хакона, своего сына, править Норвегией.Шурин.

Затем Хакон отправился к своему дяде Кнуту и был с ним до тех пор, пока Кнут после долгой борьбы не завоевал Англию, и жители этой страны не покорились ему. Когда он подумал, что полностью установил свою власть над этой землей, он вспомнил, что владеет страной, которая ему не принадлежала, и это была Норвегия. Он претендовал на всю Норвегию в качестве наследства, но его племянник Хакон претендовал на часть ее и сказал, что потерял ее. Одна из причин, по которой Кнут и Хакон не предъявили своих прав на Норвегию, заключалась в том, что, когда пришел король Олаф Харальдссон, люди восстали и слышать не хотели ни о ком другом, кроме Олафа, как о короле всей страны; но позже, когда они подумали, что их угнетают из-за его властолюбия, некоторые покинули страну. Многие вожди или сыновья могущественного бундра приходили к Кнуту под предлогом выполнения различных поручений; каждый, кто присоединялся к нему, получал полные руки денег. Там также можно было увидеть гораздо большее величие, чем в любом другом месте, как в массе людей, которые постоянно останавливались там, так и в обустройстве комнат, в которых он жил сам. Кнут получал налоги и пошлины с самых богатых земель Севера; но насколько он превосходил других королей в получении большего, чем они, настолько же он превосходил любого другого короля в раздаче подарков. Во всем его королевстве царил такой мир, что никто не смел его нарушать, и люди спокойно жили по старым законам страны. За это он получил великую славу по всем землям. Многие пришедшие из Норвегии жаловались на потерю свободы и рассказывали об этом Хакону ярлу; а некоторые сообщили самому Кнуту, что норвежцы готовы вернуться к нему и ярлу и через них вернуть себе свободу. Это понравилось ярлу, который рассказал об этом королю и попросил его посмотреть, откажется ли король Олаф от королевства или заключит с ними какое-нибудь соглашение. Многие обращались к ярлу с такими же просьбами. Кнут послал людей на восток, из Англии в Норвегию, очень хорошо снаряженных; они привезли письмо и печать английского короля. Весной они отправились к Олафу Харальдссону в Тунсберг. Когда ему сказали, что прибыли посланцы Кнута, он рассердился и сказал, что Кнут вряд ли пошлет туда людей с посланиями, которые были бы полезны ему или его народу; и в течение нескольких дней он не позволял посланцам видеть себя. Когда им разрешили говорить, они предстали перед ним и передали письмо Кнута. Они изложили свое поручение — что Кнут претендует на всю Норвегию, и что его предки владели ею до него; но поскольку он желает мира во всех землях, он не стал бы вести войну против Норвегии, если бы они могли решить этот вопрос каким-либо другим способом; что если Олаф Харальдссон хочет быть королем Норвегии, он должен пойти к Кнуту и забрать у него землю в качестве феода, стать его человеком и платить ему такие налоги, какие ярл платил раньше. После этого они доставили

письмо, в котором говорилось то же самое. Олаф ответил: 'Я слышал в старых Сагах, что Горм, король датчан, считался великим народным королем и правил только Данией; но более поздние датские короли считают этого недостаточно. Теперь Кнут правит Данией и Англией, покорил большую часть Шотландии и теперь требует от меня свое наследство. Должен же он, наконец, проявить умеренность в своей жадности, или же он хочет единолично править всеми северными землями или в одиночку съесть всю капусту в Англии? Он с большей вероятностью сделает это, чем я принесу ему свою голову или воздам ему какие-либо почести. Передай ему мои слова: я буду защищать Норвегию *до конца, пока жива*, и не буду платить налогов из своего королевства'. После этого решения посланцы Кнута собрались уходить, недовольные результатом своего поручения.... Посланцы Кнута вернулись с попутным ветром через море. Они отправились к Кнуту и рассказали ему ответ на свое послание и последние слова Олафа. Кнут ответил: "Король Олаф ошибается, если думает, что я хочу съесть в одиночку всю капусту в Англии; он должен почувствовать, что у меня в ребрах больше всего, чем капуста; ибо отныне зло будет исходить к нему из-под каждого ребра".

Олаф созвал своих лендирменов, и в то лето их собралось великое множество, ибо стало известно, что Кнут приедет из Англии. Люди слышали сообщения с торговых кораблей с запада о том, что Кнут собирает большое войско в Англии; одни утверждали, другие отрицали, что войско прибудет во второй половине лета. Олаф остался в Вике и послал шпионов разузнать, едет ли Кнут в Данию. Осенью он послал людей на восток, в Швецию, к Онунду, своему шурина, и рассказал ему о послании Кнута и о притязаниях, которые тот предъявил Норвегии; и намекнул, что, по его мнению, если Кнут покорит Норвегию, у Онунда не будет особых проблем в шведском королевстве, и что было бы неплохо, если бы они объединились против него.

Той осенью Кнут отправился в Данию и оставался там всю зиму со многими людьми. Ему сказали, что от короля Норвегии к королю Швеции были отправлены гонцы и обратно, и что вот-вот произойдут какие-то великие события. Зимой Кнут послал людей в Швецию, в Онунд, с богатыми подарками и дружескими словами и сказал, что в его интересах не вмешиваться в ссоры между ним и Олавом Крепким, поскольку его страна должна быть с ним в мире. Когда гонцы прибыли в Онунд, они преподнесли Кнуту подарки с его предложениями дружбы. Онунд не очень хорошо воспринял их послание, и они подумали, что он очень склонен к дружбе с Олавом. Они вернулись и рассказали об этом Кнуту, а также о том, что он не может ожидать дружбы от Онунда" (Сага о святом Олафе, сс. 139-142).

Великий вождь Эрлинг Скьяльгссон и все его сыновья были с Кнутом Великим, когда он сражался против Святого Олафа и Онунда, короля Швеции, на реке Хельга.

Осенью он вернулся в Норвегию со своими людьми и на прощание получил большие подарки от короля Кнута. Посланцы Кнута отправились с ним в Норвегию, захватив с собой много свободного имущества; зимой они обошли страну и выплатили деньги, которые Кнут обещал людям той осенью. Они путешествовали под защитой Эрлинга Скьяльгссона. Многие люди стали друзьями Кнута и пообещали сражаться против Олафа; некоторые делали это открыто, а многие другие тайно" (Сага о святом Олафе, с. 171).

"Кнут собрал свое войско, отправился в Лимафьорд (Limfjorden) и отплыл в Норвегию; он поспешил дальше и не остановился в земле к востоку от Вика. Он проплыл мимо Вестфолда в Агдир, где призвал Нечто.... Там он был избран царем над всей страной; затем он наполнил управляющие должности новыми людьми и взял заложников из страны; никто не выступил против него. Олаф был в Тунсберге, когда войско Кнута проходило мимо Загона. Кнут пошел вдоль берега на север, и там пришли к нему люди из херадов, и все поклонились ему;

некоторое время он оставался в Эйкундасунде. Там к нему пришел Эрлинг Скъяльгссон со многими людьми, и они с Кнутом возобновили свою дружбу; Кнут, среди прочего, пообещал ему, что он будет править всеми землями между Штадом и Рюгьярбитом. Затем Кнут отплыл на север, в Нидарос в Трандхейме (Трондхьеме). Он созвал людей из восьми *филков* на торжество, на котором его избрали королем всей Норвегии.

“Когда Кнут покорил всю Норвегию, он созвал своих людей и северян на Дело. Он объявил, что отдаст своему родственнику Хакону власть над всеми землями, которые тот завоевал в том походе; он также посадил на престол своего сына Хорда-Кнута и дал ему имя короля, а также подарил ему королевство Дания. Он взял заложников у всех лендирменов и великих бундров, а также их сыновей и братьев или других близких родственников, или тех, кто был им дороже всего, как он считал наилучшим, и таким образом укрепил верность народа” (Сага о Святом Олафе, ст. 180, 181).

“Херда-Кнут, сын Кнута Старого, унаследовал королевскую власть в Дании после своего отца, а Харальд, другой сын, правил Англией. В это время Эдуард Добрый, сын Этельреда и брат Харальда и Хорды-Кнута, прибыл в Англию, и, как и подобало, его там хорошо любили. Через два года после смерти Кнута Старого умерла его дочь, королева Саксландии Гуннхильд; она вышла замуж за императора Генриха (Германии).

“Три года спустя Харальд Кнутссон, король Англии, умер и был похоронен в Морсте (Шефтсбери), рядом со своим отцом.

Затем его брат, Херда-Кнут, получил оба королевства - Англию и Данию; и Магнус, сын Святого Олафа, названный брат^[427] Херды-Кнута, правил Норвегией, как написано в "жизнеописаниях норвежских королей". Через две зимы после смерти Харальда Херда-Кнут умер и также был похоронен в Морсте вместе со своим отцом.

“После смерти Хорды-Кнута род старых датских королей вымер. Эдуард, сын Этельреда, стал королем Англии” (Сага о Найтлинге, с. 21).

“Свейн, сын короля Кнута и Альфифы, дочери Альфруна ярла, был поставлен править Винландом в Йомсборге. Тогда его отец послал ему весточку, что он должен отправиться в Данию, а оттуда в Норвегию и править там именем короля. Со Свейном было много людей из Дании, Харальд ярл и многие другие могущественные вожди. Его мать пошла с ним, и он был принят как король при всех законах” (Сага о святом Олафе, с. 252).

“Свейн, сын Кнута Великого, правил Норвегией несколько зим; он был ребенком, а его мать Альфифа правила по большей части, и народ ее очень не любил. Трандиров (людей Трандхейма) обвинили в том, что они убили Олафа Харальдсона Святого. Вождю Кальфу Арнасону, который был предводителем в битве против Олафа, Кнут ярлдон обещал власть над всей Норвегией, и он был разочарован” (Сага о святом Олафе, с. 261).

Как только наступила весна, Кальф Арнасон приготовил свой собственный корабль и отплыл на запад, в Англию, ибо он слышал, что король Кнут в начале сезона отправился из Дании на запад, в Англию. Кальф Арнасон сразу же отправился к Кнуту, как только прибыл в Англию, был принят им очень хорошо и побеседовал с ним. Все закончилось тем, что Кнут попросил Кальфа возглавить восстание против Олафа Крепкого в Норвегии, если тот вернется в страну; а затем сказал: ‘Я дам тебе ярлдомство и позволю тебе править Норвегией. Хакон, мой родственник, придет ко мне, что будет лучше для него, ибо я не думаю, что он поднимет копье на Олафа, если они встретятся. Кальф выслушал и согласился принять эту честь, и они

составили план. Кальф собрался домой, и на прощание Кнут преподнес ему дорогие подарки” (Сага о святом Олафе, с. 194).

Следующий отрывок представляет интерес в связи с ранней историей Англии и ее завоеванием Вильгельмом Нормандским:

“Когда Магнус Добрый (сын Святого Олафа) получил датское королевство, он отправил гонцов на запад, в Англию. Они отправились к королю Эдуарду (Джатварду) и передали письма и королевскую печать. В письмах это следовало после приветствия короля Магнуса: ‘Вероятно, вы слышали о договоре, заключенном между мной и Хердой-Кнутом, согласно которому тот, кто жил после того, как другой умер, не оставив сыновей, должен владеть землями и тегнами (подданными) другого. Теперь случилось так, что, как я знаю, вы слышали, я унаследовал датское королевство после Хорды-Кнута. Когда он умер, Англия принадлежала ему не меньше, чем Дания; теперь я заявляю, что Англия принадлежит мне, согласно законному соглашению. Я хочу, чтобы ты уступил мне свое королевство, иначе я заберу его с помощью войска из Дании и Норвегии. Тот, кто одержит победу, будет править этими землями”.

Когда Эдуард прочитал эти письма, он ответил: ‘Всем людям в этой стране известно, что мой отец, король Этельред (Адалрад), по праву принадлежал к этому королевству, как в прошлом, так и в последнее время. Нас, его сыновей, было четверо. После его смерти королевство и королевский титул достались моему брату Эдмунду, поскольку он был старшим из братьев. Я был вполне доволен, пока он был жив. После него правил Кнут, мой отчим; было нелегко претендовать на это, пока он был жив. После него мой брат Харальд был королем при жизни; когда он умер, датским королевством правил мой брат Херда-Кнут, и считалось единственным правильным разделением между нами, братьями, что он должен быть королем и Дании, и Англии, а у меня не было королевства, которым можно было бы править. Когда он умер, волей всего народа было сделать меня королем Англии. Хотя у меня не было королевского имени, я служил своим вождям (хефдингу), гордясь ими не больше, чем теми, кто не был рожден править. Теперь я посвящен в цари и получил царствование так же полно, как оно было у моего отца до меня. От этого имени я не откажусь, пока жив. Если Магнус придет сюда со своим войском, я не стану собирать войско против него; тогда он может захватить Англию и сначала предать смерти меня. Передай ему эти мои слова.

Гонцы вернулись к Магнусу и рассказали ему все. Он медленно ответил: ”Я думаю, что самым справедливым и лучшим будет позволить Эдуарду спокойно распоряжаться своим королевством ради меня и сохранить то, что дал мне Бог”” (Сага о Магнусе Добром, ст. 38, 39).

ГЛАВА XXXII. НЕКОТОРЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ПОДВИГИ ВЕЛИКИХ ВИКИНГОВ. (Продолжение.)

Харальд Хардради — Его влияние на английскую историю—Его внешность и характер—
Многочисленные экспедиции—Его храбрость—Его карьера в Англии и Нормандии—

Ревность между ним и Годвином—Его вторжение в Англию—Битва при Стэмфорд Бридж—
Битва при Гастингсе.

Среди великих героев Севера, оказавших особое влияние на английскую историю своего периода — ибо без своего вторжения в Англию Вильгельм Завоеватель, вероятно, не одержал бы победы в битве при Гастингсе, — был Харальд Сигурдссон по прозвищу Харальд Хардради, чья жизнь является прекрасной иллюстрацией жизни викинга. Его силы, добавленные к силам Харальда, сына Годвина, оказались бы очень грозными. Вот описание внешности этого героя.

“Все говорили, что Харальд превзошел других людей в мудрости и прозорливости (умении давать советы), независимо от того, нужно ли было что-то сделать быстро или за долгое время, для себя или для других. Как уже было сказано, он был более отважен в обращении с оружием, чем кто-либо другой. (Тьодольф в строфе, посвященной ему, говорит, что ‘разум управляет половиной победы’.) Он был красивым и величественно выглядящим мужчиной с волосами (каштановыми), каштановой бородой и длинными усами; одна бровь была немного выше другой; большие руки и ноги хорошей формы. Его рост составлял три локтя. Он был жесток к своим врагам и сурово наказывал за все проступки. Он очень стремился к власти, и ко всему процветающему. Он дарил своим друзьям замечательные подарки, когда они ему нравились. Ему было пятьдесят, когда он умер. У нас нет никаких заслуживающих внимания рассказов о его юности до того, как он попал в Стикластадир, пятнадцати зим от роду, в битву со своим братом Олавом. После этого он прожил тридцать пять зим; все это время шум и война были его развлечением. Он никогда не бежал с поля боя, но часто принимал меры предосторожности, когда имел дело с превосходящими силами. Все люди, которые следовали за ним в битвах, говорили, что, когда он оказывался в большой опасности, которая быстро надвигалась на него, он прибегал к средству, которое впоследствии всем казалось наилучшим” (Сага Харальда Хардради, Хеймскрингла, с. 104).

Мы не можем проследить за ним по многочисленным экспедициям, которые он предпринимал и которые описаны в его Саге.

Мы находим, что Харальд обошел все берега Средиземного моря, побывал в Серкланде (земле сарацин), Африке, Сицилии, Италии, Греции, Константинополе, Иерусалиме и Болгарии. Он присутствовал, часто в качестве лидера, примерно в восьмидесяти битвах. Есть много примеров его стратегии и непревзойденного полководческого мастерства.

Его жизнь закончилась в знаменитой битве при Стэмфорд Бридж, рассказ о которой является шедевром описания.

С юности он был доблестен. Он участвовал в битве при Стикластадире, чтобы помочь своему сводному брату, королю Олафу Крепкому, когда ему было пятнадцать лет. Его мать звали Аста (происходила от Рагнара Лодброка).

Когда строй встал со знаменами, готовый к бою, король сказал: ‘Я не думаю, что моему брату Харальду подобает участвовать в битве, потому что он ребенок’. Харальд ответил: ‘Я, конечно, буду в битве, но если я настолько слаб, что не смогу владеть мечом, я знаю, что делать; моя рука будет привязана к рукояти; ни у кого не будет большего желания, чем у меня, причинить вред бундру. Я хочу последовать за своими товарищами’. Говорят, что Харальд спел эту строфу: —

- У меня хватит смелости

Защищать крыло, в котором я состою.

* * * * *

* * * * *

Молодой поэт, радующийся битве

Не отступят от копий

Где обрушиваются удары дождя;

В самом тяжелом бою.

Харальд добился своего, участвовал в битве и снискал великую славу. Как уже говорилось, ему было тогда пятнадцать зим. Скальд Тьодольф упоминает об этом в стихотворении, которое он сочинил о короле Харальде, под названием *sexstefja* (шестиколесье); среди них следующее:-

Я слышал, что сильная военная буря

Ворвались к королю (Харальду) недалеко от Хауга,

Но сжигатель болгар (Болгара бреннир = Харальд)

Хорошо поддерживал своего брата (Святого Олафа).

Король расстался со мной против своей воли

Пятнадцати зим от роду

От мертвого Олафа

И спрятал свой шлем-седалище (голову).

“Харальд был тяжело ранен в битве, и Регнвальд Брусасон отвез его в бонди ночью после битвы. Бонди жили в уединенном месте, держали его тайно и полностью вылечили” (ФМС. Сага Харальда Хардради, гл. 1).

Профессор. Василевский опубликовал в Москве трактат, в котором он приводит выдержки из греческого произведения одиннадцатого века. Мы здесь приводим часть из них:—

“*Аральтес* (Харальд) был сыном короля Варангии; у него был брат Юлавос (Святой Олаф), который унаследовал королевство после смерти своего отца и сделал своего брата Аральтеса следующим после себя высшим человеком. Аральтес был молод и восхищался римской мощью. Он пришел и преклонил колено перед покойным императором Михаилом Пафлагоном; с ним было пятьсот доблестных воинов. Император принял его подобающим образом и отправил на войну в Сицилию. Аральтес отправился туда и совершил прославленные подвиги; и когда Сицилия была покорена, он вернулся к императору со своим войском. После этого случилось, что Делианос поднял восстание в Болгарии, и Аральтес со своими людьми вместе с императором и его войском отправился туда; и он совершил против врагов подвиги, достойные его рождения и доблести. Когда император покорил Болгарию, он вернулся домой. Я тоже был там и сражался за императора, как мог. По дороге домой, в Мосинуполисе, император в награду за его подвиги сделал его *Спатарокандидатосом* (титул). После смерти Михаила, во времена императора Мономаха, Аральтес хотел вернуться домой, в свою страну, но ему не разрешили этого сделать, и ему помешали поехать. Тем не менее он тайно сбежал и стал королем в своей собственной

стране вместо своего брата Юлавоса (Олафа). Даже будучи королем, он сохранил свою верность и любовь к римлянам” (Густав Шторм: Norsk Historisk Tidsskrift, 1884).

Теперь мы приведем несколько выдержек из Саг, которые содержат рассказ о замечательной карьере Харальда и которые относятся к английской и нормандской истории того периода.

“Эдуард, сын Этельреда, был королем Англии после Хорды-Кнута; его звали Эдуард Добрый, и так оно и было. Его матерью была королева Эмма, дочь Рикарда ярла Руанского; ее братом был Родбьярт (Роберт), отец Вильгельма Бастарда, который в то время был герцогом (хертогу)^[428] в Руане в Нормандии. Эдуард был женат на Гиде, дочери Годвина ярла, сына Ульфнадра. Младший брат Гиды, Харальд, сын Годвина, вырос в поместье Эдуарда. Король очень любил его и смотрел на него как на своего сына, потому что у него не было детей” (Сага о Харальде Хардради, с. 77).

Здесь имеется в виду смерть короля Эдуарда Исповедника:—

“Однажды летом Харальду Годвинсону пришлось отправиться в Бретландию (Уэльс), и он отправился туда на корабле; когда они вышли, у них был встречный ветер, и их отнесло в море. Они приземлились в Нортманди после того, как пережили опасный шторм. Они доплыли до города Руан (Руда) и встретили Вильгельма (Vilhjálm) ярла, который с радостью принял их; Харальд пробыл там долго, осенью, его хорошо развлекали, потому что продолжался шторм, и они не могли выйти в море. Ближе к зиме ярл пригласил Харальда остаться там на зиму. Харальд сидел в высококресле по одну сторону от ярла, а по другую сторону сидела жена ярла; она была очень красивой женщиной; эти трое часто беседовали, выпивали и развлекались. Ярл обычно рано ложился спать, но Харальд подолгу засиживался по вечерам, разговаривая со своей женой. Так продолжалось долгое время. Однажды вечером она сказала: ‘Ярл спросил меня, о чем мы так часто говорили, и теперь он сердит’. Харальд ответил: ‘Как только будет возможно, мы передадим ему весь наш разговор’. На следующий день Харальд пожелал поговорить с ярлом, и они отправились в переговорную (малрумскую), где также находились жена ярла и члены совета. Харальд сказал: ‘Я должен сказать, ярл, что причин для моего прихода сюда больше, чем я тебе до сих пор говорил. Я хочу попросить твою дочь стать моей женой; я часто говорил об этом ее матери, и она обещала помочь мне в этом вопросе с тобой’. Когда Харальд сказал это, все присутствующие сочли это подходящим и порекомендовали ярлу; наконец девушка была обручена с Харальдом, но так как она была молода, свадьбу пришлось отложить на несколько зим. Весной Харальд подготовил свой корабль и уехал; они с ярлом расстались с большой любовью. Харальд отправился в Англию к королю Эдуарду (Ятварду) и так и не вернулся в Валланд, чтобы отпраздновать свою свадьбу. Эдуард был королем Англии двадцать три зимы и умер в Лондоне пятого января (1066 г.); он был похоронен в церкви Святого Павла, и англичане называют его святым” (Сага Харальда Хардради, ст. 78, 79).

Сыновья графа Годвина были тогда самыми могущественными людьми в Англии. Тости был назначен главнокомандующим королевским войском и был защитником страны и правителем всех остальных ярлов, когда Эдуард начал стареть. Его брат Харальд всегда находился в хирде, был ближайшим слугой короля и распоряжался всеми его деньгами. Говорят, что, когда король был при смерти, Харальд и еще несколько человек были с ним; он склонился над ним и сказал: ‘Я призываю вас всех в свидетели того, что король только что передал мне королевский титул и власть над всей Англией’. Затем мертвого короля унесли с его постели. В тот же день состоялось собрание вождей, которые решили, кого они выберут королем. Затем Харальд призвал своих свидетелей, чтобы доказать, что король Эдуард

передал ему королевство в день своей смерти. Встреча закончилась тем, что Харальд был провозглашен королем и освящен на тринадцатый день (Йоль = 6 января 1066 года) в церкви Святого Павла, и вожди и народ выразили ему почтение. Когда его брат Тости услышал это, он был недоволен и подумал, что у него такое же право быть королем. 'Я хочу,' сказал он, - чтобы вожди страны выбрали человека, который, по их мнению, больше всего подходит на роль короля'. Харальд услышал эти слова и сказал, что не откажется от королевского престола, ибо он был посажен на королевский трон вместо Эдуарда и был помазан и посвящен. Большая часть народа благоволила ему, и у него были все сокровища короля" (Сага о Харальде Хардради, с. 80).

Когда Харальд, сын Годвина, стал королем Англии, его брату Тости не понравилось быть его подчиненным:

И он отправился со своими людьми на юг, через море, во Фландрию. Там он пробыл недолго и отправился во Фрисландию, а оттуда в Данию, чтобы повидаться со своим родственником королем Свейном. Ульф ярл, отец Свейна, и Гайда, мать Тости ярла, были братом и сестрой. Тости обратился к Свейну за помощью и поддержкой, но Свейн попросил его остаться там и сказал, что у него должно быть ярлство в Дании, которым он мог бы править как почетный вождь. Тости ответил: 'Я мечтаю вернуться в Англию, в свою усадьбу; но если я не получу от тебя поддержки, я лучше окажу тебе всю возможную помощь в Англии, если ты отправишься туда с датским войском отвоевывать землю, как это сделал твой дядя Кнут Великий'. Король ответил: 'Я намного слабее моего родственника Кнута, так что я едва могу защитить Данавельди от норманнов (норвежцев) и Харальда (хардради). Кнут Старый получил Данию по наследству, а Англию - в результате войны, хотя какое-то время было вполне вероятно, что он лишится жизни; он получил Норвегию без боя. Теперь я предпочел действовать умеренно, в меру своих сил, чем следовать деяниям моего родственника Кнута.' Тости сказал: "Мое поручение оказалось менее успешным, чем я думал, что ты допустишь, учитывая, что я твой родственник. Может быть, я буду искать дружбы там, где она гораздо более незаслуженна; и, может быть, я найду вождя, который меньше боится замысливать великие дела, чем ты, король. Затем они расстались, и не в очень дружеских отношениях" ("Сага о Харальде Хардради", с. 81).

Затем Тости изменил маршрут и отправился в Норвегию к Харальду Хардради, который находился в Вике. Тости рассказал королю о своем поручении и обо всем, что он проделал с тех пор, как покинул Англию, и попросил его помочь ему получить там свое королевство. Король ответил, что норманны не желают идти в Англию и воевать под командованием английского вождя. 'Говорят, что англичанам нельзя особо доверять'. Тости спросил: 'Правда ли то, что я слышал в Англии, что твой родственник Магнус послал людей к королю Эдуарду с сообщением, что он владеет Англией так же, как Данией, и унаследовал их после Хорды-Кнута, как они и поклялись'. Король ответил: 'Почему бы ему не иметь его, если он был его владельцем?' Тости сказал: 'Почему у тебя нет Дании, как у Магнуса до тебя?' Король ответил: 'Датчанам нет нужды хвастаться перед нами, северянами; много отметин мы оставили на этих твоих сородичах (часто мы побеждали их)'. Тости продолжал: 'Если ты не хочешь сказать мне, я скажу тебе; Магнус получил Данию, потому что вожди страны помогли ему, а ты не получил ее, потому что весь народ был против тебя; Магнус не сражался за Англию, потому что весь народ страны хотел, чтобы королем был Эдуард. Если ты захочешь заполучить Англию, я могу устроить так, что большая часть тамошних вождей будут твоими друзьями и помощниками; мне не хватает ничего, кроме имени короля, чтобы сравняться с моим братом Харальдом. Всем известно, что в северных землях никогда не рождался более великий воин, чем ты, и мне кажется странным, что ты пятнадцать лет сражался за Данию и

не хочешь попытаться за Англию, которую тебе легко заполучить. Харальд тщательно обдумал слова ярла и увидел, что в них много правды, и, более того, был готов заполучить королевство. Они с ярлом часто разговаривали; они решили, что летом отправятся в Англию и завоюют ее. Харальд разослал весть по всей Норвегии и назначил половину сбора. Об этом очень много говорили, и высказывались предположения относительно результата экспедиции. Некоторые вспоминали великие подвиги Харальда и говорили, что для него это не было бы невозможным; но другие думали, что Англию будет трудно завоевать, что там была огромная масса людей, а воины, которых называли *Тингаманналидами*, были настолько доблестны, что один был лучше двух лучших людей Харальда. Весной Тости ярл отплыл на запад, во Фландрию, чтобы встретиться с людьми, которые последовали за ним из Англии; и с теми, кто собрался к нему из Англии и Флемингяланда” (Сага Харальда Хардради, с. 82).

Далее рассказывается о его приготовлениях против Англии, о его вторгшемся флоте, насчитывающем более 240 военных кораблей, и описывается битва при Стэмфорд Бридж (Штафнфурдубригия):—

“Войско Харальда собралось в Солундире. Когда он был готов покинуть Нидарос, он первым делом отправился к святилищу святого Олафа, открыл его и подстриг себе волосы и ногти; затем он закрыл святилище, выбросил ключи в Нид (реку) и отправился на юг со своим войском. К нему собралось так много людей, что, как говорят, у него было почти 240 кораблей, не считая складских судов и небольших скут” (Сага о Харальде Хардради, с. 83).

Когда король Харальд был готов к походу в Англию и поднялся попутный ветер, он вышел в море со всем своим флотом; он достиг Шетландских островов и пробыл там недолго, а затем поплыл на юг, к Оркнейским островам, откуда взял много людей и ярлов Пала и Эрленда, сыновей Торфинна ярла, но оставил там королеву Эллисиф и их дочерей Марию и Ингигерд. Затем он плыл на юг мимо Шотландии, пока не вышел из Англии в место, называемое Клифлонд (Кливленд); затем он сошел на берег и разорил и подчинил себе страну, не встречая сопротивления. После этого он отплыл в Скардаборг (Скарборо) и сразился с горожанами; он взобрался на высокую скалу недалеко от города и поджег большую кучу, которую сам же и свел. Они взяли большие шесты, подняли его и бросили в город; вскоре один дом за другим начали гореть, и весь город был разрушен. Норманны убили много людей и забрали все имущество, которое смогли добыть. У англичан, которые хотели спасти свои жизни, не было другого выбора, кроме как просить мира и стать людьми короля Харальда; таким образом, он покорял земли, куда бы ни пошел. Затем он поплыл со всем своим войском на юг вдоль берега и высадился в Хеллорнесе, где собранное войско выступило против него; он вступил в битву и одержал победу. Затем он поднялся по реке Хумра (Хамбер) в Уса (Уз) и там высадился; сыновья Годвина, Моркар и Уолтеф, граф Хантингдон, были в Юрвике (Йорк) с подавляющим войском, которое собиралось все лето. Когда войско ярлов спустилось, Харальд сошел на берег и начал выстраиваться^[429] его люди: одно крыло^[430] стояло на берегу реки, а другое выше, рядом с канавой, которая была глубокой, широкой и полной воды. Ярлы позволили своим отрядам^[431] спуститься вдоль реки вместе с большей частью своих людей; знамя Харальда было у реки; там ряды были густыми; но они были самыми поредевшими у рва, и на них меньше всего можно было положиться. Туда спустился Моркар со своим знаменем. Крыло северян у рва отступило, и англичане последовали за ними, думая, что они собираются бежать; но когда Харальд увидел, что его люди отступают вдоль рва, он приказал протрубить боевой клич и подстегнул их; он приказал вынести вперед знамя *расточителя земли* (ландейда) и предпринял такую яростную атаку, что все были отброшены назад. В войске ярлов произошла великая резня. Валтеоф приказал перенести свое знамя вдоль реки вниз по течению против строя Харальда, но когда король

усилил атаку, ярл и его люди бежали вдоль реки вверх по течению; спаслись только те, кто последовал за ним, но пало так много, что большие потоки крови во многих местах растеклись по равнинам. Когда ярл бежал, Харальд окружил Моркара и людей, которые продвигались вместе с ним вдоль рва; англичане падали сотнями. Многие прыгнули в ров, и убитые лежали там таким толстым слоем, что норманны ходили по нему сухими ногами по человеческим телам; там погиб Моркар.

“Тости ярл прибыл на север из Флемингьяланда (Фландрия), чтобы встретиться с королем Харальдом, когда тот прибыл в Англию; он участвовал во всех битвах, о которых мы рассказали. Все произошло так, как он рассказал королю, ибо многие друзья и родственники Тости ярла присоединились к ним в Англии, что стало большой поддержкой для Харальда. После этой битвы жители ближайших округов покорились королю Харальду, в то время как некоторые бежали. Затем он отправился брать город Йорк и направился со всем войском к Стаффнфурдубриггя (“Стэмфорд Бридж”);^[432] но поскольку он одержал столь великую победу над великими вождями и подавляющим войском, все они испугались и отчаялись в сопротивлении. Горожане решили послать весточку Харальду и предложить сдать себя и город; было решено, что в следующее воскресенье король проведет Собрание и поговорит с горожанами; итак, в это воскресенье Харальд отправился в город со своим войском и устроил собрание за его пределами, на котором все люди пообещали повиноваться и служить ему; они отдали ему в заложники сыновей знатных людей, на которых указал Тости ярл, потому что он знал всех в городе. Вечером король и его люди спустились к кораблям, одержав легкую победу, и они были очень веселы. Было решено, что во второй день недели состоится Собрание, на котором Харальд назначит вождей и раздаст права и пожалования. В тот же вечер, после захода солнца, Харальд, сын Годвина, пришел с юга с подавляющим войском; его ввели в город с согласия и доброй воли всех горожан; затем все дороги и ворота были заняты, чтобы норманны не получили никаких известий; войско было в городе всю ночь.

“В понедельник, когда король Харальд Сигурдарсон и его люди поужинали, он протрубил в рог, призывая к высадке на берег; он подготовил свое войско и отобрал тех, кто должен остаться или сойти на берег;^[433] он отпустил по два человека от каждого отряда^[434] уходят, и остается один. Ярл Тости приготовился со своим войском сойти на берег вместе с королем; но Олаф, сын короля, и Эйстейн Орри (черный петух) остались охранять корабли; также остался сын Торберга Арнасона, который в то время был самым известным и дорогим королю из всех лендирменов Норвегии — Харальд обещал ему свою дочь Марию — оркнейские ярлы Пал и Эрленд. Погода была на редкость погожая, а солнце так припекало, что мужчины оставили свои доспехи и вышли со щитами, шлемами, копьями и мечами; у многих были луки и стрелы, и они были в приподнятом настроении. Когда они приблизились к городу, то увидели огромные облака пыли и большое войско на лошадях, с прекрасными щитами и сверкающими бриджами. Король остановился и, подозвав Тости ярла, спросил, что это за люди, которые идут против них. Ярл сказал: ‘Скорее всего, они враги, хотя, возможно, это кто-то из наших родственников, которые пришли просить у нас дружбы и милосердия и взамен дают нам свою веру’. Король сказал, что они остановятся там и узнают об этом войске; они так и сделали, и чем ближе подходило войско, тем многочисленнее оно казалось. Он был так хорошо вооружен, и оружие так блестело, что казалось, будто смотришь на расколотый сверкающий лед. Тогда Тости ярл сказал: ‘Херра (господин), давай воспользуемся хорошим средством. Не подлежит сомнению, что это враги, и, вероятно, сам король возглавляет их’. Король спросил: ‘Каков твой совет?’ Тости ответил: ‘Первое - это как можно скорее вернуться к кораблям, чтобы забрать остальных наших людей и наши кольчуги (brynjas), тогда давайте сражаться так хорошо, как только сможем; или в противном случае

позвольте нам подняться на борт кораблей, и тогда всадники не смогут добраться до нас'. Король сказал: 'Я буду следовать другому плану. Я посажу трех храбрецов на самых быстрых лошадей, и пусть они скачут к нашим людям так быстро, как только смогут, и расскажут им, что случилось; их помощь скоро придет, потому что англичанам предстоит тяжелая битва, прежде чем мы будем разбиты. Ярл сказал: 'На все будет твоя воля, господин, как в этом, так и в других вещах; но я стремлюсь бежать не больше, чем любой другой человек, хотя и сказал то, что считал нужным'. Харальд поднял свой штандарт, разоряющий землю, и выстроил свое войско, и построил строй (филкинг) длинным, но не густым; затем он загнул крылья (гербы) назад, так что они соприкасались друг с другом; это был широкий плотный круг, равный со всех сторон; со всех сторон у него были щит к щиту, а сверху также щиты.^[435] Строй был сформирован таким образом, потому что король знал, что всадники имеют обыкновение бросаться вперед небольшими отрядами (ридил) и сразу отступать; королевская гвардия, очень отборные люди, находилась внутри круга, лучники тоже, и Тости со своими людьми. Тогда король приказал ярлу идти вперед, туда, где это было нужнее всего. "Те, кто стоят крайними в строю, - сказал он, - должны опустить рукояти своих копий на землю, а острия приставить к груди всадников, если они нападут; те, кто встанут следующими, должны направить острия своих копий в грудь своим лошадям; держите копья так повсюду, чтобы они не могли продвинуться вперед; давайте стоять твердо и постараемся не нарушить этот строй".

"Харальд, сын Годвина, прибыл туда с подавляющим войском как всадников, так и пехотинцев; говорят, что у короля Харальда не было и половины его людей. Харальд Сигурдарсон на вороном коне с белым пятном на лбу объехал свое войско и осмотрел, как оно организовано; его конь споткнулся, и он упал с него вперед; поднимаясь, он сказал: "Падение предвещает удачное путешествие".

Король Харальд Гудинасон сказал северянам, которые были с ним: 'Знаете ли вы высокого человека в синей одежде (киртил) и прекрасном шлеме, который упал с лошади?' 'Это король норманнов', - сказали они. Король добавил: 'Он высокий и благородно выглядящий мужчина, но, тем не менее, вполне вероятно, что удача теперь покинула его'. Затем двадцать английских всадников^[436] выехали вперед в полной броне, как и их лошади; когда они подъехали к порядку северян, один из них спросил: 'Где в войске Тости ярл?' Тости ответил: 'Не стоит скрывать, что вы можете найти его здесь'. Всадник сказал: "Харальд, брат твой, шлет тебе приветствие и весть о том, что ты обрешь мир и получишь Нортумберленд, и скорее, чем о том, что тебе не следует присоединяться к нему, он отдаст тебе треть всех своих владений'. Ярл ответил: 'Тогда предлагается нечто иное, чем вражда и позор прошлой зимы; если бы это было предложено тогда, многие, кто сейчас мертвы, были бы живы, и королевство короля Англии стояло бы более прочно. А теперь, если я приму эти условия, что мой брат Харальд предложит королю Норвегии за свои хлопоты? Всадник ответил: 'Он сказал, что дарует королю Харальду Сигурдарсону: это пространство в семь футов, и оно такое длинное, потому что он выше большинства других мужчин'. Ярл ответил: 'Иди и скажи моему брату, королю Харальду, чтобы он готовился к битве; среди северян не должно быть сказано, что Тости ярл оставил Харальда, короля Норвегии, и отправился в войско его врагов, когда тот вел войну в Англии; скорее мы все решим умереть с честью или завоевать Англию победой'. Когда всадники возвращались к своему войску, король Харальд спросил ярла: 'Кто был тот красноречивый человек?' 'Это был мой брат Харальд, сын Годвина'. Король сказал: 'Слишком долго это скрывалось от нас, потому что они подошли так близко к нашему войску, что этот Харальд не смог бы рассказать о смерти наших людей'.^[437] Ярл сказал: "Это

правда, господин, что он действовал неосторожно, и я видел, что все могло быть так, как ты сказал; но когда он пришел предложить мне мир и великую власть, я был бы его убийцей, если бы предал, кем он был; Я поступил так, потому что я скорее потерплю смерть от своего брата, чем буду его убийцей, если я предам его". можете выбирать. 'Король сказал своим людям: 'Этот человек (Харальд) был маленьким и проворным и гордо стоял в стремени'. Затем король Харальд Хардради вышел на ринг (круг) шилдбурга и спел эту строфу:—

Мы идем дальше

В массиве;

Безброни

Под синим краем;

Шлемы сияют,

У меня нет моего (брыня, а именно)

Теперь лежит наше боевое обмундирование

Вниз, на корабли.

"Эммой звали его брыню; она была такой длинной, что доходила ему до середины ноги, и такой прочной, что в ней никогда не торчало оружие. Король сказал: 'Эта песня была плохо сочинена, и я спою лучше'. Он запел: —

- Не то чтобы мы приседали

От лязга оружия

В бухте щита;

Так повелевалось сражаться со словом-истинной Хильдой.

Женщина (Хильд) спросила меня рано

Для ношения ножки шлема (= головы)

Громкий звон металлов (= драка)

Где лед Хлокка (меча) встретился с головами.

Затем Теодольф скальд запел:

- Я не подумаю, что король

Сам опускается на землю—

Все идет так, как Бог пожелает

Наследники короля.

Солнце светит невиданнее

Наследники короля

Чем эти двое.

Ястребы (= сыновья) Харальда готовы к мести".

“Люди говорят, что совет Тости, данный первым, когда они увидели сухопутное воинство, был лучшим и мудрейшим, а именно, что они должны вернуться на корабли; но поскольку обреченного на смерть человека спасти невозможно, они пострадали от упрямства короля, который не мог вынести, что его враги расценили эту осторожность как страх или бегство.

“Они начали битву. Английские всадники атаковали северян; сопротивление было очень упорным, так как копья последних были расположены так, что всадники не могли дотянуться до них своим оружием. Затем они объехали строй, но как только они приблизились, лучники северян стали стрелять в них так быстро, как только могли. Англичане увидели, что они ничего не могут сделать, и поскакали обратно. Норманны подумали, что они собираются бежать, и бросились в погоню; но как только англичане увидели, что они сломали свои щиты, они набросились на них со всех сторон, осыпая стрелами и копьями. Когда Харальд Сигурдарсон увидел, что его люди падают, он бросился в самую гущу сражения. Много людей пало с обеих сторон. Харальд, король Норвегии, сражался с величайшей храбростью и пришел в такое рвение и ярость, что бросился вперед из строя, нанося удары со всех сторон; ни шлем, ни кольчуга не могли противостоять ему; он прошел сквозь ряды своих врагов, как будто шел по воздуху, ибо все, кто приближался к нему, отступали. Затем, когда англичане почти обратились в бегство, Харальд Сигурдарсон был ранен стрелой в горло, так что изо рта у него хлынула струйка крови; это была его смертельная рана; он упал там вместе со всеми людьми, которые шли вперед вокруг него, за исключением тех, кто отступил и сохранил свое знамя. Тем не менее, битва была упорной, потому что северяне были очень нетерпеливы, и каждый подстегивал другого. Когда Тости ярл узнал, что король пал, он пошел туда, где увидел поднятый штандарт, и под королевским штандартом сильно подстегнул воинов; немного погодя оба войска отдохнули, и битва затянулась надолго.

Обе стороны снова приготовились к битве, но прежде чем ряды сошлись, Харальд, сын Годвина, предложил мир Тести ярлу, своему брату и всем норманнам, которые остались в живых; но норманны разом закричали и сказали, что скорее все они падут, чем примут перемирие от англичан. Затем северяне издали боевой клич, и битва началась во второй раз. Тости ярл был тогда главнокомандующим войском; он доблестно сражался и следовал за знаменами, и прежде чем битва закончилась, пал там с великой храбростью и славой. В этот момент с кораблей сошел Эйстейн Орри с людьми, которые следовали за ним; они были в полном боевом облачении, и Эйстейн сразу же взял знамя Харальда, “ландейда”. Затем произошла третья и очень жестокая битва; многие из англичан пали и они почти бежали; это называлось Оррахрид (буря Орри). Эйстейн и его люди так спешили покинуть корабли, что были почти выведены из строя усталостью (истощением) еще до того, как начали бой; но впоследствии они были настолько нетерпеливы, что не щадили себя, пока были в состоянии, и, наконец, сняли свои кольчуги (ring-brynjas); тогда англичане могли легко найти места для нанесения им ран. Некоторые умерли, не получив ран, от перенапряжения, и почти все высокородные северяне пали там; это было в конце дня. Случилось так, как это всегда бывает, когда собирается много людей, что не все были одинаково храбры; многие пытались спастись разными способами. Все сложилось так, как пожелала судьба; некоторым была уготована более долгая жизнь, и они спаслись. Вечером, когда непредумышленное убийство было совершено, уже стемнело. Стиркар, сталлари (маршал) короля Харальда, был знаменитым человеком; вечером он сел на лошадь и ускакал, но дул сильный и холодный ветер; на нем не было никакой другой одежды, кроме рубашки (скирты), шлема и обнаженного меча в руке; вскоре он остыл, когда усталость оставила его. Его встретил возчик (вагн-карл), одетый в куртку на подкладке (кесунг). Стиркар спросил: ‘Ты продашь

куртку, бонди?’ Он ответил: ‘Не для тебя; ты, должно быть, северянин; я знаю твою речь’. Стиркар сказал: ‘Если я северянин, что тогда хочешь ты?’ ‘Я убью тебя, - ответил бонди, - но сейчас все так плохо, что у меня нет оружия, которым я мог бы воспользоваться’. Стиркар добавил: ‘Если ты не сможешь убить меня, бонди, я попытаюсь убить тебя’. Он поднял свой меч и ударил его по шее так, что голова его опустилась; затем Стиркар взял кожаную куртку, надел ее, вскочил на своего коня и поскакал к берегу. Арнор ярла скальд спел об этой битве, о которой теперь рассказывается, которая была последней, в которой сражались Харальд и его люди, в эрфидрапе (погребальной песне), которую он сочинил о короле. Арнор говорит: "Сомнительно, чтобы какой-либо другой король под солнцем сражался с такой доблестью, как Харальд".

“Пал король Харальд во второй день недели (понедельник),^[438] за две ночи до *Михаэльсмессы* (Михайлова Дня)” (Форнманна Сегур, сс. 115-119).

Вот краткий отчет о битве при Гастингсе. Вильгельма Завоевателя называют *Вильхьяльмом ярлом*.

“Вильхьяльм (Вильгельм) бастард, ярл Руана, услышал о смерти своего родственника Джатварда (Эдуарда) и о том, что Харальд, сын Годвина, стал королем Англии и был посвящен в сан. Он считал, что имеет больше прав на английское королевство, чем Харальд, из-за своего родства с Эдуардом, и он также хотел заплатить Харальду за позор, вызванный разрывом помолвки с его дочерью (Вильхьяльмом). Вильгельм собрал войско в Нормандии (Northmandi) с очень большим количеством людей и кораблей. Когда он выехал из города к своим кораблям и сел на лошадь, его жена подошла к нему и хотела поговорить с ним; он ударил ее каблуком и глубоко вонзил шпору ей в грудь, и она упала замертво, а затем он сел на свой корабль и отправился со своим войском в Англию. Епископ Отто, его брат, был с ним. Когда ярл достиг Англии, он грабил и покорял земли, куда бы ни пошел.

“Он был выше и сильнее других и хорошим наездником; очень великий воин, но довольно жестокий; очень мудрый, но, как говорили, не заслуживающий доверия. Харальд, сын Годвина, позволил Олафу, сыну Харальда Сигурдссона, и тем, кто был с ним, кто выжил в битве, уйти, а затем король Харальд повернул со своим войском на юг, в Англию, ибо он слышал, что Вильгельм Бастард находится на юге Англии и покоряет эти земли. С Харальдом были его братья, Свейн, Гюрд и Валтхоф. Харальд и Вильгельм встретились на юге Англии в *Хельсингджапорте* (порт Гастингс); там произошла великая битва, в которой пали Харальд и Гюрд, его брат, с большей частью своих людей. Это было через девятнадцать ночей после падения Харальда Сигурдссона. Валтхоф, брат Харальда, спасся бегством и поздно вечером встретил отряд людей Вильгельма, которые, увидев людей Валтхофа, убежали в дубовый лес; их было сто человек. Валтхоф поджег лес и полностью сжег его.

Вильгельм провозгласил себя королем Англии. Он послал весточку Валтхофу, что они должны помириться, и дал ему перемирие для встречи с ним. Ярл отправился с небольшим количеством людей; когда он появился на пустоши к северу от *Касталабридж* (Каслбриджа), два королевских наместника встретили его с отрядом, схватили и заковали в кандалы, и он был убит; англичане называют его святым. Вильгельм был королем Англии двадцать один год, и с тех пор его родственники” (Сага Харальда Хардради, Hkr. сс. 99-101).

Битва при Гастингсе произошла 14 октября 1066 года. Герд сыграл важную роль в конфликте.

Тогда сказал Гюрд ярл своему брату, королю Харальду: ‘Я боюсь, что ты не добьешься успеха в битве с Вильгельмом, ибо ты поклялся не защищать Англию от него’. Король ответил: ‘Может быть, брат, тебе больше подходит сражаться против Вильгельма, чем мне; но я не

привык лежать в своей комнате, когда сражались другие мужчины, и Вильгельм не услышит, что я не смею видеть его'. После этого король Харальд поднял свое знамя и начал битву с Вильгельмом. Битва была самой ожесточенной, и долгое время считалось неясным, кто из них одержит победу; но по мере того, как битва продолжалась, количество убитых оказалось на стороне англичан (Энскир менн). Вильгельм перед нападением позволил привязать к своему штандарту реликвии Отмара; на них Харальд принес свою клятву. Но когда битва начала поворачиваться против короля Харальда, он спросил: 'Что привязано к штандарту Вильгельма?' И когда ему рассказали, он сказал: 'Возможно, тогда нам не придется ожидать победы в этой битве'. И так все закончилось, что король Харальд и его брат Гюрд пали, и большая часть их людей, но все, кто был жив, бежали" (Форнманна Сегур, vi, с. 121).

ГЛАВА XXXIII. ОТКРЫТИЕ И ЗАСЕЛЕНИЕ ИСЛАНДИИ, ГРЕНЛАНДИИ И АМЕРИКИ.

Причины, приведшие к открытию Исландии—Экспедиция Наддоды—Экспедиция Гардара Сваварсона—Экспедиции Флоки, Ингольфа и Лейфа—Исландия названа так флоки—Поселенцы в Исландии—Открытие Гренландии—Торвальд и Эйрек Рыжий—Открытие Америки—Путешествие Бьярни—Путешествие Лейфа—Путешествие Торвальда—Атакованный чумой—Путешествие Торфинна Карлсефни—Описание жителей.

Из саг и древних записей, относящихся к более ранним событиям на Севере, мы узнаем, что этот народ распространился на запад и юг до Средиземноморья. Позже мы увидим, как эта морская раса ищет новые земли, пересекает широкую Атлантику и открывает Новый Мир.

Политика норвежского короля Харальда Прекрасноволосого, приведшая к подчинению многих менее значительных вождей примерно в середине IX века, привела к эмиграции наиболее энергичных вождей в поисках других земель и привела к открытию Исландии, названной в некоторых сагах Снежной страной, а впоследствии Гренландии и Винланда, или Америки. Героем открытия Исландии был морской путешественник по имени Наддод, примерно в 861 году.

"Из-за его (Харальда Прекрасноволосого) угнетения многие люди бежали из страны, и тогда было заселено множество необитаемых земель — Джамталанд, Хельсингьяланд и западные земли, Судрейяр (Гебридские острова), Дифлиннар Скири (Дублинское графство в Ирландии), Катанес (Кейтнесс) в Шотландии и Хьялтланд (Шетландские острова), Нормандия в Валландии, Фарейяр (Фарерские острова). В то время была открыта Исландия" ("Сага об Эгиле", с. 4).

Открытие и заселение Исландии.

Исландия была открыта Наддодом около 861 года, а около 867 года за ним последовал Флоки. Позже Ингольф и Лейф, могущественные люди из Норвегии, поселились там на постоянной основе. Впоследствии их примеру последовали многие другие.

"Говорят, что какие-то люди направлялись из Норвегии в *Фарейяр* (Фарерские острова), Некоторые говорят, что это был викинг Наддод. Их загнали на запад, в море, и там они нашли

большую землю. Они поднялись на высокую гору в восточных фьордах и повсюду искали дым или какой-нибудь признак того, что земля обитаема. Они ничего не увидели. Осенью они вернулись на Фарерские острова, и когда они отплыли, в горах выпало много снега, и поэтому они называли страну *SnœLand* (Снежная страна). Они очень хвалили эту землю. Место, где они высадились, теперь называется Рейдарфьялль в Остфьордах” (Ланднама, i. с. 1).

Примеру Наддода вскоре последовали другие, среди которых был швед Гардар Сваварсон, назвавший остров Гардарсхольми.

“Человек по имени Гардар Сваварсон, шведского происхождения, отправился на поиски Снежной Страны по совету знающей (дальновидной) матери. Он высадился к востоку от Восточного Рога. Там была гавань. Гардар обогнул землю и увидел, что это остров. Он остался на зиму в Хусауике, в Скъяльфанди, и построил там дом. Весной, когда он был готов к отплытию, человека по имени Наттфари с рабом и невольницей увезли на лодке. Они поселились в Наттфаравике. Гардар отправился в Норвегию и очень хвалил эту страну. Он был отцом Уни, отцом Хроара Тунгугоди. С тех пор эта земля стала называться Гардарсхольми (остров Гардара); в то время там был лес от гор до берега” (Ланднама, с. 1).

Название *Исландия* впервые было дано острову Флоки,^[439] но ни он, ни Наддод, ни Гардар там не поселились. Первыми поселенцами были приемные братья Ингольф и Лейф, которые со своими последователями высадились на берег около 870 года.

“Приемные братья приготовили большой корабль, которым они владели, и отправились на поиски земли, которую открыл Храфна-Флоки (Ворон-Флоки) и которая тогда называлась Исландией. Они нашли землю и остановились в Остфьордсе, в южном Альптафьорде. Юг страны показался им лучше, чем север. Они пробыли там одну зиму, а потом вернулись в Норвегию.

После этого Ингольф приготовился к путешествию в Исландию, в то время как Лейф отправился воевать на запад. Он воевал в Ирландии и там нашел большой подземный дом; он спустился в него, и там было темно, пока свет не засиял от меча в руке человека. Лейф убил этого человека и забрал меч и много имущества. С тех пор его звали Хьерлейф (Меч-Лейф). Он широко воевал в Ирландии и получил много имущества. Он взял десять рабов; их звали Дуфтак, Гейрред, Скъяльдбьерн, Хальдор, Драфдрит; другие имена не приводятся. Затем он отправился в Норвегию и встретил там своего молочного брата. До этого он женился на Хельге, сестре Ингольфа. Этой зимой Ингольф пошел на великую жертву и спросил, какова будет его удача и судьба, но Хьерлейф никогда не был готов жертвовать. Ответ указал Ингольфу на Исландию. После этого оба приготовили корабль к путешествию. Хьерлейф погрузил на борт свою добычу, а Ингольф - имущество их приемного братства. Когда все было готово, они вышли в море.

“Летом, когда Ингольф и Лейф отправились на поселение в Исландию, Харальд Прекрасноволосый уже двенадцать лет был королем Норвегии; с начала этого мира прошло 6073 зимы, а с момента воплощения нашего Господа - 874 года. Они плыли вместе, пока не увидели Исландию, затем они и их корабли расстались. Когда Ингольф увидел Исландию, он выбросил за борт свои высокие опоры на счастье. Он сказал, что поселится там, где приземлились столбы. Он высадился в месте, которое сейчас называется Ингольфсхефди (мыс Ингольфа). Но Хьерлейф был изгнан на запад по суше и страдал от нехватки воды. Ирландские рабы там замешивали муку и масло, говоря, что это не вызывает жажды. Они называли эту смесь *миннтак*, и когда она была приготовлена, пошел сильный дождь, и они набрали воды в свои палатки. Когда *минтхак* начал покрываться плесенью, они выбросили

его за борт, и он выбросился на берег в месте, которое сейчас называется Минтхаксейр. Хьерлейф высадился в Хьерлейфсхефди (мыс Хьерлейфа), где был фьорд. Хьерлейф построил там два дома (skáli); стены одного из них имеют высоту 18 сажень, а другого - 19 сажень. Хьерлейф оставался там ту зиму. Весной он хотел посеять (кукурузу); у него был один вол, и он позволил рабам тащить плуг. Когда Хьерлейф был в своем доме, Дуфтхак (один из рабов) предложил им убить быка и сказать, что его убил лесной медведь, а затем они убьют Хьерлейфа, если он будет искать медведя. Затем они рассказали об этом Хьерлейфу. Когда каждый из них пошел разными путями в поисках медведя в лесу, рабы напали на них поодиночке и убили всех десятерых. Они сбежали со своими женщинами, имуществом и лодкой. Рабы отправились на острова, которые они видели к юго-западу от суши, и пробыли там некоторое время. Ингольф послал своих рабов, Вифиля и Карли, на запад вдоль берега в поисках своих высоких опорных столбов. Когда они пришли в Хьерлейфсхефди, то нашли Хьерлейфа мертвым; затем они вернулись и сообщили Ингольфу эту весть. Он был очень разгневан убийством Хьерлейфа” (Ланднама, i в. н.э., 4-6).

“Впервые Исландия была заселена выходцами из Норвегии во времена Харальда Прекрасноволосого, сына Хальфдана черного....

“ Ингольфом звали северянина, о котором действительно говорят, что сначала он отправился из Норвегии в Исландию, когда Харальду Прекрасноволосому было шестнадцать лет, а во второй раз - несколькими зимами позже. Он поселился на юге, в Рейкьярвике. В то время Исландия была покрыта лесом между горами и фьордом.

“Тогда были христиане, которых северяне называют *папа*, но потом они ушли, потому что не хотели оставаться с язычниками, и оставили после себя ирландские книги, посохи и колокольчики, по которым можно было видеть, что они были ирландцами” (Айлендингабок, с. i.).

“В то время, когда Исландия была открыта и заселена из Норвегии, Адриан был папой римским, а Иоанн, восьмой носитель этого имени, - апостольским престолом; Луи (Хлодвер), сын Людовика, императора к северу от гор (то есть Альп), и Лео, а также его сын Александр из Миклигарда. Харальд Прекрасноволосый был королем Норвегии; Эйрик Эймундссон Швеции и его сын Бьорн; Горм старый в Дании; Эльфред (Эльфрад) могущественный в Англии, а также его сын Эдвард (Ятвард); Кьярвал в Дублине (Дифлин); и Сигурд могущественный, ярл Оркнейских островов” (Landnata, часть i).

Из многих мест в Ланднаме мы узнаем, что люди из Англии, Ирландии, Шотландии и Фландрии, а также из разных стран Севера поселились в Исландии.

“Фридлейф был родом из Гаутланда по линии отца, в то время как его мать, Брингерд, была фламандкой.... Фридлейф поселился в Исландии. Торд Кнапп был шведом, сыном Бьорна из Хауга. Он отправился с другим человеком, по имени Нафархельги, в Исландию” (Ланднама, ок. xi, часть iii.).

“Орлиг был воспитан святым епископом Патреком (Патриком) на Гебридских островах. Он пожелал отправиться в Исландию и попросил епископа помочь ему. Он дал ему древесину для церкви, а также *плениариум*, железный колокол и освященную землю, чтобы он мог положить ее под угловую стойку. (Это показывает, что в те дни у них были деревянные церкви). Епископ Патрик: ‘Ты должен приземлиться в месте, где увидишь две горы, вдающиеся в море, и долину в каждой горе. Ты должен поселиться у подножия самой южной горы; там ты построишь церковь и будешь жить там’ (Ланднама, с. xii. часть 1).

Открытие Гренландии.

Примерно сто лет спустя потомки этих странствующих викингов, движимые тем же беспокойным духом и свободолюбием, столь характерными для их расы, отправились на поиски новых земель и в 985 году нашей эры открыли и заселили Гренландию. Героями этого нового поселения были норвежский вождь Торвальд и его сын Эйрек Рыжий.

“Торвальд и его сын Эйрек Рыжий отправились из Джадара (Йдерен, Норвегия) в Исландию, объявленные вне закона из-за непредумышленного убийства. Исландия тогда была в значительной степени заселена. Сначала они жили в Дрангаре, в Хорнстрандире. Торвальд умер там. Затем Эйрек женился на Торхильд, дочери Йорунда и Торбьерга Кнаррарбринга, которая затем была замужем за Торбьерном из Хаукадала. После этого Эйрек двинулся на юг и жил в Эйрексстадире, недалеко от Ватнхорна. Сына Эйрека и Торхильд звали Лейф. После того, как Эйрек убил Эйюльфа Саура и Хольмгенгу-Храфна, он был изгнан из Хаукадала. Он переехал на запад, в Брейдифьорд, и жил в Эйрексштадте на Оксни (Бычий остров). Он одолжил Торгесту свои *стойки для сидения* и не получил их обратно, когда тот попросил. Отсюда возникали ссоры и сражения между ним и Торгестом, как рассказывается в "Саге об Эйреке".^[440] Стир Торгримссон, Эйюльф Свинейский, сыновья Торбранда Альфтафьордского и Торбьерна Вифильссона, поддержали Эйрека. Но семью Торгеста поддерживали сыновья Торда Геллир и Торгейр из Хитардала. Эйрек был объявлен вне закона при Торнес-тинге. После этого он подготовил свой корабль к выходу в море в заливе Эйрека. Когда он был готов, Стир и остальные последовали за ним мимо острова, чтобы попрощаться с ним. Эйрек сказал им, что он намеревался найти землю, которую Гуннбьерн,^[441] сын Ульфа Крака (ворона), видел, когда его везли на запад через море и он нашел Гуннбьярнарскер (скалу Гуннбьерна). Он (Эйрек) сказал, что вернется к своим друзьям, если найдет эту землю. Эйрек отплыл из Снефельшекула. Он нашел землю и пришел к ней в месте, которое он назвал Миджокул (Середина ледника), и которое сейчас^[442] называется Блазерк (Голубая рубашка). Оттуда он поплыл на юг вдоль побережья, чтобы посмотреть, можно ли заселить эту землю. Первую зиму он провел в Эйрекси (остров Эйрека), примерно в середине того, что позже стало называться восточным поселением. Следующей весной он отправился в Эйрексфьорд и поселился там. Летом он отправился в западную часть страны и во многих местах дал ей названия. Следующую зиму он провел в Хольмаре, недалеко от Храфнсгнипы, а на третье лето отправился на север, в Снефелл, вплоть до Храфнсфьорда. Затем он сказал, что забрался в самую внутреннюю часть Эйрексфьорда. Он отправился домой (в Гренландию) и провел третью зиму в Эйрекси, в устье Эйрексфьорда. Следующим летом он отправился в Исландию и высадился на своем корабле в Брейдифьорде. Он назвал землю, которую нашел, *Гренландией*, потому что, по его словам, у людей возникло бы желание отправиться туда, если бы у нее было красивое название. Эйрек остался в Исландии той зимой, а следующим летом отправился оседать на землю. Он жил в Браттахлиде в Эйрексфьорде. Мудрецы говорят, что летом, когда Эйрек Рыжий отправился поселиться в Гренландию, тридцать пять кораблей из Брейдифьорда и Боргартьорда отправились туда, четырнадцать добрались туда, в то время как некоторые были отброшены назад, а другие погибли. Это было за пятнадцать зим до того, как христианство стало законом в Исландии”^[443] (Flateyjarbók, i. 429).

“В этом путешествии Эйрек открыл Гренландию и пробыл там три зимы, а затем отправился в Исландию, где пробыл одну зиму, прежде чем вернулся и поселился в Гренландии (Grænland), и это было за четырнадцать зим до того, как христианство было установлено законом в Исландии” (Сага об Эйрбиггя, с. 24).

Открытие Америки.

Между 985 и 1011 годами эти предприимчивые мореплаватели в ходе своих экспедиций от отдаленных и суровых берегов Севера открыли великий континент Америку, с обитателями которого у них, по-видимому, были некоторые стычки; но таков был преходящий характер их экспедиций, что польза от этого открытия была на время утрачена как для них, так и для остального цивилизованного мира; однако удивительная судьба распорядилась так, что их потомки, в жилах которых все еще течет кровь древних скандинавов, заселили страну.

В Сагах рассказывается о пяти различных экспедициях, самой известной из которых является экспедиция Торфинна Карлсефни, который около 1007 года решил основать колонию на новой земле и по возвращении в Норвегию продал часть привезенного домой леса за крупную сумму торговцу из Бремена.

Первое путешествие.

“Херьюльф был сыном Барда, сына Херьюльфа, который был родственником Ингольфа, поселенца. Ингольф дал Херьюльфу землю между Вогом и Рейкьянесом. Херьюльф сначала жил в Дрепстокке. Его жену звали Торгерд, а их сын Бьярни был очень многообещающим человеком. В юности он мечтал уехать за границу. Он приобрел много имущества и почестей и попеременно проводил зиму за границей и зиму со своим отцом. Вскоре у него появилось торговое судно, и прошлой зимой, когда он был в Норвегии, Херьюльф решил отправиться в Гренландию вместе с Эйреком и приготовился. У Херхульфа на борту был человек с Гебридских островов, христианин, который составил "Хафгердинга драпа".^[444] Херьюльф жил в Херьюлфснесе. Он был человеком высокого происхождения. Эйрек Рыжий жил в Браттахлиде; он был там в величайшем почете, и все ему повиновались. Его детьми были Лейф, Торвальд, Торстейн и Фрейдис, которая была замужем за Торвардом, который жил в Гардаре, где сейчас находится епископская кафедра. Она была очень властной, а Торвард слабоумным. Она вышла за него замуж главным образом ради его собственности. В то время жители Гренландии были язычниками. Бьярни высадился со своими кораблями в Эйраре летом после отплытия его отца (весной).

“Бьярни счел эту новость важной (отъезд его отца) и не захотел разгружать свой корабль. Тогда его матросы спросили, что он собирается делать, и он ответил, что хочет продолжить свой обычай оставаться на зиму у своего отца. ‘Я поплыву в Гренландию на своем корабле, если вы последуете за мной’, - сказал он своим людям. Все ответили, что поступят так, как он пожелает. Он сказал: "Наше путешествие будет сочтено неразумным, поскольку никто из нас раньше не бывал в Гренландском море". Тем не менее, когда они были готовы, они вышли в море, и после трехдневного плавания земля скрылась из виду, и попутные ветры прекратились, и постоянно дули северные ветры с туманом, так что в течение многих дней они не знали, в каком направлении плывут. Затем показалось солнце, и они смогли различить четверти неба. Они подняли паруса и плыли весь день, прежде чем увидели землю. Они поинтересовались, что бы это могла быть за земля, и Бьярни сказал, что он не думает, что это Гренландия. Люди спросили, не хочет ли он подплыть к нему, и он ответил, что хочет подплыть поближе; они так и сделали и вскоре увидели, что там нет гор, а только невысокие холмы, поросшие лесом. Они держали сушу слева от себя, но углы паруса были обращены к суше. Затем они плыли два дня, прежде чем увидели другую землю. Они спросили Бьярни, не думает ли он, что это Гренландия. Он ответил: ‘Нет, я подумал, что это очень непохоже, потому что говорят, что в Гренландии есть очень большие ледники’. Вскоре они приблизились к земле и увидели, что она плоская и покрыта лесом. Затем стих попутный ветер, и матросы сказали, что, по их мнению, лучше высадиться на берег, так как у них не

хватало ни дров, ни воды, но Бьярни не хотел высаживаться и сказал, что у них еще достаточно осталось; на это матросы немного поворчали. Он велел им ставить паруса, что они и сделали, повернули нос корабля в сторону моря и плыли в том направлении с юго-западным ветром в течение трех дней, а затем показалась еще одна земля, покрытая высокими горами и ледником. Они спросили Бьярни, не хотел бы он сойти там на берег, но он ответил, что не сделает этого, поскольку земля имела негостеприимный вид. Они не стали сворачивать парус, а поплыли вдоль берега и увидели, что это остров. Они еще раз отвернули нос корабля от берега и вышли в море с тем же попутным ветром, но шторм усилился, и Бьярни велел им взять риф и плыть не так быстро, потому что корабль и его такелаж этого не выдержат. Они плыли четыре дня, пока не увидели землю в четвертый раз. Они спросили Бьярни, думает ли он, что это Гренландия. Он ответил: 'Судя по тому, что мне рассказывали, это больше всего напоминает Гренландию, и здесь мы высадимся. Они высадились вечером у мыса, где стояла лодка. Херьюльф, отец Бьярни, жил на мысе, и в его честь он назван Херьюльфснес. Теперь Бьярни остался со своим отцом, прекратил морские путешествия и жил там при жизни своего отца и после его смерти' (Flateyjarbók, i. 430-32).

Открытие Винланда.

“Теперь рассказывают, что Бьярни Херьюльфссон приехал из Гренландии к Эйреку Ярлу (сыну великого Хакона, 1000-1015), который хорошо принял его. Бьярни описал свое путешествие и земли, которые он видел. Люди думали, что он проявил отсутствие интереса, поскольку ему нечего было рассказать о них, и его в некоторой степени винили за это. Он стал хирдманом ярла и следующим летом отправился в Гренландию. Теперь было много разговоров об открытиях суши. Лейф, сын Эйрека Рыжего из Браттахлида, отправился к Бьярни Херьюльфссону, купил его корабль и собрал тридцать пять матросов. Он попросил своего отца Эйрека, как и прежде, возглавить экспедицию. Эйрек отказался, сказав, что он слишком стар и не так способен переносить трудности, как раньше. Лейф ответил, что даже если бы это было так, с ним все равно было бы больше удачи, чем с остальными его родственниками. Эйрек уступил, и, когда они были готовы, они выехали из дома. Недалеко от корабля лошадь Эйрека споткнулась,^[445] он упал и повредил ногу. Затем он сказал: 'Не может быть, чтобы моя судьба была первооткрывателем каких-либо других земель, кроме той, на которой мы сейчас живем. Я больше не буду следовать за тобой.' Эйрек отправился домой в Браттахлид, а Лейф со своими тридцатью пятью спутниками поднялся на борт. С ними был человек с юга по имени Тюркер. Когда они подготовили свой корабль, они вышли в море. Первая земля, которую они нашли, была той, которую Бьярни нашел последней. Они поплыли к нему, бросили якорь, спустили лодку и сошли на берег, но не увидели травы. Вся внутренняя часть страны состояла из ледников, и земля между ними и морем была подобна ледяной равнине, и это казалось им лишенным всего хорошего. Лейф сказал: 'Теперь мы поступили с этой землей не так, как Бьярни, который не сошел на берег. Я дам название этой земле и назову ее Хеллуланд.'^[446] Затем они поднялись на борт и уплыли в море, и нашли другую землю. Они приблизились к нему, бросили якорь, оттолкнулись от лодки и сошли на берег. Эта земля была плоской и поросшей лесом, а пляж низким и во многих местах покрытым белым песком. Лейф сказал: 'Эта земля будет названа в честь ее свойств и будет называться Маркленд (Лесная местность). Затем они снова поднялись на борт так быстро, как только могли. Оттуда они плыли в море с северо-восточным ветром в течение двух дней, прежде чем увидели землю. Они поплыли к нему и пристали к острову, лежащему к северу от него, и в хорошую погоду сошли на берег и огляделись. Они нашли росу на траве, потрогали ее руками и положили в рот, и им показалось, что они никогда не пробовали ничего более сладкого, чем эта роса. Затем они поднялись на борт и поплыли в пролив, который находился между островом и мысом, идущим на север от материка. Они миновали мыс,

держа курс на запад. Там было очень мелко, и их корабль сел на мель, а во время отлива море было далеко от корабля. Но им так хотелось поскорее сойти на берег, что они не смогли дожидаться, пока паводок достигнет их корабля, и выбежали на берег, где река вытекала из озера. Когда паводок поднял их корабль на плаву, они взяли свою лодку, поплыли к кораблю и отбуксировали его вверх по реке в озеро. Там они бросили якорь и отнесли свои кожаные сумки (худфат) на берег, и там построили шалаши. Они решили остаться там на зиму и построили большие дома. В реке и озере не было недостатка в лососе, и он был крупнее любого, кого они видели раньше. Земля была настолько плодородной, что им казалось, что для хранения корма для скота зимой не понадобятся амбары. Зимой там не было заморозков, и трава почти не теряла своей свежести. Продолжительность ночи и дня была более равной, чем в Гренландии или Исландии. Солнце село там, в эйкте^[447] и возшло в дагмале^[448] в самый короткий день. Когда они закончили строить свои дома, Лейф сказал своим людям: 'Я разделю вас на две группы, так как хочу исследовать землю. Одна половина должна оставаться в *скали* (доме), а другая исследовать страну, но не заходить так далеко, чтобы не возвращаться домой по вечерам, и не разлучаться друг с другом. Некоторое время они занимались этим. Лейф иногда ходил с ними, но в остальное время оставался в *скали*. Он был крупным и сильным мужчиной внушительной внешности, мудрым и умеренным во всем.

Однажды вечером случилось так, что они упустили одного из своих людей, Тиркера, южанина. Лейф был очень опечален этим, потому что Тайкер долгое время был с ним, а его приемный отец очень любил Лейфа в детстве. Он сурово отчитал своих людей и приготовился отправиться на его поиски с двенадцатью людьми. Недалеко от дома Тайркер встретил их и был радушно принят. Лейф вскоре увидел, что его приемный отец в приподнятом настроении. У него был выступающий лоб, дрожащие глаза, крошечное личико, он был маленьким и жалким, но искусным во всех видах рукоделия. Лейф сказал ему: 'Почему ты так опоздал, приемный отец, и почему ты расстался со своими последователями?' Затем он долго говорил по-тирски, вращая глазами во все стороны и корча гримасы. Они не поняли, что он сказал. Через некоторое время он заговорил на северном языке (норранна) и сказал: 'Я зашел ненамного дальше тебя, но могу сообщить кое-какие новости. Я нашел виноградную лозу и гроздь винограда'. 'Это правда, приемный отец?' Спросил Лейф. "Конечно, это так", - ответил он, ' "потому что я родился там, где не было недостатка ни в лозе, ни в гроздьях винограда'. Они переночевали там той ночью, а утром Лейф сказал своим матросам: 'Теперь мы будем выполнять два вида работы: в один день вы будете собирать виноград или срезать лозы, в другой вы будете валить деревья, чтобы я мог загрузить свой корабль'. Это они сделали, и, как говорят, их лодка была наполнена виноградом, и был срублен корабельный груз древесины. Когда пришла весна, они собрались и ушли, и Лейф назвал землю в честь ее плодов, и назвал ее *Винланд*. Они вышли в море при попутном ветре, пока не увидели Гренландию и ее ледники. Тогда один человек сказал Лейфу: 'Почему ты ведешь корабль так близко к ветру?' Лейф ответил: 'Я слежу за рулем, но я также смотрю на кое-что еще; вы видите что-нибудь примечательное?' Они ответили, что нет. Лейф сказал: 'Я не знаю, корабль это или скала, которую я вижу'. Потом они увидели это и сказали, что это скала. Его зрение было настолько лучше, чем у них, что он увидел людей на скале. Он сказал: 'Теперь я хочу держаться ближе к ветру, чтобы мы могли добраться до них, и мы должны оказать им помощь, если они в ней нуждаются. Если они не настроены мирно, то они в нашей власти, но мы не в их власти'. Они подошли к скале, бросили якорь, спустили парус и спустили на воду маленькую лодку, которая была у них с собой. Тогда Тюркер спросил этих людей, кто их предводитель. Предводитель ответил, что его зовут Торир, и он норвежец, но как, спросил он, тебя зовут? Лейф назвал свое имя. 'Ты сын Эйрека Рыжего из Браттахлида?' Лейф ответил: 'Я. А теперь я предлагаю вам всем подняться на борт моего корабля с таким количеством груза, какое он может вместить. Они

приняли предложение и отплыли с грузом в Браттахлид, что в Эйриксфьорде, где разгрузили корабль. Лейф пригласил Торира погостить у него, а также его жену Гудрид и еще троих мужчин, и для своих собственных моряков и моряков Торира он получил жилье. Лейф снял со скалы пятнадцать человек, и впоследствии его прозвали Лейфом Счастливым. Теперь он был богат и уважаем; той зимой среди людей Торира разразилась болезнь, и он и большая часть его людей, а также Эйрек Рыжий умерли. Было много разговоров о путешествии Лейфа в Винланд, и его брат Торвальд считал, что эта земля была исследована слишком мало. Тогда Лейф сказал ему: 'Брат, если хочешь, ты отправишься на моем корабле в Винланд, но сначала он доставит древесину Торира со скалы. Это было сделано' (Flateyjarbók, i. 538).

Третье путешествие.

“Теперь Торвальд готовился (в Гренландии, где жил его отец Эйрек) с помощью своего брата Лейфа к этому путешествию с тридцатью людьми. Они приготовили свой корабль и отплыли в море, и ничего не рассказывается об их путешествии до тех пор, пока они не прибыли в Винланд, к палаткам Лейфа.... Той зимой они сидели тихо и ловили рыбу себе на пропитание. Весной Торвальд велел им готовить корабль и отправил лодку с несколькими людьми плыть на запад, чтобы летом исследовать эти земли. Местность показалась им прекрасной и покрытой лесами; между лесом и морем было небольшое пространство, а пески были белыми. Там были отмели и множество маленьких островков. Они не нашли никаких жилищ людей или животных, за исключением западного острова, где они нашли деревянный амбар для кукурузы. Они не нашли других следов пребывания людей, вернулись и осенью пришли в палатки Лейфа. Следующим летом Торвальд отправился на своем корабле на северо-восток вдоль побережья. Сильный шторм обрушился на них у мыса, где их выбросило на берег, и киль корабля был сломан. Они пробыли там долго и починили его. Торвальд сказал своим последователям: 'Я хочу, чтобы вы подняли киль вертикально здесь, на нессе, и назвали его Кьяларнес (Килевой мыс). Они так и сделали. Затем они отплыли оттуда в восточном направлении от суши, в устье фьорда, ближайшего к мысу, который выступал там и был покрыт деревьями. Они бросили якорь и спустились по сходням на берег, и Торвальд поднялся со всеми своими спутниками. Он сказал: 'Это прекрасная страна, и здесь я хотел бы поднять свой бор'. Затем они спустились к кораблю и увидели три отметины на песке внутри мыса, где нашли три *лодки из шкур* (каное) с тремя мужчинами в каждой. Они разделили своих людей и забрали их всех, кроме одного, который сбежал на своей лодке. Они убили остальных восьмерых, а затем снова отправились на мыс, огляделись и увидели во внутренней части фьорда несколько возвышенностей, которые они приняли за дома. После этого на них навалилась такая сонливость, что они не могли бодрствовать, и все заснули. Затем они услышали крик, который разбудил их всех и сказал: "Разбуди Торвальда и всех твоих людей, если хочешь спасти свою жизнь. Поднимайся на борт своего корабля со всеми своими людьми и покидай сушу так быстро, как только сможешь'. Бесчисленные лодки-шкуры вышли из фьорда и напали на них. Торвальд сказал: "Давайте я поставлю боевые заслоны по бокам и будем защищаться, как можем, но убьем лишь немногих из них". Это они сделали, и Скрилингяры^[449] некоторое время стреляли в них, а затем убежали, каждый так быстро, как только мог. Торвальд спросил своих людей, не ранены ли они. Они ответили, что нет. 'У меня рана под мышкой, ' сказал он, ' стрела пролетела между планширем и щитом у меня под мышкой, и вот эта стрела; она приведет к моей смерти. Я советую вам подготовиться к возвращению как можно скорее, но вы должны отвезти меня на мыс, который показался мне наиболее пригодным для жизни. Может быть, истина слетела с моих уст, и я проживу там какое-то время. Ты похоронишь меня там, поставишь кресты у моей головы и ног и отныне будешь называть это место Кроссанес (Крестовый мыс). Гренландия тогда была христианской, хотя Эйрек Рыжий умер до введения христианства. Торвальд умер,

и они исполнили его желание, а затем отправились к другим своим товарищам,^[450] и рассказали друг другу известие, которое они знали. Они прожили там ту зиму и взяли с собой на борт виноград и лозы. Весной они приготовились к отплытию в Гренландию, высадились в Эйрексфьорде и хотели сообщить Лейфу великую весть” (Flateyjarbók, i. 541).

“Торстейн, сын Эйрека Рыжего, пожелал отправиться в Винланд за телом своего брата Торвальда. Он приготовил такой же корабль и взял на борт отборных по силе и росту людей, двадцать пять человек, и свою жену Гудрид. Когда они были готовы, они вышли в море, и земля исчезла. Все лето их бросало туда-сюда, и они не знали, где находятся. По прошествии недели зимы они высадились в Лисуфьорде, в западном поселении Гренландии. Торстейн искал дома и нашел жилье для всех своих людей, в то время как у него и его жены не было жилья. Они вдвоем оставались на борту несколько ночей. Христианство в Гренландии тогда было еще молодым”.

Торстейн Черный, язычник, предложил им кров.

В начале зимы среди людей Торстейна разразилась болезнь, и многие из них умерли. Он приказал изготовить гробы для трупов, погрузить их на борт и подготовить, ‘потому что летом я хочу отвезти их всех в Эйрексфьорд’, - сказал он. Через короткое время болезнь пришла в дом Торстейна Черного, и сначала заболела его жена Гримхильд. Она была очень крупной и сильной, как мужчины, но, тем не менее, болезнь свалила ее. Вскоре после этого Торстейн Эйрекссон заболел, они были в своих постелях, и Гримхильд умерла. Когда она умерла, Торстейн Черный вышел из комнаты, чтобы принести доску и положить на нее тело. Гудрид сказала: ‘Не задерживайся надолго, мой добрый Торстейн’. Он ответил, что не будет. Торстейн Эйрекссон сказал: ‘Странно выглядит сейчас наша домохозяйка, потому что она приподнимается на локте, вытягивает ноги и ищет рукой туфли’. Затем вошел Торстейн, Гримхильд легла, и все доски в комнате заскрипели. Торстейн сделал гроб для тела, унес его и приготовил. Он был большим и сильным, но нуждался в этом, чтобы избавиться от этого. Болезнь Торстейна Эйрекссона усилилась, и он умер. Его жене Гудрид это не очень понравилось. Они все были в одной комнате. Гудрид сидела на стуле перед скамьей, на которой лежал ее муж Торстейн. Торстейн Черный поднял ее со стула на руки и усадил на другую скамью напротив тела Торстейна. Он много говорил, утешал ее и пообещал отправиться с ней в Эйрексфьорд с телами ее мужа и его людей и оставить там побольше людей для ее развлечения и утешения. Она поблагодарила его. Затем Торстейн Эйрекссон встал и спросил: ‘Где Гудрид?’ Он повторил это три раза, но она молчала и сказала Торстейну: ‘Отвечать мне или нет’. Он сказал: ‘Не надо’. Он прошел по комнате и сел на стул, посадив Гудрид к себе на колени. Он сказал: ‘Чего ты хочешь, тезка?’ Торстейн ответил через некоторое время: ”Я жажду предсказать ее судьбу”.

Покойник продолжает рассказывать, что он сам на небесах и что она выйдет замуж в Исландии. После этого эти двое, оставшиеся в живых, Торстейн Черный и Гудрид, отправились домой к Эйреку Рыжему.^[451]

Четвертое путешествие.

“Этим летом из Норвегии в Гренландию пришло судно. Им управлял Торфинн Карлсефни. Он был сыном Торда Хестхефди (лошадиная голова), сына Снорри, сына Тора. Торфинн был очень богат и на зиму остановился в Браттахлиде (Западная Гренландия) у Лейфа Эйрекссона. Вскоре он влюбился в Гудрид (вдову Торстейна Эйрекссона) и сделал ей предложение руки и сердца, но она передала ответ Лейфу. Потом она была помолвлена с ним, и их свадьба состоялась той же зимой. Путешествие в Винланд обсуждалось, как и

прежде, и Гудрид, и другие настоятельно уговаривали Карлсефни отправиться туда. Он решил отправиться и укомплектовал корабль шестьюдесятью мужчинами и пятью женщинами. Карлсефни и его люди заключили соглашение, что они разделят поровну все товары, которые смогут приобрести. Они взяли с собой все виды скота, так как намеревались, если возможно, поселиться на этой земле. Карлсефни попросил у Лейфа свои дома в Винланде, и Лейф ответил, что одолжит ему эти дома, но не отдаст их сам. После этого они отплыли в море, благополучно добрались до палатки Лейфа и отнесли свои *кожаные сумки* на берег. Вскоре они нашли хорошую и обильную провизию, потому что на берег был выброшен большой и прекрасный кит. Они отправились туда и разделали кита, и недостатка в пище не было. Крупный рогатый скот вышел на сушу, и вскоре самцы одичали и доставили немало хлопот. Они взяли с собой быка. Карлсефни приказал срубить деревья для своего корабля и разложил их на камне для просушки. Они использовали все продукты земли, виноград, всевозможную рыбу и другие полезные вещи. После этой первой зимы наступило лето, и они узнали о присутствии *скрæлингьяров*. Большое войско мужчин вышло из леса, недалеко от того места, где пасся их скот. Бык начал мычать... очень громко, и скрлинджары испугались и убежали со своей ношей, которая состояла из серого меха, соболя и всевозможных шкурок. Они подошли к дому Карлсефни и хотели войти. Карлсефни охранял дверь. Ни один из них не понимал речи другого. Скрлинджары сняли с них ношу, развязали их и предложили обменять, главным образом на оружие. Карлсефни запретил своим людям продавать оружие, но попробовал новый способ и велел женщинам выносить им продукты от скота. Как только они увидели это, им захотелось купить только это и ничего больше. В результате сделки скрæлингьяры унесли продукты в своих желудках, а Карлсефни и его спутники оставили свои грузы и шкуры. Затем они ушли. Карлсефни теперь обнес свой дом прочной стеной-частоколом, и они удобно устроились внутри. Примерно в это же время Гудрид, его жена, родила мальчика, которого называли Снорри. В начале второй зимы скрлингьяры пришли к ним в гораздо большем количестве, чем раньше, и с теми же товарами. Карлсефни сказал женщинам: 'Теперь вы должны принести ту же еду, которой было так много в прошлый раз, и ничего больше'. Когда скрлинджары увидели это, они перебросили свою поклажу через стену. Гудрид сидела в дверях с колыбелью своего сына Снорри. На стене появилась тень, и вошла женщина в черной юбке, довольно короткой, с кружевом вокруг головы, со светло-каштановыми волосами и бледным лицом. Гудрид никогда не видела таких больших глаз на человеческой голове. Она подошла к своему месту и спросила: 'Как тебя зовут?' 'Меня зовут Гудрид, но как твое имя?' - спросила Гудрид. 'Меня зовут Гудрид,' ответила она. Гудрид, домохозяйка, протянула руку, чтобы усадить ее рядом с собой, но в тот же момент она услышала громкий треск, и женщина исчезла, а один из людей Карлсефни убил скрлинги, потому что хотел завладеть их оружием. Скрлинджары поспешили прочь, оставив там свою одежду и оружие. Никто, кроме Гудрид, не видел эту женщину. Карлсефни сказал: 'Теперь мы должны составить наши планы, потому что я думаю, что они посетят нас в третий раз с войной и большим количеством людей. Теперь пусть десять человек выйдут на это место и покажутся там, а остальные наши люди пойдут в лес и расчистят поляну для нашего скота, чтобы напасть на врага, когда он выйдет из леса. Мы также возьмем нашего быка и пустим его гулять впереди нас.' С одной стороны того места, куда они направлялись, было озеро, а с другой - лес. Они последовали совету Карлсефни. Скрлинджары пришли к месту, которое Карлсефни предназначил для битвы. Завязалась битва, и многие из скрлинджаров пали. В войске скрлингьяров был крупный и красивый человек, и Карлсефни считал его их вождем. Один из скрлинджаров взял топор, некоторое время смотрел на него, затем нанес удар одному из своих товарищей и ударил его так, что тот сразу упал замертво. Большой человек взял топор, некоторое время смотрел на него, а затем зашвырнул его в море как можно дальше. Затем каждый из них убежал в лес так

быстро, как только мог, и так бой закончился. Карлсефни оставался там всю ту зиму. Весной он заявил, что больше не останется там, но хочет отправиться в Гренландию. Они приготовились и взяли с собой много хороших вещей: виноградные лозы, гроздья винограда и кожуру. Они отплыли и благополучно высадились на своем корабле в Эйрексфьорде и остались там на зиму” (Flateyjarbók, i.).

В другом сообщении мы читаем:

“В Браттахлиде в Гренландии (около 1006-1007 гг.) было много разговоров о том, чтобы отправиться на поиски Винланда доброго, поскольку, как говорили, там был хороший выбор земли. Дело зашло так далеко, что два исландца, Карлсефни и Снорри, подготовили свое судно, чтобы весной отправиться на его поиски. С ними отправились двое ранее упомянутых людей, Бьярни и Торхалль, на их собственном корабле.... Всего у них было сто шестьдесят человек, когда они отплыли из Гренландии. Они плыли на юг в течение двух дней, а затем увидели землю, спустили на воду свою лодку и осмотрели местность. Они нашли там большие плиты (хелла), многие из них шириной в двадцать четыре фута; было также очень много лисиц. Они дали этому месту название Хеллуланд (Земля плит). Оттуда они плыли два дня и, повернув с юга на юго-восток, нашли лесистую местность, в которой водилось много животных. К юго-востоку от него лежал остров, где они убили медведя, и поэтому назвали его Бьярни (Медвежий остров), а саму землю Маркланд (Лесная страна) (Новая Шотландия?)” (Сага Торфинна Карлсефни, ок. vii.).

“Одного из людей, отправившихся с Торфинном Карлсефни в Винланд, звали Торхолл Охотник. Он долгое время был с Эйреком (Рыжим, открывшим Гренландию) и был его охотником летом и его приставом (= bryti) зимой” (см. Volva. Thorfinn Karlsefni's Saga, 408; Grönland's Historiske Mindesmærker, i.).

Пятое путешествие в Америку, упомянутое в Сагах, представляет наименьший интерес: Фрейдис, сестра Лейфа, убедила двух братьев, Хельги и Финнбоги, отправиться с ней; когда они достигли Америки, между ними вспыхнула ссора, и после того, как братья были убиты людьми Фрейдис, она вернулась в Гренландию, так и не исследовав страну.

ГЛАВА XXXIV. ОРКНЕЙСКИЕ И Гебридские ОСТРОВА.

Ранние экспедиции—викинги и короли Шотландии—Викинги в Уэльсе.

Из Саг мы узнаем, что даже задолго до Харальда Харфагра Оркнейские и Гебридские острова были местом встречи викингов; а в "Саге об Оркнейцах" мы читаем:

“Итак, говорят, что во времена Харальда Харфагра Оркнейские острова были заселены; но до того времени там было место встречи викингов”.

Их географическое положение, преобладающие ветры в течение большей части года в Северном море, благоприятные для судов, идущих на запад из Норвегии или Балтики, придавали этим островам особое значение. Там встретилось множество флотов викингов,

неизвестных врагу, перед согласованным нападением на Шотландию, Нортумберленд, Англию или Ирландию.

“Король Харальд (Прекрасноволосый) услышал, что повсюду, в центре страны, опустошают викинги, которые зимой оставались к западу от моря. Каждое лето он собирал рекрутов и обыскивал острова и окраины; но как только викинги узнавали о его войске, все они бежали, и в основном в море. Королю это надоело, и однажды летом (около 880 года) он отплыл со своим войском на запад. Сначала он прибыл на Шетландские острова (Хьялтланд) и там перебил всех викингов, которые не сбежали. Затем он поплыл на юг, к Оркнейским островам, и очистил их от викингов. После этого он дошел до Гебридских островов (Судрейяр) и разорил там, убив многих викингов, которые прежде правили воинами. Он участвовал там во многих битвах и всегда побеждал. Затем он разорил Шотландию и устроил там битву. Когда он отправился на запад, на остров Мэн, люди слышали, какие опустошения он там учинил, и бежали в Шотландию; страна была пустынна, и все движимое имущество было вывезено, так что король и его люди не получили там никакой добычи.

В этих битвах пал Ивар, сын Регнвальда ярла из Мери; в качестве компенсации король Харальд отдал Регнвальду ярлу, когда тот отплыл домой, Оркнейские и Шетландские острова; но Регнвальд отдал своему брату Сигурду и то, и другое, а сам остался на западе. Когда король отплыл на восток, он назначил Сигурда ярлом. Затем к нему присоединился Торстейн Рыжий,^[452] сын Олафа Белого и Ауд Мудрой. Они опустошали Шотландию и овладели Катанесом (Кейтнесс) и Судрлендом (Сазерленд) вплоть до Эккьялсбакки. Сигурд убил шотландского ярла Мелбригди и привязал его голову к ремням своего седла; зуб, торчавший из головы ярла, ранил икру ноги Сигурда, которая распухла, и он умер от этого; он похоронен в Эккьялсбакки. После этого правил его сын Гуторм одну зиму; он умер бездетным; и в стране поселилось много викингов, датчан и северян” (Сага о Харальде Прекрасноволосом, с. 22).

В следующем отрывке мы находим ирландцев и норвежцев, сражающихся против Эйнара ярла Оркнейских островов:—

“Тем же летом (1018 г.) Эйвинд Урарборн отправился на запад в поход викингов, а осенью прибыл к Конофогору, королю Ирландии. Осенью ирландский король и Эйнар ярл Оркнейских островов встретились в Ульфрексфьорде, и там произошла великая битва. У короля Конофогора было гораздо больше воинов, и он одержал победу. Эйнар ярл бежал на одном корабле и осенью вернулся на Оркнейские острова, потеряв большую часть своих людей и всю их добычу. Ярлу это путешествие мало понравилось, и он возложил вину за свое поражение на норманнов, которые были с ирландским королем” (Сага о святом Олафе, с. 87).

Следующий отрывок показывает, среди прочего, отношения, существовавшие между викингами и старыми королями Шотландии:

Теперь Торфинн стал великим вождем и получил много земель от своего деда, короля Шотландии Малькольма. Последний, однако, умер, и королем стал Карл Хундасон. Он считал себя также вправе владеть Кейтнессом и требовал с него налогов, как и с других частей своего королевства; но Торфинн считал, что это наименьшее наследство, которое он должен получить после своего деда, тем более что оно было дано ему, и поэтому он отказался платить какие-либо налоги. Затем король Карл назначил своего племянника Моддана ярлом Кейтнеса; он собрал много людей в Сазерленде (Судрландии). Когда эта новость дошла до Торфинна, он собрал воинов в Кейтнесе, и Торкель пришел ему на помощь с большим отрядом с Оркнейских островов. Шотландцы теперь обнаружили, что у Торфинна больше

людей, чем у них, и отступили; после чего Торфинн Ярл подчинил Сазерленд и Росс, широко опустошил Шотландию и вернулся в *Дунгалсбе* (Дункансби) в Кейтнесе. Моддан вернулся к королю Карлу в Бервик, который очень разозлился, когда узнал о том, как обошлись с его племянником.

Он сел на одиннадцать полностью оснащенных кораблей, в то время как Моддан должен был отправиться по суше в Кейтнесс, где должны были встретиться два отряда, таким образом оказавшись между двух огней. Король не останавливался, пока не приблизился к Кейтнесу. Когда Торфинн узнал о его присутствии, он со своими пятью кораблями вышел в залив Пентленд-Ферт, намереваясь отплыть на Оркнейские острова. После этого Торфинн поплыл вдоль островов, направляясь в Сандвик, и достиг Дирнеса (Дорогости), где послал весточку Торкелю, чтобы тот собрал людей. Когда он лежал под Дирнесом, утром, когда стало светать, он увидел недалеко Карла. Он посоветовался с Торкелем о том, что лучше всего сделать, и тот посоветовал бросить корабли, сойти на берег и таким образом спастись; но Торфинн решил сражаться теми силами, которые у него были, и призвал своих людей вести себя мужественно. После этого они выступили на веслах против королевского флота и яростно атаковали его. Битва была долгой и упорной; и когда Торфинн увидел собственный королевский корабль, он приказал своим людям подняться на борт; после чего он приказал всему своему флоту отвязаться, а его людям взять весла и грести прочь. Торфинн сам добрался до носа королевского корабля и приказал поднять на нем свой штандарт, и многие храбрецы последовали за ним. Король прыгнул на другое судно с теми из своих людей, которые еще держались на ногах, ибо большинство из них пало. Он ускакал, и все шотландцы обратились в бегство.

“Король Карл отплыл в Брейдафьорд (Бродфирт), где сошел на берег и собрал свежее войско.

После битвы Торфинн также отступил и встретил Торкеля, который собрал сильное войско, с которым они отплыли на юг, в Брейдафьорд (Бродфирт), и начали там грабить. Затем они услышали, что Моддан с большим войском находится в Торсе (Турсо) в Кейтнесе и, кроме того, послал в Ирландию за воинами. Торфинн и Торкель посоветовались и согласились, что последнему следует отправиться в Кейтнесс с частью войска, в то время как первому следует остаться с остальными и разорять Шотландию. После этого Торкель выступил в поход тайно, ибо все жители Кейтнеса были верны им и преданы, и никакие новости не распространились до тех пор, пока он не достиг Торсы ночью и дома Моддана ярла, который он поджег. Когда он выбежал, Торкель убил его. После этого он вернулся к ярлу, который горячо поблагодарил его за работу.

“Король Карл собрал людей по всей Шотландии, а также отрядил силы, пришедшие из Ирландии на помощь Моддану ярлу. У Торфнеса, к югу от Брейдафьорда, две армии встретились; и, хотя шотландцев было гораздо больше, они потерпели сокрушительное поражение, а король бежал или, как говорят некоторые, был убит.

Затем ярл подчинил Шотландию так далеко на юг, как Файф (Fifi). Он отослал Торкеля с несколькими его людьми. Когда шотландцы узнали об этом, они пошли напасть на него, который, однако, собрал всех, кто у него был, и разбил их; после чего, чтобы отомстить за их предательство, он разорил страну, убивая всех людей, которых смог найти.

“Затем ярл отплыл на север, в Кейтнесс, и там провел зиму” (Оркнейская сага).

Следовательно, мы находим северных вождей, правящих Уэльсом.

Говорят, что однажды летом Пальнатоки, как обычно, участвовал в экспедициях викингов, и у него было двенадцать кораблей с хорошим экипажем. В то время Бретландией (Уэльс) правил ярл Стефнир; у него была дочь по имени Олоф, которая была мудрой и всеми любимой женщиной и очень хорошей партией. Говорят, что Пальнатоки высадил там свои корабли и хотел начать войну в земле Стефнира ярла. Когда об этом стало известно, Олоф вместе с Бьерном Брезки (британцем), который был ее молочным братом и часто давал ей советы, приняли решение пригласить Пальнатоки домой на пир с большими почестями, и там у него должен быть мир, а не разорение.

Пальнатоки и его люди приняли это и отправились на пир; и на нем Пальнатоки попросил руки дочери ярла; он получил ее легко, и женщина была обещана ему, а затем обручена; помолвка длилась не дольше, чем на этом пиру состоялась их свадьба; и более того, Пальнатоки получил имя Ярла и половину королевства Стефнира Ярла, если он там поселится; и после его смерти он должен был получить все, ибо Олоф был его единственным наследником. Пальнатоки оставался в Бретланде до конца лета, а также в течение зимы. Весной он объявил, что хочет вернуться домой, в Данию; но перед отъездом он сказал Бьорну Британцу: "Теперь я хочу, чтобы ты, Бьорн, остался здесь с моим тестем Стефниром и правил страной вместе с ним от моего имени; потому что он начинает сильно стареть, и не исключено, что я не скоро вернусь; и если я не вернусь, а ярл умрет, я хочу, чтобы ты позаботился обо всем королевстве, пока я не вернусь". После этого Пальнатоки уехал со своей женой. Олоф; у него было хорошее путешествие, и он вернулся домой во Фьонн (Фьен) в Дании, и некоторое время оставался дома, и его считали следующим лучшим человеком в Дании, а также самым могущественным и мудрым после короля.

Теперь рассказывают, что следующим летом после праздника арвель в честь короля Харальда Олоф, жена Пальнатоки, заболела и умерла. После ее смерти Пальнатоки не хотелось жить в Бретланде, и он поручил Бьорну британцу заботиться об этом королевстве. Затем он подготовил тридцать кораблей и намеревался отправиться в экспедиции викингов и на войну. Он покинул страну, как только был готов отправиться в путь, и тем же летом начал войну в Шотландии и Англии и завоевал себе много имущества и славы в своих экспедициях. Он продолжал это двенадцать лет и преуспел как в имуществе, так и в почестях" (Сага о Йомсвикинге).

ПРИЛОЖЕНИЕ. I.

Свидетельство Франкских анналов.

Из франкских анналов времен Карла Великого и его сыновей мы знаем, что до периода правления Гарольда Прекрасноволосого (р. 850; ум. 933) и, следовательно, до завоевания Гангу Хрольфом страны, называемой Нормандией, свены (шведы) и датчане, которых хронисты также называли норманнами, нападали на древнюю Галлию во всех направлениях и наводняли ее. Они захватили Париж и многие другие важные города, а также опустошили большую часть нынешней Германии и расширили свои экспедиции до Альп. Из отрывка в Эгинхарде мы узнаем, что норвежцы также упоминаются; в то время как франкские монеты, найденные на территории нынешней Норвегии, показывают, что ее жители имели сношения с империей Карла Великого, как ранее они имели с Римом.

Франкские, английские, ирландские и арабские летописи дают нам даже более полное и ясное представление, чем Саги, о морской мощи и огромной активности племен мореплавателей Севера и об их миграциях в течение девятого и десятого веков. Эта морская держава, как мы видели, была очень грозной уже во времена римского господства в Галлии и Британии. Если у нас и есть перерыв в непрерывности этих морских экспедиций между падением Римской империи и временами Карла Великого, то это из-за отсутствия записей из-за хаоса, последовавшего за падением и распадом римского владычества.

Саги в некоторой степени снабжают нас необходимой информацией; в них упоминается, что такие вожди, как Ивар Видфамме, Харальд Хильдетонн, Сигурд Хринг, Рагнар Лодброк и другие, активно участвовали в западных и восточных экспедициях и заявляли, что часть Англии принадлежит им. Из иностранных летописей мы более полно понимаем, что подразумевалось в Сагах под простой фразой о том, что определенные вожди участвовали или были вовлечены в восточные и западные экспедиции: а именно, вооружение в самых устрашающих масштабах было организовано для подчинения различных стран — вооружение и экспедиции, которые могли быть возможны только для народа, находящегося на развитом уровне цивилизации. Об этих экспедициях франкские анналы сообщают нам наиболее яркие и подробные отчеты.

Сведения об осадах городов, приводимые в Сагах, очень скудны и очень редки. Мы знаем только, что катапульта, называемая *вал-сленгва* (боевая праща), или *манга* (“мангонель”), по-видимому, использовалась для осад и т.д.

Тому, что они были хорошо известны северянам в древности, у нас есть достаточно доказательств.

Для их использования требовалась большая сила рук, поскольку из одной катапульты часто выпускалось по несколько камней одновременно.

Франкские анналы, описывающие одну из осад Парижа норманнами, показывают нам, как они использовали эти машины. У нас есть подробные и наглядные описания их способа ведения войны, и особенно методов, которые они применяли при осаде городов, — предметов, которые очень мало упоминаются в Сагах, которые обычно дают только результаты и, следовательно, не представляют большой ценности для изучающего историю.

Мы продолжим цитировать несколько отрывков из трудов Эгинхарда, историка Карла Великого, которые свидетельствуют о грозной силе норманнов в его время.

В 777 году Карл Великий созвал собрание вождей в Падерборне.

“Все предстали перед ним, кроме Витекинда, вестфальского вождя, который, чувствуя себя виновным во многих преступлениях и боясь вследствие этого показаться, бежал к Зигфриду, королю датчан”.

788. “Морской рукав неизвестной длины [Балтийский], но нигде не превышающий ста тысяч шагов в ширину, а во многих местах гораздо уже, простирается от западного океана к восточному. Многие народы населяют его берега; датчане и свеоны, которых мы называем норманнами, занимают северный берег и все острова; на южном берегу живут славяне, айсты и другие народы”.

800. “Вернувшись весной, король (Карл Великий) покинул Экс-ла-Шапель примерно в середине марта, пересек берег Галльского океана, построил флот в том же океане, затем опустошенный пиратством норманнов, и разместил гарнизоны вдоль берегов”.

804. “В это время Годфри, король датчан, прибыл с флотом и всей всадницей своего королевства в место, называемое Шлезвиг, на границе своих владений и Саксонии”.

808. “Последняя война была предпринята против норманнов, которых мы называем датчанами, и их король Годфри был настолько преисполнен гордых надежд, что пообещал себе империю всей Германии. Фризию и Саксонию он рассматривал как провинции, принадлежащие ему самому.

“Желая собрать флот для борьбы с норманнами, Карл Великий приказал построить корабли на всех реках Галлии и Германии, впадающих в Северный океан; и поскольку норманны в своих постоянных плаваниях опустошали побережья обеих этих стран, он возвел прочные сооружения у входов во все гавани и судоходные устья рек, которые могли принимать суда, и таким образом преградил путь врагу”.

810. “Император, находившийся тогда в Экс-ла-Шапель, планировал экспедицию против короля Годфри. Внезапно он получил известие, что флот из двухсот кораблей, пришедший из страны норманнов, высадился во Фризии и разорил все острова, прилегающие к этому берегу; что эта армия ушла вглубь страны и что между ней и фризами произошли три сражения; что датские завоеватели обложили побежденных данью; что под названием налога фризы выплатили сто фунтов серебра; и что король Годфри возвращается домой. Эти сообщения подтвердились, и император был так раздосадован, что разослал гонцов во все стороны собирать армию, немедленно покинул свой дворец и присоединился к своему флоту. Он перешел Рейн у Липпенгейма и решил дожидаться там войск, которые еще не прибыли. Собрав свою армию, император как можно быстрее направился к реке Аллер, разбил свои палатки близ слияния этой реки с Везером и стал ожидать результатов угроз Готфрида; ибо этот король, возгордившийся тщетной надеждой на победу, хвастался, что померится силами с армией императора.

Пробыв здесь некоторое время, он услышал, среди прочего, что флот, опустошивший Фризию, вернулся в Данию; что король Годфри был убит одним из своих слуг; что форт близ Эльбы, названный Хоббак (предположительно Гамбург), в котором находились Одо, посланник императора, и гарнизон восточных саксов, был взят вильцами.... Хемминг, сын брата Годфри, короля датчан, наследовал ему и заключил мир с императором.

Из дальнейшего мы узнаем, что норвежцев и датчан смешивают друг с другом, как это временами бывало со всеми племенами Севера. Говорят, что датские принцы живут на берегах, противоположных Британии (Норвегия).

813. “Император послал благородных франков и саксов в страну норманнов, за Эльбу, заключить мир с датчанами, согласно желанию их королей, и вернуть их брата. Датская знать прибыла в назначенное место числом, равным числу франков (их было по шестнадцать с каждой стороны); мир был подтвержден клятвами, и франки выдали датчанам брата своих королей. Этих принцев тогда не было в их собственной стране, они отправились с армией в Вестерфульд. Эта страна, самая отдаленная от их королевства, расположена на северо-западе и выходит на север Британии”.

Карл Великий умер в 814 году, и ему наследовал его сын Луи ле Дебоннер. В первые годы своего правления он, по-видимому, поддерживал дружеские отношения с норманнами,

которые страдали от внутренних разногласий из-за спора о престолонаследии между Хериольдом и сыновьями короля Годфри. Людовик поддержал дело Хериольда, и мы читаем об этом в

828. Лотэр вернулся к своему отцу в Экс-ла-Шапель. Когда они продолжили занимать границу норманнов, как для того, чтобы возобновить союз между этими народами и франками, так и для защиты интересов Хериольда, и когда почти все графы Саксонии объединились для этой цели с командующими пограничными войсками, Хериольд, слишком стремясь ускорить завершение дела, нарушил мир, обещанный и гарантированный заложниками, и разорил и сжег несколько ферм норманнов. Услышав это, сыновья Годфри быстро собрали войска, двинулись к границе, переправились через реку Эйдер и напали на наших людей, стоявших лагерем на берегу, которые не ожидали такого нападения, захватили укрепления, обратили защитников в бегство, все разграбили и вернулись в лагерь со всеми своими силами”.

829. “Он получил информацию, что норманны намеревались захватить часть Саксонии за Эльбой и что с этим замыслом их армия уже подошла к нашим границам. Сильно обеспокоенный этим, он послал во все страны франков приказать народу массово выступить в Саксонию со всей поспешностью и объявил, что он лично переправится через Рейн в Нуице в середине июля”.

Из "Анналов Бертена" мы берем следующую выдержку:—

841. “Датские пираты с берегов Севера вторглись на территорию Руана и, неся повсюду ярость грабежа, огня и меча, предали город, монахов и остальных людей резне и плену, опустошили все монастыри и другие места близ Сены и оставили их в ужасе, получив много серебра.... Гарольду, который ради своего дела и в ущерб своему отцу вместе с другими датчанами причинил много зла приморским округам, Лотарь отдал за его услуги Вальхерен и соседнюю область — позорную конфискацию”.

842. “В это время флот северян внезапно появился на рассвете в районе Амьена, грабя, захватывая в плен и убивая людей обоего пола, не оставляя ничего, кроме зданий, выкупленных серебром”.

843. “Северные пираты прибыли в город Нант после того, как убили епископа и многих священников, мирян и других лиц без различия пола, и, разграбив город, опустошили нижние части Аквитании; наконец, достигнув определенного острова, в результате чего туда была завезена земля, они построили дома, чтобы перезимовать, и обосновались там как в постоянном жилище....”

844. “Норманны, продвинувшись по Гаронне до Тулузы, безнаказанно разграбили регион со всех сторон; оттуда отряд проследовал в Галисию и там погиб — часть от лучников (арбалетчиков), посланных против них, а часть во время шторма на море; но другие, проникнув дальше в Испанию, вели длительные и жестокие сражения с сарацинами; но в конце концов были побеждены и отступили”.

845. “20 марта норманны с сотней судов вошли в Сену, разоряя здесь и там, и без сопротивления прибыли в Париж. Карл намеревался выступить против них; но, предвидя, что нет никакой надежды на то, что его люди получают преимущество, он оставил их в покое; и, подарив семь тысяч ливров, предотвратил их продвижение и убедил их вернуться

“Датчане, которые годом ранее опустошили Аквитанию, спокойно обосновались там....”

846. “Эврих, король норманнов, выступил против Людовика в Германии с шестьюстами судами вдоль реки Эльбы. Саксы пошли им навстречу, вступили с ними в бой и с помощью Господа нашего Иисуса Христа одержали победу; при отступлении норманны атаковали и захватили город эскавон....

“Норманны снова спустились по Сене и, вернувшись к морю, разграбили, опустошили и сожгли все прибрежные районы.... Когда они разграбили и сожгли монастырь Сен-Бертен и возвращались на свои корабли, нагруженные добычей, они были настолько поражены Божественным правосудием или ослеплены тьмой и безумием, что лишь немногим удалось спастись, чтобы возвестить остальным пути Всемогущего Бога”.

846. “Датские пираты вторгаются во Фризия и взимают по своему желанию контрибуции, и, побеждая в битвах, остаются хозяевами почти всей провинции....”

847. “Датчане приходят в нижние части Галлии, населенные бретонцами, и одерживают над ними победу в трех битвах. Победенный Номено бежит со своими людьми, а затем, прислав подарки, заставляет их покинуть его страну....”

859. “Датские пираты, совершив долгий морской путь, ибо они плавали между Испанией и Африкой, вошли в Рону, разграбили множество городов и монастырей и обосновались на острове под названием Камарг”.

860. “Те из этих датчан, которые обосновались на Роне, пришли, опустошая по пути город Валентию; затем, разграбив все соседние области, вернулись на остров, где они поселились”.

“Датчане на Роне идут в Италию, берут и грабят Пизу и другие города....”

Мы могли бы привести еще много выдержек из "Анналов Сен-Бертена" и "Анналов Меца"; но вышесказанного будет достаточно, чтобы показать, что во второй половине IX века эти северяне совершали свои набеги с сотнями кораблей и тысячами людей по всей Европе, поднимаясь по ее великим рекам, опустошая ее побережья, проходя маршем через ее страны, а затем оседая в них, и взимая дань с народа.

В Повествовании Аббона мы имеем яркое и наглядное описание очевидцем одной из осад Парижа норманнами, которая длилась с ноября 885 по май 887 года. Особая ценность этого повествования для нас заключается в подробном описании содержащихся в нем методов, принятых викингами при нападении на город или крепость. Эббон начинает с описания прибытия флота норманнов на реку.

“Твоя (Париса) кровь была пролита этими варварами, которые прибыли на борту семисот парусных судов и бесчисленного множества кораблей поменьше, обычно называемых барками. Глубоководное русло Сены было так покрыто ими, что ее вод не было видно на расстоянии более шести миль: с удивлением спрашивали, в какой пещере спряталась река; ее не было видно; сосна, дуб и ольха полностью скрывали ее поверхность”.

Затем датчане сделали, к удивлению, три огромные машины, установленные на шестнадцати колесах — чудовища, сделанные из огромных дубов, связанных вместе; на каждой был установлен таран, покрытый высокой крышей, — внутри и по бокам которого, по их словам, могли разместиться и укрыться шестьдесят человек, вооруженных шлемами. Осаждающие уже закончили одну из этих машин подходящей формы и размера; вскоре была сделана вторая, и они приступили к работе над третьей; но с башни они стреляли метко, используя всю силу тетивы и дротика против работающих на них. Таким образом, они первыми приняли

смерть, которую готовили для нас; и когда одна из этих жестоких машин была уничтожена, вскоре за ней последовала другая.

“Из шкуры, содранной с шеи и спины молодых бычков, датчане затем сделали тысячу больших щитов, которые латинский писатель называл бы *pluteos*^[453] или *ящичи*,^[454] каждый из которых охватил бы даже четырех или шесть человек. В течение ночи враг не давал себе покоя и ни минуты сна; они точили, ремонтировали и ковали быстрые снаряды, укрепляли свои старые щиты и мастерили новые.... (На восходе солнца) внезапно датчане, порождения сатаны, вооруженные своими грозными метательными снарядами, яростно выскочили из своего лагеря и, как легкие пчелы, побежали к башне. Рожденные на нашу беду, они наступали, согнув спины под натиском луков; метательные снаряды дрожали на их плечах, их мечи касались земли, их щиты скрывали из виду воды Сены; тысячи свинцовых ядер, подобно густому граду, рассеянному в воздухе, падали на город, и мощные катапульты с грохотом обрушивались на форты, защищающие мост. Марс, вновь пробуждая свою ярость, распространяет во всех направлениях свою свирепую империю. Граждане в ужасе, трубы издают яростные звуки, и страх охватывает тех, кто охраняет башни. Тем не менее, было замечено много великих и смелых людей; прежде всего, выделялся прелат Гозлио; затем его племянник, храбрый аббат Эбл; достойны восхищения также Роберт, Юд, Рагенер, Ультон, Хериланг; все они были графами; но самым благородным из всех был Юд, который уложил столько датчан, сколько метал дротиков....”

29 января 886 г.— “Свирепый датчанин разделил свою армию на три отряда, выстроенных в форме клина. Самый большой он противопоставил башне, а два других, перенесенных на раскрашенных кораблях, направил против моста; думая, что, если ему удастся завладеть мостом, башня вскоре окажется в его власти.... Башня, покрасневшая от крови, стонет под обрушивающимися на нее ударами.... У его основания на расстоянии видны только раскрашенные щиты, которые покрывают землю и скрывают ее из виду; во всех направлениях видны только смертоносные камни и жестокие снаряды, которые летают в воздухе, как густые пчелиные рои; само небо между башней и облаками затемнено ими. Слышны громкие крики, и повсюду царит величайший страх среди ужасных звуков. Одни нападают, другие сопротивляются: и норманны, бряцая оружием, усугубляют и без того жестокие ужасы битвы. Ни одно дитя земли никогда не видело такого количества пеших воинов, вооруженных мечами, движущихся единым строем под раскрашенным тестудо^[455] такого огромного размера. Датчане соорудили из этого тестудо крышу, которая укрывала их, но никто не осмеливался высунуть голову из-под ее защиты, хотя под ней их оружие учинило ужасную резню.... Свирепый народ приблизился к разрушенной башне, прикрываясь своими большими деревянными щитами и шкурами только что убитых быков; одни проводят ночь с оружием в руках, другие спят, третьи рыщут по дорогам, пуская свои оперенные стрелы, из которых капает яд”.

[Последовала двухдневная атака, но безуспешная; они тщетно пытались засыпать ров вокруг стен, бросая в него землю, деревья, листья, траву, кустарники, убитых животных и даже людей, своих пленников.]

Их зловещие ряды тщетно пытались засыпать хотя бы один ров или разрушить башню своими таранами. Разъяренные тем, что не могут напасть на нас в открытом поле, северяне берут три самых высоких сосуда, быстро наполняют их целыми деревьями со всеми листьями и поджигают”.

31 января 886г. — “Восточный ветер мягко колышет эти корабли, извергающие пламя, и на веревках они тащат их вдоль берега, чтобы разрушить мост и сжечь башню; из дерева, которым они заполнены, вырывается жгучее пламя”.

[Затем все население обращается к своему святому покровителю Сен-Жермену и умоляет его спасти их. Суда противника садятся на мель из-за большой массы камней, наваленных для укрепления моста; ему не причиняется никакого вреда, и осажденные бросаются наутек и топят суда в реке Сене. Так закончился бой в тот день, и ночь прошла спокойно.]

1 февраля 886 г. — “На следующий день датчане тайно отнесли в свой лагерь большие щиты, из которых состояли их тестудо; они бросили двух своих баранов, в просторечии называемых *каркамусами*, которых они боялись унести; и наши люди завладели ими и с радостью разломали на куски. Зигфруа, король, который, как опасались, взломал ворота нашей башни, затем увел всех своих датчан.

“Третий день этой битвы был днем “Очищения Пресвятой Девы”. Тем не менее, роковые когорты норманнов взошли на борт своих кораблей, более быстрых, чем птицы, и взяли курс на восточные земли, находившиеся тогда под властью Печальной Австразии и до сих пор не пострадавшие от опустошительных действий врага”.

[Разрушив на своем пути опустевшие дома знаменитого Роберта, которого они убили и, в свою очередь, потерпели поражение с большими потерями, они храбро бежали на свои корабли без добычи; не большего успеха они добились и в церкви Сен-Жермен, чудесным образом защищенной Святым.]

6 февраля 886 года. — “Увы! в ночной тишине середина моста обрушилась, уносимая силой разъяренных вод. Иначе обстояло дело с башней, которая, построенная на земле, принадлежащей счастливому Святому, осталась стоять на своем фундаменте. Обе находились на правой стороне города.

На рассвете жестокие датчане проснулись, сели на свои корабли, наполнили их оружием и щитами, переправились через Сену, окружили злополучную башню и неоднократно обстреливали ее градом снарядов. Наконец, после отчаянной схватки, в которой осажденные вели себя благородно, бесславные осаждающие, видя, что ничто не может сломить эти храбрые сердца, подогнали к воротам несчастной башни повозку, наполненную зерном, и подожгли ее. Происходит еще одна ожесточенная схватка; датчане позволяют пламени сделать свое дело и отступают; из-за нехватки сосудов для черпания воды башня была разрушена, и осажденные отступили к концу моста, который все еще стоял, и продолжали сражаться до захода солнца”.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Факсимиле древнескандинавских рукописей.

[illegible]

(Сага о найтлинге.)

Sin en dantzkaða hím ubozin s. gards er þu ills þor t illdr m; radi haral' þe
 hím harpað i ætlaði at legraund sig þor en sif þarði þe herid at gá þwarl sif vin
 tok þe þe no herid vna oss i hvalði þe hínaler þe t eigi þe sonar lagar þe ior allr
 had t vna lokaer en e þor m villo ætlan þe toku þe at þkar v þe i vildu e setla
 hím kvikþe e vilt i mætti þe e þe v haldar vin þor þe g kð i alþe þeod hím sifðe.

(Ланднама, часть iv.)

vij lœt at lœta. Snœri e't neþnœr at mœst lœtadi. v lœt. þ v a
þa mœg þingm. þgils v auy m vinn lœtta. þ m a t u þ lœt. þ. z x
œdn s þu a t u e g g m at lœyt m d i g i œ r d z m a m v p n u t e y m þ o p d
u l a t h a l l œ t þ u d i m l i m. k u m u œ r m e a m a t l œ g i a e y t m a m

(Сага о Вига-Стыре, гл. 35.)

F

 far uett. Vð þu nordⁿ mossvell. z suo vpp þua vilborg. þessdu. þ
 adⁿ z iorv blenⁿ. Vð sⁿ tⁿ haga mlt. z suo heim tⁿ auspuⁿ natz z
 þou suema dagg. isti ncti huiⁿ z þrand. Eⁿ se þⁿ eⁿ eða z þm
 ecke godⁿ. gmbⁿ buad þmⁿ vⁿ aⁿ fialyⁿ bodⁿ. en ecke þeyⁿ ebⁿ neyⁿ

(Хардарская сага о Гримкельсонаре, гл. 11.)

sem her e nu ratat þa Rystady wz þin ar gink
 u herid konun t skuldi þrudlam uera at unuau
 di at auspul natu Torpi u e a þingun t et ual
 bndz konn þeum mli þa torpi at lult ueri iud hns

(Хардарская сага о Гримкельсонаре, глава 3.)

hæfpe melt. þa como in til þīgs oc
leapri þess at logbgi at et. vii. hū
sumar scyldrauka vico. oc frenta
hueslo hlyddi. Enn̄ toko. vel und

(Хронологический фрагмент, 12 век.)

Þā q. gudmār grām. þ. hūer scoldvngr sa er scapō stv
lett gongana gollu fyr stagne þara in frip iwarat bādi
verpr vigoþa v vikunga. Sinj. iodi q. Her mā haddbā he
lga keja jlocca traphan iþloca nupio. þ hegi apli ettar
þuvar at: puelonga vnd sic þrūgt. þu vva sto at jro
ka steim lant samang v lakar doma. mal ec had brodr
hagind at vna q: v legra lvo legi barō. þ. j. mdo gudmār.
geit vū halda / þ bera lœar bragar klapa. hapa þ ihendi
hellu klyþo þ er þ blþara en brumis dāar. þer ē lūpva
eli lemta mýelo gosi at heja j hlapa aino. þ. onyō a. ad.
þōv huldigar heipō deili. þ. vctt m gōþ gñ. þ. þo. d. l. l. a. m.
þr mēreþ þ. a. m. r. at hug hapa hūe. a. b. ēs. huldigar hōll
eti snallt. þ. elgi jete sigvnae jotto þei lono var helga
en gamall Þagr hagna t. blorapi opin t. jād hejrida ofi
X lepi dag greit simt. Þagr jay helga mag siy þar tē h.
at jnotur lūdi. þ. lagdi ugogno helga m geirno. þ. jell
helgi en dagr reip t. jialla j lagdi uguruno t. jridi. Trap
em at spt crega þat legia þat ec hegi nupigr nipti gr
cca. jell vmoqō vndjnotur lūdi. buplvngt sa ē vay
boer thei j huldigom ahalstv stoþ. þ. ic stvli alk eipar
bica þr ē helga hays vna at etno liola lempv vatni
j at vī svolom vnar steini. Scriþat þ scap ē vnd þ
letv þot alca byn ept. leat. renia la man ē vð þ reji
þot to jnāda þina jæþar euf. Þrā þ þ sto ē þv bre
gd nāa lialdō þ syngor v. hōpdu. þa v þ hejnt hel
ga dæpa ex. þv vīr vargr avipō vti. avl andvāni oc
allz gamant. hejþ en mac nēa ahjvū spyrng. d. q.
t erco lyft j erova er þv byþ þino bup jælcapa.
D en velle dōm allo hōlv þat m. sijungō sac runar
bar þer byþ broþ bōga raiba. all vandill v
jang olle. hāþv hāþan hel hāmt at guldorn
brup bvgvaris j buriþ þā. Sreca-ec t. s. s. l

(Более ранняя Эдда, полная страница.)

v þ þui at maðrinn se þsynsamleguðanda þryðði z prýðði þa þsilfr þ z
 græn alka luti gipir z gloggia en önnur kyknuendi. þa nætti z mon þott
 lant með guði. hvarra manz þenn allz z u þiartat hoggv baði harku z uðendi z
 andblátnar aðar vna þar vpp z ratar baði þar aðar er þa umd e blafr blod eða
 ludi. þa a anan veg hvar þar at þar mætar u tungu raxt m; þui huf er þar þ
 þen z vdd vpp þ þvuo oði. þar þ z m; oði þvuo þriar þellar græn. mmi z vtt of

(Поздняя Эдда.)

mikill oc umtall vne k mikill þóður sinu oc modur. þau gmr atv dora. 11 her auh leupe
 en auh þowh þar v vart kour. En atv þau idy er egill her. 4 er þox vpp. þa mætt biaz
 sia a hm at þ u lott m z silur geðe sinu. Oc er þ u m. vett. þa u þ mikill oc stekt. þ u lott
 malogr oc oðout ocillr u vngin þott þ u at leðom m; þ. þ u þat þingur til boð þ ladd gmi
 til bodd vt þangar til sin. oc lott dót sine. oc þot þi z þet m diltu tem gmr vildi z þau herot þ
 iñe. þi þ þa heit oc bio vett. þi ler al heru z er at þit þeymo kom er gmr at til bodd þ. vtt
 z þau þa. þa bio þot þ til þar m; þet z þ þar þar þet oc u. saman. Egill sagðo at þ vill
 þ. z a ek slott kþne þ sem þot þ. þe þim þara lott gmr þu kurt eke þit þet at þa þrot þ
 þa er þrþvut miklar av þ þu þuk þo eke dolt at þu ler vdrut þi Streig þa gmr a þett

(Сага об Эгиле.)

þm vttvato m. at þi helldi þ lockanō i bikiu þ z bida
 þ ej: har. kvæmi svnam. O. k tok hrt m; ein raddi.
 at þ þ: naðe i biazyn z lettir þ u vett. ey ler þið
 þara þ: s. ey lenda m t bua si þa. bænde gafvz þ þ
 ar. k. kō t kga hello m; lid þ e þm þajdi þ þlo
 æ damm. þa hoj: do þ samnad þ: lend' m z biaz
 m. z lettir þylking vþ þ bænd. Ey har. k. gek
 as: þapo. s. z gdi m t bænda lidz z beiddiat þr vdi
 þm e lid lott. z lett þ e mdo beðaz meita. ey þ attar
 reat at þaj: a z þ: m i mull. Oj: lid gafv bænd vþ þ
 naði þ z ggo t handa har. ki. þa þaj: har. k. t lidz s
 len z vett. lenda m m. ey rettaz bær bænd. þ er

(Хаймскрингла.— Две колонки.)

Þrettanor: n þellir úritod þær þeir
 þu áð adógv þa þetill 7 magn
 bysora ill dga 7 vilumund' abó

(Список священников 12 века. Две колонки.)

ætt harði oðro 7. nī bōna. Aust
 mīj lōp æt hōro oðro þmāna
 Buguna oc þ' alhol æ þeg dād
 o. þer þta oc yarpar sī sīot d
 hōos v aust mārur hō hīlū
 mūdū. lōlo sī þar sītr. c. ættg

(Сага о Ньяле.—Две колонки.)

varar karþ 7: h gengr iðoma. e. br dþv.
 R ut er at nefna þa með iðom er til
 þingf koma. 7. er dōm se nefnd. þer m
 allr er lakar hapa at lekia. e. vera. e.
 með ero qvaddir þingparar. at se flo
 koma dōm tag. 13 þta iþing. 8.
 þer koma eigi s. þa æv o npar lakar

U ær flōm fara t logbergs a mōgin
 æ þota dōma vt. t hrōþning s t
 tþarfta at sol se a gū hamri. erum
 vestra. æ logfogu mār rumi t at lū
 a logbergi. Lauglogu in st iþtr vt gan
 ga. er h heyr heilindi t. þa æv gōþ
 at ganga mō dōmerida sūna. er þā

(Часть рукописи Грагаса.)

eighi beint þu at þarfa m' komu. Þær f. þat i lund maal ekeide þu
 at þli þaa m G. nu ftr þiu una hirt m þapi þiluz ob nu eb nu ta
 ka) hois þu e lata sem ek þesta m helgu son þina. Þær f. þu
 þyfi ætla eb þat þa f. h. o. þreipæw þa f. eþ þhois þm e m. æt

(Сага о Гуннлауге Ормстунге, глава 4.)

þen z u æuð ftr þu sã e helldz kalld þær bõdi u uti stadd þu iud si
 mma þa at gdi gungz fu fid z tek apt þurd z let þi loku þi dagud
 nu er dpt ædyr fveuin helgitel torda gack þu ut post ftr iud
 v vilia hura þi þoz þuez mudu matazt þyft en fveimen hleyr þu

(Сага о Хенсе-Торисе, глава 5.)

þegm m z mæ ek þær laddz. þu ær iud þu mæia m m vada ek egranda. malmjæris
 tft holma hirt vda ævæ æt. þa f. amarmoti mottavde idu luota heitiga þar
 þanga hirt vtr saina depra. þu lett at ek þara kensd ugnv rada hleppi kels
 z heil þav olvstallavk. Sa e dalt þvdrar dævda dþvrtar, stuma iðe gallde z helde

(Сага о Вига-Стыре и Хайдарвиге.)

ПРИЛОЖЕНИЕ III. РИМСКИЕ МОНЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ В СКАНДИНАВИИ.

Ниже приведен список монет, найденных в Хагестадборге, Скания (550); и в Синдарфе,
 Готланд (1500).

Нерон (54-68 гг. н. э.)	2	2
Вителлий (69)	0	1
Веспасиан (69-79)	1	16
Тит (79-81)	0	5
Домициан (81-96)	2	10
Нерва (96-98)	1	7
Траян (98-117)	26	150
Адриан (117-138)	33	225
Сабина, жена Адриана	6	11
Элий Цезарь (†138)	2	6

Антонин Пий (138-161)	136	321
Фаустина, жена Антонина Пия	38	130
Марк Аврелий (161-180)	145	280
Фаустина младшая, жена Марка Аврелия	52	97
Луций Вер (161-169)	21	16
Луцилла, жена Луция Вера	11	22
Коммод (180-192)	60	91
Криспина, жена Коммода	7	11
Пертинакс (193)	0	10
Септимий Север (193-211)	6	13
Юлия Домна, жена Септимия Севера	1	0
Варварских имитаций	0	4
Неопределенный (изношенный)	0	72
Всего	550	1,50 0

Римские монеты от Августа до смерти Александра Севера.

(29 г. до н. э.- 235 г. н. э.)

Найден до 1869 года.

Готланд:

Август (29 г. до н.э.- 14 г. н. э.)	(Серебро)	1
Нерон (54-68)	(Серебро)	2
Гальба (68-69)	(Серебро)	3
Отон (69)	(Серебро)	2
Веспасиан (69-79)	(Серебро)	23
Тит (79-81) (1 золото, 4 серебра)		5
Домициан (81-96)		7
Нерва (96-98)		5
Траян (98-117)		157
Адриан (117-138)		175
Сабина, жена Адриана		14
Элий Цезарь (†138)		1
Антонин Пий (138-161)		263
Фаустина, жена Антонина Пия		96
Марка Аврелия (161-180)		251
Фаустина, жена Марк Аврелий		87

Л. Вер (161-165)		19
Луцилла, жена Л. Вера		18
Коммода (180-192)		86
Криспина, жена Коммода		11
Пертинакса (193)		1
Манлия Скантилла, жена Дидия Юлиана		1
Клодий Альбин (†197)		1
Септимий Север (193-211)		4
Юлия Сомия, мать Элагабала		1
Александр Северус (222-235)		1
Стертое и неопределенное		184
1 золота, 1422 серебра, всего		1423

Öland:

Веспасиан (69-79)	(Серебро)	2
Траян (98-117)	(Серебро)	2
Адриан (117-138)	(Серебро)	4
Антонин Пий (138-161)	(Серебро)	19
Фаустина, жена Антонина Пия	(1 медь, 6 серебра)	7
Марк Аврелий (161-180)	(Серебро)	19
Фаустина, жена Марка Аврелия	(Серебро)	5
л. Вер (161-169)	(Серебро)	3
Луцилла, его жена	(Серебро)	4
Коммод (180-192)	(Серебро)	9
Юлия Месса, бабушка Элагабала		1
Александр Север (222-235)	(Серебро)	1
Стертое или неопределенное	(Серебро)	6
81 из серебра, 1 из латуни, всего	82	

Перепросмотр.—Вся Швеция:

Материк	(Золото)	1
(Золото)	(Серебро)	15
(Золото)	(латунь)	21
Гетланд	(Золото)	1

(Золото)	(Серебро)	1
		422
Эланд	(Серебро)	81
(Золото)	(латунь)	1

1 542

Зеландия:

Веспасиан (69-79)	(Серебро)	3
Траян (98-117)	(Латунь)	1
Адриан (117-138)	(Серебро)	6
Сабина, жена Адриана	(Серебро)	1
Антонин Пий (138-161)	(Серебро)	16
Фаустина старшая, жена Антонина Пия	(Серебро)	2
М. Аврелий (161-180)	(Серебряный)	5
Фаустина младшая, жена М. Аврелия	(Серебряный)	4
Л. Вер (161-169)	(Серебро)	2
Коммод (180-192)	(Серебро)	3
Криспина, жена Коммода	(Серебро)	3
Септимий Север (193-211)	(Серебро)	1
Макрин (217-218)	(Серебро)	1
Стертое или неопределенное	(Серебро)	728

475 серебряных и 1 латунный, всего 476

К вашему сведению:

Тиберий (14-37)	(Солидус, золотой)	1
Нерва (96-98)	(Серебро)	1
Траян (98-117).	(Серебро)	1
Луций Вер (161-169)	(Серебро)	1
Гета (211-212)	(Золото)	1

2 золотых и 3 серебряных, всего 5

Доля стертых или неопределенных монет огромна.

Борнхольм:

Нерон (54-68)	(Серебро)	1
Домициан (81-96)	(Серебро)	1
Траян (98-117)	(Серебро)	13
Адриан (117-138)	(Серебро)	20
Сабина, жена Адриана	(Серебро)	2
Антонин Пий (138-161)	(Серебро)	49
Фаустина старшая, жена Антонина Пий	(Серебряный)	8
М. Аврелий (161-180)	(Серебро)	73
Фаустина младшая, жена Марка Аврелия	(Серебро)	11
Л. Вера (161-169)	(Серебро)	10
Луцилла, жена Л. Вера	(Серебро)	3
Коммода (180-192)	(Серебро)	34
Криспина, жена Конмодуса	(Серебро)	3
Септимия Севера (193-211)	(Серебро)	1
Стертое или неопределенное	(Серебро)	7
Всего		236

Ютландия:

Нерон (54-68)	(Серебро)	1
Вителлий (69)	(Серебро)	2
Веспасиан (69-79)	(Серебро)	4
Домициан (81-96)	(Серебро)	1
Траян (98-117)	(Серебро)	8
Адриан (117-138)	(Серебро)	7
Элий Цезарь (†138)	(серебро)	1
Антонин Пий (138-161)	(1 большая латунь, 16 серебряных)	17
Фаустина старшая, жена Антонина Пия	(Серебро)	5
м. Аврелий (161-180)	(Серебро)	10
Фаустина младшая, жена М. Аврелия	(Серебро)	3
Л. Вера (161-169)	(Серебро)	2
Луцилла, жена Л. Вера	(Серебро)	2
Коммод (180-192)	(Серебро)	8
Септимий Север (193-211)	(Серебро)	1
Макрин (217-218)	(Серебро)	1

72 серебряных и 1 латунный, всего

73

Перепросмотр.

Борнхольм	(Серебро)	236
Зеландия	(Серебро)	475
Зеландия	(латунь)	1
Фьен	(Золото)	2
К вашему сведению	(Серебро)	3
Ютландия	(Серебро)	72
Ютландия	(латунь)	1
2 золотых, 786 серебряных, 2 латунных, всего		
2 золотых, 786 серебряных, 2 латунных, всего		790

Римские монеты от Клавдия до смерти Александра Севера.

(29 г. до н. э. - 235 г. н. э.)

Клавдий (41-54), Скания	(1 золото, 1 латунь),	2
Веспасиана (69-79), Скания и Смоланд	(латунь),	2
Траяна (98-117), Халланд	(серебро),	1
Адриан (117-138), Скания (латунь), Аплэнд (серебро),	(1 латунь, 1 серебро),	2
Антонина Пия (138-161), Скания, близ Лунда	(2 латуни, 1 серебро)	3
Марк Аврелий (161-180), Скания	(Серебро)	2
Луцилла, жена Л. Вера, Халланд	(Серебро)	1
Коммод (180-192), 1 Вестерготланд, 1 Скания	(Серебро)	2
Септимий Север (193-211), Халланд	(Серебро)	1
Юлия Домна, жена Септимия Севера, Скания	(Серебро)	1
Каракалла (211-217), Халланд	(Серебро)	1
Элагабалус (218-222), Халланд	(Серебро),	1
Александр Северус (222-235), Скания	(крупная латунь),	1
Стертое или неопределенное изображение, Scania	(14 латунных изделий, 3 серебряных),	17
1 золото, 15 серебряных изделий, 21 латунь, всего		

Римские монеты периода от смерти Александра Севера до смерти Феодосия Великого. (235-395 гг. н. э.)

Найден до 1869 года.

Норвегия:

Валент (364-378)	(Золото)	1
Валентиниан I. (364-375), Листер и Мандал, близ Бергена	(Золото)	1
Грациан (367-383) (в могиле)	(Золото)	1
,	Всего	=
(золота)	3	
	.	=

Швеция:

Гордиан (238-244), Готланд	(Серебро),	1
Галлиен (253-268), Скания	(латунь),	1
Проб (276-282), 1 Седерманландия, 1 Скания	(Золото),	2
Лициний (307-323), Скания	(латунь),	1
Константин Великий (306-337), 1 Седерманландия, 3 Скании, 1 Эланд	(2 золота, 3 латуни)	5
Константин II (337-340), Готланд	(латунь),	2
Констанция II (337-361), 3 Скании, 1 Готланд	(латунь),	4
Константа (337-350), Скания	(латунь),	1
Стерта или неопределенна, 1 Возвышенность, 4 Скании	(латунь),	5
		=====
4 золотых, 1 серебряных и 17 латунных,	всего	22
		=====

Дания:

Деций (249-251), Фьен	(Золото),	1
Аврелиан (270-275), Фьен	(Золото),	2
Тацит (275-276), Фьен	(Золото),	1
Проб (276-282), Фьен	(Золото),	4
Кар (282-283), Фьен	(Золото),	1
Нумериан (283-284), Фьен	(Золото),	1
Карин (283-284), Фьен	(Золото)	1
Диоклетиан (284-305), Фьен	(Золото)	5

Максимиан (286-305), Фьен	(Золото)	5
Констанций Хлор (305-306), Фьен	(Золото)	2
Елена, жена Констанция, Фьен	(Золото)	1
Лициний (307-323), Фьен	(Золото)	2
Константин Великий (306-337), Ютландия 2, 16 Фьен	(17 золотых, 1 латунная)	18
Константина II (337-340), 2 Фьен, 1 Зеландия	(золото),	3
Констанция II (337-361), Дания, местонахождение неизвестно; 2 в Фьене, 1 Ютландия	(3 золота, 1 латунь),	4
Константа (337-350), Фьен	(золото),	2
Валентиниана I. (364-375), 1 Зеландия, 1 Ютландия	(золото),	2
Других золотых монеты		5
(58 золотых, 2 латунных)		58

Римские и византийские монеты от смерти Феодосия Великого до смерти Анастасия. (395–518.)

Найден до 1869 года.

Материковая Швеция:

Гонорий (395-423), Смоланд	1
Валентиниан III. (425-455), Смоланд, Кальмарский лен,	1
Антемий (467-472), Скания,	1
Юлий Непот (474-475), 1 Кальмарский лен, 1 Блекинге,	2
Ромул Августул (475-476), Смоланд,	1
Феодосий II. (408-450), Медельпад 1, Возвышенность 4, Смоланд 1, 2 в Кальмарском лене, 2 в Блекинге, 3 в Скании	13
Марциана (450-457), Возвышенность,	1
Льва I. (457-474), 3 в Нагорье, 1 на Хоэне,	4
Зенона (474-491), 1 в Медельпаде, 11 в Нагорье, 1 в Седерманланде, 2 в Скании,	15
Анастасия (491-518), 2 в Нагорье, 1 в Кальмарском лене, 1 в Скании,	4
Неизвестно, Нагорный	1
Всего (все золото)	45

Öland:

Гонорий (395-423)	5
-------------------	---

Валентиниан III. (425-455)	13
Майориан (457-461)	1
Либиус Север (461-465)	9
Антемий (407-472)	3
Ромул Августул (475-476)	1
Аркадий (395-408)	2
Феодосий II. (408-450)	20
Элия Евдокия, жена Феодосия II	2
Марциан (450-457)	4
Элия Пульхерия, жена Марциана	2
Лев I. (457-474)	19
Лев II. и Зенон (474)	1
Зенон (474-491)	5
Василиск (476-477)	1
Неизвестный	11
Всего (все золотые)	99

Готланд:

Honorius (395–423)	4
Majorianus (457–461)	1
Libius Severus (461–465)	1
Procopius Anthemius (467–472)	2
Theodosius II. (408–450)	3
Marcianus (450–457)	1
Leo I. (457–474)	10
Leo II. и Зенон (474)	1
Зенон (474-491)	15
Элия Ариадна, жена Зенона	1
Василиска (476-477)	1
Анастасия (491-518)	17
Всего (все золотые)	57

Перепросмотр.

Швеция, Материковая часть,	45
----------------------------	----

Швеция, Оланд,	99
Швеция, Готланд,	57
Все золото, всего	201

Борнхольм:

Гонорий (395-423)	3
Плацидий Валентиниан (425-455)	8
Гонория, сестра Валентиниана	1
Либиус Север (461-465)	1
Антемий (467-472)	2
Юлий Непот (474-475)	1
Феодосий II. (408-450)	16
Марциан (450-457)	1
Лев I. (457-474)	12
Лев II. и Зенон (474)	3
Зенона (474-491),	13
Василиска (476-477),	1
Василиска и Марка	1
Анастасия (491-518),	5
67 золотых, 1 серебряная, всего	68

Валентиниан (425-455),	2
Фьен Майориан (457-461), Фьен	1
Феодосий II (408-450), 1 Зеландия, 1 фьен	2
Марциан (450-457),	1
Лео I. (457-474), 1 Ютландия, 5	6
Фьен Зенон (474-491), 1	1
Фьен Анастасий (491-518), 2	2
Фьен Неизвестен, 1 Ютландия, 1	2
фьен,	
Все золото, всего	17

Перепросмотр.

Борнхольм	(Золото)	67
Борнхольм	(Серебро)	1
Остальная Дания	(Золото)	17
84 золотых и 1 серебряная, всего		85

Византийские монеты периода между 518-850 годами н. э.

Норвегия:

Тиберий Константин (578-582)	1	зото.
Маврикий Тиберий (582-602)	1	
Константин Против Копронима (771-775)	1	
Михаил III. (842-867)	1	
Всего	4	зото.

Sweden (1 Södermanland, 1 Gotland):

Юстиниан I. (527-565)	2	зото.
-----------------------	---	-------

Дания (Борнхольм):

Юстинус I. (518-527)	1	зото.
----------------------	---	-------

В Швеции было найдено более 250 римских и византийских золотых монет, и год за годом обнаруживаются новые.

Общее количество римских и византийских монет периода до 850 г. н.э., найденных до июня 1872 г., составило—

	Со времен, предшествовавших Августу.	Август- Александр Север (29 г. до н. э.-235 г. н. э.).	Александр Север- Феодосий (235-395).	Theodosius- Anastasius (395–518).	После Анастасия (518-850).	Итого.
Материк	3	12	4	37	1	57
Scania		584	14	19	617	Эланд
Öland		88	2	196	Готланд	9
3,234	4	64	1	3,312	1	3,312
	12	3,918	24	226	2	

Из золота		2	6	226	2	236
Из серебра	12	3894	1			3,907
Из меди	22	17				..

1. Связать или соединить вместе. *Тенгдир* = узы родства; *тенгда-модир* = теща; *тенгда-фадир* = тесть.
2. Могущественные вожди иногда посылали послов просить руки дамы, на которой они хотели жениться.
3. Ср. также с. 13, 98.
4. Ферма отца Фритьофа.
5. Мунд - это имущество или деньги, которые жених должен был подарить невесте.
6. Слово *праздник* подразумевало, что она была обручена или, в современном смысле, обручена с мужчиной; и эта важная церемония, предшествующая браку, проходила в присутствии шести свидетелей.
7. Обычная шерстяная ткань.
8. Ср. Также более ранний Закон Гулатинга, 51; Нджала, с. 2.
9. Корабль.
10. Это слово, по-видимому, подразумевает дар полотна, в которое, возможно, входила одежда. Олаф Трюгвасон подарил плащ в качестве линфе.
11. Ср. Гуннлауг Ормстунга, с. 4.
12. Ср. также *Laxdæla*.
13. Скупла = женский капюшон, скрывающий лицо.
14. Это ожерелье было изготовлено Двергаром и принадлежало Фрейе.
15. Камни для изготовления накладной груди.
16. Ср. также *Rigsmal*, 23.
17. Тор.

18. Всю историю о Торе и Трине в переводе из ранней Эдды смотрите в "Мифологии Андерсона", стр. 328-335; и особенно, в связи с этим, стр. 331, 332.
19. Ср. также Hörd, с. 3.
20. Ср. также Сагу о соне Дроплаугар, 23, 24.
21. Закон Боргартинга гласит: тридцать лет; в Исландии - через три года (Gragas, 153). Но как бы ни различались эти законы, все они сходятся в том, что женщине принадлежит одна треть, мужчине - две трети.
22. Судебный процесс по приведению приговора в исполнение или конфискации должен состояться в течение двух недель после вынесения приговора в доме лица, осужденного за одну из двух степеней лишения свободы вне закона.
23. Ср. Также Закон Гулатинга, 53.
24. Ср. Также Gragas, i. 331.
25. Этот Зигмунд - знаменитый чемпион Фарерских островов.
26. Ср. также "Стурлунга", i, ок. 13; "Форнманна Сегур", iv, ок. 24-26; "Сага о Херде", ок. 11.
27. Ср. также Сагу о Ватнсдале, с. 12; Сагу о Йосветнинге, с. 13; Сагу о Херварре, с. 10.
28. Ср. Также Сагу Хенсы Тори, с. 12.
29. Дорогие тканые вещи.
30. Ср. Форнманна Сегур, ii. 133; Лаксдала, 69; Гуннлауг Ормстунга, глава ii.
31. Ср. Сага о Хенсе Тори, с. 12.
32. Умаги, тот, кто не может сам себя прокормить.
33. Отрицательное наследование.
34. Перед людьми в зале.
35. Наложницы были как рабынями высокого происхождения, попавшими в плен на войне, так и женщинами более низкого происхождения и, по-видимому, часто жили в доме. У Ньяля была наложница, сын которой от него был убит, и жена Ньяля стремилась отомстить за его смерть. Их статус, по-видимому, зависел от статуса мужчины, с которым они жили.
36. В другом тексте говорится, что женщины также подвергаются наказанию, если они поступают наоборот.
37. Вероятно, это означает насмешливые песни.
38. В Исландии высокая степень бедности после вступления в брак была законной причиной для развода (Грагас, 40 лет).
39. Закон о замораживании, xi., xiv.
40. Согласно Закону Боргарта, жена, прождав три года до возвращения мужа, может снова выйти замуж.
41. Ср. Также Закон Гулатинга, 54.

42. Есть пример мужчины, бросившего свою жену из-за расточительности в домашнем хозяйстве и за то, что она оскорбила его в присутствии людей (Ланднама, ii. 6; Нджала, 34).
43. Сделка скреплялась рукопожатием - обычай, все еще распространенный в Норвегии, когда, когда путешественник оплачивает проезд по почтовой дороге от одной станции до другой, водитель пожимает ему руку.
44. Слова *ausa moldu* означают "заливать плесенью" (закапывать). В инглингатальском языке выражение *ausinn* (другая форма глагола) *haugi* используется для обозначения человека, похороненного в кургане.
45. Тот или иной водный ритуал в той или иной форме практиковался египтянами, греками, персами, евреями, римлянами, индусами и т. Д. Во франкских летописях северян при крещении водили в реки - обычай, который, по-видимому, преобладал среди ранних христиан по отношению к взрослым людям.
46. Ср. Также Сагу о Хальфдане Черном, с. 7; Лаксдала, с. 28; Форнманна Сегур, i., стр. 31; Олаф Трюгвасон, i., стр. 13-14; Форнманна Сегур.
47. Ср. Сварфдала, с. 5.
48. Это относится к имени Сигурда "Змеиный глаз".
49. Небеса.
50. Король.
51. Это единственное место, где упоминается Нери.
52. Вполне вероятно, что эта третья нить, ведущая на север, была нитью невезения или злого рока; но Бугге говорит, что она означала славу Хельги на Севере, которая должна была стать вечной.
53. Зигмунд, отец Хельги, назван здесь сыном Ильфингов, хотя он происходил из семьи Вельсунга. Даже сам Хельги назван Скъельдунгом во втором "слове Хельги".
54. Друг волков - воин, который своими боями давал пищу волкам.
55. Деллинг (1) потомок Дага, (2) глава какой-либо семьи.
56. Раздача чеснока на церемонии *присвоения имени*, по-видимому, имела какое-то символическое значение. Из "Саги о святом Олафе" мы видим, что его использовали для заживления ран: в "Гудрунар Квиде" лук-порей используется вместо травы, возможно, подразумевая, что ребенок, которому его дали, будет занимать такое же высокое положение среди людей, как и среди травы.
57. Король.
58. Эти поместья были переданы ему с закреплением имени, как это было принято.
59. Заменители колец.
60. Солнечные горы.
61. Снежные горы.
62. Поля сигар.

63. Кольцевая гавань.
64. Верхний город.
65. Небесные поля.
66. Меч.
67. Ср. Также Сагу Хрольфа Краки, с. 42.
68. Три раза голодания.
69. Вероятно, поле, принадлежащее храму.
70. Ср. Также более ранний Закон Гулатинга, 21.
71. Торфи был раздосадован браком Сигни, потому что его не было дома, когда состоялась помолвка, и с ним не посоветовались по поводу брака.
72. Ср. Также Сагу о Харальде Прекрасноволосом, с. 21.
73. Ср. Также Сагу о Хорде, с. 9.
74. Ср. также Landnama, iii. с. 10.
75. Вероятно, могила готских королей.
76. Камень, на который могут наступить короли при избрании.
77. В этом отрывке мы ясно видим, что в качестве денег использовались только кольца.
78. Бог-тьод, гот-тьод, Гот-тьод в разных текстах, как будто связанные с *богами*.
79. Ср. также Сагу о Хервараре, с. 16.
80. Когда бедняков делят, как собственность, они переходят от наследника к наследнику и т. Д.
81. Сын человека, который является вольноотпущенником и имеет жену до того, как был приготовлен его свободный эль, и имеет сына от этой женщины, не должен принимать наследство какого-либо мужчины, даже если его несут между *скаутами* (подолами плаща, коленями). (Более ранний Закон о замораживании, ix. 15).
82. Когда мужчина не мог управлять своим имуществом и портил его, тогда оно могло быть разделено наследниками без его разрешения. Ср. также Frostathing, ix. 20.
83. Сын свободной женщины, рожденный тайно.
84. Сын свободной женщины, которой не *платили* замундир., ,
85. Родственникам по отцовской линии отдается предпочтение перед родственниками по материнской.
86. Мерк весил, вероятно, четыре унции.
87. Законы о замораживании дают общее правило для степеней наследования. Родственникам по отцовской линии отдавалось предпочтение перед родственниками по материнской.

88. Джардар = земля, люди = ожерелье. Название джардармен (шейное кольцо, ожерелье из земли (дерна)), вероятно, означало петлю, дерн был вырезан в полукруглой форме, поскольку полоса любой другой формы не могла быть поднята с земли без разрушения.
89. Сага называется Fostbrædra Saga (Сага о приемных братьях) в их честь.
90. Ср. Также Sturlaug Starfami, с. 13, и Hord's Saga, с. 12.
91. Другой текст добавляет: "Торгейр сказал: "Это не было всерьез подразумевалось, что мы должны испытывать друг друга". Тормод ответил: "Это пришло тебе в голову, когда ты это говорил, и мы расстанемся".
92. В Эрмитаже в Санкт-Петербурге хранится короткий обоюдоострый меч, найденный на Юге России, ножны которого полностью из золота.
93. См. также "Сагу" Торстейна Викингссона, гл. 15, 20.
94. Отверстие в середине жернова.
95. Ср. также Сагу Ана о Богсвейгисе, гл. 1.
96. Ср. Стурлунга, 111.
97. Вредитель бриньяса = меч.
98. Вальбест, неизвестная часть меча.
99. Только в более поздние времена стали использоваться арбалеты (*lás bogi*) со спусковым крючком или пружиной. Они упоминаются примерно в 1200 году.
100. Ср. Также Сагу Кетиля Хонга, с. 3.
101. Смотрите "Сагу о Магнусе Добром", с. 31; также "Стурлунга", ст. 17; "Сагу о Ферейинге", с. 18.
102. Торлейф упоминается в "Саге Хакона Адалштейнсфостри", гл. 11, как "Торлейф Мудрый", который помог королю установить законы Гулатинга.
103. Ср. Сага об Эйрбыгджиа, с. 13.
104. Эдда Вельсунги и Снорры.
105. Сага об инглингах.
106. Ср. Также Сагу о Ферейинге, с. 24
107. *Спанга-брыня*.
108. Ср. Сага об Олафе, 216; Форнманна Сегур, viii.
109. Ср. аналогичная практика в дуэлях. Этот обычай ставить кол и выбирать поле битвы, как видно, также практиковался массагетами. Томирис послала послание Киру, который пришел покорить ее страну и строил мост: "Не трудись больше строить мост через реку, а переходи на нашу сторону, пока мы находимся в трех днях пути от реки; или, если ты предпочитаешь принять нас на своей стороне, сделай то же самое".
110. Ср. также Flateyjarbok, ii., стр. 188.

111. Ср. также Олаф Трюгвасон, i., стр. 207; (Fms.); Святой Олаф (Хеймскрингла), с. 118.
112. Ср. также Сагу о Богсвейги; Сагу об Орваре Одде; Сагу о Фритьофе, с. 6.
113. В описании этой битвы слово *hamalt* используется как синоним свинфилкинга.
114. Словом, обозначающим общее состояние мира, была *Фрид. Grid*, по-видимому, в своем первоначальном значении обозначал особое состояние мира, покоя, защиты или временного или локального прекращения военных действий.
115. Смелые, как ястребы.
116. Покидая какое-либо место, было принято устраивать пир со своими друзьями. Именно о таком пиршестве здесь и идет речь.
117. Эта тема, естественно, была бы включена в более раннюю часть работы, но рисунки содержат так много изображений древних кораблей, что я счел уместным представить главы на данном этапе.
118. Двумя ценными работами по наскальным рисункам являются работы А. Э. Хольмберга и Л. Бальцера.
119. "Etudes sur l'antiquité historique d'après les sources Egyptiennes et sur les monuments réputés préhistoriques," par F. Chabas.
120. Лучший пример тех, у кого нет фигур, можно увидеть в музее Сен-Жермен под Парижем.
121. См. "Страна полуночного солнца", том i, стр. 355.
122. Некоторые изображения на иллюстрациях из-за их грубости не так корректны, как должны быть.
123. Ср. Также Олаф Трюгвасон, с. 102; Святой Олаф, с. 60, 150.
124. Лодки Нидама и Гокстада, по-видимому, представляли собой пятнадцатиместную *скуту* или *карфи*. На некоторых скутах, по-видимому, была команда примерно из тридцати человек.
125. См. стр. 142.
126. Ср. также Святой Олаф, с. 132, 149; Сага о Магнусе Слепом, с. 5, 16; Магнус Эрлингсон, с. 30.
127. Посмотрите битву при Свольде.
128. Это может объяснить название *Askmani*, данное викингам Адамом Бременским (ок. 212).
129. Ср. Также Сагу Инги, ч. 1.
130. В липтинге, по-видимому, находилась спальня, поскольку в "Саге о Харальде Хардради", с. 22, говорится о Харальде во время его путешествия из Константинополя, что "вечером (он) лег спать в *липтинге* своего корабля".
131. Корабельная шлюпка, также небольшое судно.
132. Ср. также Эйрбыгджа, с. 29.

133. Ср. Орвар Одд, "Сага о Херваре", Харальд Хардради, 32 года; Олаф Трюгвасон, ок. 87.

134. Ср. также Сент-Олаф, с. 39.

135. На корабле Волда также есть несколько образцов резьбы, но они редки.

136. Ср. Также Сагу о Магнусе Добром, с. 20.

137. Когда крестоносцы взяли Константинополь в 1204 году, бельгийцы отправили домой множество реликвий (они перечислены в книге Д'Утремана "Constantinopolis Belgica"); среди них этот дракон был отправлен в Брюгге. В 1382 году Брюгге был взят и разграблен жителями Гента, а дракон в качестве трофея был водружен на колокольню в Генте, где находится до сих пор.

В "Саге Сигурда Джорсалафари" ("Хеймскрингла"), гл. 14, и "Форнманне Сегуре", vii. 98, мы читаем, что Сигурд поместил позолоченные драконьи головы своего корабля на церковь Петра (часть Софийской церкви в Константинополе) ("Обзор хроник Фландрии 1837-41", том i.; Шьерн, "Исторический кабинет", i. 1875).

138. Гобелен из Байе подтверждает правдивость этого и показывает, что узоры на нем были либо нарисованы, либо вышиты.

139. Внук великого Хакона.

140. Украшение, используемое на носу кораблей и парадных дверях домов — своего рода флюгер, который часто украшали золотом.

141. Суббота.

142. См. Битву при Свольде, стр. 188.

143. Ср. Также "Сагу об Эгиле", с. 55, 72; Святого Олафа, 148; Фагрскинну, 42.

144. Фосфоресцирующий, похожий ночью на огонь.

145. То есть вздувается высотой с холмик.

146. Море сравнивают со снегом, лежащим кучами или сугробами.

147. См. стр. 437.

148. Хеймскрингла говорит о 600 кораблях.

149. Английские хроники упоминают многочисленные случаи высадки больших флотов в различных частях побережья, из которых ниже приведены некоторые:—

В 860 году, во времена Этельреда, к суше подошел большой флот, и его команды взяли штурмом Винчестер.

В 893 году датская армия прибыла с востока на запад в Булонь вместе со своими военными кораблями. Они высадились в устье Лимна на 250 кораблях (это в восточной части Кента).

В 894 году датчане из числа жителей Нортумбрии и Восточной Англии собрали 100 кораблей и отправились на юг осаждать Эксетер.

В 927 году король Анлаф вошел в Хамбер с огромным флотом из 615 кораблей.

В 993 году Олав с 93 кораблями прибыл в Стейнс.

В 994 году Олав и Свейн (Олаф норвежский и Свейн Датский) прибыли в Лондон на 94 кораблях.

В 1006 году огромный флот прибыл в Сандвич и разорял все, куда ни попадя. Зимой он вернулся на остров Уайт; бедствие и страх на земле были чрезвычайными. 36 000 фунтов стерлингов и провизия были выплачены в качестве дани захватчикам.

В 1009 году Теркилс прибыл со своим флотом в Англию, а за ним еще один бесчисленный флот датчан, предводителями которого были Хемминг и Айлаф.

В 1069 году сыновья Свейна прибыли из Дании на 240 кораблях в Хамбер.

В 1075 году из Дании прибыло 200 кораблей под командованием Кнута, сына Свейна и Гекко, но они не осмелились рискнуть вступить в битву с королем Вильгельмом. Пограбив в Йорке, они отправились во Фландрию.

Во франкских хрониках также рассказывается о различных флотах: —

Эгинхард.

В 810 году император (Карл Великий), находившийся тогда в Экс-ла-Шапель, планировал экспедицию против короля Годфри. Внезапно он получил известие, что флот из 200 кораблей, пришедший из страны Севера, высадился во Фризии и разорил все острова, прилегающие к их берегам.

В 845 году Эврик, король норманнов, выступил против Людовика в Германии с 600 судами вдоль реки Эльбы.

В 850 году Рорик, племянник Гарольда, недавно оставивший службу Лотарю, взяв с собой армию северян, приходит по Рейну и Ваталу со множеством кораблей, опустошая Фризию, остров Батавия и другие близлежащие места.

В 852 году норманны прибыли во Фризию на 252 кораблях; получив много серебра, они отправились в другое место.

В 852 году Годфри, сын Гарольда датчанина, ранее крещенный в Майнце при императоре Людовике, покинул Лотаря и отправился на поиски своего народа. Впоследствии, собрав мощные силы, он нападает на Фризию с множеством судов, а затем вторгается на территорию, граничащую с рекой Шельда.

В 857 году датские пираты вторглись в Париж и подожгли его. Здесь, должно быть, был огромный флот.

В 861 году датчане, незадолго до этого сожгшие город Теруанн, вернулись под предводительством своего вождя Веланда из страны англос с более чем 200 кораблями.

В 865 году Карл выступил из Аттиньи с армией против норманнов, которые вошли в Сену на 500 кораблях. (В то же время мы находим северян на Луаре.)

150. На самом деле это означает 1440, поскольку каждая сотня была равна 120.

151. К сожалению, некоторые факты, которые мы хотели бы знать, отсутствуют в северных записях относительно размера флота, пришедшего в Англию с сыном Рагнара Лодброка; но из того, что сообщают нам старые английские хроники, и из совершенных ими грабежей мы можем предположить, что их численность должна была быть очень велика. То же самое можно сказать и о флотах Свейна и Кнута.
152. Ср. Также "Сагу об Олафе Трюгвасоне", i. 89; Форнманна Сегур.
153. Их называли *стаффнбуарами*, стойкими или носатыми людьми.
154. Путешествие на Восток = путешествие по Восточной Балтике (Россия и др.).
155. Ср. Также "Сагу об Олафе Трюгвасоне", с. 115.
156. Узкая комната, третья комната или пространство от кормы.
157. Ср. также Св. Олаф, 185, 186; Ньяла, ок. 30.
158. *Свейн Ульфссон* был сыном Ульфа ярла и Астрид, сестры Кнута Великого. Он вел долгую войну против короля Магнуса Доброго и, наконец, был признан королем Дании. Это было примерно в середине 11 века.
159. Это относится к общему суеверию.
160. Змей медленно проплыл мимо оконечности острова.
161. Жертвоприношения в Швеции продолжались дольше, чем в Норвегии или Дании.
162. Как правило, носовое помещение (*fyrirrum*), по-видимому, находилось перед мачтой, но на "Лонг Серпент" это было не так, как мы можем видеть из приведенного выше предложения, поскольку там оно находилось непосредственно перед *обшивкой* (ют).
163. Часть здесь опущена, относящаяся к принесению в жертву сына Хакона. См. Том 1., стр. 367, "Жертвоприношения".
164. Человек, который может видеть сверхъестественных существ.
165. Эта практика, вероятно, была связана с тем, что они не использовали блок, так что голова была удержана для удара, как описано в Саге.
166. Намек на инцидент, когда Бьерн после битвы в чертоге короля Свейна снова вошел один, чтобы привести одного из своих людей, который остался внутри.
167. Ср. Также Олаф Трюгвасон, Форнманна Сегур, i.
168. Ср. Сент-Олаф, с. 143.
169. Стиганди = шагающий.
170. Ср. Хроа Татт; Флэтейярбок, ii.; Ланднамабок, iii.
171. Ср. Сага о Гретти, с. 98.
172. Куфа, как мы знаем, располагалась на одном из рукавов Евфрата, к югу от Багдада, и некоторое время была резиденцией халифов.
173. Среди английских монет, найденных в Швеции и находящихся сейчас в королевской коллекции в Стокгольме, есть...

Эдвард I.

Этельстан.

Ситрик из Нортумберленда.

Монета с именем святого Петра.

Эдгар.

Эдуард II.

Этельред II.

Кнут.

Гарольд I.

Хартакнут.

Эдвард Исповедник.

Гарольд II.

Король Дублина Ситрик, 989-1020гг.

Английские монеты, найденные в Норвегии из—

Кознвульф Мерсийский (796-819).

Кеолвульф, его сын (819-821).

Нортумбрия (Styca).

Эавред (808-840).

Архиепископ Кентерберийский Вулфред (803-829).

Этельред.

Канут Великий.

Эдгар.

Эдуард Мученик.

С начала одиннадцатого века.

Король Сигтригг Силкискегг.

174. Среди крупных находок монет - находки в Финдарфоз в Гетланде, где было более 3000 немецких монет, помимо английских и других. Другой - в Йоханнесхусе, в Блекинге, Швеция, где, помимо массы украшений и драгоценных камней из серебра, хранилось более 3400 немецких монет десятого и одиннадцатого веков. Немецкие монеты чеканились для немецких императоров, королей, принцев, архиепископов, епископов и т.д. и принадлежат Богемии, Баварии, Швабии, Лотарингии, Франконии, современной Саксонии, Фризии, Нидерландам и т.д. Есть также монеты городов, самые многочисленные из которых - кельнские, и даже монеты для Северной Италии. Большинство этих монет происходит из мест вдоль рек Германии, особенно Рейна. Наиболее распространенными являются монеты

Оттона III. и его бабушка Адельхейд, которая правила во время несовершеннолетия своего внука (991-995).

175. Среди монет было девять куфических, восемь из которых были золотыми и одна серебряной, все халифов-аббасидов, с 760 по 840 год; четыре византийские золотые монеты Валента, Маврикия, Константина, Копронима и Михаила III.; золотая монета Луи ле Дебоннера; две серебряно-позолоченные монеты его сыновей Лотаря и Пипина, серебряно-позолоченная монета архиепископа Кентерберийского Вульфреда, 803-829 гг. С ними было большое сокровище из золота и драгоценных камней, среди которых были два шейных кольца, три браслета, кольца, амулеты и предмет, вероятно, *реликварий*, с христианской надписью на греческом языке, многочисленные амулеты и украшения, одно из которых было украшено античным драгоценным камнем, а другие - гранатовыми бусами, и т.д., и т.п., Все из золота; некоторые предметы были позолочены серебром; золотые цепочки и т.п.

176. *Baug*.

177. Место для хранения провизии, до сих пор распространенное в Норвегии. См. "Страна полуночного солнца", том i, стр. 419.

178. Ср. также Frostath. xiv. 12, 13.

179. Буквально человек из дерна и смолы; т.е. эквивалент того, кто был вымазан дегтем и вымазан в перьях.

180. Ср. также Gulath. 253; Frostath. xii. 12.

181. Клятва.

182. Установленный законом термин для обозначения разграбления чужой собственности.

183. Фростат. Закон, х. 46, применяет это и к другому крупному рогатому скоту.

184. Бер или Бу означало жилище, занимаемое одной семьей.

185. Название гард, *gaard*, до сих пор обозначает все постройки фермы.

186. Хрольф Краки, 34, 40; Сага Йомсвикинга, 5, 22; Вельсунга, 3; Сага Халфа, 12; Эгиль, 8.

187. *Сал* также называют *Дезарсалом*, зданием для жертвоприношений Дизиру.

188. Ср. также Heimskringla.

189. "Землевладелец должен оплатить стоимость земли в *Карлдыре* (мужская дверь)". Грагас ii.

190. Телохранитель.

191. Ср. также Njala, 117.

192. Банкетные залы назывались *вейтслускали*.

193. Njala 120; Fornmanna Sögur.

194. *Скалы* часто называют пьющими или спящими *скалы*. Оркнейянин, 18, 70, 115; Гисли Сурссон, 29; Дроплаугарсона Сага, 18, 28; Форнманна Сегур, i. 288, 292; Кормак, 58; Фостбрendra, 13; Ньяла, 78; Гуннлауг, XI.

The элдхус означал зал или главную комнату, где разводили огонь. Гисли Сурссон, 14, 15, 97; Эйрбыгья, 98; Лаксдала, 54.

195. Дынджа— ср. Эгиль, 159; Гисли Сурссон, 15; Ньяль, 66; Кормак, 10; Бьорн Хитдк, 68. Скемма—Фрайинга, 259; Гисли Сурссон, 7; Кормак, 228; Айлендинга Сегур, ii. 28. Херберги, похоже, были общим термином для любого типа помещений.

196. Харальд Хардради, 70 лет.

197. Фрейинга, 41; Айлендинга Сегур, ii. 250; Фостбрendra, 164. Упоминается бад-стофа, или ванная комната. Eyrbyggja, Forn. Сегур, xiii. В "Саге о Святом Олафе", 82, говорится, что стофа находится на чердаке.

198. Дом последнего типа также назывался *мальстофа* (говорящий дом) (Сага Харальда Хардради, с. 45).

199. Сага Инги, 28; Сага Эгиля, 236; Ньяль, 114, 199; Фмс., 85; Инглинга, Святой Олаф, 116.

200. Сага о Магнусе Добром, ок. 13.

201. Ингл. Сага, с. 14.

202. Сага об инглинге, 34 года.

203. Домашнее имя Бедвар.

204. Ср. также Landnama, Часть ii. 6.

205. Здесь слово *möttul* = мантия, то же самое одеяние, которое в других местах называется *скиккья*.

206. Лаксдала, 46.

207. Форнманна Сегур; Харальд Хардради.

208. Магн. Бареф., 8.

209. Флэтейярбок, i. 481.

210. Во времена Олафа Кирри, до 1100 года, использовались очень плотные хосуры. Упоминаются синие брюки и сине-серая хозура.

211. Балдакин, барахло или кожа из Багдада.

212. По-видимому, существовал обычай загибать края скиккьи (Магнус Эрлингсон, гл. 13, 37; Магнус Бэрфут, 8; Флэтейярбок, iii.).

213. Броши = фибулы.

214. Ср. также для плащей.— "Сага об Эгиле", с. 77; Эйрбигья, с. 37; "Сага о Вигаглуме", с. 6; "Сага о Йосветнинге", с. 17.

215. Валаскиккья = валлийский (иностраннй) плащ.

216. Ср. также Сагу об Эйрбыгья, с. 43.

217. Ср. "Сагу о Сварфдале", с. 5, и "Босоногого Магнуса", с. 8.

218. *Хирды* или хирдмены были названы так потому, что они охраняли своего господина или короля; это слово произошло от *hirda*- охранять или оберегать. Королевское войско часто было очень значительным: у короля Харальда Прекрасноволосого иногда было войско в 400 человек.

219. Фигнаркльди = достоинство-одежда; одежда высокородных мужчин.

220. См. стр. 154.

221. Название Эльгива, упомянутое на гобелене, очевидно, совпадает с названием Северной Альфифы.

“Свейн, сын короля Кнута и Альфифы, дочери Альфруна ярла, был посажен в Йомсборг править Виндландией” (Сага о Святом Олафе, с. 252).

222. *Hlad*, по-видимому, означает ленту, а не кружево, как это иногда переводят; находки показывают, что носили золотые ленты или диадемы.

223. Среди предметов, сделанных из золота, были шпоры, см. "Сагу о Вельсунге", с. 27; золотые стулья, "Сагу о Хрольфе Краки", с. 18; золотые сундуки, "Форнманна Сегур", vii.; золотые подковы, "Форнманна Сегур", vii.; золотые ошейники для собак, "Сагу о Гаутреке", с. 9; золотые кольчуги-кольца, "Сигурдаркvida", iii.; золотые таблички, "Сагу об Орваре Одде", ок. 26; рога коров, по-видимому, иногда покрывались с золотом, как мы видим из Тримсквиды, ул. 23, Хельгакvida Хьервардссонар.

224. Ср. Сага Хрольфа Краки, с. 10-12.

225. Вероятно, это было дано ему в качестве амулета для защиты в бою.

226. О брактеатах было опубликовано несколько великолепных работ, лучшей из которых является "Атлас для Nordisk Oldkyndighed", Копенгаген, 1857; но с тех пор было обнаружено много ценных дополнений.

227. Мы находим постоянные упоминания о числах 3 и 7, 9 и 12, которые, по—видимому, были священными:-

У Хеймдалля было девять сестер вместо матерей.

У Эгира было девять дочерей.

В Хельги Хундингсбани, ii, ix Валькирии помогают Хельги во время шторма и спасают его корабли.

У Хальфдана старого было ix + ix сыновей, из которых ix родились первыми, а ix - после.

У Дага, одного из сыновей Хальфдана, было ix сыновей, а от всех сыновей Хальфдана до Харальда Прекрасноволосого идет ix поколения.

Драупнир порождает 8 колец каждую ix ночь и сам является ix. Кольцо не приобретало такого качества до того, как прошло через огонь на погребальном костре Бальдра.

Ниже показано частое употребление числа Девять в литературе Севера:—

С Харальдом Хильдитонном было ix скальдов (Сегуброт, ок. 8).

На IX ночи Фрею пришлось ждать Герду.

Ньерд и Скади наблюдали по очереди каждые ix ночи у моря или в горах (S. E. i. 92, 94).

ДЕВЯТЬ дней подряд Зигмунд и Синфьетли были в обличье волков.

В течение IX ночей подряд приходит мать короля Сиггейра в образе волчицы и убивает ix Вельсунгов (Вельсунга, с. 5).

IX ночей Один висел на поваленном ветром дереве (Гавамаль, 138).

IX ночей скакал Хермод по глубоким и темным долинам без всякого солнца, когда направлялся в Хельхейм.

IX дней длилась битва при Данхите.

В Валгалле IX раз по 60 дверей.

IX умножает на 60 залов в Бильскирнире.

В IX шагах отошел Тор от змея Мидгарда и умер.

IX шаги - это когда несут раскаленное железо (Форнманна Сегур, i).

IX наступают на раскаленные лемехи плуга (Форнманна Сегур, vii. 164, x. 418).

228. Знак S также распространен, особенно в бронзовом веке.

229. Своего рода троица высших божеств представлена в Персии, Индии, Халдее и других странах.

230. Ср. Также Njala, сс. 44, 53.

231. Ср. также Njala, сс. 44, 53, 111; Рагнар Лодброк.

232. Ср. также Ватнсдала, с. 22.

233. Оркнейская сага.

234. Ср. также с. 21.

235. Леса тогда существовали в Исландии.

236. Дин-беллз = дин-бьеллур.

237. Ср. Также Сагу о Гисли Сурссоне, стр. 47.

238. Извлекал много железа из железной руды-гематита.

239. Ср. также Сагу о Святом Олафе, с. 234.

240. Среди предметов, принадлежащих к этой находке, которые хранятся в Старо-северном музее Копенгагена, были:—

Небольшая (2½ дюйма длиной) железная наковальня той формы, которая распространена в наши дни.

Тяжелый железный молоток длиной 6 дюймов, похожий по форме на те, что используются сейчас.

Пара железных ножниц длиной 10 дюймов, похожих на те, что используются для резки металлических пластин.

Три железных напильника длиной от 7 до 8½ дюймов. Напильники режутся прямо по длине напильника. Похожие файлы были найдены в поиске Vimose bog.

Железное долото длиной 5 с половиной дюймов.

Паяльные ложки из железа, содержащие остатки очень твердого расплавленного металла, который, как было установлено при исследовании, представляет собой беловатый сплав неблагородных металлов.

Семь фрагментарных кусочков чешуи.

Два бронзовых колокольчика.

Железный топор длиной 6 дюймов.

Железный наконечник длиной 4½ дюйма для стрелы или копья.

Железный шип длиной 7 с половиной дюймов с головкой.

Железный ключ длиной 5 дюймов.

Железная пряжка, в которой не хватает булавки.

Масса фрагментов железных креплений.

Несколько фрагментов бронзовых пластин, покрытых тонкой серебряной фольгой, бронзовых креплений и тонкой бронзовой проволоки; также куски расплавленной бронзы.

Три небольших фрагмента кости; на самом большом фрагменте выгравированы змеиные орнаменты.

241. В N. G. L. ii. 145 упоминается дегтярная работа на месте, где производится деготь.

242. Под Судриками, по-видимому, подразумевается юг Европы.

243. Ср. Также Сагу о Фритьофе, с. 11.

244. Хаброк упоминается в ранней Эдде Гримнисмаль, 44, как “лучший из ястребов”.

245. Ср. также с. 44, *там же*.

246. У них было много видов собак, некоторые из которых были очень свирепыми. Ирландские овчарки были известны, и норманны очень рано оценили их ценность, и за убийство собак было предусмотрено наказание.

247. Букв. набег на прядь.

248. В двух концах коровника.

249. Ср. Кормак, с. iii.; Сага о Херде, с. 21.

250. Ср. Херварская сага, 15.

251. Лизигулл (яркое золото), вероятно, означал желтое золото, и мы обнаруживаем, что красное золото также часто упоминается.

252. Тунгли имеет то же значение, что и мани, а именно лунный; *tungl* = *máni* = луна.
253. “Игроки”, по-видимому, означают шутов, дураков.
254. Ср. также *Njala*, с. 59.
255. *Öfundarbót* = возмещение ущерба, выплаченное за преднамеренное оскорбление.
256. Сага о Рагнаре Лодброке.
257. Это ценное произведение содержит 72 отдельных сцены, 623 человека, 202 лошади и мула, 55 собак, 505 ныряющих животных, 41 корабль и лодку, 49 деревьев - всего 1512 отдельных объектов. И действительно, стоит отправиться в Байе с особой целью - увидеть его. Историческая часть занимает не более 11 дюймов; в пространстве сверху и снизу есть бордюр, на котором изображены львы, птицы, драконы и фантастические предметы. The most accurate work on it that has been published is ‘La Tapisserie de Bayeux, reproduction d’après nature en 79 planches photographiques, avec un texte historique, descriptif et antique, par Jules Comte, conservateur du dépôt légal au ministère de l’instruction publique et des beaux arts. Paris. J. Rothschild, éditeur, 13, Rue des Saints-Pères. 1878.’
258. *Eyrbyggja*, 51.
259. Часто используются такие выражения, как “Она была хорошо осведомлена обо всех видах достижений, которые принадлежали женщинам”. (Сага о Хайдарвиге, 21; Виглунд, 17.)
260. 1 локоть = 2 фута.
261. Сага о Халфе, i.
262. Подразумевает, что ее белье лежало отбеленным.
263. Она была беременна.
264. Ткацкие станки можно увидеть в музее Христиании, и с тех пор они некоторое время использовались в окрестностях Бергена.
265. В знаменитых битвах Браваллы и Дунхита, а также в других случаях упоминаются амазонки; их называют Девами-воительницами (*Skjald-mær*, ср. *Skjald-meyjar*).
266. Ангантюр и все его братья были очень вспыльчивы.
267. Ср. также Стурлунга, i в. н.э. 9; Оркнейские острова, с. 18; Ньяла, с. 120, 145; Ферейинга, с. 37.
268. Ср. Также “Сагу о Гретти”, с. 78.
269. Ср. также Сагу о Лиосветнинге, с. 9; Сагу Ана о Богсвейгисе, с. 4; Сагу Гуннлауга Ормстунги, с. 10.
270. Он вырос в Ирландии.
271. Их обувь была сделана из выделанной бычьей шкуры.
272. Ср. Также “Сагу о Генгу Хрольфе”, ix.
273. Ср. также “Сагу об Эгиле”, с. 40; “Сагу о Гисли Сурссоне”.
274. Ср. также Гретти, 77; Сага Инги, 11; Олаф Трюгвасон, том ii., с. 160; Форнманна Сегур.

275. Фигура, принадлежащая шахматной доске.

276. Ср. также Сагу о Фрейинге, с. 13; Сагу о Святом Олафе, с. 112.

277. Один = поэзия.

278. Скальдскап = скальд-корабль, производное от скальд, поэт.

Ведущими поэтами были:—

Браги Боддасон старый (около 800 г.). Самый ранний, кто появляется в исторические периоды.

Тьодольф из Хвина и Турбьерн Хорнклофи, скальды Харальда Прекрасноволосого.

Эйвинд Скалдаспиллир, величайший поэт Хакона Доброго.

Эгиль Скаллаграмссон.

Кормак Огмундссон, известный своими песнями о любви.

Халльфред Вандредаскальд, беспокойный скальд, величайший поэт Олафа Триггвасона.

Сигват Тордарсон, величайший ошпаривший Святого Олафа.

Тьодольф Арнорссон, скальд Харальда Хардради.

Скальдами, написавшими песни о Кнute Великом, были: Торд Кольбейнссон, Сигват Тордарсон, Оттар черный, Торарин Лофтунга (язык восхвалений), Халльвард Харекублези, Берси Скальдторфусон.

Величайший шедевр скальдического искусства был написан в 1222-23 годах Снорри Стурлусоном о Хаконе Хаконссоне, короле Норвегии, и ярле Скули, сыне барда. Хаттатал (список метров) - это его название, и из 102 строф каждая написана в своем размере.

279. Ср. смешение крови в приемном братстве.

280. Ср. Флэтейярбок, iii.

281. Арфа также упоминается в "Атла Квиде", 31; "Оддрунар Грат", 29; "Атламал", 62; "Сага барда".

282. Херсира здесь называют бонди.

283. Тот, кто подчиняет себе слова, красноречивый человек, ибо каждый вождь был обучен быть хорошим оратором.

284. Эти две строки, которые повторяются в каждой строфе оригинального текста, здесь опущены в последующих строфах.

285. Эти три строки повторяются в начале каждой строфы, но опускаются в последующих строфах.

286. Рин = река Рейн, огонь Рейна = золото, потому что спрятан в реке.

287. Дверь Деллинга, дверг = скала; перед его дверью = на земле.
288. Меч.
289. Паук.
290. Дом женщины.
291. На море.
292. Лебеди плывут к своим гнездам и откладывают яйца; скорлупа яиц не изготавливается ни вручную, ни молотком, но лебедь, с помощью которого они вынашивают яйца, бороздит волны за пределами островов.
293. Северные медведи спят всю зиму.
294. Ægir.
295. Эгир = море.
296. Ран, жена Эгира. Согласно Прозаической Эдде, Гимир - это то же самое, что Эгир и Хлер.
297. Камни.
298. Лошадь.
299. Один.
300. Его меч.
301. Хава = высшего, а именно Одина; мал = песня.
302. Даритель в тексте = ведущий.
303. Значение: дома сойдет все, что угодно.
304. Здравый смысл.
305. Здесь в тексте "грудь" означает "ум" или "сердце". Смысл строфы в том, что очень трудно понять, что на уме у другого человека.
306. Это относится к тому, что Один напился поэтического напитка, который он украл у Суттунга. (См. более позднюю Эдду.)
307. Женщина-джотун.
308. Т.е. сторонники.
309. Посмеяться над ним.
310. Смысл этой строчки несколько туманен; вероятно, она означает, что у каждого человека есть две стороны характера.
311. Приложение отсутствует в тексте.
312. Текст части этого стиха отсутствует.

313. Смысл этой строфы наиболее сложен; значение первой части, по-видимому, заключается в том, что язык и голова принадлежат одному хозяину, и, тем не менее, язык может быть проклятием головы. Последняя часть, вероятно, означает: рука врага или друга может быть спрятана под любым плащом.
314. Здесь мы видим обычай считать недели на пять.
315. Гибель, суд, вынесенный людьми над человеком = его имя.
316. В бумажной рукописи 1684 года найдено несколько стихов, которых нет в тексте на коже.
317. *Lostfagr* = настолько прекрасен, что разжигает похоть.
318. Выставление счетов происходит в *Voluspa* от имени *dverg*.
319. Это значит — как будто я сошел с ума от любви.
320. Одрерир = песня-вдохновитель или сосуд для поэтического меда.
321. Мидгард.
322. Один.
323. Один.
324. Т.е. височное кольцо, которое, как и нынешняя Библия, раньше использовалось для клятв.
325. Эти три стиха повторяются в начале почти каждой строфы, но опускаются после этой.
326. То есть, любовница.
327. Ни один мужчина не является другом другого человека, который говорит только то, что он хочет.
328. Одину приписывается способность сводить людей в битве с ума от ужаса, как свиней.— "Сага об инглингах", гл. 6.
329. Что-то вроде милостыни.
330. Война.
331. Мужчины.
332. Отсутствуют две строфы, см. Том i, стр. 322.
333. Это означало, что она не будет есть до того, как отправится к богам, поскольку намеревалась умереть вместе со своим отцом.
334. У него был сын по имени Гуннар, который умер незадолго до этого. Приводятся только лучшие строфы.
335. Т.е. язык. Тяжелый воздух на языке = дыхание.
336. Один - это т = поэзия.
337. Грудь. Люди верили, что мысль исходит из груди.

338. Медовуха, украденная Одином, стихи, песни. Смотрите более позднюю Эдду.
339. Родственники Одина - асары.
340. Лодка Двергара, поэтический мед.
341. Кровь Имира, море. Эгилю кажется, что он слышит рев прибоя у кургана утонувшего сына; это усиливает его печаль.
342. Дом моих родственников, курган, где был похоронен его сын вместе с другими родственниками.
343. На берег доставляют тела утонувших.
344. Как древесина является материалом для изготовления, так и “древесина песен” означает предмет, из которого сделана песня.
345. Как листья висят на ветвях деревьев, так и слова висят на древесине песни.
346. Рот.
347. Дочь Эгира.
348. Это означает, что его родственники окружают его, как защитная стена.
349. То есть он видит место своего сына пустым.
350. Björn = Thor. Женщины Бьерна = женщины-тролли.
351. Мы видим обычай обращения с рабынями.
352. Грудь, называемая здесь крепостью разума.
353. Гейрлаук.
354. Один.
355. Быть старой девой, похоже, считалось проклятием.
356. Речевые руны.
357. Один из норниров, олицетворяющий прошлое.
358. Мужья.
359. Золото логова Фафнира.
360. Дверной косяк.
361. Конь Сигурда.
362. Лошади.
363. Вероятно, тело Сигурда было выброшено в лес после того, как он был убит в своей постели.
364. Кнут Дана-аст был братом Харальда Синего зуба.
365. Траин, какой-то неизвестный чемпион.

366. Берсерки-банда = впадать, как Берсерк, в припадки безумия.
367. Ср. также Сагу об Инглинге, 6; Ньял, 104; Эгиль, 27, 40; Ватнсдала, 46; Форнманна Сегур, i. 132; Сварфдала, 7; Орвар Одд, 14; Сагу О Дроплаугаре Соне, 19.
368. Ланднама, часть V, гл. 5; Последняя битва Хрольфа Краки, 50, 51.
369. Стена бурга называется здесь оградой.
370. Две другие рукописи, Вестра саксонского короля.
371. “Сага о Рагнаре Лодброке является лишь продолжением Саги о Вельсунгах, и в ней особенно подробно говорится о том, что жена Рагнара Аслауг происходила от Сигурда Фафнисбани. Другая история, по-видимому, является фрагментом той же большой Саги о Харальде Хильдитонне и его потомках, в которой описывается конец Ивара Видфадме и битва в Бравалле” (Мунк: ‘История Норвегии’).
- Заслуживающие доверия свидетельства родства в древних северных писаниях объединяются в том, что Рагнар Лодброк был на три поколения раньше открытия Исландии, которое произошло между 870-880 годами.
372. Сага о Рагнаре Лодброке, ок. ii.
373. Похоже, они верили, что Эльф (река) произошел от Альфар.
374. Очевидно, было два короля по имени Элла.
375. Дата битвы, вероятно, пришлась примерно на 700 год нашей эры.
376. Кнугард (Киф).
377. *Щит*, вероятно, щит меньшего размера.
378. “Клиновидная форма” была такой же, как та, которую древние римляне называли *cuneus*, и была очень древней; о ней упоминает Тацит.
379. Риддараскап = упражнения для верховой езды.
380. Слово Thurs используется как оскорбительный термин.
381. *Килфа*. В нескольких местах Саг упоминается использование тяжелых дубинок в качестве оружия.
382. Продолжение смотрите в главе “Захоронения”.
383. Номера Хуна-воинства по-разному даны в разных текстах. Трудно найти точные цифры, так как используются латинские буквы, и иногда кажется, что сорок и шестьдесят (XL., LX.) перепутаны; это может быть из-за невнимательности переписчика.
384. Часть текста этой строфы отсутствует.
385. Гуляет со своими подружками невесты.
386. Деньги.
387. Обычай перебрасывать копье через войнство, чтобы передать его Одину.

388. Лод-Брок = Волосатые мосты. Он сшил платье из мохнатых штанов и мохнатого плаща, которые он сварил в смоле, а затем затвердел: это было сделано для того, чтобы он мог напасть на змею, которая охраняла Тору, которая, как говорили, превосходила всех других женщин красотой, как олень других животных, и была самой искусной во всех ручных работах. Впоследствии он, по-видимому, женился на Аслауг, дочери Сигурда Фафнисбани от Брюнхильд. У них родилось несколько детей. У старшего, Ивара, не было костей в теле, но он был очень мудр; остальных звали Бьорн, Хвицерк, Рогнвальд и Сигурд (Змеиный глаз).

389. Из Landnama мы узнаем, что Рагнар ранее был женат, и у него были другие дети в дополнение к уже перечисленным.

390. Другого сына Хундастейнара и Алофа звали Эйрик, отец Сигурда Бьодаскалли, отца Викинги Кари, отца Бедвара, Вигфуса и Эйрика, который был отцом Астрид, матери короля Олафа Трюгвасона. (Ланднама, стр. 234.)

391. В "Саге о сыновьях Рагнара", глава ii, говорится, что эти двое были построены в Норвегии. Рагнар говорит Аслаугу: "Я приказал построить два кнорра в Вестфолде, потому что его владения простирались до Дофрафьяллов и Лидандиснесса".

392. Следующее слово непонятно.

393. Старый = Рагнар; свиньи = его сыновья.

394. В другом названии дано как Юрвик или Йорк.

395. Возможно, это был пригород нынешнего Лондона.

396. Ивар, который, согласно Сагам, совершил великие дела в Англии, без сомнения, тот самый человек, которого в хрониках называют Ингвром, сыном Лодброка, который в 870 году убил короля Эдмунда Святого.

Английские авторы упоминают Ингвара и Убби, сыновей Лодброка, как сыгравших ведущую роль в убийстве короля; и поскольку в Сагах не говорится ни о каком сыне Лодброка, сражавшемся в Англии, кроме "Ивара", Ингвар и Ивар, должно быть, одно и то же лицо.

397. Сигурд Змеиный глаз был женат на Бледже, дочери короля Эллы; их сыном был Кнут, или Хорда-Кнут, который получил королевство после своего отца, а также Селунд, Скани и Халланд.

398. Строфа опущена; повреждена, разобрать невозможно.

399. Хильд здесь является сокращением от Рагнхильд.

400. Хрольф.

401. Высший класс землевладельцев.

402. Игг (Один). Волк Игга означает чемпион.

403. Если он станет викингом, то не пощадит людей Харальда.

404. Имя Длинный меч обычно дают сыну Хрольфа Уильяму (Ленгумспада).

405. Тогда Хакон Великий был сыном дочери Харальда Прекрасноволосого.

406. Нортмандский; - й здесь вместо мягкого исландского d или . в

407. Это показывает, что Бретландия, должно быть, была Уэльсом.
408. Ср. Также Сагу об Эгиле, с. 62.
409. = Разорен.
410. В открытых щитах или в углублениях щитов; сзади.
411. Hönd = кисть или предплечье.
412. Основание капюшона = лоб; его скалы = брови.
413. Брат наследует брату.
414. Этот Хакон был внуком великого Хакона ярла.
415. *Тингамен*, похоже, был чем-то вроде постоянной армии, вроде взрингов в Константинополе.
416. Сниллинг = мастер речи.
417. Он был женат на дочери Этельреда (см. Предыдущую страницу).
418. На севере Англии.
419. Карлса, или река Карла, называется Гаронной.
420. После своей смерти он стал святым или покровителем Норвегии.
421. Ср. также Сагу о Найтлинге, с. 7-9; Святой Олаф, с. 23.
422. Это показывает, что Валланд находился на западе Франции.
423. Об английских кампаниях Кнута Великого рассказывают три поэта: Сигват, Оттар Черный и Торд Кольбейнссон.
424. Кнут (Канут) правил в 1014-1035 годах н.э., и ему наследовал его сын Харальд.
425. Хлокк с рогами = валькирия с рогами = женщина.
426. Британский здесь означает английский; в остальном обычно валлийский.
427. Названный брат = приемный брат.
428. Она = ведущая, тоги = лидер.
429. Файлкья; сам массив называется Файлкингом.
430. Филкингар-арм.
431. Fylking.
432. В "Хеймскрингле" соответствующий отрывок имеет Stanfurdubryggja.
433. На протяжении всех Саг мы видим, что по обычаю треть людей должна была оставаться на борту кораблей для их защиты.
434. Sveit.
435. Это был шилдбург, со стенами и крышей из щитов.

436. У Снорри двадцать всадников описаны так: “Двадцать всадников Тингманналида выехали перед строем северян. Все они были закованы в доспехи, как и их лошади. Тогда всадник спросил: ”Тости ярл здесь, в войске?”” (Снорри Стурлусон, "Сага о Харальде Хардради", с. 9.)

Из этого мы видим, что у англичан, как и у их сородичей, были всадники; и находки шпор и т. Д. Доказывают это.

437. Это означает, что если бы о нем узнали, он был бы убит.

438. “Однажды зимой после падения короля Харальда (Хардради) его тело привезли из Англии на север в Нидарос (Трондхjem) и похоронили в церкви Марии, которую он построил” (Сага о Харальде Хардради, с. 104).

439. За историю о том, как Флоки взял с собой трех воронов, чтобы они сопровождали его в экспедиции в Исландию.

440. Утраченная сага.

441. Нет никаких сведений о путешествии Гуннбьерна.

442. Четырнадцатый век.

443. Согласно Ланднаме, эти законы были приняты в 1000 году нашей эры.

444. Хафгердинг = океанские стены, чудовищные волны в океане.

445. Ср. Харальд Хардради на "Стэмфордбридже".

446. Хелла = ледяная равнина, ледяной покров.

447. *Эйкт*— слово встречается в раннехристианских законах — Кристинретта из Торлака и Кетиля, двух епископов Исландии, — где оно определяется как время суток, когда солнце проходит две части юго-запада, а другая треть остается слева.

448. *Дагмаль*, раннее блюдо в Исландии, которое сейчас подают с 8.30 до 9.00 утра

449. Вероятно, индейцы, поскольку эскимосы не жили так далеко на юге.

450. Т.е. тех, кто остался у киосков.

451. Очевидно, христианский писатель, испытывая отвращение к язычникам, приписывал им чуму, а также неестественные разговоры о мертвых, которые, возможно, были им придуманы.

452. Торстейн Рыжий был убит шотландцами около 888 года.

453. *Плутеи*: машины, покрытые клеем и воловьими шкурами, используемые для защиты саперов.

454. *Ящики*: большие корзины из ивняка.

455. *Тестудо* римских армий, в котором щиты воинов переплетены, как чешуя черепахи, образуя защитную крышу для подрыва или атаки стен.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА

1. Добавлены номера ссылок на сноски на стр. [62](#),
2. Добавлен отсутствующий якорь сноски после “оплатить штраф” для первой сноски на стр. [406](#).
3. Заменял “1” на “I” и переместил его рядом с “ПРИЛОЖЕНИЕМ” на стр. [536](#), чтобы оно соответствовало “ПРИЛОЖЕНИЮ III”.
4. Добавлен заголовок “ПРИЛОЖЕНИЕ II” на стр. [544](#) для соответствия “ПРИЛОЖЕНИЮ III”.
5. Заменял “550 1500” на “Всего 550 1500” на стр. [551](#) для соответствия другим таблицам.
6. Изменял “Насмешка, наказание, ii.” на “Насмешка, наказание, i.” на стр. [558](#).
7. Молча исправил опечатки.
8. Сохранены анахроничные и нестандартные варианты написания в печатном виде.